This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PSlav

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

FROM THE FUND OF
CHARLES MINOT
CLASS OF 1828

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XLIV. — ТОМЪ CCLVI. — 1/13 МАРТА, 1880.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ-ВТОРОЙ ТОМЪ

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1880

PSlav 176.25
~~Slav 30.2~~
~~12184~~

JAN 23 1884
Meinot fund.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 1981

(510)

"VESTNIK
EVROPY
2"

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1838—1848.

Изъ литературныхъ воспоминаній.

XVI *).

Осенью 1843 года, проѣздомъ черезъ Москву, я познакомился съ Г., а также съ Т. Н. Грановскимъ и со всѣмъ кругомъ московскихъ друзей Бѣлинскаго, котораго зналъ доселѣ только по наслышкѣ. Я еще засталъ ученое и, такъ-сказать, междусословное торжество, происходившее въ Москвѣ по случаю первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, собравшаго около себя не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ восторженныхъ своихъ слушателей—молодежь университета, но и весь *образованный* классъ города—отъ стариковъ, только-что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ послѣ подвиговъ на паркетѣ, и отъ губернаторскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ. Единодушіе въ привѣтствіи симпатичнаго профессора со стороны всѣхъ этихъ лицъ, раздѣленныхъ между собою всѣмъ родомъ своей жизни, своихъ занятій и цѣлей, считалось тогда очень знаменательнымъ фактомъ, и дѣйствительно фактъ имѣлъ нѣкоторое значеніе, обнаруживъ, что для массы публики существуютъ еще и другіе предметы уваженія, кромѣ тѣхъ, которые издавна указаны ей общимъ голосомъ или оффиціально. Съ такой точки зрѣнія, публичныя лекціи Грановскаго, пожалуй, могли считаться и политическимъ событіемъ, хотя самъ

*) См. выше: февр., 461 стр.

знаменитый профессоръ, посвятившій свои чтенія сжатымъ, но выразительнымъ очеркамъ нѣсколькихъ историческихъ лицъ, постоянно держался, съ тактомъ и достоинствомъ, никогда его не покидавшими, на той узкой полосѣ, которая отведена была ему для преподаванія. Онъ сдѣлалъ изъ нея цвѣтущій оазисъ науки, какой только могъ. Въ мастерскихъ его рукахъ, эта узкая полоса изслѣдованія получила довольно большіе размѣры и на ней открылась возможность дѣлать опытъ приложенія науки къ жизни, морали и идеямъ времени. Лекціи профессора особенно отличались тѣмъ, что давали чувствовать умный распорядокъ въ сбереженіи мѣстъ, еще недоступныхъ свободному изслѣдованію. На этомъ-то замиренномъ, нейтральномъ клочкѣ твердой земли подъ собой, имъ же и созданномъ и обработанномъ, Грановскій чувствовалъ себя хозяиномъ; онъ говорилъ все, что нужно и можно было сказать отъ имени науки, и *рисовалъ* все, чего еще нельзя было сказать въ простой формѣ мысли. Большинство слушателей понимало его хорошо. Такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ, на которую и я попалъ [1]). Образъ возстановителя цивилизаціи въ Европѣ былъ въ одно время и художественнымъ произведеніемъ мастерской кисти, подкрѣпленной громадною, переработанной начитанностью и указаніемъ на настоящую роль всякаго могущества и величества на землѣ. Когда, въ заключеніе своихъ лекцій, профессоръ обратился прямо отъ себя къ публикѣ, напоминая ей, какой необъятный долгъ благодарности лежитъ на насъ по отношенію къ Европѣ, отъ которой мы даромъ получили блага цивилизаціи и человѣческаго существованія, доставшіяся ей путемъ кровавыхъ трудовъ и горькихъ опытовъ,—голосъ его покрылся взрывомъ рукоплесканій, раздавшихся со всѣхъ концовъ и точекъ аудиторіи.

Это единодушіе похвалы за смѣлость профессора (смѣлость могла тогда заключаться въ публичномъ заявленіи сочувствія къ Европѣ)—породила мысль у нѣкоторыхъ изъ друзей его, что наступила настоящая минута примиренія между двумя большими литературными партіями—западной и славянофильской, споръ между которыми уже сильно разгорѣлся въ промежутокъ 1840—43 годовъ. Съ цѣлью свести противниковъ и приготовить ихъ сближеніе, затѣянъ былъ въ слѣдующемъ 1844 году дружескій обѣдъ, на которомъ присутствовали почти всѣ корифеи двухъ противоположныхъ ученій, какіе находились тогда въ Москвѣ: они подали на немъ другъ другу руки и объявили, что одинаково свя-

[1]) Темой лекціи Грановскаго была средневѣковая исторія Франціи и Англіи.

заны служеніемъ наукѣ и одинаково уважаютъ всѣ безкорыстныя убѣжденія, порождаемыя ею. Но *дипломатическій* миръ, когда борьба не исчерпана еще вполнѣ, рѣдко вноситъ прочныя основанія для мира между людьми. Поводы къ разладу между собравшимися на обѣдъ существовали еще въ такомъ обиліи, благодаря стеченію многихъ обстоятельствъ, а въ томъ числѣ и дѣятельности Бѣлинскаго, что, съ окончаніемъ, можно сказать, послѣдняго заздравнаго тоста на обѣдѣ, всѣ стояли опять на старыхъ мѣстахъ и въ полномъ вооруженіи.

Что-же произошло въ промежутокъ этихъ трехъ послѣднихъ лѣтъ? Собственно ничего новаго не произошло, а только повторилось въ обновленной формѣ и на другихъ, гораздо болѣе сложныхъ и продуманныхъ основаніяхъ—старое явленіе отпора Москвы цивилизаторской заносчивости Петербурга. Москва *дѣлала* консервативную оппозицію, на основаніи старыхъ началъ русской культуры,—Петербургу, провозглашавшему несостоятельность почти всѣхъ старыхъ русскихъ началъ передъ общечеловѣческими началами, т.-е. передъ европейскимъ развитіемъ. Не разъ уже приходилось обѣимъ нашимъ столицамъ вступать въ борьбу на этой почвѣ, но никогда, можетъ быть, споръ между ними не захватывалъ столько вопросовъ научнаго свойства и не обнаруживалъ столько талантовъ, многосторонней образованности, хотя и принужденъ былъ, по обыкновенію, держаться на литературной, эстетической, философской и частію археологической аренахъ, и притворяться, никого, впрочемъ, не обманывая, невиннымъ споромъ двухъ различныхъ видовъ одного и того же русскаго патріотизма, а иногда даже и пустымъ разногласіемъ двухъ школьныхъ партій.

Въ сущности, дѣло тутъ шло объ опредѣленіи догматовъ для нравственности и для вѣрованій общества и о созданіи политической программы для будущаго развитія государства. Не очень точны были прозвища, взаимно даваемыя обѣими партіями другъ другу, въ видѣ эпитетовъ: *московской* и *петербургской* или *славянофильской* и *западной*,—но мы сохраняемъ эти прозвища, потому-что они сдѣлались общеупотребительными, и потому, что лучшихъ отыскать не можемъ: неточности такого рода неизбѣжны тамъ, гдѣ споръ стоитъ не на настоящей своей почвѣ и ведется не тѣмъ способомъ, не тѣми словами и аргументами, какихъ требуетъ. Западники, что бы о нихъ ни говорили, никогда не отвергали историческихъ условій, дающихъ особенный характеръ цивилизаціи каждаго народа, а славянофилы терпѣли совершенную напраслину, когда ихъ упрекали въ наклонности къ уста-

новленію неподвижныхъ формъ для ума, науки и искусства. Дѣленіе партій на *московскую* и *петербургскую* можно допустить нѣсколько легче, и оно понятно, въ виду той массы слушателей, которая тамъ и здѣсь пристроилась къ одному изъ двухъ противуположныхъ ученій; но и оно не выдерживаетъ строгой повѣрки: какъ разъ къ обществу Москвы принадлежали вліятельнѣйшіе западники, какъ Чаадаевъ, Грановскій, Г. и др., а въ Петербургѣ издавался журналъ «Маякъ», который въ манерѣ защищать старые авторитеты напоминаетъ современнаго намъ, пресловутаго Veuilloto и можетъ назваться «Père Duchêne'емъ» консерватизма, преданій и идеаловъ старины. Въ Петербургѣ же сочувствіе къ славянофильству въ высшихъ слояхъ общества сказывалось много разъ и очень явственно. Мы увидимъ даже, что враждующіе имѣли еще пока чрезвычайно много точекъ соприкосновенія между собой, впослѣдствіи ими утерянныхъ, что въ средѣ ихъ существовали мысли, предметы, убѣжденія, передъ которыми умолкали разногласія. Когда я познакомился съ Г., онъ намъ читалъ только-что написанную имъ, извѣстную, остроумную параллель между Москвой и Петербургомъ. Сопоставляя упорство Москвы въ сохраненіи всяческихъ, почтенныхъ и непочтенныхъ своихъ особенностей, съ развязностью Петербурга, не признающаго важности ни въ чемъ на свѣтѣ, кромѣ развѣ *приказанія*, полученнаго изъ надлежащаго источника, Г. все-таки не могъ скрыть, несмотря на всѣ свои юмористическія и саркастическія выходки, жертвой которыхъ были въ равной степени обѣ столицы наши, своего тайнаго благорасположенія къ одной, старѣйшей изъ нихъ,—благорасположенія, отъ котораго онъ не освободился и въ періодъ заграничной эмиграціи. Да онъ и не старался отъ него освободиться, а, напротивъ, какъ будто сберегалъ въ себѣ это чувство. А ужъ это-ли не былъ западникъ! Много такихъ примѣровъ благородной невыдержанности убѣжденій встрѣчается и въ другихъ лицахъ обѣихъ партій.

Тѣмъ не менѣе, борьба между партіями шла оживленная, особенно нѣсколько позднѣе и послѣ того, какъ она успѣла поставить себѣ опредѣленныя цѣли; да и было за что бороться. Образованный русскій міръ какъ-бы впервые очнулся къ 30-мъ годамъ, какъ будто внезапно почувствовалъ невозможность жить въ томъ растерянномъ умственномъ и нравственномъ положеніи, въ какомъ оставался дотолѣ. Общество уже не слушало приглашеній отдаться просто теченію событій и молча плыть за ними, не спрашивая, куда несетъ его вѣтеръ. Всѣ люди, мало-мальски пробужденные къ мысли, принялись около этого времени искать,

съ жаромъ и алчностію голодныхъ умовъ, основъ для сознательнаго разумнаго существованія на Руси. Само собою разумѣется, что съ первыхъ же шаговъ они приведены были къ необходимости, прежде всего, добраться до внутренняго смысла русской исторіи, до ясныхъ возврѣній на старыя учрежденія, управлявшія нѣкогда политическою и домашнею жизнію народа и до правильнаго пониманія новыхъ учрежденій, замѣнившихъ прежде-бывшія. Только съ помощью убѣжденій, пріобрѣтенныхъ такимъ анализомъ, и можно было составить себѣ представленіе о мѣстѣ, которое мы занимаемъ въ средѣ европейскихъ народовъ, и о способахъ самовоспитанія и самоопредѣленія, которые должны быть выбраны нами для того, чтобы это мѣсто сдѣлать во всѣхъ отношеніяхъ почетнымъ. Все зашевелилось: исканія пошли, какъ извѣстно, съ двухъ противоположныхъ точекъ, и рано или поздно должны были привести изслѣдователей въ столкновеніе. Шумъ первыхъ ихъ ошибокъ и составилъ содержаніе всей эпохи нашего развитія, которая обозначается общимъ именемъ — эпохи сороковыхъ годовъ.

Люди этой эпохи не разъ уже обзывались, даже и при ихъ жизни, пустыми идеалистами, не способными вывесть за собой ни малѣйшей реформы, измѣнить въ чемъ-либо окружавшаго ихъ строя жизни. Замѣчательно, что идеалисты сороковыхъ годовъ сами почти соглашались съ своими судьями и постоянно твердили, даже и печатно, что поколѣнію ихъ, какъ переходному, суждено только приготовить матеріалы для реформъ и измѣненій. О доброкачественности и пригодности этихъ матеріаловъ только и шелъ у нихъ весь споръ. А что споръ былъ не совсѣмъ безплоденъ—это доказывается сѣменами развитія, которыя онъ заложилъ, просочивъ всѣ слои тогдашняго образованнаго общества, и которыя вышли на свѣтъ, даже и послѣ систематическаго искорененія ихъ въ 1848 году, еще полными силы и жизни въ двухъ великихъ реформахъ настоящаго царствованія. Никто, полагаемъ, не станетъ опровергать, что начала русской народной культуры, замѣтныя въ крестьянской реформѣ, и начала европейскаго права, открывающіяся въ судебной—приготовлены были издалека тѣмъ самымъ споромъ, о которомъ говоримъ. Можно пожелать и всѣмъ нынѣшнимъ предметамъ споровъ такой же завидной исторической участи.

XVII.

Однимъ изъ важныхъ борцовъ въ плодотворномъ диспутѣ, завязавшемся тогда на Руси, былъ Г. Признаться сказать, меня ошеломилъ и озадачилъ, на первыхъ порахъ знакомства, этотъ необычайно подвижный умъ, переходившій съ неистощимымъ остроуміемъ, блескомъ и непонятной быстротой отъ предмета къ предмету, умѣвшій схватить и въ складѣ чужой рѣчи, и въ простомъ случаѣ изъ текущей жизни, и въ любой отвлеченной идеѣ ту яркую черту, которая даетъ имъ физіономію и живое выраженіе. Способность къ поминутнымъ, неожиданнымъ сближеніямъ разнородныхъ предметовъ, которая питалась, во-первыхъ, тонкой наблюдательностью, а во-вторыхъ и весьма значительнымъ капиталомъ энциклопедическихъ свѣдѣній, была развита у Г. въ необычайной степени,—такъ развита, что подъ конецъ даже утомляла слушателя. Неугасающій фейерверкъ его рѣчи, неистощимость фантазіи и изобрѣтенія, какая-то безоглядная расточительность ума — приводили постоянно въ изумленіе его собесѣдниковъ. Послѣ всегда горячей, но и всегда строгой, послѣдовательной рѣчи Бѣлинскаго, скользящее, безпрестанно перерождающееся, часто парадоксальное, раздражающее, но постоянно умное слово Г. требовало уже отъ собесѣдниковъ, кромѣ напряженнаго вниманія, еще и необходимости быть всегда наготовѣ и вооруженнымъ для отвѣта. За то уже никакая пошлость или вялость мысли не могли выдержать и полчаса сношеній съ Г., а претензія, напыщенность, педантическая важность просто бѣжали отъ него или таяли передъ нимъ, какъ воскъ передъ огнемъ. Я зналъ людей, преимущественно изъ такъ-называемыхъ серьёзныхъ и дѣльныхъ, которые не выносили присутствія Г. За то были и люди, даже между иностранцами, въ эпоху его заграничной жизни, для которыхъ онъ скоро дѣлался не только предметомъ удивленія, но страстныхъ и слѣпыхъ привязанностей.

Почти такіе же результаты постоянно имѣла и его литературная, публицистическая дѣятельность. Качества первокласснаго русскаго писателя и мыслителя—Г. обнаружилъ очень рано, съ перваго появленія своего на арену свѣта, и сохранилъ ихъ въ теченіи всей жизни, даже и тогда, когда заблуждался. Вообще говоря, мало встрѣчается на свѣтѣ людей, которые бы умѣли сберегать, подобно ему, право на вниманіе, уваженіе и изученіе въ то самое время, когда онъ отдавался какому-либо увле-

ченію. Ошибки и заблужденія его носили еще на себѣ печать мысли, отъ которой нельзя было отдѣлаться однимъ только презрѣніемъ или отрицаніемъ ея. Этой стороной своей дѣятельности онъ походилъ на Бѣлинскаго, но Бѣлинскій, постоянно витавшій въ области идей, не имѣлъ вовсе способности угадывать характера людей, при встрѣчѣ съ ними, и не обладалъ злымъ юморомъ психолога и наблюдателя жизни. Г., наоборотъ, какъ будто родился съ критическими наклонностями ума, съ качествами обличителя и преслѣдователя темныхъ сторонъ существованія. Это обнаружилось у него съ самыхъ раннихъ поръ, еще съ московскаго періода его жизни, о которомъ говоримъ. И тогда Г. былъ умомъ въ высшей степени непокорнымъ и неуживчивымъ, съ врожденнымъ, органическимъ отвращеніемъ ко всему, что̀ являлось въ видѣ какого-либо установленнаго правила, освященнаго общимъ молчаніемъ о какой-либо въ умѣ представляемой истинѣ. Въ такихъ случаяхъ хищническія, такъ-сказать, способности его ума поднимались цѣликомъ и выходили наружу, поражая своею ѣдкостью, изворотливостью и находчивостью. Онъ жилъ въ Москвѣ на Сивцовомъ-Вражкѣ еще невѣдомымъ для публики лицомъ, но уже пріобрѣлъ извѣстность въ кругу своемъ, какъ остроумный и опасный наблюдатель окружающей его среды; конечно, онъ не всегда умѣлъ держать подъ спудомъ тайну тѣхъ слѣдственныхъ протоколовъ, тѣхъ послужныхъ списковъ о близкихъ и дальнихъ личностяхъ, какіе велъ въ умѣ и про себя. Люди, безпечно стоявшіе съ нимъ объ руку, не могли не изумляться, а подъ-часъ и не сердиться, когда открывались тѣ или другія части этой невольной работы его духа. Къ удивленію, вмѣстѣ съ нею уживались въ немъ самыя нѣжныя, почти любовныя отношенія къ избраннымъ друзьямъ, не избавленнымъ отъ его анализа, но тутъ дѣло объясняется уже другой стороной его характера.

Какъ бы для возстановленія равновѣсія въ его нравственной организаціи, природа позаботилась, однако же, вложить въ его душу одно неодолимое вѣрованіе, одну непобѣдимую наклонность: Г. вѣровалъ въ благородные *инстинкты* человѣческаго сердца, анализъ его умолкалъ и благоговѣлъ передъ инстинктивными побужденіями нравственнаго организма, какъ передъ единственной, несомнѣнной истиной существованія. Онъ высоко цѣнилъ въ людяхъ благородныя, страстныя увлеченія, какъ бы ошибочно они еще ни помѣщались, и никогда не смѣялся надъ ними. Эта двойная, противорѣчивая игра его природы — подозрительное отрицаніе, съ одной стороны, и слѣпое вѣрованіе—съ другой,

возбуждали частыя недоумѣнія между нимъ и его кругомъ и были поводомъ къ спорамъ и объясненіямъ; но именно въ огнѣ такихъ пререканій, до самаго его отъѣзда за-границу, привязанности къ нему еще болѣе закалились, вмѣсто того, чтобы разлагаться. Оно и понятно почему: во всемъ, что тогда думалъ и дѣлалъ Г., не было ни малѣйшаго признака лжи, какого-либо дурного, скрыто-вскормленнаго чувства или разсчетливаго коварства; напротивъ, онъ былъ всегда весь цѣликомъ въ каждомъ своемъ словѣ и поступкѣ. Да была и еще причина, заставлявшая прощать ему даже иногда и оскорбленія,—причина, которая можетъ показаться невѣроятной для людей, его незнавшихъ.

При стойкомъ, гордомъ, энергическимъ умѣ, это былъ совершенно мягкій, добродушный, почти женственный характеръ. Подъ суровой наружностью скептика и эпиграмматиста, подъ прикрытіемъ очень мало церемоннаго и нисколько не застѣнчиваго юмора, жило въ немъ дѣтское сердце. Онъ умѣлъ быть какъ-то угловато нѣженъ и деликатенъ, а при случаѣ, когда наносилъ слишкомъ сильный ударъ противнику, умѣлъ тотчасъ же принести ясное, хотя и подразумѣваемое покаяніе. Особенно начинающіе, ищущіе, пробующіе себя люди находили источники бодрости и силы въ его совѣтахъ: онъ прямо принималъ ихъ въ полное общеніе съ собой, съ своей мыслью, что не мѣшало его разлагающему анализу производить подчасъ надъ ними очень мучительные психическіе эксперименты и операціи. Говорить ли о странной аномаліи? Онъ самъ чувствовалъ эту струну добродушія въ себѣ и принималъ мѣры, чтобы она звучала не слишкомъ явственно. Самолюбіе его словно было оскорблено при мысли, что, кромѣ ума и способностей, у него могутъ еще подмѣтить и доброту сердца. Ему случалось насильственно ломать природный свой характеръ, чтобы на нѣкоторое время казаться не тѣмъ, чѣмъ онъ созданъ, а человѣкомъ свирѣпаго закала; но капризы эти длились не долго. Другое дѣло было, когда онъ попалъ за-границу и укрѣпился въ партіи движенія: тамъ онъ принялся за переработку своего характера очень серьёзно. Нельзя было оставаться въ средѣ и во главѣ европейскихъ демократовъ, сохраняя ту же откровенность въ пріемахъ жизни и обхожденія, какъ въ Москвѣ. Одно это могло уже уронить человѣка передъ клубнымъ и соціалистическимъ персоналомъ, который охотно пользуется добродушіемъ, но весьма мало цѣнитъ его. Г. принялся гримироваться для новой своей публики въ человѣка, носящаго на себѣ тяжесть громаднаго политическаго мандата и призванія, между тѣмъ, какъ въ сущ-

ности его занимали всѣ разнообразнѣйшія идеи науки, искусства, европейской культуры и поэзіи, потому-что онъ былъ по-своему также и поэтомъ. Слѣды этой неблагодарной работы надъ собой оказались особенно послѣ того, какъ первыя попытки его помочь русскому обществу въ работѣ совлеченія съ себя одежды *ветхаго* человѣка—встрѣтили общее сочувствіе: онъ выработалъ изъ себя неузнаваемый типъ. Какая готовность попрать всѣ связи и воспоминанія симпатіи въ интересахъ абстрактнаго либерализма, какое надменное легковѣріе въ пріемѣ извѣстій, льстящихъ личному настроенію и ему поддакивающихъ, и какое неусыпное стояніе на караулѣ при всякомъ чувствѣ своемъ, при всякой частной и національной склонности, чтобы оно не исказило величественнаго облика, какой подобаетъ безстрастному человѣку, олицетворяющему судьбу народовъ! Впрочемъ, надо сказать, что Г. никогда вполнѣ не достигалъ цѣли своихъ стараній. Онъ не успѣлъ вывороттить себя на изнанку, а успѣлъ только перепортить себя. Онъ успѣлъ еще и въ другомъ—онъ нажилъ себѣ безвыходное страданіе, и если чья судьба можетъ назваться трагической, то, конечно, именно его судьба, подъ конецъ жизни. По необычайно-пытливому и проницательному уму онъ разобралъ до послѣдней пылинки ничтожество, пошлую и комическую сторону большинства корифеевъ европейской пропаганды и, однакожъ, слѣдовалъ за ними [1]). По живому нравственному чувству, которое ему было обще съ Бѣлинскимъ, Грановскимъ и со всей русской эпохой 40-хъ годовъ, онъ возмущался безстыдствомъ, цинизмомъ мысли и поступковъ у *свободныхъ* людей, собравшихся подъ однимъ съ нимъ знаменемъ, и бережно таилъ свое отвращеніе. Со всѣмъ тѣмъ, товарищи его, руководимые чутьемъ самосохраненія, отгадали въ немъ врага и обратили на него свое обычное оружіе — клевету, сплетню, диффамацію, пасквиль. Г. остался одинъ [2]). Но до всего этого было еще далеко. Когда я узналъ его, Г. былъ въ полномъ

---

[1]) Мнѣ вспомнился при этомъ характеристическій анекдотъ. Послѣ 1848 г. одинъ изъ русскихъ эмигрантовъ С* вздумалъ составить альбомъ изъ портретовъ тогдашней немногочисленной русской эмиграціи, которую называлъ *настоящей Россіей*. Онъ обратился къ Г. за портретомъ. „Я согласенъ дать, — отвѣчалъ Г., мой портретъ въ коллекцію, но съ тѣмъ, чтобы въ нее былъ принятъ и сотоварищъ мой— крѣпостной лакей, недавно убѣжавшій отъ своего барина въ Парижѣ“.

[2]) Къ числу поэтическихъ страницъ, какихъ у Г. много, принадлежитъ описаніе его послѣдняго путешествія въ Неаполь и посѣщенія тамъ монастыря кармелитовъ. Горькія, глубоко-печальныя и трогательныя мысли, внушенныя ему тихимъ монастыремъ, показываютъ состояніе его души и принадлежатъ къ драгоцѣннымъ автобіографическимъ остаткамъ, которыми слѣдуетъ дорожить по справедливости.

блескѣ молодости, исполненъ надеждъ на себя, составляя гордость и утѣшеніе своего круга. Въ эпоху первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, онъ волновался, писалъ о нихъ статьи и торжествовалъ успѣхъ своего друга такъ шумно, что, казалось, будто празднуетъ свой собственный юбилей [1]).

А, между тѣмъ, связи его съ Т. Н. Грановскимъ начались далеко не подъ счастливыми предзнаменованіями. Замѣчательно то обстоятельство, что зародыши различныхъ направленій и первые ростки ихъ показались у насъ какъ-то за-разъ въ концѣ 30-хъ годовъ и начала сороковыхъ. Едва началось страстное изученіе нѣмецкой философіи съ той *положительной* ея стороны, о которой мы говорили, какъ на скамьяхъ московскаго университета уже сформировался кружокъ молодыхъ людей, обратившихъ вниманіе не на философскіе, а на соціальные вопросы, поклонявшіеся не Гегелю, а Сенъ-Симону (1834). Во главѣ кружка стоялъ юноша, студентъ естественно-математическаго факультета, будущій кандидатъ его—именно, этотъ самый Г. Онъ позже говорилъ мнѣ, что и онъ, и его молодая партія смотрѣли очень подозрительно на Станкевича и Грановскаго, отзывались враждебно и насмѣшливо объ ихъ занятіяхъ, какъ о пріятномъ препровожденіи времени, найденномъ досужими людьми. Г. носился, на первыхъ порахъ, со своимъ Сенъ-Симономъ, какъ съ кораномъ, и разсказываетъ въ собственныхъ запискахъ, что, явясь однажды къ Н. А. Полевому, назвалъ его *отсталымъ* человѣкомъ за равнодушный отзывъ о реформаторѣ. Н. А. Полевой грустно и гнѣвно замѣтилъ: «Вотъ и трудись всю жизнь, чтобы первый мальчикъ назвалъ тебя никуда не годнымъ. — Погодите,—прибавилъ онъ пророчески,—то же будетъ и съ вами». Покамѣстъ въ умѣ молодого соціалиста жило полное презрѣніе къ чистому мышленію и къ его представителямъ на Руси. Это такъ вѣрно, что когда Г. возвратился изъ первой своей Вятско-Владимірской жизни (1839 г.) въ Москву, кружокъ нашихъ философствующихъ принялъ его довольно холодно и не скрылъ, что считаетъ его чело-

[1]) Горячія статьи его о Грановскомъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1844 и въ „Москвитянинѣ“, 1844, еще и тѣмъ были замѣчательны, что онъ протягивалъ въ нихъ руку славянской партіи, предлагая миръ на честныхъ условіяхъ. Вотъ что выговаривалъ онъ у нея для своихъ единомышленниковъ: „Нѣтъ положенія *объективнѣе* относительно прошедшаго Европы, какъ положеніе русскаго. Конечно, чтобъ воспользоваться имъ, недостаточно быть русскимъ, а надобно достигнуть *общечеловѣческаго* развитія, надобно именно не быть исключительно русскимъ, т.-е. понимать себя не противоположнымъ зап. Европѣ, а братственнымъ“ („Москвитянинъ“ 1844 г., № 7). Партія славянофиловъ отчасти приняла эти условія мира, какъ увидимъ, но съ оговорками, много ихъ измѣнившими.

вѣкомъ еще не развитымъ и отсталаго образа мыслей. Обстоятельство это и заставило Г. обратиться къ источнику благодати, къ изученію Гегеля, которымъ дотолѣ пренебрегалъ. Открытіе, сдѣланное имъ тогда, имѣло важныя послѣдствія. Онъ усмотрѣлъ въ системѣ учителя совсѣмъ не то, что видѣли его новые друзья. Онъ признавалъ совпаденіе исторіи и человѣческаго прогресса съ ходомъ идеи, развивающейся діалектически въ логикѣ Гегеля, но думалъ, что моменты видоизмѣненія этой идеи соотвѣтствуютъ только общественнымъ и религіознымъ переворотамъ исторіи. Поступательные шаги въ человѣчествѣ, по этому толкованію, обнаруживаются тогда, когда какой-либо изъ историческихъ народовъ начинаетъ мѣнять старыя основы своей жизни. Тогда только и наступаютъ минуты реальнаго осуществленія прогрессивныхъ идей въ исторіи. На этихъ, такъ-сказать, постоянныхъ, но и феноменальныхъ, случайныхъ протестахъ человѣчества и зиждется возможность признать единство эволюцій и логической идеи съ историческими явленіями, а не на основаніи естественнаго, роковаго и неизбѣжно-прогрессивнаго хода человѣческаго развитія. Способъ такого пониманія допускался системой Гегеля наравнѣ съ другими: стоило только перевести идеи для этого проявленія изъ одного разряда фактовъ въ другой. Г. привлекъ къ своему образу пониманія и старовѣровъ философіи. Оказалось, что, выступивъ на литературное и жизненное поприще съ враждебнымъ настроеніемъ противъ лучшаго, существовавшаго тогда круга людей, Г. не только сошелся и сговорился съ нимъ, но и сталъ впереди его, какъ авторитетъ, въ вопросахъ отвлеченнаго мышленія. Философія сдѣлалась въ его рукахъ оружіемъ крайне-острымъ и далеко берущимъ, но славянская партія выставила противъ нея другое, тоже хорошо испробованное оружіе. Такимъ образомъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, послѣ короткой размолвки, Бѣлинскій, Грановскій, Г. и др. были уже сплочены единствомъ стремленій, и хотя внутренніе раздоры продолжали еще, отъ времени до времени, возникать между ними, но при общности принциповъ и особенно въ виду опаснаго врага, славянофильской партіи, они уже никогда не расходились такъ, чтобы не слыхать голоса другъ друга и не отвѣчать на призывъ товарища.

XVIII.

Не будучи постояннымъ жителемъ Москвы и посѣщая ее случайно, чрезъ довольно долгіе промежутки времени, я не имѣлъ чести познакомиться съ домомъ Елагиныхъ, который, состоя изъ хозяйки, А. П. Елагиной, племянницы В. А. Жуковскаго, сыновей ея отъ перваго мужа, извѣстныхъ братьевъ П. В. и И. В. Кирѣевскихъ, и семейства, пріобрѣтеннаго въ послѣднемъ бракѣ,—былъ любимымъ мѣстомъ соединенія ученыхъ и литературныхъ знаменитостей Москвы, а по тону сдержанности, гуманности и благосклоннаго вниманія, въ немъ царствовавшему, представлялъ нѣчто въ родѣ замиренной почвы, гдѣ противоположныя мнѣнія могли свободно высказываться, не опасаясь засадъ, выходокъ и оскорбленій для личности препирающихся. Почтенный домъ этотъ имѣлъ весьма замѣтное вліяніе на Грановскаго, Г. и многихъ другихъ западниковъ, усердно посѣщавшихъ его: они говорили о немъ съ большимъ уваженіемъ. Можетъ быть, ему они и обязаны были нѣкоторой умѣренностью въ сужденіяхъ по вопросамъ народнаго быта и народныхъ вѣрованій,—умѣренностью, которой не зналъ уединенно стоявшій и дѣйствовавшій Бѣлинскій, называвшій ее прямо любезностію чайнаго столика. Обратное дѣйствіе западниковъ на московскихъ славянофиловъ, составлявшихъ большинство въ обществѣ Елагинскаго дома, тоже не подлежитъ сомнѣнію. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ ему право на почетную страницу въ исторіи русской литературы, наравнѣ съ другими подобными же оазисами, куда скрывалась русская мысль въ тѣ эпохи, когда недоставало еще органовъ для ея проявленія [1]).

Я самъ имѣлъ случай видѣть примѣръ воздѣйствія на Г. бесѣдъ съ людьми другого настроенія, несходнаго съ его собственнымъ, хотя въ примѣрѣ, который хочу привести, слышится также и отголосокъ его прежняго обхожденія съ соціальными вопросами. Въ одно изъ утреннихъ моихъ посѣщеній Г., въ мезонинѣ его дома на Сивцовомъ-Вражкѣ, гдѣ помѣщался его кабинетъ, онъ заговорилъ о презрѣніи, которое выражено было Бѣлинскимъ

[1]) Мы слышали, впрочемъ, что собранія въ домѣ Елагиныхъ все-таки должны были прекратиться подъ конецъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе возраставшей горячности споровъ между встрѣчавшимися тамъ людьми обѣихъ партій. Довольно привести одинъ примѣръ: въ 1845 г. разница въ сужденіяхъ о памфлетѣ Н. М. Языкова: „Не наши“, и о поступкѣ автора, его написавшаго, чуть не вызвали дуэли между В. В. Кирѣевскимъ и Т. Н. Грановскимъ, едва устраненной друзьями ихъ.

къ мужицкому быту вообще, названному имъ «*лопатой и сермяжной дѣйствительностью*». Фраза находилась въ разборѣ какой-то пустой книжонки съ разсказами изъ народной жизни, грубо и комически идеализированной авторомъ. «Книжка книжкой,—говорилъ Г.,—но отзывъ неосторожень и самъ по себѣ, и тѣмъ, что даетъ потачку журналу считать себя большимъ барином передъ народомъ. За что презирать лапоть и сермяжку? Вѣдь онѣ не болѣе, какъ признакъ крайней бѣдности, вопіющаго недостатка. Можно ли дѣлать изъ нихъ позорные эпитеты, а между тѣмъ такіе эпитеты стали распложаться въ журналѣ. Мнѣ иногда бываетъ очень трудно защищать его. Я, напримѣръ, ничего не нашелъ отвѣтить Хомякову, когда онъ, подобравъ эти фальшивыя ноты, замѣтилъ:—«хоть бы вы растолковали редактору, что онъ ходитъ въ сапогахъ потому только, что у него есть подписчики на «Отечественныя Записки», а не будь у него подписчиковъ на «Отечественныя Записки», и онъ не далеко бы ушелъ отъ лапотника».

Т. Н. Грановскій, по временамъ, также смотрѣлъ не совсѣмъ одобрительно на нѣкоторыя полемическія выходки Бѣлинскаго, особенно на тѣ, которыми затрогивались личности писателей, но ни онъ, ни Г. уже не допускали и мысли о потворствѣ славянско-народной партіи въ ея жалобахъ на безцеремонность критика—жалобахъ, имѣвшихъ постоянно въ виду его анализъ прошлыхъ и настоящихъ литературныхъ «*славъ*» Россіи. Въ мнѣніяхъ объ этихъ, такъ-называемыхъ, *славахъ* они почти постоянно сходились съ критикомъ. Не далѣе какъ въ 1842 г., Бѣлинскій, возмущенный тѣмъ, что одинъ изъ московскихъ профессоровъ не иначе смотрѣлъ на его изслѣдованія въ области литературы, какъ на преступленія противъ величества русскаго народа (lèse-nation), написалъ довольно злой и остроумный памфлетъ, подъ названіемъ «Педантъ», въ которомъ осмѣивалъ слабыя стороны мнѣній и пріемовъ своего черезчуръ желчнаго противника. Памфлетъ имѣлъ большой успѣхъ и, разумѣется, раздражилъ до-нельзя того, кто послужилъ ему оригиналомъ. Вѣроятно, полагая возможнымъ требовать отъ Грановскаго важныхъ уступокъ на основаніи знакомства по университету и дому Елагиныхъ, обиженный предложилъ ему, въ присутствіи многихъ свидѣтелей, довольно надменный вопросъ: «Неужели послѣ такой статьи онъ, Грановскій, еще рѣшится подать публично руку Бѣлинскому, при встрѣчѣ?»—«Какъ! подать руку?—отвѣчалъ Грановскій, вспыхнувъ:—На площади обниму [1])». Говоря вообще,

[1]) Разсказъ Бѣлинскаго.

Бѣлинскій былъ, если можно такъ выразиться, смутителемъ московской жизни: безъ его раздражающаго слова, можетъ быть, она сохранила бы долѣе тотъ наружный видъ изящнаго разномыслія, неисключающаго мягкихъ и дружелюбныхъ отношеній между спорящими, который составлялъ ея отличіе въ первый періодъ великой литературной распри, завязавшейся у насъ. Бѣлинскій, рѣшительными афоризмами и прогрессивно-растущей смѣлостью своихъ заключеній, ставилъ ежеминутно, такъ-сказать, на барьеръ своихъ московскихъ друзей со своими врагами въ Москвѣ. Первый, почувствовавшій несообразность положенія людей, изловчающихся какъ можно приличнѣе и ласковѣе наносить другъ другу если не смертельныя, то очень тяжелыя раны, былъ благороднѣйшій и послѣдовательнѣйшій Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Правда и то, что для него славянизмъ и русская народная жизнь составляли болѣе, чѣмъ доктрину или ученіе, защищать которыя обязываетъ честь: славянизмъ и народный русскій строй жизни сдѣлались жизненными основами его существованія и кровію его самого. Г. разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ встрѣтившись на улицѣ, К. С. Аксаковъ трогательно распрощался съ нимъ навсегда, не признавая въ немъ болѣе товарища на жизненномъ пути. Съ Грановскимъ дѣло было еще знаменательнѣе. К. С. Аксаковъ пріѣхалъ къ нему ночью, разбудилъ его, бросился къ нему на шею и, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ, объявилъ, что пріѣхалъ къ нему исполнить одну изъ самыхъ горестныхъ и тяжелыхъ обязанностей своихъ—разорвать съ нимъ связи и въ послѣдній разъ проститься съ нимъ, какъ съ потерянным другомъ, несмотря на глубокое уваженіе и любовь, какія онъ питаетъ къ его характеру и личности. Напрасно Грановскій убѣждалъ его смотрѣть хладнокровнѣе на ихъ разномыслія, говорилъ, что, кромѣ идей славянства и народности, между ними есть еще другія связи и нравственныя убѣжденья, которыя не подвержены опасности разрыва,—К. С. Аксаковъ остался непреклоненъ и уѣхалъ отъ него сильно взволнованный и въ слезахъ [1]). Тогда еще у насъ ученіе и взгляды порождали внутреннія интимныя драмы.

Въ домѣ же Елагиной, Г. встрѣчался съ постояннымъ своимъ оппонентомъ А. С. Хомяковымъ, въ которомъ чрезвычайно уважалъ собственную свою способность усматривать въ мысляхъ и фактахъ присущую имъ отрицательную сторону, ихъ немощи и болѣзни, и потому искалъ диспутовъ и столкновеній съ против-

[1]) Разсказъ Т. Н. Грановскаго.

никомъ такой силы, такой эрудиціи и такого остроумія. Въ это время Г. уже напечаталъ свою извѣстную, очень живую, хотя и отвлеченно-философскую статью: «Дилеттантизмъ въ наукѣ» («Отечеств. Записки», 1842 г.), въ которой давалъ право наукѣ нисколько не беречь дорогихъ преданій, убѣжденій, облегчающихъ существованіе людей и народовъ на землѣ, и уничтожать ихъ безъ робости, какъ только они противорѣчатъ въ чемъ-либо ея собственнымъ научнымъ основаніямъ. Въ этомъ правѣ науки онъ находилъ и ея отличіе отъ дилеттантизма, равно неспособнаго отдаться младенческой душой поэзіи народныхъ измышленій и слѣдовать неуклонно по пути анализа и строгаго изслѣдованія предметовъ. Этими качествами дилеттантизма и объясняется его природная способность мѣшать всѣмъ дойти до окончательныхъ выводовъ, подъ предлогомъ дружелюбной помощи каждой изъ сторонъ. Взамѣнъ и въ вознагражденіе какихъ-либо утратъ въ жизни, авторъ сулилъ отъ имени науки рядъ высокихъ наслажденій ума и такихъ здравыхъ убѣжденій, которыя съ избыткомъ вознаградятъ за все, что могло быть потрясено или уничтожено ею. Статья обнаруживала страстную, полнѣйшую вѣру во всемогущество науки, подъ которой разумѣлась все-таки философія естествознанія, и, несмотря на нѣсколько тяжелый языкъ, была глубоко-радикальной статьей по своему содержанію. При первой встрѣчѣ съ А. С. Хомяковымъ, Г. натянулся, въ противоположность своему философскому радикализму, на другой, тоже полнѣйшій радикализмъ, но совсѣмъ иного вида.

Г. разсказалъ самъ, въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ изданій, часть тѣхъ ошибокъ его съ Хомяковымъ, которыя касались преимущественно строя, духа и основаній нѣмецкой философіи. Изъ этихъ сообщеній ясно оказывается, что главнѣйшимъ аргументомъ Хомякова противъ Гегелевой системы служило положеніе, что изъ разбора свойствъ и явленій одного *разума*, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ, не менѣе важныхъ нравственныхъ силъ человѣка, никакой философіи, заслуживающей этого имени, выведено быть не можетъ. О другой части своихъ споровъ съ Хомяковымъ — теософской, Г. едва упоминаетъ въ запискахъ, можетъ быть потому, что она казалась ему гораздо менѣе важной, чѣмъ первая, но позволительно теперь не согласиться съ его мнѣніемъ.

Основнымъ, хотя еще и невысказываемымъ ясно поводомъ къ этой второй части ихъ диспутовъ послужило, предпринятое тогда А. С. Хомяковымъ, возстановленіе (реабилитація) византизма, столь опозореннаго между учеными на Западѣ. Способъ пони-

манія и приложенія его нашими прямыми, натуральными его защитниками—наставническимъ персоналомъ духовныхъ семинарій и академій, увеличивалъ еще отвращеніе къ нему. Съ извѣстнаго письма Чаадаева, однакожъ, въ 1836 году, въ которомъ византизмъ объявлялся источникомъ умственнаго и политическаго растлѣнія всей Россіи и предавался чуть-чуть не проклятію исторіи, уже нельзя было обойти вопроса о византинизмѣ всякому, кто захотѣлъ бы сообщить своимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ видъ критически обсужденнаго и разсмотрѣннаго дѣла. А. С. Хомяковъ не только не обходилъ вопроса, но настойчиво примѣшивалъ его ко всѣмъ явленіямъ жизни и къ такимъ сферамъ дѣятельности человѣческой, гдѣ его присутствіе всего менѣе ожидалось, вездѣ давая ему, подъ рукою, роль мѣрила истины, добра и красоты. Ключъ къ пониманію многихъ крайне оригинальныхъ мнѣній и приговоровъ школы Хомякова, которые шли наперекоръ всѣмъ добытымъ фактамъ и положеніямъ, лежитъ именно въ изобрѣтеніи и употребленіи этого новаго критеріума для оцѣнки историческихъ явленій. Тезисы и положенія ея въ родѣ того, что религіозная сторона западнаго искусства и преимущественно до-рафаэлевской живописи есть произведеніе слабосильнаго мистицизма, а не прямого христіанскаго созерцанія, что привлекательный идеалъ стараго русскаго правителя представляетъ намъ царь Ѳедоръ Ивановичъ въ своей особѣ, а прекрасный типъ правленія въ народномъ духѣ являетъ царствованіе Елизаветы Петровны въ новой нашей исторіи,—всѣ эти тезисы, говоримъ, и другіе, еще болѣе смѣлые и странные, оттого и приводили въ такое недоумѣніе противниковъ школы Хомякова, что они не вполнѣ знали ея тайну и не обладали ключомъ къ разбору этихъ загадокъ.

Что Хомяковъ былъ добросовѣстенъ и вѣровалъ въ свои начала—о томъ не можетъ быть и слова, но позволительно думать вмѣстѣ съ тѣмъ, что его уму, преимущественно діалектическому, идея поднять знамя византизма, передѣлать приговоръ исторіи, поворотить общее мнѣніе назадъ—могла имѣть свою обольстительную сторону. Какъ бы то ни было, объявляя византизмъ великимъ и еще не вполнѣ оцѣненнымъ явленіемъ въ человѣчествѣ, А. С. Хомяковъ тѣмъ самымъ отрицалъ и уничтожалъ громадную массу историческихъ, критическихъ и теологическихъ трудовъ Запада, враждебныхъ восточной цивилизаціи, понижалъ его кичливость и многіе предметы его гордости, какъ напримѣръ, эпохи «реформаціи» и «возрожденія», до смысла второстепенныхъ и даже болѣзненныхъ явленій человѣческой

мысли. Реформація была для него жалкой попыткой западныхъ народовъ исправить религію, прямые источники которой засыпаны католицизмомъ на-глухо, а эпоха «возрожденія», ей предшествовавшая, отчаяннымъ призывомъ, со стороны тѣхъ же народовъ языческаго міра, на помощь для созданія у себя чего-либо похожаго на науку, искусство и цивилизацію. Положительная сторона въ защитѣ всеспасающаго византизма основывалась у него на представленіи и пониманіи церковнаго восточнаго ученія, какъ такого, которое допускаетъ полную свободу мысли при неограниченіомъ авторитетѣ политическаго или церковнаго догмата. А. С. Хомяковъ нисколько не стѣснялся исторіей византійской имперіи, которая могла противорѣчить этому положенію. Во-первыхъ, для него дѣльной, безпристрастной исторіи византійскихъ грековъ вовсе не существовало на свѣтѣ, и все, что выдается за ихъ исторію въ Европѣ, представлялось ему чуть ли не сплошной клеветою или жалкимъ недоразумѣніемъ, а во-вторыхъ, она не могла бы служить ни подтвержденіемъ, ни опроверженіемъ его мысли, если бы и существовала. Начала, лежавшія въ основѣ восточнаго христіанства, были такъ глубоки и высоки, что политическое и общественное развитіе самой страны за ними не поспѣвало. Можно себѣ представлять растлѣніе константинопольскаго двора, общественныхъ нравовъ и государственныхъ порядковъ въ какомъ угодно видѣ, но духъ и созерцаніе, хранимое церковью народа и переданное ею вѣкамъ, все-таки остается единственнымъ фундаментомъ, на которомъ можетъ быть утверждено великое, образованное и нравственное—христіанское государство. Въ византійской имперіи ея церковное ученіе и есть настоящая ея исторія, ея мысль и ея право на благодарность народовъ. Въ позднѣйшихъ брошюрахъ, которыя А. С. Хомяковъ издавалъ за границей, въ пятидесятыхъ годахъ, подъ псевдонимомъ «Ignotus», содержится изложеніе главныхъ пунктовъ этого ученія и вытекающаго изъ нихъ взгляда на взаимныя отношенія народа къ своимъ іерархамъ и властямъ въ христіанской общинѣ. Восточное христіанство даже рядомъ и на зло азіатскому деспотизму, иногда становившемуся во главѣ его, сберегло представленіе о собраніи вѣрныхъ, какъ прототипѣ государства, гдѣ каждый зависитъ отъ каждаго, и гдѣ каждый есть въ одно время и подначальное, и руководящее лицо. Оно допускало фактически, но не знало въ принципѣ дѣленія людей на учителей и учениковъ, на обязанныхъ повелѣвать и обязанныхъ повиноваться, потому что всѣ люди имѣли одно назначеніе—служить *церкви*,—и малѣйшій изъ нихъ могъ стать рядомъ

съ превознесеннымъ членомъ въ теченіи этой непрерывной службы и по ея требованію. Самые догматы, выработанные восточнымъ христіанствомъ, при всемъ своемъ характерѣ непререкаемости и неизмѣнности, еще нисколько не стѣсняютъ свободы движенія для философской мысли, благодаря полученной ими въ «соборахъ» глубинѣ и всеобъемлемости: они облекаютъ человѣческое разумѣніе со всѣхъ сторонъ, какъ атмосфера или небо облекаютъ нашу землю. Сверхъ того, философія, не чуждающаяся теологическихъ истинъ, нравственныхъ и бытовыхъ вопросовъ, такая, зачатки которой находятся въ византійскихъ учителяхъ, отвѣчаетъ точно также на требованія сердца, какъ и на запросы самаго тонкаго метафизическаго анализа, и по этому двойственному характеру она именно и должна, рано или поздно, пустить живые отпрыски во всѣ виды науки, освѣжить и обновить умственный бытъ Европы.

Къ такому великому дѣлу обновленія захудавшаго, въ нравственномъ смыслѣ, европейскаго существованія призвана та національность, которая судьбами исторіи и Провидѣнія сдѣлалась наслѣдницей и представительницей византизма въ мірѣ, какова бы, впрочемъ, ни была покамѣсть бѣдная, смиренная, приниженная доля этой избранной національности.

Болѣе отвлеченнаго радикальнаго мышленія нельзя было противопоставить философскому радикализму Г., и послѣдній сознавался, что А. С. Хомяковъ заставилъ его прочесть волюминозныя исторіи Неандера и Гфрёрера и особенно изучать исторію вселенскихъ соборовъ, мало знакомую ему, для того, чтобы возстановить нѣкотораго рода равновѣсіе въ спорѣ съ противникомъ и имѣть возможность повѣрять обильныя ссылки Хомякова на каноны и параграфы соборныхъ постановленій, которыми онъ сыпалъ на память, противопоставляя ихъ точнымъ нѣмецкимъ тезисамъ Г.

Если основное положеніе Хомякова, точка исхода всей его системы, имѣла такой радикальный характеръ, то само собою разумѣется, что выводы, практическія приложенія, политическія, историческія и литературныя сужденія, ею обусловливаемыя, должны были еще въ сильнѣйшей степени носить оттѣнокъ пренебреженія къ западной цивилизаціи, сурового взгляда на ея развитіе и рѣшительнаго отрицанія бо́льшей части ея продуктовъ. Оно такъ и было. Самъ А. С. Хомяковъ прилежно слѣдилъ за ходомъ и открытіями наукъ, художествъ и даже ремеслъ въ Европѣ, будучи однимъ изъ самыхъ развитыхъ людей на Руси, но школа, имъ образованная, понеслась, какъ всегда бы-

вать, въ данномъ ей направленіи уже безъ оглядки и осторожности, сохраняемыхъ основателемъ. Все, съ чѣмъ носились тогда наши «западники», начиная отъ романовъ Ж. Занда, имѣвшихъ большой успѣхъ между ними, но соціальнымъ вопросамъ, которые они поднимали, до новыхъ попытокъ къ устроенію политическаго и экономическаго быта государствъ (Контъ, Прудонъ, Мишеле),— все это отстранялось школой Хомякова, какъ нестоющее вниманія. Европа объявлялась несостоятельной для здоровато искусства, для удовлетворенія высшихъ требованій человѣческой природы, для успокоенія религіозной жажды народовъ и водворенія справедливости, правомѣрности и любви между ними. Ей предназначались естественныя, финансовыя, техническія науки, великія промышленныя изобрѣтенія, созданіе громадныхъ торговыхъ и военныхъ флотовъ — словомъ, баснословные успѣхи по всѣмъ отдѣламъ вѣдѣнія, способствующимъ матеріальной сторонѣ существованія. Она осуждалась на развитіе комфорта, роскоши, богатствъ, которыя и накопляются ею въ безмѣрномъ количествѣ. Благосостояніе Европы, безпримѣрное въ исторіи, продолжаетъ еще рости, въ ущербъ все болѣе и болѣе грубѣющему нравственному смыслу ея. Она даже закрываетъ глаза отъ возстающей передъ ней смерти въ образѣ пролетаріата, который расплодился подъ ея кровомъ и грозитъ возобновленіемъ временъ варварства. Отъ европейскихъ литературъ школа Хомякова брала и помнила только подходящія мѣста изъ ихъ сатириковъ, моралистовъ и обличителей; историки и писатели Европы цѣнились по количеству упрековъ и нареканій, какіе случалось имъ проронить относительно своего времени и прошлаго ихъ отечества. Иностранная хрестоматія школы вся почти состояла изъ образцовъ этого рода, которые и цитировались ею часто и охотно. По свидѣтельству всѣхъ слышавшихъ Хомякова, онъ производилъ критику соціальнаго и интеллектуальнаго положенія Европы съ особеннымъ искусствомъ, блескомъ и остроуміемъ, хотя и въ границахъ приличія и осторожности, свойственныхъ его чуткому уму. Какъ Г., со своей стороны, ни старался сдерживать и холодить его критическое воодушевленіе, онъ самъ еще не избавился отъ дѣйствія этой критики. Слова Хомякова, по нашему мнѣнію, оставили слѣды въ умѣ и сердцѣ Г. противъ его воли, можетъ быть, и отразились въ позднѣйшей его проповѣди о несостоятельности и банкротствѣ западной жизни вообще.

На пути этихъ жаркихъ преній встрѣчалось, однако же, имя, вокругъ котораго споръ шумѣлъ и пѣнился особенно яростно, на подобіе потока, встрѣтившагося съ неподвижной скалой. Это

было имя нашего колосса, который, принимая отъ сената титулъ «отца отечества», сказалъ рѣчь, какъ-бы отвѣчающую изъ глубины прошлаго столѣтія на современныя волненія потомковъ: «Намъ всегда надлежитъ помнить участь Царяграда и Византійской имперіи, для того, чтобъ за пустыми занятіями не потерять своего государства». За то имя этого человѣка и причислялось наиболѣе горячими адептами школы къ разряду той вольницы, тѣхъ изгоевъ общества и ненавистниковъ русскаго быта, которыхъ во всѣ времена было много на Руси, не только между приказными и по царевымъ кружаламъ, но даже и въ почтенныхъ, но особенно строгихъ семействахъ. Эти-то изгои и произвели реформу, когда одинъ изъ геніальнѣйшихъ людей всѣхъ вѣковъ сдѣлался ихъ представителемъ и захватилъ бразды управленія московскимъ царствомъ. Радикальнѣе этого нельзя было отвѣчать западникамъ, благоговѣвшимъ передъ реформой; за то западники и мстили своимъ противникамъ, предавая съ своей стороны поруганію все, что тѣ считали святыней народнаго духа и народныхъ воспоминаній.

Въ печати, на скромномъ поприщѣ тогдашней публицистики, все это, разумѣется, являлось въ смягченномъ видѣ, высказывалось не такъ ярко и откровенно. На сцену люди выходили, за очень малыми, всѣмъ извѣстными исключеніями, нѣсколько приняряженные. Однако же слѣды домашнихъ бурь должны были отражаться и въ журнальной литературѣ, и дѣйствительно отражались. Журналъ «Москвитянинъ», сдѣлавшійся эхомъ славянофильской школы, доходилъ въ защитѣ своихъ основныхъ положеній—о богатствѣ русскаго народнаго духа, о его религіозной сущности, объ элементахъ смиренія, кротости, терпѣнія, мудрости, его отличающихъ, до крайнихъ границъ увлеченія, до утвержденія, напримѣръ, что земля русская удобрялась для исторіи, не какъ земли западныхъ народовъ, кровью населеній, а только слезами ихъ. Журналъ «Отеч. Записки», сдѣлавшійся съ 1840 года центромъ соединенія для «западниковъ», въ своей проповѣди общечеловѣческаго развитія, законы котораго одинаковы, какъ они утверждали, для всѣхъ странъ, почасту простиралъ отрицаніе народныхъ отличій до степени непониманія, казавшейся напускной и предумышленной. Оба журнала вели ожесточенную полемику, и, конечно, не было недостатка съ обѣихъ сторонъ во взбалмошныхъ головахъ, въ «enfants perdus», которыхъ редакціи выпускали въ видѣ застрѣльщиковъ: они-то и производили тѣ курьёзы и абсурды, которыхъ можно набрать довольное количество и тутъ, и тамъ. Многіе и доселѣ еще по-

лагаютъ, что эти курьёзы и абсурды именно и составляютъ характеристическія черты тогдашней журналистики, но раздѣлять этотъ взглядъ не предстоитъ возможности. За обоими журналами стояли еще люди, смотрѣвшіе гораздо далѣе того горизонта, которымъ ограничивались, по необходимости, публичные органы, ими поддерживаемые. Такъ, Бѣлинскій понималъ всѣ вопросы гораздо глубже, чѣмъ «Отеч. Записки», гдѣ писалъ, а за Бѣлинскимъ стояли еще Грановскій, Г. и др., часто вовсе не раздѣлявшіе взглядовъ своего журнала. Съ «Москвитяниномъ» это еще было очевиднѣе и рѣзче. Люди, подобные обоимъ Кирѣевскимъ, Хомякову, Аксаковымъ, никакъ не могутъ быть привлечены къ отвѣтственности за всѣ задорныя выходки редакціи. По обширности пониманія славянофильскаго вопроса, по дѣльности и внутреннему значенію своихъ убѣжденій, они стояли гораздо выше «Москвитянина», который постоянно считался ихъ органомъ и поддерживался ими наружно.

Такимъ образомъ, обѣ литературныя партіи, въ описываемое время (1843) стояли какъ два лагеря другъ противъ друга, каждый со своими шпагами. Казалось, онѣ уже никогда и не будутъ встрѣчаться иначе, какъ съ побужденіемъ наносить взаимно удары и обмѣниваться вызовами, но время, года прибывающаго размышленія устроили дѣло иначе. Уже въ половинѣ этого періода, между 1845—46 г., въ умахъ передовыхъ людей обоихъ становъ свершился поворотъ и начало возникать предчувствіе, что обѣ партіи олицетворяютъ собой каждая одну изъ существеннѣйшихъ необходимостей развитія, одно изъ началъ, его образующихъ. Партіи должны были бороться, такъ какъ онѣ боролись, на глазахъ публики, для того именно, чтобы выяснить всю важность содержанія, заключающагося въ идеяхъ, ими представляемыхъ. Только послѣ ихъ усилій, трудовъ и борьбы можно было распознать, сколько жизненной правды заключается въ идеѣ народнаго, племенного.

XIX.

Въ концѣ 1843 г., Бѣлинскій, уже женатый, занималъ небольшую квартиру на дворѣ дома Лопатина, котораго лицевая сторона выходила на Аничкинъ мостъ и Невскій проспектъ.

Въ этомъ помѣщеніи Бѣлинскій предоставилъ себѣ три небольшихъ комнаты, изъ коихъ одна, попросторнѣе, именовалась столовой, вторая за ней слыла гостиной и украшалась сафьян-

нимъ диваномъ съ обязательными креслами вокругъ него, а третья—нѣчто въ родѣ глухого коридорчика объ одномъ окнѣ—предназначалась для его библіотеки и кабинета, что подтверждали шкапъ у стѣны и письменный столъ у окна. Впрочемъ, самъ хозяинъ нисколько не подчинялся этому распредѣленію: въ столовой онъ постоянно работалъ и читалъ, а диванъ гостиной служилъ ему большею частію ложемъ при частыхъ его недугахъ; въ кабинетъ онъ заглядывалъ только для того, чтобъ достать изъ шкапа нужную книгу. Двѣ заднія комнаты занимала его семья, умножившаяся вскорѣ дочерью Ольгою.

Ребенокъ этотъ, а потомъ сынъ, прожившій не долго и унесшій съ собою въ могилу послѣднія силы отца, да еще цвѣты на окнахъ—составляли тогда предметъ его ухаживаній, заботъ и нѣжнѣйшихъ попеченій. Они одни были его жизнію, которая начинала уже убѣгать отъ него и угасать по-немногу. Вскорѣ ему уже предписано было носить респираторъ при выходѣ на воздухъ, и онъ шутливо говорилъ мнѣ: «вотъ какой я богачъ сдѣлался! Максимъ Петровичъ у Грибоѣдова ѣздилъ на золотѣ, а я дышу черезъ золото: это будетъ еще по-важнѣе, кажется!»— Часто заставалъ я его на диванѣ гостиной въ совершенномъ изнеможеніи, особенно послѣ усиленныхъ трудовъ за срочной статьей, оставлявшихъ его съ головной болью и въ лихорадкѣ. Надо сказать, впрочемъ, что онъ очень скоро поправлялся послѣ этихъ пароксизмовъ, поддерживаемый тѣмъ напряженнымъ состояніемъ духа и воли, которое уже не покидало его съ 1842 года, и которое, поднимая его часто съ одра болѣзни и давая ему обманчивый видъ человѣка, исполненнаго жизни и энергіи, разрушало въ то же время и послѣднія основы его страдающаго организма.

Возбужденное состояніе сдѣлалось, наконецъ, нормальнымъ состояніемъ его духа. Почти ни минуты покоя и отдыха не знала его нравственная природа до тѣхъ поръ, пока болѣзнь окончательно не сломила его. Самыя тихія, дружескія бесѣды чередовались у него съ порывами гнѣва и негодованія, которые могли быть вызваны первымъ анекдотомъ изъ насущной жизни или даже разсказомъ о какомъ-либо дикомъ обычаѣ иной, очень далекой страны. Кто-то однажды разсказалъ передъ нимъ способъ, которымъ добывалъ себѣ евнуховъ хорошей расы старый египетскій паша, Мегеметъ-Али. Мегеметъ дѣлалъ именно разію на какое-либо сосѣднее негритянское племя и приказывалъ захватывать при этомъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола; затѣмъ надъ плѣнными производился строгій выборъ, а избранные экземпляры

подвергались извѣстной операціи, послѣ которой ихъ тотчасъ же зарывали, по-поясъ, въ горячій песокъ степи. Половина дѣтей умирала, а другая, выдержавшая опытъ, разсылалась старымъ злодѣемъ разнымъ турецкимъ сановникамъ, въ которыхъ онъ почему-либо нуждался. Кровь бросилась въ голову Бѣлинскому; онъ подошелъ къ анекдотисту, и произнесъ жалобнымъ голосомъ: «зачѣмъ вы разсказали это!—мнѣ придется теперь не спать ночь». Жена Бѣлинскаго вообще чрезвычайно боялась вечеровъ, когда онъ засиживался съ друзьями въ разговорахъ.

По дѣйствію воображенія и представительной способности, развитыхъ у него неимовѣрно, онъ переносилъ ненависть на лица, уже отошедшія въ область исторіи, на давноминувшія событія, почему-либо возмущавшія его. У него было множество враговъ и предметовъ злобы, какъ въ современномъ мірѣ, такъ и въ царствѣ тѣней, о которыхъ онъ равнодушно говорить не могъ. Объективныхъ, то-есть, по-просту сказать, индифферентныхъ отношеній къ историческимъ дѣятелямъ или важнымъ фактамъ исторіи вовсе и не знала эта страстная природа. Бѣлинскій превращался какъ будто въ современника различныхъ эпохъ, на которыхъ натыкался въ чтеніи, выбиралъ сторону, которую слѣдовало защищать, и боролся съ противной стороной, уже давно замолкшей,—такъ, какъ будто она сейчасъ нарушила его нравственный покой и убѣжденія. Нѣчто подобное, въ обратномъ смыслѣ, происходило и съ предметами его симпатій, которыя онъ отыскивалъ въ разныхъ вѣкахъ и у разныхъ народовъ: онъ влюблялся въ героевъ своей мысли, вскакивалъ съ мѣста при одномъ ихъ имени и не рѣдко защищалъ ихъ отъ современной критики до послѣдней возможности. Онъ неохотно разставался со своими друзьями. Но всего болѣе однако-же тратилъ онъ силъ на вражду и негодованіе. Кругъ враговъ его, кромѣ дѣйствительныхъ и состоявшихъ на лицо, увеличивался всѣмъ персоналомъ, добытымъ въ чтеніи: онъ боролся такъ же страстно съ тѣнями прошлаго, какъ и съ людьми и событіями настоящаго.

Можно себѣ представить, что происходило, когда Бѣлинскій покидалъ безотвѣтныхъ своихъ подсудимыхъ и случайно натыкался на живое, современное лицо, стоявшее передъ нимъ воочію съ какимъ-либо ограниченнымъ пониманіемъ серьёзнаго предмета или съ какой-либо тупой и обскурантной теоріей. Въ то время вообще не умѣли различать человѣка отъ его слова и сужденія, и думали, что они неизбѣжно составляютъ одно и то же. Всѣхъ менѣе допускалъ это различіе Бѣлинскій и громовыя его обличенія въ подобныхъ случаяхъ разрывали всѣ связи съ оппо-

нентомъ и не оставляли никакой надежды на возобновленіе ихъ въ будущемъ. Послѣдствіемъ такого образа сношеній со свѣтомъ была, конечно, необходимость жить въ одиночествѣ или только въ сообществѣ очень близкихъ людей, на что Бѣлинскій охотно и осуждалъ себя, не измѣняя нисколько своихъ пріемовъ мысли и сужденій, когда насильно и случайно вводился въ другую среду.

Понятно, что въ такомъ же напряженномъ состояніи духа происходило и его чтеніе, даже и тогда, когда обращалось на предметы ученаго и отвлеченнаго содержанія. Мы уже упомянули, что въ этотъ періодъ его жизни, оно—чтеніе это—все прогрессивно разросталось въ сторону экономическихъ и политическихъ вопросовъ. Такой манеры чтенія, какую усвоилъ себѣ Бѣлинскій, достаточно было, чтобы надсадить и болѣе сильный организмъ. Къ книгѣ, къ статьѣ, любому ученію и мнѣнію, начиная отъ самыхъ добросовѣстныхъ трактатовъ, захватывающихъ глубочайшіе интересы общества и человѣчества и кончая самыми ничтожными произведеніями русской словесности—Бѣлинскій всегда относился болѣе чѣмъ серьёзно, относился страстно, допытываясь психическихъ причинъ ихъ появленія, создавая имъ генеалогію, разбирая одну по одной черты ихъ нравственной физіономіи. Поводовъ для восторговъ и вспышекъ гнѣва находилось тутъ множество. Сколько разъ случалось намъ заставать его—послѣ оконченной книги, статьи, главы—расхаживающимъ вдоль трехъ своихъ комнатъ со всѣми признаками необычайнаго волненія. Онъ тотчасъ же принимался передавать свои впечатлѣнія отъ чтенія, въ горячей, ничѣмъ не стѣсненной импровизаціи. Я находилъ, что эта импровизація еще лучше его статей, но статьи въ такомъ тонѣ и не пишутся, да и писаться не могутъ. Если судить по количеству и массѣ ощущеній, порывовъ и мыслей, какіе переживалъ этотъ замѣчательный человѣкъ каждый день, то можно назвать его коротенькую жизнь, такъ быстро сгорѣвшую на нашихъ глазахъ, достаточно продолжительной и полной. Къ тому слѣдуетъ прибавить, что Бѣлинскій такъ вростался, смѣемъ выразиться, въ авторовъ, которыхъ изучалъ, что постоянно открывалъ ихъ затаенную, невысказанную мысль, поправлялъ ихъ, когда они измѣняли ей или нарочно затемняли ее, и выдавалъ ихъ послѣднее слово, которое они боялись или не хотѣли произнести. Этого рода обличенія были самой сильной стороной его критики. Такъ, во многихъ иностранныхъ, преимущественно экономическихъ и соціальныхъ писателяхъ, онъ угадывалъ направленіе, которое они примутъ или должны принять. Такъ, на-

примѣръ, онъ говорилъ о Жоржъ-Зандѣ, котораго, впрочемъ, очень уважалъ, что писательница эта гораздо болѣе связана тѣми идеями и принципами, которые отвергаетъ, чѣмъ сколько сама то думаетъ; о Тьерѣ, онъ замѣчалъ, что въ его «Исторіи французской революціи» послѣдняя является чѣмъ-то въ родѣ *божьяго попущенія*, отчего въ ней становится многое непонятнымъ, несмотря на очень ясное и гладкое изложеніе. Пьера-Леру Бѣлинскій называлъ взбунтовавшимся католическимъ попомъ и т. д., а о русскихъ нашихъ дѣятеляхъ и говорить нечего—онъ почти безошибочно опредѣлялъ всю будущую ихъ дѣятельность по первымъ представленнымъ ими образцамъ ея.

Не мудрено, если при этой постоянной работѣ его духа, пріятели его находили, что съ каждой новой встрѣчей онъ уже стоялъ не тамъ, гдѣ его видѣли наканунѣ: неустанное колесо мысли уносило его часто далеко изъ ихъ главъ. Полемикѣ его суждено было выразить именно эту сторону его психической натуры, жаждавшей борьбы и движенія, подобно тому какъ критико-публицистическія статьи изобличали его способность самообладанія и его господство надъ собственной мыслію.

Послѣ этого уже не трудно представить себѣ, что въ войнѣ между западниками и славянофилами Бѣлинскій оказался врагомъ непримиримымъ, между тѣмъ какъ другіе собратья его по оружію, какъ Г., или Грановскій и проч., считали себя втайнѣ только временными врагами нашей національной партіи и ждали отъ лучшихъ ея представителей только разъясненія ихъ программы, чтобы протянуть имъ руку. Правда, и Бѣлинскій пришелъ позднѣе къ мысли о необходимости разобрать дѣльное въ ученіи славянофиловъ отъ не совсѣмъ дѣльнаго наноса, да также допустилъ и оговорки, ограждающія собственное его западное воззрѣніе отъ упрека въ слѣпой страсти ко всѣмъ европейскимъ порядкамъ, но онъ послѣдній кинулъ брешь, которую фанатически защищалъ отъ вторженія элементовъ темнаго, грубаго, непосредственнаго мышленія народныхъ массъ, противопоставляя знамя общечеловѣческаго образованія всѣмъ притязаніямъ и заявленіямъ такъ-называемыхъ народныхъ культуръ.

Исходной точкой всей ожесточенной полемики его противъ такихъ культуръ и противъ ихъ защитниковъ было убѣжденіе, что они могутъ возникать при всякомъ порядкѣ вещей и уживаться со всякимъ строемъ жизни, къ которому привыкли или который почему-либо излюбили. Наоборотъ, ему казалось, что основной характеръ общечеловѣческаго образованія именно и состоитъ въ томъ, что люди, его усвоившіе, подвергаютъ кри-

тикѣ и обсужденію всѣ формы существованія и удовлетворяются только тѣми, которыя отвѣчаютъ логикѣ и выдерживаютъ самый строгій анализъ. На этомъ основаніи Бѣлинскій дѣлилъ міръ на зрячіе и слѣпые народы, и послѣдніе были ему противны по принципу, какими бы въ прочемъ добродѣтелями, высокими качествами души, способностями и другими знатными преимуществами ни обладали.

Нужно ли прибавлять, что о какой-либо справедливости по отношенію къ людямъ, народамъ и предметамъ не было и помину при этомъ, да о справедливости Бѣлинскій, въ пылу битвы, и не заботился, въ чемъ совершенно походилъ и на своихъ противниковъ, поступавшихъ точно также. И онъ, и они спасали только свои воззрѣнія, казавшіяся имъ благотворными по своимъ послѣдствіямъ, а о томъ—сколько падало при ихъ столкновеніяхъ напрасныхъ жертвъ, сколько наносилось грубыхъ ударовъ, ничѣмъ не оправдываемыхъ, идеямъ и вѣрованіямъ, сколько страдало за-даромъ репутацій и личностей—никто и не думалъ. Все это предоставлялось разобрать послѣдующей исторіи и возвратить каждому должное и заслуженное. Для современниковъ же оставалась горькая, упорная борьба, отчаянная, многолѣтняя ненависть другъ къ другу, закоренѣлая до того, что она даже пережила многихъ борцовъ и продолжалась отъ ихъ имени на ихъ гробахъ.

Еще до возвращенія моего на родину, именно въ 1842 г., Бѣлинскій, вскорѣ послѣ своего памфлета «Педантъ», о которомъ я уже упоминалъ, нанесъ и еще другой, тяжелый ударъ одной весьма почтенной личности московскаго круга—нынѣ покойному К. С. Аксакову. Извѣстно, что К. С. Аксаковъ, при появленіи первой части «Мертвыхъ Душъ», въ томъ же 1842 г., написалъ статью, въ которой проводилъ мысль о сходствѣ Гоголя по акту творчества и силѣ созданія съ Гомеромъ и Шекспиромъ, находя, что только у однихъ этихъ писателей, да у нашего автора обнаруживается даръ указывать въ пошлыхъ характерахъ и въ самомъ порокѣ еще нѣкоторую внутреннюю крѣпость и своего рода силу, которыя почерпаются ими уже отъ принадлежности къ мощной и здоровой національности. К. С. Аксаковъ, приравнивая Гоголя къ Гомеру, по акту творчества, позабылъ при томъ упомянуть о множествѣ геніальныхъ европейскихъ писателей, отличавшихся тоже необычайными творческими способностями, которые, такимъ образомъ, какъ-будто ставились всѣ ниже Гоголя, а вдобавокъ—еще прямо объявлялъ, что въ дѣлѣ романа, понятаго какъ продолженіе древне-грече-

скаго эпоса,—уже ни одно *современное европейское имя* не можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Гоголя, ни въ какомъ случаѣ. Ничто не могло возмутить Бѣлинскаго болѣе этихъ афоризмовъ. Тотъ самый Бѣлинскій, который первый провозгласилъ Гоголя геніальнымъ художникомъ, объявлялъ теперь и печатно, и устно, что геніальность Гоголя, какъ создателя типовъ и характеровъ, хотя и не можетъ быть опровергаема, но имѣетъ все-таки значеніе относительное. По содержанію и внутреннему смыслу задачъ, разрѣшаемыхъ русскимъ авторомъ, она ограничена умственнымъ и нравственнымъ положеніемъ страны, и дѣло, имъ производимое, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ вопросами и тэмами европейскаго искусства, съ цѣлями, какія оно себѣ задавало и задаетъ теперь въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей; что затѣмъ никакой предполагаемой крѣпости и силы народнаго духа въ выводимыхъ Гоголемъ на сцену лицахъ не обрѣтается, ни о какомъ такомъ значеніи ихъ, вѣроятно, авторъ и не думалъ, а если и думалъ, то ребячески ошибался. Вдобавокъ, Бѣлинскій прибавлялъ, что Гоголь не только не выше всѣхъ европейскихъ романистовъ, но, превосходя многихъ изъ нихъ даромъ непосредственнаго творчества, наблюденія и поэтическаго чувства, уступаетъ въ объемѣ и значеніи основныхъ идей нѣкоторымъ, даже и не очень крупнымъ явленіямъ европейской литературы. Всѣ эти замѣтки наносили достаточно сильный ударъ новому, предпринятому толкованію Гоголя, но Бѣлинскій присоединилъ еще къ этому нѣсколько саркастическихъ выводовъ изъ положеній своего противника и заключалъ споръ насмѣшкой. Послѣднимъ ударомъ—coup de grâce—этой полемики со стороны Бѣлинскаго было его заявленіе, что если судить по нѣкоторымъ лирическимъ мѣстамъ первой части «Мертвыхъ Душъ», въ которыхъ обѣщаются изумительныя откровенія относительно внутренней и внѣшней красоты русской жизни, то Гоголь можетъ, пожалуй, утерять и значеніе великаго *русскаго* художника. Съ тѣхъ поръ имя Бѣлинскаго пронеслось «яко зло», въ лагерѣ славянофиловъ, и даже сдѣлалось у нихъ какъ-бы олицетвореніемъ наносной, ни съ чѣмъ не связанной, чуждой народу петербургской цивилизаціи, между тѣмъ какъ сами они отписали за собой Москву, какъ городъ, гдѣ особенно живетъ и развивается чуткое пониманіе русскаго народнаго духа со всѣми его чаяніями и представленіями.

XX.

Я засталъ Бѣлинскаго еще подъ вліяніемъ этой полемики, раздраженнаго ею въ высшей степени и собирающагося на новыя битвы. Не проходило дня, чтобъ не завязывался разговоръ о московскомъ пониманіи нравственныхъ и политическихъ задачъ Европы и Россіи, о московскихъ толкованіяхъ Гоголя и сторонъ русской жизни, имъ разоблаченныхъ, о московскомъ представленіи порядковъ старо-русскаго быта и о морали, которая истекаетъ изъ ученія славянофиловъ или въ немъ подразумѣвается. Повторяемъ, о справедливости къ противникамъ тутъ не было и помысла, да и противники платили той же монетой своему петербургскому оппоненту и его партіи. Споръ сошелъ на вражду и пререкательство между двумя городами. Съ обѣихъ сторонъ патріотизмъ заключался въ томъ, чтобъ унизить одну столицу на счетъ другой. Для человѣка, нѣсколько чуждаго страстей, въ которыхъ истощались обѣ партіи, не было возможности сохранить что-либо похожее на свободное мнѣніе. Выхода покамѣстъ не существовало. Надо было выбирать между партіями, жертвуя всѣми возраженіями, которыя могли появляться въ умѣ, при ихъ взаимныхъ напраслинахъ, и, такъ-сказать, обезличить себя въ пользу своей собственной стороны.

Никто не испыталъ на себѣ полнѣе и болѣзненнѣе дѣйствіе этой перестрѣлки между двумя центрами нашего развитія, какъ И. С. Тургеневъ, очутившійся въ средѣ ихъ, когда явился изъ-заграницы, выступивъ вскорѣ потомъ и на литературное поприще съ поэмой «Параша» (1843 г.). Заподозривъ въ немъ съ первыхъ же шаговъ истаго западника, партія, недружелюбно смотрѣвшая на образцы чуждаго воспитанія и развитія, словно задалась мыслью — собрать какъ можно болѣе помѣхъ на его жизненномъ пути. Цѣлая коллекція пустыхъ анекдотовъ о его словахъ, выраженіяхъ, замѣчаніяхъ, собиралась тщательно противниками и пускалась въ ходъ съ нужными прикрасами и дополненіями. О произведеніяхъ Тургенева до «Записокъ Охотника» — иначе и не говорилось, какъ о чудовищностяхъ западнаго развитія, пересаженныхъ, безъ всякихъ признаковъ таланта, на русскую почву. Не такъ думалъ Бѣлинскій, открывшій съ-разу въ «Парашѣ» признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрѣнія на предметы: «что мнѣ за дѣло до всѣхъ анекдотовъ о немъ,—говорилъ Бѣлинскій:—кто написалъ «Парашу», тотъ съумѣетъ поправить себя,

въ чемъ будетъ нужно и когда будетъ нужно». Слова его и на этотъ разъ оправдались. Быстрое, ослѣпительное развитіе художническаго таланта въ Тургеневѣ, вмѣстѣ съ развитіемъ качествъ его нравственной природы, его духа благорасположенія, терпимости вообще къ людямъ и особенно справедливости къ ихъ трудамъ и убѣжденіямъ — примирило съ нимъ всѣхъ его бывшихъ преслѣдователей и поставило его самого въ центрѣ умственнаго движенія.

Впрочемъ, въ то время, между партіями таилась, однако же, одна связь, одна примиряющая мысль, болѣе чѣмъ достаточная для того, чтобъ открыть имъ глаза на общность цѣли, къ которой онѣ стремились съ разныхъ сторонъ... Но еще не наступило время для разъясненія этого примиряющаго начала, лежавшаго въ зернѣ посреди браннаго поля и безпрестанно затаптываемаго ногами борцовъ. Зерно, однако же, проросло, несмотря на всѣ невзгоды, какъ увидимъ. Связь заключалась въ одинаковомъ сочувствіи къ порабощенному классу русскихъ людей и въ одинаковомъ стремленіи къ упраздненію строя жизни, допускающаго это порабощеніе, или даже на немъ именно и основаннаго. Покамѣсть никто еще не хотѣлъ видѣть сродства въ основномъ мотивѣ, двигавшемъ обѣ партіи, и когда, по временамъ, мотивъ этотъ обнаруживался самъ собой, партіи наши торопились поскорѣе замять его. Для вящшаго укрѣпленія розни, не довѣряли ни чувствамъ, ни характеру, ни намѣреніямъ другъ друга. Въ Москвѣ говорили по поводу петербургскихъ гуманныхъ протестовъ: «Петербургъ сдѣлалъ изъ либерализма и своего отчаянія покойное вольтеровское кресло, въ которомъ и нѣжится». Изъ Петербурга отвѣчали на это: «на московскихъ историческихъ пуховикахъ еще слаще должно спаться, — особенно подъ гулъ сорока-сороковъ». Ко всему этому присоединялись еще и стихотворныя перебранки. Въ Москвѣ писались пасквили и эпиграммы на Бѣлинскаго и притомъ людьми, въ житейскомъ отношеніи, несомнѣнно чистаго нравственнаго характера, а изъ Петербурга имъ отвѣчали ругательной пѣсенкой, содержавшей, между прочимъ, такую строфу:

Да, Россія — властью вашей —
Та же, что и до Петра:
Набиваетъ брюхо кашей
И рыгаетъ до утра.

Какое же тутъ могло быть соглашеніе?

Раздраженный полемикой, Бѣлинскій сдѣлался подозрительнымъ въ высшей степени. Такъ, движимый все тѣмъ же опа-

сеніемъ за элементы европейскаго развитія, онъ недружелюбно отнесся и къ нашей провинціальной литературѣ, къ появлявшимся тогда сборникамъ, харьковскимъ, архангельскимъ и другимъ, усматривая тутъ намѣреніе образовать маленькіе центры цивилизаціи, въ противоположность большимъ, государственнымъ центрамъ—петербургскому и московскому—и проводить у себя дома, втихомолку, идеи о самостоятельной народной культурѣ, которая способна сама отыскать себѣ всѣ нужныя основы.

Пропасть, раздѣлявшая партіи, особенно расширилась, когда у насъ публично зашла рѣчь о правахъ на наше патріотическое и народное сочувствіе всѣхъ иноземныхъ—австрійскихъ, венгерскихъ, турецкихъ славянъ. Рѣчь эта, впервые поднятая М. П. Погодинымъ, перешла въ русскую печать изъ оффиціальныхъ и частныхъ круговъ, гдѣ конфиденціально держалась съ начала 30-хъ годовъ—въ такомъ декламаторскомъ видѣ, что на первыхъ порахъ вызвала у Бѣлинскаго глумленіе надъ ея формой и содержаніемъ. Положеніе, принятое имъ по славянскому вопросу, имѣло одинаковый источникъ съ тѣмъ, которое онъ выбралъ относительно славянства вообще. Поводомъ къ отрицанію этого вопроса служило Бѣлинскому опять предположеніе, что за вопросомъ скрывается попытка прославленія темныхъ народныхъ культуръ и усиліе противопоставить ихъ теперь съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ выработаннымъ началамъ европейской мысли. Въ самомъ дѣлѣ, попытка на этотъ разъ могла разсчитывать на тѣ невольныя симпатіи къ угнетеннымъ племенамъ и народамъ, которыя должны жить и дѣйствительно жили въ русской публикѣ. Никто болѣе самого Бѣлинскаго не былъ предрасположенъ къ такого рода сочувствію, но при мысли, что тутъ можетъ существовать планъ—возвысить бѣдное, племенное творчество съ его суевѣріями, заблужденіями и безсознательными проблесками истины на степень равную или даже высшую обдуманныхъ основъ и началъ европейскаго образованія—при одной этой мысли Бѣлинскій устранялъ всѣ другія соображенія и нерѣдко насиловалъ свое чувство. Такъ и въ настоящемъ случаѣ вышло, что Бѣлинскій хладнокровно относился къ доблестнымъ трудамъ и жертвамъ тѣхъ почтенныхъ иностранныхъ дѣятелей славянства, которые спасали языкъ и нравственную физіономію своихъ племенъ отъ конечной гибели посреди другихъ, враждебныхъ имъ народовъ. Не болѣе справедливости, впрочемъ, оказывали и противники Бѣлинскаго ему самому, когда принимались разбирать основы и побужденія его оппозиціи. Они объявляли его человѣкомъ, преданнымъ самымъ узкимъ

интересамъ существованія, не имѣющимъ даже и органа для пониманія патріотическихъ или народныхъ инстинктовъ. Они шли и далѣе. По горячей его защитѣ государственныхъ пріемовъ Петра I, по заявленнымъ симпатіямъ къ Петербургу, они объявляли его мелкимъ и врядъ ли *вполнѣ безкорыстнымъ* централизаторомъ и бюрократомъ. Централизаторомъ онъ, дѣйствительно, и былъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ говорили его враги,—не въ пользу какого-либо существующаго уже порядка дѣлъ и вещей, а того дальняго, который представлялся ему въ видѣ единенія всѣхъ народовъ Европы на почвѣ одной общей цивилизаціи, подъ покровомъ однихъ законовъ для разумнаго существованія.

Съ какимъ одушевленіемъ говорилъ онъ о первыхъ проблескахъ этой будущей централизаціи, этого будущаго строя жизни, которые усматривалъ и въ сближеніи европейскихъ народовъ между собой посредствомъ новыхъ дорогъ, международныхъ установленій и проч., и въ ихъ усиліяхъ создать, не уничтожая родовыхъ и племенныхъ особенностей каждой страны, одинъ общій кодексъ для государственнаго и общественнаго существованія человѣчества! А вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ уже не могъ, да и не хотѣлъ сдерживать своего негодованія, какъ только ему казалось, что обнаруживаются признаки посягательства на этотъ мерцающій вдали и еще далеко не обработанный кодексъ. Все, что затрудняло его осуществленіе со стороны народнаго тщеславія, заносчивости этнографовъ, возвеличивающихъ ту или другую изъ народныхъ группъ на-счетъ всѣхъ другихъ національностей, или со стороны скептицизма, почерпающаго въ отрицательныхъ и темныхъ подробностяхъ современной европейской жизни доводы въ пользу устраненія ея отъ дѣлъ,—все это приводило его въ неописанное волненіе. Во многомъ онъ и заблуждался, какъ показало время, при восторженномъ изложеніи своихъ надеждъ на развитіе Европы, но онъ заблуждался — доблестно, какъ бываетъ съ людьми, глубоко-вѣрующими въ какую-либо великую идею! Бѣлинскій до того ревниво охранялъ добро, собранное старой и новой европейской цивилизаціей, что уже подозрительно смотрѣлъ на образцы и замѣчательныя произведенія другихъ, чуждыхъ ей культуръ и отзывался о нихъ очень сдержанно. При появленіи поэмы «Наль и Дамаянти» въ художественномъ переводѣ Жуковскаго, онъ ограничился напоминовеніемъ читателю, какъ греческій эпосъ «Иліада» выше измышленій индійскаго народнаго творчества. То же самое было и тогда, когда прекрасный переводъ Я. К. Грота познакомилъ русскую публику съ финской эпо-

пеей: «Калевала», съ этимъ памятникомъ фантазій и представленій народа, нѣкогда населявшаго, какъ говорятъ, всю Европу. Противопоставляя опять финскій эпосъ греческому созерцанію жизни, Бѣлинскій находилъ въ первомъ только безобразную фантазію, чудовищные образы и сплетенья, свойственные дикому народу, и которые должны оттолкнуть всякаго, кто разъ ознакомился со стройностію, мѣрой и изяществомъ греческой народной производительности.

Какъ ни важны были, однако же, всѣ эти вопросы, и къ какой яркой полемикѣ ни давали они поводъ, все же они не могли заслонить ни на минуту передъ Бѣлинскимъ чисто-русскаго вопроса, который тогда цѣликомъ сосредоточивался у него на одномъ имени Гоголя и на его романѣ «Мертвыя Души». Романъ этотъ открывалъ критикѣ единственную арену, на которой она могла заниматься анализомъ общественныхъ и бытовыхъ явленій, и Бѣлинскій держался за Гоголя и романъ его цѣпко, какъ за нежданную помощь. Онъ какъ-бы считалъ своимъ жизненнымъ призваніемъ поставить содержаніе «Мертвыхъ Душъ» внѣ возможности предполагать, что въ немъ таится что-либо другое, кромѣ художественной, психически и этнографически вѣрной картины современнаго положенія русскаго общества. Всѣ силы своего критическаго ума напрягалъ онъ для того, чтобъ отстранить и уничтожить попытки къ допущенію какихъ-либо другихъ, смягчающихъ выводовъ изъ знаменитаго романа, кромѣ тѣхъ суровыхъ, строго-обличающихъ, какіе прямо изъ него вытекаютъ. Послѣ всѣхъ своихъ отступленій въ область европейскихъ литературъ, въ область славянства и проч., онъ возвращался съ этого поля, болѣе или менѣе удачныхъ битвъ, опять къ своему постоянному, домашнему дѣлу, только освѣженный предшествующими кампаніями. Домашнее дѣло это заключалось преимущественно въ томъ, чтобъ выбить изъ литературной арены навсегда, если можно, какъ дикихъ, коварныхъ и своекорыстныхъ ругателей гоголевской поэмы, такъ и восторженныхъ ея доброжелателей, прозрѣвающихъ въ ней не то, что она дѣйствительно даетъ. Онъ не уставалъ указывать правильныя отношенія къ ней и устно, и печатно, приглашая при всякомъ случаѣ и слушателей, и читателей своихъ подумать, но подумать искренно и серьёзно о вопросѣ—почему являются на Руси типы такого безобразія, какіе выведены въ поэмѣ; почему могутъ совершаться на Руси такія невѣроятныя событія, какія въ ней разсказаны; почему могутъ существовать на Руси, не при-

водя никого въ ужасъ, такія рѣчи, мнѣнія, взгляды, какіе переданы въ ней.

Бѣлинскій думалъ, что добросовѣстный отвѣтъ на вопросъ можетъ сдѣлаться для человѣка, добывшаго его, программой дѣятельности на остальную жизнь и особенно положить прочную основу для его образа мыслей и для правильнаго сужденія о себѣ и другихъ.

Къ этому же времени относится и появленіе въ русской изящной литературѣ, такъ-называемой «натуральной школы», которая созрѣла подъ вліяніемъ Гоголя, объясняемаго тѣмъ способомъ, какимъ объяснялъ его Бѣлинскій. Можно сказать, что настоящимъ отцомъ ея былъ—послѣдній. Школа эта ничего другого не имѣла въ виду, какъ указаніе тѣхъ подробностей современнаго и культурнаго быта, которыя не могли еще быть указаны и разобраны никакимъ другимъ способомъ, ни политическимъ, ни научнымъ разслѣдованіемъ. Кстати замѣтить: прозвище «натуральной» дано ей было корифеемъ риторическаго, безталантнаго, фальшиво-благонамѣреннаго изложенія русской жизни, Булгаринымъ, но изъ вражды къ Бѣлинскому прозвищу обрадовались, и прозвище усвоили даже и люди, глубоко-презиравшіе литературную и критическую дѣятельность Булгарина. Оно и до сихъ поръ держится у насъ, несмотря на свое происхожденіе и на свою безсмыслицу.

XXIII.

Покуда все это происходило вокругъ имени Гоголя, самъ онъ повернулъ въ такую сторону, куда не пошли за нимъ и многіе изъ тѣхъ, которые считались людьми, раздѣляющими всѣ его взгляды. Въ февралѣ 1844 г., я получилъ отъ него неожиданно и послѣ долгаго молчанія слѣдующее письмо:

„Февраля 10-го, Ница. 1844.

«Ивановъ прислалъ мнѣ вашъ адрессъ и сообщилъ мнѣ вашу готовность исполнять всякія порученія. Благодарю васъ за ваше доброе расположеніе, въ которомъ, впрочемъ, я никогда и не сомнѣвался. Итакъ, за дѣло. Вотъ вамъ порученія: 1-е... (это первое порученіе заключалось въ понужденіи друга Гоголя, товарища его по Нѣжину, а теперь повѣреннаго по дѣлу печатанія «Мертвыхъ Душъ» въ Петербургѣ, Н. Я. Прокоповича, къ скорѣйшему доставленію наличныхъ вырученныхъ денегъ и

разсчетовъ. Какъ мало любопытное, мы его пропускаемъ и прямо переходимъ ко второму порученію, какъ самому существенному для насъ, которое уже и выписываемъ цѣликомъ, съ сохраненіемъ орѳографіи автора).

«2. Другая прозьба. Увѣдомте, въ какомъ положеніи и какой приняли характеръ нынѣ толки, какъ о М. Душахъ, такъ и о сочиненіяхъ моихъ. Это вамъ сдѣлать я знаю будетъ отчасти трудно, потому-что кругъ, въ которомъ вы обращаетесь большею частію обо мнѣ хорошаго мнѣнія, стало быть, отъ нихъ, что отъ козла молока. Нельзя-ли чего-нибудь достать внѣ этого круга, хотя чрезъ знакомыхъ вашимъ знакомымъ, черезъ четвертые или пятые руки. Можно много довольно умныхъ замѣчаній услышать отъ тѣхъ людей, которые совсѣмъ не любятъ моихъ сочиненій. Нельзя ли при удобномъ случаѣ также узнать, что говорится обо мнѣ въ салонахъ Булгарина, Греча, Сенковскаго и Полевого,—въ какой силѣ и степени ихъ ненависть, или уже превратилась въ совершенное равнодушіе. Я вспомнилъ, что вы можете узнать кое-что объ этомъ даже отъ Романовича [1]), котораго вѣроятно встрѣтите на улицѣ. Онъ безъ сомнѣнія бываетъ по-прежнему у нихъ на вечерахъ. Но дѣлайте все такъ, какъ бы этимъ вы, а не я интересовался. Не дурно также узнать мнѣніе обо мнѣ и самого Романовича.

«За все это я вамъ дамъ совѣтъ, который пахнетъ страшной стариной, но тѣмъ не менѣе очень умный совѣтъ. Тритесь побольше съ людьми и раздвигайте всегда кругъ вашихъ знакомыхъ, а знакомые эти чтобы непремѣнно были опытные и практическіе люди, имѣющія какіе-нибудь занятія; а знакомясь съ ними держитесь такого правила: построже къ себѣ и по снисходительнѣе къ другимъ, а въ хвостъ этого совѣта положите мой обычай не пренебрегать никакими толками о себѣ, какъ умными, такъ и глупыми, и никогда не сердиться ни на что. Если выполните это, благодать будетъ надъ вами, и вы узнаете ту мудрость, которой ужъ никакъ не узнаете ни изъ книгъ, ни изъ умныхъ разговоровъ.

«Увѣдомте меня о себѣ во всѣхъ отношеніяхъ какъ вы живете, какъ проводите время, съ кѣмъ бываете, кого видите, что дѣлаютъ всѣ знакомые и незнакомые.

«Въ какомъ положеніи находится вообще картолюбіе и .....любіе, и что нынѣ предметомъ разговоровъ какъ въ большихъ, такъ и

---

[1]) Тоже нѣжинскій товарищъ Гоголя, пробивавшійся въ литераторы съ большими усиліями и посѣщавшій для того разные литературные круги.

въ малыхъ обществахъ, натурально въ выраженіяхъ приличныхъ, чтобы не оскорбить никого. Затѣмъ, обнимая васъ искренно и душевно и желая всякихъ существенныхъ пользъ и пріобрѣтеній, жду отъ васъ скораго увѣдомленія. Прощайте.—Вашъ Г.».

«Адресуйте во Франкфуртъ на Майнѣ, на имя Жуковскаго, который отнынѣ учреждается тамъ, и гдѣ чрезъ мѣсяцъ я намѣренъ быть самъ».

Письмо принадлежало къ числу тѣхъ, которыя удивляли весьма близкихъ къ Гоголю людей, какъ Плетнева, напримѣръ, своими безконечными вопросами о толкахъ и мнѣніяхъ публики по поводу его сочиненій. Гоголь требовалъ особенно перечета наиболѣе дикихъ и безобразныхъ мнѣній. Даже и не очень короткіе знакомые Гоголя завалены были письмами подобнаго рода и подали поводъ думать, что любопытство это, подъ благовиднымъ предлогомъ изученія отношеній публики къ его дѣятельности, привриваетъ у него особый видъ ѣдкаго тщеславія, которое способно еще доставлять ему нѣкотораго рода наслажденіе. Что касается до меня, я обрадовался письму Гоголя и написалъ ему пространный отвѣтъ съ откровенностію и добродушіемъ, которыя мнѣ самому напоминали незабвенные вечера въ Римѣ, Альбано, Фраскати и проч., когда мы проводили чудныя южныя ночи въ безконечныхъ толкахъ и разговорахъ о всемъ и о вся, когда за этими разговорами, какъ не-разъ случалось въ Тиволи, даже вовсе не ложились въ постель на ночь, а просиживали до утра на окнѣ трактиріи, дремля подъ шумъ фонтана, который монотонно плескалъ посреди ея двора, перерѣзывая великолѣпныя линіи древняго греческаго храма, высившагося на другомъ его концѣ. Тогда все понималось просто и также говорилось. Но я ошибся жестоко—времена перемѣнились. Не предчувствуя еще новаго направленія, принятаго Гоголемъ, я неожиданно и невольно попалъ въ больное мѣсто его мысли и растревожилъ ее. Хорошо помню, что, отвѣчая на его вызовъ, я представилъ ему положеніе партій относительно его романа и передавалъ полемику Бѣлинскаго съ ними, причемъ, конечно, не считалъ нужнымъ отзываться осторожно ни объ одной изъ нихъ. Мнѣ казалось, что я обязанъ былъ высказать ему всю мою мысль сполна, какъ онъ того просилъ, и потому, можетъ быть съ нѣкоторымъ излишнимъ пыломъ и негодованіемъ, говорилъ и о врагахъ его изъ *салоновъ* Булгарина и Сенковскаго и о друзьяхъ его изъ московской партіи. Не подозрѣвая тѣсныхъ связей, образовавшихся у Гоголя съ послѣдней въ то время, я впалъ въ

одну изъ тѣхъ опрометчивыхъ искренностей, которыя заставляютъ человѣка раскаяваться въ собственной своей правдивости. Гоголь, призывавшій искренность, не выдержалъ этой и не понялъ дружескаго письма.

Въ концѣ его, если не измѣняетъ мнѣ память, находилось еще замѣчаніе, что въ ту переходную эпоху, въ которой мы живемъ, почти невозможно себѣ и представить такого дѣла, которое бы получило отзвукъ въ потомствѣ, такъ какъ оно, вѣроятно, не захочетъ и знать о нѣкоторыхъ надеждахъ и стремленіяхъ нашего времени. Конечно, замѣчаніе принадлежало къ разряду громкихъ, но незрѣлыхъ и заносчивыхъ афоризмовъ, какіе въ частной интимной перепискѣ сливаются нерѣдко съ пера у человѣка, желающаго сказать скорѣе болѣе, чѣмъ менѣе того, что̀ ему кажется нужнымъ, и не предвидящаго вдобавокъ, что слово его будетъ прочитано не дружескимъ, а уже подозрительнымъ глазомъ судьи и цензора. Можно было ожидать опроверженія и разъясненія замѣчанія, но, конечно, не того, что̀ я получилъ.

Съ спокойной совѣстью я отправилъ мое, не въ мѣру откровенное, письмо, и черезъ два мѣсяца получилъ на него отвѣтъ. Я былъ просто приведенъ въ недоумѣніе этимъ отвѣтомъ. Онъ содержалъ въ себѣ строжайшій, болѣе чѣмъ начальническій, а какой-то пастырскій выговоръ, точно Гоголь отлучалъ меня торжественно отъ общенія съ вѣрными своей церкви. Вмѣсто мнѣ знакомаго добродушнаго, прозорливаго, все понимающаго и классифирующаго психолога—стоялъ теперь передо мною совсѣмъ другой человѣкъ, да и не человѣкъ, а какой-то проповѣдникъ на каѳедрѣ, имъ же и воздвигнутой на свою потребу, громящій съ нея грѣхи бѣдныхъ людей на-право и на-лѣво, по власти кѣмъ-то ему данной и не всегда зная хорошенько, чѣмъ они дѣйствительно грѣшатъ. Тонъ письма сбилъ меня совсѣмъ съ толка, потому что я еще не зналъ тогда, что роль пророка и проповѣдника Гоголь уже довольно давно усвоилъ себѣ, что въ этой роли онъ уже являлся г-жѣ Смирновой, Погодину, Языкову, даже Жуковскому и многимъ другимъ, громя и по временамъ бичуя ихъ съ ловкостью почти что ветхо-завѣтнаго человѣка. Привожу это письмо цѣликомъ:

„Франкфуртъ, мая 10-го (1844).

«Благодарю васъ за нѣкоторыя извѣстія о толкахъ на книгу. Но ваши собственныя мнѣнія... смотрите за собой; они пристрастны. Неумѣренные эпитеты, разбросанные кое-гдѣ въ ва-

немъ письмѣ уже показываютъ что они пристрастны. Человѣкъ благоразумный не позволилъ бы ихъ себѣ никогда. Гнѣвъ или неудовольствіе на кого бы-то ни было всегда несправедливы, въ одномъ только случаѣ можетъ быть справедливо наше неудовольствіе, когда оно обращается не противъ кого-либо другого, а противъ себя самого, противъ собственныхъ мерзостей и противъ собственнаго неисполненія своего долга. Еще: вы думаете, что вы видите дальше и глубже другихъ, и удивляетесь, что многіе, по-видимому, умные люди, не замѣчаютъ того, что́ замѣтили вы. Но это еще Богъ вѣсть кто ошибается. *Передовые люди* не тѣ, которые видятъ одно что-нибудь такое, чего другіе не видятъ, и удивляются тому, что другіе не видятъ; *передовыми людьми* можно назвать только тѣхъ, которые именно видятъ все то, что́ видятъ другіе (всѣ другіе, а не нѣкоторые), и опершись на сумму всего видятъ все то, чего не видятъ другіе и уже не удивляются тому, что другіе не видятъ того же. Въ письмѣ вашемъ отраженъ человѣкъ просто унывшій духомъ и невзлянувшій на самаго себя. Еслибъ мы всѣ вмѣсто того чтобъ разсуждать о духѣ времени, взглянули какъ должно всякой на самого себя, мы больше гораздо бы выиграли. Кромѣ того, что мы узнали бы лучше, что́ въ насъ самихъ заключено и есть, мы бы пріобрѣли взглядъ яснѣе и многостороннѣй на всѣ вещи вообще и увидѣли бы для себя пути и дороги тамъ, гдѣ грѣховное уныніе все темнитъ передъ нами и вмѣсто путей и дорогъ показываетъ намъ только самое себя, т. е. одно грѣховное уныніе. Злой духъ только могъ подшепнуть вамъ мысль, что вы живете въ какомъ-то переходящемъ вѣкѣ когда всѣ усилія и труды должны пропасть безъ отзвука въ потомствѣ и безъ ближайшей пользы кому. Да если бы только хорошо освѣтились глаза наши, то мы увидали бы что на всякомъ мѣстѣ, гдѣ бы ни довелось намъ стоять, при всѣхъ обстоятельствахъ, какихъ бы то ни было, споспѣшествующихъ или поперечныхъ, столько есть дѣлъ въ нашей собственной, въ нашей частной жизни, что можетъ быть самъ умъ нашъ помутился отъ страху, при видѣ неисполненія и пренебреженія всего, и уныніе не даромъ бы тогда закралось въ душу. По крайней мѣрѣ оно бы тогда было болѣе простительно, чѣмъ теперь. Признаюсь, я считалъ васъ (не знаю почему) гораздо благоразумнѣе. Самой душѣ моей было какъ-то неловко, когда я читалъ письмо ваше. Но оставлю это, и не будемъ никогда говорить. Всякихъ мнѣній о нашемъ вѣкѣ и нашемъ времени я терпѣть не могу, потому что они всѣ ложны, потому что произносятся людьми, которые чѣмъ-нибудь раздра-

жены, или огорчены... Напишите мнѣ о себѣ самомъ, только тогда когда почувствуете сильное неудовольствіе противъ себя самого, когда будете жаловаться не на какіе-нибудь помѣшательства со стороны людей, или вѣка, или кого бы то ни было другого, но когда будете жаловаться на помѣшательства со стороны своихъ же собственныхъ страстей, лѣни и недѣятельности умственной. Еще: и луча вѣры нѣтъ ни въ одной строчкѣ вашего письма и малѣйшей искры смиренія высокаго въ немъ незамѣтно! И послѣ этаго еще хотѣть, чтобъ умъ нашъ не былъ одностороненъ, или чтобъ былъ онъ безпристрастенъ. Вотъ вамъ цѣлый возъ упрековъ. Не удивляйтесь, вы сами на нихъ напросились. Вы желали отъ меня освѣжительнаго письма. Но меня освѣжаютъ теперь одни только упреки, а потому ими же я и служился и вамъ.

«А вмѣсто всякихъ толковъ о томъ, чѣмъ другой виноватъ или невыполнилъ своей обязанности, постарайтесь исполнить тѣ обязанности, которые я наложу на васъ. Пришлите мнѣ каталогъ Смирдинской бывшей библіотеки для чтенія, со всѣми бывшими прибавленіями. Онъ полнѣйшій книжный нашъ Реестръ, да присоедините къ тому Реестръ книгъ всѣхъ напечатанныхъ Синодальной типографіей: это можете узнать въ Синодальной лавкѣ. Да еще сдѣлайте одну вещь: выпишите для меня мѣлкимъ потчеркомъ всѣ критики Сенков. въ Библіотекѣ для чтенія на М. Д. и вообще на всѣ мои сочиненія, такъ чтобы ихъ можно послать въ письмѣ. Сколько я ни просилъ объ этомъ, никто не исполнилъ. Каталогъ Смирд. есть кажется мой у Прокоповича. Пошлите тоже съ почтой, которая мнѣ принимаетъ посылки. Адресуйте въ Берлинъ на имя служащаго при тамошней миссіи графа Мих. Мих. Віельгорскаго для доставки мнѣ, если почта не возмется доставить во Франкфуртъ прямо на мое имя. Вотъ вамъ обязанности покамѣсть истинно Христіанскія. Отъ васъ требуетъ выполненія этаго долга прямо, безвозмездно. — Н. Гоголь».

Несмотря на совершенно неожиданный для меня учительскій и раздраженный тонъ этого письма, оно меня все-таки глубоко тронуло: во-первыхъ, и замѣчательнымъ литературнымъ своимъ достоинствомъ, а во-вторыхъ — и преимущественно какой-то безпредѣльной вѣрой въ новое созерцаніе, имъ возвѣщаемое. Загадкой оставалось для меня только слѣдующее: какимъ процессомъ мысли Гоголь перенесъ прямо на меня все, что я говорилъ вообще о современныхъ людяхъ, и отыскалъ въ моихъ сообщеніяхъ

личный вопросъ,—унынie, ропотъ, недовольство судьбой и другія качества неудачнаго честолюбца. Но особенно не могъ я понять, откуда тутъ взялся еще вопросъ о религіозныхъ моихъ убѣжденіяхъ, о состояніи моей души и совѣсти, такъ какъ исповѣдываться въ нихъ я не имѣлъ ни малѣйшаго помысла передъ Гоголемъ, да онъ и не возбуждалъ такого вопроса. Передавать толки публики о «Мертвыхъ Душахъ» и по этому поводу представить свидѣтельство о болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи своего религіознаго чувства—кому же это могло придти въ голову? Впослѣдствіи все это объяснилось. Письмо Гоголя, какъ и множество другихъ такихъ же, полученныхъ разными лицами въ Россіи, было однимъ изъ той гряды облачковъ, которая предшествовала появленію роковой книги «Переписка съ друзьями». Письма возвѣщали ея близкое восшествіе на горизонтъ. Гоголь, ужаснувшійся успѣху своего романа между западниками и людьми непосредственнаго чувства, весь погруженъ былъ въ замыселъ разоблачить свои настоящія историческія, патріотическія, моральныя и религіозныя воззрѣнія, что, по его мнѣнію, было уже необходимо для пониманія готовящейся 2-й части поэмы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе созрѣвали въ умѣ его надежда и планъ надѣлить, наконецъ, безпутную русскую жизнь кодексомъ великихъ правилъ и незыблемыхъ аксіомъ, которыя помогли бы ей устроить свой внутренній міръ на образецъ всѣмъ другимъ народамъ. Но намѣреніе оставалось еще покамѣстъ тайной для всѣхъ, и служить какимъ-либо поясненіемъ дѣйствій Гоголя не могло. Въ потемкахъ я отвѣчалъ Гоголю, что получилъ его письмо, благодарю за участіе ко мнѣ, не огорчаюсь его выговорами, не отвергаю вовсе его совѣтовъ, но считаю нужнымъ указать ему на странную ошибку. Онъ считаетъ меня человѣкомъ весьма высокаго мнѣнія о себѣ, надменнымъ и страдающимъ гордостью, а между тѣмъ могъ бы замѣтить въ теченіи долгихъ нашихъ сношеній, что я скорѣе имѣлъ претензію считать себя ничтожнѣйшимъ изъ дѣтей міра, и безъ всякаго вознагражденія, о которомъ говоритъ поэтъ, употребившій однажды это выраженіе.

Затѣмъ корреспонденція наша прекращается на-долго, до 1847 года, когда, живя уже съ больнымъ Бѣлинскимъ на водахъ въ Силезіи, въ Зальцбрунѣ, я опять получилъ отъ Гоголя письмо, но уже мягкое и отчасти грустное письмо. Книга его «Переписка съ друзьями» уже вышла и принесла ему такую массу огорченій, упрековъ, наконецъ, клеветъ и незаслуженныхъ оскорбленій, что онъ склонился подъ этой бурей общественнаго

негодованія, какъ тростникъ—до земли. Состояніе его духа отразилось и на письмѣ, но объ этомъ послѣ. Съ тѣхъ поръ уже благодушное, ласковое, снисходительное настроеніе не покидало Гоголя по отношенію къ старому его корреспонденту и собесѣднику, и всякій разъ, какъ мы встрѣчались, до самой его смерти, выказывалось съ новой силой. Въ 1851 году, за годъ до своей кончины, провожая меня изъ своей квартиры, въ Москвѣ, на Никольскомъ бульварѣ (домъ графа Толстого), онъ, на порогѣ ея, сказалъ мнѣ взволнованнымъ голосомъ: «Не думайте обо мнѣ дурного и защищайте передъ своими друзьями, прошу васъ: я дорожу ихъ мнѣніемъ».

Страдальческій, умиротворенный и на все уже подготовленный обликъ Гоголя,—Гоголя послѣднихъ дней,—остался въ моей жизни самымъ трогательнымъ воспоминаніемъ, наравнѣ съ обликомъ медленно умирающаго и все еще волнующагося Бѣлинскаго.

Бѣдный, запутавшійся другъ, погибшій добровольной и мучительной смертью именно потому, что жилъ въ эпоху столкновенія неустановившихся вѣрованій, одинаково важныхъ и неустранимыхъ, и которую такъ горячо защищалъ противъ мнѣнія о ея переходномъ состояніи! Чрезвычайно замѣчательно слѣдующее обстоятельство. Въ мартѣ 1848 года, занимаясь обработкой 2-й части «Мертвыхъ Душъ» въ Москвѣ, онъ пишетъ старому своему товарищу, уже упомянутому Н. Я. Прокоповичу, что труду его мѣшаютъ, во-первыхъ, недуги, а во-вторыхъ — отраженіе на авторѣ всѣхъ невыгодныхъ вліяній шаткаго *переходнаго* времени, въ которое онъ живетъ. Итакъ, ужасъ и негодованіе, возбужденные въ Гоголѣ однимъ намекомъ на то, что эпоха эта можетъ быть названа переходною, миновались совершенно черезъ четыре года, да и не только миновались, но сама мысль признана еще неоспоримой истиной, на основаніи личнаго опыта. Вотъ это замѣчательное мѣсто письма, съ котораго я тогда же снялъ точную копію, конечно, не объясняя никому причинъ, почему я считаю его особенно важнымъ.

„Москва, 29-го марта (1848).

«Болѣзни пріостановили мои занятія «Мертвыми Душами», которыя пошли было хорошо. Можетъ быть, болѣзнь, а можетъ быть — и то, что какъ поглядишь, какіе глупые настаютъ читатели, какіе безтолковые цѣнители, какое отсутствіе вкуса... просто не подымаются руки. *Странное дѣло, хоть и знаешь, что трудъ твой не для какой-нибудь переходной современной минуты, а*

все-таки современное неустройство отнимаетъ нужное для него спокойствіе».

Какъ далеко стоитъ это признаніе отъ восклицанія: «Злой духъ только могъ подшепнуть вамъ мысль, что вы живете въ какомъ-то переходящемъ вѣкѣ, когда всѣ усилія и труды должны пропасть безъ отзвука въ потомствѣ...» — Увы! Какъ еще положеніе это ни казалось опрометчиво, заносчиво и ложно, сказанное неловко и не во-время, самъ Гоголь, страстно опровергавшій его, испыталъ еще сомнѣніе въ пользѣ своихъ усилій и трудовъ *для потомства*,—сомнѣніе, результатомъ котораго было, какъ извѣстно, сожженіе 2-й части «Мертвыхъ Душъ». Если бы дѣло состояло тогда въ его власти, то результатомъ этого настроенія могло бы быть и нѣчто бо́льшее — именно сожженіе всѣхъ его трудовъ вообще. Правда, тутъ примѣшалась душевная болѣзнь, патологическое состояніе мозговыхъ о́рганов, —но развѣ переходныя эпохи именно и не отличаются этими болѣзнями, которыя сами суть не что иное, какъ произведеніе глухой борьбы началъ въ глубинѣ души и мысли каждаго развитаго человѣка.

Со всѣмъ тѣмъ мнѣ легко сознаться теперь и повторить, что замѣчаніе о безплодности трудовъ, предпринятыхъ въ переходное время, которымъ я погрѣшилъ тогда, и которое вызвало такія недоразумѣнія, было вполнѣ необдуманно и ложно въ основаніи. Ни дѣятельность Гоголя, ни дѣятельность самого Бѣлинскаго, а также и людей 40-хъ годовъ вообще изъ обоихъ лагерей нашихъ не остались безъ слѣда и вліянія на ближайшее потомство, да найдутъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще не одинъ отголосокъ и въ болѣе отдаленныхъ отъ насъ поколѣніяхъ. Это убѣжденіе только и могло вызвать составленіе настоящихъ «Воспоминаній».

XXIV.

Мнѣ приходится говорить теперь о замѣчательномъ въ исторіи нашихъ литературныхъ партій 1845-мъ годѣ и приступить къ краткому библіографическому отчету о нѣкоторыхъ статьяхъ журнала «Москвитянинъ», состоявшаго слишкомъ малое время подъ непосредственной редакціей И. Кирѣевскаго. Статьи были важнымъ событіемъ описываемой эпохи, и безъ разбора ихъ — дальнѣйшій разсказъ о ней утерялъ бы свой настоящій смыслъ. Они именно обозначаютъ ту минуту, съ которой распря между славянами и западниками приняла у насъ новый, менѣе безпо-

щадный и слѣпой характеръ, чѣмъ прежде, хоть и долго потомъ еще не нуждалась въ воинственномъ одушевленіи, но тонъ становился другой. Перемѣна тона и самой рѣчи, на которую рѣшились прежде всѣхъ славяне, имѣла значительныя послѣдствія по отношенію къ внутреннимъ дѣламъ и положенію дѣйствующихъ лицъ въ обѣихъ партіяхъ.

Извѣстно, что, кромѣ Бѣлинскаго, вопросъ объ отношеніи народной культуры къ европейскому образованію занималъ еще Грановскаго и Г., съ ихъ друзьями. По близкимъ отношеніямъ ихъ къ славянскимъ дѣятелямъ, вопросъ этотъ мѣшалъ сойтись имъ съ людьми противнаго лагеря, нравственную цѣну которыхъ они очень хорошо знали, на какой-либо нейтральной почвѣ. Дѣйствительно, пока въ славянской партіи господствовало полное отрицаніе европеизма, невозможно было никакое примиреніе и соглашеніе. Черезъ это препятствіе именно и перешагнули Кирѣевскіе, Хомяковъ и ихъ друзья, когда въ 1845 году приняли въ свои руки редакцію журнала «Москвитянинъ». Они сдѣлали первый шагъ на-встрѣчу западникамъ. Можно сказать, что новые редакторы «Москвитянина», овладѣвая журналомъ, ничего другого и не имѣли въ виду, какъ правильнаго, съ ихъ точки зрѣнія, постановленія и разрѣшенія вопроса. Тогда и оказалось съ перваго же раза, что для славянской партіи *типъ* европейской цивилизаціи столько же дорогъ, какъ и любому европейцу, но дорогъ не какъ готовый образецъ для подражанія, а какъ надежный вкладчикъ въ капиталъ собственныхъ умственныхъ сбереженій русской народной культуры, какъ хорошій пособникъ при обработкѣ ею самой своего капитала.

Первымъ дѣломъ редакторовъ было, поэтому, устраненіе и опроверженіе тѣхъ мнѣній своихъ собственныхъ единомышленниковъ, которые или презирали типъ европейской цивилизаціи, или противопоставляли его славянской культурѣ, какъ нѣчто враждебное послѣдней или въ ней неприложимое. Руководящая статья И. В. Кирѣевскаго въ 1-мъ № «Москвитянина» за 1845 годъ («Обозрѣніе современнаго состоянія словесности») наносила тяжелые удары преслѣдователямъ Запада и, прежде всего, старому критику того же «Москвитянина» — С. Ш., который въ 1841 году въ статьѣ: «Взглядъ на образованіе европейское», выражалъ мнѣніе, что Россія, не испытавшая ни реформаціи, ни революціи и тѣмъ самымъ сохранившая въ себѣ великое нравственное единство, не можетъ дѣлить духовной жизни съ болѣзненнымъ европейскимъ міромъ, а скорѣе призвана, можетъ быть, исцѣлить и обновить его. И. В. Кирѣевскій не менѣе С. Ш. вѣро-

валъ во всѣ, такъ-сказать, догматы славянофильской партіи, въ печальное раздвоеніе европейской жизни, въ необходимость и возможность ея обновленія началами восточнаго любомудрія, что и высказывалъ въ своемъ трактатѣ; но И. В. Кирѣевскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлъ представленіе о роли Запада въ дѣлѣ цивилизаціи гораздо болѣе широкое, чѣмъ ультра-славяне изъ его собственной партіи, которымъ и не замедлилъ высказать горькія истины.

Во второй своей статьѣ («Москвитянинъ», № 2, 1845 года) онъ объявлялъ оба направленія наши, какъ чисто-русское, такъ и чисто-западное, одинаково ложными, и это на основаніяхъ, которыя были гораздо болѣе оскорбительны для собственной его партіи, чѣмъ для враждебной ей. «Чисто-русское направленіе ложно потому,—замѣчалъ онъ,—что пришло неизбѣжно, роковымъ образомъ, въ ожиданію чуда и призыву его на помощь своей вѣры, ибо только чудо можетъ воскресить мертвеца—русское прошлое, которое такъ горько оплакивается людьми этого возврѣнія. Направленіе, вдобавокъ, не видитъ, что каково бы ни было просвѣщеніе европейское, но истребить его вліяніе, послѣ того, какъ мы однажды сдѣлались его причастниками, уже находится внѣ нашей силы, да это было бы и великимъ бѣдствіемъ».—«Оторвавшись отъ Европы,—добавлялъ онъ,—мы перестаемъ быть общечеловѣческою національностью, лишаемся всѣхъ благъ римско-греческаго образованія» («Москвитянинъ», 1845 года, № 2, стр. 63—78). Западникамъ, подъ которыми преимущественно разумѣлся Бѣлинскій, какъ самый крайній изъ нихъ, посылался тоже довольно тяжкій укоръ. Направленіе ихъ обвинялось въ непониманіи того, что истины Запада суть только остатки христіанскихъ началъ, и упрекъ добавлялся замѣчаніемъ, что они *женоподобно* управляются одной страстью къ предмету обожанія, которая и привела ихъ къ нелѣпой мысли, будто все уже рѣшено Европой и стоитъ только подбирать какъ святыню все, что она бросаетъ нужнаго и ненужнаго» (стр. 73). Вмѣсто этихъ пустыхъ направленій, для Кирѣевскаго существуетъ и важно только представленіе о двухъ родахъ образованія—одно то, которое творится чрезъ внутреннее устроеніе духа, силою извѣщающейся въ немъ истины. Это самое разумное, высшее, и уже безъ познанія Европы обойтись не можетъ. Другое — низшее образованіе слагается чрезъ формальное развитіе разума и пріобрѣтеніе высшихъ познаній, съ помощью одного заимствованія; оно дѣлаетъ изъ человѣка подобіе логически-технической выкладки, безъ національныхъ и всякихъ другихъ убѣжденій (74).

Въ концѣ изслѣдованія является у Кирѣевскаго резюмирующій тезисъ, который гласитъ: «поэтому, любовь къ образованности европейской, равно какъ и любовь къ нашей,—обѣ совпадаютъ въ послѣдней точкѣ своего развитія въ одну любовь, въ одно стремленіе къ живому, полному, всечеловѣческому и истинно-христіанскому просвѣщенію». Обѣ статьи И. В. Кирѣевскаго произвели громадное впечатлѣніе и нашли доброжелателей и порицателей одинаково въ обоихъ лагеряхъ—славянскомъ и западномъ. Бѣлинскій принадлежалъ къ числу порицателей. Въ постройкѣ статей онъ усмотрѣлъ отчасти нѣмецкій характеръ, искусно, но фальшиво обобщающій предметы, а потомъ и нѣкоторую непослѣдовательность: «Какъ же это, — говорилъ онъ, — Кирѣевскій отыскалъ племя, способное дополнить развитіе Европы свѣжими элементами своего издѣлія, а между тѣмъ предлагаетъ ему идеалы цивилизаціи собственнаго своего измышленія. Да вѣдь идеалъ-то цивилизаціи и есть само это избранное племя! Нѣтъ, ужъ если вы не обманываете самого себя, говоря, что сподобились читать въ книгѣ судебъ о призваніи русскаго народа, такъ не стыдитесь лежать передъ нимъ во прахѣ. Я больше люблю Ш. и П., которые, не бродя по сторонамъ, просто ревутъ: «мы спасители, мы обновители!»—ужъ и знаешь, что́ имъ на это отвѣчать».

Третья статья И. Кирѣевскаго, которая, по плану его, должна была заняться текущими явленіями литературы, къ сожалѣнію, не появилась въ печати.

Не менѣе рѣшительно и строго отнесся къ доморощеннымъ гонителямъ Запада и А. С. Хомяковъ въ двухъ прекрасныхъ своихъ статьяхъ: а) «Письмо въ Петербургъ» («Москв.», 1845, № 2): о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ; и б) «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи» («Москв.», 1845, № 4).

Послѣдняя не была подписана и, конечно, имѣла въ виду извѣстную книгу Кюстина, которая, несмотря на строгое запрещеніе ея, читалась у насъ повсемѣстно и возбуждала характеристикой нѣкоторыхъ лицъ и событій саркатическіе толки въ тихомолку, очень невинные, но очень безпокоившіе однакоже административныхъ людей эпохи. Обычныхъ славянофильскихъ оговоровъ и въ этихъ статьяхъ нашлось много. Какъ и Кирѣевскій, Хомяковъ объявлялъ въ первой изъ нихъ просвѣщеніе не чѣмъ инымъ, какъ просвѣтленіемъ всего разумнаго состава въ человѣкѣ или народѣ, дополняя эту мысль еще замѣчаніемъ, что такое просвѣтленіе можетъ совпадать съ наукой, а можетъ существовать и безъ нея, не теряя отъ того своего благотвор-

наго дѣйствія [1]). Какъ и Кирѣевскій, онъ предпосылалъ обличенію друзей обличеніе западниковъ и школы Бѣлинскаго, которыхъ винилъ въ непростительной односторонности. Въ литературныхъ сужденіяхъ своихъ, какъ И. В. Кирѣевскій, такъ и А. С. Хомяковъ, очень близко подходили къ Бѣлинскому, а часто шли и дальше его. Вотъ, напримѣръ, мѣсто изъ второй статьи Кирѣевскаго: «Произведенія нашей словесности, какъ отраженія европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ, кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ» («Москв.», 2, 63). Сильнѣе этого ничего не говорилъ и Бѣлинскій, а сколько брани вытерпѣлъ онъ за подобные, теперь уже совершенно оправданные приговоры! Правда — славянская наша партія, часто соглашаясь втайнѣ съ положеніями ненавистнаго ей критика, старалась всемѣрно держать себя въ сторонѣ отъ него, отыскивая подъ-часъ довольно хитростнымъ способомъ возможность, раздѣляя его мнѣніе, противорѣчить ему. Примѣровъ этому много. Оградивъ такимъ образомъ убѣжденія свои отъ всякихъ подозрѣній въ потакательствѣ врагамъ, Хомяковъ тѣмъ съ бо́льшей силой обращается къ старовѣрамъ собственной партіи, чурающимся отъ Запада какъ отъ язвы. «Не думайте», восклицаетъ онъ: «что подъ предлогомъ сохранить цѣлостность жизни и избѣжать европейскаго раздвоенія, вы имѣете право отвергать какое-либо умственное или вещественное усовершенствованіе Европы». — «Есть что-то смѣшное», продолжаетъ онъ: «и даже что-то безнравственное въ этомъ фанатизмѣ неподвижности» (Ib. стр. 82—83). — «Знайте», поясняетъ онъ далѣе, «что усвоеніе чуждыхъ стихій производится въ силу законовъ нравственной природы народа и производитъ новыя явленія, обнаруживающія его своеобычность, многосторонность и самостоятельность». — Онъ даже обзываетъ нашихъ ультра-патріотовъ и гонителей Запада просто скептиками, лишенными вѣры въ силу истины и здоровыхъ началъ русской жизни, которую защищаютъ и которая на нашихъ глазахъ, несмотря на характеръ подражательности, ей свойственной, уже опередила своихъ учителей во многомъ: въ ней, напримѣръ, немыслимо такое явленіе, какъ *баварское* искусство, занятое воспроизведеніемъ въ одно время греческихъ, византійскихъ и средневѣковыхъ памятниковъ.

[1]) Въ этомъ мѣстѣ Хомяковъ приводилъ въ примѣръ такихъ мудрыхъ и свѣтлыхъ эпохъ, сложившихся, однакоже безъ участія формальнаго знанія,—царствованія Ѳедора Ивановича, Алексѣя Михайловича и императрицы Елизаветы Петровны, о чемъ было уже говорено.

Было довольно странно восхвалять русскую жизнь за то, чего она не сдѣлала, не имѣя еще и понятія объ исторіи искусства вообще, но мѣткость всѣхъ другихъ опредѣленій Хомякова была признана славянами по отношенію къ западникамъ, а западниками по отношенію къ славянамъ.

Вторая статья Хомякова: «Мнѣніе иностранцевъ о Россіи», любопытна была тѣмъ, что освобождала иноземныхъ авторовъ и ихъ русскихъ подсказывателей отъ отвѣтственности за нелѣпости, распространяемыя ими о Россіи. Что́ другое могли бы они говорить?—замѣчаетъ Хомяковъ. Основное жизненное начало народа, откуда все исходитъ, весьма часто не только не понимается другими народами, да нерѣдко и имъ самимъ. Примѣромъ тому можетъ служить Англія, и доселѣ не понимаемая, по мнѣнію автора, ни чужеземными, *ни своими* писателями [1]). При одномъ формально научномъ образованіи и при одномъ логическомъ способѣ добыванія идей—прибавляетъ онъ—нѣтъ и возможности уловить душу народа, уразумѣть начала, которыми онъ живетъ. Вотъ почему нашъ простой народъ, не попедъ за высшими классами въ логическомъ и формальномъ образованіи, оказалъ, по Хомякову, громадную услугу Руси. «Тутъ произошло», говоритъ авторъ, «безсознательное ясновидѣніе человѣческаго разума, которое предугадываетъ многое, чему еще не можетъ дать ни имени, ни положительнаго очертанія» (№ 4 «Москв.», с. 38). Сохранивъ свою національную культуру, русскій народъ подготовилъ дорогіе матеріалы для народнаго самосознанія, которое еще болѣе укрѣпится и сильнѣе выразится послѣ усвоенія элементовъ европейской цивилизаціи, и уже сдѣлаетъ тогда невозможнымъ лжетолкованія русской жизни, какъ со стороны чужеземныхъ, такъ и своихъ изслѣдователей.

Даже и такой труженникъ, какъ П. В. Кирѣевскій, весь посвятившій себя собиранію памятниковъ народнаго творчества и не охотно являвшійся на журнальную арену, принялъ участіе въ дѣлѣ созиданія прочныхъ основъ для своей партіи. Онъ опровергалъ въ № 3 «Москвитянина» извѣстное положеніе М. П. Погодина, по которому русскій народъ всегда отличался мяг-

---

[1]) Это смѣлое положеніе А. С. Хомякова, всѣми замѣченное и не оставленное безъ возраженія, показывало еще разъ, какъ далеко увлекалъ его блестящій умъ, наклонный къ рѣшительнымъ словамъ и афоризмамъ, ради потрясающаго ихъ дѣйствія на слушателей. Вотъ что говоритъ онъ далѣе въ подтвержденіе своей мысли: „Вездѣ она (Англія) является, какъ созданіе условнаго, мертваго формализма... но она вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ преданія, поэзію, святость домашняго очага, теплоту сердца и Диккенса, *меньшаго брата* нашего Гоголя“ (!). „Москв.“, 1845 г., № 4, с. 29.

костію, податливостію, не зналъ сословной розни и *легко покорялся* всякому требованію. П. В. Кирѣевскій считалъ это положеніе оскорбительнымъ для русскаго народа, предлагалъ другое поясненіе его исторіи и вызвалъ жаркое возраженіе М. П. Погодина, подтверждавшаго свою прежнюю тэму о податливости русскаго народа ссылками на лѣтописи.

Вообще можно полагать, что старый редакторъ журнала имѣлъ причины раскаяваться въ томъ, что предоставилъ органъ свой другимъ рукамъ, несмотря на быстрое нравственное и матеріальное значеніе, пріобрѣтенное «Москвитяниномъ» подъ новой редакціей. Уже съ 3-го нумера, М. П. Погодинъ поспѣшилъ оградить себя отъ нападковъ своихъ слишкомъ добросовѣстныхъ и откровенныхъ друзей, требованія которыхъ все болѣе и болѣе росли и грозили оставить его самого и добрую часть его партіи позади себя. Въ статейкѣ: «За русскую старину» (№ 3, с. 27) онъ съ нескрываемой досадой возражаетъ на упрекъ или на *клевету*, какъ выразился, будто славянофилы не уважаютъ Запада, будто хотятъ воздвигнуть мертвый трупъ, будто нечестиво поклоняются неподвижной старинѣ. Обиженный редакторъ довольно иронически поясняетъ, что они ратуютъ только за русскій духъ, вѣющій изъ старины, за самостоятельность жизни, а потомъ и за свободное признаніе всѣхъ заслугъ запада, востока, сѣвера и юга (с. 31).

Это значило не отвѣчать вовсе на сущность вопроса. По окончаніи года, М. П. Погодинъ поспѣшилъ принять журналъ опять въ свои руки и легко успѣлъ лишить его значенія, которое онъ сталъ пріобрѣтать. «Москвитянинъ» влачилъ довольно безцвѣтное существованіе, опаздывая книжками и изрѣдка оживляясь полемическими искрами, скоро потухавшими безслѣдно въ массѣ литературнаго хлама. Такъ продолжалось до 1850 г., когда новое поколѣніе, исключительно воспитанное Москвой, опять обратило на журналъ вниманіе публики. Имена свѣжихъ дѣятелей, оживившихъ тогда редакцію журнала, подъ знаменемъ котораго они собрались, теперь хорошо извѣстны. Это были, по части художественнаго производства, А. Островскій, А. Писемскій, А. Потѣхинъ, Кокоревъ и другіе, а по части критики и философіи—Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Т. Филипповъ и др. Петербургъ тотчасъ же завязалъ и съ ними полемику, принявъ ихъ за эпигоновъ—послѣдки старой могущественной партіи, но это уже относится къ другому періоду литературы и развитія.

Московскіе западники, съ Грановскимъ и Г. во главѣ, не оставили руки, такъ великодушно протянутой имъ партіей славянъ,

безъ отвѣта. Они просто обрадовались возможности связать съ высокоразвитыми своими противниками опять нѣкоторый обмѣнъ мыслей, такъ какъ главный ровъ, мѣшавшій всякому сношенію между обоими лагерями, былъ если не вполнѣ, то на половину засыпанъ. Слово возвратилось борцамъ, потому что они могли уже разумѣть другъ друга. Сохраняя всѣ свои отличія и свою независимость, не признавая очень многія изъ положеній славянъ, которыми они окрашивали и дополняли главную тэму о пользѣ и необходимости изученія Европы, а особенно не отрекаясь отъ права и обязанности энергически противиться при случаѣ выводамъ, которые они дѣлали изъ исторіи, какъ русской, такъ и европейской вообще—московская западная партія признавала, однакоже, важность ихъ послѣдняго profession de foi и поняла необходимость и законность уступокъ и съ своей стороны. Уступки эти и были сдѣланы, какъ увидимъ. Но Бѣлинскій оставался внѣ всего этого движенія.

П. Анненковъ.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

Посвящается Ив. С. Тургеневу.

XIV *).

Мученикъ захолустья.

I.

Иванъ Ивановичъ Березинъ былъ воплощеннымъ героемъ современнаго романа, не сочиненнаго или выдуманнаго, а дѣйствительнаго, и не разъ разыгравшагося передъ нами въ «весенній», полный возвышенныхъ иллюзій и добрихъ начинаній періодъ русской жизни. Крошечнымъ мальчикомъ онъ попалъ въ сельскую школу, на скорую руку и съ большими матеріальными пожертвованіями основанную престарѣлой и экзальтированной барышней-помѣщицей, вдругъ ударившейся въ обожаніе народа и какъ-то тоже вдругъ утратившей всякую способность думать и говорить о чемъ бы-то ни было, кромѣ народнаго образованія. Въ скоромъ времени бойкій, миловидный Ваня, ставшій украшеніемъ школы и предметомъ боготворенія барышни, послѣ нѣкоторой возни съ родителями, не желавшими терять работника, былъ перемѣщенъ въ барскій домъ, и съ этого дня сдѣлался предметомъ неусыпныхъ попеченій и заботъ своей покровительницы. Окончивъ курсъ гимназіи первымъ ученикомъ и съ медалью, онъ поступилъ въ университетъ по естественному факультету, а вмѣстѣ съ нимъ

---

*) См. „Вѣстникъ Европы“: февраль и мартъ, 1872; февраль и апрѣль, 1876; май, 1879.

переѣхала въ городъ и восторженная барышня, на всѣхъ перекресткахъ кричавшая о способностяхъ и чуть ли не геніальности бывшаго крестьянскаго мальчика. На этомъ мѣстѣ, въ самый разгаръ обожанія Вани, барышню внезапно подкосила жесткая рука смерти, помѣшавъ ей какъ слѣдуетъ обезпечить будущность своего воспитанника. Ваня остался одинъ безъ всякихъ средствъ, да еще съ привычками, усвоенными во время хорошаго, полнаго довольства, житья. Отъ народа у него осталось только крѣпкое сложеніе да красивое лицо, бѣлое, румяное, чисто русское-мужичье, только выхоленное на хорошихъ кормахъ; отъ всего прошлаго—обрывки кое-какихъ знаній, непрактичность и, усвоенная отъ воспитательницы, склонность къ фантазіи и мечтательности; но онъ не унывалъ, и хорошо дѣлалъ, такъ какъ на Руси стояла «весна», и время было самое благопріятное для новыхъ, почти невиданныхъ и только-что входившихъ въ моду людей изъ народа. Благодѣтельница не даромъ трезвонила по всему городу о геніальности студента-крестьянина, и, благодаря этому неумолкаемому трезвону, Березинъ тотчасъ же получилъ весьма выгодное мѣсто домашняго учителя у богатой вдовы, тоже вдругъ, на пятидесятомъ году своей жизни, сообразившей всю нелѣпость и скудость женскаго образованія, и твердо рѣшившейся дать своей единственной дочери возможно-серьёзное и современное направленіе. Тутъ все пошло какъ по маслу и совершилось такъ, какъ неминуемымъ образомъ должно было совершиться въ то блаженное время; не успѣлъ хорошенько опомниться и оглядѣться домашній учитель, какъ уже былъ по уши влюбленъ въ свою ученицу, пользовался взаимностью и, наконецъ, торжественно объявленъ былъ женихомъ. Всѣ радовались и блаженствовали: мать восхищалась тѣмъ, что стала выше устарѣвшихъ предразсудковъ; молодые—цѣлые дни взапуски толковали о томъ: какъ начнутъ вмѣстѣ работать, пойдутъ одной дорогой, будутъ дѣлать настоящее дѣло, хотя юная супруга и не совсѣмъ ясно понимала, въ чемъ заключается это дѣло, а смутно догадывалась, и только ближайшіе, довольно знатные родственники, точно затерявшіеся въ глубинѣ сцены хористы, уныло пѣли о мезальянсѣ, въ безсильномъ гнѣвѣ потрясая сжатыми кулаками. Потомъ, когда миновали первые восторги, сдѣлана была попытка ввести Березина въ высшее общество, заставить служить, сдѣлать карьеру, но такъ какъ такого рода попытки не увѣнчались успѣхомъ, то въ концѣ-концовъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безполезнаго проживанія въ одной изъ столицъ, Березинъ купилъ на имя жены большое, удаленное отъ города и всякихъ

сообщеній имѣніе, въ одной изъ приволжскихъ губерній, и такимъ образомъ очутился на самомъ днѣ захолустья.

Положеніе его было завидное: молодъ, здоровъ, богатъ, независимъ, кандидатъ естественныхъ наукъ; жена хотя и слишкомъ спокойная и флегматичная для роли общественной дѣятельницы, но въ то же время рѣдкій, вырождающійся типъ безотвѣтной русской женщины, видѣвшей въ мужѣ какое-то высшее существо; а ко всему этому нескончаемая, не дающая ни минуты покоя или отдыха дѣятельность въ качествѣ гласнаго, судьи и члена училищнаго совѣта. Чего же болѣе требовать и желать человѣку, и если Березинъ изрѣдка и напускалъ на себя мрачныя думы о народной бѣдности, о трудящейся молодежи, о подчиненіи женщинъ и т. д. и т. д., то въ то же время въ немъ не было ни малѣйшаго признака ожесточенія въ отношеніи къ жизни. Онъ такъ и оставался непрактичнымъ, добрымъ, или, вѣрнѣе сказать, мягкимъ человѣкомъ, съ вѣчной, даже въ минуту сильнаго раздраженія не сходившей съ лица, кроткой улыбкой. Онъ не былъ проникнутъ ясно сознанными стремленіями, но болѣе подчинялся потребностямъ своей мягкой натуры, воображалъ себя отъявленнымъ реалистомъ, нѣжно любилъ естественныя науки, ни въ грошъ не ставилъ знаніе исторіи и литературы, даже отечественной, любилъ человѣчество и, увлекаясь своей страстью къ народу, то-и-дѣло, кстати и не кстати склонялъ: народъ, народа, народу, о народѣ!—и въ то же время кичился своимъ происхожденіемъ изъ народа, нисколько не уступая въ этомъ случаѣ какому-нибудь Рюриковичу, съ презрѣніемъ относившемуся ко всему, что только не происходило отъ Рюрика. По временамъ онъ былъ даже способенъ къ утвержденію, что понимать и любить народъ можетъ только человѣкъ, вышедшій изъ народа, —способенъ не позволять никому другому даже мечтать о служеніи меньшей братіи. Ко всему этому Березинъ, будучи не прочь порисоваться, ораторствовать, развивать отвлеченныя общечеловѣческія идеи, отличался неизмѣнной способностью къ преувеличенію и крайностямъ: восхищаться такъ восхищаться, порицать такъ порицать, ужасаться такъ ужасаться. Эту послѣднюю, выдающуюся черту его характера живо подмѣтили и хорошо изучили университетскіе товарищи, въ шутку называя Березина «восклицательнымъ знакомъ»,—что̀ очень не нравилось и всегда бѣсило юнаго студента.

Но при всѣхъ своихъ слабостяхъ Березинъ былъ, относительно, честнымъ и энергичнымъ человѣкомъ, не только нужнымъ, но даже необходимымъ при нашемъ, доводящемъ до от-

чанія безлюдья. Такъ или иначе, но онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ людей, не только перешедшихъ отъ фразы къ дѣлу, но и способнымъ на существенныя матеріальныя жертвы въ пользу меньшей братіи. Со временемъ всѣ такъ и привыкли къ тому, что онъ неминуемымъ образомъ долженъ выступить на земскихъ собраніяхъ съ новыми, иногда полезными предложеніями, а тотчасъ же послѣ прочтенія имъ же написаннаго доклада совѣта долженъ подняться съ мѣста и, какъ выражались мѣстные земцы, «дѣйствовать», то-есть горячо защищать неотступныя мольбы о новыхъ добавочныхъ суммахъ на святое дѣло народнаго образованія. Обыкновенно въ такую торжественную минуту мѣстные тузы принимались всячески мѣшать оратору, умышленно и громко зѣвать, усиленно курить, пуская цѣлыя облака дыма, но такъ какъ Березинъ все-таки продолжалъ «дѣйствовать», то противники съ шумомъ поднимались съ своихъ мѣстъ, оставляя его среди облаковъ дыма, съ глазу на глазъ съ крестьянами и всякими разночинцами.

За то такая, неутомимая, постоянная возня съ народной пользой, при всемъ ничтожествѣ достигаемыхъ результатовъ, въ нѣкоторой степени вознаграждалась извѣстной, въ сущности микроскопической популярностью, и во время судейскихъ выборовъ гласные изъ крестьянъ, весело подталкивая другъ друга, дружно сыпали Березину направо, а немногочисленные друзья не шутя восхищались имъ, тщательно отыскивая первоначальный источникъ его народолюбія въ первыхъ годахъ дѣтства...

Стояла глубокая, мертвая осень, когда Березинъ переѣхалъ въ старый барскій домъ купленнаго имѣнія, тотчасъ же почувствовавъ себя въ положеніи богатаго иностранца, поселившагося въ одномъ изъ швейцарскихъ пансіоновъ. Вокругъ неугомонно шевелился огромный муравейникъ, жизнь котораго не имѣла ничего общаго съ городской и вообще интеллигентной жизнью. Заброшенное въ самую глубь захолустья, селеніе продолжало оставаться въ первобытномъ состояніи, ничего не зная и не желая знать о какихъ-то новыхъ вѣяніяхъ и просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Чтеніе, преимущественно статей научнаго содержанія, насолило до тошноты и только заводило далеко уже отставшаго Березина въ безвыходные, темные коридоры, изъ которыхъ онъ не зналъ, какъ и выбраться; сосѣдей ни души, кромѣ двухъ управляющихъ большихъ имѣній, а хозяйство находилось въ рукахъ вѣрнаго человѣка, между тѣмъ какъ все участіе Березина заключалось въ постоянныхъ заботахъ объ улучшеніи пищи и увеличеніи жалованья рабочимъ.

Ненастные дни превратились въ постоянные сумерки, въ воздухѣ стояла мелкая изморозь, прервано всякое сообщеніе, о газетахъ нѣтъ и помину. Удручающая скука, точно темное, все ниже и ниже опускавшееся облако, тяготѣла надъ барской усадьбой; все бродило въ какомъ-то усыпленіи, ноги едва двигались, руки болтались, какъ плети, или вдругъ кто-нибудь напивался, а то ни съ того, ни съ другого поднималъ ссору или драку. Всѣ на мгновеніе просыпались, наполняли сквернословіемъ и безъ того душную атмосферу, жаловались, тормошили Березина, чтобы потомъ снова погрузиться въ непробудный сонъ, между тѣмъ какъ мѣстныя новости ограничивались слухами о томъ, что Буйковскій батюшка все держался, долго держался и вдругъ разрѣшилъ, а Шишовскій зарекся; или, наоборотъ, — то-есть Шишовскій прорвался, а Буйковскій наложилъ на себя зарокъ воздержанія; что помѣщикъ Кашкаровъ въ однихъ чулкахъ проскакалъ по улицѣ; что сидѣлецъ Викторъ Ефимовичъ завелъ торбанъ и тѣмъ удесятерилъ доходъ кабака; что крестьяне села Елшанки накрыли и изувѣчили оборотня, оказавшагося дьячкомъ Аполлономъ; что Василій Андреевичъ вызвалъ на поединокъ Аѳанасія Ивановича, а самъ бѣжалъ въ Вѣну; что кто-то изъ городскихъ тузовъ сломалъ чугунныя ворота; что находящійся на испытаніи дьяконъ Тріумфальскій вотъ уже третій день штурмуетъ домъ приходскаго священника, даже препятствуя подвозу съѣстныхъ припасовъ осажденному; что 6-ть волковъ сволокли крестьянина съ лошади, а 12-ть остановили почту и т. д., все въ такомъ же родѣ.

Съ ужасомъ сообразивъ, что, сидя сложа руки, при такой обстановкѣ, можно быстро дойти до нравственнаго и умственнаго усыпленія, а при постоянной дѣятельности никакая глушь опасна быть не можетъ, Березинъ всячески старался навязать себѣ какъ можно болѣе дѣла. Онъ постарался сойтись съ священникомъ, вытащилъ на свѣтъ Божій хранившійся для порядка при церкви, но никогда и никѣмъ не примѣнявшійся уставъ о приходскихъ попечительствахъ, на свой счетъ выстроилъ очень хорошую, свѣтлую и помѣстительную школу, добылъ плаксу-учительницу, впрочемъ, весьма прилежную и преданную дѣлу, вошелъ въ интимныя отношенія съ законоучителями, учителями и учительницами сосѣднихъ школъ, приглашалъ ихъ къ себѣ, всячески содѣйствовалъ постройкѣ новыхъ училищъ, на собственный счетъ снабжалъ ихъ всякими невиданными до того времени учебными пособіями, и, къ довершенію всего, настежъ распахнулъ свои двери для меньшей братіи, жаждавшей совѣта, защиты и помощи.

Рѣкой хлынулъ народъ, поспѣшая взвалить на плечи Березина свои нужды и лихія болѣсти и превращая его въ одно и то же время въ какого-то банкира для бѣдныхъ, въ судью, адвоката, землемѣра, архитектора, доктора, а при случаѣ даже и оператора.

Некогда было обдумывать, готовиться, читать, когда каждый часъ приходилось кого-нибудь наставлять, выручать, спасать, когда съ каждымъ шагомъ впередъ открывались все новыя и новыя потребности, безъ которыхъ, очевидно, не могъ жить и существовать народъ, Богъ-вѣсть какимъ образомъ перебивавшійся до того времени.

— Понимаете? — всѣмъ и каждому толковалъ Березинъ, — все это никуда не годится, все это нужно устроить, измѣнить, и какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе!

II.

Въ одинъ изъ безконечныхъ осеннихъ вечеровъ, въ кабинетѣ Березина собрался интимный совѣтъ, состоявшій изъ хозяина, его жены, мѣстнаго священника, оказавшагося страстнымъ реформаторомъ, учительницы-плаксы, волостного старшины и замѣчательно умнаго сельскаго старика Захара Михайловича.

Хозяинъ быстро шагалъ по комнатѣ, ораторствуя о необходимости ссудосберегательнаго товарищества, на устройство коего онъ немедленно жертвовалъ 2000 рублей, накопленные изъ судейскаго жалованья съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала шли на нужды сельской школы, лишенной всякой, даже грошовой поддержки со стороны крестьянъ. Хозяйка дома, одобрительно кивая головой, покорными и все еще влюбленными глазами слѣдила за взъерошенной, энергичной фигурой мужа. Священникъ, едва поспѣвавшій за Березинымъ, то-и-дѣло перебивалъ его рѣчь своими восторженными одобреніями и громкими возгласами. Это былъ человѣкъ лѣтъ 40, бездѣтный вдовецъ, бурсакъ стараго закала, веселаго и отчасти беззаботнаго характера. Мужики любили его и выражались о немъ такъ:—Горяченькій, да ничего: обругаетъ, разожжетъ, какъ только надо, а сейчасъ опять разговариваетъ, всей душой къ тебѣ... Ну, и на счетъ поборокъ проститъ, страсть какъ проститъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ въ русскомъ обиходѣ завелись хорошія слова, когда заговорили о пользѣ общественной и прогрессѣ, священникъ, точно восторженный юноша, влюбился въ эти слова, едва

понимая ихъ значеніе, но по природѣ своей не зная предѣла надеждамъ и увлеченіямъ.

Учительница, вся въ черномъ, точно въ траурѣ, полная блондинка, съ красными щеками, только вводившими въ заблужденіе относительно ея разбитаго здоровья, то-и-дѣло подносила къ глазамъ судорожно сжатый платокъ. Волостной старшина, отличавшійся низкимъ лбомъ, густо намасленными волосами, маленькій, юркій человѣкъ, не имѣвшій ни малѣйшаго признака мужика и попавшій въ старшины прямо изъ сидѣльцевъ питейнаго заведенія, то-и-дѣло привскакивалъ съ кресель, какъ будто намѣреваясь сообщить что-то весьма нужное, но, ничего не сказавши, снова опускался на свое мѣсто.

Молчалъ и сельскій старикъ, извѣстный пчелякъ и садоводъ Захаръ Михайловичъ, но на лицѣ его выражалось напряженное вниманіе и нескрываемое удовольствіе, что вотъ и ему, старику, довелось слышать такія умныя рѣчи и запросто сидѣть и бесѣдовать въ барскомъ домѣ. Типичное, строгое лицо старика, съ орлиными, насквозь пронизывающими глазами, горѣвшими неугомоннымъ любопытствомъ и неистощимой любознательностью изъ-подъ нависшихъ бровей и массы густыхъ, спутанныхъ и слегка посѣдѣвшихъ волосъ, здравый смыслъ, всегда умная рѣчь, невѣроятная въ мужикѣ симпатія къ грамотности и всякимъ благимъ начинаніямъ, все это, вмѣстѣ взятое, съ первой же встрѣчи поразило Березина и вызывало самое искреннее поклоненіе къ старому дѣду. Міръ, мірское дѣло и вообще все свое, все мірское старикъ презиралъ отъ глубины души и съ особеннымъ злорадствомъ тѣшился надъ своими односельцами: какіе это крестьяне,—ложатся съ виномъ и встаютъ съ виномъ, пьютъ, пьютъ, да уже перепьютъ и лишковъ,—возмущался старикъ и спѣшилъ укрыться отъ суеты міра сего на своемъ, уединенномъ пчельникѣ, среди имъ же самимъ взлелѣянныхъ яблонь, малины, хмѣля и тихаго, глухаго шума пчелъ, носившихся въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ мёда. За то и міряне, изъ числа такъ-называемыхъ «отчаянныхъ», не пропускали ни одной изъ безконечныхъ гуляновъ, чтобы не поглумиться надъ богатымъ мужикомъ и не закинуть ему слишкомъ откровенныхъ намековъ на краснаго пѣтуха и возможности отобранія въ общество его сада, его любимаго дѣтища. Вообще, Захаръ Михайловичъ былъ самымъ типичнымъ представителемъ русскаго человѣка, всегда протестующій, ничѣмъ своимъ и окружающимъ недовольный, вѣчно жаждущій чего-то лучшаго, новаго, но не своего, а непремѣнно чужого. Онъ не хранилъ въ своей памяти никакихъ

теплыхъ воспоминаній, точно въ теченіи его 70-ти-лѣтней жизни такъ и не случилось ничего хорошаго, ничего отраднаго. Страсть къ размышленію надъ всякими головоломными, чуть не государственными вопросами, страсть къ разспросамъ о томъ, какъ живутъ въ иностранныхъ земляхъ, были выдающимися наклонностями старика, и онъ особенно часто сталъ навѣщать Березина, какъ только узналъ, что тотъ видѣлъ свѣтъ и даже побывалъ за-границей. Старикъ просиживалъ у него цѣлые вечера, старательно и хитро выпытывая о заграничныхъ порядкахъ и оставаясь недовольнымъ, когда тотъ критически относился къ этимъ порядкамъ. Это былъ западникъ, крайній западникъ, въ то же время никогда ничего не видѣвшій, кромѣ своего села и ближайшаго уѣзднаго города, немногимъ отличавшагося отъ села. Ко всему этому остается добавить, что Захаръ Михайловичъ былъ самымъ ярымъ сподвижникомъ Березина, и сторонясь не только отъ мірской службы, но и всякой дѣятельности на пользу общества, въ то же время первый привелъ въ школу своихъ двухъ внучатъ и на всѣхъ перекресткахъ проповѣдывалъ, что ученіе свѣтъ, а не-ученіе тьма.

Къ концу вечера, до-сыта наговорившіеся собесѣдники единодушно порѣшили, во что бы то ни стало, открыть товарищество и завтра же на волостномъ сходѣ объявить народу объ ожидающемъ его благополучіи.

III.

На другой день Березинъ вышелъ на сходъ, собравшійся по случаю выбора волостного старшины. Огромная толпа покрывала все пространство сельской площади между кабакомъ и волостнымъ правленіемъ. Въ самомъ правленіи была такая давка, что ни войти, ни выйдти не было никакой возможности. Всѣ языки и руки въ движеніи, всѣ голоса надорваны, всѣ обливались потомъ, каждый что-то выкрикивалъ, напирая на сосѣда, главнымъ образомъ заботясь о томъ, чтобы перекричать и заглушить его голосъ. Старшину любили и не желали смѣщать, такъ какъ онъ никому не мѣшалъ и въ сущности ничего не дѣлалъ—ни полезнаго, ни вреднаго, а вся его дѣятельность была исключительно сосредоточена на недоимкахъ, канцелярской работѣ, а главнымъ образомъ, на устройствѣ постоялаго двора, находившагося въ ближайшемъ городѣ, куда онъ то-и-дѣло скакалъ на волостной парѣ съ колокольчикомъ и завивавшейся кольцомъ пристяжной.

Въ правленіи не присутствовало никакого начальства, и никто ни съ какой стороны не вліялъ на свободу выборовъ.

Но вотъ пренія мгновенно упали и среди наступившей тишины быстро распространилось извѣстіе, что старый старшина пообѣщалъ три ведра вина, а старики уняраются и стоятъ на томъ, чтобы онъ раскошеливался и ставилъ 6-ть ведеръ на всю волость.

Минута, казалась, благопріятной, и Березинъ, ничего не понимавшій изъ того, что творилось въ правленіи, изрядно поработавъ плечами и руками, протискался впередъ и обратился къ народу съ приглашеніемъ принять участіе въ задуманномъ товариществѣ.

Рѣчь Березина была по обыкновенію несвязна и сбивчива. Онъ то говорилъ о своихъ жертвахъ, о томъ, что даетъ на устройство товарищества двѣ тысячи, и потомъ прибавлялъ: «что все это пустяки, о которыхъ и упоминать не слѣдовало... какія же это жертвы». То распространялся о своей дѣятельности, о томъ, что все-таки, благодаря счастливой случайности, имѣетъ нѣкоторую подготовку и въ первое время можетъ вести дѣла товарищества,—то вдругъ выражалъ сомнѣніе въ своихъ способностяхъ и продолжалъ: — Я вѣдь, братцы, никогда не готовился быть бухгалтеромъ, я самъ ничего не умѣю, иной мужикъ лучше меня считаетъ, такъ что безъ вашего содѣйствія, безъ вашей помощи я ничего не въ состояніи сдѣлать, безъ васъ я не справлюсь, ничего не могу... на васъ вся надежда... вамъ не занимать-стать здраваго смысла... у васъ, братцы, многому, многому слѣдуетъ поучиться...

Еще два-три слова въ такомъ родѣ—и окончательно расчувствовавшійся ораторъ потерялъ бы всякое самообладаніе, между тѣмъ, какъ на лицахъ обступившихъ Березина мужиковъ, открытыхъ и насмѣшливыхъ, можно было ясно читать: это на что же такъ? на что-же такъ?.. Нѣтъ, братъ, шалишь. Насъ тоже на кривой-то не вдругъ объѣдешь... шалишь!

Тутъ, и весьма кстати для оратора, вопросъ о количествѣ вина былъ, наконецъ, порѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, такъ какъ старшина согласился поставить требуемое количество ведеръ.

— Чего маяться-то!—крикнулъ кто-то сзади...—пора мірское вино пить, чего тутъ маяться-то!

Вся толпа разомъ зашевелилась и хлынула на площадь.

— Дураки вы этакіе! дураки! дур-р-р-р-аки!—на все правленіе гремѣлъ позеленѣвшій отъ злобы Захаръ Михайловичъ.

IV.

Не взирая на первую неудачу, Березинъ не унывалъ, и душа его переполнена была готовностью посвятить жизнь отвлеченной, но все-таки горячей любви къ народу.

— Какъ-же быть, гдѣ-же намъ взять людей для подписанія просьбы,—обратился онъ къ священнику, какъ человѣку самому рьяному изъ всѣхъ его сподвижниковъ, но тотъ, ни на минуту не задумываясь, тотчасъ-же подыскалъ человѣкъ 20-ть изъ числа бывшихъ дворовыхъ и всякихъ праздно-шатающихся людей, всегда и на все готовыхъ.

Прошеніе объ открытіи товарищества написано, подписано и отправлено въ городъ.

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи отвѣта Березинъ неусыпно готовился къ предстоящей дѣятельности, читалъ и перечитывалъ всевозможныя брошюры и популярныя книжки о товариществахъ, и въ то же время ежедневно, по нѣсколько часовъ сряду, проводилъ въ школѣ, принимая даже участіе въ самомъ преподаваніи. Но вскорѣ между нимъ и нервной учительницей возникли совершенно неожиданныя и въ то же время нескончаемыя недоразумѣнія. Учительница безпрерывно измѣняла свои отношенія къ Березину: то ей казалось, что онъ недостаточно сочувствуетъ школьному дѣлу, и она горько рыдала по этому случаю, то казалось, что онъ уже черезъ-чуръ часто бѣгаетъ въ школу и нѣтъ ли тутъ чего другого, какихъ-нибудь сѣтей и донъ-жуанскихъ поползновеній, тѣмъ болѣе, что какой-то таинственный верховой, въ самую глухую полночь, подъѣзжалъ къ училищу, спрашивалъ учительницу и слѣды подковъ какъ разъ привели къ барскому дому... Нѣтъ ли тутъ чего такого, какого-нибудь заговора, посягательства? казнилась учительница и рыдала взапуски. За тѣмъ неизлечимая подозрительность ея обратилась на г-жу Березину, пошли ежедневныя объясненія и письма, въ коихъ повторялось все одно и то же, о неравенствѣ положеній, о томъ, что г-жа Березина обезпечена и независима, а она, учительница, бѣдна и находится въ вѣчной зависимости отъ всѣхъ и отъ каждаго. Старшина, староста, какой-нибудь волостной писарь, всѣ могутъ преслѣдовать ее. Мало-ли что они могутъ... и опять лились потоки горючихъ слезъ.

Мѣсяца четыре спустя, лай дворовыхъ собакъ возвѣстилъ о прибытіи ямщика сосѣдней станціи. Онъ привезъ эстафету, извѣщавшую, что уставъ утвержденъ, и Березину остается только полу-

чить его. Наконецъ, уставъ былъ полученъ. Въ скромномъ нумерѣ губернской гостинницы собрались немногочисленные друзья и почитатели Березина и за стаканомъ вина всю ночь на пролетъ кипѣла задушевная бесѣда, полная участія къ нарождающемуся учрежденію, полная любви къ народу; все было тщательно предусмотрѣно и обдумано заранѣе. Порѣшили, что товарищество должно быть открыто самымъ торжественнымъ образомъ: съ молебномъ, пѣвчими, угощеніемъ и подробнымъ разъясненіемъ устава, разъясненіемъ, послѣ котораго уже не оставалось бы никакихъ недоразумѣній, и для каждаго мужика все было бы ясно и понятно.

V.

Наступилъ давно ожидаемый день открытія товарищества. Березинъ вмѣстѣ съ женой съ ранняго утра забрался въ школу, обдумывая свою рѣчь, обращенную къ народу, подыскивая и припоминая самыя доступныя для крестьянъ выраженія. Ему страшно хотѣлось быть понятымъ, тѣмъ болѣе, что открытіе товарищества несомнѣнно привлечетъ массу народа, не даромъ же священникъ и всѣ остальные сотрудники нѣсколько дней сряду толковали мужикамъ о предстоявшемъ торжествѣ, не даромъ-же наконецъ появляются въ газетахъ эти пространныя описанія трогательныхъ сценъ, сопровождавшихъ открытіе товариществъ въ разныхъ концахъ Россіи, причемъ неминуемымъ образомъ фигурировалъ мѣстный мировой посредникъ или передовой propriétaire, державшій рѣчь къ громадной толпѣ крестьянъ, осаждавшихъ волостное правленіе и проливавшихъ рѣки благодарныхъ слезъ. Прошелъ часъ, другой, еще одинъ, казалось безконечный часъ напраснаго ожиданія, но классная комната, въ которой предполагалось открытіе товарищества, оставалась пуста и безлюдна, и въ этой-то почти пустой комнатѣ отслуженъ былъ молебенъ, а потомъ среди громовъ освирѣпѣвшаго Захара Михайловича, среди избитыхъ фразъ о народномъ невѣжествѣ, глухихъ воплей расчувствовавшейся учительницы, состоялось первое постановленіе несуществившагося собранія, коимъ, какъ значилось въ книгѣ, единогласно избраны были предсѣдателемъ коллежскій ассесоръ Березинъ, бухгалтеромъ священникъ Терпиговъ, распорядителемъ учительница Панкова, членами повѣрочнаго совѣта: волостной старшина, его кандидатъ Протафій Прохоровичъ и очень благообразный старикъ Елисѣй Антоновъ, обра-

щавшій на себя вниманіе своей гладкой, какъ ладонь головой, бѣлоснѣжной бородой до пояса, необычайно мягкимъ голосомъ и какой-то искусственной, всегда сладкой рѣчью.

Миновала недѣля, еще двѣ, три недѣли, а вновь народившееся товарищество не подавало ни малѣйшаго признака жизни. Никто не только не спѣшилъ съ скромными сбереженіями, но даже не являлся занимать денегъ, и 2000 рублей, пожертвованныя Березинымъ, продолжали оставаться нетронутыми и неприкосновенными, а между тѣмъ въ мѣстной газетѣ успѣла уже появиться весьма пространная и глубоко прочувствованная статья, въ которой одинъ изъ юныхъ почитателей Березина съ большимъ, хотя и напускнымъ паѳосомъ описалъ открытіе новаго товарищества, такъ точно и именно въ томъ самомъ порядкѣ, какъ это предполагалось и задумывалось тѣснымъ кружкомъ народолюбцевъ. Этого мало, извлеченіе изъ статьи въ самомъ непродолжительномъ времени очутилось въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ столичныхъ газетъ, а вслѣдъ за тѣмъ Березинъ получилъ уже письмо одного петербургскаго друга, тоже теплаго и сочувствующаго малаго, оканчивавшееся такъ: «Вчера прочелъ я, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, въ 129 № вѣдомостей подробное извлеченіе изъ статьи вашей земской газеты, объ открытіи основаннаго тобою товарищества, и не только порадовался осуществленію благой мысли, но положительно умилился надъ нѣкоторыми, по истинѣ поразительными подробностями самаго открытія. Будь же здоровъ и счастливъ, желаю тебѣ этого просто изъ патріотизма, потому что люди такіе,—какъ ты, нужны нашей родинѣ. Трудись, крѣпись, и да сохранятъ тебя силы земныя, надземныя и подземныя».

Дочитавъ до конца, Березинъ не выдержалъ, подошелъ къ письменному столу и съ-горяча набросалъ отвѣтъ, начинавшійся такъ: «Чтобы чортъ побралъ тебя вмѣстѣ съ твоей восторженностью и вралемъ корреспондентомъ», и т. д.

Напрасное ожиданіе пайщиковъ до такой степени смутило Березина, что онъ съ радостію умчался исполнять порученіе училищнаго совѣта.

Школьное дѣло тогда еще было дѣломъ новымъ, моднымъ, завлекательнымъ, съ неотразимой силой притягивавшимъ къ себѣ все, что только было отзывчиваго и душевнаго въ глуши. Даже слѣпые, ничего не видѣвшіе, кромѣ своихъ личныхъ, узкихъ, эгоистическихъ цѣлей, и тѣ на мгновеніе прозрѣли и заговорили о томъ, что все спасеніе темнаго, невѣжественнаго, пьянаго царства заключается въ образованіи и развитіи забытаго, обойден-

наго народа. Что же долженъ былъ чувствовать Березинъ, отличавшійся крайней впечатлительностью, народолюбіемъ и способностью къ порывистымъ увлеченіямъ. Онъ страстно полюбилъ крестьянскихъ ребятъ, стоялъ на томъ, что изъ нихъ должны выступить великія силы и слуги отечества, всѣми правдами и неправдами добивался прибавокъ на школы, старался по мѣрѣ силъ возвысить матеріальное и соціальное положеніе сельскихъ учителей и учительницъ, этихъ великихъ тружениковъ родной земли, только-что не молился на изображеніе барона Корфа, благоговѣлъ предъ инспекторомъ народныхъ школъ, тогда еще единственнымъ на всю губернію, отличавшимся истинно добрыми качествами и какъ нельзя болѣе подходившимъ къ весеннему періоду школьнаго дѣла, и, наконецъ, не задумываясь тратилъ деньги на постройку школъ, на снабженіе ихъ учебными пособіями, на ёлки и всевозможныя поощренія.

Порученіе, данное Березину, заключалось въ томъ, чтобы осмотрѣть школу, вновь возводимую обществомъ деревни Кашенки, «проникнутымъ», какъ говорилось въ приговорѣ, «самымъ искреннимъ сочувствіемъ къ народному образованію и убѣдившимся въ неудобствахъ, сопряженныхъ съ посылкой дѣтей въ приходское училище сосѣдняго селенія».

Съ дѣтской радостью привѣтствовалъ училищный совѣтъ добрыя начинанія кашинцевъ, и никому даже въ голову не приходило, что какъ приговоръ, такъ и самое желаніе имѣть свою школу есть не что иное, какъ ловкій предлогъ отдѣлаться отъ участія въ постройкѣ помѣстительной приходской школы. Цѣлыхъ два года прошло въ напрасныхъ напоминаніяхъ и безпрерывной перепискѣ, между тѣмъ какъ школа все строилась и не достроивалась.

Собрались старики одинъ мудренѣе, одинъ краснорѣчивѣе другого, и повели Березина на выгонъ, гдѣ виднѣлась крошечная избёнка, съ покривившейся крышей, крыльцомъ безъ ступеней, съ оконными стеклами, выбитыми у голубей, устроившихъ въ необитаемой каморкѣ родъ своего голубинаго клуба.

— Это не школа, это хлѣвъ! да и хлѣвовъ такихъ не бываетъ...—горячился Березинъ.

— Извѣстно—дѣло обчественное... Не одной матери дѣти... одни тянутъ за училище, другіе прочь...—размазывали старики.

— И крыша обчественная?..—желчно перебилъ Березинъ, тыкая палкой въ новую, но уже совершенно негодную и покоробившуюся крышу.

— Извѣстно, обчественная.

— И печка обчественная?—глухимъ голосомъ продолжалъ допрашивать Березинъ, входя въ избу и указывая на печку, успѣвшую провалиться.

— Какъ же, батюшка, и печка обчественная.

Березина передернуло... Онъ въ первый разъ въ жизни сталкивался съ этимъ словомъ, въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придаютъ ему крестьяне.

Не отвѣчая, даже не оглядываясь на бородатыхъ дипломатовъ, онъ бросился въ сани, нырнулъ въ ближайшій ухабъ, въ другой, въ третій, въ сотый—и пошла обычная ломка костей и спины.

Завернулъ въ ближайшую школу. Съ шумомъ, не дожидаясь приказа, вскочили съ мѣста десятки мальчиковъ, успѣвшихъ полюбить Березина, звонкіе голоса пропѣли молитву, вокругъ ласковыя, смѣтливыя, улыбавшіяся дѣтскія лица, способныя въ минуту разсѣять всякую хандру, разогнать всякое облако. Живо, ни для кого незамѣтно пролетѣлъ урокъ, точно какая-нибудь забавная игра, мальчики только-что не пляшутъ вмѣстѣ съ учителемъ и всѣми присутствовавшими при испытаніи и дружнымъ хоромъ отвѣчаютъ на вопросы педагога о томъ, что бываетъ толсто и что тонко? Что прямо и что криво? Что остро и что тупо?

— Щавель—кисель, а полынь?...—съ глубокомысленнымъ видомъ выкрикиваетъ педагогъ.

— Горька!!... гремитъ классъ.

— Собака лаетъ, а кошка?—захлебываясь отъ восхищенія продолжаетъ педагогъ.

— Мяучетъ!!...—точно изъ пушки палили ученики.

Перешли къ закону Божію, и ученики, зажмуривъ глаза, бойко проговорили молитвы и слово въ слово по книжкѣ пробарабанили: «когда Египтяне похоронили умершихъ, тогда стали сожалѣть, что отпустили Израильтянъ—Фараонъ съ войскомъ погнался за ними и догналъ ихъ на берегу Чермнаго моря. Израильтяне испугались», и т. д.

Учителя, учительницы и законоучителя, все друзья и знакомые Березина, по нѣскольку разъ перебывавшіе въ его домѣ, наперерывъ зазывали къ себѣ, не знали, гдѣ посадить, какъ выразить свою признательность къ ревнителю народнаго образованія, въ свою очередь до небесъ превозносившему ихъ качества, способности и заслуги.

Одинъ священникъ стараго закала, малограмотный, но большой охотникъ до лошадей и мѣняла, видимымъ образомъ желая поразить Березина, вынесъ книгу Дарвина, и поднявъ ее надъ

головой и въ то же время кивая на учителя, вскричалъ: «вмѣстѣ съ нимъ за сто верстъ посылали и таки-добыли!»

У себя въ домѣ Березинъ нашелъ невиданное освѣщеніе и сейчасъ же бросившееся въ глаза праздничное настроеніе. Всѣ свѣчи и лампы были зажжены, на кругломъ столѣ стоялъ огромный подносъ съ десертомъ; радушная хозяйка, успѣвшая достаточно расплыться въ деревенскомъ затишьи, точно на крыльяхъ летала по комнатамъ, принося все новыя яства и неотступно угощая гостей.

Священникъ въ новой, шелковой рясѣ, ходилъ какъ-то особенно, то-и-дѣло приподнимаясь на носкахъ и точно вотъ-вотъ собираясь улетѣть какъ птица. Учительница-плакса сидѣла разряженная въ пухъ и прахъ, вся сіявшая стеклярусомъ и бусами.

— Что такое, что случилось?—спрашивалъ озадаченный Березинъ.

— Торжествуемъ и празднуемъ успѣхъ...—отвѣчала хозяйка, порывисто бросаясь на шею мужа.

— Успѣхъ, успѣхъ, успѣхъ—и въ кассѣ ни гроша!—перебилъ священникъ и при этомъ едва не поднялся къ облакамъ.

У Березина отъ удовольствія даже кровь бросилась въ лицо.

— О, нѣтъ, вы шутите, вы шутите?..—спрашивалъ онъ, не довѣряя ушамъ...

Но слѣдовало, наконецъ, повѣрить, такъ какъ всѣ наличныя деньги товарищества единовременно были разобраны сосѣдней волостью на покупку мгновенно выпавшаго скота.

— Удивительная вещь! Удивительная вещь!—восклицалъ Березинъ...—Но какъ же уставъ? Вѣдь это по настоящему не пайщики, не члены... какъ же быть съ уставомъ?—спохватился онъ послѣ первыхъ восторговъ.

— А уставъ мы положили въ желѣзный сундукъ и станемъ его держать за тремя замками и тремя печатями... безапелляціонно рѣшилъ священникъ, высоко поднявъ стаканъ за процвѣтаніе товарищества.

Еще минута, и невиданное счастье распространилось въ комнатѣ, необычайной энергіей горѣли глаза присутствовавшихъ; кажется, еще одно, только одно горячее слово—и всѣ они, тѣсно сдвинувшись, пойдутъ на встрѣчу какъ будто и въ самомъ дѣлѣ показавшейся гдѣ-то яркой зарѣ, только ими замѣченной и открытой.

VI.

Потекли дни ликованій, достигшихъ крайнихъ размѣровъ, когда въ первое же воскресенье въ засѣданіе товарищества степенно вошли осиповскіе мужики, первые «богатыри», т.-е. богачи въ окрестности и, помолившись въ уголъ, вздыхая и охая, принялись доставать далеко запрятанныя деньги. Они явились и въ слѣдующее воскресенье и, живо сообразивъ, что полученіе 12% весьма выгодная вещь, заявили желаніе внести новые паи на своихъ женъ, дѣтей и даже внуковъ. Прокрался въ школу старый Пантелей, караульщикъ при сельской околицѣ, давно уже рехнувшійся отъ любви къ бѣжавшей молодой женѣ и среди общаго хихиканья, неотступныхъ приставаній и просьбъ разсказать все, что уже давнымъ-давно было извѣстно всѣмъ и каждому, съ ужасомъ и недовѣрчиво оглядываясь по сторонамъ, внесъ полный, десятками лѣтъ накопленный пай, ветхими, объѣденными мышами ассигнаціями. Также тайкомъ прибѣжала Настасья, забитая жена батрака-забулдыги и тихомолкомъ отъ мужа внесла послѣдніе, оставшіеся отъ бывшихъ достатковъ сто рублей, въ надеждѣ имѣть какое-нибудь обезпеченіе для семьи. Подъ-руки привели костлявый оставъ 80-ти-лѣтней старухи съ красными, ничего не видѣвшими глазами, сдѣлавшей вкладъ, проценты съ коего долженствовали идти мѣстному священнику на поминовеніе души; пріѣхалъ пастырь сосѣдняго, чувашскаго селенія—и сразу выложилъ 1,000 рублей, которые и оставилъ на три года въ товариществѣ.

Наступили, наконецъ, первые сроки уплатъ, явились заемщики, бравшіе на покупку коровъ; явились безъ гроша денегъ и только съ неотступными мольбами о новой отсрочкѣ. Березинъ заглянулъ въ уставъ и опустилъ голову, но никогда незадумывавшійся священникъ тотчасъ же нашелъ выходъ и предложилъ совѣту получить съ заемщиковъ одни проценты, отложивъ окончательную уплату до новаго срока: не лежать же деньгамъ безъ оборота, да и мужики спасибо скажутъ.

Березинъ молчалъ, отчасти довольный такимъ простымъ разрѣшеніемъ трудной задачи, совершенно искажавшимъ смыслъ устава, но въ то же время вызвавшимъ самое живое одобреніе со стороны мужиковъ, тотчасъ же окрестившихъ такую операцію своеобразнымъ названіемъ «перекладки».

Такимъ образомъ, само собою, помимо всякихъ уставовъ и

предположеній, складывалось какъ настоящее, такъ и будущее вновь открытаго товарищества.

Все пошло не такъ, какъ ожидалось, а такъ, какъ, повидимому, не должно было дѣлаться. Для всѣхъ стало понятно и ясно, какъ день, что при настоящихъ условіяхъ сельскаго быта ни о какомъ товариществѣ, ни о какихъ членахъ, понимающихъ дѣло, не можетъ быть и рѣчи, что въ дѣйствительности всѣ члены товарищества раздѣляются на двѣ категоріи и состоятъ изъ массы бѣдняковъ-заемщиковъ, не имѣющихъ ни малѣйшей склонности къ скромнымъ сбереженіямъ, не желающихъ дать какіе бы то ни было взносы, и весьма ограниченнаго количества полныхъ пайщиковъ, разсчитывающихъ только на крупный процентъ, причемъ самый уставъ съ перваго пункта его и до послѣдняго долженъ оставаться мертвой буквой и, по словамъ священника, лежать въ желѣзномъ сундукѣ подъ тремя замками и тремя печатями. Это послѣднее обстоятельство не только никого не тревожило, но для всѣхъ казалось вполнѣ естественнымъ.

Какой тутъ уставъ, зачѣмъ уставъ, когда всѣ наши уставы для того только и сочиняются, чтобы никто не заглядывалъ и не соблюдалъ ихъ, когда всѣ очень довольны, а дѣла товарищества — пошли блестящимъ образомъ.

VII.

Прошло три года, и хотя путь, пройденный Березинымъ, въ качествѣ предсѣдателя товарищества, члена училищнаго совѣта, попечителя нѣсколькихъ школъ и участковаго мирового судьи, довольно щедро былъ усыпанъ терніемъ, но въ то же время дѣятельность его все болѣе и болѣе расширялась.

Для Березина, окончательно засѣвшаго въ деревнѣ, все болѣе и болѣе становилось ясно, что проживаніе въ захолустьѣ есть чистая смерть, что все спасеніе въ дѣятельности, а вся дѣятельность ограничивалась служеніемъ опальному захолустью и непреодолимымъ желаніемъ узнать народъ и какъ можно ближе сойтись съ нимъ; исполнить это ему казалось легко, онъ былъ независимъ, здоровъ и богатъ. Онъ не рѣшался еще дѣлать общихъ выводовъ и заключеній, но волей или неволей ему уже пришлось отказаться отъ нѣкоторыхъ иллюзій, такъ, напримѣръ, пришлось не только отбросить мысль—когда-нибудь передать дѣла товарищества въ руки крестьянъ, но даже всякую надежду выбрать изъ нихъ сколько-нибудь вѣрныхъ и понимающихъ дѣло

помощниковъ. А послѣ того, какъ кандидатъ волостного старшины Протафій Прохоровичъ, избранный въ члены ювѣрочнаго совѣта, болѣе года не вносилъ какихъ-то тридцати рублей, составлявшихъ все достояніе крестьянской вдовы, довѣрившей ему эти деньги для помѣщенія на вкладъ; когда Елисѣй Антоновичъ, красивый старецъ съ апостольскимъ лицомъ, въ-тихомолку началъ пользоваться невинными доходами, а наконецъ, самъ волостной старшина принялся всякими неправдами проводить въ товарищество первыхъ пьяницъ и плутовъ въ волости,—тогда Березинъ съ яростью истребилъ извѣстныя, когда-то цѣнимыя имъ брошюры, увѣрявшія, что «какъ только понятіе о товариществѣ усвоивается, какъ только польза его дѣлается осязательной, крестьяне такъ ведутъ дѣло, такъ строго относятся къ исполненію своихъ обязанностей, что всякое руководительство становится излишнимъ». На практикѣ все выходило навыворотъ, понятіе о товариществѣ никѣмъ не усвоивалось, а послѣ его трехлѣтняго существованія, передъ глазами предсѣдателя, совершенно неожиданно выросла цѣлая деревня, разъ и навсегда лишенная всякаго кредита, такъ какъ всѣ обыватели ея подрядъ отличались не только неисправностью, но и постояннымъ желаніемъ обмануть и провести правленіе, послѣдствіемъ чего было три уголовныхъ дѣла, кончившихся тюрьмой, а также исключеніе 174 неблагонадежныхъ членовъ.

Березинъ имѣлъ полную возможность, до малѣйшей подробности, узнать всю подноготную о крестьянахъ сосѣднихъ селъ и деревень, вошедшихъ въ составъ товарищества, но это близкое знакомство только запутывало вопросъ объ изученіи народа и затрудняло достиженіе какихъ бы то ни было общихъ выводовъ и заключеній. Какіе тутъ выводы и заключенія, когда самое слово «народъ» разбилось и разсыпалось передъ нимъ на множество селъ, деревень, выселокъ и обществъ, не имѣвшихъ между собою ничего одинаковаго, мало-мальски похожаго; когда одно общество нѣсколько лѣтъ уже не просыпалось отъ пьянства, вошедшаго въ жизнь и привычку, а рядомъ другое, за нѣкоторымъ исключеніемъ, представляло только что не общество трезвости, когда всѣ обитатели одной деревушки, кого ни возьми на выборъ, отличные работники, а обитатели другой—всѣ на перечетъ лѣнтяи, у которыхъ все изъ рукъ валится, когда встрѣчаются села и деревни, окруженныя всѣми условіями, необходимыми для полнаго довольства, и въ то же время поражавшія бѣдностью и нищенскимъ видомъ обывателей—и тутъ же рядомъ, при условіяхъ, несравненно худшихъ, замѣчается извѣстная зажиточ-

ность; когда, наконецъ, изъ практики самого товарищества оказалось, что есть такія села, съ которыми невозможно имѣть никакого дѣла, которыя не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія, и есть села и деревушки, обыватели коихъ, во что бы то ни стало, приносили въ срокъ занятыя деньги.

Утративъ нѣкоторую долю своего народолюбія, вмѣстѣ со способностью рисоваться и фразерствовать, Березинъ сталъ работать еще болѣе прежняго. Цѣлые дни проходили для него въ школахъ, засѣданіяхъ товарищества или въ судейской камерѣ — и только поздно вечеромъ возвращался онъ въ среду своего семейства, усталый и истомленный. Онъ работалъ какъ волъ, работалъ, не пользуясь ни малѣйшимъ развлеченіемъ или отдыхомъ, работалъ, не оглядываясь по сторонамъ, закрывши глаза на все окружающее, заранѣе распредѣляя свои занятія по часамъ, днямъ и мѣсяцамъ, и только радуясь и утѣшаясь тѣмъ, что обороты товарищества достигли 27 тысячъ при 8 тысячахъ пайщиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ излюбленная, имъ же основанная школа окончательно встала на ноги, обогатилась всякими нужными и ненужными книгами и учебными пособіями, что учительница получала уже не 240, а 400 руб. жалованья, а главное, что школа могла содержать 10-ть бѣднѣйшихъ мальчиковъ на своемъ полномъ иждивеніи и наконецъ открыть мастерскую, въ которой ученики обучались столярному мастерству. Наслаждаясь всѣмъ этимъ, Березинъ и не подозрѣвалъ, что переживаетъ лучшіе, невозвратимые дни своей жизни. И точно — самолюбіе и возвышенныя стремленія были удовлетворены вполнѣ; провинціальные либералы, изъ числа юныхъ акцизныхъ и контрольныхъ чиновниковъ, трубили въ трубы и прославляли имя Березина во всѣхъ газетахъ, цѣлая волость выразила однажды свое соболѣзнованіе по случаю его болѣзни; высокопоставленное лицо письменно заявило признательность за сочувствіе святому дѣлу народнаго образованія и едва не украсило его грудь орденомъ св. Анны 3-й степени.

«Не могу умолчать о замѣчательной дѣятельности члена училищнаго совѣта И. И. Березина!— восклицалъ въ своемъ пространномъ отчетѣ, кажется, уже третій по счету инспекторъ народныхъ училищъ: онъ своимъ вліяніемъ на крестьянъ улучшаетъ существующія и открываетъ вновь школы въ уѣздѣ, онъ на свой счетъ выстроилъ двухъ-этажную школу, содержитъ при школѣ десять мальчиковъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ, онъ снабдилъ свою школу всѣми учебными пособіями, изъ которыхъ особенно выдается подвижной зоологическій атласъ, типы народовъ и въ

особенности коллекціи насѣкомыхъ, земель, минераловъ, металловъ, растеній и предметовъ изъ ржи, льна» и т. д.

Всѣ были въ упоеніи, и никто не замѣчалъ, или не хотѣлъ замѣчать, что это упоеніе держалось на какой-то особаго рода добросовѣстной лжи, на очевидномъ для каждаго трезваго человѣка преувеличеніи взаимныхъ заслугъ и способностей.

Всѣ, точно согласившись заранѣе, преувеличивали качества, заслуги и способности Березина, въ свою очередь платившаго тѣмъ-же самымъ, но что до этого,— когда въ результатѣ всѣхъ этихъ взаимныхъ восхваленій и преувеличеній получалось общее наслажденіе, а въ попыхахъ, торопливо строилась первая сельская школа съ добродушными и трезвыми учителями, съ гуманнымъ обращеніемъ, съ учениками и ученицами, стрѣлой летѣвшими учиться.

VIII.

Еще годъ прошелъ. Березинъ только-что вернулся изъ столицы, гдѣ лечился отъ сильнаго нервнаго разстройства, лечился разомъ аллопатіей, гидропатіей, гимнастикой и электричествомъ. Онъ нѣсколько посвѣжѣлъ и пріободрился, какъ это всегда бывало съ нимъ послѣ отдыха и разнообразія столичной жизни, а потому хладнокровнѣе, нежели обыкновенно, перенесъ огорченія, поджидавшія въ деревнѣ. Въ его отсутствіе приходъ лишился священника, а товарищество—своей души. Это случилось благодаря происканъ сосѣдняго землевладѣльца, у котораго товарищество отбило десятокъ мужиковъ, переставшихъ брать деньги подъ работу. Вмѣстѣ съ священникомъ, покинула свое мѣсто и сельская учительница, постоянно трепетавшая за свою непорочность, и кончившая самымъ неожиданнымъ, для нея самой необъяснимымъ, замужствомъ съ юнымъ гимназистомъ, убоявшимся премудрости и пожелавшимъ скоропостижно жениться непремѣнно на сельской учительницѣ. Обязанность священника принялъ письмоводитель, а на мѣсто ни за что, ни про что, сгубившей себя учительницы прислали учителя, только-что кончившаго курсъ въ учительской семинаріи.

Учительскія мѣста въ уѣздѣ замѣщались воспитанниками двухъ семинарій, различавшихся между собой особыми качествами и свойствами, скорѣе вымышленными и въ пылу ожесточенной полемики сочиненными разными ревнителями народнаго образованія, нежели существующими въ дѣйствительности. Однихъ

окрестили «маловѣрами», другихъ «проникнутыми нравственно-религіознымъ направленіемъ», тогда какъ при малѣйшей наблюдательности легко было сообразить и понять, что въ сущности между сельскими учителями рѣдко встрѣчались люди съ твердыми, разъ навсегда сложившимися убѣжденіями и вѣрованіями, а первые отличались отъ вторыхъ только нѣкоторыми внѣшними признаками, позволяли себѣ продовольствоваться молокомъ во время постовъ, между тѣмъ какъ вторые, даже по средамъ и пятницамъ, питались огурцами и капустой; первые напоминали обыкновенныхъ бурсаковъ съ претензіей на развязность и бойкость, вторые какъ нельзя болѣе походили на монастырскихъ послушниковъ; первые выучивали точно по заказу,—разъ, два и готово,—а вторые не обладали такой виртуозностью, но въ то же время только избранные изъ тѣхъ и другихъ въ состояніи были читать со смысломъ по-русски и правильно писать на своемъ языкѣ.

Учитель, водворившійся въ школѣ Березина, принадлежалъ къ такъ-называемымъ «маловѣрамъ», и вѣроятно вслѣдствіе этого выказывалъ бо́льшую развязность и бойкость. Его голова съ хохломъ бѣлыхъ, щетинистыхъ волосъ, была всегда закинута назадъ, глаза упорно смотрѣли вверхъ, а никогда не замыкавшіяся уста сыпали нескончаемымъ потокомъ фразъ о долгѣ, о любви къ дѣтямъ и высокомъ призваніи учителя. Не успѣлъ онъ осмотрѣться въ школѣ, какъ уже прислалъ Березину, какъ попечителю школы, записку слѣдующаго содержанія:

«Честь имѣю покорнѣйше просить васъ разсмотрѣть нужды школы, которыя состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Такъ какъ классная комната не промазана въ пазахъ, то тамъ по всей комнатѣ накопилась масса пыли, стѣны сдѣлались мрачными, въ комнатѣ недостаточно свѣта, вслѣдствіе чего можетъ развиваться глазная болѣзнь.

2) Та масса пыли, которая покрываетъ стѣны, при движеніи мальчиковъ до класса, во время перемѣны между классовъ и по окончаніи классовъ—можетъ подниматься со стѣнъ и носиться въ воздухѣ. Такимъ образомъ, намъ придется пользоваться не газомъ, не говоря уже о присутствіи кислорода, а съ примѣсью къ нему 50% твердыхъ веществъ, составляющихъ пыль.

3) Квартира учителя страдаетъ тѣми-же недостатками съ прибавленіемъ ко всему холода, какъ передавала моя предшественница, г-жа Панкова.

«Однимъ словомъ, школа страдаетъ всѣми гигіеническими

условіями, за отсутствіемъ ихъ, хотя ихъ и требуетъ современная педагогика.

«Покорнѣйше прошу васъ принять съ своей стороны надлежащія мѣры къ устраненію перечисленныхъ мною недостатковъ. 1874 г.—Учитель сельской школы Алексѣй Артодоксовъ».

Нѣсколько озадаченный такимъ посланіемъ, Березинъ безропотно принялся за исправленіе и безъ того исправнаго училища, а между тѣмъ приспѣли самые лучшіе дни въ году,—дни, когда мертвая, сельская жизнь мгновенно оживлялась и наконецъ-то вкушались плоды трудовыхъ, до тошноты однообразныхъ, до изнеможенія утомительныхъ, будничныхъ, праздничныхъ и воскресныхъ дней, постоянно занятыхъ засѣданіями товарищества.

По обыкновенію, вошедшему въ привычку, наканунѣ новаго года, въ домѣ Березина собирались всѣ члены правленія для провѣрки годового отчета и составленія новыхъ постановленій, безъ малѣйшихъ измѣненій проходившихъ въ общемъ собраніи. Затѣмъ 1-го января должно было состояться общее собраніе, а на другой день обыкновенно устроивалась большая ёлка. Эти-то дни мирныхъ, сельскихъ торжествъ и были для Березина едва-ли не единственными, выходящими изъ ряда будничныхъ, днями истинно человѣческихъ, тихихъ радостей, впервые созданныхъ въ мертвой, кабачно-дикой, сельской обстановкѣ. Онъ хорошо понималъ это, и потому-то можетъ быть такъ сильно дорожилъ созданіемъ рукъ своихъ.

IX.

За большимъ столомъ, заваленнымъ толстыми книгами и бумагами, съ утра и до вечера сидѣли члены правленія, что-то писали, щелкали на счетахъ и тихо переговаривались между собою, а изъ дверей то-и-дѣло высовывались дворовые люди, насильственнымъ образомъ втянутые въ товарищество, а теперь сами собой пристрастившіеся къ сбереженіямъ: они съ нетерпѣніемъ ожидали, когда будутъ позваны и получатъ свои проценты.

Наконецъ, все было окончено,—записано, провѣрено и выяснено.

— Готово и, кажется, все, какъ слѣдуетъ, въ порядкѣ, — съ видимымъ наслажденіемъ проговорилъ Березинъ, поднимаясь съ мѣста и выпрямляя наболѣвшую спину.

Всѣ поднялись, а изъ прихожей, широко улыбаясь и сіяя

отъ удовольствія, выступилъ скуластый кучеръ съ книжкой въ рукахъ.

Проценты розданы, отчислена сумма, слѣдовавшая на школу, наглядным образомъ убѣждавшая, что школа не только вполнѣ обезпечена, но еще можетъ быть расширена и улучшена. Хозяйка зоветъ къ завтраку, и все принимается за чай и закуску, съ наслажденіемъ, возможнымъ только послѣ продолжительнаго, усидчиваго труда. Въ уютной столовой начинается нескончаемое чаепитіе, слышится знакомый русскому уху трескъ крѣпкаго сахара, попавшаго на еще болѣе крѣпкіе зубы, и долго тянется тихая, дѣловая бесѣда.

Наконецъ, третій самоваръ покончилъ, гости собираются восвояси, а ночевать остается только взъерошенный «маловѣръ», съ которымъ необходимо еще о многомъ переговорить, многое обдумать и устроить къ предстоящей ёлкѣ.

На другой день, послѣ обѣдни, обычные гости собрались въ домѣ священника. Въ числѣ гостей, состоявшихъ изъ управляющихъ съ женами и дѣтьми, находился и Березинъ. Разряженныя управительши, чтобы не уронить своего достоинства, усѣлись рядомъ на диванѣ; чисто выбритые и густо накрахмаленные управляющіе помѣстились вокругъ чайнаго стола, между тѣмъ какъ Березинъ, по обыкновенію, быстро прохаживался по комнатѣ, то-и-дѣло заглядывая въ окно, изъ котораго виднѣлась покрытая снѣгомъ площадь съ церковью по срединѣ и вереницей мужиковъ, плетущихся къ школѣ, гдѣ должно было происходить общее собраніе.

Гости сидѣли тихо, не шевелясь, и видимымъ образомъ стѣснялись присутствіемъ Березина.

— Вотъ и праздниковъ дождались, Серафима Пареновна,— едва слышно проговорила одна изъ управительшъ, и почему-то глубоко вздохнула.

— Да!—отвѣчала другая, и вздохнула еще глубже.

— Я слышалъ, вы, Иванъ Васильевичъ, хорошо продали гречиху?—бойко заговорилъ одинъ изъ управляющихъ.

Но Иванъ Васильевичъ, управитель сосѣдняго имѣнія, не отвѣчая ни слова, продолжалъ, сверкая глазами, смотрѣть на безпорядочно-болтавшагося по комнатѣ Березина, съ которымъ время отъ времени вступалъ въ горячіе споры, постоянно доказывая, что Россія есть самая непросвѣщенная имперія, что мужика слѣдуетъ драть какъ сидорову козу, а всѣ благія начинанія исчезнутъ какъ дымъ...

Пришелъ нѣсколько запоздавшій въ церкви батюшка, румя-

ный, красивый, крайне добродушный и симпатичный молодой человѣкъ, подъ вліяніемъ Березина, всячески вымучивавшій изъ себя современнаго священника, стоящаго на высотѣ своего призванія.

— Слышали? слышали? — громко спрашивалъ священникъ, входя и обращаясь прямо къ Березину.—Оробѣлъ, совсѣмъ оробѣлъ: небольшое слово произнесъ — и оробѣлъ... Совершенно растерялся... А? плохо? Самъ знаю, что плохо...

Дѣло шло о только-что произнесенной священникомъ проповѣди.

Березинъ началъ увѣрять, что совсѣмъ не плохо, что неумѣнье говорить есть общій недостатокъ русскихъ людей, что этимъ смущаться нечего, что, наконецъ, вотъ онъ самъ ожидаетъ своей очереди и въ настоящую минуту казнится тѣмъ, что бы такое сказать на общемъ собраніи.

Злобствующій управляющій круто повернулся на стулѣ, готовясь немедленно доказывать не только безполезность, но даже существенный вредъ, приносимый товариществомъ; но въ эту минуту вошелъ училищный сторожъ и доложилъ, что все готово и ожидаютъ только предсѣдателя.

Березинъ быстро исчезъ изъ комнаты, языки мгновенно развязались, а злобствующій управитель, собираясь вслѣдъ за Березинымъ и приглашая остальную компанію, говорилъ: «если уже затѣялось представленіе, то должно, чтобы всѣ его видѣли... какъ же иначе?»

Медленно, то-и-дѣло увязая въ сугробѣ, двигался Березинъ по площади и смущенный, какъ и всегда, при встрѣчѣ съ толпой, ничего не видя, не узнавая со всѣхъ сторонъ кланявшихся крестьянъ, вошелъ въ школу и тотчасъ же принялся торопить «маловѣра» съ чтеніемъ отчета.

По обыкновенію нечесаный учитель значительно крякнулъ и болѣе чѣмъ когда-нибудь закинулъ назадъ голову.

«Движимое чувствомъ вѣчной признательности къ учредителю ссудо-сберегательнаго товарищества, коллежскому ассесору Ивану Ивановичу Березину»,—медленно, рисуясь и отчеканивая каждое слово, началъ педагогъ,—«единовременно пожертвовавшему двѣ тысячи рублей, безъ чего самое основаніе товарищества было бы немыслимо...»

— Позвольте! позвольте! что это такое? Я этого не ожидалъ и не желалъ... Позвольте!—перебивалъ Березинъ.

Но легче было повелѣвать стихіямъ, нежели остановить

вошедшаго въ азартъ педагога: онъ окончательно опрокинулъ голову и сталъ читать еще громче:

«Общее собраніе торжественно и единогласно постановило ходатайствовать о разрѣшеніи имѣть въ засѣданіи товарищества портретъ его учредителя и, можно сказать, отца — коллежскаго ассессора Березина, на память и въ назиданіе грядущему потомству», и т. д.

Чтеніе кончилось: ни одна черта не дрогнула и не шевельнулась на цѣлой сотнѣ крестьянскихъ лицъ, кругомъ все то же деревянное равнодушіе, тѣ же широко раскрытые рты и стоячіе, ничего не выражавшіе глаза.

Тутъ, и весьма кстати, началась раздача прибылей,—къ столу подвинулось десятка два обросшихъ окладистыми бородами и облеченныхъ въ новые, желтые чепаны, богатырей-пайщиковъ. Они весело, на-перерывъ подавали свои книжки, облизываясь, получали по 12% на свои паи и за это отвѣшивали только-что не земные поклоны все еще стоявшему въ остолбененіи предсѣдателю. Къ счастью, хлопоты по случаю школьной ёлки не давали задумываться и сосредоточиться на сюрпризѣ, устроенномъ членами повѣрочнаго совѣта, а самая ёлка, помимо воли, бросила въ атмосферу безмѣрной дѣтской радости, противъ которой не устоять никакимъ гражданскимъ скорбямъ и терзаніямъ.

Внутренность школы мгновенно преобразилась: полинявшіе обои закрылись коврами, сотни свѣчъ и цвѣтныхъ фонарей наводнили комнату огнемъ и свѣтомъ, три высокія ёлки снизу до верху разукрасились фольгой, золотомъ и серебромъ, а широкія, раскинувшіяся вѣтви ихъ гнулись подъ тяжестью платковъ, шарфовъ и лакомствъ. Но вотъ на лѣстницѣ послышался шумъ торопливыхъ шаговъ, въ комнату хлынула пестрая волна разряженныхъ, раскраснѣвшихся на морозѣ и расчесанныхъ по праздничному мальчиковъ и дѣвочекъ. Такая давка, что ни двигаться, ни присѣсть нѣтъ никакой возможности. Классная комната оказалась слишкомъ мала, чтобы вмѣстить такую кучу народа, всѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ, вытянувъ руки по-швамъ, съ открытыми до невозможности ртами — и во весь голосъ, что было мочи, поютъ: «Рождество Твое, Христе Боже нашъ...» Мѣшаются дѣтскіе, старческіе, женскіе и мужскіе голоса, а на возвышеніи уже стоитъ Вася, украшеніе школы, любимецъ Березина, голубоглазый мальчикъ со свѣжимъ румянцемъ и свѣтлыми кудрями; онъ приготовилъ «Школьника» Некрасова и открываетъ торжество... Все смолкло, притаило дыханіе:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что̀ выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,—
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой...

Среди мертвой тишины, водворившейся въ школѣ, раздается мягкій, пѣвучій, прямо въ душу идущій, голосъ Васи... Точно съ самаго неба слетѣло небывалое, никогда не испытанное умиленіе. Оно совершенно захватываетъ Березина, рядомъ съ нимъ стоитъ старый дѣдъ, Захаръ Михайловичъ, весь превратившійся въ слухъ и восторгъ, а большіе, широко раскрытые, полные слезъ глаза его неподвижно устремлены на Васю, на его любимаго внука.

X.

Нестерпимо, небывало жаркое лѣто; раскаленная земля трескалась, все живущее окончательно повѣсило голову; въ знойномъ воздухѣ кружатся міріады мухъ, комаровъ и слѣпней, всячески допекая и безъ того истомленнаго мужика и его коня-пахаря. Березинъ, то разбирающій массу дѣлъ, въ качествѣ судьи, то стремглавъ скачущій по полямъ и неистовствующій противъ рабочихъ, то проникавшійся самой искренней жалостью къ тѣмъ же рабочимъ, по нѣсколько разъ въ день повторяетъ: «деревня лѣтомъ—адъ!»

Прибѣжалъ обливавшійся потомъ школьный сторожъ и, запыхавшись, объявилъ, что наѣхалъ ревизоръ—ревизовать товарищество, и въ ужасѣ только-что не добавляетъ: «погоди, постой, что̀ только онъ съ тобой сдѣлаетъ».

Въ классной комнатѣ Березинъ нашелъ «маловѣра», письмоводителя и еще молодого, весьма элегантнаго господина, въ золотомъ пенснэ на носу и въ такихъ великолѣпныхъ ботфортахъ, что на нихъ, противъ воли, то-и-дѣло останавливались глаза скромныхъ и нѣсколько одичавшихъ сельскихъ тружениковъ.

Само-собою разумѣется, что всѣ книги товарищества оказались въ блестящемъ видѣ, и элегантный ревизоръ ежеминутно пожималъ руки Березина и его сподвижниковъ; но когда нѣсколько пріободрившіеся простяки подступили съ откровенными, возможными только въ глуши разговорами о непримѣнимости устава, съ самаго дня открытія товарищества положеннаго подъ

сукно, когда дѣло пошло на-распашку, когда заговорили о фиктивныхъ членахъ, а главное—о неизбѣжной, излюбленной народомъ перекладкѣ, тогда ревизоръ мгновенно стушевался, точно ушелъ въ свои блестящіе ботфорты, и въ одно и то же время одобрялъ перекладку, которую называлъ «перепиской векселей», и тутъ же порицалъ, къ полному недоумѣнію деревенскихъ жителей, не искусившихся въ умѣньи говорить о вещахъ такъ, чтобы выходило прилично и, въ то же время, непонятно. Въ заключеніе послѣдовалъ обѣдъ у Березина, во время котораго деревенскіе дѣятели, съ одушевленными, красными лицами, разсыпались всевозможными проектами и предположеніями относительно будущихъ и неизбѣжныхъ измѣненій устава, между тѣмъ какъ юный ревизоръ старался выразить на лицѣ своемъ полное вниманіе и удовольствіе, тогда какъ для самаго поверхностнаго наблюдателя было бы ясно, что, кивая головой и ласково улыбаясь, онъ думалъ о чемъ-то совершенно постороннемъ, не имѣющимъ ничего общаго ни съ ссудо-сберегательными товариществами, ни съ опальнымъ захолустьемъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, правленіе товарищества получило отъ отдѣленія бумагу такого содержанія:

«1) Твердо, очень твердо держитесь устава и не допускайте никакихъ поблажекъ, существующихъ отъ доброты сердца, въ особенности при распоряженіи чужими деньгами, и, наконецъ, вслѣдствіе боязни, что разбѣгутся члены. Разбѣгутся дурные члены—и слава Богу: дурная трава изъ поля вонъ.

«2) Относительно ссудъ, вѣроятно, допускалась и допускается переписка росписокъ, чего уже не разрѣшать ни подъ какимъ видомъ.

«3) Паевые взносы, вѣроятно, платятся только при ссудѣ, что тоже совершенно противно уставу и должно быть немедленно прекращено».

Затѣмъ въ непродолжительномъ времени отъ совѣтовъ перешли къ болѣе суровымъ внушеніямъ, въ которыхъ уже говорилось, что всякое отступленіе отъ устава будетъ возложено на отвѣтственность правленія.

XI.

Цѣлую ночь, въ страшной тьмѣ завывалъ вѣтеръ, дождь хлесталъ въ окна, ставни скрипѣли и хлопали, и всю ночь на пролетъ, ни на одну минуту, не сомкнулись глаза Березина, безпокойно ворочавшагося на постелѣ и съ ужасомъ помышлявшаго

объ отвѣтственности, которая все чаще и чаще грозила правленію. Передъ разсвѣтомъ Березинъ на минуту забылся. Но вотъ въ комнатѣ стало какъ-то особенно свѣтло; Березинъ быстро поднялся съ кровати, взглянулъ въ окно и остановился въ изумленіи: на крышахъ, на деревьяхъ, на дорогѣ, на дальнихъ поляхъ лежало бѣлое покрывало перваго снѣга. Нигдѣ ни лоскута земли, ни кучи навоза, ни клока грязной соломы. Какая-то особенная тишина царила вокругъ, точно сама природа собралась, наконецъ, отдохнуть подъ бѣлымъ мягкимъ покровомъ; отовсюду вѣяло миромъ и чѣмъ-то такимъ, что̀ вызываетъ спокойствіе и расположеніе къ отдыху. Березинъ тоже хотѣлъ бы отдохнуть, не выходить, никого не видать, ничѣмъ не заниматься, ни о чемъ не думать, но исполнить этого не было никакой возможности; въ камерѣ уже собралась толпа народа, въ два часа назначено очередное засѣданіе повѣрочнаго совѣта, а въ прихожей навѣрно уже ожидаетъ меньшая братія съ разнообразными нуждами и просьбами. Тутъ были и депутаты, выбранные для переговоровъ о полушубкахъ, которыми Березинъ долженъ былъ надѣлить учениковъ и учениць приходской школы, прежде нежели собирать ихъ; тутъ была оборванная баба съ отчаянной злобой, приносившая жалобу на волостной судъ; тутъ было цѣлое крестьянское семейство, уже нѣсколько лѣтъ дѣлившее между собой свое хозяйство; тутъ была солдатка, показывавшая всѣмъ своего больного, покрытаго язвами ребенка. Выступилъ впередъ старикъ съ вьющимися, еще темными волосами, спокойными, отчасти безъ заботными, сѣрыми глазами и загорѣлымъ, но поразительно моложавымъ лицомъ. По грубости коричневой кожи и тотчасъ же бросившейся въ глаза сутуловатости, ясно было, что вся долгая жизнь старика прошла въ непосильной, слишкомъ тяжелой работѣ. Иванъ Борисовичъ,—такъ звали старика,—былъ для Березина такимъ же предметомъ обожанія, какъ и Захаръ Михайловичъ, но все сходство между двумя стариками заключалось только въ свойственномъ большинству русскихъ людей стремленіи во что бы-то ни стало отдѣлываться отъ всякихъ общественныхъ и мірскихъ дѣлъ, а затѣмъ они не имѣли между собою ничего общаго. Одинъ былъ типомъ настоящаго земледѣльца, стараго, уже исчезающаго закала, такъ-сказать приросшаго къ землѣ и ничего не знавшаго, не желавшаго знать, кромѣ хлѣбопашества; другой былъ исключительно садоводъ и пчелякъ; одинъ былъ человѣкъ самый незлобивый, степенный, и нравъ его противился всякому шуму и брани; другой вѣчно кипятился, порицалъ и кого-нибудь обличалъ; одинъ какъ нельзя болѣе справедливо названъ былъ

Березинымъ «несокрушимымъ», за то, что никогда не роптalъ и уживался со всякимъ положеніемъ. Старшій сынъ его ушелъ за Дунай, второй въ азіатскую Турцію, а Иванъ Борисовичъ какъ будто и не замѣчалъ этого, и оставшись вдвоемъ съ слабымъ, болѣзненнымъ, малолѣткомъ, молча, безропотно управлялся со всѣми работами, разсчитанными на 4 души. Напротивъ того, Захаръ Михайловичъ никогда добровольно не подчинялся какимъ-нибудь стѣсненіямъ, а всегда громко и рѣзко протестовалъ. Наконецъ, одинъ былъ крайнимъ западникомъ, видѣлъ все наше спасеніе въ нѣмцахъ и заимствованіяхъ чужеземнаго, тогда какъ на откровенномъ лицѣ «несокрушимаго» тотчасъ же появлялась снисходительная, даже презрительная улыбка, какъ только рѣчь заходила о нѣмцахъ и вообще о чужеземныхъ порядкахъ, и никто въ цѣломъ свѣтѣ не въ состояніи былъ бы разубѣдить его въ томъ, что русскій народъ не первый народъ въ мірѣ, повелѣвающій всѣми, другими народами, точно также какъ повелѣвали помѣщики своими бывшими крѣпостными людьми.

— Что скажешь?—спросилъ Березинъ.

— А вотъ, Господи благослови, пришлось въ вашемъ банкѣ деньги занимать.

— За чѣмъ же дѣло стало?

— А за ручателями.

— За тебя всякій поручится.

— Да вѣдь каждаго и поить надо. Каждому ручателю поднеси,—это разъ; сельскому старостѣ за печать тоже поднеси—два; да въ волостную заплати, сколько тамъ положено за повѣрку ручательства,—это выходитъ три.

— Да вѣдь не всѣ же поручители пьяницы, ищи трезвыхъ.

— Непьющіе-то еще больше спросятъ: тѣмъ подавай самоваръ, да меду, да сластей всякихъ. Это еще больше составитъ. Нѣтъ, уже не откажите, какъ Богъ, такъ и вы—поручитесь.

Березинъ потерялъ уже счетъ принятымъ на себя ручательствамъ, но хорошо зная, какъ дорого обходится мужику ручательство, особенно такъ-называемыхъ «непьющихъ», не могъ отказать старику.

Въ эту минуту гдѣ-то на дворѣ раздались не-человѣческіе вопли и стенанія; изъ окна прихожей было видно, что по двору бѣжали люди, поспѣшая въ камерѣ и перегоняя другъ друга; пожилой поваръ, въ башмакахъ и бѣлой курткѣ, забывъ свою обычную важность, стрѣлой летѣлъ изъ кухни, мимо него вихремъ неслись горничныя, обгоняя кучу дѣтей и дворовыхъ бабъ.

Ужасающее завываніе не умолкало, а Березинъ, тотчасъ же

вспомнившій о кликушѣ, оскорбившей лѣсного сторожа и вызванной на судъ по его жалобѣ, поспѣшилъ отпустить просителей, а самъ нехотя, съ затаеннымъ волненіемъ, направился къ небольшому флигелю, въ которомъ помѣщалась камера и около котораго толпился народъ.

Вотъ онъ усѣлся на судейское кресло, грустный, подавленный, съ низко опущенной головой, а передъ нимъ стоитъ лѣсной сторожъ, еще молодой, рослый человѣкъ, и худенькая, злобно поводившая глазами баба, обвязанная бѣлымъ, съѣхавшимъ на сторону платкомъ.

Какъ только заговорилъ сторожъ, такъ и залился горючими слезами, вовсе нейдущими къ его могучей фигурѣ; его отчаяніе не знало предѣловъ и было въ одно и то же время печально и въ высшей степени комично.

— Ѣду я въ воскресный день изъ храма Божія,—среди наступившей тишины раздается плаксивый голосъ сторожа,—а она при всемъ народѣ... Стой! возьми меня, я твоя, твоя раба! а сама на возжахъ такъ и закостенѣла... Просто ужасть слушать, хотя бы примѣрно пьяный, бударажился, похвалялся, а то ни-ни.

— Да изъ чего ты такъ убиваешься, неужели не понимаешь, что все это вздоръ, глупости...—успокоиваетъ судья.

— Какія глупости, когда въ явѣ, всѣмъ селомъ собираются убить, на вилы посадить, когда вдругъ тридцать бабъ—и все на меня одного выкликаютъ... Только и слышу: быть тебѣ на вилахъ, дождешься ты этого... Можетъ быть, за грѣхи свои и достоинъ, да дѣти малыя, этого жалко...—и снова раздаются неудержимыя рыданія.

— Это все твой груздочекъ дѣлаетъ — злобно покосившись на плаксу, замѣтила кликуша,—все твой груздочекъ виноватъ... Была я въ лѣсу,—продолжала она, обращаясь къ судьѣ:—стояли мы съ бабами, а Александра (такъ звали сторожа) взялъ это груздочекъ да и говоритъ: вотъ я тебѣ, Анисьюшка, груздочекъ подарю, съ этого и началось.

Выступили свидѣтели, односельцы испорченной бабы, и въ одинъ голосъ показали, что тридцать бабъ выкликаютъ все на того же сторожа, а кликуша дѣйствительно повисла на возжахъ и среди улицы осыпала потерпѣвшаго бранью и упреками въ то время, когда ея семейные уже бѣжали съ оглоблями въ рукахъ, да не подоспѣли во-время... Но, показывая все это, мужики мрачно и подозрительно посматривали на сторожа, видимо сожалѣя, что тотъ не получилъ должнаго возмездія.

— Все это вздоръ, чистый вздоръ, одно невѣжество... притворство...—порывисто началъ судья.

— Какое притворство, когда баба совсѣмъ извелась, избилась, молитвы слышать не можетъ, какое притворство!..—громко заговорилъ мужъ обвиняемой.—Нѣтъ, ты скажи ему, чтобы онъ не шлялся около моего двора—не то ему не сдобровать,—на себя пусть пеняетъ...

— Вздоръ, все вздоръ, невѣжество, одно невѣжество,—горячился судья.

— Нѣтъ,—ты все-таки вразуми его—еще пронзительнѣе и раздражительнѣе перебилъ мужъ,—скажи ему, собакѣ... Вотъ-те кресть, провалиться на мѣстѣ,—коли еще разъ увижу его возлѣ избы,—такъ и скажи! Я ему бока-то намну, будетъ помнить; такъ и скажи!

Ужасный, раздирающій душу крикъ раздался въ камерѣ, всѣ вздрогнули и невольно поблѣднѣли, а баба, какъ снопъ грянувшись на полъ, ломалась, вертѣлась кольцомъ и выла, какъ можетъ выть только стая голодныхъ волковъ.

Разомъ заговорили всѣ, бывшіе въ камерѣ мужики, единодушныя, страшныя угрозы со всѣхъ сторонъ сыпались на лѣсного сторожа; а Березинъ уже и не помнилъ, какъ выбрался вонъ, какъ очутился въ своемъ кабинетѣ, уткнувшись въ подушку дивана, то-и-дѣло повторяя: это ужасно, ужасно, ужасно!

Засѣданіе повѣрочнаго совѣта, на которомъ волей или неволей долженъ былъ предсѣдательствовать Березинъ, шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Вокругъ стола сидѣли Березинъ, маловѣръ, старшина, два старика изъ крестьянъ и письмоводитель, а кругомъ толпились крестьяне, жаждавшіе попасть въ члены товарищества, или, выражаясь правильнѣе, желавшіе какъ можно скорѣе занять денегъ. Березинъ отбиралъ ручательства, прочитывалъ ихъ, спрашивалъ мнѣніе своихъ сотрудниковъ, напередъ увѣренный, что старшина и старики будутъ хлопотать только о своихъ знакомыхъ и родственникахъ, между тѣмъ какъ онъ всячески долженъ тянуть на сторону бѣдняковъ и дѣйствительно нуждающихся.

Пріемъ новыхъ заемщиковъ конченъ, Березинъ подступаетъ къ народу со шляпой, полной жеребьями въ рукахъ, мужики, крестясь, вынимаютъ свернутые билетики, громко выражая свое отчаяніе или удовольствіе.

Къ столу подступили старые заемщики со своими просьбами и нуждами. Одинъ безотговорочно отдавалъ все, что требовалось; другіе, и это большая часть, никакъ не могли воздержаться отъ того, чтобы не поторговаться и не попросить уступочки.

Вокругъ только и слышалось: а вотъ и не хватило 30 копѣекъ, завтра принесу, или: сейчасъ пришлю, какъ приду, такъ и пришлю съ бабой. А то: нельзя ли сложить, вамъ все можно, все въ вашихъ рукахъ.

Подъ руки ввели все еще провѣявшій остовъ восьмидесятилѣтней старухи, съ самаго открытія товарищества положившей вкладъ, проценты съ коего должны были идти на поминовеніе ея души, и то-и-дѣло мѣнявшей свои посмертныя распоряженія. Теперь она настаивала на томъ, чтобы проценты отсылались на св. Аѳонъ, такъ какъ на новаго священника она не надѣется: «служитъ, точно съ почтой скачетъ, покадитъ разъ другой, да и съ крестомъ поспѣлъ».

За старухой выступила едва движущаяся тѣнь молодого мужика, еще недавно перваго работника въ селеніи, страдавшаго неизлечимой болѣзнью. Когда-то красивое лицо Висарія, теперь исхудалое, изрытое глубокими морщинами, безъ загара и румянца, съ тусклыми, голубыми глазами, носило на себѣ отталкивающій отпечатокъ близкой смерти. На угловатомъ, костлявомъ плечѣ едва держалась синяя, изорванная рубашка. Босыя, дѣтски-безсильныя ноги съ трудомъ волочились по землѣ. Больной не могъ устоять на мѣстѣ, и потому какъ-то разомъ, противъ воли, опустился на полъ и тотчасъ же побѣдивѣшими, дрожавшими отъ слабости руками, принялся торопливо развязывать старый, замасленный кошель.

— Что! какъ здоровье?—съ участіемъ спросилъ Березинъ, давно уже взявшій на свое попеченіе семейство Висарія и съ живою болью въ душѣ оглядывая человѣческую тѣнь, туда же озабоченную исполненіемъ долга и принятаго обязательства.

— И на свѣтъ бы не глядѣлъ... Руки бы на себя наложилъ...—простоналъ страдалецъ, протягивая двѣ красненькихъ бумажки.

Поднялась обычная возня, сопряженная съ поступленіемъ денегъ.

— Еще на-тощакъ кое-какъ дышу, а какъ поѣлъ—смерть да и полно... — между тѣмъ заговорилъ больной, оглядываясь на всѣ стороны и робко вызывая участіе къ своему положенію. Онъ, видимымъ образомъ, наслаждался возможностью поговорить съ людьми, послѣ вѣчнаго одиночества въ своей каморкѣ. Онъ торопился разсказать о томъ, какъ былъ испорченъ, сколько денегъ вытянула изъ него ворожея, какъ обошелъ его знахарь и во сколько обошлось постоянное, двухлѣтнее стремленіе «выдти въ дѣло», то-есть, во что бы то ни стало, не щадя послѣдняго

живота, отдѣлаться отъ злого недуга,—стремленіе, кончившееся только переселеніемъ въ крошечную келью, увеличившую цѣлый рядъ такихъ же келій, населенныхъ никому не нужнымъ, не многимъ даже извѣстнымъ людомъ, существующимъ на особомъ положеніи, совершенно оттертымъ отъ землевладѣнія и не имѣющимъ ничего общаго съ крестьянствомъ.

Висарій торопился передать все это, точно боялся, чтобы кто-нибудь не перебилъ его и не лишилъ послѣдняго утѣшенія.

— До того дошелъ, братцы мои, что ни силушки, ни одеженки, ни кола, ни двора, остался съ однимъ подожкомъ, вотъ съ этимъ самымъ...—заключилъ Висарій, съ страшной ироніей показывая всѣмъ и каждому свое послѣднее достояніе.

— Гдѣ же это ты раздобылся денегъ-то?—полюбопытствовалъ кто-то изъ крестьянъ.

— Послѣднюю копну ржи продалъ... какъ ни трудно было, а обмолотилъ...—снова заговорилъ больной, видимо обрадованный возможностью продолжать бесѣду...—Лошадь у Никифора выпросилъ и самъ же въ городъ доставилъ... Да на бѣду попалъ на прасола... Кругомъ обошелъ, обольстилъ. Самъ къ доктору посылаетъ, а ногой-то кадь придерживаетъ, такъ на три рубля и обвѣсилъ.

— Эхъ, деньги, деньги... Грѣха отъ нихъ много!..—отозвался кто-то изъ присутствовавшихъ.

— А уже изъ города-то чуть дотащился.—Ѣду, ѣду, а все точно на мѣстѣ топчусь,—скороговоркой и задыхаясь продолжалъ больной.—Думалъ безпремѣнно помру... А тутъ, Господи благослови,—присталъ Никифоръ... Сейчасъ на жнитво гонитъ. Это онъ за лошадь наложилъ... Пусвай дорогонько, да уже Господь съ нимъ... Тоже не мало бѣгалъ, не мало искалъ лошади.—«Ты у меня не копайся... Чтобы готово было!» Я ему: дядя Никифоръ, а дядя Никифоръ,—умирать будемъ, ты послушай монхъ рѣчей—умирать будемъ! Умирать будемъ или нѣтъ?—повторялъ больной, обводя глазами окружающихъ и наслаждаясь общимъ сочувствіемъ.

Наконецъ, всѣ разсчеты кончены.

— Вотъ, говорили... Висарька не заплатитъ, гдѣ заплатить...—возвысивъ голосъ, сказалъ больной.—А я что говорилъ: Висарька не хуже людей, не доведетъ поручителевъ до отвѣта—и не довелъ, въ нитку вытянулся, а не довелъ. Слава Тебѣ, Вседержителю, Отцу небесному...

— Теперь я ничего не боюсь, хоть сейчасъ помирать,—и, весь просіявъ сознаніемъ исполненнаго долга, онъ, съ невѣроят-

нымъ усиліемъ поднялся на ноги, бодро повернулся къ образамъ, разъ двадцать перекрестился и, слегка пошатываясь, пошелъ къ дверямъ.

Березинъ такъ и припалъ къ шнуровой книгѣ, стараясь не выдавать внутренняго волненія.

Когда онъ овладѣлъ собой и поднялъ голову, страдальца уже не было въ комнатѣ, а на мѣстѣ его стояла робкая, смиренная, нищенски-одѣтая баба. Онъ тотчасъ же узналъ, что это была та самая Настасья, что вложила 100 рублей тайкомъ отъ мужа, когда-то не только зажиточнаго, но даже богатаго крестьянина Буткова, спустившаго все, до послѣдней нитки, то-и-дѣло мѣнявшаго мѣста, то-и-дѣло попадавшагося въ кутузки, то-и-дѣло замѣшаннаго въ дракахъ и буйствахъ и своимъ безпробуднымъ пьянствомъ перещеголявшаго всѣхъ пьяницъ во всемъ окружающемъ пьяномъ царствѣ.

— Вотъ, получай проценты, — сказалъ Березинъ, видимо утѣшенный тѣмъ, что ему хотя нѣсколько удалось обезпечить брошенную семью безпутнаго батрака.

— Уже я за васъ и ночь и день молю Бога...—шопотомъ, глотая слезы, заговорила Настасья,—что бы я теперь дѣлала съ малыми дѣтками, а теперь все дышу, все дышу, все подспорье...

— А гдѣ же мужъ?

— И не вѣдаю, гдѣ слоняется, а только все грозитъ и ненавистуетъ за то самое, что я эти 100 рублей въ банкъ вложила.. Только бы, говоритъ, подъ руку подвернулась—живая не вырвется.

Баба нагнулась и концомъ фартука утерла слезы.

— Ну, это вздоръ, не бойся, нынче не прежнее время, нынче не то, что было... — съ убѣжденіемъ успокоивалъ Березинъ.

Выступилъ караульщикъ у околицы, старикъ, рехнувшійся послѣ побѣга жены и служившій предметомъ осмѣянія всѣхъ и каждаго, и всюду, куда ни обращались его испуганные глаза, всюду встрѣчались только ухмыляющіяся лица и точно высунутые на показъ бѣлые, здоровые зубы.

Ненавистное, хорошо знакомое, родное хихиканье, безъ всякаго разбора, когда угодно, надъ чѣмъ и надъ кѣмъ хотите, тотчасъ же распространилось въ комнатѣ и неудержимо продолжалось во все время, пока старикъ, сердито ворча и огрызаясь на всѣ стороны, доставалъ изъ лаптя свое скромное сбереженіе.

Вдругъ поднялся шумъ, все суетилось и толпой повалило къ дверямъ.

— Что такое, что случилось?—спрашивалъ Березинъ.

— Сущіе пустяки, мужикъ бабу поучилъ, — равнодушно отвѣчалъ одинъ изъ вернувшихся крестьянъ.

— Какую бабу?

— А вотъ ту самую, что сейчасъ приходила за деньгами... Эту самую Настасью мужъ поучилъ.

Всѣ члены правленія разомъ устремились на площадь...

Среди тѣснаго кружка неподвижныхъ и, повидимому, совершенно равнодушныхъ крестьянъ, ничкомъ лежала Настасья, припавшая лицомъ къ небольшой лужѣ крови, особенно рѣзавшей глаза на чистомъ, только-что выпавшемъ снѣгу. Нѣсколько бабъ, продолжая бездѣйствовать, жалобно голосили надъ неподвижно-лежавшей женщиной; какой-то мужикъ острилъ надъ бабами, повторяя: у бабъ слезы не купленыя, и вызывая тѣмъ опять все то же, невыносимое для Березина, хотя и нѣсколько сдержанное, хихиканье.

— Бутковъ жену побилъ, шибко побилъ, страсть какъ побилъ, зачѣмъ деньги отъ него утаила, — объяснили Березину... Какъ она вышла съ деньгами, онъ ее и ну возить, деньги отобралъ и самъ бѣжка... такъ-то ноги поднялъ, что его и на лошади не догонишь.

Настасья не подавала признака жизни, ее подняли, взвалили на телѣгу и тотчасъ же, по распоряженію старшины, повезли за 20-ть верстъ въ земскую больницу.

Березинъ былъ въ концѣ взволнованъ и озлобленъ противъ дикой, невѣжественной, варварской орды, какой казался ему въ эту минуту излюбленный, обожаемый народъ.

Уже вечерѣло, но этотъ, быстро пробѣжавшій трудовой день тяжелой ношей остался на спинѣ Березина—и долго не могъ онъ сбросить съ себя этой ноши.

Убитый и пасмурный, выходилъ онъ изъ школы, его догналъ «маловѣръ», и по обыкновенію, закинувъ назадъ голову и какъ будто считая звѣзды, появившіяся на чистомъ, морозномъ небѣ, скороговоркой объявилъ, что переходитъ въ другую школу, гдѣ надѣется получить, по крайней мѣрѣ, 60 рублей лишняго жалованья, да ремонтныхъ до 30 рублей въ годъ, да на сторожа 50 руб.

— Прекрасно, чего же лучше, если даютъ лишковъ...— безсознательно отвѣчалъ Березинъ, а въ ушахъ его такъ и тре-

щали громкія фразы маловѣра о долгѣ, о любви къ дѣтямъ и возвышенной обязанности распорядителя товарищества.

Впечатлѣнія дня не отступали отъ Березина, никакой возможности не было разобраться въ этой путаницѣ разнообразныхъ событій. Онъ испытывалъ непреодолимую грусть и моральную усталость—и опять потянулась мучительно безсонная ночь.

XII.

Ровно восемь лѣтъ пролетѣло со дня открытія товарищества. Напоминанія о строгомъ исполненіи устава повторялись все чаще и чаще. «Перекладка» не существуетъ болѣе, что, впрочемъ, нисколько не мѣшало мужикамъ по-нѣскольку разъ въ день бѣгать къ Березину и осаждать его просьбами объ отсрочкѣ.

— Деньги принесъ?—спрашиваетъ Березинъ вошедшаго въ школу мужика.

— Нѣтъ, я на-счетъ перекладки.

— Изъ Питера пришла такая бумага, чтобы перекладки болѣе не допускать.

— Гляди какая кутавассія вышла,—размышляютъ мужики, видимымъ образомъ не довѣряя словамъ предсѣдателя и снова приставая съ просьбой объ отсрочкѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Да гдѣ же мы возьмемъ денегъ-то? Стало быть, намъ съ голоду теперича помирать. Тогда все соблазняли тѣмъ, что можно будетъ заплатить по времени, а теперь вдругъ скрутили,—вступаются другіе мужики, бывшіе въ засѣданіи.

— Расплатись и тогда опять занимай.

— А кабы я нашелъ чѣмъ расплатиться—то я бы наплевалъ и на банкъ-то вашъ... вся бѣда—взять негдѣ.

Сторожъ выпроваживаетъ докучливыхъ просителей, но изъ распахнувшихся дверей ясно долетаетъ: «Ахъ, вы, кровопивцы! Аспиды! Дьяволы, людоѣды!»

Березинъ зажимаетъ уши и припадаетъ къ счетамъ.

Но вотъ пререканія кончены, и мужики безропотно стали платить долги, оставляя пай и въ то же время тотчасъ же занимая деньги, всячески торопя и настаивая на скорѣйшей ихъ выдачѣ. Такая, невиданная исправность болѣе безпокоила, нежели радовала Березина, смутно понимавшаго, что тутъ неладно, а вскорѣ разъяснилось, что большая часть членовъ приносила все однѣ и тѣ же деньги, занимаемыя, по выраженію мужиковъ,

«на перевертъ» у стараго Елисѣя, извлекавшаго изъ этого невѣроятныя выгоды.

Почтенный старецъ Елисѣй, съ большимъ скандаломъ и безъ всякаго участія со стороны членовъ товарищества, былъ изгнанъ вонъ, но на мѣстѣ его сидѣлъ точно такой же Елисѣй, только наружнымъ видомъ отличавшійся отъ своего предмѣстника.

Напуганный, озлобленный, никому не довѣряющій, ежечасно трепетавшій за цѣлость сундука, Березинъ, вопреки выгодамъ товарищества, принялся возвращать вклады, даже противъ желанія самихъ вкладчиковъ. Такой оборотъ дѣла тотчасъ же отразился на чрезвычайномъ уменьшеніи прибыли на паи, что вызвало раздраженіе богатыхъ мужиковъ, немедленно потребовавшихъ назадъ свои деньги. Равновѣсіе терялось все болѣе и болѣе. Въ началѣ дѣла на каждый рубль паевого капитала приходилось около 43 к. занятыхъ денегъ, а прибыль на паи равнялась 12% годовыхъ, затѣмъ невыгодное отношеніе занятыхъ денегъ къ паевымъ все болѣе и болѣе увеличивалось, и на рубль паевого капитала уже приходилось только 38 к. занятыхъ денегъ. Наконецъ, это послѣднее отношеніе стало еще невыгоднѣе, и на 11,000 паевого капитала приходилось всего 2,200 р. занятаго, а прибыль дошла до 4% годовыхъ.

Комитетъ, относившійся съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣятельности Погибельскаго товарищества, совѣтовалъ: просить государственный банкъ открыть кредитъ на первое время хотя въ 12 или 18 т. рублей. Березинъ чувствовалъ, какъ его волосы встаютъ дыбомъ на головѣ отъ такого совѣта. Для него, искушеннаго горькимъ опытомъ, было ясно, что построенное имъ, прекрасное на первый взглядъ, зданіе стоитъ на пескѣ, готовое рухнуть отъ первой случайности, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ облака пыли, а вся сомнительная опора заключается въ немъ, предсѣдателѣ, хиломъ, болѣзненномъ и въ-добавокъ совершенно обезкураженномъ.

Какъ на бѣду въ это самое время завернулъ Захаръ Михайловичъ и, внимательно посмотрѣвъ на Березина, качая головой, проговорилъ:—Худъ-то ты какъ! А? страсть какъ худъ!

— Пустяки! Сегодня худъ, завтра поправлюсь...—усиливаясь казаться какъ можно спокойнѣе, отвѣчалъ Березинъ.

— Я вотъ что тебѣ скажу...—рѣзко продолжалъ старикъ...— Ты эту свою банку прикрой.

— Никогда, никогда этого не будетъ, пока я живъ...

— А какъ вдругъ да помрешь... что тогда будетъ,—бухнулъ дѣдъ, и съ своей обычной правдивостью принялся описы-

вать расхищеніе товарищества въ случаѣ смерти Березина, тотчасъ же вообразившаго себя въ положеніи, изъ котораго нѣтъ и быть не можетъ иного выхода, кромѣ отчаянія.

Такое мрачное настроеніе, какъ и слѣдовало ожидать, кончилось поѣздкой заграницу для излеченія болѣзни, которой ни одинъ докторъ не умѣлъ ни понять, ни назвать.

XIII.

Только-что не на другой день послѣ своего пріѣзда на минеральныя воды, находившіяся въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Европы, Березинъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ и уже истреблялъ двойную порцію минеральной воды и совершалъ прогулки по 15-ти верстъ безъ отдыху.

— Bärennatur! восклицалъ водяной докторъ Вушъ, пользовавшій Березина, и, глядя на могучую фигуру своего паціента, невольно добавлялъ: «Ich möchte wohl wissen, wo denn der Schuh drückt».

Встрѣтились соотечественники, поднялись неизбѣжные споры о важныхъ матеріяхъ, о настоящемъ и будущемъ Россіи, о народѣ, причемъ противники, быстро шагая по комнатѣ, кричали всѣ разомъ, не внимая другъ другу и стараясь только о томъ, чтобы какъ можно лучше отдѣлать и взбѣсить другъ друга.

Березинъ не умѣлъ и не хотѣлъ обманывать ни себя, ни другихъ, и потому изображалъ мужика и современную глушь такъ, какъ она есть, и за это тотчасъ же попалъ въ разрядъ отсталыхъ и тупицъ. Его стали избѣгать, съ нимъ перестали кланяться, упрекая въ невѣжествѣ, незнакомствѣ съ исторіей, космополитизмѣ, крѣпостничествѣ и чуть ли не въ ненависти къ народу; но въ то время, когда его противники, по большей части столичные жители, видимымъ образомъ блаженствовали, восхищаясь дарами цивилизаціи, когда они строили планы лѣтнихъ и осеннихъ наслажденій въ Швейцаріи, на морскихъ купаньяхъ и въ Парижѣ, онъ, этотъ космополитъ и ненавистникъ народа, мѣсяца два послѣ пріѣзда въ Европу, уже изнывалъ отъ скуки, не находилъ мѣста, не зналъ что дѣлать съ обуявшей его тоской по своей дикой родинѣ и ненавистному народу. Все окружающее отталкивало, было не по-сердцу: и люди, и нравы, и вычурныя, декоративныя, тысячу разъ рисованныя красоты Швейцаріи, и доходившая до приторности вѣжливость, вмѣстѣ съ непонятной для русскаго человѣка сентиментальностью, изящные

франты и франтихи, и самодовольные буржуа, и невообразимая у насъ опрятная бѣдность, рядомъ съ разволоченными отелями, подавлявшими бархатомъ, бронзой и комфортомъ.

Какая-то невѣдомая сила потянула Березина назадъ, въ его Погибѣлку, потянула такъ, какъ только въ состояніи тянуть обезсилѣвшаго пловца страшный омутъ въ неизмѣримую, загадочную глубь свою.

Вернувшись въ Погибѣлку, Березинъ ногъ подъ собою не чувствовалъ отъ удовольствія и совершенно искренно наслаждался положеніемъ человѣка, не только чувствующаго себя на своемъ мѣстѣ, въ родной атмосферѣ, но даже сознающаго свою необходимость и полезность для окружающаго. Въ свѣтлыя, блаженныя минуты Березинъ, невольнымъ образомъ, увлекался такимъ сознаніемъ, чтобы потомъ, послѣ первыхъ же столкновеній и толчковъ, считать это дорогое сознаніе самообольщеніемъ и глупостью, иллюзіей, способной возбуждать только стыдъ и негодованіе на самого себя.

Уже въ городѣ поджидалъ Березина все еще влачившій свое горькое существованіе Висарій, до послѣдняго издыханія стремившійся «выдти въ дѣло» и пожелавшій поступить въ губернскую больницу. Тотчасъ же пришлось помѣщать его, хлопотать объ немъ, а тамъ одинъ за другимъ явились «несокрушимый», Захаръ Михайловичъ, священникъ, члены товарищества, пошли толки о школѣ, о дѣлахъ, потекли массы всякихъ просителей, на столѣ ожидала куча нераспечатанныхъ конвертовъ съ прошеніями, поднялась нескончаемая суета, и въ мертвой, глухой Погибѣлкѣ снова закопошилась, уснувшая за время отсутствія Березина, дѣятельность и съ удвоенной силой завертѣлось вновь смазанное и пущенное въ ходъ колесо.

Столько заботъ и хлопотъ, что ихъ хватило бы и на десять человѣкъ. Школа все еще оставалась безъ учителя, и никто не зналъ, когда онъ отыщется, тѣмъ болѣе, что Березину непремѣнно хотѣлось, чтобы новый учитель былъ изъ числа окончившихъ курсъ въ семинаріи, выпускавшей, по его мнѣнію, людей съ религіозно-нравственнымъ направленіемъ. Березинъ давно уже мечталъ о такомъ наставникѣ для своей школы и постоянно оратор-ствовалъ на эту тэму въ тѣсномъ кружкѣ деревенскихъ дѣятелей.

Его давнишнее желаніе исполнилось самымъ неожиданнымъ образомъ. Разъ онъ зашелъ на свою мельницу и столкнулся тамъ съ молодымъ, весьма неповоротливымъ и неуклюжимъ малымъ, одѣтымъ въ длинное, поношенное, черное пальто и съ ногъ до головы засыпаннаго тонкимъ слоемъ муки. Березинъ

полюбопытствовалъ узнать: откуда и какъ попала на его мельницу такая странная и невиданная фигура, и узналъ, что молодой человѣкъ—кончившій курсъ въ семинаріи, съ желаемымъ направленіемъ, сынъ бывшаго дворового человѣка, въ ожиданіи мѣста усердно помогавшій во всѣхъ работахъ своимъ бѣднымъ родителямъ.

— Такого намъ и нужно, именно такого,—скроменъ, благочестивъ и трудолюбивъ,—только что не вскрикнулъ Березинъ—и тотчасъ же помѣстилъ благочестиваго и трудолюбиваго юношу въ свою школу.

Новый учитель,—добродушнѣйшій и честнѣйшій юноша,—пріумылся, пріодѣлся и сталъ постояннымъ гостемъ Березина. Онъ отличался отъ «маловѣра» тѣмъ, что тотъ постоянно смотрѣлъ вверхъ, а этотъ не смотрѣлъ ни вверхъ, ни по сторонамъ, а все внизъ; тотъ былъ неумолкаемо разговорчивъ, этотъ былъ молчаливъ какъ могила, и только потихоньку хрустѣлъ пальцами; тотъ щеголялъ въ куцомъ пиджакѣ, этотъ носилъ длинное пальто чернаго цвѣта, и вся измозженная и наклоненная фигура его живо напоминала фигуру монастырскаго послушника.

Начались длинные, осенніе вечера, а съ ними вмѣстѣ неизбѣжное чтеніе вслухъ, но какъ только послушникъ приступилъ къ чтенію, такъ сейчасъ же оказалось, что при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, онъ не настолько силенъ въ грамотѣ, чтобы правильно и со смысломъ читать по-русски. Но онъ будетъ читать, во что бы то ни стало онъ будетъ читать!—рѣшилъ Березинъ, и вечернія чтенія продолжались мучительнымъ образомъ, отзываясь на нервахъ Березина и его домашнихъ.

Пришлось, наконецъ, познакомиться съ массой накопившихся бумагъ и прошеній. Чувство самосохраненія говорило Березину: не смотри туда, если хочешь сохранить душевное спокойствіе и возстановленное здоровье; но дѣлать нечего, и добровольно принятая обязанность требовала ея точнаго исполненія. Открывается первый, попавшійся на глаза, конвертъ, и Березина, только-что возвратившагося изъ самаго центра цивилизаціи, такъ и ошеломило красотами современной глуши: «Сего октября мѣсяца 15-го дня, вечеромъ,—объяснялось въ первомъ, попавшемся въ руки прошеніи,—полицейскій сотскій дер. Колмогорской слободы, Василій Лоховъ, какъ всѣмъ извѣстно, отличающійся человѣколюбіемъ къ спиртнымъ напиткамъ, предостановился напротивъ моего дома и сталъ ругать меня всяческими словами» и т. д.

Открыто другое, третье, четвертое, десятое прошеніе, и все тѣ же и тѣ же отвратительныя ругательства, отъ которыхъ ни-

куда не уйдешь, ни-куда не спрячешься на Руси; тѣ же угрозы краснымъ пѣтухомъ, обмазываніе дегтемъ воротъ, звѣрскія драки оглоблями и полѣньями, драки съ «перерывами», во время коихъ крестьянину Хоянову дозволялось испить водицы, послѣ чего опять пошли въ ходъ оглобли, полѣнья и даже кирпичи.

Ужасъ и страхъ овладѣвали Березинымъ, между тѣмъ какъ почтительно стоявшій возлѣ стола, всегда ровный и невозмутимый письмоводитель, спокойно и коротко объяснялъ накопленіе дѣлъ о дракахъ и буйствахъ осенними свадьбами и престольными праздниками, какъ будто это такъ и слѣдовало, такъ и должно быть, какъ будто осенніе свадьбы и праздники никакъ не могли обойтись безъ буйства, пьянства, угрозъ и искалѣченія человѣческихъ лицъ.

Не успѣлъ Березинъ опомниться отъ тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на него прошеніями уголовнаго характера, какъ на него уже надвинулась цѣлая туча назначенныхъ къ разбирательству гражданскихъ дѣлъ, съ которыми необходимо было ознакомиться заранѣе.

На бѣлой обложкѣ перваго изъ этихъ дѣлъ крупнымъ, писарскимъ почеркомъ было написано: «гражданское дѣло по иску довѣреннаго г. Анчаусова Ильи Трудолюбова съ крестьянина села Кондарати Василья Сысуева 5 р. 64 к., и неустойки 60 руб. съ судебными издержками и за веденіе дѣла». У Березина такъ и зарябило въ глазахъ отъ цѣлой страницы цифръ и мелочныхъ разсчетовъ: «имъ же, Сысуевымъ,—гласило прошеніе, забрато: 22-го ноября 1877 г. въ задатокъ 20 руб.; въ 1878 г. февраля 24-го—50 к.; апрѣля 15-го—2 руб.; іюня 3-го—1 р. 50 к. (выкупъ кафтана изъ кабака); 7, 22 и 23-го іюля не работалъ самовольно, за что, согласно 2-го пункта договора, записано 3 р. 50 к. штрафныхъ. 21-го іюля въ 2 раза—2 р.; 26-го августа—выкупъ сапогъ 2 р. 26 к.; 10 и 21-го не работалъ самовольно (2 пун. договора)—штрафа 2 руб.; 28-го октября—30 коп. (выкупъ картуза); неустойки по 4 пун. договора 60 руб., и за веденіе дѣла съ судебными издержками по вашему усмотрѣнію».

Затѣмъ, волей или неволей пришлось познакомиться съ безграмотнымъ, неисполнимымъ, безконечнымъ условіемъ относительно полевыхъ работъ, приложеннымъ къ 20-ти искамъ, предъявленнымъ купцомъ Разинымъ къ сосѣднимъ крестьянамъ: «каждое дѣло работы,—гласило условіе,—должно быть сдѣлано въ требуемомъ видѣ, скоро и неотложно, какъ для себя: хозяйственно, доброкачественно, бережливо, осторожно и тщательно, хлѣбовъ

не терять, ни утрачивать, ни заминать и не травить; снять каждый хлѣбъ по лѣхамъ, а разсѣявши — пологое повѣшивать на оглобли телѣгъ, а если окажутся обсѣвки, то оныя намъ, крестьянамъ, исправить своими сѣменами, для того, дабы каждый разсѣвалъ съ примѣной осторожностью и бережливостью, а если нѣтъ своихъ сѣмянъ, то брать у купца Разина съ двойною за нихъ съ насъ, крестьянъ, платою денегъ; хлѣбовъ не заѣзжать, за что мы, крестьяне, отвѣчаемъ по назначенію денежно, а до этого отбираніемъ чего либо изъ сбруи».

Утомленіе Березина не знало предѣловъ и всякое самообладаніе оставило его, когда онъ, наконецъ, добрался до заключительнаго пункта безконечнаго условія.—«Въ исправномъ же исполненіи работъ,—гласилъ заключительный пунктъ,—не принимать отъ насъ никакихъ непредвидѣнныхъ, могущихъ встрѣтиться причинъ, не исключая какъ имущественныхъ несчастій, такъ и смертныхъ, а за исправнымъ производствомъ и окончаніемъ упомянутыхъ выше работъ обязанъ будетъ слѣдить нашъ сельскій староста, всякими наказаніями и мѣрами строгости понуждая каждаго изъ насъ выполнить сіе условіе, какъ должно».

— «Что же это такое, сами на себя налагаютъ руки, сами себя разрѣшаютъ понуждать, то-есть бить... Ужасно, ужасно, ужасно!»—казнился Березинъ, никогда, въ теченіи своей хозяйственной дѣятельности, не заключавшій ни одного условія съ рабочими.

Но это еще не все. При первомъ же вступленіи въ должность, Березину пришлось получить нѣсколько своихъ рѣшеній, отмѣненныхъ съѣздомъ, рѣшеній, правильныхъ по здравому смыслу и совѣсти, но какимъ-то чудомъ оказавшихся неправильными «при сопоставленіи ст. 81 уст. гр. суд. съ ст. 129 и 146-й». —Пришлось помѣтить десятокъ аппелляціонныхъ жалобъ, переполненныхъ лакейскимъ остроуміемъ безграмотнаго, безстыднаго, жаднаго и злого дѣльца или, вѣрнѣе, гешефтъ-махера, не принадлежавшаго ни къ какой націи, ни къ какой религіи, ни къ какой опредѣленной профессіи, неизвѣстно откуда взявшагося, точно выпрыгнувшаго изъ земли, какъ страшное, отталкивающее знаменіе времени и, въ то же время, способнаго малѣйшимъ прикосновеніемъ къ дѣлу подорвать спокойствіе и благополучіе самаго рьянаго и добросовѣстнаго судьи.

Мягкое сердце Березина болѣло, душа переполнилась горечью, а исполненіе судейской обязанности, послѣ первыхъ, можно-сказать, весеннихъ лѣтъ, приносило только раздраженіе и сознаніе своего безсилія. Для него стало ясно, что жизнь да-

легко убѣжала впередъ, и быстрой, неудержимой волной уносилась все дальше и дальше, выдвигая новый сортъ людей, блиставшихъ самоувѣренностію и очевиднымъ легкомысліемъ; что самый взглядъ на судейскую обязанность незамѣтнымъ образомъ упростился, между тѣмъ какъ онъ продолжалъ оставаться все такимъ же, вѣчно сомнѣвающимся и неувѣреннымъ въ себѣ, сейчасъ же готовымъ вообразить себя на мѣстѣ потерпѣвшаго и нисколько неспособнымъ къ неумолимому, объективному исполненію буквы закона, такъ какъ въ немъ жило инстинктивное стремленіе къ справедливости и отысканію правды по особенностямъ каждаго дѣла. Ему продолжало казаться, что для опальнаго, невѣжественнаго захолустья не наступило и еще долго не наступитъ возможность объективнаго исполненія уставовъ, только-что не цѣликомъ перенесенныхъ изъ западной Европы, и въ то же время для него не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что все когда-то умѣстное и терпимое становится невозможнымъ и смѣшнымъ, а самая судейская обязанность, даже въ довѣрчивыхъ сердцахъ, не возбуждаетъ болѣе того энтузіазма, какъ прежде. Вокругъ только и слышалось:—выгодно, невыгодно, два урожая и наплевать на ваше судейство—и только, и ничего болѣе, почти что ничего...

Прошедшее съ разными сочувствіями, спичами и солидарностями исчезло какъ дымъ, а на мѣсто всего этого, выросло «сопоставленіе ст. 81 съ 129 и 146», непреоборимое опасеніе, чтобы солидарный, выступающій рука объ руку товарищъ не выкинулъ штуки и не завелъ въ глубокую и вязкую тину,—выросло соображеніе выгодъ и невыгодъ, связанныхъ съ отправленіемъ судейской обязанности, выросли вѣчныя недоразумѣнія, ничѣмъ не прикрытыя, неустранимыя и тотчасъ же всплывшія наружу, какъ только судьи задумали устроить какое-то пиршество въ старомъ, привольномъ духѣ съ тостами, спичами, сочувствіями, солидарностями и всякой устарѣвшей дребеденью, и вышло изъ всего этого пиршества одно только разстройство желудка и головы, да родное хихиканье за спиной сосѣда, то же самое хихиканье, которымъ встрѣчалась каждая изъ пошлыхъ, отталкивающихъ, невозможныхъ въ теченіи «весенняго» періода судейской дѣятельности выходокъ новаго дѣльца, о которомъ говорилось выше.

Долго и неподвижно сидѣлъ Березинъ надъ ворохомъ судейскихъ бумагъ, припоминая прошлое, сравнивая съ нимъ настоящее и безнадежно отказываясь отъ будущаго.

Вокругъ точно все вымерло, не къ кому было обратиться за

сочувствіемъ, не съ кѣмъ отвести душу: либеральные чиновники, когда-то восхищавшіеся гражданскими подвигами Березина, стушевались, бывшіе товарищи по службѣ или лежатъ въ могилѣ, или готовились лечь, или же ушли въ другую, совершенно противоположную сторону; одинъ, самый чистый и прямой, удалился въ глушь и задачей жизни поставилъ себѣ: своими руками расчистить сто десятинъ собственнаго лѣса, такъ чтобы лѣсъ этотъ нисколько не уступалъ лѣсамъ германскимъ; другой—обратился въ область изобрѣтеній и открытій и, дѣйствительно, въ значительной степени улучшилъ плуги Рамсона и Геда, приспособленіемъ маленькаго ящика, въ которомъ какъ разъ могли помѣститься трубка и кисетъ рабочаго; третій—единственный на всю губернію распространитель народныхъ школъ, предметъ обожанія и поклоненія Березина, вмѣстѣ съ которымъ Березинъ ликовалъ, рукоплескалъ и только-что не танцовалъ при видѣ быстраго роста школьнаго дѣла—этотъ, дѣйствительно полезный дѣятель, увеличивъ число губернскихъ свѣтилъ, принялъ подобающій его положенію солидный видъ, никакъ не совмѣстимый съ порывами восторга и увлеченія. Бывшей привычки ободрять, поощрять и рукоплескать другъ другу и въ поминѣ не было, никто не только не преувеличивалъ талантовъ и заслугъ своего ближняго, но въ чемъ-то подозрѣвалъ, язвилъ и хихикалъ за спиной его.

Одинъ изъ инспекторовъ, кажется четвертый по счету, не сообразивъ обстоятельствъ, написалъ въ своемъ отчетѣ: «Счастливы дѣти, обучающіяся въ школѣ г. Березина! Въ нихъ невольно должны развиваться изящныя, благородныя чувства при созерцаніи въ классѣ хорошихъ рисунковъ, симметріи въ расположеніи учебныхъ пособій»... Но на этомъ все и покончилось, и Березину не пришлось уже болѣе слышать никакихъ восхваленій и поощреній, тѣмъ болѣе, что даже провинціальная газета, въ которой прежде печатались эти восхваленія, прекратила свое существованіе.

XIV.

Березинъ загрустилъ, быстро утративъ бодрость духа и вывезенный изъ за-границы запасъ здоровья. Въ былое время такое настроеніе живо изглаживалось подъ вліяніемъ другихъ, болѣе отрадныхъ впечатлѣній, въ особенности же—подъ вліяніемъ сельской школы съ ея неотразимымъ обаяніемъ, но въ настоящую минуту школа, основанная Березинымъ и составлявшая предметъ его постоянныхъ заботъ, утратила бо́льшую долю своей прелести.

«Послушникъ», помимо воли и желанія, наводилъ уныніе не только на Березина, но и на самихъ учениковъ и всю обстановку школы. Всюду распространилось неряшество и мракъ, а многочисленныя учебныя пособія, разнообразныя мѣры и коллекціи насѣкомыхъ, минераловъ и даже самый подвижный, физіологическій атласъ, когда-то плѣнившій инспектора и даже попавшій въ его отчетъ, — все это стояло на полкахъ безъ всякаго употребленія, покрытое густымъ слоемъ пыли.

«Послушникъ» не умѣлъ одушевить учениковъ, не умѣлъ и не могъ разсказать имъ что-нибудь занимательное и подходящее къ ихъ дѣтскому пониманію. Вообще онъ не только былъ лишенъ дара слова, но не въ состояніи былъ связать двухъ словъ, а чтобы какъ-нибудь выйти изъ затруднительнаго положенія и поддержать свое достоинство — онъ заучивалъ первую, попавшуюся въ книгѣ тираду, и съ этой готовой тирадой на языкѣ являлся къ Березину, чтобы повторять ее кстати и не кстати въ теченіи цѣлаго праздничнаго дня. Такимъ образомъ, въ одно воскресенье онъ двадцать разъ повторялъ: «обученіе должно идти отъ ближайшаго къ отдаленнѣйшему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ знакомаго къ незнакомому»; въ другое: «прежде всего учитель долженъ быть хорошей нравственности, искренно почитать Бога, доказать на дѣлѣ успѣхи обученія, заслужить довѣріе окружающей среды и стать для нея своимъ человѣкомъ»; въ третье: «народная пѣснь въ педагогіи есть носительница живыхъ, индивидуальныхъ основъ національнаго воспитанія».

Стремясь во что бы то ни стало осуществить послѣднюю мысль, «послушникъ» досталъ скрипку и принялся обучать пѣнію. Съ полдня и до полуночи въ квартирѣ его раздавались неумолкаемые, адскіе звуки, а сторожъ, сторожиха, просвирня со своими чадами и домочадцами, все это стремглавъ бросилось жаловаться на скрипача, лишавшаго ихъ сна и покоя; священникъ, при всей природной, казалось, неизмѣримой добротѣ, наконецъ, вскипѣлъ такимъ негодованіемъ, что тотчасъ же послѣ херувимской попросилъ самозваннаго регента не дѣлать соблазна въ храмѣ Божіемъ. Голова Березина трещала отъ поднявшихся взаимныхъ жалобъ, уявленій, пререканій и пересудовъ.

Онъ запирался, а наконецъ — и вовсе пересталъ бывать въ школѣ.

Принялся Березинъ наблюдать и повѣрять результаты, полученные послѣ десятилѣтняго уже существованія его школы, и волей или неволей долженъ былъ признать, что они были крайне плачевны: одинъ, много два мальчика попали на мѣста и полу-

чали изрядное жалованье, трое или четверо, изъ числа сорока, читали съ грѣхомъ пополамъ и могли все-какъ расписаться за неграмотнаго,—общимъ же, преимущественнымъ свойствомъ школьнаго образованія все-таки оставалась способность его испариться немедленно по оставленіи школьной скамьи.

Еще болѣе печальное явленіе представляли мальчики, выдававшіеся по своей даровитости и желанію продолжать ученіе, о которыхъ въ особенности заботился Березинъ, стараясь во что бы то ни стало провести ихъ въ учительскія семинаріи.

Изъ четырехъ его любимцевъ, только одинъ — и то самый ограниченный — благополучно добрался до учительскаго мѣста, между тѣмъ какъ остальные были исключены за дурное поведеніе или за лѣность. Эти неудавшіеся ученики, толкавшіеся между крестьянами, но не имѣвшіе съ ними ничего общаго, уже обросшіе бородами, знавомые съ физикой и геометріей и, къ довершенію благъ, помѣшавшіеся на стихотворствѣ, — нестерпимо мучили Березина и тяжелымъ камнемъ лежали на его совѣсти.

Въ минуту такихъ терзаній заѣхалъ Захаръ Михайловичъ, помолился образамъ и подсѣлъ къ Березину. Старикъ казался особенно строгъ и сердитъ, онъ молча положилъ шляпу на полъ и, не говоря ни одного слова, далеко засунулъ руку за кафтанъ, досталъ письмо и подалъ его Березину.

Письмо было отъ Васи, съ мѣсяцъ тому назадъ отправившагося въ сосѣдній городъ для поступленія въ одно изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Березинъ жадно схватилъ письмо своего любимца, надѣясь найти въ немъ утѣшеніе и отраду.

«Что можетъ быть злобнѣе для молодого ума, что можетъ быть чернѣе для души молодого, пылкаго юноши, кипящаго безсильною местью ко всему отжившему» и т. д.,—началъ Березинъ и перевернулъ листъ, не видя конца какой-то непонятной галиматьи, въ заключеніе всей внукъ извѣщалъ дѣда, что онъ не принятъ въ учебное заведеніе и, наконецъ, что ему необходимы 60 рублей:

«Единственно только то говорю вамъ,—добавлялъ внукъ,—если не хотите моей гибели, то пришлите денегъ. Сами тоже не пріѣзжайте, потому что не найдете меня. Больше писать нѣчего и не могу. Теперь я до невозможной степени страдаю, мои мысли находятся въ энергическомъ безпорядкѣ, такъ что и свѣтъ постылъ. Прощайте, Богъ знаетъ — увидимся, что ли? Остаюсь въ ожиданіи денегъ — Василій Манидинъ».

— Онъ меня этимъ самымъ письмомъ точно ножомъ пыр-

нулъ... — съ невыразимой горечью проговорилъ старикъ, слѣдя за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Березина пространнымъ посланіемъ его любимца.

— Что же теперь дѣлать?..—едва проговорилъ Березинъ.

— Собираюсь въ городъ, — на днѣ моря и тамъ розыщу... А не поѣдетъ — такъ его скручу и на веревкѣ приведу...— встряхивая спутанными волосами, рѣшительно проговорилъ дѣдъ.

— Какъ это можно! что ты? — такъ все испортишь! — съ живостью перебилъ Березинъ, испугавшись, чтобы раздраженный дѣдъ не принялъ окончательнаго рѣшенія.

Затѣмъ водворилось молчаніе, прерываемое все усиливавшимися всхлипываніями потрясеннаго старика и его отрывистыми разсужденіями о томъ, что съ другими внучатами онъ распорядится иначе: сегодня кончилъ ученье — завтра за соху, а вся бѣда въ томъ, что уже больно мало ученыхъ и грамотныхъ; заведется одинъ, два на цѣлую деревушку — и ну чертить, цѣны себѣ не находитъ, надъ каждымъ неученымъ куражится, надъ всѣми и надъ всѣмъ насмѣшничаетъ...

Березинъ, низко нагнувъ голову, съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ всегда умную, всегда правдивую рѣчь старика, и ему становилось что-то очень грустно и, въ то же время, мучительно совѣстно, такъ такъ только благодаря его настояніямъ Вася продолжалъ ученіе и, наконецъ, отправился въ городъ.

Березинъ думалъ успокоиться и утѣшиться при обозрѣніи другихъ школъ его уѣзда, но и въ этомъ жестоко ошибся. Съ закрытіемъ учительскихъ съѣздовъ, сельскіе учителя, обреченные на вѣчное, безъисходное одиночество, походили на какихъ-то одичавшихъ Робинзоновъ, какъ-будто даже не замѣчавшихъ окружавшаго ихъ народа, не имѣвшихъ съ этимъ народомъ ни малѣйшаго соприкосновенія, точно вокругъ одинокой школы поднимался темный лѣсъ, а мужики были тутъ не чѣмъ инымъ, какъ дико растущими деревьями. Разнообразныя учебныя пособія, столь щедро разсылаемыя въ «весенній періодъ» школьнаго дѣла, стояли безъ всякаго употребленія. Еще недавно бывшіе въ такомъ почетѣ и модѣ пріемы обученія: наглядность, объяснительное чтеніе и т. д., все это какъ-то само собою вывелось и, въ то же время, ничѣмъ не замѣнялось. Каждый изъ учителей шелъ куда глаза глядятъ, не зная хорошенько, что дѣлать, какъ и чему учить и не зная къ кому обратиться за разъясненіями. Изрѣдка, не болѣе одного раза въ теченіи зимы заглядывалъ членъ училищнаго совѣта или одинъ изъ пяти инспекторовъ, назначенныхъ

въ губернію, но ихъ требованія и наставленія до такой степени расходились, до того отзывались общими мѣстами, что еще болѣе сбивали несчастнаго Робинзона, смутно начинавшаго понимать, что ни тотъ, ни другой не былъ вполнѣ увѣренъ въ томъ, что́ говорилъ, — ни тотъ, ни другой, при всемъ своемъ усердіи, не въ состояніи дать серьёзнаго и твердаго направленія, такъ какъ въ сущности ни тотъ, ни другой никогда не готовился быть педагогомъ, а только волей или неволей исправлялъ обязанность педагога, за неимѣніемъ лучшаго.

Грустный, подавленный новыми, никогда прежде не приходившими въ голову мыслями, переѣзжалъ Березинъ изъ одной школы въ другую, съ недоумѣніемъ и страхомъ выслушивая робкія, сдержанныя жалобы на то, что училища остаются безъ бумаги и перьевъ, а учителя и учительницы около семи мѣсяцевъ не получаютъ жалованья изъ земскихъ суммъ, взятыхъ въ свое полное распоряженіе юнымъ дѣятелемъ Чичиковымъ, прямо съ ученической скамьи занявшимъ самое видное и выдающееся мѣсто въ земствѣ.

И все это оказалось справедливо: школы безъ бумаги и перьевъ, учителя съ подтянутыми отъ голода желудками, въ то время, когда юный дѣятель Чичиковъ, съ карманами и руками, полными денегъ, красовался въ губернскихъ салонахъ и объѣдался трюфелями и аршинными осетрами. Юный дѣятель велъ веселую жизнь, обращалъ день въ ночь, былъ любимцемъ губернскаго общества и не только носилъ фамилію героя «Мертвыхъ Душъ», но въ то же время, по странному стеченію обстоятельствъ, былъ вылитымъ Павломъ Ивановичемъ, — такимъ же мягкимъ, пріятнымъ въ обращеніи, благонамѣреннымъ, солиднымъ, жирнымъ и розовымъ, какъ и его однофамилецъ.

Березинъ изнывалъ отъ ярости и горя, но молчалъ, молчалъ потому, что всѣ молчали, молчалъ потому, что боялся увеличить и безъ того значительное количество своихъ враговъ, молчалъ, презирая и себя и другихъ за это молчаніе и каждый день собираясь открыть истину. Наступилъ рядъ тревожныхъ дней, безсонныхъ ночей...

— Это скандалъ! чистѣйшій скандалъ! — горячился Березинъ, съ тяжелымъ чувствомъ наблюдая свое собственное, нравственное паденіе. Гдѣ та энергія, независимость, съ которой онъ десять лѣтъ тому назадъ выступалъ на поприще общественнаго дѣятеля, все это испарилось неизвѣстно куда и замѣнилось нерѣшительностью, гадкой боязнью новыхъ непріятностей, уступчивостью и небывалой способностью примиряться съ дѣйствительностью.

— Вы больны? что съ вами? какъ похудѣли!—вотъ вопросы, которыми осыпали Березина въ то время, когда онъ проводилъ тревожные дни и безсонныя ночи. Въ ночной тиши ему грезились бѣдные учителя съ подведенными отъ голода животами, школы безъ перьевъ и грифелей, аршинные осетры съ трюфелями и замороженнымъ шампанскимъ.

— Нѣтъ, не могу, не могу молчать,—я достаточно вытерпѣлъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!—рѣшилъ наконецъ Березинъ, цѣлыхъ десять ночей не смыкавшій глазъ, и нѣсколько часовъ спустя, примчавшись въ городъ, трагическимъ тономъ разсказывалъ обо всемъ своему товарищу по совѣту и настойчиво требовалъ слѣдствія.

Когда онъ высказалъ все, что хотѣлъ высказать, когда обоюдный запросъ двухъ членовъ, обращенный къ юному Чичикову, былъ готовъ, подписанъ и отправленъ по назначенію, тогда только Березинъ вздохнулъ свободно, какъ человѣкъ, сбросившій съ плечъ своихъ тяжесть, которую слишкомъ долго таскалъ.

Послѣдствіемъ запроса было упорное молчаніе Чичикова, спокойно и весело продолжавшаго ѣсть трюфели и ухаживать за губернскими дамами,—вмѣшательство губернскаго совѣта, насильственнымъ образомъ вынужденная повѣрка денежной суммы, назначенной на народное образованіе, повѣрка, при одномъ воспоминаніи о которой на откровенномъ лицѣ Березина постоянно выступала краска стыда и негодованія, и наконецъ неожиданное бѣгство Чичикова, живо напоминавшее приключенія его знаменитаго однофамильца.

Мѣсто юнаго Чичикова занялъ маіоръ Кувшинниковъ, могучій, прямой и откровенный на распашку. Онъ тотчасъ же заявилъ, что народному образованію не сочувствуетъ и, все чаще и чаще уклоняясь отъ своей обязанности, оставилъ Березина глазъ на глазъ съ престарѣлымъ, въ высшей степени исполнительнымъ и добродушнымъ чиновникомъ, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, далеко не подготовленнымъ къ тому, чтобы рѣшать судьбу народнаго образованія въ цѣломъ, обширномъ уѣздѣ и руководить будущностью такого дѣла, которое еще вчера называли дѣломъ первой важности, дѣломъ священнымъ.

По своимъ привычкамъ, простотѣ и вкусамъ, по своей простой натурѣ, Березинъ чувствовалъ живое тяготѣніе къ новымъ дѣятелямъ по народному образованію, поселившимся въ городѣ поближе къ учебнымъ заведеніямъ, гдѣ воспитывались ихъ дѣти.

Онъ не могъ не уважать инспекторовъ народныхъ школъ; ему хорошо было извѣстно, что нѣкоторые изъ нихъ съ боль-

шимъ успѣхомъ подвизались на другихъ поприщахъ государственной службы, но въ то же время онъ не могъ оставаться слѣпымъ и не замѣчать нѣкоторую слабость ихъ въ качествѣ педагоговъ, массу наваленнаго на нихъ труда, не имѣвшаго ничего общаго съ народнымъ образованіемъ, а главнымъ образомъ ихъ непрактичность, тотчасъ же бросающуюся въ глаза отчужденность отъ сельской жизни и полнѣйшее незнакомство съ дѣйствительными нуждами и потребностями своеобразной народной школы.

По временамъ ему даже казалось: что́ если бы такіе, простые и добродушные люди, какъ большинство инспекторовъ, рѣшились откровенно высказать существо своей обязанности,— вѣдь они сказали бы: мы сочиняемъ, пишемъ и переписываемъ отчеты, завалены канцелярской работой и только изрѣдка имѣемъ возможность ѣздить по земскимъ школамъ.

Заглядывалъ Березинъ въ эти громадные отчеты, составляющіе сущность инспекторской дѣятельности. Изъ одного узналъ, что послѣ испытанія въ Березовской школѣ, бывшіе при этомъ испытаніи сельскія власти, отцы и матери учащихся разомъ зарыдали отъ умиленія и благодарности къ заботливому начальству и попечительному земству,—изъ другого, что успѣхи миссіонерской школы превзошли всякія ожиданія и въ нихъ, и въ особенности въ перемѣнѣ, происшедшей съ отступниками, нельзя не видѣть промыслъ Божій.

И все это писалось въ то время, когда въ губерніи, величиною съ цѣлую Бельгію, буквально не нашлось ни одного селенія, которое по собственному почину основало бы хотя какую-нибудь школу, хотя бы въ видахъ возможнаго облегченія своимъ дѣтямъ воинской повинности. Все это писалось тогда, когда Березину, какъ постоянному сельскому жителю, было хорошо извѣстно, что никакой перемѣны съ отступниками не произошло и произойти не могло.

— Ужасно! Ужасно! Ужасно!—казнился Березинъ, испытывая ощущеніе человѣка, котораго ни за что, ни про что окатили ледяной водой. Онъ ясно понималъ, что его дѣятельность въ качествѣ ревнителя народнаго образованія кончена, да и самое народное образованіе должно быть передано въ руки оффиціальныхъ дѣятелей, хотя бы для того, чтобы положить предѣлъ существующему недоумѣнію и хаосу.

XV.

Изъ-за чего себя мучить всякими дрязгами и мелочами жизни, почему не быть такъ же покладистымъ, какъ всѣ окружающіе?.. Зачѣмъ сопротивляться и не мириться съ такъ называемой печальной дѣйствительностью?—пробовалъ размышлять Березинъ, но изъ всѣхъ этихъ практическихъ размышленій ничего не вышло, и онъ продолжалъ мучиться надъ каждымъ обычнымъ явленіемъ захолустной жизни.

Онъ задумывался и страдалъ надъ каждой повѣсткой, которую посылалъ элегантной княгинѣ Анастасьевой по обвиненію ея въ нарушеніи питейнаго устава, надъ подписнымъ листомъ въ пользу черногорцевъ, въ то время, когда свои мужики сидѣли безъ хлѣба, надъ бурными оваціями и войною съ администраціей по случаю единодушнаго выбора въ члены управы, извѣстнаго, прошедшаго огонь и воду, Архипа Архиповича, только-что обязавшагося воздвигнуть Божій храмъ, взамѣнъ отданныхъ въ его распоряженіе кабаковъ цѣлой волости,—надъ земскими партіями, готовыми защищать всякое зло и воровство, какъ только это доказывалось ихъ противниками; надъ поразительнымъ безправіемъ и продажностью волостного суда, надъ бездѣйствіемъ и тупостью сельскихъ властей; надъ вѣчными драками и пожарами, по случаю престольныхъ праздниковъ, и надъ безпрерывными, вошедшими въ обычай подводами изъ-за одного отказа въ угощеніи виномъ... Его въ одинаковой степени отталкивали и вожди либеральной партіи, храбро выставлявшіе свои аристократическія фамиліи на питейныхъ заведеніяхъ всей губерніи, и столпы консерватизма, до сихъ поръ прославившіеся только своимъ буйствомъ и оргіями; въ одинаковой степени возмущали все чаще и чаще повторявшіяся ликвидаціи лучшихъ и богатѣйшихъ крестьянскихъ семействъ, послѣ которыхъ осталась только нищета и позоръ, и крушеніе извѣстнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, мгновенно потерявшихъ свои родовыя помѣстья и сдѣлавшихся какой-то притчей во языцѣхъ, предметомъ толковъ и насмѣшекъ самыхъ низшихъ подонковъ общества.

Березинъ страдалъ и мучился за всѣхъ и за все, и такимъ образомъ, незамѣтно для себя самого, окончательно попалъ на несчастную зарубку какого-то мученика захолустья, не имѣвшаго ни минуты отдыха, не знавшаго ни одного безъ заботно и спокойно проведеннаго дня и вѣчно испытывавшаго напряженное и угнетенное расположеніе духа.

Березинъ искалъ успокоенія въ земскихъ порядкахъ сосѣднихъ уѣздовъ, съ упованіемъ на лучшее хватался за журналы очередныхъ земскихъ собраній, но только наталкивался на случаи, способные вызвать одно нескончаемое, одуряющее и ненавистное ему хихиканье.

Вотъ журналъ очереднаго собранія сессіи 1876 года. Онъ на удачу развернулъ довольно объемистый томъ и прочелъ слѣдующее: «При баллотированіи гласнаго Правнукова на должность предсѣдателя управы, нѣкоторые гласные обратились къ предсѣдателю собранія Прадѣдову съ заявленіемъ, что онъ, Прадѣдовъ, держитъ руки свои подъ сукномъ избирательнаго ящика и направляетъ ими руки гласныхъ отъ крестьянъ».

Березинъ поморщился, перевернулъ нѣсколько листовъ и продолжалъ чтеніе: «предсѣдатель собранія Прадѣдовъ, удаляясь въ смежную комнату, выразился: «я ему не довѣряю», и при этомъ указалъ на своего кандидата г. Дѣдова, бывшаго уже на предсѣдательскомъ мѣстѣ, вырвалъ (а не взялъ, какъ сказано въ журналѣ) изъ рукъ г. Дѣдова списокъ гласныхъ и закричалъ (а не произнесъ, какъ означено въ журналѣ): «Ѳедоръ Валерьяновичъ! прошу васъ занять мѣсто у ящика». Г. Прадѣдовъ такъ возвысилъ голосъ, что многіе крикомъ его были поражены, а г. Дѣдовъ, находясь на предсѣдательскомъ мѣстѣ, близъ г. Прадѣдова, опустилъ даже голову и зажалъ руками уши, говоря: «нѣтъ силъ оставаться болѣе въ собраніи». Послѣ чего гласный Внуковъ закричалъ: «г. предсѣдатель изъ собранія вонъ!!!» Въ это время въ залѣ собранія поднялся чрезвычайный шумъ, и гласный Дѣдовъ сказалъ, что онъ пригласитъ полицію и, подойдя къ двери, вскричалъ: «сторожъ, иди за помощникомъ исправника». Послѣ этого, г. предсѣдатель Прадѣдовъ позвонилъ и объявилъ, что онъ закрываетъ собраніе».

Журналъ сессіи 1876 года съ негодованіемъ отброшенъ въ сторону, а на мѣстѣ его въ рукахъ Березина очутился журналъ сессіи 1877 года: «Предъ баллотированіемъ, г. Племянниковъ обратился съ такимъ воззваніемъ къ собранію: «Въ прошломъ земскомъ собраніи, я былъ удостоенъ чести быть избраннымъ огромнымъ большинствомъ въ предсѣдатели управы. Цѣня эту честь, я считаю своей священной обязанностью баллотироваться и теперь, и надѣюсь...» съ этими словами онъ вышелъ въ смежную комнату. По окончаніи баллотировки, когда г. предсѣдатель пересчиталъ избирательные шары, объявивъ неизбирательныхъ 32, а избирательныхъ лишь 10, г. Племянниковъ, возвращаясь изъ смежной комнаты земскаго собранія и, остановись противъ изби-

рательнаго ящика, задомъ къ предсѣдателю и лицомъ къ собранію, произнесъ слѣдующія слова: «господа! я забаллотированъ, но остаюсь все тѣмъ же, а вы... что сказать объ васъ?..» И затѣмъ, послѣ значительной паузы, склонивъ голову внизъ, плюнулъ и направился къ своему стулу... Что значитъ вашъ плевокъ?—обратился къ г. Племянникову гласный Пасынковъ. На что сей послѣдній отвѣчалъ, что онъ поперхнулся вслѣдствіе кашля, но что онъ хотѣлъ сказать гласнымъ, что они достойные люди. Собраніе было возмущено... и т. д. Но, не взирая на общее и весьма понятное въ настоящемъ случаѣ негодованіе между гласными, все же нашлось нѣсколько благоразумныхъ людей, которые протестовали, доказывая, что обстоятельства, относящіяся къ баллотированію гласнаго Племянникова, изложены не согласно съ дѣйствительностью. Г. Племянниковъ вошелъ въ залу собранія и, остановившись у угла стола, бокомъ къ г. предсѣдателю, лицомъ къ гласнымъ,—значилось въ протестѣ, сказалъ слѣдующее: «гг! я забаллотированъ, но остался тѣмъ же, чѣмъ былъ, вы же...» а самъ онъ закашлялся, отплюнулся и, продолжая кашлять, пошелъ на свое мѣсто. Гласный г. Пасынковъ просилъ г. Племянникова докончить. Г. Племянниковъ отвѣчалъ: «я кашляю, но я хотѣлъ сказать, что вы достойнѣйшіе люди».

— Ужасно! ужасно! ужасно! — кричалъ Березинъ, шагая взадъ и впередъ по своему кабинету, въ которомъ уединился все чаще и чаще. Онъ не только подмѣчалъ отрицательныя явленія современной глуши, негодовалъ и мучился, но это негодованіе и эту муку порицанія перенесъ на самого себя, признавая себя, вмѣстѣ со всѣми другими, отвѣтственнымъ за все творившееся вокругъ, отыскивая въ себѣ самомъ признаки тѣхъ же самыхъ поползновеній, наклонностей и качествъ, коими отличались герои неурядицы и нескончаемыхъ безобразій. Онъ упрекалъ себя въ черствости, скряжничествѣ, притворствѣ, трусости, раболѣпствѣ, пристрастіи къ одной формѣ, способности къ двойной морали, фраерствѣ и т. д. и т. д. безъ конца. Онъ испытывалъ постоянную борьбу лучшихъ стремленій души съ слабостями человѣческой природы, а послѣдствіемъ такой борьбы являлись вѣчное недовольство собой и нескончаемое угрызеніе совѣсти. Всѣ отшатнулись отъ него какъ отъ человѣка тяжелаго, скучнаго и раздражительнаго, и онъ отшатнулся отъ всѣхъ и даже въ своемъ семействѣ являлся какъ будто чужимъ, постороннимъ человѣкомъ. Во время его исключительнаго стремленія къ общественной дѣятельности и общественной пользѣ, его жена и дѣти,

попавшіе на задній планъ, составили между собою нѣчто тѣсное, отдѣльное, не имѣвшее съ нимъ ничего близкаго и общаго.

Въ концѣ-концовъ Березинъ не зналъ что дѣлать, куда дѣваться, съ своими общечеловѣческими стремленіями и абстрактными идеями, внесенными въ основу его практической дѣятельности.

Оставался народъ, долгое время вызывавшій обожаніе, нескончаемыя заботы и пожертвованія, но этотъ еще недавно обожаемый народъ давно уже пересталъ существовать для Березина какъ нѣчто цѣлое и обаятельное, а когда заходила рѣчь о народѣ, то онъ ограничивался словами: «да, между народомъ есть отличные люди, подлѣ которыхъ легче живется и дышется». Этого мало,— утративъ осторожность и терпѣніе, прежде всего необходимые для всякаго наблюдателя сельскаго быта, не желая знать историческихъ причинъ и прошедшаго, въ которомъ жилъ нашъ народъ, Березинъ съ безпощадностью сосредоточилъ на немъ ту же самую, такъ сказать, сокрушающую и ехидную требовательность, съ которой относился къ себѣ и вообще ко всѣмъ несовершенствамъ нашего общества. Онъ на лету ловилъ уродливыя явленія народнаго быта, тщательно розыскивалъ и собиралъ ихъ и кончилъ тѣмъ, что считалъ всѣхъ народолюбцевъ или за квасныхъ патріотовъ, или же за восторженныхъ институтокъ, до уши влюбленныхъ въ учителя рисованія, или же наивецъ за людей, преслѣдовавшихъ какія-то личныя, не совсѣмъ понятныя, даже не совсѣмъ чистыя побужденія. Ходячія фразы о народѣ клали его въ лоскъ, и онъ не могъ равнодушно слышать, когда при немъ говорили о томъ: какъ безкорыстно шелъ народъ освобождать своихъ братьевъ-славянъ, или какъ свято хранитъ онъ свои исконные обычаи и первобытные идеалы, перенесшіе всѣ историческія невзгоды, вѣковую опеку, вѣковое начальство, и т. д.

«Гдѣ же эти первобытные идеалы, гдѣ мірскіе люди, гдѣ прославленная община, спасающая народъ отъ окончательнаго разоренія и выручающая мужика въ каждой бѣдѣ и невзгодѣ?»— спрашивалъ себя Березинъ, ежедневно толкавшійся въ народѣ и знавшій, какъ свои пять пальцевъ, всю подноготную не только относительно сосѣднихъ селъ и деревень, но каждаго отдѣльнаго двора и семьи.

Вокругъ ни тѣни общинно-бытовыхъ началъ, ни тѣни существеннаго участія или желанія выручить и помочь, ни малѣйшаго признака мірскихъ людей—и все вращалось на той же почвѣ личнаго интереса, личныхъ ненавистей и личныхъ пріязней.— Послѣ каждаго пожара Березинъ неминуемымъ образомъ летѣлъ на погорѣлое мѣсто, узнавалъ, выпытывалъ съ алчностью слѣдо-

вателя, во что бы то ни стало, добивался признаковъ общественной помощи, но на всѣ разспросы всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «ни, ни, ни, никто ни крохи, только штрафовка (т.-е. страховка) вышла, а не явись урядникъ, такъ и отъ всего селенія праха бы не осталось»... Еще менѣе участія проявляла община въ отношеніи вдовъ, перебивавшихся на положеніи небесныхъ птицъ и сиротъ, неминуемымъ образомъ обреченныхъ на расхищеніе и кабалу ближайшихъ родственниковъ, или выбранныхъ попечителей.

Раскладка денежныхъ повинностей, разорительный и ничѣмъ не вызванный переходъ на одну, такъ-называемую сиротскую десятину, отказъ отъ содержанія и постройки школы, избраніе никуда негоднаго сельскаго начальства, сдача мірскихъ кабаковъ, самосудъ надъ мелкимъ воришкой, сопровождаемый оплеваніемъ, пинками и невольной прогулкой обвиняемаго по всему селенію съ украденнымъ хомутомъ на шеѣ, при раздирающихъ душу звукахъ заслонокъ и сковородъ, звѣрская расправа съ крестьянской бабой, иногда противъ воли вынужденной бѣжать отъ мужа, а главнымъ образомъ—взаимное угощеніе мірскимъ виномъ и безсовѣстное вымогательство этого вина, во что бы то ни стало, у кого попало: у правато или виноватаго, у нищаго или состоятельнаго, у каждаго, кого только можно застращать и притѣснить подъ какимъ-нибудь предлогомъ, — вотъ въ чемъ проявлялась на глазахъ Березина дѣятельность прославленной общины и обыкновенно во вредъ, а не въ пользу крестьянъ.

Долго и упорно сокрушался Березинъ надъ народной бѣдностью, объясняя этой, часто рѣжущей глаза, бѣдностью всѣ мрачныя явленія сельской жизни, но въ настоящую минуту ему уже казалось, что такого рода объясненіе есть только самый симпатичный и легкій способъ отдѣлаться отъ серьёзнаго изученія народной жизни, изученія на мѣстѣ, въ теченіи многихъ, многихъ лѣтъ. Онъ, наконецъ, додумался до того, что наша бѣдность вообще, то-есть не только крестьянская, но и бѣдность всѣхъ остальныхъ сословій безъ всякаго исключенія, имѣетъ въ себѣ нѣчто общее, и что если на Руси много дѣйствительной бѣдности, то во всякомъ случаѣ далеко болѣе бѣдности, происходящей отъ распущенности, отъ жадности къ быстрой наживѣ, отъ неспособности къ сбереженіямъ, отъ лѣни, неумѣлости и невѣжества.

Березина мучило постоянное несогласіе дѣйствительнаго съ надеждами и ожиданіями, ему дѣла не было до того, что его наблюденія общинно-бытовой жизни относились къ извѣстной

мѣстности, колонизированной выходцами со всѣхъ концовъ Россіи, давно уже отвыкшими отъ своихъ исконныхъ порядковъ. — Онъ продолжалъ свои злостныя наблюденія, преувеличивая, дѣлая рѣшительные выводы и испытывая горькое положеніе человѣка, разочаровавшагося не въ одномъ частномъ лицѣ, а только-что не въ цѣломъ обществѣ.

Но болѣе всего возмущало Березина неожиданное открытіе, что всѣ пожертвованія и заботы о приходѣ ни на волосъ не сблизили его съ прихожанами, и что діаконъ Тріумфальскій, исключенный изъ духовнаго званія за пьянство, буйство и похищеніе языка одного изъ самыхъ большихъ церковныхъ колоколовъ, тотъ самый, что десять лѣтъ тому назадъ штурмовалъ священника въ его собственномъ домѣ, въ настоящее время пріютившійся въ селѣ Погибѣлкѣ, въ качествѣ сельскаго писаря, пользовался несравненно бо́льшимъ сочувствіемъ, расположеніемъ и довѣріемъ, нежели онъ, Березинъ, такъ и оставшійся непонятымъ, чужимъ, если не смѣшнымъ въ глазахъ народа, даже и не подозрѣвавшаго въ немъ ни его народолюбія, ни его возвышенныхъ стремленій.

Тутъ какъ на зло, между крестьянами ближайшихъ волостей, ни съ того, ни съ другого пошли, ничѣмъ не вызванные, для всѣхъ несомнѣнные и въ то же время никого не возмущавшіе толки о томъ, что Березинъ сильно понажился около своего банка, то-есть, ссудо-сберегательнаго товарищества.

— Онъ тутъ страсть сколько денегъ нажилъ, страсть какъ набилъ карманы, — одобрительно кивая головой и добродушно улыбаясь, на всѣхъ сходкахъ и окрестныхъ базарахъ, разсуждали мужики.

XVI.

На ближайшемъ повѣрочномъ совѣтѣ обнаружилось, что прибыли товарищества, полученной въ теченіи перваго полугодія, едва достаточно на покрытіе болѣе нежели скромныхъ расходовъ управленія, и такимъ образомъ пайщики остаются безъ всякой прибыли. Далѣе невозможно было идти, такъ какъ на общемъ собраніи, неминуемымъ образомъ, слѣдовало ожидать поголовнаго возстанія пайщиковъ и немедленнаго удаленія ихъ изъ товарищества.

Березинъ терялъ голову, не зная что дѣлать, то-есть ликвидировать или послѣдовать совѣту комитета, то-есть позаимство-

вать денегъ и продолжать несомнѣнно полезное дѣло. Съ каждымъ днемъ усиливавшееся болѣзненное состояніе только увеличивало нерѣшительность Березина. Утромъ онъ считалъ закрытіе товарищества только-что не преступленіемъ, а начитавшись вечеромъ разнообразныхъ извѣстій о повсемѣстныхъ растратахъ, взломахъ казенныхъ сундуковъ и крупныхъ кражахъ общественныхъ денегъ, онъ ужасался за будущее, и цѣлыя ночи на пролетъ видѣлъ одни растраты, расхищенія, взломы, и какъ будто слышалъ проклятія пайщиковъ, градомъ сыпавшіяся на его бѣдную голову.

Впереди все казалось мрачно и безнадежно; здоровье видимымъ образомъ измѣняло, волей или неволей приходилось думать объ оставленіи должности судьи и неизбѣжной разлукѣ съ письмоводителемъ, этимъ единственнымъ дѣятелемъ разлагавшагося товарищества. Священникъ держался въ сторонѣ, изъ страха навлечь на себя гоненіе духовнаго начальства, неблагопріятно смотрѣвшаго на горячее участіе его предмѣстника въ дѣлахъ товарищества, между тѣмъ какъ учитель-послушникъ, наслушавшись и начитавшись военныхъ разсказовъ, думалъ только о томъ, чтобы какъ можно скорѣе поступить въ юнкера и покинуть педагогическое поприще.

Много дней и ночей продумалъ Березинъ и, наконецъ, рѣшилъ, что все спасеніе заключается въ немедленной передачѣ товарищества въ полное распоряженіе земства, онъ даже поздоровѣлъ отъ такой счастливой мысли, и съ увѣренностью направился къ выдающемуся земскому дѣятелю, полинявшему дѣльцу стараго закала, исполненному несокрушимой самоувѣренности и непримиримой ненависти ко всему, что только не называлось отношеніемъ или докладомъ за № 28,732-мъ.

Какъ только переступилъ Березинъ порогъ земскаго дѣятеля, такъ и понесло затхлымъ воздухомъ архива и канцелярскимъ сургучомъ, а съ первыхъ же словъ между хозяиномъ и гостемъ возникло взаимное, ничѣмъ не устранимое непониманіе другъ друга, такъ какъ одинъ былъ человѣкомъ жизни, на собственной спинѣ испытавшій прелести захолустныхъ порядковъ, другой зналъ только порядки канцелярскіе и ничего болѣе не хотѣлъ знать.

Думалъ-было Березинъ обратиться къ земскому собранію, но его даже перевернуло при одной мысли о такомъ обращеніи, а въ воображеніи мгновенно нарисовалась картина, неминуемымъ образомъ поджидавшая впереди: тѣсная, неприглядная комната, длинный столъ, покрытый сукномъ и бумагами, опытный предсѣдатель, навыкшій въ умѣніи проскакивать съ земскими дѣлами

такъ быстро, чтобы никто даже и не замѣтилъ, когда начиналась эта скачка и чѣмъ кончалась; членъ управы изъ народа, канцелярскій труженикъ, одушевленный единственнымъ стремленіемъ какъ можно долѣе сохранить свое выгодное мѣсто, и какъ ученый попугай, заучившій нѣсколько мудреныхъ и модныхъ словъ, то-и-дѣло повторяемыхъ мѣстными ораторами; другой членъ, тоже изъ простыхъ и какъ-бы въ противоположность первому, настоящій бегемотъ въ національной поддевкѣ, бегемотъ, расплывшійся въ родномъ, привольномъ болотѣ, и постоянно погруженный въ мечты и думы о своихъ кабачныхъ операціяхъ; земская интеллигенція, развалившаяся на переднихъ мѣстахъ, болтавшая о томъ, о семъ, но только не о земскомъ дѣлѣ и точно щеголявшая равнодушіемъ къ общественной пользѣ; представители меньшей братіи, эта декоративная часть собранія, въ образѣ волостныхъ старшинъ, съ намасленными волосами, низко опущенными головами, полузакрытыми глазами и непреодолимымъ желаніемъ вздремнуть послѣ безсонной ночи, проведенной въ телѣжкѣ волостнаго ямщика. Секретарь только-что пробарабанилъ докладъ предсѣдателя Погибѣльскаго товарищества, Березинъ нехотя, то краснѣя, то блѣднѣя, поднимается съ своего мѣста и начинаетъ «дѣйствовать», то-есть доказывать необходимость принятія товарищества въ непосредственное завѣдываніе земства...

— Ну, дѣйствуетъ! и еще долго будетъ дѣйствовать... Идемте курить, пускай одинъ дѣйствуетъ! — раздается вокругъ, между тѣмъ какъ постоянный антагонистъ и ненавистникъ Березина, старецъ съ голымъ, какъ ладонь, черепомъ и мутными глазами, вѣчно грустный, вздыхающій, жалующійся на трудныя времена и въ то же время скупающій одно имѣніе за другимъ, давно уже притихъ и притаился какъ охотникъ, намѣтившій свою жертву; онъ даже не возражаетъ, не распространяется въ излишнихъ объясненіяхъ, а какъ-бы про себя, едва слышно шипитъ: «въ коммиссію».

— Туда же, туда же! — въ одинъ голосъ подхватываютъ представители мѣстнаго безсилія, со всѣхъ сторонъ кивая головами и только-что не посылая воздушныхъ поцѣлуевъ торжествующему старцу.

— А прикажи, предпиши — и все явится, все отыщется, даже сочувствіе къ школамъ и ссудо-сберегательнымъ товариществамъ! — злобствовалъ Березинъ, останавливаясь на подробностяхъ воображаемой картины земскаго собранія... Но безъ приказа, безъ предписанія ничье сердце не забьется при мысли о помощи ближнему,

о безкорыстномъ служеніи родному краю... Все, что можно заказать, купить на деньги: желѣзныя дороги, берданки, предметы роскоши и комфорта, европейскія зданія и костюмы и т. д., все, что доступно каждому ученому попугаю и ученой обезьянѣ, все это имѣется, все это было и будетъ, но все то, что вырабатывается продолжительными усиліями самого общества, чего невозможно ни заказать, ни купить, ни перенять на скорую руку, живой интересъ къ тому, что совершается кругомъ, сознаніе долга, добра и зла, ясное представленіе о справедливомъ и несправедливомъ, честномъ и безчестномъ, о томъ, что необходимо и что ненужно, духъ законности и порядка, энергичнаго, неослабнаго труда, бережливости и серьёзнаго, обдуманнаго отношенія къ каждому дѣлу,—все это отсутствуетъ, и такое явленіе не только никого не тревожитъ, но большинство стоитъ горой за это безпорядочное состояніе.

Нѣсколько недѣль подъ-рядъ Березинъ находился въ возбужденномъ состояніи, завершившемся длиннымъ, переполненнымъ горечью посланіемъ въ одинъ изъ комитетовъ о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ.

Отвѣтъ не замедлилъ и заключался въ слѣдующемъ: «На почтенное письмо ваше отъ 14-го апрѣля сего года, намъ остается только съ грустью сказать: да будетъ по глаголу вашему. Мы хорошо понимаемъ ваше тяжелое положеніе и, бывши на вашемъ мѣстѣ, не поступили бы иначе. Одна надежда, да и та плохая,—что, можетъ быть, вы какъ-нибудь найдете возможнымъ найти распорядителя на свое мѣсто, повторяемъ—плохая, потому что онъ все-таки не замѣнитъ васъ».

Два воскресенья сряду вызывались члены на общее собраніе для разсужденія о предстоящей ликвидаціи, но оба раза собраніе не состоялось за неявкою членовъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы на выручку потерявшему всякое самообладаніе Березину не подоспѣлъ новый громадный колоколъ, съ большими издержками пріобрѣтенный приходомъ.

Торжественное поднятіе мѣднаго великана должно было всполошить всю окрестность и всѣхъ ближайшихъ членовъ изъ крестьянъ, а первый звонъ его долженъ былъ возвѣстить сосѣднимъ селамъ, деревнямъ, хуторамъ и выселкамъ о преждевременной кончинѣ погибѣльскаго ссудо-сберегательнаго товарищества.

XVII.

Нѣтъ и помину о сельскихъ будняхъ, о нуждѣ и бѣдности. Погода славная и веселая... Зеленая площадь заполнена народомъ. Красные, бѣлые и синіе головные платки, кумачъ, плисъ, желтые и черные чепаны,—все это, какъ маковъ цвѣтъ, играло и пестрѣло на солнцѣ... Бѣлый храмъ смотрѣлъ торжественнѣе обыкновеннаго и, блестя золотыми крестами, точно выплывалъ изъ волнующейся толпы народа. Съ высокой колокольни тянутся длинные канаты, за которые держится масса народа, готовая по первому знаку тащить громадный колоколъ, стоявшій на паперти. Изъ верхняго окна колокольни то-и-дѣло показывалась голова подрядчика въ бархатномъ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ.

— Съ Господомъ-Богомъ, православные! Трогай! тихо, спокойно, вѣжливо!!..—кричитъ подрядчикъ.

Православные тронули.

— Стой! стой! что вы творите? куда ломите?—раздается голосъ подрядчика, снова показавшаго свое толстое и красное отъ испуга лицо.

— Да куда же вы прёте?.. силъ монхъ нѣтъ.—Съ ума, что ли, спятили! — оретъ распорядитель, въ пылу гнѣва только-что не выскакивая изъ окна колокольни, безъ всякой мысли о послѣдствіяхъ.

А между тѣмъ колоколъ, медленно покачиваясь, поднимался все выше и выше, и скоро могучій голосъ его заговорилъ на всю окрестность. Трезвонили ужасно много, кто хотѣлъ, тотъ и влѣзалъ на колокольню, звонилъ сколько душѣ угодно, выдѣлывая диковинныя трели.

Березинъ ходилъ по площади, опустивъ голову, заложивъ руки за спину, томясь ожиданіемъ предстоявшаго собранія.

Вотъ онъ уже стоитъ въ тѣсномъ кругу мужиковъ, проникнутыхъ искреннимъ сознаніемъ, что они тутъ ничего не понимаютъ и не могутъ. Онъ долго водилъ глазами вокругъ себя, какъ-бы соображая, что ему дѣлать, что сказать, — наконецъ, кашлянулъ и прерывающимся отъ волненія голосомъ принялся объяснять причины, вызвавшія закрытіе товарищества. Въ ушахъ у него шумѣло, и онъ съ какимъ-то недовѣріемъ и страхомъ прислушивался къ своимъ собственнымъ словамъ и запутаннымъ фразамъ.

Вотъ все замолкло,—онъ пересталъ говорить; стоявшій про-

тивъ него плотный мужикъ съ просѣдью и равнодушнымъ лицомъ, все время слушавшій Березина, какъ человѣка, котораго нельзя не слушать, поклонился ему въ поясъ и упорно молчалъ, и всѣ молчали. Всѣ чувствовали какую-то неловкость и скуку. Кто-то изъ членовъ правленія спросилъ мужиковъ, что они будутъ теперь дѣлать, къ кому обратятся въ случаѣ нужды?

— А Богъ-то? Бога будемъ просить, — у него, у батюшки, милости много... Никто какъ Богъ! — вяло проговорилъ кто-то изъ толпы, такъ — чтобы только сказать что-нибудь.

Толпа стала расходиться по домамъ.

— А ты не думай, стоитъ себя безпокоить, — не думай о такихъ пустякахъ, по-своему обыкновенію, принялась убѣждать Березина его жена, тотчасъ же прочитавъ на откровенномъ лицѣ его слѣды какихъ-то страшныхъ, мучительныхъ мыслей.

Но благоразумные совѣты не приносили никакой пользы, — Березинъ не находилъ себѣ мѣста, не зналъ что́ дѣлать, за что́ взяться, и потому ужасно обрадовался появленію ямщика съ цѣлымъ мѣшкомъ, набитымъ только-что полученной съ почты корреспонденціей.

Березинъ зналъ хорошо цѣлебное свойство труда въ такую минуту, которую онъ переживалъ, а потому съ напускнымъ, упорнымъ вниманіемъ принялся за чтеніе полученныхъ бумагъ и газетъ.

Въ его руки попалась длинная, безграмотная, безсмысленная и, въ то же время, наглая апелляціонная жалоба.

Въ другой жалобѣ говорилось, что судья Березинъ, не имѣя къ тому никакого законнаго основанія, выслалъ стаканъ чаю проголодавшемуся довѣренному купца Крахмалова... Въ третьей — что судья Березинъ, вызвавъ свидѣтеля — сотника Кулябкина — улыбнулся и сказалъ: «ты подкупной свидѣтель, и я тебѣ не вѣрю»... Въ четвертой — что судья постановилъ возмутительное рѣшеніе. Но вотъ попалась краткая, но сильная бумага, требовавшая отъ судьи немедленнаго объясненія по содержанію жалобы, исходившей все изъ того же грязнаго источника и отличавшейся все той же нелѣпостью и безсмыслицей.

Пробѣжавъ эту, совершенно неожиданную бумагу, Березинъ нѣсколько минутъ стоялъ среди комнаты съ полу-открытымъ ртомъ, держась обѣими руками за голову. Подумалъ, рѣшилъ немедленно подать въ отставку и съ удвоеннымъ усердіемъ принялся за чтеніе.

Въ руки попалось нѣсколько нумеровъ земской газеты, а въ

глаза тотчасъ же бросилось заявленіе юнаго священника, исключительно занятаго изобрѣтеніемъ пальто-рясы, что онъ ни впредь, ни послѣ не намѣренъ обращать никакого вниманія на мнѣніе члена совѣта Березина, такъ какъ сей послѣдній ничего не смыслитъ въ преподаваніи закона Божія.

Далѣе слѣдовала пространная статья другого священника, тоже изъ юнаго поколѣнія, съ бурсацкой удалью отдѣлавшаго Березина и беззастѣнчиво утверждавшаго, что законоучитель, получающій за свой трудъ 20 руб., будетъ полезенъ на 20 руб.; получающій 36 руб. 75 коп. — будетъ приносить пользы на 36 руб. 75 коп.—и т. д., и т. д.

Затѣмъ попался длинный разсказъ сельскаго учителя о томъ, какъ онъ хотѣлъ лишить себя жизни, а потомъ струсилъ.

Далѣе подвернулся печатный циркуляръ инспектора народныхъ школъ, требовавшій немедленной выписки для училища практической гимнастики Шмидта,—точно крестьянскія дѣти и безъ того, даже съ нѣкоторымъ излишествомъ, не упражняются въ этомъ полезномъ занятіи.

Опять подумалъ Березинъ, припомнилъ злобствующихъ законоучителей, весь хаосъ школьнаго дѣла и волей или неволей рѣшилъ: тотчасъ же умыть руки, не мѣшаться въ дѣла совѣта и прекратить свои обычныя странствованія по школамъ.

Онъ нѣсколько минутъ просидѣлъ неподвижно, потомъ опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты. Онъ исходилъ десятки верстъ, восклицая: «ужасно! ужасно! ужасно!» и затыкая уши, чтобы только не слыхать всюду преслѣдовавшаго его колокольнаго трезвона и разгульныхъ пѣсенъ ликовавшаго народа.

Поздно вернувшись домой, Березинъ, не раздѣваясь, улегся въ постель; подлѣ него, на столѣ, цѣлую ночь горѣла свѣча, а онъ безсознательно и упорно смотрѣлъ на потолокъ.

Слишкомъ туго натянутая струна, наконецъ, лопнула.

Съ этого самаго дня порядокъ въ домѣ пошелъ слѣдующій: хозяйка приняла на себя всѣ заботы о дѣтяхъ и дѣлахъ, обычные разговоры во время чая и обѣда сокращались съ каждымъ днемъ. Березинъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, что никогда такъ не блаженствовалъ, какъ въ настоящее время, развязавшись съ своими просвѣтительными затѣями и неугомонной дѣятельностью, но въ то же время, подъ предлогомъ нездоровья, все чаще уединялся въ своей комнатѣ. Воздухъ комнаты, въ которой заключался Березинъ, былъ пропитанъ лекарствами и все смотрѣло въ ней печально: опущенныя зеленыя сторы, заваленный кни-

гами столъ, темная, старинная мебель, покрытыя слоемъ пыли охотничьи принадлежности, полинявшіе портреты бывшихъ кумировъ и засохшіе, никогда не политые, лишенные запаха цвѣты. А всего печальнѣе выступала въ полусвѣтѣ фигура хозяина. Онъ лежалъ на диванѣ, крѣпко скрестивъ на груди руки, между тѣмъ какъ потухшіе глаза и страшная худоба вызывали невольную, оскорбительную жалость.

По временамъ онъ вставалъ—неряшливый, поду-одѣтый, подходилъ къ зеркалу, убѣждался, что худѣетъ не по днямъ, а по часамъ, что языкъ не въ порядкѣ,—и снова неподвижно, какъ живой мертвецъ, протягивался на диванѣ.

Онъ посылалъ къ чорту благія начинанія и свои увлеченія, и тотчасъ же мучился воспоминаніями близкаго прошлаго, полнаго жизни, надеждъ и прелестей просвѣтительной дѣятельности, а неожиданный разрывъ съ этимъ прошлымъ представлялся въ глазахъ его тяжкимъ, непростительнымъ преступленіемъ. Надежды улетучились, изъ краткаго списка бывшихъ идеаловъ то-и-дѣло приходилось вычеркивать новое имя. Вскорѣ въ этомъ дорогомъ спискѣ остались только: какой-то сельскій священникъ, пытавшійся быть добрымъ пастыремъ своего стада; сельскій учитель, выбившійся изъ разряда своихъ фразистыхъ, но легковѣсныхъ собратій; два-три мужика; кровный аристократъ, отъ нечего дѣлать расчищавшій свои запущенные лѣса; два, Богъ знаетъ куда, заброшенныхъ товарища по университету—и только.

Онъ чувствовалъ, что въ его жизни совершился роковой переворотъ,—дѣлать ничего не хотѣлъ, да и не могъ, а потому постоянно и невольно обращался къ себѣ — и горькая улыбка такъ и застыла на лицѣ его.

Вспоминались Березину и земскія собранія, его ораторство и общій шопотъ: «Дѣйствуетъ! ну, теперь пойдемъ курить: онъ еще долго будетъ дѣйствовать,—пускай себѣ дѣйствуетъ».

Теперь онъ уже не могъ возбуждать ни общаго, откровеннаго хихиканья, ни затаеннаго негодованія; онъ уже не въ силахъ былъ вносить волненіе и безпорядокъ въ обычный, уже установившійся ходъ земскаго дѣла, и изъ мученика, когда-то дѣйствовавшаго, вышелъ мученикъ бездѣйствующій.

А между тѣмъ миновала черезъ-чуръ затянувшаяся осень, дико заревѣла первая мятель, невиданное количество снѣга разомъ закружилось въ воздухѣ, точно бѣлый, однообразный и безконечный холстъ, то тутъ, то тамъ разрываемый порывами вѣтра, долгое время колебался и носился передъ глазами без-

дѣйствующаго мученика, скрывая небо, солнце и звѣзды. Снѣга падало все больше и больше, снѣгъ поднимался бѣлой, высокой стѣной, затемняя свѣтъ, едва проникавшій въ верхній, еще не занесенный уголокъ окна. Глаза притупились, мысли путались.

«Что же будетъ? Чѣмъ же это кончится? Когда кончится? Когда наступитъ новая весна?» спрашивалъ себя Березинъ, вглядываясь въ однообразное, безцвѣтное волнующееся пространство — и, не находя отвѣта, затихъ и замолкъ подъ сугробами русской зимы.

Валеріанъ Назарьевъ.

На Волгѣ.
1880 г., января 4.

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЖИЗНИ ЛАССАЛЯ.

Прошло почти шестнадцать лѣтъ со времени трагической смерти нѣмецкаго ученаго агитатора и представителя извѣстной соціальной идеи, Лассаля. Въ теченіи этихъ шестнадцати лѣтъ въ Германіи не переставали появляться брошюры, вызванныя этимъ неожиданнымъ тогда событіемъ,—брошюры, писанныя людьми, принимавшими, такъ или иначе, дѣятельное участіе въ томъ романѣ, въ тѣхъ сердечныхъ отношеніяхъ, которыя были ближайшей причиной его преждевременной смерти. Въ печати появились его сокровеннѣйшія бесѣды, письма и телеграммы, его личныя сношенія съ друзьями и недругами за послѣдніе мѣсяцы жизни, и вся эта исторія теперь выяснена до мельчайшихъ подробностей, особенно съ прошлаго года, когда сама героиня этого послѣдняго романа въ жизни Лассаля, сознавая, какъ незавидна была ея роль въ этомъ печальномъ дѣлѣ, нашла нужнымъ описать его сама, съ своей точки зрѣнія, въ надеждѣ, что къ ней будетъ примѣнена мудрая французская поговорка: tout comprendre—c'est tout pardonner. Мы говоримъ о брошюрѣ Елены фонъ-Раковица: «Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassalle», которая нашла даже нужнымъ увѣковѣчить свои черты приложеннымъ къ этой брошюрѣ портретомъ. Съ этой и другими брошюрами въ рукахъ, теперь можно положительно сказать, съ полнымъ знаніемъ дѣла, что Лассаль погибъ жертвой страсти къ дѣвушкѣ, которая совсѣмъ не понимала его, которая по воспитанію и характеру была его антипо-

домъ, которая смотрѣла на свои отношенія къ нему, какъ на случайное, но интересное и возбуждающее «приключеніе», внѣ того пустого великосвѣтскаго кружка, гдѣ она выросла и вращалась, и, увѣряя его въ полной взаимности ихъ чувства, только кокетничала съ нимъ въ то время, когда онъ ставилъ на карту свою жизнь, чтобы вырвать это пустое и недостойное существо изъ рукъ безчестнаго отца и глупой, безсердечной матери.

Слишкомъ два года тому назадъ, въ «Вѣстникѣ Европы» была напечатана характерная переписка Лассаля съ одной изъ нашихъ соотечественницъ, съ которою Лассаль случайно встрѣтился въ Ахенѣ, и которая, противъ своего желанія, зажгла въ немъ пылкую страсть, признанія которой составляютъ содержаніе его переписки съ нею. Это было еще въ 60-мъ и 61-мъ годахъ, когда Лассаль, до тѣхъ поръ исключительно преданный тому, что онъ считалъ своей общественной задачей и своимъ призваніемъ, мучительно искалъ сердечной жизни и личнаго счастія, когда блистательные успѣхи надъ политическими противниками казались ему очень многимъ для его ума и гордости, но ровно ничѣмъ—для его сердца. Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ и жаждалъ женской безкорыстной привязанности, какой обыкновенно не находитъ мужчина, когда самъ носитъ способность къ ней въ своемъ сердцѣ. Въ концѣ іюля 1863 года, когда привязанность его къ нашей соотечественницѣ еще не совсѣмъ угасла, когда онъ еще писалъ ей, отказавшей ему во взаимности, что онъ особенно взволнованъ, увидавъ снова ея почеркъ, и уже завязывались его близкія отношенія къ другой дѣвушкѣ, виновницѣ его гибели, онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ умныхъ и выразительныхъ писемъ: «Мнѣ нужно личное счастіе, а у меня его вовсе нѣтъ. Я еще имѣю всѣхъ моихъ друзей, но ничего, что наполняло бы мнѣ сердце, а я, кажется, достаточно глупъ, чтобы нуждаться въ этомъ. Итакъ, довольство ума —вотъ грустный удѣлъ моей души».

И страстная натура его боролась противъ этого грустнаго удѣла со всѣмъ пыломъ сильнаго и цѣльнаго чувства, не допускавшаго никакихъ колебаній, стремившагося поглотить любимое существо и, въ свою очередь, отдаться ему вполнѣ, безъ остатка. Послѣдній романъ Лассаля, который мы хотимъ разсказать на основаніи подлинныхъ его писемъ и разсказовъ самой его героини, былъ плодомъ новаго порыва одинокой и глубоко-симпатичной души къ личному счастію, къ женской привязанности. Судьба, обстоятельства, оставляли эти страстные порывы неудовлетворенными, и трагическій исходъ ихъ становится вполнѣ есте-

ственнымъ и понятнымъ въ виду той непреклонной послѣдовательности, съ какою предавалась имъ цѣльная натура Лассаля. Онъ былъ невысокаго мнѣнія объ умственной развитости нѣмецкихъ женщинъ. За исключеніемъ старой графини Гацфельдъ, которую онъ вырвалъ силою своего ораторскаго таланта и необычайной настойчивости изъ когтей гнуснаго мужа, доставивъ ей независимость и большое состояніе, онъ не находилъ въ нѣмецкомъ обществѣ такой женщины, которая отвѣчала бы его умственнымъ и нравственнымъ требованіямъ. И вотъ, онъ влюбляется въ русскую дѣвушку. Эта дѣвушка цѣнитъ его привязанность, отдаетъ справедливость его талантамъ, она рада его дружбѣ и готова особенно дорожить ею; но она выросла въ русской средѣ, въ русской деревнѣ; онъ для нея чужой человѣкъ, иностранецъ, она не чувствуетъ къ нему ничего, кромѣ самой искренней дружбы, а онъ кипитъ страстью, онъ хочетъ полной взаимности или разлуки, всего или ничего, онъ сначала надѣется, онъ рыдаетъ, какъ дитя, умоляя о взаимности, и когда рушится всякая надежда, когда его сердечное одиночество становится мучительнымъ, невыносимымъ, и въ душѣ еще живы отголоски нераздѣленной страсти, онъ заглушаетъ ихъ новой привязанностью, на этотъ разъ еще менѣе счастливой, которая открываетъ передъ нимъ могилу.

Въ этомъ отношеніи жизнь и личность Лассаля, особенно его послѣдній романъ, представляютъ большой психологическій интересъ, даже независимо отъ крупнаго ихъ общественнаго значенія. Передъ нами его письма, въ которыхъ онъ исповѣдуетъ свою душу передъ двумя, страстно-любимыми имъ женщинами. Начало его сильной привязанности къ нашей соотечественницѣ относится къ концу 60-го года; два года спустя, онъ переноситъ ту же привязанность на другую дѣвушку, и высказываетъ ей тѣ же свои задушевныя убѣжденія, тѣ же мысли и чувства, свидѣтельствующія о глубокой и полной искренности этого человѣка, закрѣпленной потомъ его смертью. И въ той, и въ другой перепискѣ тѣ же сильныя и рѣзкія мнѣнія, тѣ же противорѣчія, всегда порождаемыя разладомъ стремленій съ данною дѣйствительностью, та же сила воли, та же самоувѣренность, близкая къ самообоганію, но вмѣстѣ и та же безкорыстная и безграничная преданность разъ выработанному убѣжденію и сложившемуся чувству. Лассаль писалъ много, писалъ по цѣлымъ днямъ; онъ былъ неутомимъ въ своей и дѣловой, и сердечной перепискѣ, въ своей публицистической дѣятельности; и тѣмъ не менѣе, онъ отзывается съ ужасомъ и презрѣніемъ о журнальной

дѣятельности, какъ о проституціи, какъ-будто нельзя и въ журналистикѣ остаться вѣрнымъ избранному направленію и опредѣленной задачѣ. Нераздѣльно преданный одной идеѣ, которою была проникнута вся его общественная дѣятельность, преслѣдуемый администраціей и судами, предупреждая любимыхъ имъ женщинъ, что въ супружествѣ съ нимъ ихъ ожидаютъ, быть можетъ, тюрьма, изгнаніе и нищета, онъ рѣзко высказывался противъ самопожертвованія, называлъ его глупостью, говорилъ, что нелѣпо жертвовать своимъ спокойствіемъ и счастіемъ для спокойствія и счастія другихъ въ отдаленномъ будущемъ. Такія противорѣчія легко объяснимы. Эта богатая натура была одарена слишкомъ большими жизненными силами, чтобы не стремиться жить на всѣхъ парахъ, чтобы не ожидать со дня на день побѣдоноснаго разрѣшенія ея задачъ и стремленій. Избытокъ силъ порождалъ въ немъ преувеличенныя надежды на близкое торжество его идеи, а всѣ мы знаемъ, какъ сильно поднимаютъ людей преувеличенныя надежды, и какъ жестоко принижаетъ и убиваетъ ихъ отсутствіе надеждъ. Если прибавить къ этому, что Лассаль умеръ еще молодымъ человѣкомъ, что ему не было и сорока лѣтъ, когда его сразила вражеская пуля, то мы вполнѣ поймемъ его искреннія противорѣчія, его самообольщеніе, смѣнявшееся горькими жалобами на скудость добытыхъ результатовъ, и самоувѣренность, не всегда оправдываемую горькими ошибками, изъ которыхъ одна стоила ему жизни.

I.

Зимой и весной 1862 года, у берлинскаго адвоката Гирземенцеля и его жены, миловидной блондинки, были вторники, на которые собиралось по вечерамъ многочисленное общество. Вторники эти представляли одну, впрочемъ исключительно хозяйственную, особенность. Хозяева, не имѣя домашней кухни, не могли предлагать гостямъ ничего съѣстного, кромѣ хлѣба и масла; но каждый гость заявлялъ, чего онъ желаетъ, и горничная хозяевъ приносила все это изъ сосѣдняго ресторана. За-то вино Гирземенцеля славилось въ Берлинѣ, и хозяинъ любезно и щедро угощалъ имъ свое общество: онъ имѣлъ въ Берлинѣ свой погребъ, и лучшія его вина были всегда къ услугамъ гостей.

Въ одинъ изъ этихъ вторниковъ, въ девять часовъ вечера, къ Гирземенцелямъ пріѣхала, въ сопровожденіи какихъ-то родственниковъ, красивая девятнадцатилѣтняя дѣвушка, незадолго

передъ тѣмъ сблизившаяся съ хозяйкой дома. Ее звали Елена Дёнигесъ. Гостей собралось еще немного; но любезная хозяйка, привѣтствуя свою юную гостью, тѣмъ не менѣе поспѣшила шепнуть ей: «Онъ здѣсь!»

— Пожалуйста, не представляйте насъ другъ другу, тихо отвѣчала ей гостья. Мнѣ не хочется, чтобъ онъ тотчасъ замѣтилъ меня; на это есть свои причины.

Комната, гдѣ хозяйка и юная гостья обмѣнялись этими неслышными другимъ словами, была уставлена рѣзною мебелью съ высокими спинками, и дѣвушка поспѣшно опустилась на табуретъ за спинкой софы, стоявшей посреди комнаты, гдѣ она могла, оставаясь сама незамѣченной, видѣть сквозь рѣзьбу все, что происходитъ кругомъ.

Хозяйка, между тѣмъ, подошла къ двери, ведущей въ кабинетъ мужа, и сказала:

— Теперь пожалуйте, господа: здѣсь больше гостей.

Въ кабинетѣ Гирземенцеля, плохо освѣщенномъ небольшою зеленою лампой, было накурено, и изъ пріемной комнаты нельзя было различить гостей хозяина. Но въ дверяхъ вскорѣ показались три фигуры: хозяинъ, подлѣ него какой-то малорослый, безобразный еврей, и высокій, стройный, красивый мужчина съ блестящими глазами, широко раскрытыми въ эту минуту подъ вліяніемъ оживленнаго разговора.

— Какъ жаль, — подумала дѣвушка, что «онъ» — не этотъ красивый и стройный мужчина.

Она знала только, что «онъ» — еврей, и приняла за «него» малорослаго и некрасиваго гостя. Продолжая начатый въ кабинетѣ разговоръ объ одномъ новомъ сочиненіи, вошедшіе заняли мѣста въ гостиной. Самый интересный изъ нихъ — это былъ «онъ», Лассаль — помѣстился на той софѣ, за которой, на табуретѣ, скрывалась Елена.

Дѣвушка всматривалась въ некрасиваго еврея, предполагая въ немъ Лассаля, о которомъ ей говорили многіе, будто онъ и она созданы другъ для друга. Но это продолжалось недолго. Интересный гость, помѣстившійся на софѣ, заговорилъ горячо и красиво, и она забыла все остальное... Но усидѣть въ своемъ уединеніи она, все-таки, не могла. Когда говорившій высказалъ мысль, которой она не поняла, или которая показалась ей невѣрной, она кокетливо вскочила съ своего табурета, мигомъ очутилась подлѣ него и громко возразила:

— Нѣтъ, я другого мнѣнія!

Краснорѣчивый гость, изумленный внезапнымъ возраженіемъ,

привсталъ съ своего мѣста и молча взглянулъ на свою оппонентку.

— Нѣтъ?— спросилъ онъ:—Отрицаніе—вотъ что приходится мнѣ прежде всего услышать отъ этого существа? Вотъ вы какая —вѣдь это вы? Да, да! Я такъ и представлялъ себѣ васъ! Такъ и должно быть.

Дѣвушка обратилась было къ хозяйкѣ съ просьбой представить ихъ другъ другу, но онъ тихо взялъ ее за руку и сказалъ:

— Зачѣмъ? Вѣдь мы уже знакомы. Вы знаете, кто́ я, а вы, вы — Брунгильда, Адріенна Кардовиль [1]), та плутовка, о которой мнѣ разсказывалъ Корфъ,— однимъ словомъ, вы—Елена!

Дѣвушка засмѣялась и тотчасъ поняла, что это «онъ», что она, къ счастію, заблуждалась на счетъ его наружности. Онъ казался ей величественнымъ, несокрушимымъ, подавляющимъ своею привлекательностью. Онъ называлъ ее Брунгильдой, потому что желалъ быть самъ ея Зигфридомъ. Ей было все равно, о чемъ и что́ онъ говорилъ съ ней въ этотъ вечеръ. Ей было важно только то, что они встрѣтились, и что у нея завязались новыя, интересныя отношенія. Когда хозяйка пригласила гостей ужинать, Елена и привлекательный ея собесѣдникъ встали, взявшись за руки, и за столомъ проболтали всю ночь, до четырехъ часовъ утра. Онъ любовался ею, называлъ себя Зигфридомъ, ее— новой Брунгильдой, и дѣтски радовался тому, что она любитъ хорошее вино.

— Прелестно!—говорилъ онъ.—Я всегда желалъ такой жены, которая умѣетъ цѣнить благородное вино. Мы будемъ пользоваться моимъ погребомъ на славу!

Когда наступитъ это время, и ка́къ достигнуть имъ такого союза—объ этомъ не было рѣчи. Это подразумѣвалось само собою, какъ нѣчто несомнѣнное.

Въ это время кто-то подошелъ къ Лассалю съ картами и спросилъ его мнѣнія объ одной азартной игрѣ. Лассаль взялъ карты, перемѣшалъ ихъ, показалъ какъ играть, но потомъ вдругъ отстранилъ ихъ, и нетерпѣливо сказалъ:

— Это до насъ не касается. Оставьте меня въ покоѣ, оставьте насъ однихъ.

Въ четыре часа все было убрано со стола, и гости стали расходиться, въ томъ числѣ и Елена съ своими родственниками: молодой, но очень чопорной дамой и пожилымъ господиномъ. Лассаль подалъ ей плащъ, приговаривая:

---

[1]) Изъ „Вѣчнаго жида“ Эжена Сю.

— Скорѣй, скорѣй! Пойдемъ, пожалуйста.

Онъ не только сказалъ ей: *ты*, но вышедши съ нею за дверь, въ сопровожденіи ея родственниковъ, взялъ ее на руки, какъ ребенка, и понесъ съ лѣстницы; спустившись, онъ опять поставилъ ее на ноги, предложилъ ей свою руку и, помолчавъ минуту, сказалъ:

— Теперь намъ надо поговорить и о дѣлѣ. Когда мы увидимся опять, и когда мнѣ пріѣхать къ твоей бабушкѣ, чтобы на чистоту объясниться съ нею.

Елена знала, какъ враждебно относятся къ нему ея домашніе, и затруднилась отвѣтить разомъ на эти вопросы.

— Нѣтъ, не пріѣзжайте, — сказала она послѣ нѣкотораго колебанія: теперь вамъ нельзя пріѣхать; со временемъ—можетъ быть, но отнюдь не теперь. Препятствій такъ много, да и бабушка сильно хвораетъ.

Была ясная и свѣжая весенняя ночь; деревья еще не распустились; по одну сторону возвращавшейся четы стоялъ безмолвной и темной массой Тиргартенъ, и только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ раздавались шаги двухъ родственныхъ спутниковъ Елены.

Лассаль остановился и заставилъ ее посмотрѣть ему въ глаза, а потомъ сказалъ тихо, почти жалобнымъ тономъ:

— Дитя! Дитя! Затѣмъ ты затрудняешь развязку? Къ чему откладывать то, что̀ рано или поздно должно непремѣнно случиться? Развѣ ты не чувствуешь, какъ и я, что судьба предназначила насъ другъ другу? Развѣ не знаешь, что нельзя безнаказанно играть своей судьбой?

Елена молчала. Легкая дрожь пробѣжала по ней, и впервые охватило ее ощущеніе, съ тѣхъ поръ уже никогда не покидавшее ее въ присутствіи Лассаля—ощущеніе сладостнаго страха, исчезновенія собственной воли и полнаго подчиненія его авторитету.

Она уже не смѣла противорѣчить ему, хотя и желала высказать свои возраженія. Видя ея замѣшательство, Лассаль нѣжно сказалъ ей:

— Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты страдала. Вѣдь ты дитя, нѣжное, слабое дитя, и я сдѣлаю все, что̀ прикажутъ твои дѣтскія уста. Разумѣется, жаль будетъ потерянnаго времени, но бѣда не велика: передъ нами еще долгая, счастливая будущность.

Эти слова успокоили ее. Она легко вздохнула, и Лассаль сказалъ ей, смѣясь:

— Какой же ты ребенокъ, какая плутовка! Ты вѣдь знаешь, что Корфъ называетъ тебя златокудрой плутовкой? На другой

день послѣ бала, гдѣ онъ видѣлъ тебя въ первый разъ, онъ былъ у меня и, входя, уже въ дверяхъ крикнулъ мнѣ: я нашелъ вамъ жену, Лассаль, но она—лисица!

Такъ дошли они до дому Елены, гдѣ разстались какъ старые знакомые, которымъ предстоитъ завтра же увидѣться опять.

II.

Кто же была эта дѣвушка, которой Лассаль при первомъ же знакомствѣ могъ уже говорить *ты* и носить на рукахъ, и почему она и жена Гирземенцеля придавали такое значеніе его присутствію, въ этотъ вторникъ, на обычномъ вечерѣ у адвоката?

Елена была дочь бывшаго доцента, баварскаго придворнаго и дипломатическаго чиновника Дённигеса, прежде наставника баварскаго наслѣднаго принца. Это былъ одинъ изъ тѣхъ полусвѣтскихъ людей, которые умѣютъ только жуировать жизнію и извлекать изъ своего выгоднаго общественнаго положенія все то, что̀ можетъ этому способствовать. Наука и литература съ ихъ идеями привлекательны для нихъ только съ этой своей пріятной стороны. Человѣкъ, по-своему образованный, у котораго собиралась пообѣдать и повеселиться баварская и вообще нѣмецкая аристократія и интеллигенція, фонъ-Дённигесъ всего менѣе заботился о воспитаніи своихъ дѣтей. Не больше заботилась о немъ и подруга его жизни, моложавая и великосвѣтская дама, погруженная въ удовольствія и развлеченія. Воспитаніе дѣтей было предоставлено гувернанткамъ, но предоставлено лишь настолько, насколько это не мѣшало дѣтямъ проникаться легкомысліемъ и слабохарактерностью. Никакой системы, никакой выдержки, никакихъ серьёзныхъ заботъ и цѣлей не имѣли въ виду эти постоянно услаждавшіе себя родители. Когда Еленѣ пошелъ двѣнадцатый годъ, родители уже открыли передъ нею двери свѣта. Физически дѣвочка развилась очень рано. Двѣнадцати лѣтъ, она уже не уступала ростомъ и фигурой юнымъ девятнадцатилѣтнимъ дамамъ, и мать ея, красивая женщина, окруженная поклонниками и удовольствіями, была еще такъ молода, что находила забавнымъ имѣть такую «взрослую» дочь.

Одинъ, почти невѣроятный случай въ дѣтствѣ Елены показалъ, какъ легко смотрѣли родители на призваніе дѣвушки, какъ презрительно относились эти «образованные» люди къ ея человѣческому праву на нравственную физіономію и самостоятельность. Когда ей было всего двѣнадцать лѣтъ, они задумали соединить

ее на-вѣки съ сорокалѣтнимъ итальянскимъ генераломъ, котораго она еще ни разу не видала и который снискалъ благосклонность ея матери своимъ особеннымъ кулинарнымъ искусствомъ. Въ своей поѣздкѣ на островъ Сардинію, супруги Дённигесъ познакомились и сблизились съ комендантомъ Алессандріи, который вскорѣ плѣнился портретомъ Елены, и обѣщали выдать за него свою дочь. Воображеніе дѣвочки съ дѣтства было пропитано смутными мечтаніями о бракѣ, роскоши, удовольствіяхъ; оно было сильно развито въ ней насчетъ другихъ способностей, и притомъ съ чувственной стороны; теперь мать постоянно твердила ей, какъ прелестно, будучи еще ребенкомъ, сдѣлаться генеральшей, «превосходительствомъ», какъ щедра на роскошь и удовольствія любовь пожилого мужа. Только такой мужъ, говорила она дѣвочкѣ, умѣетъ истинно любить молодую жену и сдѣлать ее вполнѣ счастливою, только такой мужъ будетъ ей вѣчно благодаренъ за ея расположеніе, даже за одно ея согласіе быть его женою. Страстныя посланія пожилого итальянца также дѣлали свое дѣло. Дѣвочка съ гордостью показывала ихъ своимъ подругамъ и кичилась передъ ними, радуясь ихъ зависти. Она бредила бархатомъ и драгоцѣнными украшеніями, многочисленной прислугой и роскошной обстановкой, величалась своей сокрушительной красотой, мечтала о возможности имѣть любовниковъ послѣ брака. Но эти развращающія грезы плѣняли ее только заочно, пока «женихъ» не предсталъ ей самъ во всей своей оригинальной непривлекательности. «Женихъ» произвелъ на дѣвочку ужасающее впечатлѣніе; но отъ него защитила и спасла ее только бабушка по матери, обожавшая свою внучку. Бабушка убѣдила родителей оставить дѣвочку въ покоѣ и отпустить ее съ нею въ Берлинъ, гдѣ она жила постоянно.

При всей своей любви къ Еленѣ, бабушка не могла дать ей другое воспитаніе. Она боготворила свою внучку, безпрекословно подчинялась ея дѣтской, капризной и испорченной волѣ и баловала ее безъ всякой мѣры. Дѣвочка росла въ полномъ убѣжденіи, что ей одной позволительно многое, что̀ непозволительно другимъ, становилась все болѣе и болѣе прихотливой и эксцентричной. По примѣру бабушки, всѣ родные и знакомые всячески баловали внучку. Въ числѣ послѣднихъ былъ черноволосый и черноглазый мальчикъ Янко, князь Раковица, не много моложе Елены, игравшій очень незавидную роль въ ея жизни. Влюбленный Янко сначала нравился Еленѣ, и навсегда остался ея покорнѣйшимъ слугою; она прозвала его своимъ «мавританскимъ пажемъ», любила бесѣдовать съ нимъ по-французски и

уже мечтала воспитать себѣ въ немъ мужа, вполнѣ отвѣчающаго ея вкусамъ, способнаго стать ея орудіемъ, ея собственностью. Но эти планы нимало не помѣшали Еленѣ, вскорѣ попавшей опять изъ Берлина къ родителямъ, въ Италію, гдѣ отецъ ея занималъ дипломатическій постъ, влюбиться тамъ въ одного юнаго русскаго моряка. Подъ вліяніемъ новаго увлеченія, у ней достало духу объявить пожилому итальянскому генералу, что онъ всегда былъ ей несносенъ, а теперь сталъ ненавистенъ. Мать была внѣ себя отъ этого отказа; но Елена предоставила бабушкѣ укротить ее; итальянскій генералъ поспѣшилъ удалиться, и все это чудовищное сватовство окончилось ничѣмъ.

Елена провела нѣсколько лѣтъ бо́льшею частью въ Ниццѣ, среди цвѣтовъ и морскихъ прогулокъ, въ чаду увеселительныхъ кавалькадъ и ежедневныхъ развлеченій. Единственнымъ ея стремленіемъ было прослыть искуснѣйшей и отважнѣйшей наѣздницей, прелестнѣйшей танцовщицей, царицей проказъ и всякаго веселья. Бабушка ужаснулась послѣдствій такой жизни и рѣшилась спасти любящую внучку, т.-е. опять увезти ее съ собою въ Берлинъ. Дѣвушка съ радостью согласилась на новое переселеніе; она жаждала все новыхъ и новыхъ впечатлѣній; ей хотѣлось попасть въ новое общество, увидать нѣмецкій театръ, а тутъ, подлѣ родителей, ничто не привязывало ее къ семьѣ и домашнему крову.

И вотъ, зимой 1861 года, бабушка съ внучкой опять поселились въ Берлинѣ. Публичныя лекціи, мастерскія художниковъ, балы, концерты и театръ поглотили все вниманіе юной наѣздницы. Янко былъ опять съ нею, и терпѣливо выслушивалъ ея сужденія обо всемъ, что́ она видѣла и слышала; на немъ лежала обязанность непремѣнно раздѣлять ея порывы и вспышки, подъ страхомъ подвергнуться ея неудовольствію и гнѣву.

Весь берлинскій свѣтъ и артистическій міръ хорошо зналъ въ то время гостепріимный домъ стараго президента Бонсери и радушной маленькой президентши, отличавшейся своею необыкновенною любезностью. Въ январѣ 1862 года у нихъ былъ блестящій балъ. Съ особеннымъ вниманіемъ занялась своимъ туалетомъ Елена. Ей предстояло встрѣтиться на балу съ артистами и артистками берлинской сцены, передъ которыми она не хотѣла посрамить своего вкуса. Въ ярко-освѣщенной большой залѣ она встрѣтилась съ даровитой исполнительницей женскихъ шекспировскихъ ролей, Августой Формесъ. Между нею, г-жой фонъ Бюловъ (нынѣ г-жой Рихардъ Вагнеръ) и Еленой завязался разговоръ à trois, какъ вдругъ Формесъ съ своей обычной живостью

встала, взяла за рукавъ одного проходившаго мимо ихъ офицера и громко сказала ему: «идите сюда, баронъ, здѣсь рѣдкое существо, своего рода феноменъ!» И тотчасъ же представила офицера Еленѣ:

— Ротмистръ баронъ Корфъ, зять Мейербера. Вы, конечно, уже видѣли прежде эту золотистую ундину,—прибавила она, обращаясь къ барону.

И любезный баронъ тотчасъ пригласилъ свою новую знакомку на вальсъ.

По поводу брака его съ старшей дочерью Мейербера, въ Берлинѣ было много толковъ о необычайныхъ похожденіяхъ барона; его оригинальность нравилась Еленѣ, съ раннихъ лѣтъ пресыщенной всякаго рода удовольствіями и искавшей эксцентрическихъ встрѣчъ и похожденій. Она сразу отнеслась къ нему, какъ къ старому знакомому. Удивленный ея свободнымъ обращеніемъ, онъ пристально посмотрѣлъ на нее и вдругъ спросилъ: «Вы знаете Лассаля?»

Елена, живя въ Италіи, ни разу не слышала этого имени. Она отвѣчала, что не знаетъ его, но баронъ стоялъ на своемъ.

— А все-таки вы его знаете!—сказалъ онъ.—Такъ можетъ говорить только дѣвушка, знающая Лассаля и раздѣляющая его мнѣнія.

— Я говорю вамъ, что не знаю его. Кто это Лассаль?

— Стыдно, стыдно!—серьёзно сказалъ баронъ.—Не отрицайтесь же его! Предоставьте это малодушному, окружающему насъ, обществу. Подадимъ другъ другу руку и скажемъ съ гордостью: мы знаемъ и любимъ его.

— Какой вздоръ!—съ досадой отвѣчала Елена. — Оставьте меня въ покоѣ съ вашимъ скучнымъ незнакомцемъ. Я не знаю его—даю вамъ слово, что не знаю. Вы вѣрите теперь?

— Я долженъ вѣрить,—сказалъ баронъ:—но въ такомъ случаѣ не могу не пожалѣть васъ и его за каждый часъ, который вы проводите, не зная другъ друга, потому что вы другъ для друга созданы.

Любопытство, кокетство Елены были до крайности возбуждены этимъ разговоромъ. Они еще усилились недѣли двѣ спустя, на вечерѣ у банкира Жака. За ужиномъ, хозяева посадили ее подлѣ человѣка, слывшаго однимъ изъ остроумнѣйшихъ людей въ Берлинѣ, рядомъ съ Карломъ Ольденбергомъ. Онъ принадлежалъ къ числу лучшихъ друзей Лассаля и, какъ Корфъ, сказалъ ей за ужиномъ: «Вы рѣдкостное, удивительное существо,—первая дѣвушка, которую я могъ бы представить себѣ женой

Лассаля». Елена осыпала своего собесѣдника разспросами, и онъ говорилъ ей о талантѣ и обширныхъ знаніяхъ Лассаля, объ его необыкновенномъ дарѣ увлекать за собою общество, о томъ, что знакомые и друзья предпочитаютъ его вечера всякому другому удовольствію, несмотря на то, что на нихъ присутствуетъ графиня...

— А кто эта графиня?

— Старый другъ Лассаля, шестидесяти лѣтъ, нарумяненная до невозможности, съ піявкообразными поддѣльными бровями, желтой какъ пергаментъ и жилистой шеей, цѣлый день не выпускающая длинной гаванской сигары изъ своихъ поддѣльныхъ зубовъ; но въ умственномъ отношеніи необыкновенная женщина, знающая не хуже любого ученаго политическую экономію и римское право,—словомъ, старый мужчина въ женскомъ образѣ.

У Елены составилось поэтому не совсѣмъ привлекательное представленіе о Лассалѣ. Ей говорили только объ его умѣ и знаніяхъ; а тутъ еще эта вѣчно курящая старая графиня, съ которой, по ея мнѣнію, могъ уживаться только уродливый, горбатый и грязный «жидокъ».

На другой день послѣ разговора съ Ольденбергомъ, она спросила бабушку о Лассалѣ. Но бабушка отозвалась, что онъ «ужасный демагогъ», былъ замѣшанъ въ кражѣ какой-то шкатулки и вообще не изъ тѣхъ людей, съ которыми могутъ быть знакомы порядочные люди.

Несчастному Янко пришлось, по волѣ его повелительницы, разузнать побольше о Лассалѣ. И онъ прежде былъ того мнѣнія, что это не нужно для нея, что она, конечно, никогда не встрѣтится съ «такимъ человѣкомъ», однако исполнилъ ея желаніе.

Еленѣ случилось однажды заѣхать поутру къ Гирземенцелямъ. Она застала хозяйку въ очень нарядномъ костюмѣ.

— Вы собираетесь ѣхать?—былъ вопросъ Елены.

— Нѣтъ, мы только-что вернулись домой съ большого и очаровательнаго завтрака у Лассаля.

— Лассаля? Вы знаете Лассаля?

— Еще бы! Лассаль одинъ изъ лучшихъ друзей моего мужа.

— Какая вы счастливая — вы знаете Лассаля! Нельзя ли мнѣ видѣть его у васъ?

— Я съ удовольствіемъ познакомлю васъ. Но это не совсѣмъ легко. Онъ не приходитъ тогда, когда его зовутъ, а только тогда, когда ему вздумается и позволяетъ время. Но по вторникамъ онъ бываетъ у насъ довольно часто. Я дивлюсь, что вы до сихъ поръ не встрѣтили его у насъ во вторникъ.

Случилось такъ, что именно въ ближайшій вторникъ послѣ этого разговора и произошла та первая встрѣча Лассаля съ Еленой, подробностями которой мы начали нашъ разсказъ.

III.

На другой день, когда пришелъ Янко, Елена начала свой разсказъ о вечерѣ Гирземенцелей словами:

— Ну, Янко, вчера я нашла человѣка, за которымъ пойду, куда онъ захочетъ. Если *онъ* пожелаетъ имѣть меня женою, я не пойду ни за тебя, ни за кого другого.

Слезы показались на черныхъ глазахъ «мавританскаго пажа».

— Конечно, лишь бы ты была счастлива, — отвѣчалъ онъ съ обычной покорностью ея волѣ.

Но вновь увидѣться съ Лассалемъ стало очень трудно. Какъ ни старался онъ завязать сношенія съ Еленой, всѣ его усилія были тщетны. Поведеніе Елены у Гирземенцелей возбудило сильныя подозрѣнія ея родныхъ, которые уже не выпускали ее изъ дому безъ надежной охраны. Напрасно она сердилась, выходила изъ себя. Ей не довѣряли, и только «мавританскій пажъ» помогъ ей отправить тайно письмо къ артисткѣ Формесъ, въ которомъ она негодовала на тиранію домашнихъ, высказывала артисткѣ свое высокое уваженіе и посылала поклонъ «Гераклиту» [1]). Что вышло изъ этого письма—неизвѣстно; но Еленѣ все-таки не удалось увидѣться съ Лассалемъ. Только разъ, въ одномъ обществѣ, чуть ли не въ домѣ профессора Гнейста, при ней зашла рѣчь о Лассалѣ, и славившаяся своею красотой жена профессора Дидерици громко сказала:—«Лассаль самый красивый изъ всѣхъ мужчинъ, какихъ я когда-нибудь встрѣчала». Входившій въ эту минуту, знаменитый, но уже престарѣлый Бёкъ, прибавилъ:—«Самый ли онъ красивый—объ этомъ не берусь судить; но онъ умнѣйшій и ученѣйшій изъ людей, которыхъ я когда-нибудь зналъ!»

Лѣто прошло, не принеся съ собою новой пищи для эксцентричности и кокетства Елены. Но осенью переселился въ Берлинъ адвокатъ Гольтгофъ съ своею женой, давнишній другъ отца Елены. И онъ, и жена его были уже люди пожилые и пользовались неограниченнымъ довѣріемъ бабушки, которая охотно отпускала съ ними всюду свою любимую внучку. Гольтгофъ звалъ

[1]) Заглавіе одного изъ сочиненій Лассаля.

Елену «дочкой», она называла его «папá Гольтофъ», и онъ былъ у нихъ вполнѣ домашнимъ человѣкомъ.

Въ началѣ зимы, Бюловъ давалъ свой первый концертъ. Елена была въ этомъ концертѣ съ супругами Гольтофъ. До начала, усадивъ своихъ дамъ, Гольтофъ сталъ здороваться съ своими знакомыми; Елена замѣтила, что, между прочимъ, онъ горячо пожалъ руку Лассалю. Когда онъ вернулся на свое мѣсто, она уже поджидала его съ нетерпѣніемъ и спросила:

— Вы, стало-быть, знаете Лассаля?

— Да, мы съ нимъ пріятели, а у меня къ тому же съ нимъ дѣла. Развѣ и вы знаете его, дочка?

— Нѣтъ! Я спросила о немъ потому, что вы никогда не упоминали о вашемъ знакомствѣ.

Въ антрактѣ, Гольтофъ опять поспѣшилъ къ Лассалю. Тотъ спросилъ его о чемъ-то и при этомъ улыбнулся, взглянувъ на Елену.

— Что произошло у васъ съ Лассалемъ, Елена?—спросилъ «папà Гольтофъ», возвратившись къ своимъ дамамъ.—Скрываться безполезно: я вижу ясно, что тутъ есть какая-то тайна. Лассаль обратился ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ, что и вы: «Такъ вы знаете дѣвицу Деннигесъ?» И когда я отвѣтилъ, что знаю и спросилъ, почему это его интересуетъ, онъ взглянулъ на васъ и отвѣчалъ, улыбаясь:—«Нѣтъ, я спросилъ потому, что вы никогда не упоминали о ней».—Что же такое было между вами? Будьте откровенны.

— Ничего, въ самомъ дѣлѣ ничего! Однажды мы встрѣтились въ обществѣ, а съ тѣхъ поръ...

— Вы желали бы видѣться еще? Это не особенно трудно. Вѣдь оба вы довольно часто бываете у насъ.

Въ это время началась вторая часть концерта, и разговоръ прекратился; но Елена нашла нужнымъ сказать потомъ своему покровителю, какъ враждебно относятся къ Лассалю ея родные. «Папà Гольтофъ» смотрѣлъ на такое знакомство съ меньшею строгостью.

— Ну, не сейчасъ же онъ проглотитъ васъ; вѣдь онъ не звѣрь! Все это не такъ страшно, и легко можетъ быть улажено.

Елена торжествовала. Ея отношенія къ Янко, принявшія въ теченіе лѣта и осени довольно горячій характеръ, вдругъ отошли на второй планъ. Ему пришлось теперь выслушивать ея признанія, относившіяся къ другому, болѣе интересовавшему ее «предмету». Бывшая невѣста итальянскаго генерала терзала преданнаго юношу безъ милосердія и пощады. Ея необузданностью,

ея дикими порывами любовались, и она уже давно считала себя въ правѣ давать имъ полную свободу.

Вскорѣ состоялся первый «Juristenball» сезона. Было рѣшено, что Елена поѣдетъ на этотъ балъ съ супругами Гольтгофъ. На слѣдующее утро «папа Гольтгофъ» навѣстилъ бабушку и внучку и, пользуясь благопріятной минутой, сказалъ Еленѣ:

— Одинъ человѣкъ проситъ у васъ позволенія также пріѣхать на этотъ балъ. Хотите?

— Конечно. Балъ — дѣло публичное, и я не могу ничего ни разрѣшать, ни запрещать по этому поводу. Но я буду очень рада, если «онъ» пріѣдетъ.

Когда вошла бабушка, Гольтгофъ показалъ Еленѣ три билета для входа на балъ: одинъ предназначался для него съ женою, другой для нея и третій—для «одного человѣка». Бабушка ничего не подозрѣвала, и даже не замѣтила особенныхъ заботъ, съ которыми Елена отнеслась на этотъ разъ къ своему туалету.

Лассаль былъ уже въ залѣ, когда Гольтгофы вошли съ Еленой. Онъ разговаривалъ съ Вальдекомъ, но вскорѣ подошелъ къ нимъ, предложилъ Еленѣ руку и пошелъ съ нею, точно они видѣлись и говорили только вчера, а не полгода назадъ.

— Въ этой залѣ, гдѣ всѣ уставили на насъ глаза и дивятся, зачѣмъ тутъ Фердинандъ Лассаль,—здѣсь не мѣсто серьёзно говорить о томъ, о чемъ мы должны переговорить между собой,— сказалъ онъ.—Но дитя приказало, и я пріѣхалъ. Видишь ли, дурочка, — продолжалъ онъ, смѣясь: — мы не можемъ обойтись другъ безъ друга. Чувствуешь ли ты это теперь? Мнѣ нужно узнать отъ тебя сегодня только двѣ вещи: что́ сдѣлала бы ты, еслибъ была моей женой, а они приговорили бы меня къ смерти, и ты увидѣла бы меня входящимъ на эшафотъ?

Какъ ни оригиналенъ былъ такой вопросъ на балу, Елена быстро отвѣчала:

— Я дождалась бы той минуты, когда они отрубятъ твою гордую голову, чтобы глаза моего орла могли до послѣдней минуты видѣть то, что́ онъ любитъ, и потомъ приняла бы яду,— вѣрнѣйшаго яду, сообща избраннаго нами самими.

Отвѣтъ понравился Лассалю.

— Ядъ уже готовъ,—сказалъ онъ, смѣясь. — Но будь покойна—дѣло не пойдетъ такъ далеко. Моя звѣзда свѣтла и счастливо восходитъ; она еще далеко не въ зенитѣ, не тамъ, откуда начинается закатъ.

Вскорѣ подошелъ Янко съ приглашеніемъ на давно обѣщанную мазурку. «Вы позволите?» — сказалъ онъ Лассалю, прини-

мая отъ него свою даму, и потомъ, сдѣлавъ съ нею нѣсколько шаговъ, спросилъ ее дрожащимъ голосомъ:—«Такъ это онъ?»

Лассаль и Янко видѣлись тутъ впервые, и впервые измѣрили другъ друга глазами. Окончивъ танецъ, Янко проводилъ свою даму туда, гдѣ сидѣла г-жа Гольтгофъ; но тамъ уже стоялъ Лассаль, и онъ поспѣшно отошелъ.

— Итакъ,—сказалъ вполголоса Лассаль, обратившись къ Еленѣ:—мнѣ предстоитъ устранить съ пути этого мавританскаго князя, одного изъ драконовъ, охраняющаго мое сокровище?

— Онъ не считается, это мой пажъ и ничего больше,—спокойно отвѣчала Елена, отрицаясь своихъ отношеній къ Янко, съ которымъ была на *ты*, котораго воспитывала себѣ въ мужья, и стараясь казаться равнодушной.

— Съ такими-то глазами?—серьёзно возразилъ Лассаль.—И неужели думаетъ плутовка, что я не знаю въ точности всего, что онъ творилъ въ долгій промежутокъ нашего «междуцарствія»? Я знаю все, все! Но мнѣ это безразлично. Я все-таки достигну своей цѣли, если ты мнѣ хоть немного поможешь. Ты поможешь?

Елена кивнула головой въ знакъ согласія.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—мнѣ нужно прежде всего узнать что-нибудь вѣрнѣе о твоихъ родителяхъ. Чѣмъ можно приручить мамашу? Ухаживать ли за нею, или лучше—бесѣдовать съ ней о модномъ проповѣдникѣ? Или еще лучше играть съ нею въ вистъ и держать ей мотокъ, когда она разматываетъ шерсть?

— Нѣтъ,—сказала Елена со смѣхомъ.—Ужъ лучше приволокнитесь за нею—къ этому она всего больше привыкла. Затѣмъ вы можете говорить съ ней обо всемъ—о наукѣ, литературѣ, искусствѣ.

— А отецъ?

Елена почти не знала своего отца и могла сказать о немъ очень мало. Но Лассаль и безъ того былъ увѣренъ, что съ отцомъ онъ, такъ или иначе, непремѣнно поладитъ.

— Съ мужчинами,—сказалъ онъ,—всегда можно сговориться, особенно съ порядочными, учеными мужчинами. Но нѣтъ на свѣтѣ ничего безнадежнѣе, ничего неодолимѣе безразсудной женщины.

На этотъ разъ бесѣда опять была прервана приглашеніемъ на танецъ. Лассаль сердился на эти перерывы:

— То была по-истинѣ несчастная мысль пріѣхать сюда,—сказалъ онъ съ досадой.—Балъ—ужаснѣйшее мѣсто для серьёз-

ныхъ разговоровъ. Я останусь—прибавилъ онъ, встрѣтивъ умоляющій взглядъ Елены,—но съ тѣмъ условіемъ, что вы танцовать больше не будете!

Елена не рѣшилась сказать ни «да», ни «нѣтъ». Она боялась раздражить его, боялась и стать предметомъ общаго вниманія, если будетъ отказываться отъ танцевъ, чтобы оставаться все время съ Лассалемъ.

— Вѣдь это неловко,—проговорила она — что скажутъ обо мнѣ, если я весь вечеръ проболтаю съ вами?

— Что скажутъ?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.—Вы безпокоитесь объ этомъ? Но я забылъ, что передо мной еще «дитя!» Оно говоритъ иногда такъ толково и умно, что я совсѣмъ забываю о его младенчествѣ. Но это не годится, плутовка. Кто хочетъ идти одной дорогой съ Фердинандомъ Лассалемъ, тотъ не долженъ «нести осла».

— Нести осла? Что это такое?

— Это эпизодъ изъ моей жизни, или скорѣе причина моей необычайной энергіи, моей несокрушимой воли. Хочешь выслушать эту исторію?

— Разумѣется! и сію минуту, скорѣе!

— Ты замѣтила, какъ они всѣ смотрятъ на меня на этомъ балу?—началъ Лассаль, отошедши съ Еленой не много въ сторону. Каждый смотритъ на меня съ своей особой точки зрѣнія, и только немногіе находятъ, что мое присутствіе тутъ понятно или по крайней мѣрѣ безразлично. Одинъ находитъ это въ высшей степени страннымъ со стороны человѣка, желающаго представлять народъ, другой думаетъ: вотъ какъ онъ проводитъ свои ночи, вотъ его прославленныя кабинетныя занятія. Словомъ, всѣ считаютъ непозволительнымъ съ моей стороны то, что кажется очень естественнымъ со стороны всякаго другого, даже со стороны стараго Вальдека. Но это не удивляетъ меня, это всегда было такъ. Когда я былъ еще мальчикомъ и игралъ съ другими мальчуганами,—разумѣется, всегда въ качествѣ ихъ предводителя—мнѣ приписывали всякую бѣду. Разобьетъ ли кто окно, помнутъ ли гдѣ-нибудь садъ—Фердинандъ Лассаль непремѣнно виновенъ. Это часто удивляло меня; я не могъ понять, отчего меня всегда и во всемъ обвиняли.

— О, я отлично понимаю—отчего: la supériorité est une infirmité publique!

— Потомъ пришло время, когда отецъ задумалъ сдѣлать меня купцомъ. Я не хотѣлъ этого, и послѣ долгой борьбы, о которой я разскажу тебѣ когда-нибудь, принялся учиться. Люд-

скимъ пересудамъ не было счету. Одни держали сторону отца, другіе были за меня, внося раздоръ въ нашу семью, вызывая ссоры между отцомъ, матерью и мною. Именно въ это время попало мнѣ въ руки старое собраніе басенъ, и я прочелъ въ немъ коротенькій разсказъ о томъ, какъ старый дѣдушка съ своимъ маленькимъ внукомъ велъ на рынокъ осла. На встрѣчу имъ шелъ человѣкъ и сказалъ: «какіе вы глупые люди! у васъ оселъ, а вы оба пѣшкомъ идете подлѣ!» Старикъ тотчасъ взялъ своего внука и посадилъ его на осла. На встрѣчу шелъ другой прохожій и закричалъ мальчику: «стыдись, братъ, у тебя молодыя ноги, а ты оставляешь старика бѣжать рядомъ!» Мальчикъ соскочилъ, и на осла сѣлъ уже дѣдъ. Но и онъ сидѣлъ не долго. На встрѣчу имъ шелъ мужикъ и сказалъ: «хорошъ дѣдъ! По такой жарѣ заставляетъ мальчугана бѣжать за осломъ!» Старикъ сажаетъ мальчика съ собой и радуется, что они, наконецъ, сидятъ оба. Но подъ самымъ городомъ встрѣчается имъ господинъ съ физіономіей умника и въ золотыхъ очкахъ, который говоритъ: «фу, какіе изверги, въ такую жару ѣдутъ двое на бѣдномъ животномъ!» Смущенные жестокимъ упрекомъ, и дѣдъ и внукъ сошли на землю, потолковали минутку и, чтобы поправить дѣло, сами подняли осла и потащили его вмѣстѣ на рынокъ. Вотъ это-то и есть исторія объ ослѣ, котораго ты хочешь нести, а я нести не хочу. Когда я прочелъ въ дѣтствѣ этотъ разсказъ, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе; я долго думалъ о глубокой и плодотворной правдѣ, составляющей его содержаніе, и торжественно далъ себѣ клятву никогда не «носить осла», что́ бы ни дала мнѣ жизнь, въ какія бы положенія она меня ни поставила.

Лассаль вообще любилъ дѣлить людей по этому признаку, на носящихъ и неносящихъ осла. Къ числу послѣднихъ онъ относилъ обыкновенно князя Бисмарка. Этотъ не понесетъ осла, говорилъ онъ.

Послѣ бала, Лассаль сказалъ Еленѣ на прощанье:

— Я счастливъ уже тѣмъ, что опять встрѣтился съ тобой. Это было труднѣе, чѣмъ вытащить Брунгильду изъ огня. Теперь все пойдетъ хорошо, предоставь мнѣ уладить все остальное!

Нѣсколько дней спустя, «папа Гольтгофъ» посѣтилъ Елену. Бабушка спала, и онъ, пользуясь этимъ, спросилъ свою «дочку», согласилась ли бы она выдти за человѣка не-дворянскаго рода и къ тому же еврея.

— Да, еслибъ этотъ человѣкъ назывался Лассалемъ, — отвѣчала она. — Скажите: вы дѣлаете мнѣ этотъ вопросъ по формальному порученію Лассаля?

Гольтгофъ смутился, и съ привычными ему колебаніями и желаніемъ удовлетворить всѣхъ и каждаго, какъ бы ни были противоположны ихъ понятія и требованія, отвѣчалъ:

— Да, то-есть онъ не поручалъ мнѣ этого прямо, а только просилъ разузнать...

— Благодарю васъ,—съ досадой сказала Елена, вставая съ мѣста: —въ такомъ случаѣ мнѣ уже не нужно пускаться въ дальнѣйшія объясненія. Я и не желаю ничего больше слышать объ этомъ.

Косвенная попытка Лассаля мало тронула ее. Ей видимо хотѣлось полной, безусловной побѣды.

Бабушка проснулась; Еленѣ нужно было куда-то ѣхать, и Гольтгофъ пошелъ въ комнату старухи.

Прошли еще двѣ недѣли, не ознаменовавшіяся ничѣмъ особеннымъ, кромѣ замѣтнаго старанія Гольтгофа не допускать, чтобы Лассаль и Елена встрѣтились у него въ домѣ. Разъ утромъ, когда Елена сидѣла за письменнымъ столомъ, погруженная въ свою переписку, въ ея комнату вошла бабушка съ распечатаннымъ письмомъ въ рукахъ.

— Я писала твоему отцу о твоемъ бракѣ съ Лассалемъ,— сказала бабушка,—и получила отъ него отвѣтъ. Онъ рѣшительно отказываетъ въ своемъ согласіи.

Изумленная Елена вышла изъ себя и дрожащимъ отъ досады голосомъ закричала бабушкѣ:

— Развѣ Лассаль или я поручали тебѣ совѣтоваться объ этомъ съ отцомъ?

— Нѣтъ, но мнѣ говорилъ Гольтгофъ...

— Ну, если ты и Гольтгофъ заварили кашу, такъ сами и расхлебывайте ее. Ни мнѣ, ни Лассалю нѣтъ дѣла до всего этого!

И она захлопнула свой бюваръ, встала и вышла изъ комнаты, оставивъ смущенную бабушку на произволъ судьбы. Старуха такъ боялась своей избалованной и капризной внучки, что съ тѣхъ поръ ни разу не намекнула ей объ этомъ дѣлѣ ни единымъ словомъ.

Въ слѣдовавшіе за тѣмъ мѣсяцы Лассаль одинъ только разъ видѣлся съ Еленой, при помощи Гольтгофа, на праздникѣ въ память Уланда, въ театрѣ «Викторія». Онъ былъ въ одной ложѣ съ Гольтгофомъ, Еленой и ея бабушкой. Но въ такой обстановкѣ разговоръ естественно вертѣлся около общихъ мѣстъ.

«Папа Гольтгофъ» не переставалъ однако же говорить Еленѣ о Лассалѣ. Онъ и жена его разсказывали ей подробности о

планахъ и рисункахъ для дома, который онъ собирался строить для себя въ Берлинѣ. Однажды Гольтгофъ просилъ Елену дать ему свою фотографическую карточку. «Одинъ человѣкъ,—сказалъ онъ,—хочетъ убрать свою столовую въ помпейскомъ стилѣ, украсить ее фресками и вѣрными копіями».

Эта фресковая живопись должна была изображать или троянскую войну, или сказаніе Эдды, но во всякомъ случаѣ героиня, будетъ ли это Елена или Брунгильда, должна имѣть черты Елены Дённигесъ.

— Такъ любитъ Фердинандъ свою Елену, — прибавилъ Гольтгофъ.

Они все-таки не видались; но въ мартѣ, въ рожденье Елены, она получила большую корзину фіалокъ и бѣлыхъ розъ съ безъименнымъ стихотвореніемъ, писаннымъ на бумагѣ съ вензелемъ Ф. Л. Когда жена Гольтгофа пріѣхала поздравить Елену, послѣдняя разсказала ей свой новый секретъ и узнала отъ нея, что въ Берлинъ пріѣхала сестра Лассаля, г-жа Фридландъ, которая нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ нею. Жена Гольтгофа приглашала ее пріѣхать для этого на другой день, и Елена поспѣшила согласиться. Она нашла у Гольтгофа маленькую, кроткую и очень подвижную даму, уже вышедшую изъ первой молодости, которая встрѣтила ее съ открытыми объятіями и чрезвычайной радостью. «Такою именно представляла я себѣ жену Фердинанда,—говорила она вскорѣ послѣ первыхъ привѣтствій.— Вы прекрасно подходите другъ къ другу. Я уже теперь люблю васъ почти такъ же сильно, какъ мой братъ». Завязалась оживленная бесѣда, среди которой сестра Лассаля предложила Еленѣ пойти въ кабинетъ Гольтгофа и привести его оттуда въ гостиную. Елена всегда пользовалась привилегіей вызывать его, постучавшись къ нему три раза, даже во время его занятій и пріемовъ.

Елена порхнула по комнатамъ къ кабинету и постучалась. Мысль, что Лассаль, быть можетъ, въ кабинетѣ, промелькнула въ ея возбужденномъ воображеніи, и на стукъ ея, дѣйствительно, послышалось: «войдите», произнесенное не голосомъ Гольтгофа. Дверь отворилась; двѣ руки быстро подняли ее, понесли и опустили на кресло. Гольтгофъ взволновался при видѣ этой картины. Онъ кинулся охранять свою «дочку».

— Не запугивайте моего ребенка, Лассаль, и прежде всего поклянитесь мнѣ оба, что вы никогда не проговоритесь объ этомъ свиданіи у меня. Бабушка и все семейство Елены никогда не простили бы мнѣ этого свиданія.

Полу-шутя, полу-серьёзно онъ взялъ въ руки крестообразную рукоятку кинжала, требуя клятвы. Елена произнесла ее.

— Я еврей,—сказалъ Лассаль:—я не вѣрую въ этотъ знакъ, и потому не могу передъ нимъ клясться. Но я клянусь передъ тѣмъ, что̀ мнѣ милѣе и священнѣе всего на свѣтѣ, — клянусь передъ этой маленькой дѣтской рукой, — прибавилъ онъ, взявъ руку Елены.—Довольно ли такой клятвы?

Гольтгофъ признался себя удовлетвореннымъ, и такъ какъ Елена и не подумала звать ихъ въ гостиную, хотя и стучалась въ кабинетъ съ этой именно цѣлью, то они проболтали около часу, пока забытыя ею дамы не пришли сами съ чашками кофе. Въ этотъ день было рѣшено, что лѣтомъ Лассаль пріѣдетъ къ родителямъ Елены въ Женеву, хитростью «случайно» познакомится съ ними и, пользуясь своимъ даромъ привлекать людей и имѣть на нихъ вліяніе, расположитъ ихъ въ свою пользу.

Черезъ нѣсколько дней бабушка Елены серьёзно заболѣла, и съ тѣхъ поръ уже не могла поправиться. Онѣ ѣздили для нея на воды. Потомъ пріѣхала въ Берлинъ мать Елены, чтобы навѣстить больную и присутствовать при родахъ своей сестры, баронессы К.-П. Баронесса умерла отъ родовъ; бабушка прохворала все лѣто, и также умерла въ началѣ зимы 1863 года.

За нѣсколько дней до смерти, предвидя ея приближеніе, старуха велѣла позвать Янко и говорила съ нимъ часа два, поручая ему свою внучку. Она говорила, что хотя и считаетъ его почти мальчикомъ—ему было тогда девятнадцать лѣтъ—но въ то же время видитъ въ немъ единственнаго человѣка, на честность и любовь котораго она можетъ положиться. Она взяла съ него обѣщаніе никогда не покидать Елену и всегда заботиться объ ея счастьѣ.

По смерти бабушки, Елена возвратилась съ матерью въ родительскій домъ. Ея отецъ былъ въ это время баварскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцаріи и жилъ постоянно въ Женевѣ.

IV.

Зима и въ Женевѣ, какъ въ Берлинѣ и Ниццѣ, прошла для Елены незамѣтно, въ разнаго рода увеселеніяхъ, въ поѣздкахъ по Швейцаріи и южной Франціи. Въ мартѣ 1864 г. въ Женеву пріѣзжалъ Янко и нѣсколько недѣль гостилъ въ домѣ Деннигеса. «Мавританскій принцъ», какъ звали его въ этой семьѣ, придалъ

своимъ появленіемъ еще больше оживленія и разнообразія ея беззаботной и веселой жизни. Всѣ признавали за нимъ несомнѣнные «общественные таланты»: онъ считался и хорошимъ музыкантомъ, и отличнымъ танцоромъ.

Но въ маѣ Елена заболѣла лихорадкой, послѣ которой обнаружились признаки общаго упадка силъ и разслабленія нервной системы. Врачи посовѣтовали ей провести нѣкоторое время въ горахъ, въ болѣе прохладномъ климатѣ. Вскорѣ представился и удобный случай послѣдовать этому совѣту. Хорошо знакомое Дённигесамъ англійское семейство мистриссъ Арсонъ, состоявшее изъ матери и дѣтей, прибыло въ это время изъ Ниццы въ Швейцарію, чтобы съ тою же самою цѣлью поселиться въ окрестностяхъ Берна, вмѣстѣ съ семьей тогдашняго американскаго консула въ Женевѣ, Лесли. Съ ними была отпущена въ окрестности Берна и больная Елена, получившая въ это время отъ своего берлинскаго друга Гольтгофа письмо, въ которомъ онъ говорилъ, между прочимъ: «Л. (Лассаль) очень страдаетъ горломъ и, вѣроятно, долженъ будетъ выдержать курсъ леченія сывороткой на Риги».

Елена вскорѣ совсѣмъ оправилась въ бернскихъ горахъ, и когда мистриссъ Арсонъ—вѣроятно, по ея желанію и просьбѣ—предложила своимъ спутницамъ предпринять восхожденіе на Риги, эта мысль была съ восторгомъ принята всѣми. Черезъ нѣсколько дней нервныя дамы были уже въ Люцернѣ, чтобы оттуда предпринять задуманную вечернюю прогулку.

При иныхъ условіяхъ поѣхалъ въ Швейцарію Лассаль. Не болѣзнь горла, по крайней мѣрѣ, не одна эта болѣзнь, какъ писалъ Гольтгофъ Еленѣ, заставляла его искать леченія и отдыха. Въ одномъ стихотворномъ посланіи къ берлинскому профессору Притцелю и въ своихъ письмахъ онъ горько жаловался на страшное утомленіе отъ безпрерывныхъ работъ. Онъ чувствовалъ, что прежнія силы измѣняютъ ему, а съ ними и прежняя увѣренность въ успѣхъ. «Какъ ни крѣпокъ мой организмъ,—я смертельно утомленъ,—писалъ онъ въ это время:—мое возбужденіе такъ сильно, что я совсѣмъ не сплю по ночамъ. Проваливаясь до пяти часовъ утра на кровати, я встаю съ головной болью и совершенно истощенный. Безумное напряженіе, съ которымъ я въ четыре мѣсяца писалъ памфлетъ противъ Шульце и Бастіа, имѣя при этомъ еще и другія работы, и глубокое, мучительное разочарованіе, сердечное огорченіе, причиняемое мнѣ равнодушіемъ и апатіей рабочаго класса — всего этого было слишкомъ много даже и для меня! Я предаюсь «ремеслу глупца» (métier

de dupe), и это тѣмъ больше огорчаетъ и раздражаетъ меня, что нельзя высказывать мое огорченіе и раздраженіе, что надо вгонять его внутрь, часто даже утверждать совсѣмъ противоположное».

Въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Берлина и, будучи предсѣдателемъ основаннаго имъ общаго нѣмецкаго союза рабочихъ, по пути собиралъ сходки и произнесъ рѣчи въ Лейпцигѣ, Дюссельдорфѣ, Золингенѣ и Барменѣ, въ Кёльнѣ, Дунсбургѣ, Вермельскирхенѣ и Ронсдорфѣ. До Карлсруэ онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ графиней Гацфельдъ и нѣсколькими друзьями. Въ Карлсруэ они разстались: графиня поѣхала на-воды въ Вильдбадъ, а онъ—на Риги, и поселился въ томъ мѣстѣ этой горы, которое хорошо извѣстно путешественникамъ подъ именемъ Риги-Кальтбадъ. Со времени первыхъ встрѣчъ его съ Еленой, утекло много воды. Его первоначальное намѣреніе пріѣхать въ Швейцарію, чтобы познакомиться съ ея родителями и расположить ихъ въ свою пользу, относилось еще къ прошлому лѣту. Въ теченіи цѣлаго года Лассаль имѣлъ еще другія сердечныя отношенія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ, повидимому, забылъ свои встрѣчи и бесѣды съ дѣвушкой, будто бы предназначенной для него самою судьбой. Но новая, совсѣмъ неожиданная встрѣча съ нею вновь оживила въ немъ угасшее чувство.

Когда Елена и многочисленные ея спутники поднимались верхомъ на Риги, пошелъ сильный дождь, отъ котораго они должны были укрыться подъ навѣсомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Риги-Кальтбада. Дамы сильно промокли, и находились въ довольно печальномъ настроеніи. Веселая прогулка обратилась въ досадное приключеніе. Елена, разумѣется, вспомнила сообщеніе Гольтгофа.

— Есть на Риги лечебное заведеніе?—спросила она своего проводника, восьми-лѣтняго мальчика, совавшаго ея лошади клокъ сѣна.

— Какъ же! Даже два заведенія! Одно въ Клестерли, другое—здѣсь, въ Кальтбадѣ.

Елена нагнулась къ мальчику и опять спросила:

— Не знаешь ли, мальчикъ, — не здѣсь ли живетъ нѣкто докторъ Лассаль?

— Да, живетъ!—былъ отвѣтъ мальчика.

— Такъ бѣги и приведи его сюда.

И Елена разсказала своимъ спутникамъ, совсѣмъ не знавшимъ по-нѣмецки, о чемъ былъ у ней разговоръ съ проводникомъ и какое порученіе онъ взялся исполнить.

Лассаль сидѣлъ за работой — что-то усердно писалъ — когда вошелъ мальчикъ и объявилъ, что какая-то «великолѣпная» дама желаетъ его видѣть. Онъ быстро всталъ и поспѣшилъ за мальчикомъ.

— Боги Греціи! Это она!—закричалъ онъ, приближаясь къ путешественникамъ.

Елена представила его своему обществу, какъ одного изъ своихъ берлинскихъ друзей. Лассаль привѣтствовалъ путешественниковъ по-французски и съ-разу произвелъ на нихъ пріятное впечатлѣніе. Спутники и спутницы Елены горѣли нетерпѣніемъ увидѣть восходъ солнца съ вершины Риги, и Лассаль, напрасно убѣждавшій ихъ сойти съ коней и провести вечеръ въ Кальтбадѣ, вызвался сопровождать ихъ.

— Знаете ли, догадываетесь ли, чѣмъ я былъ занятъ, когда этотъ мальчикъ прибѣжалъ мнѣ сказать, что какая-то великолѣпная дама желаетъ меня видѣть?—спросилъ онъ Елену.—Я писалъ старому Бёку и Гольтгофу, прося у нихъ рекомендательныхъ писемъ къ вашему отцу. Довольно мы играли; пора привести наше дѣло къ окончательной и счастливой развязкѣ.

Дождь пересталъ, и путники стали подниматься. Лассаль все время бесѣдовалъ съ Еленой, требовалъ отъ нея окончательнаго отвѣта и согласія предпринять съ нимъ поѣздку черезъ Гемми до Шамона.

— Отчего не выйдти за меня тотчасъ же?—горячо говорилъ Лассаль Еленѣ.—Отчего не поѣхать завтра изъ Люцерна не въ Бернъ, а во Францію, гдѣ я могу устроить дѣло такъ, что насъ обвѣнчаютъ безъ всякихъ формальностей? Когда мы уѣдемъ тайкомъ, твои родители принуждены будутъ дать свое согласіе. Противъ совершившагося факта спорить очень трудно.

Но Елена не соглашалась поступить такъ рѣшительно. Лассаль смѣялся на ея возраженія, но соглашался испытать мирный путь переговоровъ. За ужиномъ, на вершинѣ горы, онъ былъ въ ударѣ, много и увлекательно говорилъ со спутниками и спутницами Елены, прерывая эту общую бесѣду отдѣльнымъ, нѣмецкимъ разговоромъ съ нею.

— Что собственно имѣютъ противъ меня твои родители?—спросилъ онъ между прочимъ.

— Право, не знаю; я никогда не говорила съ нимъ о васъ.

— Но тогда, когда Гольтгофъ спрашивалъ твою бабушку, что писалъ тогда отецъ противъ меня?

Елена разсказала, какъ былъ прерванъ ею разговоръ съ ба-

бушкой, а съ тѣхъ поръ имя его ни разу не было произнесено въ ея семействѣ.

— Какой ребеновъ!—вскричалъ онъ.—Да это почти невозможно, не слыхано! Если-бъ мы теперь знали, какія причины заставляютъ ихъ быть противъ меня, то могли бы бороться противъ этихъ причинъ, а противъ неизвѣстнаго бороться невозможно.

— Я думаю,—нерѣшительно сказала Елена,—имъ непріятна ваша политическая дѣятельность, и потомъ «графиня».

— Моя политическая дѣятельность тутъ не причемъ,—отвѣчалъ Лассаль.—Не можетъ быть, чтобъ люди по политическимъ причинамъ дѣлали свою дочь несчастной. И не всегда же мое политическое положеніе будетъ такимъ, какъ теперь. Самый честолюбивый отецъ могъ бы быть удовлетворенъ тѣмъ положеніемъ, какое я желаю, въ концѣ-концовъ, доставить его дочери.

Общій разговоръ, между тѣмъ, продолжался; но Лассаль опять прервалъ его обращеннымъ къ Еленѣ вопросомъ:

— А что разсказывалъ мнѣ Гольтгофъ про юнаго мавра? Вы, кажется, чуть не помолвлены? Бабушка будто бы уладила это передъ смертью?

— Помолвлены? Нѣтъ, еще не совсѣмъ, но...

— Помолвлены вы или нѣтъ—мнѣ совершенно все равно!—громко сказалъ онъ. Всего комичнѣе тутъ то, что Брунгильда могла воображать, или хотя бы помыслить одну минуту, будто Зигфридъ такъ легко уступитъ ее другому! Я ни мало не безпокоюсь объ этой помолвкѣ. Я разорву ее! Неприкосновенъ только брачный союзъ—да и то еще вопросъ! Пока я живу, пока въ моихъ жилахъ движется капля горячей крови, я не отдамъ тебя никому другому. Въ крайнемъ случаѣ, я дождался бы послѣдняго часа, и тогда пришелъ бы и взялъ бы отъ самого алтаря свою невѣсту. Говорю это рѣшительно и торжественно: не пытайся принадлежать другому—я не допущу этого; я потребую тебя, какъ мою собственность. Я уже сказалъ тебѣ однажды и повторяю теперь: мы — наша судьба. Мы можемъ бороться противъ нея, а она все-таки приводитъ насъ другъ къ другу. Сегодняшняя встрѣча служитъ тому новымъ доказательствомъ!

Елена вовсе не была убѣждена въ этомъ. Она находила Лассаля «интереснымъ», позволяла ему говорить ей *ты* еще въ Берлинѣ, въ разговорахъ съ нимъ вела себя, какъ его невѣста, и въ то же время воображала, что это ни къ чему ее не обязываетъ. Его увѣренность въ томъ, что сама судьба посылаетъ

ихъ другъ другу, только пугала ее. На мужчинъ она привыкла смотрѣть, какъ на свою забаву и добычу. Лассаль былъ первый человѣкъ, который не подчинялся ей и предписывалъ ей свою волю. Она не любила его, она забавлялась и играла, а онъ съ-разу предъявлялъ ей самыя серьёзныя требованія, хотѣлъ всего или ничего. Это дѣлало на нее непріятное впечатлѣніе. Она не терпѣла препятствій, борьбы, домашняго разлада, и всю ночь искала удобнаго и пріятнаго выхода изъ завязанной ею интриги. Когда въ гостинницѣ раздался рожокъ, призывавшій путешественниковъ смотрѣть восходъ солнца, она еще не спала и поспѣшно выбѣжала вмѣстѣ съ другими, чтобы ничего не увидѣть: гора была окутана туманомъ, и того зрѣлища, для котораго стекались на Риги многочисленные гости, совсѣмъ не оказалось. Лассаль нашелъ Елену «божественною» въ ея небрежномъ утреннемъ нарядѣ, и былъ въ отчаяніи, что не могъ показать ей восходъ солнца во всемъ его великолѣпіи. Потомъ, за утреннимъ кофе, онъ уже просилъ у ней бесѣды съ глазу на глазъ, послѣ завтрака, чтобы привести, наконецъ, въ порядокъ ихъ серьёзныя дѣла.

Бесѣда эта происходила въ библіотекѣ.

— Боже! Какой у васъ болѣзненный видъ,—сказалъ Лассаль, встрѣчая входившую Елену.—Этому надо положить конецъ. Вы кашляете, но у васъ болитъ не грудь, не правда ли? Вы очень нѣжны, и этотъ скверный климатъ вамъ не годенъ. Все это мы перемѣнимъ. Когда болѣетъ мое бѣдное дитя, я отложу въ сторону политику и дѣла, мы поѣдемъ въ Египетъ или въ Индію, гдѣ я предамся книгамъ и наукѣ и буду ходить за моимъ ребенкомъ, пока онъ опять не станетъ здоровой Брунгильдой.

— Но мы еще не женаты,—замѣтила Елена.—Да и врачи не находятъ у меня ничего, кромѣ нервнаго разстройства, и говорятъ, что холодъ мнѣ полезнѣе жары.

— Они ослы,—прервалъ ее Лассаль.—Мы уѣдемъ на зиму въ Египетъ, а что касается женитьбы, мы должны теперь же порѣшить наше дѣло.—Дитя, скажи мнѣ только: «Да, я желаю», и я сдѣлаю все остальное самъ.

Они сидѣли на низенькомъ диванѣ. Взявъ ее за руки, онъ долго смотрѣлъ ей въ глаза.

— Я не могу отказать вамъ ни въ чемъ, когда я съ вами,—проговорила она нерѣшительно.—Требуйте отъ меня чего хотите, только не воли, не энергіи. Я женщина, самая женственная женщина въ мірѣ, невмѣняемая, капризная—et fille.

— Нѣтъ, я не стану мучить больное дитя,—сказалъ онъ.—

Я успокоюсь, и ты можешь обдумать свое рѣшеніе, когда мы не будемъ вмѣстѣ. Только, ради всѣхъ боговъ, рѣшайся какъ можно скорѣе. Я не могу и не хочу переносить долѣе эту томительную неизвѣстность.

Елена обѣщала, что если онъ разстанется съ ними въ Кальтбадѣ, на обратномъ ихъ пути съ вершины Риги, то она рѣшитъ все дорогой и дастъ ему окончательный отвѣтъ. Въ эту минуту ее занимала больше всего графиня, и она спросила, какъ посмотритъ графиня на его бракъ.

— Ты говоришь это потому, что не знаешь ее,—возразилъ Лассаль.—Добрая графиня не знаетъ иного счастія, кромѣ моего. Но еслибъ, что́ совсѣмъ немыслимо, она отнеслась къ намъ непріязненно, то я, какъ бы дорого это мнѣ ни стоило, забылъ бы всѣ принесенныя и принятыя жертвы, чтобы заботиться только о насъ и нашемъ счастьи. Но если ты отвѣтишь мнѣ: да, а ты, я думаю, не можешь дать другого отвѣта — то нужно ли мнѣ принять христіанство?—спросилъ онъ.—Ты вѣдь знаешь, что я еврей? Потребуешь ли ты перемѣны религіи?

— Ни за что въ мірѣ!—былъ отвѣтъ Елены.—По мнѣ, будь хоть магометаниномъ, а еще лучше—язычникомъ: друзья называютъ меня «гречанкой», потому что я охотнѣе вѣрю многимъ богамъ.

Лассаль разсмѣялся.

— Если-бъ ты потребовала, я тотчасъ принялъ бы христіанство, но для меня гораздо лучше, что ты не ставишь такого требованія. Перемѣна религіи испортила бы мнѣ много крови, уронила бы меня во мнѣніи нѣкоторыхъ друзей, а это, говорю откровенно, было бы мнѣ въ высшей степени непріятно. Но съ тѣхъ поръ, какъ я такъ неожиданно встрѣтилъ тебя вчера и продумалъ объ этомъ, только съ тѣхъ поръ мнѣ стало ясно, какъ дорога́ моему сердцу эта плутовка, какъ охотно я пожертвую всѣмъ—слышишь ли: всѣмъ—только не ею! Теперь ты знаешь это и можешь посмѣяться надъ гордымъ человѣкомъ, такъ покорно склоняющимъ колѣно передъ своею маленькой, жестокосердой царевной. Мнѣ хотѣлось бы, однако, знать, держишься ли ты и въ любви твоего оригинальнаго многобожія?

— До сихъ поръ—да. Я никогда не довольствовалась однимъ человѣкомъ. Мнѣ всегда приходилось слишкомъ много прибавлять къ одному; съ первыхъ моихъ отношеній къ русскому моряку, я всегда охотно составляла бы одного изъ двоихъ или троихъ, и такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то мнѣ бо́льшею частью приходилось дѣлить мою любовь.

— Такъ, такъ! Но теперь, я надѣюсь, довольно будетъ и одного,—весело возразилъ Лассаль.—Я вѣдь знаю: о легкомыслiи и «греческихъ мнѣнiяхъ» моей плутовки ходило много ужасающихъ разсказовъ, но все это ничего, я тоже велъ не особенно святую жизнь, и не требую отъ моей жены бо̀льшаго, чѣмъ сколько приношу ей самъ. Прошу только, чтобы отнынѣ это было иначе.

Елена хотѣла разсказать свое прошлое, свои грѣхи противъ всего того, что она бойко называла «священною нѣмецкою моралью», но онъ рѣзко прервалъ ее.—Не надо, не надо! Ради Бога, не разсказывай! Къ чему эти помпейскiя раскопки? Предоставимъ ихъ тѣмъ, кто больше интересуется прошлымъ, чѣмъ настоящимъ и будущимъ. Съ прошедшимъ мы покончили, оно лежитъ за нами, а впредь будемъ принадлежать другъ другу и жить другъ для друга. Этого довольно!

Вскорѣ вошла мистриссъ Арсонъ, напоминая, что пора ѣхать. Въ Кальтбадѣ они разстались. Прощаясь, Лассаль взялъ обѣ руки Елены и, страстно цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Теперь прощай, прощай на самое короткое время, мое боготворимое счастье! Будь разумна и тверда. Ты добра, какъ дитя, но и безсильна какъ дитя. О, еслибъ я могъ перелить хоть частицу моей колоссальной воли, моей титанической энергiи въ эти голубыя жилы! Сожми мои руки—вотъ такъ!—можетъ быть, операцiя удастся при помощи магнетизма. Я хочу, и ты должна хотѣть! И, какъ мы говорили, твоя задача будетъ легка: скажи мнѣ только разумное, самостоятельное *да*,—et je me charge du reste!

На этомъ они разстались. Елена просила своихъ спутниковъ и спутницъ оставить ее дорогой одну, и, вспомнивъ на минуту о Янко, съ которымъ она зашла уже слишкомъ далеко, рѣшилась дать Лассалю утвердительный отвѣтъ. Внизу, у подошвы Риги, она уже нашла тамъ двухъ мальчугановъ, изъ которыхъ одинъ вручилъ ей записку, а другой—депешу. Обѣ были отъ Лассаля, обѣ выражали его нетерпѣнiе и умоляли ее беречь свое здоровье. Въ Бернѣ Елену также ожидала депеша Лассаля, подписанная: *Зигфридъ*, а въ Вабернѣ, около Берна, гдѣ они жили, еще двѣ депеши—съ тою же подписью.

V.

Первою мыслію Елены по возвращеніи было написать Янко. Въ этомъ письмѣ она разсказала ему все, заявляла свое сожалѣніе, и даже, предвидя препятствія со стороны родителей, разсчитывала на его помощь! Совсѣмъ иначе звучало письмо къ Лассалю. Елена говорила въ немъ, что чувствуетъ въ себѣ теперь присутствіе воли, что хочетъ быть и будетъ его женой, что какъ ни тяжело ей убить счастіе Янко, она рѣшилась на это теперь, какъ рѣшилась бѣжать съ нимъ, «своимъ царственнымъ орломъ», «своимъ господиномъ», «своимъ другомъ-сатаной», если окажется невозможнымъ склонить родителей на этотъ желанный союзъ.

Черезъ день послѣ своей неожиданной встрѣчи, 27-го іюля, Лассаль писалъ о ней графинѣ Гацфельдъ. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ и разсказывалъ это въ своемъ письмѣ графинѣ, что Елена, узнавъ изъ письма Гольтгофа объ его пребываніи на Риги-Кальтбадѣ, устроила поѣздку туда съ своими пріятельницами, чтобъ отыскать его тамъ. На эту любезность надо отвѣчать любезностью, прибавлялъ онъ, и я обѣщалъ Еленѣ пріѣхать въ Женеву между 15-мъ и 25-мъ августа. Онъ просилъ графиню держать его секретъ въ глубокой тайнѣ и приглашалъ ее пріѣхать туда же, чтобы видѣться съ нимъ и познакомиться съ его невѣстой. А, между тѣмъ, онъ намѣренъ бросить страшно скучный Кальтбадъ и поѣхать въ Бернъ. На другой день, 28-го, онъ опять писалъ графинѣ: «Вы очень ошибочно судите обо мнѣ, полагая, что я не могу довольствоваться нѣкоторое время наукой, дружбой и красивой природой, что мнѣ необходима политика. Я ничего не желаю такъ сильно, какъ вполнѣ развязаться съ политикой, чтобъ уйти въ науку, дружбу и природу. Я исполненъ политикой и сытъ ею по горло. Правда, я воспылалъ бы къ ней бо́льшею страстью, чѣмъ когда-нибудь прежде, еслибъ наступили серьёзныя событія, еслибъ я получилъ власть или имѣлъ въ виду средство пріобрѣсти ее—такое средство, которое мнѣ пригодно, потому что безъ власти ничего не сдѣлаешь. А для ребяческой игры я слишкомъ старъ и слишкомъ великъ. Оттого я въ высшей степени неохотно принялъ предсѣдательство въ общемъ германскомъ союзѣ рабочихъ. Я уступилъ только вашимъ настояніямъ. И теперь это положеніе гнететъ меня.

«Боюсь, сильно боюсь, что событія будутъ развиваться медленно, очень медленно, а моя страстная душа не терпитъ этихъ

дѣтскихъ болѣзней, этихъ хроническихъ процессовъ. Я понимаю политику, какъ дѣятельность настоящей минуты. Все другое можно дѣлать, оставаясь и въ научной области. Попытаюсь оказать въ Гамбургѣ нѣкоторое вліяніе на событія. Но насколько это будетъ успѣшно—я не могу обѣщать, и самъ не ожидаю многаго.

«О, какъ хотѣлось бы мнѣ устраниться!

«Сейчасъ получилъ письмо отъ Елены, письмо въ высшей степени серьёзное. Дѣло принимаетъ рѣшительный оборотъ. Отступленіе уже невозможно для меня, да я, по правдѣ, и не вижу, зачѣмъ было бы мнѣ отступать! Елена—красивая дѣвушка, и по своимъ личнымъ свойствамъ единственная дѣвушка, подходящая къ моимъ требованіямъ; вы сами нашли бы ее единственной подходящей для меня женой.

«Итакъ, впередъ черезъ Рубиконъ. Онъ ведетъ къ счастію! И васъ, добрая графиня, столько же, сколько меня».

На другой день, благодаря краткости швейцарскихъ разстояній, Лассаль, получившій наканунѣ отвѣтъ Елены, былъ уже въ Бернѣ, и за вечернимъ чаемъ бесѣдовалъ въ Ваберне съ окружавшимъ ее обществомъ, засыпавъ ее предварительно любовными депешами и страстными письмами. Въ своихъ письмахъ изъ Кальтбада въ Ваберне, онъ писалъ, между прочимъ, Еленѣ: «Честолюбива ли ты? Что сказало бы мое дитя, еслибъ я могъ когда-нибудь устроить ей тріумфальный въѣздъ въ Берлинъ, везомой шестью бѣлыми конями, какъ первой женщинѣ Германіи, высоко стоящей надъ всѣми другими?»... «Собственно говоря, въ высшей степени глупо терзать себя злосчастной политикой, благомъ и невзгодами другихъ людей! Все это было хорошо, пока я былъ одинъ, и не имѣлъ лучшаго дѣла—а теперь! Не лучше ли мнѣ отказаться отъ всего, уѣхать съ тобою далеко, далеко, туда, куда пожелаетъ мое дитя, моя царица, и отдаться нашему счастію, нашимъ занятіямъ и немногимъ друзьямъ!»

Лассаль, очевидно, былъ въ лихорадкѣ. Въ Ваберне онъ самъ разсказывалъ Еленѣ, что сидѣлъ въ это время въ телеграфномъ бюро Кальтбада, и, занимаясь тамъ своими дѣловыми письмами и бумагами, укрощалъ порывы своего нетерпѣнія депешей на ея имя. Однообразное постукиванье телеграфнаго аппарата дѣйствовало на него успокоительно; ему казалось, что онъ такимъ образомъ приходитъ въ прямое соприкосновеніе съ нею.

Лассаль пріѣхалъ въ Ваберне, охваченный безпредѣльною, безумною страстью почти сорокалѣтняго холостяка къ двадцатилѣтней дѣвушкѣ. Подлѣ Елены онъ забывалъ все, свои полити-

ческія и соціальныя заботы; она играла съ нимъ, какъ съ «большою собакой»,—такъ называлъ онъ себя—и строгимъ кличемъ унимала его бурные порывы. Все это было для него ново; онъ какъ ребенокъ предавался неизвѣданнымъ ощущеніямъ взаимной любви и счастія.

Но онъ былъ нѣмецъ по воспитанію и еврей по крови, и никогда не забывалъ положительныхъ требованій жизни даже и въ чаду своихъ восторговъ. Бесѣдуя съ Лассалемъ, Елена говорила ему, что «все благоразумное» дѣйствуетъ на нее какъ ядъ, и тѣмъ не менѣе онъ принесъ показать ей массу бумагъ.

— Тебѣ необходимо знать хорошенько,—сказалъ онъ,—какую жизнь я тебѣ предлагаю, и довольно ли тебѣ того, что́ я могу дать тебѣ.

Онъ объяснилъ, какъ велики его средства; откуда онъ ихъ получаетъ и почему считаетъ ихъ достаточными для супружества. Лассаль имѣлъ въ то время около семи тысячъ талеровъ годового дохода. Объясняя ихъ происхожденіе, онъ объяснилъ и свои отношенія къ графинѣ Гацфельдъ, которымъ молва приписывала двусмысленный, даже предосудительный характеръ.

— Ты слышала о моихъ отношеніяхъ къ графинѣ. Я хотѣлъ бы знать, насколько ты вѣришь тому, что́ могли говорить тебѣ объ этомъ?

— Я смотрю на эти отношенія очень просто. Она была красива, ты былъ очень молодъ, влюбился въ нее, и вы сблизились. Теперь она стара, а ты еще молодъ, и вы стали теперь друзьями.

— Слава Богу!—воскликнулъ Лассаль.—Какъ я радъ, что встрѣчаю разсудительное существо—безъ причудъ, безъ предразсудковъ—натуральнѣйшую изъ натуръ! Мои отношенія къ графинѣ были приблизительно такія, какъ ты говоришь, но не совсѣмъ такія. Я прикованъ къ ней священными узами, которыхъ никогда не разорву иначе, какъ по самымъ важнымъ причинамъ, да и то едва ли—я связанъ съ нею благодарностью. Я былъ еще мальчикомъ, когда эта женщина, находясь въ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, почтила меня своимъ довѣріемъ, положивъ всю свою судьбу въ эту дѣтскую руку. Я доказалъ ей, что то была рука взрослаго человѣка, но на это нужно было время; графиня не могла знать заранѣе, чѣмъ кончится ея дѣло, и все-таки довѣряла мнѣ, и я всю жизнь обязанъ ей за это благодарностью!

— Я преклоняюсь передъ такими отношеніями,—сказала Елена.

Лассаль благодарно поцѣловалъ ее и продолжалъ:

— Ты знаешь, въ общихъ чертахъ, исторію о шкатулкѣ, ты читала мою тогдашнюю защитительную рѣчь. Я былъ еще очень юнъ, но никогда не раскаявался потомъ въ моемъ тогдашнемъ образѣ дѣйствій, и, быть можетъ, поступилъ бы и теперь точно такъ же, какъ тогда. Но это дѣло и мои отношенія къ графинѣ, мое полное погруженіе въ ея интересы, веденіе ея страшно запутанныхъ процессовъ сбили меня съ предположеннаго поприща и отчасти даже поссорили меня съ семьей. И для меня, и для нея, или, лучше, для той партіи, въ интересѣ которой я дѣйствовалъ, надо было установить вознагражденіе за всѣ мои матеріальныя жертвы, чтобы мы оба были свободны, чтобы графиня не была слишкомъ одолжена мною. И вотъ, мы заключили договоръ, по которому я, если выиграю ея дѣло противъ ея мужа, графа Гацфельда, буду получать изъ спасеннаго гацфельдовскаго состоянія пожизненный доходъ въ вознагражденіе за потраченныя мною деньги, за понесенный трудъ и потерянное время. Ты поймешь и, конечно, одобришь этотъ поступокъ. Въ этомъ отношеніи я совершенно свободенъ относительно графини, и она давно уже свободна по отношенію ко мнѣ. Наши сердечные интересы уже давно расходятся въ противоположныя стороны.

— Славу богу!—вскричала въ свою очередь Елена, цѣлуя его.—И я тоже буду очень любить твою графиню, и теперь же напишу ей, какъ дочь къ матери; я сдѣлаю все, чтобы быть ей пріятной. Но я думаю, ей все-таки не нужно быть всегда у насъ и съ нами?

Лассаль былъ несказанно обрадованъ этимъ вопросомъ. Онъ весело бѣгалъ по комнатѣ, много разъ поцѣловалъ Елену и множество разъ повторилъ ея послѣднія слова.

— Нѣтъ, нѣтъ!—говорилъ онъ весело.—Этого совсѣмъ не нужно! Она и не должна этого требовать! Вѣдь было бы ужасно такое супружество втроемъ. Когда она въ Италіи, мы уѣдемъ въ Египетъ; когда она въ Швейцаріи, мы уѣдемъ въ Парижъ или въ Германію, и наоборотъ. Мы будетъ посѣщать ее разъ въ годъ. Скажи же: довольно ли тебѣ того, что́ я могу предложить тебѣ?—возвратился Лассаль къ своему первоначальному вопросу.

— Вполнѣ,—отвѣчала Елена.

— Клянусь, твой выборъ не дуренъ,—сказалъ Лассаль, довольный и потирая свои руки. Жена Фердинанда Лассаля должна быть первою изъ всѣхъ. Поговоримъ объ этомъ обстоятельно. Имѣешь ли ты понятіе о моихъ планахъ и цѣляхъ? Нѣтъ?

Взгляни на меня,—прибавилъ онъ, выпрямляясь:—похожъ ли я на человѣка, способнаго довольствоваться второю ролью въ государствѣ? Неужели я стану отдавать сонъ моихъ ночей, мозгъ моихъ костей и силу моихъ легкихъ, чтобы вынимать для другихъ каштаны изъ огня? Похожъ ли я на политическаго мученика? Нѣтъ! Я готовъ дѣйствовать и бороться, но я хочу также насладиться добытымъ призомъ и возложить на тебя—скажу пока—побѣдный вѣнецъ. Поди сюда, и стань подлѣ меня передъ зеркаломъ. Посмотри: не гордая ли, не царственная ли чета передъ тобою?

Отуманенный въ эту минуту самоувѣренностью и страстью, Лассаль не зналъ мѣры своимъ надеждамъ на будущее.

— «Фердинандъ», избранникъ народа—вотъ какъ должны они назвать меня, если удастся наше дѣло, и мы торжественно въѣдемъ въ Берлинъ. Успѣхъ потребуетъ упорной борьбы—и время еще не подоспѣло—быть можетъ, придется еще долго, долго ждать въ безполезномъ мученичествѣ, въ страдательномъ ораторствѣ или, еще лучше, въ полномъ бездѣйствіи,—не знаю! Vedremo! Передъ нами еще много времени, чтобы поразмыслить объ этомъ; но теперь ты пріобщилась моему духу, отнынѣ ты моя!

Елена плохо понимала политическіе и общественные вопросы. Она легко и буквально повѣрила всему, что онъ говорилъ ей съ такимъ увлеченіемъ и безграничной самоувѣренностью.

День прошелъ въ шуткахъ, прогулкахъ, чтеніи стихотвореній: Лассаль отлично читалъ ихъ. Поздно вечеромъ, когда Елена, войдя въ свою комнату, подошла къ открытому окну, чтобы полюбоваться лунною ночью и вдохнуть чуднаго горнаго воздуха, въ окно простерлись снаружи двѣ руки, быстро обнявшія ея станъ. Она легко протестовала; но онъ успокоилъ ее.

— Не тревожься, мое сердце! Я буду вести себя примѣрно и останусь подлѣ тебя, пока ты такъ устанешь, что скажешь мнѣ: «кушъ!» Тогда я уйду. А теперь ночь такъ прекрасна, сердце такъ полно, ты такъ близко... Сонъ невозможенъ; будемъ болтать, молиться лунѣ, или изъ вѣчнаго сочетанія двухъ словъ: Фердинандъ и Елена—сложимъ вновь пѣснь пѣсней любви...

Но разговоръ не удержался на этой высотѣ. Елена упомянула случайно о Цительманѣ, въ домѣ котораго при ней была однажды рѣчь о Лассалѣ. Цительманъ былъ тогда правой рукой гр. Бисмарка.

— Что тамъ говорили?—горячо спросилъ Лассаль.

— Говорили не много,—отвѣчала Елена.—Жена Цительмана

проговорилась, что Лассаль былъ у Бисмарка, что Бисмаркъ очарованъ имъ; но въ эту минуту мужъ сердито посмотрѣлъ на нее, и она замолчала. Правда ли это? Есть у тебя тайныя дѣла съ Бисмаркомъ?—Лассаль помолчалъ, улыбнулся и, взявъ ее за руку, сказалъ вполголоса: «Ахъ, дитя! Слыханное ли дѣло! Этими маленькими пальцами—ты вѣдь знаешь, что глупо имѣть такіе маленькіе пальцы—этими лапками Эльфа дерзко хватается она за мои драгоцѣннѣйшія тайны, которыя я, какъ сокровища, храню въ моемъ сердцѣ, роется въ нихъ, обращается съ этими сокровищами, какъ съ своей безспорной собственностью, высыпаетъ иныя, точно соръ, и требуетъ драгоцѣннѣйшихъ изъ нихъ для себя, какъ бездѣлку, какъ украшеніе для волосъ! Но я люблю ее—эту наивную дерзость. Да, я былъ у Бисмарка. «Желѣзный» великанъ хотѣлъ плѣнить меня. Желѣзо—цѣнный металлъ: оно такъ крѣпко, жестко, такъ сильно рубитъ и колетъ. Чего, чего не сдѣлало желѣзо на свѣтѣ! Почти все достигнуто, закрѣплено при помощи желѣза—почти все—почти! Но есть еще другой металлъ, болѣе гибкій и мягкій, назначенный не для геройскихъ и боевыхъ дѣлъ, и все-таки болѣе могучій, чѣмъ всемогущее желѣзо. Этотъ металлъ—золото. Что разрушено желѣзомъ, то вновь создается золотомъ. Дождь, плѣнившій сердце Данаи, былъ золотой дождь. Да, да, золотистая плутовка: еще вопросъ, который изъ двухъ металловъ сильнѣе, вліятельнѣе! Наверху, въ своихъ «желѣзныхъ» кружкахъ, они, разумѣется, говорятъ, что «золото—жидовское», но все дѣло во вліяніи, единственно въ немъ. Наконецъ, желѣзо ржавѣетъ отъ времени, а ржавое желѣзо поступаетъ въ кладовую. Сдадимъ же его въ кладовую столѣтій, исторіи! О Бисмаркѣ скажу, что то, чего онъ хотѣлъ отъ меня, не состоялось и не могло состояться. Мы оба слишкомъ лукавы, оба замѣтили наше лукавство, и въ концѣ-концовъ могли-бы только разсмѣяться, глядя другъ на друга. Но мы слишкомъ хорошо воспитаны для этого, и дѣло ограничилось одними посѣщеніями и остроумными бесѣдами.

— А понравился тебѣ Бисмаркъ? Онъ очень уменъ?

— Уменъ! Что значитъ вообще: уменъ! Если мы съ тобой умны, то Бисмаркъ не уменъ! Онъ рѣзокъ, онъ тяжелъ,—онъ именно «желѣзный». Утонченное желѣзо дѣлается сталью, и тогда можно дѣлать изъ него колющее, красивое оружіе, но все-таки оружіе! Я предпочитаю золото—золото, что у тебя на головѣ, что дано мнѣ въ таинственномъ дарѣ—быть ловцомъ людей, дѣлать ихъ своими! Ты еще увидишь, мое сердце, чего можетъ достигнуть наше золото!

— Но вѣдь и ты много говоришь объ оружіи, о крови и борьбѣ; наконецъ, и перевороты не дѣлаются безъ оружія и желѣза.

— Дитя! Дитя! Ты хочешь узнать все въ эту чудную лунную ночь! Дѣла вѣковъ, результаты глубокихъ изслѣдованій—ты все выспрашиваешь у меня, забавляясь, и я, несчастный, долженъ бросить тебѣ все это на колѣни, какъ игрушку. Говорить о борьбѣ, взывать къ оружію, еще далеко не то же, что хладнокровно побивать ближняго окровавленной рукой. Да и знаешь ли ты, плутовка, о какомъ оружіи я говорю? Золотое оружіе духа: даръ слова, человѣколюбіе, благосостояніе и очеловѣченіе бѣдныхъ, обдѣленныхъ и трудящихся, и особенно воля,—вотъ это благородное и истинно золотое оружіе въ моихъ глазахъ выше и вѣрнѣе, чѣмъ наносящее раны ржавое оружіе среднихъ вѣковъ. Я допускаю кровь и мечъ только въ крайней необходимости, если враги сами того потребуютъ. Но они должны, я думаю, бояться насъ и безъ кровопролитія. Однако свѣтаетъ, а мы собираемся завтра на Ниссенъ.—Желаю тебѣ сладко спать и видѣть меня во снѣ.

Онъ продолжительно обнялъ ее и тихо проговорилъ:

— Какое счастье, какое блаженство ожидаетъ насъ, когда ты будешь вполнѣ моею. Чудную женщину сдѣлаю я изъ этого ребенка!

И Лассаль, и Елена, писали графинѣ изъ Ваберна. Елена называла ее второй матерью, просила ея помощи и совѣтовъ, благодарила ее за дружбу къ Лассалю и заочно цѣловала ея руки. Лассаль между прочимъ писалъ графинѣ 30-го іюля:

«Вообще я долженъ вамъ сказать, что Елена питаетъ сильную симпатію къ вамъ—одно изъ самыхъ существенныхъ условій моего счастія съ нею. Въ этомъ отношеніи, она совсѣмъ не похожа на другихъ женщинъ. Въ ней нѣтъ и признака ревности и зависти. Пока я не сказалъ ей, что вы больны сами и нуждаетесь въ леченіи, она находила ужаснымъ и непонятнымъ, что вы не сопровождали меня на Риги-Кальтбадъ, чтобъ остаться тамъ со мною»... «Елена вообще натура въ смыслѣ Гёте, вопреки свѣтскому тонкому внѣшнему образованію, которое ею усвоено, но которое никогда не могло получить господства надъ ея внутреннимъ міромъ. Единственный, но огромный ея недостатокъ—отсутствіе воли. Въ ней нѣтъ и слѣда воли. Само по себѣ это, разумѣется, большой порокъ. Но еслибъ мы женились, то отсутствіе воли, быть можетъ, перестало бы оставаться порокомъ. У меня достаточно воли для двоихъ;—Елена была бы въ моихъ

рукахъ какъ флейта въ рукахъ артиста. Но самый бракъ будетъ сильно затрудненъ этимъ безсиліемъ воли. Теперь она, конечно, рѣшилась быть моей женой. Но долго ли продержится эта рѣшимость у лишеннаго воли существа, когда начнутся препятствія и столкновенія? Все это я еще обдумаю серьёзно, прежде чѣмъ открою формальныя дѣйствія.»

Въ другомъ письмѣ къ графинѣ изъ Берна, 2-го августа, Лассаль говоритъ: «Вы совѣтуете мнѣ подумать о томъ, что еще недавно я былъ смертельно влюбленъ въ другую. Но я отвѣчу на это, что, во-первыхъ, понятіе: «быть смертельно влюбленнымъ» — для меня вообще не существуетъ; а во-вторыхъ, что и теперь еще въ чувственномъ отношеніи М. для меня привлекательнѣе Елены, и это можетъ служить вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я повинуюсь не одному только чувственному влеченію. Напротивъ: личность Елены такъ безусловно подходитъ къ моимъ требованіямъ, что я не могъ и думать найти когда-нибудь такую женщину. Какое въ самомъ дѣлѣ счастіе, будучи уже 39½ лѣтъ отроду встрѣтить такую красивую, любезно-мыслящую и подходящую дѣвушку, которая такъ сильно меня любитъ и, что́ безусловно необходимо мнѣ, совершенно тонетъ въ моей волѣ!»

Графинѣ не нравился этотъ союзъ; она относилась недовѣрчиво къ поспѣшности Лассаля, писала ему, что онъ испортитъ все дѣло своимъ нетерпѣніемъ, что въ сношеніяхъ съ женщинами онъ обыкновенно теряетъ голову и вѣрный взглядъ на вещи. Но онъ видимо не довѣрялъ графинѣ, и твердо стоялъ на своемъ намѣреніи теперь-же жениться на Еленѣ.

Между влюбленными было условлено, что 3-го августа Елена поѣдетъ къ родителямъ въ Женеву съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, а онъ послѣдуетъ за нею четырьмя часами позже. Дома Елена должна была сказать только, что она встрѣтила Лассаля на Риги, что онъ въ скоромъ времени пріѣдетъ въ Женеву и посѣтитъ ея родителей, потому что давно желаетъ познакомиться съ ними. Приглашая графиню пріѣхать на берега Женевскаго озера, Лассаль писалъ ей въ тотъ-же день, 3-го августа, что въ случаѣ отказа родителей, Елена должна оставить родительскій домъ и отдаться подъ ея защиту и покровительство.

VI.

Въ назначенный день, къ двумъ часамъ, Елена возвратилась къ родителямъ въ Женеву, а въ четвертомъ часу уже отправила къ Лассалю въ ближайшій пансіонъ Леове (Паккй), съ своей горничной Терезой, слѣдующее письмо:

«Мое сердце, мой красивый, царственный орелъ, еще не прошло и часа, что я въ родительскомъ домѣ, а я уже имѣю сообщить тебѣ нѣчто новое, но только печальное. Пріѣхавъ сюда, я узнала, что младшая моя сестра Маргарита помолвлена съ графомъ Кейзерлингомъ, и застала всю семью внѣ себя отъ счастія и радости. Ахъ, Фердинандъ, мнѣ больно подумать, что не такъ отразится на нихъ *мое* счастье, и однако мнѣ это безразлично: и въ радости, и въ горѣ, я твоя вѣрная, тебѣ одному преданная жена.

«Я воспользовалась радостнымъ настроеніемъ семьи и сказала матери, что ты посѣтишь насъ сегодня; но бѣдная женщина представляетъ себѣ моего прекраснаго Фердинанда какимъ-то хищникомъ, и я встрѣтила съ ея стороны рѣшительный отпоръ, и притомъ по глупымъ причинамъ, которыя слишкомъ мелочны для того, чтобы затронуть тебя. И вотъ, я сочла себя вынужденною прибѣгнуть къ крайнимъ средствамъ.—«Слушай, мама, —сказала я:—сегодня я не въ первый разъ говорю: *я хочу*, и повѣрь, что я исполню мою волю, что это такъ же вѣрно, какъ мое присутствіе передъ тобой въ эту минуту». Тутъ я коротко разсказала нашу встрѣчу.

«Пока я говорила, мать нѣжно слушала и даже ни разу не прервала меня, хотя на глазахъ ея выступили слезы. Я заключила нѣсколькими поцѣлуями и увѣреніями въ любви къ ней, и еще разъ повторила: «Только въ немъ мое счастье, въ немъ моя судьба!»

«Она тихо плакала и вышла изъ комнаты, и я, дитя, стала твоей дѣйствительной Брунгильдой. Я не плакала, не дрожала, я смотрѣла на твое изображеніе и тихо молила тебя: приди, мой высокій, гордый, царственный орелъ, придай мнѣ силы и твердости твоимъ чуднымъ орлинымъ взглядомъ. Такъ молила я, и вѣра въ тебя помогла мнѣ: благодарю тебя, мой сильный Зигфридъ.

«Вскорѣ вошла мать и сказала, что должна передать все отцу, что въ противномъ случаѣ произойдетъ страшный скандалъ. Я отвѣчала на это, что прошу ее не говорить отцу, что испод-

неніе этой просьбы—единственное, чего я требую въ награду за мое довѣрчивое признаніе, что ты не желаешь, чтобы отецъ познакомился съ тобою, имѣя предвзятыя мысли за или противъ; словомъ, я просила принять тебя просто, какъ всякаго другого, и потомъ уже судить о тебѣ. Но мать была неумолима и объявила: «Отецъ никогда и ни за что не приметъ его, я должна пойти и сказать ему все». Я спросила, что же имѣетъ онъ противъ Лассаля, что можетъ онъ сказать противъ него, car enfin его политическое положеніе—вполнѣ достаточная причина, чтобы принять его, когда онъ придетъ.» «Не политическое, а общественное его положеніе, исторія со шкатулкой и отношенія къ графинѣ Гацфельдъ и многое другое, не позволяютъ отцу вести съ нимъ знакомство»,—возразила мать.—Я сказала на это, что не требую отъ нихъ ничего другого, кромѣ согласія принять и узнать его. «Но ты не можешь требовать отъ отца, отвѣчала она, чтобы онъ, выдавая дочь за графа Кейзерлинга, принялъ въ свою семью человѣка, о которомъ всѣ отзываются такимъ образомъ». *Я*: «Не принимайте его въ члены семьи, дайте только ваше согласіе выпустить меня изъ семьи; если вы того требуете, я даю вамъ обѣщаніе никогда не переступать вашего порога, какъ ни больно это мнѣ, какъ ни надрывается при этомъ мое сердце!»

«Мать ничего не отвѣчала на это, плакала еще больше, и, успокоившись нѣсколько, сказала мнѣ нѣсколько строгихъ словъ, упрекая меня въ томъ, что я слишкомъ много позволяла себѣ подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія и т. д.

«Но, видя, что я стою на своемъ, она вышла изъ моей комнаты съ твердымъ намѣреніемъ разсказать все отцу. Онъ теперь на озерѣ съ моимъ родственникомъ, д-ромъ Арндтомъ, и одному Богу извѣстно, что случится, когда онъ вернется домой. Во всякомъ случаѣ, я буду тверда, какъ скала....

«Первый здѣшній адвокатъ—Амберни. Ты желалъ знать его имя.

«Теперь половина седьмого, и ты, мое сердце и божество, конечно, уже здѣсь? О! эта мысль придаетъ мнѣ твердости и силы—мнѣ нужно чувствовать близость и всемогущество моего господина и повелителя, чтобы не уступать, чтобы не быть и въ отношеніи къ другимъ тѣмъ же, чѣмъ я остаюсь передъ тобою—ребенкомъ. Но я чувствую тебя и твою любовь, я ничего не боюсь и останусь навсегда твоей женой, твоимъ ребенкомъ, молящейся на тебя вещью! О, еслибъ графиня была здѣсь!

«Скажи мнѣ хоть въ короткой запискѣ, что ты меня любишь! Вѣдь я такъ сильно люблю тебя, Фердинандъ!

«Совершилось—они высказались:—отецъ объявилъ мнѣ, что «не считаетъ меня больше своей дочерью!» И что произойдетъ теперь—извѣстно одному Богу.

«Я могу...»

На этомъ словѣ обрывается письмо Елены, очевидно написанное въ сильномъ волненіи. Письмо было дописано уже послѣ разговора съ отцомъ, который, узнавъ о случившемся, пришелъ къ дочери съ грубыми разспросами объ «этомъ плутѣ Лассалѣ», съ которымъ она осмѣлилась завязать какія-то шашни. Онъ грозилъ Еленѣ проклятіемъ, кричалъ, что не потерпитъ постыднаго брака дочери съ отверженникомъ общества и, строго воспретивъ ей выходить изъ дому, взбѣшенный вышелъ изъ комнаты.

На-скоро набросавъ письмо, Елена отправила его съ горничной Терезой. Грозный тонъ и проклятія отца напугали ее. Она не ожидала такого сильнаго отпора, и не знала, что начать. Ей было досадно, зачѣмъ она отвергала прежде предложенія Лассаля увезти ее изъ Берна. Въ это время позвонили къ обѣду. Было около семи часовъ. Елена взяла шляпку и плащъ, немного денегъ и бывшій у нея маленькій кинжалъ, и поспѣшно вышла на улицу, незамѣченною никѣмъ изъ домашнихъ. Она направилась къ ближайшему пансіону Леовѣ, куда, по ея соображеніямъ, уже прибылъ Лассаль и доставлено ея письмо. Теперь она соглашалась бѣжать съ нимъ. Ей уже грезилось, что черезъ часъ они будутъ на пути во Францію...

У подъѣзда пансіона стоялъ извозчикъ, а подлѣ него Лассаль, только-что вышедшій изъ экипажа, и Тереза съ письмомъ въ рукахъ. Такая неожиданность сильно напугала ее. Значитъ, онъ еще ничего не знаетъ, надо все объяснять вновь, и бѣгство будетъ замедлено, а можетъ быть и парализовано мѣрами отца. Лассаль выѣхалъ изъ Берна двумя часами позже, чѣмъ предполагалъ, и только теперь подъѣхалъ къ гостинницѣ. Увидѣвъ Елену, онъ поблѣднѣлъ и, не здоровавшись, спросилъ: «Ради Бога, что случилось?» Елена, между тѣмъ, шепнула Терезѣ, чтобъ она шла домой и готовилась къ отъѣзду. Потомъ, обратившись къ Лассалю, она показала ему письмо и проговорила «прочти!»

— Дитя, что съ тобой?—сказалъ Лассаль, замѣтивъ сильное волненіе Елены.—Пойдемъ, здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ; войди сюда.

И, войдя въ домъ, онъ отворилъ дверь въ чью-то комнату подвальнаго этажа. Онъ велъ Елену подъ руку къ стулу, но

она упала къ ногамъ его, прежде чѣмъ дошла до стула, и проговорила:—«Прочти, и дѣлай со мной что хочешь. Я теперь твоя жена, твоя вещь!»

— Успокойся, мое сердечко, отдохни,—говорилъ онъ, поднявъ ее и перенося на кровать,—а я пока прочту письмо.

Письмо раздражило его. Когда онъ кончилъ читать, лицо его приняло суровое выраженіе; онъ увидѣлъ, что Елена тотчасъ по пріѣздѣ нарушила данное ему обѣщаніе не говорить дома ни слова объ ихъ отношеніяхъ, пока онъ не познакомится съ ея отцомъ.

— Ты поступила не такъ, какъ я приказалъ тебѣ! — проговорилъ онъ сердито.—Непослушаніе моей волѣ—вотъ первое, что ты мнѣ предлагаешь,—и этимъ ты испортила все!

Лассаль замѣчалъ въ этой дѣвушкѣ полное отсутствіе воли, но онъ совсѣмъ не замѣчалъ отсутствія такта и ума. Теперь онъ видѣлъ ясно, какъ безразсудно она опрокинула всѣ его соображенія и разсчеты на соглашеніе съ отцомъ. Онъ вышелъ изъ себя, и напрасно она умоляла его рѣшиться теперь же на то, что самъ онъ предлагалъ ей раньше, т.-е. бѣжать во Францію и обвѣнчаться тамъ. Онъ отвѣчалъ, что не позволитъ поступать съ собою, какъ съ мальчишкой, что приметъ ее къ себѣ не иначе какъ съ согласія родителей, которыхъ онъ къ тому принудитъ, что онъ телеграфируетъ сегодня же своей матери, сестрѣ, графинѣ, которыя пріѣдутъ въ Женеву и у которыхъ она можетъ оставаться до свадьбы. Онъ ходилъ въ волненіи по комнатѣ, обдумывая свои дальнѣйшія дѣйствія, когда прибѣжала Тереза съ тревожными воплями.

— Бога ради, уѣзжайте скорѣй, барышня,—торопливо говорила она.—Васъ ищутъ, отецъ въ ярости, онъ послалъ за полиціей. Я привела карету: поѣздъ отходитъ черезъ четверть часа, вы еще поспѣете.

Но Лассаль оставался непреклоненъ. Онъ сказалъ Терезѣ, что она впослѣдствіи уѣдетъ съ ними, а теперь должна оставаться дома и извѣщать ихъ обо всемъ, и воспользовался приведенною каретой, чтобъ отвезти Елену къ ея пріятельницѣ, г-жѣ Роньонъ, жившей въ одной улицѣ съ семействомъ Деннигесъ, въ очень близкомъ отъ него разстояніи. Г-жа Роньонъ приняла ихъ радушно, предоставила Терезѣ часть своей виллы и обѣщала не пускать къ ней никого, кромѣ Терезы. Пока шелъ разговоръ объ этомъ, она стояла у окна.

— Ta mère et Marguerite,—сказала она вдругъ, къ великому смущенію Елены.

— Само небо посылаетъ ихъ,—воскликнулъ Лассаль.—Я желаю видѣться и говорить съ ними.

Хозяйка пригласила ихъ въ свою гостиную.

— Я не могу терпѣть присутствія этого человѣка!—вскричала мать, увидѣвъ Елену и Лассаля.—Прогоните его!

— Скажите, ради Бога, что́ вы имѣете противъ меня?—спросилъ Лассаль.

— Въ этомъ я не обязана вамъ отчетомъ,—закричала она, повернувшись къ нему спиной.—Но мой мужъ съумѣетъ выслать васъ отсюда. Васъ выгонятъ, какъ негодяя. Прочь съ моихъ глазъ, прочь!

— Уйдемъ, — сказала Елена Лассалю, положивъ на него руку.—Я не потерплю, чтобы съ тобой такъ говорили. Никто не долженъ смѣть обращаться съ тобою такъ въ моемъ присутствіи.

— Говорите и дѣлайте, что́ вамъ угодно, милостивая государыня,—вы все-таки не лишите меня самообладанія,—спокойно сказалъ Лассаль.—Всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, я буду видѣть въ васъ мать Елены, и воздержусь отъ всякаго рѣзкаго слова.

Спокойный тонъ Лассаля еще больше раздражилъ мать. И когда онъ прибавилъ, что сейчасъ же пойдетъ къ ея мужу и спокойно обсудитъ съ нимъ все дѣло, какъ съ человѣкомъ благоразумнымъ и разсудительнымъ, она грубо отвѣтила:

— Мой мужъ не приметъ васъ, онъ велитъ лакеямъ выбросить васъ за дверь!

— Онъ этого не сдѣлаетъ,—спокойно возразилъ Лассаль.—Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ выбрасываютъ за дверь; но такъ какъ я не желаю подвергать отца Елены такой попыткѣ замарать насъ всѣхъ, то не пойду къ нему, а напишу ему.

— Онъ возвратитъ вамъ ваши письма нераспечатанными!—былъ отвѣтъ матери.

— Тогда, милостивая государыня, истощится и мое терпѣнье. Тогда мы будемъ въ правѣ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, мы будемъ къ тому вынуждены.

— Да вы уже поступили такъ! — вскричала мать съ злобной усмѣшкой. — Вы заставили мою дочь сдѣлать неслыханный шагъ: она покинула родительскій домъ и не хочетъ возвратиться. Вы чудище, вы украли мою дочь!

— Онъ этого не дѣлалъ!—вступилась Елена.—Я ушла отъ угрозъ и проклятій отца!

— Вы думаете, милостивая государыня, что я укралъ вашу

дочь?—спросилъ Лассаль спокойно и съ улыбкой.—Вы сейчасъ увидите, какъ вы неправы. Елена, ты готова на все для меня, на всякую жертву? Ты согласна по моему знаку идти со мной или сдѣлать то, о чемъ я попрошу тебя?

— Конечно,—отвѣчала Елена съ нѣкоторымъ страхомъ.—Я сдѣлаю все, чего ты желаешь; я готова сію же минуту уйти съ тобой. Требуй отъ меня, чего хочешь,—только бы мнѣ не идти отсюда съ своими.

— А я именно этого и требую,—требую какъ величайшей жертвы, какую ты можешь принести мнѣ. Ты сдѣлаешь это? ты согласна?

— Если ты въ самомъ-дѣлѣ того требуешь, если ты можешь этого требовать—да! Но я страшно боюсь, я дрожу при одной мысли, что буду съ ними.

— Ты сдѣлаешь это для меня,—сказалъ онъ твердо.—Итакъ, милостивая государыня, я возвращаю вамъ вашу дочь. Послушайте: я, который могъ сдѣлать съ вашей дочерью все, что̀ хочу, я возвратилъ вамъ ее—хотя и на короткое время. Она идетъ съ вами только потому, что я этого хочу: не забывайте этого никогда и—прощайте!

Потомъ онъ обнялъ Елену.

— Прощай не надолго,—сказалъ онъ, прижимая ее къ сердцу.—Я никогда не забуду того, что̀ ты для меня дѣлаешь, возвращаясь въ ненавистный родительскій домъ. Я вѣчно останусь у тебя въ долгу за это. Ничего больше я не требую отъ твоей твердости и воли. Я знаю, что и этого безконечно много; все остальное—теперь ужъ мое дѣло. Не позволяй дурно обращаться съ тобой, но затѣмъ исполняй то, чего отъ тебя потребуютъ; я буду знать все, что̀ они дѣлаютъ съ тобой, и при малѣйшей обидѣ тотчасъ приду къ тебѣ на помощь. Помни это и не считай себя несчастливой: ты не долго останешься у нихъ. Поддайся на короткое время ихъ волѣ; моя воля сильнѣе, и мы побѣдимъ. Прощай!

Онъ поцѣловалъ ее, пожалъ ей руку и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышла и мать Елены, оставивъ ее у г-жи Роньонъ съ Маргаритой. Обѣ сестры плакали, когда показался отецъ. Онъ былъ въ изступленіи. Безъ шляпы, съ длиннымъ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ, онъ ругалъ непечатными словами Лассаля, свою дочь и г-жу Роньонъ, которая, по праву хозяйки, не хотѣла впустить его въ этомъ видѣ. Елена дрожала отъ страха.

— Ради Бога, успокойтесь всѣ,—сказала она.—Вѣдь я готова сдѣлать все, что̀ ты хочешь, папа!

— Да, и сдѣлаешь...—заревѣлъ онъ, подкрѣпляя свою фразу ругательнымъ словцомъ.—И сдѣлаешь—не потому, что такъ хочется тебѣ и твоему вылощенному любовнику, этому подлому жиду, а потому, что я этого требую. Я научу тебя уважать мою волю!

При этомъ онъ схватилъ ее за волосы и поволокъ по улицѣ до самаго дома, который уже охраняла призванная имъ полиція. Онъ привелъ Елену въ ея комнату, самъ заколотилъ у ней окна, самъ заперъ ея дверь на ключъ и крикнулъ ей изъ другой комнаты: «такъ ты и будешь сидѣть, пока не одумаешься!»

VII.

Такимъ образомъ, послѣ безтактной ошибки, сдѣланной Еленой, новая, исполненная, повидимому, житейскаго такта, но еще болѣе крупная ошибка Лассаля, не лишенная впрочемъ театральнаго героизма, тѣмъ не менѣе, имѣла длинный рядъ самыхъ серьёзныхъ и печальныхъ послѣдствій. На первый взглядъ казалось бы очень понятнымъ и даже трогательнымъ, что дочь, возвратившись къ семьѣ, довѣрчиво открыла своей матери тайну, хотя и обѣщала хранить ее про себя. Въ семьѣ радость; всѣ довольны и счастливы помолвкой младшей дочери, а радость заразительна и довѣрчива. Казалось бы, какъ было молодой дѣвушкѣ не открыться довольной и любящей матери! Но не таковы были уже давно отношенія Елены къ матери и отцу. Эти люди, отъ вреднаго вліянія которыхъ спасала ее еще покойная бабушка, эта мать, которая сватала ее—еще двѣнадцатилѣтняго ребенка, этотъ отецъ, съ которымъ она была почти незнакома, были для Елены люди чуждые, о которыхъ она и думала и говорила въ этомъ смыслѣ. Нѣжность къ матери, будто бы вызвавшая дочь на откровенность, была дѣланная, фальшивая, порожденная не избыткомъ чувства, а нетерпѣливымъ желаніемъ проболтаться о предстоящемъ собственномъ супружествѣ, когда младшая сестра помолвлена и объявлена невѣстой. Положеніе старшей сестры всегда неловко, когда младшая выходитъ замужъ раньше, но оно должно быть еще болѣе неловко въ семьѣ, исполненной свѣтскихъ и модныхъ предразсудковъ. Елена отнеслась не довольно серьёзно къ своему положенію и своимъ сердечнымъ отношеніямъ; она проболталась при первомъ случаѣ, который показался ей удобнымъ. Но эту ошибку еще можно было поправить. Она могла писать Лассалю и получать отъ него

письма, могла при случаѣ бѣжать и обвѣнчаться съ нимъ. Теперь, послѣ ошибки Лассаля, это было уже гораздо труднѣе. Возвращая матери дочь, Лассаль, конечно, былъ въ сто разъ больше джентльменомъ въ отношеніи къ матери, чѣмъ пропитанный дворянскимъ гоноромъ Дённигесъ въ отношеніи къ нему. Но Дённигесъ былъ баварскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Швейцаріи, а это давало ему нѣкоторый кредитъ и въ обществѣ, и въ оффиціальныхъ сферахъ. Возвратить ему дочь послѣ того, какъ она бѣжала изъ дому, значило великодушно и благородно предать ее въ руки того домашняго правосудія, которое способно тащить дѣвушку за волосы по улицѣ, устроивать для нея домашнее тюремное заключеніе и всячески насиловать ея волю. Самъ Лассаль вскорѣ понялъ важность своей ошибки и не жалѣлъ для себя самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ. Но было уже поздно.

Въ тотъ же день, послѣ сцены съ матерью Елены, Лассаля посѣтили графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, предлагая ему оставить Елену въ покоѣ и уѣхать изъ Женевы, во избѣжаніе непріятностей, какія можетъ причинить ему Дённигесъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ. Лассаль отвѣчалъ на это отказомъ и требовалъ, напротивъ, чтобы Дённигесъ его принялъ. Съ этой цѣлью онъ написалъ ему два письма, которыя тотъ оставилъ безъ отвѣта.

Ночь прошла для него безъ сна. Горько упрекалъ онъ себя за возвращеніе Елены семейству, и рѣшился во что бы то ни стало сломить сопротивленіе послѣдняго. Съ этой ночи начинается его неутомимая, ежеминутная работа для достиженія предположенной цѣли. Онъ поднимаетъ на ноги своихъ друзей, вызываетъ изъ Цюриха своего друга, полковника Рюстова, извѣщая его, что дѣло идетъ о жизни и смерти, пишетъ графинѣ, что онъ, который пятнадцать лѣтъ не зналъ слезъ, плачетъ теперь и терзается своимъ поступкомъ, «преступленіемъ своей глупости», что онъ долженъ вырвать Елену или хитростью, или силой, и проситъ ее пріѣхать скорѣе. «Если я не доведу дѣла до конца—а я сильно сомнѣваюсь въ этомъ—то буду навсегда надломленъ и покончу со всѣмъ,—писалъ онъ, между прочимъ, графинѣ.—Сознаніе моей глупости сломитъ меня, быть можетъ, еще больше, чѣмъ утрата дѣвушки. Если я не поправлю этой глупости побѣдой, то буду всегда питать къ себѣ полнѣйшее презрѣніе».

Рюстовъ пріѣхалъ въ Женеву 6-го августа. Графиня тоже отвѣчала успокоительной депешей, обѣщая пріѣхать изъ Вильдбада

10-го или 11-го; но уже 4-го опять посѣтили Лассаля графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ. На этотъ разъ они объяснили, что посланы Еленой, и предъявили слѣдующія строки, писанныя ея рукой: «То, что скажетъ вамъ мой родственникъ, вполнѣ согласно съ истиной.—*Дитя*». А «родственникъ» утверждалъ, что Елена совсѣмъ отказывается отъ Лассаля, что она заявила отцу полное сожалѣніе о случившемся и уже выѣхала изъ Женевы. Лассаль отвергнулъ эту записку, какъ вынужденную насиліемъ. Дѣйствительно, Елена оставалась запертою въ своей комнатѣ. Домашніе употребляли всѣ средства, чтобы сломить ея сопротивленіе. Къ ней входили сестры, плакали и умоляли ее уступить. Любимый братъ, заставъ ее въ слезахъ, плакалъ вмѣстѣ съ нею; онъ соглашался, что она права, желая своего счастья; но, прибавлялъ онъ, вѣдь и «они» правы. Отцу придется оставить службу; онъ и другой братъ не могутъ сдѣлаться одинъ—офицеромъ, другой—дипломатомъ, и Елена губитъ семью, настаивая на бракѣ съ Лассалемъ. Къ просьбамъ сестеръ и братьевъ присоединились просьбы матери и даже грубаго отца. Елена, неспособная къ борьбѣ, томимая одиночествомъ и скукой, вскорѣ потерялась и смирилась. Разумѣется, семья была въ восторгѣ; обрадованные родители назвали друзей и музыку, потребовали шампанскаго и пили за здоровье раскаявшейся дочери. Еще недавно ругавшійся отецъ называлъ ее теперь лучшей дочерью въ мірѣ, своей любимой дочерью, идеаломъ дочерей. 6-го, подъ предлогомъ болѣзни, усмиренная, но еще не совсѣмъ благонадежная, Елена была отправлена въ Бэ. Въ этотъ день, передъ отъѣздомъ, она писала въ Вабернъ своей пріятельницѣ, мистриссъ Арсонъ, что считаетъ себя несчастной и разбитой, но вполнѣ покорилась судьбѣ. Когда она ѣхала въ каретѣ съ какою-то дамой на желѣзную дорогу, Лассаль шелъ съ Ростовомъ по улицѣ, и они встрѣтились случайно. Елена дружески поклонилась имъ изъ кареты; никто не зналъ тогда, что ее увозятъ изъ Женевы. Отсылая дочь, Дённиесъ сильно хлопоталъ о томъ, чтобы швейцарское правительство выслало Лассаля, выдавалъ его за шпіона и агента Бисмарка, но безуспѣшно.

Терзаемый своими неудачами, негодуя на поведеніе отца Елены, Лассаль былъ неутомимъ въ своихъ усиліяхъ сломить его отеческое самодурство и дать ему почувствовать свое значеніе и силу. 7-го, 10-го и 12-го августа онъ писалъ Еленѣ длинныя письма, въ которыхъ объяснялъ ей подробно, по пунктамъ, ея права, формально признанныя закономъ, умолялъ ее

не поддаваться лживымъ наговорамъ родныхъ, доказывалъ, что она—совершеннолѣтняя по закону, просилъ у нея еще одного, послѣдняго свиданія, если она уже рѣшилась пожертвовать имъ для отца. Въ письмѣ 10-го августа онъ извѣщалъ Елену, что ѣдетъ въ Карлсруэ, чтобы хлопотать объ ихъ дѣлѣ, оставляя своимъ уполномоченнымъ въ Женевѣ полковника Ростова, которому проситъ довѣрять такъ же, какъ довѣряетъ она ему самому, и совѣтуетъ ей письменно заявить адвокату Амберни о притѣсненіяхъ отца. «Только ночью со среды на четвергъ (послѣ сцены между нимъ и матерью Елены), только съ этой ночи понялъ я, точно по вдохновенію свыше, степень моей любви къ тебѣ, — писалъ онъ Еленѣ 10-го августа. — Только страданіе разорвало ту кору относительнаго спокойствія, какою обыкновенно покрываетъ меня счастье, и любовь моя вышла на свѣтъ во всемъ своемъ колоссальномъ и страшномъ образѣ! Я буду благословлять грубость твоихъ родителей, когда завладѣю тобою. Только безмѣрныя муки, снѣдающія меня теперь, выяснили мнѣ, какъ велико для меня твое *дѣйствительное* значеніе! Елена! Еслибъ ты могла измѣнить мнѣ, отказаться отъ меня, несмотря на данныя тобой клятвы, ты стала бы недостойна моихъ теперешнихъ страданій. Успокой же меня хотя одною строкой! Мысль, что ты отъ меня отрекаешься, повергаетъ меня въ состояніе, близкое къ безумію. И Лесли говоритъ, что въ такомъ случаѣ все на свѣтѣ — ложь, и нѣтъ возможности чему-нибудь вѣрить! Елена! невестово и въ мукахъ отчаянія любимое существо! увѣрь меня одной строкой, что ты останешься твердой и вѣрной». 12-го, опять извѣщая Елену о своемъ отъѣздѣ въ Карлсруэ, онъ говоритъ, что только тогда повѣритъ ея измѣнѣ, когда она скажетъ ему это сама, при личномъ свиданіи, что письменныя ея заявленія могутъ быть вынуждаемы отцомъ, и кончаетъ письмо словами: «Ты можешь торжествовать! Моя любовь къ тебѣ превосходитъ все, что когда-либо пѣли о любви поэзія и легенда! Будь тверда, et je me charge du reste!»

Но письма Лассаля не доходили до Елены. Она была окружена такимъ внимательнымъ надзоромъ, что никакія сношенія съ ней не были возможны помимо строгаго отца. Да и никто не зналъ, куда увезена Елена,—никто не догадывался, что она въ Бэ.

На другой день послѣ письма, заключительныя строки котораго приведены выше, Лассаль уѣхалъ въ Германію, чтобы оттуда дѣйствовать противъ Дённигеса. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, онъ телеграфировалъ графинѣ, что проситъ ее остановиться

на пути въ Швейцарію и ожидать его въ Карлсруэ. Въ Женевѣ онъ оставилъ Рюстову полную довѣренность дѣйствовать отъ его имени. Графиня уже нѣсколько дней ожидала его въ Карлсруэ, когда онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ. 15-го, онъ извѣщалъ Рюстова, что графиня поѣдетъ къ мистриссъ Арсонъ въ Баденъ, чтобы прочесть письма Елены къ ней и ѣхать съ нею въ Женеву, тамъ переговорить съ матерью и найти средство передать его письмо Еленѣ. «Отчаяніемъ въ сердцѣ» кончаетъ онъ это письмо къ своему уполномоченному. Отчаяніе Лассаля было такъ велико, что онъ, какъ ребенокъ, рыдалъ въ Карлсруэ, бесѣдуя съ графиней о своей неудачѣ. Всѣ средства были пущены имъ въ ходъ съ необычайной энергіей, лишь бы выдти изъ этого нестерпимаго положенія. Думая, что родители Елены, какъ католики, считаютъ его принадлежность къ еврейскому исповѣданію главнымъ препятствіемъ къ браку ихъ дочери, онъ даже рѣшился принять католичество, и просилъ графиню поѣхать къ майнцскому епископу Кеттелеру, одобрительно отзывавшемуся объ его политической дѣятельности, чтобы заявить объ его желаніи перемѣнить вѣру и найти въ немъ поддержку при баварскомъ дворѣ. Самъ Лассаль долженъ былъ, между тѣмъ, ѣхать въ Мюнхенъ и дѣйствовать тамъ на министра иностранныхъ дѣлъ, какъ главнаго начальника Дённиges. 16-го августа, графиня уже была въ Майнцѣ и подробно писала Лассалю о своемъ свиданіи съ епископомъ Кеттелеромъ. Епископъ благосклонно отозвался о Лассалѣ и его стремленіяхъ, сожалѣя, что подъ ними нѣтъ прочнаго фундамента религіи; онъ заявилъ готовность сдѣлать все возможное, чтобы сохранить общему дѣлу необходимаго человѣка, съ такимъ успѣхомъ разоблачавшаго заблужденія и неправду людей, одобрилъ намѣреніе Лассаля хлопотать въ Мюнхенѣ, осуждалъ поступки отца, старался успокоить взволнованную и плакавшую графиню, но нашелъ невозможнымъ вмѣшаться въ дѣло безъ предварительной просьбы о томъ самой дѣвушки, если она католичка и желаетъ прибѣгнуть къ покровительству церкви. «Прощайте, мое дорогое, мое доброе дитя,—заключала свое письмо графиня.—Я чувствую себя мертвою и внутренно, и наружно. Я все еще вижу передъ собой ваше блѣдное страдальческое лицо, какъ я видѣла его въ окно вагона передъ моимъ отъѣздомъ изъ Карлсруэ».

Но эти хлопоты оказались совершенно напрасными. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Мюнхенъ, Лассаль узналъ, что Дённиges и его дѣти не католики, а протестанты. Въ Мюнхенѣ онъ обратился прямо къ министру иностранныхъ дѣлъ, барону Шренку,

былъ очень хорошо принятъ имъ и имѣлъ съ нимъ нѣсколько свиданій. Лассаль въ то же время велъ безпрерывную телеграфную и почтовую переписку съ графиней, Рюстовомъ и другими своими друзьями. 19-го августа, графиня уже была въ Бернѣ, видѣлась въ Ваберинѣ съ мистриссъ Арсонъ, и нѣсколько дней спустя пріѣхала въ Женеву. Все, что она узнала тутъ отъ Рюстова, и что Рюстовъ телеграфировалъ и писалъ Лассалю въ Мюнхенъ, было крайне печально для него. И Рюстовъ, и графиня, повидимому, скоро поняли, что Елена не изъ тѣхъ натуръ, за которыя стоитъ преломлять копья съ врагами. Въ рукахъ Рюстова уже были несомнѣнныя доказательства тому, что Елена прямо отрекалась отъ Лассаля, отчасти подъ вліяніемъ угрозъ и просьбъ отца, но все-таки отрекалась.

Вотъ что происходило въ Бэ, пока Лассаль находился въ Карлсруэ и Мюнхенѣ, а графиня ѣздила въ Майнцъ и Бернъ. Елена сидѣла однажды въ своей комнатѣ, разсѣянно читая любимый Лассалемъ романъ Бальзака: «Père Goriot», когда къ ней вошелъ Янко Раковица, только-что пріѣхавшій по вызову отца. Онъ былъ влюбленъ въ нее по прежнему и бросился цѣловать ея руки, ноги и волосы, умоляя о пощадѣ и взаимности, обѣщая быть ея защитникомъ передъ семьей. Елена смягчилась, и хотя жаловалась на сдѣланное ей насиліе, но подала ему нѣкоторыя надежды.

Пріѣздъ Янко и согласіе Елены сдѣлаться его женой видимо ободрили родителей. Они уже не считали болѣе нужнымъ скрываться въ Бэ, и возвратились въ Женеву съ своей дочерью въ качествѣ невѣсты Янко фонъ-Раковица. Чтобы покончить исторію съ Лассалемъ, отецъ Елены самъ заявилъ желаніе видѣться съ его повѣреннымъ, и съ этой цѣлью назначилъ ему свиданіе, происходившее 18-го августа, о которомъ Рюстовъ въ тотъ же день писалъ Лассалю въ Мюнхенъ:

«Старикъ Дённигесъ сказалъ мнѣ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на бракъ дочери съ тобою. При другихъ обстоятельствахъ, онъ, быть можетъ, ограничился бы только отказомъ въ своемъ согласіи, предоставляя Еленѣ поступать, какъ она хочетъ. Но Елена уже четыре или пять мѣсяцевъ помолвлена съ г. фонъ-Раковица. Онъ, Дённигесъ, былъ противъ этого брака, но сама Елена непремѣнно хотѣла его. Теперь онъ призвалъ этого молодого человѣка, помолвка совершена торжественно, и онъ считаетъ долгомъ чести поддержать это нравственное обязательство, если Раковица не откажется отъ него самъ, чего онъ не сдѣлалъ.

«Я возразилъ ему, что такова ево точка зрѣнія, что я долженъ извѣстить ему—твою. Елена дала тебѣ слово, и ты далъ ей свое. Ты связанъ своимъ словомъ, независимо отъ принятаго ими обязательства. Ты поставленъ въ необходимость дѣйствовать пока въ томъ предположеніи, что Елена несвободна въ своихъ рѣшеніяхъ, что она уступаетъ нравственному и физическому гнету. Ты нравственно обязанъ, пока существуетъ такое предположеніе, рѣшиться на самыя крайнія мѣры, и ни въ какомъ случаѣ не можешь такъ легко отказаться отъ дѣвушки, которая ради тебя ушла изъ дому къ тебѣ.

«Дённиге торжественно протестовалъ противъ этого: никакого насилія нѣтъ; Елена свободна; во всемъ, что говорили о дурномъ обращеніи съ нею, нѣтъ и слова правды. Онъ имѣлъ съ нею спокойное объясненіе, которое кончилось тѣмъ, что она бросилась ему на шею и выказала величайшее раскаяніе. Но онъ все-таки сказалъ Еленѣ, что нельзя разорвать отношенія съ тобой безъ всякихъ объясненій, что она должна расхлебать то, что заварила сама,—должна написать тебѣ.

«Я спросилъ, настолько ли свободна Елена, чтобы я могъ передать ей письмо отъ тебя, и можетъ ли она свободно прочесть его. Онъ отвѣчалъ утвердительно. Позвали Елену. Прежде всего она вручила мнѣ несчастное письмо къ тебѣ, которое отецъ запечаталъ тутъ же, при мнѣ, не читая его. Съ твоего позволенія, я распечаталъ это письмо, чтобы узнать, прежде чѣмъ буду тебѣ телеграфировать, могу ли я дать тебѣ хоть искру надежды.

«Съ своей стороны, я передалъ Еленѣ важнѣйшее изъ твоихъ писемъ къ ней, и она вышла, чтобы внимательно прочесть его. Мы остались пока одни съ отцомъ. Черезъ полчаса она возвратилась. Я всматривался, не замѣчу ли въ ней какого-нибудь волненія, какого-нибудь намека въ ея взглядѣ. Я не замѣтилъ—*ничего*. Она сказала мнѣ съ тою только фразой, въ которой выразилось самое меньшее, что она должна была ощутить при данныхъ обстоятельствахъ и подъ моимъ упорнымъ и вопросительнымъ взглядомъ: «Скажите г-ну Лассалю, что я прочла его письмо; но все происходитъ совершенно такъ, какъ сказано въ письмѣ къ нему, которое я передала вамъ». Я сказалъ ей, что готовъ исполнить всякое ея порученіе, и она вышла съ легкимъ поклономъ.

«Не сердись на меня,—я просто не знаю, что и подумать о ней. Пока я могу только стоять, разинувъ роть, передъ такими фактами.

«Дорогой мой, бѣдный малый, твои акціи стоятъ постыдно низко. Тебѣ ничего болѣе не остается, какъ имѣть еще разъ свиданіе съ Еленой — и тогда безпощадно поступить съ твоей «вещью», какъ съ вещью. Она произвела на меня сегодня такое впечатлѣніе, что я не посовѣстился бы при случаѣ поступить съ нею точно также за твой счетъ».

Рюстовъ сообщалъ въ томъ же письмѣ, что по слухамъ, Дёнигесъ спѣшитъ выдать дочь за Янко къ 20-му сентября, и съ этою цѣлью Янко покупаетъ себѣ въ Гейдельбергѣ докторскій дипломъ, такъ какъ отецъ его не соглашается на женитьбу сына безъ такого удостовѣренія его успѣховъ въ наукахъ.

Письмо къ Лассалю, которое Елена вручила Рюстову, похоже больше на оффиціальную бумагу, чѣмъ на частное объясненіе. Оно вполнѣ отрицательнаго свойства и несомнѣнно продиктовано ей отцомъ, прежде чѣмъ она прочла переданное ей Рюстовымъ письмо Лассаля. Елена писала:

«М. Г. Г-ну Лассалю. Примирившись отъ всего сердца съ моимъ нареченнымъ женихомъ, Янко фонъ-Рановица, глубоко раскаявшись въ моихъ поступкахъ и вновь снискавъ его любовь и прощеніе; написавъ объ этомъ и вашему адвокату въ Берлинѣ, г. Гольтгофу, прежде чѣмъ я получила его письмо, въ которомъ онъ предостерегаетъ меня противъ васъ, объявляю вамъ добровольно и съ полнымъ убѣжденіемъ, что во всѣхъ отношеніяхъ расхожусь съ вами и буду вѣчно любить моего нареченнаго жениха и всегда останусь ему вѣрной. *Елена фонъ-Дёнигесъ*».

Если Елена любила Лассаля, если она не знала о немъ ничего, кромѣ слуха объ отъѣздѣ его изъ Женевы, то теперь ея любопытство могло быть удовлетворено вполнѣ. Письмо Лассаля, переданное ей Рюстовымъ, звучало по прежнему страстью, объясняло ея и его положеніе, указывало ей, какъ поступить на будущее время. Но она даже и не прочла его. Она говоритъ въ своихъ запискахъ, что, взявъ изъ рукъ Рюстова письмо Лассаля, вышла съ нимъ и не читая отдала его Янко, стоявшему за дверью той комнаты, гдѣ сидѣли Рюстовъ и отецъ. А Лассаль въ это время напрасно бомбардировалъ своего друга депешами о содержаніи ея отвѣта, спрашивая: «какъ идутъ дѣла? Дурно? Посредственно? Безнадежно? Отвѣчай хоть намекомъ. Я лежу на раскаленномъ желѣзѣ!» Но Рюстовъ не могъ сообщить ему ничего утѣшительнаго, и вотъ что между прочимъ писалъ ему Лассаль 19-го августа:

..... «О, какъ ты меня мучишь!

«Если эта женщина, за которую я такъ безмѣрно страдаю, отречется отъ меня, то будетъ оповорено все, что носитъ имя человѣка! Возможно ли такъ разрывать сердце твердое какъ скала, сердце, которое такъ любитъ, такъ неизмѣнно выдерживаетъ всѣ превратности, какъ мое! . . . . . .

«Сегодня я опять цѣлый часъ совѣщался съ министромъ. Онъ былъ дѣйствительно возмущенъ насиліемъ, сдѣланнымъ Еленѣ и мнѣ, сказалъ, что не можетъ понять противодѣйствіе Дённигеса, что самъ онъ въ подобномъ случаѣ не ставилъ бы мнѣ препятствій, несмотря на мое политическое направленіе и пр., и мы пришли къ слѣдующему рѣшенію:

«Онъ даетъ здѣшнему адвокату Гэнле, принимающему большое участіе во мнѣ, оффиціальное порученіе ѣхать со мной въ Женеву и уладить съ Дённигесомъ мое дѣло à l'amiable. Порученіе будетъ дано Гэнле въ формѣ письма министра къ Дённигесу, письмо, въ которомъ министръ заявитъ, что просилъ Гэнле поѣхать въ Женеву и уладить съ нимъ дѣло à l'amiable, что очень желательно во многихъ отношеніяхъ и т. д. Еслибъ полюбовное согласіе не удалось, министръ предлагаетъ Дённигесу дать мнѣ очную ставку съ Еленой передъ нотаріусомъ, чтобъ она въ присутствіи нотаріуса свободно заявила свою волю о томъ, желаетъ ли она быть моей женой, или нѣтъ; министръ объясняетъ далѣе, что въ случаѣ ея отрицательнаго отвѣта, такимъ образомъ будетъ по крайней мѣрѣ устранена всякая тѣнь подозрѣнія въ насиліи, неприличномъ для посланника, а я получу возможность успокоиться относительно полной свободы ея воли и не буду болѣе считать ее жертвой грубой силы.

«Ты поймешь, что если въ Еленѣ есть хоть искра правдивости, воли и вѣрности, то этимъ путемъ можно все поправить.... Мнѣ придется погибать теперь не отъ грубаго насилія, которое я уже сломилъ, если Елена скажетъ мнѣ передъ нотаріусомъ «нѣтъ» вмѣсто «да» и не пойдетъ со мною, а отъ безмѣрной измѣны, отъ неслыханной шаткости и легкомыслія женщины, которую я люблю выше всякой дозволенной мѣры. Было бы въ самомъ дѣлѣ чудовищно, еслибъ я для того только склонилъ министра прислать сюда коммиссара и призвать ее при мнѣ къ нотаріусу, чтобъ она поставила меня своимъ «нѣтъ» въ страшно смѣшное положеніе. И однако, если она непремѣнно желаетъ вонзить мнѣ кинжалъ въ сердце,—je n'ai rien à dire! По крайней мѣрѣ я погибну не отъ высокомѣрія грубаго человѣка. Но

я ни въ какихъ обстоятельствахъ не могу считать ее такъ окончательно, такъ безгранично испорченой».

Лассаль настаивалъ въ томъ же письмѣ, чтобъ Елена была какъ-нибудь предупреждена о будущемъ оффиціальномъ свиданіи ихъ у нотаріуса, и былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ, что просилъ Рюстова заранѣе приготовить все къ ихъ внезапному отъѣзду, даже паспортъ на имя Елены Дённигесъ 21½ или 22 лѣтъ отъ роду. Собираясь выѣхать изъ Мюнхена, онъ поручилъ Рюстову разомъ телеграфировать отвѣтъ Елены въ Мюнхенъ, Линдау, Ольтенъ и Бернъ,—города, черезъ которые ему предстояло проѣхать. Въ ту же ночь Лассаль писалъ графинѣ, что «все, все, все зависитъ отъ исхода одного этого часа (у нотаріуса), который рѣшитъ для него вопросъ о жизни и смерти». Если Елена скажетъ «нѣтъ», писалъ Лассаль, то это будетъ ужасающимъ памятникомъ того, что мужчина никогда не долженъ приковывать себя къ женщинѣ»... «Я погибну тогда отъ страшнѣйшаго предательства, отъ презрѣннѣйшей измѣны, какія когда-либо наблюдало всевидящее солнце»... «Будьте здоровы»—кончилъ онъ свое письмо. «На свѣтѣ нѣтъ справедливости, если я не добьюсь этой дѣвушки. Никогда человѣкъ такъ не терзался, не томился, не сгоралъ изъ-за женщины. Уже одна физическая работа—я исписалъ сегодня до 60 страницъ почтовой бумаги — исписалъ въ смертельной тревогѣ—уже одна эта работа до крайности изнурительна, не говоря о страшной пыткѣ, которую я выношу».

20-го августа, когда графиня Гацфельдъ пріѣхала въ Женеву, семейство Дённигесъ было уже тамъ, письмо Елены къ Лассалю было уже вручено Рюстову, но все еще не совсѣмъ успокоенный Дённигесъ самъ передалъ дочери письмо графини, предварительно взявъ съ нея слово отвѣчать графинѣ не иначе, какъ черезъ его посредство. Графиня, хорошо зная, что ея записка должна пройти черезъ руки отца, сухо извѣщала Елену о своемъ пріѣздѣ въ Женеву въ интересахъ Лассаля и приглашала ее къ себѣ для окончательныхъ переговоровъ по дѣлу, одинаково важному и для нея, и для Лассаля. Елена говоритъ, что увидѣла въ этой сухой запискѣ оскорбительный отвѣтъ на свое горячее письмо къ графинѣ изъ Ваберна отъ 1-го августа; но любезный отвѣтъ графини на тогдашнее ея письмо нашелся въ бумагахъ Лассаля и появился въ печати; онъ могъ не дойти до Елены, сношенія которой съ Лассалемъ были прерваны 4-го. Вмѣсто всякаго отвѣта, она вручила посланному графини клочокъ бумаги, на которомъ написано: «Lettre reçue, Hélène de Dönniges».

— Ты правъ,—сказала она при этомъ отцу.—Графиня Гацфельдъ, должно быть, ужасная женщина!

Но ужасна была совсѣмъ не графиня, а эта новая и глупая ошибка Елены. Она не только не воспользовалась возможностью завязать черезъ графиню сношенія съ Лассалемъ, но даже внутренно возмущалась противъ него за то, что онъ называлъ графиню своей второй матерью и поручалъ ей свои сердечныя дѣла. Отецъ былъ очень доволенъ этимъ впечатлѣніемъ—и продиктовалъ Еленѣ нѣсколько строкъ къ графинѣ, въ которыхъ она объявила, что отношенія съ Лассалемъ совершенно покончены, и отклоняла всякое посредничество въ этомъ дѣлѣ.

Лассаль между тѣмъ рвался уѣхать изъ Мюнхена въ Женеву, не слушая ни Рюстова, ни графини, которые, въ своихъ отвѣтахъ на безчисленныя его депеши, старались задержать его пока въ Мюнхенѣ. Слѣдующая депеша, подписанная ими обоими, въ которой, какъ и во всѣхъ телеграммахъ Лассаля и его друзей, Елена переименована въ Генри, Лассаль—въ Юліана, вполнѣ характеризуетъ ихъ положеніе въ этомъ дѣлѣ и полученныя ими свѣдѣнія:

«*Женева, 22 августа 1864. Фердинанду Лассалю. Мюнхенъ, гостинница Оберполлингера.* Заблуждаетесь на счетъ обстоятельствъ. Генри хуже и безстыднѣе, чѣмъ можно себѣ вообразить. По собственной волѣ дерево отказался дать Софіи (графинѣ) какой-нибудь отвѣтъ; вообще о насиліи теперь нѣтъ и рѣчи. Приглашеніе къ нотаріусу съ цѣлью устранить предполагаемый гнетъ можетъ только повести къ рѣшительному «нѣтъ» со стороны Генри. Отецъ еще чванится своимъ служебнымъ положеніемъ, давая Генри предлогъ пожертвовать собою этому положенію; надо устранить этотъ предлогъ. Напугать отца—теперь главное дѣло. Всего важнѣе, чтобы начальникъ отца написалъ ему письмо такого содержанія: полученный начальникомъ доносъ на отца роняетъ его въ служебномъ отношеніи, письменныя доказательства на лицо, правота Юліана очевидна, поведеніе Генри невѣроятно; къ сожалѣнію, уже произошло многое, едва-ли совмѣстимое съ публичною должностью, занимаемой отцомъ; отецъ долженъ покончить дѣло къ полному удовольствію Юліана, и тѣмъ избѣжать скандала, падающаго на него самого и на Генри. Предстоящій пріѣздъ Гэнле въ высшей степени полезенъ и необходимъ. Подписано: *Софія Вильгельмъ*».

Но Лассаль уже спѣшилъ въ Женеву съ Гэнле, пораженный тѣмъ отвѣтомъ Елены, который прислалъ ему Рюстовъ. Получивъ этотъ отвѣтъ, онъ подробно писалъ Рюстову, 21-го августа,

передъ отъѣздомъ изъ Мюнхена, и въ этомъ письмѣ упоминалъ о какомъ-то замыслѣ, оставшемся тайной для публики. «Я одобряю все, что только вѣрно ведетъ къ цѣли, — писалъ онъ. — Одобряю похищеніе хитростью и силой. Всякое средство, если только оно вѣрное, для меня не только пригодно, но и совершенно безразлично. Полагайся, поэтому, только на крупныя средства. Но они, разумѣется, должны быть вполнѣ вѣрны, не должны только портить то, чего я добился здѣсь, въ Мюнхенѣ». Утопающій хватается за соломенку, и Лассаль въ этомъ же письмѣ еще утѣшаетъ себя надеждой, что отвѣтъ Елены еще не доказываетъ ея измѣны, что онъ наполовину объясняется ея безнадежнымъ положеніемъ.

VIII.

Но вотъ онъ самъ въ Женевѣ, и притомъ съ повѣреннымъ баварскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Между ними условлено, что Гэнле сначала попытается мирно уладить дѣло, а Лассаль попроситъ съ этою цѣлью свиданія и разговора съ Деннигесомъ. Только въ томъ случаѣ, если эта попытка будетъ безуспѣшна, рѣшено было воспользоваться письмомъ министра и потребовать отъ Деннигеса, чтобы дочь его заявила у нотаріуса, желаетъ ли она выдти за Лассаля, или нѣтъ. 25-го августа, Гэнле передалъ Деннигесу письмо Лассаля, который просилъ свиданія съ нимъ, соглашаясь на присутствіе его жены при этомъ свиданіи, но отклоняя заранѣе всякихъ другихъ свидѣтелей. На этотъ разъ—это была уже третья просьба Лассаля о томъ — просимое свиданіе состоялось. Оно не имѣло успѣха. Несмотря на предупрежденіе Лассаля въ началѣ разговора, что почти безотвѣтственное положеніе отца Елены требуетъ отъ него крайней умѣренности выраженій, Деннигесъ безвастѣнчиво отвергалъ приписываемое ему насильственное вліяніе на выборъ Елены, отрицалъ всякій гнетъ съ своей стороны, призывалъ въ комнату свою прислугу, въ качествѣ свидѣтелей, называлъ Лассаля лжецомъ, и даже письменно заявилъ объ этомъ Гэнле, прибавляя, что онъ будто бы уличилъ Лассаля во лжи, что Лассаль требовалъ удаленія Янко и безпрепятственныхъ свиданій съ Еленой, какъ единственнаго средства сдѣлать ея рѣшеніе вполнѣ свободнымъ. Вслѣдствіе этого письма, обвинявшаго Лассаля во лжи и искажавшаго ихъ разговоръ, у адвоката Амберни на другой же день были составлены два акта, удостовѣ-

рявшіе дурное обращеніе отца съ дочерью и даже тѣлесное истязаніе. Одинъ изъ нихъ подписанъ свидѣтелемъ, полковникомъ Беккеромъ, другой—Лассалемъ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ Лассаль, сдѣлавъ оговорку относительно возможныхъ послѣдствій обращеннаго къ нему Дённигесомъ обвиненія во лжи, формально ставилъ требованіе, чтобы г. Дённигесъ или позволилъ ему свободно видаться съ дочерью у себя въ домѣ, въ теченіи двухъ недѣль, или далъ дочери возможность заявить свою волю передъ нотаріусомъ послѣ предварительнаго двухчасового разговора съ нимъ, Лассалемъ, въ сосѣдней комнатѣ нотаріуса, наединѣ или въ присутствіи посвященнаго въ дѣло полковника Рюстова. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, — прибавляетъ Лассаль, что «вчерашнія словесныя заявленія г. фонъ-Дённигеса еще усилили противъ прежняго мое убѣжденіе въ томъ состояніи неволи, въ какомъ находится дочь его подъ вліяніемъ совершеннаго надъ нею физическаго и еще продолжающагося нравственнаго насилія, и г. Дённигесъ, на весьма опредѣленно поставленный мною вопросъ: утверждаетъ ли онъ, что Елена по собственной волѣ и помимо его запрещенія беретъ назадъ данное мнѣ слово,—принужденъ былъ отозваться, что не можетъ дать подобнаго увѣренія». «Нотаріальное заявленіе Елены,—прибавлялъ Лассаль въ своемъ актѣ,—должно состояться въ присутствіи одного изъ членовъ или друзей семьи, выбраннаго самими родителями Елены, но въ отсутствіе послѣднихъ, такъ какъ все случившееся прежде достаточно доказываетъ, что ихъ присутствіе совершенно упраздняетъ свободную волю дочери».

Но Дённигесъ и Елена съумѣли парализовать и это требованіе Лассаля. Въ тотъ же самый день, 26-го августа, когда Гэнле передалъ Дённигесу желаніе министра и требованіе Лассаля, отецъ заявилъ согласіе исполнить и то, и другое, если сама Елена не воспротивится этому. А Елена была уже подготовлена къ отрицательному отвѣту, и вотъ отчетъ Гэнле и Рюстова объ ихъ свиданіи съ нею:

«Она показалась намъ душевно вполнѣ свободной и нисколько не смущенной, и скорѣе обнаружила холодную насмѣшку и условную веселость, чѣмъ хотя бы какой-нибудь слѣдъ происходившей прежде или еще продолжающейся душевной борьбы. Полковникъ Рюстовъ спокойно и рѣшительно объяснилъ ей, почему Лассаль настаиваетъ на двухчасовомъ (по бо́льшей мѣрѣ) разговорѣ съ нею наединѣ или при свидѣтелѣ, присутствіе котораго требуется приличіемъ, но который не стѣснялъ бы ихъ

свободы. Она отклонила это требованіе, возразивъ на нѣкоторыя отдѣльныя представленія:

«— Къ чему это? Я знаю, чего онъ хочетъ. Мнѣ надоѣла вся эта исторія.

«Когда напомнили о данныхъ ею клятвахъ, она возразила съ насмѣшкой:

«— Клятва?! Я не даю клятвъ!

«На замѣчаніе, что эти отвѣты рѣзко противорѣчатъ совершенно исключительнымъ ея поступкамъ, напр., тому, что происходило въ пансіонѣ Леове, она отвѣчала съ легкостью:

«— Да, это правда; но это случилось лишь въ первую минуту.

«Рюстовъ, наконецъ, поставилъ ей на видъ, что, судя по одному изъ ея заявленій, она какъ-будто боится возврата къ прежнему настроенію послѣ личной бесѣды съ Лассалемъ. Но она отрицала это опасеніе и отозвалась, что личная бесѣда «совершенно безполезна». И когда Гэнле замѣтилъ, что нѣтъ надобности длить бесѣду два часа, что Лассаль самъ прерветъ ее гораздо раньше, если Елена отвѣтитъ и ему точно такъ же,— она сказала, смѣясь:

«— Лассаль любитъ говорить много и долго, ему и двухъ часовъ, пожалуй, будетъ мало!

«На слова полковника Рюстова, что по ея собственному сознанію, она глубоко неправа передъ Лассалемъ, что она поэтому обязана дать ему удовлетвореніе, Елена возразила съ улыбкой:

«— Удовлетвореніе его тщеславію?

«— Нѣтъ, я говорю объ его нравственномъ чувствѣ,— поправилъ ее Рюстовъ.

«Гэнле убѣждалъ Елену, что она должна согласиться на личную бесѣду съ Лассалемъ, даже желать этой бесѣды, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она поступила съ нимъ несправедливо — и это она тотчасъ признала; во-вторыхъ, эта бесѣда можетъ уменьшить, для нея самой и для ея семьи, тѣ непріятныя послѣдствія, которыми угрожаетъ имъ настойчивость Лассаля. Елена отвѣчала, что не отвергаетъ вѣрности этого соображенія, что желаетъ еще подумать, и обѣщала письменно сообщить Гэнле свое рѣшеніе. Подписано: *В. Рюстовъ. Д-ръ Гэнле*».

Извѣстіе объ этомъ разговорѣ Гэнле и Рюстова съ Еленой привело Лассаля въ состояніе, близкое къ безумію. Прежнюю страсть къ Еленѣ смѣнило теперь негодованіе на эту недостойную дѣвушку и ея семью. Когда прошелъ первый порывъ огорченія

и гнѣва, онъ поспѣшилъ телеграфировать друзьямъ, хлопотавшимъ въ его пользу, чтобъ они прекратили всѣ свои старанія. Одна изъ его депешъ была адрессована Рихарду Вагнеру, въ Штаренбергъ, близъ Мюнхена: «Я отказался отъ дальнѣйшихъ попытокъ вслѣдствіе безусловной безнравственности лица. Благодарю за добрыя намѣренія. Не предпринимайте ничего больше. *Лассаль*». Съ своей стороны Гэнле, считая данное ему порученіе исполненнымъ, тотчасъ уѣхалъ изъ Женевы, увѣдомивъ Дённигеса письмомъ, что было бы излишне ожидать еще и письменнаго сообщенія его дочери. О Еленѣ говорили въ это время, что она очарована своимъ Янко и блаженствуетъ въ его объятіяхъ на лугу отцовскаго сада.

Глубоко разочарованный и оскорбленный, съ разбитыми безвозвратно надеждами, Лассаль не могъ не обрушить всей тяжести своего негодованія на людей, которые разбили эти надежды и поставили его въ это ужасное положеніе. Въ тотъ же день, когда происходилъ разговоръ Рюстова и Гэнле съ Еленой, онъ послалъ секундантовъ и прямой вызовъ отцу ея и косвенный вызовъ Янко. Отцу онъ писалъ, что отказывается имѣть дѣло съ такой «безстыдной дѣвой», какъ его дочь, что не хочетъ безчестить себя подобнымъ бракомъ, и требуетъ удовлетворенія за всѣ нанесенныя ему оскорбленія. Въ письмѣ къ Янко Лассаль предоставлялъ своему сопернику безпрепятственно продолжать ту особенную роль, какая была отведена ему въ этомъ дѣлѣ. На другой день, написавъ свое завѣщаніе, онъ ждалъ отвѣта на отправленныя наканунѣ письма. Утромъ пришли къ нему графъ Кейзерлингъ и д-ръ Арндтъ, но не съ отвѣтомъ Дённигеса, а съ вызовомъ Янко. Рюстовъ совѣтовалъ Лассалю не принимать этого вызова, пока не покончено дѣло съ отцемъ, который и тутъ пользовался Янко, какъ орудіемъ для своихъ цѣлей. Но Лассаль рѣшительно отказался медлить и выжидать, и требовалъ немедленнаго свиданія своихъ секундантовъ, Рюстова и венгерскаго генерала Бетлена, съ секундантами Янко. Эти послѣдніе не замедлили сообщить, что Дённигесъ поспѣшно уѣхалъ въ Бернъ, предоставивъ своему будущему зятю защищать честь семьи. Попытки секундантовъ уладить дѣло миромъ, состоявшіяся 27-го августа, не имѣли, да и не могли имѣть успѣха. Дуэль была назначена на 28-ое, въ 7½ часовъ утра, близъ Корружа, предмѣстья Женевы. Наканунѣ, Рюстовъ убѣждалъ Лассаля заняться стрѣльбой и указывалъ ему мѣсто, гдѣ это возможно. «Пустяки!» — отвѣчалъ на это ему Лассаль, а Янко, между тѣмъ, прилежно упражнялся и сдѣлалъ въ этотъ день

полтораста пробныхъ выстрѣловъ въ одномъ стрѣлковомъ заведеніи.

Въ назначенный день, Рюстовъ разбудилъ своего тихо спавшаго друга, въ пять часовъ утра. Лассаль вручилъ ему свое завѣщаніе, для передачи графинѣ Гацфельдъ, въ случаѣ несчастнаго исхода дуэли. Къ концу седьмого часа, они уже были въ Корружѣ. Дорогой, Лассаль нѣсколько разъ повторилъ Рюстову свою просьбу, чтобы дуэль происходила на французской землѣ: послѣ дуэли, онъ непремѣнно хотѣлъ остаться въ Женевѣ и покончить съ «старымъ трусомъ». Онъ былъ увѣренъ въ счастливомъ для него исходѣ поединка, и не обнаружилъ ни малѣйшаго волненія.

«Противники прибыли въ $7^1/_2$ часовъ,—разсказываетъ Рюстовъ въ своей запискѣ объ этой дуэли.—Съ ними былъ д-ръ Зейлеръ, знавшій удобное мѣсто для поединка. Они поѣхали впередъ, мы послѣдовали за ними.

«На меня палъ жребій зарядить пистолеты для перваго выстрѣла и командовать.

«Пока я заряжалъ, стороны были поставлены на условленное и отмѣренное разстояніе. Мнѣ совѣтовали командовать громко и внятно, но эти совѣты были излишни. На каждый выстрѣлъ дано было двадцать секундъ, причемъ заряжавшій секундантъ долженъ былъ скомандовать сначала *разъ*, черезъ десять секундъ *два*, черезъ двадцать—*три*.

«Я скомандовалъ *разъ*. Пять секундъ спустя уже раздался первый выстрѣлъ, и притомъ со стороны г. Рановица. Меньше чѣмъ черезъ секунду раздался выстрѣлъ Лассаля.

«Онъ далъ промахъ, онъ самъ уже былъ смертельно раненъ. Удивительно, что онъ еще могъ выстрѣлить.

«Сдѣлавъ выстрѣлъ, онъ непроизвольно подался на два шага назадъ. Только теперь услышалъ я—мнѣ надо было смотрѣть на часы—что кто-то спросилъ: «Вы ранены?»—«Да», отвѣчалъ Лассаль.

«Мы тотчасъ отвели его и положили на одѣяло, и тутъ же была наложена первая перевязка.

«Пока противная сторона уѣзжала, я и д-ръ Зейлеръ повели Лассаля къ экипажу и помогли ему сѣсть. Мы оба ѣхали съ нимъ и по возможности его поддерживали.

«Я велѣлъ извозчику ѣхать немощеной дорогой. Намъ пришлось проѣхать по камню всего двѣсти шаговъ.

«Лассаль былъ очень тихъ дорогой; только при проѣздѣ по

каменной мостовой, онъ жаловался на сильную боль отъ раны и спрашивалъ, скоро ли мы будемъ дома.

«Что рана его опасна—это я зналъ по опыту. Но только около полудня, когда я пошелъ, по его настоянію, къ нотаріусу, я узналъ отъ сопровождавшаго меня д-ра Зейлера, что рана смертельна. Когда пришелъ нотаріусъ, я не пустилъ его къ раненому, находя, что онъ не въ состояніи принять кого-нибудь.

«На другой день мнѣ пришлось однако же отправиться, по просьбѣ Лассаля, къ адвокату Амберни, съ которымъ онъ хотѣлъ посовѣтоваться о переданномъ мнѣ завѣщаніи. Амберни нашелъ, что завѣщаніе въ порядкѣ, и Лассаль тутъ же еще разъ запечаталъ его и написалъ на немъ новый адресъ».

Лассаль былъ раненъ въ нижнюю часть живота, куда пуля попала съ лѣвой стороны и вылетѣла съ правой. Раненый до своей смерти говорилъ очень мало. Разъ онъ вскочилъ отъ боли и яростно потребовалъ воды. Чтобы смягчить его страданія, ему давали такъ много опія, что онъ не могъ придти въ себя. Женевскіе врачи признали его состояніе безнадежнымъ, и призванные по телеграфу изъ Гейдельберга и Цюриха Хеліусъ и Бильротъ подтвердили это мнѣніе.

На третій день послѣ дуэли, 31-го августа, въ семь часовъ утра, его уже не стало. Ему еще не исполнилось и сорока лѣтъ.

Въ Женевѣ тотчасъ составился международный комитетъ, чтобы торжественно похоронить Лассаля. Погребеніе происходило 2-го сентября, въ женевскомъ Temple unique; болѣе четырехъ тысячъ человѣкъ собралось на эту печальную церемонію. По желанію графини Гацфельдъ, трупъ Лассаля былъ набальзамированъ и отвезенъ въ Германію, гдѣ она хотѣла выставлять его вездѣ, гдѣ Лассаль имѣлъ наиболѣе приверженцевъ. Но прусское правительство и друзья Лассаля совѣтовали везти трупъ прямо въ Бреславль. Тамъ, въ семейномъ склепѣ еврейскаго кладбища, 14-го сентября, былъ погребенъ Лассаль, одинъ изъ немногихъ евреевъ, отказавшихся отъ своей религіи и національной исключительности и усвоившихъ себѣ, вмѣстѣ съ духомъ времени, общеевропейскія стремленія и задачи. Въ концѣ декабря на этой могилѣ поставили простой памятникъ съ надписью: «Здѣсь покоится то, что было смертнаго въ мыслителѣ и борцѣ Лассалѣ».

А Елена? О томъ, что было съ нею въ эти послѣдніе дни, мы знаемъ только изъ однихъ ея записокъ. Въ своихъ «Отношеніяхъ къ Фердинанду Лассалю», она хочетъ увѣрить читателя, что надежда принадлежать ему никогда ее не покидала, что

еслибъ она хоть минуту осталась съ Гэнле одна, безъ непріятнаго ей Рюстова и безъ отца, который стоялъ прямо противъ нея и не спускалъ съ нея испытующаго взгляда,—дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ. Рѣзко отвѣчая Рюстову, котораго отецъ выдавалъ ей за человѣка безпристрастнаго, понимающаго невозможность брака между нею и Лассалемъ, она будто бы дала понять свое тяжелое положеніе Гэнле, и вполнѣ расположила его въ свою пользу. Но онъ, какъ мы уже знаемъ, такъ мало ожидалъ отъ нея, что махнулъ рукой и уѣхалъ въ Мюнхенъ, не считая нужнымъ дожидаться ея письменнаго отвѣта.

Вечеромъ, въ домѣ Дённиges поднялась тревога. Получивъ вызовъ Лассаля, отецъ заперся въ своихъ комнатахъ съ близкими людьми, между прочимъ и съ Янко, который на минуту зашелъ въ комнату Елены, чтобы сказать ей:

— Не бойся: все уладится. Отецъ ѣдетъ сегодня въ Бернъ.

Прошли ночь и слѣдующій день. Вечеромъ Янко опять зашелъ къ Еленѣ, чтобы проститься съ нею.

— Ты уѣзжаешь?

— Можетъ быть...

— Что это значитъ? Пожалуйста, не мучь меня неизвѣстностью: я страшно нервна, я такъ истомлена, что не въ силахъ больше выносить загадокъ.

И Янко передалъ ей, что отецъ показалъ ему вызовъ, жалобно объясняя свое положеніе: ни лѣта, ни семья не позволяютъ ему драться, а между тѣмъ, какъ оставить такое пятно на чести семейства? Мать высказалась въ томъ же смыслѣ, но гораздо яснѣе. Ему, Янко, приходится стрѣляться за отца. Конечно, онъ никогда не бралъ оружія въ руки, а Лассаль отличный стрѣлокъ; но онъ упражнялся сегодня часа два сряду. Елена признаётся, что была довольна вѣстью о дуэли. Гибель Янко казалась ей несомнѣнной; Лассаль убьетъ его непремѣнно, и тогда въ домѣ поднимется гвалтъ, подъ шумъ котораго она опять уйдетъ къ Лассалю! Въ ночь передъ дуэлью, пока Янко писалъ письма роднымъ, она занялась приготовленіями къ задуманному бѣгству, жгла сохранившіяся письма, положила въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья и украшеній, и утромъ надѣла два платья одно на другое, чтобъ быть совершенно готовой и снаряженной на нѣсколько дней. Приготовившись бѣжать, она простилась съ Янко «не безъ нѣкотораго состраданія», прибавляетъ она въ своей исповѣди.

Оставшись одна въ своей комнатѣ, Елена нетерпѣливо ждала развязки. «Если карета, въ которой привезутъ несчастнаго Янко,

подъѣдетъ очень тихо—соображала она—то, значитъ, Янко тяжело раненъ; если же карета остановится, не подъѣзжая къ дому, и изъ нея выйдетъ кто-нибудь другой, чтобы «подготовить» семью къ печальному событію, то, значитъ, онъ убитъ. Въ обоихъ случаяхъ, я должна воспользоваться первой минутой замѣшательства!»

Такъ прошли часы. Елена нагнулась надъ каминомъ, чтобы сжечь послѣднюю пачку писемъ, когда къ дому быстро подъѣхала карета. Мысль, что въ ней могъ сидѣть уцѣлѣвшій Янко, даже не пришла въ голову Еленѣ. Къ отцу ея такъ часто ѣздили поутру! Но вдругъ кто-то рванулъ дверь ея комнаты, и вошелъ Янко. «Дуэль, стало быть, не состоялась—и все остается по старому», быстро соображала она въ эту минуту. Янко подошелъ, взялъ ее за руки и, цѣлуя ихъ, сказалъ:

— Рада ли ты, что я живъ?

— Да, конечно...

— А что ты сдѣлаешь, если я скажу тебѣ, что Лассаль раненъ?

Она захохотала.

— Я бы этому не повѣрила!

— И однако это такъ, я ранилъ его, вовсе не желая, и, надѣюсь, ранилъ легко.

— Ты? Ты его ранилъ?—Ну, разумѣется, рана должна быть очень легкая,—сказала Елена съ усмѣшкой.—Поди, оставь меня одну,—прибавила она съ неудовольствіемъ.

На третій день послѣ дуэли, Янко вошелъ къ ней утромъ, блѣдный, и пригласилъ ее въ садъ.

— Я имѣю сказать тебѣ нѣчто прискорбное — только не здѣсь.

Въ саду онъ молча подвелъ ее къ скамейкѣ.

— Что такое?—спросила она.

— Лассаль умеръ!

Она оттолкнула Янко, проговоривъ:

— Уйди! Уйди! Теперь я и тебя ненавижу!

Но эта «ненависть» прошла очень скоро.

Полгода спустя, Елена уже была женою этого самаго Янко, отъ руки котораго палъ ея «царственный орелъ» и которому она, въ тотъ критическій день, такъ сильно желала тяжелой или смертельной раны.

Вскорѣ умеръ и Янко.—Что сталось съ ней потомъ, мы не знаемъ, да и едвали это можетъ интересовать кого-нибудь. Сама по себѣ, какъ лицо, какъ характеръ, Елена представляетъ явленіе ничтожное и жалкое. Отъ природы одаренная только красотой,

нравственно испорченная воспитаніемъ, безъ воли и самой скромной доли чувства собственнаго достоинства, она замѣчательна развѣ только, какъ рѣдкій примѣръ дѣвушки, имѣвшей безсердечіе отдаться убійцѣ того, кого она будто бы страстно любила, и найти себѣ успокоеніе и пристань въ его супружескихъ объятіяхъ. Она интересна только по отношенію къ Лассалю, а этотъ интересъ вполнѣ исчерпывается его трагической смертью. Ничтожество не помѣшало, оно непремѣнно помогло ей пережить и Лассаля, и Янко, и многихъ участниковъ разсказанной нами драмы, и рисоваться теперь передъ свѣтомъ жертвой возвышенной и глубокой любви и чужого непониманія и насилія. Эта легкая, холодная натура никогда и никого не любила.

Лассаль былъ для нея интересной новинкой, кратковременнымъ героемъ ея романическихъ похожденій, ея личной забавы и кокетства. Она не понимала, она не могла понять его. Это былъ человѣкъ другого міра, совершенно ей чуждаго, къ которому она не примыкала ни одною стороной своей природы и своего прошлаго. Лассаль поплатился жизнію за свое увлеченіе такою жалкой натурой, за страстную любовь безъ малѣйшихъ признаковъ уваженія къ предмету своей страсти, за глубоко ошибочное отношеніе къ женщинѣ, какъ къ вещи. Эти безличныя существа въ женскомъ образѣ, безъ воли, безъ нравственной подкладки, съ низменнымъ умственнымъ уровнемъ, всегда обоюдуострые. Онѣ легко подчиняются вліянію и волѣ сильнаго характера; но онѣ такъ же легко подпадаютъ всякимъ другимъ сильнымъ вліяніямъ, хотя бы эти вліянія были чисто-внѣшняго свойства. Коренная ошибка въ жизни каждаго изъ насъ всегда разрѣшается крупными послѣдствіями, и чѣмъ цѣльнѣе и характернѣе человѣкъ, тѣмъ быстрѣе и печальнѣе разрѣшается романъ его жизни. Блестящій, даровитый, настойчивый и страшно самонадѣянный, Лассаль не зналъ уступокъ обстоятельствамъ; онъ хотѣлъ взять съ бою то, что не давалось въ руки обыкновенными путями, и, какъ цѣльный человѣкъ, честно, но безплодно, палъ въ этомъ бою.

В. К.

ИЗЪ ДНЕВНИКА
ПОЗНАНСКАГО УЧИТЕЛЯ

Разсказъ Литвоса.

Въ послѣдней книжкѣ, за прошедшій годъ, варшавскаго журнала «Нива» [1]) появилась статья одного изъ молодыхъ талантовъ, успѣвшихъ обратить на себя вниманіе въ новѣйшей польской литературѣ, подъ псевдонимомъ Литвоса. Настоящій его этюдъ, избранный нами для ознакомленія нашего общества съ новымъ движеніемъ въ польской литературѣ, представляетъ хотя небольшой, но весьма талантливый опытъ тонкаго психическаго анализа; задача усложнена выборомъ темы: душевная жизнь юноши, почти ребенка, съ ея начинающимися радостями и печалями, съ ея внутренней борьбой, хотя и дѣтской, но столь сильной, что она могла ему стоить жизни. Отсутствіе у автора всякой предвзятой тенденціи, на которую иногда, какъ на веретено, наматывается безконечная нить подобранныхъ фактовъ, увеличиваетъ достоинство этого небольшого этюда и служитъ вѣрнымъ признакомъ самостоятельности таланта, почерпающаго силу въ живости образовъ и тонкости непосредственнаго наблюденія. При взаимной отчужденности нашей и польской литературъ, мы желали бы время отъ времени знакомить нашу публику съ такими явленіями послѣдней, которыя характеризуютъ новое движеніе въ польской изящной литературѣ, въ сторону отъ роман-

[1]) Двухнедѣльный журналъ критики и литературы „Niwa", издаваемый въ Варшавѣ, подъ цензурою, девятый годъ. См. выпускъ 1-го декабря 1879 г., стр. 813 и слѣд.

тизма, и переносятъ его на болѣе реальную почву—наблюденія и изученія окружающаго міра, гдѣ фантазія является только необходимою пособницею творчества, но не исключительнымъ и даровымъ его источникомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Пруссіи, а именно—въ Познани.

I.

... Свѣтъ лампы, хотя и чрезвычайно слабый, часто будилъ меня, и не разъ случалось, что, проснувшись въ два или три часа ночи, я видѣлъ Мишу все еще сидящимъ за книгою у стола. Маленькая худощавая фигурка мальчика, одѣтаго только въ одно бѣлье, нагнувшаяся надъ разложенными на столѣ книгами, казалась какимъ-то страннымъ призракомъ. Среди ночной тишины, измученный голосъ мальчика механически повторялъ латинскія спряженія или греческія склоненія съ такимъ однообразіемъ, съ какимъ въ церкви повторяютъ слова молитвы. Когда я ему приказывалъ ложиться спать, мальчикъ испуганными глазами смотрѣлъ на меня и, послѣ минутнаго молчанія, возражалъ:

— Я еще не знаю уроковъ.

А я вѣдь съ нимъ работалъ съ четырехъ до восьми часовъ, а потомъ съ девяти до полуночи, да и не ложился никогда, не убѣдившись, что Миша все приготовилъ и все знаетъ, какъ слѣдуетъ; по правдѣ сказать, всего этого было слишкомъ много. Окончивъ изученіе послѣдняго урока, затвердивъ всѣ слова и даже запятыя, мальчикъ забывалъ первый, часъ тому назадъ выученный урокъ, а греческія, латинскія и нѣмецкія спряженія и нѣмецкія названія разныхъ округовъ въ бѣдной головѣ Миши совидали такой хаосъ, что онъ, бѣдняжка, напрасно старался заснуть. Тогда-то слѣзалъ онъ съ кровати, зажигалъ лампу и снова принимался за книгу. Когда я на него сердился за этотъ избытокъ прилежанія, онъ плакалъ и просилъ не гнать его спать. Со временемъ я самъ привыкъ къ этому слабому свѣту лампы, къ латинскимъ спряженіямъ и нѣмецкимъ названіямъ округовъ, раздававшимся среди ночи; когда Миша не работалъ ночью—я просыпался. Конечно, мнѣ слѣдовало запретить ему это долбленіе въ два, три часа ночи, чтобы ребенокъ не выбился изъ силъ,—но что же мнѣ было дѣлать? Долженъ же онъ былъ каждый день хоть кое-какъ выучить уроки; въ противномъ случаѣ, его бы исключили изъ училища, а Богу одному извѣстно, какъ это огорчило бы Марію Ѳедоровну, которая послѣ смерти мужа

осталась одна, съ двумя дѣтьми на рукахъ, и всѣ свои надежды и упованія возложила на одного Мишу. Безысходное было мое положеніе, такъ какъ, съ другой стороны, я сознавалъ вполнѣ, что чрезмѣрныя умственныя занятія разрушаютъ здоровье мальчика и могутъ его погубить. Необходимо было возстановлять его силы, потраченныя на греческій и латинскій языки, ему слѣдовало заняться гимнастикою, верховою ѣздою,—но на все это не было времени. Ребенку назначали такія громадныя количества печатныхъ строкъ и страницъ для выучиванія наизусть, столько приходилось ему писать и переписывать, что, положа руку на сердце, я повторяю: времени не хватало. Каждую, рѣшительно каждую минуту жизни мальчика, необходимую для развлеченія, здоровья и жизни Миши отнималъ греческій языкъ, латынь и нѣмецкій. По утрамъ, когда я клалъ ему въ ранецъ книги и когда я видѣлъ, какъ худенькія его плечи сгибались подъ бременемъ византійскихъ томовъ—сердце у меня въ груди такъ и сжималось отъ боли. Иногда я рѣшался просить учителей, чтобы они снисходительнѣе и внимательнѣе относились къ слабому ребенку, но нѣмецкіе педагоги не вняли моимъ мольбамъ, и на всѣ мои доводы и просьбы отвѣчали, что я балую ребенка, что онъ, какъ видно, мало занимается, что у него худой выговоръ и... что онъ плачетъ при малѣйшемъ случаѣ. Я самъ страдаю грудью, а притомъ съ колыбели веду отшельническую жизнь—при такихъ условіяхъ хоть кто сдѣлается нервнымъ и раздражительнымъ, а потому упреки господъ учителей отравили не одну минуту моей жизни. Кто же зналъ лучше меня, довольно ли Миша занимается? Это былъ ребенокъ, одаренный отъ природы не Богъ знаетъ какими способностями, но до того терпѣливое созданіе, съ такимъ твердымъ характеромъ, какого мнѣ ни у одного другого ребенка не случалось встрѣчать. Бѣдный Миша обожалъ свою мать, а такъ какъ ему сказали, что Марія Ѳедоровна—несчастная и притомъ больная женщина, и что если онъ будетъ плохо учиться, можетъ этимъ окончательно разрушить ея здоровье, то мальчикъ дрожалъ при одной мысли о прискорбныхъ послѣдствіяхъ его лѣни и цѣлыя ночи проводилъ за книгою, лишь бы не огорчить матери. Онъ рыдалъ, когда получалъ дурной баллъ, но никто не догадывался, чего онъ плачетъ и какимъ грѣшникомъ онъ считаетъ себя въ эти минуты. Да и кому было какое дѣло до него! У него было худое произношеніе — и довольно! Я его не портилъ, не баловалъ, но только способенъ былъ понимать его больше, чѣмъ другіе, а за то, что я не бранилъ его за неудачи, но старался утѣшать въ горѣ, я себя не

корю. Я самъ работалъ въ жизни не мало, испыталъ голодъ и нужду, никогда не былъ счастливъ и не жду счастья,—да, впрочемъ, чортъ возьми, теперь ужъ я вѣдь пріобрѣлъ способность безъ зубовнаго скрежета думать объ этомъ. Правда, что мнѣ не вѣрится, чтобы стоило жить въ Божьемъ мірѣ, но, можетъ быть, потому именно я и сочувствую всякому горю. Будучи въ возрастѣ Миши, я былъ, по крайней мѣрѣ, здоровъ, зналъ и удовольствія, гоняясь по улицамъ за голубями или играя съ товарищами передъ ратушею. Кашель меня не мучилъ; когда меня сѣкли, я плакалъ, но въ общемъ былъ свободенъ, какъ птица, и ни о чемъ не заботился. У Миши же и этого не было. Жизнь обратила его въ наковальню, и для него стала тяжкимъ молотомъ; только-бъ и было у него радости, что нахохотаться отъ души, натворить вдоволь проказъ и набѣгаться на свѣжемъ воздухѣ, согрѣтомъ лучами солнца. Но, къ крайнему горю, такого соединенія труда съ потребностями дѣтскаго организма я еще не видѣлъ, — наоборотъ, я видѣлъ дитя, идущее въ школу и возвращающееся оттуда пасмурнымъ, сгорбленнымъ отъ тяжести книгъ, изнуреннымъ, съ морщинами у глазъ, постоянно сдерживающимъ рыданья... Я скорбѣлъ его скорбью, хотѣлъ быть для него убѣжищемъ—опорой.

Я самъ учитель, хотя и частный, и не знаю, какъ бы сталъ жить въ свѣтѣ, еслибъ утратилъ вѣру въ цѣну знанія и въ пользу, отъ него получаемую. Думаю однако, что ученье не должно быть трагедіей для дѣтей, что латынь не можетъ замѣнить воздуха и здоровья, а правильное или неправильное произношеніе не должно рѣшать судьбы маленькихъ существъ.

Думаю также, что педагогика лучше исполняетъ свою задачу, когда ребенокъ чувствуетъ, что она — рука, кротко направляющая его, а не тогда, когда становится ногой, которая давитъ ему грудь и топчетъ все, что онъ привыкъ чтить и любить. Я такой обскурантъ, что, вѣроятно, не измѣню уже мнѣнія въ этомъ отношеніи, и убѣждаюсь въ немъ все сильнѣе, вспоминая о моемъ бѣдномъ Мишѣ, котораго я такъ горячо любилъ. Въ теченіи шести лѣтъ я былъ его учителемъ, сначала въ качествѣ гувернера, а потомъ, послѣ его поступленія во второй классъ гимназіи,—въ качествѣ репетитора: времени было довольно, чтобы привязаться къ нему. Наконецъ, зачѣмъ скрывать передъ самимъ собою: онъ мнѣ былъ дорогъ, какъ сынъ женщины, для меня безконечно дорогой... Она объ этомъ не знала, да и не узнаетъ никогда. Я твердо помню, что я просто-на-просто — домашній учитель, къ тому же, человѣкъ больной, а она—дочь богатаго по-

мѣщика, дворянина, вполнѣ барыня, о которой я не посмѣлъ бы и мечтать. Но такъ какъ одиновое сердце, разбитое жизнью, ищетъ себѣ опоры, какъ ищетъ ея и раковина, подбрасываемая волною, то и мое сердце прильнуло къ ней. Что мнѣ съ собой подѣлать! Да, наконецъ, ей это не въ ущербъ. Я отъ нея не требую больше свѣта, чѣмъ отъ солнца, которое согрѣваетъ весною мою больную грудь. Шесть лѣтъ я прожилъ въ ея домѣ, былъ свидѣтелемъ смерти ея мужа, видѣлъ ее несчастной, одинокой и всегда кроткой, любящей дѣтей, почти святою въ своемъ вдовствѣ,—и я долженъ былъ полюбить ее... Да это и не любовь,—это скорѣе моя религія.

Миша сильно напоминалъ мать. Часто, когда онъ поднималъ на меня глаза, мнѣ казалось, что смотрю на нее. Это были тѣ же нѣжныя черты, тотъ же лобъ, отѣненный богатыми волосами, тотъ же изгибъ бровей и, главное, почти тотъ же голосъ. Въ характерѣ матери и ребенка была та же общность, проявляющаяся въ склонности къ восторженнымъ чувствамъ и взглядамъ. Они оба принадлежали къ разряду существъ нервныхъ, впечатлительныхъ, благородныхъ и любящихъ, способныхъ на всякія жертвы, но которыя находятъ мало счастья, соприкасаясь съ жизнью и ея дѣйствительностью, отдавая ей гораздо больше, чѣмъ могутъ получить отъ нея. Этотъ разрядъ людей теперь уже исчезаетъ, и я думаю, что новѣйшіе натуралисты могли бы сказать про нихъ, что они заранѣе осуждены на смерть, такъ какъ являются на свѣтъ съ порокомъ сердца: они любятъ слишкомъ много!

Семья Миши была когда-то очень богата, но слишкомъ много любила... Различныя бури унесли богатства, а то, что осталось, хотя и не можетъ быть названо нищетой, ни даже бѣдностью, однако, въ сравненіи съ утраченнымъ, составляетъ слишкомъ мало. Миша былъ младшимъ членомъ въ семьѣ, и Марья Ѳедоровна любила его не только какъ родное дѣтище, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всѣ свои надежды на будущее. Къ несчастью, съ пристрастьемъ, свойственнымъ всѣмъ матерямъ, она видѣла въ немъ необыкновенныя способности. Въ сущности, мальчикъ не былъ тупъ, но принадлежалъ къ числу дѣтей, которыхъ способности, въ началѣ посредственныя, развиваются только впослѣдствіи, вмѣстѣ съ развитіемъ физическихъ силъ и здоровья. При другихъ условіяхъ онъ могъ бы кончить курсъ и сдѣлаться полезнымъ труженикомъ на любомъ поприщѣ. При существующихъ условіяхъ—онъ только мучился и, зная о высокомъ мнѣніи, которое мать составила о его способностяхъ, напрасно силился оправдать это мнѣніе. Мои глаза много видѣли, и я рѣ-

шился не удивляться ничему, но, сознаюсь, мнѣ съ трудомъ пришлось повѣрить, что могъ существовать такой хаосъ, въ которомъ ребенка могли бы погубить настойчивость, сила воли и трудъ. Въ этомъ есть что-то неестественное, больное, и еслибъ слова могли вознаградить меня за скорбь и горечь — я повторилъ бы слова Гамлета: «въ свѣтѣ творятся вещи, о которыхъ и не снилось мудрецамъ».

Я работалъ вмѣстѣ съ Мишей, словно отъ балловъ, получаемыхъ имъ за успѣхи, зависѣла моя собственная будущность. Да и дѣйствительно, цѣль-то у насъ была общая: не огорчить ее, показать ей хорошую аттестацію, вызвать улыбку счастія на ея устахъ. Когда мальчику удавалось получить хорошій баллъ, онъ возвращался изъ класса сіяющій, счастливый. Мнѣ казалось, что онъ выросталъ на моихъ глазахъ, выпрямлялся въ такія минуты. Его пасмурные глаза смѣялись тогда искреннею дѣтскою веселостію и блестѣли, словно угольки. Тогда Миша сбрасывалъ съ узкихъ плечей ранецъ, переполненный книгами и, подмигивая мнѣ, говорилъ, входя въ комнату: — Ахъ! какъ мама будетъ рада! я получилъ сегодня по географіи—угадайте, сколько?— И когда я дѣлалъ видъ, что не догадываюсь, онъ подбѣгалъ ко мнѣ съ прелестнѣйшей гримаской и обвивая руками мою шею, говорилъ будто бы шопотомъ, но очень громко:— Пять, право, пять! — Это были счастливыя минуты для насъ обоихъ. По вечерамъ, послѣ такихъ успѣховъ, Миша погружался въ сладкія грёзы и воображая, что̀ будетъ, когда ему удастся получить всѣ отличные баллы, нашептывалъ отчасти мнѣ, отчасти себѣ самому:—На Рождественскія святки поѣдемъ въ Залѣсино, снѣгъ выпадетъ, какъ обыкновенно зимою, и мы поѣдемъ на саняхъ. Пріѣдемъ ночью, но мама будетъ ждать меня, обниметъ меня, расцѣлуетъ, а потомъ спроситъ объ аттестаціи. Я нарочно сдѣлаю грустную физіономію, а мама тутъ читаетъ: «по закону Божью—отличный, по нѣмецкому языку—отличный; по латыни—отличный, всѣ отличные!»

И слезы навертывались на глазахъ у бѣднаго мальчика, а я, вмѣсто того, чтобы сдерживать его, самъ слѣдилъ за нимъ усталымъ воображеніемъ и припоминалъ дни, проведенные въ Залѣсинѣ, его тишину, то благородное существо, которое тамъ распоряжалось, и счастье, которое доставитъ ей пріѣздъ мальчика съ отличными баллами въ аттестаціи.

Я пользовался такими минутами, давалъ ему совѣты, объясняя ему, что мать очень заботится объ его успѣхахъ, но заботится также и о его здоровьѣ, и что поэтому онъ не долженъ пла-

какъ, когда я веду его на прогулку, спать столько, сколько я найду нужнымъ и не сидѣть упорно по ночамъ. Мальчикъ, расчувствовавшись, обнималъ меня, повторяя: — Хорошо, хорошо, я буду страсть какъ здоровъ и выросту такъ, что ни мама, ни Леля не узнаютъ меня.

Я очень часто получалъ письма отъ Марьи Ѳедоровны, въ которыхъ она поручала мнѣ наблюдать за здоровьемъ мальчика, но, къ сожалѣнію, я съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе убѣждался, что согласить ученье со здоровьемъ было такъ же невозможно, какъ совершить путешествіе на луну. Еслибъ преподаваемые предметы были слишкомъ трудны для Миши, я легко уладилъ бы дѣло, переведя его изъ второго класса въ первый; но эти предметы, хотя и безцвѣтные, онъ понималъ прекрасно: дѣло, значитъ, было не въ ученьи, но во времени; а главной заботой былъ несчастный нѣмецкій языкъ, которымъ ребенокъ не владѣлъ достаточно хорошо. Въ этомъ ужъ я былъ безсиленъ. Этому ужъ я не могъ помочь и надѣялся только, что наступающіе праздники, двухнедѣльный отдыхъ пополнятъ тѣ изъяны въ здоровьѣ мальчика, которые создалъ непосильный трудъ.

Еслибъ Миша былъ равнодушнымъ ко всему совершающемуся съ его особою, я-бъ о немъ меньше заботился; но неудачи онъ чувствовалъ, кажется, сильнѣе еще чѣмъ успѣхи. Минуты радости и тѣхъ пятерокъ, о которыхъ я упоминалъ, къ несчастію были слишкомъ рѣдки. Я такъ научился читать по его лицу, что какъ только онъ являлся, я съ перваго взгляда узнавалъ, когда ему не посчастливилось. — Ты получилъ худой баллъ? — спрашивалъ я. — Да. — Что же, ты не зналъ? Иногда онъ отвѣчалъ: «не зналъ», но чаще однако: «зналъ, но не съумѣлъ сказать». И дѣйствительно, товарищъ Миши, первый ученикъ второго класса, котораго я нарочно привелъ для того, чтобы Миша съ нимъ вмѣстѣ учился, говорилъ, что Миша потому именно получаетъ дурные баллы, что не умѣетъ... высказаться. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ, все болѣе и болѣе истощался и умственно, и физически, такія неудачи повторялись все чаще. Я подмѣтилъ, что когда онъ, выплакавшись, садился за уроки, то бывалъ тихъ и наружно спокоенъ, но въ этой удвоенной энергіи, съ которой принимался за свои задачи, проглядывало отчаяніе и какая-то лихорадочность. Иногда же онъ забивался въ уголъ, сжималъ голову обѣими руками и молчалъ: экзальтированный мальчикъ воображалъ, что онъ роетъ могилу подъ ногами любимой матери и не зналъ, какъ помочь горю, чувствуя,

что сидитъ въ заколдованномъ кругу, изъ котораго ему нѣтъ выхода.

Его ночныя бдѣнія стали повторяться все чаще. Боясь, что проснувшись, я велю ему ложиться спать, онъ вставалъ тихонько съ постели, уносилъ лампу въ переднюю, тамъ зажигалъ ее и садился за работу. Прежде чѣмъ я узналъ объ этомъ, онъ просидѣлъ такимъ образомъ нѣсколько ночей въ нетопленной комнатѣ. Я не находилъ другого средства, какъ только встать, позвать его въ комнату и передѣлать съ нимъ еще разъ всѣ уроки для того, чтобъ убѣдить его, что онъ ихъ знаетъ и напрасно только подвергается простудѣ. Но подъ конецъ онъ и самъ уже не понималъ, что онъ зналъ, а чего не зналъ. Ребенокъ терялъ силы, худѣлъ, желтѣлъ и омрачался все болѣе. Подчасъ я убѣждался, что не одинъ только трудъ подрывалъ его силы. Однажды, когда я читалъ ему исторію, которую «дядя разсказывалъ своимъ племянникамъ», — что я дѣлалъ каждый день, по желанію Маріи Ѳедоровны, Миша вскочилъ съ пылающими глазами и воскликнулъ: — Такъ это въ самомъ дѣлѣ не сказка? а то!..—А то что?—спросилъ я его съ изумленіемъ. Онъ стиснулъ зубы вмѣсто отвѣта и, наконецъ, зарыдалъ такъ страстно, что я долго не могъ его успокоить.

Я допытывался о причинѣ этой вспышки у товарища,—онъ не зналъ или не хотѣлъ сказать ея, но я и самъ вскорѣ догадался. Не подлежало сомнѣнію, что Мишѣ приходилось слышать въ нѣмецкой школѣ многое, что оскорбляло его сокровеннѣйшія чувства, что было презрѣніемъ, насмѣшкой надъ страною, языкомъ, преданіями родины, однимъ словомъ—надъ всѣмъ, что въ семьѣ учили его чтить и любить. Такія мнѣнія скользили по другимъ мальчикамъ, не оставляя ничего, кромѣ глубокой ненависти къ учителямъ, но такому чувствительному мальчику, какъ Миша, онѣ причиняли сердечное страданіе. Онъ не смѣлъ протестовать, хотя, быть можетъ, не разъ ему хотѣлось кричать отъ боли, но онъ внутренно волновался, стискивалъ зубы, тосковалъ и огорчался. Такимъ образомъ, къ страданіямъ, причиняемымъ неудачами и дурными баллами, присоединялась еще неописанная горечь отъ нравственнаго разлада, въ которомъ онъ жилъ постоянно. Двѣ силы, два голоса, повиновеніе которымъ составляетъ обязанность ребенка, но которыя потому именно и должны находиться въ полномъ согласіи, толкали Мишу въ двѣ противоположныя стороны. То, что одинъ авторитетъ называлъ бѣлымъ, возвышеннымъ, дорогимъ—другой клеймилъ именемъ отжившаго, смѣшного; то, что на

языкѣ одного называлось добродѣтелью, другой считалъ преступленіемъ. На пути этого разлада мальчикъ слѣдовалъ за авторитетомъ, къ которому рвалось его сердце, но долженъ былъ прикидываться, что слушаетъ и принимаетъ къ сердцу слова противнаго; онъ долженъ былъ притворяться съ утра до вечера и жить въ этомъ тягостномъ принужденіи дни, недѣли, мѣсяцы... Ужасное положеніе... ребенка!

Судьба Миши была по-истинѣ ужасна. Жизненныя драмы бо́льшею частью начинаются нѣсколько позже, когда дерево юности успѣетъ лишиться своихъ первыхъ листьевъ,—для него же все то, что́ составляетъ несчастье, нравственное насилованіе себя самого, скрытая скорбь, безпокойство, безплодныя усилія, борьба съ трудностями, постоянная утрата надеждъ,—все это началось для Миши на одиннадцатомъ году его жизни. Ни его тощее сложеніе, ни слабыя силы не въ состояніи были вынести этого груза. Проходили дни, недѣли, бѣдняжка удвоивалъ усилія, а результаты были все хуже, все плачевнѣе. Письма Маріи Ѳедоровны, хотя и нѣжныя, придавали еще вѣсу тяжелому бремени. —«Богъ одарилъ тебя, Миша, необыкновенными способностями,— писала мать,—надѣюсь ты не обманешь надеждъ, возложенныхъ на тебя, и станешь отрадой для меня, полезнымъ гражданиномъ своей родины». Получивши первый разъ такое письмо, мальчикъ судорожно схватилъ мою руку и, заливаясь слезами, сталъ говорить:—Что́ мнѣ дѣлать, за что́ приняться? И дѣйствительно, что́ ему было дѣлать? Могъ ли онъ помочь тому, что не явился на свѣтъ съ врожденною способностью къ языкамъ и что не умѣлъ удачно объясняться по-нѣмецки?

II.

Наступили каникулы. Миша получилъ не особенно хорошую аттестацію: по тремъ главнымъ предметамъ у него были неудовлетворительные баллы. По его усерднѣйшей просьбѣ я не посылалъ ее Маріи Ѳедоровнѣ. «Дорогой мой — воскликалъ онъ, ломая руки: — мама не знаетъ, что теперь давали аттестаціи, а къ Рождеству Богъ мнѣ поможетъ». Бѣдное дитя надѣялось, что исправитъ еще эти дурные баллы, да, сказать правду, эта надежда жила еще и во мнѣ. Я полагалъ, что онъ втянется въ школьные порядки, освоится со всѣмъ, успѣетъ въ нѣмецкомъ языкѣ, пріобрѣтетъ надлежащее произношеніе и, что́ всего важнѣе, будетъ употреблять все меньше времени на

приготовленіе уроковъ. Не будь у меня этой надежды, я давно написалъ бы Маріи Ѳедоровнѣ и представилъ бы ей все дѣло въ настоящемъ свѣтѣ. И дѣйствительно въ скоромъ времени мои надежды начали оправдываться. Вскорѣ послѣ каникулъ Миша получилъ три отличные, изъ которыхъ одинъ по-латыни. Онъ одинъ во всемъ классѣ зналъ, что прошедшее время отъ *gaudeo* — *gavisus sum;* зналъ же онъ это потому, что, получивши передъ тѣмъ два отличные, спрашивалъ меня, какъ сказать по-латыни: радуюсь. Я думалъ, что мальчикъ обезумѣлъ отъ счастія. Онъ сейчасъ же написалъ матери письмо, начинающееся словами: «дорогая маменька! Знаешь ли голубушка, какъ будетъ *perfectum* отъ *gaudeo*? Вѣроятно, не знаешь этого ни ты, ни маленькая Леля, такъ какъ во всемъ классѣ зналъ это только я одинъ!»

Миша обожалъ мать. Со времени полученія трехъ отличныхъ балловъ, онъ то-и-дѣло разспрашивалъ меня о различныхъ *perfecta* и *participia*. Сохранить эти отличные баллы составляло теперь цѣль его жизни. Но сіяніе счастья не было продолжительное. Вскорѣ роковое произношеніе разрушило все то, что создало усердіе, а непомѣрное количество предметовъ не позволяло ребенку посвятить каждому изъ нихъ столько времени, сколько этого требовала его изнуренная память. Случай увеличилъ еще число неудачъ. И Миша, и его товарищъ забыли мнѣ сказать про одно письменное упражненіе и не приготовили его. Послѣднему это сошло, такъ какъ его, какъ перваго ученика, даже не спрашивали о немъ; но Мишѣ сдѣлали публичный выговоръ въ школѣ съ угрозой, что онъ будетъ исключенъ, если съ нимъ еще разъ случится что-нибудь подобное. Учитель полагалъ, что онъ умышленно не сказалъ мнѣ объ упражненіи, чтобъ не готовить его, а мальчикъ, неспособный ни на малѣйшую ложь, не находилъ средствъ доказать свою невинность. Конечно, онъ могъ сказать въ свою защиту, что и товарищъ также забылъ объ этой задачѣ, но сдѣлать это — значило посрамить честь товарищества. Въ отвѣтъ на мои увѣренія нѣмецъ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что я поощряю лѣность въ мальчикѣ. Это обстоятельство стоило мнѣ не мало огорченія, но больше еще обезпокоилъ меня видъ Миши. Къ вечеру, думая, что я его не замѣчаю, онъ схватился обѣими руками за голову и произнесъ шопотомъ: «болитъ! болитъ! болитъ!» Письмо матери, въ которомъ она называла Мишу самыми нѣжными именами за тѣ отличные баллы, было для него новымъ ударомъ. «Да», говорилъ онъ, закрывая лицо руками, «хорошо же обрадую я маму!» На слѣдующій день, когда я подавалъ ему ранецъ съ книгами, онъ закачался и чуть не упалъ. Я не

хотѣлъ пускать его въ школу, но онъ увѣрялъ меня, что чувствуетъ себя совершенно хорошо; онъ просилъ только, чтобы проводить его въ классъ, такъ какъ боялся головокруженія. Въ полдень Миша возвратился опять съ неудовлетворительнымъ баломъ. Онъ получилъ его за урокъ, который онъ зналъ прекрасно, но, по словамъ товарища, испугался и не могъ сказать ни слова. Такимъ образомъ о немъ составили въ гимназіи рѣшительное мнѣніе, какъ о мальчикѣ, проникнутомъ «вредными идеями» и полномъ «дурныхъ инстинктовъ», тупымъ и лѣнивымъ. Противъ двухъ послѣднихъ упрековъ, о которыхъ онъ зналъ, онъ боролся, какъ утопающій съ волною—отчаянно, но безплодно. Слѣдствіемъ этой борьбы была совершенная утрата вѣры въ самого себя и въ собственныя силы; въ немъ выработалось безотрадное убѣжденіе, что его трудъ и усилія напрасны, что онъ никогда не научится правильному произношенію, а что долженъ плохо учиться, и въ то же время онъ зналъ, какъ посмотритъ на это мать, какъ она будетъ страдать, и какъ гибельно все это можетъ подѣйствовать на ея слабое здоровье. Патеръ изъ Залѣсина, нерѣдка писавшій Мишѣ, человѣкъ преданный ихъ дому, но крайне недальновидный, кончалъ каждое свое письмо словами: «Помни, Миша, что не только радости, но и здоровье матери зависятъ отъ твоихъ успѣховъ». Да, объ этомъ Миша помнилъ слишкомъ хорошо и даже во снѣ говорилъ тихимъ, печальнымъ голосомъ: «Мама! мама!» какъ-бы прося у нея прощенія. На яву же онъ получалъ все худшія отмѣтки.

Между тѣмъ, быстро приближались рождественскіе праздники, и нельзя было заблуждаться на счетъ аттестаціи. Я написалъ объ этомъ Маріи Ѳедоровнѣ, желая предупредить ее. Въ этомъ письмѣ я написалъ откровенно и рѣшительно, что дитя очень слабо и обременено работой, что, помимо усерднѣйшаго труда, оно не въ состояніи поладить со своимъ дѣломъ, и что, по всей вѣроятности, придется взять его изъ училища, воспитывать въ деревнѣ, а главнымъ образомъ—укрѣплять его здоровье. По полученному вскорѣ отъ нея отвѣту я догадался, что ея материнское самолюбіе нѣсколько задѣто, но все-таки она отвѣтила мнѣ, какъ умная женщина и любящая мать. Опасаясь волновать Мишу, я умолчалъ и объ этомъ письмѣ, и о намѣреніи взять его изъ гимназіи, а сказалъ ему только, что каковы бы ни были результаты его ученія — мать знаетъ, что онъ трудился и съумѣетъ оправдать его неудачи. Мои слова видимо облегчили его: онъ плакалъ долго отъ души, что̀ не случалось съ нимъ съ нѣкотораго времени. «Сколько горя я причиняю мамѣ!» говорилъ онъ плача.

Однако при мысли, что скоро уѣдетъ въ деревню, увидитъ мать, маленькую Лелю и патера, онъ улыбался сквозь слезы. И я также стремился въ Залѣсино, такъ какъ не въ состояніи уже былъ дольше смотрѣть на состояніе ребенка. Тамъ ждало его сердце матери, вниманіе окружающихъ, тишина и успокоеніе. Тамъ ученье приметъ родной обликъ, благосклонный, не чужой и отталкивающій; тамъ атмосфера будетъ чистая, родная, и грудь дитяти будетъ дышать сладко и такъ легко, легко... Я ждалъ для него праздниковъ, какъ спасенія, и по пальцамъ считалъ дни, которые насъ отъ нихъ отдѣляли и которые приносили Мишѣ все новыя огорченія. Казалось, все сговорилось вредить ему. «Въ видахъ бо́льшаго упражненія» въ языкѣ, употребляемомъ въ гимназіи, дѣтямъ приказано было не употреблять другого въ разговорѣ. Миша забылся, и какъ «деморализирующій» получилъ опять публичный выговоръ. Это имѣло необыкновенное значеніе, такъ какъ случилось какъ разъ передъ праздниками. Не берусь описывать, какъ это подѣйствовало на самолюбиваго и впечатлительнаго ребенка: какой хаосъ поднялся въ его головѣ! Все рвалось въ этой дѣтской груди, и онъ передъ собою, вмѣсто свѣта, видѣлъ непроглядную тьму. Бѣдняжка, онъ сгибался подъ бременемъ неудачъ, какъ колосъ подъ вліяніемъ бурнаго вѣтра. Наконецъ, лицо этого одиннадцатилѣтняго ребенка приняло трагическое выраженіе: онъ глядѣлъ такъ, какъ будто слезы постоянно сдавливали ему горло, и словно онъ силою сдерживалъ рыданія; порою глаза его походили на глаза страдающей птички; потомъ его охватывала странная задумчивость и сонливость; движенія становились безсознательными и голосъ необыкновенно вялымъ. Иногда, пользуясь нѣсколькими минутами свободнаго времени, я ему говорилъ, что намъ слѣдовало бы прогуляться. Миша не прекословилъ, какъ это бывало прежде, а бралъ фуражку и шелъ за мною, не говоря ни слова. Я былъ бы очень радъ, еслибъ могъ замѣтить въ немъ равнодушіе, но, къ сожалѣнію, подъ этой наружностію крылось отчаяніе, молчаливая покорность ужасной судьбѣ. Онъ принимался за уроки, рѣшалъ задачи, какъ и прежде, но болѣе по привычкѣ. Замѣтно было, что, повторяя машинально спряженія, онъ думалъ о другомъ, или, вѣрнѣе, ни о чемъ не думалъ. Однажды, когда я его спросилъ, все ли приготовилъ, онъ отвѣчалъ вяло и сонно: «Мнѣ кажется, что изъ этого ничего не выйдетъ». Я боялся при немъ намекнуть даже о матери, чтобы не переполнить чаши горечи, которую испивали его дѣтскія уста.

Смотря на постепенно вянувшее тѣло мальчика, я приходилъ въ ужасъ. Жилки на вискахъ, которыя прежде показывались,

когда онъ былъ въ очень веселомъ настроеніи духа, теперь были видны постоянно. Онъ похорошѣлъ до того, что сдѣлался похожимъ на писаную картину. Сердце сжималось, смотря на этого ангела-ребенка, который производилъ впечатлѣніе вянущаго цвѣтка. Съ перваго взгляда онъ казался въ нормальномъ состояніи, но въ сущности онъ худѣлъ и терялъ силы. Ему тяжело было носить ранецъ съ книгами, и чтобы не обременять слабыхъ силъ мальчика, я клалъ въ него только нѣкоторыя книги, а остальныя носилъ самъ, такъ какъ въ послѣднее время я всегда провожалъ его въ школу и заходилъ за нимъ по окончаніи классовъ.

Наконецъ, наступили праздники. Марія Ѳедоровна прислала за нами лошадей изъ Залѣсина, въ письмѣ же она увѣдомляла насъ, что всѣ ждутъ насъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и оканчивала словами: «Я слышала, что тебѣ очень трудно учиться и уже не жду больше отличныхъ балловъ, но желательно было бы для меня, чтобы всѣ твои учителя думали такъ же, какъ и я, что ты дѣлалъ все, что въ состояніи былъ сдѣлать, и что хорошимъ поведеніемъ старался вознаградить неудовлетворительные успѣхи».

Но, къ сожалѣнію, учителя были совсѣмъ противоположнаго мнѣнія — слѣдовательно, и тутъ надежда рушилась. Послѣдній выговоръ касался непосредственно поведенія мальчика, — и въ этомъ отношеніи мнѣнія учителей и матери совершенно расходились. По мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, только тѣ дѣти вели себя хорошо, которыя на ихъ насмѣшки надъ народными преданіями и языкомъ отвѣчали улыбкой. Въ силу такихъ нравственныхъ правилъ, Миша, какъ не подающій надеждъ на успѣшное окончаніе курса и напрасно отнимающій мѣсто у другихъ, былъ исключенъ изъ школы. Съ этимъ приговоромъ онъ вернулся вечеромъ домой. На дворѣ шелъ большой снѣгъ, въ комнатѣ было уже почти темно, и я не могъ замѣтить перемѣны въ лицѣ ребенка. Я видѣлъ только, какъ онъ подошелъ къ окну и сталъ безучастно глядѣть на падающія хлопья снѣга, кружившіяся въ воздухѣ. Не завидны должны были быть его мысли, которыя, на подобіе снѣжныхъ хлопьевъ, кружились въ его бѣдной головкѣ; но я предпочелъ не говорить съ нимъ ни о приговорѣ, ни объ отмѣткахъ. Такъ прошло около четверти часа гнетущаго молчанія. Въ комнатѣ между тѣмъ почти совсѣмъ стемнѣло. Я сталъ укладывать вещи въ сундукъ, и, видя, что Миша все еще стоитъ у окна, спросилъ у него:

— Миша, что ты тамъ дѣлаешь?

— Вѣдь правда, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ и зан-

каясь на каждомъ словѣ, — что мама и Леля сидятъ теперь у камина въ зеленомъ кабинетѣ и говорятъ обо мнѣ?

— Очень можетъ быть, но почему у тебя голосъ дрожитъ? не боленъ ли ты?

— Нѣтъ, ничего, только мнѣ какъ-то очень холодно.

Я уложилъ его въ постель и, раздѣвая его, съ горестью смотрѣлъ на его исхудалыя ноги и руки, точно соломинки. Я ему велѣлъ напиться чаю, а потомъ накрылъ его одѣяломъ, сколько могъ, теплѣе.

— Что, стало теперь теплѣе?

— О, да! Голова немного болитъ.

Бѣдная голова! — и было отчего ей болѣть! Уставшій ребенокъ вскорѣ уснулъ и тяжело поднималась его узенькая грудь; я же покончилъ съ укладкой вещей и, чувствуя себя тоже не совсѣмъ здоровымъ, легъ въ постель. Погасивъ свѣчку, я сейчасъ же уснулъ.

Около трехъ часовъ ночи меня разбудилъ свѣтъ лампы и знакомый мнѣ монотонный голосъ, повторяющій латинскія спряженія. Я открылъ глаза и сердце мое тревожно забилось. На столѣ горѣла лампа, а Миша сидѣлъ за книгою въ одной рубашкѣ; щечки его пылали, глаза полузакрыты, какъ-бы для лучшаго напряженія памяти, голова была наклонена, сонный голосъ повторялъ:

— *Conjunctivus*: *Amem*, *ames*, *amet*, *ametmus*, *ametis*...

— Миша!

— *Conjunctivus*: *Amem*, *ames*...

Я его дернулъ за плечо:

— Миша!

Онъ проснулся, началъ хлопать глазами удивленно, какъ будто не узнаетъ меня.

— Что ты дѣлаешь? что съ тобою?

— Я повторяю все сначала, — отвѣтилъ онъ, улыбаясь, — завтра я долженъ получить пятерку...

Я взялъ его на руки и положилъ въ кровать; тѣло его горѣло, какъ огонь. Къ счастію, въ этомъ же домѣ жилъ докторъ, я сію минуту привелъ его. Докторъ недолго задумывался. Онъ пощупалъ пульсъ ребенка, приложилъ руку къ головѣ и опредѣлилъ болѣзнь: у Миши было воспаленіе мозга.

Ахъ! много, должно быть, не могло помѣститься въ головѣ ребенка!..

Болѣзнь съ каждой минутой все болѣе и болѣе усиливалась. Я послалъ телеграмму Маріи Ѳедоровнѣ, и на слѣдующій день

сильно дернутый звонокъ извѣстилъ меня о ея прибытіи. Когда я взглянулъ на нее, лицо ея подъ чернымъ вуалемъ было блѣдно, какъ полотно; рука ея съ необыкновенной силой опиралась на мое плечо, глаза ея тревожно впились въ меня, когда она спросила:

— Живъ?

— Да, докторъ сказалъ, что теперь лучше.

Она откинула вуаль, мокрый отъ дыханія, и бросилась въ комнату ребенка. Я говорилъ неправду. Миша былъ еще живъ, но ему не было лучше. Онъ не узналъ матери, которая сѣла возлѣ него и держала его руки въ своихъ. Только тогда, когда я ему положилъ на голову свѣжій ледъ, онъ сталъ жмурить глаза и усиленно всматриваться въ наклоненное къ нему лицо матери. Онъ видимо напрягалъ всѣ усилія къ тому, чтобы побороть мучившій его жаръ и бредъ, губы его дрожали, онъ улыбнулся и наконецъ прошепталъ:

— Мама!..

Она схватила его за обѣ руки и просидѣла такъ нѣсколько часовъ, даже не скинувъ съ себя дорожнаго платья. Только тогда, когда я обратилъ на это ея вниманіе, она сказала:

— Правда, я забыла снять шляпку.

Когда она сняла шляпку, сердце мое сжалось. Между бѣлокурыми волосами, украшавшими ея молодую голову, просвѣчивали частыя серебристыя нити. Три дня тому назадъ ихъ можетъ быть не было еще.

Теперь она сама перемѣняла примочки и подавала мальчику лекарство. Миша слѣдилъ за ней глазами, куда бы она ни повернулась, но опять не узналъ ея. Вечеромъ жаръ усилился. Въ бреду онъ декламировалъ какое-то стихотвореніе, по временамъ говорилъ на языкѣ, предписанномъ къ употребленію въ гимназіи, или склонялъ латинскія слова. Я постоянно уходилъ изъ комнаты, такъ какъ не могъ этого слушать. Еще будучи здоровымъ, онъ тайкомъ выучилъ литургію, желая доставить этимъ сюрпризъ матери, и теперь дрожь пробѣгала по всему тѣлу, когда это одиннадцатилѣтнее дитя повторяло въ предсмертной агоніи монотоннымъ ужасающимъ голосомъ: «Deus meus, deus meus, quare me repulisti et quare tristis incedo dum afligit me inimicus!» Не съумѣю выразить, какое гнетущее впечатлѣніе производили на меня эти слова.

Это былъ канунъ Рождества Христова. Съ улицы долеталъ гулъ, говоръ и бренчаніе колокольчиковъ у саней. Городъ принималъ праздничный, радостный видъ. Когда уже совершенно

стемнѣло, видно было сквозь окна, по другую сторону улицы, ёлку, горящую свѣчами, увѣшанную золотыми и серебряными блестящими орѣхами, и вокругъ этой ёлки дѣтскія головки съ темными и свѣтлыми развѣянными кудрями, прыгающія точно на пружинахъ. Окна горѣли свѣтомъ, а комнаты наполнялись криками радости и удивленія. Голоса, долетающіе съ улицы, были веселы, и радость становилась общей; только нашъ мальчикъ повторялъ: «Deus meus, deus meus, quare me repulisti?» Къ воротамъ подошли мальчики колядующіе и запѣли рождественскія пѣсни. Приближалась ночь Рождества, а мы трепетали, чтобъ она не стала ночью смерти. Была минута, когда намъ казалось, что мальчикъ пришелъ въ сознаніе, такъ какъ началъ звать мать и Лелю, но это продолжалось недолго. Его учащенное дыханіе по временамъ совершенно прекращалось. Нельзя было заблуждаться. Эта маленькая душа только на половину была между нами. Умъ его давно оставилъ худенькое тѣло, а теперь улетѣлъ онъ самъ въ какую-то мрачную даль и безконечность и не видѣлъ и не чувствовалъ ничего, даже головы матери, которая лежала у его ногъ, полумертвая. Онъ сталъ совершенно равнодушнымъ и не смотрѣлъ больше на насъ. Каждое дыханіе его груди удаляло его и будто заслоняло мракомъ. Болѣзнь понемногу тушила искры жизни. Отяжелѣвшія руки ребенка лежали неподвижно, носъ его заострялся, а лицо принимало холодное, строгое выраженіе. Дыханіе только становилось все чаще и наконецъ стало напоминать шопотъ часовъ. Еще одно мгновеніе, одинъ вздохъ — и послѣднее зернышко песку должно было упасть въ жизненныхъ часахъ: долженъ былъ наступить конецъ.

Къ полуночи намъ показалось, что онъ уже кончается, такъ какъ онъ началъ хрипѣть и стонать, какъ человѣкъ захлебывающійся водою, а потомъ вдругъ умолкъ. Но зеркальце, которое докторъ приложилъ ему ко рту, еще покрылось потомъ. Часъ спустя жаръ уменьшился: всѣ мы думали, что онъ спасенъ. И докторъ возымѣлъ маленькую надежду. Бѣдной Маріи Ѳедоровнѣ сдѣлалось дурно.

Въ теченіи двухъ часовъ ему все дѣлалось лучше. Къ утру, такъ какъ я бодрствовалъ уже четвертую ночь у постели мальчика и кашель все больше мучилъ меня, я вышелъ въ переднюю и, бросившись на кровать, уснулъ. Голосъ Маріи Ѳедоровны разбудилъ меня. Я думалъ, что она зоветъ меня, но въ ночной тишинѣ я разслышалъ явственно: «Миша! Миша!» У меня волосы стали дыбомъ, когда я понялъ, какимъ страннымъ голосомъ она

звала ребенка; но прежде чѣмъ я успѣлъ подняться, она вбѣжала въ переднюю и дрожащими губами прошептала:

— Миша... умеръ!

Я бросился стремительно къ постели мальчика. Да! Положеніе головы на подушкѣ, открытый ротъ, глаза, неподвижно устремленные на одну точку, скованныя черты лица не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія: Миша умеръ!

Я накрылъ его одѣяломъ, которое мать сдернула съ его исхудалаго тѣла, закрылъ ему глаза, а потомъ долго долженъ былъ приводить въ чувство Марію Ѳедоровну. Первый день праздниковъ прошелъ въ приготовленіи къ похоронамъ; тяжелая эта была задача, такъ какъ мать не хотѣла покинуть трупа сына, а силы ей постоянно измѣняли. Она упала въ обморокъ, когда пришли брать мѣрку для гроба, потомъ когда стали одѣвать покойника и, наконецъ, когда ставили катафалкъ. Ея отчаяніе встрѣчалось на каждомъ шагу съ равнодушіемъ гробовщиковъ, привыкшихъ къ такимъ видамъ, и перешло почти въ бредъ. Она сама укладывала въ гробу стружки подъ атласомъ и бредила, точно въ жару, что голова ребенка лежитъ слишкомъ низко. А между тѣмъ Миша лежалъ на кровати, одѣтый въ новый мундиръ и бѣлыя перчатки, неподвижный, равнодушный ко всему: и къ выговорамъ нѣмецкихъ педагоговъ, и къ латинскимъ спряженіямъ, и къ обязательному языку. Наконецъ, мы положили покойника въ гробъ и поставили на катафалкъ, окруженный двумя рядами свѣчей. Комната, въ которой этотъ бѣдный ребенокъ просклонялъ столько латинскихъ словъ, перерѣшилъ столько задачъ, обратилась будто въ часовню, такъ какъ притворенные ставни не пропускали дневного свѣта, а нѣжный мерцающій блескъ свѣчей придавалъ стѣнамъ церковный, торжественный видъ. Со времени полученія послѣднихъ отличныхъ балловъ я не видѣлъ у Миши такого яснаго выраженія лица. Его тонкій профиль, обращенный къ потолку, кротко улыбался, словно этотъ мальчикъ былъ радъ этому вѣчному отдохновенію смерти и чувствовалъ себя счастливымъ. Мерцаніе свѣчей придавало его лицу и этой улыбкѣ видъ жизни и сна. Мало-по-малу стали сходиться его товарищи, которые не уѣхали на праздники. Глаза дѣтей расширялись съ изумленіемъ при видѣ свѣчей, катафалка и гроба. Быть можетъ, эти маленькіе мундирчики удивлялись строгому выраженію и роли товарища. Еще такъ недавно онъ былъ среди нихъ, какъ они, сгибался подъ тяжестью ранца, переполненнаго нѣмецкими книгами, получалъ худые баллы, наставленія и публичные выговоры, отличался дурнымъ произношеніемъ; всякій

изъ нихъ могъ его дернуть за ухо или за волосы, а теперь онъ лежалъ выше всѣхъ ихъ, торжественный и спокойный, окруженный свѣтомъ; всѣ приближались къ нему съ уваженіемъ и извѣстной тревогой, и даже его другъ, хотя онъ и былъ первымъ ученикомъ, въ сравненіи съ нимъ ничего не значилъ. Мальчики, толкая другъ друга локтями, перешептывались, что теперь онъ уже ни о чемъ не заботится, и что еслибъ даже вошелъ «Herr Inspektor», то онъ не вскочилъ бы уже, не испугался бы, но улыбался бы такъ же спокойно; что онъ тамъ можетъ дѣлать рѣшительно все, что̀ ему вздумается, шумѣть, сколько захочетъ, и говорить на какомъ угодно языкѣ — съ маленькими ангелами съ крыльями на плечахъ.

Перешептываясь такимъ образомъ, они приближались къ гробу и произносили заупокойную молитву.

На слѣдующій день закрыли гробъ, привѣрпили крышку гвоздями и повезли на кладбище, гдѣ комки песку, перемѣшанные со снѣгомъ, вскорѣ скрыли его навсегда передъ моими глазами. Теперь, когда я это пишу, прошелъ уже почти годъ съ того печальнаго времени, но я помню и жалѣю тебя, маленькій Миша, ты, преждевременно увядшій цвѣтокъ. У тебя было неправильное произношеніе, но за то честное любящее сердце. Не знаю, гдѣ ты и слышишь ли ты меня, но знаю, что твой учитель кашляетъ все больше, что онъ все печальнѣе, все болѣе одинокъ, и скоро, можетъ быть, послѣдуетъ за тобою...

Н.

ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА

и

ДЕКАМЕРОНЪ

Историко-литературные очерки.

VI *).

Въ дни Боккачіо жизнь была проще и естественѣе, характеры не сложны, а проявленія ихъ какъ нельзя болѣе цѣльны и рѣшительны—все это подтверждается не только цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ приключеній, отъ которыхъ зависитъ интересъ новеллъ *второго дня*, но и всѣмъ содержаніемъ разсказовъ *третьяго дня*. Въ нихъ говорится о томъ, какъ люди хитростью, тонкостью (industria) достигали желаемаго или возвращали себѣ потерянное. Очевидно, что эта тэма опять дастъ большой просторъ итальянской beffa, т.-е. опять красота лжи и обмана составитъ существенный интересъ новеллы; но, кромѣ того, мотивъ этотъ осложняется еще тѣмъ, что желаемое и теряемое относится здѣсь почти исключительно къ удовлетворенію физической страсти, industria связана съ силою животныхъ аппетитовъ, потому разсказы эти совершенно невозможны для чтенія въ наше время. Къ тому же, помимо грязнаго содержанія, самыя достоинства Боккачіо, какъ разсказчика, обращаются тутъ противъ него: тщательность отдѣлки, не останавливающаяся ни передъ какими подроб-

*) См. выше: февраль 568 стр.

ностями въ описаніи, юморъ автора, комизмъ его, который здѣсь выражается однимъ цинизмомъ, словомъ, весь его талантъ повѣствователя, примѣненный къ невозможному содержанію, способствовалъ грустной репутаціи его, какъ крайне скабрёзнаго писателя, и составляетъ самую яркую черту великаго творенія. Но можно ли строго винить автора за вольность пера,—о которой онъ самъ впослѣдствіи жалѣлъ, если онъ свои новые художественные пріемы повѣствованія, вѣрность наблюденія, близость къ жизни, реализмъ, влагалъ въ тотъ матеріалъ, который давала ему его эпоха? Эти сюжеты въ большинствѣ случаевъ не сочинялись имъ, а являлись въ «Декамеронъ» изъ народныхъ вымысловъ: заимствованія ихъ ученые изслѣдователи могутъ указать въ длинномъ рядѣ европейскихъ и не-европейскихъ повѣстей; они составляютъ, наконецъ, одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ всей средневѣковой поэтической мысли.

Обыкновенно у насъ съ понятіемъ объ искусствѣ среднихъ вѣковъ возникаетъ образъ величественнаго готическаго собора, представленіе о творчествѣ, знавшемъ одни только грандіозно-идеальные отвлеченные пути мысли; мы невольно думаемъ объ архитектурѣ, проникнутой религіозными стремленіями, о настроеніи эпохи, воплощенномъ въ красотѣ готики, этой наиболѣе послѣдовательной, строго-логической, единственной, можно сказать, формѣ монументальнаго искусства, правильно развившейся въ цѣльный законченный организмъ; мы привыкли не даромъ видѣть въ этихъ формахъ искусства выраженіе высокихъ, недостижимыхъ, неземныхъ идеаловъ, находить въ нихъ ту идею религіознаго восторга и вмѣстѣ церковнаго авторитета, которою отмѣчены какъ наука и искусство эпохи, такъ и ея великія историческія явленія — рыцарство, папство, крестовые походы... Это направленіе ума, хотя и было господствующимъ, но оно не могло заглушить всѣхъ другихъ потребностей умственной жизни. Какъ противовѣсомъ рыцарской эпопеѣ—являлся фаблью, а искусственно-аллегорическому строю придворной поэзіи—юмористическій реализмъ народныхъ книгъ, народныхъ повѣстей, такъ точно и въ противоположность аскетическому духу религіознаго ученія, налагавшаго запрещеніе на всѣ земныя радости и утѣхи, народный умъ создавалъ, заимствовалъ, усвоивалъ тѣ темы разсказа, въ которыхъ не только осмѣивались служители церкви, не только поощрялся обманъ, ловкость преступленія, но торжествовала молодая, полная силъ природа человѣка, желавшая въ жизни видѣть и веселыя, свѣтлыя ея стороны. Протестомъ противъ исключительности церковнаго ученія, всюду видѣвшаго образы стра-

данія и смерти, а радостей искавшаго только въ загробной жизни, въ идеальной области небесныхъ видѣній,—протестомъ, быть можетъ, безсознательнымъ, является тотъ новый родъ поэзіи, въ которомъ народное воображеніе выше всѣхъ нравственныхъ интересовъ ставило чувственныя наслажденія, удовлетвореніе земной страсти, особенно если оно достигалось помощью плутовства, мошенничества. Поэтому тотъ флорентинецъ XIV-го вѣка, который за красотой тонко-веденной интриги не видѣлъ безнравственности лжи и обмана, не оскорблялся и рядомъ тѣхъ повѣстей, въ которыхъ главную роль играла чувственность, не взиравшая ни на семейныя связи, ни на достоинство человѣка. Поэтому и Боккачіо, собравши въ художественныхъ разсказахъ «Декамерона» всѣ элементы повѣсти, удѣлилъ такъ много мѣста разсказамъ, анекдотамъ и приключеніямъ, острота которыхъ совершенно непонятна въ нашъ вѣкъ. А въ то время не только на югѣ, гдѣ страсти вообще сказываются рѣзче и откровеннѣе, но и на сѣверѣ въ самыхъ знаменитыхъ произведеніяхъ поэзіи—вспомнимъ *Чоусера*, Canterbury Tales—юморъ, комизмъ, немыслимы были безъ цинизма; а потомъ и гораздо позднѣе, въ драмахъ, не говоря уже про комедіи итальянскаго возрожденія, Макіавелли, кардинала Биббьены и друг., у предшественниковъ Шекспира, да и у великаго драматурга самого на сценѣ такая широкая игра физическихъ силъ, такая грубая, необузданная страсть животныхъ аппетитовъ, что «Декамеронъ» въ этомъ отношеніи не представляетъ исключительнаго явленія.

Грустныя и грязныя стороны жизни выводились въ повѣсти не только ради ихъ первобытнаго, низшаго рода комизма; но такъ какъ вообще физическая жизнь у мало-развитаго общества заявляетъ себя очень громко, то она должна находить отраженіе свое и въ литературѣ. А въ то время, когда общество объединяется только религіозной идеей, основываетъ свои нравственныя понятія на церковномъ авторитетѣ, на религіозномъ вѣрованіи: произволъ страстей этими понятіями сдерживаться не можетъ, извѣстно, что молодость народа вовсе не есть время наибольшей чистоты его нравовъ, напротивъ, только съ развитіемъ просвѣщенія и образованія укрѣпляются его семейныя связи, является тотъ взглядъ на женщину, который уважаетъ въ ней ея человѣческое достоинство, и котораго не знаетъ общество на ранней степени развитія. Въ вѣкъ же Боккачіо грубость нравовъ господствовала одинаково во всѣхъ классахъ общества. Тотъ типъ благороднаго рыцаря, который созданъ нѣмецкою романтическою школою XIX-го вѣка и въ которомъ мы видимъ обыкновенно

представителя средневѣкового военнаго сословія, существуетъ только въ фантазіи поэтовъ, не видавшихъ, за искусственной фальшью рыцарской поэзіи, ея дѣйствительныхъ основъ. А на дѣлѣ рыцари, которые служили носителями и защитниками идеальныхъ стремленій своего вѣка, воспѣвая высокія добродѣтели, чистую любовь,—въ жизни высказывали ту же первобытную необузданность инстинктовъ, какъ и низшее сословіе, и ихъ поэты, ставившіе такъ высоко поклоненіе, обожаніе женщины, прикрывали изощреннымъ формами разныхъ «судовъ любви» и т. п. слабость семейныхъ узъ и безнравственность домашняго быта. Да оно и не могло быть иначе: та же юность, свѣжесть чувства, непосредственность, энергія желанія, душевнаго импульса, которая порождала силу религіознаго возбужденія, та же сила молодого темперамента сказывалась и въ неумѣньѣ владѣть своими страстями, сдерживать влеченія физической природы, и вызывала, какъ возмутительный комизмъ новеллы, такъ и грубость, дикую жестокость трагическихъ столкновеній, разыгрывавшихся и въ придворной и въ буржуазной средѣ. Отъ этого Боккачіо не разбираетъ сословій въ своихъ скандальныхъ исторіяхъ; черпая ихъ изъ народной изустной и письменной литературы, онъ какъ нельзя болѣе вѣренъ своимъ источникамъ, которые подобныя похожденія приписывали одинаково, какъ королямъ, рыцарямъ, горожанамъ, такъ и духовнымъ лицамъ, т.-е. непосредственно отражали существовавшіе нравы. Правда, что и въ народную литературу эти скандальные сюжеты шли дальними путями, приходили съ востока, гдѣ иныя условія цивилизаціи порождали и иныя условія семейныхъ и нравственныхъ отношеній, приходили и изъ тѣхъ поздне-греческихъ повѣстей и романовъ, переживпихъ античную словесность, въ которыхъ чувственная эротика составляла главный элементъ разсказа, въ которыхъ выразилась вся испорченность общества, доживающаго послѣдніе дни. Но какими бы путями и откуда бы ни проникали въ Европу эти смѣшанные полу-восточные, полу-классическіе, на-половину религіозно-аскетическіе (буддистскіе), на-половину утонченно-развращенные (александрійскіе) элементы повѣсти, несомнѣнно, что они находили благодарную почву въ воображеніи молодыхъ народовъ, встрѣчавшихъ въ нихъ ту же распущенность, ту же неурядицу нравственныхъ отношеній, которую они видѣли и въ своей неустановившейся жизни. Сила аппетита, удовлетвореніе страсти путемъ насилія, обмана, всяческихъ продѣловъ, въ то время казавшихся очень смѣшными, являлись въ литературѣ прямымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности, поддерживались всѣмъ

складомъ современнаго общества [1]). Поэтому-то, если въ нашемъ романѣ незаконная любовь даетъ автору возможность заглянуть по-глубже во внутреннюю жизнь героевъ, раскрыть передъ читателемъ цѣлый міръ чувствъ и страданій, вызываемыхъ осложняющимися отношеніями дѣйствующихъ лицъ, то старинному разсказчику привлекалъ въ такомъ сюжетѣ одинъ голый фактъ преступленія, мало возмущавшій его нравственное чувство: любовная интрига была занимательна тѣми обманами и ловушками, которыми сопровождалась, тѣми водевильными недоразумѣніями и коллизіями, которыми обставлялъ ее авторъ-юмористъ.

Впрочемъ, если художественной повѣсти эпоха придавала часто характеръ скабрёзнаго водевиля, то она же обусловила и высокій трагизмъ новеллъ слѣдующаго, *четвертаго дня* «Декамерона». Въ нихъ стихійная сила мало развитой природы человѣческой сказалась не въ одной неудержимой страстности животныхъ побужденій, но и въ строгомъ, мрачномъ колоритѣ описываемыхъ событій. Этотъ день посвященъ разсказамъ о жертвахъ несчастной любви—si ragiona di coloro li cui amori ebbero infelice fine. Здѣсь любовь, бо́льшею частью естественное, сильное чувство, имѣетъ несчастный исходъ, или вслѣдствіе неумѣренной пылкости страсти: такъ, въ Nov. 3, женщина изъ ревности отравляетъ своего любовника и разрушаетъ счастіе всего семейства; или вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій, въ видѣ неравенства общественныхъ положеній; вслѣдствіе естественной коллизіи, возникающей при незаконной любви замужней женщины,—Nov. 9: мрачная исторія гр. Руссильонскаго, пославшаго женѣ сердце ея любовника, отчего та лишила себя жизни; или, наконецъ, вслѣдствіе коллизіи любви и чести, любви и родительской воли: Nov. 9—внукъ короля сицилійскаго хочетъ похитить влюбленную въ него дочь Туниссаго короля въ то время, какъ ее везутъ къ назначенному ей отцомъ жениху; овладѣваетъ ея кораблемъ, несмотря на обѣщаніе, данное его дѣдомъ, причемъ свита бросаетъ невѣсту въ море, а его казнитъ дѣдъ за то, что онъ нарушилъ его рыцарское слово. Въ этихъ разсказахъ главными мотивами дѣйствія, основами разсказа являются тѣ страсти и чувства, ко-

[1]) Ниже, по поводу новеллъ седьмого дня, придется еще разъ вернуться къ вопросу о цинизмѣ „Декамерона". Мы увидимъ, что этотъ характеръ Боккачіевой повѣсти, съ одной стороны, обусловливался указаннымъ отчасти настроеніемъ эпохи, а съ другой—вызывался извѣстными потребностями народнаго ума, той степенью эстетическаго развитія, на которой находится народъ, создающій подобные сюжеты. Самъ же новеллистъ и въ этомъ случаѣ пользовался только тѣмъ, что ему давало народное творчество.

торыя хотя и подъ измѣнившимися формами, никогда не устарѣютъ въ человѣчествѣ; отсюда и глубокій интересъ этихъ разсказовъ, не говоря уже про совершенство ихъ формы, зависѣвшее отъ крайне несложнаго ихъ содержанія. Отъ этого, хотя въ бо́льшей части этихъ разсказовъ мы и не можемъ не удивляться терпимости автора къ человѣческой слабости, яркости тѣхъ красокъ, которыми онъ рисуетъ самыя неудобныя положенія, но эта беззастѣнчивая точность описанія, излишняя въ наше время детальность разсказа, не оскорбляютъ такъ нравственнаго чувства, а содѣйствуютъ полнотѣ и цѣльности общаго впечатлѣнія: впечатлѣніе это заставляетъ насъ чувствовать въ лицахъ этихъ разсказовъ сильный, здоровый темпераментъ, въ которомъ всякое чувство имѣетъ возможность развернуться со всѣмъ пыломъ страсти, въ которомъ всякое движеніе сердца есть проявленіе нетронутыхъ душевныхъ силъ въ молодомъ необузданномъ организмѣ. Здѣсь молодость народа сказывается не однимъ избыткомъ физической жизни, сила страсти не однимъ злоупотребленіемъ ею, какъ въ предшествующемъ отдѣлѣ разсказовъ, не однѣми грязными продѣлками и проказами, но и горячностью, глубиною сердечнаго чувства; тутъ любовь производитъ трагическія столкновенія внолнѣ цѣльныхъ характеровъ, вѣрныхъ одному чувству, несложныхъ и не надорванныхъ многовѣковою цивилизаціею: тутъ ненависть, месть, ревность, гнѣвъ проявляются въ широкихъ размѣрахъ, которые превышаютъ пониманіе нашего сѣвернаго, слабонервнаго поколѣнія. Здѣсь коллизіи чувствъ разрѣшаются не только убійствомъ, не только кинжалъ, ядъ служатъ мстителями за поруганную честь,—здѣсь (Nov. 1 и 9) вынимается изъ трупа сердце любовника и подносится одинъ разъ дочери оскорбленнымъ отцомъ, другой разъ мужемъ невѣрной женѣ. Но подъ жестокостью этихъ нравовъ великій писатель умѣлъ угадать черты общечеловѣческой природы, художественное изображеніе которой не можетъ не поражать насъ своей искренностью и правдивостью; умѣлъ возсоздать живыхъ людей, подъ историческимъ характеромъ которыхъ мы чувствуемъ нѣчто родственное намъ, хотя и далеко превосходящее насъ грубой энергіею и непосредственностью чувства. Въ этой жизненности характеровъ, близкихъ намъ, несмотря на разстояніе столькихъ вѣковъ, — сказался талантъ безсмертнаго поэта, создавшій и безукоризненную форму новеллъ: изъ всѣхъ повѣстей «Декамерона» этотъ отдѣлъ ихъ наиболѣе замѣчателенъ по своимъ литературнымъ достоинствамъ, по художественной законченности,

по тому совершенству разсказа, которое никогда не утеряетъ своего значенія въ словесномъ искусствѣ.

А что эти новеллы были вполнѣ вѣрны духу эпохи и націи, среди которыхъ возникли, хотя заимствовались изъ древнихъ и далекихъ источниковъ, что ихъ за то высоко цѣнили современники, доказывается ихъ необыкновенною популярностью: такъ, ни одна новелла не переводилась, не передѣлывалась, не обработывалась такъ часто, какъ первая новелла этого дня: она переведена была латинской прозой, латинскими стихами, итальянскими октавами; она составляетъ содержаніе пяти итальянскихъ трагедій и одной англійской XVI вѣка; она разсказана французскими стихами и англійскими, и наконецъ обработана Драйденомъ въ драмѣ Sigismunda and Guiscardo. Содержаніе знаменитой повѣсти крайне не сложно: Танкредъ, князь Салернскій, такъ безумно любитъ единственную дочь свою, вдову, что держитъ ее при своемъ дворѣ и не отдаетъ ее замужъ; молодая женщина влюбляется въ юношу, служащаго при отцѣ, и часто принимаетъ его у себя черезъ потаенный ходъ. Отецъ однажды дѣлается незамѣтнымъ свидѣтелемъ ихъ свиданія, приказываетъ убить молодого человѣка, а дочь осыпаетъ упреками за то, что она не только забыла свою честь, но и избрала человѣка, стоящаго по сословію гораздо ниже ея. Послѣ длиннаго діалога, въ которомъ отецъ и дочь упрекаютъ другъ друга съ одинаковымъ правомъ и одинаковымъ краснорѣчіемъ, дочери приносятъ въ золотой чашѣ сердце ея возлюбленнаго; она наливаетъ себѣ яду, выпиваетъ его, ложится на постель и, держа въ рукахъ то, что ей было дороже всего на свѣтѣ—сердце возлюбленнаго, умираетъ. Въ этомъ несложномъ разсказѣ, въ фактическомъ описаніи смерти, которая является естественнымъ завершеніемъ глубокой страсти, такъ много истиннаго трагизма, что совершенно понятно, почему повѣсть эта служила сюжетомъ стольких трагедій.

Вообще въ этихъ новеллахъ Боккачіо не жалѣетъ драматическихъ средствъ для потрясающихъ эффектовъ; но эффекты эти выводятся на сцену только какъ послѣдствія извѣстныхъ крайностей чувства, какъ проявленія необузданныхъ страстей. Сильное, горячее чувство молодыхъ людей оттѣняется въ иныхъ повѣстяхъ темными предчувствіями несчастнаго конца; черные сны являются предвѣстниками страданія, разлуки. Такъ, одна изъ этихъ новеллъ (Nov. 6) по силѣ и поэзіи страсти, которою проникнута, имѣетъ нѣчто родственное съ твореніемъ Шекспира «Ромео и Юлія» (заимствованнымъ, какъ извѣстно, изъ итальян-

ской новеллы). Андреола, дочь богатыхъ родителей, полюбила сосѣда, Габріотто, прекраснаго и достойнаго юношу, но по званію стоящаго ниже ея. Молодые люди сходятся часто въ саду и кончаютъ тѣмъ, что вступаютъ въ тайный бракъ. Андреола видитъ однажды во снѣ, что они находятся въ саду, и нѣчто темное и ужасное, образа чего она не можетъ опредѣлить, отнимаетъ у ней Габріотто и скрываетъ его подъ землею. Напуганная, она пропускаетъ одно свиданіе, а когда встрѣчается на другой разъ съ нимъ въ саду, объявляетъ, почему она не была, и разсказываетъ сонъ. Онъ старается уговорить ее и, въ доказательство того, что не придаетъ снамъ никакого значенія, разсказываетъ ей свой собственный сонъ: онъ видѣлъ, что приручилъ хорошенькую бѣленькую козу, и однажды, покуда она ласкалась къ нему, на него бросилась страшная, черная собака, стала кусать его въ лѣвый бокъ и прогрызла его до самаго сердца. Такой сонъ, конечно, ничего не имѣетъ успокоительнаго, и молодая женщина не перестаетъ тревожиться: ей все кажется, что вотъ-вотъ исполнится ея сонъ, и у нея отнимется ея Габріотто. Лѣтняя ночь, сцена у прекраснаго, свѣтлаго фонтана; Андреола держитъ въ рукахъ бѣлыя и красныя розы. Темное предчувствіе ея сбывается: Габріотто тяжело вздыхаетъ, вскрикиваетъ и падаетъ на траву. Она наклоняется, кладетъ его къ себѣ на колѣни, но онъ весь въ поту, еле дышетъ и черезъ нѣсколько мгновеній умираетъ. Слезы, отчаяніе жены. Сперва она думаетъ тайно похоронить его, а затѣмъ лишить себя жизни; но служанка, повѣренная ея любви, отговариваетъ ее отъ этого тѣмъ доводомъ, что за самоубійство она будетъ въ аду, а онъ, какъ хорошій человѣкъ, навѣрно заслужилъ рай, и они никогда не увидятся въ будущей жизни: лучше провести остатокъ дней въ молитвахъ за него, и т. п. Она соглашается; покойника убираютъ розами, и обѣ женщины несутъ его въ дому родителей, чтобъ и тѣ могли оплакать его безвременную кончину. Но на дорогѣ ихъ встрѣчаетъ подеста, дѣло происходитъ въ г. Брешіа, и хотя Андреола откровенно разсказала ему все случившееся, онъ задерживаетъ обѣихъ женщинъ съ ихъ ношей, приводитъ ихъ къ себѣ и здѣсь предлагаетъ Андреолѣ свою любовь, обѣщая освободить ее. Она мужественно защищается и не боится его суда. На утро приходитъ ея отецъ, у котораго она проситъ прощенія за тайный бракъ; онъ, горячо любя ее, браниъ ее только за ея недовѣріе, за то, что она скрыла отъ родителей свою любовь. Вѣсть объ этомъ событіи облетѣла городъ; не только родные покойника и его жены собираются оплакивать и хоронить его,

но вся молодежь города, сочувствуя любви и горю молодой женщины, осыпаетъ его цвѣтами; самые знатные, почетные люди города выносятъ его на рукахъ изъ дворца подесты и хоронятъ съ торжествомъ, небывалымъ для юноши такого званія. Огорченной вдовѣ—подеста предлагаетъ теперь руку, но она отказывается отъ этой чести и уходитъ въ монастырь. Красотѣ и потрясающему впечатлѣнію этой несложной темы, разсказанной такъ широко, мѣшаетъ, мнѣ кажется, только этотъ эпизодъ вѣроломнаго судьи; неблаговидный поступокъ его не придаетъ никакого новаго интереса повѣсти, разсказывающей не больше какъ не совсѣмъ обыкновенную развязку довольно обыкновеннаго романа; простой и цѣльный характеръ любящей жены отъ этого испытанія не обогащается никакою новою чертою: не трудно повѣрить, что послѣ сцены смерти въ саду молодой женщинѣ хватитъ мужества, чтобъ защищать свою честь. Источникъ этой новеллы—неизвѣстенъ. Говорили, что сюжетъ заимствованъ изъ старинной хроники гор. Бресчіи, но Ландау (Die Quellen des Decamerone, стр. 109) предполагаетъ, что скорѣе хроникёръ взялъ фактъ изъ «Декамерона», чѣмъ на оборотъ. Мотивъ же вѣроломнаго судьи—очень распространенный въ греческихъ романахъ, которые, какъ мы увидимъ въ пятомъ днѣ разсказовъ, были не безъ вліянія не только на средневѣковую народную литературу, но и въ сильной степени на «Декамеронъ».

Если въ разсказѣ объ Андреолѣ и Габріотто средствами драматическаго эффекта служатъ темныя предчувствія въ формѣ сновъ, то въ другой новеллѣ этого дня сонъ играетъ еще болѣе значительную роль. Это 5-я новелла: сестра любитъ одного юношу; братья, желая скрыть ея безчестье, убиваютъ его,—они купцы, а онъ ихъ приказчикъ,—сами закапываютъ его тѣло въ землю и распускаютъ слухъ, что отправили его въ дальнее путешествіе по дѣламъ; сестра горюетъ въ разлукѣ; во снѣ ей является ея возлюбленный и объясняетъ, гдѣ онъ похороненъ: она отрываетъ его тѣло, уноситъ съ собою его голову, кладетъ ее въ цвѣточный горшокъ, засыпаетъ землей, сажаетъ въ него кустъ базилики, орошаетъ его постоянно слезами и цвѣтокъ вырастаетъ въ полной красотѣ, благодаря и необыкновенно-удобренной почвѣ, и ея тщательному уходу: она ни на минуту не разстается съ цвѣткомъ, тоскуетъ и плачетъ надъ нимъ, а когда братья, открывши, что̀ хранится въ горшкѣ, отнимаютъ его у нея, она умираетъ отъ горя. Нельзя не сознаться, что поэтическая мысль посадить цвѣтокъ базилики на черепъ любимаго человѣка и возростить его своими слезами имѣетъ для насъ

много дикаго, но она такъ же, какъ и явленіе во снѣ мертвеца, объясняющаго причины своей смерти, вполнѣ согласна съ духомъ народной поэзіи; притомъ же самъ авторъ заявляетъ, что событіе это воспѣвается въ народѣ до сихъ поръ, и приводитъ начальныя слова этой пѣсни.

Впрочемъ, близость къ народной жизни, отраженіе въ новеллѣ ея стихійныхъ силъ, не тронутыхъ нашею рефлексіею, сказывается очень рѣзко и безъ научныхъ изслѣдованій о происхожденіи этихъ сюжетовъ: цѣльность характеровъ, размѣры, которые въ нихъ принимаетъ страсть, сила неподдѣльнаго простого чувства, отъ избытка котораго умираютъ герои,—говорятъ уже за то, что повѣсти Боккачіо не были плодомъ одной фантазіи поэта, что эти тэмы разсказа создавались столько же жизнью народа, сколько его поэзіей. Въ новеллѣ 8-й этого же дня разсказывается, какъ Джироламо съ дѣтства еще любилъ Сальвестру, но мать, не желавшая этого брака, услала его въ Парижъ; вернувшись, онъ нашелъ Сальвестру замужемъ и, убѣдившись въ ея вѣрности мужу, умеръ съ горя; а она хотя и присутствовала при его внезапной смерти, пошла въ церковь взглянуть на покойника; тутъ вдругъ она почувствовала всю свою прежнюю любовь къ нему, упала на гробъ и умерла отъ прилива сильнаго чувства [1]). Читатели-современники Боккачіо не могли не видѣть въ изображеніи этихъ сильныхъ потрясающихъ чувствъ художественнаго возсозданія того, что́ они видѣли вокругъ себя. Весьма видную роль играла физическая сила, страстность темперамента не только въ эту раннюю эпоху итальянской жизни, но и въ блестящій періодъ возрожденія, крайне дешева была жизнь человѣка, и быстро за словомъ, за движеніемъ сердца слѣдовало дѣло,—за оскорбленіемъ ударъ ножа,—а вслѣдствіе того и тѣ сильныя проявленія аффекта, которыя придаютъ столько драматизма этимъ новелламъ, были явленіемъ весьма обыкновеннымъ, заурядnымъ, и для наглядnаго, вполнѣ реальнаго воспроизведенія всего этого въ искусствѣ поэтъ-художникъ могъ списывать съ натуры, брать черты окружавшей его дѣйствительности [2]). Понятно, что современники Боккачіо должны

---

[1]) А. Мюссе въ своихъ Poésies Nouvelles, 1836—1852, разсказываетъ содержаніе этой новеллы, превосходно давая чувствовать ту простоту и неподдѣльность чувства, которымъ дышетъ разсказъ средневѣкового итальянскаго новеллиста.

[2]) Тэнъ въ своей Philosophie de l'art en Italie приводитъ множество разсужденій и фактовъ въ подтвержденіе своей характеристики страстнаго темперамента, такъ рѣзко отпечатлѣвшагося въ автобіографіи Бенв. Челлини, и бывшаго значительнымъ условіемъ художественнаго развитія эпохи.

были узнавать самихъ себя въ тѣхъ характерахъ, которые если любятъ, то умираютъ для всякаго другого чувства, если ослѣплены ревностью, то, не долго думая, отравляютъ любимаго человѣка; они должны были видѣть художественное воплощеніе всей своей душевной жизни въ образахъ, завѣщанныхъ еще первобытнымъ творчествомъ народа (базилика, вырощенная слезами); у нихъ и въ жизни, и въ поэзіи, какъ любовь, ея счастіе и неудачи, такъ и сама смерть не вызывала всѣхъ сложныхъ, неуловимыхъ, утонченныхъ ощущеній, которыя являются у насъ плодомъ умственной работы многочисленныхъ поколѣній,—тамъ всякій характеръ выдѣлялся очень рѣзко и опредѣленно, а не дробился на множество трудно-уловимыхъ чертъ; тамъ всякое чувство выливалось сполна—en bloc, безъ оттѣнковъ, тамъ автору не было случая выказать ту виртуозность психическаго анализа, ту почти болѣзненную склонность къ самонаблюденію и самоизученію, которая заставляетъ насъ въ произведеніяхъ нашего времени видѣть черты собственной природы, отраженіе нашего собственнаго душевнаго состоянія. Люди, которые такъ легко всѣ коллизіи чувствъ, всѣ затрудненія жизни разрѣшали ударомъ кинжала или кубкомъ яда, умѣли высоко цѣнить несложное дѣйствіе повѣсти, и въ той же степени увлекались реальнымъ описаніемъ своей жизни, въ какой и мы увлекаемся, когда авторъ «Анны Карениной» мастерски рисуетъ намъ безъисходный лабиринтъ мелкихъ развѣтленій мысли, возникающій въ измученномъ мозгу нервнаго человѣка. Въ этой близости къ жизни своего народа, своей эпохи—заключается и великое значеніе всякаго произведенія искусства.

Геній же Боккачіо, рисуя только то, что давала ему жизнь и фантазія его народа, заставляетъ насъ, силою своего идеальнаго воспроизведенія, и подъ реальными чертами средневѣковыхъ характеровъ чувствовать людей и страсти всѣхъ временъ и народовъ.

VII.

Пятый день «Декамерона» посвященъ судьбамъ счастливой любви, тѣмъ приключеніямъ и препятствіямъ, которыя претерпѣваются и побѣждаются влюбленными. Если любовь у Боккачіо—чувство крайне несложное, то и въ этихъ разсказахъ оно не можетъ давать повода никакимъ внутреннимъ, психологическимъ перипетіямъ, и тутъ препятствія—въ области внѣшней жизни.

Какъ въ предъидущихъ новеллахъ затрудненія рѣшались ядомъ и кинжаломъ, такъ и здѣсь—внѣшнія препятствія побѣждаются довольно простыми способами. Главная помѣха счастію — неравенство общественнаго положенія, устраняется поворотомъ фортуны въ родѣ нечаяннаго открытія высокаго званія, скрытаго подъ чужимъ именемъ (Nov. V, VII), или слѣпой игры случая (въ Nov. II: море приноситъ дѣвушку, обрекшую себя вѣрной смерти, въ ту страну, куда женихъ ея, получивши по бѣдности отказъ въ ея рукѣ, отправился искать счастія).

Въ этомъ подборѣ приключеній мы встрѣчаемся съ тѣми мотивами разсказа, присутствіе которыхъ въ средневѣковой повѣсти —несомнѣнно, хотя наукѣ и трудно пока рѣзко обозначить ихъ вліяніе. Эти мотивы разсказа—воспоминанія классической древности, которыя, какъ мы имѣли случай замѣтить въ Новеллино, были очень живучи въ народной мысли. Воспоминанія эти отчасти поддерживались сношеніями съ Византіей, прямой наслѣдницей древняго міра, и явились въ «Декамеронѣ» какъ отголоски народнаго творчества, претворившаго въ себѣ смѣсь самыхъ разнородныхъ элементовъ. Въ этой дѣятельности средневѣковой фантазіи, греко-римская литература участвовала тѣми своими произведеніями, которыя были наиболѣе близки по времени, но по художественному своему значенію стояли очень низко, такъ что воображеніе молодыхъ народовъ должно было переработывать тѣ элементы, въ которыхъ проявлялась одряхлѣвшая мысль, утратившая уже высокія творческія способности. Поздне-греческая беллетристика, слѣды которой мы встрѣчаемъ въ 5-мъ днѣ «Декамерона»—греческіе романы III—VI вѣковъ по Р. Х.—возникла [1]) въ пору полнаго распаденія всѣхъ основъ античной жизни и античной цивилизаціи. Какъ въ гражданской жизни широкій космополитизмъ римскаго владычества занялъ мѣсто древней исключительности, древняго дѣленія міра на эллиновъ и варваровъ, какъ въ религіозной мысли этихъ суевѣрныхъ вѣковъ смѣшались всѣ культы, всѣ религіозныя и философскія школы, такъ и въ художественной дѣятельности этой эпохи мы не видимъ уже прежнихъ носителей эпическихъ и трагическихъ идеаловъ, тѣхъ миѳовъ и преданій, которые выросли на почвѣ древней Эллады, служили лучшимъ выраженіемъ ея народнаго міросозерцанія и доставляли богатый матеріалъ творчеству ея

[1]) Rohde: Der griechische Roman u. s. Vorlaeufer. Ст. объ этой книгѣ А. Веселовскаго: „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1876, № 11. Въ „Revue de d. Mondes“ 15-го марта прошлаго года, Гаст. Буассье излагаетъ очень легко исторію греч. романовъ по Роде, но не касается самыхъ произведеній.

поэтовъ, здѣсь господствуетъ личная дѣятельность писателей, слабо отражающая народную мысль. Если авторы поздне-греческихъ романовъ и разработывали мѣстныя саги и легенды, то эти отголоски обще-народной поэзіи, собранные со всего міра, становились у нихъ предметомъ личнаго вымысла: это былъ только матеріалъ, изъ котораго они набирали пеструю мозаику безжизненныхъ романовъ, не вкладывая въ нее никакого сильнаго искренняго чувства. Въ этотъ вѣкъ ученыхъ критиковъ, комментаторовъ и компиляторовъ—и художественная мысль могла только собирать, компилировать поэтическіе элементы Востока и Запада, но она неспособна была ни оживить ихъ единымъ духомъ, ни заставить ихъ служить новымъ идеаламъ, потому что устарѣли чувства, одряхлѣли всѣ основы жизни, а идеаловъ народныхъ, общественныхъ не существовало. Вмѣсто патріотическихъ гражданскихъ чувствъ двигателями человѣческихъ стремленій въ этой литературѣ является мелкое, личное чувство, любовь. Роде разбираетъ чрезвычайно подробно, какъ изъ эллинистической хроники выросла эротическая фабула романа и заглушила всѣ болѣе глубокіе и высокіе мотивы поэзіи. Эгоистическое чувство, которое имѣетъ характеръ сантиментально-болѣзненнаго состоянія, не можетъ дать силы и отдѣльному человѣку, не можетъ и въ литературѣ быть предметомъ живого конкретнаго воспроизведенія, потому что не въ силахъ побудить своихъ жертвъ къ какой-нибудь дѣйствительной, здоровой дѣятельности, къ какому-нибудь ясно-опредѣленному дѣлу; страсть тутъ является не побужденіемъ къ высокому подвигу, какъ въ древнемъ эпосѣ, а дѣлаетъ человѣка игрушкой внѣшнихъ обстоятельствъ. Мѣсто идеи или воли боговъ, которымъ подчиняются произведенія великаго искусства, заступилъ произволъ, — слѣпой, неопредѣленный рокъ, проявляющійся въ ничѣмъ необъяснимой игрѣ случая. Эта фаталистическая сила составляетъ руководящую идею романа или, правильнѣе, обусловливаетъ полное отсутствіе идеи: возможна-ли какая-нибудь ясная основная мысль въ произведеніи, когда людьми управляетъ непостижимый капризъ? Случай кидаетъ ихъ изъ стороны въ сторону, изъ одной опасности въ другую, неизвѣстно зачѣмъ,—ихъ воля, ихъ характеръ не руководятъ ими, потому что они безхарактерны и безличны, а ихъ чувство такъ блѣдно и слабо, что вводится въ романъ для приданія интереса чисто-внѣшнимъ событіямъ, отъ нихъ независящимъ. Естественно, что при этомъ не можетъ быть рѣчи о цѣльномъ, законченномъ дѣйствіи. Одно событіе слѣдуетъ за другимъ, безъ внутренней связи, безъ опредѣленнаго основанія. Чувство, которое, казалось бы, составляетъ

главный мотивъ дѣйствія, не можетъ связать расползающагося повѣствованія, потому что оно не болѣе какъ пассивное, болѣзненное настроеніе души: къ тому же, поэзія того времени, проникнутая софистическими теоріями, не можетъ возсоздавать прямого непосредственнаго чувства, способнаго быть источникомъ активной жизни; поэзію замѣняетъ *риторика*. Пользуясь изученіемъ древней поэзіи, заимствуя однѣ формы ея, холодная, условная риѳорика софистовъ издавала готовые рецепты, по которымъ описывалось всякое чувство. Въ ихъ риторическихъ сочиненіяхъ на эротическія тэмы, а потомъ и въ романахъ, любовь всегда является съ одними признаками болѣзненнаго разстройства; при такой единственной формѣ проявленія, она, естественно, не можетъ придать интереса внутренней исторіи героевъ; потому интересъ долженъ заключаться не въ самомъ изображеніи ея, а въ многочисленныхъ обстоятельствахъ ея внѣшней судьбы. Отъ этого греческій романъ, кромѣ эротической фабулы, основнымъ элементомъ повѣствованія имѣетъ еще похожденія, т.-е. странствованія любящей четы изъ страны въ страну, сопровождаемыя самыми необыкновенными перипетіями. При крайней бѣдности чувства, при безхарактерности героевъ, при отсутствіи психологической завязки, повѣствователь старался завлечь фантазію читателя подборомъ невозможныхъ приключеній; тутъ онъ не жалѣетъ эффектовъ: враги преслѣдуютъ любящую чету, настигаютъ ихъ и, казалось, они погибли, какъ вдругъ является неожиданное спасеніе—волшебство играетъ тутъ не послѣднюю роль, и тогда оживаютъ трупы; буря, убійство, похищенія, самыя невѣроятныя совпаденія затягиваютъ разсказъ; затѣмъ, преслѣдованіе продолжается, вводится множество новыхъ лицъ, и опять въ самую критическую минуту какой-нибудь поворотъ фортуны выводитъ героевъ изъ этой опасности въ другую, чтобъ затѣмъ опять привести къ спасенію, такъ что подъ конецъ теряется не только нить событій, но и счетъ имъ. Итакъ, эротическій и странническій элементы повѣствованія—вотъ содержаніе этой беллетристики, а неумѣренное употребленіе сильныхъ, потрясающихъ эффектовъ и риторическая напыщенность, выражающаяся въ длиннотахъ, въ софистическомъ паѳосѣ и правильности рѣчей и обращеній,—составляютъ главные признаки этого рода поэзіи [1]).

Въ мертвенномъ застоѣ византійской жизни долго жили под-

[1]) Нѣтъ возможности дальше останавливаться на этой интересной формѣ повѣствованія, въ которой пришла греческая поэзія, и которая такъ подробно изслѣдована у Роде. Она тѣмъ болѣе интересна, что должна была имѣть большое вліяніе на рыцарскую поэзію, на рыцарскіе романы и поэмы.

ранія этимъ романамъ, а черезъ Византію проникали и въ средневѣковую литературу. Въ Италію они заходили и черезъ ученыхъ монаховъ, которые нарождавшемуся поколѣнію гуманистовъ преподавали греческій языкъ. Намеки на вліяніе этихъ романовъ въ «Декамеронѣ»—несомнѣнны, хотя они могли быть не столько книжными воспоминаніями автора, сколько заимствованіями изъ народной фантазіи, знакомой съ византійскими источниками. Непосредственное присутствіе этого элемента Роде указываетъ въ *первой* новеллѣ этого дня, которая потому представляетъ намъ нѣкоторыя новыя стороны повѣсти, нѣкоторыя особенности какъ по содержанію, такъ и по формѣ разсказа.

На островѣ Кипрѣ у одного знатнаго и богатаго человѣка было нѣсколько сыновей; изъ нихъ одинъ превосходилъ другихъ ростомъ и красотой, но такъ былъ глупъ, что ни ласки и побои отца, ни всѣ труды учителей не могли ни обучить, ни воспитать его. Звали его Гамбо, но прозвище ему было Кимонъ, что̀ на тамошнемъ языкѣ значило дуракъ (Bestione); даже манеры и голосъ его были грубы, какъ у послѣдняго мужика; потому его отправили жить въ помѣстьѣ съ работниками, и это общество ему пришлось болѣе по вкусу, чѣмъ городское. Однажды въ лѣсу онъ встрѣчаетъ красавицу дѣвушку; она спитъ, онъ останавливается передъ ней, и видъ ея производитъ на него чудесное дѣйствіе: въ груди просыпается чувство, сознаніе красоты. Вмѣстѣ съ чувствомъ развивается и мысль: дикарь спѣшитъ въ городъ, жаждетъ ученья, и черезъ четыре года усвоиваетъ себѣ всѣ качества высокаго воспитанія лучше всей молодежи острова Кипра. Онъ проситъ руки Ифигеніи—виновницы его перерожденія; отецъ ея отказываетъ ему, потому что она помолвлена за юношу съ о. Родоса. Нашъ герой не унываетъ, нападаетъ на корабль, везущій невѣсту, похищаетъ ее, но бурей его опять относитъ къ о. Родосу, гдѣ у него отнимаютъ добычу и сажаютъ его въ тюрьму. Свадьба Ифигеніи откладывается на нѣкоторое время, потому что братъ жениха ея сватается за одну дѣвушку, въ которую влюбленъ и Лизимахъ, высшій судья острова. Такъ какъ обѣ свадьбы должны быть вмѣстѣ, то Лизимахъ уговаривается съ Кимономъ, освобождаетъ его изъ тюрьмы, вмѣстѣ съ нимъ и другими товарищами нападаетъ на домъ, гдѣ пируютъ оба брата, и похищаютъ обѣихъ невѣстъ; оба сообщника уѣзжаютъ въ Кипръ, женятся на дѣвушкахъ, несмотря на ихъ сопротивленіе, и наслаждаются полнымъ счастіемъ.

По мнѣнію Роде, въ этой новеллѣ очень много чертъ позднегреческаго романа: античный костюмъ, греческія имена, мѣсто

дѣйствія — острова Родосъ и Кипръ, гдѣ всегда разыгрывались эти романы — риторическая напыщенность длинныхъ рѣчей; кромѣ этихъ внѣшнихъ признаковъ, слабо завязанная интрига — введеніе новыхъ лицъ, такъ какъ герои не могутъ сами распутать приключеній; похищеніе невѣсты, обѣщанной отцомъ другому; произволъ случая — буря приноситъ Кимона не туда, куда онъ направляется, а опять къ Родосу; влюбленный судья, который въ греческихъ романахъ очень часто затягиваетъ развязку; наконецъ, самая любовь и ея высокое дѣйствіе на душу человѣка, — все это указываетъ, что новелла имѣла основаніемъ не реальное событіе, украшенное народнымъ вымысломъ, и не народную сказку съ восточнымъ колоритомъ, а тѣ полу-классическіе, полу-византійскіе источники средневѣковыхъ эпопей, которые сказались и въ искусственныхъ произведеніяхъ Боккачіо, какъ «Filosoро», «Teseide» и т. п. Впрочемъ, условныя формы риторической искусственности или искусственнаго идеализма, которыя привились въ тѣхъ эпопеяхъ, мы въ сильной степени встрѣчаемъ въ одномъ отдѣлѣ «Декамерона», о которомъ скажемъ послѣ. Въ повѣстяхъ же 5-го дня и въ предъидущихъ эти воспоминанія классической беллетристики сказались подборомъ приключеній, которыми украшается любовная исторія, и въ которыхъ случайность, нечаянность играетъ главную роль. Такимъ образомъ, если авторъ поздне-греческихъ романовъ долженъ былъ наполнять любовную исторію безконечнымъ множествомъ невѣроятныхъ похожденій потому только, что поэзія его времени не умѣла воспроизвести одно сильное, искреннее чувство, то воображеніе новыхъ народовъ, заимствуя эти мотивы, точно также дѣлало случай двигателемъ внѣшнихъ приключеній, — но уже потому, что первобытное чувство было просто и несложно и не допускало никакихъ внутреннихъ, душевныхъ перипетій, не могло давать повода ни къ психологическому анализу, ни къ внутреннему драматизму интриги. Вотъ, почему тѣ пріемы литературы, которые вызывались упадкомъ и дряхлостью древняго міра, у средневѣковой Европы служили, наоборотъ, выраженіемъ ея молодости и сердечной простоты, точно также, какъ развращенность и распущенность нравовъ, породивши особыя черты въ литературѣ первыхъ вѣковъ нашей эры, отразились отчасти въ средневѣковой повѣсти, столь обильно надѣленной цинизмомъ. По этой же причинѣ разсказчикъ XIV-го вѣка, воспроизводя то, что жило въ памяти и фантазіи его народа, пользовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріаломъ, завѣщаннымъ иными, отжившими условіями быта и словесности.

Но отъ этого новелла его не сходила съ реальной почвы: такіе мотивы, какъ внѣшнія перипетіи и приключенія въ любовной исторіи, хотя были вліяніями поздне-греческой беллетристики на народную фантазію, могли быть очень близкими и дѣйствительной жизни. Путешествія, которыя мы видимъ во 2-мъ и 5-мъ днѣ «Декамерона», случайности морского плаванія, разбойники на сушѣ и на морѣ, — словомъ, тѣ препятствія, которыя даютъ автору возможность соединять и разъединять любовниковъ, соотвѣтствуя пріемамъ греческой беллетристики, могли, вмѣстѣ съ тѣмъ, основываться и на жизненномъ опытѣ слушателей и повѣствователя: разсказчикъ могъ одѣвать сказочно-художественной формой память о дѣйствительно случившихся въ народѣ событіяхъ.

Такой характеръ народно-сказочнаго вымысла имѣетъ 2-я новелла этого дня, благодаря корсарамъ, сарацинамъ, дѣйствующимъ въ ней, плѣну у восточнаго султана и ясному, несложному содержанію. Въ ней разсказывается, какъ на Липарскихъ островахъ отецъ не отдаетъ дочери за Мартуччіо Гомито, котораго она любитъ потому только, что онъ бѣденъ. Мартуччіо пускается въ море, чтобъ не иначе вернуться на родину, какъ богатымъ человѣкомъ, но попадаетъ въ руки сарацинъ, которые отвозятъ его въ Тунисъ. Вѣсть о погибели судна, гдѣ находился Мартуччіо, доходитъ до молодой дѣвушки, которая, считая его погибшимъ, въ отчаяніи хочетъ лишить себя жизни,—ночью садится въ лодку, отчаливаетъ отъ берега и предоставляетъ себя произволу волнъ и вѣтра. Укрывши голову плащомъ, долго пролежала она въ лодкѣ, пока не заснула, а море было очень спокойно и принесло ее къ берегу, недалеко отъ Туниса. Тутъ ее нашла одна женщина, которая говорила и по-латыни, объяснила ей, гдѣ она находится, взяла ее подъ свое покровительство и помѣстила ее къ одной старушкѣ, гдѣ она могла рукодѣльемъ заработать себѣ пропитаніе. А между тѣмъ Мартуччіо, сидя въ тюрьмѣ, нашелъ возможность оказать важную услугу тунисскому королю, придумавъ новую военную хитрость, вошелъ въ большую милость и сталъ знатнымъ и богатымъ человѣкомъ. Слухъ о томъ разносится по всему тунисскому королевству, доходитъ до его невѣсты, которая даетъ ему знать о томъ, гдѣ она; они сходятся, въ великой радости обоихъ, и препятствій для счастливаго брака не оказывается. Военная хитрость — причина счастливой развязки—состоитъ въ слѣдующемъ: вооруженіе какъ тунисцевъ, такъ и гренадскихъ мавровъ, ихъ враговъ,—лукъ и стрѣлы. Тунисцы дѣлаютъ себѣ тонкую тетиву и небольшія

стрѣлы; въ битвѣ, когда обѣ стороны выпустятъ свои запасы стрѣлъ, то подбираютъ непріятельскія, пущенныя въ нихъ. На тунисскую тетиву будетъ годиться крупная непріятельская стрѣла, но ихъ стрѣлы не подойдутъ къ непріятельскимъ лукамъ и тѣмъ придется сдаться за неимѣніемъ оружія. Этимъ, заимствованнымъ изъ хроники Виллани, «военнымъ анекдотомъ» воспользовался Боккачіо, чтобъ придать интересъ, остроту довольно незамысловатымъ приключеніямъ своихъ героевъ. Въ слѣдующей, 3-й новеллѣ разсказываются приключенія двухъ влюбленныхъ, которые бѣгутъ изъ Рима отъ вражды, раздирающей ихъ семейство, сбиваются съ дороги, попадаютъ въ руки разбойниковъ; потомъ блуждаютъ въ лѣсу, розыскивая другъ друга, пока, съ помощью обитателей сосѣдняго замка, не сходятся вновь.

Кромѣ подобныхъ приключеній, новеллы этого дня вводятъ еще одинъ довольно благодарный эффектъ развязки: это—узнаваніе родственниковъ по какимъ-нибудь примѣтамъ, или разоблаченіе высокаго званія, скрытаго по разнымъ причинамъ (Nov. V, VII). Такіе эффекты встрѣчались и во второмъ днѣ «Декамерона»: въ тэмѣ счастливо распутанныхъ обстоятельствъ; быть можетъ, и въ нихъ можно видѣть наслѣдіе античной литературы, такъ какъ въ классической комедіи, у Теренція, подобный мотивъ служитъ удобной развязкой интриги; но это классическое наслѣдіе такъ глубоко проникло въ художественную мысль, что въ повѣсти являлось отзвукомъ народныхъ вымысловъ.

Духомъ народныхъ же сказаній, преданій и повѣрій, вѣетъ и отъ новеллы 8-й этого дня, гдѣ мы встрѣчаемъ то религіозное настроеніе этой эпохи, которымъ проникнута «Божественная Комедія». Въ Равеннѣ жилъ прекрасный и богатый юноша—Настаджіо-дельи-Онести. Онъ влюбился въ дочь Паоло Траверсари и дѣлалъ все возможное, чтобъ ей понравиться; но она была дика и жестока, гордилась своей красотой, знатностью, была высокомѣрна и презрительна, такъ что юноша въ большомъ горѣ думалъ даже лишить себя жизни,—онъ рѣшился вовсе не думать о ней, но не могъ: чѣмъ меньше у него было надежды, тѣмъ сильнѣе была любовь. Сколько ни уговаривали его родные и друзья, долго не рѣшался онъ уѣхать изъ Равенны,—наконецъ, послѣ долгихъ приготовленій, онъ выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи большой свиты, какъ-будто бы направляясь во Францію или въ Испанію. Но, отъѣхавши три мили, онъ остановился въ Кьясси, велѣлъ здѣсь разбить палатки и зажилъ, задавая пиры, обѣды и ужины. Дѣло было въ началѣ мая, стояла прекрасная погода; Настаджіо раздумался о жесто-

кой дамѣ сердца и направился одинъ пѣшкомъ къ лѣсу изъ пиній. Болѣе полу-мили прошелъ онъ по лѣсу, былъ уже пятый часъ дня, какъ вдругъ ему послышались женскіе вопли и стоны. Онъ остановился, поднялъ голову—и тутъ только замѣтилъ, куда зашелъ. На-встрѣчу ему изъ чащи лѣса бѣжала съ крикомъ и слезами прекрасная женщина, обнаженная, растрепанная, исцарапанная сучьями и шипами; вслѣдъ за нею гнались двѣ страшныя собаки, которыя кусали ее, гдѣ только могли, а за ними—сердитый всадникъ на черномъ конѣ, съ длиннымъ мечомъ въ рукахъ, страшно бранился и грозилъ смертью женщинѣ. Удивленіе и ужасъ овладѣли юношей; не имѣя оружія, онъ схватилъ сукъ дерева, чтобъ защитить несчастную отъ преслѣдователей. Но всадникъ издали закричалъ ему: «оставь, Настаджіо! мы должны наказать эту дурную женщину, какъ она того заслуживаетъ». Тутъ собаки оставили ее, всадникъ сошелъ съ коня, и когда Настаджіо замѣтилъ ему, что стыдно вооруженному человѣку преслѣдовать беззащитную женщину, какъ дикаго звѣря, то онъ объяснилъ, что при жизни влюбленъ былъ въ нее не меньше, чѣмъ и Настаджіо—въ дочь Паоло Траверсари, но она была такъ сурова и такъ жестока съ нимъ, что въ отчаяніи онъ лишилъ себя жизни; радуясь его гибели, она вскорѣ умерла и сама, и точно такъ же, какъ и онъ, осуждена на вѣчныя муки за свою жестокость и злорадство. На томъ свѣтѣ имъ дано наказаніе: ей — бѣгать отъ него, а ему, какъ своего смертельнаго врага, преслѣдовать ту, которую онъ такъ сильно любилъ. Каждый разъ, какъ онъ догонитъ ее, онъ прокалываетъ ее тѣмъ самымъ мечомъ, которымъ лишилъ себя жизни, вынимаетъ у ней сердце, внутренности и отдаетъ ихъ собакамъ; затѣмъ она опять оживаетъ — и снова начинается дикая охота; по пятницамъ обыкновенно онъ настигаетъ ее въ этомъ лѣсу, но и по остальнымъ днямъ они не отдыхаютъ, а продолжаютъ преслѣдованіе по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она дурно про него думала или жестоко съ нимъ обращалась, и это преслѣдованіе длится столько лѣтъ, сколько мѣсяцевъ она его мучила. Внѣ себя отъ ужаса, Настаджіо присутствуетъ при всей сценѣ наказанія. Развязка новеллы понятна: юноша воспользуется этимъ зрѣлищемъ, чтобъ расположить къ себѣ свою возлюбленную: въ слѣдующую пятницу онъ приглашаетъ къ себѣ все семейство Траверсари, велитъ накрыть обѣдъ въ лѣсу подъ пиніями; въ урочный часъ является всадникъ въ погонѣ за жестокосердой красавицей, разсказываетъ исторію наказанія всему обществу, въ которомъ находятся многіе, хорошо его знавшіе при жизни; всѣ растроганы,

а дочь Паоло Траверсари, для которой предназначалось поученіе, побоялась для себя такой же участи и въ тотъ же день послала сказать Настаджіо, что она согласна на всѣ его желанія.

Очевидно, что авторъ тутъ имѣлъ предметомъ народное преданіе, пріуроченное къ данному мѣсту — дѣйствіе происходитъ въ Равеннѣ. Къ тому же, подобные примѣры зрѣлищъ, содѣйствующихъ исправленію запугиваніемъ грѣшной совѣсти, довольно распространены въ средневѣковой литературѣ; хотя прямымъ источникомъ этой новеллы считаютъ хронику Гелинанда (François Helinand † 1229), но Боккачіо не выходитъ тутъ изъ того свойственнаго суевѣрно-набожнымъ вѣкамъ круга представленій, въ которомъ мстительное привидѣніе возвращалось на землю, чтобъ наказать враговъ или отплатить за обиду. Мало того, профессоръ Веселовскій (Ad. Bartoli, i precursori del Bocc., стр. 29), указываетъ, что новелла могла обработывать мѣстную сагу, такъ какъ существуетъ легенда о превращеніи Теодориха въ демоническаго охотника, а эту легенду можно опять связать съ сѣвернымъ миѳомъ Вустона, и т. д.

Въ слѣдующемъ днѣ новеллъ мы имѣемъ дѣло не съ тѣмъ творчествомъ народа, которое заводитъ насъ въ глубь его миѳической жизни, но съ тѣми разсказами, которые вытекаютъ изъ народной жизни, непосредственно окружающей новеллиста.

Разсказы *шестого* дня вводятъ насъ въ область новеллы въ томъ первоначальномъ, тѣсномъ смыслѣ слова, въ которомъ этотъ терминъ употреблялся въ новеллино. Это — анекдоты; тѣ leggiadri motti, belli detti, всѣ тѣ fiori di parlare, образчики которыхъ мы уже видѣли отчасти въ первомъ днѣ, гдѣ имъ приписывалась такая невѣроятная сила. Мы видѣли и на примѣрѣ Саккетти, что флорентійцы были вообще большіе охотники до анекдотовъ, что у нихъ пользовалась большимъ сочувствіемъ деревая насмѣшка, вызывавшая колкій отвѣтъ и тѣмъ обращавшаяся въ орудіе противъ самого насмѣшника. Любя насмѣшку за ея остроту, новеллисты не считали анекдота мелкимъ служебнымъ жанромъ повѣствованія. Напротивъ, онъ у нихъ занималъ первое мѣсто. Отого и у Боккачіо анекдотъ не является орудіемъ сатиры, не долженъ служить обществу, клеймя однимъ мѣткимъ словцомъ народъ, сословіе или нравы; онъ не стремится, какъ нашъ историческій анекдотъ, яркимъ, выдающимся примѣромъ освѣтить характеръ исторической личности, — анекдотъ XIV-го вѣка самъ себѣ цѣль, — употребляется ради одного комическаго эффекта, долженъ забавлять, не задаваясь никакими посторонними задачами.

Конечно, въ этомъ разрядѣ Боккачіевыхъ новеллъ больше, чѣмъ гдѣ-либо чувствуется ихъ время, и мы невольно удивляемся не только скабрёзности иныхъ выходокъ, но и крайней наивности остротъ, прозрачности тѣхъ намековъ, которые тогда казались чрезвычайно тонки и замысловаты. Напримѣръ, въ новеллѣ 8-й разсказывается, какъ одна молодая женщина все порицала, всѣми была недовольна, всѣхъ находила непріятными, а дядя посовѣтовалъ ей никогда не глядѣться въ зеркало, если ей такъ противны непріятныя лица. Тонкость, которую раскуситъ ребенокъ, не была понята гримасницей и не достигла своей цѣли. Понятно потому, что въ этихъ новеллахъ привлекательно не столько содержаніе ихъ, сколько пріемы разсказчика: въ нихъ ясно слышится неторопливый, спокойный тонъ человѣка, который мастерскимъ разсказомъ умѣетъ приковать вниманіе: онъ по-долгу останавливается на мелочахъ и деталяхъ, намекаетъ то на то, то на другое извѣстное слушателямъ обстоятельство, но не впадаетъ въ длинноты, а тщательно поддерживаетъ интересъ до того окончательнаго момента, когда онъ скажетъ свое мѣткое, красное словцо. Эта манера лежитъ въ самомъ слогѣ автора и не передается ни въ изложеніи, ни въ переводѣ; не говоря уже про то, что она слишкомъ сильно окрашена мѣстнымъ колоритомъ: разсказывая анекдотъ, гдѣ участвуютъ лица, извѣстныя во Флоренціи, гдѣ встрѣчаются намеки на извѣстныя въ то время событія, пріурочивая незамысловатую остроту къ исключительно мѣстнымъ интересамъ, новеллистъ нравился своей публикѣ, потому что она узнавала саму себя во всѣхъ деталяхъ разсказа. А въ наше время, когда не только не смѣшитъ это остроуміе, но еще нуженъ комментарій, чтобы понять всѣ тонкости, всю соль повѣсти, она кажется безсодержательной и плоской, какъ плоски въ переводахъ бойкіе водевили, продуктъ французской жизни, съ ихъ намеками на иной бытъ, на иной складъ жизни, со всей ихъ живостью и веселостью. Но если новелла, несмотря на это мѣстное значеніе, на свою actualité, переживаетъ, какъ образецъ художественнаго разсказа, цѣлыя поколѣнія и цѣлые вѣка, то нельзя не признать за ней того художественнаго совершенства, ради котораго надо забыть и недальніе ея намеки и нетонкое ея остроуміе. Возьмемъ для примѣра *вторую* новелу этого дня.

Дѣло происходитъ въ 1300 году, когда Данте былъ пріоромъ республики, а папа Бонифацій старался примирить партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ, враждовавшихъ въ лицѣ двухъ фамилій Герки и Донати. Когда папа Бонифацій послалъ по своимъ

важнымъ дѣламъ благородное посольство во Флоренцію, оно остановилось въ домѣ знатнаго дворянина Джери Спи́на. Каждое утро проходили посланники со своимъ хозяиномъ мимо хлѣбника Чисти, который, находясь при дѣлѣ, всегда видалъ ихъ. Чисти, хотя ремесло (arte) имѣлъ не высокое, былъ очень богатый человѣкъ, и, несмотря на это, не оставлялъ своего дѣла, жилъ онъ очень роскошно и держалъ, между прочимъ, самыя лучшія красныя и бѣлыя вина во всей странѣ. Видая мессира Джери каждое утро съ папскими послами, онъ придумалъ, какъ бы хорошо было по такой жаркой погодѣ угостить ихъ хорошимъ бѣлымъ виномъ. Но, помня свое положеніе въ обществѣ, онъ зналъ, что неприлично ему, простому хлѣбнику, пригласить къ себѣ такихъ высокопоставленныхъ гостей, и сталъ придумывать, какъ бы устроить такъ, чтобъ мессиръ Джери самъ назвался къ нему. Онъ надѣлъ бѣлую куртку, чистый фартукъ, въ которомъ больше походилъ на мучника, чѣмъ на хлѣбника, велѣлъ вынести къ дверямъ ведро свѣжей воды, графинчикъ лучшаго своего бѣлаго вина и два стакана, которые были такъ чисты, что казались серебряными. Когда проходили знатные господа, Чисти, сплюнувъ въ сторону, принимался пить съ такимъ аппетитомъ, что тутъ и покойнику бы захотѣлось напиться. Видя это раза два, мессиръ Джери наконецъ не выдержалъ:—Ну, что, Чисти, вкусно?—Да, но какъ вкусно узнаете только тогда, когда попробуете!—отвѣчалъ Чисти, вскочивши. Усталость-ли, погода-ли, или особенная манера Чисти пить, вызвали жажду у благороднаго мессира, только онъ, смѣясь, предложилъ посланникамъ войти къ хлѣбнику и попробовать его вина. Чисти усадилъ гостей, самъ вымылъ стаканъ и наполнилъ виномъ, которое показалось всѣмъ необыкновенно вкуснымъ; съ тѣхъ поръ папское посольство не проходило мимо пекарни, не отвѣдавши тамъ вина; когда оно собиралось уѣзжать, мессиръ Джери задалъ большой пиръ и пригласилъ лучшихъ гражданъ Флоренціи, между ними и Чисти; но хлѣбникъ ни за что не хотѣлъ пойти.

Во время торжества, Джери Спи́на послалъ одного изъ прислуги попросить у Чисти хорошаго вина, чтобы хватило по полустакану на гостя. Слуга, который былъ очень сердитъ на Чисти за то, можетъ быть, что тотъ ни разу не угостилъ его виномъ, пошелъ къ нему и взялъ съ собою большую бутыль. Какъ только ее увидѣлъ Чисти, то прямо сказалъ ему:—мессиръ Спи́на послалъ тебя не ко мнѣ!—и сколько слуга ни увѣрялъ его, онъ не далъ другого отвѣта; тотъ съ тѣмъ и ушелъ. Когда онъ вер-

нулся во второй разъ, то, по приказанію хозяина, спросилъ хлѣбника:

— Если не къ тебѣ, то къ кому же послалъ меня мессиръ Спи́на?

— Къ Арно!—отвѣчалъ Чисти.—Когда этотъ отвѣтъ передали мессиру, онъ догадался въ чемъ дѣло, велѣлъ показать себѣ бутыль, съ которой ходилъ слуга, выбранилъ его, какъ слѣдуетъ, и велѣлъ взять приличный графинъ.—Вотъ теперь я вижу, что ты посланъ ко мнѣ, сказалъ Чисти, и наполнилъ бутыль. Въ тотъ же день онъ послалъ боченокъ этого вина къ мессиру Джери Спи́на и велѣлъ сказать ему, что онъ вовсе не испугался, видя большую бутыль, но хотѣлъ только дать понять, что то вино, которое пили у него посланники, вино не для всѣхъ. Мессиръ поблагодарилъ его и съ тѣхъ поръ очень его любилъ и уважалъ.

Разсказецъ, какъ хорошенькая жанровая картинка изъ быта средневѣковой общины, проливаетъ яркій свѣтъ на общественныя отношенія: въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ тутъ и богатство ея горожанъ, не боящихся труда, и ихъ отношеніе къ властямъ, къ высшему сословію,—хлѣбникъ не смѣетъ предложить вина благороднымъ людямъ, а знатный дворянинъ не можетъ не видѣть усиливающагося значенія буржуазіи и приглашаетъ ремесленниковъ на обѣдъ въ честь высокихъ посланниковъ. Въ этомъ анекдотѣ живо чувствуется сила того общества, которое такъ высоко подниметъ могущество своихъ ремесленныхъ и купеческихъ фамилій, что пройдетъ нѣсколько вѣковъ, и эти фамиліи будутъ и банкирами — и будутъ, какъ Медичисы, держать въ своихъ рукахъ судьбы европейской политики. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что такъ-какъ итальянскія новеллы часто одѣваютъ мѣстными костюмами сюжеты самыхъ отдаленныхъ странъ и самыхъ древнихъ временъ, то изъ нихъ не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно выводить заключенія о бытѣ и культурѣ Италіи; тѣмъ не менѣе трудно сомнѣваться, что Боккачіо разсказываетъ тутъ быль чисто-флорентійскаго происхожденія, такъ много въ ней черть мѣстнаго характера, не говоря про историческія имена, названія улицъ и т. п. Нельзя не сознаться, что разсказчикъ былъ и великій поэтъ, если въ его граціозномъ, незатѣйливомъ анекдотѣ такъ живо возникаетъ физіономія города, такъ рельефно выдѣляется характеристическая фигура зажиточнаго ремесленника,—хлѣбникъ себѣ на умѣ, знаетъ какъ поддѣть великихъ міра сего, знаетъ какъ думать и объ ихъ прислугѣ, понимаетъ себѣ цѣну, но видитъ и свое мѣсто въ лѣстницѣ общественной

іерархіи. Въ жизненности и типичности дѣйствующаго лица не заключается ли красота и прелесть новеллы, которая хотя оттѣнена чисто-мѣстнымъ колоритомъ, но и намъ вполнѣ доступна и понятна? Эта художественность являлась у Боккачіо ненамѣренно: желая потѣшить публику хорошенькимъ анекдотомъ, мѣткимъ словечкомъ умнаго хлѣбника, онъ вовсе и не думалъ, что мастерски нарисуетъ цѣлый типъ; онъ только, какъ опытный разсказчикъ, цѣнитъ остроту, заранѣе предвидя и предвкушая ея успѣхъ, хочетъ съ эффектомъ преподнести ее слушателямъ, а для того, не торопясь, заранѣе ее подготовляетъ и, прежде чѣмъ произнесть ее, не жалѣетъ деталей, чтобъ пояснить—гдѣ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ, она была сказана. А это предварительное описаніе ея только придаетъ бо́льшую правдоподобность и живость разсказу, но подъ его реальными чертами создаются типы, въ яркомъ цѣльномъ образѣ увѣковѣчивается цѣлый уголокъ современной художнику жизни.

Такой же типичностью, такимъ же художественнымъ реализмомъ сильнѣе другихъ отмѣчена послѣдняя новелла этого дня, въ которой разсказывается уловка монаха, вывернувшагося изъ затрудненія. Она—единственная въ этомъ днѣ—не относится къ анекдотамъ, вся сила которыхъ въ одномъ мѣткомъ словѣ, и могла бы, по яркости выводимаго типа, служить обличеніемъ духовенства; тутъ новеллистъ, соображаясь съ своимъ сюжетомъ, пускаетъ въ ходъ юморъ чисто-народнаго пошиба: въ этой новеллѣ такъ много разныхъ присказокъ и побасенокъ, что, передавая ея содержаніе, трудно сохранить ея комическій характеръ. Вотъ что, приблизительно, въ ней разсказывается.

Въ Чертальдо живетъ богатый, набожный и легковѣрный народъ; туда каждый годъ является за подаяніемъ одинъ монахъ ордена св. Антонія, по прозванію frate Cipolla (братъ Луковица). Это—человѣкъ маленькаго роста, рыжій, веселый, назойливый, большой болтунъ и, хотя вовсе неученый, говорилъ какъ риторы (un gran rettorico), такъ что люди, незнающіе его, могли бы принять его за самого Туллія или Квинтиліана; при этомъ онъ въ дружбѣ и кумовствѣ со всѣмъ городомъ. Пришедши однажды за привычною лептою въ Чертальдо, онъ во время обѣдни, при большомъ стеченіи народа, напомнилъ въ проповѣди о тѣхъ приношеніяхъ ихъ монастырю, за которыя св. Антоній хранитъ здѣшнихъ коровъ, ословъ, свиней, овецъ, и объявилъ, что въ тотъ же вечеръ, принимая пожертвованія, онъ покажетъ и дастъ на поклоненіе набожному народу рѣдко-замѣчательную святыню, а именно, перо Архангела Гавріила, оставленное имъ у Пресвятой

Дѣвы въ Назаретѣ. Въ числѣ его слушателей было двое молодыхъ людей, которые, посмѣявшись этой выдумкѣ, рѣшились подшутить надъ нимъ, хотя были большіе съ нимъ пріятели. Въ тотъ же самый день, пока «братъ» обѣдалъ въ замкѣ, они отправились къ нему въ гостинницу и условились, что, пока одинъ будетъ разговаривать съ его слугой, другой розыщетъ въ его вещахъ перо, выдаваемое за святыню, а затѣмъ оба посмотрятъ, что-то монахъ покажетъ народу. Здѣсь слѣдуетъ юмористическая характеристика этого слуги при фратѣ Чиполла, Гуччіо. Про него самъ Чиполла говорилъ, что онъ обладаетъ девятью такими качествами и въ такой степени, что каждое изъ качествъ порознь могло бы уничтожить добродѣтель, умъ и святость Соломона, Аристотеля или Сенеки. Если одно изъ качествъ имѣетъ такую силу, то что же долженъ быть за человѣкъ, который, не имѣя ни ума, ни добродѣтели, ни святости, обладаетъ девятью изъ нихъ? Качества эти подобраны монахомъ подъ риѳму: tardo, sugliardo, bugiardo,—negligente, disubbidiente, maldicente,—trascutato, smemorato, scostumato; т.-е. лѣнивъ, грязенъ, лгунъ,—небреженъ, непослушенъ, золъ на языкъ; дерзокъ, глупъ, невѣжливъ. При этомъ онъ воображаетъ себѣ, что очень красивъ, и бѣгаетъ за женщинами, думая, что въ него всѣ влюблены; подслушиваетъ, кто бы съ монахомъ что ни говорилъ, и поспѣваетъ всюду съ своимъ мнѣніемъ. Ему-то монахъ поручилъ хранить свои вещи, а Гуччіо сидѣлъ въ кухнѣ, его любимомъ мѣстопребываніи, особенно когда тамъ была женская прислуга. Въ тотъ день онъ былъ занятъ ухаживаньемъ за кухаркой; на описаніе *ея* уродливости и *его* грязнаго костюма Боккачіо не пожалѣлъ самыхъ яркихъ красокъ. Молодые люди очень обрадовались, видя, что Гуччіо занятъ въ кухнѣ, прошли въ комнату монаха и отыскали между его вещами тотъ ящичекъ, гдѣ лежало перо—попугая! Птица эта была тогда вообще мало извѣстна, а въ Чертальдо ее не только никогда не видали, но никогда про нее и не слыхивали. Шутники завладѣли перомъ, а въ ящикъ—насыпали угольевъ, которые нашлись тутъ же въ комнатѣ, привели все въ прежній порядокъ и стали дожидаться проповѣди. Народъ, который послѣ обѣдни разошелся по домамъ, разнесъ на весь городъ слухъ о новой святынѣ, и вечеромъ къ церкви собралась огромная толпа. Монахъ, пообѣдавши, выспавшись, велѣлъ Гуччіо принести вещи и началъ проповѣдь на тэму объ Архангелѣ. Зажжено было двое свѣчей, вынутъ ящикъ изъ шелковой обертки, отпертъ... Когда монахъ увидѣлъ уголья, онъ не могъ придумать, кто бы подмѣнилъ святыню и мысленно выругалъ не Гуччіо, а самого себя—за то, что

довѣрился слугѣ, зная, каковъ онъ. Ничуть не перемѣнившись въ лицѣ, онъ поднялъ руки къ небу, заперъ ящикъ и воскликнулъ: «о, Боже, благословенно да будетъ Твое всемогущество!» Здѣсь начинается курьёзное описаніе путешествія, которое монахъ еще въ молодости предпринималъ будто-бы на востокъ. Издѣваясь надъ невѣжествомъ грубой толпы, онъ разводитъ небылицы въ родѣ присказокъ нашихъ балагуровъ-раешниковъ, показывающихъ «артиллерійскій мостъ на тысячу верстъ» и т. п. Называя земли, черезъ которыя онъ проѣзжалъ, онъ сыплетъ именами флорентійскихъ улицъ; онъ бывалъ въ странѣ лжи «Terra di Menzogna», гдѣ много монаховъ разныхъ вѣроисповѣданій благочестиво пекутся о своемъ спокойствіи и собственной пользѣ; онъ видѣлъ горы, гдѣ воды текутъ книзу; видѣлъ въ Индіи пернатыхъ, которыя летали,—вещь невѣроятная для того, кто этого не видалъ; онъ зналъ кущца, который разбивалъ орѣхи и продавалъ скорлупу; былъ въ тѣхъ земляхъ, гдѣ лѣтомъ хлѣбъ холодный стоитъ 4 копѣйки, а теплый идетъ даромъ и т. п. Наконецъ, патріархъ Іерусалимскій по имени «Non-miblasmetese-voi-piace» показывалъ ему столько святыхъ реликвій, что не пересчитаешь: во-первыхъ, крѣпкій цѣльный палецъ св. Духа, пучокъ волосъ Серафима, явившагося св. Франциску, ноготь херувима, платье св. Вѣры Католической (Santa Fe Catolica) и т. д. и т. д. Этой святыней онъ будто бы подѣлился съ остроумнымъ монахомъ, далъ ему сосудецъ со звономъ колоколовъ изъ Соломонова храма, перо архангела Гавріила, одну изъ сандалій св. Герарда, которую онъ ужъ отдалъ набожному человѣку во Флоренціи, и наконецъ уголья, на которыхъ былъ сожженъ св. мученикъ Лаврентій. Перо архангела и уголья святого хранятся въ двухъ одинаковыхъ ящикахъ, причемъ св. отецъ часто принимаетъ эти ящики одинъ за другой; такъ случилось и на этотъ разъ. Впрочемъ, это не простая случайность, а очевидно—промыслъ Божій; потому что праздникъ этого святого будетъ черезъ два дня, и само Провидѣніе, для того, чтобъ возжечь въ сердцахъ слушателей истинное благоговѣніе къ святому Лаврентію, побудило его принесть вмѣсто пера священные уголья, одно прикосновеніе которыхъ спасаетъ отъ огня. Приношеніе и пожертвованія посыпались находчивому монаху изобильнѣе, чѣмъ когда-либо; публика подходила къ нему, а онъ святыми угольями клалъ большіе кресты на платье мужчинъ и на покрывала женщинъ, увѣряя, что если отъ того уголья и убавлялись, то въ ящикѣ опять выростали,—чудо, замѣченное имъ не разъ. Такимъ образомъ, кромѣ выгодъ для себя, онъ ничего не получилъ отъ шутки, которую

надъ нимъ сыграли, а двое насмѣшниковъ, слушая его курьёзную проповѣдь, такъ хохотали, что чуть не своротили себѣ челюсти; когда же толпа разошлась, они подошли къ монаху, объяснили, что̀ сдѣлали, и отдали перо, которое на слѣдующій годъ дало поводъ новой проповѣди и новымъ поборамъ.

Главный мотивъ новеллы—выдаваніе простыхъ угольевъ за реликвіи, заимствованъ изъ восточнаго сборника; но если онъ не имѣетъ фактическаго основанія, то тѣмъ не менѣе обработанъ весьма близко къ дѣйствительности: не будь эти типы — монаха и прислужника,—списаны, конечно не безъ шаржа, съ натуры, новелла не имѣла бы той жизненности, которая до сихъ поръ заставляетъ насъ чувствовать силу ея сатиры. Она впослѣдствіи подвергалась сильнымъ нареканіямъ и преслѣдованіямъ, за насмѣшку автора будто бы надъ святыней. Но навряд ли сатира была главною цѣлью автора; наше время склонно видѣть тутъ обличеніе невѣжественности и суевѣрія народныхъ массъ, а, вѣроятно, разсказчика и его публику тѣшила прежде всего курьёзная проповѣдь, какъ доказательство ловкой находчивости монаха, и онъ, заботясь не больше, какъ о цѣльности, полнотѣ и правдоподобности смѣшного приключенія, тщательно обрисовываетъ героевъ разсказа и тѣмъ достигаетъ высшихъ цѣлей художественнаго произведенія: онъ возсоздаетъ людей и время, а сатира возникаетъ уже сама собой отъ тонкости и вѣрности его наблюденія, отъ искренности и правдивости въ передачѣ наблюдаемыхъ явленій. Отъ этого и яркость характеристики, отъ этого и мастерское веденіе дѣйствія.

Если геніальный разсказчикъ, чтобъ дать понять слушателямъ всю мѣткость остроумнаго словца, какъ-бы мимоходомъ создаетъ типы и обличаетъ недостатки общества, то эта же цѣль его обусловливаетъ и наглядность, съ которою онъ умѣетъ возстановить передъ нами отдѣльную ситуацію, нарисовать небольшое законченное дѣйствіе. Новеллою въ тѣсномъ смыслѣ часто называется разсказъ о такомъ событіи, которое, представляя рядъ затрудненій, разрѣшается ловкостью и находчивостью человѣка. Если развязка приводится однимъ отвѣтомъ, то интересъ разсказа заключается столько же въ типичности главнаго лица, сколько въ живой постановкѣ сюжета и въ описаніи тѣхъ затрудненій, которыя преодолѣваются. Поэтому Боккачіо не только мѣтко характеризуетъ лицо, но не менѣе живо и натурально ведетъ и самое дѣйствіе. Это особенно ясно на хорошенькой четвертой новеллѣ этого дня. Содержаніе ея вкратцѣ таково:

Куррадо Джіанфильяцци убилъ на охотѣ журавля: птица

была молодая и жирная, и онъ отдалъ повару ее зажарить. Когда кушанье было почти готово, къ повару Кикибіо явилась его возлюбленная и стала приставать, прося кусочекъ жаркого, которое, къ тому же, такъ отлично пахло. Онъ было-отказалъ ей, но не устоялъ противъ ея угрозы и далъ ей ножку. Хозяинъ удивился, когда журавля подали объ одной ногѣ и позвалъ къ себѣ повара; тотъ, не зная, какъ оправдаться—онъ былъ венеціанецъ и изрядный дуралей (come nuovo bergolo ego, cosi pareva)—сталъ увѣрять, что журавли и живые иначе не бываютъ, какъ объ одной ногѣ. Разсердился Куррадо, но не хотѣлъ при гостяхъ терять съ нимъ словъ и сказалъ только, что пусть завтра Кикибіо покажетъ ему журавля объ одной ногѣ; а не покажетъ, онъ съ нимъ расправится по-своему. На другой день выѣзжаютъ они оба искать журавля; отъ страха дрожитъ Кикибіо, и куда ни посмотритъ, все ему чудятся журавли—но на парѣ ногъ. Наконецъ, подъѣзжая къ рѣкѣ, видятъ они до 12 журавлей, стоящихъ, какъ они всегда стоятъ, когда спятъ, на одной ногѣ. Обрадовался Кикибіо и показалъ ихъ хозяину; тотъ разсердился, крикнулъ на журавлей, тѣ пустились бѣжать. Развѣ ты не видишь обѣихъ ногъ? Кикибіо въ испугѣ, самъ не зная какъ, нашелся: «Да, но вы вчера не кричали, а еслибъ закричали, то, пожалуй, журавль точно такъ расправилъ бы другую ногу, какъ и эти!» Хозяинъ согласился, что и вчера слѣдовало кричать, разсмѣялся и помирился съ нимъ.

Другой интересный примѣръ того, какъ тщательно и подробно ведетъ авторъ свое повѣствованіе, чтобъ сказать пикантную въ свое время остроту, видно изъ 9-ой новеллы, весьма любопытной во многихъ отношеніяхъ. Озаглавлена она такимъ образомъ (привожу въ переводѣ): «Гвидо Кавальканти одною фразой (motto) говоритъ вѣжливую дерзость нѣкоторымъ флорентійскимъ кавалерамъ, которые хотѣли поймать его въ расплохъ». Надо замѣтить, что личность эта историческая: одинъ Гвидо Кавальканти былъ другъ Данте, поэтъ, умершій въ 1300 году, а отецъ его, о которомъ идетъ рѣчь въ новеллѣ, Кавальканте-деи-Кавальканти, извѣстенъ былъ за эпикурейца и атеиста, почему и Данте въ 10-й пѣснѣ Ада помѣстилъ его въ отдѣленіи еретиковъ. Этотъ Кавальканти нарисованъ у Данте нѣсколькими стихами въ той знаменитой сценѣ, когда путники остановились и говорятъ съ гордымъ флорентинцемъ Фаринато-дельи-Уберти, а тѣнь Кавальканти приподнимается изъ могилы, осматривается, какъ будто ищетъ кого-нибудь рядомъ съ Данте и, наконецъ, спрашиваетъ, со слезами: «Если величіе души привело Данте въ эту темную

область, то гдѣ же другъ его», т.-е. сынъ Кавальканти? (Тер. 18—24). Этого же еретика выводитъ и Боккачіо, только онъ переноситъ насъ въ ту веселую жизнь Флоренціи, гдѣ какъ будто не существуетъ Гибеллиновъ, переносившихъ въ Адъ свои политическія страсти, ни еретиковъ, терпѣвшихъ муки въ огненныхъ могилахъ.

«Вамъ должно быть извѣстно, что въ старину въ нашемъ городѣ были прекрасные и похвальные обычаи, которые до насъ не сохранились, потому что скупость возросла вмѣстѣ съ богатствомъ и всѣхъ ихъ вывела. Одинъ изъ этихъ обычаевъ состоялъ въ томъ, что въ разныхъ мѣстахъ Флоренціи собирались дворяне изъ окрестностей (gentili uomui delle contrade), образовывали изъ себя кружки, заботясь, чтобы тутъ были только тѣ, кто могъ нести большіе расходы, потому что каждый угощалъ общество на свой счетъ поочереди, сегодня одинъ, завтра другой: они часто приглашали иностранныхъ рыцарей, когда такіе попадались, а также и своихъ горожанъ. Разъ въ годъ по крайней мѣрѣ они всѣ одѣвались одинаково; въ извѣстные дни года вмѣстѣ ѣздили верхомъ по городу, или устроивали турниры, особенно по большимъ праздникамъ, или когда въ городъ приходила радостная вѣсть о побѣдѣ, или о чемъ другомъ. Въ одно изъ такихъ обществъ, собиравшееся вокругъ мессира Бетто Брунеллески [1]), компанія этого мессира всячески придумывала, какъ бы привлечь Гвидо Кавальканте-деи-Кавальканти; и не даромъ они добивались того: Гвидо былъ не только одинъ изъ первыхъ въ мірѣ «логиковъ» и замѣчательный философъ,—до этого компаніи дѣло было мало,—но онъ былъ очень красивый и порядочный человѣкъ (leggiadressiono e costumato), хорошо говорилъ, и все, что́ ни дѣлалъ и что́ подобаетъ дѣлать дворянину, онъ дѣлалъ лучше другихъ; кромѣ того, онъ былъ чрезвычайно богатъ и каждому могъ воздать должное. Мессиру Бетто съ товарищами никогда не удавалось залучить его, и они приписывали это тому только, что, много размышляя, Гвидо чуждался людей. А такъ какъ онъ держался ученія Эпикура, то большинство (la gente volgare) думало, что въ своихъ размышленіяхъ онъ старался доказать, что нѣтъ Бога. Вотъ однажды случилось, что Гвидо шелъ по улицѣ Адимори отъ С. Микеле къ С. Джовани, дорогой, по которой онъ часто ходилъ и которая уставлена была большими могильными памятниками изъ мрамора (они теперь въ церкви

[1]) Предокъ знаменитаго архитектора (1377—1446), построившаго тотъ куполъ флорентійскаго собора, который М. Анжело взялъ образцомъ для купола св. Петра.

С. Репарата); онъ находился между порфировыми колоннами, этими памятниками и запертой дверью; тогда мессиръ Бетто и его общество, проѣзжая по площади С. Репарата и завидя Гвидо между могилами, сказали себѣ: пойдемъ, подразнимъ его! (Andiamo a dargli briga). Они пришпорили коней какъ на веселую атаку, настигли его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, и стали говорить: «Гвидо, ты отказываешься быть изъ нашихъ! Но если ты и найдешь, что Бога нѣтъ, то что́ же будетъ изъ этого?» — Гвидо, видя, что уйти отъ нихъ некуда, быстро отвѣтилъ: — «Господа, вы здѣсь у себя дома, можете сказать мнѣ все, что́ вамъ угодно!» И опершись рукою на одинъ изъ могильныхъ памятниковъ, которые были очень высоки, онъ прыгнулъ очень легко, перекинулся на другую сторону и, увернувшись отъ нихъ, ушелъ. Собесѣдники остались въ недоумѣніи; глядя другъ на друга, они стали говорить, что онъ полоумный, что отвѣтъ его не имѣетъ смысла, что мѣсто, гдѣ они находились, принадлежало столько же имъ, сколько всѣмъ другимъ горожанамъ и самому Гвидо не меньше, чѣмъ имъ. Но мессиръ Бетто, обращаясь къ нимъ, сказалъ: «Полоумные-то вы, если не поняли его: онъ вѣжливо и немногими словами сказалъ намъ самую крупную дерзость: потому что, посмотрите-ка хорошенько, эти памятники вѣдь дома́, въ которыхъ живутъ мертвые; если онъ говоритъ, что тутъ мы до́ма, это значитъ, что мы и другіе глупы, и необразованные люди въ сравненіи съ нимъ и другими учеными хуже, чѣмъ мертвые. Потому-то, находясь тутъ, мы у себя дома». Тогда поняли всѣ, что́ хотѣлъ сказать Гвидо, устыдились, не стали приставать къ нему, а мессира Бетто стали считать кавалеромъ тонкимъ и умнымъ. Дерзость, выраженная такъ загадочно, носитъ на себѣ характеръ восточной образности, напоминая отчасти ветхозавѣтныя сравненія; г-нъ Буслаевъ (Стр. Нов. и Разск., 4,1874), говоря о переводѣ Панчитантры на персидскій языкъ VI в., разсказываетъ, что ученый врачъ, посланный въ Индію — почерпнуть тамъ новыя знанія, вычиталъ въ одной книгѣ, что на индійскихъ горахъ растутъ чудодѣйственныя травы, воскрешающія изъ мертвыхъ, — отправился въ Индію набрать этихъ травъ, долго искалъ и не могъ найти. Когда, наконецъ, въ своихъ поискахъ обратился онъ къ браминамъ, ему объяснили они смыслъ вычитанной имъ загадки. Дѣйствительно въ Индіи есть такая драгоцѣнность, только подъ горами надобно разумѣть мудрецовъ, воскрешающее зелье — это ихъ ученіе, *а мертвые — это глупцы* и порочные, которыхъ ученіе мудрецовъ воскрешаетъ къ новой жизни. Такимъ образомъ, соль новеллы —

дерзость или колкость и вмѣстѣ глубокомысленное сравненіе, взятое изъ тѣхъ средневѣковыхъ мотивовъ, которые, являясь съ Востока, проникали собою народное творчество. Тутъ мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ новеллистъ *новое*, необыкновенное для своего разсказа не только бралъ изъ народной фантазіи, но умѣлъ это зерно окружить чертами народной жизни, отразить въ формѣ анекдота окружающую его дѣйствительность: новелла обставлена деталями чисто-мѣстнаго характера, лицо — извѣстное въ исторіи, памятное народу опредѣленной физіономіей философа; нравы — быть современной рыцарской молодежи, мѣсто — ясно обозначено, главныя улицы Флоренціи. Разсказчикъ не упустилъ изъ виду ничего, что бы могло придать интересъ пикантной остротѣ, въ глазахъ современной ему публики. Оттого для позднѣйшаго времени его pointe не чувствительны и ихъ остроуміе устарѣло; но пріемы его художественнаго разсказа никогда не утратятъ своего значенія. Пріемы эти вытекали изъ той непосредственности, съ которой велъ дѣло разсказчикъ; разсказывая анекдотъ про историческое лицо, онъ заботится вовсе не о томъ, чтобъ одною рѣзкою чертою уловить его физіономію, характеризовать его индивидуальность; его интересъ — на комической сторонѣ предмета. Такъ, напримѣръ, въ 5-ой новеллѣ рѣчь идетъ о Джіотто. Боккачіо сперва говоритъ о его великомъ талантѣ, о томъ, какъ онъ воспроизводилъ природу съ такою вѣрностью, что обманывалъ зрѣніе: тутъ, конечно, мы въ правѣ ожидать какого-нибудь на то доказательства, анекдота изъ художнической дѣятельности, въ родѣ тѣхъ, какіе приписываются всѣмъ великимъ живописцамъ (къ нимъ, напримѣръ, относится анекдотъ, разсказанный у Вазари про то, какъ Джіотто, будучи еще ученикомъ Чимабуе, на рисункѣ учителя нарисовалъ муху такъ вѣрно и живо, что Чимабуе нѣсколько разъ пытался согнать ее, прежде чѣмъ догадался, что она написана). А между тѣмъ новеллистъ хочетъ только доказать своимъ разсказомъ ту мысль, что если судьба въ низкомъ сословіи скрываетъ иногда благородство характера (la fortuna sotto vili arti alcuna voltu grandissimi tesori di virtu nascunde), то точно такъ же и подъ самою некрасивою наружностью природа скрываетъ иногда удивительныя дарованія (maravigliosi ingegni). Такъ, нѣкто мессиръ Форезе да-Рабатта, извѣстный ученый законовѣдъ, обладалъ маленькою, уродливою фигуркой и сморщеннымъ курносымъ лицомъ. Джіотто, какъ извѣстно, не былъ красивѣе. Случилось имъ однажды встрѣтиться, возвращаясь изъ своихъ помѣстій. На дорогѣ ихъ засталъ проливной дождь; они было-укрылись къ знакомому крестьянину,

но дождь не перестаетъ, и они, взявши старые плащи и порыжѣлыя шляпы, продолжаютъ путь. Пока дождь лилъ сверху, а лошади брызгали ихъ грязью изъ-подъ ногъ, путники, намокшіе и испачканные, увлеклись бесѣдой: Джіотто былъ мастеръ говорить. Слушая, Форезе принялся вдругъ со всѣхъ сторонъ осматривать его съ ногъ до головы, и потомъ, не глядя на себя, а видя его въ такомъ непредставительномъ и некрасивомъ видѣ, засмѣялся и сказалъ: «Джіотто, еслибъ какой-нибудь иностранецъ, никогда тебя не видавшій, встрѣтилъ теперь насъ, какъ ты думаешь, повѣрилъ ли бы онъ, что ты—лучшій живописецъ въ мірѣ?» На что Джіотто быстро отвѣчалъ:—Да, конечно, повѣрилъ бы, еслибъ, глядя на васъ, могъ подумать, что вы грамотны (voi sapeste l'a, bi, ci). Естественно, что личность геніальнаго живописца мало выясняется отъ незамысловатаго примѣра его находчивости. Но тутъ Боккачіо рисуетъ Джіотто такимъ, какимъ сохраняла его народная молва, приписывая ему много живости, веселости и остроумія. Вообще этой тѣсной связи писателя съ мыслью народа нельзя не замѣтить и въ этомъ отдѣлѣ анекдотовъ; но то, что было особенно близко и интересно его эпохѣ, намъ кажется значительно устарѣлымъ (напримѣръ, этотъ остроумный будто бы отвѣтъ); намъ не только не смѣшны всѣ эти выходки и отвѣты, но даже самые художественные пріемы автора насъ не сразу привлекаютъ: его изящество описанія, тщательность отдѣлки, всѣ достоинства его реализма простираются на предметы мѣстнаго характера, мало намъ знакомые, и понятно, что анекдотъ, требующій комментарія, не производитъ уже того непосредственно-художественнаго обаянія, которымъ дѣйствовалъ онъ на своихъ современниковъ.

VIII.

Остроуміе въ разсказахъ *7-го, 8-го и 9-го дней* «Декамерона» выражается не въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ и отвѣтахъ, а рядомъ проказъ и продѣлокъ. Имѣя предметомъ ту распространенную въ народѣ *beffa,* образцы которой мы уже видѣли раньше, разсказы эти опять должны вращаться въ области городскихъ, лучше сказать, мѣщанскихъ интересовъ. Тутъ этотъ существенный элементъ разсказа еще тѣснѣе обособляется тѣмъ, что *седьмой день* посвященъ исключительно тѣмъ обманамъ и продѣлкамъ, которые разыгрываются женами надъ мужьями. Выше мы видѣли, что сюжеты на эту тэму изобиловали въ средневѣковой повѣсти,

являясь въ нее изъ самой глубокой древности, изъ самыхъ отдаленныхъ источниковъ повѣствованія. Тэма эта пустила корни и развилась въ средневѣковой литературѣ, благодаря различнымъ и отчасти противоположнымъ обстоятельствамъ. Съ одной стороны, тутъ дѣйствовало монашеское, аскетическое ученіе христіанскихъ проповѣдниковъ, которые, предостерегая народъ отъ искушенія и грѣха, вселяли ненависть къ женщинѣ, какъ къ источнику всякаго зла на землѣ, вселяли враждебное чувство и къ семейной жизни, какъ несовмѣстимой съ идеаломъ подвижничества, выросшемъ на Востокѣ и разошедшемся по всей средневѣковой Европѣ. Что на Руси это направленіе мысли было господствующимъ — извѣстно всякому, кто хотя бѣгло знакомъ съ нашей старинной письменностью [1]). Несомнѣнно, что это ученіе, эти идеалы, выходя изъ книжной литературы, изъ житій святыхъ, изъ легендъ, изъ церковныхъ традицій, глубоко затрогивали умственную дѣятельность народа и необходимо должны были отражаться на его повѣствовательной литературѣ. Черпая основныя тэмы повѣстей изъ восточныхъ сборниковъ, средневѣковая фантазія усвоивала себѣ и тѣ примѣры женской злобы, которыми богаты были эти сборники, и которые вполнѣ согласовались съ отрицательнымъ взглядомъ монаха на женщину. Если, какъ мы видѣли въ Новеллино, сила женской красоты уподоблялась демонской, если человѣкъ ничего не въ силахъ былъ противопоставить влеченіямъ своей природы, то не даромъ у него являлось озлобленіе, и онъ мстилъ женщинѣ рядомъ самыхъ грубыхъ нападокъ на ея необузданность, непостоянство, жестокость и вѣроломство. Съ другой стороны, мы видѣли, въ *третьемъ днѣ* «Декамерона», что тэма о томъ, какъ ловкостью, industria, возвращается потерянное и пріобрѣтается желаемое,—относила цѣль этой ловкости, этихъ желаній, почти исключительно въ кругъ чувственныхъ наслажденій, потому только, что молодая природа новыхъ народовъ сказывалась избыткомъ физическихъ страстей; въ литературѣ эта потребность жить и радоваться, а не ждать утѣшеній въ загробной жизни, выражалась преобладаніемъ грубаго цинизма. И, конечно, особенно рѣзко выражался этотъ цинизмъ, эта необуз-

[1]) Забѣлинъ: Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Ст. „Женщина по понятіямъ русскихъ книжниковъ“. См. у Пыпина (Очеркъ литер. исторіи стар. повѣстей и сказокъ русскихъ стр. 276). Интересный фактъ, что изъ 5-ти новелъ Боккачіо, извѣстныхъ въ Россіи, 3 заимствованы изъ этого 7-го дня, вѣроятно не только потому, что онѣ были весьма распространены въ народной западной литературѣ, но и потому, что какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали ходячему на Руси мнѣнію о присущей женщинѣ испорченности.

данная потребность наслажденія въ тѣхъ произведеніяхъ ихъ фантазіи, которыя, близко соприкасаясь съ дѣйствительностью, отражали всю грубость первобытнаго общества. Повѣсть, заимствуя у монаховъ духъ обличенія женщины, одѣвала это обличеніе самыми яркими красками, и тэма женской невѣрности должна была давать просторъ циническимъ сюжетамъ въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ. Отъ этого, то направленіе, которое вызывалось аскетизмомъ, съ другой стороны поддерживалось совершенно противоположнымъ ему стремленіемъ человѣческой природы: духъ моралистовъ выборомъ извѣстнаго ряда сюжетовъ старался противодѣйствовать грубости первобытныхъ инстинктовъ, а повѣсть потворствовала имъ, хотя и разработывала тѣ же самые сюжеты.

Кромѣ того, откровенность страсти, разнузданность физическихъ побужденій, являясь въ этомъ отдѣлѣ народной словесности естественнымъ противовѣсомъ тому церковно-монашескому духу, которымъ отчасти вызывалась, дѣлалась вмѣстѣ съ тѣмъ и законнымъ дополненіемъ того высоко-идеальнаго исключительнаго содержанія, которое христіанская религія вкладывала въ формы новаго искусства. Извѣстно, что высшія произведенія средневѣковаго духа, готическая архитектура и схоластическая наука задавались обширными цѣлями, высокими идеалами, для достиженія которыхъ у человѣчества не хватило средствъ: соборы остались недостроенными, потому что колоссальные размѣры должны были соотвѣтствовать той безпредѣльно-обширной идеѣ, которую они олицетворяли въ своихъ строго-органическихъ формахъ; въ той же мѣрѣ не удалась и средневѣковой наукѣ попытка объединить всѣ проявленія ума человѣческаго, подчинивъ ихъ одному теологическому закону: жизнь не укладывалась въ рамки ея узко-схоластическаго метода. Какъ въ наукѣ, такъ и въ искусствѣ, идеалы превышали въ народѣ способности къ ихъ художественному воспроизведенію; оттого та литература его, которая не задавалась идеальными цѣлями, а непосредственно вытекала изъ его дѣйствительной жизни, должна была давать перевѣсъ земнымъ помысламъ надъ идеальными, неудовлетворенными стремленіями души; заставляя въ погонѣ за чувственными наслажденіями торжествовать плоть надъ духомъ, повѣсть цинически относилась ко всякому обману, ко всей житейской грязи, и тѣмъ какъ-бы уравновѣшивала въ народномъ умѣ высокіе порывы религіозно-настроенной мысли. Ниже, въ 10-мъ днѣ «Декамерона» мы увидимъ, какъ трудно было идеаламъ того вѣка облечься въ соотвѣтствен-

ную художественную форму: какъ далеко ни уходили идеальные замыслы писателя, они не покидали той почвы грубо-грязнаго реализма, на которой основанъ отдѣлъ его разсказовъ о женской хитрости.

Такимъ образомъ, душевное настроеніе того общества, которое въ своей первобытной литературѣ переработывало и восточно-христіанскіе аскетическіе элементы мысли, и остатки отжившихъ классическихъ литературъ въ видѣ греческой и римской беллетристики, самое настроеніе этого общества обусловливало въ произведеніяхъ средневѣкового народнаго ума изобиліе тѣхъ тэмъ и сюжетовъ, которые не могутъ быть терпимы въ изящной литературѣ. Но, помимо этого общаго движенія мысли, въ богатствѣ варіантовъ на тэму женской невѣрности виновата прежде всего извѣстная степень эстетическаго развитія. Повѣсть обособилась, выдѣлилась изъ того первоначальнаго умственнаго достоянія народа, изъ котораго образуется всякое эпическое произведеніе. Въ эпосѣ обыкновенно за миѳическимъ періодомъ слѣдуетъ богатырскій, героическій, который въ средніе вѣка вырождается въ эпопею искусственную, въ рыцарскій романъ; онъ преслѣдуетъ высокія цѣли повѣствованія, воплощаетъ образы героевъ. Но этимъ не исчерпываются всѣ литературныя потребности народнаго ума. Кромѣ способности творить полумиѳическихъ героевъ, олицетворяя въ нихъ свое воззрѣніе на человѣка и природу, у народа есть еще не менѣе сильное стремленіе тѣшить, забавлять своею фантазіею, пестрою игрою отдѣльныхъ представленій,—это—стремленіе къ смѣшному, къ комическому, на которомъ умъ человѣческій останавливается съ одинаковою любовью, какъ и на высокомъ изящномъ. Если смѣхъ производится сопоставленіемъ двухъ противорѣчивыхъ понятій, а тонкость ума, остроуміе состоитъ въ томъ, чтобъ въ несхожихъ понятіяхъ найти сходство и примирить ихъ противорѣчіе, открывши какую-нибудь незамѣтную, общую имъ черту, то всякія «загадки», создаваемыя народною фантазіею, вытекаютъ изъ этой склонности къ смѣшному и забавному. Отъ этого въ народномъ, еще полумиѳическомъ творчествѣ, въ эпосѣ, загадка играетъ такую важную роль; позже, область народнаго остроумія расширяется, и все, что̀ порождаетъ смѣхъ, будь то игра словъ, каламбуръ, игра случая въ жизни, необыкновенное приключеніе, мѣткій отвѣтъ, саркастическое замѣчаніе—будетъ привлекать умъ своею острою стороною; а впослѣдствіи обособится въ отдѣлъ повѣствованія преимущественно анекдотическаго характера. Этотъ-то отдѣлъ на-

родной словесности и составитъ прежде всего матеріалъ новеллы [1]).

Въ средніе вѣка матеріалъ этотъ изобилуетъ, средневѣковая фантазія черпаетъ его отовсюду, особенно охотно изъ восточныхъ литературъ; напримѣръ, извѣстно, какъ распространена въ странствующихъ разсказахъ исторія замысловатаго процесса, курьёзной тяжбы, въ которой проявляется остроумная проницательность, тонкость судьи или мудреца, разрѣшающаго неразрѣшимый вопросъ; въ Новеллино на эту тэму есть разсказъ о мудрецѣ, который по признакамъ, видимымъ ему одному, угадываетъ истину. Въ подобныхъ сюжетахъ фантазія тѣшится загадкой, комическій элементъ—въ неожиданной разгадкѣ, въ необыкновенномъ оборотѣ дѣла. Но склонность первобытнаго ума къ комизму можетъ выражаться и инымъ еще путемъ. Во Франціи большой отдѣлъ фабліо посвященъ ловкимъ обманамъ, покражамъ, хитро придуманнымъ и скрытымъ преступленіямъ и т. п., потому только, что всякій обманъ можетъ быть *смѣшонъ*. Разумѣется, нравственная сторона лжи здѣсь, за хитростью выдумки, не принимается въ разсчетъ; да и вообще нравственные идеалы усиливаются въ народѣ позже, и первая ступень народнаго развитія не есть время его невинности и доброты, какъ воспѣвали въ старину поэты. Обманъ смѣшонъ, потому что смѣшно видѣть ловко одураченнаго человѣка, весело можетъ быть осмѣять человѣческую глупость и довѣрчивость; назначеніе повѣсти занять умъ комическимъ пред-

---

[1]) Въ чемъ заключается и при какихъ историческихъ условіяхъ усиливается этотъ „новеллистическій матеріалъ“—очень остроумно характеризовано въ небольшой брошюркѣ: Bernhard Erdmannsdoerffer: Das Gutalter der Novelle in Hellas. Berlin, 1870. Находя большое сходство въ историческомъ и соціальномъ положеніи двухъ эпохъ, эпохи крестовыхъ походовъ въ Европѣ и эпохи 7-ми мудрецовъ въ Эллядѣ (отъ окончанія миѳически-героическаго періода до процвѣтанія древнихъ тираній), авторъ на примѣрѣ итальянской новеллы опредѣляетъ анекдотическое содержаніе повѣсти, и, хотя подобныхъ произведеній у грековъ не существовало, указываетъ всѣ элементы, изъ которыхъ они могли бы образоваться и которые существовали какъ въ народной жизни, въ народныхъ вѣрованіяхъ и сказаніяхъ, такъ и у повѣствователей-историковъ Эллады. Автору можно возразить только то,—если допустимъ, что историческія параллели бываютъ не только блестящи, но и вѣрны дѣйствительной исторіи,—что существованіемъ однихъ элементовъ новеллы нельзя опредѣлить данной эпохи; нельзя говорить о „вѣкѣ новеллы“, когда новелла не существуетъ, какъ отдѣльный родъ художественныхъ произведеній, когда въ литературѣ разсѣянъ только матеріалъ ея; а онъ можетъ быть у всѣхъ народовъ извѣстной степени развитія, во всѣхъ литературахъ, потому что вытекаетъ изъ общечеловѣческой потребности народнаго ума, изъ склонности нашего воображенія не къ одному высокому, но къ забавному, къ остроумному, къ *смѣшному*, въ смыслѣ необыкновеннаго, загадочнаго.

ставленіемъ, и потому въ ея шутливомъ содержаніи должно быть подобрано все, что̀ можетъ придать пикантность предмету. Если смѣшонъ всякій обманъ, то особенный смѣхъ долженъ возбуждать онъ въ области семейныхъ, супружескихъ отношеній. Обманутый мужъ часто служитъ поводомъ трагическихъ столкновеній, но своею глупою стороною издревле доставляетъ сюжеты и для безчисленныхъ комедій. Вспомнимъ, какъ много комизму потратило человѣчество на обработку этой тэмы, какъ часто и какъ зло смѣялось оно надъ одураченными мужьями! Смѣялось оно главнымъ образомъ потому, что обманъ смѣшонъ не только своею остротою, но и своими грязными сторонами. На низшей ступени народнаго развитія, при низкомъ уровнѣ общественной нравственности—и комизмъ существуетъ преимущественно циническій; тутъ смѣшны кажутся тѣ шутки и выходки, которыя впослѣдствіи будутъ называться наивными, откровенными и, наконецъ, прямо неприличными и непристойными. Разсказывая случай одураченія мужа или любовника, народъ потѣшался не проницательностью догадливаго человѣка, какъ въ восточной сказкѣ, не острою, не тонкою, но грязною и плоскою стороною житейскихъ отношеній. Отсюда и крайній цинизмъ народной повѣсти; оттого и въ Боккачіевой новеллѣ такое изобиліе сюжетовъ рѣшительно непонятныхъ и немыслимыхъ въ наше время. Ихъ непозволительное содержаніе точно также обусловливалось задачами новеллы, какъ и незамысловатость остроумія предъидущаго дня анекдотовъ.

Слѣдовательно, если первымъ назначеніемъ новеллы было воспроизведеніе всего остроумнаго, выдающагося въ жизни, того ли, что̀ просто смѣшно, комично, какъ отвѣтъ шута, или того, что̀ является необыкновенной загадочной игрой случайностей въ жизни человѣка,—то понятно, почему разсказчикъ черпалъ свой сюжетъ одинаково, какъ изъ области трагическихъ столкновеній и любовныхъ похожденій, такъ и изъ области грубыхъ проказъ и продѣлокъ, «beffa». Въ послѣднемъ случаѣ онъ ради смѣха касался самыхъ грязныхъ мелочей жизни, переполняя яркимъ цинизмомъ повѣствованіе, заимствованное имъ или изъ народныхъ вымысловъ, или изъ самой дѣйствительности. Мы уже видѣли на новеллахъ первыхъ дней, какимъ реализмомъ отмѣчены эти разсказы и какъ ихъ происхожденіе обусловливало художественные пріемы геніальнаго разсказчика; мы видѣли, что новеллистъ, хотя и обработывалъ общеевропейскіе сюжеты, но обрисовывалъ ихъ чертами окружавшей его жизни, потому-что встрѣчалъ вокругъ себя, какъ ту цѣльность, первобытность душев-

ныхъ страстей и ощущеній, отразившуюся на мрачномъ колоритѣ 4-го дня, такъ и тотъ индифферентизмъ, который особенно рѣзко выдается на примѣрѣ Саккетти; мы упоминали о томъ, что жизнь республиканской общины изобиловала художественными элементами, но стояла очень далеко отъ нравственныхъ идеаловъ и задачъ; что историческій характеръ народа, тонкость, изворотливость дипломатическаго ума, бойкость, насмѣшливость народа, торгашей и шутовъ, преобладаніе въ государствѣ личныхъ интересовъ и стремленій—все порождало пониманіе той художественности, за которою не видна была жестокость или грубость тогдашняго остроумія. Если насмѣшка цѣнилась такъ высоко, что за нее прощалось даже преступленіе, то новеллистъ могъ рисовать ее во всей ея жизненной полнотѣ, не стѣсняясь никакими соображеніями, и рисовать ради художественнаго эффекта, а никакъ не ради обличенія. Отъ этого хотя у новеллы вообще нельзя отнять сатирическаго общественнаго значенія, но не слѣдуетъ забывать, что сатира въ ней подчинялась художественнымъ цѣлямъ повѣствованія: новеллистъ только смѣялся, а не негодовалъ, и сатира возникала сама собою отъ зоркости его художественнаго взгляда; какъ въ незатѣйливомъ анекдотѣ, пересказывая плоскую колкость, разсказчикъ умѣлъ уловить и передать типичный характеръ, такъ и тутъ, въ новеллахъ, напоминающихъ, бо́льшею частію, площадные народные фарсы съ побоями и вѣстари извѣстными хитростями, подъ перомъ художника создаются типы и ситуаціи, тѣ комическіе мотивы, которыми впослѣдствіи не побрезгаютъ великіе драматурги-комики и Италіи, и Франціи, и Англіи.

Мы не станемъ подробнѣе останавливаться на разсказахъ этого 7-го дня «Декамерона»: они ведутся на тэму тѣхъ обмановъ, насмѣшекъ, которые ради любви или ради безопасности женщины дѣлали мужьямъ, будучи уличены и нѣтъ (delle beffe, le guali o per amore o per salvamento de loro, le donne hanno gia fatle asuoi mariti, senza esserne avveduti o si). Эти хитрости и увертки разсказаны съ безцеремонностью, составившей имъ репутацію невозможныхъ въ литературѣ сюжетовъ. Но и тутъ Боккаччіо не можетъ претендовать на оригинальное изобрѣтеніе тэмъ своего разсказа: почти всѣ онѣ составляютъ основные мотивы дѣйствія, сюжеты, извѣстные у европейскихъ народовъ. Здѣсь встрѣчаемъ классическія воспоминанія, въ видѣ сказки Апулея, но большая часть новеллъ заимствована изъ французскихъ фабліо и изъ тѣхъ средневѣковыхъ сборниковъ, которые обработывали тэмы, занесенныя съ Востока. Извѣстные пріемы

обмана, одинѣ и тѣ же хитрости попадались очень часто въ подобныхъ сюжетахъ, и талантъ разсказчика могъ только сказываться въ ихъ подборѣ, въ ихъ новой, оригинальной отдѣлкѣ. Одинъ изъ такихъ, наиболѣе распространенныхъ мотивовъ, заключается въ разсказѣ (Nov. IV) о томъ, какъ мужъ однажды запираетъ дверь передъ женою, возвращающеюся поздней ночью, а та, бросивъ камень въ колодецъ, дѣлаетъ видъ, какъ-будто сама утопилась; когда мужъ, испугавшись, выходитъ изъ дому, она запирается и обвиняетъ его при народѣ въ томъ, въ чемъ сама была виновата. Позже, мотивъ этотъ встрѣчается въ ком. Мольера и въ ком. К. Биббіены, заимствовавшихъ его, быть можетъ, у Боккачіо, не говоря уже про раннія обработки его у средневѣковыхъ разсказчиковъ. На заимствованія изъ народной литературы, помимо ученыхъ изслѣдованій, указываетъ самый духъ этихъ новеллъ; крайній цинизмъ въ подборѣ комическихъ моментовъ, низкія и грубыя побужденія, на которыхъ основывается завязка и развязка разсказа, очевидно переносились художникомъ изъ той сферы народнаго творчества, въ которую и грубость варварства, и утонченная развращенность античныхъ воспоминаній и вліянія Востока вносили всѣ свою долю грязныхъ помысловъ и интересовъ. Правда, Боккачіо, какъ геніальный писатель, распоряжается своимъ матеріаломъ довольно произвольно. Такъ, во *второй* новеллѣ этого дня и раньше—въ *десятой* 5-го, онъ ведетъ разсказъ довольно близко къ подлиннику—сказкѣ Апулея, не измѣняя въ немъ многихъ мелочей и подробностей разсказа, и нѣкоторыя мѣста пересказывая чуть не дословно; но за то костюмъ его лицъ — чисто итальянскій, и разсказъ отличается вполнѣ оригинальными, чисто-боккачіевыми чертами. Часто онъ смягчаетъ грубость, дикость оригинала, или усиливаетъ комическія стороны сюжета, подчеркивая грязную шутку, циническое замѣчаніе. При этомъ онъ не скрываетъ, что не ему принадлежитъ изобрѣтеніе сюжета, и это служитъ даже въ пользу его разсказа, напр., въ 1-ой новеллѣ этого дня, онъ выдаетъ разсказъ за быль и предлагаетъ два варіанта какого-нибудь обстоятельства: одни будто бы разсказываютъ это такъ, другіе—иначе.

Вообще онъ ничѣмъ не стѣсняется, чтобъ придать яркость, цѣльность и рельефность своему разсказу: онъ опуститъ неправдоподобную мелочь, прибавитъ новое, болѣе или менѣе пикантное обстоятельство и немногими, казалось бы, мелкими чертами опредѣлитъ всѣ очертанія своей жанровой картинки. Отсюда большая законченность художественнаго изображенія, тѣ качества

повѣсти, которыя дѣлаютъ «Декамеронъ» классическимъ образцомъ изящнаго разсказа. Но эти качества нисколько не смягчаютъ и крупныхъ недостатковъ содержанія, напротивъ, они выступаютъ здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Чтобъ сдѣлать новеллу ближе и доступнѣе фантазіи читателя, бойкая кисть Боккачіо не останавливается ни предъ какими деталями и сюжетъ раскрывается во всей его непозволительной, непередаваемой яркости. Но виноватъ ли авторъ, если юморъ его примѣнялся къ тому, что жило въ фантазіи его эпохи, и долженъ былъ выливаться въ образахъ, выхваченныхъ изъ житейской грязи? Винить ли его въ томъ, что другая область литературнаго творчества, болѣе чистая и высокая, не мирилась съ тѣмъ реализмомъ, представителемъ котораго Боккачіо является въ исторіи словесности? А, между тѣмъ, реализмъ этотъ дѣлаетъ его человѣкомъ новаго времени, хотя его повѣсть порождается умственнымъ настроеніемъ *средневѣковаго* общества. Въ чемъ сказывался этотъ реализмъ, какимъ образомъ на будничныя черты народной жизни великій писатель умѣлъ наложить печать творчества, сдѣлавши мелкій жанръ высоко-художественнымъ произведеніемъ, мы это видѣли отчасти на предшествующихъ тэмахъ новеллъ, отчасти увидимъ еще въ слѣдующихъ дняхъ «Декамерона», гдѣ сюжеты, какъ ни грубы и плоски, больше мирятся съ современнымъ намъ литературнымъ изложеніемъ.

Въ *8-мъ днѣ* разсказовъ мы опять имѣемъ дѣло съ тою же «beffa», здѣсь идетъ рѣчь о насмѣшкахъ, которыя разыгрываются мужчинами надъ женщинами и обратно,—вообще о насмѣшкахъ одного надъ другимъ. Уже по одному заглавію можно судить, что дѣло не обходится тутъ безъ циническихъ сюжетовъ, но мы не вращаемся такъ исключительно среди семейной грязи, какъ въ предъидущемъ днѣ. Новеллы восьмого дня наиболѣе соотвѣтствуютъ тому тѣсному значенію термина «nuovo»—новый, которое имѣетъ онъ во Флоренціи того времени и которое придаетъ повѣсти ея комическій, насмѣшливый характеръ. Здѣсь насмѣшка разыгрывается надъ людьми «новыми», глупыми, недогадливыми, на которыхъ сыпятся шутки и побои отъ весельчаковъ, изобрѣтателей разныхъ «новинокъ». Про одного остряка въ 6-мъ днѣ 6-й новеллы Боккачіо говоритъ, что у него всегда были въ запасѣ «le piu nuove novelle»—самыя «новыя», смѣшныя выдумки. Нечего говорить, что остроуміе въ проказахъ этихъ шутниковъ кажется въ наше время такъ же плоско и наивно, какъ и въ изящно-разсказанныхъ анекдотахъ 6-го дня, но здѣсь, какъ и тамъ, выводятся на сцену живыя лица, и «beffa», порожденіе

чисто-мѣстной жизни, воплощается въ рядѣ законченныхъ художественныхъ образовъ. Если въ перескавѣ мелкой колкости разсказчикъ умѣетъ рельефно очертить ситуацію, намѣтить типъ, поражающій и теперь, на разстояніи стольких вѣковъ, своей жизненностью и реальностью, то естественно, что и въ этомъ днѣ «Декамерона» мы встрѣчаемся съ тѣми же качествами повѣствованія. Типъ, который здѣсь очерченъ съ неподражаемымъ мастерствомъ, это — комическій типъ человѣка «новаго», того глупаго, довѣрчиваго «Каландрино», имя котораго вошло въ пословицу и стало нарицательнымъ для извѣстнаго рода характеровъ. Позднѣйшіе писатели, пользуясь типомъ, увѣковѣченнымъ въ «Декамеронѣ», нѣсколько шаржировали его: такъ, знаменитая въ итальянской литературѣ, какъ первая, классически-правильно написанная, комедія кардинала Биббіены, носитъ названіе «La Calandria», по имени главнаго дѣйствующаго лица — Каландро, довѣрчиваго, обманываемаго мужа, способнаго повѣрить самымъ невообразимымъ небылицамъ.

Каландрино — историческое лицо: живописецъ, жившій незадолго до Боккаччіо, онъ, вѣроятно, еще памятенъ былъ многимъ современникамъ новеллиста; особенно много насмѣшекъ переносилъ онъ отъ своихъ собратовъ художниковъ, которые шалостями славились на всю Флоренцію. Самъ Джіотто, геніальный двигатель средневѣковой итальянской живописи, былъ, по свидѣтельству Боккаччіо и Саккетти, истымъ флорентинцемъ въ дѣлѣ остроумія и шутливости, а талантливые послѣдователи его шли въ этомъ отношеніи по стопамъ учителя, пользуясь независимостью таланта, вольностью своего города и своего цеха, чтобъ безпрепятственно продѣлывать разныя болѣе или менѣе безобидныя проказы. Въ «Декамеронѣ» главными зачинщиками и участниками шутокъ надъ Каландрино является Бруно и Буффальмакко (1340 †). Послѣдняго Вазари [1]) рекомендуетъ какъ шутника, «uomo burlevole celebrato da Messir Giovanni Boccaccio», пріятеля Бруно и Каландрино, живописцевъ тоже веселыхъ и шутливыхъ, «faceti e piacevoli», и въ подтвержденіе приводитъ нѣсколько анекдотовъ про него, разсказанныхъ въ 4-хъ новеллахъ Саккетти. Для біографа XVI-го вѣка новеллисты XIV-го были достовѣрными источниками, по которымъ онъ не затруднялся характеризовать историческую личность; какъ про Джіотто Вазари приводитъ новеллы Саккетти, такъ точно и про Буффальмакко онъ ссылается на авторитетъ обоихъ новеллистовъ, подтверждая,

[1]) Vite dei peu eccelenti pittori scultori ed architetti, t. III.

такимъ образомъ, взглядъ на новеллу, какъ на воспроизведеніе дѣйствительной жизни въ ея смѣшныхъ, «новыхъ» проявленіяхъ. Если, такимъ образомъ, новелла служитъ для послѣдующихъ поколѣній выраженіемъ общественнаго мнѣнія о художникѣ, то, очевидно, что новеллистъ писалъ разсказы, группируя въ болѣе или менѣе художественное цѣлое тѣ анекдоты, толки и слухи, которыми народная молва окружала популярныхъ художниковъ. Понятно отъ этого, что, находясь въ такой тѣсной связи съ жизнью, новелла должна была имѣть большой интересъ для современнаго, производившаго ее общества. Встрѣчая въ ней знакомыя имена, знакомыя фигуры извѣстныхъ личностей, понимая какъ тотъ духъ насмѣшливой шутки, которымъ проникнуто ея содержаніе, такъ и всѣ тѣ мелочи, отмѣченныя мѣстнымъ колоритомъ, какъ имена улицъ и площадей, церквей — итальянецъ XIV-го вѣка въ описаніи пошловатой «beffa» видѣлъ выраженіе своего народнаго характера; точно такъ же, какъ въ новеллѣ — сказкѣ о случайныхъ приключеніяхъ оклеветанной женщины, влюбленной четы, благороднаго отца семейства, ему слышался отголосокъ далекихъ сказочныхъ преданій, разработанныхъ въ его первобытномъ творчествѣ. Но отъ этого же новелла такъ мало возбуждаетъ *наше* сочувствіе: насъ въ ней интересуетъ теперь только мастерство художника, создающаго изъ мѣстныхъ отжившихъ чертъ жизни тѣ типы и образы живыхъ людей, сходство которыхъ съ нашей природой мы всегда будемъ въ состояніи провѣрить.

И однимъ изъ такихъ неумирающихъ типовъ добродушнаго глупца, является «Каландрино». Боккачіо вводитъ его (3-я новелла 8-го дня) слѣдующими словами:

«Въ нашемъ городѣ, который всегда изобиловалъ разными обычаями и людьми «новыми», жилъ не такъ давно живописецъ Каландрино, человѣкъ простой и нравовъ «новыхъ», di nuove costumi, который чаще всего бывалъ съ двумя другими живописцами, однимъ — по имени Бруно, и другимъ — Буффальмакко, людьми очень веселыми, но очень умными и тонкими, дорожившими обществомъ Каландрино, потому что часто потѣшались надъ его привычками и простотой».

Въ то же время во Флоренціи жилъ нѣкто Мазо-дель-Саджіо, который въ этихъ новеллахъ часто фигурируетъ, какъ зачинщикъ разныхъ шалостей; по занятію, онъ былъ маклеръ, а въ его конторѣ или лавкѣ, «bottega», гдѣ, по свидѣтельству Вазари, сходились художники, трактовались, очевидно, не одни торговыя дѣла: онъ былъ, какъ говоритъ Боккачіо, d'una maravigliosa pia-

cevolizza, изумительной шутливости, умный и ловкій на разныя выдумки. Въ этой новеллѣ онъ потѣшается надъ Каландрино, и шутку продолжаютъ художники; въ другой онъ затѣваетъ шалость съ помощью шутовъ по ремеслу, придворныхъ буффоновъ (Nov. 5). Наслушавшись разсказовъ о простотѣ Каландрино, онъ вздумалъ продѣлать надъ нимъ какую-нибудь шутку или увѣрить его въ какой-нибудь небылицѣ, alcuna nuova cosa.

Замѣтивши однако, что Каландрино очень внимательно разсматриваетъ рѣзные камни въ церковномъ алтарѣ, Мазо, сговорившись съ однимъ изъ товарищей, сталъ недалеко отъ него и съ видомъ большого знатока принялся толковать о волшебной силѣ и чудесныхъ свойствахъ разныхъ камней. Каландрино прислушался, заинтересовался, подошелъ и сталъ разспрашивать, гдѣ такіе чудодѣйственные камни находятся; Мазо совершенно серьёзно называетъ ему вымышленныя имена, описываетъ страны, гдѣ растутъ сосиски, текутъ рѣки вина, гдѣ горы сыра пармезана, а на горахъ люди работаютъ макароны, варятъ ихъ въ супѣ съ каплунами и т. п. Каландрино продолжаетъ разспрашивать, бывалъ ли тамъ Мазо, далеко ли эта страна за Абруццами — и, видя, что Мазо не смѣется, онъ вѣритъ всему и спрашиваетъ, нѣтъ ли тамъ и чудесныхъ камней. Оказывается, что есть, и между прочими особенно замѣчателенъ камень эліотропія [1]), имѣющій способность дѣлать человѣка невидимымъ, гдѣ бы онъ ни находился. На вопросъ, гдѣ еще можно найти такой камень, Мазо указываетъ рѣчку Муньоне (въ окрестностяхъ Флоренціи), и на дальнѣйшіе разспросы объясняетъ, что камни эти бываютъ разныхъ величинъ, но цвѣта почти всегда чернаго. Тѣмъ шутка Мазо и кончилась. Каландрино, разставшись съ нимъ, рѣшился идти отыскивать этотъ камень, но прежде сообщилъ о томъ Бруно и Буффальмакко, которыхъ онъ особенно любилъ. Проискавши ихъ цѣлое утро, онъ вспомнилъ, наконецъ, что они работаютъ въ одномъ монастырѣ, бросилъ всѣ свои дѣла и, несмотря на жару, побѣжалъ къ нимъ; онъ сталъ увѣрять ихъ, что теперь они могутъ сдѣлаться самыми богатыми людьми во Флоренціи, стоитъ только пойти сейчасъ — отыскать этотъ камень, который онъ хорошо знаетъ, положить его въ кошелекъ, пойти къ столамъ мѣнялъ, гдѣ навалено столько денегъ, и невидимо никому набрать ихъ сколько душѣ угодно. Бруно и Буффальмакко смѣялись, слушая его, а потомъ, переглянувшись, прикинулись удивленными

[1]) Въ существованіе этого камня народъ вѣрилъ; намекъ на это повѣрье встрѣчается и у Данте.

и одобрили его мысль. Къ сожалѣнію только, на вопросъ объ имени камня, Каландрино не могъ ничего отвѣтить, потому что успѣлъ позабыть его. Что и въ имени, разъ мы знаемъ его силу,—говоритъ Каландрино, — поскорѣй бы идти искать его. Какой онъ формы? Всякихъ формъ, но цвѣта чернаго,—потому, думаетъ онъ, надо собирать всѣ черные камни, пока не нападешь на настоящій; только скорѣе идти, не теряя времени. «Подожди, — сказалъ Бруно:— по-моему теперь не время: солнце стоитъ высоко и такъ высушило всѣ камни, что многіе утромъ черные, теперь кажутся свѣтлыми, да и въ полѣ есть народъ; кто-нибудь, видя ихъ, догадается, что они дѣлаютъ, примется искать и найдетъ раньше ихъ; лучше отправиться раннимъ утромъ и въ праздничный день. Буффальмакко согласился съ этимъ, и всѣ трое порѣшили начать поиски въ слѣдующее воскресенье. Когда Каландрино ушелъ, наказавши товарищамъ держать ихъ намѣреніе въ секретѣ, они стали сговариваться, что имъ дѣлать, чтобъ провести пріятеля. А Каландрино насилу дождался воскресенья, на зарѣ пришелъ за художниками и направился съ ними къ воротамъ С.-Галло, къ Муньоне; самъ онъ шелъ впереди и метался изъ стороны въ сторону, подбирая всякій черный камешекъ; они же, идя за нимъ, нагибались только изрѣдка. Каландрино успѣлъ уже наполнить камнемъ всѣ полы платья, когда пріятели замѣтили, что приближалось время обѣда, и грузъ у Каландрино былъ уже порядочный. Тутъ они вдругъ стали спрашивать другъ друга, гдѣ Каландрино, оборачиваться на всѣ стороны, и, хотя видѣли его въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя, прикинулись, какъ-будто его не замѣчаютъ; стали говорить, что, вѣроятно, онъ ушелъ себѣ обѣдать, увидавши, какъ они повѣрили его выдумкѣ и стали собирать черные камешки; очевидно, онъ насмѣялся надъ ними, да и кто бы, кромѣ ихъ, повѣрилъ, что въ Муньоне водятся такіе рѣдкіе камни. Разумѣется, слушая все это, Каландрино не могъ не вообразить, что чудесный камень у него въ рукахъ, и онъ невидимъ. Внѣ себя отъ радости, онъ пошелъ назадъ, а друзья, видя это, сказали, что имъ слѣдуетъ вернуться домой. Бруно сталъ браниться и грозиться какъ-будто отсутствующему Каландрино. «Будь онъ тутъ, я бы запустилъ въ него камнемъ: онъ бы у меня долго припоминалъ эту насмѣшку!» и тутъ же не преминулъ пустить въ него камнемъ; Каландрино хотя и почувствовалъ боль, но промолчалъ, въ полной увѣренности, что онъ невидимъ, а пріятели всю дорогу не переставали побивать его камнями, то подъ тѣмъ, то подъ инымъ предлогомъ. Такъ дошли они до городскихъ воротъ; здѣсь пріятели раньше еще

уговорились со стражей и съ сборщиками податей, чтобъ пропустить Каландрино незамѣченнымъ. Тѣ, еле держась отъ смѣха, такъ и сдѣлали. Сама судьба содѣйствовала успѣху насмѣшки: идя по улицамъ города, Каландрино никого не встрѣтилъ, кто бы могъ съ нимъ заговорить, — къ тому же, было время обѣда и прохожихъ было мало. Входитъ Каландрино, съ своимъ грузомъ камней въ домъ; жена его, Тесса, прекрасная и достойная женщина, обезпокоенная его долгимъ отсутствіемъ, принялась бранить его за то, что онъ опоздалъ къ обѣду, а онъ въ горѣ и отчаяніи, видя, что онъ не невидимъ, свалилъ въ комнатѣ всѣ свои камни, бросился на нее, схватилъ за косу и принялся изъ всѣхъ силъ бить ее руками и ногами, не слушая ни ея словъ, ни криковъ. Бруно и Буффальмакко, между тѣмъ, посмѣявшись съ городской стражей, пошли вслѣдъ за Каландрино — и, слыша драку у него въ домѣ, позвали его; онъ въ окно попросилъ ихъ войти, и они увидали въ комнатѣ его множество камней, въ одномъ углу — жену, растрепанную, избитую, горько плачущую, а въ другомъ — Каландрино, краснаго, разгоряченнаго, задыхающагося отъ усталости. Притворяясь изумленными, они стали разспрашивать, что́ все это значитъ, но Каландрино не могъ произнести ни слова, такъ онъ былъ и утомленъ тяжелою ношей, и разстроенъ какъ злобою на жену, такъ и сожалѣніемъ о потерянномъ, какъ ему казалось, счастьѣ. Товарищи принялись упрекать его, говоря, что онъ пригласилъ ихъ съ собою искать чудеснаго камня, а самъ бросилъ ихъ и ушелъ; тутъ Каландрино успѣлъ наконецъ собраться съ духомъ: — Не сердитесь, дѣло было иначе, чѣмъ вы думаете! Я, несчастный, нашелъ чудесный камень, и все время былъ съ вами. При этомъ онъ разсказалъ имъ все, что́ они говорили дорогой и показалъ синяки на тѣлѣ отъ ихъ камней. Вы знаете, прибавилъ онъ, какъ непріятна и надоѣдлива бываетъ у воротъ стража: меня они пропустили и не видали, точно такъ же, какъ не видалъ меня никто на улицѣ: только здѣсь, дома, встрѣтила меня эта проклятая женщина и увидала меня, потому что при женщинахъ теряется всякая волшебная сила (le femmine fanno perderla virtu ad ogni cosa). Онъ могъ бы считать себя самымъ счастливымъ человѣкомъ во Флоренціи, а теперь сталъ самымъ несчастнымъ, и опять принялся ругать и клясть жену; Бруно и Буффальмакко не дали ему бить ее и, разыгрывая крайне удивленныхъ, насилу держались отъ смѣха; впрочемъ, они убѣдили его, что самъ онъ виноватъ больше всѣхъ: если онъ зналъ, что женщины нарушаютъ силу чудесныхъ

камней, зачѣмъ онъ не предупредилъ ее, чтобъ она не показывалась ему весь тотъ день на глаза? А не допустилъ его Богъ воспользоваться находкой за то, что онъ хотѣлъ обмануть своихъ товарищей и не сообщилъ имъ тотчасъ же о своемъ счастьѣ. Затѣмъ они не безъ труда помирили его съ женой и ушли, оставивъ его съ грудою камней.

Конечно, не только въ сокращенномъ изложеніи, но и въ переводѣ должно теряться много того, что̀ дѣлаетъ привлекательнымъ и интереснымъ это шуточное содержаніе. Смѣшная и глупая шутка — нельзя не смѣяться слѣпой довѣрчивости человѣка, который, зная одинъ только цвѣтъ баснословнаго камня, мечтаетъ найти его около Флоренціи и радъ для того собрать всѣ черные камни у рѣки! — разсказана такъ живо и полно, съ такою точностью и опредѣленностью всѣхъ обстоятельствъ, что читатель дѣлается какъ будто очевидцемъ описываемаго случая. Тутъ не найдешь ни одной черточки, ни одного мелкаго жанра, который бы не говорилъ, не содѣйствовалъ живости дѣйствія или живости характеристики. Описываетъ ли Боккачіо какъ Каландрино бросилъ все и по жарѣ розыскиваетъ пріятелей, чтобъ высказать имъ интересныя свѣдѣнія, передъ нами живо рисуется эта пустая, глупая голова, въ которой ничего не держится: повѣрилъ розсказнямъ, загорѣлось искать эліотропію — и онъ забылъ, хотя зналъ, гдѣ давно работаютъ его пріятели; прибѣжалъ къ пріятелямъ и забылъ половину того, что̀ ему наговорили про камень, и т. д. Характеръ выясняется и развивается, чѣмъ дальше идетъ разсказъ. Потому, несмотря на то, что новелла эта при первомъ чтеніи поражаетъ пустотой содержанія, но потомъ не менѣе поражаетъ и мастерствомъ характеристики. Въ наше время фактическая основа разсказа лишена, конечно, всякаго интереса, даже глупость Каландрино можетъ казаться невѣроятною, — впрочемъ разъ допустивши, что онъ въ состояніи повѣрить розсказнямъ Мазо-дель-Саджіо, не трудно представить себѣ, какимъ образомъ его провели и пріятели, — а въ тѣ времена, когда всякій намекъ на народныя повѣрья и преданія въ родѣ того Pays de Cocagne, о которомъ упоминаетъ Мазо-дель-Саджіо, всякое собственное имя въ новеллѣ было живой современностью, разсказъ затрогивалъ читателя не только правдой художественной, но и полнымъ безусловнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью. Новелла имѣла видъ достовѣрнаго событія, или, вѣрнѣе, городской сплетни, выдаваемой за достовѣрное событіе. Въ самомъ дѣлѣ, точность Боккачіо несомнѣнна; она доказывается и такимъ тщательнымъ комментаторомъ

какъ *Манни*. [1]). Упомянетъ ли разсказчикъ мимоходомъ о томъ, что около такой-то церкви недавно были поставлены памятники, Манни докажетъ достовѣрность факта, и опредѣлитъ годъ приключенія, о которомъ идетъ рѣчь; назоветъ Боккачіо улицу, по которой проходило то или иное изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа, Манни докажетъ, что именно этой, а не другой улицей оно должно было проходить, такъ какъ, по свидѣтельству разныхъ источниковъ, жило въ такой-то сторонѣ города. Задавшись цѣлью доказать, что «Декамеронъ» не вымышленъ, но представляетъ собою «истинную исторію», Манни не пожалѣлъ трудовъ для достиженія цѣли; потому онъ неистощимъ въ своихъ изслѣдованіяхъ: чего, чего не приводитъ онъ въ защиту своей мысли, давая отчетъ о каждомъ собственномъ имени въ новеллѣ! Онъ предложитъ и выписки изъ архивовъ, и полную родословную, и показанія современниковъ писателя, и цитаты изъ другихъ, болѣе раннихъ его комментаторовъ; онъ не поскупится на множество всевозможныхъ догадокъ и предположеній, опроверженій и комбинацій, въ доказательство того, что данное въ новеллѣ имя носило существовавшее живое лицо, которое было именно такимъ, какимъ его рисуетъ Боккачіо. Конечно, подъ-часъ всѣ эти предположенія бываютъ до смѣшного неосновательны и гадательны, но уже одна возможность возникновенія такого рода комментарія къ «Декамерону» указываетъ на реалистическій характеръ сборника; и нигдѣ Манни не стоитъ на болѣе твердой почвѣ своихъ объясненій, какъ именно въ кругу городскихъ сюжетовъ у Боккачіо. Тутъ какъ ни наивна кажется мысль, что всякая новелла—историческій фактъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть въ ней не фактическую истину, но очень вѣрное отраженіе данной исторической обстановки.

Мы видѣли, въ чемъ состояло интересное «новое» выдумки съ волшебнымъ камнемъ Каландрино; но этотъ герой фигурируетъ еще въ 6-й новеллѣ этого дня и въ 2-хъ новеллахъ слѣдующаго. Тутъ, въ 6-й новеллѣ, ему придается новая черта комизма: Каландрино боится своей жены, достойной Тессы, которая такъ жестоко и такъ невинно пострадала отъ него и его суевѣрія. Вотъ вкратцѣ содержаніе новеллы:

У Каландрино есть небольшое имѣніе, куда онъ ѣздитъ съ женою каждый декабрь мѣсяцъ, чтобъ зарѣзать и посолить свинью. Одинъ разъ случилось ему поѣхать туда безъ жены, а

[1]) Istoria del Decamerone di Giovanni Boccaccio scritta da—Domenico Maria Manni academico fiorentino. Firenze. MDCLXXXXII.

Бруно и Буффальмако провѣдали это и отправились погостить къ одному своему пріятелю, священнику, близкому сосѣду Каландрино. Встрѣтивши ихъ тутъ, Каландрино похвастался своими хозяйственными талантами и показалъ имъ зарѣзанную свинью. Они стали уговаривать его мясо продать, а деньги прокутить вмѣстѣ: женѣ можно сказать, что свинью украли. Каландрино на это не пошелъ изъ страха, что жена разсердится и выгонитъ его изъ дому; тогда пріятели рѣшили украсть свинью и прокутить деньги одни съ священникомъ. Для этого они пригласили Каландрино въ таверну, говоря, что священникъ будетъ угощать ихъ на свой счетъ, и хорошо зная, что Каландрино по скупости никогда не прочь напиться на чужія деньги; они такъ угостили пріятеля, что тотъ, вернувшись позднею ночью домой, поскорѣе легъ спать и двери не заперъ; друзья преспокойно вошли и утащили мясо. Когда они на утро явились къ нему, онъ уже замѣтилъ пропажу и встрѣтилъ ихъ съ жалобами и криками; они прикинулись, что не вѣрятъ ему: онъ хочетъ обмануть и ихъ, и жену, какъ они вчера сами ему совѣтовали, заставили его кричать изо всей мочи, клясться и божиться, что мясо у него въ самомъ дѣлѣ украдено и наконецъ повѣрили и предложили розыскать вора; для этого слѣдовало созвать всѣхъ сосѣдей и угостить ихъ виномъ и имбиремъ. Каландрино согласился: Бруно отправился во Флоренцію къ знакомому аптекарю, купилъ у него имбирю въ сахарѣ и заказалъ двѣ пилюли изъ сабура (алоэ), чтобъ они имѣли видъ имбирной конфекты. Затѣмъ Бруно объяснилъ собравшимся сосѣдямъ, что такъ какъ у Каландрино случилась покража и ему надо найти виноватаго, то онъ проситъ каждаго изъ гостей съѣсть имбирную конфету: воръ тотчасъ скажется, потому что не въ состояніи будетъ проглотить ее, и выплюнетъ. На это испытаніе всѣ, конечно, согласились, и Бруно сталъ одѣлять имбиремъ; только одному Каландрино онъ далъ сабуровую конфекту; тотъ не вытерпѣлъ горечи и выплюнулъ ее; на это, конечно, обратили вниманіе; но Бруно на пробу далъ ему другую, опять горькую, которую Каландрино и старался держать во рту, пока слезы не покатились у него изъ глазъ и онъ не выплюнулъ и этой. Тутъ рѣшено было, что Каландрино самъ укралъ у себя свинью, и многіе разсердились на него за подозрѣніе на сосѣдей; а друзья стали упрекать его, говоря, что онъ нарочно обманулъ, чтобъ не угощать ихъ; разъ уже онъ насмѣялся надъ ними, заставивши цѣлое утро искать камень эліотропію, и увѣривши ихъ, что нашелъ его; теперь онъ отдалъ или продалъ кому-нибудь мясо и старается ихъ убѣдить, что оно украдено;

но они не повѣрятъ, и если онъ не хочетъ, чтобъ они разсказали это Тессѣ, то пусть дастъ имъ двѣ пары каплуновъ. Несчастному Каландрино ничего не оставалось дѣлать, какъ исполнить ихъ требованіе, а пріятели, забравши и свинину, и каплуновъ, оставили его и одураченнымъ, и въ большихъ убыткахъ.

Другой типъ, созданный въ этихъ новеллахъ, если не вошелъ въ пословицу, какъ Каландрино, то нарисованъ не менѣе живо, мѣтко и комично; это типъ ученаго доктора изъ Болоньи Симоне да-Вилла (Nov. 9). Онъ не есть воплощеніе такой сплошной глупости и непроходимаго тупоумія, какимъ является Каландрино; это—добродушный, несмотря на жестокость въ минуты гнѣва, довѣрчивый и безхарактерный глупецъ. Докторъ—типъ дурака осложненный ученостью и напыщенностью. Поселившись во Флоренціи, онъ выказываетъ большое любопытство, интересуется всякимъ проходящимъ и обращаетъ особое вниманіе на Бруно и Буффальмакко, которые поражаютъ его своимъ постоянно веселымъ расположеніемъ духа. Онъ сближается съ художниками и сперва съ Бруно, который на первыхъ же порахъ разглядѣлъ, что онъ такое—«lui essere un animale», и потѣшался надъ нимъ—«con sue nuove novelle». Насмѣшка, которую они затѣяли и которая служитъ темой новеллы, интересна только тѣмъ, что вызываетъ множество подробностей, обрисовывающихъ этотъ типъ сполна, но сама по себѣ не отличается ни тонкостью остроумія, ни большою изобрѣтательностію; конечный ея результатъ тотъ, что ученый докторъ по своей трусости очутился въ стокѣ нечистотъ и съ трудомъ оттуда выбрался. Насмѣшники сблизились съ докторомъ, какъ они сблизились и съ Каландрино, ради того, чтобъ позабавиться надъ нимъ и сочинили мистификацію, разыгрывая которую, они обнаружили одну за другой всѣ смѣшныя стороны пріятеля. Рядомъ невозможныхъ выдумокъ, которыя по несообразности и нелѣпости оставляютъ за собой и волшебный камень эліотропію, и судебное испытаніе имбиремъ, Бруно сперва подстрекнулъ любопытство доктора: на его разспросы о причинѣ ихъ безаботнаго веселья, онъ увѣрилъ его, что вмѣстѣ съ пріятелемъ принадлежитъ къ тайному обществу, которое имѣетъ волшебную силу доставлять имъ всевозможныя наслажденія, задавать пиры, великолѣпіе которыхъ можно описать только въ сказкахъ, и вызывать туда самыхъ красивыхъ женщинъ, смотря по вкусу, кто хочетъ королеву англійскую, кто французскую и т. д. Расписавши небывальщину самыми яркими красками, Бруно постоянно о ней напоминаетъ доктору, а у того отъ этихъ розсказней только слюнки текутъ. Наконецъ, онъ начинаетъ при-

ставать, чтобъ и его приняли въ это общество, и выставляетъ всѣ свои преимущества, какъ-то: красоту наружности, большую ученость и прекрасное пѣніе. Бруно поддерживаетъ это самообольщеніе самою грубою лестью и вмѣстѣ съ Буффальмакко продолжаетъ разъигрывать фарсъ, побуждая доктора къ новымъ хвастливымъ выходкамъ. Наконецъ, они рѣшили допустить его въ волшебное общество; для этого онъ ночью долженъ былъ одѣться въ свое парадное пурпуровое платье и стоять на одномъ изъ могильныхъ памятниковъ на площади около церкви S-ta Maria Novella; туда къ нему подойдетъ необыкновенное диковинное существо, которое посадитъ его на спину и доставитъ куда слѣдуетъ, если только онъ не будетъ бояться; но горе ему, если онъ струситъ и станетъ призывать святыхъ. Одинъ изъ художниковъ въ условленную ночь надѣлъ маску на голову, покрылся мѣхомъ шерстью вверхъ и, пока другой смотрѣлъ изъ-за угла, дикими прыжками подскочилъ къ доктору, стоявшему на памятникѣ; тотъ съ испугу забылъ данное ему наставленіе и къ великой потѣхѣ насмѣшниковъ былъ со спины чудовищнаго животнаго сброшенъ въ нечистоты... Впрочемъ, это ничуть не помѣшало ихъ дальнѣйшей дружбѣ. Въ другой новеллѣ, они уже заодно съ докторомъ обманываютъ опять Каландрино.

Остальныя продѣлки, разсказанныя въ этомъ днѣ, по своему остроумію, по «новизнѣ» замысла представляютъ много сходнаго съ приведенными новеллами. Въ одной изъ нихъ разсказывается, напр. Nov. 5, какъ Мазо-дель-Саджіо, замѣтивши, что у одного, нелюбимаго въ народѣ, судьи, подеста, слишкомъ широкое нижнее платье, подговорилъ товарищей, изъ которыхъ одинъ шутъ по ремеслу, придворный паразитъ,—явиться въ судъ и сконфузить судью. Пока двое кричали и обвиняли другъ друга, держа судью за верхнее платье, третій спутникъ подлѣзъ подъ скамью и стащилъ съ него нижнее къ забавѣ всей публики. И эта глупая шалость описана такъ же наглядно и отчетливо, какъ и проказы художниковъ; обрисована съ той увлекательностью, которая была бы достойна болѣе интереснаго предмета. Здѣсь столько неудержимаго юмора и веселья, что нельзя не пожалѣть о подобномъ примѣненіи высокаго повѣствовательнаго таланта; но, впрочемъ, оно только доказываетъ, что Флоренція, изобилуя проказниками, цѣнила ихъ очень высоко и очень дорожила проявленіями своей изобрѣтательности; а потому Боккачіо самую нелѣпую—какъ намъ кажется—продѣлку находитъ и умною, и веселою, и интересною, и представляетъ ее воображенію читателя во всей прелести художественнаго воплощенія. Другія проказы

описаны съ не меньшимъ юморомъ и мастерствомъ и приближаются по сюжету къ новелламъ предъидущаго дня, а одна (10-я) имѣетъ нѣчто близкое къ разсказу о приключеніяхъ Андреуччіо въ Неаполѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, выводится ловкая красивая женщина, которая, прикинувшись и богатою и влюбленною, хотѣла-было обобрать пріѣзжаго молодого купца, но тотъ, поплатившись одинъ разъ за увлеченіе, на другой оказался хитрѣе ея и, взявши съ нея сумму больше той, которую она у него выманила, оставилъ ей въ залогъ, вмѣсто обѣщаннаго товара, бочки съ пескомъ и водой.

Нечего и говорить, что во всѣхъ этихъ новеллахъ, какъ и раньше—въ днѣ хитрыхъ отвѣтовъ и находчивыхъ словъ, — вся цѣль разсказа въ самомъ разсказѣ, въ наглядной передачѣ предмета, внѣ всякаго преднамѣреннаго обличенія: разсказываетъ ли авторъ, какъ священникъ обманулъ, одурачилъ женщину, разсказъ ведется легко и шутливо, для потѣхи и удовольствія слушателей. Сатиры — нѣтъ и тѣни: вся задача автора, — комизмъ, доступный большинству. И ради этого комизма, онъ не жалѣетъ средствъ: какъ въ разсказѣ анекдота, онъ не поскупится на детали, чтобъ тонко и постепенно приготовить читателя къ комической развязкѣ, къ заключительному красному словцу, такъ и тутъ онъ не упуститъ изъ виду ничего, что можетъ придать забавную пикантность разсказу: онъ заставитъ, напр., духовное лицо влюбиться въ красавицу, мастерицу танцовать и играть на тамбуринѣ—пересчитаетъ и подарки, которыми оно задобриваетъ ее; изъ-за комическаго эффекта, онъ подобную ситуацію не задумается обрисовать со всѣмъ стараніемъ и набросаетъ бытовую картинку, полную красокъ и жизни, такъ же мало заботясь объ ея пристойности, какъ и объ ея обличительномъ направленіи. Живости веселаго разсказа не мало способствуетъ и его мастерство въ веденіи діалога; онъ умѣетъ у каждаго дѣйствующаго лица оттѣнить характеръ рѣчи: онъ пуститъ въ ходъ провинціализмы, если на сценѣ иногородній; онъ сыплетъ шутками и прибаутками, если Мазо-дель-Саджіо или живописцы-пріятеля хотятъ дурачить кого-нибудь; онъ представитъ и говоръ мужика, который коверкаетъ слова, или по созвучію употребляетъ одно вмѣсто другого (напр., въ Нов. 2-й): крестьянинъ на вопросъ, куда онъ ѣдетъ, объясняетъ, что по судебному дѣлу онъ отправляется въ городъ и говоритъ при этомъ vicenda вмѣсто faccenda, parenhtorio вмѣсто perentorio, pericolatore вмѣсто procuratore и т. п.).

Отъ этого и языкъ Боккаччіо здѣсь гораздо ярче, сильнѣе и

опредѣленнѣе, чѣмъ въ тѣхъ новеллахъ, гдѣ идетъ рѣчь объ отвлеченныхъ предметахъ. Здѣсь встрѣчаются и народныя пословицы и поговорки, которыя разсказчику нужны для того, чтобы крѣпкимъ словцомъ дополнить ситуацію, ярче окрасить разговоръ, усиливая его юмористическій тонъ. Здѣсь, гдѣ на сценѣ *beffa* одинаково популярная во всѣхъ классахъ общества, языкъ невольно приближается къ разговорному и, касаясь будничныхъ интересовъ, не страдаетъ однообразіемъ и блѣдностью, какъ мы отчасти это видѣли раньше. Напротивъ, переполняя его тѣми обычными присловіями и оборотами, которыми блеститъ живая народная рѣчь и которые до сихъ поръ живутъ въ устахъ итальянскихъ простолюдиновъ, разсказчикъ и языку придаетъ яркій мѣстный колоритъ. Боккачіо не даромъ считается отцомъ итальянской прозы: создавая новый родъ художественной литературы, онъ долженъ былъ создать для него и новый языкъ, матеріалъ для котораго онъ взялъ изъ того же источника, какъ и тэмы своей повѣсти; онъ отмѣтилъ его тѣмъ же тонкимъ, неуловимымъ, но рѣзко опредѣленнымъ характеромъ своей народности, который дѣлаетъ его слогъ настолько же непреодолимымъ и непередаваемымъ, насколько намъ стали чужды и устарѣлы самыя тэмы разсказа. Конечно, это—одно изъ доказательствъ его истинно художественнаго значенія: у Боккачіо, какъ у настоящаго художника слова, внѣшняя форма изложенія не отдѣляется отъ содержанія, выраженіе мысли сливается съ самою мыслью; потому, переводя его новеллу на другой языкъ, мы не только вполнѣ обезцвѣчиваемъ, но и отнимаемъ у нея то, что составляетъ ея красоту и силу въ глазахъ создавшаго ее народа.

Тѣ же самыя достоинства изложенія и формы встрѣчаемъ мы и въ слѣдующихъ новеллахъ *9-го дня* «Декамерона». Тутъ веселое общество не назначаетъ обязательной для разсказчиковъ тэмы, а, какъ въ первомъ днѣ, предоставляетъ каждому говорить о томъ, что ему болѣе всего нравится, и выборъ сюжетовъ, вращающихся здѣсь въ кругу городскихъ интересовъ, доказываетъ опять, что излюбленная тэма итальянской новеллы была именно та *beffa*, которую мы видѣли уже въ достаточномъ количествѣ образцовъ. Потому разсказы эти мало чѣмъ отличаются отъ предъидущихъ: двѣ изъ нихъ (Nov. III, V) содержатъ въ себѣ насмѣшки, разыгранныя пріятелями надъ Каландрино; въ другихъ насмѣшливая вольность фабліо сказывается повѣстью о скандальномъ похожденіи монахини и другими крайне циническими сюжетами; тутъ находимъ и распространенный въ новеллахъ сюжетъ воровства-мошенничества (Nov. IV), какъ доказательство

ума и ловкости, — сюжетъ, смѣшившій публику успѣхомъ наглаго обмана; наконецъ, здѣсь есть и тотъ историческій анекдотъ объ извѣстныхъ флорентійцахъ, который у Боккачіо всегда разсказывается съ неподражаемымъ талантомъ. Это (Nov. VIII)—повѣсть о томъ, какъ одинъ обжора обманулъ другого, пообѣщавши ему хорошій обѣдъ, а тотъ отмстилъ ему, наказавши его жестокими побоями. Особенный интересъ имѣетъ этотъ эскизъ мѣстныхъ нравовъ потому, что тутъ Боккачіо выводитъ личностей не только хорошо всѣмъ извѣстныхъ во Флоренціи, но и увѣковѣченныхъ Данте. Оба великихъ поэта сошлись въ характеристикѣ этихъ героевъ, потому что оба пользовались одними источниками: тѣми сказаніями, преданіями, которыми народная молва во Флоренціи характеризовала чѣмъ-либо выдающихся гражданъ своей общины. *Чьякко* у Данте (Адъ, п. VI, 49—54) наказанъ за обжорство (per la danno sa colpa della gola), а Боккачіо характеризуетъ его, какъ человѣка въ высшей степени прожорливаго, который, не имѣя большихъ своихъ средствъ и будучи человѣкомъ благовоспитаннымъ, остроумнымъ и веселымъ, сдѣлался не то, чтобъ паразитомъ придворнымъ — uomi corte — но насмѣшникомъ — morditore; — онъ искалъ общества людей богатыхъ, имѣвшихъ хорошій столъ, и часто являлся къ нимъ обѣдать и ужинать, иногда и безъ приглашенія. Это не первое уже указаніе въ «Декамеронѣ» на то, какъ способные люди пользовались склонностью флорентійцевъ къ насмѣшкѣ и обращали свое остроуміе въ выгодное ремесло. Чьякко былъ не единичное явленіе; кромѣ него, во Флоренціи того времени жилъ Бьонделло, который промышлялъ тѣмъ же, чѣмъ и Чьякко; оба встрѣчаются однажды въ постный день на рынкѣ, гдѣ продаютъ рыбу. Бьонделло покупаетъ миногу, и на вопросъ Чьякко объясняетъ, что мессиру Корсо Донати вчера прислали трехъ миногъ, гораздо лучше этихъ, и двухъ осетровъ, которыми сегодня за обѣдомъ онъ будетъ угощать своихъ друзей. Чьякко является къ К. Донати на обѣдъ, но угощеніе оказывается самое скромное и постное, обыкновенная рыба изъ Арно: Бьонделло только подшутилъ надъ Чьякко. Потомъ онъ при каждой встрѣчѣ поддразниваетъ его, напоминая про обѣдъ изъ осетровъ. Чьякко, чтобъ отмстить ему, подговариваетъ одного мелкаго торговца, пойти будто по приказанію Бьонделло и попросить у Филиппа д'Арженти краснаго вина въ небольшую бутылку. Этотъ Филиппъ д'Арженти былъ знатный флорентинецъ, отличавшійся необыкновенною вспыльчивостью, жестокостью и крутостью нрава. Его помѣстилъ Данте въ томъ отдѣленіи Ада, въ болотѣ, гдѣ волнуются въ безсильной злобѣ свирѣпыя гнѣвныя

души, помѣстилъ его какъ знакомый Флоренціи типъ, объясняемый только ожесточенностью вѣковой борьбы между родовыми фамиліями города. Д'Арженти, услыхавъ просьбу, и зная Бьонделло, подумалъ, что тотъ насмѣхается надъ нимъ, хотѣлъ-было прибить посланнаго, но тотъ увернулся, а дворянина все болѣе и болѣе сталъ разбирать гнѣвъ. Чьякко, видѣвшій эту сцену, отыскалъ Бьонделло, и сказалъ, что его ищетъ д'Арженти. Тотъ ничего не зная, явился и былъ такъ поколоченъ, что долго не могъ выходить изъ дому, а потомъ остерегался шутить надъ Чьякко, который на его вопросъ: какова рыба у К. Донати, спрашивалъ про вино у Ф. д'Арженти.

И на разсказъ этой грубо-площадной продѣлки у геніальнаго писателя истрачено столько же блестящаго таланта, сколько и на другіе такіе анекдоты. И здѣсь таже отчетливость и опредѣленность всей mise-en-scène, возможная только при будничной фактичности разсказа; и здѣсь такъ же вѣрно и точно переданы всѣ детали дѣйствія, всѣ оттѣнки людскихъ характеровъ, всѣ обороты живой рѣчи; и здѣсь потому таже яркость картины, дышащей силой и увлекательностью художественнаго воспроизведенія жизни.

А. А.

НОВЫЙ ПОМѢЩИКЪ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Іокая.

Съ венгерскаго.

VI *).

Госпожу Пойтои можно назвать красивой женщиной. Ея лицо изъ тѣхъ, которыя долго сохраняются. Впрочемъ, у нея только и есть одна забота—беречь свою красоту.

Съ дѣтьми возиться ей не приходилось, сильныхъ страстей она тоже не испытала. Многіе посѣдѣли вслѣдствіе переворота 49-го года, а ей разразившаяся буря не причинила ни одной безсонной ночи. Бываютъ такіе счастливцы, которые живутъ лишь сами для себя.

Ровно въ полдень оканчиваетъ она свой туалетъ.

Теперь ей надо поджидать обожателей: каждому назначенъ извѣстный часъ. Нумеръ 1-й является въ 12, № 2-й въ половинѣ перваго, № 3-й послѣ часу, № 4-й въ два часа. Каждаго слѣдуетъ встрѣтить сообразно съ его личными вкусами.

Нумеръ первый, прямодушный деревенскій помѣщикъ, зовутъ его Ѳедоръ Тёркёльи, онъ уже не молодъ, но съ состояніемъ и серьёзно помышляетъ о женитьбѣ. Это партія очень приличная.

Ѳедоръ Тёркёльи является ровно въ 12 часовъ, а въ половинѣ перваго его ожидаетъ знакомое общество въ отелѣ «Золотого Орла»; туда онъ долженъ во-время попасть.

Потому-то въ 12 часовъ, кончивъ туалетъ, Коринна садится

---

*) См. выше: февраль, 640 стр.

за письменный столъ и раскрываетъ огромную расходную книгу. Увидавъ Тёркёльи, она радостно восклицаетъ: «Ахъ, вы какъ разъ во-время пришли, скажите мнѣ, пожалуйста, почемъ теперь продается шерсть? Мнѣ столько-то за нее предлагали, а я не согласилась. Какъ вы полагаете, не закрыть ли мнѣ винокуренный заводъ при теперешнемъ высокомъ акцизѣ?» Потомъ начинаетъ жаловаться на дороговизну:

— Ломаешь себѣ голову, придумывая, какъ бы заработать деньги! Женщинъ обманываютъ со всѣхъ сторонъ, зная, что онѣ въ дѣлахъ мало смыслятъ.

Тёркёльи при встрѣчѣ съ пріятелемъ расхваливалъ госпожу Пойтои. — Какая умная, разсчетливая хозяйка! такую-то мнѣ и надо, мы точно одинъ для другого созданы!

Какъ только г-нъ Тёркёльи уйдетъ, Коринна спѣшитъ смыть душистымъ мыломъ чернильныя пятна съ пальчиковъ. Дамы лишь возьмутъ перо въ руки, сейчасъ же испачкаются чернилами.

Спрятавъ расходную книгу, она разложитъ передъ собой модныя картинки, ожидая появленія обожателя № 2, который совсѣмъ въ иномъ родѣ.

Нумеръ второй, по имени Фердинандъ Тáреи, извѣстная личность, членъ-распорядитель барскихъ баловъ. Онъ одинъ изъ тѣхъ, которые въ Венгріи имѣютъ полное право называть себя «барами». Положеніе видное. Въ котильонѣ онъ первый танцоръ. Это чего-нибудь да стóитъ. При этомъ мастеръ ухаживать. Въ его обществѣ невозможно соскучиться.

— А! вы изволите заниматься модными журналами?

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ, я только разсматриваю модныя картинки: ради картинокъ я и журналъ-то выписываю, только онѣ никуда не годны. Посмотрите пожалуйста, какъ вамъ покажется это лиловое платье рядомъ съ желтымъ. Точно маскарадные костюмы.

— Вы совершенно правы. Редакторъ, вѣроятно, разсылаетъ эти картинки въ угоду какому-нибудь модному магазину, который хочетъ навязать публикѣ костюмы «рококо». Такъ можетъ одѣться только г-жа Сальмовари.

— Ха-ха-ха! (Ей насмѣшка понравилась). Я принуждена заказывать платья въ Вѣнѣ. У здѣшнихъ портныхъ совсѣмъ нѣтъ вкусу. Нѣкоторыя изъ патріотизма къ нимъ обращаются.

— Уморительно! Хорошо, что вы не читаете этихъ журналовъ, по крайней мѣрѣ не попадетесь, какъ попался я однажды, гдѣ именно, не скажу,—однимъ словомъ, въ дамскомъ обществѣ, я очень не кстати заговорилъ о литературѣ. Рѣчь зашла о пи-

сательницахъ, вдругъ одна дама спрашиваетъ меня, какого я мнѣнія о новѣйшемъ стихотвореніи «Парадиза», появившемся въ журналѣ «Модный-Лучъ». Я полагаю,—отвѣтилъ я,—что авторъ его вѣрно какой-нибудь чувствительный сапожникъ изъ нѣмцевъ. Дама вдругъ встаетъ и раскланивается, благодаря за комплиментъ. Оказывается, что это было ея произведеніе.

— Ха-ха-ха! Скажите, кто это. Пожалуйста скажите?

— Нѣтъ, не могу.

— Навѣрное, баронесса Кирайвари? Вѣдь такъ? Ну, полноте скрывать. Или графиня Цойтои? Напрасно вы скрытничаете, я непремѣнно узнаю, это презабавно! Хорошо же; ну, а теперь разскажите, въ чемъ будетъ каждая изъ этихъ дамъ на первомъ балу? Гдѣ онѣ заказали туалеты? О своемъ нарядѣ я умолчу. Вамъ, такъ и быть, скажу по секрету, но пожалуйста никому не передавайте, модистѣ я строго запретила показывать мою наколку, а не то—я перестану у нея покупать уборы. Но если вамъ любопытно взглянуть на мой уборъ, я вамъ его покажу.

Конечно, онъ воспользовался предложеніемъ, въ восторгъ пришелъ отъ ея вкуса, увѣрялъ, что съ ней не легко соперничать. Бриллiантовые солитеры посреди цвѣтовъ,—да это будетъ великолѣпно при освѣщеніи!

— Это еще оригинальнѣе, чѣмъ украшеніе изъ старинныхъ монетъ, крупныхъ и мелкихъ, которое вы недавно надѣвали. Молодежи не случалось изучать болѣе интересной нумизматической коллекціи, да еще, о, восторгъ!—посреди ея виднѣлось ваше царственное личико. Да вы въ своемъ уборѣ будете блестѣть пуще самыхъ бриллiантовъ!

Черезъ полчаса Фердинандъ Тàреи раскланялся, освободивъ, такимъ образомъ, арену, и спѣшилъ всѣмъ разсказать, что въ нынѣшнемъ мясоѣдѣ, царицей бала будетъ госпожа Пойтои.

Пришелъ нумеръ третій. Коринна взяла текстъ моднаго журнала. Нумеръ третій—поэтъ.

Зовутъ его Даніель Феллегорми. Сейчасъ видно, что это псевдонимъ. Подъ этимъ именемъ онъ всюду извѣстенъ, настоящее же имя его знаютъ лишь кредиторы, получающіе отъ него векселя.

— Въ мечтахъ вашихъ, навѣрное, вы душой погружаетесь въ предстоящія наслажденія мясоѣда?

— О, нѣтъ,—вздохнула Коринна,—тщеславіе не затрогиваетъ моей души. Я тутъ отыскала стихотвореніе: что за прелестная фантазія! Какъ утѣшительно встрѣчать симпатичныя мысли. Подписанъ псевдонимъ, и я раздумываю, кто это можетъ быть?

А сама отлично знала, что авторъ стоитъ передъ ней.

Нумеръ третій покраснѣлъ до ушей и замѣтилъ, какъ счастливы поэты, которыхъ творческій духъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими поэтичными и прекрасными духами. Они-то и есть настоящіе властелины въ области ума.

— Не найдете ли вы нѣчто общее вотъ съ этимъ стихотвореніемъ,—сказалъ Даніель нѣсколько боязливо, вынимая изъ кармана листочекъ съ золотымъ ободкомъ и началъ манерно декламировать довольно шероховатые стихи: «Пойманная птичка», не какая-нибудь куропатка, а пѣвчая птичка. По содержанію нельзя отгадать, что это—сказка, или басня, или аллегорія на любовь, или патріотическое стихотвореніе.

Коринна принимаетъ его за послѣднее.

— Точно мы сговорились! Взгляните пожалуйста, я написала нѣчто похожее.

— Какъ, вы изволите писать стихи?

— Пожалуйста, никому объ этомъ не разсказывайте. Только вамъ однимъ я ихъ прочту.

— Позвольте посмотрѣть?

— Нѣтъ, я сама прочту. Пожалуйста, не критикуйте, я знаю, что стихотвореніе слабо. Вотъ его заглавіе: «Прикованный орелъ».

Прикованнымъ орломъ названъ былъ юноша, который сидитъ въ тюрьмѣ, бѣжать ему невозможно, и нѣтъ у него крыльевъ, чтобъ улетѣть; притомъ сторожъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ.

— Классическое стихотвореніе! Образцовое стихотвореніе! Позвольте мнѣ отдать его въ «Модный Лучъ».

— О, нѣтъ, нѣтъ, объ немъ пока, кромѣ васъ, никто не долженъ знать.

— Какая жалость, скрывать такой пламенный патріотизмъ!

Нумеромъ четвертымъ называется знакомый намъ докторъ Гришакъ.

Почему-жъ было доктору Гришаку не ухаживать за г-жой Пойтон?

Онъ имѣетъ на то полное право. Развѣ не ему обязана она тѣмъ, что пожизненное владѣніе сдѣлалось ея неотъемлемой собственностію, такъ что она въ правѣ была его продать. Она должна быть ему благодарна. Ловкій адвокатъ легко можетъ такъ повернуть дѣло, что изъ благодарности и за адвокатскіе совѣты сочтутъ себя ему обязанной и будутъ смотрѣть на его дѣйствія, какъ на авансы съ цѣлію жениться.

Доктору Гришаку извѣстно, что г-жа Пойтои имѣетъ капиталъ, который заключается въ государственныхъ бумагахъ, приносящихъ по 7 процентовъ, а Jove faveute они могутъ дать и 8 процентовъ. На это можно жить «прилично».

Есть и другія благопріятныя обстоятельства. Дама молода, красива и благоволитъ къ нему. Правда, она имѣетъ и другихъ поклонниковъ, но однако ему оказываетъ предпочтеніе. Онъ ее ежедневно посѣщаетъ, она имѣетъ обыкновеніе оставлять его у себя обѣдать. Д-ръ Гришакъ даже теперь чувствуетъ себя какъ-бы дома у прелестной вдовы.

Ведетъ онъ дѣло такимъ образомъ, что Коринна принуждена повѣрять ему свои самыя сокровенныя тайны.

Понятно, защитникъ вора тоже говоритъ своему кліенту: — Пріятель, будь со мной откровененъ, говори правду, ложь приплести я и самъ съумѣю.

Съ нѣкоторыхъ поръ д-ру Гришаку приходилось содѣйствовать въ одномъ дѣлѣ, которое ему повѣрили по секрету.

Вдова поручила ему хлопотать о томъ, чтобъ одинъ молодой человѣкъ, политическій преступникъ, какъ можно долѣе не получалъ амнистіи.

Этотъ молодой человѣкъ былъ Аладаръ Гароновѣльди.

Навѣрное старый Адамъ Гароновѣльди всячески хлопочетъ, чтобъ его любимому племяннику сократили на цѣлыя десять лѣтъ срокъ заточенія.

Надо этому противодѣйствовать. Слѣдуетъ доказать, что Адамъ по прежнему мечтаетъ о заговорѣ. Надо увѣрить людей, что для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ онъ нуждается въ племянникѣ. Словомъ, надо постараться, чтобы отсрочили амнистію Аладара.

Докторъ Гришакъ легко могъ все это исполнить. Сейчасъ же откомандировалъ онъ нѣкую личность, снабдилъ ее извѣстными инструкціями, личность эта называлась—Штрафъ; о ней мы уже упоминали: это—бывшій мнимый Петефи.

Онъ былъ подкупленъ докторомъ Гришакомъ, чтобъ служить помощникомъ въ дѣлѣ г-жи Пойтои.

Доктору очень желательно было узнать, что побуждало прелестную женщину такъ яростно нападать на молодого человѣка. Хорошо, ежели это просто родственная вражда, ну, а если тутъ роль играетъ оскорбленная любовь?

При первомъ удобномъ случаѣ онъ началъ ее разспрашивать какъ-бы изъ участія къ ней, а равно и его адвокатской обязанности.

— Скажите мнѣ, отчего вы такъ безпощадно преслѣдуете Аладара Гароновельди. Вы на то имѣете важную причину, нѣтъ сомнѣнія.

— Видите ли, этого я бы никому въ свѣтѣ не высказала, а вамъ скажу, чтобы вы обо мнѣ чего-нибудь дурного не подумали. По смерти моего мужа, старый Гароновѣльди много хлопоталъ и, наконецъ, удалось ему обручить меня съ своимъ племянникомъ Аладаромъ. Не легко было устроить сватовство, потому что Аладаръ приходится близкимъ родственникомъ моему покойному мужу; много стоило времени и труда достать необходимые документы для совершенія брака. У старика былъ прямой разсчетъ: онъ такъ разсудилъ, что если я выйду за Аладара, у котораго есть свое собственное имѣніе, то земля, которою я владѣю на вдовьихъ правахъ, достанется ему, Адаму Гароновѣльди. О, старикъ очень ловокъ и хитеръ, какъ лиса, онъ опутаетъ, кого угодно.

Д-ръ Гришакъ по совѣсти не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

— Однако я была осторожна, и прежде нежели дать согласіе Аладару, заключила съ нимъ контрактъ, въ которомъ мы оба признали всѣ наши владѣнія общими между нами: что мое, то его, что его, то мое. Аладаръ человѣкъ легкомысленный, онъ сейчасъ же согласился на мое предложеніе. Въ то время у меня было очень небольшое состояніе, такъ какъ наслѣдство, полученное мною отъ матери, находилось подъ запрещеніемъ, что, вѣроятно, не было ему извѣстно. Передъ свадьбой вдругъ началась война съ Австріей за независимость. Аладаръ ушелъ съ пунцовой кокардой въ качествѣ капитана національной гвардіи. Я бѣжала въ Пресбургъ; послѣ узнала, что онъ перешелъ въ гусары и былъ въ дѣлѣ. Венгерцы произвели его въ полковники. Можете судить, до чего онъ былъ вѣтренъ, и каково мнѣ было сидѣть да ждать свадьбы?

— Признаюсь, это неслыханное легкомысліе.

— Внезапно прекратились его подвиги, онъ былъ арестованъ и, вообразите, у него не хватило ума оправдаться, по примѣру другихъ,—мало того, онъ еще взялъ на себя чужую вину. Явно, что онъ пустой человѣкъ, а еще прошелъ весь курсъ юридическихъ наукъ! Кончилось тѣмъ, что его осудили на тюремное заключеніе. Это бы еще не бѣда, да горе въ томъ, что у него конфисковали имущество.

— Вотъ оказія-то!—вскрикнулъ докторъ Гришакъ, ударивъ себя по колѣнку.—Онъ теперь понялъ въ чемъ суть.

— Теперь, если получитъ онъ свободу мы словно обмѣнялись ролями: я богата, онъ нищій, а между тѣмъ контрактъ въ его рукахъ, къ тому же, онъ такъ написанъ (объ этомъ сама я позаботилась), что если одна изъ сторонъ вздумаетъ отъ него отказаться, то потерпитъ большой убытокъ. Поняли вы теперь въ чемъ дѣло?

—. Вполнѣ!

Докторъ Гришакъ въ восторгѣ былъ отъ ума Коринны; жаль, что она не мужчина, изъ нея могъ бы выдти отличный докторъ правъ. Впрочемъ, горю можно помочь, стоитъ сдѣлаться докторшей правъ. Мы созданы другъ для друга.

— Я вполнѣ оправдываю вашу заботливость; къ счастію законы наши даютъ возможность выдти изъ затруднительнаго положенія. Прежде всего, вы должны напечатать въ газетахъ слѣдующее заявленіе:

«Аладара Гароновѣльди, котораго мѣстопребываніе неизвѣстно, симъ приглашаютъ явиться въ вышеупомянутую мѣстность для переговоровъ касательно обязательствъ, означенныхъ въ свадебномъ контрактѣ. Ежели черезъ годъ и одинъ день со дня появленія сей публикаціи, онъ не явится, то всѣ вышеупомянутые обязательства объявлены будутъ недѣйствительными».

— Неужели это возможно?

— О, да, подобныхъ случаевъ много, не разъ такимъ образомъ добивались развода.

— Но вѣдь извѣстно, гдѣ находится Аладаръ Гароновѣльди.

— Да мы не обязаны этого знать. Въ судебныхъ актахъ не требуется, чтобы упоминали о мѣстѣ жительства. Если означенное лицо черезъ годъ и одинъ день не явится въ указанное мѣсто, это его вина. Мы не обязаны знать, гдѣ онъ находится, судъ этого въ разсчетъ не принимаетъ. Потомъ, по истеченіи срока я вамъ совѣтую выдти замужъ, чтобъ впредь оградить себя отъ непріятныхъ обязательствъ; такимъ образомъ вы совершенно избавитесь отъ всякихъ преслѣдованій.

— Все-таки я бы не вышла замужъ,—заговорила г-жа Пойтои, не принимая мудраго совѣта.—Мнѣ слѣдуетъ дѣйствовать осторожно.

— Простите, по-моему теперь надо опасаться только Аладара. Надо похлопотать, чтобъ въ теченіи года онъ оставался все въ одномъ мѣстѣ. Черезъ годъ не будетъ существовать никакихъ препятствій къ его освобожденію, коль скоро ему нельзя будетъ стать вамъ поперекъ дороги. Теперь же мы принуждены продлить его заточеніе.

— Я вовсе не объ немъ думала, а о себѣ. По отношенію къ нему зло было бы не велико, но мнѣ-то плохо бы пришлось. Вы себѣ представить не можете, какъ здѣсь строго судятъ каждый поступокъ. Всякое частное дѣло обращаютъ въ политическій вопросъ. Если бывшая невѣста эмигрировавшаго революціонера выйдетъ замужъ за хонвэда, ее готовы камнями побить. Если кто не хочетъ жертвовать своихъ денегъ какому-нибудь эмигранту, того считаютъ предателемъ отечества. Вообще, на что бы я ни рѣшилась, рискую подвергнуться разнымъ пересудамъ, а я дорожу своей репутаціей.

— Да вѣдь вы не привязаны къ этому государству.

— Я и сама объ этомъ думаю, но все еще не могу рѣшиться уѣхать отсюда. Объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь займемся дѣломъ, о которомъ я васъ просила. Придете ли вы ко мнѣ на чашку чаю?—Это означало, что вдова не удерживаетъ его обѣдать. Въ видѣ поясненія она прибавила:

— У меня пропасть дѣла. Надо писать письма въ разныя стороны.

— Если у васъ такая большая корреспонденція, то уже ради этого слѣдуетъ вамъ выдти замужъ.

— Неужели вы думаете, что я бы заставила мужа писать за меня письма?

— Нѣтъ, я полагаю, что тогда прекратилась бы самая переписка.

— О, пожалуйста не воображайте, что я веду нѣжную переписку. Любовь не въ одномъ письмахъ высказывается.

Д-ръ Гришакъ нашелъ ея замѣчаніе очень разумнымъ, въ особенности если человѣку любовное обязательство однажды насолило. Спускаясь съ лѣстницы, докторъ припоминалъ содержаніе всѣхъ писемъ, полученныхъ имъ отъ прелестной вдовы, и въ самомъ дѣлѣ ни въ одномъ не нашелъ намека на любовь.

Вернувшись въ свою квартиру, д-ръ Гришакъ нашелъ визитную карточку кавалера Анкершмидта; на ней было карандашомъ нацарапано, что кавалеръ намѣревается быть въ нему въ пять часовъ.

— Ага, это онъ все объ іоркширскихъ свиньяхъ хлопочетъ. Онъ до сихъ поръ воображаетъ, что адвокаты лишь для того созданы, чтобъ бѣгать въ погоню за четвероногими животными, пропавшими у какого-нибудь фермера. Пусть его двадцать разъ зайдетъ, прежде чѣмъ застанетъ меня дома.

Однако онъ сію же минуту былъ наказанъ за свое злое намѣреніе прятаться отъ кліента: вошелъ Анкершмидтъ.

— Въ двухъ словахъ объясню, зачѣмъ пріѣхалъ къ вамъ.

— Знаю, знаю, это на счетъ іоркширскихъ?

— Чортъ возьми, да не напоминайте вы мнѣ объ этихъ іоркширскихъ свиньяхъ! — сердито закричалъ Анкершмидтъ.— Болванъ тотъ, кто началъ это дѣло. Ну, да что толковать, исторія кончена. Я объ другомъ хочу переговорить. Мнѣ нужно прошеніе. Надо, чтобъ оно было очень складно, хорошо написано.

— Къ вашимъ услугамъ.

— Когда я выходилъ въ отставку, мнѣ тамъ, въ Вѣнѣ, сказано было, что если случится мнѣ подать просьбу, она тотчасъ будетъ исполнена. Теперь я хочу воспользоваться этимъ обѣщаніемъ, мнѣ нужно письменное прошеніе. Изустно я все самъ поясню.

— Понимаю-съ,—сказалъ докторъ шопотомъ,—быть можетъ насчетъ ордена?

— Вотъ выдумали, да у меня ихъ столько, что не знаю куда надѣть. Кому мнѣ ихъ показывать, развѣ деревенскимъ мужикамъ? Мнѣ другого нужно. Я хочу выхлопотать амнистію человѣку, который сидитъ въ тюрьмѣ.

— Ахъ, это прекрасно, весьма благородно. Быть можетъ, онъ посаженъ за долги?

— Нѣтъ, за политическое преступленіе.

— Вѣроятно соучастникъ Аула?

— Нѣтъ, онъ венгерскій повстанецъ.

— Быть можетъ, бывшій вашъ слуга?

— Вовсе нѣтъ. Я его даже не знаю. Однако хочу употребить все свое вліяніе, чтобъ помочь ему. Его зовутъ: Аладаръ Гароновѣльди. Онъ племянникъ Адама Гароновѣльди... Да что съ вами случилось, чортъ возьми!

— Такъ, ничего-съ! Подавился, косточка отъ рыбы у меня въ горлѣ остановилась.

— Рыбья кость изъ бараньей-то котлеты? Ну, со мной подобнаго ничего не случалось!

Д-ръ Гришакъ попалъ западню, онъ находился между двумя кліентами, изъ которыхъ одинъ хорошо ему платилъ, а другой въ будущемъ обѣщалъ много выгодъ.

— Осмѣлюсь спросить, что побуждаетъ васъ покровительствовать лицу?

— Это къ дѣлу не относится, нѣтъ надобности разглашать о томъ, что я пытаюсь его освободить; къ тому же, когда дѣло будетъ кончено, мы о немъ забудемъ. Теперь я не знаю Аладара Гароновѣльди, да и послѣ не буду съ нимъ знакомиться. Теперь

мы съ вами ведемъ частную бесѣду. Я вовсе не желаю разыгрывать роль благодѣтеля и не жду аплодисментовъ изъ райка. Мнѣ нужно достичь цѣли—вотъ и все. Я желаю, чтобъ Аладаръ Гароновѣльди вернулся домой, болѣе мнѣ отъ него ничего не нужно. Если встрѣтимся на улицѣ, поздороваемся и пойдемъ каждый своей дорогой. Я не имѣю намѣренія хлопотать отъ своего имени, а хочу, чтобъ другое лицо подало просьбу, а я употреблю свое вліяніе въ Вѣнѣ на то, чтобъ она была исполнена.

— Такъ, такъ, я понимаю-съ. Старый Гароновѣльди будетъ подателемъ прошенія.

— Старикъ Гароновѣльди? Ого, пріятель мой, значитъ вы Гароновѣльди вовсе не знаете. Онъ ни о чемъ не проситъ.

— Сколько мнѣ извѣстно, онъ очень любитъ своего племянника.

— Онъ его любитъ, но просить за него не будетъ.

— Должно быть, онъ въ немъ крайне нуждается, потому что при своемъ упрямствѣ онъ въ конецъ разстроитъ свое хозяйство, которымъ молодой человѣкъ прекрасно завѣдывалъ.

— Все это, быть можетъ, и правда, только, несмотря на это, старый сосѣдъ скорѣе дастъ дому обрушиться или мышамъ изгрызть сапоги на своихъ ногахъ, нежели рѣшится подписать свое имя подъ какимъ-нибудь прошеніемъ. Это я знаю навѣрное. Тутъ долженъ похлопотать кто-нибудь другой. Напримѣръ, какой-нибудь близкій родственникъ.

Д-ра Гришака разобрало любопытство. На кого это онъ разсчитываетъ?—спрашивалъ онъ себя.

— Неужели вы не догадываетесь, кто объ этомъ долженъ похлопотать?

Д-ръ Гришакъ отрицательно покачалъ головой, онъ рѣшительно не зналъ на кого подумать.

— Что-жъ, такъ и не можете отгадать. Приготовьте-ка хорошее прошеніе. Слогъ не долженъ быть сухъ, вы просите не о патентѣ на новоизобрѣтенную вакцу,—надо, чтобъ прошеніе было исполнено достоинства. Я уже позабочусь о томъ, чтобъ лицо, отъ имени котораго оно должно быть подано, подписало его. Я его самъ отвезу въ Вѣну. Поспѣшите скушать свой компотъ, нечего вамъ вынимать косточку изъ каждой вишни. Когда я былъ вашихъ лѣтъ, такъ вишни глоталъ вмѣстѣ съ косточками. Сами напишите просьбу, ее не слѣдуетъ показывать вашему помощнику. Я спрячу ее въ карманъ, и мы вмѣстѣ пойдемъ хлопотать о подписи.

Д-ръ Гришакъ сидѣлъ какъ на угольяхъ. Вотъ будетъ потѣха-то!

Просьба, написанная его собственной рукой, отправится въ Вѣну подъ протекціей кавалера, между тѣмъ какъ г-жа Пойтон только-что дала ему порученіе, совершенно противорѣчащее этому поступку. Ему приходится сочинять трогательныя просьбы объ освобожденіи человѣка, который отобьетъ у него невѣсту.

Однако отъ Анкершмидта не отдѣлаешься, докторъ нехотя поторопился выпить кофе, усѣлся за письменный столъ и не вставалъ, пока не изготовилъ требуемаго документа.

Ему пришла на умъ хитрость: я, молъ, надѣлаю побольше ошибокъ, буду прибавлять слова да зачеркивать, такъ что бумагу необходимо будетъ переписать на-чисто. Онъ-таки ошибся въ разсчетѣ. Прочитавъ прошеніе, кавалеръ тщательно сложилъ его и опустилъ въ карманъ.

— Позвольте, одинъ изъ моихъ писарей на-чисто перепишетъ бумагу.

— Нѣтъ надобности — и такъ ладно.

— Неужели вы хотите подать черновое прошеніе?

— Нѣтъ, само собой разумѣется. Но особа, отъ имени которой оно будетъ подано, сама, собственной рукой, должна его переписать.

— Ей этого не прочесть.

— Я самъ прочту и буду ей диктовать.

Не было возможности взять назадъ бумагу. Теперь прежде всего слѣдуетъ увѣдомить Коринну объ этой неожиданности. Опасность близка, надо всѣми силами стараться помѣшать кавалеру исполнить свое намѣреніе.

Къ счастію, самъ кавалеръ спѣшилъ идти хлопотать о своемъ дѣлѣ и взялся за шляпу. Д-ръ Гришакъ ужасно торопился: чѣмъ скорѣе розыщетъ онъ г-жу Пойтон, тѣмъ лучше. Правда, она его ждетъ лишь къ чаю, но въ такомъ важномъ случаѣ некогда дожидаться часу, указаннаго для аудіэнціи, дорога́ каждая минута!

У воротъ докторъ Гришакъ распрощался съ Анкершмидтомъ, пожали другъ другу руку, пожелали доброй ночи, радуясь, что удалось имъ повидаться, и вдругъ замѣтили, что оба идутъ по одному направленію.

— Вотъ отлично, намъ одна дорога.

На Кристофской площади они снова стали прощаться и пожали другъ другу руку.

— Желаю вамъ всякаго благополучія.

— Вы въ которую сторону пойдете?

— По Вайтцерской улицѣ.

— И я тоже.

Снова вмѣстѣ пошли и очень смѣялись надъ неожиданнымъ спутничествомъ.

Наконецъ, Анкершмидтъ остановился у воротъ двухъ-этажнаго дома.

— Теперь намъ окончательно придется разстаться,—до свиданія, любезный докторъ.

— Очень радъ, что васъ видѣлъ...

— Чортъ возьми, да вы тоже сюда идете?

— Какъ?—и вы сюда?

— Ну, это въ самомъ дѣлѣ курьёзно.

— А мы уже три раза успѣли другъ съ другомъ проститься.

— По крайней мѣрѣ, не разстанемся, не простившись. Кто изъ вашихъ знакомыхъ живетъ здѣсь?

— Кто изъ моихъ знакомыхъ,—колеблясь, произнесъ докторъ.—Я иду по одному дѣлу къ г-жѣ Пойтои.

— Браво! да и я тоже! По крайней мѣрѣ вы мнѣ укажете, гдѣ ея дверь, вы можете меня представить. Мнѣ былъ извѣстенъ лишь нумеръ дома. Я поспѣшилъ сюда—и вотъ счастливый случай, что мы встрѣтились.

Докторъ предоставилъ себя вести точно школьникъ, у него такъ сердце и стучало, какъ-бы отъ страха, что вотъ, молъ, учитель провѣдаетъ, что онъ напроказничалъ, и не миновать ему розогъ.

Анкершмидтъ, напротивъ, будучи покупщикомъ имѣнія г-жи Пойтои,—могъ разсчитывать на любезный пріемъ съ ея стороны. Она всегда съ почтеніемъ объ немъ отзывалась, расхваливала его воинственныя доблести и свѣтскую любезность.

Дѣйствительно, кавалера очень радушно встрѣтили. Хозяйка была къ нему крайне внимательна, отдавала ему предпочтеніе передъ всѣми гостями. За чаемъ сѣла около него, предоставивъ остальнымъ гостямъ размѣститься какъ имъ угодно; тутъ на лицо былъ и танцоръ, и сельскій хозяинъ, и поэтъ—и всѣ прочіе обожатели.

Д-ръ Гришакъ старался держаться возлѣ хозяйки и принималъ участіе въ ея бесѣдѣ съ Анкершмидтомъ, вставляя въ разговоръ, по временамъ, свое словечко.

Потомъ гости начали разъѣзжаться. Д-ръ Гришакъ поглядывалъ на часы, было около полуночи. Всѣ начали подниматься, только Анкершмидтъ вовсе не думалъ съ мѣста двигаться; онъ пилъ уже седьмую чашку чаю.

— Однако поздно становится,—развязно покачиваясь на стулѣ, замѣтилъ докторъ Гришакъ.

— Конечно,—подтвердилъ Анкершмидтъ,—а вамъ вѣрно рано придется вставать?

— Я васъ поджидаю, чтобъ намъ вмѣстѣ вернуться; я нанялъ карету.

— Напрасно. Впрочемъ, пожалуй, подождите меня. Налейте себѣ еще чашку чаю, успѣете выпить.

Кавалеръ началъ жечь ромъ съ сахаромъ въ чайной ложкѣ.

Коринна вернулась, проводивъ гостей, и опять возлѣ него усѣлась. Д-ръ Гришакъ сѣлъ поодаль и безцеремонно оперся на этажерку.

— Кажется, уже всѣ ваши гости разъѣхались?—спросилъ Анкершмидтъ.

— Что-жъ изъ этого,—успокоивала его Коринна.

— Мнѣ бы желательно было наединѣ переговорить съ вами.

Коринна вопросительно взглянула, указывая на доктора Гришака.

— О, присутствіе г-на доктора мнѣ нисколько не мѣшаетъ,—переливая пылающій ромъ съ ложки въ чашку, отвѣчалъ Анкершмидтъ.—Онъ посвященъ въ это дѣло.

«Что бы это могло быть», раздумывала Коринна, а докторъ Гришакъ развязно покачивался на стулѣ.

— Вы помолвлены,—добродушно взглянувъ на Коринну, сказалъ Анкершмидтъ.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ,—отвѣчала она, покраснѣвъ до ушей.

— Мнѣ такъ разсказывали.

— Я вовсе и не намѣрена выходить замужъ.

— Знаю, знаю. Неловкое положеніе. Вы отталкиваете всѣхъ, и никто не знаетъ по какой причинѣ. Но мнѣ-то она извѣстна. Пожалуйста не конфузьтесь. Вашъ женихъ въ тюрьмѣ. Я это очень хорошо знаю, да еще, къ тому-же, ему такъ долго придется быть въ заточеніи, что когда вы увидитесь, такъ оба будете пожилыми людьми, и тогда лишь протянете другъ другу руку. Вотъ вы и скрываете свое горе и всѣмъ говорите, что не выйдете замужъ. Я это очень цѣню. Можетъ быть, что во время войны я былъ противникомъ вашего жениха, но могу ли я его преслѣдовать, когда онъ беззащитенъ! Одно скажу, вы скоро будете счастливы и осчастливите васъ человѣкъ, котораго вы считаете на вѣки для васъ потеряннымъ.

Коринна съ удивленіемъ взглянула на д-ра Гришака, а тотъ употреблялъ всѣ свои усилія, чтобъ вытянуть воротничокъ своей рубашки, точно ему хотѣлось за него спрятаться.

— Говоря безъ обиняковъ,—продолжалъ Анкершмидтъ,—я

хочу выхлопотать въ высшихъ сферахъ амнистію, такъ-что мѣсяца черезъ два Аладаръ Гароновёльди будетъ у вашихъ ногъ.

Д-ръ Гришакъ при этихъ словахъ выпилъ стаканъ воды.

Коринна, растерявшись,—пробормотала: — Я, право, не понимаю.

— Однако вещь, кажется, очень простая.—Анкершмидтъ пошарилъ въ карманѣ и къ крайнему отчаянію д-ра Гришака вынулъ прошеніе.

Докторъ рѣшилъ, что теперь онъ человѣкъ пропащій.

— Вотъ тутъ прекрасно составленное прошеніе, вы его, сударыня, перепишите собственной ручкой. Надо, чтобъ видно было, какъ дрожитъ любящая рука. Не бѣда, если даже пропустите слова два—это докажетъ лишь сильное волненіе. Подпишитесь—и потомъ мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Вѣну. Я всюду, куда понадобится, буду васъ сопровождать, и могу васъ увѣрить, что намъ въ просьбѣ не откажутъ.

Коринна узнала на черновой бумагѣ почеркъ доктора.

И ей приходится переписывать ее собственной рукой. Ее заставляютъ хлопотать о дѣлѣ, котораго она боится какъ кошмара!

Кавалеръ только зналъ себѣ мѣшалъ сахаръ въ чашкѣ. Онъ вполнѣ былъ доволенъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на прелестную вдовушку, и ожидалъ, что она въ слезахъ кинется ему въ объятія, еще пожалуй, руку захочетъ поцѣловать, этого, конечно, онъ не допуститъ.

Но Коринѣ вдругъ пришла хитрость на умъ.

Она сложила прошеніе и положила передъ кавалеромъ. Потомъ, холодно и между тѣмъ какъ-бы съ трудомъ переведя духъ, проговорила:

— До знакомства моего съ вами, я была способна на этотъ шагъ, теперь же—кто вашъ противникъ, тотъ и мнѣ врагъ.

Анкершмидтъ, закусивъ губы, кинулъ внимательный взглядъ на Коринну изъ-подъ своихъ густыхъ бровей, молча положилъ въ карманъ прошеніе и застегнулъ сюртукъ.

— Поздно, пора намъ домой, г. докторъ.

— Развѣ вы не хотите допить чай,—спросила Коринна такимъ голосомъ, какъ будто просила остаться.

— Благодарю васъ, съ меня достаточно.—Кавалеру теперь больше ничего не было нужно.

Вздохнувъ довольно равнодушно, онъ раскланялся. Д-ръ Гришакъ, какъ ошпаренный, шелъ за нимъ по пятамъ.

Онъ одинъ ни за что на свѣтѣ ни секунды долѣе не остался

бы у этой дамы, даже еслибъ ему сейчасъ предложили министерскій портфель.

Прежде всего надо ему у себя дома пообдумать, какіе параграфы привести себѣ въ оправданіе передъ Коринной. Въ настоящую минуту ему остается лишь удалиться подъ эгидой ветерана.

Анкершмидтъ молча спускался съ лѣстницы. Спустившись, оба остановились; пока докторъ ждалъ, чтобъ подъѣхалъ извозчикъ, Анкершмидтъ положилъ ему руку на плечо, сказавъ:

— Послушайте-ка, г. докторъ, видали ли вы, какъ изъ шести щенятъ выбираютъ самаго жирнаго, а другихъ живыми въ воду бросаютъ?

Д-ръ съ удивленіемъ взглянулъ на кавалера, не понимая, къ чему онъ это сказалъ.

— Такъ я вамъ вотъ что скажу: судьба щенка, котораго собираются утопить, по-моему завиднѣе участи жениха вотъ этой барыни. Покойной ночи, милый докторъ.

Онъ предоставилъ ему ѣхать въ каретѣ, а самъ пѣшкомъ отправился домой.

VII.

Полуразвалившагося дома Гароновёльди, котораго онъ никому не хотѣлъ уступить, совсѣмъ не видно было съ улицы. Анкершмидтъ загородилъ его своимъ замкомъ, выстроеннымъ въ стилѣ «Renaissance». Обойдя вокругъ замка, можно было увидать старинное строеніе, окруженное старыми каштановыми деревьями, которыхъ верхушки, склоняясь, образовывали родъ свода, какъ-бы для защиты руины отъ бури. Зеленый плющъ дружески обвивалъ кирпичныя стѣны зданія, извиваясь между окнами до самой крыши.

Вокругъ дома росла трава до самыхъ деревьевъ,—все это пространство принадлежало старому Гароновёльди, а за деревьями начинались владѣнія Анкершмидта, и земля убита была булыжникомъ. Гароновёльди огородилъ свою землю, чтобъ въ нему не заѣзжалъ кто-нибудь верхомъ или въ каретѣ.

Кругомъ стариннаго дома преспокойно росла травка, никто ее не топталъ и не косилъ.

По четыре раза въ годъ, въ извѣстное время Компошъ приходилъ въ старый домъ со связкой ключей. Онъ открывалъ двери, провѣтривалъ комнаты, и, провозившись въ домѣ, съ полчаса опять запиралъ его на замокъ и удалялся.

Понятно, что Штрафъ (котораго мы будемъ теперь звать его настоящимъ именемъ) примѣтилъ, что управляющій аккуратно черезъ три мѣсяца появлялся въ старомъ зданіи.

Штрафъ такъ и остался въ семействѣ Анкершмидта въ качествѣ учителя музыки. Какъ намъ извѣстно, онъ хорошо игралъ на фортепіано и прекрасно разыгрывалъ роль польскаго эмигранта, такъ что, наконецъ, самъ Анкершмидтъ счелъ его за поляка.

Однажды Штрафъ подстерегъ нашего Компоша. Управляющій направлялся къ старому дому; Штрафъ пробирался за нимъ. Компошъ захлопнулъ за собой дверь, а Штрафъ спрятался за бузину и заглядывалъ въ окошко той комнаты, въ которую вошелъ Компошъ.

Войдя въ комнату, Компошъ кругомъ оглянулся, посмотрѣлъ, плотно ли закрыты занавѣски на окнахъ, и замѣтилъ, что черезъ желѣзную рѣшетку выбито было одно стекло въ окнѣ; если въ это отверстіе просунуть пучокъ соломы, то можно приподнять занавѣску и посмотрѣть, что̀ въ комнатѣ дѣлается.

На Компошѣ надѣтъ былъ просторный сюртукъ, въ который можно было припрятать разныя вещи, въ родѣ того, какъ фокусникъ прячетъ въ свой фракъ разныя бездѣлушки.

Вдругъ появилась у него въ рукахъ маленькая четвероугольная коробочка. Не видно было, откуда онъ ее вынулъ. Кажется, она изъ чернаго дерева, словомъ—то была черная шкатулочка.

Компошъ вынулъ изъ жилета маленькій ключикъ и отперъ шкатулку. Жаль одного, онъ такъ всталъ, что изъ-за крышки ящика не видать было, что̀ въ немъ лежитъ.

А вѣрно, что-нибудь особенное находилось въ шкатулкѣ, Компошъ смотрѣлъ въ нее долго, долго. Потомъ взялъ изъ кармана бумаги и положилъ въ шкатулку, снялъ съ пальца перстень и запечаталъ имъ ящикъ.

Очень подозрительный поступокъ! Послѣ снова взялъ ящикъ въ руки, повернулся и ушелъ. Поставилъ ли онъ куда-нибудь шкатулку или съ собой унесъ? Трудно рѣшить. Когда онъ выходилъ изъ дому, не видать было, несетъ онъ что-либо или нѣтъ?

Значитъ, улики такъ вѣрно на мѣстѣ и остались.

Во многихъ отношеніяхъ выгодно будетъ овладѣть этимъ предметомъ. За отысканіе его можно ждать награды.

Сейчасъ же написано было письмо г. Брейхейзелю, отправлено съ экстренной почтой и сказано было, чтобъ поспѣшили.

Надо признаться, что не замѣшкались.

Въ два часа по-полуночи тихонько явился г. Брейхейзель съ

своимъ секретаремъ, писцомъ, комиссаромъ и вооруженными жандармами, однихъ разставили тотчасъ же у дверей дома, другимъ велѣно было схватить Компоша.

Онъ чуть не обратился въ бѣгство; будучи совсѣмъ одѣтъ, онъ собирался идти въ конюшню.

— Стой!—крикнулъ Брейхейзель,—куда это?

— Въ конюшню,—преспокойно отвѣтилъ Компошъ.

— Чего вы тамъ ищете ночью?

— Я вѣдь исполняю должность эконома. Да и теперь уже не ночь, а утро.

— Какое утро, всего три часа по-полуночи.

— Да вѣдь это и называется утромъ; въ эту пору мужики принимаются за работу.

— Безъ колкостей; прошу покорно, слѣдуйте за нами. Принесите ключи отъ пустого дома. Г-нъ Микучекъ съ двумя жандармами будетъ васъ сопровождать.

Г-нъ Микучекъ былъ худенькій господинъ, съ узкими плечами, на немъ было узенькое пальто табачнаго цвѣта, въ которомъ онъ совсѣмъ бы замерзъ, еслибъ не спасъ его черный шерстяной шарфъ. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

Этотъ г. Микучекъ такъ и ходилъ по пятамъ. Съ помощію ручного фонаря отыскали связку ключей, и потомъ вся компанія направилась къ дому. Впереди шелъ Брейхейзель, за нимъ Компошъ съ дрожащимъ Микучекомъ, а кругомъ вооруженные жандармы.

Когда дошли до дому, отъ г. Компоша оффиціально потребовали, чтобъ онъ отперъ дверь.

Компошъ повиновался начальству.

— Два жандарма пусть останутся у дверей и не пускаютъ никого ни войти, ни выдти,—отдалъ приказъ Брейхейзель.—Эй, вы, впередъ съ ключами.

Г-ну Компошу никто не пояснилъ, чего разыскивали, а онъ ни у кого не спрашивалъ, чего ищутъ.

Начался обыскъ.

Стали осматривать полы въ комнатахъ, начали поднимать половицы по порядку, искусно шаря во всѣхъ углахъ. При свѣтѣ лампы изъ щелей повыскакали мыши и крысы и разбѣжались во всѣ стороны. Въ углу нашли опустѣвшее сверчковое гнѣздо, изъ котораго торчали соломенки. Потомъ увидали фруктовыхъ червяковъ и цѣлую колонію мокрицъ. Но болѣе таинственнаго ничего не отыскали.

Потомъ начали осматривать печи. По этой части г. Мику-

чекъ былъ очень свѣдущъ. Какъ человѣкъ практическій онъ хорошо зналъ, что печи и камины могутъ служить проводниками въ разныя коморки. Разобрали по очереди всѣ печи и освидѣтельствовали каждый уголокъ. Въ урнахъ съ узкими горлышками, украшавшихъ печи, сбоку пробивали отверстія. Ничего въ нихъ не нашли, кромѣ сажи, и г. Микучекъ такъ въ ней выпачкался, что его можно было принять за трубочиста.

Сравнительно гораздо чище была работа вынимать мраморныя плиты въ сѣняхъ, крючьями легко ихъ было вытащить, не запачкавъ даже рукъ.

Подъ плитами тоже ничего не нашли. Унтеръ-комиссару пришлось опять привинтить крышку на своей чернилицѣ и спрятать въ карманъ протоколъ, не занеся въ него ничего интереснаго; г. Брейхейзель самъ свѣтилъ ему, держа въ рукѣ фонарикъ, боясь, чтобъ чего-либо не подкинули.

Потомъ спустились они въ погребъ. Нѣсколько пустыхъ бочекъ стояли на доскахъ, у нихъ проломали дно и убѣдились, что онѣ совершенно пусты.

Но г. Микучекъ вѣдь практичный человѣкъ. Погребá не такъ обыскиваютъ; по его приказанію, въ одну изъ бочекъ налили воды и покатили ее въ погребъ, потомъ въ верхъ дномъ опрокинули, такъ чтобъ вода разомъ вытекла. Это для того дѣлалось, чтобъ узнать, не запрятано ли что въ погребѣ,—въ такомъ случаѣ вода сейчасъ стечетъ въ то мѣсто, гдѣ что-либо хранится.

Члены слѣдственной комиссіи взлѣзли на балки, чтобъ вода не попала имъ въ сапоги.

Компошъ, стоя между двумя жандармами, съ усмѣшкой посматривалъ на эту операцію.

Вдругъ вода потекла въ ту сторону, гдѣ на балкѣ стоялъ Компошъ и стала быстро исчезать въ углубленіе.

— Тамъ, тамъ надо искать!—закричали разомъ трое.

— Здѣсь копайте! — Начали отбрасывать гнилыя балки и быстро копать землю.

Микучекъ даже засучилъ шаровары, чтобъ поближе подойти.

Что-то зазвенѣло.

— А, тутъ что-то есть! — Самому Компошу крайне было любопытно узнать, что, молъ, тамъ запрятано.

— Потихоньку, осторожно!

Микучекъ руками вытаскивалъ изъ ямы комки грязи. Наконецъ ему что-то подъ руку попалось, онъ сталъ вытаскивать,— оказалось, это пустая бутылка. Еще вынулъ бутылку—и въ этой ничего нѣтъ; опять попалась пустая бутылка, и набралось цѣлыхъ

пятнадцать, различной формы. Были и маленькія и большія изъ коричневаго стекла, изъ зеленаго, изъ желтаго, изъ-подъ токайскаго вина, венгерскаго, изъ-подъ шампанскаго—и всѣ до единой были пусты.

Члены слѣдственной комиссіи съ удивленіемъ переглянулись между собой.

— Что это значитъ?

Между тѣмъ, уже начало свѣтать. Когда совсѣмъ разсвѣло, можно было освидѣтельствовать чердакъ.

Обыскъ на чердакѣ не привелъ ни къ какимъ открытіямъ.

Отправились въ комнаты. Тутъ обратилъ на себя вниманіе раскрашенный досчатый ящикъ, до-верху наполненный пожелтѣвшей бумагой. Въ немъ навѣрное было нѣсколько пудовъ вѣсу.

— Это что за бумаги?—спросилъ г. Брейхейзель, обернувшись къ Компошу.

Компошъ съумѣлъ схитрить и отвѣчалъ, пожавъ плечами: —Право не знаю. Неугодно ли вамъ будетъ посмотрѣть.

— Вотъ еще проклятое занятіе! Однако, быть можетъ, мы здѣсь найдемъ то, чего намъ нужно.

Съ кислыми минами начали члены коммиссіи развязывать пачку за пачкой, развертывали каждое письмо и прочитывали, чтобъ видѣть, не то ли это, котораго ищутъ. Нѣтъ, все не то! Въ письмахъ говорилось о томъ, что было за 200 да 300 лѣтъ назадъ, подписаны были имена людей давно умершихъ. Самыя чернила уже успѣли побѣлѣть.

Нечего сказать, тяжелая была работа. Раздался обѣденный звонокъ, а коммиссія еле справилась съ $^1/_5$ всѣхъ найденныхъ сокровищъ.

Видно было, что въ бумагахъ нѣтъ ничего подозрительнаго.

— Подождите, я кое-что придумалъ!—неожиданно крикнулъ Брейхейзель, ударивъ по плечу своего пріятеля Микучека, какъ человѣкъ, которому пришла счастливая мысль.

— Идемъ въ первую комнату, пусть управляющій идетъ между двумя жандармами.—Идемте же!

При этомъ г. Брейхейзель сунулъ лѣвую руку подъ фалды сюртука, а въ правой держа трость пошелъ самъ впередъ, въ комнату, гдѣ разобрали весь полъ.

Посреди этой комнаты стояло бюро съ оригинальной крышкой, которая взадъ и впередъ двигалась, словно китайская штора.

Г-нъ Брейхейзель собралъ весь свой штатъ и съ торжествую-

щимъ видомъ всталъ около стола, изъ котораго предварительно вынули всѣ ящики.

Компошъ, увидавъ, что они готовятся сломать старинный столъ, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— Не можете ли вы мнѣ сказать, господа, что вы собственно разыскиваете?

— Шкатулочку изъ чернаго дерева, въ которую вы прячете письма.

— Ахъ, господа, да вѣдь она передъ вами стоитъ.

Дѣйствительно, ящичекъ стоялъ на столѣ, на возвышеніи, между двумя томами «Corpus juris» въ кожаномъ переплетѣ. Тамъ никому въ голову не пришло поискать ее.

Чтобъ загладить свой промахъ, г. Брейхейзель вдругъ крикнулъ Компошу:

— Что находится въ этой шкатулкѣ?

— Извольте посмотрѣть; вотъ ключъ.

— Зачѣмъ ящикъ запечатанъ? — строго спросилъ г. Брейхейзель, наморщивъ брови.

— Чтобъ туда ничего не клали, кромѣ того, что я положилъ.

— Что же лежитъ въ этой шкатулкѣ?

— У васъ ключъ въ рукахъ, извольте взглянуть.

— Кому она принадлежитъ? Зачѣмъ она здѣсь спрятана? съ какой цѣлью ее запрятали?

— Позвольте, господа, это такіе вопросы, на которые я передъ судомъ готовъ отвѣтить, но не здѣсь, въ присутствіи любопытныхъ свидѣтелей.

— Вотъ какъ, вы не хотите мнѣ отвѣчать! Вахмистръ, съ этой минуты человѣкъ этотъ арестованъ.

Компошъ нисколько не испугался. Когда жандармскій унтеръ-офицеръ подошелъ къ нему, онъ, какъ человѣкъ знакомый съ законами, вынулъ свое единственное оружіе, складной ножикъ, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ подалъ жандарму, сказавъ: возьмите!

Этимъ онъ показалъ, что не намѣренъ сопротивляться.

— Отведите этого человѣка въ городъ, пусть тамъ за нимъ наблюдаютъ.

— Поспѣютъ, вы меня еще выпустите,—скромно замѣтилъ Компошъ.—Что, мы пѣшкомъ пойдемъ, или велѣть запречь лошадь?

Брейхейзель готовился отмстить ему, отправивъ его пѣшкомъ, но подумалъ, что провожатые за это ему спасибо не скажутъ. Онъ позволилъ Компошу послать въ контору и велѣть заложить

экипажъ, вахмистру строго велѣлъ слѣдить за нимъ, а самъ собирался уйти, взявъ шкатулку съ собою. Компошъ почтительно остановилъ его.

— Вы изволили меня арестовать за то, что́ находится въ шкатулкѣ?

— Да, ну, а потомъ что́?

— А если въ шкатулкѣ-то ничего нѣтъ?

— Ничего нѣтъ?

— Вѣдь затѣмъ-то я и передалъ вамъ ключъ, чтобъ вы изволили ее отпереть. Если вы, не открывъ, возьмете домой ящичекъ, въ судѣ его отопрутъ, и если найдутъ его пустымъ, тогда, воля ваша, я сдѣлаю скандалъ.

— Такъ что-жъ мнѣ дѣлать, по-вашему?

— Тутъ письма юнкера Аладара, которыя онъ пишетъ черезъ каждые четыре мѣсяца дядѣ, изъ Куфштейна, гдѣ находится въ заточеніи. По конвертамъ изволите увидѣть, что они прошли черезъ всевозможный контроль. Сперва прочелъ ихъ комендантъ крѣпости, потомъ переслали ихъ въ Вѣну, въ главное полицейское вѣдомство, тамъ ихъ изслѣдовали даже химически, нѣтъ ли тутъ криптографіи изъ симпатическихъ чернилъ. Когда ничего подозрительнаго въ нихъ не найдутъ, отсылаютъ ихъ обратно въ Куфштейнъ, оттуда въ оберъ-полицейское венгерское правленіе, и оно доставляетъ ихъ по адресу. Все это видно по письмамъ. Мнѣ думается, почтенный господинъ, что надо бы сперва взглянуть, есть ли что́ въ шкатулкѣ, которую изволите съ собой брать, или, ничего нѣтъ. Такихъ шкатулокъ много въ Пештѣ у токарей; не думаю, чтобъ ради самой шкатулки изволили вы прибыть сюда.

— Это справедливо.

Сломали печать, отперли замокъ и подняли крышку, все дѣлалось оффиціально.

Увидѣли они, что въ шкатулкѣ находится портретъ молодого гусара, который вдѣланъ былъ въ крышку, а въ самомъ ящикѣ лежало писемъ двадцать.

— Чей это портретъ?—спросилъ Брейхейзель.

— Это Аладаръ Гароновёльди, родственникъ и воспитанникъ Адама Гароновёльди.

— А что́ это за письма?

Брейхейзель и его чиновникъ ровно ничего подозрительнаго въ письмахъ не нашли.

— Къ чему же таинственность, зачѣмъ прячете вы эти письма?

Компошъ пожалъ плечами и разсмѣялся.

— Вы изволите видѣть, что письма написаны на иностранномъ языкѣ. Хозяинъ мой говоритъ, что онъ не заснетъ, если въ одномъ домѣ съ нимъ будутъ находиться буквы такой формы; сжечь писемъ онъ не хотѣлъ, потому что онѣ написаны племянникомъ. Оттого и приказалъ мнѣ спрятать ихъ гдѣ-нибудь внѣ дома. И вотъ, когда я ему переведу каждое, вновь полученное письмо (самъ онъ ихъ даже въ руки не беретъ), возьму, принесу его сюда да и спрячу въ шкатулку. Я думалъ, что здѣсь онѣ никого не стѣснятъ.

Это объясненіе окончательно вывело изъ терпѣнія г. Брейхейзеля.

Кто слыхалъ о причудахъ стараго «куруца» (такъ назывались приверженцы патріота князя Ракоци) Адама Гароновѣльди, тому подобное поясненіе покажется вполнѣ естественнымъ.

— Послушай-ка, сударь,—прошипѣлъ г. Брейхейзель, становясь на дыбы,—если здѣшніе господа изъ ума выжили, то все-таки не позволяется имъ насмѣхаться надъ судебнымъ вѣдомствомъ. Зачѣмъ они дѣлаютъ секретъ изъ пустяковъ и принуждаютъ насъ ѣхать сюда, и съ утра до ночи, не пивши, не ѣвши, производить обыскъ. Это шутка плохая. Подобный поступокъ считается непочтительностію къ начальству. Потому предостерегаю васъ, чтобъ впередъ вы воздерживались отъ подобныхъ дѣйствій, служащихъ помѣхою административнымъ учрежденіямъ и высшимъ государственнымъ постановленіямъ. Они тормозятъ развитіе и водвореніе порядка и спокойствія. И если впредь всѣ вы, въ особенности вы, безъ всякой надобности потревожите власти, то въ частной вашей жизни вы подвергнетесь строгому надзору. Впрочемъ, это предостереженіе имѣетъ двоякую цѣль—напомнить вамъ о наказаніи, какое повлечетъ за собой вина, и съ другой стороны—какъ напоминаніе о томъ, что чистосердечное раскаяніе можетъ облегчить вашу участь.

Изъ этихъ цвѣтистыхъ рѣчей нашъ Компошъ понялъ одно,—что ему возвращаютъ свободу.

Брейхейзель молча указалъ, чтобъ его отпустили.

— Значитъ, съ меня снимается обвиненіе.

Когда чиновники собирались уйти, Компошъ сказалъ:

— Прошу покорнѣйше, господа, выслушайте одно словечко.

— Ну, что́ еще такое?

— Вы изволите видѣть, что я внѣ опасности, шкатулка въ моихъ рукахъ, ни въ чемъ меня не обвиняютъ, значитъ бояться мнѣ нечего. Потому скажу вамъ, что въ шкатулкѣ находится

кое-что, чего вы не видали. При этомъ онъ подавилъ пружинку въ крышкѣ, портретъ отскочилъ, подъ нимъ лежало нѣсколько мелко и часто исписанныхъ листовъ почтовой бумаги.

— Это что такое?

— Какъ, развѣ никто не умѣетъ по-венгерски? Нѣтъ? Тѣмъ лучше. Значитъ меня придется въ городъ отправить, потому что здѣсь я не разскажу, о чемъ говорится въ письмахъ. Я желаю, чтобъ высокопоставленныя лица объ этомъ узнали. Гдѣ вахмистръ? Пріятель мой, экипажъ готовъ, есть у васъ цѣпи? Закуйте меня и отправимтесь.

Компому поясняли, что цѣпей ему не надѣнутъ, но все-таки онъ не долженъ удаляться. А онъ упрашивалъ господъ, чтобъ они опять сложили печь, все заперли и ключъ передали бы ключнику. Потомъ, взявъ своего провожатаго къ себѣ въ экипажъ, онъ уѣхалъ, пожелавъ членамъ коммиссіи всякаго благополучія.

— Препорядочный негодяй!—ворчалъ ему вслѣдъ г. Брейхейзель.—Нечего сказать!

Возвращаясь домой, кавалеръ Анкершмидтъ столкнулся съ коммиссіей, которая, окончивъ обыскъ, ѣхала обратно въ городъ.

Его крайне удивила многочисленная вооруженная свита, окружавшая почтовую карету г. Брейхейзеля и его помощниковъ. Ему пришлось остановиться, потому что почтенные господа, издали увидавъ его экипажъ, велѣли остановить своихъ лошадей, вышли изъ кареты и подошли къ экипажу Анкершмидта, чтобъ поблагодарить его за радушный пріемъ въ его замкѣ, гдѣ, послѣ обыска, накормили ихъ обѣдомъ.

— Чортъ возьми, да вы развѣ были на псовой охотѣ?

Въ первый моментъ ему пришло въ голову: не за полякомъ ли они пріѣзжали!

— Да и удачно поохотились. — Вы никакъ не подозрѣваете, какія опасныя тайны схоронены были въ старомъ домѣ, который находится рядомъ съ вашимъ замкомъ.

— Быть не можетъ? Уже не скомпрометтированъ ли г. Гароновѣльди?

— Ну, это со временемъ видно будетъ. Пока только его управляющій привлеченъ къ суду.

Анкершмидтъ съ досады развалился въ каретѣ и велѣлъ кучеру ѣхать дальше. Если въ старомъ домѣ дѣлали обыскъ, значитъ кто-нибудь донесъ. Донести только и могъ одинъ человѣкъ,

а именно этотъ бродяга. Анкершмидтъ упрекалъ себя за то, что при появленіи этого человѣка сейчасъ же не выгналъ его изъ дому. Нужно было брать его въ учителя! Бабы это выдумали его протежировать.

— Что теперь изъ этого выйдетъ? Если старый Гароновѣльди сдѣлаетъ какую-нибудь оплошность, такъ этимъ лишь продлитъ заточеніе племянника. Если откроютъ какой-нибудь заговоръ, прошеніе попадетъ не во время.

Онъ еще и безъ того не могъ оправиться отъ грустнаго впечатлѣнія, вынесеннаго изъ разговора съ вдовой. Ближайшіе родственники отрекаются отъ несчастнаго узника! Каково! женщина, обрученная невѣста не хочетъ подать прошенія объ освобожденіи жениха! Никогда бы онъ этому не повѣрилъ, еслибъ на дѣлѣ не убѣдился, что возможно такъ поступать! Что было дѣлать кавалеру съ этимъ прошеніемъ въ карманѣ? Отъ чьего имени подать? Есть ли возможность уговорить на это старика Гароновѣльди? Да и будетъ ли прокъ изъ этого, коль скоро онъ попалъ подъ слѣдствіе?

Съ нетерпѣніемъ ждалъ онъ, когда доберется до дому.

Къ слугѣ, пришедшему взять чемоданъ, онъ обратился съ вопросомъ:

— Дома учитель музыки?

Узнавъ, что молодой человѣкъ утромъ вернулся съ охоты, онъ поспѣшилъ наверхъ, къ нему въ комнату.

— Не успѣлъ онъ снять дорожное платье, какъ появился маленькій Дюсси съ порученіемъ отъ миссъ Натали. Миссъ проситъ его превосходительство въ залу для серьёзнаго разговора.

— Чортъ возьми, что за серьёзные разговоры! Что хочетъ миссъ? Я самъ шутить не намѣренъ!

Миссъ одна дожидалась кавалера въ залѣ. Она причесалась съ локонами à l'anglaise; лицо ея казалось еще длиннѣе и трагичнѣе.

— Что вамъ угодно, миссъ Натали? Что вы хотѣли мнѣ передать?

— Приготовьтесь къ очень дурной вѣсти, которая встревожитъ ваше благородное сердце.

— Ну, что это за вѣсть? Говорите съ разу, ненавижу этихъ предисловій!

— У васъ въ домѣ есть шпіонъ.

— Знаю. Дальше не разсказывайте, чортъ возьми! Мнѣ все извѣстно. Я дорогой все узналъ.

— Быть не можетъ! Я старалась это скрыть.

— Вѣрю, что вы хотѣли скрыть, но я намѣреваюсь разгласить. Не пугайтесь пожалуйста.

— Подумайте, вѣдь вы этимъ можете повредить своему доброму имени.

— Этимъ-то я и спасу свою честь. Я не допущу, чтобъ говорили, что въ домѣ Анкершмидта находится шпіонъ.

Миссъ начала умолять.

— Дюсси, позови учителя музыки.

Штрафъ съ улыбкой вошелъ, какъ человѣкъ ничего не подозрѣвающій, началъ изъявлять свое удовольствіе, что вернулся хозяинъ. Анкершмидтъ прервалъ эти изліянія:

— Довольно!

Штрафъ долженъ былъ остановиться, кавалеръ даже руку протянулъ, сжавъ кулакъ.

— Послушай-ка ты: вчера въ домѣ Гароновѣльди дѣлали обыскъ. Ты донесъ. Я не живу въ одномъ домѣ съ шпіонами. На лѣво-кругомъ, маршъ!

Штрафъ понялъ, что мѣшкать нельзя, не пробовалъ защищаться, съ благоговѣніемъ и смиреніемъ поклонился, какъ-бы подавляя вздохъ.

— Маршъ, маршъ! Сказано разъ—и довольно!—нетерпѣливо кричалъ кавалеръ.—Штрафъ сообразилъ, что самое лучшее удалиться; въ дверяхъ, обернувшись, онъ съ угрозою проговорилъ, смотря на Анкершмидта:

— Я вамъ о себѣ напомню!

Гнѣвъ прошелъ у Анкершмидта. При этихъ словахъ онъ флегматически обратился къ маленькому пажу, стоявшему у дверей:

— Дюсси, выбрось за дверь этого господина

Миссъ Натали не ушла. Она была блѣднѣе обыкновеннаго, ея сжатыя губы посинѣли и она съ такимъ бѣшенствомъ глядѣла на Анкершмидта, точно ядовитая змѣя, которая готовится ужалить.

— Вы,—сказала она, подавляя гнѣвъ,—вы изволите ошибаться. Измѣна въ вашемъ домѣ пустила корни глубже, нежели вы предполагаете.

— Милѣйшая миссъ, не выражайтесь такимъ изысканнымъ слогомъ, скажите по-просту, если знаете, кто донесъ на Гароновѣльди. Доносъ могъ быть сдѣланъ только изъ этого дома. Если вы мнѣ докажете, что донесъ не этотъ бродяга, я готовъ идти вслѣдъ за нимъ и попросить у него прощенія. Не сердись, молъ, пріятель, бродяга!

— Не въ томъ дѣло, кто донесъ на Гароновѣльди.

— А въ чемъ же дѣло? Въ чемъ можетъ быть дѣло, говорите?

— Что общаго между вашимъ домомъ и г. Гароновёльди?

— Какъ что общаго? Онъ былъ моимъ противникомъ въ политикѣ и на полѣ сраженія, и я не допущу, чтобъ про меня сказали, что я поселился рядомъ съ нимъ, чтобъ шпіонить.

— Про васъ еще худшее разскажутъ, будутъ говорить, что вы возлѣ него поселились потому, что ищете заключить съ нимъ союзъ.

— Не понимаю. Какой союзъ? Уже не заговоръ ли?

— Нѣтъ, не то.

— Быть можетъ, у старика есть дочь и я за ней ухаживаю, хочу жениться?

— У него нѣтъ дочери, а у васъ есть.

— Такъ по-вашему, люди скажутъ, что я хочу навязать старику одну изъ моихъ дочерей?

— Да нѣтъ же, но у г-нъ Гароновёльди есть племянникъ, государственный преступникъ, онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

Кавалеръ подумалъ, какимъ образомъ вѣсть опередила его пріѣздъ. Неужели домашніе уже знаютъ, о чемъ онъ говорилъ въ городѣ.

— Откуда вы это узнали?

— Очень просто. Г-нъ Брейкейзель, обѣдая у насъ, чтобъ удовлетворить наше женское любопытство, отперъ конфискованную шкатулку съ перепиской Гароновёльди. Въ шкатулкѣ находится портретъ красиваго молодого человѣка и письма, написанныя на иностранномъ языкѣ.

— На какомъ иностранномъ языкѣ?

— На венгерскомъ.

— Вотъ какъ!

— Вы думаете, что члены вашего семейства не умѣютъ по-венгерски? Вы ошибаетесь, м-lle Элиза почти изучила этотъ языкъ.

— Ничего нѣтъ удивительнаго, въ два года могла научиться. Я самъ также выучился по-венгерски.

— Хорошо-съ. Теперь не угодно ли вамъ прочесть вотъ это?

Миссъ взяла длинную бумагу, по-канцелярски сложенную и подала кавалеру.

— Это почеркъ Элизы.

— Извольте прочитать.

Пока Анкершмидтъ читалъ, въ немъ одно чувство смѣнялось другимъ. Онъ удивлялся, радовался, сердился.

— Что это такое?—воскликнула миссъ Натали.

— Что это такое! Прошеніе къ высшей власти, его диктовало простое, наивное, благородное сердце, а писала слабая дѣтская рука. Наивная просьба о дарованіи амнистіи юношѣ, сидящему въ тюрьмѣ. Что она хотѣла сдѣлать съ этой просьбой? Что она говорила?

— Она хотѣла послать ее въ Вѣну.

— Какимъ образомъ?

— По почтѣ.

— Сумасбродный ребенокъ! Гдѣ она?

— Заперта въ своей комнатѣ.

— Пошлите ее ко мнѣ; я хочу переговорить съ ней наединѣ.

— Вотъ гдѣ измѣна!—торжественнымъ тономъ проговорила миссъ.—Вотъ чего вы не подозрѣвали; еслибъ не мой зоркій глазъ, вашему доброму имени нанесенъ бы былъ жестокій ударъ, а вовсе не тѣмъ лицомъ, на которое вы напустились.

— Хорошо, да хорошо же, другой разъ объ этомъ потолкуемъ, а теперь пришлите ко мнѣ дѣвочку.

Анкершмидтъ ушелъ въ свою комнату, сѣлъ къ столу, положилъ передъ собой просьбу дѣвочки и нѣсколько разъ перечиталъ ее.

Какъ правдиво, естественно!

Онъ положилъ рядомъ прошеніе доктора правъ и началъ сличать обѣ просьбы.

Дверь отворилась—и виновная вошла.

Она знала, что сильно провинилась и позвали ее къ судьѣ; она не думала защищаться, сейчасъ же созналась, что виновата, бросилась на колѣни и прижалась къ отцу.

Анкершмидтъ, положивъ руку на бумагу, смотрѣлъ попеременно то на дочь, то на просьбу.

Съ четверть часа оба молчали. Потомъ Анкершмидтъ погладилъ дочь по головѣ, проведя рукой по ея локонамъ.

Элиза схватила руку отца, притянула къ губамъ и долго цѣловала ее. Оба долго молчали.

Подъ конецъ надо же было кому-нибудь заговорить.

— Дочурка моя, ты это написала?

— Я.

— Ты очень хорошо и вмѣстѣ съ тѣмъ очень дурно поступила. Хорошо по отношенію къ узнику, и дурно въ отношеніи къ самой себѣ, потому что сама попала въ узницы. Я самъ передамъ твою простую просьбу туда, куда ты ее адрессуешь и ручаюсь за успѣхъ. Но съ настоящей минуты ты не выйдешь

изъ дому, потому что ты никогда не должна увидѣть человѣка, котораго ты желаешь освободить.

Анкершмидтъ поднялъ ея голову, чтобъ посмотрѣть ей въ глаза.

— Итакъ, безъ меня или безъ твой гувернантки ты не должна шагу дѣлать.

— Никуда не пойду.

— Хорошо же, теперь встань и поцѣлуй меня. Никому не передавай нашего разговора.

Взявъ дочь за руку, онъ повелъ ее въ залу и передалъ миссъ, сказавъ:

— Миссъ Натали, провинившаяся во всемъ призналась. Я присудилъ ее къ домашнему аресту. Строго наблюдайте за ней.

VIII.

На другой день ранёхонько Анкершмидтъ уѣхалъ изъ дому, всѣмъ объявивъ, что отправляется въ Пештъ. Только одна Элиза подозрѣвала, что не туда онъ ѣдетъ.

— Я вамъ поручаю, миссъ, строго соблюдать арестъ, — сказалъ онъ, садясь въ карету. Миссъ и Эрминія проводили его до экипажа. Арестованной позволено было смотрѣть въ окошко.

— Поручаю вамъ строго наблюдать за ней. Передаю вамъ родительскую власть, поступайте съ ней какъ мать съ дочерью.

Миссъ не поняла шутки.

— И ты, Эрминія, тоже слѣди за Элизой. Ты старше и всегда была разумна. Тебя никогда не приходилось бранить, ни говорить тебѣ, что можно и чего нельзя: ты съ дѣтства была осмотрительна. Наблюдай за сестрой, ты знаешь, какъ она вѣтрена; у нея доброе сердце, но негодное для дѣвушки. У нея всѣ тѣ качества, за которыя хвалятъ мальчиковъ, а дѣвочекъ бранятъ. Обращайся съ ней ласково, съ любовью. Ну, теперь обними меня и позаботься, чтобъ не случилось какой-либо новой бѣды къ моему возвращенію.

Едва успѣла улечься пыль отъ удалившагося экипажа, какъ къ дамамъ вошелъ Максеншутцъ.

— Честь имѣю кланяться, барышни, вашъ покорный слуга. Миссъ Натали, цѣлую ваши ручки, какъ вы изволили почивать?

— Доброе утро, г-нъ фонъ-Максеншутцъ, присядьте пожалуйста. Мы такъ давно встали, что успѣли забыть, какъ провели ночь. Чему мы обязаны удовольствіемъ васъ видѣть?

— Я боялся явиться слишкомъ рано, миссъ. Дамы вѣдь долго совершаютъ свой туалетъ.

— Мы должны были поторопиться, потому что провожали отца.

— Это мнѣ извѣстно, миссъ, потому-то я и осмѣлился придти въ ранній часъ. О, я вѣдь знаю, въ какое время должно отправляться съ визитомъ.

— Здѣсь вы дома, г. директоръ, вы свой человѣкъ.

— Благодарю васъ покорно. Потому-то я и осмѣлился придти, дѣло спѣшное, отложить нельзя.

Миссъ Натали обратилась къ Элизѣ ласково, словно мать.

— Милая Элиза, пожалуйста сядьте за фортепіано нѣсколькими минутами ранѣе обыкновеннаго. Вчера вы пропустили урокъ.

Элиза поняла, что это значило. Ее хотятъ удалить и дать ей такое занятіе, чтобъ быть увѣренной, что ей нельзя подслушивать. Она повиновалась.

Максеншутинъ, опрокинувъ цилиндръ на колѣняхъ, началъ по немъ барабанить.

— Такъ, миссъ, прекрасно. Ну, а мадемузель Эрминія?

— О, отъ нея у меня нѣтъ секретовъ, да и быть не можетъ. Она мнѣ все-равно что сестра, да, это половина моей души.

— Итакъ, я смѣло могу говорить при барышнѣ. Съ чего мнѣ начать? — Ахъ, да, Богумилъ нынче у меня ночевалъ.

— А! — вскрикнула миссъ Натали, а Эрминія взяла романъ — и притворилась, будто намѣрена читать.

— Мой другъ Богумилъ мнѣ все разсказалъ, миссъ, все. Какъ его кавалеръ выгналъ изъ дому, подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ виноватъ въ томъ, что дѣлали обыскъ въ амбарѣ Гароновѣльди. Это была лишь придирка, всякій это пойметъ. Другъ мой Богумилъ откровенно мнѣ объяснилъ причину этого непріятнаго поступка. Долженъ ли я передать вамъ его слова?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Онъ признался, что случилось все это потому, что кавалеръ примѣтилъ, какъ онъ близко сошелся съ вами, миссъ.

— Ахъ, — вздохнула миссъ и закрыла лицо прозрачной вышивкой, сквозь которую могла наблюдать. Эрминія перевернула страницу, какъ-бы не обращая вниманія на окружающее.

— Миссъ, я разумѣю отношенія вполнѣ достойныя уваженія, я вполнѣ въ этомъ убѣжденъ. Другъ мой Богумилъ все мнѣ передалъ, миссъ. Онъ желаетъ на васъ жениться.

— Ахъ!

— Дѣло было покончено, я знаю. У него въ карманѣ разрѣшеніе, онъ мнѣ его показывалъ, все какъ слѣдуетъ. На-дняхъ назначена была свадьба. Между тѣмъ кто-то изъ домашнихъ передалъ это кавалеру. Онъ разсердился на сватовство, прогналъ молодого человѣка, оскорбивъ его въ вашемъ присутствіи. Вѣдь оно такъ и было, миссъ? Я говорю то, что отъ него слышалъ. Своего не прибавляю.

Миссъ, опустивъ глаза, прошептала, что это все правда.

— Прекрасно-съ! Теперь вопросъ въ томъ: желаете ли вы, миссъ, принять сторону оскорбленнаго человѣка?

— Я на все соглашаюсь, только не знаю, какъ и что должна я дѣлать?

— И это я вамъ скажу, миссъ. Требуется лишь ваше согласіе. Поступокъ кавалера оскорбляетъ и его самолюбіе, и ваше.

— О, крайне оскорбляетъ, — положивъ руку на сердце и поднявъ глаза къ потолку, отвѣтила миссъ.

— Другъ мой Богумилъ серьёзно помышляетъ о будущемъ. Я у него видѣлъ бумагу, его назначили профессоромъ реальнаго училища въ Офенѣ. Если тамъ узнаютъ, что его выгнали, пожалуй отнимутъ у него мѣсто.

— Бога ради!

— Одно средство помочь бѣдѣ, вы должны какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ другомъ моимъ Богумиломъ.

— Ахъ!

— Развѣ вы не хотите, миссъ?

— Но какъ же такъ скоро!

— Мнѣ кажется, вы были достаточно подготовлены. Развѣ вы думаете, что Богумилу есть время дожидаться возстановленія своей чести?

— Нѣтъ, нѣтъ, когда дѣло касается его чести, я на все готова, — проговорила великодушно Натали, протягивая руку Максенпутшу, и, какъ-бы ища опоры въ минуту столь важнаго рѣшенія, она взглянула на Эрминію, которая, отложивъ книгу въ сторону, подошла къ ней.

— Хорошо, миссъ, все прекрасно. Теперь остается поговорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ, касающихся исполненія плана. Пока имѣю честь кланяться, если понадобится, я опять приду.

Натали поняла намекъ и, провожая Максенпутша, за дверью, второпяхъ, сказала, что теперь ей вполнѣ понятно поведеніе Анкершмидта. Покойная супруга кавалера завѣщала ей, какъ бывшей своей компаньонкѣ, 5,000 гульд. сереб. Живя въ домѣ кавалера, она получаетъ проценты съ этихъ денегъ; въ случаѣ,

если она замужъ выйдетъ, кавалеръ обязанъ выдать ей всю сумму, а если она дурно будетъ себя вести, то лишится этого капитала. Кавалеръ и придумалъ интригу, чтобъ лишить ее денегъ.

— Вотъ оно что!—сказалъ Максеннутшъ. Теперь ему ясно стало, почему Богумилъ безъ ума влюбился въ миссъ: до сихъ поръ онъ рѣшительно не понималъ, чѣмъ она его плѣнила.

Свадьба будетъ ночью, въ квартирѣ Максеннутша. Потому ночью, чтобъ никто про нее не зналъ—и потому въ квартирѣ управляющаго, что Богумилъ не можетъ войти въ замокъ, а то снова выйдетъ скандалъ.

О свидѣтеляхъ позаботились. Директоръ предложилъ Богумилу свою собственную карету, чтобъ привезти пастора изъ сосѣдняго села.

Наконецъ, необходимо, чтобъ Натали украдкой добралась до квартиры управляющаго. Вотъ какъ надо это устроить:

Въ замкѣ есть задняя дверь, ведущая въ англійскій паркъ. Къ ней спускаются изъ замка по витой лѣстницѣ. Въ дверяхъ замокъ съ внутренней стороны только, снаружи отверстій нѣтъ. На случай, если кто захочетъ снаружи войти, то долженъ дернуть за колокольчикъ, который проведенъ въ комнату прислуги.

Изъ предосторожности, миссъ Натали должна выдти въ эту дверь, когда всѣ въ замкѣ улягутся спать. Въ саду ее будетъ ждать управляющій.

Чтобъ могла она вернуться той же дорогой, ей не слѣдуетъ запирать за собой двери, иначе ей до утра невозможно будетъ попасть въ домъ.

— Ну, а если воръ проберется въ полуотворенную дверь?

— И то правда, я объ этомъ не подумалъ.

— Я знаю, что сдѣлать. Эрминія любитъ меня, она привязана ко мнѣ какъ сестра, я у нея оставлю ключъ и попрошу впустить меня, когда я вернусь.

— А если она заснетъ?

— О, я увѣрена, что она не заснетъ. Она давно проситъ у меня позволенія прочесть одинъ романъ, если я дамъ ей книгу, она за ней просидитъ до утра.

— Вотъ и прекрасно. Еще одинъ вопросъ, миссъ, извините пожалуйста. Вопросъ нескромный, но его нельзя миновать. Есть у васъ, имѣете ли вы метрическое свидѣтельство?

— У меня должно быть метрическое свидѣтельство, но мнѣ кажется, что второпяхъ священникъ выдалъ мнѣ свидѣтельство моей тётки. Ее тоже звали: Натали.

— Это очень можетъ статься. Впрочемъ, кромѣ патера, который васъ будетъ вѣнчать, никому нѣтъ надобности его показывать. Не забудьте захватить съ собой это свидѣтельство.

Исполнивъ обязанности шафера, Максеннутшъ спѣшилъ домой—исполнять роль посаженаго отца.

Миссъ Натали весь день могла обсуждать свой планъ съ Эрминіей. Эрминія похлопочетъ, чтобъ миссъ непримѣтнымъ образомъ вышла и вернулась въ потаенную дверь; прислуга ничего не узнаетъ; она въ ту же ночь напишетъ отцу, разскажетъ ему всю исторію, попроситъ быть снисходительнымъ къ человѣку, на котораго онъ сердится. Вовсе онъ не шпіонъ и не обольститель, онъ имѣлъ серьёзное намѣреніе; у него благородное сердце.

Нетерпѣливо ждали, чтобъ стемнѣло. Гораздо раньше обыкновеннаго отужинали. Прислугѣ велѣно было пораньше все запереть, въ особенности двери хорошенько затворить: въ отсутствіи кавалера надо быть очень осторожнымъ.

Элизѣ позволено было не заниматься послѣ ужина. Она хорошо себя вела и потому можетъ идти спать.

Къ 10-ти часамъ все притихло въ замкѣ, потушили послѣднюю лампу. Въ комнатѣ барышень горѣлъ ночникъ.

У нихъ было двѣ комнаты. Спальня гувернантки и Эрминіи выходила въ сѣни, а изъ нея была дверь въ комнату Элизы, откуда особеннаго выхода не было.

Въ комнатѣ Элизы заперты были ставни; а въ сосѣдней комнатѣ одно окно не было заперто. Это было условнымъ знакомъ, чтобъ показать Максеннутшу, что все въ порядкѣ.

Максеннутшъ въ видѣ сигнала обѣщалъ бросить въ окно камешекъ.

Скоро послышался стукъ падающаго каменька. Миссъ завернувшись въ шаль, спустилась съ лѣстницы.

Эрминія ее провожала. Дойдя до двери, она передала Эрминіи ключъ (который Анкершмидтъ просилъ ее поберечь), еще разъ обняла свою ученицу и вышла во дворъ. Эрминія рукой прикрыла свѣчку, чтобъ не примѣтили огня въ отверстіи. Потомъ заперла дверь.

— Миссъ, я здѣсь,—прошепталъ г. Максеннутшъ.—Онъ стоялъ, прижавшись къ стѣнѣ и подалъ руку дамѣ, которую долженъ былъ отвезти къ себѣ.

Максеннутшъ старался ободрять невѣсту, пока не настанетъ роковая минута; ее не долго пришлось дожидаться. На хорошихъ лошадяхъ до сосѣдняго села можно было доѣхать въ пол-

часа, значитъ черезъ часъ патеръ и женихъ могли пріѣхать. Пока директоръ долженъ занять невѣсту разговоромъ.

Однако часъ прошелъ, другой, а женихъ все не возвращается. Очень дѣйствуетъ на нервы, когда приходится ждать запоздавшаго жениха—свидѣтелю, а невѣстѣ и подавно.

Было за полночь. Богумилъ все не возвращался. Миссъ затревожилась.

— Да ничего не можетъ случиться, — утѣшалъ онъ озабоченную невѣсту:—ничего быть не можетъ. Я увѣренъ въ своемъ другѣ.

— О, я не сомнѣваюсь; но если съ нимъ случится какое-нибудь несчастіе дорогой. Можетъ, карета опрокинулась въ канаву, онъ упалъ и расшибся. Или разбойники напали,—онъ защищался какъ герой, и все-таки былъ убитъ. Можетъ статься, что онъ въ лѣсу заблудился?

— Да нѣтъ же, пожалуйста не бойтесь. Я знаю, почему запоздали. Вѣрно патера позвали исповѣдывать умирающаго. А вѣдь патеръ обязанъ идти исповѣдывать умирающаго, если его позовутъ,—и отложить вѣнчаніе.

Въ этомъ они были согласны, что умирающему позволяется быть болѣе невѣрующимъ, нежели людямъ, собирающимся жениться.

— Навѣрное на нихъ напали разбойники!

— Сдѣлайте одолженіе, не тревожьтесь. Я слышу шумъ колесъ, вотъ и карета во дворъ въѣзжаетъ.

Прошло пять минутъ, никто въ дверь не стучитъ.— Да что они тамъ во дворѣ дѣлаютъ?

Максеннутинъ вышелъ въ сѣни. Никого не видать.

— Мое почтеніе, отецъ, милости просимъ.

Подойдя поближе, онъ въ потемкахъ различилъ, что его привѣтствіе относится къ его собственному пальто, которое повѣсили просушить.

На дворѣ стояла карета, свѣчи въ фонаряхъ догорали, а кучеръ водилъ по двору лошадей.

— Эй! Антонъ, Антонъ! Что такое случилось? Чѣмъ ты занимаешься?

— Чѣмъ занимаюсь! Лошадей вожу, а онѣ за мной ходятъ.

— Вздору не городи! Другіе-то гдѣ?

— Другихъ двухъ лошадей водитъ кучеренокъ.

— Старый дуралей! Я про г-на Богумила спрашиваю.

— Его я отвезъ, куда вы приказали.

— А потомъ?

— Потомъ? Онъ велѣлъ сказать, что кланяется вамъ.

— Развѣ онъ тамъ остался?

— Нѣтъ, онъ тамъ не остался, а послалъ за почтовой каретой и дальше поѣхалъ.

— Взялъ почтовую карету? Да въ томъ селѣ нѣтъ почтовой станціи.

— Да я не въ село ѣздилъ, а въ городъ.

— Въ городъ! Что-жъ велѣлъ онъ сказать?

— Сказалъ, что онъ вамъ, баринъ, очень благодаренъ за содѣйствіе и не забудетъ услуги вашей.

— За содѣйствіе! Ну, а миссъ что же онъ велѣлъ сказать?

— Что же можетъ человѣкъ велѣть передать тому, съ кѣмъ вмѣстѣ ѣдетъ?

— Съ кѣмъ вмѣстѣ ѣдетъ?

— Да съ миссъ.

— Съ какой миссъ?

— Точно я ее не знаю! Знаю я ея зеленый вуаль, который она носитъ, чтобъ не загорѣть, и юбку съ зеленой отдѣлкой спереди. Ну, и желтую шляпу съ цвѣтами знаю и синюю мантилью.—Словно я не знаю миссъ!

— Господи, Боже мой!—крикнулъ Максеннутшъ, схвативъ себя за волосы,—что тутъ только вышло! Слышалъ ли ты хоть голосъ этой дамы?

— Они говорили между собой попотомъ, и по-французски.

— Когда и гдѣ посадилъ ты ее въ карету?

— Такъ сдѣлалъ, какъ вы изволили приказать. Вы, сударь, мнѣ сказали:—Антонъ, запряги четверку въ карету и поѣзжай по нижней дорогѣ, остановись у воротъ англійскаго парка и преспокойно жди. Придетъ г. Богумилъ, сядетъ въ карету и велитъ куда ѣхать, и если еще кто съ вами поѣдетъ, онъ тебѣ объ этомъ скажетъ. Я такъ и сдѣлалъ. Я остановился у сада. Уже стемнѣло, когда молодой баринъ вышелъ изъ саду черезъ калитку. Миссъ крѣпко держала его за руку, онъ отперъ дверцу и подсадилъ миссъ въ карету. Я спросилъ, куда ѣхать? Онъ сказалъ въ городъ. Въ городѣ остановились у почтовой станціи. Молодой баринъ вышелъ и велѣлъ себѣ подать почтовый экипажъ. Миссъ осталась въ каретѣ, когда почтовый экипажъ подъѣхалъ, онъ помогъ ей выдти изъ кареты. У нея въ рукахъ былъ маленькій дорожный мѣшочекъ, она его никому не давала, сама несла. Потомъ миссъ мнѣ сунула въ руку серебряный талеръ, какіе здѣсь не въ ходу, а молодой баринъ жетонъ,

завернутый въ бумагу, вотъ какими господа играютъ. Вѣрно ошибся, хотѣлъ дать мнѣ двойной червонецъ. Такъ они распростились со мной, почтальонъ заигралъ въ рожокъ, а я повернулъ лошадей да и поѣхалъ во-свояси.

Выслушавъ этотъ занимательный разсказъ, Максенпутшъ такъ вмѣстѣ съ дверью и влетѣлъ въ домъ.

— Ну, миссъ Натали, теперь и я упаду въ обморокъ! Негодяй въ вашемъ платьѣ похитилъ другую даму; если мои догадки справедливы, если онъ увезъ... О, это ужасно!..

М. П—ой.

ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА

III *).

ОБЛИЧИТЕЛЬ.

Въ одинъ зимній, жгуче-морозный денёкъ, былъ я по дѣламъ въ своемъ уѣздномъ городкѣ N***. Между прочими дѣлами, мнѣ предстояла покупка многихъ, такъ-называемыхъ, «бакалейныхъ» товаровъ, для деревенскаго обихода. Эти товары я всегда покупывалъ въ лавкѣ купца Максима Назаровича Галдѣева, — слѣдовательно, и теперь направился туда же.

Лавка у Галдѣева была хотя бы и не для нашего плохенькаго городка. Окна съ цѣльными, зеркальными стеклами, изящныя, стеклянныя же двери, вывѣска, во всю длину большого двухъ-этажнаго дома, на которой ярко горѣли аршинныя, золотыя буквы, вѣщающія про «Магазинъ колоніальныхъ и бакалейныхъ товаровъ 1-й гильдіи купца М. Н. Галдѣева», — все это рѣзко выдѣлялось изъ ряда сосѣднихъ, невзрачныхъ лавокъ, хотя тоже и претендующихъ на громкое наименованіе «магазиновъ». Товаръ въ лавкѣ Галдѣева всегда былъ хорошій, отмѣнный, товаръ — отъ дорогихъ иностранныхъ винъ до чаю всевозможныхъ сортовъ включительно.

Галдѣевы были богатые купцы, переселившіеся въ N***, тому назадъ лѣтъ тридцать, изъ торговаго села Красноярья, гдѣ они нажили капиталы. Теперь у нихъ и домá въ городѣ, и бойко торгующій магазинъ, и гурты, и степи. Капиталы у Галдѣевыхъ были молодые, недавніе капиталы. Есть и теперь старо-

*) См. выше: февр., 511 стр.

жили въ Красноярьѣ, помнящіе, какъ Назаръ Кузьмичъ Галдѣевъ сидѣлъ цѣловальникомъ въ ихъ селѣ. Состояніе нажилось какъ-то необычайно скоро и таинственно этимъ Назаромъ Кузьмичемъ, теперь восьмидесяти-лѣтнимъ, полу-слѣпымъ, но все-таки крѣпкимъ старикомъ, вѣчно сидѣвшимъ на кожаномъ мягкомъ креслѣ въ углу магазина. Исторія нажитія Галдѣевскихъ капиталовъ, какъ и всякая таинственная исторія, имѣла много разнообразнѣйшихъ варіантовъ, хотя почти въ каждомъ изъ нихъ преобладалъ элементъ либо чего ужаснаго, либо и вовсе сверхъестественнаго... По однимъ сказаніямъ «дѣдушка»—такъ звалъ старика Галдѣева весь городъ—былъ колдунъ, и нажилъ деньги при помощи «врага рода человѣческаго», по-просту—чорта; по другимъ — этотъ же «дѣдушка», въ молодости, кого-то убилъ, кого-то зарѣзалъ, вытащилъ у зарѣзаннаго изрядный кушъ денегъ, а тамъ ужъ и пошелъ, и пошелъ... Но годъ отъ году, по мѣрѣ того, какъ сила и слава Галдѣевыхъ увеличивалась, сказанія эти глохли и глохли... Тѣ, которыя содержали въ себѣ сверхъестественный элементъ, такъ и вовсе выселились изъ N***, осмѣянныя молодымъ поколѣніемъ и обезсиленныя наплывомъ отрицательныхъ идей, проникшихъ, вмѣстѣ съ желѣзной дорогой, до N***— свой глуши. Они скромно пріютились по селамъ и деревнямъ, гдѣ, наперекоръ всѣмъ вѣяніямъ вѣка, вѣроятно, еще долго будутъ пользоваться авторитетомъ въ устахъ стогодовалыхъ старухъ, вѣчно лежащихъ на печи. Тѣ же, отъ которыхъ вѣяло правдоподобіемъ, уступали мѣсто новымъ, блестящимъ сказаніямъ, эффектно вѣщающимъ о силѣ и славѣ капиталистовъ Галдѣевыхъ; только и слышалось: Галдѣевъ новый участокъ земли снялъ! Галдѣевъ степь купилъ въ Самарѣ! Галдѣевъ новую колокольню въ Красноярьѣ строитъ!..

У «дѣдушки» было два сына: Максимъ Назарычъ—хозяинъ магазина, и отдѣленный — Терентій Назарычъ. Максимъ былъ воротила во всѣхъ дѣлахъ: и въ лавкѣ сидѣлъ, и степями управлялъ, и торговалъ гуртами. Терентій — держалъ гостинницу и земскую почту. Старикъ жилъ съ Максимомъ.

Отрадное тепло встрѣтило меня въ лавкѣ. Въ чугунной, бронзированной печкѣ—на подобіе колонны—ярко пылали дрова. Длинный, дубовый прилавокъ блестѣлъ лакомъ; за прилавкомъ высились стеклянные шкафы съ товаромъ. Нѣсколько приказчиковъ суетливо сновали по лавкѣ. Человѣкъ пять-шесть покупателей стояли и сидѣли у прилавка. У печки, на своемъ неизмѣнномъ кожаномъ креслѣ, въ лисьей долгополой шубѣ, сидѣлъ «дѣдушка», облокотившись на суковатую, грушевую палку. Си-

нія, выпуклыя очки закрывали его больные глаза; угрюмое лицо, обросшее сѣдыми волосами, глядѣло, на этотъ разъ, не то, чтобы весело, а какъ-то ласково-снисходительно... Противъ «дѣдушки», важно развалясь на мягкомъ табуретѣ и небрежно смакуя ликёръ изъ маленькой граненой рюмочки, сидѣлъ толстый баринъ, Ахулкинъ,—богачъ. Около него раболѣпно тянулся въ струнку его управляющій. Баринъ ласково говорилъ съ «дѣдушкой» о новостяхъ, о торговлѣ, о политикѣ, на все получая умные, обстоятельные отвѣты, произносимые пѣвучимъ, дребезжащимъ голоскомъ, и приправленные разсужденіями о плохихъ временахъ...

Я поздоровался съ «дѣдушкой», удовлетворилъ его разспросамъ о здоровьѣ, о житьѣ-бытьѣ, и отошелъ къ конторкѣ, къ Максиму Назарычу. Въ лавкѣ царило одушевленіе, бойкость и веселость. Торговля была хорошая. По лицу «молодого хозяина» блуждала веселая усмѣшка. Мальчикъ то-и-дѣло отворялъ и затворялъ двери, впуская покупателей...

На фонѣ залитаго свѣтомъ зеркальнаго окна обрисовалась какая-то мощная, растрепанная фигура, идущая по тротуару. «Гуляевъ, Гуляевъ идетъ!» пронеслось по магазину. На высокомъ лбу дѣдушки пробѣжали непріятныя, тревожныя морщины, важнаго барина какъ-то конвульсивно передернуло, Максимъ Назарычъ озабоченно нахмурился...

— Не пускать бы его...—сказалъ нерѣшительно Ахулкинъ, строя кислую мину.

— Никакъ нельзя-съ,—отвѣтилъ сумрачно Максимъ Назарычъ: — въ третьемъ году не пустили такъ-то, такъ онъ стекло кирпичемъ вышибъ—пятьдесятъ рублей въ Москвѣ отдано-съ—а все-таки вошелъ...

Въ дверяхъ показался Гуляевъ. Какой-то длинный, овчинный балахонъ, крытый нанкою и до невозможности засаленный, облекалъ его высокую, сгорбленную фигуру; изъ-подъ рваной клинообразной шапки безпорядочными клочьями висѣли сѣдые волосы. Изъ-подъ густыхъ бровей мрачно свѣтились какіе-то безумно-горячіе глаза. Синее, морщинистое лицо обрамляла спутанная, черная, съ сильною просѣдью бородка. Онъ опирался на высокій костыль и тяжело ступалъ ногами, обутыми въ неуклюжіе коневьи сапоги.

Мальчикъ не успѣлъ отворить ему дверь: онъ самъ порывисто распахнулъ ее и, никому не кланяясь, подошелъ къ конторкѣ.

— Максимъ, чаю мнѣ!—произнесъ онъ хриповатымъ басомъ, окидывая косымъ взглядомъ находящихся въ лавкѣ.

— На сколько прикажете, Ефремъ Михалычъ?—предупредительно спросилъ его Максимъ Назарычъ.

— Полъ-фунта, въ шесть гривенъ... — такъ же отрывисто сказалъ Гуляевъ.

Максимъ Назарычъ приказалъ отвѣсить.

Царило тяжелое молчаніе... Всѣ чего-то робѣли... Словно ужасъ виталъ въ этой теплой, ярко-освѣщенной солнышкомъ, богатой лавкѣ... Мальчикъ, приставленный къ двери, позабылъ про вѣчную встрѣчу покупателей, и, испуганно расширивъ зрачки глазъ, глядѣлъ на грозное чудище. Максимъ Назарычъ что-то копошился въ ящикѣ конторки и шопотомъ торопилъ приказчика, отвѣшивавшаго чай Гуляеву. «Дѣдушка» пристально смотрѣлъ въ окно, сквозь свои темно-синія очки... Ахулкинъ тщетно старался изобразить непринужденную, снисходительную улыбку: выходила какая-то жалкая гримаса. Его управляющій ступевался куда-то... Гуляевъ молчалъ, все болѣе и болѣе насупливая свои страшныя брови...

— Ефремъ! не хочешь ли ликёрцу выпить?—вдругъ ни съ того, ни съ сего сказалъ Ахулкинъ, и самъ какъ-бы испугался своей смѣлости.

Назаръ Кузьмичъ укоризненно поглядѣлъ на него. Всѣ робко и любопытно оглянулись на Гуляева и вздрогнули...

— Горе вамъ, мытари и фарисеи!—вдругъ грозно рявкнулъ Гуляевъ, выпрямляя свой сгорбленный станъ, и поднимая свою огромную, заскорузглую руку по направленію къ Ахулкину.

— Горе вамъ, пьющимъ кровь брата своего, и терзающимъ внутренняя его, и пожирающимъ благая его!.. Горе вамъ, грабителямъ и мздоимцамъ, и лиходѣямъ, и блудникамъ, и чревоугодникамъ!

Голосъ Гуляева все возвышался и возвышался, рука поднималась выше и выше, глаза злобно искрились... Въ публикѣ царило смятеніе... Ахулкинъ сконфуженно смаковалъ свой ликёръ, силясь вызвать на лицо пренебрежительную гримасу...

— Горе вамъ, разумѣющимъ грѣхъ и творящимъ его!.. Горе вамъ, носителямъ скверны... ибо не знаете, въ онь же часъ пріидетъ!.. Ты — упивающійся и объѣдающійся, чѣмъ уплатилъ за питіе и яствы свои? Не кровью ли ближняго своего уплатилъ ты, и не потомъ ли брата своего?.. Не оголодилъ ли ты неимущаго, чтобъ пресытить чрево свое мерзкое?.. Ишь, налопался какъ!—пояснилъ Гуляевъ, тыкая пальцемъ по направленію къ объемистому животу Ахулкина, краснаго какъ ракъ, и тщетно восклицавшаго: «Какъ ты смѣешь, негодяй!.. какъ ты смѣешь!..»

— Пузатый ты чортъ! — гремѣлъ Гуляевъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на эти возгласы:—много ли награбилъ съ казны-то, матушки?.. Много ли гостей накормилъ на тѣ денежки?.. Горе тебѣ, пузатый идолъ!..

— Это чортъ знаетъ что!—кричалъ Ахулкинъ.—Вывесть его, разбойника!.. Вонъ!..

— Ефремъ Михалычъ, будетъ тебѣ срамиться-то,—уговаривалъ Максимъ Назарычъ.

Гуляевъ ничему не внималъ.

— Не боюсь тебя, смердящій бѣсе! — гремѣлъ онъ, покрывая своимъ басищемъ и неистовый визгъ Ахулкина, и мягкія рѣчи Максима Назарыча: — рѣжь меня за святую матушку правду, сажай меня въ темницы — вездѣ мнѣ хорошо будетъ... Тебѣ-то, какъ накроютъ, весело ли будетъ?.. А вѣдь накроютъ, голубчикъ, накроютъ... Терпитъ Богъ, терпитъ, да и перестанетъ терпѣть-то!.. Покайся, грѣшникъ смердящій!.. Разорви одежды своя и посыпь пепломъ главу свою, и стяжаніе неправедное раздай нищимъ... А то—попомни мое слово—горе тебѣ будетъ!.. Не спасутъ воровскія денежки... Точитъ на тебя зубы правда... Доканаютъ тебя грѣхи твои смертные... Живъ Господь и бодрствуетъ гнѣвъ его страшный, и месть его куется на грѣшниковъ!—восторженно заключилъ онъ, сверкая глазами.

Присутствующіе трепетали... Нѣкоторые крестились, посматривая съ ужасомъ на величественную фигуру Гуляева... Громоподобный голосъ его проникъ на улицу, и въ лавку, пугливо перешептываясь, валили любопытные. Лица, почти у всѣхъ, были встревоженныя и растерянныя... Скандалъ разростался. Максимъ Назарычъ тишкомъ услалъ приказчика за городовымъ, а Гуляевъ, бросивъ уничтоженнаго Ахулкина, все еще визгливо заявлявшаго свои протесты, съ сверкающимъ, озлобленнымъ взглядомъ обратился къ Назару Кузьмичу, смущенно ёжившемуся въ своемъ креслѣ и всю эту сцену безпомощно перебиравшему своими изможденными старческими губами...

— Ты, старый Іуда, долго ли будешь собирать неправедную мзду свою?.. Долго ли будешь завистничать, и злоязычничать, и лицемѣрить Сильному, говоря: покаюсь, Господи, егда пріидеши за мною?.. Какъ же! разставляй карманъ, беззубый грѣховодникъ... Нѣтъ тебѣ покаянія и нѣтъ тебѣ прощенія за грѣхи твои вопіющіе!..

— Да будетъ тебѣ, Михалычъ! — уговаривалъ Гуляева дѣдушка, пѣвучимъ, дрожащимъ голоскомъ;—уйдико-сь отъ грѣха!..

Максимъ, за буточникомъ, что-ль бы послать, — тоскливо молилъ онъ.

— Нѣтъ, ты мнѣ скажи, — все-таки не унимался Гуляевъ, — ты мнѣ скажи, на какіе капиталы ты дома построилъ, на какія деньги степь купилъ, отъ какихъ достатковъ гуртами торгуешь?..

— Наживи ты, Михалычъ, и ты заторгуешь, — слабо смѣялся дѣдушка.

Гуляевъ плюнулъ и негодующе поднялъ обѣ руки кверху.

— Будь ты проклятъ, окаянный душегубецъ!.. Да будутъ прокляты твои нечистыя деньжищи!.. Горе тебѣ, нераскаянному грѣшнику... Вспомяни мои слова: горе тебѣ... Сгніетъ богатство твое и разсѣется по-вѣтру аки дымъ... Исчахнетъ и пропадетъ отродье твое грѣховное и терніемъ заростетъ могила твоя, и душа твоя окаянная ввергнется во адъ, и слава твоя пройдетъ туманомъ...

— Богъ съ тобой, Михалычъ, — бормоталъ испуганно дѣдушка.

— До конца живота моего Богъ во мнѣ...

— За что-жъ ты лаешься-то?.. Ахъ, Михалычъ, Михалычъ...

— Кто сжегъ младенца безгрѣшнаго, ради наживы нечестивой? — подступалъ Гуляевъ къ дѣдушкѣ; — отъ кого работникъ Еремей Калязинскій задушился? Кто, у сызранскаго купца бумажникъ изъ-подъ подушки вытащилъ?.. Кто у Дергачевскаго дворника жену опуталъ? По чьимъ навѣтамъ она мужа подушкой задушила?.. По чьему попущенію въ Сибирь пошла?.. Все твои грѣхи, Назаръ.

Всѣ съ ужасомъ внимали длинному перечню дѣдушкиныхъ преступленій, повидимому, досконально извѣстныхъ бушующему Гуляеву... А Гуляевъ продолжалъ:

— Ты думаешь спроста Терешка-то твой отцовскія денежки по-вѣтру разматываетъ, блудницъ да плясуновъ одариваетъ? Ты думаешь спроста Максимъ-то твой какъ свѣча таетъ? — указалъ онъ на чахлаго Максима Назарыча, безпокойно поглядывавшаго на дверь, — нѣтъ, окаянный! то Господь Богъ тебя наказуетъ... то грѣхи твои на дѣтяхъ отзываются!.. Покайся, пока не поздно, старый пѣсъ... Не разводи грѣховъ... Не вѣмъ бо ни дне, ни часа, въ онь же пріидетъ.

Ахулкинъ, шумно негодуя, уходилъ изъ лавки. Максимъ Назарычъ лебезилъ передъ нимъ, что-то горячо объясняя... Присутствующіе шептались и сокрушительно вздыхали. Всѣ были безъ шапокъ. Гуляевъ, въ суровой позѣ, величаво стоялъ надъ Назаромъ Кузьмичемъ. Фигура его рѣзко отличалась отъ толпы

громаднымъ ростомъ и полубиблейскимъ костюмомъ. Назаръ Кузьмичъ угрюмо поникнулъ головою подъ градомъ страшныхъ укоризнъ... Серебристые, слегка кудрявые волосы его свѣсились на очки, костлявые пальцы нервно сжимали палку, губы беззвучно шевелились... Онъ и не пытался защищаться.

Вбѣжалъ запыхавшійся городовой. Онъ спѣшно растолкалъ толпу и, схвативъ Гуляева подъ руку, повелъ его къ дверямъ. Гуляевъ не сопротивлялся и, гордо поднявъ свою косматую голову, прикрытую страшной шапкой, торжественно шелъ около мизернаго солдатика, расточая свои грозныя рѣчи:

— Пріидетъ Сильный и воздастъ каждому по дѣламъ его: и мытарю, и мздоимцу, и блуднику и фарисею...

Наконецъ, голосъ Гуляева не сталъ слышенъ въ лавкѣ. Всѣ, какъ-то разомъ, повеселѣли и заговорили. Тяжелое впечатлѣніе понемногу остывало. Разнородные толки послышались... Ругали бездѣйствіе полиціи, громко изъявляли негодованіе, а въ тихомолку хвалили Гуляева и благоговѣли предъ его беззавѣтной смѣлостью... Многіе радовались, что укоры обличителя на этотъ разъ миновали ихъ и давали себѣ слово избѣгать непріятной встрѣчи... Три-четыре бѣдняка, затесавшихся въ толпу, ехидно перемигиваясь, улыбались... Максимъ Назарычъ, блѣдный и встревоженный, тщетно старался овладѣть собою и принять прежнюю позу ловкаго торгаша. Дѣдушка по-прежнему сидѣлъ, понуривъ голову, и сокрушительно вздыхалъ, судорожно барабаня пальцами по ручкѣ кресель...

Въ пылу разговора въ дверяхъ показалась сдержанно-смѣющаяся физіономія приказчика.

— Гуляевъ теперь Андрей Ликсѣича срамятъ-съ, — сказалъ онъ намъ.

Мы высыпали изъ лавки. Противъ огромнаго домины первѣйшаго N*** богача, Склянкина, стоялъ Гуляевъ, и, съ силою удерживая на одномъ мѣстѣ городового, обличалъ Склянкина, трусливо выглядывавшаго въ одно изъ громадныхъ оконъ перваго этажа.

— Помни мое слово, Андрюшка! пропадешь ты съ своими деньжищами... Богъ скупцамъ не мирволитъ... И грабителямъ не мирволитъ... И лихоимцамъ не мирволитъ... Ты за что анадысь всей семьей невѣстку-то поролъ?..

Городовой упорно тащилъ Гуляева; но всѣ его усилія оставались безплодными... Наконецъ Гуляевъ тихо двинулся, все оглашая морозный воздухъ восторженными рѣчами и негодующе, потрясая костылемъ... У лавокъ, противоположныхъ

дому Склянкина, трусливо сновали кучки приказчиковъ, тихо пересмѣиваясь и ехидно толкуя о поркѣ Ольги Михайловны, невѣстки Склянкина, мѣстной красавицы и львицы... Фигуры Склянкина уже не было видно въ свѣтлыхъ стеклахъ окна.

Съ улицы, по которой вели Гуляева, проходящихъ и разъѣзжающихъ словно метлой смело: спѣшили прятаться въ дворы, сворачивать въ переулки... Лишь простые люди—бѣдные, оборванные мѣщане, да заморенныя торговки, бодро шли на встрѣчу Гуляеву и радушно здоровались съ нимъ: повидимому, гроза мѣстныхъ тузовъ былъ для нихъ свой человѣкъ.

Вечеромъ я былъ въ клубѣ. Играли въ карты. Одинъ изъ партнеровъ обратился ко мнѣ.

— Вы слышали? Гуляевъ сегодня несказанно срамилъ Ахулкина.

— Не только слышалъ, но былъ очевидцемъ... Онъ его какой-то казной все попрекалъ?

— А винокуренный-то заводъ! Онъ, вѣдь, воруетъ на немъ страшно...

Я разсказалъ про обличенье Галдѣева и Склянкина. Всѣ посмѣялись. Одинъ изъ партнеровъ былъ исправникъ. Кто-то обратился къ нему.

— Что вы его не смирите?

— А какъ его смирить? Сколько разъ онъ по приговору судьи сидѣлъ «за оскорбленіе на словахъ», и въ кутузку-то его сажали безъ всякаго суда,—вотъ и сегодня сидитъ,—ничего не подѣлаешь!—Отсидитъ, опять обличать...

— Вотъ съ Никандромъ Михайлычемъ мирно живетъ,—засмѣялся кто-то.

Исправникъ улыбнулся.

— И то меня пока не трогаетъ,—сказалъ онъ.

«Не за что еще»,—подумалъ я: исправникъ былъ новый.

— Кто онъ такой, этотъ Гуляевъ?

— Да однодворецъ изъ Пригородней слободы. Съ семнадцати лѣтъ въ бѣгахъ былъ; есть основаніе предполагать, что на Иргизѣ въ скитахъ проживалъ. Въ шестидесятыхъ годахъ проявился было у насъ, но какимъ-то образомъ замѣшался въ бывшихъ тогда въ сосѣднемъ уѣздѣ крестьянскихъ бунтахъ, и снова пропалъ. Явился опять лѣтъ шесть тому назадъ, и съ тѣхъ поръ зиму живетъ въ кельѣ. у себя въ слободѣ, изрѣдка появляясь въ городѣ и всегда дѣлая здѣсь скандалы, а лѣтомъ стран-

ствуетъ въ веригахъ по святымъ мѣстамъ. Не боится никого и ничего. Терпится, какъ необходимое зло...

— А вы знаете, господа, — бойко тасуя карты, заговорилъ полковой священникъ, сидящій за сосѣднимъ столомъ, — вѣдь Галдѣевъ-то сегодня пять-сотъ рублей на новый колоколъ въ соборъ пожертвовалъ.

— Что вы?—удивились всѣ.

— При мнѣ-съ?.. У отца протопопа вмѣстѣ были... Поминайте вѣчно, говоритъ, усопшаго раба Мисаила.

— Мисаила?!—еще болѣе удивились мы.

— Да, да, Мисаила-съ... Ужъ Богъ его знаетъ, что онъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Это, должно быть, Гуляевъ его растрогалъ,—предположилъ кто-то.

Многіе согласились.

— А какъ хотите, господа,— снова заговорилъ священникъ, доигравъ игру,—я не согласенъ съ предположеніемъ, что Гуляевъ воспитывался на Иргизѣ-съ... Сужу по его равнодушію къ такъ-называемой обрядности... Непремѣнно духоборцы, или иные сектанты-раціоналисты, повліяли на таковой складъ его мыслей. Что же касается его увлеченія ветхимъ завѣтомъ, и особенно книгами святыхъ пророковъ, то тутъ просто пуританствомъ временъ Кромвеля пахнетъ-съ! А его толкованія Апокалипсиса и нѣкоторыхъ изреченій Искупителя, воля ваша-съ, отзываются нѣкоторымъ жидовствомъ!—Тутъ священникъ развелъ руками.

— Какъ бы новую вѣру не завелъ!—засмѣялся кто-то.

— Нѣтъ, онъ вѣдь съ простымъ народомъ о вѣрѣ мало толкуетъ,—сказалъ батюшка, проворно сдавая карты.

— А помните, господа, прошлогоднее катанье? — спросилъ исправникъ.

Всѣ засмѣялись. Я спросилъ въ чемъ дѣло.

— Да прошлую масляницу Гуляевъ все катанье разогналъ. Сталъ среди улицы и давай обличать, кого въ чемъ!.. Барынь особенно донималъ, ну, а мужчинъ попрекалъ все больше на счетъ грабежа да мошенничества... Да если бы въ общихъ, неопредѣленныхъ словахъ, а то вѣдь упомянетъ, каналья, кого ограбилъ!.. Просто горе да и только... Такъ катанье и разбрелось—кто куда...

— А то вотъ, разъ, я былъ у отца протопопа и Гуляевъ тамъ...—затараторилъ батюшка.

— Да будетъ вамъ!—сурово остановилъ его какой-то угрю-

мый господинъ, сердито отсчитывая марки для ремиза: — вамъ ходить... Нашли о чемъ толковать — о сумасшедшемъ какомъ-то!..

Черезъ три года Галдѣевы обанкротились. Терешка спился съ кругу, а Максимъ Назарычъ умеръ въ чахоткѣ. Старикъ, полуслѣпой и начинающій выживать изъ ума, остался какъ перстъ. Ахулкина Никандръ Михайлычъ словилъ въ воровствѣ, и судъ приговорилъ его къ штрафу въ сто, съ чѣмъ-то, тысячъ. Это, впрочемъ, не помѣшало выбрать его снова въ какую-то должность. Впрочемъ, онъ трудился недолго: какая-то аристократическая болѣзнь загрызла его, и онъ успѣ во Флоренціи на сорокъ-восьмомъ году своего житія.

IV.

ПОЛОУМНЫЙ.

Я не понимаю прелести ружейной охоты. Но съ нею связаны длинные переходы по широкому простору степей и полей, по излучистымъ берегамъ рѣкъ, ручейковъ и рѣчонокъ, по густымъ зарослямъ топкихъ болотъ, и за это я люблю охоту. Люблю съ ружьемъ за плечами бродить по необозримымъ полянамъ, люблю отдохнуть въ жаркіе полдни гдѣ-нибудь въ свѣжей тѣни осиновыхъ кустовъ, раскинутыхъ тамъ и сямъ по этимъ полянамъ, люблю окинуть взглядомъ съ какого-нибудь высокаго кургана безконечную даль, одѣтую синеватымъ туманомъ въ пасмурный денёкъ, или подернутую сѣдою дымкою зыбкаго марева, въ знойную, тихую погоду.

Разъ, въ концѣ августа, выдался хорошій денёкъ. Ни одного облачка не плавало въ голубомъ небесномъ просторѣ. Солнце не пекло какъ въ жаркую іюльскую пору, а разливало какую-то ласкающую, благодатную теплоту. Въ воздухѣ, серебряными нитями, тянулась паутина. Легкій, сухой вѣтерокъ вѣялъ съ востока, разнося сладкій запахъ сжатаго хлѣба, стоящаго въ копнахъ и освѣжающую прохладу. Стаи сизыхъ и бѣлыхъ голубей неугомонно ворковали, и шумно переносились съ жнивовъ на жнива, сверкая на солнцѣ своими перьями. Въ рѣчныхъ камышахъ звонко щебетали скворцы.

Было воскресенье. Около обѣда отправился я на охоту. Исходивъ не одинъ десятокъ верстъ и почувствовавъ сильную

усталость, я прилегъ въ тѣни густой ветлы, сиротливо стоящей на берегу степного прудка, и заснулъ. Солнце ужъ низко стояло, когда я проснулся. Тѣнь отъ ветлы сошла съ меня, и протянулась длинной полосой вдоль лощинки. Мягкій солнечный свѣтъ билъ въ глаза.

Освѣживъ лицо водою изъ прудка, я оглянулся. Къ востоку, за прудкомъ, тянулись скошенныя поля, усѣянныя темно-бурыми копнами гречихи и проса; прямо предо мною, къ западу, лежала степь; шаговъ на триста отъ прудка виднѣлась она, и замыкалась длинною цѣпью невысокихъ кургановъ. Даль отдѣлялась отъ меня этими курганами.

Мѣсто казалось незнакомымъ. Ни прудка этого, затерянаго въ степи, ни ветлы, одиноко стоящей около него,—я не встрѣчалъ въ своихъ экскурсіяхъ. «Что это за мѣсто?» думалось мнѣ. Я взошелъ на возвышенность. Широкій просторъ разостлался предо мною. «Эге! да это Танѣевская степь!» невольно вырвалось у меня. Вплоть до виднѣющагося вдали хутора все было—степь, поросшая густой, сочной отавой. За хуторомъ опять тянулась степь, а тамъ опять курганы, высокіе, крутые... Верстъ десять отдѣляло меня отъ тѣхъ кургановъ... Длинной вереницей тянулись они по берегу Битюка. Изъ-за одного пологого промежутка между ними весело горѣла золотая искра—то былъ крестъ Красноярской колокольни.

Солнце, склоняясь къ закату, принимало мягкій, красноватый свѣтъ, и лучами своими, словно пламенемъ, охватило степь. Соломенныя кровли хутора весело выдѣлялись изъ этого огненнаго моря своимъ желто-золотистымъ цвѣтомъ. Ветловыя, узенькія рощицы, словно крылья облегшія хуторъ, отливали багрянцемъ. Маленькій прудокъ у хутора такъ и горѣлъ ровнымъ, алымъ пламенемъ,—ни одна волна не морщила его гладкую, какъ полированная сталь, поверхность. Паутина, какъ золотая пыль дрожала въ тихомъ воздухѣ; тѣ мѣста, надъ которыми дрожала она, казались подернутыми какимъ-то лучистымъ колоритомъ. Тамъ и сямъ синѣли стога. Длинныя тѣни ложились отъ нихъ на траву, выдѣляясь темно-зелеными пятнами среди свѣтящагося простора.

Рельефность очертаній предметовъ была изумительная. Даль-ность разстоянія какъ-бы не существовала для глаза. Съ природы словно флёръ сняли, и она всѣми деталями своими ярко бросалась въ глаза, нѣжно лаская ихъ мягкими тонами...

Надъ всѣмъ этимъ привольемъ стояла невозмутимая тишь. А между тѣмъ сухой воздухъ словно жаждалъ звуковъ: скрипъ

колодезнаго журавца на хуторѣ такъ рѣзко пронесся по этому воздуху и разбудилъ такой могучій отзвукъ, что, казалось, вырвался изъ горнаго ущелья, а не среди неоглядно-плоскихъ равнинъ... Внизу, почти у самой рощицы, ходилъ табунъ. Лошади разбрелись по сочной отавѣ и спокойно паслись. Черною точкою виднѣлся около нихъ конюхъ.

Я сошелъ съ возвышенности и направился къ хутору. Въ это время звуки «жилеекъ» звонко прорѣзали воздухъ и затрепетали въ немъ веселыми, подмывающими нотками... Конюхъ заигралъ «бычка». Бойкій мотивъ шаловливо переливался по тихому простору; откуда-то издалека несся на встрѣчу ему такой же бойкій, такой же игриво-веселый отзвукъ. Казалось новые, славные тоны пробѣжали по степи и подернули ее еще болѣе нѣжнымъ, еще болѣе ласкающимъ колоритомъ... Глубоко дышала грудь сладкимъ, пахучимъ воздухомъ... Слухъ нѣжили задорно-веселые звуки нехитраго инструмента... «Весело на бѣломъ свѣтѣ!» думалось...

А солнце все ниже да ниже опускалось... Тѣни отъ стоговъ тянулись длиннѣе и длиннѣе... Кровли хутора начинали алѣть... Ясная поверхность прудка зардѣлась багровымъ пламенемъ... Небо на западѣ переходило изъ блѣдно-голубаго въ нѣжно-розовый цвѣтъ... Горизонтъ на востокѣ охватывала хмурая синева, а надъ синевою слабо горѣло блѣднофіолетовое отраженье заката.

Я шелъ къ хутору. На перепутьи пасся табунъ. Звуки «бычка» все еще трепетали въ воздухѣ. Конюхъ, игравшій на жилейкахъ, сидѣлъ поджавши ноги на разостланномъ кафтанѣ. Это былъ малый лѣтъ двадцати, русый, почти бѣлый, въ красной кумачной рубахѣ; широчайшія плисовыя штаны были вправлены въ узкіе «вытяжные» сапоги; сѣрая, «крымская» шапка сидѣла на бекрень, придавая видъ удали и безпечности курносому, безусому лицу. Глаза глядѣли весело и задорно.

— Здорово, баринъ!—закричалъ онъ мнѣ, когда я подходилъ къ нему. Широчайшая улыбка показалась у него на лицѣ.

— Вотъ и не угадалъ! — сказалъ я, тоже смѣясь и подлаживаясь подъ его непринужденный тонъ: — ишь не баринъ, а простой мѣщанинъ...

— Ну, разсказывай! кабы мѣщанинъ, ты бы куцую одежуту не напялилъ,—смѣялся конюхъ, подходя ко мнѣ,—мѣщане-то кошекъ скупаютъ, по оконницамъ кнутикомъ постукиваютъ, а ты вонъ съ ружьемъ!.. Какой же это мѣщанинъ?

Приходилось соглашаться съ этимъ неоспоримымъ аргументомъ.

— Нѣтъ ли у тебя чего покурить?—обратился онъ ко мнѣ.

— Есть, есть,—сказалъ я, и досталъ ему папиросу. Наивная безцеремонность и какая-то словно дѣтская простота занимали меня въ конюхѣ. Я закурилъ и расположился рядомъ съ нимъ на кафтанѣ, который онъ предупредительно предложилъ мнѣ.

— Тебя какъ звать-то?—спросилъ я.

— Петрухой звали...

— Это чьи, Танѣевскія, что-ль, лошади-то?

— Его. И, братецъ, богатъ же нашъ баринъ!—Петруха восторженно поднялся съ мѣста: — это вотъ холостыя шестьдесятъ головъ,—указалъ онъ на табунъ,—а тамъ вонъ за Рогатымъ прудомъ матки ходятъ, штукъ пятьдесятъ, а вонъ за тѣми курганами коньки еще, головъ пятьдесятъ!—онъ побѣдоносно взглянулъ на меня.

— У него, помимо хутора-то, гдѣ имѣнья?—интересовался я.

— У него ихъ, малъ, цѣлый содомъ, имѣньевъ-то!.. Сичасъ это будетъ тебѣ Андрусовка за Битюкомъ, да Ольховатка, да Тарасовка на Плавицѣ... Тарасовку-то недавно купилъ... А тамъ еще, говорятъ, гдѣ-то до пропасти...

— Что-жъ, хорошъ баринъ-то вашъ?

— Ммм...—замялся Петруха,—да какъ тебѣ сказать... Горячъ больно!—добавилъ онъ послѣ маленькаго раздумья:—сичасъ тебя оборветъ, а глядишь ни за что... Баринъ богатый!

— Что онъ, ужъ старикъ?

— Какой тебѣ старикъ!.. Еще никакъ двадцати-пяти годовъ нѣту, женился недавно, такую шустренькую взялъ!.. А чинъ на ёмъ должно важнѣющій, потому лѣтось я его какъ-то въ церкви видалъ: весь въ золотыхъ тесемкахъ увѣшанъ... Какъ жаръ горятъ! А штаны кра-а-асныя!...

— Давно ты живешь въ конюхахъ-то?

— Нѣтъ. Съ весны нонѣшней. Какъ за подушнымъ погнали, батюшка пошелъ въ контору да подъ меня пятнадцать цѣлковыхъ взялъ. Съ той поры я вотъ и зачалъ жить.

— Сколько же ты берешь въ годъ?

— Тридцать-пять цѣлковыхъ.

— Что такъ мало?

— Да какъ же опричь? впередъ деньги взяли... Ужъ тутъ извѣстно—сбавка, что дадутъ, то и бери.

— Ты откуда самъ-то?

— Сакуринскіе, знаешь? около Яблонца.

— Знаю, знаю... Ты что же у своего барина-то не нанялся?

Петруха засмѣялся.

— Куда ему! онъ самъ прогорѣлъ, иной разъ пожрать нечего... Куда ужъ тутъ деньги впередъ задавать!

— Гдѣ же онъ прожился такъ?

— Да чего!—смѣхота тутъ, страсть!—Ишь съ купцами связался, торговать сталъ, заводъ мыльный завелъ, да и прогорѣлъ... Теперь съ торговли-то на собакъ передуло: все зайцевъ по полю гоняетъ.

Вдали, по дорогѣ отъ хутора показался верховой на сѣрой лошади.

— Ну, слава Богу!—обрадовался Петруха,—Егорка Полоумный ѣдетъ!..

— Кто это—Егорка Полоумный?—спросилъ я.

— Да это конюхъ, со мной табунъ стерегетъ. Ишь, на смѣну ѣдетъ... Теперь вотъ мнѣ обàполъ полночи нужно къ табуну выѣзжать—какъ совсѣмъ на хуторъ гнать.

— Что́ же это у Егора прозвище такое чудное?—допытывался я.

— Полоумный-то? — Это его у насъ на деревнѣ прозвали такъ-то,—засмѣялся Петруха,—ишь онъ въ одну дѣвку врѣзался,—Гашка тамъ есть,—а она возьми да загуляй съ купцомъ; онъ съ тѣхъ поръ и ополоумѣлъ...

— Какъ же онъ ополоумѣлъ?

— Извѣстно какъ... Чуть человѣкъ незнамый встрѣлся ему, онъ и давай все выворачивать: какъ это полюбилась ему Гашка, какъ съ купцомъ связалась... да все, все разскажетъ... А смѣяться станутъ, схватитъ что ни на есть въ руки, да и норовитъ ошарашить... Мы ужъ теперь перестали надъ нимъ зубоскалить, того гляди убьетъ—боязно... Кучеръ Никифоръ Иванычъ сказывалъ, что и въ Питерѣ онъ такой-то былъ.

— Да развѣ онъ былъ въ Питерѣ?—спросилъ я.

— Какъ же, онъ тамъ въ конюхахъ у нашего барина жилъ. Нонѣ весной пріѣхалъ только... И теперь окромя́ у него рѣчей нѣту, что объ Гашкѣ!.. Загуторь о чемъ ни на есть, либо промолчитъ, аль буркнетъ словечко... А вотъ по лѣту, уйдетъ вонъ къ курганамъ,—Петруха указалъ на бугры, чернѣющіеся на фонѣ огневаго заката,—и лежитъ тамъ день-деньской... Я разъ такъ-то пошелъ искать его по степи, нужно было табунъ выгонять, а онъ лежитъ, это, на курганѣ,—вонъ что надъ самымъ Битюкомъ—выше его нѣту;—подхожу я, это,—почитай на него наступилъ,—а онъ словно и не видитъ... Выпучилъ глаза на небышко, да глядитъ... Что́ ты, молъ, глядишь, Егоръ? а онъ какъ вздрогнетъ: на Битюкъ, молъ, гляжу... А въ ту пору

Битюкъ еще въ берега не вошелъ: въ разливѣ былъ... Чего-жъ, молъ, его глядѣть-то? пойдемъ табунъ выгонять... А онъ, это, братецъ ты мой, какъ схватитъ себя за виски, да какъ заголоситъ, меня ажъ оторопь взяла...

Недоумѣніе пробѣжало по добродушному лицу Петрухи, но тотчасъ же уступило мѣсто обычной наивной веселости.

— Ну, баринъ, пойдемъ къ хутору, что-ли? Вѣдь ты, небось, у насъ ночуешь-то? Гдѣ-жъ тебѣ опричь!

А меня сильно заинтересовалъ Полоумный. «Что онъ? кто онъ?» копошилось въ головѣ: — если онъ отъ любви такой-то сталъ, то это вѣдь не частое явленіе въ крестьянскомъ мірѣ, гдѣ любовь по бо́льшей части оканчивается свадьбой, а послѣ нея становится ужъ привычкой... Я рѣшилъ познакомиться съ Полоумнымъ.

— Нѣтъ, Петруха, я видно полежу еще тутъ. Идти не хочется. Тогда на̀ ночь приду...

— Ну, приходи на ночевку, я тебѣ на свѣжинкѣ постель сготовлю.

— Спасибо.

Петруха сталъ готовиться въ отъѣздъ. Поймалъ стреноженную лошадь, распуталъ ее, взнуздалъ, второчилъ кафтанъ. Егоръ подъѣзжалъ къ табуну. Лошадка его бойко и скоро шла красивымъ, развалистымъ шагомъ. Я съ любопытствомъ сталъ вглядываться въ Полоумнаго. Яркіе лучи заходящаго солнца падали ему на лицо, и оно казалось словно изъ бронзы вылитымъ. Строго очерченный профиль характеризовалъ это лицо. Тонкія, сжатыя губы опушались черноватыми усиками; изъ-подъ широкихъ сдвинутыхъ бровей блестѣли большіе, не то грустные, не то злые глаза. Печать какой-то суровой, сдержанной тоски лежала на всемъ этомъ загорѣломъ, желтомъ лицѣ, съ рѣзкими, некрасивыми на первый взглядъ чертами. Чуялась согнутая, подавленная сила въ этомъ «полоумномъ»...

— Что-й-то ты долго, Егоръ? ужъ я ждалъ, ждалъ...— упрекнулъ Петруха.

Егоръ промычалъ что-то въ отвѣтъ, слѣзъ съ лошади и началъ ее треножить. Петруха, тонко усмѣхнувшись, кивнулъ мнѣ на него, и, мѣшковато садясь на своего поджараго гнѣдого коня, спросилъ:

— Ну что-жъ, придешь ночевать-то на хуторъ?

— Приду, приду...

Петруха поѣхалъ къ хутору.

— Ты, что-жъ, не пошелъ на хуторъ-то?—угрюмо обратился ко мнѣ Егоръ.

— Да уморился больно—отдохнуть хочется.

— Далеча ходилъ-то?

— Съ ружьемъ ходилъ, да исходилъ порядкомъ: пошелъ то отъ самой Сухопутки, даже до Титовыхъ двориковъ доходилъ, а вотъ оттуда, вплоть до вашей степи...

— Ты самъ-то чей?

Я сказалъ.

— Что-же это ты: исходилъ много, а дичины съ тобой нѣту?—усмѣхаясь, спросилъ Егоръ.

— Не изъ дичины хожу,—сказалъ я,—скучно станетъ на хуторѣ, а денёкъ выдастся хорошій, вотъ и пойду бродить... А славныя у васъ тутъ мѣста!—добавилъ я, бросивъ взглядъ на окрестность.

— А ты былъ вонъ на Крутомъ курганѣ?—оживленно сказалъ Егоръ и, приподнявшись, указалъ на высокій курганъ.

— Нѣтъ, туда не доходилъ.

— Ты вотъ сходи-ко туда... Съ него страсть какъ видно!.. Тутъ тебѣ Битюкъ разливается... У самыхъ береговъ да на островахъ лѣса зеленѣютъ, а промежъ лѣсовъ села раскинулись: Тамлыкъ, Паршиково, Ровенское, Подлѣсное, Яблонецъ... А тамъ Красноярье на кручѣ... Приволье! куда ни глянешь, все колокольни бѣлѣются да кресты жаромъ горятъ... Въ ясный денёкъ ажъ Рыбинская церковь видна, верстъ двадцать будетъ... Какъ все равно синимъ туманомъ заволокётъ ее, церковь-то, только кресты словно огоньки блистаютъ на солнышкѣ... Тутъ тебѣ у рѣки сёла да деревни пріютились словно отъ ворога схоронились, а по́ верху, вдоль Битюка, бугры да курганы тянутся... Встарину, говорятъ, ихъ богатыри понасыпали... За Битюкомъ кусты Танѣевскіе чуть синѣются: Дальній кустъ, Травинъ кустъ... хороши есть у насъ мѣста!—добавилъ онъ послѣ легкой задумчивости и тихонько вздохнулъ.

— За Битюкомъ тоже хорошія есть мѣста,—сказалъ я.

— А ты бывалъ за Битюкомъ?—спросилъ меня Егоръ.

— Былъ какъ-то.

— Сакуриныхъ знаешь?

— Нѣтъ, тамъ не былъ. Около былъ, у одного купца на хуторѣ.

— Это у кого, не у Парменова-ли?—угрюмо спросилъ меня Егоръ.

— У него, у Евграфа Парменыча...

— Его теперь, старика-то, нѣту на хуторѣ, тамъ сынокъ раздѣлываетъ, Мишка!—злость послышалась въ тонѣ Егора.

— Слышалъ,—сказалъ я;—говорятъ, что малый пустой.

— А собой-то онъ какъ разъ на борова кормнаго похожъ... Двадцать-шесть годовъ ему, говорятъ, а толщины-то, что твой быкъ, ишь восемь пудовъ тянетъ... Рожа—словно столъ широкая да скуластая, глаза—пьяные да шальные, бровей совсѣмъ нѣту... Пьянъ безъ просыпу съ утра до ночи...—Егоръ съ негодованіемъ плюнулъ:—этакого безобразія искать не скоро найдешь!

Онъ опять понурился. Тяжело было смотрѣть на его тоскливое, истомленное лицо, то вспыхивающее болѣзненнымъ румянцемъ, то желтое, желтое... Двѣ-три глубокихъ морщинки залегли на высокомъ лбу, придавая этому лицу какое-то старческое, заботливое выраженіе; жалкая, не то злая, не то унылая, усмѣшка искривляла губы... Руки постоянно находились въ движеніи: онъ, то теребилъ ими войлокъ, на которомъ сидѣлъ, или полу кафтана, то рвалъ траву, далекó отбрасывая ее въ сторону...

Солнце закатилось. Горизонтъ на западѣ охватила румяная полоска. На потемнѣвшемъ востокѣ, слабо мигая, вспыхнула звѣздочка. Вечернія тѣни обнимали степь. Курганы хмурыми силуэтами выдѣлялись на розовой зорькѣ. Въ прохладномъ воздухѣ было тихо, тихо... Трава подернулась влагой, а тамъ, гдѣ тѣни были гуще, гдѣ онѣ лежали съ самыхъ полдёнъ,—около рощи, у стоговъ,—начинала ложиться матовая роса.

— Я вотъ разскажу тебѣ про этого Мишку! — внезапно, обернувшись ко мнѣ, заговорилъ Егоръ. Заговорилъ онъ быстро, отрывисто, словно спѣша. — Есть тамъ у насъ на селѣ дѣвка одна—Гашкой звать... У ней отца нѣту а, стало быть, братишка годковъ десяти, двѣ сестренки махонькія, да мать съ бабкой... Мы сусѣди съ ними... Ну, съ измалѣтства мы съ этой Гашкой водились... Бывало, по лѣту въ рощу съ ней уйдемъ... Въ ту пору около села-то роща была, теперь ея и слѣдовъ не осталось—все купцамъ попродали... Зайдешь, бывало, въ самое что ни на есть густое мѣсто,—чащу,—да сидишь тамъ съ нею... Дѣвчонка-то она была шустрая, ничего не боялась... Чего, бывало, не дѣлали! вѣнки вьемъ, сказки другъ-дружкѣ сказываемъ, пѣсни играемъ... Знамо, ребячье дѣло!.. А въ лѣсу по лѣту-то страсть какъ хорошо... Тутъ тебѣ, это, пташки поютъ всякія, кукушка кукуетъ, горлинка турлычетъ, соловейко свищетъ-надрывается... Кругомъ не шелóхнется, только листва вверху надъ головами словно рѣка въ половодье шумитъ... небышко синѣется сквозь нее—сквозь листву-то... И жутко иной разъ, особливо подъ вечеръ, и весело... А то день-деньской въ полѣ съ ней... У ней братишко-то больной какой-то былъ, почти съ печки не

слѣзалъ,—ее, иной разъ, и нарядятъ скотину стеречь... А я то, какъ себя запомню, все пастухомъ былъ... Ну, корма тогда были не нонѣшніе,—вольные корма... Сидишь себѣ, на скотину-то и не смотришь... Знамо, сытый скотъ всегда спокоенъ, вонъ погляди на нихъ,—Егоръ кивнулъ головою на табунъ,—а намъ воля... У насъ въ барскомъ полѣ Волчій бугоръ есть, прозывается,—посреди поля стоитъ,—и какъ зайдешь на него, то же страсть видно: церквей, церквей, это!.. Ну, мы обаполъ полденъ всегда ужъ къ Волчему стадо подгоняли—водопой тамъ близко есть, озеро... Скотина напьется, ляжетъ на тырло, а мы на бугоръ, и сидимъ тамъ словно птицы вольныя... Либо вокругъ глядимъ... а вокругъ все поля идутъ—глазомъ не обоймешь, а тамъ села, деревни, хутора... Битюкъ словно туманъ бѣлѣется—онъ отъ бугра-то верстъ восемь... За Битюкомъ лѣса синѣются, а за лѣсами, въ жаркій день, словно волны какія обѣды [1]) по степямъ бѣгутъ... А то ляжемъ навзничь да на небышко смотримъ... А оно синее, синее... Иной разъ облачки барашками бѣгутъ по немъ, иной разъ словно паутина раскинется... А то глядишь, глядишь такъ-то, ничего тебѣ въ небѣ нѣтъ—какъ есть одна синева, а иной разъ коршунъ покажется, словно съ самаго неба вынырнетъ... Послѣ Успенья журавли потянутся, затурлыкаютъ... гуси, утки, отлетать начнутъ... эхъ, весело, бывало!

Онъ опустилъ голову на руки и задумался.

— Ну, вотъ росли мы такъ-то съ Гашкой... Извѣстно, свыклись...—Она еще дѣвчонкой хороша была, не даромъ теперь первая на селѣ...—Пошли у насъ тогда худыя времена... Первона-перво волю дали,—тутъ радости было не мало, у кабатчика никакъ цѣлую сороковку въ тѣ поры выпили... Землю намъ тутъ нарѣзали, стали выселять съ старыхъ мѣстовъ, а на новыхъ-то нѣтъ тебѣ ни пруда, ни рѣчки,—ужъ колодцы вырыли... Тутъ съ переселенья-то пошло все хуже да хуже... Земля годъ отъ году стала менѣе рожать... Зачали тутъ наши деревенскіе подъ работы браться по зимѣ,—допрежь того николи не бывало, чтобъ за полгода подъ работу наниматься... Тутъ господа стали проживаться помаленьку...—Нашъ прогорѣлъ въ прахъ... Проявились купцы посѣвщики... Стали у господъ землю скупать да снимать, свои купецкіе порядки заводить... Вотъ этотъ Парменовъ купилъ возлѣ насъ хуторъ у одного барышки. Стали мы на него работать... Зачалъ онъ намъ въ долгъ вѣрить, и товаромъ, а пуще того землею. Все въ-три-дорога... Съ той

[1]) Марево, миражъ.

поры мы и прóценть узнали, какой такой онъ есть!.. Закабалилъ Парменовъ какъ есть всю деревню, куда супротивъ барскаго порядка тяжелѣе... Старики сказываютъ, что когда барскіе были, не въ примѣръ вольготнѣй жилось, особливо коли баринъ хорошій попадался, вотъ хоть-бы къ примѣру Танѣевъ покойникъ, Михалъ Павлычъ: супротивъ его мужиковъ жителей въ окрýгѣ не было, а теперь плоше ихъ почитай нѣту... А тутъ еще неурожаи пошли: то годъ мочливый, то сухменный, то совсѣмъ не родится, кто ее знаетъ съ чего, то градомъ выбьетъ... бѣда за бѣдой!.. Чугунки пошли—извозъ отбился... Совсѣмъ мы обнищали...

Онъ замолчалъ. Невеселыя думы, повидимому, роились въ его головѣ. Голосъ становился все болѣе и болѣе протяжнымъ и тоскливымъ.

Я не заговаривалъ, какъ-то совѣстно было бередить его горе... А надъ степью догоралъ хорошій, тихій вечеръ... Быстро смеркалось. Въ темно-синей высотѣ одна за другой загорались звѣзды; зелеными, красными, синеватыми огоньками свѣтились онѣ... Свѣжій вечерній воздухъ разливалъ какую-то здоровую, веселую бодрость по тѣлу... Грудь высоко поднималась, вдыхая этотъ воздухъ, легкія энергично работали...

Какимъ-то нескладнымъ диссонансомъ звучала въ этомъ живительномъ воздухѣ несвязная рѣчь Егора. Дико становилось...

А Егоръ опять началъ свой разсказъ. Опять потянулась его несвязная, тоскливая до истомы, рѣчь, — опять послышался его слегка дрожащій, щемящій голосъ...

— Ну, и стали мы тутъ землю сымать у Парменова,—подать надо платить, да и самимъ-то съ своего надѣлу въ пору съ голоду помирать. А за землю купцу, извѣстно, заработывали. За подожданье тоже платили—прóценть этотъ... Такъ-то и стали у него всѣ въ долгу... Ну, когда старикъ-то хозяйничалъ, все ничего было: хоша и дралъ съ насъ за все про все, да озорства никакого не было,—а вотъ какъ поступилъ на хуторъ Мишка, тутъ и пошло... Бабамъ да дѣвкамъ проходу не сталъ давать, а чуть заартачутся, аль судомъ погрозятъ,—бывали такія-то,—сечайсъ, это, долгомъ пугнетъ: «разорю въ разъ» говоритъ...

— На ту пору мать-то Гашкина задолжала Парменову тридцать-три цѣлковыхъ... Я зналъ завидущіе Мишкины глаза, и говорю Гашкѣ, не показывайся, молъ, толстому дьяволу... А она въ ту пору ужъ выровнялась—какъ есть красивая дѣвка стала: чернобровая да статная...

— Въ прошломъ году это было. Весна открылась ранняя:

на святой по улицѣ ажь пыль стояла... Долго я буду помнить эту весну!.. Гашка о праздникахъ и съ дѣвками не якшалась; на улицу тоже перестала ходить,—все, бывало, со мной... Въ обѣдъ, это, уйдемъ на гумно,—тамъ у насъ пчельникъ есть,—и сидимъ до поздней зари... И чего тутъ мы не переговорили!.. А всего чаще, бывало, сидимъ около аншенйа на солнышкѣ, да молчимъ, любуемся... Весело!—въ небѣ жаворонки играютъ, съ теплыхъ морей птица всякая летитъ... Зеленая травка пробивается, верба цвѣтетъ, вѣтерокъ теплый подуваетъ... А ужъ хороша была Гашка эту весну!..—Егоръ тряхнулъ головой, и весело усмѣхнулся, но усмѣшка эта сразу сбѣжала съ лица и замѣнилась прежнимъ унылымъ выраженіемъ.

— Тутъ мы распрощались съ нею до осени,—потому я съ самаго Егорья на низы́ шелъ, на все лѣто,—сказывали, что заработки тамъ дюже хороши; опосля-то все это брехня одна вышла...—Ну, какъ ворочусь я, рѣшили мы съ Гашкой повѣнчаться. Ни батюшка, ни ея мать намъ не поперечили, только все на нужду жалились, потому, на свадьбу какъ ни бейся, а сорокъ цѣлковыхъ надо—деньги, въ нашемъ быту не малыя!.. Вотъ и пошелъ я добывать эту деньгу на низы́—въ казаки...

— Везъ меня тутъ и стряслось горе. Ѣхалъ какъ-то Мишка Парменовъ по нашей деревнѣ, да супротивъ Гашкиной избы и захоти пить. Подъѣхалъ къ сѣнцамъ... На ту пору Гашка тамъ была, она ему и пить подавала... Раззарился онъ тутъ на нее, — прямо къ Андронихѣ полетѣлъ, — солдатка... Подавай, говоритъ, Гашку!—это онъ ужъ разспросилъ какъ звать-то... Андрониха къ Гашкѣ... Ну, та ее, знамо, спровадила. Тянули они такъ-то съ недѣлю, все самоё Гашку хотѣли сомутить,—а напослѣдокъ Андрониха прямо къ Петровнѣ,—это мать Гашкина-то. Та, было, сначала Андрониху въ шею, а Андрониха ее долгомъ зачала стращать... Ну, извѣстно, испугалась баба: долгу-то тридцать-три цѣлковыхъ, да въ посѣвѣ еще одна сороковая ржи была, стало-быть, опять двадцать цѣлковыхъ — гдѣ ихъ взять столько денегъ-то!.. Поговорила Петровна съ Гашкой и надумались ко мнѣ писать: нельзя ли мнѣ изъ казатчины деньги выслать... Горе только одно!—какія тамъ деньги... Перво на́ перво пришли мы къ покосу, народу собралось страсть, ну, за дешевку и нанялись. А тамъ какъ пшеница стала поспѣвать, къ Ростову пододвинулись,—въ Ростовѣ я и письмо получилъ...—Сунулся я къ хозяину, денегъ впередъ попросить, онъ только загоготалъ въ отвѣтъ... Извѣстно, кто дастъ незнамому человѣку?..

Взяло меня тутъ горе... Такъ я и отвѣту Гашкѣ не далъ: что, думаю, безъ денегъ письмо посылать, только смѣхъ одинъ!...

— А на ту пору Мишка съ Андронихой не дремали. Стали они все пуще Петровну стращать... Та долго крѣпилась. Ну, тутъ подалъ на нее Мишка въ судъ: какъ разъ въ самую рабочую пору, уборку... Измучилась баба, таскаючись къ мировому — мировой-то верстъ за́ сорокъ жилъ, а Мишка-то три росписки всѣ порознь подавалъ... Гашка съ рожью все одна маялась, да на помочь кой-когда Христомъ-Богомъ упрашивала... Ну, иной разъ, праздникомъ, аль въ досужую пору, дѣвки и пожнутся, ее жалѣючи... А на жнивѣ-то все про то же: все Гашку слухами, да Мишкинымъ богатствомъ смущаютъ...

— Сходила, это, Петровна къ мировому три раза, и присудили съ нее семьдесятъ цѣлковыхъ,—ишь издержки какія-то еще... Тутъ Петровна и сробѣла... Стала дочь родную на непутное дѣло наводить... И разорить-то насъ, и загубить, по-міру пустить... Дѣвка и руками и ногами... Мать ужъ серчать стала: Егоркѣ-то, говоритъ, все-равно—тебя съ грѣха не убудетъ, все такая же будешь,—а пропадать-то мы не пропадемъ... Сама ужъ Петровна сказывала опосля: день-деньской, говоритъ, пилю, пилю ее... раза два доводилось и за́ косы,—а какъ останусь одна въ избѣ, аль въ клѣть зайду, да и заливаюсь тамъ горючими. Промаялись они такъ-то до Покрова, и Гашка и мать извелись совсѣмъ, Гашка ужъ на себя руки наложить задумала, да все оторопь брала, ну, и меня-то съ низовъ поджидала...

— А я, на грѣхъ, въ самый Успеньевъ день свалился, да вплоть до Кузьмы-Демьяны провалялся въ горячкѣ. Деньги, что́ заработалъ, за хватеру пошли, такъ я Христа-ради и до́ дому добрался... Тутъ осенью, съ недѣлю спустя послѣ Покрова, пріѣхалъ къ Петровнѣ приставъ, описалъ все: коровёнку, овецъ, амбарушку, кобылу,—одна и была... Черезъ семь дёнъ и продажу объявилъ. Побѣжала тутъ Петровна къ Мишкѣ, въ ногахъ валялась, слезами обливалась, а онъ только гогочетъ, толстый дьяволъ... Озлобилась тутъ Петровна, пришла, набросилась на Гашку, стала ее попрекать... Напослѣдокъ аль обмерла... Извѣстно, дѣтишки махонькія, надо ихъ прокормить, надѣлъ-то на одну душу всего, да и тотъ грозилъ міръ отнять—недоимка становилась... Гдѣ бабѣ справиться?.. А тутъ еще осеннія подушныя подходили, она ужъ и такъ коровёнку на подушное хотѣла продать—годъ-то тогда плохъ былъ, сухменный: ржица еще родилась, а яровые совсѣмъ погорѣли...

Егоръ замолчалъ и отвернулся отъ меня. Не то мнѣ почу-

дилось, не то и вправду, въ его глазахъ словно слезы блеснули... Развѣ то недобрый огонёкъ сверкнулъ въ нихъ?—и то можетъ быть...

— Говорятъ, силкомъ Гашку-то онъ загубилъ...—послѣ непродолжительнаго молчанія проронилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Гдѣ-жъ она теперь?—спросилъ я.

— У него, у Мишки...

Я удивился.

— Что-жъ мать-то?

— А чего подѣлаешь... Она съ той самой ночи и не вернулась, такъ у Андронихи и осталась, а опосля къ Мишкѣ на хуторъ переѣхала...

— И не уходитъ отъ него?

— Куда-жъ уйдешь,—срамъ! Пыталась, говорятъ, утопиться, да не допустили... Теперь-то оборжалась, должно... Ужъ скоро годъ какъ она тамъ, сакуринскимъ-то не показывается, а чужіе видаютъ... Работники-то ее ужъ хозяюшкой величаютъ,—ишь, не нахвалятся... Только худа, говорятъ, больно—словно испитая... Да водку зачала шибко испивать...

— Ты такъ и не видалъ ее?

— Притащился я къ Михайлову дню ко двору еле-живой, да какъ поразсказали мнѣ про все,—сама Петровна и разсказывала,—я опять свалился. До Рождества, почитай, пролежалъ, а объ Рождествѣ въ Питеръ уѣхалъ, у Танѣева въ конюхахъ тамъ жилъ... Вотъ нонѣ по веснѣ только пришелъ, прямо на хуторъ сюда...

— Да тоска вотъ дюже грызетъ,—продолжалъ онъ какимъ-то апатичнымъ, усталымъ голосомъ;—все стоитъ вотъ она въ глазахъ, скучная да худая... Такъ и ноетъ сердце, такъ и сосетъ... Въ Питерѣ плохо, думалъ какъ на степь вернусь—легче будетъ... Какъ же, полегчаетъ!.. Надысь, наказывала повидаться, закаменѣло мое сердце—не пошелъ, а на утро хоть бы удавиться въ пору... Тоска одолѣла...

Онъ замолчалъ и легъ внизъ лицомъ.

Лошади почти всѣ уже улеглись, и тихо хрустѣли, пережевывая траву. Изрѣдка раздавалось шумное фырканье, рѣзко тревожа сонный воздухъ, и опять вставала тишь надъ степью... На западѣ, у самаго горизонта, едва мерцала узкая бѣлесоватая полоска—остатокъ вечерней зари. Темное, почти черное, небо, сверкало крупными звѣздами. Изрѣдка, какая-либо изъ нихъ быстро скатывалась куда-то, и исчезала, оставляя на мгновеніе огненный слѣдъ... Куда она уносилась, эта звѣздочка?..

Тяжело становилось на душѣ послѣ разсказа «Полоумнаго»... Тяжело было сознаніе того, что вотъ на ряду съ этой роскошной природой, на ряду съ этимъ широкимъ просторомъ и земли благодатной, и чистаго, вольнаго воздуха, можетъ существовать горе,—не измышленное, а дѣйствительное, реальное, неумолимое...

Сдержанное рыданіе послышалось... Я испуганно наклонился къ Егору. Онъ весь конвульсивно вздрагивалъ, зажимая лицо руками. Плечи его тяжело приподнимались... Рыданіе было хриплое, сухое, злобное... Я вспомнилъ почему-то о своемъ тихомъ семейномъ уголкѣ, о своей безпечальной юности, о своей любви...

Веселая бесѣдушка,
Гдѣ батюшка пьетъ...

Пронеслось по-надъ степью со стороны хутора:

...Пьетъ...

Отозвалось въ рощѣ жидкое эхо.

Онъ пьетъ, не пьетъ,
Родимый мой,
За мной младой шлётъ...

Эхо чуть слышно отликнулось:

...адой шлетъ!
А я млада, младёшенька,
Замёшкалася...
Въ шелковой, я, травушкѣ
Запуталася...

Пѣсня приближалась къ намъ. Егоръ утихъ; лишь судорожное движеніе плечъ доказывало его усилія сдержать стоны и вопли...

— Е-го-оръ!—послышалось изъ темноты.—То былъ голосъ Петрухи.

За окликомъ конское ржаніе послышалось. Изъ табуна звонко отвѣтили на него. Лежавшія лошади стали вставать: ихъ красивые силуэты зачернѣлись около насъ. Егоръ поднялся. Зычно крикнулъ онъ въ отвѣтъ Петрухѣ, и пошелъ въ середину табуна. Черезъ пять минутъ онъ ужъ сидѣлъ на своей лошадкѣ, и сгонялъ табунъ. И онъ самъ, и лошадка его, казались черными, и рѣзко выдѣлялись на звѣздномъ небѣ...

Ржаніе, фырканье, окрики, понеслись надъ степью, побѣ-

жали въ глубокое поднебесье... Я взялъ ружье и побрелъ вслѣдъ за табуномъ. Петруха подъѣхалъ къ намъ и поѣхалъ возлѣ меня.

— Что, вѣдь правда,—полоумный?—спросилъ онъ меня шопотомъ и кивнулъ въ сторону Егора. Я промолчалъ. Онъ опять вполголоса затянулъ свою пѣсенку, изрѣдка прерывая ее зычнымъ окрикомъ... Впереди табуна ѣхалъ Егоръ.

— Э-эхъ!—какимъ-то тоскливымъ стономъ вырвалось у него. Я вздрогнулъ... Петруха пересталъ мурлыкать свою «бесѣдушку», и за что-то ругательски изругалъ своего мерена...

Эхъ... не одна то-ль, не одна во полѣ дороженька,
Одна пролегала...

Затянулъ Егоръ.—Эка голосина-то!—шепнулъ мнѣ Петруха.

Она ельничкомъ, мелкiимъ березничкомъ—
Она заростала...

Правда, голосъ былъ хорошъ: звонкій, тягучій...

Частымъ-ли, частымъ, горькимъ осинничкомъ
Ее застилало...

...Только ужъ больно тоскливъ да жалостливъ былъ этотъ голосъ... Словно не пѣсню онъ пѣлъ, а слезную жалобу какую-то... Слушаешь, слушаешь ту пѣсню, дѣло идетъ въ ней о дороженькѣ, что пролегала по широкому, чистому полю, а такъ и чудится, что то не о дорожкѣ идетъ рѣчь, а о жизни безвременно загубленной, о долѣ безталанной, о любви опозоренной...

...Эхъ ты, прости прощай, милъ сердечный другъ,
Прощай, будь здорова...
Коли лучше ты меня найдешь,—меня позабудешь...
Коли хуже ты меня найдешь,—меня воспомянешь...
...Воспомянешь!

Гулко прокатилось изъ рощи....

Табунъ проходилъ по плотинкѣ. Гдѣ-то сквозь нее, тихо журча, просачивалась вода... Въ прудкѣ отражалось глубокое небо съ своими звѣздами... Постройки хутора зачернѣлись передъ нами. Послышался чей-то старческій кашель, и заспанный голосъ произнесъ:

— Вы, что-ль, ребята?

— Мы, дѣдушка Тихонъ!—откликнулся Петруха.

Дѣдушка Тихонъ зѣвнулъ и заскрипѣлъ воротами. Я глянулъ за прудокъ, на степь, блѣдный свѣтъ обнималъ небо на

востокѣ, «стожары» начинали меркнуть, легкій туманъ поднимался отъ земли; коростель рѣзко закрякалъ гдѣ-то за рощей...

Что-то сѣрое, холодное, сырое, повисло надъ степью...

— Пойдемъ спать, баринъ!—позвалъ меня Петруха.

Я полѣзъ за нимъ на сѣновалъ.

Прошелъ годъ.

Наступила непогожая, мокрая осень. Пошли непрерывные дожди. Потянулись сѣрые, сумрачные дни, темныя, долгія ночи. Со дня на день ждали снѣгу.

Какъ теперь помню: было 22-е ноября, когда я проѣздомъ въ Петербургъ дожидался поѣзда на одной изъ большихъ перекрестныхъ станцій. Ждать приходилось долго — часовъ восемь. Въ длинномъ деревянномъ вокзалѣ сновала скучающая публика; нѣкоторые спали на диванахъ, другіе пили чай, закусывали чуть ли не въ десятый разъ... Въ залѣ царствовалъ полумракъ. Сѣренькій, мокрый денёкъ скудно лилъ свѣтъ въ большія, плачущія окна.

Наскучивъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, я вышелъ на платформу. На дворѣ было еще невзрачнѣе, еще тоскливѣе, — сыростью вѣяло. Моросилъ мелкій, холодный дождь, обливая открытую досчатую платформу и однообразно барабаня по желѣзной крышѣ вокзала. Сѣрыя, тяжелыя, тучи низко стлались надъ землею; вдали, за селомъ, за мутной, волнистой рѣкой тянулись широкія, желто-грязныя поля... Около полотна дороги, между шпалами, стояли лужи; въ нихъ монотонно шлепали дождевыя капли, морща и пузыря грязную, мутную воду. Въ маленькомъ садикѣ, примыкавшемъ къ вокзалу, сиротливо торчали оголѣвшія, черныя деревья... Желтая листва лежала по дорожкамъ. Въ мокромъ воздухѣ было тихо—не дулъ рѣзкій осенній вѣтеръ. Изъ водосточныхъ трубъ, съ крыши, звонко стекала вода... Со всего капало, все было сыро... Природа словно плакала.

Вдали, за вокзаломъ, маневрировалъ локомотивъ; густой паръ клубился и шипѣлъ, разстилаясь сѣдымъ туманомъ надъ самою землею, и кутая близъ-лежащія зданія. Свистокъ глухо и уныло, словно нехотя, разрѣзалъ сгущенный, влажный воздухъ.

Тоска одолѣвала среди этой сумрачной, кислой природы... Невеселыя мысли лѣзли въ голову...

Пройдя раза два по длинной, скользкой платформѣ, я опять направился въ вокзалъ, и спросилъ кофе. Публика все сновала

по залѣ, скучная, сумрачная... Тошно становилось, глядя на вытянутыя, тоскливыя лица... Разговора почти не было слышно... Лишь однообразное шмыганье ногъ по каменнымъ плитамъ пола, дребезжащій стукъ тарелокъ за буфетомъ, да отрывочныя, сердитыя требованія чаю, кофе, водки, слышались въ залѣ...

Я только-что принялся за кофе, какъ надъ моимъ ухомъ раздался голосъ.

— Вы г. N?

Я быстро оглянулся. Предо мною стоялъ офицеръ; лицо казалось незнакомымъ.

— Что вамъ угодно?—спросилъ я, сильно недоумѣвая:—я, дѣйствительно, N.

— Друшецкій... Помните, познакомились въ Москвѣ?

— А... Николай Даниловъ!—я радостно протянулъ ему руки.

Годъ тому назадъ мы познакомились съ нимъ въ вагонѣ, по дорогѣ въ Москву. Онъ приводилъ партію солдатъ въ Тамбовъ и оттуда возвращался черезъ Москву въ Варшаву. Въ Москвѣ ему приходилось быть въ первый разъ, мнѣ тоже, отсюда—одинаковые интересы. Мы рѣшили вмѣстѣ остановиться, и осмотрѣть «сердце» Россіи. Друшецкій оказался добрымъ малымъ, умнымъ наблюдателемъ, веселымъ собесѣдникомъ. Время прошло у насъ незамѣтно, тѣмъ болѣе, что всего и времени-то было два дня...

Я обрадовался ему. Вспомнили прежнее. Посмѣялись одному комическому эпизоду, происшедшему съ нами при осмотрѣ Ивана Великаго. Сравнили стряпню Гурина съ вокзальной стряпней. Ознакомили другъ друга съ новостями: онъ меня съ варшавскими, я его съ N—ми...

— Какъ же я васъ раньше не видалъ?—спросилъ я его.

— Да я тутъ знакомаго офицерика встрѣтилъ,—партію арестантовъ ведетъ,—ну, пошли съ нимъ въ гостинницу, на биліардѣ сыграли...

— Гдѣ же онъ?

— Пошелъ своихъ провѣдать. Они тамъ, въ залѣ 3-го класса расположились... Да вотъ и онъ!..—кивнулъ Друшецкій.

Я оглянулся. Къ намъ подходилъ молодой, бѣлокуренькій офицерикъ. Познакомились. Оказался какой-то Носовичъ, малороссъ, наивный, застѣнчивый... Мы стали ходить по вокзалу, прошли и въ 3-й классъ. Въ глубинѣ зала этого класса блестѣли штыки конвойныхъ; за ними сѣрѣлись неуклюжіе халаты арестантовъ; лязгъ цѣпей доносился оттуда... Я подошелъ по-

ближе къ арестантамъ. Офицеры мои опять направились ко 2-му классу.

Въ кучкѣ арестантовъ слышался тихій говоръ. Кто-то разсказывалъ, какъ онъ бѣжалъ «съ поселенья», изъ Тобольской губерніи. Разсказу жадно внимали. Я замѣтилъ пару сѣрыхъ блестящихъ глазъ, пристально слѣдившихъ за разсказчикомъ. То были глаза сѣдого изможденнаго старика. Конвойные немилосердно зѣвали и перекидывались отрывочными фразами. Я было повернулся, чтобы идти, какъ вдругъ знакомое лицо мелькнуло среди ссыльныхъ... Въ одно мгновеніе пронеслось въ моей головѣ воспоминаніе о лѣтней ночи, о Танѣевскомъ хуторѣ, и даже «стожары» вспомнились, потухавшіе въ блѣдномъ разсвѣтѣ...

— Егоръ!.. ты зачѣмъ сюда попалъ? почти вскрикнулъ я.

Да, то былъ Егоръ. Крупныя черты его смуглаго лица рѣзко выдѣлялись среди лицъ сотоварищей. Онъ страшно похудѣлъ, и, вообще, измѣнился. Только каріе, суровые глаза, казалось, еще ярче, еще жгучѣе горѣли... Нехотя поднялъ онъ на меня глаза, и, какъ будто, радость сверкнула въ нихъ; онъ видимо узналъ меня, приподнялся и подошелъ ко мнѣ. На его ногахъ звонко загремѣли цѣпи. Я протянулъ ему руку. Солдатикъ отстранилъ меня: «не велѣно», сказалъ онъ. Егоръ опять опустился на скамью, гдѣ сидѣлъ, махнувъ мнѣ безнадежно рукою. Онъ что-то сказалъ при этомъ, но я не разслышалъ... Я поспѣшилъ розыскать Носовича, который, разумѣется, тотчасъ же далъ мнѣ позволеніе поговорить съ Егоромъ.

И вотъ повели мы разговоръ съ Егоромъ... Мелкій дождикъ мочилъ насъ, ноги скользили по лужамъ, образовавшимся на платформѣ.

— Что, баринъ, небось не чаялъ меня встрѣтить скованнаго-то?—спросилъ онъ меня, печально усмѣхнувшись.

— Какъ это тебя угораздило?—спросилъ я.

— Да все злодѣй-то мой—Мишка... Вотъ погоди, я все тебѣ по порядку разскажу... Душу хоть отведу... Помнишь, я тебѣ сказывалъ тогда, что Агафья-то повидаться со мною хотѣла?.. Въ тѣ поры-то я не пошелъ, ну, а потомъ не стерпѣлъ—повидался... Что-жъ, горе одно!—Разливается, бѣдняга, рѣкою... Извелась вся... Ужъ какъ онъ ее, окаянный, не разлюбитъ-то все!.. Говоритъ мнѣ Гаша-то: пуще всего мнѣ тебя жалко, да срамно больно... Ну, наслушался я, да насмотрѣлся на нее, сердешную,—тутъ голосъ Егора дрогнулъ,—да и порѣшилъ... Не пришлось дѣло-то... Только амбары успѣлъ подпалить, тутъ меня и словили... Оплошку сдѣлалъ—собакъ не задобрилъ... Ну, съ пол-

года въ острогѣ просидѣлъ, а теперь вотъ на поселенье гонятъ... Еще какихъ-то «правовъ» лишили,—усмѣхнулся Егоръ, ну, это-то должно смѣхота одна: какія у нашего брата права!..

— Чего-жъ Агафья не ушла отъ Парменова-то?

— Уйдико-сь; — онъ горько усмѣхнулся; — первое дѣло — срамъ, полюбовницей была, на селѣ проходу не дадутъ... другое дѣло—долгу-то все прибавляется, а тамъ, на селѣ, мать самапятà... Тутъ одинъ конецъ, либо въ воду, либо... Такъ вотъ она и мается... Хотѣлъ я съ ней повѣнчаться, уѣхать отсюда куда глаза глядятъ... Мишка и говоритъ ей: пускай долгъ-то отдастъ твой суженый... А долгу-то, смѣшно сказать, сто-тридцать цѣлковыхъ наросло!.. Мать плачетъ, гóрится,—пропаду, говоритъ, безъ тебя... Ну, извѣстно,—баба! добавилъ онъ послѣ легкаго раздумья.—Видно такъ тому дѣлу и быть... На родý написано... Видно и впрямъ нашу дорожку «горькимъ осинничкомъ застлало»... Онъ лѣниво усмѣхнулся.

Какое-то холодное безстрастіе сквозило въ его рѣчахъ,— словно застылъ онъ. Правда, голосъ дрогнулъ раза два, да злая усмѣшка иногда искривляла тонкія губы, но я видѣлъ Егора, съ небольшимъ годъ тому назадъ, рыдающаго, озлобленнаго... Теперь ужъ не было того Егора. Онъ какъ-то сжался, сосредоточился... Только глаза лихорадочно, воспаленно блестѣли... Еще двѣ, три морщинки прорѣзали его лобъ, въ черныхъ, коротко остриженныхъ, волосахъ, кое-гдѣ дѣлалась сѣдина...

На дворѣ темнѣло. У входа въ вокзалъ зажгли фонари, въ залахъ тоже показались огни. Дождь усилился и бойко шуршалъ по желѣзной крышѣ. Сигнальный колокольчикъ оглушительно зазвенѣлъ—поѣздъ былъ за одну станцію. Въ дверяхъ показался Носовичъ съ Друшецкимъ.

— Чтó, наговорились?—закричалъ мнѣ Носовичъ.

— Не велишь-ли что роднымъ передать?—обратился я къ Егору,—я, можетъ, буду въ вашихъ мѣстахъ.

Онъ было-оживился, но только на одно мгновеніе. Обычная безстрастность опять овладѣла имъ. Его, видимо, даже начинало тяготить мое присутствіе. Радости, выказанной имъ при встрѣчѣ со мною, не замѣчалось и слѣда...

— Чего-жъ наказывать?—нехотя протянулъ онъ, глядя въ сторону;—кажись нечего... Только, можетъ, Агафью увидишь у Парменова,—скажи, кланяется, молъ...

Мы простились.

Черезъ пять минутъ съ багажомъ въ рукахъ всѣ высыпали

на платформу. Дождь усиливался; онъ ужъ гремѣлъ, а не шуршалъ по крышѣ. Съ нашихъ зонтовъ стекала вода. Подходящій поѣздъ тяжело грохоталъ въ мокрой тьмѣ, зловѣще сверкая красными, круглыми фонарями... Словно чудище сказочное близилось.

Загремѣлъ второй звонокъ. Пассажиры спѣшили занимать мѣста. Суетня поднялась среди нихъ... Поджарый кондукторъ бѣжалъ вдоль поѣзда, и монотонно выкрикивалъ жидкимъ дискантомъ:

— Станція Гр—и, поѣздъ стоитъ пятнадцать минутъ!..

Изъ вагоновъ вылѣзали заспанные пассажиры.

А. Эртель.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мартъ, 1880.

I.

— Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, въ первое 25-ти-лѣтіе благополучнаго царствованія Государя Императора Александра Николаевича (1855 — 1880 г.). Сост. подъ редакціей генералъ-лейтенанта Богдановича. Томы I — IV. Стр. 481, 477, 371 и 543 Съ 80-ю приложеніями и 14-ю картами. (Послѣдній, V-й томъ выйдетъ въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени).

Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи, за послѣднія 25 лѣтъ, является результатомъ труда особой коммиссіи, состоявшей изъ генераловъ Максимовскаго и Шульдера, полковника Хорошхина и др., подъ руководствомъ генерала М. И. Богдановича. Наше военное хозяйство занимаетъ весьма видное мѣсто въ итогѣ общаго государственнаго хозяйства, и потому такая общая его картина можетъ представить въ себѣ массу любопытныхъ данныхъ, и ихъ систематическое изложеніе, основанное на точныхъ, оффиціальныхъ данныхъ, во многомъ облегчитъ трудъ будущаго историка современнаго намъ военнаго дѣла въ Россіи.

Періодъ съ 1855-го по 1880-й годъ останется памятнымъ въ богатой и безъ того военными событіями исторіи нашего отечества; онъ начался знаменитою обороною Севастополя и довершился послѣднею турецкою войною, оконченной подъ стѣнами Константинополя. Главная задача настоящаго обширнаго труда коммиссіи состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, въ какой степени послѣднія побѣды и добытые ими результаты для славянскаго міра обусловливались не только свойствами русскаго солдата, но и тѣми реформами, которыя производились у насъ въ военномъ дѣлѣ за послѣдній пережитый нами періодъ времени.

Вооруженіе арміи, въ этомъ періодѣ, подверглось коренному пре-

образованію; для оцѣнки всей трудности успѣшнаго исполненія столь сложнаго дѣла, „Очеркъ“ напоминаетъ, въ какомъ жалкомъ состояніи прежде находились наши техническія заведенія, и какія огромныя финансовыя средства требовались для созданія ихъ въ лучшемъ видѣ. Однѣхъ денегъ къ тому было недостаточно: требовалось и время; нерѣдко случалось, что, предпринявъ и въ половину совершивъ какое-либо нововведеніе, военное министерство должно было, для своевременной защиты государства, пріостановить исполненіе задуманной реформы, либо на время совершенно отъ нея отказаться. Такъ, въ 1863-мъ и 1864-мъ годахъ, сперва волненіе въ нашихъ западныхъ областяхъ, а потомъ усилія Наполеона III вооружить противъ Россіи всю Европу, заставили насъ оставить на время предположенныя по военному вѣдомству преобразованія и привести значительную часть арміи на военную ногу. Такое же неблагопріятное вліяніе на успѣхъ улучшеннаго вооруженія войскъ въ Россіи оказывала быстрота нововведеній по технической части въ арміяхъ прочихъ государствъ; по этой причинѣ мы иногда были принуждены, не окончивъ предпринятаго перевооруженія, приступить къ другому, чтобы не стать, въ этомъ отношеніи, ниже прочихъ; такъ, напр., пришлось намъ не разъ мѣнять систему ружей, и въ особенности по введеніи на западѣ Европы малокалиберныхъ пуль и металлическихъ патроновъ. Помимо того, задуманныя реформы нерѣдко затруднялись случайными обстоятельствами, вліявшими на наши финансы: неурожаемъ, повальными болѣзнями, и т. п.

Заботясь объ улучшеніи матеріальной части, военное министерство не могло не обратить еще бо̀льшаго вниманія на драгоцѣннѣйшую часть арміи—личный составъ ея. Недовольно было снабдить войска превосходнымъ оружіемъ: надлежало обучить ихъ столько же мѣткой сколько и частой стрѣльбѣ. Всего же было важнѣе найти средства сберечь, по возможности, здоровье и жизнь людей, обреченныхъ на многіе годы—почти навсегда—чрезвычайнымъ трудамъ и лишеніямъ. Въ этомъ отношеніи, въ истекшее двадцатипятилѣтіе сдѣлано болѣе, нежели прежде, во все время съ самаго учрежденія регулярной арміи.

При этомъ слѣдуетъ поставить на первое мѣсто сокращеніе сроковъ службы воинскихъ чиновъ, поступавшихъ въ войска обязательно по наборамъ. Вмѣсто прежнихъ сроковъ, двадцати-пяти и двадцати-двухъ-лѣтнихъ, постепенно былъ установленъ срокъ въ шесть лѣтъ дѣйствительной службы и девять лѣтъ состоянія въ запасѣ. Обязательная служба вообще облегчена тѣмъ, что она начинается съ возраста 21-го года для всѣхъ новобранцевъ; кромѣ того, допущены многія льготы: уволены вовсе отъ военной службы един-

ственные сыновья старыхъ отцовъ и матерей и сокращены еще болѣе сроки службы для получившихъ образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ.

Эти мѣры оказались въ высшей степени благодѣтельны. Въ прежнее время, солдатъ, будучи уволенъ въ отставку, становился какъ-бы лишнимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Возвратясь на давно покинутую имъ родину, онъ былъ чуждъ между своими, отвыкнувъ отъ ихъ образа жизни и отъ ихъ занятій, да и работать вмѣстѣ съ ними онъ не всегда былъ въ состояніи, изможденный трудами и лишеніями долголѣтней походной жизни. Нерѣдко случалось видѣть израненнаго человѣка, побѣжденнаго не врагами, но падшаго подъ бременемъ недуговъ, лишившагося ноги или руки и протягивающаго остальную руку съ мольбою о кускѣ хлѣба. Для удовлетворенія его скудныхъ нуждъ было недостаточно небольшой получаемой имъ пенсіи, а увеличить ее не позволяли наши финансовыя средства. Нынѣ, напротивъ того, человѣкъ возвращается подъ родной кровъ еще бодрымъ, въ полной силѣ, еще не отвыкшимъ отъ мирныхъ занятій. Но не въ одномъ лишь матеріальномъ отношеніи нынѣ улучшено положеніе нашего солдата; оно было возвышено цѣлымъ рядомъ мѣръ и въ отношеніи нравственномъ; таковы были распоряженія объ отмѣнѣ поступленія въ войска въ наказаніе за преступленія; объ отмѣнѣ и облегченіи тѣлесныхъ наказаній; наконецъ, о всеобщей, обязательной для всѣхъ русскихъ подданныхъ, воинской повинности. Послѣдняя мѣра особенно возвысила званіе солдата: каждый изъ русскихъ былъ призванъ къ участію въ защитѣ отечества; вмѣстѣ съ тѣмъ, измѣнился личный составъ нашей арміи, которая, съ того времени, сформирована исключительно изъ людей въ цвѣтѣ лѣтъ, наиболѣе способныхъ къ перенесенію трудовъ, требуемыхъ военною службою.

Содержаніе нашего солдата, въ продолженіи истекшаго двадцатипяти-лѣтія, было замѣтно улучшено. Доселѣ, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, проводимыхъ войсками въ лагерныхъ сборахъ, нижніе чины, бо́льшею частью, продовольствовались на квартирахъ отъ жителей весьма скудно, и, притомъ, такой способъ довольствія вызывалъ обоюдныя неудовольствія и пререканія. Но, въ настоящее время, тому положенъ конецъ отпускомъ отъ казны приварочныхъ денегъ, на мясо и огородныя овощи. Это нововведеніе было сопряжено съ значительными издержками, потому что одна лишняя копѣйка въ день, отпускаемая на каждаго изъ нижнихъ чиновъ, увеличивала наши военные расходы на милліоны рублей.

Что-же касается до предположеннаго расположенія войскъ въ казармахъ, не только выгоднаго въ хозяйственномъ отношеніи, но и подающаго удобства къ образованію нижнихъ чиновъ, то это пред-

положеніе, по недостатку необходимыхъ средствъ, могло быть лишь отчасти исполнено.

Весьма важное улучшеніе послѣдовало въ одеждѣ солдата, и вообще въ одеждѣ всѣхъ чиновъ; теперь она значительно упрощена и удобнѣе прежней. Одежда нижнихъ чиновъ изготовляется нынѣ изъ лучшаго матеріала (такъ-называемыхъ—неворсованныхъ суконъ). При снаряженіи солдата, имѣется въ виду, что каждый лишній фунтъ, носимый имъ въ походѣ, становится тяжкимъ бременемъ при боевыхъ трудахъ и продолжительныхъ лишеніяхъ.

Въ продолженіи двадцатипятилѣтія, съ 1855-го по 1880-й годъ, не только строевое, но и научное образованіе воинскихъ чиновъ подверглось кореннымъ преобразованіямъ. На обученіе грамотѣ нижнихъ чиновъ было обращаемо особенное вниманіе, благодаря чему число грамотныхъ людей въ войскахъ увеличилось въ значительной степени и даже оказало вліяніе на развитіе грамотности вообще въ народѣ: въ послѣднее время не рѣдко встрѣчаются отставные унтеръ-офицеры и солдаты, обучающіе элементарнымъ свѣдѣніямъ въ сельскихъ школахъ, которыя, безъ содѣйствія ихъ, были бы лишены возможности имѣть учителей.

До 60-хъ годовъ, не только никто не помышлялъ о необходимѣйшемъ образованіи огромной массы армейскихъ офицеровъ, но даже было признано оффиціально, что военное вѣдомство должно ограничиваться образованіемъ офицеровъ для спеціальныхъ родовъ службы; а для арміи—довольствоваться поступающими офицерами, не заботясь объ ихъ научномъ образованіи. По такому порядку дѣлъ, не соотвѣтствующему современнымъ требованіямъ службы, былъ положенъ конецъ цѣлымъ рядомъ мѣръ, предположенныхъ и исполненныхъ военнымъ вѣдомствомъ. Въ настоящее время, рядовые, незнающіе грамотѣ, могутъ удостоиться производства въ унтеръ-офицеры только въ видѣ исключенія, за военные подвиги. Для всѣхъ кандидатовъ въ офицеры установлены испытанія по опредѣленнымъ программамъ, а для пріобрѣтенія необходимыхъ къ тому познаній, кромѣ существовавшихъ прежде военно-учебныхъ заведеній 2-го и 3-го разрядовъ (военныхъ училищъ и военныхъ гимназій), учреждены юнкерскія училища, которыхъ число постепенно доведено до 17-ти (для полевыхъ войскъ 15 и для казачьихъ 2). Кандидаты же спеціальныхъ родовъ войскъ, генеральнаго штаба, артиллеристы и инженеры, обучаются въ особыхъ высшихъ заведеніяхъ (академіяхъ), въ которыя поступаютъ по прослуженіи въ строю положеннаго числа лѣтъ, и, по окончаніи курсовъ, обязаны выдержать испытанія по установленнымъ для каждаго рода войскъ программамъ. Въ послѣдніе годы, въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ теоретическаго обу-

ченія, введены практическія работы, могущія служить лучшимъ мѣриломъ способностей и свѣдѣній офицеровъ, удостоиваемыхъ поступленія въ спеціальные роды войскъ.

Особенныя заботы министерства обращало на себя преобразованіе заведеній для призрѣнія раненыхъ и больныхъ воинскихъ чиновъ. Въ Восточную войну 1853—1856 годовъ, военные госпитали были вмѣстилищами всевозможныхъ лишеній и страданій; значительная часть заболѣвающихъ воинскихъ чиновъ поступала въ гражданскія больницы, гдѣ содержаніе больныхъ обходилось дороже и было не лучше, нежели въ военныхъ госпиталяхъ. Въ настоящее же время больные воинскіе чины содержатся почти исключительно въ военныхъ госпиталяхъ, лазаретахъ и околоткахъ (при своихъ частяхъ). Содержаніе ихъ обходится нѣсколько дороже, по общему возвышенію цѣнъ на всѣ продукты, но, за то, оно гораздо лучше прежняго, что̀ убѣдительно доказывается значительнымъ уменьшеніемъ числа больныхъ (не считая околоточныхъ, съ легкими недугами) и ослабленіемъ смертности. Наибольшая смертность приходилась на долю поступавшихъ въ гражданскія больницы. Въ 1867—1870 годахъ, изъ тысячи больныхъ умирало: въ лазаретахъ отъ 24-хъ до 28-ми; въ госпиталяхъ отъ 37-ми до 41-го; а въ гражданскихъ больницахъ отъ 55-ти до 59-ти.

Улучшенію гигіеническаго состоянія войскъ много способствовали: несравненно болѣе удобная одежда и снаряженіе воинскихъ чиновъ; лучшее продовольствіе пищею; учащеніе винныхъ порцій, довольствіе чаемъ, и проч. Успѣхъ военнаго вѣдомства въ поддержаніи здоровья нижнихъ чиновъ убѣдительно доказывается меньшимъ числомъ заболѣвавшихъ людей и меньшею смертностью въ отношеніи къ наличному числу войскъ.

Въ заключеніе, можно привести мѣры, принятыя для поддержанія дисциплины и нравственности въ войскахъ. Къ улучшенію нравственнаго состоянія нижнихъ чиновъ много послужило прекращеніе отдачи въ солдаты за порочное поведеніе: эта мѣра, съ одной стороны, избавила армію отъ вносимой въ нее прежде нравственной заразы, а съ другой—что̀ еще важнѣе—возвысила званіе солдата, устранивъ понятіе о вмѣненіи военной службы въ наказаніе за предосудительные поступки. Не менѣе важнымъ шагомъ къ улучшенію нравственности войскъ было расформированіе корпуса внутренней стражи, постоянно дававшаго значительный контингентъ подсудимыхъ — не только нижнихъ чиновъ, но и офицеровъ. Причинами тому были составъ этого корпуса и его служебныя обязанности: корпусъ внутренней стражи комплектовался такими офицерами и нижними чинами, отъ которыхъ прочія части войскъ старались избавиться; а служба

въ этомъ корпусѣ преимущественно состояла въ препровожденіи каторжныхъ и ссыльныхъ, общеніе съ которыми оказывало вредное вліяніе на поведеніе и нравственность ихъ стражей. Напротивъ того, мѣстныя войска, замѣнившія корпусъ внутренней стражи, имѣютъ одинаковый составъ съ полевыми войсками, и главною обязанностью имъ поставлено обученіе новобранцевъ строевой службѣ. Наконецъ, отдѣленіе всѣхъ рядовыхъ предосудительнаго поведенія въ разрядъ штрафованныхъ заставляетъ многихъ людей съ колеблющимся характеромъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ, а подвергшихся переводу въ штрафованные—исправляться, чтобы заслужить прощеніе. Вліяніе всѣхъ этихъ мѣръ, вмѣстѣ съ постояннымъ попеченіемъ о грамотности и преобразованіи военныхъ чиновъ, должно было имѣть самыя благотворныя послѣдствія.

Хотя личный составъ полевыхъ войскъ русской арміи нѣсколько уменьшился противъ состава по мирному положенію, существовавшаго передъ Восточною войною 1853—1856 годовъ, и гораздо менѣе состава въ эпохи наибольшаго развитія нашихъ вооруженныхъ силъ, въ 1856-мъ и 1878-мъ годахъ, однакоже это вполнѣ вознаграждается значительнымъ числомъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ запасѣ и совершенно готовыхъ къ поступленію въ ряды арміи.

Таковы, въ главныхъ чертахъ, тѣ преобразованія, которыми весьма выгодно характеризуется исторія военнаго управленія въ Россіи за двадцать пять лѣтъ.—М. Б.

II.

—Tužby vlastenecké. Epištoly, úvahy a řeči. Václava Vlčka. V. Praze 1879. *(Заботы патріота.* Посланія, критическія статьи и рѣчи. Вацлава Вóлчка).

Рѣдко бывало и бываетъ въ нашей литературѣ, что обратитъ на себя вниманіе книга южно- или западно-славянская. Даже въ пору недавнихъ славянскихъ восторговъ, рѣдко кому приходило въ голову полюбопытствовать, что же дѣлается въ литературѣ славянскихъ братьевъ, въ чемъ заключаются ихъ текущіе умственные и поэтическіе интересы? До публики доходили политическія выписки изъ славянскихъ газетъ,—и тѣ отрывочныя и случайныя,—но оставались почти абсолютно неизвѣстны ихъ внутренніе литературно-общественные вопросы. Въ каждой изъ этихъ литературъ есть свои любимые писатели, поэты, романисты, публицисты, но даже популярнѣйшія современныя имена извѣстны у насъ едва по слуху.

Это, конечно, не совсѣмъ вяжется съ тѣмъ, что издавна говорилось о русско-славянскихъ предназначеніяхъ и русско-славянскихъ

сочувствіяхъ,—тѣ и другія предполагали бы между обществами внутреннее согласіе интересовъ, по крайней мѣрѣ взаимное любопытство, которое со стороны братьевъ-славянъ шло бы дальше любопытства къ шумнымъ военнымъ фактамъ, а съ нашей—могло бы быть больше, чѣмъ оно есть. Если этого нѣтъ, надо убѣждаться, что предназначенія и сочувствія очень слабы; а если онѣ дѣйствительно существуютъ въ историческомъ и національномъ предположеніи, надо по крайней мѣрѣ отдать себѣ отчетъ въ ихъ дѣйствительной силѣ и степени развитія,—чтобы не ошибиться въ томъ, что̀ мы иногда все-таки на нихъ строимъ.

Славянская „идея“, славянское „чувство“ и т. п. поминаются каждый разъ, какъ только заходитъ рѣчь о славянскомъ вопросѣ; въ послѣдніе годы любой фразёръ толковалъ о нихъ, чтобы показать свое національное глубокомысліе; въ литературахъ славянскихъ, эти слова, быть можетъ, имѣли всегда больше искренняго смысла,—потому что дѣйствительность заставляетъ тамъ серьёзно думать о своемъ положеніи и искать себѣ опоры въ племенныхъ связяхъ. Но если изъ области подобныхъ теоретическихъ и идеальныхъ соображеній мы обратимся къ обыденной жизни и литературѣ славянскихъ народовъ, мы увидимъ всего чаще, что эти соображенія гораздо меньше участвуютъ въ нихъ, чѣмъ бы можно было ожидать; увидимъ, что жизнь, а за ней литература—идутъ у разныхъ племенъ славянства своей раздѣльной жизнью, почти безъ всякой внутренней связи между ними, съ своими особыми понятіями. Какъ въ русской литературѣ „славянскія идеи“ занимаютъ свой особый уголокъ, а все теченіе литературы исполнено своихъ заботъ, не имѣющихъ съ ними никакой связи; такъ и въ другихъ литературахъ интересъ этого рода является только въ экстренныхъ случаяхъ (или въ чисто ученыхъ вопросахъ), а вообще господствуютъ чисто мѣстные интересы и точки зрѣнія. Это, конечно, вполнѣ естественно — при чрезвычайномъ этнографическомъ и бытовомъ разнообразіи славянскихъ племенъ, при раздѣленіи славянства на нѣсколько различныхъ государствъ и различныхъ политическихъ положеній въ этихъ государствахъ, при всемъ разнообразіи историческаго преданія и современныхъ заботъ; — но этотъ фактъ поучаетъ, что говорить о „славянской идеѣ“ какъ о чемъ-то реальномъ, имѣющемъ свой опредѣленный, обязательный смыслъ, слишкомъ рано. Разнообразіе славянской жизни еще не сводится ни къ какому, общепризнаваемому хотя теоретически, началу; славянская „взаимность“, столь желаемая наиболѣе пламенными славянскими патріотами, въ дѣйствительности существуетъ въ столь скромномъ размѣрѣ, что нерѣдко бываетъ едва видима, и отсутствуетъ тамъ, гдѣ ея особенно можно было бы ожидать.

На эти мысли наводитъ и книга, заглавіе которой мы выписали.

Авторъ книги, Вацлавъ Влъчекъ (или Вòлчекъ—иначе по-русски нельзя написать этого имени) есть одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей новой чешской литературы (род. 1839). Дѣятельность его очень разнообразна. Это, во-первыхъ, беллетристъ на разныхъ поприщахъ: онъ писалъ разсказы изъ народнаго быта, писалъ романы историческіе, романы изъ современной общественной жизни; онъ извѣстенъ какъ писатель драматическій. Во-вторыхъ, это публицистъ, отзывавшійся на крупные и на частные вопросы чешской жизни, политической и общественной. Съ 1871 года онъ — издатель одного изъ лучшихъ чешскихъ журналовъ—„Освѣты". Одинъ изъ его романовъ, „Лавровый вѣнокъ", считается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній всего чешскаго романа.

Въ изданной теперь книгѣ, Вòлчекъ собралъ свои статьи, разсѣянныя въ журналахъ, между прочимъ въ „Освѣтѣ",—въ которыхъ разбираются вопросы, охарактеризованные заглавіемъ. Здѣсь есть „Посланіе къ апостоламъ и проповѣдникамъ гуманности въ Европѣ"; „Посланіе къ пражанамъ"; статьи—„о патріотизмѣ чешскихъ женщинъ", „о народномъ просвѣщеніи, особенно въ отношеніи къ чешской литературѣ", о народномъ театрѣ, рѣчи о Галькѣ (главѣ новѣйшей чешской поэзіи), о Палацкомъ, Воцелѣ и проч. Мы остановимся на нѣсколькихъ образчикахъ патріотическихъ призывовъ автора.

Посланіе къ „апостоламъ гуманности" открывается введеніемъ въ немного романтическомъ стилѣ. На одной изъ альпійскихъ вершинъ (по всей вѣроятности на Риги-Кульмѣ), авторъ вмѣстѣ съ толпой разноплеменныхъ путешественниковъ ожидалъ восхода солнца. Восходъ благополучно совершился и по обыкновенію возбудилъ поэтическія думы. Авторъ, обратясь къ своему сосѣду, выразилъ желаніе, чтобы всѣмъ народамъ, представители которыхъ здѣсь собрались, также ясно взошло нѣкогда „солнце спасенія". Сосѣдъ, который былъ англичанинъ, нашелъ, что это желаніе уже совершилось, потому что это солнце выходитъ каждый день, какъ „мысль, просвѣщеніе, гуманность". Въ длинной тирадѣ англичанинъ пояснилъ, какъ эти силы уже въ наше время дѣйствуютъ въ жизни человѣчества... Нашъ авторъ усомнился—англичанинъ счелъ его пессимистомъ;—онъ назвалъ ирландцевъ,—англичанинъ немного раздражился и выразилъ удивленіе, что̀ за надобность его собесѣднику, „нѣмцу", заступаться за ирландцевъ; нашъ авторъ отвѣтилъ, что онъ не нѣмецъ, а „чехъ". Оказалось, разумѣется, что англичанинъ не слыхивалъ о такомъ народѣ... Они разстались, не кончивши бесѣды, а черезъ нѣсколько времени встрѣтились опять, у Люцернскаго льва. Англичанинъ тѣмъ временемъ узналъ кое-что о чехахъ и узналъ изъ источниковъ нѣ-

мецкихъ, гдѣ чехи являлись народомъ варварскимъ, не культурнымъ, Прага—нѣмецкимъ городомъ и т. п. Нашъ авторъ вознегодовалъ на наивный вопросъ англичанина: есть ли, однако, у чеховъ какая-нибудь литература, есть ли типографіи, газеты и т. п.? Газетъ, конечно у чеховъ много, и самъ авторъ былъ уже въ то время редакторомъ „Освѣты".

На эту тэму авторъ обращается съ рядомъ укоровъ современной гуманности. Она гордится защитой человѣческихъ правъ, освобожденіемъ негровъ; она простираетъ свою ревность до того, что беретъ подъ свое покровительство животныхъ,—но въ это же самое время она забываетъ о цѣломъ народѣ—народѣ, который живетъ въ самомъ центрѣ Европы, который нѣкогда оказалъ человѣчеству великія услуги, а въ новѣйшее время изъ крайняго угнетенія умѣлъ поднять свою народность до высокой степени просвѣщенія. Въ этомъ трудѣ воскрешенія своей національности чешскій народъ показалъ великую выдержанность, безпристрастіе и нравственное чувство, которыя у искреннихъ проповѣдниковъ гуманности должны были бы вызвать уваженіе и сочувствіе.

„Народъ чешскій долженъ былъ тяжелымъ трудомъ добывать свое право; но этой причинѣ онъ уважаетъ и цѣнитъ право всякаго другого, отъ народа до отдѣльнаго человѣка, и въ особенности глубоко сочувствуетъ утѣсненному праву. Воспитанный въ школѣ терпѣнія, онъ сохранилъ свои руки чистыми отъ всякаго пятна политическихъ битвъ и вполнѣ проникнутъ духомъ человѣчности...

„Просвѣщеніе, свобода, равенство и братство!"—этотъ лозунгъ звучитъ въ цѣломъ чешскомъ народѣ какъ изъ однихъ устъ. Во имя просвѣщенія, свободы, равенства и братства, этотъ голосъ звучитъ и къ вамъ, провозвѣстники и защитники человѣчности.

„И на этотъ разъ мы не приходимъ къ вамъ выпрашивать какой-нибудь помощи. Мы имѣемъ въ виду только успѣхъ человѣчности".

Но авторъ не хочетъ себя обманывать. На судьбѣ чешскаго народа онъ видитъ, что стремленія гуманности становятся безсильны уже отъ одного *незнанія* ея апостоловъ. Ихъ ученіе—вещь прекрасная, но нужно, чтобы теорія становилась практикой,—иначе это ученіе останется пустой фразой, оно не защититъ никакого права, не уничтожитъ никакой несправедливости... Въ каждомъ европейскомъ народѣ много партизановъ гуманности; вся европейская образованность—гуманитарная; но такова ли *исторія* и *отношенія* европейскія? Онѣ прямо противоположны этому принципу. Авторъ приходитъ къ выводу, что „проповѣдники гуманности не имѣютъ никакого рѣшающаго вліянія на европейскую исторію и отношенія", и что „дѣло человѣчности не можетъ быть выполнено съ успѣхомъ, если гуманисты всего

свѣта не подадутъ себѣ руки... Организуйте интернаціональное общество человѣчности—и вы увидите цѣлый чешскій народъ подъ его знаменемъ". И только тогда народамъ засвѣтитъ солнце спасенія.

Такъ разсуждаетъ чешскій патріотъ. Многое, что онъ говоритъ, очень справедливо, но, кажется намъ, очень безполезно. Тезисъ, который онъ доказываетъ, не нуждается въ доказательствѣ. Подходитъ къ концу второе тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ повѣданы были міру истины христіанства, а гдѣ глубина этихъ истинъ осуществилась съ нѣкоторой полнотой кромѣ отдѣльныхъ людей и немногихъ кружковъ людей? Съ другой стороны юный англичанинъ, для опроверженія котораго авторъ писалъ свое воззваніе, есть идеалистъ, немного, быть можетъ, невѣжественный, но въ концѣ-концовъ онъ не совсѣмъ неправъ: потому что хотя новѣйшая гуманитарная образованность и не принесла народамъ „спасенія", но кое-что и сдѣлала, — насколько идеи справедливости и человѣчности могли повліять на широкія политическія рѣшенія. Ни одинъ человѣкъ благоразумный и знакомый съ исторіею не скажетъ, чтобы „проповѣдники гуманности" имѣли „рѣшающее вліяніе въ исторіи Европы" (а Азіи? Африки? Америки?), но несомнѣнно также, что идеи гуманитарной образованности имѣли свою, и не малую, долю вліянія и на освобожденіе негровъ, и на уничтоженіе или ослабленіе крѣпостного права, на вопросъ объ улучшеніи состоянія другихъ крѣпостныхъ—рабочихъ классовъ, и наконецъ, даже на судьбы цѣлыхъ народовъ, какъ было, напримѣръ, въ освобожденіи сѣверо-американскихъ колоній въ концѣ прошлаго столѣтія, въ освобожденіи Греціи, Сербіи, Италіи и пр. Чешскій народъ оказалъ дѣйствительно великіе успѣхи въ періодъ своего возрожденія, но патріотизмъ едва ли не увлекъ слишкомъ автора, когда онъ говоритъ о „лозунгѣ, звучащемъ въ цѣломъ чешскомъ народѣ какъ изъ однихъ устъ": мы желаемъ этого чешскому народу, но не думаемъ, чтобы онъ достигъ всего этого въ такой мѣрѣ, какъ утверждаетъ авторъ. Чешская литература, нѣкоторыми своими сторонами, можетъ достаточно свидѣтельствовать о недочетахъ и въ „просвѣщеніи, свободѣ, равенствѣ и братствѣ".

Итакъ, эти представленія о чешскомъ народѣ кажутся намъ преувеличеніемъ, а жалобы на гуманизмъ и его провозвѣстниковъ напрасными, потому что онѣ безплодны. Наконецъ, сомнительно, чтобы онѣ были прочтены тѣми, къ кому адресованы.

Но дошло безъ сомнѣнія по адресу другое посланіе, на которомъ мы остановимся. Это—„Посланіе къ пражанамъ", гдѣ авторъ говоритъ о національномъ значеніи Праги, возбуждаетъ чеховъ и въ частности пражанъ къ возвышенію этого значенія путемъ поощренія чешскаго просвѣщенія и искусства. Какъ извѣстно, Прага есть для

чеховъ палладіумъ ихъ національности, и, слѣдовательно, предметъ особой патріотической любви и гордости: они любятъ говорить о красотѣ своей столицы, объ ея великихъ историческихъ воспоминаніяхъ, дорожатъ въ ней центромъ своей общественной и политической жизни, своей литературы и науки. Г-нъ Вóлчекъ исполненъ этой гордости и любви къ своей Прагѣ въ самой высокой степени—этому соотвѣтствуетъ и его желаніе для Праги: будущее, котораго онъ ищетъ для нея, есть не только чешское, но европейское.

Въ началѣ „посланія“ онъ вспоминаетъ старыя времена, когда при Карлѣ IV Прага обѣщала стать новыми Аѳинами, когда потомъ при Рудольфѣ II она стала новымъ Коринѳомъ по богатству собранныхъ въ ней произведеній искусства. Но и этотъ Коринѳъ имѣлъ своихъ Мумміевъ: военная судьба приводила въ Прагу шведовъ, французовъ, пруссаковъ, и всѣ они, особенно послѣдніе, безпощадно грабили ея художественныя сокровища; и послѣ явились иные, не военные хищники,—многое было взято и вывезено въ Вѣну,—такъ что „гораздо легче стало сосчитать то, что̀ уцѣлѣло въ Чехіи“. Прагу называютъ главой чешскаго королевства; она скорѣе—„сердце“ чешскаго народа. Она дѣлитъ судьбу своего народа; вмѣстѣ съ нимъ она пала послѣ бѣлогорской битвы, вмѣстѣ съ нимъ воскресла изъ мертвыхъ въ наше время.

Далѣе г. Вóлчекъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Если Чехія есть сердце Европы, Прага есть сердце этого сердца. Въ настоящую минуту это вовсе не побуждаетъ Европу особенно насъ любить, и мы не можемъ этимъ хвалиться. Политическая Европа вообще не хочетъ слышать о сердцѣ, а потому также не хочетъ знать насъ (?); а мы до сихъ поръ еще не произвели столько, чтобы *вынудить* у Европы вниманіе, уваженіе, удивленіе.

„Но ежели Прага есть сердце сердца Европы, этимъ уже высказана великолѣпнѣйшая задача, къ которой можно стремиться въ будущемъ.

„Біеніемъ этого сердца правится цѣлый чешскій народъ; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы біеніемъ своего сердца правилась цѣлая Европа. Быть пражаниномъ считается гордостью во всей Чехіи; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы быть пражаниномъ было гордостью во всей Европѣ (?). Прага есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы, но также одинъ изъ городовъ, о которыхъ внѣ Австріи почти никто не вспоминаетъ, а въ Австріи вспоминается почти только съ бранью и враждой; пусть Прага вознесется такъ высоко, чтобы глаза всего свѣта обратились опять къ ней, какъ нѣкогда уже бывало.

„Но возможно ли это?“

Авторъ, какъ увидимъ, не скрываетъ отъ себя трудностей, мѣшающихъ осуществленію этихъ благихъ пожеланій,—но, конечно, онъ выставлялъ ихъ не даромъ: въ концѣ-концовъ онъ считаетъ возможнымъ достиженіе блестящей цѣли, какую ставитъ своему народу и его „сердцу".

Но для этого нужно многое. Нельзя ждать возвращенія временъ Отокара II, Карла IV, Юрія Подѣбрадскаго,—такой политическій мессія едва ли придетъ. Нужно, слѣдовательно, искать другого пути. Теперь Прага въ самой Австріи уступаетъ не только Вѣнѣ, но и Пешту; но во внѣшней ли громадности и роскоши заключается величіе столицъ и центральныхъ городовъ? — спрашиваетъ авторъ. Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ,—величіе создается мыслью, духомъ. Такъ создалось величіе Парижа, гдѣ процвѣтали литература и искусство, гдѣ въ великихъ переворотахъ неодолимо вознеслись новыя, до тѣхъ поръ подавляемыя идеи великаго общечеловѣческаго значенія. Такія идеи нѣкогда возникали у чеховъ, но тогда сами чехи ихъ только предчувствовали, а другіе народы подавили и истребили ихъ въ чешскомъ народѣ. Теперь о чехахъ разглашаютъ, что новѣйшія идеи девятнадцатаго вѣка имъ чужды, что они неспособны понимать этихъ идей. — Какъ же быть, и что́ нужно Прагѣ прежде всего?

Авторъ находитъ, что надо съ прискорбіемъ признать, что Прага издавна не только была слишкомъ открыта чужому вліянію, но даже что она „въ теченіе всей чешской исторіи никогда еще не была полнымъ выраженіемъ настоящаго чешскаго духа". Поэтому прежде всего ей слѣдуетъ стремиться къ тому, чтобы сдѣлаться такимъ выраженіемъ,—не просто быть *внѣшнимъ* средоточіемъ чешской жизни, но стать высшимъ духовнымъ средоточіемъ народнаго *духа*. Если это станется, Прага будетъ стоять въ челѣ городовъ не только чешскихъ, но и славянскихъ. Она пріобрѣтетъ не только европейское, но міровое значеніе, и потокъ, которой идетъ теперь только съ Запада къ ней, тогда пойдетъ обратно. Правда, путь къ этому еще далекъ; но къ этому надо стремиться...

Не входя въ дальнѣйшія подробности „Посланія", замѣтимъ только, что авторъ рекомендуетъ своимъ согражданамъ единодушіе, сознаніе своей національной задачи, и въ частности — посѣщеніе чешскаго театра, покровительство чешскому искусству. Въ другомъ посланіи— къ чешскимъ городамъ въ провинціи, авторъ совѣтуетъ вниманіе къ чешской литературѣ. „Ходите въ театръ, покупайте чешскія книги" — таковы его совѣты на первый разъ.

Забота автора о величіи своего отечества, о просвѣщеніи народа понятна и заслуживаетъ всякаго уваженія; но,—не припоминая объ

англичанинѣ, котораго авторъ встрѣтилъ на Альпахъ, — даже русскаго читателя, расположеннаго сочувствовать національнымъ стремленіямъ единоплеменниковъ, удивятъ тѣ размѣры, въ какихъ чешскому патріоту представляется ожидаемое имъ значеніе его народа въ будущемъ. Авторъ дѣлаетъ оговорки, что это будущее не близко, что до него можетъ пройти еще рядъ поколѣній, но дѣло остается въ томъ, что чешскій народъ долженъ занять въ Европѣ чуть ли не первое мѣсто по своему просвѣщенію, и этимъ пріобрѣсти высокое положеніе, котораго не даетъ ему матеріальная политическая сила. Мы готовы сначала принять за шутливый оборотъ рѣчи—что Чехія есть сердце Европы, а Прага сердце Чехіи, но авторъ думаетъ это, кажется, серьёзно, какъ будто топографическая центральность (предполагая, что она дѣйствительно есть) можетъ въ самомъ дѣлѣ имѣть такое абсолютное значеніе въ наши времена и, кромѣ того, при существованіи уже готовыхъ громадныхъ центровъ: если центральность имѣетъ такую важность, отчего Прага давно не стала дѣйствительнымъ умственнымъ и духовнымъ средоточіемъ Европы? Далѣе, авторъ предвидѣлъ возраженіе, что едва ли народу небольшому, какъ чехи, возможна такая первенствующая роль, и отвѣчаетъ, что исторія даетъ намъ примѣры небольшихъ народовъ, которые однако пріобрѣтали всемірное значеніе, — таковы были финикіяне, евреи: нужно только могущественное развитіе „духа“. Правда, развитіе „духа“ можетъ совершать великія вещи, но дѣло въ томъ, что жизнь человѣческаго общества стала нѣсколько сложнѣе, чѣмъ было во времена финикіянъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и условія развитія *духа* стали не менѣе сложны: едва ли можно думать напримѣръ, что оно можетъ идти внѣ и независимо отъ науки, въ ея безчисленныхъ современныхъ и будущихъ отрасляхъ, а успѣхи науки—какъ это можно видѣть уже и теперь — будутъ связаны съ возможностями широкаго матеріальнаго обезпеченія ея дѣятелей и ея орудій — университетовъ, академій, музеевъ, библіотекъ, коллекцій, лабораторій, экспедицій и т. д. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи малые народы будутъ поставлены далеко не выгодно. Парижъ, Лондонъ, Берлинъ своей научной славой въ очень большой степени обязаны именно тому, что они составляютъ центры великихъ, сильныхъ и богатыхъ національностей. Чтобы съ ними бороться и ихъ „опередить“, какъ въ другомъ мѣстѣ полагаетъ г. Вдлчекъ, нуженъ центръ болѣе сильный, болѣе людный и богатый, нежели центръ чешскаго народа.

Читателю можетъ представиться мысль, что чешскій авторъ предполагаетъ для своего національнаго центра болѣе обширную окружность, что именно Прага станетъ центромъ не только для чеховъ, но для цѣлаго западнаго славянства, и что тогда она выражала бы

собой уже не маленькое племя, но цѣлый и уже многолюдный племенной союзъ.—Но на дѣлѣ авторъ такого предположенія не дѣлаетъ; онъ постоянно говоритъ только о своемъ собственномъ народѣ, и ожидаетъ, что чехи одни, собственными силами, завоюютъ свое значеніе и опередятъ Европу.

Читателю можетъ показаться далѣе, что авторъ есть мечтатель, сантиментальный идеалистъ, который не хочетъ видѣть фактовъ и котораго поэтому нечего трудиться убѣждать. Но и этого сказать нельзя. Авторъ не обманывается труднымъ современнымъ положеніемъ чешскаго народа и народности: онъ знаетъ, что чехи окружены враждебными стихіями, что имъ грозитъ серьёзная опасность быть поглощенными; онъ знаетъ, что чехи бѣдны, т.-е. что хотя ихъ земля богата, но сокровища ея достаются иноземцамъ,—но онъ не теряетъ однако надежды на высокое положеніе чешскаго народа, которое будетъ пріобрѣтено не политической силой, не внѣшнимъ богатствомъ, но развитіемъ научнымъ, художественнымъ, литературнымъ и народно-нравственнымъ. Онъ рекомендуетъ поэтому усиленный и всесторонній трудъ и нравственное развитіе чешскаго народнаго характера. Послѣднее важно не менѣе перваго: Европа страдаетъ большими пороками въ своей цивилизаціи—слишкомъ часто ея просвѣщеніе есть только полуобразованность, съ которой вполнѣ уживается самый грубый эгоизмъ; слишкомъ распространена въ Европѣ погоня за внѣшнимъ блескомъ, матеріальными удовольствіями и роскошью и т. д. Чехи должны предаться съ одушевленіемъ наукѣ, литературѣ, нравственному совершенствованію, это возможно и въ неблагопріятныхъ политическихъ условіяхъ — величайшія явленія европейской литературы выростали въ эпохи абсолютизма.

Эти мысли авторъ излагаетъ еще въ третьей длинной статьѣ „О народномъ просвѣщеніи“ и при нѣсколькихъ другихъ случаяхъ. Мы можемъ удовольствоваться тѣмъ, что̀ приведено.—Повторяемъ, что въ планахъ автора обнаруживается самое похвальное патріотическое чувство, и совѣты его своимъ согражданамъ—заботиться о широкомъ распространеніи въ своемъ народѣ знаній и нравственнаго просвѣщенія, внушены наилучшимъ чувствомъ; тѣмъ не менѣе разсужденія его очень мало насъ удовлетворяютъ. Нельзя не видѣть въ нихъ преувеличенія, которое бываетъ тѣмъ именно вредно, что вводитъ въ заблужденіе и о трудностяхъ, какія надо одолѣвать, и о силахъ, какія на это имѣются. Къ преувеличенію склоненъ всякій патріотизмъ; оно очень понятно, какъ высшая, идеалистическая ступень любви къ своей родинѣ, и въ этомъ смыслѣ оно часто тѣмъ сильнѣе возбуждаетъ силы общества и народа въ стремленіи къ своимъ цѣлямъ; но люди, стоящіе выше толпы—хотя бы по образо-

ванію, — люди, которые хотятъ поучать своихъ соотечественниковъ, должны очень осторожно обращаться съ этой идеализаціей. Въ ней же кроется и источникъ самаго непривлекательнаго себялюбія, заблужденій, гибельныхъ для самого общества и народа. Хорошо еще, если дѣйствительность даетъ какое-нибудь основаніе къ этой преувеличенной идеализаціи; но какъ часто бывало, что національныя преувеличенія были настоящимъ зломъ для цѣлыхъ народовъ, вели ихъ къ самой тяжкой расплатѣ. Поэтому, мы не любимъ „патріотическихъ“ преувеличеній и думаемъ, что ихъ *обязанъ* остерегаться всякій разумный патріотъ, чтобы не плодить заблужденій и самообольщеній, и не помогать соотечественникамъ закрывать глаза на многое, совершающееся въ дѣйствительности. Въ патріотизмѣ славянскомъ такія преувеличенія высказывались несчетное число разъ: напомнимъ хоть нашихъ русско-славянскихъ патріотовъ, которые еще въ сороковыхъ годахъ похоронили „гнилую“ западную Европу и предсказывали господство славянской цивилизаціи; эти предсказанія у насъ, да и въ западномъ славянствѣ, которое имъ не было чуждо, не мало повредили здравой постановкѣ славянскаго вопроса. Не страдаютъ ли подобнымъ недостаткомъ и разсужденія чешскаго автора?

И не слишкомъ ли высокій тонъ взятъ былъ имъ въ началѣ, когда потомъ, въ концѣ „посланія къ пражанамъ“ и въ посланіи къ другимъ согражданамъ, г. Волчекъ требуетъ отъ нихъ пока только, чтобы они „ходили въ театръ“ и тратили „нѣсколько златыхъ“ на покупку чешскихъ книгъ,—это для покровительства искусству и литературѣ, которыми чехи должны „опередить Европу“? По крайней мѣрѣ авторъ, для равномѣрности разсужденія, потребовалъ бы отъ соотечественниковъ болѣе крупной жертвы.

Въ этомъ разсужденіи есть и другая неравномѣрность. Защищая права своей народности на вниманіе и уваженіе Европы и доказывая способность своихъ соотечественниковъ занять со временемъ блестящую роль, которую онъ имъ предвѣщаетъ, г. Волчекъ указываетъ два факта изъ чешской исторіи: „пятнадцатый вѣкъ“ и новое возрожденіе съ конца прошлаго столѣтія. Оба факта въ самомъ дѣлѣ знаменательны,—хотя весьма различны по значенію. Первый, т.-е. гуситское движеніе, былъ дѣйствительно сильнымъ, въ большой степени, если не вполнѣ—самобытнымъ проявленіемъ силы чешской національности. Второй былъ замѣчателенъ, какъ пробужденіе національности, которая считалась почти мертвою, но не вносилъ новыхъ *идей* въ содержаніе европейской образованности, а только примѣнялъ ихъ въ новой, открытой для нихъ средѣ. Такимъ образомъ, свидѣтельство *оригинальной* силы чешскаго народа можно было бы указать собственно только въ „пятнадцатомъ вѣкѣ“. Но г.

Во́лчекъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что въ ту эпоху чехи однако только „предчувствовали гуманизмъ“, а въ настоящее время весь чешскій народъ, по его словамъ, уже принялъ лозунгомъ настоящія гуманитарныя идеи: „свободу, просвѣщеніе, равенство и братство“. Но, возникаютъ вопросы: дѣйствительно ли принялъ эти идеи весь чешскій народъ? И какъ онъ будетъ опережать ими Европу, когда эти идеи явно заимствованы отъ Европы?

Любопытно, наконецъ, что г. Во́лчекъ, говоря о будущей блестящей роли чешскаго народа, не упоминаетъ нигдѣ о томъ, чтобы въ этой роли могло имѣть участіе остальное славянство, чтобы этой роли могла такъ или иначе помочь славянская солидарность. Ссылаясь на фактъ новѣйшаго чешскаго возрожденія, онъ умалчиваетъ, что очень важную долю этого явленія составляла именно идея славянской взаимности, которая помогла не мало и внутреннему развитію самой чешской литературы и ея внѣшней репутаціи и вліянію у другихъ племенъ. Надо полагать, что, по мнѣнію автора, чешская образованность—просто одна и сама по себѣ, безъ содѣйствія остальныхъ славянскихъ литературъ и безъ союза съ ними, достаточно сильна, чтобы или „опередить“ самую Европу или, какъ авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, быть передовой на востокѣ Европы...

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшій разборъ книги г. Во́лчка (другія статьи посвящены спеціально чешскимъ предметамъ). Ея общія положенія, какъ видѣлъ читатель, отличаются такой идеалистичностью, что похожи на поэтическую фантазію, которой критика обязана давать большой просторъ. Сдѣлаемъ еще только одно замѣчаніе,—съ котораго начали,—что, несмотря на всѣ многочисленные толки о славянской взаимности (или единствѣ), эта послѣдняя слишкомъ часто играетъ одну, такъ-сказать форменную роль, далеко не составляя существа между-славянскихъ отношеній; она какъ-то черезчуръ легко забывается не только тамъ, гдѣ дѣло идетъ о частныхъ интересахъ народностей, но и въ такихъ, болѣе общихъ, гдѣ мы именно ожидали бы ее встрѣтить — какъ, напр. въ тѣхъ гаданіяхъ о будущемъ идеальномъ господствѣ чешскаго народа, какія питаетъ г. Во́лчекъ. И дѣйствительно, сто́итъ взять каждую славянскую литературу врасплохъ,—безъ ея форменной одежды, въ какой полагается ей являться въ обществѣ „братьевъ“,—и окажется, что частный и мѣстный интересъ (къ сожалѣнію и понимаемый часто слишкомъ узко, или ужъ черезчуръ широко) господствуетъ надъ всякими все-славянскими соображеніями.—Поэтому, мы и думали всегда, что строить что-либо все-славянское можно, только принимая въ соображеніе эти частныя стремленія народностей, потому что въ этихъ стремленіяхъ и заключается ихъ непосредственная жизнь, на нихъ

сосредоточиваются духовныя силы общества; что съ другой стороны эти частныя стремленія должны—по крайней мѣрѣ у разумнѣйшихъ людей—провѣряться и очищаться критикой отъ самообольщеній, и что наконецъ единство возможно только въ *примиреніи* частныхъ интересовъ на какомъ-либо *высшемъ* принципѣ. — А. А.

III.

— *А. Мальцевъ*, Нравственная философія утилитаризма. С.-Петербургъ, 1879.
— *M. Guyau*, la Morale anglaise contemporaine. Morale de l'utilité et de l'évolution. Paris, 1879.

Тэма, избранная г. Мальцевымъ и Гюйо, въ сущности одна и та же. Изложеніе системъ утилитарной нравственности предпослано у обоихъ авторовъ критическому ихъ разбору. Г-нъ Мальцевъ начинаетъ первый отдѣлъ своей книги съ древне-греческой философіи, Гюйо—съ Бентама, предшественникамъ котораго въ исторіи утилитаризма посвящено другое сочиненіе того же автора: „la Morale d'Epicure et ses rapports avec les doctrines contemporaines"; но второй, критическій отдѣлъ обѣихъ книгъ имѣетъ предметомъ англійскихъ моралистовъ утилитарной (или, правильнѣе, опытной) школы, причемъ г. Мальцевъ полемизируетъ всего больше съ Дж. Ст. Миллемъ, Спенсеромъ и Бэномъ, а Гюйо—съ Бентамомъ, Миллемъ и Спенсеромъ. Оба автора—противники утилитаризма, признающіе за нимъ, впрочемъ, большія заслуги; но исходныя ихъ точки и конечныя цѣли существенно различны. Г-нъ Мальцевъ стоитъ на почвѣ науки только одной ногой, главная его опора—внѣ ея области; Гюйо сражается противъ утилитаризма преимущественно научными орудіями и только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ метафизическимъ аргументамъ, сознавая, притомъ, ихъ недостаточность и шаткость. Г-нъ Мальцевъ отвергаетъ утилитаризмъ во имя даннаго, готоваго міросозерцанія, построеннаго на авторитетѣ; въ глазахъ Гюйо философія, передъ которою долженъ пасть утилитаризмъ—задача будущаго, для которой только кладутся основанія въ настоящемъ. Г-нъ Мальцевъ примыкаетъ къ интуитивной школѣ моралистовъ; Гюйо возстаетъ противъ этой школы еще рѣшительнѣе, чѣмъ противъ утилитаризма.

„Сущность ученія интуитивной школы,—говоритъ г. Мальцевъ въ введеніи къ своей книгѣ,—сводится къ тому, что нравственные принципы представляютъ собою нѣчто данное a priori, существующее въ природѣ человѣка съ самаго его рожденія; они совершенно самоочевидны и не требуютъ доказательствъ. Моралисты этой школы, въ противуположность послѣдователямъ утилитарной школы, убѣж-

дены, что намъ дана самой природой способность непосредственно познавать добро и зло, т.-е. понимать, что нѣкоторыя качества — доброжелательство, честность, правдивость — выше и совершеннѣе другихъ, и что мы обязаны поэтому ихъ развивать и укрѣплять въ себѣ, а противуположныя имъ подавлять и уничтожать". Въ текстѣ книги, возражая противъ мнѣнія Спенсера о постепенномъ образованіи, путемъ опыта, нравственныхъ понятій, г. Мальцевъ приводитъ два—три факта, свидѣтельствующіе о высокомъ развитіи у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ правдивости и вѣрности своему слову, и затѣмъ восклицаетъ: „*очевидно*, что правила нравственности всегда и съ самаго начала представлялись человѣческому сознанію какъ абсолютно-обязательныя". Проще и смѣлѣе рѣшить спорный вопросъ не могъ бы самый крайній приверженецъ интуитивной школы. До извѣстной степени, однако, это рѣшеніе скоро берется назадъ самимъ г. Мальцевымъ. „Нравственныя убѣжденія и правила — говоритъ онъ нѣсколькими страницами дальше—выработываются только по мѣрѣ накопленія отдѣльныхъ случаевъ, по мѣрѣ образованія цѣлыхъ и длинныхъ рядовъ опытовъ. При общемъ согласіи въ исполненіи тѣхъ или другихъ нравственныхъ правилъ, послѣднія объективируются и, какъ одобренныя нравственнымъ чувствомъ каждаго, становятся eo ipso для каждаго обязательными". Объ *абсолютной, съ самаго начала* обязательности правилъ, слагающихся медленно и постепенно, очевидно не можетъ быть и рѣчи; общее согласіе, о которомъ упоминаетъ г. Мальцевъ, очевидно, не можетъ установиться сразу. Непосредственно данными отъ природы оказываются, въ концѣ-концовъ, не нравственныя правила, не нравственные принципы, а только нравственное чувство, опредѣляемое г. Мальцевымъ какъ *способность*—отличная отъ всѣхъ другихъ — сравнивать качества и дѣйствія, различать хорошее отъ дурного, отдавать предпочтеніе первому передъ послѣднимъ. Если и признать, вопреки новѣйшей психологіи, существованіе отдѣльныхъ способностей, отдѣльныхъ функцій души, то все-таки останется неразъясненнымъ, какимъ образомъ чувство, предоставленное самому себѣ, можетъ *сравнивать*, т.-е. производить изслѣдованіе предметовъ. Оно непремѣнно должно пользоваться при этомъ указаніями опыта, собственнаго или чужого,—а такъ какъ указанія эти далеко не всегда и не вездѣ одинаковы, то и результатъ сравненія въ различныхъ случаяхъ не можетъ быть одинъ и тотъ же. Нравственное чувство является, такимъ образомъ, только формой, въ которую можетъ быть вложено самое разнородное содержаніе. Положимъ, что оно говоритъ въ дикарѣ съ такою же силой, какъ и въ цивилизованномъ человѣкѣ; но одно ли и то же оно имъ подсказываетъ? По мнѣнію дикарей, убить побѣжденнаго врага—

хорошо, оставить его въ живыхъ—дурно; подъ вліяніемъ этого мнѣнія, нравственное чувство дикаря побуждаетъ его къ убійству—но что же могутъ извлечь отсюда въ свою пользу моралисты интуитивной школы? „Различія нравственныхъ сужденій,—говоритъ г. Мальцевъ,—часто возникаютъ вовсе не изъ среды предписаній нравственнаго чувства, но условливаются причинами чисто интеллектуальнаго характера, опираются на положительныя законодательства, на массу укоренившихся въ каждомъ обществѣ обычаевъ и привычекъ... Велѣнія нравственнаго чувства могутъ быть нерѣдко подавлены, искажены, могутъ даже и совершенно заглохнуть—но все это еще не служитъ аргументомъ противъ *существованія* нравственнаго чувства". Да,—если нравственное чувство сводится къ сознанію различія между условно-хорошимъ и условно-дурнымъ, т.-е. хорошимъ и дурнымъ съ точки зрѣнія отдѣльнаго человѣка; нѣтъ, если нравственное чувство—критерій для опредѣленія абсолютно-хорошаго и абсолютно-дурного. Чтобы остаться вѣрнымъ своей основной мысли, г. Мальцевъ долженъ былъ по меньшей мѣрѣ доказать, что побѣдѣ причинъ „чисто интеллектуальнаго характера" надъ „предписаніями нравственнаго чувства" предшествуетъ борьба, что нравственное чувство атрофируется постепенно, отступаетъ шагъ за шагомъ. Ничего подобнаго онъ даже не пытается сдѣлать. Напрасно онъ думаетъ, что, допустивъ наслѣдственную передачу извѣстныхъ эмоцій, или, лучше сказать, предрасположеній къ извѣстнымъ эмоціямъ, новѣйшіе утилитаристы сдѣлали большой шагъ къ сближенію съ интуитивной школой. Между нравственнымъ чувствомъ, какъ чѣмъ-то даннымъ a priori, чѣмъ-то всегда и вездѣ самому себѣ равнымъ, и зародышемъ нравственнаго чувства, существующимъ въ ребенкѣ, какъ въ наслѣдникѣ цѣлаго ряда поколѣній, нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Гораздо правильнѣе было бы сказать, что такіе приверженцы интуитивной школы, какъ г. Мальцевъ, дѣлаютъ большой шагъ по направленію къ своимъ противникамъ, признавая образованіе правилъ нравственности путемъ накопляющагося опыта. Въ систему опытной нравственной философіи понятіе о наслѣдственности тѣхъ или другихъ предрасположеній можетъ быть введено безъ всякой непослѣдовательности, такъ какъ фактъ наслѣдственной передачи подлежитъ, наравнѣ съ другими, наблюденію и опыту, и нисколько не исключаетъ апостеріорнаго происхожденія правилъ нравственности; въ систему интуитивной нравственности—уступки или оговорки въ родѣ тѣхъ, которыя дѣлаетъ г. Мальцевъ, вносятъ двойственность, подрывающую самыя основы системы. Стремленіе совмѣстить несовмѣстимое неизбѣжно влечетъ за собою противорѣчія, примѣры которыхъ у г. Мальцева мы еще увидимъ. Эклектизмъ автора выражается

даже въ цитатахъ, которыя онъ заимствуетъ, съ одинаковымъ одобреніемъ, у г. Михайловскаго и у г. Чичерина, или г. Тернера, у сотрудниковъ „Слова“ и у сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“, у Вундта или Литтре и у Жане, Карро, нѣмецкихъ богослововъ.

Отношеніе Гюйо къ интуитивной школѣ свободно отъ всякихъ колебаній и противорѣчій. Интуитивная нравственность, въ его глазахъ, несостоятельна уже потому, что она обречена на неподвижность—а наука не можетъ существовать безъ движенія; въ основаніи интуитивной нравственности лежитъ нѣчто абсолютное—а наука признаетъ и допускаетъ только относительное. Борьба съ интуитивной школой кажется Гюйо совершенно излишней, опроверженіе ея доктринъ—дѣломъ вполнѣ законченнымъ. Противопоставить утилитаризму, по мнѣнію Гюйо, можно только новую систему—систему идеальной нравственности или нравственной свободы. Ошибочно было бы заключить отсюда, что Гюйо—приверженецъ метафизическаго ученія о свободѣ воли, котораго, повидимому, держится г. Мальцевъ; онъ склоняется скорѣе на сторону детерминизма и видитъ въ свободѣ не причину, а конечную цѣль человѣческихъ дѣйствій. „Основнымъ началомъ нашей дѣятельности,—говоритъ онъ,—свободу считать нельзя; но пускай она будетъ типомъ, идеаломъ, къ которому мы хотимъ приблизиться; пускай она вліяетъ на насъ не какъ направляющая, а какъ притягательная сила, какъ идея, сознаваемая нами. Свобода, такимъ образомъ понятая, была бы не абсолютною независимостью личности, а независимостью ея отъ низшихъ ея побужденій, безпрепятственнымъ движеніемъ въ нормальномъ направленіи воли“. Въ чемъ же заключается это нормальное направленіе? Если бы послѣднимъ его словомъ было приспособленіе личности къ окружающимъ ее условіямъ,—приспособленіе, вызываемое необходимостью и различное для каждой особи,—то система идеальной свободы ничѣмъ не отличалась бы отъ Спенсеровскаго эволюціонизма; но не слѣдуетъ ли признать, что есть идеалъ, общій для всѣхъ людей и независящій отъ условій, въ которыя они поставлены? Внѣшнимъ, безконечно разнообразнымъ формамъ эволюціи не соотвѣтствуетъ ли внутреннее стремленіе, всѣмъ общее и постоянно одинаковое—стремленіе къ полному, всестороннему развитію вложенной въ каждаго силы, а слѣдовательно и къ согласію, къ гармоніи, къ всеобщей свободѣ? Тождество цѣли предполагаетъ внутреннее единство всего стремящагося къ ней. Свобода, какъ всеобщая цѣль, является, такимъ образомъ, всеобщей причиной; понятія о причинѣ и цѣли сливаются въ одно и составляютъ общее основаніе для нравственности, ведущей къ осуществленію идеала. Нравственность, въ этомъ смыслѣ, по истинѣ можетъ быть названа *нравственностью совершенства*, обязывающею

каждаго достигнуть наивысшей возможной для него степени развитія а такъ какъ развиваться, совершенствоваться — значитъ жить полною жизнью, то жизнь и нравственность соединяются въ одномъ смѣломъ синтезѣ. Такова система идеальной нравственности, идущая на смѣну умирающей или уже умершей интуитивной доктрины и призванная восполнить пробѣлы утилитаризма. Очеркъ этой системы, сдѣланный Гюйо—скорѣе догадка, чѣмъ утвердительное разрѣшеніе вопроса. Возраженія, которыя она можетъ вызвать, Гюйо заранѣе предвидитъ; къ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ даже готовъ присоединиться. Онъ чувствуетъ шаткость гипотезы, фактическая повѣрка которой невозможна, по крайней мѣрѣ въ настоящее время; онъ далекъ отъ мысли о ея непогрѣшимости и выставляетъ ее лишь для обозначенія пути, по которому *вѣроятно* пойдетъ нравственная философія будущаго. Съ этой точки зрѣнія гипотеза Гюйо—или, лучше сказать, тѣхъ новѣйшихъ французскихъ писателей (въ особенности Фулье), у которыхъ онъ ее заимствуетъ—является одною изъ многихъ попытокъ соединить научный детерминизмъ съ практически чувствуемою необходимостью въ признаніи нравственной свободы [1]). Она обращена, во всякомъ случаѣ, впередъ, а не назадъ, аппелируетъ къ изслѣдованію, а не къ авторитету, и заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, залогъ дальнѣйшаго развитія.

Неопредѣленное положеніе, занятое г. Мальцевымъ на границѣ двухъ міросозерцаній, отзывается, въ бо́льшей или меньшей степени, на всемъ критическомъ отдѣлѣ его книги. Какъ историкъ нравственной философіи, онъ приходитъ иногда къ одному выводу, какъ моралистъ, имѣющій въ запасѣ готовые отвѣты на всѣ вопросы—къ другому, противоположному. На стр. 194—195, мы читаемъ слѣдующее: „Начавъ съ прямого антитезиса доктринѣ стоицизма, утилитарная доктрина мало по малу старается не только приблизиться къ стоицизму, но и усвоить себѣ всѣ лучшія качества и стороны другихъ системъ нравственности, и въ концѣ-концовъ, въ лицѣ доктрины Милля, дойти до тѣснѣйшаго сближенія или, по крайней мѣрѣ, непротиворѣчія нравственному ученію христіанства“. На стр. 338, авторъ разсуждаетъ уже совершенно иначе. „Если мы возьмемъ“, говоритъ онъ, „даже такія возвышенныя доктрины утилитаризма, какова доктрина Милля, то хотя онѣ и представляются на первый разъ чуждыми какихъ бы то ни было эгоистическихъ тенденцій и включающими въ себя всѣ самыя высокія и идеальныя нравственныя

[1]) Такія попытки существуютъ и въ нашей литературѣ; укажемъ, для примѣра, на главу „Объ элементѣ необходимости въ исторіи“ въ „Опытѣ исторіи мысли“ (Спб., 1875 г.).

требованія, но при тщательномъ изслѣдованіи оказывается, что онѣ далеко не утрачиваютъ свойственной всему утилитарному направленію эгоистической тенденціи... Сравнивая ближайшимъ образомъ принципы дѣйствія по воззрѣніямъ христіанской и утилитарной нравственности, мы находимъ, что различіе ихъ по общему содержанію есть различіе полное и принципіальное". Если слѣдовать указаніямъ самого г. Мальцева, то первое изъ двухъ приведенныхъ нами мнѣній пришлось бы признать результатомъ недостаточно тщательнаго изслѣдованія вопроса; но разгадка противорѣчія заключается не въ этомъ, а именно въ двойственности взглядовъ г. Мальцева. Еще ярче она выразилась въ примѣчаніи на той же страницѣ 338-й, въ которомъ авторъ не только констатируетъ эгоистическій характеръ всѣхъ добродѣтельныхъ поступковъ въ древности, но и усвоиваетъ себѣ слѣдующую характеристику не-христіанскихъ добродѣтелей, сдѣланную Меланхтономъ: „Сократъ отличался постоянствомъ, Ксенократъ—цѣломудріемъ, Зенонъ—воздержаніемъ; но такъ какъ эти качества коренились въ нечистыхъ душахъ, то должны быть разсматриваемы не какъ настоящія добродѣтели, а какъ пороки". Что таковъ былъ взглядъ реформатора XVI-го вѣка—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что его можетъ находить прекраснымъ современный писатель, хорошо знакомый съ европейской наукой—это фактъ, заслуживающій вниманія. Прежде чѣмъ согласиться съ Меланхтономъ, г. Мальцеву слѣдовало бы вспомнить хотя бы сказанное имъ самимъ въ началѣ книги (стр. 17): „для Сократа добродѣтель была результатомъ самаго высокаго взгляда на природу и назначеніе человѣка". Слишкомъ рѣшительный въ отзывѣ объ античной добродѣтели, г. Мальцевъ недостаточно рѣшителенъ по такимъ вопросамъ, безъ предварительнаго уясненія которыхъ трудно построить теорію нравственности. Таково, напримѣръ, его отношеніе къ закону эволюціи, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: „не должно забывать, что этотъ законъ, при всей его популярности (только популярности?), особенно среди англійскихъ и отчасти нѣмецкихъ изслѣдователей, не чуждъ и довольно сильныхъ возраженій какъ въ его приложеніи къ объясненію явленій въ сферѣ біологіи, такъ и, тѣмъ болѣе, къ области психическихъ и соціальныхъ отношеній. Общія предположенія въ пользу закона эволюціи не говорятъ еще о томъ, что въ немъ не можетъ встрѣчаться исключеній, наибольшая вѣроятность которыхъ должна, безъ сомнѣнія, падать на такую область, какъ область нравственно-справедливаго". Совершенно иначе поставленъ этотъ вопросъ въ книгѣ Гюйо. Онъ, не колеблясь принимаетъ послѣдніе выводы науки, онъ не пугается при мысли о примѣнимости закона эволюціи къ правиламъ нравственности; онъ указываетъ только на то, что въ этой средѣ борьба,

предполагаемая закономъ эволюціи, можетъ измѣнить и вѣроятно измѣнитъ свой характеръ. „Мѣсто силы займетъ истинно-нравственная воля. Подборъ будетъ продолжаться, но иначе, чѣмъ прежде. Борьба за добро и справедливость, за нравственную жизнь замѣнитъ собою или по крайней мѣрѣ смягчитъ насильственную борьбу за матеріальныя блага жизни; торжество станетъ удѣломъ тѣхъ, кто всѣхъ выше поставитъ свой идеалъ и всѣхъ больше употребитъ усилій для его достиженія. Изъ этого нравственнаго подбора человѣчество будетъ выходить все лучшимъ и лучшимъ. Менѣе добрые будутъ не уничтожаемы—какъ это бываетъ съ менѣе сильными въ обыкновенной борьбѣ за существованіе,—а возвышаемы, исправляемы; вмѣсто того, чтобы быть преградой для эволюціи, они сдѣлаются ея опорой". Само собою разумѣется, что предсказаніе Гюйо не претендуетъ на строгую точность; это гипотеза, пожалуй—даже мечта, но мечта, не заключающая въ себѣ ничего неосуществимаго и могущая воодушевить къ участію въ борьбѣ за нравственность и справедливость, которая давно уже началась и продолжается передъ нашими глазами.

Въ короткой библіографической замѣткѣ мы могли дать только общее понятіе о книгахъ г. Мальцева и Гюйо; подробностей полемики ихъ противъ утилитаризма мы касаться не будемъ. Не трудно угадать, что преимущество и здѣсь на сторонѣ французскаго писателя; твердость и опредѣленность его исходной точки не могли не отразиться на всѣхъ частяхъ его изслѣдованія. Критика утилитаризма у Гюйо идетъ гораздо глубже и гораздо больше исчерпываетъ предметъ, чѣмъ у г. Мальцева. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только сравнить, напримѣръ, возраженія, мимоходомъ приводимыя г. Мальцевымъ противъ количественной оцѣнки удовольствій, съ двумя главами, посвященными у Гюйо разбору такъ-называемой *ариѳметической морали* Бентама. Одна изъ самыхъ важныхъ частей ученія Милля — объ установленіи солидарности интересовъ путемъ воспитанія и реформъ въ общественномъ устройствѣ — оставлена г. Мальцевымъ почти безъ вниманія, между тѣмъ какъ въ книгѣ Гюйо ей отведено надлежащее мѣсто. Можно находить, что Гюйо недостаточно справедливъ къ утилитаризму, что слабыя стороны оспориваемой имъ системы выступаютъ у него на видъ рельефнѣе, чѣмъ сильныя; но къ книгѣ г. Мальцева эти замѣчанія примѣнимы въ несравненно бóльшей степени. Лучшее въ ней—историческій обзоръ утилитаризма, первая часть котораго (до Бентама) можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ книгѣ Гюйо.

IV.

— *В. Болотовъ.* Ученіе Оригена о Святой Троицѣ. С.-Петербургъ, 1879.

Трудъ г. Болотова, какъ и только-что разобранная нами книга г. Мальцева, какъ и упомянутое нами въ февральскомъ обозрѣніи изслѣдованіе г. Остроумова о Синезіѣ, епископѣ птолемаидскомъ — диссертація, написанная для полученія ученой степени въ одной изъ нашихъ духовныхъ академій. Сочиненія гг. Мальцева и Остроумова, особенно первое, представляютъ интересъ не для однихъ только спеціалистовъ; о книгѣ г. Болотова нельзя сказать того же самаго. Ученіе Оригена, взятое въ цѣломъ, составляетъ довольно крупный фактъ въ исторіи церкви и религіозной мысли; но г. Болотовъ беретъ только одну сторону этого ученія и излагаетъ ее съ такою подробностью, какъ-будто бы споръ между приверженцами и противниками Оригена продолжался до нашего времени, какъ-будто бы авторъ книги и его читатели живутъ не въ XIX-мъ, а въ III-мъ или IV-мъ вѣкѣ по Р. Х. Подобныя изслѣдованія встрѣчаются, правда, и въ западно-европейской богословской литературѣ; но тамъ они находятъ особую публику и занимаютъ мѣсто среди цѣлаго ряда монографій, служащихъ матеріаломъ для работъ болѣе широкихъ, болѣе обще-интересныхъ (въ родѣ церковной исторіи Баура и т. п.). Съ перваго взгляда можно предположить, что г. Болотовъ имѣлъ въ виду пополнить пробѣлъ, существующій въ западной богословской литературѣ, установить такой общій взглядъ на ученіе Оригена, какого она не представляетъ; но предположеніе это разрушается самимъ авторомъ. „Такого изслѣдованія, — говоритъ онъ въ самомъ концѣ книги, — въ которомъ были бы приняты во вниманіе всѣ мнѣнія Оригена объ отношеніи лицъ св. Троицы, богатая западная богословская литература не представляетъ, и причина этого лежитъ не въ произволѣ изслѣдователей, а прежде всего — въ самыхъ данныхъ Оригена, которыя, по признанію одного изъ самыхъ тщательныхъ ученыхъ, не поддаются логическому обобщенію". Итакъ, пробѣлъ есть, но восполнить его нельзя; не восполнилъ его, слѣдовательно, и г. Болотовъ. Изъ предисловія мы узнаёмъ, что опредѣлить генезисъ ученія Оригена, показать происхожденіе его изъ предшествовавшихъ ему воззрѣній, г. Болотовъ также считаетъ невозможнымъ. Соображенія его по этому предмету кажутся намъ мало убѣдительными. По собственнымъ словамъ г. Болотова, нѣтъ недостатка въ памятникахъ, объясняющихъ общее отношеніе ученія Оригена къ прошедшему, опредѣляющихъ значеніе и мѣсто Оригена въ ряду

представителей богословской мысли. Что же мѣшаетъ, въ такомъ случаѣ, установить внутреннюю связь между Оригеномъ и его предшественниками? Неужели оцѣнка писателя или мыслителя съ исторической точки зрѣнія непремѣнно требуетъ точнаго указанія источниковъ, которыми онъ пользовался, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свои взгляды? Что важнѣе, напримѣръ, для характеристики Лютера — опредѣлить со всею подробностью, кого изъ предшествовавшихъ ему богослововъ онъ читалъ и изучалъ, или связать его дѣятельность съ прежними попытками реформы, хотя бы и нельзя было доказать, что онѣ были ему хорошо извѣстны? Изъ этихъ двухъ задачъ, задачей низшаго порядка — говоря словами г. Болотова — безъ сомнѣнія, слѣдуетъ признать первую. Г-нъ Болотовъ держится противоположнаго мнѣнія — и это вполнѣ согласно съ общимъ духомъ его сочиненія, составляющаго продуктъ сухой, мертвой эрудиціи, а не историческое изслѣдованіе, въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

V.

— *А. П. Субботинъ.* Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, съ предисловіемъ кн. А. И. Васильчикова. Спб., 1880.

По иниціативѣ кн. Васильчикова, г. Субботинъ, съ помощью В. И. Межова, составилъ списокъ сочиненій и статей (на русскомъ языкѣ), посвященныхъ вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ. Трудъ этотъ нельзя не признать весьма полезнымъ, особенно въ настоящее время, когда вопросъ о податной реформѣ стоитъ на очереди и приближается—по крайней мѣрѣ, въ одной своей части—къ давно ожидаемому разрѣшенію. Въ составленный г. Субботинымъ указатель вошло 1,218 названій (книгъ, отдѣловъ книгъ, сборниковъ, оффиціальныхъ изданій, журнальныхъ и газетныхъ статей); изъ нихъ 92 относятся къ финансамъ вообще, 128—къ прямымъ налогамъ вообще, 52—къ подушной подати и сборамъ съ евреевъ и инородцевъ, 86—къ повинностямъ вообще, 83—къ повинностямъ дорожной, подводной и квартирной, 257—къ воинской повинности, 113—къ налогу съ недвижимостей и земельному кадастру, 62—къ промысловому налогу, 25—къ горнымъ податямъ, 9—къ лѣснымъ сборамъ, 55—къ пошлинамъ, 82—къ земскимъ налогамъ, 80—къ вопросу о преобразованіи прямыхъ налоговъ и о введеніи налога подоходнаго, 94—къ финансамъ другихъ государствъ. Изъ этого перечня видно, по какимъ отдѣламъ распредѣлены приводимыя г. Субботинымъ статьи и книги. Въ каждомъ отдѣлѣ онѣ размѣщены по порядку ихъ появленія. О нѣкоторыхъ изъ нихъ (всего о 180) сдѣланы ко-

роткія замѣтки, въ большинствѣ случаевъ не идущія дальше указанія на сущность статьи или книги, иногда заключающія въ себѣ едва мотивированное одобреніе ея или порицаніе. Встрѣчаются также ссылки на отзывы и рецензіи, помѣщенные въ періодическихъ изданіяхъ. Въ предисловіи г. Субботинъ бросаетъ бѣглый взглядъ на современное положеніе у насъ финансоваго законодательства и финансовой литературы. Онъ видитъ недостатки перваго, но съ особенною строгостью относится къ послѣдней, впадая при этомъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою. „Въ ученыхъ диссертаціяхъ, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ о трудахъ нашихъ *доморощенныхъ* финансистовъ (которымъ онъ почему-то противополагаетъ финансистовъ *патентованныхъ*), — до сихъ поръ мало затрогивается русскій финансовый строй; авторы, видимо, не привыкли становиться на реальную почву, а любятъ витать въ области научныхъ принциповъ, гипотезъ, эмпирическихъ выводовъ и полемическихъ хитросплетеній".—„Труды нашихъ финансистовъ,—читаемъ мы двумя страницами ниже,—какъ доморощенныхъ, такъ и патентованныхъ, если и не имѣютъ многихъ научныхъ достоинствъ, за то содержатъ много фактовъ и почти всегда обращаютъ вниманіе на историческую сторону". Какимъ образомъ можно витать въ области принциповъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ давать много фактовъ; избѣгать реальной почвы—и вмѣстѣ съ тѣмъ обращать вниманіе на историческую сторону предмета — этого авторъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Субботинъ, признавая необходимость распространенія въ обществѣ научныхъ свѣдѣній по финансамъ, указываетъ два средства къ достиженію этой цѣли — переводъ лучшихъ иностранныхъ курсовъ финансовой науки и популяризацію финансовой науки; но вслѣдъ затѣмъ онъ прибавляетъ: „популярныя статьи и брошюры, хотя и появляются изрѣдка, но лучше, еслибы ихъ вовсе не было; безъ научной подготовки читателей такіе труды могутъ только спутать ихъ взгляды". Итакъ, популяризація финансовой науки въ одно и то же время и полезна, и вредна; нужно подождать *научной подготовки* читателей, — но когда она будетъ окончена, популяризація, очевидно, перестанетъ быть необходимой. „Государственное хозяйство,—по словамъ г. Субботина,—обсуждается въ деталяхъ вкривь и вкось нашими печатными органами; между тѣмъ, финансовая администрація работаетъ въ тиши и приготовляетъ нѣчто способное обновить нашъ обветшавшій финансовый строй". Если таковъ контрастъ между мудростью администраціи и безразсудствомъ или легкомыслiемъ печати, то можно только удивляться, зачѣмъ г. Субботинъ взялъ на себя трудъ перечислить въ своемъ указателѣ 747 журнальныхъ и газетныхъ, *вкривь и вкось* толкующихъ статей;

неужели только для того, чтобы убѣдиться самому и убѣдить другихъ въ несостоятельности нашей печати къ обсужденію финансовыхъ вопросовъ? Впрочемъ, въ книгѣ г. Субботина важно не предисловіе—важна библіографическая часть, значеніе которой не уменьшается явно несправедливымъ отношеніемъ автора къ нашей періодической литературѣ.

VI.

— *Эдуардъ Даудент.* Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества. Переводъ Л. Д. Черновой. Спб., 1880.

Интересъ къ Шекспиру возбужденъ теперь въ русской публикѣ сильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, за исключеніемъ развѣ того времени, когда его благоговѣйно изучали, въ связи съ Гегелемъ, въ московскихъ литературныхъ кружкахъ конца тридцатыхъ годовъ, когда его начиналъ переводить г. Кетчеръ, когда о немъ писали Бѣлинскій и В. Боткинъ. Произведенія Шекспира, въ прекрасныхъ, большею частью, переводахъ, собранныхъ Некрасовымъ и г. Гербелемъ, вышли въ свѣтъ уже вторымъ изданіемъ; за переводомъ обширнаго сочиненія Гервинуса о Шекспирѣ послѣдовалъ переводъ монографіи Женэ о томъ же предметѣ; одинъ изъ молодыхъ нашихъ ученыхъ—Н. И. Стороженко—посвятилъ себя спеціально изученію Шекспира и его эпохи; въ Петербургѣ и Москвѣ образовались небольшіе кружки для чтенія и разбора шекспировскихъ комедій и трагедій. Если сравнить, однако, нашу шекспировскую литературу съ англійской, съ нѣмецкой, даже съ французской, то она, конечно, окажется крайне скудной, обогащеніе ея переводомъ хорошо избранныхъ иностранныхъ сочиненій—весьма желательнымъ. Переводъ книги Даудена является тѣмъ болѣе кстати, что наша публика всего менѣе знакома именно съ англійскими сочиненіями о Шекспирѣ. Изъ нѣмецкихъ авторовъ мы имѣемъ въ переводѣ Гервинуса и Женэ, Рюмелина знаемъ по статьѣ г. Стороженко, Рётшера, Ульрици и другихъ шекспирологовъ старой школы—по статьямъ Бѣлинскаго; „Исторія англійской литературы“ Тэна, значительный отдѣлъ которой посвященъ Шекспиру, также переведена на русскій языкъ; но изъ англійской шекспировской литературы у насъ, если не ошибаемся, не было до сихъ поръ переведено рѣшительно ничего. Сочиненіе Даудена можетъ служить прекраснымъ дополненіемъ къ сочиненію Женэ, съ которымъ у него много общаго по свободному, простому отношенію къ Шекспиру [1]). У Женэ можно найти больше свѣдѣній объ

[1]) Въ этомъ отношеніи Женэ и Дауденъ, какъ и Рюмелинъ, составляютъ контрастъ съ Гервинусомъ, слишкомъ склоннымъ къ натяжкамъ, къ морализированію, къ

эпохѣ Шекспира, о его предшественникахъ и современникахъ, объ англійскомъ театрѣ его времени, объ источникахъ, изъ которыхъ заимствованы сюжеты его комедій и трагедій; у Даудена — больше критическихъ замѣтокъ, больше указаній на главныя красоты шекспировскихъ произведеній, на міросозерцаніе поэта, насколько оно въ нихъ отразилось. Кромѣ собственнаго взгляда, Дауденъ часто сообщаетъ отзывы другихъ писателей, въ особенности англійскихъ. Книга Женэ имѣетъ болѣе сухой, болѣе справочный характеръ, что доказывается уже почти совершеннымъ отсутствіемъ въ ней цитатъ изъ Шекспира; книга Даудена, наоборотъ, наполнена цитатами, приводимыми въ подтвержденіе того или другого мнѣнія автора. Матеріалъ распредѣленъ у Даудена болѣе равномѣрно, чѣмъ у Женэ; Дауденъ останавливается всего больше именно на томъ, что всего болѣе заслуживаетъ вниманія — о Женэ нельзя сказать того же самаго; о „Венеціанскомъ купцѣ", напримѣръ, у него сказано больше, чѣмъ о „Макбетѣ" или „Отелло". Особенною глубиною сужденія Даудена не отличаются; это бо́льшею частью только впечатлѣнія, но впечатлѣнія человѣка, живо чувствующаго неотразимую силу Шекспира и понимающаго его величіе. Всего больше удался Даудену разборъ „Ромео и Джульетты", историческихъ драмъ и „Короля Лира"; въ разборѣ „Гамлета" очень хороша характеристика Офеліи. Хитросплетенное толкованіе, на подобіе тѣхъ, которыми такъ богата старая нѣмецкая критика, мы встрѣчаемъ у Даудена только одно: это аллегорическое объясненіе, предлагаемое имъ—не особенно настойчиво, впрочемъ—для „Бури". Онъ думаетъ, что въ Просперо Шекспиръ хотѣлъ изобразить великаго художника, котораго носятъ туда и сюда волны житейскаго моря, пока онъ не находитъ наконецъ очарованный островъ—уединеніе, удобное для осуществленія его плановъ. Онъ уноситъ съ собой искусство въ его младенчествѣ — Миранду; онъ подчиняетъ себѣ болѣе грубыя страсти и влеченія—Калибана. Эти грубыя страсти хотятъ насиловать чистоту искусства, но Просперо охраняетъ ее и передаетъ неприсновенной Фердинанду, въ которомъ Дауденъ видитъ молодого сотрудника и послѣдователя Шекспира—Флетчера. Изъ великаго художника вообще Просперо обращается, такимъ образомъ, уже прямо въ Шекспира. Аріель — геній поэтической фантазіи, освобожденный Шекспиромъ отъ долгаго рабства. Когда Просперо покидаетъ свой островъ — это Шекспиръ покидаетъ театръ, сцену своихъ чудныхъ твореній. Никакихъ серьёзныхъ основаній для своего мнѣнія Дауденъ не приводитъ и при-

---

отыскиванію поучительныхъ выводовъ, которыхъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду Шекспиръ.

вести не можетъ; онъ даже самъ колеблетъ его, признавая, что „Генрихъ VIII“,—часть котораго безспорно принадлежитъ Шекспиру,—написанъ послѣ „Бури“. Неуловимая фантастическая прелесть „Бури“ можетъ только пострадать отъ усилій пріискать для нея слишкомъ реальную подкладку.

VII.

— *Alfred Espinas*, la Philosophie expérimentale en Italie. Paris, 1880.

Философское движеніе, начавшееся въ Италіи лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вскорѣ послѣ политическаго объединенія ея, мало извѣстно въ Европѣ и почти вовсе неизвѣстно въ Россіи [1]); между тѣмъ оно представляетъ много замѣчательнаго, и всякая попытка популяризировать его результаты заслуживаетъ полнаго вниманія. Такая попытка сдѣлана во Франціи Альфредомъ Эспина (авторомъ интереснаго изслѣдованія объ обществахъ, образуемыхъ животными), избравшимъ за образецъ извѣстныя сочиненія Рибо объ англійской и нѣмецкой современной психологіи [2]). Обзору итальянской опытной философіи Эспина предпосылаетъ вступленіе, по которому можно судить о собственномъ его философскомъ міросозерцаніи. Согласно съ Рибо, онъ признаетъ за философіей право касаться самыхъ высшихъ, послѣднихъ проблемъ бытія; онъ не допускаетъ существованія опредѣленной, неподвижной границы, за которой начинается *непознаваемое*. Въ противоположность Рибо, онъ считаетъ философію *наукой*, сохраняющей, — т.-е. могущей сохранить — научный характеръ, какихъ бы предметовъ, какихъ бы задачъ она ни касалась. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Эспина совпадаетъ съ точкой зрѣнія большинства новѣйшихъ итальянскихъ философовъ. Они примыкаютъ къ позитивизму, но расширяютъ его рамки; они отвергаютъ метафизику, но не хотятъ допустить, чтобы каждое изслѣдованіе объ абсолютномъ было по необходимости изслѣдованіемъ метафизическимъ. Они твердо помнятъ, что всякая философская доктрина имѣетъ только относительное значеніе, что претендуя на нѣчто бо́льшее, она перестаетъ быть философіей; но они не видятъ въ этомъ препятствія

[1]) Само собою разумѣется, что мы имѣемъ въ виду только массу нашей читающей публики, а не тѣхъ немногихъ писателей, которые спеціально занимаются философіей. Перечисленіе итальянскихъ книгъ, посвященныхъ въ особенности контовскому позитивизму, можно найти въ сочиненіи г. Лесевича: „Опытъ критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“ (Спб., 1877).

[2]) См. Литературное обозрѣніе въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1879 г., № 9.

къ постройкѣ системъ, соотвѣтствующихъ современному положенію знанія. „Подобно другимъ европейскимъ націямъ", говоритъ Эспина, „Италія имѣетъ самостоятельныхъ мыслителей, твердо рѣшившихся жить сообразно съ своими научными вѣрованіями. Они убѣждены, что одного разума достаточно и для удовлетворенія нравственныхъ потребностей личности, и для политической организаціи обществъ".

Основателями новой итальянской философіи могутъ считаться Джойа и Романьози, жившіе въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка. Они были учениками французскихъ энциклопедистовъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ быть причислены къ предшественникамъ позитивизма. Еще ближе подходитъ къ Конту современникъ его, мало извѣстный неаполитанскій философъ де-Граціа, отвергавшій метафизику и допускавшій только наблюденіе. Нѣсколько позже въ Италію проникаетъ гегеліанизмъ, образующій цѣлую школу, центромъ которой былъ Неаполь. Параллельно съ нимъ распространяется спиритуализмъ, въ особенности благодаря временному союзу итальянскихъ патріотовъ (гр. Маміани и др.) съ національной партіей въ средѣ католическаго духовенства (Росмини, Джоберти). Бороться съ этими теченіями немногимъ ученикамъ Романьози, — Феррари, Каттанео, было тѣмъ труднѣе, что они наслѣдовали отъ своего учителя склонность къ федерализму, а на очереди стоялъ вопросъ объ объединеніи Италіи. Феррари былъ, притомъ, не столько философомъ, сколько политическимъ писателемъ; онъ не оставилъ ни одного ученика, его парадоксальные взгляды на исторію прошли безслѣдно [1]). Вліяніе Каттанео теперь, наоборотъ, сильнѣе, чѣмъ при его жизни; онъ служитъ соединительнымъ звеномъ между итальянскимъ сенсуализмомъ XVIII-го вѣка и современнымъ итальянскимъ нео-позитивизмомъ. Основныя черты его ученія слѣдующія: метафизика вовсе не можетъ считаться наукой; доступны нашему изученію только явленія, феномены; философія слагается изъ обобщеній, матеріалъ для которыхъ даютъ частныя науки; всѣ наши знанія составляютъ одно цѣлое, дополняя и разъясняя другъ друга; психологія состоитъ въ тѣсной связи съ естественными науками и должна быть изучаема въ исторіи человѣчества, а не только въ жизни отдѣльнаго человѣка.

Переходя къ современному положенію философіи въ Италіи, Эспина разсматриваетъ сначала общія философскія системы, потомъ философію въ примѣненіи къ біологіи, наконецъ, философію въ при-

[1]) Основная мысль Феррари заключается въ томъ, что исторія каждаго народа дѣлится на періоды, продолжающіеся по 125 лѣтъ и обнимающіе собою смѣну четырехъ поколѣній: приготовительнаго, революціоннаго, реакціоннаго и завершительнаго.

мнѣніи къ соціологическимъ вопросамъ. Первыми провозвѣстниками позитивизма въ Италіи были (около половины шестидесятыхъ годовъ) не философы по профессіи, а историки—Виллари (авторъ извѣстныхъ сочиненій о Савонаролѣ и Макіавелли) и Марселли. Знакомя своихъ соотечественниковъ съ Контомъ, они не во всемъ, однако, слѣдуютъ его ученію; они допускаютъ изслѣдованіе первыхъ причинъ, устраняемое французскимъ философомъ. Того же мнѣнія держится Анджулли, профессоръ философіи въ неаполитанскомъ университетѣ. Онъ началъ съ изученія Гегеля, потомъ перешелъ къ Конту, усвоилъ себѣ результаты трудовъ Дарвина и Спенсера, и сдѣлался однимъ изъ главныхъ представителей экспериментальной философіи въ Италіи [1]). Онъ ищетъ для нея точку опоры въ прошедшемъ страны, въ народномъ духѣ, вдохновлявшемъ Кампанеллу, Джордано Бруно, Галилея и другихъ философовъ XVI-го и XVII-го вѣка; онъ утверждаетъ, что позитивизмъ—возрожденіе истинно-національной итальянской традиціи, прерванной крайнимъ упадкомъ умственной жизни. Французскій и англійскій позитивизмъ не удовлетворяетъ, однако, итальянскаго философа; Анджулли находитъ его слишкомъ нерѣшительнымъ и не хочетъ останавливаться вмѣстѣ съ нимъ передъ границей, за которою лежитъ абсолютное или непознаваемое. Совокупность такъ-называемыхъ метафизическихъ вопросовъ должна быть, по его мнѣнію, предметомъ научнаго изслѣдованія, съ помощью экспериментальнаго метода. Понятія о матеріи, силѣ, безконечности и т. п. имѣютъ такое же апостеріорное происхожденіе, какъ и всѣ другія, и подлежатъ критикѣ наравнѣ съ ними. Различіе между первыми и производными причинами, проводимое позитивистами, не имѣетъ разумнаго основанія уже потому, что если первыя причины для насъ недоступны, то мы не въ правѣ и говорить о нихъ, какъ о чемъ-то отличномъ отъ другихъ причинъ. Кромѣ этого, существенно-важнаго разногласія, Анджулли расходится съ позитивистами еще и въ томъ, что признаетъ за психологіей значеніе самостоятельной науки.

Самое видное мѣсто между современными итальянскими философами занимаетъ Ардиго. Лѣтъ десять тому назадъ онъ былъ кано-

---

[1]) Сочиненіе Эспина, какъ видно уже изъ самаго его заглавія, касается только одной философской школы. Дополненіемъ къ нему можетъ служить книга Ферри: „Essai sur l'histoire de la philosophie en Italie au XIX-me siècle", посвященная преимущественно итальянскимъ спиритуалистамъ. Разборъ этой книги помѣщенъ въ вышедшемъ недавно сборникѣ статей Ад. Франка: „Philosophes modernes étrangers et français" (Paris, 1879). Достаточно прочесть статью Франка, чтобы убѣдиться въ томъ, что вся жизненная сила современной итальянской философіи сосредоточивается въ школѣ, съ которою знакомитъ насъ Эспина.

никомъ мантуанскаго собора и изучалъ философію, какъ и естественныя науки, только для того, чтобы заимствовать изъ нихъ аргументы въ пользу католицизма. Неожиданнымъ результатомъ его занятій былъ переходъ къ другому міросозерцанію, прямо противоположному. Онъ оставилъ духовное званіе и получилъ мѣсто преподавателя въ мантуанскомъ лицеѣ (итальянскій лицей соотвѣтствуетъ приблизительно нашей гимназіи). Не ограничиваясь разработкой отдѣльныхъ вопросовъ, онъ задумалъ обширное сочиненіе, обнимающее собою всю сферу философіи, подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ: „Объ историческомъ образованіи обыкновенныхъ идей относительно Бога и души". По плану Ардиго, оно должно состоять изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) теоріи *естественнаго образованія* (formation naturelle) вообще; 2) теоріи естественнаго образованія солнечной системы; 3) теоріи химическаго образованія, въ составъ которой должно войти изученіе отношеній между матеріей и духомъ; 4) психологіи, и 5) позитивной морали. Отдѣлы второй, четвертый и пятый уже вышли въ свѣтъ, третій будетъ изданъ въ непродолжительномъ времени. Всего больше сходства, по смѣлости и широтѣ замысла, колоссальное предпріятіе Ардиго представляетъ съ „Системой философіи" Спенсера, также заключающей въ себѣ пять отдѣловъ (Первыя основанія, Основанія біологіи, Основанія психологіи, Основанія соціологіи и Основанія нравственности). Въ планѣ Ардиго нѣтъ даже того пробѣла, который оставленъ у Спенсера — онъ посвящаетъ цѣлую книгу неорганическому міру. Правда, у Ардиго не отведено особаго отдѣла для соціологіи, но общіе взгляды его по этому предмету изложены въ сочиненіи его о нравственности. Сходство между Ардиго и Спенсеромъ не ограничивается избранною ими задачей. Подобно тому, какъ Спенсеръ видитъ во всемъ переходъ отъ неопредѣленнаго, несвязнаго, однороднаго (indefinite, incoherent, homogeneity) къ опредѣленному, связному разнородному, Ардиго признаетъ возрастающую опредѣленность и дифференціацію основнымъ, общимъ закономъ бытія. Мы наблюдаемъ движеніе къ опредѣленности въ двухъ видахъ: *въ пространствѣ* оно касается *матеріи*, производитъ новыя формы или фигуры, — *во времени* оно касается *силы*, производитъ фазисы или ритмъ ея. Производимыя этимъ путемъ различенія, обособленія, слѣдуетъ считать если не произвольными, такъ какъ безъ нихъ ничего для насъ не существуетъ, то во всякомъ случаѣ субъективными; другими словами, слѣдуетъ помнить, что раздѣляемое нашимъ умомъ въ сущности нераздѣльно, *непрерывно*, какъ до, такъ и послѣ раздѣленія. Чтобы представить себѣ, въ опредѣленномъ образѣ, опредѣленную часть матеріи, мы должны сосредоточить наше вниманіе на пунктахъ, отдѣленныхъ

другъ отъ друга извѣстнымъ разстояніемъ, и упустить изъ виду промежуточное пространство; но пространство это тѣмъ не менѣе существуетъ, взятые нами пункты соединены между собою нигдѣ не прерывающеюся линіею. То же самое слѣдуетъ сказать и о силѣ, опредѣленно представляющейся намъ во времени. Промежутки между изучаемыми нами пунктами могутъ быть сдѣланы безконечно малыми, и самая возможность продолжать эту операцію до безконечности доказываетъ единство и непрерывность дѣлимой матеріи или силы. Въ чемъ заключается это единое, непрерывное, каковы его свойства? —Этого мы опредѣлить не можемъ. Объяснять, значитъ различать; пытаясь объяснить безразличное, мы уже перестаемъ имѣть дѣло съ безразличнымъ. Несомнѣнно только то, что существованіе непрерывнаго, безразличнаго единства—необходимое условіе мысли. Дѣйствіе однѣхъ частей матеріи на другія, какъ бы далеко онѣ ни отстояли другъ отъ друга, объясняется такимъ образомъ само собою, равно какъ и связь между различными, хотя бы и весьма отдаленными, моментами проявленія силы. Непрерывность матеріи соединяетъ въ одно цѣлое всѣ составныя части міра, непрерывность силы—всѣ послѣдовательные фазисы и моменты его существованія. Матерія и сила—это въ сущности не что иное, какъ *разнообразное* и *послѣдовательное* (во времени); такова и наша мысль—иначе она не могла бы понять разнообразія и послѣдовательности. Другими словами, наша мысль—составная часть міра, какимъ мы себѣ его представляемъ; какъ нѣчто опредѣленное, она примыкаетъ къ всеобщему неопредѣленному, къ той двойственной непрерывности, которая составляетъ основу всего существующаго. Вселенная въ одно и то же время реальна и идеальна; она реальна, т.-е. извѣстна намъ такою, какою она есть, именно потому, что она идеальна, т.-е. не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ двухъ категорій, въ которыхъ она намъ представляется. Стоитъ только предположить противное, т.-е. допустить за пространствомъ и силой какую-то недоступную для насъ субстанцію—и познаніе наше о мірѣ, какъ и самый міръ, становится иллюзіей; передъ нами остается только поверхность вещей, тѣнь бытія. Итакъ, бытіе и мысль сводятся безъ остатка къ матеріи и силѣ, или къ пространству и времени. Обѣ эти первобытныя формы бытія неразрывно связаны между собою. Представленіе о матеріи, какъ о чемъ-то отдѣльномъ отъ силы—чистая нелѣпость; въ каждой частичкѣ матеріи, въ каждую данную минуту, есть сила опредѣленной величины и опредѣленнаго направленія. Каждое реальное бытіе можно сравнить съ точкой пересѣченія двухъ прямыхъ, изъ которыхъ одна представляетъ собою пространство, а другая — время. Чего нельзя вообразить себѣ находящимся въ точкѣ пересѣченія этихъ матерій, то не реально, того нѣтъ въ

природѣ. Естественно только то, что связано со всей природой; природа составляетъ одно цѣлое именно потому, что въ основаніи ея лежитъ одна и та же непрерывность матеріи и силы.

Таковы общія положенія Ардиго. Выводя изъ нихъ логическія заключенія, онъ не останавливается ни передъ чѣмъ, напоминая воодушевленіемъ и смѣлостью отдаленнаго предшественника своего — Лукреція. Линіи, представляющія собою пространство и время, продолжаются въ обѣ стороны до безконечности; міръ, слѣдовательно, не имѣетъ начала. Но если цѣлое непрерывно, то отдѣльныя проявленія его ограничены и въ пространствѣ, и во времени; происходя изъ неопредѣленнаго, все опредѣленное къ неопредѣленному же должно и возвратиться. Обязанное своимъ бытіемъ частной индивидуализаціи матеріи и силы, оно должно быть вновь поглощено этою безграничною массой, какъ только истощится одушевляющая его сила и совершится процессъ разложенія составляющей его матеріи. Отсюда еще не слѣдуетъ, однако, чтобы остатки опредѣленнаго, переставшаго существовать въ этомъ опредѣленномъ своемъ видѣ, исчезли безслѣдно; они образуютъ, вмѣстѣ съ новыми элементами, новыя опредѣленныя единицы,—и новыя образованія, вообще говоря, обширнѣе и совершеннѣе прежнихъ. Беззаботность, съ которою, повидимому, творитъ природа, обусловливается ея удивительною плодовитостью; точныхъ повтореній уже бывшаго—въ природѣ не бываетъ, потому что нѣтъ двухъ явленій, которыя происходили бы при условіяхъ *вполнѣ* одинаковыхъ.

Примѣняя къ психологіи тотъ же строго-экспериментальный методъ, какъ и къ космологіи, Ардиго возстаетъ въ особенности противъ метафизическаго *я*, какъ субстанціи и причины психическихъ явленій. Эта идея, образовавшаяся изъ массы отдѣльныхъ фактовъ, не можетъ и не должна служить исходной точкой для науки. Мы должны изучать внѣшнія явленія, въ которыхъ выражается сознаніе, и въ особенности историческую послѣдовательность этихъ явленій. Пока у насъ нѣтъ исторіи сознанія, начиная съ самыхъ первыхъ проблесковъ его, психологія не можетъ возвыситься на степень науки. А между тѣмъ, она должна образовать особую науку, потому что явленія, изучаемыя ею, не могутъ быть сведены безъ остатка къ явленіямъ, входящимъ въ область другихъ наукъ. Самое тщательное изслѣдованіе внѣшнихъ признаковъ или результатовъ психическаго явленія останется неполнымъ, если къ нему не будетъ присоединено такъ-называемое внутреннее наблюденіе. Физіологія не можетъ замѣнить собою психологію, потому что нѣтъ такой логической операціи, посредствомъ которой форма и движеніе клѣточекъ могли бы быть превращены въ мысль. Въ этомъ отношеніи,

слѣдовательно, Ардиго діаметрально расходится съ Контомъ и становится на сторону англійскихъ философовъ опытной школы. По мнѣнію Эспина, психологическія воззрѣнія Ардиго скорѣе намѣчены, чѣмъ окончательно разработаны; но они заключаютъ въ себѣ основанія для цѣльной философской системы. Сильная сторона Ардиго—широкія обобщенія, смѣлыя гипотезы; развитіе и подтвержденіе ихъ массой фактическихъ данныхъ не входитъ въ составъ его плана. Мы остановились нѣсколько дольше на Ардиго именно для того, чтобы показать, какъ быстро развивается новая итальянская философія. Не ограничиваясь детальнымъ участіемъ въ работѣ, начатой другими націями, она не отступаетъ передъ самыми трудными задачами философскаго изслѣдованія и вноситъ въ разрѣшеніе ихъ такую силу мысли, какую мы до сихъ поръ привыкли встрѣчать только по сю сторону Альповъ. Правъ ли Ардиго во всемъ томъ, въ чемъ онъ идетъ дальше Канта и Конта — это другой вопросъ; но самая смѣлость его рѣшеній какъ нельзя больше характеристична для современной итальянской философіи.

На почвѣ такъ-называемой біологической философіи, то-есть философіи, которая была бы направлена преимущественно къ изученію общихъ законовъ жизни, новѣйшіе итальянскіе ученые нашли для себя готовую традицію, благопріятную для основанія и развитія экспериментальной школы. Въ физіологію и патологію опытный методъ былъ введенъ въ Италіи, еще въ началѣ нашего столѣтія, знаменитымъ въ свое время докторомъ Буфалини. Въ настоящее время средоточіемъ его является флорентинская школа. Основанію ея содѣйствовали всего больше два нѣмца, Молешоттъ и Шиффъ; между представителями ея видное мѣсто занимаетъ проф. Герценъ, русскій по происхожденію, англичанинъ — по воспитанію; но пополняется она вновь исключительно итальянцами. Въ распоряженіи ея состоятъ три журнала: одинъ, издаваемый во Флоренціи сенаторомъ Мантегацца, посвященъ антропологіи; другой, издаваемый Тамбурини въ Реджіо — психіатріи и судебной медицинѣ; третій, издаваемый въ Римѣ цѣлымъ обществомъ писателей, имѣетъ преимущественно критическій характеръ и составляется по плану англійскихъ еженедѣльныхъ критическихъ обозрѣній. Дѣятельность Молешотта достояніемъ итальянской литературы считаться не можетъ; но Шиффъ долго печаталъ свои труды въ Италіи и по-итальянски. Всего замѣчательнѣе между ними изслѣдованіе его о теплотѣ, развивающейся при психическихъ явленіяхъ. Проф. Герценъ занимается спеціально физіологическою психологіею; онъ написалъ „Физіологію воли“, отстаивая въ ней противъ Маудсли (извѣстное сочиненіе котораго о преступленіи и сумасшествіи онъ перевелъ на итальянскій

языкъ) присутствіе сознанія въ дѣятельности высшихъ нервныхъ центровъ, доказывая противъ Льюиса отсутствіе сознанія въ дѣятельности низшихъ нервныхъ центровъ. Мантегацца издалъ въ свѣтъ „Физіологію любви"; Лучіани и Тамбурини изучаютъ спеціально вопросъ о психо-моторныхъ центрахъ и корковомъ веществѣ мозга, извѣстный читателямъ „Вѣстника Европы" по статьѣ И. Р. Тарханова (1879 г., № 1). Внѣ флорентинской школы пользуются извѣстностью Сициліани (профессоръ болонскаго университета) и Виньоли; послѣдній изъ нихъ написалъ большой трудъ о психической жизни у животныхъ, первый готовитъ „Зоопсихическую классификацію", т.-е. сравнительный обзоръ всѣхъ формъ психической дѣятельности, начиная съ инфузорій до человѣка.

Въ области нравственной и соціальной философіи большую роль играетъ вопросъ о свободѣ воли. Опроверженію старыхъ метафизическихъ теорій по этому предмету посвящены сочиненія проф. Герцена („Физіологическій анализъ свободной человѣческой воли"), молодого ученика Ардиго—Энрико Ферри („Теорія отвѣтственности и отрицаніе свободной воли"), въ значительной степени и сочиненіе самого Ардиго о нравственности. Свобода, въ глазахъ Ардиго, не что иное, какъ господство идеи надъ физіологическими побужденіями,—господство, увеличивающееся по мѣрѣ развитія человѣка и общества. Наслѣдственность передаетъ изъ поколѣнія въ поколѣніе побѣды, одерживаемыя личностью надъ животною частью своей природы, законы все больше и больше сдерживаютъ произволъ безпорядочныхъ силъ, все больше и больше укрѣпляютъ автономію разума. Послѣдующимъ поколѣніямъ, благодаря этому, легко достается то, что̀ прежнимъ стоило большихъ усилій; преемники, пользуясь добродѣтелями предшественниковъ, слишкомъ расположены приписывать себѣ всю заслугу своихъ дѣйствій, считать ихъ зависящими исключительно отъ свободной воли дѣятеля. Анджулли, общія философскія воззрѣнія котораго упомянуты нами выше, написалъ цѣлую книгу о воспитаніи, въ которомъ онъ видитъ главное средство передѣлать человѣка, а черезъ него уже и общество; „преобразованіе общественнаго организма, — говоритъ онъ, — зависитъ отъ умственнаго преобразованія лицъ, которыя его составляютъ". Соціальный вопросъ, со всѣми своими развѣтвленіями, нашелъ уже разрѣшеніе въ теоріи (?); проложить дорогу къ практическому его разрѣшенію можетъ только воспитаніе, научное въ полномъ смыслѣ слова, и по содержанію, и по методу. Руководить воспитаніемъ должно, поэтому, государство, опредѣляя не только программу, но и духъ его, поддерживая его на высотѣ современной науки и устраняя изъ него все несогласное съ нею. Всякій гражданинъ долженъ обладать извѣстнымъ миниму-

момъ знаній, для распространенія которыхъ необходимо учредить возможно бо́льшее число нормальныхъ школъ (по принятому у насъ выраженію—учительскихъ семинарій). Въ среду семьи вліяніе государства должно и можетъ проникнуть путемъ образованія женщинъ, будущихъ матерей семейства. Много общаго съ взглядами Анджулли представляетъ этюдъ молодого преподавателя философіи въ Бари, де-Доменичиса, озаглавленный: „Воспитаніе и дарвинизмъ". Изъ числа экономистовъ, примыкающихъ къ новой философской доктринѣ, слѣдуетъ назвать Миралья и Кузумано. Близко къ флорентинской философско-физіологической школѣ стоитъ Ломброзо, авторъ двухъ замѣчательныхъ сочиненій: „Преступникъ" („l'Uomo delinquente") и „Мысли и метеоры". Въ послѣднемъ онъ изслѣдуетъ вліяніе климатическихъ, атмосферическихъ и вообще физическихъ условій на психическую жизнь; первое составляетъ плодъ многолѣтнихъ наблюденій надъ тюрьмами и больницами умалишенныхъ и содержитъ въ себѣ массу интереснаго матеріала. Эспина́ выражаетъ желаніе, чтобы это сочиненіе Ломброзо было переведено на французскій языкъ и сдѣлалось настольной книгой прокуроровъ и судебныхъ слѣдователей; мы едва ли ошибемся, если скажемъ то же самое въ примѣненіи къ русской читающей публикѣ. Допуская множество аналогій между душевнымъ состояніемъ преступника и сумасшедшаго, Ломброзо указываетъ на существенное различіе между тѣмъ и другимъ, легко открываемое опытнымъ взглядомъ. Преступникъ по профессіи, по природѣ (въ противоположность преступнику случайному, который можетъ быть и самымъ нормальнымъ, самымъ здоровымъ человѣкомъ) представляетъ, въ глазахъ Ломброзо, всего больше сходства съ дикаремъ, съ первобытнымъ человѣкомъ, даже съ животнымъ; это регрессъ человѣческаго типа или одна изъ формъ атавизма.

Два обстоятельства замедляютъ, по мнѣнію Эспина́, распространеніе новой философіи въ Италіи: отсутствіе спеціально-философскаго журнала, который могъ бы сдѣлаться центральнымъ органомъ ея, и противодѣйствіе, оказываемое людьми старой школы опредѣленію новаторовъ на университетскія каѳедры философіи. Итальянское министерство народнаго просвѣщенія воодушевлено, въ этомъ отношеніи, самыми лучшими намѣреніями и весьма просвѣщенно въ лицѣ своихъ представителей; но оно не полновластно въ назначеніи профессоровъ, его свобода дѣйствій ограничена университетскими совѣтами, въ которыхъ до сихъ поръ преобладаютъ идеалисты. Самособою разумѣется, что это препятствіе временное, сравнительно легко устранимое, и оно не можетъ служить доказательствомъ вреда такого порядка; напротивъ, итальянское правительство въ настоящемъ

случаѣ только выбираетъ изъ двухъ золъ меньшее, и все-таки предпочитаетъ свободу университетскихъ совѣтовъ свободѣ чиновниковъ министерскихъ; и дѣйствительно, кто могъ бы доказать, что совѣтское кумовство хуже департаментскаго. Философская система, — говоритъ Эспинà, вспоминая, по всей вѣроятности, о судьбѣ французскаго эклектизма временъ Кузена и его школы,—можетъ сохранять господство въ преподаваніи и все-же потерять всякое вліяніе на умы. Къ этому результату Италія, повидимому, уже весьма близка. Серьёзной преградой на пути опытной философіи могли быть только преданія и привычки, завѣщанныя Италіи ея ближайшимъ прошедшимъ; однако они не предупредили ни возникновенія, ни распространенія новыхъ ученій, не помѣшали имъ проникнуть въ гимназіи и университеты. Успѣхи, сдѣланные философіей въ Италіи, служатъ наглядными доказательствомъ того, какъ важно устраненіе внѣшнихъ стѣсненій, тяготѣющихъ надъ мыслью.—К. К.

Еще два слова по поводу сказаннаго нами объ учебникѣ г. Орлова, въ январьской книжкѣ текущаго года.

Неизвѣстная намъ провинціальная читательница обратилась въ редакцію „В. Евр.“ съ нѣкоторыми замѣчаніями и вопросами относительно нашего отзыва объ упомянутомъ учебникѣ. Мы можемъ отвѣтить ей только печатно. Читательница находитъ не только полезными, но необходимыми въ журналѣ библіографическіе отзывы о книгахъ учебныхъ, необходимыми въ особенности о книгахъ, назначаемыхъ для самообразованія; эти отзывы, по замѣчанію нашей читательницы, „по самому существу своему, не могутъ отличаться полнотой, за то они должны быть точны, ясны и опредѣленны и не оставлять мѣста сомнѣніямъ читающаго, не давать намековъ и т. д.“. Читательница возымѣла однако сомнѣніе (т.-е. недоумѣніе) о томъ пунктѣ нашей статьи, гдѣ дѣлается г. Орлову упрекъ, что онъ все еще держится „теоріи тучъ и облаковъ“ въ объясненіи русскихъ былинъ, когда эта теорія сильно поколеблена новыми трудами высокаго научнаго достоинства. „Гдѣ же эти труды? какіе, чьи они?“— спрашиваетъ наша читательница.—„Это не пустые вопросы: я держу въ рукахъ учебникъ Орлова, и, не зная трудовъ, о которыхъ говоритъ авторъ замѣтки, остаюсь при „теоріи тучъ и облаковъ“. И если ужъ оффиціальный преподаватель не знаетъ этихъ высоко-научныхъ трудовъ, то гдѣ же намъ, провинціальнымъ профанамъ, знать ихъ? Что же, спрашивается, станетъ дѣлать человѣкъ, собственными силами желающій завоевать себѣ нѣкоторыя познанія, какъ, напр., я— женщина, послѣднюю копѣйку жертвующая на библіотеку, на то,

чтобы получить журналъ, прочитать библіографическую замѣтку объ учебникѣ и въ концѣ-концовъ остаться въ недоумѣніи насчетъ и того, и другого? а такихъ читателей въ провинціи много;.... журналъ же предназначается (особенно ученые отдѣлы), кажется, не для спеціалистовъ"...

Желанія почтенной нашей читательницы очень естественны; но журналъ, къ сожалѣнію, не всегда можетъ удовлетворить подобнымъ желаніямъ. Разборъ учебниковъ есть обязательная спеціальность журналовъ педагогическихъ; мы думали только изрѣдка касаться подобныхъ сочиненій и упомянули объ учебникѣ г. Орлова, такъ какъ онъ особенно настойчиво поучаетъ о русской литературѣ и снабженъ особыми одобреніями. Мы ограничились только немногими замѣчаніями объ его общемъ характерѣ, — который весь намъ мало нравится,—и указали только первые встрѣтившіеся недостатки: указывать всѣ ихъ подробно было бы слишкомъ долго и—не наше дѣло; замѣчанія наши разсчитывали не на исправленія ошибокъ г. Орлова, а можетъ быть, на то, чтобы одобряющіе подобныя книги были осторожнѣе въ раздачѣ одобреній.

Перейдемъ къ дѣлу, и въ отвѣтъ нашей читательницѣ скажемъ, что въ болѣе обстоятельныхъ учебникахъ (назовемъ книгу Порфирьева) эта теорія уже снабжена большими оговорками,—и ихъ слѣдуетъ сдѣлать еще больше послѣ тѣхъ трудовъ, о которыхъ мы часто упоминали. Это—въ особенности труды нашего извѣстнаго ученаго А. Н. Веселовскаго и славянскаго ученаго В. Ягича. Мы могли не указывать ихъ ближайшимъ образомъ потому, что о тѣхъ и другихъ было говорено въ „Вѣстникѣ Европы"—въ свое время, а нѣкоторые труды г. Веселовскаго были помѣщены въ самомъ журналѣ.

Относительно „романтизма" читательница можетъ найти болѣе обстоятельныя, чѣмъ у г. Орлова, объясненія, напр., въ книжкѣ о новой русской литературѣ, г. Водовозова, или въ учебникѣ г. Галахова.

А. А.

РУССКАЯ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТЬ

и

ЕЯ УСЛОВІЯ

Со времени изданія послѣдняго золотопромышленнаго устава (1870 г.), возбудившаго много справедливыхъ жалобъ, въ обществѣ и печати не прекращались слухи о предстоящихъ новыхъ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о золотомъ промыслѣ; слухи эти основывались на томъ, что само министерство финансовъ сознавало неудовлетворительность новаго устава и, черезъ два или три года послѣ его изданія, уже приступило къ пересмотру нѣкоторыхъ его отдѣловъ, именно: закона объ арендной платѣ за пріиски на казенныхъ земляхъ, закона объ обязательномъ передѣлѣ всего добываемаго золота въ монету, и др. Въ 1876 г. новое обстоятельство привлекло вниманіе общества на золотой промыселъ: передъ самымъ началомъ восточной войны неожиданно состоялось распоряженіе объ отмѣнѣ подати съ золота; причины, вызвавшія эту отмѣну, до сихъ поръ не были достаточно разъяснены въ печати. По окончаніи войны является необходимость изыскать источники для покрытія вызванныхъ войною расходовъ, и выдвигается вопросъ о возстановленіи подати съ золота. Такимъ образомъ, въ истекшее десятилѣтіе вопросы частной золотопромышленности постоянно обращали на себя вниманіе общества. Такъ какъ въ скоромъ времени предстоитъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ въ законодательномъ порядкѣ, то мы считаемъ своевременнымъ высказать о нихъ свое сужденіе, а также напомнить о другихъ забытыхъ вопросахъ золотого промысла [1]).

---

[1]) При этомъ мы будемъ имѣть въ виду добычу золота исключительно изъ розсыпей, оставляя въ сторонѣ добычу его изъ рудъ.

Но сперва казалось бы полезнымъ сказать нѣсколько словъ о государственномъ и мѣстномъ значеніи золотого промысла: полезно это потому, что существующіе въ нашемъ обществѣ взгляды на этотъ промыселъ довольно противорѣчивы, и вообще ихъ слѣдуетъ признать мало установившимися. Между тѣмъ, болѣе или менѣе правильная постановка вопроса о значеніи золотого промысла весьма важна для лучшаго опредѣленія того пути, по которому должны быть направлены измѣненія въ законодательствѣ о немъ.

I.

Хотя наукою давно уже опредѣляется, что золото есть товаръ, подчиняющійся, въ отношеніи производства и мѣны, экономическимъ законамъ, справедливымъ для всѣхъ прочихъ товаровъ, какъ, напр., хлѣба, кожи и т. д., но взглядъ нашего финансоваго управленія на золотой промыселъ весьма долгое время рѣзко отличался отъ его воззрѣній на всякій другой промыселъ: золото считалось чѣмъ-то особеннымъ, требующимъ особенной заботливости и охраненія со стороны административныхъ властей. Такъ, очень долгое время разработка золота въ Россіи не составляла права, присущаго каждому человѣку, а привилегію, даваемую сперва лишь немногимъ избраннымъ, а потомъ дарованную опредѣленному классу людей. Золото ставилось такъ высоко, что разработывать его позволялось только людямъ, ничѣмъ себя не запятнавшимъ: до 1870 г. законъ запрещалъ занятіе промысломъ „лицамъ, отставленнымъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь не опредѣлять, и оглашеннымъ по суду изобличенными въ поступкахъ предосудительныхъ“.

Наше законодательство о частномъ золотомъ промыслѣ отличалось вообще большою неустойчивостью и, съ самаго начала промысла, подвергалось частымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ его развитія. Промыселъ возникъ и развивался, въ общихъ чертахъ, слѣдующимъ образомъ: до начала нынѣшняго столѣтія добываніе золота составляло монополію казны; частнымъ лицамъ поиски золота были разрѣшены въ первый разъ въ 1812 г., именно частнымъ заводчикамъ на Уралѣ въ ихъ собственныхъ дачахъ. Вслѣдъ затѣмъ стали поступать отъ другихъ частныхъ лицъ ходатайства о разрѣшеніи искать золото на казенныхъ земляхъ въ Сибири, гдѣ давно уже были извѣстны признаки нахожденія его. Но правительство медлило разрѣшеніемъ: заботясь о развитіи другихъ родовъ промышленности, оно не находило нужнымъ развивать золотой промыселъ, полагая, что „лучше сохранить сіи сокровища для казны на

будущее время и, не стремясь вдругъ за умноженіемъ добычи золота, пользоваться имъ постоянно". (Журн. Ком. Фин. 15 іюня 1824 г.)

Изъ этихъ словъ можно, кажется, заключить, что правительство разсчитывало и на будущее время разработывать золото средствами казны. Однако, въ 1826 г. оно рѣшилось, въ видѣ особой привилегіи, дозволить разработку золота на казенныхъ земляхъ въ Сибири нѣсколькимъ лицамъ, представлявшимся ему наиболѣе благонадежными; въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ эти привилегіи выданы еще нѣсколькимъ лицамъ, а въ 1838 году право искать золото дано потомственнымъ и личнымъ дворянамъ, почетнымъ гражданамъ и купцамъ 1-й гильдіи. Наконецъ, только въ 1870 г., (т.-е. черезъ 44 года послѣ выдачи первой привилегіи) это право распространено на каждаго какъ русскаго, такъ и иностраннаго подданнаго.

Разработка золота на первыхъ же порахъ была обставлена слѣдующими, довольно стѣснительными условіями: учреждена многочисленная администрація, обязанная слѣдить за тѣмъ, чтобы разработка пріисковъ производилась правильно, „не хищнически", чтобы пески выработывались по возможности до-чиста, а не только лучшія и наиболѣе богатыя ихъ части (въ этой мѣрѣ ясно сквозитъ мысль упомянутаго журнала ком. фин.: сохранить для казны ея сокровища на возможно болѣе продолжительный срокъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы сосредоточить въ распоряженіи казны все золото, сдѣлана обязательною сдача всего золота въ казну; для этого промышленники обязаны все намываемое золото свозить въ г. Барнаулъ, а взамѣнъ его получать изъ С.-Петербургскаго монетнаго двора, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, полуимперіальную монету.

При установленіи этихъ правилъ не было принято въ разсчетъ того, что золотой промыселъ, какъ всякое торговое предпріятіе, требуетъ для своего развитія возможно бо́льшей свободы и простора, что промышленникъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ руководствоваться отвлеченными цѣлями извлечь изъ земли по возможности все золотое богатство,—а исключительно цѣлями практическими и, въ данную минуту, будетъ разработывать только то, что̀, при современныхъ способахъ разработки, будетъ ему выгодно, слишкомъ же большое усердіе къ золоту приставленныхъ къ нему наблюдателей будетъ охлаждать дѣйствіемъ кредитныхъ рублей, и этимъ путемъ достигнетъ „свободы и простора"; такимъ образомъ, установленная опека цѣли своей не достигла—законъ о возможно чистой разработкѣ пріисковъ оставался мертвымъ до 1870 г., когда, наконецъ, былъ отмѣненъ, между тѣмъ она принесла тотъ вредъ, что ставила промышленниковъ въ зависимость отъ произвола чиновниковъ. Равнымъ образомъ оказалась очень стѣснительною для промысла обязательная

сдача золота въ казну, такъ какъ она сопровождается потерей времени и значительными, какъ увидимъ ниже, расходами.

Съ самаго начала частнаго промысла добыча золота была обложена однообразною податью въ пользу казны (15% натурою и кромѣ того по 4 руб. съ каждаго фунта), которая оставалась безъ измѣненія до сороковыхъ годовъ, когда открытіе богатыхъ розсыпей золота въ Енисейской губ. вдругъ значительно увеличило количество намываемаго золота и подало правительству мысль возвысить подать съ него. Сперва возвышенъ только размѣръ подати (процентной — до 20 и 24%, а въ Верхнеудинскомъ округѣ до 30% и фунтовой— до 4—12 руб. съ фунта), а затѣмъ измѣнена и самая система ея: вмѣсто однообразной введена прогрессивная. Пріиски раздѣлены на 10 разрядовъ и обложены натурою отъ 5 до 35%, и деньгами отъ 4-хъ до 10 руб. съ фунта. Изъ этого видно, что во взглядахъ финансоваго управленія на промыселъ совершилась значительная перемѣна: оно уже отказалось отъ мысли сохранять запасы золота на будущее время; напротивъ, расширило область золотопромышленности, поощряло къ открытію новыхъ розсыпей и, сдѣлавъ изъ подати золота статью государственныхъ доходовъ, заботилось объ увеличеніи этого дохода.

Но скоро опытъ показалъ, что въ этомъ отношеніи была перейдена мѣра: размѣръ подати назначенъ слишкомъ высокъ, вслѣдствіе чего количество добываемаго золота стало (начиная съ 1848 г.) быстро понижаться [1]). Чтобы не лишиться этого источника дохода, былъ пониженъ размѣръ подати (система подати оставлена прогрессивною, но высшій размѣръ ея пониженъ до 20%, а потомъ и до 15%), еще болѣе расширена золотопромышленная область—на Забайкальскій и Амурскій края—и разрѣшено производство частнаго промысла на земляхъ кабинетскихъ въ Алтайскомъ и Нерчинскомъ округахъ. Съ тою же цѣлью, т.-е. въ въ видахъ расширенія промысла, въ 1870 г. право разработки золота предоставлено всѣмъ; въ тѣхъ же видахъ казенные золотые промыслы переданы частнымъ лицамъ: Богословскіе проданы въ частныя руки, а Березовскіе и Міасскіе отданы въ арендное содержаніе.

Въ 1876 г. мы замѣчаемъ какъ-бы новое измѣненіе во взглядѣ финансоваго управленія на значеніе этого промысла: по случаю приближавшейся войны наше финансовое положеніе было весьма затруднительно; казалось, необходимость заставляла дорожить каждымъ источникомъ доходовъ, какъ бы относительно малъ онъ ни былъ

---

[1]) Съ частныхъ золотыхъ промысловъ въ Россіи добыто лигатурнаго золота: въ 1847 г.—1568 п.; 1848 г.—1489 п.; 1849 г.—1394 п.; 1850 г.—1212 п.

(подать съ золота доставляла около 2 м. р.); между тѣмъ, 10-го ноября 1876 г. добыча золота въ Россіи была объявлена безпошлинною. Чѣмъ была вызвана эта отмѣна? Какія значительныя выгоды обѣщало увеличеніе добычи золота, ради которыхъ можно было пожертвовать двухмилліоннымъ доходомъ въ такое критическое время?

Такъ какъ мотивы этой отмѣны не были напечатаны, то въ объясненіи ихъ можно основываться только на однѣхъ догадкахъ. Въ печати уже было указано на совпаденіе (по времени) отмѣны подати съ золота съ изданіемъ закона о взиманіи таможенныхъ пошлинъ въ золотой валютѣ, и изъ этого совпаденія выведено то заключеніе, будто министерство финансовъ этою отмѣною поощряло добычу золота въ Россіи, съ цѣлью дать металлъ, необходимый для уплаты новыхъ пошлинъ. Предположеніе это едва ли справедливо: выраженіе „дать металлъ“ можно понимать только въ смыслѣ: удешевить цѣну золота, черезъ увеличеніе производства его; но золото представляетъ такой долговѣчный продуктъ, что накопившееся отъ прежняго производства количество его несравненно значительнѣе того количества, какое прибавляется ежегоднымъ производствомъ его; поэтому сокращеніе или расширеніе производства не можетъ *чувствительно* уменьшить или увеличить существующее количество его, а слѣдовательно возвысить или понизить на него цѣны; во всякомъ случаѣ, вліяніе этой причины на колебаніе цѣнъ будетъ ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ дѣйствіемъ, которое на него будетъ производить измѣненіе въ спросѣ и предложеніи золота, а слѣдовательно и нечувствительно.

Гораздо правдоподобнѣе кажется намъ слѣдующее объясненіе. Наше финансовое управленіе предвидѣло, что финансовыя затрудненія и упадокъ вексельнаго курса не ограничатся однимъ временемъ войны, но будутъ продолжаться и послѣ заключенія мира; поддержать падающій курсъ можно было только увеличеніемъ производительныхъ силъ Россіи, а никакое производство, казалось, не могло возрасти такъ быстро, какъ золотое, въ случаѣ постановки его въ болѣе выгодныя условія, такъ какъ золотой промыслъ обладаетъ для этого многими характерными особенностями: во-1-хъ, онъ требуетъ затраты незначительнаго основного капитала по сравненію съ оборотнымъ (а предполагается, что легче занять денегъ на короткій срокъ, чѣмъ на долгій), и, во-2-хъ, для занятія промысломъ рѣдко требуются техническія познанія, а въ большинствѣ случаевъ достаточно простого навыка и смѣтки. Такимъ образомъ, *разработка золота въ болѣе обширномъ, чѣмъ прежде, размѣрѣ признавалась имѣющею важное значеніе именно по отношенію къ нашему кредиту и торговлѣ.*

Насколько оправдались эти ожиданія, мы скажемъ ниже, но во всякомъ случаѣ фактъ отмѣны подати съ золота для насъ важенъ по сравненію съ прежними воззрѣніями финансоваго управленія на это дѣло: онъ показываетъ, что министерство финансовъ въ 1876 г. вполнѣ отрѣшилось отъ прежнихъ взглядовъ, и главную заслугу золотого промысла видѣло не въ томъ доходѣ, который онъ давалъ казнѣ, а во вліяніи на нашъ курсъ и на нашу торговлю той суммы цѣнностей, которыя доставляетъ этотъ промыселъ.

Итакъ, во взглядахъ финансоваго управленія на золотой промыселъ мы замѣчаемъ слѣдующія измѣненія: сперва оно разсчитываетъ производить разработку золота исключительно своими средствами, и потому стремится сохранить по возможности запасы золота на болѣе продолжительное время; затѣмъ, дозволивъ разработку золота частнымъ лицамъ, оно обращаетъ промыселъ въ источникъ дохода казны и заботится объ увеличеніи его; наконецъ, значеніе промысла, заключающееся въ суммѣ его производства, беретъ верхъ надъ его значеніемъ какъ источника дохода казны, и финансовое управленіе рѣшается, для развитія его, пожертвовать получаемымъ отъ него доходомъ.

Можно находить эту послѣднюю мѣру нецѣлесообразною, но нельзя не согласиться съ послѣднимъ взглядомъ нашего финансоваго управленія на золотой промыселъ: дѣйствительно, *государственное значеніе этого промысла заключается въ цѣнности доставляемаго имъ продукта:* около $2^1/_2$ т. пуд. золота (шлихового) на сумму около 33 м. Золото это даетъ намъ возможность уплачивать разницу между нашею привозною и отпускною торговлею.

II.

Чтобы лучше выяснить *значеніе золотого промысла для мѣстнаго населенія*, мы позволимъ себѣ привести и провѣрить слишкомъ уже розовый взглядъ на промыселъ одного изъ горячихъ его защитниковъ, г. Скарятина (Замѣтки золотопромышленника):

„Золотопромышленность Восточной Сибири,—говоритъ г. Скарятинъ,—это не промышленность только, поглощающая всѣ торговыя и промышленныя силы страны и распространяющая свое могущественное и животворное вліяніе далеко за предѣлы страны, это—сводъ, на которомъ держится благоденствіе народной массы". Къ такому убѣжденію приводитъ г. Скарятина сравненіе экономическаго положенія Сибири въ 60-хъ годахъ съ положеніемъ ея въ 30-хъ (т.-е. до открытія промысла); замѣчаемую при этомъ разницу г. Скарятинъ приписываетъ исключительно вліянію промысла: *онъ* создалъ спросъ на

хлѣбъ и другіе припасы и на рабочія руки, поднялъ на нихъ цѣны и способствовалъ оживленію торговли; *онъ* доставилъ занятіе многимъ ссыльнопоселенцамъ, до того времени занимавшимся разбоемъ, и тѣмъ сложилъ съ правительства заботу объ этихъ людяхъ; благодаря *ему* могъ появиться въ Сибири пароходъ и устроились хорошія дороги; *онъ*, наконецъ, имѣлъ воспитательное значеніе на ссыльнопоселенцевъ, давая имъ возможность, путемъ сбереженій, устроить себѣ лучшую жизнь и изъ отверженцевъ общества обратиться въ его полезныхъ гражданъ".

Мнѣніе г. Скарятина частью ошибочно, частью страдаетъ преувеличеніемъ. Экономическое развитіе Сибири въ разсматриваемый имъ періодъ не можетъ быть приписано исключительно промыслу, такъ какъ оно должно было совершиться и безъ всякаго его вліянія; доказательствомъ можетъ служить экономическое развитіе Европейской Россіи за то же время; хотя въ Сибири развитіе не могло идти такъ быстро, но оно было, и отрицать его существованіе нельзя. Это же сравненіе привело г. Скарятина къ ошибочному заключенію относительно парохода въ Сибири: есть, конечно, рейсы, удовлетворяющіе исключительно потребностямъ промысла (такъ, богатые Олекминскіе золотопромышленники держатъ пароходы на р. Ленѣ для перевозки рабочихъ и припасовъ), но много путей торговаго движенія—совершенно независимыхъ отъ промысла, по которымъ рано или поздно должно было явиться пароходное движеніе [1]).

Цѣны на хлѣбъ, съѣстные продукты и фуражъ несомнѣнно возвысились съ открытіемъ промысла, но не во всей Сибири, а только въ *близъ лежащихъ къ пріискамъ мѣстностяхъ;* на всю Сибирь это повышеніе потому не могло распространиться, что число рабочихъ на пріискахъ (около 40 т. человѣкъ) слишкомъ ничтожно по сравненію со всѣмъ населеніемъ Сибири: въ Восточной Сибири оно составляетъ 2%, въ Западной Сибири—0,2%, а на всемъ пространствѣ Сибири, взятомъ вмѣстѣ,—около 1%. Такое незначительное приращеніе потребителей не могло значительно возвысить спросъ на хлѣбъ, а слѣдовательно и цѣны на него.

Равнымъ образомъ, поднятіе цѣнъ на рабочую плату имѣло тоже только мѣстное значеніе: Сибирь страна слишкомъ обширная и способы передвиженія въ ней слишкомъ медленны и первобытны, чтобы возвышеніе рабочей платы въ одной мѣстности могло быть чувствуемо на большое разстояніе. Такъ, въ нерчинскомъ округѣ и приморской

[1]) Что же касается до проложенныхъ золотопромышленниками дорогъ, то, проходя по тайгѣ, онѣ оказываются необходимыми лишь для потребностей промысла и совершенно излишними для мѣстнаго населенія, незанимающагося золотымъ промысломъ.

области и рабочія руки, и припасы очень дороги, тогда какъ въ семипалатинской области, мариинскомъ и алтайскомъ округахъ, напротивъ, то и другое стоитъ дешево.

Чтобы, наконецъ, оцѣнить воспитательное значеніе золотого промысла на ссыльнопоселенцевъ и прослѣдить, въ какую сторону оно направляется, надо предварительно ближе ознакомиться съ ссыльнопоселенцемъ-работникомъ, условіями его жизни на пріискѣ, отношеніями къ мѣстной администраціи и т. д. Знакомство это дастъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность лучше повѣрить жалобы промышленниковъ на ихъ рабочихъ и критически отнестись къ тѣмъ мѣрамъ, которыя предлагаются промышленниками для огражденія своихъ интересовъ.

Ссыльнопоселенцы составляютъ большинство работниковъ на золотыхъ пріискахъ въ Сибири; только въ очень немногихъ случаяхъ промыселъ доставляетъ занятіе мѣстнымъ жителямъ. Сибирякъ-сельскій житель, имѣя много земли какъ для пашень, такъ и для пастьбы, и находя себѣ хорошіе заработки въ звѣриномъ и рыбномъ промыслахъ и въ извозѣ, ни за какія деньги не пойдетъ въ работы на пріиски, развѣ только въ томъ случаѣ, когда его къ этому принудитъ необходимость: напримѣръ, засуха и вслѣдствіе того падежъ скота. Но и то онъ идетъ съ твердою рѣшимостью заработать себѣ необходимую сумму денегъ; поэтому, проработавъ лѣто и наверставъ свои убытки, онъ уже навсегда прощается съ пріискомъ; его тянетъ домой, гдѣ у него семья, хозяйство.

Сибиряку-горожанину тоже нѣтъ разсчета работать на промыслахъ: въ городѣ, при несравненно болѣе легкомъ трудѣ, онъ можетъ имѣть хорошій заработокъ отъ торговли и ремесленныхъ занятій. Изъ коренныхъ сибиряковъ въ чернорабочіе на промыслы ходятъ изъ года въ годъ только подонки общества, люди болѣе или менѣе лишніе, ни для какой другой работы не годные, пьяницы-забулдыги; эти люди, по своему вредному вліянію на прочихъ рабочихъ, составляютъ на промыслахъ язву общества. Число ихъ, по отношенію къ общему числу промысловыхъ рабочихъ, составляетъ ничтожный процентъ.

Полную противоположность домовитому сибиряку составляетъ работникъ-ссыльнопоселенецъ. Большинство ссыльнопоселенцевъ рабочихъ принадлежатъ къ числу бездомныхъ и холостыхъ.

Ничѣмъ не связанный въ своихъ интересахъ съ товарищами по работѣ, такой работникъ-ссыльнопоселенецъ стоитъ одиноко во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ пріисковымъ управленіемъ и, какъ увидимъ ниже, зачастую эксплуатируется этимъ послѣднимъ самымъ всестороннимъ образомъ; разорвавъ, благодаря своему прошедшему, всѣ

связи съ обществомъ и не имѣя надежды снова когда-либо сдѣлаться полноправнымъ его членомъ и въ то же время не находя опоры въ семейной жизни, такой бобыль слишкомъ равнодушно и легкомысленно смотритъ на свой трудовой заработокъ и употребляетъ его на удовлетвореніе своей страсти къ вину. Понятно, что такая жизнь развращаетъ его и убиваетъ его самостоятельность.

Въ справедливости сказаннаго насъ убѣдитъ болѣе близкое знакомство съ бытомъ пріисковаго рабочаго. Начнемъ съ найма на работы.

Въ большинствѣ случаевъ золотой промыселъ сильно нуждается въ рабочихъ рукахъ, и промышленники запасаются рабочими обыкновенно такимъ образомъ: они отправляютъ своихъ повѣренныхъ по деревнямъ, преимущественно въ тѣ мѣста, гдѣ, вслѣдствіе неурожая или какихъ-либо бѣдствій, положеніе мѣстнаго населенія особенно незавидно. Повѣренные прибѣгаютъ къ помощи сельскихъ властей, и такъ какъ время найма рабочихъ совпадаетъ всегда съ временемъ взноса податей, то власти понуждаютъ неплательщиковъ наниматься въ работу. Случается, что въ одномъ условіи состоятъ нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые другъ друга вовсе не знаютъ, а между тѣмъ ручаются взаимно, и вслѣдствіе этого, по окончаніи работъ, иногда наиболѣе прилежному ничего не приходится получить, такъ какъ весь его заработокъ пошелъ на уплату долговъ его товарищей, за которыхъ онъ поручился единственно по настоянію сельскихъ властей.

При наймѣ пускаются въ ходъ большіе задатки, которыми промышленники одинъ передъ другимъ стараются заманить рабочихъ. Большіе задатки—страшное зло: они закабаливаютъ рабочихъ и отдаютъ ихъ во власть пріискового управленія; забравъ много денегъ и принужденный, какъ увидимъ ниже, продолжать брать деньги во время своей работы, работникъ не въ состояніи бываетъ отработать ихъ въ одно лѣто, остается долженъ на слѣдующее и т. д.; разъ онъ впутался въ долгъ, ему трудно изъ него выдти—онъ попадаетъ въ кабалу. Правительство хорошо понимаетъ вредъ отъ выдачи большихъ задатковъ, и потому ограничивало прежде размѣръ ихъ 7 р. 50 к.; но чтобы обойти этотъ законъ, промышленники прибѣгали къ такого рода уловкамъ: давая большіе задатки, они показывали въ контрактѣ большую часть ихъ подъ видомъ одежды, какъ напр.: получилъ задатку столько-то, да взялъ такую-то одежду и такую-то обувь, да пропивши или потерявши взялъ вторично кое-что изъ того-же, да на содержаніе въ дорогѣ столько-то, да особыхъ одолженій столько-то, и т. под.; въ общемъ набиралась очень значительная сумма задатка. Поэтому законъ этотъ, какъ недѣйствитель-

ный, былъ отмѣненъ въ 1870 г., и теперь задатки могутъ быть выдаваемы въ неограниченномъ размѣрѣ [1]).

При наймѣ иногда прибѣгаютъ къ спаиванію рабочихъ, именно повѣренные тѣхъ компаній, которыя дурнымъ обращеніемъ съ рабочими заслужили себѣ худую славу; примѣры этому приводитъ г. Кривошапкинъ.

Насколько соблюдаются въ такихъ *добровольныхъ* договорахъ интересы той и другой стороны, нанимателя и наемщика, видно изъ условій, въ нихъ встрѣчающихся. Такъ, напр., наемщикъ обязывается оставшійся послѣ окончанія работъ долгъ или заработать или заплатить, не выходя съ пріисковъ. Или, напр., срокъ службы рабочаго, по отношенію къ *его* обязательствамъ, считается со дня явки между сторонами договора, а по отношенію къ обязательствамъ *компаніи*—со времени явки рабочаго на пріискъ и даже со вступленія его въ промысловую работу; при большихъ разстояніяхъ въ Сибири рабочіе часто идутъ на работу мѣсяца по два, по три, и это время имъ въ заработокъ не считается: мысль, что у рабочихъ время и трудъ можно считать за капиталъ, кажется въ Сибири еще странною. Питаться во время такого пути рабочій долженъ на свой счетъ: это или прямо оговаривается въ договорѣ, или обходится молчаніемъ; поэтому случается, что, за неимѣніемъ своихъ средствъ, рабочій пробавляется мірскимъ подаяніемъ, воровствомъ и грабежомъ.

Итакъ, правдами или неправдами нанятый рабочій пришелъ на пріискъ. Посмотримъ, какъ онъ тамъ содержится, и каковы его отношенія къ пріисковому управленію. Многія пріисковыя управленія прежде всего стараются уничтожить послѣднюю тѣнь самостоятельности рабочаго: они не любятъ правильно организованныхъ артелей, которыя представляютъ одно живое цѣлое, и члены которыхъ всегда могутъ постоять другъ за друга, а потому стараются разрознить такія артели и, пользуясь закономъ, составляютъ новыя, въ которыя ставятъ старостами лицъ, далеко не раздѣляющихъ интересы артели и ей не сочувствующихъ.

Работы на промыслахъ должны быть причислены къ наиболѣе тяжелымъ. Такъ какъ время годное для промывки въ Сибири очень коротко, то поневолѣ приходится имъ дорожить, и работы идутъ непрерывно, не исключая и праздниковъ, отъ 5 часовъ утра до 8 вечера, а часто и гораздо позднѣе, какова-бы ни была погода. Приходится часто работать въ мѣстахъ съ постояннымъ притокомъ воды,

[1]) Что большіе задатки зло и что сами рабочіе это хорошо понимаютъ, видно изъ того, что такъ-называемые «нижегородцы» (плотничьи артели), наиболѣе самостоятельные и сильные своею солидарностью,—вовсе не берутъ большихъ задатковъ (Кривошапкинъ: Енисейскій округъ и его жизнь).

стоя глубоко въ водѣ или въ грязи, оставаясь такимъ образомъ постоянно въ мокромъ платьѣ. Особенно трудными считаются работы ортовыя (подземныя), производящіяся въ мерзлой почвѣ: сырость, отсутствіе чистаго воздуха и солнечнаго свѣта составляютъ необходимую принадлежность этихъ работъ. Суровость климата, рѣзкія перемѣны температуры и трудность работы много способствуютъ развитію простудъ, ревматизмовъ, цынги, водянки.

Отсюда очевидна особенная необходимость въ соблюденіи гигіеническихъ условій: хорошемъ помѣщеніи, достаточномъ количествѣ вина, здоровой и питательной пищѣ и чистой одеждѣ. На сколько исполняются эти требованія гигіены? Относительно помѣщеній для рабочихъ мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній, но извѣстно, что вообще на Руси помѣщенія для рабочаго люда отличаются презрѣніемъ всѣхъ правилъ гигіены; чего-же отъ нихъ можно ожидать въ Сибири, въ тайгѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ же помѣщеніяхъ—тамъ, гдѣ спятъ—рабочимъ приходится высушивать свою вымокшую на работѣ одежду.

Водка на пріискахъ дается рабочимъ обыкновенно въ недостаточномъ количествѣ. Это подтверждается циркулярами генералъ-губернатора Восточной Сибири [1]), который въ прямую зависимость отъ недостаточной дачи вина рабочимъ ставитъ появленіе въ тайгѣ спиртоносовъ, обмѣнивающихъ спиртъ на золото, и безуспѣшность администраціи въ преслѣдованіи ихъ. Такіе спиртоносы проникаютъ въ тайгу цѣлыми партіями, вооруженные, а нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смѣлые, привозятъ спиртъ даже на оленяхъ; преслѣдовать ихъ потому трудно, что есть множество таежныхъ тропинокъ, извѣстныхъ только имъ; наконецъ, сами рабочіе укрываютъ ихъ въ виду соблазна имѣть спиртъ. Въ виду доказанной безуспѣшности преслѣдованія спиртоносовъ, генералъ-губернаторъ видитъ лучшее средство противодѣйствія имъ въ увеличеніи дачи водки рабочимъ и въ возвышеніи платы за золото, вообще очень низкой, какъ будетъ показано далѣе.

Относительно пищи рабочихъ мы находимъ свѣдѣнія въ томъ же циркулярѣ генералъ-губернатора; условія отпуска рабочимъ пищевого довольствія весьма различны: на однихъ пріискахъ выдается въ сутки рабочему мяса $1^1/_2$ ф., хлѣба $4^1/_2$ фун. и чай; на другихъ—мяса $1—1^1/_4$ ф., хлѣба $3^1/_2—4$ ф. и квасъ, а на иныхъ вмѣсто свѣжаго мяса дается только по 1 ф. соленаго, при этомъ рабочіе не получаютъ ни чаю, ни квасу и, прибѣгая во время лѣтнихъ работъ къ утоленію жажды сырою водою, подвергаются желудочнымъ болѣз-

[1]) Циркуляръ генералъ-губернатора, отъ 26 марта 1876 г., № 545.

нямъ; вслѣдствіе недостатка пищи рабочіе принуждены бываютъ выписывать ее изъ пріисковыхъ магазиновъ на свои средства.

Вообще рабочіе рѣдко получаютъ чай отъ пріисковаго управленія: они имѣютъ отъ него только пищу и на свой счетъ должны покупать табакъ, чай, сахаръ и проч.; точно также сами должны покупать одежду и обувь. Покупать все это въ большинствѣ случаевъ приходится волей-неволей отъ пріисковаго управленія, такъ какъ больше достать негдѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ можно достать на сторонѣ, многія компаніи выговариваютъ себѣ въ договорахъ строжайшее запрещеніе рабочимъ вносить съ собою излишекъ вещей и перепродавать товарищамъ (эта же передача отъ одного къ другому запрещается и для такихъ вещей, которыя не съ собой принесены, а взяты въ счетъ изъ кладовой компаніи) и обязываютъ рабочихъ одежду и пищу покупать въ пріисковомъ управленіи. Хотя, на основаніи инструкціи горнымъ исправникамъ, продажныя цѣны устанавливаются исправникомъ, но тѣмъ не менѣе онѣ высоки, напр. 40 к. и 60 к. за фунтъ сахара (какъ видно изъ циркуляра генералъ-губернатора). Въ несоразмѣрности этихъ цѣнъ сознается и самъ г. Скарятинъ, дающій совѣтъ промышленникамъ не барышничать въ столь мелкомъ дѣлѣ: „если дѣло идетъ хорошо, говоритъ онъ, то это такая мелочь, о которой не стоитъ и разговаривать; если-же худо, то вѣдь этимъ не поправишь“.

Чтобы сберечь какую-нибудь копѣйку, рабочіе избѣгаютъ занимать часто въ кладовыхъ одежду и обувь и носятъ по нѣскольку недѣль одну и ту же рубашку, которая до того успѣетъ пропитаться потомъ дегтемъ, пылью, грязью и проч., что уподобляется плотной, непромокаемой матеріи. Этой неопрятности рабочихъ способствуютъ нѣкоторые изъ управляющихъ пріисками такой спекуляціей: на пріиски запрещенъ ввозъ предметовъ роскоши, а между тѣмъ отпускъ холста на бѣлье невыгоденъ, почему и скупаютъ для рабочихъ гнилой ситецъ, который скоро распадается на рубашкѣ и заставляетъ купить еще и т. д.

Что получаетъ рабочій и какъ производится съ нимъ разсчетъ?— Рабочіе нанимаются за весьма незначительную мѣсячную плату (напр., въ Енисейской губ. 3 руб., въ Оренбургской—3 руб., въ Пермской—5—7 руб.), но имѣютъ право послѣ окончанія даннаго имъ на день урока [1]), а также въ праздничные дни заниматься промываніемъ песковъ въ свою пользу. Такая работа называется старательскою, и она оплачивается или за каждую сажень вскрыши, которую снимутъ

[1]) Уроки, впрочемъ, обыкновенно такъ велики, что рабочимъ рѣдко удается, кончивъ ихъ, поработать сверхъурочно (Кривошапкинъ).

и отвезутъ въ свободное время, или съ золотника намытаго золота (подъемнаго). Первый родъ старанія не можетъ представить столько счастливыхъ случайностей, какъ при нападеніи, при второмъ родѣ работы, на гнѣздо золота, но за то онъ вѣрнѣе, потому что не зависитъ отъ счастья попасть на хорошее мѣсто. Рабочими, впрочемъ, предпочитается второй родъ старанія—т.-е. при условіи платы съ золотника,—какъ болѣе выгодный; онъ же предпочитается и нѣкоторыми пріисковыми управленіями, потому что при немъ не утаивается золото: утаенное рабочимъ при урочной работѣ, оно возвращается при работѣ старательской. Плата съ сажени вскрыши составляетъ въ Енисейской губ. 25 руб., плата же съ золотника подъемнаго золота очень разнообразится, но всегда бываетъ значительно меньше настоящей цѣны шлиховаго [1]) золота: такъ, покупная цѣна шлиховаго золота составляетъ около 3 р. 25 к.; залоговая цѣна, при пріемѣ его въ залогъ въ государственный банкъ, 2 руб.; между тѣмъ въ 60-хъ годахъ въ Енисейской губерніи, по словамъ Кривошапкина, за золотникъ подъемнаго золота уплачивалось 85 к.; въ 1878 г. за него платили въ Восточной Сибири (какъ видно изъ циркуляровъ генералъ-губернатора) различно, и низшій размѣръ платы доходилъ до 96 коп., на одномъ же пріискѣ даже до 60 к., да и то только за крупное подъемное золото; мелкое же золото, высѣваемое сквозь рѣшетку, не считалось подъемнымъ и поступало въ распоряженіе мѣстнаго пріисковаго управленія даромъ. Затѣмъ плата въ 60 к. за золотникъ уменьшалась въ случаѣ желанія рабочаго взять что-либо изъ припасовъ пріисковаго магазина въ счетъ подъемнаго золота или за деньги, за него уже полученныя; уменьшеніе это происходило вслѣдствіе того, что цѣна, напр., сахара, при выдачѣ его въ счетъ общей заработной платы, была установлена въ 45 коп. за фунтъ, а на деньги или за подъемное золото по 60 коп. за фунтъ, такъ что рабочій за золотникъ золота получалъ уже не 60 коп., а только 45 коп. или фунтъ сахару.

При недостаткѣ работъ промышленники не стѣсняются отпускать рабочихъ раньше наступленія срока договора и разсчитываютъ ихъ при этомъ только за заработанное время. Чтобы понять всю возмутительность подобныхъ поступковъ, стоитъ только вспомнить, что рабочій, въ большинствѣ случаевъ претерпѣвая многочисленныя лишенія и горькую нужду, идетъ сотни, а иногда и тысячи верстъ въ надеждѣ проработать нѣсколько мѣсяцевъ и пріобрѣсть извѣстную

[1]) *Шлиховымъ* называется золото несплавленное, добытое непосредственно промывкою изъ мѣсторожденій, а сплавленное, заключающее въ себѣ еще нѣкоторую примѣсь серебра, носитъ названіе *лигатурнаго*; *чистымъ* называется вообще высокопробное золото, изъ котораго отдѣлено уже серебро.

сумму денегъ, и вдругъ, по прошествіи мѣсяца или двухъ, ему выдаютъ нѣсколько рублей и объявляютъ, что работъ нѣтъ и онъ можетъ отправляться обратно. Такимъ образомъ, паниматель всегда можетъ расторгнуть контрактъ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находится наемщикъ, рабочій: законъ совершенно ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ случаяхъ онъ имѣетъ право требовать уничтоженія контракта, и кто долженъ разбирать споры между нимъ и нанимателемъ; между тѣмъ подобные случаи не рѣдки, какъ, напр., жестокое обращеніе, худое содержаніе, семейное несчастье съ рабочими и проч.

Заболѣвшихъ рабочихъ нѣкоторые золотопромышленники лечатъ на ихъ (рабочихъ) счетъ, а нѣкоторыхъ, получившихъ хроническую болѣзнь (напр., цынгу, ревматизмъ, водянку, катарръ, чахотку) вовсе не лечатъ а разсчитываютъ, съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ: „разсчитанъ за болѣзнью, остался долженъ столько-то рублей, почему по выздоровленіи и долженъ быть высланъ на операціи будущаго года“,—и отпускаютъ на всѣ четыре стороны. Безъ всякаго призрѣнія, безъ подводы, отправляется себѣ больной пѣшкомъ по таежной глуши, подвергается всѣмъ перемѣнамъ суровой погоды, его мочитъ дождь, вѣтеръ насквозь пронизываетъ его дырявую одежонку, жуетъ онъ кое-какъ данные ему на дорогу ржаные сухари. Случалось, что, выбившись изъ силъ, такой бѣднягa умиралъ въ тайгѣ. А между тѣмъ на пріискахъ есть больницы, имѣющія обыкновенно очень хорошій, а для тайги даже слишкомъ роскошный видъ; но онѣ предназначаются пріисковыми управленіями только для первоначальнаго пособія и для легкихъ или экстренныхъ случаевъ, на самомъ же дѣлѣ скорѣе для вида, чѣмъ для принесенія дѣйствительной пользы.

Вотъ какую жизнь ведетъ пріисковый рабочій! Его заставляютъ работать, какъ вола, при этомъ часто обираютъ и обсчитываютъ, а если искалѣчатъ, или онъ трудно заболѣетъ, то выталкиваютъ на произволъ судьбы, вознаградивъ въ первомъ случаѣ грошами, а во второмъ—ничѣмъ [1]). Отношеніе въ высшей степени безчеловѣчное,

---

[1]) Намъ могутъ замѣтить, что относительно положенія пріисковыхъ рабочихъ мы повторяемъ уже извѣстные факты, ранѣе заявленные въ печати. Да мы и не думаемъ выдавать ихъ за что-либо новое. Но когда на положеніе пріисковыхъ рабочихъ не обращается никакого вниманія, когда въ теченіи 50 лѣтъ ни законодательство, ни промышленники ничего не сдѣлали для улучшенія ихъ положенія, мы считаемъ особенно полезнымъ твердить старые и извѣстные факты и твердить ихъ какъ можно чаще,—до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣлано хоть что-нибудь для облегченія участи нѣсколькихъ десятковъ тысячъ несчастныхъ тружениковъ. Бытовыя черты жизни рабочихъ на пріискахъ заимствованы преимущественно изъ сочиненій Кривошапкина, Лоранскаго, Дейхмана и друг.

и нельзя не удивляться тому, что до сихъ поръ не принято никакихъ законодательныхъ мѣръ для облегченія участи этихъ рабочихъ: двѣ спеціальныя комиссіи для пересмотра законовъ о личномъ наймѣ, бывшія подъ предсѣдательствомъ ген.-ад. Игнатьева I и ст.-секр. Валуева, вовсе не коснулись вопроса о положеніи пріисковыхъ рабочихъ, которое такимъ образомъ осталось безъ перемѣны за слишкомъ пятидесятилѣтній періодъ существованія золотого промысла.

Извѣстно, какою тяжелою считается работа бурлака, замѣняющаго собою тяглый скотъ, но, по отзывамъ тѣхъ изъ сибирскихъ бурлаковъ (или, какъ ихъ въ Сибири называютъ, *караванныхъ*), которые имѣли случай испытать также жизнь пріисковаго рабочаго, эта послѣдняя куда хуже и тяжелѣе жизни каравaннаго.

На человѣколюбіе золотопромышленниковъ, очевидно, разсчитывать нечего, и его мы оставимъ въ сторонѣ, но самъ собою возникаетъ вопросъ: неужели прямой разсчетъ не заставляетъ ихъ поступать лучше со своими рабочими? Уже было показано, какой недостатокъ рабочихъ ощущается въ золотопромышленной области. Недостатокъ этотъ почти повсемѣстный и существуетъ не только въ Сибири, но и на Уралѣ: поэтому-то однимъ изъ условій продажи Богословскаго завода въ частныя руки было обязательство казны поставлять для работъ на немъ опредѣленное число ссыльнокаторжныхъ.

Недостатокъ въ рабочихъ возрастаетъ—по направленію къ сѣверу и къ востоку: такъ, въ сѣверной Енисейской тайгѣ онъ болѣе, чѣмъ въ южной, въ восточной Сибири—значительнѣе, чѣмъ въ западной, и всего значительнѣе въ Амурскомъ краѣ. Но—фактъ удивительный—параллельно недостатку въ рабочихъ возростаютъ эксплуатація и порабощеніе ихъ, которыя наибольшихъ размѣровъ и достигаютъ на крайнемъ востокѣ Сибири. Это утверждаютъ всѣ писавшіе о положеніи рабочихъ на золотыхъ пріискахъ. Фактъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться: вѣдь рабочіе имѣютъ въ запасѣ одно очень дѣйствительное средство отплатить хозяину за притѣсненія, это—бѣгство, противъ котораго ни казаки, ни другія средства не помогутъ: отыскать въ тайгѣ бѣглеца невозможно. И къ этому средству они дѣйствительно прибѣгаютъ, когда переполняется чаша притѣсненій; убытокъ для промышленника выходитъ страшный: „капиталъ затраченъ, машины построены, припасы, инструменты, все, отъ гвоздя до шампанскаго, завезено на пріискъ, а рукъ нѣтъ, и взять ихъ негдѣ; весь механизмъ пріисковаго хозяйства, если не останавливается вовсе, то разстроивается, задерживается“ (Скарятинъ).

Пріисковыя управленія понимаютъ это хорошо, но тѣмъ не менѣе отношеніе къ рабочимъ остается то же. Происходитъ это по той причинѣ, что богатые золотопромышленники рѣдко сами живутъ въ Си-

бири на пріискахъ; они предпочитаютъ жизнь въ столицѣ или заграничную, поручаютъ дѣло управляющимъ и даютъ инструкцію: доставить какъ можно больше барышей. Управляющіе и стараются получить барыши на всемъ, не исключая и платы рабочимъ, и ихъ содержанія. Вообще большинство управляющихъ, а также и очень многіе хозяева-промышленники, составившіе себѣ капиталъ изъ ничего, отъ своей предшествовавшей жизни, когда имъ приходилось сбивать себѣ средства по копѣйкамъ, получаютъ такой складъ и взгляды на жизнь, отъ которыхъ не могутъ отрѣшиться даже и тогда, когда обстоятельства мѣняются, и они становятся распорядителями или хозяевами обширнаго дѣла: имъ недостаетъ широты взгляда, и они не могутъ понять того, что иногда полезно бываетъ поступиться немногимъ, чтобы получить гораздо бо́льшее, полезно больше израсходовать на рабочихъ, чтобы при ихъ помощи имѣть гораздо бо́льшіе барыши. Факты на лицо: лѣтъ около десяти тому назадъ ревизія пріисковъ одной большой компаніи въ восточной Сибири, получающей огромные барыши отъ промысла, обнаружила очень плохое содержаніе рабочихъ, и, чтобы замять это дѣло, компаніи пришлось сдѣлать большое пожертвованіе на устройство одного учебнаго заведенія.

Мы старались очертить характеръ пріисковаго рабочаго, его жизнь на пріискѣ и его отношенія къ пріисковому управленію.

Теперь остается сказать о томъ, какая участь постигаетъ такого рабочаго. Участь обыкновенно самая печальная. Жизнь на пріискѣ дѣйствуетъ на него развращающимъ и убивающимъ его энергію образомъ: легкость кражи золота развиваетъ въ немъ алчность и другіе пороки; готовое помѣщеніе и пища балуютъ его и уничтожаютъ его самостоятельность; тяжелый трудъ и неумѣренное распутство подтачиваютъ здоровье и тоже убиваютъ энергію, и ссыльнопоселенецъ постепенно обращается въ машину, работающую изо дня въ день и непонимающую лучшаго способа существованія. Держится такая машина на пріискѣ только до тѣхъ поръ, пока въ ней есть достаточно силы: пропадаетъ сила, и ее выталкиваютъ на всѣ четыре стороны. Такимъ образомъ, золотопромышленность втягиваетъ въ свои работы людей сильныхъ, обезсиливаетъ ихъ и, выжавъ изъ нихъ то, что́ только можно выжать, мѣняетъ на новыя силы, не стѣсняя себя заботою о томъ, кого она обратила въ пролетарія.

Все это приводитъ насъ къ результатамъ, противоположнымъ выводамъ г. Скарятина, а именно: выгоды отъ золотопромышленности если и достаются рабочимъ, то въ очень ничтожномъ размѣрѣ; жизнь на пріискахъ воспитываетъ рабочихъ только въ дурную сторону, портя ихъ нравственно, и подтачиваетъ ихъ здоровье; скорѣе способствуетъ

развитію въ нихъ мотовства, чѣмъ бережливости. Нѣсколько лѣтъ такой жизни не только не сдѣлаютъ ссыльно-поселенца домовитымъ полезнымъ членомъ общества, какъ ожидаетъ г. Скарятинъ, но напротивъ обратятъ его, бо́льшею частью, въ бездомнаго, безпомощнаго пролетарія.

Но золотопромышленники приписываютъ промыслу еще бо́льшую заслугу: они въ немъ видятъ не просто средство для доставленія заработковъ ссыльно-поселенцамъ, но *единственное* средство для занятія ихъ. Вотъ что́ говоритъ г. Скарятинъ по поводу упадка промысла въ концѣ сороковыхъ годовъ: „Мысль о степени значенія золотого промысла для края не была еще уяснена вполнѣ, а потому горевали только золотопромышленники, недосчитывавшіеся нѣсколькихъ милліоновъ ежегодно; но съ иной точки зрѣнія должно было представляться дѣло заботливому правителю края: что́ будетъ съ населеніемъ? какое поприще найдутъ рабочія руки, если промыселъ будетъ падать постоянно и наконецъ закроется вовсе?“ На этотъ вопросъ можно отвѣтить вопросомъ: съ какой точки зрѣнія представляется заботливому золотопромышленнику та случайность, если бы прекратилась ссылка на поселеніе въ Сибирь? что́ тогда будетъ съ промысломъ? откуда онъ достанетъ себѣ рабочія руки? Вопросъ этотъ такъ важенъ для промысла, что надъ нимъ сто́итъ подумать. Онъ, конечно, приходилъ много разъ въ голову золотопромышленникамъ, но они не любятъ о немъ говорить: вѣдь если затронуть его, то придется, наконецъ, сознаться, что не столько промыселъ нуженъ для ссыльно-поселенцевъ, сколько нужны для него поселенцы. Мы видѣли, какъ сильно нуждается золотой промыселъ въ рабочихъ рукахъ, а слѣдовательно и въ ссыльно-поселенцахъ, со стороны которыхъ почти исключительно встрѣчается предложеніе работы на пріискахъ. Какъ смѣшны послѣ этого кажутся увѣренія золотопромышленниковъ, что безъ промысла несчастные ссыльно-поселенцы совсѣмъ пропали бы.

Но если вліяніе промысла на сибирское населеніе имѣетъ темныя стороны, то, можетъ быть, вредъ этотъ хотя въ нѣкоторой степени уменьшается личною дѣятельностью золотопромышленниковъ на пользу края? Вѣдь не мало хорошаго могутъ сдѣлать люди, одаренные такими большими средствами, если въ то же время они будутъ одушевлены благими намѣреніями: напр., могутъ способствовать развитію образованія въ краѣ, поднять его экономическое благосостояніе и т. д. Въ этомъ отношеніи на нихъ лежитъ даже нравственная обязанность: кому много дано, съ того много и спросится. Но съ сибирскихъ золотопромышленниковъ спросить нѣчего: ими почти ничего не сдѣлано для того края, который ихъ такъ щедро надѣлилъ средствами.

По словамъ самого г. Скарятина, первые золотопромышленники были

подонки общества, отребья его, обезумѣвшіе отъ неожиданно нахлынувшаго имъ богатства и незнавшіе, какое бы придумать ему употребленіе. „Сотни, тысячи, десятки тысячъ, милліоны рублей попадали вдругъ въ руки людей, считавшихъ состояніе свое грошами; привезенные за тридевять земель трюфели запивали шампанскимъ люди, выросшіе въ избѣ на квасѣ и капустѣ, или за прилавкомъ базарнаго балагана съ мыломъ, дегтемъ, да гвоздями, или за кабацкой стойкой. Немногіе изъ нихъ выросли въ довольствѣ, получили хотя какое-нибудь образованіе. Теперь этимъ людямъ пожимали руку графы, князья, генералы. Немудрено, что у многихъ изъ нихъ голова пошла кругомъ".

На что́ употребляли свои богатства эти баловни судьбы? Отвѣтъ на это мы находимъ у г. Скарятина. Дома́ людей, ставшихъ во главѣ общества, были обращены въ трактиры, гдѣ съ утра до вечера и съ вечера до утра находилъ пріютъ всякій, желавшій кутнуть и понтировать, не рѣдко на счетъ хозяина; шампанскаго выпивалось гибель: у одного золотопромышленника въ три мѣсяца выпили на 87 тыс. руб. асс., тщеславіе полагалось въ томъ, чтобы сорить направо и налѣво деньгами, выказывая при этомъ полное къ нимъ презрѣніе, исполнять всякую свою прихоть, какъ бы дика и безобразна она ни была, давать подачки окружающимъ льстецамъ за право безобразничать и потѣшаться надъ ними [1]). Тщеславіе же побуждало этихъ милліонеровъ—вчерашнихъ кабатчиковъ и мелкихъ торгашей — употреблять всѣ усилія, чтобы породниться съ дворянскими фамиліями, хотя зачастую такое родство стоило имъ не дешево, такъ какъ влекло за собою потерю части, а то и всего состоянія, которое проматывалось новыми родственниками.

Но и для самихъ золотопромышленниковъ тотъ образъ жизни, который они вели, имѣлъ иногда гибельныя послѣдствія. Какъ ни велики были ихъ состоянія, какъ ни громадны доходы (нѣкоторые намывали по сту пудовъ золота въ годъ), но многіе богачи, послѣ нѣсколькихъ прожитыхъ такимъ образомъ лѣтъ, мало того, что сами разорялись, но разоряли и другихъ, оставляя послѣ себя милліонные долги. Жизнь, казалось, представляла для нихъ непрерывный праздникъ; судя по ихъ средствамъ, можно было ожидать, что такой праздникъ будетъ для нихъ продолжаться вѣчно—до гроба, но

[1]) Примѣровъ г. Скарятинъ приводитъ много. Вотъ два довольно характерныхъ: одинъ золотопромышленникъ пошелъ прогуляться послѣ завтрака, и такъ какъ завтракъ былъ съ приличнымъ количествомъ шампанскаго, съ одной стороны, и водки,— съ другой, то гулявшій вскорѣ ударился въ стѣну одного дома; онъ разсердился, купилъ этотъ домъ и велѣлъ сломать, чтобы въ другой разъ на него на натыкаться. Другой золотопромышленникъ находилъ какое-то особенное наслажденіе бить одного чиновника въ Красноярскѣ, расплачиваясь очень хорошими домами за каждую таску.

вдругъ праздникъ совершенно неожиданно прекращался, чтобы уже никогда болѣе не повториться.

Не всегда, впрочемъ, легко имъ давался этотъ вѣчный праздникъ: бывали минуты, когда ощущеніе пустоты жизни особенно тяжело давало себя чувствовать этимъ несчастнымъ счастливцамъ. Что же они тогда дѣлали? Сокрушались о грѣхахъ, строили церкви, жертвовали для нихъ исполинскіе колокола (одинъ золотопромышленникъ далъ обѣщаніе вылить колоколъ въ тысячу пуд., но не успѣлъ его выполнить, потому что разорился), а одинъ томскій богачъ въ своемъ великолѣпномъ домѣ, въ особой комнатѣ устроилъ какое-то подобіе Голгоѳы: тамъ, между прочимъ, стоялъ гробъ, куда онъ и ложился въ минуты, когда его праздная жизнь становилась для него уже слишкомъ тягостною. Но проходило это минутное настроеніе, и опять начиналась прежняя жизнь; попытокъ осмыслить ее не дѣлалось.

Вотъ болѣе или менѣе общая характеристика золотопромышленниковъ перваго періода. Мы считаемъ нужнымъ оговориться, что между ними были свѣтлыя личности, но ихъ было очень немного: одинъ, два—и обчелся [1]); огромное же большинство принадлежало къ описанному типу. Оставили они послѣ себя память только въ карточной игрѣ, попойкахъ и безобразіяхъ.

Если сравнить описанныя времяпровожденіе и удовольствія промышленниковъ съ разгуломъ вернувшихся домой рабочихъ, — рабочихъ, которыхъ современные золотопромышленники обвиняютъ въ пьянствѣ и безобразіяхъ, — то замѣчается поразительное сходство: тѣ же безобразія и пьянство, но только у рабочихъ они въ болѣе грубой, а слѣдовательно и менѣе привлекательной формѣ. Рабочіе, конечно, трюфелей не ѣли и вмѣсто шампанскаго пили водку [2]), но они, также какъ и тѣ, были одержимы, главнымъ образомъ, желаніемъ показать, что имъ деньги дешевле щенокъ. Рабочій, говоритъ г. Скарятинъ (послѣ возвращенія съ пріиска), мечется какъ угорѣлый: ему и въ голову не приходитъ мысль о надобности, возможности

---

[1]) Между ними одною изъ самыхъ свѣтлыхъ и замѣчательныхъ личностей былъ Ѳ. И. Поповъ, человѣкъ очень разносторонній и образованный. Кромѣ золотого промысла, онъ старался развить въ Сибири и другія отрасли промышленности, изучалъ вопросъ о соединеніи Оби съ Печорою, для чего произвелъ съемку мѣстности, гдѣ соприкасаются бассейны этихъ рѣкъ, и пожертвовалъ (въ 30-хъ годахъ) 300 тыс. руб. на открытіе общественнаго банка, съ тѣмъ чтобы изъ его прибылей содержалось женское учебное заведеніе. Банкъ существуетъ и понынѣ и насчетъ его доходовъ содержатся Томская и Омская женскія гимназіи. Распространеніе образованія въ Сибири много обязано этому замѣчательному человѣку.

[2]) Впрочемъ, бывали случаи, когда рабочіе требовали „вина, что господа пьютъ“ (т.-е. шампанскаго), но его, говоритъ г. Скарятинъ, имъ не давали, разумѣется, и попоили, продавая по 7—8 руб. бутылку какой-нибудь бурды, вмѣсто клико.

отказать себѣ въ чемъ-нибудь, остановиться передъ высокою цѣною: только-бъ было, а о цѣнѣ и не спрашиваетъ; его какъ будто тяготятъ съ такимъ трудомъ добытыя деньги, онъ спѣшитъ сбыть ихъ во что́ бы то ни стало; обираютъ его немилосердно; онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, пока не пропьется, пока уже голый не вытрезвится голодомъ; какъ будто кто гонится за нимъ, побуждая бросать деньги; это—звѣрь, ошалѣвшій отъ преслѣдованія.

Онъ покупаетъ, напр., кусокъ шелковой матеріи, велитъ постлать ее поперекъ грязной улицы, чтобы перейти по матеріи, купленной за баснословную цѣну, какъ по мосту, не замаравъ своихъ, и безъ того грязныхъ, сапогъ. Или, придя пѣшкомъ на станцію, нанимаетъ дѣвокъ, запрягаетъ ихъ въ сани и онѣ тащатъ его, въ половинѣ сентября, по голой землѣ, на полозьяхъ, до слѣдующей деревни 15 верстъ. Развѣ эти случаи не одинаково характерны съ тѣми, когда золотопромышленникъ велитъ сломать домъ, о который онъ наканунѣ ударился лбомъ, или расплачивается за таску хорошими домами?

Въ послѣдовавшее затѣмъ время многое измѣнилось: цивилизующее значеніе времени коснулось и золотопромышленниковъ: смягчились и возвысились ихъ вкусы, и не ведутъ они той жизни, что́ прежде. Но по отношенію къ Сибири, тому краю, который надѣляетъ ихъ огромными богатствами, и къ тому населенію, которое доставляетъ имъ эти богатства изъ земли,—они остаются тѣми же грубыми эгоистами, заботящимися исключительно о своихъ личныхъ интересахъ и выгодахъ. Только въ самое послѣднее время можно указать на нѣсколько случаевъ, гдѣ золотопромышленники своими усиліями и пожертвованіями выказали широкое пониманіе интересовъ своего края: мы говоримъ о такихъ пожертвованіяхъ, какъ, напр., пожертвованія г. Сибирякова на открытіе морского пути въ Сибирь или его же и Цибульскаго—на учрежденіе сибирскаго университета, и о нѣкоторыхъ другихъ. Но все же слишкомъ мало сдѣлано золотопромышленниками для того, чтобы претендовать на благодарность мѣстнаго населенія.

Изъ всего сказаннаго о мѣстномъ значеніи золотого промысла можно сдѣлать такой выводъ:

Золотой промыселъ для мѣстнаго края имѣетъ и хорошее, и вредное значеніе. Хорошее значеніе состоитъ въ томъ, что онъ въ нѣкоторыхъ (хотя немногихъ) мѣстахъ доставляетъ заработки мѣстному населенію; въ мѣстностяхъ нахожденія пріисковъ промыселъ способствовалъ возвышенію рабочей платы и оживленію мелкой торговли, отчасти и земледѣлія; но выгоды эти сравнительно невелики: изъ огромныхъ получаемыхъ отъ промысла барышей на долю мѣст-

наго населенія достается очень незначительная часть. Вредное значеніе промысла заключается въ развращающемъ дѣйствіи, которое онъ производитъ на мѣстное рабочее населеніе, пріучая его къ безпечной, безпорядочной жизни, развивая въ немъ дурные инстинкты и постепенно спаивая его. Вслѣдствіе этого вреднаго вліянія на ссыльно-поселенцевъ, нельзя смотрѣть на промыселъ, какъ на средство для занятія ихъ; напротивъ, въ виду недостатка рабочихъ въ Сибири, слѣдуетъ признать, что поселенцы гораздо болѣе необходимы для промысла, чѣмъ онъ для нихъ, и что безъ ссыльно-поселенцевъ промыселъ не достигъ бы своего современнаго развитія.

III.

Чего же можно желать въ будущемъ отъ золотого промысла? Въ интересахъ государственныхъ надо, конечно, желать, чтобы промыселъ получилъ бо́льшее развитіе; въ интересахъ мѣстнаго населенія, надо стремиться къ тому, чтобы рабочее пріисковое населеніе получало справедливое вознагражденіе за свой трудъ, чтобы заработанныя деньги оставались его собственностью, способствовали увеличенію его благосостоянія и составляли дѣйствительное приращеніе той суммы цѣнностей, которая распространена среди низшихъ классовъ общества.

Какія измѣненія въ законодательствѣ нужны для достиженія этихъ цѣлей? Для достиженія первой цѣли необходимо, чтобы законодатель имѣлъ въ виду, что золотой промыселъ есть одинъ изъ видовъ торговаго предпріятія и, слѣдовательно, требуетъ для своего развитія тѣхъ же условій: онъ не въ состояніи выдерживать такихъ сильныхъ потрясеній, какъ, напр., возстановленіе подати съ золота, въ прежнемъ видѣ и размѣрѣ, черезъ два-три года послѣ отмѣны ея; для доставленія ему бо́льшаго простора, необходимо уничтожить многія формальности, напр., при заявкахъ и отводахъ розсыпей, и отмѣнить нѣкоторыя стѣснительныя условія, напр., обязательный передѣлъ всего добываемаго золота въ монету. Освобожденіе промысла отъ подобныхъ стѣсненій будетъ главнымъ условіемъ для его развитія. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ много будетъ способствовать и для достиженія второй цѣли, т.-е. того, чтобы больше выгодъ отъ промысла доставалось на долю мѣстнаго сибирскаго и уральскаго населенія. Дѣйствительно, послѣдняя цѣль скорѣе осуществима при существованіи мелкаго промысла, чѣмъ крупнаго; хотя раздробленіе крупнаго промысла на болѣе мелкій совершается естественнымъ путемъ,—такъ какъ крупный промыселъ, ища болѣе богатыхъ по со-

держанію золота песковъ, постепенно отодвигается на востокъ Сибири и оставляетъ поле для развитія мелкаго промысла,—но мелкій промыселъ для своего развитія требуетъ еще бо́льшей свободы, чѣмъ крупный: многія стѣсненія и формальности, вовсе не чувствительныя для крупнаго промысла, оказываются непреодолимыми препятствіями для мелкаго, страшно тормазятъ и даже совершенно останавливаютъ его развитіе; законодательство должно придти на помощь мелкому промыслу и, расчищая ему путь устраненіемъ разныхъ стѣсненій, помочь искусственно тому, что́ рано или поздно должно совершиться само собою. При дальнѣйшемъ раздробленіи этого промысла получитъ доступъ къ самостоятельному занятію имъ то рабочее населеніе, которое теперь идетъ въ батраки къ богатымъ золотопромышленникамъ: оно, образуя артели и товарищества, будетъ само заниматься этимъ дѣломъ, получитъ лучшее вознагражденіе и возможность экономическаго благосостоянія, которое обыкновенно приносятъ съ собою промышленныя товарищества.

Независимо отъ этого должно быть обращено особенное вниманіе на положеніе пріисковаго рабочаго населенія: условія найма и образа жизни его такъ ненормальны, что справедливо возмущаютъ общество. Хотя мѣстною администраціею принимаются мѣры для борьбы съ этимъ зломъ, но мѣры эти недостаточны, пока на помощь администраціи не придетъ само сибирское общество; пока оно само не сознаетъ необходимости принять въ этомъ участіе и помочь сибирскому рабочему населенію, которое слишкомъ невѣжественно и мало развито, чтобы самому защищать и отстаивать свои интересы.

Мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы: а) о подати съ золота; б) объ арендной платѣ съ пріисковъ, находящихся на казенныхъ земляхъ; в) объ отмѣнѣ обязательнаго передѣла всего добываемаго золота въ монету; г) о порядкѣ развѣдокъ, заявокъ и отводовъ россыпей; д) о пользованіи водою на пріискахъ; е) о надзорѣ за промысломъ; ж) объ отношеніяхъ рабочихъ къ хозяевамъ на пріискахъ.

IV.

Относительно *подати съ золота,* мы уже сказали, чѣмъ, по нашему мнѣнію, можно объяснить отмѣну ея въ 1876 г.: стремленіемъ нашего финансоваго управленія въ возможно короткое время значительно увеличить производительность промысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общую производительность Россіи. Какой же получился результатъ? — въ 1876 г. добыто было шлиховаго золота 2,054 п., въ 1877 г.—2,502 п., а въ 1878 г.—около 2,560 п., т.-е. въ 1877 г. болѣе противъ 1876 г.

на 448 п., а въ 1878 г. на 506 п., т.-е. добыча золота увеличилась только на 25%. Такой результатъ можно было бы назвать ничтожнымъ и неоправдывающимъ принесенныхъ жертвъ, если бы мы въ правѣ были считать его послѣдствіемъ отмѣны подати съ золота; на самомъ дѣлѣ послѣдствія эти еще не успѣли достаточно выразиться въ такое короткое время, какъ два года, такъ какъ въ этотъ срокъ *нельзя было приступить къ разработкѣ вновь заявленныхъ пріисковъ* (отводъ пріисковъ дѣлается въ два года), ни даже *въ значительной степени усилить работы* на существующихъ пріискахъ, потому что это усиленіе находится въ прямой зависимости отъ увеличенія количества рабочихъ и припасовъ на пріискахъ, что̀, при отдаленности пріисковъ и труднаго сообщенія съ ними (въ особенности на востокѣ Сибири, гдѣ теперь сосредоточена главная добыча золота), тоже не могло быть достигнуто въ короткое время. Указанное увеличеніе добычи золота въ значительной степени зависѣло отъ паденія нашего вексельнаго курса, такъ какъ черезъ это создалась значительная премія для промышленниковъ, побудившая многихъ изъ нихъ нѣсколько усилить работы: благодаря этой преміи, стали получать выгоду даже тѣ, кто прежде едва сводилъ концы съ концами.

На вопросъ: можно ли въ будущемъ ожидать значительнаго увеличенія добычи золота послѣ отмѣны подати,—отвѣтить пока невозможно. Число заявокъ, правда, въ послѣдніе два года значительно увеличилось противъ предшествовавшихъ лѣтъ: въ восточной Сибири въ $5^1/_2$ разъ и на Уралѣ въ $2^1/_2$ раза,—но насколько благонадежны по содержанію золота заявленныя мѣста и насколько солидны средства промышленниковъ, заявившихъ эти мѣста,—неизвѣстно, а потому всѣ предположенія о дальнѣйшемъ развитіи безпошлинной добычи золота будутъ слишкомъ гадательны.

Предшествовавшая исторія промысла позволяетъ скорѣе заключить, что умѣренная подать съ золота не можетъ имѣть значительнаго вліянія на количество добычи его, по той причинѣ, что противъ тягости высокой подати имѣется хорошее противодѣйствіе въ улучшеніи способовъ производства промысла. Дѣйствительно, въ первое время въ Сибири находили возможнымъ разработывать лишь весьма богатыя розсыпи, да и то выхватывая изъ нихъ только богатѣйшую полоску и оставляя въ бокахъ и отводя въ отвалы пески съ такимъ золотомъ, какое въ настоящее время найдется на рѣдкомъ пріискѣ въ самомъ богатомъ мѣстѣ. Когда богатые пріиски стали выработываться, то явилось убѣжденіе, что золотопромышленность рѣшительно и быстро клонится къ упадку, и что конецъ ея недалекъ; добыча золота стала уменьшаться, и золотопромышленники подняли плачъ. Но дѣло обошлось очень благополучно: необходимость заставила по-

думать объ улучшеніи способовъ производства: усовершенствовали промывательныя машины, черезъ это усилили промывку песковъ, и, такимъ образомъ, бѣдность содержанія золота наверстали количествомъ промываемыхъ песковъ; гдѣ можно, замѣнили людей механизмами и лошадьми, и черезъ это уменьшили расходы на наемъ рабочихъ рукъ. Количество добычи золота вновь повысилось.

Благодаря этимъ усовершенствованіямъ, вводимымъ постепенно и, надо думать, далеко недостигшимъ своего предѣла, въ настоящее время промываются пески съ такимъ незначительнымъ содержаніемъ золота, о которыхъ прежде нечего было и думать. Все это показываетъ, что подать съ золота, взимаемая въ умѣренномъ размѣрѣ, не можетъ быть стѣснительною для промысла. Это какъ-бы признано и самими промышленниками, не сдѣлавшими при пересмотрѣ въ 60-хъ годахъ въ податной коммиссіи устава ни одного заявленія о полной отмѣнѣ подати съ золота.

Тѣмъ не менѣе возстановленіе подати съ золота въ прежнемъ видѣ всего менѣе было бы желательно въ настоящее время: хотя отмѣна подати и не вызывалась необходимостью, но разъ что подать отмѣнена, необходимо дождаться результатовъ этой отмѣны, чтобы опредѣлить дѣйствительное вліяніе этого фактора на производство, что необходимо для дальнѣйшаго движенія законодательства о золотомъ промыслѣ. Если же необходимо увеличеніе доходовъ казны отъ золотого промысла, то это можетъ быть достигнуто на счетъ другого источника, именно насчетъ арендной платы съ казенныхъ пріисковъ, къ которой мы теперь и обратимся.

V.

Съ 1870 г. всѣ находящіеся на казенныхъ земляхъ пріиски обложены *арендной платой* въ размѣрѣ 15 коп. съ длины погонной сажени, такъ что за полный отводъ (5 верстъ длиною) приходится платить — 375 руб. въ годъ. Эта плата введена для предупрежденія захвата большого числа пріисковъ въ однѣ руки; но въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, она не достигаетъ цѣли: съ одной стороны, она слишкомъ ничтожна, чтобы предупредить захваты крупныхъ промышленниковъ, и слишкомъ высока и обременительна для производства промысла мелкихъ промышленниковъ. Поэтому въ то время, какъ въ богатѣйшихъ округахъ захваты продолжаютъ существовать въ большихъ размѣрахъ [1]), золотопромышлен-

[1]) Въ олекминскомъ и амурскомъ округахъ число оставленныхъ безъ разработки пріисковъ было въ 1874 г. болѣе числа разрабатываемыхъ: въ первомъ — въ 9, во второмъ—въ 8 разъ.

ники болѣе бѣдныхъ золотомъ мѣстностей, именно: уральскаго хребта, западной Сибири и киргизскихъ степей—обращаются (въ 1871 г.) къ правительству съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ арендной платы, объясняя, что она лишаетъ ихъ возможности продолжать разработку бѣдныхъ по содержанію пріисковъ, составляющихъ огромное большинство въ тѣхъ мѣстностяхъ. Вслѣдствіе этого взиманіе арендной платы въ этихъ мѣстностяхъ было въ 1871 г. временно пріостановлено, и выработанъ проектъ новыхъ правилъ для взиманія арендной платы [1]). Существенное отличіе его отъ прежде существовавшаго способа состоитъ въ томъ, что арендную плату предположено взимать не по числу погонныхъ саженъ въ длинѣ пріиска, а по размѣру его площади, съ принятіемъ десятины за единицу обложенія. Такое измѣненіе вызвано значительною разностью въ размѣрахъ площадей на Уралѣ и въ Сибири: на Уралѣ ширина пріиска не можетъ превышать 100 саж., а площадь его — 250,000 кв. саж., въ Сибири же пріискъ можетъ занимать всю ширину долины, и потому его площадь можетъ быть болѣе 1 мил. кв. саж. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было предположено размѣръ арендной платы поставить въ зависимость отъ богатства розсыпей, посредствомъ установленія нѣсколькихъ размѣровъ платы, сообразно количеству добываемаго золота. Послѣ отмѣны подати съ золота проектъ этотъ былъ вновь пересмотрѣнъ, при этомъ основная мысль, какъ мы слышали, осталась та же, но частности измѣнены, приблизительно, слѣдующимъ образомъ: предполагается установить три размѣра арендной платы: высшій—для олекминскаго округа, какъ самаго богатаго, средній—для амурскаго и низшій—для всѣхъ прочихъ, и въ этихъ размѣрахъ взимать плату со всѣхъ неработающихъ пріисковъ и съ тѣхъ, гдѣ добывается менѣе 2 п. Для тѣхъ пріисковъ, гдѣ будетъ добываться болѣе 2 п., но менѣе 3 пуд., подесятинная плата удвоивается; гдѣ болѣе 3 пуд., но менѣе 4 пуд., она утроивается и т. д., т.-е. соразмѣрно количеству добытаго золота размѣръ подесятинной платы возрастаетъ въ ариѳметической прогрессіи. Поясникъ это примѣромъ: положимъ, что норма платы для одного изъ округовъ будетъ опредѣлена въ 3 р.; такая плата будетъ взиматься съ пріисковъ, гдѣ золото добывается менѣе 2 п.; если добыча золота будетъ 2—3 пуд., то плата составитъ 6 р., если 3—4 п., то 9 р. и т. д.

Нельзя не отнестись съ полнымъ одобреніемъ къ такому разрѣшенію вопроса объ арендной платѣ. Арендная плата была установлена (въ 1870 г.) для устраненія захвата пріисковъ, такъ какъ опытъ показалъ, что практиковавшаяся до того времени мѣра предупреж-

[1]) Проектъ этотъ разобранъ въ Трудахъ общ. сод. рус. пром., 1874 г., ч. VII.

денія захватовъ—именно обязательная разработка пріисковъ—положительно безполезна: горный ревизоръ не имѣетъ возможности слѣдить за тѣмъ, разработывается ли пріискъ или нѣтъ. Но какъ мѣра для предупрежденія захватовъ, арендная плата тоже очень несовершенна, такъ какъ не можетъ вполнѣ уничтожить ихъ: богатый золотопромышленникъ всегда будетъ имѣть возможность и выплатить подати, и обойти законъ. Поэтому единственно къ чему можно стремиться — это къ возможному уменьшенію захватовъ [1]). Но, какъ показалъ опытъ, при выборѣ размѣра арендной платы надо поступать съ большою осмотрительностью, такъ какъ высокая арендная плата оказывается губительною для мелкой промышленности. Поэтому въ разныхъ мѣстностяхъ должны быть установлены разныя нормы арендной платы, въ зависимости отъ богатства золотоносныхъ песковъ и размѣра промысловыхъ работъ: въ мѣстахъ преобладанія крупнаго промысла эта плата должна быть назначена настолько высокою, чтобы стѣснять по возможности захваты; въ мѣстахъ же мелкаго промысла она должна быть настолько низка, чтобы не тормазить развитіе мелкой промышленности. Въ принципѣ проектъ удовлетворяетъ этимъ требованіямъ; надо желать, чтобы онъ имъ удовлетворялъ и въ частностяхъ, т.-е. чтобы были разумно выбраны размѣры арендной платы для разныхъ мѣстностей.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и ко введенію въ арендную плату начала прогрессивности, въ зависимости отъ количества намываемаго на пріискахъ золота, такъ какъ казна черезъ это получаетъ возможность возстановить свой доходъ отъ промысла, не прибѣгая къ только-что отмѣненному способу взиманія подати съ золота.

VI.

Много нареканій возбуждаетъ порядокъ, такъ-называемаго, *разсчета казны съ промышленниками за добываемое ими золото*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: намывъ золото, промышленникъ беретъ свидѣтельство отъ горнаго ревизора о томъ, на какомъ пріискѣ оно добыто, и везетъ его въ Иркутскъ, Барнаулъ или Екатеринбургъ, гдѣ существуютъ золотосплавочныя лабораторіи; тамъ золото сплав-

[1]) Въ 1878 г. въ екатеринбургскомъ округѣ была примѣнена другая принудительная мѣра для разработки казенныхъ пріисковъ: арендаторы 3-хъ участковъ обязались имѣть не менѣе 50 рабочихъ на участкѣ; эта мѣра практикуется на земляхъ частныхъ лицъ, но врядъ ли примѣнима на казенныхъ, такъ какъ требуетъ строгаго надзора, что́ для казны невыполнимо, по большому числу пріисковъ.

ляютъ въ штыки и ставятъ на немъ пробу и затѣмъ везутъ въ казенномъ транспортѣ (караванѣ) на с.-петербургскій монетный дворъ, а промышленнику выдаютъ ассигновки, по которымъ онъ черезъ 6 мѣсяцевъ получитъ съ монетнаго двора равную сумму золотою монетою.

Неудобства такого порядка заключаются въ слѣдующемъ:

1) 6-ти мѣсячный срокъ для производства разсчета очень стѣснителенъ для промышленниковъ, потому-что, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, они затрачиваютъ капиталъ за годъ, за два, а иногда и болѣе до представленія золота. Правда, промышленникъ можетъ продать или заложить свои ассигновки въ банкахъ или у частныхъ лицъ, но при этомъ онъ потеряетъ, по крайней мѣрѣ, 4 учетныхъ процента; при продажѣ же, кромѣ того, потеряетъ нѣсколько процентовъ риска, которые учитываются покупщиками на случай пониженія цѣны на золотѣ черезъ 6 мѣсяцевъ.

2) Промышленникъ несетъ расходы на доставку золота въ Петербургъ и расходы на полученіе золота въ Петербургѣ, такъ какъ для послѣдней цѣли онъ долженъ или самъ туда ѣхать, или давать довѣренность на полученіе золота съ монетнаго двора.

3) Промышленникъ несетъ расходы по чеканкѣ монетъ, пропадающіе совершенно непроизводительно, такъ какъ большая часть нашей монеты уходитъ за-границу и тамъ вновь перечеканивается.

Медленность и формализмъ этого разсчета давно возбуждаетъ ропотъ всего золотопромышленнаго міра. Вотъ какъ отзывался объ этомъ г. Скарятинъ въ 1862 г.: „Кто хоть разъ сдавалъ золото, тотъ знаетъ, что это за исторія! Не то, чтобы золотопромышленнику было ужъ очень нужно самое золото; напротивъ, почти всегда онъ очень радъ промѣнять поскорѣй свой золотой порошокъ на кредитные билеты; но я говорю о тѣхъ хлопотахъ, потерѣ времени, поклонахъ, тратѣ денегъ и т. п., которыми сопровождается этотъ промѣнъ. Везти золото приходится за тысячи и болѣе верстъ, посылать довѣреннаго, тратить деньги, кланяться всѣмъ и каждому, начиная со сторожа [1]), и ждать денегъ въ то время, когда дорогъ каждый часъ. Подрядчики приступаютъ, рабочихъ надо разсчитывать, а въ кассѣ хоть шаромъ покати. Я по собственному опыту знаю, что̀ это за адъ!“ Такъ жалуется крупный промышленникъ, что̀ же послѣ того сказать мелкому? Для него получить скорый разсчетъ за золото тѣмъ болѣе важно, что онъ ведетъ дѣло разработки безъ запаснаго капитала:

---

[1]) Извѣстно, что прежде при сплавѣ золота въ Барнаулѣ приходилось давать взятки всѣмъ и каждому, не исключая и кочегара, послѣднему — изъ предосторожности, чтобы горшокъ не лопнулъ и золото не вытекло.

онъ готовъ поступиться значительною частью прибыли и продать золото по значительно меньшей цѣнѣ, лишь бы получить за него скорѣе деньги.

Въ настоящее время неудобства нѣсколько уменьшились: золото сплавляется, вмѣсто одной, въ трехъ лабораторіяхъ; при пріемѣ его не дѣлается тѣхъ притѣсненій, что прежде; но все-таки остается еще очень и очень много стѣсненій. Стѣсненія эти сознаны, наконецъ, и самимъ горнымъ вѣдомствомъ, и оно, признавая необходимымъ оставить въ своей силѣ обязательное представленіе шлиховаго золота въ казну, находитъ возможнымъ выдавать его обратно промышленникамъ не въ видѣ монеты, а въ видѣ слитковъ лигатурнаго золота; это даетъ возможность разсчетъ за золото перенести изъ монетнаго двора въ тѣ лабораторіи, гдѣ оно сплавляется, значительно сократить срокъ разсчета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освободить промышленниковъ отъ расходовъ по передѣлу золота въ монету.

VII.

Порядокъ развѣдокъ, заявокъ розсыпей и отвода площадей — тоже чрезвычайно сложный и продолжительный. Хотя въ законѣ точно обозначено, кто имѣетъ и кто не имѣетъ права заниматься промысломъ, тѣмъ не менѣе на право развѣдокъ золота надо брать дозволительное свидѣтельство отъ мѣстнаго управленія по золотому промыслу. Положимъ, свидѣтельство взято, поисковая партія сформирована и отправлена на развѣдки, розсыпь найдена; тогда надобно заявить объ этомъ уѣздному полицейскому управленію, но предварительно надо выбить на протяженіи развѣданной мѣстности не менѣе двухъ шурфовъ. Не позже двухъ лѣтъ послѣ заявки дѣлается отводъ площади, и промышленнику выдается на нее планъ.

Порядокъ этотъ можетъ имѣть одну цѣль: обезпечить промышленнику право пользованія пріискомъ, между тѣмъ въ немъ есть много формальностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ этой цѣли и только тормазящихъ дѣло. Къ нимъ, во-первыхъ, принадлежатъ дозволительныя свидѣтельства; введены они съ цѣлью—лучше слѣдить за тѣми, кто сталъ бы добывать золото, не имѣя на то права. Но такъ какъ съ соблюденіемъ этой формальности неизбѣжно соединены трата времени и расходы, то она приводитъ какъ разъ къ противоположнымъ результатамъ: изъ-за нея одни изъ имѣющихъ право на развѣдки золота отказываются отъ поисковъ, другіе же производятъ ихъ безъ свидѣтельства и, такимъ образомъ, имѣя по закону право,

поступаютъ незаконно. Въ виду этого, дозволительныя свидѣтельства должны быть отмѣнены.

Во-вторыхъ, обязательство выбивать не менѣе двухъ шурфовъ—опять излишняя формальность. Очевидно, она имѣетъ цѣлью заставить промышленника, прежде чѣмъ заявлять розсыпь, убѣждаться въ ея благонадежности. Законъ этотъ не всегда исполняется: дѣйствительная развѣдка площади часто дѣлается послѣ, а не прежде заявки; съ явочною же шурфовкою поступаютъ такъ: вырываютъ ямки вмѣсто шурфовъ, подаютъ явку и вступаютъ въ переговоры съ отводчикомъ. „Безъ платы отводчику,—говоритъ г. Скарятинъ въ 1862 г., —никакъ не обходится, такъ какъ рѣдко встрѣчается такая заявка, къ которой нельзя было бы придраться такъ или иначе, если придраться захотятъ. Бывали примѣры, что если пріискъ подаетъ надежды, то за него плачивали по десяти и даже болѣе тысячъ рублей. Обыкновенные же расходы невелики и не обременительны для крупнаго промышленника, но могутъ оказаться очень обременительными для мелкаго". Поэтому всего лучше было бы отмѣнить это излишнее требованіе и отводить промышленнику всякую указанную имъ свободную мѣстность, не вынуждая его производить шурфовку. Правительство само, повидимому, начинаетъ признавать эту формальность излишнею и не всегда выполнимою: по крайней мѣрѣ, прошлымъ лѣтомъ было нѣсколько случаевъ утвержденія за частными лицами пріисковъ, при заявкѣ которыхъ не были соблюдены всѣ требуемыя относительно шурфовки формальности [1]).

Въ-третьихъ, двухлѣтній срокъ для отвода площадей слишкомъ великъ, въ особенности для мелкаго промысла, и долженъ быть сокращенъ до minimum'a, который, конечно, окажется различнымъ для разныхъ мѣстностей: въ восточной Сибири, пустынной и мало населенной, онъ все-таки останется довольно продолжительнымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной Сибири, а въ особенности на Уралѣ, гдѣ населеніе гораздо гуще, срокъ этотъ могъ бы быть сокращенъ до полугода, а можетъ быть и того менѣе.

VIII.

Въ нашемъ законодательствѣ замѣчается полный пробѣлъ правилъ пользованія *водою* на золотыхъ пріискахъ. Безъ воды немыслима разработка пріиска: она тамъ употребляется и какъ двигатель, и какъ орудіе для промывки песковъ; какъ двигатель, сила воды мо-

[1]) Положеніе комитета министровъ, 1 и 29 іюня 1879 г.

жетъ быть еще замѣнена силою пара, лошадей и другими силами, но какъ орудіе для промывки она составляетъ единственное и ничѣмъ незамѣнимое средство,—она, такъ-сказать, жизнь пріисковъ.

Въ золотоносныхъ системахъ сплошь и рядомъ встрѣчается нѣсколько пріисковъ по одной долинѣ, рѣчка или ключъ которой протекаетъ только по тѣмъ изъ нихъ (главнымъ или первымъ по заявкѣ), которыя лежатъ въ самыхъ низменныхъ частяхъ долины, а потому одни пріиски не имѣютъ своей воды, у другихъ же въ ней нерѣдко чувствуется избытокъ. Владѣльцы пріисковъ, по которымъ протекаетъ вода, считаютъ ее своею собственностью, а потому и распоряжаются водою, какъ имъ хочется, не только стѣсняя въ пользованіи ею, но и совсѣмъ лишая ея владѣльцевъ другихъ пріисковъ; вслѣдствіе чего послѣдніе вынуждены бываютъ или оставлять пріиски безъ разработки, или платить за воду слишкомъ дорого, или продавать пріиски за безцѣнокъ. Справедливость этого подтверждается многими примѣрами изъ практики нашего золотого промысла.

Въ законодательствахъ другихъ европейскихъ государствъ относительно пользованія водою существуютъ особыя спеціальныя правила. Для правильнаго развитія нашей золотопромышленности необходимо, чтобы отношенія промышленниковъ къ водѣ, въ случаѣ несогласій, были бы подчинены особымъ правиламъ, въ основу которыхъ долженъ быть положенъ тотъ принципъ, что вода, какъ постоянный даръ природы, по временамъ очень обильный, а иногда и недостаточный для удовлетворенія нуждъ человѣка и его фабричной и горной промышленности, не должна составлять для владѣльца прилегающей къ ней земли безусловнаго права собственности, а выражать лишь право преимущественнаго пользованія ею безъ ущерба и стѣсненія владѣльцевъ сосѣднихъ пріисковъ [1]).

IX.

Ближайшій *надзоръ надъ золотыми промыслами* возлагается на окружныхъ ревизоровъ и полицію, въ лицѣ горныхъ исправниковъ. Обязанности ревизора состоятъ въ разсмотрѣніи правильности заявокъ, наблюденія за производствомъ отводовъ и вообще въ наблюденіи за точнымъ исполненіемъ золотопромышленнаго устава (ст. 13 уст.). Къ обязанностямъ полиціи относится веденіе списка открытымъ розсыпямъ и надзоръ за сохраненіемъ порядка на промыслахъ.

---

[1]) Труды общества содѣйствія и т. д., ч. VII. Мнѣніе коммиссіи, выбранной комитетомъ общества для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ вопросовъ золотого промысла.

Изъ перечисленія обязанностей окружнаго ревизора видно, что онѣ довольно неопредѣленны: „наблюдать за точнымъ исполненіемъ устава“, но на что́ слѣдуетъ при этомъ наблюденіи обращать главное вниманіе, чтобы изъ-за мелочей не упустить наиболѣе существеннаго? Неопредѣленность такого наблюденія сознавалась, повидимому, и составителями устава, такъ какъ далѣе, въ ст. 14 упоминается объ инструкціи, которая будетъ дана горнымъ ревизорамъ для руководства при исполненіи ими своихъ обязанностей. Инструкція эта, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не составлена, между тѣмъ въ ней настоитъ крайняя надобность; выше было показано, въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ живутъ и работаютъ рабочіе на промыслахъ; защиту ихъ правъ и интересовъ должны на себя принять лица правительственнаго надзора; это должно быть вмѣнено имъ въ обязанность, и предѣлы ихъ вмѣшательства въ отношенія рабочихъ къ промышленникамъ должны быть опредѣлены инструкціею.

Вообще, горнымъ ревизорамъ и исправникамъ приходится быть посредниками между рабочими и промысловыми управленіями и для безпристрастнаго исполненія этихъ обязанностей необходимо, чтобы ревизоръ и исправники были поставлены въ положеніе вполнѣ независимое отъ промышленниковъ. Между тѣмъ, если обратить вниманіе на получаемое ими содержаніе, трудно ожидать, чтобы эти лица въ состояніи были держать себя вполнѣ независимо. Изъ финансовыхъ смѣтъ горнаго департамента видно, что окружной ревизоръ получаетъ въ годъ отъ 885 р. до 1,835 р., его помощникъ—864 р., горный исправникъ (по штатамъ 1838 г.)—отъ 280 р. до 435 руб. Большая часть этихъ окладовъ *вообще* незначительна, тѣмъ болѣе для людей, трущихся около золота. Немудрено послѣ этого, что многіе изъ этихъ лицъ прибѣгаютъ къ незаконнымъ поборамъ съ промышленниковъ, для чего практика выработала (какъ видно изъ трудовъ податной коммиссіи) болѣе или менѣе опредѣленные оклады: „ограниченность оклада жалованья мѣстной пріисковой администраціи такова, что, напр, горный исправникъ рѣшительно не могъ бы существовать, если бы золотопромышленники не помогали ему и деньгами, и припасами въ натурѣ. Это производится слѣдующимъ образомъ: горному ревизору дается отъ 50 коп. до 1 руб. на каждаго рабочаго, помощнику его—отъ 25 к. до 50 к., и 25 к. на канцелярію; столько же почти дается исправнику, его помощнику и на канцелярію и, сверхъ того, все содержаніе натурою: чай, сахаръ, хлѣбъ, мясо, овесъ, сѣно и прислуга“. Заявленіе это было сдѣлано въ 1864 г. въ податной коммиссіи однимъ экспертомъ-золотопромышленникомъ, и такъ какъ штаты съ тѣхъ поръ не измѣнились, то, вѣроятно, слова эти справедливы и для настоящаго времени. Суще-

ствованіе этихъ тайныхъ поборовъ вызвало преслѣдованіе со стороны бывшаго генералъ-губернатора Синельникова, окончившееся, впрочемъ, какъ и слѣдовало ожидать, полнѣйшимъ неуспѣхомъ. Дѣйствительно, единственное средство противъ этихъ злоупотребленій—это назначеніе справедливаго вознагражденія лицамъ правительственнаго надзора. Отсюда ясно, какъ необходимо возможно скорѣе пересмотрѣть штаты получаемаго ими содержанія.

X.

Вопросъ *объ отношеніи пріисковыхъ рабочихъ къ ихъ хозяевамъ* находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи. Сами золотопромышленники начинаютъ это сознавать и заниматься изысканіемъ средствъ для улучшенія этихъ отношеній. Такъ, промышленники, обсуждавшіе этотъ вопросъ въ обществѣ содѣйствія, отзываются о немъ въ слѣдующихъ словахъ [1]): „въ сорокалѣтній періодъ существованія сибирской золотопромышленности всѣ ея частныя стороны развивались и улучшались или путемъ законодательной регламентаціи, или практическимъ путемъ опыта и обычая. Исключеніемъ является только положеніе рабочихъ на пріискахъ, которое и донынѣ остается почти тѣмъ же, какимъ было сорокъ лѣтъ тому назадъ, при первомъ появленіи золотого промысла въ Сибири, дѣйствительная же отсталость этого положенія съ каждымъ годомъ и съ возрастающею силою даетъ себя чувствовать какъ самимъ золотопромышленникамъ, такъ и мѣстному населенію, и самой правительственной администраціи сибирскихъ губерній".

Главные недостатки этихъ отношеній промышленники видятъ въ слѣдующемъ:

Во-1-хъ, при наймѣ рабочихъ имъ выдаются большіе задатки, что, по мнѣнію коммиссіи золотопромышленниковъ, происходитъ вслѣдствіе разгула рабочихъ, пропивающихъ задатки и являющихся за новыми получками. Мы уже показали выше, что въ выдачѣ большихъ задатковъ виноваты исключительно сами промышленники и ихъ довѣренные, старающіеся, при помощи большихъ задатковъ, перетянуть рабочихъ одинъ отъ другого. Мы показали также, что большіе задатки составляютъ зло, такъ какъ ставятъ рабочаго въ большую зависимость отъ пріисковаго управленія, вслѣдствіе чего наиболѣе самостоятельные и осторожные рабочіе остерегаются брать большія суммы въ задатокъ. Зло это, какъ кажется, не такъ трудно

[1]) Труды Общества, ч. VII.

устранимо: для этого надо, конечно, обуздать не произволъ рабочихъ, берущихъ эти задатки, а произволъ хозяевъ, ихъ дающихъ. Сдѣлано это, можетъ быть, напримѣръ посредствомъ постановленія, что какъ бы ни былъ великъ долгъ пріисковаго рабочаго, хозяинъ при разсчетѣ обязанъ выдать ему опредѣленную часть договорной суммы деньгами. Черезъ это хозяева будутъ поставлены въ необходимость быть болѣе осторожными при выдачѣ большихъ суммъ въ счетъ будущихъ заработковъ (Лоранскій, Горный Журналъ, 1872 г.).

Во-2-хъ, рабочіе, по словамъ золотопромышленниковъ, крадутъ золото и пьянствуютъ. Но мы видѣли, что пьянство и кража золота происходятъ въ значительной степени по винѣ самихъ пріисковыхъ управленій: съ одной стороны, они не даютъ рабочимъ столько вина, сколько требуется мѣстными климатическими условіями и трудностью работы, съ другой—они сами обезцѣниваютъ золото, уплачивая только за крупное, и то по баснословно низкой цѣнѣ; рабочій перестаетъ цѣнить такое золото и предпочитаетъ, вмѣсто того, чтобы отдать его почти за-даромъ промышленнику, купить на него водки, удовлетворивъ тѣмъ своей естественной потребности. Ясно, что средства противъ кражи золота и пьянства рабочихъ находятся въ рукахъ самихъ промышленниковъ. Средства эти указаны въ приведенномъ выше циркулярѣ генералъ-губернатора: надо возвысить вознагражденіе, выдаваемое рабочимъ за подъемное золото, принимать въ счетъ его не только крупный, но и мелкій металлъ, не уменьшать этого вознагражденія при уплатѣ за подъемное золото припасами и давать рабочимъ бо́льшее количество винныхъ порцій. Тогда смѣло можно разсчитывать, что рабочіе сознаютъ собственныя свои выгоды отъ сдачи подъемнаго золота пріисковому управленію, и прекратится утайка его; равнымъ образомъ значительно ослабѣетъ и пьянство [1]).

Въ-3-хъ, рабочій не имѣетъ средствъ къ сбереженію и накопленію своего заработка и къ пріобрѣтенію себѣ въ немъ обезпеченія на старость; потому и трудовыя деньги естественно имѣютъ въ его глазахъ сравнительно малое значеніе и часто проматываются въ очень короткое время. Но это кажущееся легкомысліе объясняется исклю-

---

[1]) Обвиняя рабочихъ въ хищничествѣ золота, обыкновенно забываютъ, что иногда хищниками его являются тѣ самые казаки, которые приставлены на пріиски, чтобы охранять золото и поддерживать порядокъ и спокойствіе. Жизнь на пріискѣ считается для казака очень выгодною, и эти мѣста даются имъ какъ-бы въ кормёжку. Дѣлать имъ тамъ нечего, и потому они, наравнѣ съ прочими рабочими, занимаются обыкновенно промывкою золота. Промышленники зачастую тяготятся излишнимъ числомъ казаковъ, но избавиться отъ нихъ не могутъ; поэтому они теперь хлопочутъ о томъ, чтобы самому владѣльцу пріиска было предоставлено право опредѣлять число нужныхъ для охраны пріиска казаковъ.

чительно тѣмъ обстоятельствомъ, что они не могутъ даже найти лучшаго употребленія для своихъ денегъ: дѣйствительно, нельзя допустить, чтобы рабочій успѣшно сберегалъ деньги, нося ихъ постоянно при себѣ и копилъ бы ихъ изъ году въ годъ, среди всѣхъ случайностей и соблазновъ полубродяжеской жизни. Генералъ-губернаторы восточной Сибири, какъ видно изъ ихъ циркуляровъ, принимали различныя мѣры, чтобы помочь рабочимъ донести въ цѣлости до дома заработанныя деньги: такъ, были командируемы чиновники на большіе пріиски ко времени выхода оттуда рабочихъ, которые убѣждали рабочихъ (и, по словамъ циркуляровъ, не безъ успѣха) отдавать имъ деньги на время пути на сбереженіе; затѣмъ рабочимъ не дозволялось останавливаться въ большихъ городахъ и вообще въ мѣстахъ, представляющихъ много соблазновъ. Мѣры эти, конечно, слишкомъ палліативны, чтобы имѣть какое нибудь серьёзное значеніе; къ тому-же, онѣ могутъ быть приняты только относительно очень небольшого числа рабочихъ.

Къ изложеннымъ неудобствамъ слѣдуетъ прибавить еще одно, наиболѣе важное для интересовъ самихъ рабочихъ:

Въ-4-хъ, рабочіе нанимаются на пріиски единолично и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ артелями, именно для спеціальныхъ цѣлей, каковы: золотничныя работы, оплачиваемыя по количеству добытаго золота, вскрытіе торфовъ, плотничныя работы и друг.; дѣйствуя при единоличномъ наймѣ, часто въ подрывъ одинъ интересамъ другого, они получаютъ меньшую плату, чѣмъ тѣ, которые нанимаются по-артельно; вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе той же разрозненности своихъ интересовъ, они не находятъ въ своей средѣ никакой опоры противъ притѣсненій пріисковаго управленія и страдаютъ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе, чѣмъ рабочіе, нанявшіеся по-артельно.

Наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ для улучшенія настоящаго положенія рабочихъ, по мнѣнію комиссіи, было бы такое средство, которое клонилось бы къ поднятію нравственнаго уровня самого рабочаго класса и вмѣстѣ съ тѣмъ устраняло бы изъ его внутренняго быта самыя причины его недостатковъ. Такой поворотъ къ лучшему, можетъ быть, по мнѣнію комиссіи, достигнутъ, хотя и очень постепенно, въ теченіи значительнаго періода времени, при осуществленіи слѣдующихъ главныхъ условій: 1) установить между рабочими круговую поруку; 2) доставить рабочему возможность къ сбереженію и накопленію его заработковъ, и 3) доставить ему лучшія гарантіи его правъ и интересовъ, измѣненіемъ способа найма и единоличнаго заключенія условій. Всѣ эти цѣли, по мнѣнію комиссіи, одновременно могутъ быть достигнуты посредствомъ прямой организаціи рабочихъ въ артели, съ возможно правильнымъ и опредѣлен-

нымъ внутреннимъ устройствомъ. Устроить такую артель, комиссія полагаетъ возможнымъ на слѣдующихъ, главнымъ образомъ, основаніяхъ: артель учреждается по возможности на долгій срокъ, и рабочіе остаются ея членами какъ въ бытность на пріискѣ, такъ и по возвращеніи на зимовку. Артель управляется старостой, и выборными этихъ лицъ ведутся переговоры съ нанимателями и заключаютъ контракты о наймѣ рабочихъ. Каждый рабочій изъ своихъ заработковъ отчисляетъ опредѣленный процентъ въ артельный капиталъ, и накопившаяся, такимъ образомъ, доля возвращается ему при выходѣ его изъ артели. Долги, оказавшіеся на бѣжавшихъ рабочихъ или на неимѣющихъ возможности ихъ уплатить, покрываются вычетами изъ общихъ заработковъ.

Къ сожалѣнію, въ проектѣ не объясняется, какимъ способомъ, по мнѣнію комиссіи, онъ могъ бы быть введенъ въ практику. Комиссія выражаетъ только желаніе встрѣтить при введеніи артельнаго начала покровительство правительства и сочувствіе частныхъ лицъ, причемъ думаетъ, что „введеніе артелей можетъ совершиться только постепенно, по мѣрѣ изученія экономическихъ условій"; но эти слова слишкомъ неясны и неопредѣленны. Говоря теоретически, способовъ для образованія такихъ артелей представляется три: 1) распоряженіе правительственное о соединеніи пріисковыхъ рабочихъ въ артели въ предѣлахъ какой-либо территоріальной единицы, напр. волости; 2) рѣшимость всѣхъ золотопромышленниковъ нанимать рабочихъ не иначе, какъ артелями, и 3) убѣжденіе самихъ рабочихъ въ необходимости соединенія ихъ въ артели.

О первой мѣрѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи; вторая тоже вовсе неосуществима, потому что нельзя разсчитывать, чтобы всѣ, или, по крайней мѣрѣ, большая часть промышленниковъ одной области могла придти къ такому заключенію; но если бы это даже и осуществилось, то значительно уменьшило-бы число рабочихъ на пріискахъ, такъ какъ въ составъ артелей не могли бы войти всѣ, а лишь наиболѣе надежные работники. Остается третья мѣра: распространеніе въ средѣ рабочихъ убѣжденія въ преимуществѣ артельнаго найма передъ единоличнымъ. Но на распространеніе въ скоромъ времени такого убѣжденія разсчитывать нельзя, такъ какъ сдѣлать это теперь некому: если эту задачу на себя возьмутъ промышленники, то рабочіе подумаютъ (и не безъ основанія), что они стараются изъ личной выгоды—ввести между ними круговую поруку.

Вѣда въ томъ, что понять и оцѣнить выгоды артельнаго начала можетъ человѣкъ болѣе умственно развитый и матеріально обезпеченный, чѣмъ несчастный пріисковый рабочій; слѣдовательно, надо сперва поднять его нравственный и матеріальный уровень, и вотъ

тутъ-то приходится вступить въ ложный кругъ: чтобы улучшить его матеріальное положеніе—надо ввести артельное начало, а чтобы онъ понялъ его выгоды, надо, чтобы онъ былъ лучше матеріально обезпеченъ. Но во всякомъ случаѣ, когда пріисковый рабочій пойметъ выгоды артельнаго начала, надо думать, что онъ устроитъ свою артель на другихъ основаніяхъ, чѣмъ предполагаетъ коммиссія. Такая артель не могла бы составиться изъ всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ одной волости, а только изъ лучшихъ рабочихъ какъ въ физическомъ, такъ и нравственномъ отношеніяхъ, т.-е. обладающихъ достаточною физическою силою и вмѣстѣ съ тѣмъ внушающихъ довѣріе своею честностью и готовностью подчиняться артельнымъ порядкамъ. Такъ какъ соединеніе рабочихъ въ артели обусловливается представляющеюся имъ работою, работы же на пріискахъ продолжаются не круглый годъ, а лишь лѣтнее время, то надо думать, что артель пріисковыхъ рабочихъ не могла бы существовать неопредѣленное время, какъ полагаетъ коммиссія, а составлялась бы на одинъ годъ, и опять-таки не изъ всѣхъ пригодныхъ для этого людей въ волости, а только изъ того числа работниковъ, которые потребны для даннаго пріиска. Въ этомъ можно убѣдиться сравненіемъ проектируемой коммиссіею золотопромышленниковъ артели съ граборскою артелью (въ Смоленской губ.), описаніе которой мы находимъ у нашего извѣстнаго наблюдателя народной жизни—г. Энгельгардта [1]).

Однимъ словомъ, устройство артели, выработанной народной жизнью, весьма далеко отъ артели, измышленной золотопромышленниками. Поэтому надо думать, что, дойдя до сознанія о необходимости артели, ее составятъ совсѣмъ на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ предполагаютъ золотопромышленники.

Но на какихъ же основаніяхъ устроится такая артель и что́ же дѣлать, чтобы довести скорѣе рабочихъ до сознанія о необходимости артельнаго найма, вообще чѣмъ способствовать разрѣшенію такого жгучаго, какъ для промышленниковъ, такъ и для рабочихъ, вопроса? На какихъ условіяхъ можетъ устроиться въ будущемъ пріисковая артель—на этотъ вопросъ никто теперь не можетъ не только отвѣтить положительно, но даже намѣтить будущее разрѣшеніе этого вопроса, потому что никто не знаетъ сколько-нибудь основательно условія жизни, обычаевъ, характера и наклонностей пріисковыхъ рабочихъ, а эти свѣдѣнія прежде всего необходимы. Отсюда ясно, что первый шагъ въ разрѣшенію этого вопроса долженъ состоять въ изученіи быта рабочихъ во всѣхъ подробностяхъ. Предпринять это изученіе

[1]) „Отеч. Зап.“, 1879 г., январь. Изъ деревни.

надо тѣмъ способомъ, который практикуется въ западной Европѣ для изслѣдованія положенія фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, помощью спеціальныхъ коммиссій, изслѣдующихъ это дѣло на мѣстѣ; такія коммиссіи должны были бы посѣтить возможно бо̀льшее число пріисковъ и собрать свѣдѣнія по заранѣе составленной программѣ. Коммиссіи, конечно, должны быть составлены изъ людей независимыхъ и незаинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ; поэтому, кромѣ представителей отъ золотопромышленниковъ, въ ихъ составъ должны входить представители отъ правительства и отъ нашихъ ученыхъ обществъ, напр., географическаго и вольнозкономическаго. Но на это дѣло нужны большія средства: потребуется вѣроятно до 100 т. рублей, чтобы дать имъ возможность объѣхать всю золотопромышленную область? Откуда взять эти деньги? — Средства на это должны дать тѣ, кто, по собственному сознанію, наиболѣе заинтересованъ въ разрѣшеніи этого вопроса, т.-е. сами золотопромышленники, и дать эти деньги имъ очень легко, такъ какъ что̀, напримѣръ, значитъ сложиться десяти богачамъ-промышленникамъ и пожертвовать каждому по 10 тыс. рублей? Они сами заявляютъ, что „дѣйствительная отсталость положенія промысловыхъ рабочихъ съ каждымъ годомъ и съ возрастающею силою даетъ себя чувствовать намъ самимъ“; они сознаютъ, что „введеніе артелей можетъ совершиться только постепенно, по мѣрѣ изученія экономическихъ условій“,—такъ пусть они и дадутъ толчокъ этому дѣлу, дадутъ средства изучить экономическія условія. Вѣдь, кромѣ нихъ, за это дѣло въ Сибири взяться некому: земства нѣтъ, а общество слишкомъ апатично, да если бы и захотѣло что-нибудь сдѣлать, не имѣетъ для того матеріальныхъ средствъ. Отъ нихъ однихъ зависитъ показать на дѣлѣ, что всѣ ихъ разсужденія объ отсталости этого вопроса — не пустыя слова, что *проекты—не замаскированное стремленіе ввести между рабочими круговую поруку*, и, обезпечивъ себя съ этой стороны, почить на лаврахъ.

Но, не ожидая пришествія того далекаго и счастливаго времени, когда будутъ изучены условія жизни пріисковаго рабочаго и когда распространится среди рабочихъ сознаніе необходимости артельнаго начала, слѣдуетъ безотлагательно принять нѣкоторыя мѣры для улучшенія положенія пріисковыхъ рабочихъ, хотя бы слѣдующія: 1) обязать промышленниковъ уплачивать рабочимъ опредѣленную часть договоренной суммы, какъ бы ни была велика сумма долга, числящаяся на рабочемъ. 2) Право промышленника разъединять артель рабочихъ, нанявшихся за круговою порукою, должно быть ограничено въ томъ смыслѣ, что онъ можетъ это сдѣлать не иначе, какъ съ согласія самой артели, причемъ она имѣетъ право сложить съ себя круговое поручительство; но право выбора артельныхъ старостъ

для артелей съ круговою порукою должно быть совершенно отнято у промышленниковъ: оно можетъ принадлежать только членамъ самой артели, какъ главное условіе ихъ самостоятельности. 3) Промышленникамъ должно быть воспрещено включеніе въ договоры съ рабочими обязательства для этихъ послѣднихъ покупать съѣстные припасы, одежду и обувь не иначе, какъ въ пріисковомъ управленіи. 4) Должны быть установлены вполнѣ опредѣленныя правила вознагражденія рабочихъ въ томъ случаѣ, когда пріисковое управленіе отпускаетъ ихъ, по неимѣнію работъ, раньше окончанія контракта. 5) Надо опредѣлить точно, въ какихъ случаяхъ рабочій можетъ требовать расторженія контракта, и кто долженъ разбирать споры между нимъ и хозяиномъ. 6) Слѣдуетъ опредѣлить, для уничтоженія той кабалы, въ которую попадаютъ рабочіе, извѣстный срокъ, далѣе котораго промышленникъ не имѣетъ права удерживать у себя рабочаго за долгъ. 7) Обратить серьёзное вниманіе на медицинскую часть на пріискахъ и обязать промышленниковъ лечить заболѣвшихъ рабочихъ на свой собственный счетъ, трудныхъ-же больныхъ—перевозить въ такія больницы, гдѣ, кромѣ фельдшеровъ, есть и доктора.

Мы сочли бы себя счастливыми, если бы нашъ очеркъ могъ сколько-нибудь способствовать установленію въ обществѣ болѣе правильнаго взгляда на золотой промыселъ и его потребности, и обратилъ бы вниманіе на нѣкоторые забытые вопросы золотого промысла, въ особенности на вопросъ о положеніи пріисковыхъ рабочихъ.

П. Р—въ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1880.

Учрежденіе Верховной распорядительной комиссіи. — Слово къ жителямъ Петербурга ея Главнаго Начальника. — По поводу событія пятаго февраля. — Февраль 1855 — февраль 1880. — Основныя положенія тюремнаго преобразованія и новаго уголовнаго кодекса. — Предполагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ. — Преобразованія въ лицеѣ и училищѣ правовѣдѣнія. — Что нужно прежде: мѣры или люди?

I.

12-го февраля текущаго года состоялся Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату, о новомъ, высокомъ и чрезвычайномъ учрежденіи, безъ опредѣленія срока его существованія, и съ точнымъ обозначеніемъ цѣли его дѣятельности, а именно — „положить предѣлъ безпрерывно повторяющимся въ послѣднее время покушеніямъ дерзкихъ злоумышленниковъ поколебать въ Россіи государственный и общественный порядокъ“. Таково назначеніе новаго учрежденія, которое наименовано „Верховною распорядительною комиссіею“; она состоитъ: 1) изъ Главнаго Начальника; 2) назначенныхъ имъ же самимъ, по непосредственному его усмотрѣнію, членовъ комиссіи, согласно высочайшимъ повелѣніямъ, испрашиваемымъ Главнымъ Начальникомъ, и 3) изъ лицъ, которыя предоставлено ему самому призывать въ комиссію, если присутствіе ихъ будетъ признано имъ полезнымъ. Въ указѣ не объяснены взаимныя отношенія членовъ комиссіи, но такъ какъ назначеніе ихъ зависитъ отъ Главнаго Начальника, то единство въ дѣйствіяхъ комиссіи можно считать уже тѣмъ самымъ вполнѣ обезпеченнымъ. Но, сверхъ того, „въ видахъ объединенія дѣйствій всѣхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія“, Главному Начальнику предоставлены: а) права главноначальствующаго въ

С.-Петербургѣ и его окрестностяхъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ ему с.-петербургскаго градоначальника; б) прямое вѣдѣніе и направленіе слѣдственныхъ дѣлъ по государственнымъ преступленіямъ въ С.-Петербургѣ и въ нашемъ военномъ округѣ, и в) верховное направленіе такого же рода дѣлъ на всемъ пространствѣ имперіи. Отношенія Главнаго Начальника ко всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ, начиная отъ генералъ-губернаторовъ до градоначальниковъ, и ко всѣмъ вѣдомствамъ, не исключая и военнаго, опредѣлены тѣмъ, что всѣ мѣстныя начальства и всѣ, безъ исключенія, вѣдомства обязаны немедленнымъ исполненіемъ всѣхъ требованій Главнаго Начальника по дѣламъ объ охраненіи государственнаго порядка и общественнаго спокойствія — и полнымъ ему содѣйствіемъ. Сверхъ того, Главному Начальнику предоставлено право, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ то нужнымъ, испрашивать Высочайшія повелѣнія и указанія; и, независимо отъ того, онъ можетъ дѣлать всѣ распоряженія и принимать вообще всѣ мѣры, которыя онъ признаетъ необходимыми для охраненія государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, какъ въ столицѣ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, причемъ отъ усмотрѣнія его зависитъ опредѣлять мѣры взысканія, а также и порядокъ наложенія ихъ; такія распоряженія Главнаго Начальника подлежатъ безусловному исполненію и могутъ быть отмѣнены только имъ самимъ или особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ. Въ заключеніи указа, учреждающаго Верховную распорядительную коммиссію, возвѣщается объ отмѣнѣ должности временнаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора.

Таково назначеніе, кругъ дѣятельности и компетенція Главнаго Начальника Верховной распорядительной коммиссіи. Первое условіе успѣшности всякой мѣры есть ея полнота — и въ этомъ отношеніи новое учрежденіе можетъ удовлетворить безусловно. Его § 4, предоставляющій Главному Начальнику Верховной коммиссіи право не стѣсняться ея составомъ и призывать въ коммиссію всѣ лица, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ, — отдаетъ въ его распоряженіе всѣ лучшія умственныя и нравственныя силы страны, сверхъ тѣхъ матеріальныхъ средствъ, которыя, какъ мы видѣли, отвѣчаютъ обязательно его требованіямъ и оказываютъ ему содѣйствіе, и мы увѣрены, что всякое призванное лицо сочтетъ не менѣе для себя обязательнымъ по совѣсти высказать свое мнѣніе о предметѣ той или другой спеціальности. При такомъ строгомъ соблюденіи главнаго условія всякой мѣры, и при предположеніи, что это условіе и въ будущемъ не можетъ потерпѣть никакого ущерба — а такое предположеніе основано въ настоящемъ случаѣ на § 10 самаго учрежденія, въ силу котораго распоряженія

и мѣры Главнаго Начальника могутъ быть отмѣняемы только имъ самимъ или Высочайшимъ повелѣніемъ — остальное всегда зависитъ уже только отъ личныхъ взглядовъ самого исполнителя. О нихъ общество судитъ—и весьма основательно—по послѣдней трудной дѣятельности нынѣшняго Главнаго Начальника, въ качествѣ временнаго харьковскаго генералъ-губернатора; но графъ Лорисъ-Меликовъ въ первый же день своего новаго служенія обратился къ жителямъ столицы и самъ сказалъ слово, въ которомъ онъ выразилъ свой личный взглядъ на то, чего общество должно ожидать отъ выполненія возложенной на него высокой миссіи. Вотъ самый текстъ перваго обращенія Главнаго Начальника Верховной распорядительной комиссіи, отъ сего 14-го февраля:

„Рядъ неслыханныхъ злодѣйскихъ попытокъ къ потрясенію общественнаго строя государства и къ покушенію на Священную Особу Государя Императора въ то время, когда всѣ сословія готовятся торжествовать двадцатипятилѣтнее, плодотворное внутри и славное извнѣ, царствованіе великодушнѣйшаго изъ Монарховъ, вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и отвращеніе всей Европы.

„Правительство не разъ уже обращалось къ обществу съ призывомъ сомкнуть свои силы въ борьбѣ съ преступными проявленіями, разрушающими основныя начала гражданскаго порядка, безъ котораго немыслимо развитіе никакого благоустроеннаго государства. Нынѣ оно вынуждено прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, для подавленія зла, принимающаго опасные для общественнаго спокойствія размѣры.

„Державною волею Государя на меня выпала тяжкая задача стать во главѣ неизбѣжныхъ мѣропріятій, вызываемыхъ настоящимъ положеніемъ.

„Уповая на Всевышняго, твердо вѣруя въ непоколебимость государственнаго строя Россіи, неоднократно переживавшей еще болѣе тяжелыя годины, убѣжденный продолжительнымъ служеніемъ Царю и Отечеству въ здравомысліи и нравственной крѣпости русскаго народа, я съ благоговѣніемъ принимаю этотъ новый знакъ Монаршаго довѣрія къ моимъ слабымъ силамъ.

„Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы, съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни предъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой—успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части.

„Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ

возобновленія правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества.

„Въ этомъ упованіи прежде всего обращаюсь къ жителямъ столицы, ближайшимъ свидѣтелямъ безпримѣрныхъ злодѣяній, съ настоятельною просьбою спокойно и съ достоинствомъ отнестись къ будущему и не смущаться злонамѣренными или легкомысленными внушеніями, толками и слухами.

„Въ разумномъ и твердомъ отношеніи населенія къ настоящему тягостному положенію вижу прочный залогъ успѣха въ достиженіи цѣли, равно для всѣхъ дорогой: возстановленія потрясеннаго порядка и возвращенія Отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія, указаннаго благими предначертаніями Августѣйшаго его Вождя".

Въ этомъ первомъ словѣ мы указываемъ прежде всего на ясно выраженное сознаніе Главнымъ Начальникомъ двойственности его задачи, а потому и двойственности мѣръ къ увраченію зла: мѣры полицейскія— „для наказанія преступныхъ дѣйствій", мѣры государственныя—чтобы „успокоить и оградить законные интересы благомыслящей части общества", и возвратить отечество „на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія". Необходимость строго отличать такія мѣры и изъ-за однѣхъ не забывать другихъ—сознаются далеко не всегда; но за то можно сказать, что тотъ, кто созналъ эту истину вполнѣ, по крайней мѣрѣ уже въ половину достигъ тѣмъ самымъ цѣли. Мѣры полицейскія, какъ мѣры простѣйшія, всегда привлекаютъ къ себѣ вниманіе прежде всего, но онѣ составляютъ одно колесо общей машины, а потому дѣйствуютъ успѣшно при одновременномъ поступательномъ движеніи другихъ колесъ: задержите одно колесо на оси, а другое приведите въ движеніе — и вы получите коловращеніе на одномъ и томъ же мѣстѣ. Главный Начальникъ усматриваетъ въ „поддержкѣ общества" — „главную силу": вотъ еще истина, которую никакъ нельзя у насъ назвать обыкновенною; наше общество до того мало вѣритъ въ себя, какъ въ силу, да еще притомъ главную, что ему даже необходимо разъяснить въ точности, въ какой же формѣ, какими путями оно можетъ „содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни". Мы сами затруднились бы выяснать это нашимъ читателямъ, если бы кто изъ нихъ публично обратился къ намъ съ этимъ вопросомъ; мы можемъ только сказать a priori, что если Главный Начальникъ выразилъ мысль: „убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ",— то это вовсе не одни слова: онъ укажетъ честнымъ людямъ и путь для этой поддержки съ ихъ стороны и дастъ надлежащій просторъ ихъ мысли и слову. Отъ общества нельзя ждать

поддержки въ мѣрахъ полицейскихъ уже потому, что онѣ сами для своей успѣшности требуютъ всегда болѣе или менѣе тайны, и кромѣ того, полиціи очень часто приходится бороться противъ содѣйствія общества, особенно когда ей бываетъ необходимо вырвать преступника изъ рукъ раздраженной толпы; но во всѣхъ другихъ вопросахъ общество дѣйствительно можетъ являться „главною силою", такъ какъ однѣ общественныя симпатіи могутъ значительно гарантировать правительству успѣшность всѣхъ его благихъ мѣропріятій. Мы увѣрены, что наше общество съ величайшею признательностью выслушало уже самое воззваніе къ его сочувствію; оно выкажетъ и полнѣйшую готовность идти на-встрѣчу великодушному призыву по тѣмъ путямъ, какія ему будутъ свыше указаны къ тому.

Какъ далеко и это новое учрежденіе, и первое слово Главнаго Начальника Верховной распорядительной комиссіи отъ того идеала, который въ послѣднее время носился въ умахъ нашихъ нѣкоторыхъ публицистовъ, а именно „Московскихъ Вѣдомостей", предлагавшихъ свои домашніе способы къ нашему уврачеванію!... Кромѣ какой-то диктатуры, они не могли придумать ничего, и на эту нелѣпую мысль они напали путемъ историческихъ справокъ, да вмѣстѣ съ этимъ забыли, что при усмиреніи, напримѣръ, мятежа правительство имѣетъ дѣло съ возставшимъ населеніемъ — и тогда диктатура получаетъ свое значеніе; предложить же такую же мѣру для населенія не только вполнѣ спокойнаго, но даже, какъ мы видѣли, призываемаго властью къ содѣйствію, — это значитъ отказаться отъ здраваго смысла и къ смутѣ присоединить еще новую смуту — смуту идей. Если кто, читая „Московскія Вѣдомости" въ послѣднее время, могъ на минуту усомниться и подумать объ опасности осуществленія подобной химеры, какъ диктатура среди мирнаго населенія,—тотъ, конечно, разувѣрился теперь вполнѣ.

II.

Обратимся теперь къ тому глубоко печальному и вмѣстѣ ужасному факту, который вызвалъ въ печати мысль о диктатурѣ, но вмѣсто того — заключился организаціею учрежденія, обѣщающаго быть не только отрицательною силою, какою бываетъ диктатура, но и зиждительною, какъ охранительное начало законныхъ интересовъ страны.

Объ *урокахъ исторіи* часто говорятъ, но рѣдко пользуются ими; а между тѣмъ, правильно понятые, они содержатъ въ себѣ глубокій смыслъ и большую внутреннюю силу. Безусловно-точнаго повторенія

однажды совершившихся событій исторія не представляетъ; но аналогіи встрѣчаются въ ней на каждомъ шагу, сходныя причины постоянно приводятъ къ сходнымъ послѣдствіямъ. Если извѣстное средство никогда не достигало своей цѣли, мы въ правѣ заключить отсюда, что оно никогда ея и не достигнетъ. Къ несчастію, самыя простыя истины не всегда принадлежатъ къ числу самыхъ распространенныхъ. Напоминаніе о нихъ, въ минуту полной разнузданности страстей, можетъ показаться безплоднымъ; но мы считаемъ его обязательнымъ, особенно въ виду узкости тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ, несмотря на важность переживаемой нами эпохи, вращается у насъ печатное слово. Печать, дѣйствительно, можетъ сказать немного—но это немногое должно быть зато сказано ею сполна.

Если перебрать въ памяти всѣ извѣстныя покушенія (съ политическою цѣлью) на жизнь монарховъ, правителей, государственныхъ людей, то замѣчательнымъ, прежде всего, представляется небольшое число *удавшихся* покушеній, понимая удачу въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. въ смыслѣ гибели лица, противъ котораго ударъ былъ направленъ. Смерти Гиппарха, Юлія Цезаря, Юліана Медичи, королей французскихъ Генриха III и Генриха IV, Вильгельма Оранскаго, Марата, герцога Беррійскаго, герцога Пармскаго, Линкольна—можно противопоставить неудавшіяся покушенія на жизнь Гиппія, Лоренцо Медичи, Елисаветы англійской, Людовика XV, Наполеона I, Людовика-Филиппа, Наполеона III, императора Франца-Іосифа, великаго князя Константина Николаевича, Вильгельма I, Бисмарка, королевы Викторіи, королей Гумберта и Альфонса. Изъ числа только-что названныхъ нами лицъ многія подвергались опасности по два раза (король Альфонсъ, Бисмаркъ, Наполеонъ III), Вильгельмъ I — три раза, Людовикъ-Филиппъ—если не ошибаемся, восемь разъ; прибавимъ къ этому пять неудавшихся, къ великому счастію, покушеній на жизнь нашего Государя [1]). Но еще важнѣе то, что рѣдкіе, сравнительно, случаи удачи почти никогда не приводили къ результату, который имѣли въ виду убійцы. Гиппій управляетъ Аѳинами еще три съ половиной года послѣ смерти Гиппарха; мѣсто Юлія Цезаря тотчасъ же заступаютъ Антоній и Октавіанъ, въ борьбѣ съ которыми погибаютъ Брутъ и Кассій, погибаетъ и римская республика. Смерть Юліана Медичи только укрѣпляетъ власть его брата.

---

[1]) Мы не успѣли заключить нашей хроники, какъ мрачная лѣтопись убійствъ увеличилась еще однимъ неудавшимся покушеніемъ на жизнь графа М. Т. Лорисъ-Меликова. Пусть къ неудачѣ покушенія присоединится и другая неудача,—если кто-нибудь думалъ разсчитывать, что такое покушеніе можетъ измѣнить въ Главномъ Начальникѣ указанное нами въ его обращеніи къ жителямъ столицы убѣжденіе въ необходимости—двойную цѣль достигать двоякими средствами.

Смерть Генриха III влечетъ за собою паденіе лиги, открывая Генриху IV доступъ къ французскому престолу. Смерть Вильгельма Оранскаго не предупреждаетъ освобожденія Нидерландовъ отъ испанскаго ига. Смерть Марата не прекращаетъ, даже не ослабляетъ террора. Смерть герцога Беррійскаго не имѣетъ никакого отношенія къ послѣдовавшему, десять лѣтъ спустя, низложенію старшей линіи Бурбоновъ. Смерть герцога Пармскаго ничего не измѣняетъ въ положеніи Италіи. Смерть Линкольна не возвращаетъ южнымъ штатамъ утраченной ими власти надъ невольниками. Исключеніе изъ общаго правила составляетъ развѣ смерть Генриха IV, предупредившая ударъ, который онъ готовилъ для католическихъ державъ Европы; но этотъ ударъ могъ быть остановленъ многими другими причинами, и притомъ онъ все-таки былъ нанесенъ, хотя и съ меньшей силой, кардиналомъ Ришелье, помѣшавшимъ полному торжеству Австріи надъ сѣверной Германіей, католиковъ надъ протестантами. Но, можетъ быть, неудавшіяся покушенія не проходятъ безслѣдно, можетъ быть, они устрашаютъ тѣхъ, противъ кого направлены и производятъ такимъ образомъ перемѣну политической системы? Нѣтъ; если перемѣна и наступаетъ, то въ духѣ прямо противоположномъ тому, которымъ были проникнуты виновники покушенія. Покушенія на жизнь Елисаветы, вмѣстѣ съ пороховымъ заговоромъ, не улучшаютъ, а ухудшаютъ положеніе католиковъ въ Англіи; опасность, угрожавшая Наполеону I сначала со стороны якобинцевъ, потомъ со стороны роялистовъ, не доставляетъ ни тѣмъ, ни другимъ рѣшительно никакой выгоды; Людовикъ-Филиппъ, послѣ адской машины 1835 г., настаиваетъ на принятіи сентябрьскихъ законовъ; за покушеніемъ Беккера слѣдуетъ извѣстный конфликтъ между королемъ Вильгельмомъ и прусской палатой депутатовъ, за покушеніями Гёделя и Нобилинга—чрезвычайный законъ противъ соціаль-демократовъ; покушеніе на жизнь Бисмарка въ 1866 г. не останавливаетъ разрыва между Пруссіей и Австріей, въ 1874 г. не смягчаетъ примѣненія майскихъ законовъ. Въ Австріи, въ Англіи, въ Италіи, въ Испаніи покушенія на жизнь государей проходятъ безслѣдно или вызываютъ только реакцію. Существуетъ, правда, предположеніе, что орсиніевскія бомбы побудили Наполеона III предпринять итальянскую кампанію; но это предположеніе крайне шаткое, опровергаемое и виллафранкскимъ миромъ, и всей дальнѣйшей политикой императора относительно Италіи—политикой, далеко неблагопріятной для ея объединенія.

Въ виду всѣхъ этихъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, на что́ разсчитываютъ наши агитаторы, начиная убійствомъ должностныхъ лицъ и оканчивая трехкратнымъ, въ продолженіе десяти мѣ-

сяцевъ, покушеніемъ на жизнь Государя? Полагаютъ ли они, что развитіе русской жизни совершается по особымъ, ей одной только свойственнымъ законамъ, что преступленія, безплодныя вездѣ, у насъ приведутъ къ какому-нибудь положительному результату? Припомнимъ, что эпоха политическихъ убійствъ началась у насъ именно тогда, когда не удались попытки распространенія революціонныхъ стремленій въ средѣ народа, другими словами—когда агитаторы убѣдились въ отсутствіи горючихъ матеріаловъ для насильственнаго переворота. Какимъ же образомъ они могутъ думать, что условія, которыхъ имъ не удалось создать цѣлыми годами пропаганды, возникнутъ сами собою отъ выстрѣла или взрыва? Лицомъ къ лицу съ ними стоитъ все тотъ же, обманувшій ожиданія ихъ народъ, котораго не сдвинуть съ мѣста порохомъ, или динамитомъ. Рядъ историческихъ фактовъ, перечисленныхъ нами — не случайность; случайность не повторяется такъ часто и съ такою замѣчательною правильностью. Въ основаніи ея лежитъ общій историческій законъ, доказываемый каждою страницей прошедшаго: ограниченность роли, принадлежащей *лицу* въ послѣдовательномъ ходѣ событій. Крупный историческій результатъ не можетъ быть достигнутъ усиліями одного лица—не можетъ, слѣдовательно, быть достигнутъ и устраненіемъ одного лица съ исторической сцены. Порядокъ вещей, созданный вѣками, имѣетъ слишкомъ много точекъ опоры, чтобы разомъ пасть вмѣстѣ съ одною изъ нихъ, хотя бы и самою главною.

Изъ всѣхъ формъ политическаго убійства наибольшаго осужденія заслуживаетъ та, которая не отступаетъ передъ человѣческими гекатомбами, лишь бы только въ числѣ жертвъ пала одна, составляющая настоящій объектъ преступленія. И здѣсь поражаетъ насъ прежде всего то, что именно эта спеціально обреченная на смерть жертва до сихъ поръ всегда оставалась неприкосновенной. Адскія машины 1800, 1835, 1858 годовъ, какъ и взрывъ 5-го февраля, стоили жизни нѣсколькимъ десяткамъ людей, противъ которыхъ ровно ничего не имѣли убійцы; Наполеонъ I, Людовикъ-Филиппъ, Наполеонъ III остались невредимыми. Покушеніе 19-го ноября прошедшаго года, если бы не счастливая ошибка въ сооруженіи мины, также обрушилось бы всей своей тяжестью исключительно на тѣхъ, противъ которыхъ оно не было прямо направлено. Между тѣмъ, вредъ, приносимый подобными преступленіями, по истинѣ можетъ быть названъ громаднымъ. Не говоримъ уже о гибели однихъ, объ изувѣченіи другихъ, о скорби и бѣдствіи многихъ семействъ; еще важнѣе и печальнѣе, можетъ быть, общее вліяніе событія. Оно обостряетъ взаимную вражду, угрожаетъ безконечными репрессаліями, колеблетъ уваженіе къ человѣческой жизни—это первое и высшее условіе пра-

вильнаго развитія. Страхъ, ожесточеніе, равнодушіе къ чужому горю, презрѣніе къ чужому праву, потеря надежды на лучшее будущее — вотъ возможные, при извѣстныхъ условіяхъ слишкомъ вѣроятные, результаты образа дѣйствій, не разбирающаго средствъ и не заботящагося даже объ ихъ цѣлесообразности. Давно пора понять, что путь, на каждомъ шагу котораго лежатъ убійства, не ведетъ и не можетъ привести къ какой бы то ни было цѣли, и въ чемъ бы такая цѣль ни заключалась.

III.

Передъ Россіей лежитъ другой путь—путь мирнаго, правильнаго развитія, открытый нѣкогда реформами, на которыхъ невольно останавливается мысль въ настоящую минуту. Чѣмъ была Россія въ 1855-мъ г. и чѣмъ мы видимъ ее въ 1880-мъ?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо отойти нѣсколько дальше въ прошедшее и вспомнить ходъ событій съ тѣхъ поръ, какъ Петръ Великій вдвинулъ насъ въ Европу. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ императрица Екатерина II писала Вольтеру: „у васъ низшіе научаютъ, и легко высшимъ пользоваться этимъ наставленіемъ; у насъ — наоборотъ, мы не имѣемъ такихъ *удобствъ*“. Въ этихъ словахъ ясно выразилось одно изъ препятствій, долго стоявшихъ на пути русскаго прогресса. Начиная съ Петра Великаго, преобразованія въ русскомъ государственномъ и общественномъ строѣ совершались среди безмолвія и—по крайней мѣрѣ кажущагося—безучастія общества. Оно не высказывало своего мнѣнія ни о дорогѣ, которою слѣдуетъ идти, ни о томъ, что уже сдѣлано въ однажды избранномъ направленіи. Еще не такъ давно, въ 1828 г., ст. 12-я цензурнаго устава того года воспрещала пропускать въ печать всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всякихъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства. Что при нормальныхъ условіяхъ прежней русской государственной жизни, до второй половины нашего вѣка, общественная поддержка представлялась чѣмъ-то ненужнымъ, даже вреднымъ—это вполнѣ понятно; но въ короткіе моменты пробужденія преобразовательной дѣятельности, смѣнявшіе въ нашей исторіи длинныя эпохи реакціи и застоя, столь же естественнымъ было бы, повидимому, большее довѣріе къ обществу. На самомъ дѣлѣ, однако, мы этого не находимъ. Единственная, въ продолженіи двухсотъ лѣтъ, попытка власти обратиться къ содѣйствію общества—созывъ Екатериною II-ю коммиссіи для „заготовленія

проекта новаго уложенія" — не доводится до конца и проходитъ почти безслѣдно. Александръ I-й остается, въ этомъ отношеніи, позади Екатерины; проектъ Сперанскаго, лелѣянный въ продолженіи многихъ лѣтъ, ни на минуту не переставалъ быть государственной тайной. Мы касаемся здѣсь того очарованнаго круга, о который такъ часто разбивались самыя добрыя намѣренія. Общество, устраненное отъ всякой заботы объ общемъ благѣ, признается потерявшимъ—или вовсе не имѣвшимъ—способность заботиться о немъ; и что еще хуже—въ фактическихъ основаніяхъ для такого взгляда никогда не оказывается недостатка. Примѣръ екатерининской комиссіи, какъ это убѣдительно доказалъ г. Сергѣевичъ [1]), свидѣтельствуетъ о томъ, что въ русскомъ обществѣ 1767 г., такъ неожиданно призванномъ къ дѣятельности, нашлась значительная доля практическаго здраваго смысла, что голосъ его и тогда могъ бы быть далеко не безполезнымъ для правительства; вполнѣ готовымъ для пониманія и осуществленія широкихъ преобразовательныхъ плановъ оно не было, однако, ни при Екатеринѣ, ни позже, въ началѣ царствованія Александра I-го. Чтобы объяснить себѣ нерѣшительность императора, стоитъ только припомнить, какъ относился къ задуманнымъ имъ реформамъ Карамзинъ, безспорно возвышавшійся надъ уровнемъ русскаго общества 1810 г. Условія, созданныя вѣками, тяготѣли надъ этимъ обществомъ съ силой, ничѣмъ еще почти не уравновѣшенной и не уменьшенной.

Самымъ неблагопріятнымъ изъ этихъ условій было, безъ сомнѣнія, крѣпостное право. Въ поддержаніи его былъ заинтересованъ наиболѣе образованный, или, лучше сказать, единственный сколько-нибудь образованный классъ общества. Изъ среды дворянства выходили, правда, и противники крѣпостничества, начиная съ Радищева и Новикова; но громадное большинство сословія дорожило старымъ порядкомъ, съ которымъ неразрывно были связаны всѣ его привычки, въ которомъ оно видѣло и главный источникъ своего матеріальнаго благосостоянія, и самую цѣнную изъ своихъ привилегій. Какъ вліяло крѣпостничество на нравы рабовъ и рабовладѣльцевъ—это слишкомъ извѣстно. Его господство неизбѣжно должно было отражаться на всемъ крестьянствѣ, безъ различія категорій и наименованій; положеніе помѣщичьихъ крестьянъ было типомъ, къ которому болѣе или менѣе приближалось положеніе всѣхъ остальныхъ. Въ глубинѣ народной массы теплилась, едва замѣтная и почти, къ счастію, не замѣчаемая, струя самостоятельной жизни,

[1]) Статья его: „Откуда неудачи екатерининской законодательной комиссіи?" напечатана въ № 1 „Вѣстника Европы" за 1878 г.

уцѣлѣвшая отъ другой, давно минувшей эпохи; но оставаясь залогомъ лучшаго будущаго, она ничего не могла измѣнить въ настоящемъ. Отъ крѣпостного права, какъ отъ корня, глубоко ушедшаго въ землю, во всѣ стороны шли ростки, вѣрные своему происхожденію. Суды, построенные на началѣ сословности, окруженные непроницаемой тайной, не только не воспитывали въ обществѣ идею справедливости и законности, но извращали или заглушали всякое понятіе о правѣ. Система уголовныхъ наказаній отличалась крайнею жестокостью. Администрація, безотвѣтственная, невѣжественная и нравственно-испорченная, меньше всего помышляла о народномъ благѣ и не сознавала за собою никакихъ обязанностей передъ обществомъ. Вступая въ ряды войска, крестьянинъ становился свободнымъ по имени, но въ сущности только мѣнялъ одну форму крѣпостничества на другую. Налоги, постоянно возвышаясь, ложились всей тяжестью своей на крестьянство, въ среду котораго не возвращалось почти ничего изъ собранныхъ съ него денегъ. Несмотря на созданное уже министерство *народнаго* просвѣщенія, *народному* образованію едва было положено первое начало. Среднихъ учебныхъ заведеній было мало: къ московскому университету, основанному за полъ-вѣка передъ тѣмъ, только-что присоединились два другіе. Литература у насъ уже была—подражательная, блѣдная, безсильная,—но періодическая печать, даже послѣ опытовъ Новикова и Карамзина, все еще не успѣла пріобрѣсти настоящихъ правъ гражданства. Дворянское и городское самоуправленіе оставалось пустымъ словомъ, одно—вслѣдствіе своей внутренней несостоятельности, другое—вслѣдствіе внѣшнихъ стѣсненій. И въ этомъ темномъ, неподвижномъ обществѣ, отчасти не сознававшемъ своихъ болѣзней, отчасти гордившемся ими, были, конечно, элементы, на которые могъ бы опереться державный реформаторъ; мимолетнаго проблеска чего-то похожаго на свободу (между 1815 и 1820 г.) было достаточно, чтобы новое, живое слово проникло и въ литературу (Опытъ теоріи налоговъ—Тургенева, Начертаніе статистики россійскаго государства—Арсеньева), и въ университетское преподаваніе (лекціи профессоровъ, подвергшихся преслѣдованію въ началѣ двадцатыхъ годовъ). Общее положеніе дѣлъ—не говоря уже о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ—было, тѣмъ не менѣе, крайне благопріятно для застоя и крайне неблагопріятно для широкой реформы. Путь, ведущій къ ней, былъ загражденъ препятствіями всякаго рода, средства къ достиженію цѣли—едва намѣчены, самая цѣль—понятна и дорога весьма немногимъ.

Въ продолженіе четырехъ слишкомъ десятилѣтій картина, набросанная нами, измѣнилась только въ двухъ, правда — существенно важныхъ чертахъ. Сѣмена развитія, какъ ни труденъ былъ ихъ

всходъ, сдѣлали свое дѣло; гимназіи и въ особенности университеты, число которыхъ (не считая гельсингфорскаго и дерптскаго), возросло съ трехъ до пяти, значительно расширили рамки образованнаго класса; литература изъ слабаго тепличнаго растенія обратилась въ живую силу, и создала періодическую печать, по крайней мѣрѣ отчасти соотвѣтствовавшую своему призванію. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Россія пятидесятыхъ годовъ была довольно точнымъ снимкомъ съ Россіи 1810 г.; только ветхость зданія, слишкомъ давно не ремонтированнаго, была болѣе замѣтна, чѣмъ прежде. Восточная война устранила всѣ сомнѣнія, которыя могли еще существовать по этому предмету. Началась преобразовательная работа, двадцатипятилѣтіе которой Россія праздновала въ истекшемъ мѣсяцѣ. Она еще далеко не окончена, но одно несомнѣнно уже удалось ей—измѣнить физіономію общества, уменьшить общественную инерцію, вызвать къ жизни новыя силы, иначе распредѣлить и иначе направить прежде дѣйствовавшія, однимъ словомъ—устранить главныя преграды къ развитію и создать для него прочныя точки опоры. И здѣсь, конечно, на первый планъ слѣдуетъ поставить уничтоженіе крѣпостного права. Еще важнѣе, можетъ быть, чѣмъ непосредственные результаты этой великой реформы, представляются косвенныя ея послѣдствія, отчасти уже обнаружившіяся, отчасти только предчувствуемыя. Перегородка, отдѣлявшая одну часть русскаго народа отъ другой, пала, интересы ихъ перестали быть прямо противоположными. Не нужно больше ставить рокового вопроса—какимъ образомъ идти впередъ, когда громадное большинство обречено на безусловную неподвижность. Всякая реформа, вновь предпринимаемая, распространяется теперь не на привилегированное меньшинство, а на всю массу народа. Народныя учрежденія, народные обычаи, вынесшіе и пережившіе вѣковое господство крѣпостного права, но существовавшіе при немъ, если можно такъ выразиться, только контрабандой, получили оффиціальное признаніе со стороны закона. Для образованнаго класса открылась возможность совокупной дѣятельности съ народомъ. Не прошло и пяти лѣтъ, какъ эта возможность перешла въ дѣйствительность; помѣщики и бывшіе ихъ крѣпостные встрѣтились, какъ равные, въ земскихъ собраніяхъ, нѣсколько позже—въ судѣ, на скамьяхъ присяжныхъ засѣдателей. Въ общихъ судебныхъ мѣстахъ исчезла сословность; мировые судьи явились выборными отъ всего населенія. Въ ряды преобразованнаго войска дворяне стали поступать наравнѣ съ крестьянами; преимущество сокращенныхъ сроковъ службы было дано не происхожденію, а образованію. Начальное обученіе, благодаря въ особенности земству и нашей арміи, сдѣлало замѣтные успѣхи;

поголовная безграмотность не составляетъ болѣе отличительной черты русскаго крестьянства. Мы не говоримъ ничего о нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ находимъ себя въ настоящую минуту вынужденными отложить рѣчь о нихъ до другого времени. Мы не говоримъ также здѣсь и о военныхъ реформахъ, но потому, что выше, въ „Литературномъ обозрѣніи“ онѣ исчислены, на основаніи обширнаго труда коммиссіи, составившей „Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи“, за послѣднія 25 лѣтъ.

Подвигаясь къ объединенію, общество становилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, менѣе безгласнымъ, менѣе пассивнымъ. Самоуправленіе, изъ призрачнаго, сдѣлалось до извѣстной степени реальнымъ; земскія собранія, преобразованныя, на основаніи новаго Городового Положенія, городскія думы, избирательные съѣзды, волостные и сельскіе сходы пріучили общество къ обсужденію своихъ интересовъ, къ завѣдыванію своими дѣлами. Въ томъ же направленіи дѣйствовало обнародованіе государственной росписи и контрольныхъ отчетовъ, дѣйствовалъ новый законъ о печати. Область государственнаго управленія для насъ теперь уже не та terra incognita, какою она была столѣтіе или хотя бы четверть столѣтія тому назадъ. Слова Екатерины II-й, приведенныя нами выше, непримѣнимы къ современному русскому обществу; *низшіе* могутъ теперь доставить—и отчасти, насколько это отъ нихъ зависитъ, уже доставляютъ—*высшимъ* тѣ *удобства*, объ отсутствіи которыхъ сожалѣла императрица. Запросъ на *наставленіе*—понимаемое, конечно, въ смыслѣ обдуманнаго, мотивированнаго мнѣнія по стоящимъ на очереди вопросамъ—не остался бы теперь безъ всесторонняго отвѣта. Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается глубокое значеніе и главный результатъ реформъ настоящаго царствованія. Какъ бы много ни оставалось сдѣлать для ихъ довершенія и дополненія, самыя условія дальнѣйшей преобразовательной дѣятельности *существенно* отличны отъ тѣхъ, при которыхъ она началась двадцать-пять лѣтъ тому назадъ.

Съ этой точки зрѣнія можно смотрѣть на настоящее безъ большого уныній, на будущее—безъ большого страха. Въ настоящемъ много печальнаго, въ будущемъ—много тревожнаго; но чѣмъ сильнѣе дневной свѣтъ, тѣмъ меньше опасность, созданная темнотою и сумерками. Между задачами, намѣченными жизнью, нѣтъ ни одной, которая не могла бы быть разрѣшена совокупными усиліями правительства и общества. Чего можно ожидать отъ послѣдняго—на это указываютъ довольно ясно отзывы земскихъ собраній по вопросу о податной реформѣ, когда онъ былъ предложенъ на обсужденіе ихъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ прошло безъ малаго десять лѣтъ—

и вопросъ, несмотря на свою первостепенную важность, все еще остается неразрѣшеннымъ,—но измѣнилось ли за это время отношеніе къ нему общества? Едва ли!—литература и наука разработали его съ такою полнотою, которая исключаетъ возможность добросовѣстнаго разногласія, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Необходимость болѣе справедливаго распредѣленія податного бремени не подлежитъ болѣе сомнѣнію и спору. Задатки единодушія существуютъ и по другимъ вопросамъ государственнаго и общественнаго устройства. Новые суды, не смотря на всѣ привитыя къ нимъ несовершенства, привели именно къ тому, отъ чего отдалялъ насъ дореформенный судъ: они распространили въ Россіи понятіе о правѣ, сдѣлали ее болѣе чуткой къ его нарушенію, къ противорѣчію между словомъ и дѣломъ, между буквой закона и его исполненіемъ. Отсюда желаніе не только сохранить законность въ сферѣ суда, но и водворить ее въ другихъ сферахъ, которыхъ она почти вовсе не коснулась или въ которыхъ она обезпечена еще меньше, чѣмъ въ судебной. Гуманное чувство, къ развитію и укрѣпленію котораго такъ много сдѣлано отмѣной крѣпостного права, отмѣной наказанія плетьми и наложенія клеймъ, смягченіемъ военной дисциплины, приговорами новыхъ судовъ и въ особенности присяжныхъ засѣдателей,—требуетъ коренной реформы въ нашихъ уголовныхъ законахъ, уничтоженія послѣднихъ убѣжищъ, въ которыхъ еще гнѣздятся нѣкогда всесильныя тѣлесныя наказанія. Болѣе правильное пониманіе вѣротерпимости не позволяетъ утверждать, какъ прежде, что она у насъ уже существуетъ, и что въ этомъ отношеніи ничего больше не остается сдѣлать. Польза, приносимая печатью, несмотря на болѣе чѣмъ умѣренную и ничѣмъ не гарантированную ея свободу, земскимъ самоуправленіемъ, несмотря на узкій кругъ дѣйствій, заставляетъ желать для нихъ все бо́льшаго и бо́льшаго простора.

Помимо внутреннихъ реформъ, путь, на который вступила Россія двадцать-пять лѣтъ тому назадъ, ведетъ съ одной стороны къ регулированію отношеній между центромъ и окраинами государства, съ другой — къ измѣненію положенія, занимаемаго русской имперіей въ ряду европейскихъ державъ. Подавленіе притязаній, давно осужденныхъ исторіей, было невозможно безъ употребленія силы; но примиреніе національностей — т.-е. единственный желанный исходъ вѣковой борьбы — не можетъ быть достигнуто посредствомъ однихъ правительственныхъ мѣропріятій. Условія, при которыхъ ему суждено состояться, еще далеко не опредѣлились; утвердительно можно сказать только одно—что всякое новое расширеніе правъ русскаго общества есть вмѣстѣ съ тѣмъ шагъ къ сближенію между составными его частями. Даже въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда реформа примѣняется къ окраинамъ не сразу или не вполнѣ, она уменьшаетъ разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ центра, потому что рано или поздно то, чѣмъ пользуется часть, непремѣнно должно сдѣлаться достояніемъ цѣлаго. Такая же притягательная сила должна быть признана за реформами по отношенію къ славянамъ, не входящимъ въ составъ имперіи. Всѣхъ поводовъ къ враждѣ между Россіей и западно-европейскими государствами реформы, конечно, не устранятъ; но онѣ должны положить конецъ недоброжелательству, съ которымъ до сихъ поръ, отчасти по старой памяти, смотритъ на насъ западно-европейское общество—недоброжелательству, не одинъ разъ тяжело отзывавшемуся на Россіи. Послѣдняя война показала Европѣ, что Россія обладаетъ гораздо большей нравственной силой, чѣмъ прежде, что она способна и готова сражаться за идею; организація, при ея содѣйствіи данная Болгаріи, обнаружила отсутствіе систематическаго предубѣжденія противъ тѣхъ формъ, которыя она прежде безусловно преслѣдовала и отвергала. Все это пока оказывается недостаточнымъ, чтобы заставить забыть о преданіяхъ русской политики, но настанетъ время, когда разрывъ съ ними сдѣлается очевиднымъ, когда старое представленіе о „сѣверномъ колоссѣ", тяготѣющемъ надъ Европой, окончательно отойдетъ въ исторію. Къ этому результату клонится вся наша исторія со времени парижскаго мира.

IV.

Основныя положенія судебной реформы, обнародованныя въ 1862 г., предрѣшили во всемъ существенномъ содержаніе новыхъ судебныхъ уставовъ. Нельзя сказать того же самаго объ основныхъ положеніяхъ „для руководства при предстоящемъ тюремномъ преобразованіи и пересмотрѣ уложенія о наказаніяхъ", утвержденныхъ въ концѣ минувшаго года. Многолѣтняя, сложная работа, предшествовавшая ихъ изданію, привела къ небольшому, сравнительно, результату. Существующіе теперь шесть видовъ лишенія свободы рѣшено замѣнить четырьмя; установлены главныя черты каждой изъ этихъ четырехъ формъ лишенія свободы (каторжная работа, заключеніе въ исправительномъ домѣ, заключеніе въ тюрьмѣ, арестъ); для трехъ послѣднихъ назначенъ maximum срока. Къ этимъ немногимъ опредѣленіямъ прибавлено нѣсколько указаній относительно дальнѣйшаго приготовленія къ пересмотру уложенія и относительно административныхъ мѣръ къ устройству новыхъ и исправленію прежнихъ мѣстъ заключенія. Для тюремной реформы основныя положенія имѣютъ несо-

мѣнную важность, допуская немедленный переходъ къ ея осуществленію; но задачу составленія новаго уголовнаго кодекса они подвигаютъ впередъ весьма мало. Вопросъ о томъ, въ чемъ именно новый кодексъ долженъ существенно отличаться отъ нынѣ дѣйствующаго, какіе недостатки послѣдняго должны быть устранены въ первомъ, остается вовсе не затронутымъ; даже система наказаній установлена далеко не вполнѣ. О смертной казни не сказано ни слова; о ссылкѣ на поселеніе упомянуто только какъ о послѣдствіи каторжной работы, а не какъ о самостоятельномъ наказаніи. Предполагается ли удержать въ новомъ кодексѣ лишеніе и ограниченіе правъ, въ томъ троякомъ видѣ, въ какомъ оно опредѣлено уложеніемъ, или въ иной формѣ—этого изъ основныхъ положеній не видно. Дополнительныхъ и особенныхъ наказаній они вовсе не касаются. Насколько разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ могло бы облегчить трудъ составителей новаго кодекса и ускорить его окончаніе — это понятно само собою.

Въ ходѣ законодательныхъ работъ послѣдняго времени часто замѣчается одна изъ двухъ противоположныхъ крайностей: или большая поспѣшность, или большая медленность. Всѣмъ извѣстны случаи, когда важныя отступленія отъ началъ, регулирующихъ цѣлую область законодательства, облекались въ форму закона черезъ два-три мѣсяца послѣ событій, подавшихъ къ нимъ поводъ; всѣмъ извѣстны также другіе случаи, когда реформа, признанная неотложною, оставалась безъ движенія по цѣлымъ годамъ, или хотя и двигалась, но мало приближалась къ желанному результату. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ—вмѣстѣ съ податной реформой, съ ипотечнымъ уставомъ, съ проектомъ примѣненія судебной реформы къ остзейскому краю,—и пересмотръ уложенія о наказаніяхъ. Необходимость его, сознанная еще во время составленія судебныхъ уставовъ, до очевидности доказана на практикѣ четырнадцатилѣтнею дѣятельностью новыхъ судебныхъ учрежденій; это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, по которымъ не можетъ быть и нѣтъ никакого спора. Оказывается, однако, что официально онъ достигъ только перваго фазиса своего развитія, или, лучше сказать, возвращенъ къ этому фазису, изъ котораго давно считался вышедшимъ. Одновременно съ изданіемъ основныхъ положеній, Второму отдѣленію собственной Е. И. В. канцеляріи и министерства юстиціи предоставлено составить *планъ производства работъ по пересмотру уложенія*, а также соображенія о томъ, какимъ порядкомъ этотъ трудъ можетъ быть всего успѣшнѣе приведенъ въ исполненіе. Составленіе плана работы, пріисканіе средствъ къ ея исполненію предшествуетъ самой работѣ; положеніе ея, слѣдовательно, представляется въ настоящую минуту точно такимъ, какъ если бы она едва

начиналась. Все сдѣланное до-сихъ поръ низводится на степень матеріала, которымъ можно воспользоваться, но можно и не воспользоваться. Безспорно, составленіе новаго уголовнаго кодекса или даже коренное измѣненіе существующаго—дѣло не легкое, не допускающее торопливости; но пятнадцать или хотя бы пять лѣтъ—промежутокъ времени болѣе чѣмъ достаточный и для такого дѣла. Убѣдительнымъ доказательствомъ этому служитъ примѣръ Германіи; составленіе, обсужденіе и утвержденіе сѣверо-германскаго уложенія — годъ спустя послѣ изданія обратившагося въ общегерманское — потребовало всего только трехъ лѣтъ. Сопоставивъ этотъ знаменательный фактъ съ медленнымъ ходомъ работъ по пересмотру нашего уголовнаго уложенія, „Московскія Вѣдомости“ утѣшаютъ себя слѣдующимъ соображеніемъ: „Впрочемъ, все къ лучшему. Быть можетъ, эта отсрочка была въ сущности внушена вѣрнымъ чувствомъ неполной состоятельности нашей интеллигенціи для такого дѣла, какъ уголовное законодательство“. И здѣсь, такимъ образомъ, ставится старый вопросъ о нашей *незрѣлости*. „Устарѣвшій кодексъ матеріальнаго уголовнаго права“—говоря словами самой московской газеты—„рѣшительно не гармонируетъ съ новымъ судоустройствомъ и судопроизводствомъ, тормазя на каждомъ шагу успѣшное примѣненіе началъ новаго уголовнаго процесса“,—и все-таки сохраненію этого тормаза можно радоваться, потому что устраненіе его не по силамъ нашей интеллигенціи! Но развѣ ежедневная борьба съ затрудненіями, создаваемыми несовершенствомъ уголовнаго кодекса—борьба, упадающая, притомъ, не на одну интеллигенцію, такъ какъ не изъ ея только среды избираются присяжные засѣдатели—легче согласованія законовъ съ измѣнившимися требованіями жизни? Въ области уголовнаго права примѣромъ другихъ государствъ можно руководствоваться гораздо больше чѣмъ въ области, напримѣръ, гражданскаго права; національныя особенности не играютъ здѣсь важной роли, и годное для одного цивилизованнаго народа почти всегда годно и для другого, и наоборотъ. Реформа уголовнаго законодательства совершилась или совершается теперь почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ; недостатка въ образцахъ для своей работы наши юристы не встрѣчали и не встрѣтятъ,—а умѣнье выбирать между образцами, не отступая въ случаѣ надобности и передъ улучшеніями или дополненіями, они доказали еще при составленіи судебныхъ уставовъ. Съ политической точки зрѣнія изданіе новаго уголовнаго кодекса также не представляетъ никакихъ затрудненій: смягченіе наказаній скорѣе увеличитъ, чѣмъ уменьшитъ ихъ дѣйствительность, а полнаго обезоруженія государства или чрезмѣрнаго ограниченія его карательной власти никто изъ интеллигенціи, прямо или косвенно занятой пересмотромъ

уложенія, конечно не предложитъ. Не говоримъ уже о томъ, много ли шансовъ успѣха имѣло бы подобное предложеніе.

Молчаніе основныхъ положеній о смертной казни „Московскія Вѣдомости" объясняютъ въ томъ смыслѣ, что вопросъ о введеніи этого наказанія для самыхъ тяжкихъ видовъ убійства оставленъ открытымъ. „Пора", говорятъ онѣ, „перестать кичиться лживой и пустою фразой, будто въ Россіи нѣтъ смертной казни. Но если она есть на дѣлѣ, то не зачѣмъ отрекаться отъ нея на словахъ. Есть снисхожденіе, есть помилованіе, но силу уголовнаго принципа не слѣдуетъ ослаблять въ угоду какимъ бы-то ни было доктринамъ. Во всемъ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ теперь ни одного государства, которое исключило бы смертную казнь за убійство изъ своего кодекса". На фактическую ошибку, заключающуюся въ этихъ словахъ, было уже указано въ одной изъ нашихъ газетъ. Въ Голландіи, въ Португаліи, въ Румыніи, въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатахъ смертная казнь вовсе не существуетъ; въ проектѣ новаго итальянскаго уложенія предположена ея отмѣна. Кичиться тѣмъ, что у насъ нѣтъ смертной казни, дѣйствительно не слѣдуетъ, какъ потому, что она входитъ въ систему наказаній, установленную уложеніемъ, такъ и потому, что примѣненіе ея во всякое время можетъ быть значительно распространено, путемъ подчиненія извѣстной мѣстности или извѣстнаго рода преступленій дѣйствію военно-уголовныхъ законовъ. Но это еще вовсе не значитъ, чтобы назначеніе въ новомъ уголовномъ кодексѣ смертной казни за самые тяжкіе виды убійства было желательно или хотя бы только безразлично. Временное изъятіе изъ общаго закона, съ цѣлью усиленія уголовной кары, представляетъ, безъ сомнѣнія, большія неудобства; но именно потому, что оно временное, оно не можетъ пустить такихъ глубокихъ корней, не можетъ сдѣлаться чѣмъ-то привычнымъ, нормальнымъ. Прекратить дѣйствіе чрезвычайной мѣры гораздо легче, нежели измѣнить законъ, въ особенности когда онъ входитъ въ составъ кодекса и органически связанъ съ другими его частями. На возможности поддержать *силу уголовнаго принципа* безъ смертной казни мы не останавливаемся, потому что объ этомъ еще недавно была рѣчь въ „Вѣстникѣ Европы" (1879 г. № 4, по поводу вопроса о возстановленіи смертной казни въ Швейцаріи).

Нельзя не пожалѣть, что въ основныхъ положеніяхъ ничего не сказано объ одиночномъ заключеніи при каторжной работѣ, и не опредѣленъ maximum срока этого заключенія для лицъ, приговоренныхъ къ содержанію въ исправительномъ домѣ. По германскому уложенію лица, присужденныя къ заключенію въ смирительномъ домѣ (Zuchthaus), не могутъ быть оставляемы въ одиночномъ заключеніи,

безъ ихъ согласія, болѣе трехъ лѣтъ. Въ виду несомнѣнно доказанной опасности, которою одиночное заключеніе угрожаетъ физическому и умственному здоровью арестанта, этотъ срокъ представляется чрезмѣрно продолжительнымъ. Къ заключенію въ исправительномъ домѣ, установляемому основными положеніями, онъ не можетъ быть примѣненъ уже потому, что это наказаніе, по мѣсту, занимаемому имъ въ новой системѣ, имѣетъ характеръ скорѣе исправительный, чѣмъ уголовный, тогда какъ въ Германіи заключеніе въ смирительномъ домѣ — самое тяжкое, послѣ смертной казни, уголовное наказаніе, соотвѣтствующее нашей каторжной работѣ. Намъ кажется, что и годовой срокъ одиночнаго заключенія долженъ быть признанъ, вообще говоря, слишкомъ продолжительнымъ, примѣнимымъ развѣ къ случаямъ особенно важнымъ. Между тѣмъ, основныя положенія допускаютъ его даже для лицъ, присужденныхъ къ содержанію въ тюрьмѣ. Наибольшій срокъ для этого вида лишенія свободы—годъ, а приговоренные къ нему подлежатъ одиночному заключенію въ теченіи *всею* опредѣленнаго для нихъ судебнымъ приговоромъ срока. Такая строгая мѣра едва ли соотвѣтствуетъ тяжести преступленій, караемыхъ кратковременнымъ, сравнительно, лишеніемъ свободы. Конечно, между приговоренными къ тюремному заключенію найдутся и такіе, которые сами предпочтутъ не выходить изъ одиночной камеры; но одиночное заключеніе установляется какъ мѣра безусловно обязательная, за однимъ только исключеніемъ, о которомъ мы сейчасъ упомянемъ. Для крестьянъ и вообще для людей, не привыкшихъ къ одинокой, умственной работѣ — а такія лица всегда составляютъ большинство тюремнаго населенія, — одиночное заключеніе будетъ крайнимъ отягченіемъ наказанія, наложеннаго на нихъ судебнымъ приговоромъ. Заключенію въ тюрьмѣ будутъ, по всей вѣроятности, подвергаться преимущественно лица, не сдѣлавшія ничего безчестнаго, позорящаго [1]); изолированіе такихъ лицъ не требуется, слѣдова-

[1]) Съ этой точки зрѣнія едва ли можно признать правильнымъ то положеніе, по которому низшая степень заключенія въ исправительномъ домѣ не должна быть менѣе тяжкою, чѣмъ высшая степень заключенія въ тюрьмѣ. Чтобы провести рѣзкое различіе между исправительнымъ домомъ и тюрьмою, слѣдовало бы вовсе исключить изъ круга дѣйствій послѣдней такія преступленія, какъ кража, мошенничество—а для этого необходимо было бы допустить заключеніе въ исправительномъ домѣ на сроки меньше года, чтобы не увеличивать тяжесть наказаній, опредѣляемыхъ въ настоящее время за простѣйшіе виды вышеупомянутыхъ преступленій. Мы знаемъ, что основныя положенія имѣли въ виду предупредить несообразность перехода, при смягченіи наказаній, отъ сроковъ заключенія менѣе продолжительныхъ къ срокамъ заключенія болѣе продолжительнымъ,—несообразность, возможную при дѣйствіи ст. 150 улож. о нак.; но предупредить ее можно было бы и иначе — устраннвъ, напримѣръ, переходъ отъ заключенія въ исправительномъ домѣ къ заключенію въ тюрьмѣ.

тельно, и въ видахъ предупрежденія вреднаго вліянія ихъ другъ на друга. Отступленіе отъ правилъ одиночнаго заключенія допускается основными положеніями тогда лишь, когда будетъ удостовѣрено, что такое заключеніе представляетъ опасность для здоровья заключеннаго [1]). Положительно удостовѣрена опасность можетъ быть только тогда, когда появились уже первые симптомы болѣзненнаго разстройства. При длинныхъ срокахъ одиночнаго заключенія, освобожденіе отъ него по докторскому удостовѣренію слишкомъ часто, поэтому, будетъ только останавливать дальнѣйшее развитіе болѣзни (если остановить его еще не поздно), а не предупреждать самое появленіе ея.

Весьма важно, въ нашихъ глазахъ, то обстоятельство, что основныя положенія, перечисляя наказанія, взамѣнъ которыхъ установляются четыре главные вида лишенія свободы, не упомянули о заключеніи въ крѣпости и предоставили, такимъ образомъ, составителямъ уложенія возможность не только удержать эту форму уголовной кары, но и дать ей болѣе широкое развитіе. Заключеніе въ крѣпости удовлетворяетъ какъ нельзя лучше разумному стремленію новѣйшихъ законодательствъ согласовать наказаніе съ мотивами преступленія, различить *по качеству* одинаково тяжкія въ *количественномъ отношеніи* наказанія. Германское уложеніе во многихъ случаяхъ даетъ суду свободу выбора между заключеніемъ въ смирительномъ домѣ и заключеніемъ въ крѣпости, съ тѣмъ, чтобы первое было назначаемо за преступленія, совершенныя по безчестнымъ побужденіямъ (wenn festgestellt wird, dass die strafbar befundene Handlung aus einer ehrlosen Gesinnung entsprungen ist). Такую же альтернативу установляетъ и проектъ новаго итальянскаго уложенія. Въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ заключенію въ крѣпости дано слишкомъ мало мѣста: въ новомъ уголовномъ кодексѣ оно могло бы быть распространено (не безусловно, а факультативно) не только на многія политическія преступленія, кромѣ тѣхъ, за которыя и теперь опредѣлено это наказаніе,—но и на убійство въ запальчивости и раздраженіи, нанесеніе ранъ при тѣхъ же условіяхъ и т. п.

Уничтожая ссылку на житье въ Сибирь и отдаленныя губерніи европейской Россіи, а также заключеніе въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и въ рабочемъ домѣ, основныя положенія сдѣлали большой шагъ къ уничтоженію различія, передъ уголовнымъ закономъ, между лицами привилегированныхъ и непривилегированныхъ сословій. Ссылка на житье существовала, какъ извѣстно, только

---

[1]) Правило это помѣщено въ статьѣ о заключеніи въ тюрьмѣ, но едва ли можно сомнѣваться, что оно примѣнимо и къ заключенію въ исправительномъ домѣ.

для первыхъ, арестантскія роты и рабочій домъ—только для послѣднихъ. При дѣйствіи новаго кодекса тѣ и другія одинаково будутъ подлежать заключенію въ исправительномъ домѣ. Остается только разрѣшить вопросъ о лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, опредѣляемомъ теперь для лицъ привилегированнаго класса въ бо́льшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ для всѣхъ остальныхъ. Если составители новаго кодекса найдутъ возможнымъ установить и въ этомъ отношеніи одно общее правило—чего несомнѣнно требуетъ справедливость, — то послѣдніе слѣды неравенства, достигавшаго крайнихъ предѣловъ въ эпоху процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній, исчезнутъ изъ нашего уголовнаго законодательства.

Говоря объ уголовномъ законодательствѣ, кстати будетъ занести здѣсь въ нашу хронику одинъ новый фактъ изъ послѣдняго времени.

Статья 53-я устава уголовнаго судопроизводства предоставляла мировому судьѣ, въ случаѣ неисполненія полиціею обязанностей, возложенныхъ на нее по производству дѣлъ у мировыхъ судей, дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія, а о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокурору или его товарищу. Постановленіе это подверглось недавно существенному измѣненію: мировые судьи лишены права дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженія. Замѣтивъ упущеніе со стороны полиціи—все равно, важное или неважное—мировой судья можетъ только сообщить о томъ прокурорскому надзору, отъ котораго, на основаніи ст. 485 уст. угол. суд., зависитъ либо ограничиться предостереженіемъ, либо предложить дѣйствія полицейскаго чиновника на разсмотрѣніе суда. Объяснить себѣ основанія такой перемѣны довольно трудно. Злоупотребленіе со стороны мировыхъ судей правомъ, отнятымъ отъ нихъ новымъ закономъ, едва ли было возможно уже потому, что это право не давало имъ реальной власти надъ полицейскими чинами. Предостереженіе, остающееся безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, было не взысканіемъ, а только напоминаніемъ полиціи о лежащихъ на ней обязанностяхъ, объ отвѣтственности, которую можетъ повлечь за собою повторяющееся нарушеніе. Оно служило простой и удобной формой для указаній, разъясненій, вызванныхъ неправильными дѣйствіями полиціи и клонившихся къ предупрежденію ихъ на будущее время. Теперь такія дѣйствія въ большинствѣ случаевъ будутъ проходить безслѣдно, потому что сообщать прокурорскому надзору мировые судьи по прежнему, безъ сомнѣнія, будутъ только о болѣе крупныхъ упущеніяхъ со стороны полиціи. Чины полиціи, не чувствуя себя больше непосредственно подчиненными мировому судьѣ, конечно, не увеличатъ своей заботливости о правильномъ и быстромъ исполненіи возлагаемыхъ имъ на нихъ порученій. Мы не желали бы думать, что въ

новомъ законѣ отразилось недовѣріе къ суду; но во всякомъ случаѣ, измѣненіе буквы судебныхъ уставовъ важно всего болѣе потому, что оно можетъ представляться отступленіемъ отъ ихъ духа.

V.

Пересмотръ пенсіоннаго устава также принадлежитъ къ числу тѣхъ законодательныхъ работъ, движеніе которыхъ отличается большою медленностью. Начало его восходитъ къ 1866-му году; десять лѣтъ спустя, комиссія, на которую онъ былъ возложенъ, выработала проектъ пенсіонной кассы гражданскаго вѣдомства; главныя основанія этого проекта, если вѣрить газетнымъ слухамъ, были одобрены бывшимъ министромъ финансовъ, но отвергнуты его преемникомъ, признавшимъ, что въ настоящее время слѣдуетъ ограничиться частными улучшеніями и измѣненіями въ пенсіонномъ уставѣ безъ коренной его переработки. Сущность этихъ измѣненій и улучшеній должна заключаться въ увеличеніи размѣра пенсій (съ опредѣленіемъ наименьшаго ихъ размѣра, теперь составляющаго около 85 р., примѣрно въ 300 р.), въ уменьшеніи числа должностей, дающихъ право на полученіе пенсіи (для чего низшія должности гражданской службы могли бы быть замѣщаемы по найму), въ уменьшеніи числа привилегированныхъ, въ отношеніи къ праву на пенсію; вмѣсто двухъ, нынѣ существующихъ,—одного срока, дающаго право на пенсію (примѣрно— сорока-лѣтняго). Для назначенія пенсій семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ до истеченія сорока-лѣтняго срока, могли бы быть установлены особые сроки.

Необходимость увеличить размѣръ пенсій, въ особенности небольшихъ, не подлежитъ сомнѣнію и доказывается, между прочимъ, множествомъ случаевъ, въ которыхъ пенсіи назначаются *внѣ правилъ* [1]); уменьшеніе числа льготъ и привилегій также не можетъ возбудить никакихъ возраженій. Нельзя сказать того же самаго о двухъ другихъ предположеніяхъ, клонящихся къ уменьшенію общей цифры пенсіоннаго расхода. Чѣмъ ниже должность, занимаемая чиновникомъ, тѣмъ больше основаній предполагать, что онъ нуждается въ

[1]) По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіею при пересмотрѣ пенсіоннаго устава, въ промежутокъ времени съ 1853 по 1868 года, пенсій на основаніи пенсіоннаго устава назначено было 118,298 лицамъ, на сумму 12.895,431 руб., внѣ правилъ— 9,667 лицамъ на сумму 3.597,960 р. На каждаго изъ пенсіонеровъ первой категоріи приходится, среднимъ числомъ, по 109 руб., на каждаго пенсіонера второй категоріи—по 372 руб. въ годъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что отступленіе отъ правилъ

пенсіи, а слѣдовательно—и имѣетъ на нее право [1]). Содержаніе на низшихъ должностяхъ такъ незначительно, что изъ него только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть сдѣланы какія-либо сбереженія; наградъ на долю мелкихъ чиновниковъ выпадаетъ мало; совмѣщеніе службы съ другими, частными занятіями для нихъ гораздо труднѣе, чѣмъ для лицъ, выше поставленныхъ въ судебной іерархіи; однообразная, рутинная, на половину или вполнѣ механическая работа притупляетъ ихъ способности и дѣлаетъ ихъ, въ концѣ-концовъ, непригодными ни къ какому другому труду, кромѣ канцелярскаго. Обратить ихъ изъ должностныхъ лицъ въ вольнонаемныхъ работниковъ, значило бы измѣнить только названіе, а не сущность дѣла; они все-таки продолжали бы отдавать все свое время, всѣ свои силы государственной службѣ, и, состарѣвшись на ней, сохраняли бы право на попеченіе государства. По справедливому замѣчанію одной изъ газетъ, несвоевременно вводить на государственной службѣ вольнонаемный трудъ, безъ всякаго права на пенсію, когда даже въ различныхъ отрасляхъ общественной и частной службы изыскиваются средства къ обезпеченію будущности служащихъ. Не меньше неудобствъ представляетъ и отдаленіе срока выслуги пенсіи на пять лѣтъ противъ существующаго, безъ того уже весьма продолжительнаго, съ уничтоженіемъ, притомъ, права на половинную пенсію, послѣ двадцати-пяти лѣтъ службы. Много ли найдется чиновниковъ, служащихъ сорокъ лѣтъ сряду?! Число ихъ съ каждымъ годомъ должно уменьшаться, потому что какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ теперь оканчиваютъ курсъ позже, чѣмъ прежде. Прежде многіе выходили изъ гимназіи шестнадцати, даже пятнадцати, изъ университета — двадцати, даже девятнадцати лѣтъ; теперь громадное большинство оставляетъ гимназію и университетъ, по крайней мѣрѣ, четырьмя годами позже. Выслуживать пенсію будутъ, такимъ образомъ, только тѣ исключительно-крѣпкія натуры, которыя дотянутъ служебную лямку до 65—70 лѣтъ. Какъ бы ни ослабѣлъ, какъ бы ни утомился чиновникъ, онъ будетъ держаться за службу обѣими руками, какъ за слабый шансъ успокоенія и отдыха, пріобрѣтенный столькими годами тяжелой, неблагодарной дѣятельности,—и все-таки этотъ шансъ можетъ ускользнуть отъ него, сила

состояло не только въ назначеніи пенсій до срока, но и въ увеличеніи ихъ размѣра, сравнительно съ установленной закономъ нормой.

[1]) Еслибы удостовѣреніе въ томъ, что оставляющій службу чиновникъ—или его семейство—не имѣетъ, помимо пенсіи, достаточныхъ средствъ къ жизни, не было сопряжено съ большими затрудненіями и не могло служить источникомъ злоупотребленій, то право на пенсію, безъ сомнѣнія, было бы предоставлено только дѣйствительно нуждающимся въ ней.

его можетъ истощиться за нѣсколько лѣтъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до желаннаго часа. На увольненіе отъ службы чиновника, которому немного остается прослужить до пенсіи, и теперь не всегда легко рѣшиться; при одномъ, сорока-лѣтнемъ срокѣ пенсіи эта трудность возросла бы до крайнихъ предѣловъ. Начальству часто предстоялъ бы выборъ между поступкомъ, въ сущности жестокимъ, и снисходительностью, вредно отзывающеюся на служебномъ дѣлѣ. Одна изъ нашихъ газетъ указываетъ на то, что многіе отставные чиновники, получающіе пенсію, поступаютъ въ частную службу, что, слѣдовательно, они могли бы продолжать и государственную службу, если бы срокъ выслуги пенсіи былъ болѣе отдаленный. Такіе случаи возможны, хотя ихъ едва ли особенно много [1]); но для удержанія на государственной службѣ лицъ, способныхъ продолжать ее, гораздо болѣе цѣлесообразнымъ, чѣмъ отдаленіе срока пенсіи, представляется средство, предлагаемое многими—увеличеніе получаемаго ими содержанія, если они согласятся остаться на службѣ и по выслугѣ права на пенсію. О примѣненіи сорока-лѣтняго срока къ пенсіямъ, назначаемымъ семейству умершаго на службѣ чиновника, безъ сомнѣнія, не можетъ быть и рѣчи; чѣмъ же виновато семейство чиновника, если кормилецъ его умеръ за годъ, за мѣсяцъ до выслуги пенсіи? Необходимость особыхъ сроковъ для случаевъ такого рода признана и основными положеніями, измѣнившими направленіе работъ по пересмотру пенсіоннаго устава. Можно надѣяться, что дѣйствующій законъ въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ, не будетъ измѣненъ къ худшему.

Что же дѣлать, однако, въ виду постоянно и быстро возрастающаго числа пенсіонеровъ и общей цифры пенсій? Въ 1828 г. всѣхъ пенсіонеровъ было около 26,000, расходъ на пенсіи составлялъ нѣсколько менѣе трехъ милліоновъ рублей; сорокъ лѣтъ спустя обѣ цифры увеличились безъ малаго въ шесть разъ—пенсіонеровъ было около 151,000, пенсій платилось болѣе семнадцати милліоновъ рублей. Прошло еще десять лѣтъ — и по росписи на 1880-й годъ расходъ на пенсіи исчисленъ уже почти въ двадцать-четыре милліона. Одна изъ газетъ утѣшаетъ насъ тѣмъ, что процентное отношеніе этого расхода къ общей цифрѣ государственнаго бюджета у насъ меньше, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ пенсіи составляли у насъ почти четыре про-

---

[1]) Если бы можно было собрать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, получающихъ пенсію отъ государства и вмѣстѣ съ тѣмъ несущихъ частную службу, то многія изъ нихъ— а можетъ быть, и большинство — оказались бы, по всей вѣроятности, получившими пенсію „внѣ правилъ“, до выслуги установленнаго закономъ срока.

цента всѣхъ государственныхъ расходовъ [1]), въ Англіи и Франціи превышали четыре, въ Пруссіи доходили до пяти съ половиной, а въ Италіи, Даніи и Баваріи—даже до девяти слишкомъ процентовъ. Утѣшеніе это кажется намъ весьма слабымъ: расходъ на пенсіи, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ къ числу непроизводительныхъ, и возрастаніе его, при затруднительности общаго финансоваго положенія, при множествѣ неудовлетворенныхъ или не вполнѣ удовлетворенныхъ настоятельныхъ нуждъ, не можетъ быть признано явленіемъ нормальнымъ. Остановить увеличеніе расхода на пенсіи или, тѣмъ болѣе, достигнуть его уменьшенія, не нарушая пріобрѣтенныхъ правъ и не ухудшая положенія лицъ, посвятившихъ себя государственной службѣ, можно только однимъ путемъ: значительнымъ сокращеніемъ числа чиновниковъ и затѣмъ назначеніемъ пенсій *исключительно* на основаніи закона, совершеннымъ устраненіемъ пенсій, назначаемыхъ *внѣ правилъ*. Объ осуществимости первой изъ этихъ мѣръ въ „Вѣстникѣ Европы“ уже говорилось (1879 г., № 2, Внутреннее обозрѣніе); вторая представляется намъ естественнымъ и необходимымъ результатомъ предполагаемаго возвышенія размѣра пенсій. Единственнымъ — хотя едва ли достаточнымъ — оправданіемъ многочисленныхъ отступленій отъ пенсіоннаго устава служилъ и служитъ крайне низкій, въ большинствѣ случаевъ, размѣръ опредѣляемыхъ имъ пенсій. Когда размѣръ пенсій будетъ согласованъ съ измѣненіемъ цѣнъ, совершившимся послѣ изданія пенсіоннаго устава, всякое основаніе къ разрѣшенію внѣ закона того, что̀ предусмотрѣно и регулировано закономъ, падетъ само собою.

VI.

Мы сказали выше, что новые сроки для пенсіи въ наше время затрудняются тѣмъ, что изъ гимназій и университетовъ нынѣ выходятъ по крайней мѣрѣ четырьмя годами позже; но Александровскій лицей и училище правовѣдѣнія доставляютъ возможность начинать службу въ весьма раннемъ возрастѣ. Однако, одному изъ этихъ учебныхъ заведеній предстоитъ реформа, въ смыслѣ увеличенія учебнаго срока.

Доступъ въ Александровскій лицей и въ училище правовѣдѣнія былъ открытъ до-сихъ поръ только для дѣтей потомственныхъ дворянъ, записанныхъ въ пятую или шестую часть родословной книги,

[1]) Въ настоящее время это отношеніе нѣсколько уменьшилось и составляетъ около $3^{1}/_{2}$ %.

и лицъ, достигшихъ болѣе или менѣе высокаго чина на военной или гражданской службѣ. Относительно лицея это правило недавно измѣнено, разрѣшеніемъ пріема дѣтей потомственныхъ дворянъ, въ какую бы часть родословной книги они ни были записаны. Если вѣрить слуху, появившемуся въ нашихъ газетахъ, еще бо́льшей перемѣнѣ должны подвергнуться въ скоромъ времени правила о пріемѣ воспитанниковъ въ училище правовѣдѣнія; доступъ въ это заведеніе предполагается открыть для лицъ всѣхъ сословій. Программы низшихъ курсовъ будутъ сравнены, при этомъ, съ программами классическихъ гимназій; высшіе курсы будутъ расширены до объема университетскихъ, къ семи учебнымъ годамъ прибавлены еще два. Облегченію доступа въ высшія учебныя заведенія можно, вообще говоря, только радоваться; но не указываетъ ли оно въ данномъ случаѣ на уменьшеніе числа лицъ, желающихъ опредѣлить своихъ дѣтей въ лицей и училище правовѣдѣнія, а въ этомъ уменьшеніи не слѣдуетъ ли видѣть новое доказательство въ пользу того, что оба привилегированныя учебныя заведенія отжили свое время? Въ исторіи русскаго образованія они безспорно займутъ почетное мѣсто. Учрежденіе лицея привлекло къ высшему, сравнительно, образованію множество лицъ, которыя иначе пошли бы по обычному, въ въ прежнее время, пути родовой и чиновной знати, т.-е. поступили бы въ военную службу. Для небольшой, но важной по своему положенію группы лицей сдѣлался такимъ же просвѣтительнымъ центромъ, какими для большинства учащихся были университеты. Пушкинскія традиціи долго поддерживали между воспитанниками лицея усиленную умственную жизнь, не всегда прекращавшуюся и за его стѣнами. Несомнѣнная заслуга училища правовѣдѣнія заключается въ томъ, что оно дало судебнымъ мѣстамъ, въ особенности Сенату, множество честныхъ дѣятелей, благодаря которымъ понятіе о судѣ перестало быть неразрывно-связаннымъ съ понятіемъ о взяткѣ. Въ настоящее время условія воспитанія и общественной жизни измѣнились настолько, что въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ къ приготовленію образованныхъ администраторовъ и судей не представляется болѣе никакой надобности; для достиженія этой цѣли вполнѣ достаточно университетскихъ юридическихъ факультетовъ, съ ихъ административными отдѣленіями. Еще недавно они были переполнены слушателями; теперь они пустѣютъ, потому что уменьшился запросъ на юристовъ, усиленный на время введеніемъ въ дѣйствіе судебной реформы. Съ другой стороны, университеты имѣютъ теперь одинаковую притягательную силу для лицъ всѣхъ сословій, всѣхъ общественныхъ положеній. Уровень преподаванія стоитъ въ нихъ несомнѣнно выше, чѣмъ въ лицеѣ и училищѣ пра-

вовѣдѣнія. Привилегіи, которыми пользуются послѣдніе сравнительно съ первыми, не оправдываются рѣшительно ничѣмъ; причины, нѣкогда вызвавшія ихъ, давно уже не существуютъ. Отмѣнить эти привилегіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расширить объемъ лицейскихъ и правовѣдскихъ курсовъ до степени университетскихъ, значило бы устранить существующую теперь несправедливость, но не доказать правъ лицея и училища правовѣдѣнія на дальнѣйшее существованіе. Въ началѣ нынѣшняго года признано было полезнымъ преобразовать и институтъ инженеровъ путей сообщенія, въ видахъ поднятія спеціальнаго образовательнаго уровня лицъ этого вѣдомства и соразмѣренія числа ихъ съ потребностями министерства путей сообщенія и подвѣдомственныхъ ему желѣзнодорожныхъ предпріятій. Еще болѣе цѣлесообразнымъ было бы обращеніе средствъ, идущихъ теперь на искусственное увеличеніе числа юристовъ, безъ всякой потребности въ томъ и безъ всякаго поднятія ихъ образовательнаго уровня,—на развитіе другихъ отраслей образованія (напр. технической), дѣйствительно нуждающихся въ поддержкѣ со стороны государства.

Заключимъ нашу хронику небольшой замѣткой. „Journal de St.-Pétersbourg“ посвятилъ недавно довольно обширную статью положенію нашихъ гимназій. Не касаясь, по особымъ причинамъ, ея содержанія, мы остановимся только на ея эпиграфѣ: „men, no measures“ (нужны люди, а не мѣры). Политическая мудрость этого изреченія подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, большому сомнѣнію; гораздо болѣе правильною кажется намъ другая, двухсторонняя формула: „не только мѣры, но и люди—не только люди, но и мѣры“. Безспорно, плохое исполненіе можетъ испортить самую лучшую мысль; но центръ тяжести все-таки лежитъ въ мысли, отъ которой въ значительной степени зависитъ и образъ дѣйствій исполнителей. Возложите на одно и то же лицо двѣ различныя задачи, одинаково соотвѣтствующія его силамъ, но не одинаковыя по внутреннему своему достоинству, по своей цѣлесообразности: одинаково ли хорошо будетъ исполненіе обѣихъ? Правило: „men, no measures“—легко можетъ обратиться въ девизъ самаго узкаго консерватизма, въ готовое возраженіе противъ самой необходимой перемѣны. Во имя этого правила можно было возставать противъ судебной реформы, предлагая замѣнить ее назначеніемъ новыхъ людей въ старыя судебныя мѣста; можно было возставать противъ земскаго самоуправленія, предлагая озаботиться лишь тщательнымъ подборомъ непремѣнныхъ членовъ приказа общественнаго призрѣнія и дѣлопроизводителей особаго о земскихъ повинностяхъ присутствія; можно было, наконецъ, возста-

вать даже противъ освобожденія крестьянъ, утѣшая себя надеждой на постепенный подъемъ нравственнаго уровня помѣщиковъ. Мы не знаемъ, кто именно изъ англійскихъ государственныхъ людей произнесъ слова, восхитившія автора статьи „Journal de St.-Pétersbourg“; но не ими, во всякомъ случаѣ, руководились всѣ великіе политическіе дѣятели Англіи—Робертъ Пиль, графъ Грей, Джонъ Россель, и друг. Быть можетъ, они были сказаны въ такую эпоху англійской политической жизни, когда за цѣлымъ рядомъ реформъ должно было слѣдовать примѣненіе ихъ на практикѣ, когда законодательная дѣятельность должна была, на время, уступить мѣсто административной. Для насъ, живущихъ посреди незавершеннаго еще цикла реформъ, подобный моментъ не насталъ и, вѣроятно, настанетъ нескоро. Исторія послѣдняго двадцатипятилѣтія въ Россіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что для новыхъ мѣръ, отвѣчавшихъ потребностямъ времени, всегда находились и новые люди; случаевъ достиженія цѣли посредствомъ одной перемѣны въ лицахъ она не представляетъ. Правилу: „men, no measures“, можно противопоставить другое, болѣе древнее: „новое вино не слѣдуетъ вливать въ старые мѣха“. Притомъ, и между „мѣрами“ есть разница: мѣры бываютъ всякія — придуманныя и цѣлесообразныя; на эту сторону дѣла почтенный авторъ упомянутой статьи уже вовсе не обратилъ вниманія, увлеченный, вѣроятно, англійскимъ „краснымъ словцомъ“. Вотъ если бы онъ сказалъ, что есть мѣры, которыя легко могутъ создать и людей, и есть мѣры, которыя непремѣнно окажутся безсильными въ этомъ отношеніи—это было бы другое дѣло, и съ нимъ никто не сталъ бы спорить.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

15/27 февраля, 1879.

LV.

Вознагражденіе литературнаго труда во Франціи.

Мнѣ часто приходится слышать такого рода сѣтованія: „Литературный духъ исчезаетъ, меркантилизмъ одолѣваетъ литературу, деньги убиваютъ талантъ". И затѣмъ раздаются жалобы на демократію, которая наводняетъ салоны и академіи, искажаетъ языкъ, превращаетъ писателя въ обыкновеннаго купца, продающаго свой товаръ съ фабричнымъ клеймомъ, наживающаго богатство или умирающаго въ нищетѣ. Я уже давно собираюсь отвѣчать на эти жалобы и обвиненія, и въ этомъ письмѣ займусь именно вопросомъ о томъ: какую роль играютъ деньги въ современномъ литературномъ трудѣ? Прежде всего, разумѣется, слѣдуетъ замѣтить, что литературное направленіе XVII и XVIII столѣтій не имѣетъ ничего общаго съ литературнымъ направленіемъ XIX вѣка. Подъ вліяніемъ интеллектуальнаго и соціальнаго движенія въ немъ мало-по-малу совершился полный переворотъ. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ этотъ переворотъ.

I.

Недавно, я перечитывалъ критическіе этюды Сентъ-Бёва, этотъ безконечный рядъ томовъ, гдѣ онъ высказался весь. При этомъ-то чтеніи поразили меня глубокія измѣненія въ нашемъ литературномъ направленіи. Сентъ-Бёвъ, гибкій и обширный умъ, вполнѣ способный оцѣнить новѣйшія произведенія, сохранялъ все-таки нѣжную привязанность къ трудамъ прошлыхъ временъ и свято держался за древнихъ и нашихъ классиковъ. Это сожалѣніе, эта тоска по прошлымъ вѣкамъ, въ особенности по XVII-му, постоянно проскальзываетъ у него такъ или иначе. Онъ не возставалъ на современную эпоху, онъ гордился тѣмъ, что знаетъ и понимаетъ всѣ ея произведенія; но не могъ совладать съ своимъ темпераментомъ, оглядывался на прошлое и наслаждался воспоминаніями классика и ученаго. Онъ родился двѣсти лѣтъ позднѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Никогда не понималъ я лучше прелести литературнаго направленія, созданнаго старою Фран-

ціей. Сентъ-Бёвъ былъ одинъ изъ послѣднихъ, сочувствовавшихъ и оплакивавшихъ этотъ старый разрушившійся міръ; и чувства его были тѣмъ отзывчивѣе въ этомъ случаѣ, что онъ стоялъ на рубежѣ прошедшей и настоящей эпохи, и былъ скорѣе дѣйствующимъ лицомъ, чѣмъ судьею. Правдивыя признанія высказываются въ тревожныя минуты, въ воплямъ личнаго горя.

Итакъ, вотъ какое понятіе составлялъ себѣ Сентъ-Бёвъ о писателѣ, когда обращался къ прошлому, о которомъ мечталъ. Писатель, это — ученый, нуждающійся прежде всего въ досугѣ. Онъ живетъ въ тиши библіотеки, вдали отъ уличнаго шума, въ пріятномъ общеніи съ музами. Удѣлъ его — непрерывное наслажденіе, утонченность чувствъ, игра ума, убаюкиваніе всего существа. Литература остается при этомъ пріятнымъ времяпровожденіемъ избраннаго общества, и восхищаетъ сначала поэта, а затѣмъ уже становится достояніемъ небольшого кружка. Само собой разумѣется, нѣтъ и помину объ усиленномъ трудѣ, о безсонныхъ ночахъ, о спѣшной работѣ; нѣтъ, тутъ ничто не подгоняетъ вдохновенія, творенія пишутся въ излюбленные часы, въ минуты полнаго сердечнаго и душевнаго довольства. Только порядочные люди могли писать въ такихъ условіяхъ, я разумѣю — людей зажиточныхъ, или получающихъ пенсію, людей, которыхъ боги наградили необходимымъ досугомъ. Писатель никогда не работаетъ для выгоды; онъ пишетъ, какъ поетъ птица для удовольствія своего и другихъ. Ему не платятъ, какъ не платятъ соловью. Его просто кормятъ. Всѣ признаютъ, что деньги — вещь грубая и унижающая достоинство литературы; но крайней мѣрѣ, не было примѣра, чтобы человѣкъ нажилъ состояніе литературой, и это никого не удивляетъ; сами писатели драпируются въ мантію бѣдности, и живутъ милостыней вельможъ. Они служатъ забавой, роскошью, чѣмъ-то выходящимъ изъ ряду банальной жизни, не существующимъ въ торговлѣ; только великіе міра сего въ состояніи позволить себѣ эту роскошь, также какъ и шутовъ, и гаеровъ.

Я въ особенности настаиваю на литературномъ направленіи. Писатель въ этомъ случаѣ вовсе не похожъ на ученаго, страстно добивающагося истины, полагающаго свое счастье въ открытіяхъ. Онъ прежде всего виртуозъ, упражняющійся въ риторикѣ своего времени; самые гуманные довольствуются разсужденіями о человѣкѣ, о человѣкѣ абстрактномъ, чисто метафизическомъ. Однимъ изъ великихъ наслажденій является подражаніе древнимъ, жизнь въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи съ греками и римлянами. Нужно видѣть тогдашняго писателя въ его кабинетѣ, окруженнаго книгами, свято чтущаго преданія, не дѣлающаго ни шагу безъ текстовъ, чаще всего желающаго только исполнять варіаціи на давно извѣстную тэму,

обращающагося съ литературой, какъ съ великосвѣтской дамой, требующей всевозможной вѣжливости, и полагающаго всю прелесть своего ремесла въ этихъ нескончаемыхъ и утонченныхъ комплиментахъ. Словомъ, писатель занимается чистымъ искусствомъ, красивыми реторическими игрушками, искуснымъ нанизываніемъ словъ, литературной рисовкой характеровъ, чувствъ и страстей, не почерпнутыхъ изъ физіологической дѣйствительности, а выплетенныхъ искусно въ трагическихъ или краснорѣчивыхъ тирадахъ. Глубокая пропасть отдѣляетъ ученаго, который изслѣдуетъ, и писателя, который описываетъ. Послѣдній не отступаетъ отъ философскаго и религіознаго догмата и вращается въ сферѣ души и голой мысли. Литература дѣйствительно остается совершенно исключительной областью, литературное направленіе имѣетъ очень опредѣленный смыслъ, литературу воздѣлываютъ какъ какой-нибудь садъ, гдѣ для каждаго рода отведена особая клумба, тюльпаны съ одной стороны, розы—съ другой. Сочиненія всѣ подъ этикетками, но очень милы, для нихъ существуютъ извѣстные пріемы и рецепты, но всѣ рады появленію извѣстныхъ цвѣтовъ, въ извѣстное, опредѣленное время.

Тогда литературное направленіе вырабатывалось въ салонахъ. Книги стоили дорого и были мало распространены; народъ ихъ совсѣмъ не читалъ, буржуазія почти не читала, страсть къ чтенію, которая охватываетъ теперь все общество, тогда еще не существовала. Только какъ исключеніе можно было встрѣтить страстнаго охотника до чтенія, пожирающаго все, что̀ является на выставкахъ у книгопродавцевъ. Такимъ образомъ, для литературы не существовало публики, того, что̀ мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ, и только салоны, немногочисленныя группы избранныхъ лицъ, могли произносить рѣшительный приговоръ. Эти салоны по истинѣ царили надъ литературой. Они руководили языкомъ, указывали темы для сочиненій и опредѣляли способъ ихъ обработки. Они отбирали слова, одни одобряли, другія осуждали; они сочиняли правила, выдумывали моды, создавали великихъ людей. Отсюда характеръ литературы, на который я указалъ выше: она служила украшеніемъ ума, пріятнымъ провожденіемъ времени, возвышеннымъ развлеченіемъ для людей хорошаго тона. Представимъ себѣ такой салонъ, предписывающій законы для литературы. Какая-нибудь женщина собирала вокругъ себя писателей, единственною заботою которыхъ было ей нравиться; тутъ, въ маленькомъ кружкѣ, читались новыя произведенія, велись длинные разговоры, съ соблюденіемъ всѣхъ свѣтскихъ приличій и утонченностей. Геній, какъ мы его понимаемъ нынѣче, съ его необузданною мощью, почувствовалъ бы себя здѣсь очень нехорошо; но простой талантъ пышно расцвѣталъ въ этой теплицѣ. Даже въ первыя вре-

мена зарожденія французской „вѣжливости“, когда салоны только что создавались и знатныя особы довольствовались тѣмъ, что содержали поэтовъ на жалованьѣ, также какъ содержали поваровъ,—даже тогда состояніе зависимости, въ которомъ находилась литература, отдавало ее въ руки касты, которой она льстила и со вкусомъ которой должна была сообразоваться. Разумѣется, это развивало въ ней всевозможныя пріятныя качества: тактъ, чувство мѣры, олимпійское спокойствіе, пышный слогъ; кромѣ того, всѣ достоинства, которыя можно найти въ кругу образованныхъ и изящныхъ женщинъ, утонченность и изящество мысли и чувства, тонкіе разговоры о щекотливыхъ предметахъ, слегка касающіеся всего, и ни во что не углубляющіеся; бесѣды у камина, похожія на музыкальныя аріи, печальныя или веселыя. Вотъ литературное направленіе прошлыхъ вѣковъ.

Салоны естественно вели въ академію. Тамъ пышно расцвѣтала реторика. Освободившись отъ свѣтскаго элемента, отъ ухаживанія за женщинами, литература превращалась въ грамматику и реторику, погружалась въ вопросы традиціи, правилъ и рецептовъ. Нужно послушать, какъ Сентъ-Бёвъ, этотъ свободный умъ, говоритъ объ академіи, съ важностью и негодованіемъ усерднаго чиновника, отправившагося въ свою канцелярію, и оставшагося недовольнымъ поведеніемъ и занятіями своихъ сослуживцевъ. Многимъ писателямъ нравились эти засѣданія, уходившія на споры о словахъ, эти говорильни, гдѣ велась борьба во имя оракуловъ древности. Пускали въ ходъ всю свою латинскую и греческую ученость, угощали другъ друга педантизмомъ и все это уснащивалось ненавистью, завистью, мелкими битвами и мелкими тріумфами. Ни въ одной дворницкой не раздавалось столько тумаковъ, какъ въ академіи. Въ продолженіи двухъсотъ лѣтъ, государственные люди, потерявшіе власть, желчные поэты, одурѣвшіе отъ тщеславія, буквоѣды съ головой, напичканной старьемъ, находили тамъ облегченіе, утѣшались кажущеюся славой, спорили о словахъ, яростно отстаивали свои заслуги, оставаясь невѣдомыми публикѣ.

Если бы была написана интимная исторія нашей академіи, съ частными письмами академиковъ, въ которыхъ они признаются въ дѣйствительной истинѣ,—то мы имѣли бы самую необыкновенную комическую эпопею о собраніи людей, зараженныхъ дѣтскою гордостью и занимавшихся подчасъ невѣроятнымъ вздоромъ. Литературное направленіе хранилось въ этомъ кивотѣ завѣта, въ массѣ пересудовъ, надъ которыми мы теперь потѣшаемся. Въ этомъ отношеніи стоитъ прочитать Сентъ-Бёва, который, къ тому же, даетъ намъ превосходныя замѣтки о положеніи писателя въ послѣднихъ салонахъ начала на-

шего столѣтія. Онъ, очевидно, сильно польщенъ тѣмъ, что принятъ у вельможъ. Онъ расшаркивается передъ ними, онъ почтителенъ и знаетъ свое мѣсто, признавая ихъ высшими существами. Онъ признаетъ общественную іерархію, надъ которой самъ будетъ смѣяться и которую будетъ философски критиковать, какъ только выйдетъ на улицу; но въ средѣ дамъ, рядомъ со вчерашнимъ или сегодняшнимъ министромъ, онъ считаетъ долгомъ преклоняться, точно будто еще нуждается въ ихъ протекціи, точно онъ работаетъ только для этихъ людей, польщенный ихъ вѣжливостью, очарованный этою избранною средою, гдѣ литература кажется ему благороднѣе. Это—остатокъ придворной лести, любовь къ учтивости и счастливой гармоніи, царящихъ въ хорошемъ обществѣ. Онъ забываетъ о цѣлой націи, которой обязанъ своимъ талантомъ и славой.

Въ короткихъ словахъ,—литературное направленіе прошлыхъ вѣковъ заключается въ понятіи о такой литературѣ, которой совершенно чужда идея серьёзнаго труда. Это—чистое искусство, которое принимаетъ за философское основаніе понятіе о душѣ, отличной отъ тѣла и господствующей надъ нимъ, и, основываясь на этомъ неоспоримомъ догматѣ, интересуется въ произведеніяхъ исключительно вопросами, касающимися грамматики и реторики. Такимъ образомъ, литературное направленіе въ салонахъ и академіяхъ содѣйствуетъ образованію языка, созданію вылощенной литературы, толкующей въ прекрасныхъ выраженіяхъ о характерахъ и чувствахъ, какими ихъ представляетъ метафизика того времени. Человѣкъ и природа остаются абстрактными, писатели не задаются цѣлью говорить истину о людяхъ и о вещахъ, но стараются изобразить ихъ по условленному шаблону, напирая всегда на типъ, чтобы достичь возможно бо́льшаго величія. Никто не нисходитъ до индивидуума, ни даже комическіе поэты, создававшіе капитальныя произведенія въ смыслѣ общихъ наблюденій. Изученіе отдѣльныхъ фактовъ, анатомія частныхъ случаевъ, собираніе и классификація фактовъ еще не начинались. Дѣло идетъ только о томъ, чтобы доставить развлеченіе изящному и избранному обществу такими сочиненіями, въ которыхъ бы оно находило свой языкъ, лоскъ, искусство говорить намеками, тонкія оговорки,—всю свою жизнь, состоящую изъ полупризнаній и комплиментовъ.

Конечно, такое литературное направленіе породило прекрасныя произведенія. Я не сужу, а только констатирую факты. Вся наша великая національная литература восемнадцатаго, а въ особенности семнадцатаго столѣтія является продуктомъ этого союза писателей съ высшимъ обществомъ, для котораго они писали. Салоны и академія—вотъ почва, на которой должны были неизбѣжно произрастать

образцовыя произведенія нашей классической литературы. Имъ обязаны своимъ существованіемъ стройность и торжественная пышность трагедій Расина, краснорѣчіе рѣчей Боссюэта, логика и геніальный здравый смыслъ Буало. Наша слава пока еще въ нихъ, такъ какъ новые вѣка едва начинаются, и надо ждать, пока духъ, повѣявшій со времени романтическаго мятежа, разовьется въ полной силѣ и ширинѣ. Я вовсе не намѣренъ отрицать прошлое; напротивъ, я хочу опредѣлить его, чтобы показать, что оно дѣйствительно прошлое, и что французская литература вступила въ совершенно новый періодъ, который и требуетъ яснаго опредѣленія, для того, чтобы не питать безполезныхъ сожалѣній и твердо идти къ будущему.

Итакъ, прежнее литературное направленіе опредѣлено. Перейдемъ къ историческимъ фактамъ.

II.

Давно уже я думаю, что было бы очень интересно изучить матеріальное и нравственное положеніе писателей прошлыхъ вѣковъ. Какое положеніе занимали они въ обществѣ? какъ относились къ нимъ знать и буржуазія? какъ они жили, на какія средства и на какую ногу? Нелегкое дѣло—дать обстоятельный отвѣтъ на эти вопросы, дѣло, требующее справокъ и выписокъ. Нужно собрать всевозможные документы о писателяхъ, проникнуть въ ихъ интимную жизнь, разузнать объ ихъ состояніи, составить ихъ бюджетъ, слѣдить за ними въ ихъ ежедневныхъ заботахъ; въ особенности необходимо изучить состояніе книжной торговли въ данную эпоху, узнать, сколько барыша приносили автору книги, изслѣдовать, могъ ли прокормить человѣка литературный трудъ. Только тогда можно понять дѣйствительныя причины литературнаго направленія этой исчезнувшей эпохи: какъ почва объясняетъ растеніе, такъ писатель-паразитъ классическихъ временъ главнымъ образомъ обусловливается денежнымъ вопросомъ.

Разумѣется, я не могу изслѣдовать этотъ предметъ обстоятельно. Для этого нуженъ досугъ, котораго у меня нѣтъ. Итакъ, я представлю здѣсь только бѣглый очеркъ вопроса, нѣсколько замѣтокъ, которыя я собралъ и излагаю, чтобы указать, какой обширный и интересный трудъ предстоитъ по этому предмету. Я не стану даже излагать факты въ опредѣленномъ порядкѣ, но буду приводить ихъ, какъ придется, и постараюсь извлечь изъ каждаго нѣсколько мыслей, касающихся моей темы.

Для полноты изслѣдованія слѣдовало бы обратиться къ первымъ представителямъ нашей литературы. Но я начну съ Малэрба. Вотъ что мы читаемъ у Тальманъ де-Рео (Tallement des Réaux); онъ, объяснивъ, что король не могъ назначить поэту достаточную пенсію, прибавляетъ: „Король поручилъ г. де-Бельгарду, тогдашнему первому камергеру, содержать его, до назначенія его пенсіонеромъ. Г-нъ де-Бельгардъ далъ ему 1000 экю жалованья, столъ, и содержалъ для него лакея и лошадь... По смерти Генриха IV, королева Марія Медичи назначила Малэрбу пенсію въ 500 экю, и съ этого времени онъ не получалъ больше содержанія отъ г. де-Бельгарда... Г-нъ Моранъ, уроженецъ Кана, обѣщалъ Малэрбу и одному дворянину изъ его друзей, тоже уроженцу Кана, по 400 ливровъ каждому—не знаю ужъ за что, и этимъ оказалъ имъ большую услугу. Онъ даже пригласилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Малэрбъ не хотѣлъ ѣхать къ нему, если онъ не пришлетъ за нимъ кареты. Наконецъ, дворянинъ уговорилъ его отправиться верхомъ. Послѣ обѣда, имъ отсчитали деньги“...

Не правда ли, типичный примѣръ? Мнѣ кажется, эти нѣсколько строчекъ все объясняютъ. Писатель,—это роскошь, которую позволяетъ себѣ вельможа. Когда у короля нѣтъ денегъ, онъ поручаетъ какому-нибудь богатому царедворцу содержать писателя, какъ нѣкое дорогое существо, которое со временемъ послужитъ ему блестящимъ развлеченіемъ; и въ самомъ дѣлѣ, если смерть помѣшаетъ королю удовлетворить свои желанія, то останется королева, которая приметъ поэта на свое попеченіе. Писатели играютъ роль какихъ-то рѣдкихъ и дорогихъ птицъ, которыхъ вельможи заводятъ у себя, дарятъ другъ другу, мѣняются ими, чтобы показать свой вкусъ и похвастаться своимъ богатствомъ. Но въ особенности поражаетъ меня у Тальманъ де-Рео гордость, которую Малэрбъ сохраняетъ при такомъ паразитномъ положеніи; онъ готовъ принять деньги Морана, но требуетъ карету, чтобы ѣхать за ними, и наконецъ соглашается удовольствоваться лошадью. Не правда ли, это вполнѣ характеризуетъ понятія того времени: денежный подарокъ не считался оскорбленіемъ, лишь бы только были соблюдены приличія.

Такого рода исторій о пенсіяхъ и денежныхъ подаркахъ писателямъ мы найдемъ много у Тальмана. Такъ, онъ говоритъ о Раканѣ: „онъ жилъ тѣмъ, что начальствовалъ надъ жандармами маршала д'Эффіа“. Въ другомъ мѣстѣ онъ разсказываетъ о Шапленѣ: „герцогъ Лонгвиль переманилъ Шаплена отъ г. де-Ноайяля, который обращался съ нимъ грубо, за пенсію въ 2000 ливровъ... За оду въ честь кардинала Мазарини онъ получалъ пенсію въ 500 экю... Позднѣе, Лонгвиль прибавилъ ему сто ливровъ“. Что можно думать объ этомъ

де-Ноайлѣ, который до такой степени „грубо обращался“ съ Шапленомъ, что Лонгвилль воспользовался удобнымъ случаемъ и переманилъ къ себѣ Шаплена, за дорогую по тогдашнимъ понятіямъ цѣну? Такимъ образомъ прислуга мѣняла господъ, когда господа дрались.

Приведу кстати извѣстный, но очень интересный фактъ изъ книги Вольтера: „le Siècle de Louis XIV“. Это—извлеченіе изъ списка пенсій, найденнаго въ бумагахъ Кольбера, и составленнаго безъ сомнѣнія Шапленомъ. Эти пенсіи выплачивались королемъ. „Господину Пьеру Корнелю, первому драматургу въ мірѣ—2000 л.; господину Демаре, плодовитѣйшему писателю, одаренному самымъ изящнымъ воображеніемъ, какое только когда-либо существовало—1200 л.; господину Мольеру, превосходному комическому поэту,—1000 л.; господину аббату Котену, французскому поэту и оратору,—1200 л.; господину Дувріе, ученому гуманисту,—3000 л.; господину Ожье, славному теологу и литератору,—1500 л.; господину Расину, французскому поэту,—800 л.; господину Шаплену, величайшему поэту всѣхъ временъ и превосходному критику,—3000 л.“.

Если мы ничего не имѣемъ противъ титула „величайшаго драматурга въ мірѣ“, даннаго Корнелю, то не можемъ не удивиться, узнавъ, что Демаре обладалъ „самымъ изящнымъ воображеніемъ, какое только когда-либо существовало“, и что Шапленъ выдаетъ себя за „величайшаго поэта всѣхъ временъ и превосходнаго критика“. Но интересъ не въ этомъ; списокъ представляетъ драгоцѣнный документъ въ томъ отношеніи, что указываетъ истинный смыслъ пенсій. Это не милостыня, раздаваемая нищимъ; это награды, назначаемыя Людовикомъ XIV въ знакъ удовольствія служителямъ, которые отличились, содѣйствуя его славѣ. Дальше я разсмотрю, при какихъ условіяхъ государство и теперь помогаетъ литературѣ; но въ прежнія времена причиною пенсій было шаткое положеніе литераторовъ, сверхъ того, пенсіи заключали въ себѣ идею почести, такъ что иные состоятельные писатели пускались на низкія уловки, чтобы добиться пенсіи.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ поразительный примѣръ у того же Тальмана, по поводу Бальзака. „Этотъ человѣкъ, при всѣхъ своихъ добродѣтеляхъ, пускается на низость, къ которой его никто не побуждалъ: въ письмѣ къ кардиналу Мазарини онъ подписывается: вашей эминенціи нижайшій, покорнѣйшій и преданнѣйшій слуга и пенсіонеръ... Бальзакъ имѣлъ средства къ жизни, и, несмотря на то, добился пенсіи въ 500 экю“. Вотъ литературный паразитизмъ въ полномъ своемъ блескѣ.

Стóитъ также привести здѣсь эпитафію Тристана, умершаго въ 1665, сочиненную Гастономъ Орлеанскимъ:

Ebloui de l'éclat de la splendeur mondaine,
Je me flattais toujours d'une espérance vaine,
Faisant le chien couchant auprès d'un grand seigneur.
Je me vis toujours pauvre et tâchai de paraître;
Je vécus dans la peine, espérant le bonheur,
Et mourus sur un coffre, en attendant mon maître.

Конечно, не всѣ такъ охотно гнули спины. Были талантливые люди, сохранявшіе гордость и независимость; но такіе встрѣчались только, какъ очень рѣдкое исключеніе, потому что, повторяю, понятія того времени безусловно одобряли такое покровительство, такое зависимое состояніе писателей на службѣ у вельможъ. Вельможи платили, писатели гнули спину. Позднѣе, въ эпоху Вольтера, нравы уже измѣнились. Такимъ образомъ, мы находимъ у Вольтера слѣдующія строчки о Менарѣ, забытомъ писателѣ, родившемся въ 1582 г. „Это былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые постоянно жалуются на нищету, доставшуюся въ удѣлъ талантамъ. Онъ не зналъ, что успѣхъ хорошаго труда есть единственная, достойная художника награда; что если принцы и министры желаютъ доставить себѣ честь, награждая этого рода заслуги, то гораздо почетнѣе ожидать этой награды, не добиваясь ея; и что хорошій писатель, стремящійся къ богатству, долженъ самъ создать его". Какъ видите, тутъ нѣтъ и помину о странномъ тщеславіи Бальзака, гордившагося названіемъ пенсіонера; но все-таки Вольтеръ не отказывается отъ пенсій, онъ говоритъ только, что нужно умѣть ихъ дожидаться.

Заимствую у Вольтера еще нѣсколько фактовъ. „У Декарта былъ старшій братъ, совѣтникъ въ бретонскомъ парламентѣ, который его презиралъ и говорилъ, что брату совѣтника унизительно заниматься математикой". Но вотъ замѣтка, еще болѣе характерная. Дѣло идетъ о Валенкурѣ. „Онъ нажилъ довольно значительное состояніе, которое не могъ бы пріобрѣсть, еслибъ былъ только литераторомъ. Одни литературныя способности, при отсутствіи трудолюбивой дѣловитости, почти всегда оставляютъ человѣка въ нищетѣ и пренебреженіи".

Изъ жизни Лафонтена мы также можемъ почерпнуть любопытныя свѣдѣнія. „Amateur d'autographes", журналъ, публикующій очень любопытныя письма, напечаталъ, между прочимъ, нѣсколько весьма интересныхъ писемъ Лафонтена. Въ письмѣ, отъ 5 января 1618 г., онъ благодаритъ своего дядю, Жаннара, помощника королевскаго генералъ-прокурора; онъ очень обязанъ ему за деньги, которыя тому угодно было переслать Лафонтену: „вотъ уже не первый разъ, что вы свидѣтельствуете свое доброе расположеніе ко мнѣ". Въ другомъ письмѣ, къ управителю герцога Вульонскаго (1-го сентября 1666)

онъ жалуется, что уже два года не получалъ своего жалованья. Лафонтенъ можетъ служить типомъ поэта съ сильнымъ талантомъ, сочиненія котораго пользовались огромнымъ успѣхомъ, и который тѣмъ не менѣе жилъ на счетъ вельможъ, переходя отъ одного къ другому, не чувствуя и потребности въ независимой трудовой жизни.

Мнѣ было бы легко представить много такихъ примѣровъ. Такъ, напримѣръ, въ томъ же „Amateur d'autographes" я нахожу слѣдующіе факты. Въ письмѣ Дасье къ герцогу Орлеанскому, бывшему въ то время регентомъ, мы читаемъ: „Уже 35 лѣтъ моя жена занимается литературой, и одобреніе, которымъ в. в. почтили ея труды, убѣждаетъ насъ, что они не безполезны. Покойный король назначилъ ей пенсію въ 500 ливровъ, во вниманіе къ ея просьбѣ; но она обязана этою пенсіей милосердію этого великаго монарха, а не его уваженію къ ней". Вотъ другое письмо, адресованное Жильбертомъ къ Вакюляру д'Арно. Привожу изъ него двѣ фразы: „Мнѣ необходимъ луидоръ, рѣшаюсь просить его у васъ. Я не сомнѣваюсь, что вы будете настолько благородны, что одолжите его мнѣ, если можете". Наконецъ, вотъ что̀ пишетъ мадамъ де-Жанлисъ Талейрану, 10 іюля 1814 г.: „Мое положеніе, по отъѣздѣ герцога Орлеанскаго, ужасно; я не имѣю ни пенсіи, ни доходовъ, ни рессурсовъ; живу только займами и закладываніемъ вещей... Если король даетъ пенсіи литераторамъ, то мнѣ кажется, что я имѣю на пенсію бо́льше права, чѣмъ многіе другіе; для меня достаточно самой маленькой, хотя бы не больше 1200 франковъ".

Это очень неполная картина общей нищеты литераторовъ въ прошлые вѣка; но отсюда видно, въ какомъ направленіи слѣдуетъ производить изслѣдованія, и какіе интересные документы можно собрать. Затѣмъ слѣдовало бы разсмотрѣть, какой доходъ приносили авторамъ ихъ сочиненія, ка́къ и за какую цѣну продавались книги. Но мы имѣемъ мало свѣдѣній о книжной торговлѣ того времени и о точныхъ суммахъ, приносимыхъ такому-то автору такой-то книгой. Самое лучшее для полученія точныхъ справокъ было бы, безъ сомнѣнія, внимательно читать мемуары и письма; въ нихъ можно отыскать разбросанные тамъ и сямъ факты. Но впередъ можно утверждать, что книги и театральныя пьесы приносили авторамъ очень мало, особенно если мы сравнимъ тогдашнія цифры съ теперешними. Нѣтъ примѣра, чтобы геніальный человѣкъ въ тѣ времена нажилъ богатство своими сочиненіями. Безусловная нищета Корнеля оспоривалась; однако онъ во всякомъ случаѣ умеръ въ нуждѣ. Расинъ подъ конецъ своей жизни жилъ очень скромно. Мольеръ перебивался кое-какъ, и притомъ онъ былъ не только комическимъ поэтомъ, но и аферистомъ. Драматическіе авторы начали заработывать деньги только

со временъ Бомарше. Что́ касается до романистовъ, поэтовъ, историковъ,—то они были добычей книгопродавцевъ.

Бакюларъ д'Арно, о которомъ я уже упоминалъ, умеръ бѣднякомъ, доставивъ своими сочиненіями болѣе милліона въ пользу издателей.

Итакъ, вотъ дѣйствительное положеніе писателей, въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, положеніе, которое можно было бы доказать еще болѣе точными фактами. Резюмирую вышесказанное въ немногихъ словахъ. Литературный трудъ не могъ прокормить автора, и вслѣдствіе этого послѣдній превращался въ рѣдкую птицу, которую могли содержать въ видѣ роскоши только принцы и вельможи. Между покровителемъ и покровительствуемымъ заключается контрактъ; покровитель кормитъ, одѣваетъ, даетъ помѣщеніе или ограничивается выдачей пенсіи своему protégé, который за это прославляетъ его щедроты, посвящаетъ ему свои сочиненія, чтобы передать потомству его имя и увѣковѣчить память о его благодѣяніяхъ. Это входило въ роль, которую старый порядокъ отводилъ для знати: въ обмѣнъ за свои привилегіи, она была обязана помогать всѣмъ, кто ей повинуется, а литература, какъ и земля, какъ и силы народа, принадлежала къ числу ея владѣній. Общественная іерархія царила безусловно подъ охраной вѣкового почета. Если принцъ или вельможа и снисходилъ иногда до фамильярности съ писателемъ, то это было только мимолетнымъ снисхожденіемъ, такъ какъ никому и въ голову не могло придти поставить, напримѣръ, на одну доску короля Людовика XIV и скомороха Мольера. Геній служилъ лишь для усиленія блеска царствованія. Притомъ же, какъ мы только-что видѣли, пенсія, назначаемая писателю, была не только помощью, которая давала ему возможность имѣть досугъ, необходимый для литературныхъ занятій; она была также почестью, которой добивались даже состоятельные писатели. Всякому было пріятно принадлежать къ штату какого-нибудь могущественнаго вельможи; этимъ пріобрѣталось положеніе въ свѣтѣ. Интеллектуальная жизнь сосредоточивалась въ то время въ тѣсномъ кружкѣ высшихъ классовъ, въ салонахъ и академіяхъ. Отсюда литературное направленіе, какъ я его опредѣлилъ, вылощенное и реторическое, поклоняющееся приличіямъ, элегантное и возвышенное, выросшее въ кругу женщинъ и стѣсненное академическими диспутами, живущее правилами и традиціями, питающее инстинктивную ненависть къ новизнѣ въ наукѣ, какъ ко врагу, который долженъ со временемъ разрушить условныя правила, и всюду внести новыя формулы.

III.

Разсмотримъ теперь матеріальное положеніе современнаго писателя. Революція 1789 г. уничтожила во Франціи всѣ привилегіи, уничтожила вмѣстѣ и низкопоклонство. Въ новомъ государствѣ, положеніе писателя измѣнилось, безъ сомнѣнія, самымъ радикальнымъ образомъ. Это не сразу было замѣчено. Въ эпоху Наполеона, Людовика XVIII, Карла X, вещи, казалось, приняли прежній характеръ; но подъ вліяніемъ медленно дѣйствующей силы все преобразовалось; условія существованія были теперь другія, и съ каждымъ днемъ развивалось новое литературное направленіе, благодаря матеріальнымъ условіямъ, созданнымъ для литературы молодымъ обществомъ. Всякое общественное движеніе влечетъ за собою движеніе интеллектуальное.

Прежде всего, образованіе распространяется, создаются тысячи читателей. Газеты проникаютъ повсюду, даже деревня покупаетъ книги. Въ теченіи полустолѣтія книга, бывшая прежде предметомъ роскоши, становится предметомъ ежедневнаго потребленія. Нѣкогда она стоила очень дорого; теперь, обладая самыми скромными средствами, можно обзавестись маленькой библіотекой. Эти факты имѣютъ рѣшающее значеніе: какъ скоро народъ умѣетъ читать, и можетъ читать дешево, книжная торговля удесятеряется, и писатель легко можетъ добывать средства къ жизни своимъ перомъ. Такимъ образомъ, покровительство больше не нужно, паразитизмъ исчезаетъ, писатель становится работникомъ, заработывающимъ свой хлѣбъ трудомъ.

Это еще не все. Знать не можетъ больше жить на прежнюю широкую ногу, не можетъ болѣе имѣть своихъ поэтовъ и исторіографовъ, если бы даже эти послѣдніе были принуждены домогаться пенсій. Нравы перемѣнились; невозможно болѣе представить себѣ домъ въ фобургѣ Сенъ-Жерменъ, содержащій въ видѣ роскоши какого-нибудь Лафонтена. Такимъ образомъ, писатель не только можетъ заработывать свой хлѣбъ, благодаря публикѣ, но онъ безъ сомнѣнія не могъ бы найти вельможу, согласнаго платить пенсію за его посвященія.

Въ особенности значительные доходы даетъ журналистика. Я не сужу, а констатирую факты. Газета — обширное предпріятіе, дающее хлѣбъ огромному числу лицъ. Молодые, начинающіе писатели могутъ тотчасъ-же найти въ немъ хорошо оплачиваемую работу. Великіе критики, знаменитые романисты, не говоря о журналистахъ въ собственномъ смыслѣ слова, изъ которыхъ многіе также играли важную роль, заработываютъ въ газетахъ большія

суммы. Сначала заработокъ, доставляемый печатью, былъ еще очень малъ; съ теченіемъ времени онъ увеличился и возрастаетъ постоянно. Двадцать лѣтъ тому назадъ, литераторы, получавшіе въ газетѣ 200 франковъ въ мѣсяцъ (около 75 руб.), должны были считать себя счастливыми; теперь, эти самые литераторы получаютъ по 1000 франковъ и болѣе. Литература становится очень дорогою вещью, какъ только авторъ составилъ себѣ имя. Безъ сомнѣнія, газеты не могутъ открыть доступъ всѣмъ дебютантамъ, прибывающимъ изъ провинціи, но онѣ дѣйствительно даютъ хлѣбъ множеству молодыхъ людей; и эти послѣдніе сами виноваты, если со временемъ не добиваются возможности писать хорошія сочиненія. Существуетъ мнѣніе, что газеты, давая средства къ жизни молодымъ людямъ, притупляютъ ихъ, дѣлаютъ ихъ неспособными создавать великія произведенія. Это—серьёзный вопросъ, но пока я удовольствуюсь тѣмъ, что укажу на средства, доставляемыя нашимъ вѣкомъ писателямъ, живущимъ своимъ перомъ.

Книги равнымъ образомъ легко идутъ въ ходъ и приносятъ правильный доходъ. Сущее ребячество—жаловаться на неприступность нашихъ издателей. Они печатаютъ даже слишкомъ много; цифра томовъ, появляющихся ежегодно во Франціи, доходитъ до нѣсколькихъ тысячъ. Когда видишь груды жалкихъ, посредственныхъ сочиненій, наводняющихъ витрины, то недоумѣваешь, отъ какихъ же книгъ отказываются издатели. Что касается до условій, то они въ настоящее время честно заключаются къ обоюдной пользѣ. Недавно еще книжная торговля была настоящей азартной игрой. Издатель покупалъ за извѣстную сумму право пользованія рукописью, въ теченіи десяти лѣтъ; затѣмъ онъ старался вернуть свои деньги и получить какъ можно больше прибыли, пуская въ ходъ книгу подъ всевозможными соусами. Въ концѣ-концовъ онъ почти всегда оставался въ дуракахъ; если книга имѣла успѣхъ, писатель кричалъ на всѣхъ перекресткахъ, что его ограбили,—оставалась нераспроданной, издателю приходилось убѣдиться, что онъ разоренъ нелѣпыми кропаньями глупца. Этимъ объясняется постоянная война издателей съ авторами; надо прочесть переписку Вальзака, надо послушать ветерановъ литературы, чтобы составить понятіе о жалобахъ и процессахъ, слѣдовавшихъ за публикаціей иныхъ сочиненій. Въ настоящее время, эти обычаи перемѣнились. Если нѣкоторые издатели все еще слѣдуютъ старинной модѣ, то большинство уплачиваетъ писателю извѣстную условленную сумму съ каждаго проданнаго экземпляра; напримѣръ, если эта сумма равна 50 сантимамъ, то изданіе въ 1000 экземпляровъ принесетъ автору 500 франковъ; и онъ будетъ получать по 500 франковъ отъ каждаго новаго изданія. Понятно, что

при такихъ условіяхъ невозможны никакія жалобы; всякій характеръ игры исчезаетъ, авторъ получаетъ сообразно съ успѣхомъ своего сочиненія, и самъ издатель увѣренъ, что доставитъ писателю прибыль, пропорціональную своей собственной прибыли. Нужно прибавить, что книга никогда не обогащаетъ автора, развѣ только въ случаѣ чрезвычайнаго успѣха. Три, четыре тысячи распроданныхъ экземпляровъ считаются очень хорошимъ успѣхомъ; это составитъ 2000 франковъ дохода, считая по 50 сантимовъ съ книги — а это большая плата, такъ какъ обыкновенно платятъ 35 или 40 сантимовъ. Очевидно, что если книга потребовала годъ работы и немедленно по окончаніи появилась въ продажѣ, то 2,000 франковъ представляютъ весьма скромную сумму, на которую въ наше время едва можно существовать.

Напротивъ, театръ даетъ чудовищный доходъ. Тутъ то же самое, что съ книгами; авторъ получаетъ извѣстный процентъ со сбора; но такъ какъ сборы въ этомъ случаѣ громадны, такъ какъ огромное число людей, никогда не рѣшающихся истратить трехъ франковъ на книгу, готово заплатить пять за кресло въ партеррѣ,—то и оказывается, что драма или комедія приноситъ гораздо больше дохода чѣмъ романъ. Возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Положимъ, что пьеса выдержала 100 представленій,—обыкновенная цифра для тѣхъ, которыя имѣютъ успѣхъ; средній сборъ равенъ 4,000 франковъ; это составитъ 400,000 франковъ въ кассѣ театра; писателю достанется 40,000 франковъ, если условіе было по десяти % со ста. А для того, чтобы получить ту же сумму съ романа, считая по 50 сантимовъ съ экземпляра, нужно, чтобы изданіе разошлось въ 80,000 экземпляровъ,—случай до такой степени исключительный, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ можно насчитать не болѣе 4 или 5 подобныхъ примѣровъ. А я еще не говорю о представленіяхъ въ провинціи и за границей, о возобновленіяхъ пьесы.

Сдѣлаю теперь краткій очеркъ вопроса о деньгахъ, какимъ онъ представляется для дебютанта, явившагося въ Парижъ. Положимъ, что молодой человѣкъ прибылъ почти безъ всякихъ средствъ къ жизни, съ небольшой суммой денегъ, могущей его прокормить въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Нужда скоро заставитъ его толкнуться въ журналистику. Здѣсь онъ найдетъ скромный ежедневный заработокъ, съ которымъ и долженъ будетъ пока примириться. Если онъ ловокъ, или просто упоренъ, то найдетъ себѣ уголъ, продастъ нѣсколько статей, добьется мѣста, которое доставитъ ему 200 или 300 франковъ въ мѣсяцъ. На эти средства можно не умереть

съ голода. Противъ журналистики много кричатъ, ее обвиняютъ въ развращеніи молодыхъ литераторовъ, въ порчѣ талантовъ. Я никогда не могъ безъ улыбки слышать этихъ жалобъ. Журналистика убиваетъ только тѣхъ, которые должны быть убиты,—вотъ и все. Успѣхъ газетъ вызвалъ изъ-за прилавка и изъ мастерскихъ массу молодыхъ людей, которые безъ этого всю жизнь продавали бы сукно и дѣлали свѣчи, они не родились писателями и дѣлаютъ изъ журналистики простое ремесло, и это никому не вредитъ. Но оставляя въ сторонѣ журналистовъ по призванію, обладающихъ спеціальнымъ талантомъ къ ежедневной газетной борьбѣ, — пусть назовутъ мнѣ хоть одного писателя, погубившаго свой талантъ въ газетной работѣ изъ-за куска хлѣба, въ тяжелое время дебюта. Напротивъ, я убѣжденъ, что они почерпнули въ этой работѣ много энергіи, зрѣлости, печальнаго, но глубокаго познанія современнаго міра. Я уже высказывалъ эту мысль раньше, и можетъ быть разовью ее подробнѣе со временемъ. Пока вернемся къ нашему дебютанту; вотъ онъ зарабатываетъ хлѣбъ въ газетѣ; разумѣется, приходится терпѣть частыя неудачи, добывать хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, не говоря уже о томъ, что каждую минуту можно лишиться его. Однако, борьба началась; если писатель силенъ и крѣпокъ, онъ напишетъ книгу или пьесу сверхъ своихъ ежедневныхъ трудовъ, и вступитъ на широкую литературную дорогу. Книга появилась въ печати, пьеса сыграна—важный шагъ сдѣланъ. Борьба продолжается; томы слѣдуютъ за томами, пьесы за пьесами, пока не достигнутъ блестящаго успѣха. Тогда писатель бросаетъ журналистику, или только пользуется ею, какъ средствомъ борьбы за свои идеи. Онъ разбогатѣлъ, благодаря книжной торговлѣ или театру; онъ самъ себѣ господинъ. Такова исторія всѣхъ извѣстныхъ писателей настоящаго времени. Однако нѣкоторые избѣгли тяжелой газетной борьбы; это тѣ, у которыхъ были деньги при началѣ ихъ поприща, или тѣ, которые сразу завоевали средства къ жизни посредствомъ театра или книжной торговли.

Въ послѣднія 50 лѣтъ литературнымъ трудомъ наживались значительныя состоянія. Достаточно будетъ нѣсколькихъ примѣровъ. Съ 1830 г. барыши становятся огромными. Эженъ Сю, послѣ успѣха, доставшагося на долю его „Mystères de Paris", продавалъ романы очень выгодно. Жоржъ-Зандъ, сначала очень нуждавшаяся, принужденная заработывать хлѣбъ рисунками по дереву, достигла впослѣдствіи, если не богатства, то полнаго благосостоянія. Но больше всего денегъ перебывало у Александра Дюма, который нажилъ и пріобрѣлъ милліоны въ теченіи своей безумной, полной нечеловѣческихъ трудовъ и безпорядочности жизни. Нужно также упомянуть о Викторѣ Гюго,

женившемся безъ всякаго состоянія; молодая чета жила очень умѣренно, пока за успѣхомъ „Feuilles d'Automne“ и „Notre Dame de Paris“ не послѣдовала новая жизнь, жизнь почестей и богатства. Теперь обогащаются преимущественно драматическіе авторы. Во-первыхъ, я упомяну объ Александрѣ Дюма-сынѣ, столь же благоразумномъ и ловкомъ, сколько его отецъ былъ расточителенъ и безпорядоченъ; о Викторьенѣ Сарду, начавшемъ съ нищеты и достигшемъ комфортабельной жизни въ своемъ замкѣ Марли, въ одномъ изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстечекъ на берегу Сены. Я могъ бы увеличить число примѣровъ, но и эти достаточно показываютъ, что въ настоящее время литература часто приноситъ богатство писателю.

Но я ничего не говорилъ о Бальзакѣ. Между тѣмъ, слѣдовало бы изучить его удивительную исторію, чтобы основательно разобрать вопросъ о деньгахъ въ литературѣ. Бальзакъ былъ настоящимъ промышленникомъ, фабриковавшимъ романы, чтобы пустить въ ходъ свою фирму. Обремененный долгами, разоренный несчастными предпріятіями, онъ взялся за перо, какъ за единственное орудіе, которое онъ зналъ хорошо и которое могло его спасти; онъ не отважился снова пуститься въ аферы, и, дѣйствительно, его спасло литературное ремесло. Итакъ, вопросъ о деньгахъ, поставленъ радикально. Бальзакъ требуетъ отъ книгъ не только насущнаго хлѣба, но и вознагражденія за потери, понесенныя имъ въ промышленности. Борьба продолжалась долго. Бальзакъ не нажилъ состоянія, но уплатилъ свои долги, что́ уже было очень хорошо. Неправда ли, мы далеко ушли отъ добряка Лафонтена, мечтающаго подъ деревьями, обѣдающаго вечеромъ за однимъ столомъ съ вельможами, и платящаго имъ за обѣдъ басней? Бальзакъ воплотилъ самого себя въ Цезарѣ Биротто. Бальзакъ боролся съ банкротствомъ съ нечеловѣческою энергіей; онъ требовалъ отъ литературы не только славы, но и достоинства и чести.

Любопытно посмотрѣть, во что превратились теперь пенсіи. Государство и теперь помогаетъ литераторамъ изъ своего кармана. Но пенсіи потеряли характеръ почести и перестали служить свидѣтельствомъ высокаго удивленія; ихъ выдаютъ нуждающимся писателямъ, оставшимся безъ куска хлѣба подъ старость, и почти всегда подъ видомъ какой-нибудь фиктивной должности, дабы не оскорбить его достоинства. Вообще пенсіи сдѣлались чѣмъ-то неловкимъ, конечно, онѣ не влекутъ за собой униженія, но служатъ вѣрнымъ признакомъ затруднительнаго положенія, которое обыкновенно стараются скрыть. Исторія съ разорившимся Ламартиномъ превосходно характеризуетъ взгляды современнаго общества по этому вопросу: въ отвѣтъ тѣмъ,

которые негодовали на нищету, въ которой Франція оставляетъ своего великаго поэта и требовали для него національной подписки, раздался общій крикъ, что страна не обязана давать ренту расточительнымъ писателямъ, растрачивающимъ милліоны. Отвѣтъ очень жестокій; но онъ въ духѣ новаго общества, онъ исходитъ изъ принципа равенства, по которому каждый производитель долженъ самъ создавать себѣ состояніе. Разумѣется, Франція довольно богата, чтобы заплатить за свою славу; но общественное мнѣніе не станетъ колебаться въ выборѣ между писателемъ, достигшимъ независимости и почета своими трудами, и писателемъ, протягивающимъ руку, послѣ того, какъ всю жизнь безпечно относился и къ своему таланту, и къ своимъ долгамъ,—оно отнесется привѣтливо къ первому, и сурово ко второму. Далеко то время, когда Бальзакъ, — я говорю о Бальзакѣ XVII столѣтія,—считалъ за честь получить пенсію. Вотъ насколько мы шагнули впередъ.

Однако, въ мірѣ ученыхъ еще и теперь на пенсіи смотрятъ очень благопріятно. Въ самомъ дѣлѣ, многія изслѣдованія, опыты, требуютъ значительнаго времени и не приносятъ почти никакого дохода. Государство является на помощь, и это вполнѣ справедливо; такъ какъ, замѣтьте, вопросъ ставится всегда одинаковымъ образомъ: или писатель въ состояніи заработать средства къ жизни, и тогда ему стыдно жить на чужой счетъ, или его трудъ не даетъ ему возможности существовать, и это, по крайней мѣрѣ, извиняетъ его, если онъ принимаетъ помощь.

Остаются еще денежныя пособія, заказы, знаки отличія, о которыхъ я намѣренъ сказать нѣсколько словъ. Знаки отличія, по крайней мѣрѣ, ничего не стоятъ государству; это удобный способъ удовлетворять людей, и я говорю о нихъ только для того, чтобы еще разъ указать на современный духъ равенства; въ прежнее время крестъ никогда не попадалъ на грудь писателя; теперь во французской литературѣ можно насчитать много „кавалеровъ“. Что касается до пособій и заказовъ, то они рѣдко достаются литераторамъ, внѣ театра, да и здѣсь они выпадаютъ на долю скорѣе драматической спекуляціи, нежели собственно произведеніямъ писателей. Многіе, въ особенности молодые люди, жалуются и обвиняютъ правительство въ томъ, что оно не дѣлаетъ для литературы того, что̀ дѣлаетъ, напримѣръ, для живописи и скульптуры. Это очень опасныя требованія,—наша литература должна гордиться своею независимостью. Я не намѣренъ касаться здѣсь этого вопроса; это завлекло бы меня слишкомъ далеко, но повторяю то, что̀ уже сказалъ въ другомъ мѣстѣ: все, что можетъ для насъ сдѣлать правительство, это предоставить намъ полную сво-

боду. Въ настоящее время самое высокое понятіе, какое мы можемъ составить о писателѣ, это—понятіе о человѣкѣ свободномъ и независимомъ, который никому не льститъ, обязанъ своей жизнью, талантомъ, славой только себѣ самому, служитъ своей странѣ, не требуя отъ нея ничего взамѣнъ.

IV.

Итакъ, вотъ какъ стоитъ вопросъ о деньгахъ въ литературѣ въ настоящее время. Теперь, мнѣ будетъ легко опредѣлить современное литературное направленіе и тѣмъ самымъ сравнить его съ литературнымъ направленіемъ прошлыхъ вѣковъ.

Во-первыхъ, салоновъ больше не существуетъ. Я знаю, что честолюбивыя женщины, свѣтіе чулки нашей демократіи, чванятся еще тѣмъ, что принимаютъ писателей. Но ихъ салоны не больше, какъ перекрестки, на которыхъ толкутся приглашенные, въ сумятицѣ напряженнаго честолюбія. Это уже не прежнее собраніе талантовъ, симпатизирующихъ другъ другу и группирующихся вокругъ женщины; не прежняя безкорыстная любовь къ литературѣ, занимающаяся бесѣдой, какъ занимаются музыкой; это — сборище честолюбцевъ и интригановъ, толпящихся около женщинъ, почему-либо считающихся вліятельными. Политика господствуетъ надъ всѣмъ, аки левъ рыкающій и ищущій, кого бы поглотить, и низводитъ литературу до роли блеющаго барашка, идеальнаго, чисто вымытаго барашка, украшеннаго голубыми бантиками. Мы видимъ ту же притерную комедію: литература играетъ въ куклы, въ то время, какъ людскіе страсти и аппетиты ненасытно гоняются за наслажденіями и всѣми благами міра сего.

Итакъ, литературные салоны не существуютъ болѣе, потому-что нельзя же дать это названіе салонамъ, которые служатъ настоящимъ центромъ политической агитаціи, и роковымъ образомъ становятся заклятыми врагами новаго литературнаго движенія, хотя имѣютъ претензію идти во главѣ революціонныхъ и прогрессивныхъ идей; тутъ читаютъ стишки, нѣмѣютъ отъ восторга передъ именами Греціи и Рима, притворяются тоскующими по древности, отличаются всѣми замашками школьной учительницы, изучившей классиковъ, какъ другіе—игру на фортепіано; и, разумѣется, отрицаютъ живую, современную литературу, которую готовы были бы даже преслѣдовать, еслибъ смѣли. Все это не имѣетъ никакого значенія; это то же самое, что и барыни, толкующія о туалетѣ.

Исчезновеніе литературныхъ салоновъ—признакъ очень важный, такъ какъ указываетъ на распространеніе любви къ литературѣ, на постоянное увеличеніе круга читателей. Если маленькіе избранные кружки, святилища, создающія каждое своего божка, перестаютъ являться выразителями общественнаго мнѣнія, то, значитъ, судьею и критикомъ, создающимъ успѣхъ писателя, является сама читающая публика. Есть даже очевидная связь между постоянно увеличивающимся числомъ читателей и уничтоженіемъ салоновъ; несомнѣнно, что эти послѣдніе погибли и стушевались оттого, что не могли болѣе руководить публикой, возросшей въ числѣ и не захотѣвшей повиноваться. Немногіе литературные кружки, существующіе еще, главнымъ образомъ, въ академическомъ мірѣ, также чувствуетъ свое безсиліе и ничтожество, смущенные приливомъ книгъ, принужденные искать спасенія въ мертвой старинѣ. Это—агонія стараго литературнаго направленія, которую пришлось видѣть Сентъ-Бёву.

Прибавьте къ этому, что академія также не существуетъ болѣе, т.-е. не существуетъ, какъ сила, вліяющая на направленіе литературы. Споры изъ-за креселъ еще ведутся, также какъ изъ-за орденовъ, благодаря присущему намъ тщеславію. Но академія не издаетъ болѣе законовъ, и даже теряетъ всякое вліяніе на языкъ. Публика ни во что не цѣнитъ раздаваемыя ею литературныя преміи; достаются онѣ по бо́льшей части посредственностямъ, не имѣютъ никакого смысла, не указываютъ и не поддерживаютъ никакого движенія. Романтическое возстаніе произошло помимо академіи, которая позднѣе должна была примириться съ нимъ; теперь она готова сдѣлать то же самое для натуралистическаго движенія. Такимъ образомъ, академія является препятствіемъ на дорогѣ нашей литературы; каждое новое поколѣніе должно отпихнуть ногой это препятствіе, послѣ чего академія смиряется. Она не только ничему не помогаетъ, но, напротивъ, мѣшаетъ, и при этомъ настолько тщеславна и слаба, что готова принять съ распростертыми объятіями тѣхъ, кого сперва хотѣла уничтожить. Подобное учрежденіе не можетъ имѣть никакого значенія въ литературномъ движеніи народа; оно не имѣетъ ни значенія, ни вліянія, ни результатовъ. Единственная роль, которую иные еще признаютъ за академіей, это—роль хранительницы языка; да и той она лишилась, такъ какъ ученый и обширный словарь Литтре пользуется теперь гораздо бо́льшей популярностью, чѣмъ словарь академіи; не говоря уже о томъ, что съ 1830 г. величайшіе писатели наносили жестокіе удары этому послѣднему, создавая, въ порывѣ гордой независимости, новыя слова и обороты, откапывая осужденныя выраженія, вводя въ употребленіе неологизмы, обогащая

языкъ съ каждымъ новымъ произведеніемъ, такъ что словарь академіи скоро превратится въ любопытный археологическій памятникъ. Повторяю, она не играетъ ровно никакой роли въ нашей литературѣ, она служитъ только мелочному тщеславію.

Такимъ образомъ, великое соціальное движеніе XVIII вѣка отразилось въ нашемъ столѣтіи на литературѣ. Лишь только писатели получили новыя средства къ существованію, исчезло всякое понятіе объ искусственной іерархіи, образованіе замѣнило знатность, трудъ сдѣлался достоинствомъ. Въ силу логической необходимости, вліяніе салоновъ и академіи ослабѣло, литература стала демократической,—я хочу этимъ сказать, что котеріи стушевались передъ публикой, что новыя произведенія рождаются изъ толпы и для толпы. Наконецъ, наука проникла въ литературу, научное изслѣдованіе распространилось даже на поэтическія произведенія, и это-то и характеризуетъ современное направленіе, направленіе натуралистическое.

Я говорю, что нужно принять это положеніе дѣлъ, какъ оно есть. Жалуются, что литературное направленіе исчезаетъ; неправда, оно преобразовывается. Сравните положеніе писателя при Людовикѣ XIV съ положеніемъ современнаго писателя. На чьей сторонѣ полная и совершенная независимость личности? истинное достоинство? на чьей сторонѣ бо́льшая сумма трудолюбія? широкая и почтенная жизнь? Очевидно, на сторонѣ современнаго писателя. А чему онъ обязанъ этимъ достоинствомъ, почетомъ, независимостью личности? Безъ сомнѣнія, свободному труду и выражающимъ его деньгамъ. Трудъ и деньги, законная прибыль за сочиненія, освободили его отъ всякой унизительной зависимости, сдѣлали изъ прежняго шута и скомороха—свободнаго гражданина, независимаго человѣка.

Говорятъ однако, что писатель долженъ стремиться только къ славѣ. Ну, да, это вѣрно: повторять эту мысль—ребячество. Но нужно же жить. Если вы не родились богатымъ, что же вы будете дѣлать? Неужели вы будете жалѣть о томъ времени, когда Вольтера били палкой, когда Расинъ дрожалъ отъ сердитаго взгляда Людовика XIV, когда литература находилась на жалованьѣ у грубой и необразованной знати? Какъ! вы платите неблагодарностью нашей великой эпохѣ, обвиняя ее въ меркантилизмѣ, когда въ этомъ прежде всего заключается право на трудъ и жизнь? Если вы не можете жить своими стихами, своими первыми опытами, возьмитесь еще за другое дѣло. Не особенно почетно мечтать о литературѣ, содержимой на чужой счетъ. Пробивайте себѣ дорогу, питайтесь картофелемъ или грибами, бейте камни днемъ, пишите образцовыя произведенія ночью. Запомните только одно: если вы талантъ, если вы сила, то вы добьетесь

славы и богатства во что бы то ни стало. Такова жизнь, такова наша эпоха. Къ чему ребяческое возстаніе противъ нея!

Я знаю все, что можно сказать противъ этого, если разсматривать вопросъ съ извѣстной стороны. Меркантилизмъ долженъ былъ родиться изъ жажды къ чтенію, изъ постояннаго умноженія газетъ. Но чѣмъ это мѣшаетъ настоящимъ писателямъ? Ихъ заработокъ уменьшается; ничего не значитъ, лишь бы только они могли существовать. Замѣтьте притомъ, что если какой-нибудь Понсонъ дю-Террайль наживаетъ состояніе, такъ онъ и работаетъ много, гораздо больше, чѣмъ сочинители сонетовъ, ругающіе его. Безъ сомнѣнія, съ литературной точки зрѣнія, заслуги въ этомъ нѣтъ никакой; но усиленная работа фельетониста объясняетъ его богатство, тѣмъ болѣе, что эта работа обогащаетъ газеты. Мы не имѣемъ дѣло непосредственно съ публикой; между ней и нами есть посредники, издатели, цѣлый народецъ, живущій нашими сочиненіями, наживающій милліоны нашимъ трудомъ, и мы не подѣлимся съ ними, и мы будемъ отворачиваться отъ денегъ, подъ предлогомъ, что деньги неблагородны! Это—нездоровыя идеи, пустыя и нелѣпыя заявленія, противъ которыхъ давно пора возстать. Такъ говорятъ только начинающіе писатели, которые еще очень бѣдны и не могутъ жить своимъ перомъ; или писатели, никогда не знавшіе нужды и третирующіе литературу, какъ любовницу, которую они привыкли угощать тонкими ужинами.

Притомъ вопросъ о деньгахъ всегда ставился неправо. Нужно принять за исходный пунктъ положеніе, что всякій трудъ заслуживаетъ вознагражденія. Разумѣется, настоящій писатель не станетъ писать книгу съ единственною цѣлью получать какъ можно больше денегъ; но разъ книга написана, является издатель, заплатившій деньгу доставленнымъ ему товаромъ, и очень естественно, если писатель получаетъ условленную плату. Послѣ этого, становится непонятнымъ великое негодованіе противъ денегъ. Афера сама по себѣ, литература сама по себѣ. И, повторяю еще разъ, если современный писатель свободенъ, если онъ не живетъ въ оскорбительномъ для своего достоинства положеніи паразита, если онъ свободный, ни отъ кого не зависящій и не опасающійся громко заявлять свои мнѣнія, гражданинъ,—то этимъ онъ обязанъ именно финансовой сторонѣ дѣла, связанной съ печатаніемъ новыхъ произведеній.

Во всякомъ великомъ дѣлѣ есть своя дурная сторона. Спекулянты неизбѣжно должны были явиться. Выше я говорилъ о фельетонистахъ, наводняющихъ тротуары. По-моему, они вполнѣ законно получаютъ деньги, такъ какъ добываютъ ихъ трудомъ, и иногда очень

усердіемъ; но, разумѣется, литература тутъ не причемъ. Это-то обстоятельство и рѣшаетъ вопросъ. Начинающіе писатели напрасно кричатъ противъ фельетонистовъ; на самомъ дѣлѣ они никому не становятся поперекъ литературной дороги; они создали себѣ свою спеціальную публику, которая читаетъ только фельетонистовъ; они адресуются къ этимъ новымъ читателямъ, необразованнымъ, неспособнымъ понять хорошее произведеніе. За это ихъ слѣдовало бы скорѣе благодарить, такъ какъ они расчищаютъ невоздѣланную почву, также какъ мелкія газетки въ одинъ су, проникающія въ самыя отдаленныя деревни. Притомъ, обратите вниманіе на политическія движенія: ни одно не происходитъ безъ излишествъ, каждый шагъ въ обществѣ сопровождается борьбою и разрушеніемъ. Точно также, и эмансипація писателя, торжество интеллигенціи, добившейся богатства и занявшей мѣсто аристократіи, должно было повлечь за собою нѣкоторыя печальныя явленія. Въ этомъ вся дурная сторона дѣла. Писатели ведутъ постыдный торгъ перомъ, нижніе этажи газетъ извергаютъ массу глупостей, литература наводнена нелѣпыми книгами. Но что до этого! это—грязь человѣческая, выступающая наружу въ минуты соціальнаго кризиса. Нужно обращать вниманіе только на прогрессъ, совершающійся вверху, на усиліе великихъ писателей, извлекающихъ изъ нашихъ современныхъ битвъ новую красоту, жизнь въ ея правдѣ и силѣ.

Другое, болѣе важное послѣдствіе новаго направленія всегда смущало меня, а именно—постоянныя усилія, на которыя осужденъ современный писатель. Далеко то время, когда сонетъ, прочитанный въ салонѣ, создавалъ репутацію писателя и приводилъ его въ академію. Сочиненія Буало, Лабрюйера, Лафонтена вмѣщаются въ одномъ, въ двухъ томахъ. Въ настоящее время намъ нужно писать и писать безъ отдыха; это трудъ рабочаго, который долженъ зарабатывать свой хлѣбъ, который не можетъ остановиться, пока не наживетъ состоянія. Кромѣ того, если писатель перестаетъ писать, публика забываетъ его; онъ принужденъ выпускать томъ за томомъ, какъ столяръ дѣлаетъ мебель. Посмотрите на Бальзака. Это ужасно, потому что немедленно представляется вопросъ: что будетъ дѣлать потомство съ такимъ объемистымъ трудомъ, какова „Человѣческая Комедія“; мало вѣроятности, чтобы оно сохранило все, а будетъ ли оно въ состояніи сдѣлать выборъ? Замѣтьте, что всѣ произведенія, завѣщанныя вѣками, сравнительно коротки. Человѣческая память пасуетъ передъ объемистымъ багажомъ. Притомъ она удерживаетъ только классическія произведенія, т.-е. тѣ, которыя намъ навязываютъ въ молодости, когда нашъ умъ еще не можетъ сопротив-

ляться. Итакъ, меня всегда безпокоила эта лихорадочная производительность. Если дѣйствительно каждый писатель носитъ въ себѣ только одну книгу, то мы поступаемъ очень опасно для нашей славы, повторяя эту книгу безконечное число разъ, понуждаемые постоянною необходимостью.

Вотъ, по моему мнѣнію, единственное сомнительное послѣдствіе настоящаго положенія вещей. И все-таки нельзя судить будущее по мѣркѣ прошлаго. Бальзакъ, очевидно, останется въ другихъ условіяхъ, чѣмъ Буало.

Итакъ, я прихожу къ научному духу, проникающему въ литературу все болѣе и болѣе. Вопросъ о деньгахъ играетъ только второстепенную роль въ преобразованіи литературнаго направленія въ настоящее время; движеніе, главнымъ образомъ, клонится къ тому, чтобы приложить къ литературѣ научные методы, орудія, заимствованныя писателемъ у ученаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ предпринять анализъ природы и человѣка. Вся современная борьба ведется на этой почвѣ; съ одной стороны, риторы, грамматики, приверженцы чистаго искусства, продолжающіе держаться за традицію; съ другой — анатомы, аналитики, приверженцы наблюдательныхъ и экспериментальныхъ наукъ, желающіе изобразить міръ и человѣчество по новому способу, изучая ихъ природный механизмъ и добиваясь для своихъ произведеній возможно бо́льшей истины. Послѣдніе начали одерживать верхъ съ начала столѣтія, и опредѣлили новое литературное направленіе; это не школа, какъ я уже сто разъ говорилъ, это — соціальное движеніе, всѣ фазисы котораго легко опредѣлить. Мы только-что видѣли пропасть, отдѣляющую Бальзака отъ какого-нибудь писателя XVII вѣка. Представьте себѣ Расина, читающаго „Федру“, свою самую смѣлую трагедію, въ салонѣ: дамы слушаютъ, академики одобрительно кивaютъ головами, всѣ присутствующіе наслаждаются пышностью стиховъ, правильностью тирадъ, приличіемъ чувства и языка; писатель, покорный философскимъ воззрѣніямъ эпохи, создалъ прекрасное произведеніе риторики, трактующее объ отвлеченныхъ и метафизическихъ существахъ. Возьмите теперь „Кузину Бетту“—и пошлите ее въ салонъ или академію; чтеніе ея покажется неприличнымъ, дамы будутъ скандализированы, — и все это только потому, что Бальзакъ написалъ свою книгу на основаніи наблюденія и опыта надъ живыми существами, не какъ риторъ, но какъ аналитикъ, работающій надъ научнымъ изслѣдованіемъ своего времени. Цѣлая пропасть отдѣляетъ одно отъ другого. Когда Сентъ-Бевъ воскликалъ въ отчаяніи: „о, физіологи, я встрѣчаю васъ всюду!“

онъ хоронилъ этимъ крикомъ старое литературное направленіе, онъ чувствовалъ, что царство прежнихъ литераторовъ кончилось.

Вотъ положеніе дѣлъ. Резюмирую его, повторяя, что наша эпоха не должна жаловаться на наступающій вѣкъ; это—ребячество. Двигаясь впередъ, человѣкъ оставляетъ за собою только развалины; зачѣмъ возвращаться назадъ и оплакивать истощенную и усыпанную обломками землю? Безъ сомнѣнія, прошлые вѣка обладали своимъ литературнымъ величіемъ, но мы не должны желать застыть въ этомъ величіи, какъ-будто не можетъ и существовать другого. Литература есть только продуктъ общества. Въ настоящее время наше демократическое общество находитъ въ литературѣ превосходное и полное отраженіе самого себя. Нужно съ нимъ примириться безъ ребяческихъ сожалѣній, нужно признать могущество, справедливость и достоинство матеріальныхъ средствъ, слѣдуетъ примириться съ новымъ направленіемъ, расширяющимъ область литературы посредствомъ науки, которая, возвышаясь надъ грамматикой и риторикой, надъ философіей и религіей, стремится познать красоту истины.

V.

Какъ слѣдствіе и заключеніе къ написаннымъ мною страницамъ, я сдѣлаю краткій очеркъ того, что называется у насъ „la question des jeunes“.

Наши начинающіе писатели требовательны, что, впрочемъ, понятно и простительно, такъ какъ молодость по своей природѣ нетерпѣлива и спѣшитъ наслаждаться. Я знаю многихъ двадцатилѣтнихъ юношей, которые послѣ второй пьесы, не принятой директорами театровъ, послѣ третьей статьи, отвергнутой газетами, начинаютъ плакаться на упадокъ литературы, и требуютъ покровительства. Вотъ о чемъ мечтаетъ наша литературная молодежь: объ издателѣ, спеціально обязанномъ печатать и издавать всѣ книги начинающихъ писателей; о театрѣ, при помощи большой субсидіи дающемъ всѣ пьесы, доставляемыя директору начинающими. Въ этомъ направленіи она и ратуетъ; толкуютъ, что правительство жертвуетъ гораздо больше денегъ на музыку, чѣмъ на литературу, что живописцы осыпаны заказами и орденами, и живутъ какъ балованныя дѣти, подъ отеческимъ крылышкомъ администраціи. Итакъ, разберемъ требованія этой „молодежи“.

Разумѣется, слѣдуетъ поощрять молодыхъ авторовъ; нельзя лучше

употребить свои деньги и время. Но поставимъ вопросъ на практическую почву. Идея общаго поощренія смѣшна; всегда придется дѣлать выборъ; какой-нибудь комитетъ или делегатъ всегда долженъ будетъ разсматривать сочиненія, и, такимъ образомъ, опять начнется царство произвола: всѣ молодые люди, получившіе отказъ, начнутъ снова обвинять правительство въ томъ, что оно ничего не дѣлаетъ для нихъ, нарочно затираетъ ихъ. Впрочемъ, они будутъ правы: субсидіи всегда достаются бездарнымъ, никогда денежная помощь не выпадаетъ на долю свободнаго и оригинальнаго таланта. Такая система вспомоществованія еще не примѣнялась къ книгамъ, — не существуетъ издателя, получающаго отъ государства сто или двѣсти тысячъ франковъ, съ условіемъ печатать каждый годъ 10—15 томовъ сочиненій начинающихъ писателей. Но для театра уже давно сдѣланъ этотъ опытъ: такъ, напримѣръ, Одеонъ всегда открытъ для начинающихъ драматурговъ. Пусть же соберутъ свѣдѣнія, много ли талантливыхъ авторовъ ставили свои первыя пьесы на Одеонѣ. Я убѣжденъ, что ихъ очень немного, тогда какъ списокъ бездарныхъ и уже забытыхъ авторовъ долженъ оказаться громаднымъ. Это неизбѣжно приводитъ къ слѣдующей аксіомѣ: литературное покровительство служитъ въ пользу только посредственности.

Мнѣ часто приходилось получать отъ молодыхъ авторовъ, въ особенности отъ авторовъ драматическихъ, такого рода письма: „Итакъ, вы не вѣрите въ существованіе неизвѣстныхъ талантовъ?“ Разумѣется, пока талантъ еще ни въ чемъ не выразился, онъ остается въ неизвѣстности; но я убѣжденъ, — да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, — что всякій сколько-нибудь сильный талантъ въ концѣ-концовъ выразится и внушитъ къ себѣ уваженіе. Въ этомъ все дѣло. Нельзя помочь генію производить, онъ производитъ самостоятельно. Беру примѣръ между художниками. Ежегодно, на художественной выставкѣ, этомъ базарѣ художественнаго производства, мы видимъ самыя ничтожныя ученическія картины, этюды пансіонеровъ, допущенныя, безъ сомнѣнія, только изъ снисходительности и ради поощренія; эти картины не имѣютъ ровно никакого значенія, никакой цѣны и только отнимаютъ мѣсто. Въ такомъ случаѣ, съ какой стати въ литературѣ дѣлать подобную же выставку ничтожныхъ произведеній, при помощи субсидіи? Государство ничѣмъ не обязано передъ молодыми писателями; недостаточно написать нѣсколько страницъ, чтобы корчить изъ себя мученика, если никто не хочетъ ихъ печатать или играть; сапожникъ, сшивъ свою первую пару сапоговъ, не заставляетъ государство продавать ихъ. Работникъ самъ долженъ пустить въ ходъ свою работу. А если онъ не можетъ этого сдѣлать,

тѣмъ хуже! значитъ, онъ никуда не годенъ, и остается въ неизвѣстности по своей винѣ, и совершенно справедливо.

Слѣдуетъ быть откровеннымъ: слабые, въ литературѣ, не стоютъ никакого вниманія. Зачѣмъ, будучи слабыми, желаютъ они казаться сильными? Восклицаніе: „Горе побѣжденнымъ!“ умѣстно въ литературѣ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Никто не заставляетъ честнаго юношу браться за перо; а разъ онъ за него взялся, пусть готовится ко всѣмъ послѣдствіямъ битвы, и не жалуется, если его собьютъ съ ногъ при первой стычкѣ, и цѣлое поколѣніе пройдетъ по его тѣлу. Жалобы, въ этомъ случаѣ, будутъ ребячествомъ, и притомъ ничего не поправятъ. Если вы не родились писателемъ, будьте каменьщикомъ, какъ говоритъ Буало, и, главное, не обвиняйте весь міръ въ своей неудачѣ. Слабые всегда гибнутъ, несмотря на покровительство,—сильные пробиваются, несмотря на всѣ препятствія; въ этомъ вся мораль басни.

Я знаю, что, говоря относительно, найдутся примѣры бездарныхъ писателей, которые при помощи субсидій и протекціи сдѣлались модными. Но приводить такой аргументъ постыдно. Зачѣмъ Франціи бездарные писатели? Если начинающихъ поощряютъ, такъ, очевидно, только въ надеждѣ пособить геніальному человѣку, который можетъ оказаться въ числѣ ихъ. Книги и пьесы не принадлежатъ къ числу предметовъ ежедневнаго потребленія, какъ напримѣръ шляпы и башмаки, извѣстное число которыхъ публика снашиваетъ ежегодно. Если хотите, и въ книжной торговлѣ и въ театрѣ такое потребленіе существуетъ; но это относится только къ ничтожнымъ произведеніямъ, тотчасъ же забываемымъ, годнымъ только для удовлетворенія минутнаго аппетита. Я не хочу даже принимать въ разсчетъ, сколько ничтожествъ можно было бы вывести въ люди, подъ условіемъ покровительства со стороны государства, назначающаго для нихъ конкурсъ, и поощряющаго самыхъ слабыхъ писателей изъ начинающихъ. Въ такомъ случаѣ пусть откроютъ въ нашей консерваторіи искусствъ и ремеслъ особый классъ, для обученія фабрикаціи книгъ и пьесъ по извѣстному рецепту; пусть въ нихъ изготовляются каждое лѣто комедіи и романы, чтобы Парижу было чѣмъ развлекаться зимою. Нѣтъ, во всемъ этомъ важенъ только талантъ. Покровительство совершенно неизвинительно, если оно не имѣетъ цѣлью облегчить путь талантливымъ людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи и затертымъ въ толпѣ.

Послѣ этого вопросъ упрощается. Остается только предоставить вещи самимъ себѣ, такъ какъ создать талантъ невозможно, и такъ какъ талантъ въ себѣ самомъ носитъ достаточно силы для своего

полнаго развитія. Возьмите факты,—представьте себѣ группу молодыхъ писателей, человѣкъ двадцать, тридцать, пятьдесятъ, и слѣдите за ними въ жизни. Сначала, всѣ идутъ наравнѣ, съ одинаковою вѣрой, съ одинаковымъ честолюбіемъ. Скоро затѣмъ одни остаются позади, другіе какъ будто бѣгутъ впередъ, третьи топчутся на одномъ мѣстѣ. Но пока еще нельзя произнести рѣшительнаго сужденія. Наконецъ, результатъ становится очевиднымъ; посредственности, поддерживаемыя, подталкиваемыя, понукаемыя, остаются посредственностями, несмотря на свои первые успѣхи; слабые исчезаютъ совершенно; а сильные достигаютъ своей цѣли. Это вѣчная исторія. И было бы очень невыгодно избавлять сильныхъ отъ тяжкихъ годовъ искуса, отъ этихъ первыхъ кровавыхъ битвъ. Пусть они страдаютъ, отчаиваются, сердятся—тѣмъ лучше.

Эмиль Зола.

НЕКРОЛОГЪ.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

(1812 — 1880).

Въ ночь съ 8 на 9 февраля умеръ И. И. Срезневскій, имя котораго пользовалось обширной извѣстностью у насъ и въ ученомъ славянскомъ мірѣ, какъ одного изъ первостепенныхъ знатоковъ славянства. Онъ оставался послѣднимъ представителемъ той группы ученыхъ, которымъ принадлежитъ заслуга основанія у насъ славянскихъ изученій: Прейсъ, Срезневскій, Григоровичъ, Водянскій—первые заняли основанныя сорокъ лѣтъ назадъ каѳедры славянскихъ нарѣчій, и ихъ дѣятельность уже давно дала результаты, которые стали крупнымъ фактомъ въ развитіи нашей науки и образованности. Дѣятельность Срезневскаго была въ особенности неустанна и плодовита. Многочисленные некрологи, явившіеся въ газетахъ съ первыхъ дней по смерти Срезневскаго, уже указали, какъ эта дѣятельность была цѣнима его учеными сотоварищами и разными поколѣніями его учениковъ.

Всегда трудно, почти невозможно—особенно въ нашихъ условіяхъ — писать біографію человѣка, только-что кончившаго свое общественное поприще. Мы попробуемъ указать главные факты біографіи Срезневскаго и нѣкоторыя особенности его литературно-ученой дѣятельности.

Срезневскій родился въ 1812, въ Ярославлѣ. Родъ его шелъ изъ Рязанской губерніи, изъ села Срезнева. Отецъ его былъ профессоромъ сначала въ ярославскомъ „училищѣ высшихъ наукъ“ (Демидовскомъ лицеѣ), потомъ въ харьковскомъ университетѣ. Срезневскій учился дома, потомъ поступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1829 году по юридическому факультету. Онъ служилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ въ Харьковѣ, продолжая свои научныя занятія, особенно политической экономіей и статистикой. Но уже съ этого перваго времени у Срезневскаго сталъ развиваться интересъ къ старинѣ и народности, который впослѣдствіи наполнилъ всю его ученую дѣятельность. Въ 1831 онъ издалъ съ Росковшенкомъ въ Харьковѣ „Украинскій альманахъ“; въ 1832 книжку „Словацкія пѣсни“, которыя записалъ отъ заходившихъ въ тѣ края словаковъ; въ 1833 онъ издалъ первую часть

„Запорожской Старины“ (вторая, 1838); онъ писалъ историческіе разсказы изъ прошлаго Малороссіи и, наконецъ, двѣ романтическія повѣсти (въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, 1836, 1837). Въ началѣ 1837, Срезневскій защищалъ магистерскую диссертацію: „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ и въ томъ же году назначенъ былъ адъюнктомъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики въ харьковскомъ университетѣ. Въ 1839 онъ издалъ еще книжку „Объ элементахъ и содержаніи статистики и политической экономіи“, но его вкусы уже окончательно клонились въ другую сторону — къ народной исторіи и этнографіи. Въ 1838, онъ издалъ двѣ книжки „Украинскаго сборника“, участвовалъ въ „Очеркахъ Россіи“ Пассека, и уже заинтересованъ былъ славянщиною. Поэтому, когда возникъ вопросъ о замѣщеніи учрежденной тогда каѳедры славянскихъ нарѣчій, для харьковскаго университета выбранъ былъ Срезневскій, и для приготовленія къ занятію каѳедры отправленъ былъ въ путешествіе по славянскимъ землямъ. Это путешествіе было переломомъ, или настоящимъ началомъ ученой дѣятельности Срезневскаго.

И это былъ переломъ не только въ личной его дѣятельности. Путешествія Срезневскаго и его сотоварищей по изученію славянства стали переломомъ въ цѣлой нашей историко-филологической наукѣ. Съ этихъ путешествій началось впервые правильное и многостороннее изученіе славянства; изученіе самóй русской древности, этнографіи, языка впервые получило болѣе широкое и прочное основаніе черезъ введеніе изслѣдованій сравнительныхъ; даны были первыя опоры для сознательнаго пониманія отношеній русско-славянскихъ и за предѣломъ научной спеціальности, въ области національной и общественно-политической.

Самъ Срезневскій, называя себя „послѣднимъ изъ этого случайно образовавшагося товарищества“, собралъ въ 1878 свои воспоминанія объ этихъ первыхъ дѣятеляхъ русской славистики: Прейсѣ (1810—1846), Григоровичѣ (1815—1876), Бодянскомъ (1808—1877),—чтобы „быть свидѣтелемъ передъ новыми поколѣніями о томъ, чѣмъ были въ своей дѣятельности его бывшіе сотоварищи“. Все „товарищество“ вмѣстѣ составляетъ характерную группу, которая займетъ важное мѣсто въ исторіи нашей науки и литературы.

Путешествіе Срезневскаго началось лѣтомъ 1840 и кончилось осенью 1842 года. За границей онъ встрѣтился съ Прейсомъ, выѣхавшимъ ранѣе, съ нимъ вмѣстѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Прагѣ и потомъ путешествовалъ по Истріи, Далмаціи съ Черногоріей и землѣ Хорватской; болѣзнь Прейса помѣшала ихъ дальнѣйшему

странствованію вмѣстѣ. Прейсъ былъ тогда болѣе приготовленъ къ дѣлу, и Срезневскій, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ, признаетъ, что и самъ былъ ему немало обязанъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, какъ многимъ пользовались отъ Прейса и западно-славянскіе ученые. Должно, впрочемъ, оговориться, что по свойству своего научнаго таланта Срезневскій быстро освоивался съ изучаемымъ предметомъ, а чрезвычайная живость характера, подвижность и воспріимчивость, сохранявшіяся и до послѣднихъ лѣтъ его жизни, помогли ему сдѣлать путешествіе, богатое разнообразными учеными изысканіями и живыми наблюденіями и впечатлѣніями. Онъ побывалъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ славянскаго племени (кромѣ болгарскихъ), побывалъ и во многихъ, рѣдко посѣщаемыхъ закоулкахъ (какъ напримѣръ, Резьяне),—занимался въ библіотекахъ книгами и рукописями, но столько же изучалъ и живыхъ людей, странствовалъ пѣшкомъ, наблюдалъ во-очію народный бытъ, изучалъ мѣстные говоры и т. д., завязалъ съ главными представителями славянскаго возрожденія много личныхъ связей, которыя вводили его въ живѣйшіе интересы славянскаго національнаго движенія первыхъ сороковыхъ годовъ. Во время путешествія и отчасти послѣ, онъ участвовалъ небольшими трудами въ славянскихъ журналахъ, въ „Часописѣ чешскаго музея“, въ чешско-славянской „Татранкѣ“. Съ 1840 года онъ началъ писать о славянскихъ предметахъ и въ русскихъ журналахъ—въ варшавской „Денницѣ“, намѣревавшейся служить славянскому литературному сближенію, въ „Отеч. Запискахъ“, въ „Москвитянинѣ“, „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“, „Финскомъ Вѣстникѣ“, „Московскомъ Сборникѣ“ (1847), даже въ „Маякѣ“. Мы упомянули о личныхъ отношеніяхъ Срезневскаго съ дѣятелями славянскаго движенія: таковы были его близкія связи съ знаменитымъ Вукомъ Караджичемъ (лучшая біографія котораго написана Срезневскимъ), съ учеными патріотами хорватскими, чешскими, словацкими. Онъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ съ „иллирскимъ“ патріотомъ Станкомъ Вразомъ, поэтомъ и великимъ энтузіастомъ народности—съ нимъ онъ странствовалъ по хорватской землѣ, возбуждая полицейскія подозрѣнія, и въ изданной недавно перепискѣ Враза сохранились объ этомъ времени любопытныя, хотя отрывочныя указанія. Поэтъ словацкій посвящалъ ему воспоминанія о такихъ же странствованіяхъ вмѣстѣ по Карпатамъ (Nitra, II годъ, 1844). Изъ чешскихъ патріотовъ, извѣстна особенно его дружба съ Ганкой, можетъ быть слишкомъ, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, довѣрчивая.

Свѣдѣнія о путешествіи Срезневскаго изложены въ отчетахъ, которые печатались въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія“: осталась неописанной только та доля путешествія, которую онъ дѣлалъ вмѣ-

стѣ съ Прейсомъ; они хотѣли составить общій отчетъ, но онъ остался ненаписаннымъ по болѣзни Прейса.

Вернувшись изъ путешествія осенью 1842, Срезневскій тогда же назначенъ былъ профессоромъ на каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковѣ; въ 1846 онъ защищалъ диссертацію на степень доктора: „Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ". Спустя нѣсколько времени по смерти Прейса, Срезневскій въ 1847 переведенъ былъ въ петербургскій университетъ, въ которомъ и работалъ до послѣднихъ своихъ дней.

Чтенія Срезневскаго въ Харьковѣ, по возвращеніи изъ-за границы, были въ университетѣ событіемъ.—„Успѣхъ его былъ громадный",—разсказываетъ свидѣтель-очевидецъ тогдашней жизни харьковскаго университета. „Студенты всѣхъ факультетовъ, особенно въ первый годъ курса, толпами стекались слушать краснорѣчиваго профессора; самая большая университетская аудиторія не вмѣщала всѣхъ желающихъ. Новость предмета, бойкость изложенія, то восторженнаго и приправленнаго цитатами изъ Коллара, Пушкина и Мицкевича, то строго-критическаго, не лишеннаго юмора и иронія, все это дѣйствовало на учащуюся молодежь самымъ возбуждающимъ образомъ; все это было такъ своеобычно и еще ни разу не случалось, какъ гласило преданіе, на университетской каѳедрѣ. Направленіе профессора было панславистское; стихи Коллара не сходили, можно сказать, съ его устъ, а „славянское братство и единеніе, въ духѣ мира и любви едва ли въ другомъ русскомъ университетѣ нашло бы для себя болѣе благопріятную почву, чѣмъ въ харьковскомъ"... Въ университетѣ харьковскомъ было тогда много поляковъ-студентовъ, и между ними и русскими студентами были самыя искреннія дружескія отношенія. Поэтому,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель,—„становится очевидной та громадная польза, которую приносилъ профессоръ Срезневскій своими панславистскими лекціями первымъ своимъ слушателямъ, въ особенности полякамъ. Независимо отъ этого, молодой профессоръ, какъ никто тогда, съумѣлъ пріохотить студентовъ къ научной дѣятельности, просто научить ея производству, о чемъ—увы! кажется, и теперь лишь немногіе изъ университетскихъ преподавателей думаютъ. Онъ завалилъ студентовъ работами по исторіи русскаго языка, литературы, этнографіи, сравнительнаго славянства и проч. Онъ на лекціяхъ показывалъ, какъ надобно обращаться съ научнымъ сырьемъ, — лѣтописью, пѣснью, вообще со всякимъ источникомъ. Не менѣе полезна была его критика, весьма оригинальная и, какъ думаемъ, не безъ предвзятой мысли. Выставлялъ, напримѣръ, профессоръ *великими* авторитетами науки: Востокова, Павскаго, Добровскаго, Шафа-

рика и проч.; затѣмъ эти авторитеты умалялись, указывались ихъ слабыя стороны—и нерѣдко изъ восторженнаго профессоръ переходилъ въ ироническое къ нимъ отношеніе, но, спѣшимъ прибавить, не разбивая въ конецъ ихъ авторитета"...

Мы слушали Срезневскаго въ петербургскомъ университетѣ въ первыхъ пятидесятыхъ годахъ. Надо думать, что ревностный „панславизмъ" первыхъ годовъ отчасти улегся, сталъ спокойнѣе; но чтенія Срезневскаго были едва ли не самыя оживленныя во всемъ филологическомъ факультетѣ тѣхъ годовъ. Его рѣчь была, при всей научной серьёзности изложенія, легкая, живая, остроумная, и теперь иногда не безъ лукавой критики ученыхъ авторитетовъ; чтеніе старыхъ памятниковъ иллюстрировалось любопытными комментаріями, сличеніями архаическаго языка съ живыми нарѣчіями, стараго бытового обряда съ сохраняющимся донынѣ народнымъ преданіемъ, наглядными эпизодами изъ современныхъ славянскихъ обычаевъ, воспоминаніями изъ своихъ путешествій. Обширныя знанія въ своемъ дѣлѣ, искусная критическая діалектика, образность изложенія давали его чтеніямъ интересъ, разнообразіе, и производили большое впечатлѣніе на слушателей, разъ заинтересованныхъ.

Но, съ другой стороны, и въ то время можно было замѣтить въ теоретической постановкѣ цѣлаго предмета рѣзкую исключительность и односторонность; позднѣе, она обнаруживалась еще сильнѣе.—Мы не можемъ здѣсь входить въ подробности и ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Односторонность, о которой мы говоримъ и которая, какъ странность, сильно бросалась въ глаза особенно лицамъ, менѣе знавшимъ весь оригинальный складъ его теоретическихъ понятій, была, по нашему мнѣнію, прежде всего слѣдомъ его перваго развитія.

То было именно время романтическихъ идей, къ которымъ пристала уже народная тенденція, но пока еще въ самыхъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ: это было какое-то идеалистическое стремленіе къ первобытному, народному, немного сантиментальное и преувеличенное, какое-то смутное ожиданіе найти разгадку исторіи и подлиннаго національнаго характера въ изученіи непосредственнаго народнаго быта съ его самородной поэзіей и самобытно сбереженными преданіями старыхъ вѣковъ. Университетъ, — гдѣ притомъ Срезневскій былъ на юридическомъ факультетѣ—повидимому не далъ ему никакой прочной опоры въ этомъ отношеніи; скорѣе, Срезневскій былъ здѣсь самоучкой; но народно-романтическая тенденція была въ большомъ ходу, и онъ примкнулъ къ тому маленькому движенію, какое тогда сказывалось въ малорусскомъ обществѣ,—и гнѣздомъ ниѣло особенно Харьковъ. Было справедливо замѣчено, что первые ученые представители у насъ славянскаго возрожденія были не случайно, за

исключеніемъ Прейса, люди, выросшіе въ малорусской средѣ, которая дѣлала для нихъ славянское движеніе болѣе понятнымъ и сочувственнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, тогдашнее движеніе въ малорусской литературѣ, искавшее новыхъ поэтическихъ элементовъ въ народномъ источникѣ и бравшее средствомъ выраженія прямой народный языкъ, представляло несомнѣнную параллель съ тѣмъ, что дѣлалось въ это же время въ возрожденныхъ литературахъ западнаго и южнаго славянства. Впослѣдствіи, Срезневскій, говоря (въ біографіи Бодянскаго) объ интересѣ къ народности, господствовавшемъ въ 1830-хъ годахъ, самъ характеризовалъ его, какъ „неопредѣленное чувство потребности уважать все народное, и болѣе ничего"; тогдашніе поклонники народной поэзіи „оставались въ очарованномъ кругѣ мечтаній, заступавшихъ мѣсто изслѣдованій". Таково, безъ сомнѣнія, было и настроеніе самого Срезневскаго, когда, едва оставивъ свой юридическій факультетъ, онъ является партизаномъ этого направленія, записываетъ славянскія пѣсни и малорусскія думы, издаетъ „Запорожскую Старину" и т. д. Направленіе было новое и далеко еще не было выяснено ни научное значеніе той народности, которую стремились сознать, ни практическо-общественное, ни наконецъ литературно-эстетическое значеніе народной поэзіи. Другая область литературы въ это время оставалась еще болѣе или менѣе равнодушна къ этому направленію; въ свою очередь, приверженцы „народности" по „неопредѣленному чувству" не понимали тѣхъ вопросовъ философскихъ, эстетическихъ, общественныхъ, какіе ставились тогда въ литературѣ. Оба взгляда можно винить въ извѣстной односторонности; но едва ли не бо́льшая односторонность была во взглядѣ тѣхъ изъ тогдашнихъ партизановъ народности, которымъ новѣйшая литература осталась совсѣмъ непонятна. Между прочимъ, Срезневскій былъ въ большой степени чуждъ ея, относился къ ней даже враждебно. Когда передъ отъѣздомъ за-границу онъ былъ въ Петербургѣ и встрѣтился съ литературнымъ кружкомъ „Отеч. Записокъ" (какъ разсказываетъ г. Анненковъ), онъ высказалъ литературныя мнѣнія, которыя возбудили въ томъ кружкѣ „безмѣрное изумленіе". Такъ бывало и до послѣдняго времени; напримѣръ, Срезневскому было не только несимпатично, но непонятно значеніе Гоголя въ нашей литературѣ и смыслъ его произведеній. Иногда его идеи подобнаго рода могли казаться намѣреннымъ парадоксомъ,—но въ основѣ все-таки лежало совсѣмъ особенное пониманіе литературныхъ предметовъ, остатокъ стараго романтизма харьковскихъ временъ, существовавшаго особнякомъ, отрѣшеннаго отъ всѣхъ остальныхъ явленій и стремленій литературы.

Этотъ романтизмъ, искавшій „народности", витавшій „въ очаро-

вашемъ кругѣ мечтаній", одушевляемый „неопредѣленной потребностью уважать все народное", въ славянскихъ путешествіяхъ Срезневскаго еще болѣе укрѣпился. Срезневскій встрѣтилъ здѣсь—не широкое движеніе большихъ литературъ, а именно рядъ мелкихъ литературъ, проникнутыхъ „потребностью уважать все народное"—но потребностью уже опредѣленной, потому что для нихъ это было первое элементарное средство защиты самой національности отъ поглощенія другими народами: надо было и обновить въ обществѣ образованіемъ ослабѣвшіе національные инстинкты, и поднять нравственно самый народъ вниманіемъ и участіемъ къ его языку, поэзіи, преданіямъ. Эти литературы не задавали себѣ, и не въ состояніи были задавать высшихъ общихъ вопросовъ; имъ еще предстояли болѣе первоначальныя задачи—онѣ были просты, доступны народу, въ нихъ повторялись знакомыя черты народнаго языка и народныхъ сказаній; можно было видѣть наглядно ихъ пользу для развитія (небольшого) народнаго образованія... Срезневскому, и отчасти также его сотоварищамъ, могло казаться, и дѣйствительно казалось, что литература такова и должна быть. Въ статьѣ: „Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ славянъ", помѣщенной въ „Московскомъ Сборникѣ" 1847, онъ высказалъ свое предпочтеніе этихъ маленькихъ народныхъ литературъ; онѣ казались ему чуть ли не богаче и выше той нашей литературы, которая занимается вопросами, такими отвлеченными, такими далекими отъ народа... Ему не представлялась мысль, что эти мелкія славянскія литературы, которыя ему нравились, въ большинствѣ были только книгами для первоначальнаго чтенія.

То, что выходило за предѣлъ этого патріархально-народнаго направленія, повидимому, издавна было Срезневскому чуждо; онъ не могъ не видѣть, конечно, политическаго утѣсненія славянскихъ народностей, но ему казалось, вѣроятно, что бороться съ нимъ можно только путемъ этого идеалистическаго развитія народности. Что мечты этого рода занимали его, можно видѣть изъ того немногаго, что пока мы знаемъ объ его сношеніяхъ съ славянскими патріотами. Послѣ онъ никогда, кажется, не касался этихъ предметовъ.

По переходѣ въ Петербургъ, для Срезневскаго начался періодъ усиленной дѣятельности. Вскорѣ онъ получилъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ существовавшемъ тогда педагогическомъ институтѣ; въ 1849 избранъ былъ во второе отдѣленіе академіи наукъ, т.-е. отдѣленіе русскаго языка и словесности, гдѣ съ тѣхъ поръ и до конца своей жизни, въ теченіи полныхъ тридцати лѣтъ оставался замѣчательнѣйшимъ и трудолюбивѣйшимъ дѣятелемъ. Это отдѣленіе—за десять лѣтъ передъ тѣмъ образованное изъ блаженной памяти Рос-

сійской Академіи, унаслѣдовало тогда отъ нея многихъ членовъ съ той научно-литературной непригодностью, какая прославила Россійскую Академію. Избраніе Срезневскаго было счастьемъ для отдѣленія, потому что онъ одинъ своимъ неутомимымъ трудомъ спасалъ его ученый декорумъ. Съ 1852 отдѣленіе начало изданіе „Извѣстій", которыя въ теченіи десяти лѣтъ держались всего болѣе именно работами его собственными и имъ привлеченными. „Извѣстія" представили богатый запасъ крупныхъ и мелкихъ трудовъ по славяно-русской филологіи: Срезневскій началъ здѣсь длинный рядъ изслѣдованій о древнихъ памятникахъ русской литературы, изслѣдованій, всегда отличавшихся оригинальнымъ взглядомъ, пытливой критикой, остроумными догадками и соображеніями; онъ велъ здѣсь отчетливую библіографію славянской историко-филологической литературы, печаталъ сборники разныхъ произведеній народной словесности и т. д. Затѣмъ по прекращеніи „Извѣстій" его изобильныя работы печатались въ сборникахъ II отдѣленія академіи. Рядомъ съ академическими работами Срезневскій принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ другихъ ученыхъ обществъ, напр. географическаго, археологическаго, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, въ изданіи: „Христіанскія древности и археологія", писалъ въ присужденіяхъ премій Демидова и Уварова цѣнные отчеты, равнявшіеся иногда цѣлымъ книгамъ, съ новымъ переизслѣдованіемъ разбираемаго предмета.

Славянство отступало все больше и больше на второй планъ въ этихъ трудахъ, которые направились наконецъ почти исключительно на памятники древнѣйшей славяно-русской письменности, ихъ подробное описаніе и изслѣдованіе по языку и содержанію, и на внимательнѣйшее изученіе палеографіи. Въ этой области онъ сталъ знатокомъ первостепеннымъ.

Мы не будемъ перечислять здѣсь этихъ трудовъ, составляющихъ область совершенно спеціальную. Подробный списокъ сочиненій Срезневскаго изданъ былъ II-мъ отдѣленіемъ академіи къ 50-лѣтнему юбилею его учено-литературной дѣятельности, который праздновался 5-го апрѣля 1879 г.

Труды Срезневскаго въ послѣднія тридцать лѣтъ, въ полномъ развитіи его ученой силы, какъ мы замѣтили, принимали все больше характеръ исключительно-спеціальной обработки памятниковъ. Такая обработка составляетъ первую и необходимѣйшую степень историческаго изслѣдованія, и рѣдкіе ученые исполняли ее съ такой осмотрительной точностью, какъ Срезневскій. Быть можетъ, онъ находилъ, что въ наличномъ составѣ нашей филологіи мало людей, которые исполнили бы это дѣло съ той внимательностью, какая для этого требуется; но во всякомъ случаѣ, бросалось въ глаза это одно-

стороннее употребленіе силы, которая могла бы быть способна къ широкимъ обобщеніямъ и ограничивалась работами приготовительными,—между тѣмъ, какъ обобщенія въ наукѣ не менѣе необходимы, чѣмъ первоначальная разработка матеріала: онѣ собираютъ ранѣе добытый матеріалъ въ болѣе или менѣе систематическое цѣлое, намѣчаютъ его историческое значеніе и указываютъ путь дальнѣйшихъ изслѣдованій. Срезневскій избѣгалъ этихъ обобщеній—потому ли, что стремленіе къ точности внушало ему недовѣріе къ нимъ; или что ученое самолюбіе, которое было у него очень сильно, пугалось возможности ошибиться; или, быть можетъ, практическій опытъ указывалъ болѣе спокойную дѣятельность въ спеціальности, далекой отъ столкновенія мнѣній и отъ соединяющихся съ этимъ тревогъ разнаго рода—не знаемъ... Какъ онъ чуждался обобщеній научныхъ, такъ онъ избѣгалъ въ послѣднія десятилѣтія и обобщеній въ славянскомъ вопросѣ: онъ почти не высказывался о новѣйшемъ національно-политическомъ движеніи славянскихъ народовъ. Повидимому, его сочувствія принадлежали тому періоду славянскаго возрожденія, какой онъ самъ переживалъ въ средѣ славянскихъ патріотовъ начала сороковыхъ годовъ,—періоду идеализированія народности, не переходившаго еще изъ области національно-поэтической въ политическую. Замѣтимъ наконецъ, что въ складѣ его ума, очень сильнаго, была, кажется, съ самаго начала особенная оригинальность, которая позднѣе, при встрѣчѣ съ иными, ему непривычными или чуждыми идеями, переходила въ парадоксальность, иногда почти намѣренную, и въ извѣстнаго рода скептицизмъ,—который не благопріятствуетъ обобщеніямъ...

Затѣмъ, всѣ силы его ума и дарованія направились на указанныя выше спеціальныя изученія. Масса трудовъ, совершенныхъ имъ въ области археографіи, палеографіи, изданія памятниковъ, громадна; если прибавить къ этому еще то, что было имъ сдѣлано по русской и славянской археологіи, и въ прежнее время по славянской миѳологіи, этнографіи, языку, то его справедливо можно поставить на ряду съ замѣчательнѣйшими изслѣдователями славянства, какими были Добровскій, Востоковъ, Шафарикъ.

Послѣ Срезневскаго остался неизданнымъ обширный и многолѣтній трудъ, которому придаютъ великую цѣну ученые, видѣвшіе его въ рукописи. Это—„Историческій словарь древняго русскаго языка“. Надо желать, чтобы изданіе его сдѣлано было скорѣе его учеными сотоварищами. Мы думаемъ, что эти сотоварищи должны были бы также обратить вниманіе на другое наслѣдье, оставшееся отъ Срезневскаго—его обширную ученую переписку, какъ говорятъ, приведенную въ порядокъ имъ самимъ. Недавно, московское Общество

Исторіи и Древностей подало прекрасный примѣръ—изданіемъ писемъ къ Погодину изъ славянскихъ земель: этому примѣру могъ бы послѣдовать университетъ или второе отдѣленіе академіи. Обыкновенно затрудняются въ изданіяхъ подобнаго рода близостью времени, неудобствомъ касаться лицъ еще дѣйствующихъ;—но можно было бы ограничиться теперь перепискою лицъ, уже кончившихъ свою дѣятельность и принадлежащихъ исторіи. Если сохранилась хорошо и старая переписка, то мы считали бы особенно любопытными (и совершенно возможными для изданія) именно письма стараго времени, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, какъ напр. славянская переписка Срезневскаго за время его путешествія и послѣ. Слишкомъ долгое откладываніе подобныхъ изданій очень вредитъ самому ихъ интересу: являясь теперь, при свѣжихъ воспоминаніяхъ о человѣкѣ, онѣ дадутъ гораздо болѣе живыхъ впечатлѣній не только у насъ, но и въ литературномъ славянскомъ мірѣ, и издатели, быть можетъ, въ состояніи будутъ прибавить къ нимъ больше біографическихъ и литературныхъ разъясненій, чѣмъ послѣ, когда воспоминанія поблѣднѣютъ и охладятся. Мы съ своей стороны думали бы, что это изданіе раскрыло бы для насъ одну изъ любопытнѣйшихъ и самыхъ симпатичныхъ сторонъ въ дѣятельности Срезневскаго.

А. Пыпинъ.

М. Стасюлевичъ.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ

1838—1848.

Изъ литературныхъ воспоминаній.

XXV *).

Одновременно съ раздвоеніемъ въ лагерѣ «славянъ», послѣдовало точно такое же и у западниковъ: «Москвитянинъ» вызвалъ много бурь въ нѣдрахъ этой партіи, и на одной изъ такихъ бурь, лѣтомъ 1845 г., я присутствовалъ. Лѣто 1845 года оставило во мнѣ такія живыя воспоминанія, что я и теперь (1870 г.) по прошествіи слишкомъ 25-ти лѣтъ, какъ будто вижу передъ собой каждаго изъ тогдашнихъ лицъ московскаго кружка, и какъ будто слышу каждое ихъ слово. Для меня это—не дальнее, на половину позабытое прошлое, а какъ будто событіе вчерашняго дня. Голоса, выраженіе физіономій и поза людей — стоятъ въ памяти такъ живо, точно мы недавно разошлись по домамъ; постараюсь передать мои воспоминанія съ наивозможной вѣрностью.

Грановскій, Кетчеръ и Г. извѣстили своихъ пріятелей, что на лѣто 1845 г. они поселяются въ селѣ Соколовѣ — въ 25-ти или 30-ти верстахъ отъ Москвы. Село принадлежало помѣщику Д—ву, который, на случай своихъ пріѣздовъ въ вотчину, оставилъ за собой большой домъ, а боковые флигеля и домикъ позади предоставилъ наемщикамъ, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ липовымъ и березовымъ садомъ, который отъ дома сходилъ подъ гору, къ рѣкѣ. На противоположной сторонѣ рѣки и горки, по

*) См. выше: мартъ, 5 стр.

общему характеру русскаго пейзажа, тянулся сплошной рядъ крестьянскихъ избъ. Въ обоихъ флигеляхъ размѣстились семейства Г. и Грановскаго, а домикъ позади занялъ Кетчеръ. Помѣщикъ не безпокоилъ наемщиковъ. Въ рѣдкіе свои наѣзды онъ только *приказывалъ* крестьянамъ и крестьянкамъ *свободно* гулять по своему саду, проходя вереницами мимо оконъ большого дома. Какъ ни легка, повидимому, была эта барщина, но она возбуждала сильный ропотъ въ людяхъ, къ ней приговоренныхъ, чему наемщики были сами свидѣтелями не разъ.

Вѣроятно, ни ранѣе, ни позже, Соколово уже не представляло такой поразительной картины шума и движенія, какъ лѣтомъ 1845 года. Пріѣздъ гостей къ дачникамъ былъ невѣроятный, громадный. Обѣды устроивались на лугу передъ домомъ почти колоссальные, и обѣ хозяйки—Н. А., жена Г., и Е. Б. Грановская, уже привыкшія къ наплыву посѣтителей, справлялись съ этою толпой неимовѣрно ловко. Сами онѣ представляли изъ себя очень различные типы, хотя и связаны были тѣсной дружбой. Жена Г., со своимъ мягкимъ, едва слышнымъ голоскомъ, со своей ласковой и болѣзненной улыбкой, со всѣмъ своимъ дѣтски-нѣжнымъ, хрупкимъ и страдающимъ видомъ, обладала еще страстностью характера, пламеннымъ воображеніемъ и очень сильной волей, что́ и доказала на дѣлѣ при началѣ своей жизни и при концѣ ея. Елизавета Богдановна Грановская была олицетвореніемъ спокойной, молчаливо-благодарной и втайнѣ радостной покорности своей судьбѣ, устроившей ея положеніе какъ жены и какъ женщины. Обѣ онѣ способны были, каждая по-своему и съ различными побужденіями, на очень значительныя жертвы и подвиги, еслибы то потребовалось. Всегда окруженныя своими московскими пріятельницами, онѣ покамѣсть служили въ Соколовѣ тѣмъ умѣряющимъ, эстетическимъ началомъ, которое сдерживало пиры друзей, гдѣ на шампанское не скупились, въ тонѣ веселой, но далеко не распущенной бесѣды.

Я появился среди этого персонала Соколова въ концѣ іюня мѣсяца, былъ принятъ имъ съ величайшимъ радушіемъ, но съ оттѣнкомъ, который бросался въ глаза. Какъ гость изъ Петербурга и изъ ближайшаго кружка Бѣлинскаго, я долженъ былъ почувствовать, въ средѣ самыхъ дружескихъ изліяній, ту ноту разногласія, диссонанса, какая уже существовала между двумя отдѣлами западной партіи. Нота эта звучала и въ ироническихъ шуткахъ Г., и въ нервномъ хохотѣ Кетчера, и въ полусерьёзной физіономіи Грановскаго, которая попеременно разглаживалась и темнѣла. Всѣмъ необходимо было пропѣть

противную эту ноту поскорѣе вслухъ, чтобы войти опять въ простыя, откровенныя отношенія другъ къ другу. Это и не замедлило случиться.

Въ тотъ же самый день все общество собралось на прогулку въ поля, окружавшія Соколово, на которыхъ, по случаю ранняго жнитва, царствовала теперь муравьиная дѣятельность. Крестьяне и крестьянки убирали поля въ костюмахъ, почти примитивныхъ, что̀ и дало поводъ кому-то сдѣлать замѣчаніе, что изо всѣхъ женщинъ одна русская ни передъ кѣмъ не стыдится, и одна, передъ которой также никто и ни за что не стыдится. Этого замѣчанія достаточно было для того, чтобы вызвать ту освѣжающую бурю, которой всѣ ожидали. Грановскій остановился и необычайно серьёзно возразилъ на шутку:—«Надо прибавить, сказалъ онъ, — что фактъ этотъ составляетъ позоръ не для русской женщины изъ народа, а для тѣхъ, кто довелъ ее до того, и для тѣхъ, кто привыкъ относиться къ ней цинически. Большой грѣхъ за послѣднее лежитъ на нашей русской литературѣ. Я никакъ не могу согласиться, чтобы она хорошо дѣлала, потворствуя косвенно этого рода цинизму распространеніемъ презрительнаго взгляда на народность». Съ этого и начался споръ.

Я не упомянулъ, что въ числѣ постоянныхъ гостей Соколова, былъ еще вліятельный человѣкъ кружка́—издатель «Моск. Вѣд.» Евг. Ѳед. Коршъ. По убѣжденіямъ своимъ, онъ принадлежалъ вполнѣ партіи крайнихъ западниковъ, отыскивая вмѣстѣ съ ними основы для мысли и для жизни въ философіи, исторіи, слѣдя за теоріями соціализма, и нисколько не ужасаясь никакихъ результатовъ, какіе бы могли оказаться на концѣ этихъ розысканій; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не принималъ на вѣру никакихъ заманчивыхъ посуловъ доктрины, откуда бы она ни исходила, если только мало-мальски приближалась къ утопіи или обнаруживала поползновеніе на произвольный выводъ. Онъ постоянно воевалъ съ идеалами существованія, которыхъ тогда возникало множество. Вообще, это былъ критикъ убѣжденій и вѣрованій своего круга, съ которымъ раздѣлялъ многія изъ его надеждъ и всѣ основныя положенія. Онъ стоялъ постоянно съ ногой, занесенной, такъ-сказать, изъ своего лагеря въ противуположный, охлаждая слишкомъ радужныя чаянія или черезъ-чуръ сангвиническіе порывы своихъ друзей. Обширная начитанность и по истинѣ замѣчательная доля мѣткаго и ядовитаго остроумія, эффектъ котораго увеличивался еще отъ противуположности съ недостаткомъ въ произношеніи—дѣлали изъ Евг. Корша выдающееся

лицо круга [1]). Онъ тотчасъ понялъ, что завязавшійся споръ не есть какая-либо рѣшительная битва, измѣняющая въ концѣ положеніе сторонъ, а только простое объясненіе между ними; поэтому онъ и ходилъ свободно между сторонами, не приставая ни къ одной. Иначе принялъ дѣло Кетчеръ, которому казалось уже необходимостью произвесть себя въ адвокаты отсутствующей петербургской стороны, какъ еще мало онъ самъ ни раздѣлялъ всѣхъ ея воззрѣній. Онъ поднялъ перчатку Грановскаго и повелъ съ нимъ споръ о *принципахъ* чрезвычайно горячо, какъ окажется, надѣюсь, и изъ сокращенной моей передачи этого любопытнаго препирательства. За точность и порядокъ мыслей и за приблизительную вѣрность самаго выраженія ихъ—ручаюсь [2]).

— Да, помилуйте, какъ же можно,—восклицалъ Кетчеръ,—обобщать на этотъ манеръ каждое пустое замѣчаніе. Какой же человѣкъ удержитъ голову на своихъ плечахъ, если изъ каждаго его слова, пущеннаго на вѣтеръ, станутъ вытягивать разные смыслы. Вѣдь это преображенскій приказъ. А если ужъ обобщать, Грановскій, такъ ты бы лучше поставилъ себѣ вопросъ: не участвовалъ ли самъ народъ въ составленіи нашихъ дурныхъ привычекъ, и не есть ли наши дурныя привычки именно народныя привычки?

— Постой, братъ Кетчеръ,—возразилъ Грановскій,—ты говоришь: не слѣдуетъ обобщать всякую случайную замѣтку; во-первыхъ, любезный другъ, случайныя замѣтки состоятъ въ близкомъ родствѣ съ тайной нашей мыслію, а во-вторыхъ, собраніе такихъ замѣтокъ составляетъ иногда цѣлое ученіе, какъ, напримѣръ, у Бѣлинскаго.—А я тебѣ долженъ сказать здѣсь прямо—добавилъ Грановскій съ особеннымъ удареніемъ на словахъ,—что во взглядѣ на русскую національность и по многимъ другимъ литературнымъ и нравственнымъ вопросамъ я сочувствую гораздо болѣе славянофиламъ, чѣмъ Бѣлинскому, «Отеч. Запискамъ» и западникамъ.

За этимъ категорическимъ объявленіемъ послѣдовала минута

---

[1]) Изъ множества его цѣнныхъ замѣтокъ я помню одну, обращенную къ собесѣднику, который, на основаніи Прудона, отыскивалъ въ анархіи спасительное средство для современныхъ обществъ.—„Это, вѣроятно, потому,—сказалъ Евг. Коршъ, что анархія всегда ведетъ за собой монархію". Въ другой разъ онъ отвѣчалъ одному профессору, который, съ нѣкоторымъ провинціальнымъ акцентомъ, воскликалъ: —„Я, братцы, какъ вамъ извѣстно, родикалъ". — „Я и прежде думалъ, что ты ничего другого *родить* не можешь", замѣтилъ Евг. Коршъ.

[2]) Замѣтки и цитаты, тогда же брошенныя мною на бумагу для памяти, много помогли возстановленію всей этой сцены.

молчанія. Гораздо позднѣе мысль, выраженная Грановскимъ, повторялась много разъ и самимъ Г., отъ своего имени въ его заграничныхъ изданіяхъ, но впервые она была сказана именно Грановскимъ и въ Соколовѣ. Г. конечно, принялъ участіе въ завязавшемся спорѣ, нисколько не предчувствуя, разумѣется, что не далѣе, какъ черезъ годъ, онъ придетъ самъ въ столкновеніе съ Грановскимъ по вопросу, совершенно схожему съ тѣмъ, который теперь разбирался [1]). Теперь онъ держалъ сторону Грановскаго, хотя не такъ рѣшительно, какъ можно было думать, судя по внѣшнимъ признакамъ сходства въ ихъ настроеніяхъ. Прямая, неуклонная, откровенная дѣятельность Бѣлинскаго приходилась ему всегда по душѣ, несмотря на множество оговорокъ, какія онъ противупоставлялъ ей, да и предчувствіе близости горькихъ разсчетовъ съ самимъ Грановскимъ, вѣроятно, уже возникло въ его умѣ и сдерживало его слово. Вмѣшательство его въ разговоръ носило дружелюбный характеръ.

— Пойми же ты, братецъ,—говорилъ онъ, обращаясь къ Кетчеру, — что кромѣ общаго народнаго вопроса, о которомъ можно судить и такъ, и иначе, между нами идетъ дѣло о нравственномъ вопросѣ. Мы должны вести себя прилично по отношенію къ низшимъ сословіямъ, которыя работаютъ, но не отвѣчаютъ намъ. Всякая выходка противъ нихъ, вольная или невольная, похожа на оскорбленіе ребенка. Кто же будетъ за нихъ говорить, если не мы же сами? Оффиціальныхъ адвокатовъ у нихъ нѣтъ,—понимаешь, что всѣ тогда должны сдѣлаться ихъ адвокатами. Это особенно не мѣшаетъ понять теперь (1845 г.), когда мы хлопочемъ объ упраздненіи всякихъ управъ благочинія. Не для того же нужно намъ увольненіе въ отставку видимыхъ и невидимыхъ исправниковъ, чтобы развязать самимъ себѣ руки на всякую потѣху.

Кетчеръ не любилъ оставлять послѣдняго слова за противникомъ. Онъ возопилъ противъ попытки примѣшать еще и нравственность, послѣ національности, къ пустому случаю, разросшемуся въ такой диспутъ, утверждалъ, что обличеніе какого-либо несомнѣннаго факта, хотя бы и самаго прискорбнаго характера

---

[1]) Въ „Запискахъ“ Г. разсказана подробно исторія его ссоры въ 1846 г. съ Грановскимъ по поводу неосторожнаго браннаго слова, произнесеннаго О—нымъ въ присутствіи сожительницы, впослѣдствіи жены К. Тогда Г. сталъ за О., не вмѣнялъ ему въ вину случайнаго, непечатнаго выраженія, а обиженнымъ уже являлся К., такъ легко прощавшій прежде мимолетныя замѣтки. Грановскій поддерживалъ К. и раздѣлялъ его негодованіе.

—никогда не можетъ быть безнравственно, а, наконецъ, послѣ насмѣшливыхъ отзывовъ о новыхъ народившихся руссофилахъ (на этого рода пикантныя приправы къ спорамъ никто тогда не скупился), перешелъ къ Бѣлинскому, который собственно и составлялъ настоящій предметъ всего разговора. Кетчеръ замѣтилъ, что врядъ ли мы и имѣемъ право судить о настоящихъ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго на русскую народность, такъ какъ онъ ихъ никогда не высказывалъ вполнѣ, да и въ виду цензуры и не могъ передать всей своей мысли, какъ по этому предмету, такъ и по многимъ другимъ. Здѣсь Грановскій опять остановилъ Кетчера и покончилъ споръ замѣчаніемъ, которое поразило всѣхъ своей неожиданностью; привожу его буквально:

— Знаешь ли, братъ Кетчеръ, что я имѣю тебѣ сказать по поводу твоего замѣчанія о цензурѣ. Объ умѣ, талантѣ и честности Бѣлинскаго не можетъ быть между нами никакого спора, но вотъ что я скажу о цензурѣ. Если Бѣлинскій сдѣлался силой у насъ, то этимъ онъ обязанъ, конечно, во-первыхъ, самому себѣ, а во-вторыхъ и нашей цензурѣ. Она ему не только не повредила, но оказала большую услугу. Съ его нервнымъ, раздражительнымъ характеромъ, рѣзкимъ словомъ и увлеченіями онъ никогда бы не справился, безъ цензуры, со своимъ собственнымъ матеріаломъ. Она, цензура, заставила его обдумывать планы своихъ критикъ и способы выраженія и сдѣлала его тѣмъ, чѣмъ онъ есть. По моему глубокому убѣжденію, Бѣлинскій не имѣетъ права жаловаться на цензуру, хотя и ее благодарить тутъ не за что: она, конечно, также не знала, что́ дѣлаетъ.

Споръ былъ вполнѣ истощенъ именно этимъ заявленіемъ Грановскаго. Все было сказано, что́ Грановскому хотѣлось сказать. Когда за тѣмъ кто-то замѣтилъ, что всѣ рѣзкія, анти-національныя выходки Бѣлинскаго происходятъ еще изъ горячаго демократическаго чувства, возмущеннаго тѣмъ состояніемъ, до котораго доведены народныя массы, Грановскій горячо присталъ къ этому мнѣнію, находя въ немъ разгадку многихъ излишествъ критика, которыя все-таки считалъ явленіемъ ненормальнымъ и печальнымъ. Споръ прекратился. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, очистивъ совѣсть и позволивъ всѣмъ возвратиться уже безъ всякихъ помѣхъ къ простымъ, дружескимъ и искреннимъ отношеніямъ.

Въ моемъ пониманіи этотъ споръ еще имѣлъ и другое значеніе. Это было первое крупное проявленіе мысли, давно уже таившейся въ умахъ, о необходимости болѣе разумныхъ отношеній къ простому народу, чѣмъ тѣ, которыя существовали въ литературѣ и въ нѣкоторыхъ слояхъ мыслящаго класса людей. Лите-

ратура и образованные умы наши давно уже разстались съ представленіемъ народа, какъ личности, опредѣленной существовать безъ всякихъ гражданскихъ правъ и служить только чужимъ интересамъ, но они не разстались съ представленіемъ народа, какъ дикой массы, не имѣющей никакой идеи и никогда ничего не думавшей про себя. Споръ выразилъ собою переворотъ, совершившійся въ понятіяхъ одного отдѣла западниковъ относительно способовъ судить и оцѣнять домашнюю культуру и нравственную физіономію толпы.

Года два-три передъ тѣмъ никому изъ западной партіи и въ голову не приходило провѣрять самые смѣлые свои приговоры объ обычаяхъ, вѣрованіяхъ, моральныхъ свойствахъ народа, или заботиться объ основательности и справедливости своихъ воззрѣній на его быть, надежды и ожиданія. Все это было дѣломъ личнаго вкуса и всякому предоставлено было думать объ этихъ предметахъ, что̀ угодно, безъ малѣйшей отвѣтственности за свои мнѣнія и за свою точку зрѣнія. Тонъ горделиваго, полу-барскаго и полу-педантическаго презрѣнія къ образу жизни и къ измышленіямъ темнаго, работающаго царства водворился незамѣтно въ средѣ образованныхъ круговъ. Особенно бросался онъ въ глаза у горячихъ энтузіастовъ и поборниковъ ученія о личной энергіи, личной иниціативѣ, которыхъ они не усматривали въ русскомъ мірѣ. По часту отзывы ихъ объ этомъ мірѣ смахивали на чванство выходца или разбогатѣвшаго откупщика передъ менѣе счастливыми товарищами. *Кичливость образованностію* омрачала иногда самые солидные умы въ то время и была по преимуществу темной стороной нашего западничества. Оно же—западничество это—и положило предѣлъ подобному извращенному примѣненію его началъ къ жизни. Споръ, изложенный выше, былъ результатомъ давнишняго желанія одного отдѣла нашихъ западниковъ заявить формальный протестъ противъ легкомысленнаго трактованія вопросовъ народной жизни, какимъ погрѣшали нѣкоторые ряды его собственной партіи. Можетъ быть, никто не принялъ такъ горячо къ сердцу ново-возникшаго вопроса о самобытномъ мышленіи темныхъ людей, какъ одинъ изъ надежнѣйшихъ и горячихъ друзей круга, именно К. Д. Кавелинъ, человѣкъ, вносившій обыкновенно страстное одушевленіе во всѣ свои какъ научныя, такъ и житейскія убѣжденія. Привычка къ высокомѣрному обращенію съ народомъ была такъ обща, что ею тронуты были даже и люди, оказавшіеся впослѣдствіи самыми горячими адвокатами его интересовъ и правъ. Уже гораздо позднѣе и въ Петербургѣ, куда онъ переѣхалъ и гдѣ приходилось

всего болѣе расчищать дорогу благорасположенному отношенію ко всѣмъ видамъ народнаго творчества, — пропаганда Кавелина не умолкала вплоть до конца 50-хъ годовъ. Здѣсь кстати сказать еще, что человѣкъ, тоже не мало содѣйствовавшій къ измѣненію способа относиться къ народу и представлять себѣ его умственную жизнь, былъ столь много осмѣянный нѣкогда славянофилами Тургеневъ. Первые его разсказы изъ «Записокъ Охотника», явившіеся въ «Современникѣ» 1847 г., положили конецъ всякой возможности глумленія надъ народными массами. Но почва для «Записокъ Охотника» была уже подготовлена, и Тургеневъ выразилъ ясно и художественно сущность настроенія, которое уже носилось, такъ-сказать, въ воздухѣ.

XXVI.

Возвращаюсь къ Соколову. Въ серединѣ лѣта подмосковное село это образовало нѣчто въ родѣ подвижного конгресса изъ безпрестанно наѣзжавшихъ и пропадавшихъ литераторовъ, профессоровъ, артистовъ, знакомыхъ, которые видимо всѣ имѣли цѣлью перекинуться идеями и извѣстіями другъ съ другомъ. Хозяева жили въ страшномъ многолюдствѣ и повидимому не имѣли времени сосредоточиться на какомъ-либо своемъ собственномъ, спеціальномъ занятіи. Гости калейдоскопически смѣнялись гостями: тутъ, кромѣ Панаева, оставившаго и описаніе Соколовской жизни, промелькнули въ моихъ глазахъ Н. А. Некрасовъ, давно уже мнѣ знакомый и возбуждавшій тогда общій симпатическій интересъ своей судьбою и своей поэзіей, затѣмъ Ив. Вас. Павловъ, здѣсь впервые мною и встрѣченный, и поражавшій оригинальной грубостію своихъ пріемовъ, подъ которыми таилось у него много мысли, наблюденія, юмора и т. д.; Евг. Өед. Коршъ, старый Щепкинъ, молодой, рано умершій Засядко, начинающій живописецъ Горбуновъ, сдѣлавшій литографированную коллекцію портретовъ со всего кружка [1]) — были постоянными

[1]) Я сохраняю его карикатурный листокъ, дѣланный карандашомъ и изображающій Г., Грановскаго, Корша, Панаева, мою особу и др. въ ночной бесѣдѣ, какія тогда часто бывали на обрывѣ горы, въ садовомъ павильонѣ соколовскаго парка. Кругу, собиравшемуся въ Соколовѣ, недоставало двухъ весьма крупныхъ членовъ его, В. П. Боткина и О. Оба они жили за-границей, въ Парижѣ, и первый, по разсказамъ Панаева, тоже недавно возвратившагося оттуда, усиленно старался офранцузить себя въ языкѣ, образѣ жизни, нравахъ, и уже отличался ярой ненавистью къ старому своему идолу—идеализму. Второй философски растрачивалъ

посѣтителями Соколова. Совсѣмъ не праздно жили и хозяева дачи въ этомъ водоворотѣ гостей и наѣзжихъ со всѣхъ сторонъ, какъ могло показаться съ начала. Такъ, Г. печаталъ и продолжалъ свои письма объ изученіи природы; Грановскій приготовлялся къ новой, второй серіи публичныхъ своихъ лекцій; Кетчеръ переводилъ Шекспира упорно. Иногда онъ на цѣлые дни пропадалъ изъ Соколова, въ грязной, сѣрой блузѣ, и захвативъ только съ собой кусокъ хлѣба. Онъ тогда бродилъ по лѣсамъ, окружавшимъ Москву, и однажды встрѣчилъ тамъ истощеннаго бѣглаго солдата, съ пораненой ногой, который не очень дружелюбно посмотрѣлъ на него. Кетчеръ вынулъ у него занозу изъ ноги, перевязалъ рану и отдалъ ему свой кусокъ хлѣба. Когда туземное и пришлое населеніе Соколова собиралось въ сходку, на какомъ-либо изъ его форумовъ (кромѣ многолюдныхъ обѣдовъ Соколова, такимъ форумомъ служила еще и круглая площадка въ глубинѣ парка, обнесенная великолѣпными липами), то разговоры, пренія, разсказы, происходившіе на этихъ форумахъ, отражая все многообразіе характеровъ, умовъ и настроеній, носили еще одинъ общій тонъ, который и былъ господствующимъ тономъ всѣхъ бесѣдъ этой эпохи.

Политическихъ разговоровъ, въ прямомъ смыслѣ слова, на этихъ импровизированныхъ академіяхъ, почти никогда не происходило. Тогдашняя публичная жизнь снабжала только людей юмористическими анекдотами и покамѣсть ничего болѣе не давала. Собственно же основные принципы, управлявшіе обществомъ —вовсе и не затрогивались. Разсуждать о нихъ считалось дѣломъ праздным, и говорить о нихъ начинали тогда, когда въ примѣненіи своемъ они достигали или комическаго, или трагическаго абсурда. До тѣхъ поръ это были явленія для всѣхъ, давно отпѣтыя и похороненныя. Вспоминали о нихъ особенно, когда настояла

остатки своего, нѣкогда громаднаго, состоянія и очень солиднаго здоровья. Впрочемъ, скандалёзные анекдоты Панаева объ обоихъ не вполнѣ передавали ихъ нравственное содержаніе, потому что первый, Боткинъ, съѣздивъ въ Испанію, подарилъ русскую публику замѣчательно-умнымъ и картиннымъ описаніемъ страны, а второй, О., возвратясь на родину въ 1846, производилъ такое сильное обаяніе своей поэтической личностью, что сдѣлался почти чѣмъ-то въ родѣ директора совѣсти — directeur de conscience — въ двухъ семьяхъ—у Г. и у Н. А. Тучкова. Дамы обѣихъ семей увивались написанными имъ тогда поэтически-философскими и соціально-скорбными стихотвореніями „Монологи"—да и мужская половина семей, какъ оказалось впослѣдствіи, поддала вліянію поэта не менѣе женской. Тайна этого обаянія заключалась въ какой-то апатической, лѣнивой нервозности характера, позволявшей О. постепенно достигать крайнихъ границъ, какъ въ жизни, такъ и въ мысли, и уживаться, страдая, со всѣми самыми невозможными положеніями, легко, какъ у себя дома.

надобность ускользнуть изъ когтей того или другого изъ мертвецовъ, ходившихъ по землѣ, и пускавшагося неожиданно преслѣдовать живыхъ людей. Взамѣнъ, на первомъ планѣ стояли европейскія дѣла, ученія, открытія: они и составляли господствующую ноту въ разговорахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проходила еще другая красная нитка черезъ всю многообразную сѣть узоровъ свободной бесѣды въ Соколовѣ. Она-то и давала предчувствіе объ общемъ происхожденіи и родствѣ всѣхъ мнѣній и мыслей, тамъ высказывавшихся, несмотря на частую ихъ противоположность. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ Соколовѣ не позволялось только одного — быть ограниченнымъ человѣкомъ. Не то, чтобъ тамъ требовались непремѣнно эффектныя рѣчи и проблески блестящихъ способностей вообще — наоборотъ, труженики, поглощенные исключительно своими спеціальными занятіями чествовались тамъ очень высоко — но необходимъ былъ извѣстный уровень мысли и нѣкоторое достоинство характера. Воспитанію мысли и характера въ людяхъ и посвящены были всѣ бесѣды круга, о чемъ бы они въ сущности ни шли, что и давало имъ ту однообразную окраску, о которой говорено. Еще одна особенность: кругъ берегъ себя отъ соприкосновенія съ нечистыми элементами, лежавшими въ сторонѣ отъ него, и приходилъ въ безпокойство при всякомъ, даже случайномъ и отдаленномъ, напоминовеніи о нихъ. Онъ не удалялся отъ свѣта, но стоялъ особнякомъ отъ него — потому и обращалъ на себя вниманіе, но вслѣдствіе именно этого положенія въ средѣ его развилась особенная чуткость ко всему искусственному, фальшивому. Всякое проявленіе сомнительнаго чувства, лукаваго слова, пустой фразы, кривого завѣренія угадывались имъ тотчасъ и вездѣ, гдѣ появлялись, вызывали бурю насмѣшекъ, иронiи, безпощадныхъ обличеній. Соколово не отставало въ этомъ отношеніи отъ общаго правила. Вообще говоря, кругъ этотъ, важнѣйшіе представители котораго на время собрались теперь въ Соколовѣ, походилъ на рыцарское братство, на воюющій орденъ, который не имѣлъ никакого письменнаго устава, но зналъ всѣхъ своихъ членовъ, разсѣянныхъ по лицу пространной земли нашей, и который все-таки стоялъ, по какому-то соглашенію, никѣмъ въ сущности не возбужденному — поперекъ всего теченія современной ему жизни, мѣшая ей вполнѣ разгуляться, ненавидимый одними и страстно любимый другими.

XXVII.

Исторія послѣдовавшихъ вскорѣ внутреннихъ разногласій «западной» партіи достойна не менѣе вниманія, чѣмъ и исторія ея возникновенія и вліянія въ обществѣ. За протестомъ московскихъ друзей противъ исключительнаго европеизма Бѣлинскаго послѣдовалъ расколъ въ самомъ московскомъ отдѣлѣ западниковъ. Оба главнѣйшіе его представителя, Г. и Грановскій, разошлись по вопросамъ, возникшимъ въ концѣ-концовъ на почвѣ той самой западной цивилизаціи, явленіями которой они такъ занимались. Толчокъ къ новому подраздѣленію партіи дали уже идеи соціализма и связанный съ ними переворотъ въ способѣ относиться къ метафизическимъ представленіямъ. Самые первые проблески этого разногласія между друзьями оказались опять въ Соколовѣ, хотя разгаръ спора, со всѣми его послѣдствіями, относится уже къ слѣдующему, 1846 году. Позволяю себѣ остановиться теперь же на этой подробности, которая, въ различныхъ видахъ и формахъ, повторялась и во многихъ другихъ кружкахъ и отдѣлахъ нашего «западничества».

Кому неизвѣстно, что собственно *русскій* соціализмъ, или то, что́ можно назвать народными экономическими представленіями, заключался въ очень ясныхъ и узкихъ границахъ, состоя изъ ученія объ общинномъ и артельномъ началахъ, т.-е. изъ ученія о владѣніи и пользованіи сообща орудіями производства. Въ этомъ скромномъ, ограниченномъ видѣ, данномъ всей нашей исторіей, *русскій* соціализмъ и былъ поставленъ впервые на видъ славянофилами, съ прибавкой однакожъ, что онъ можетъ служить не только образцомъ экономическаго устройства для всякой сельской и ремесленной промышленности, но и примѣромъ сочетанія христіанской идеи съ потребностями внѣшняго, матеріальнаго существованія. На эту-то прибавку именно западники наши и не согласились: они отвергали ее самымъ положительнымъ образомъ, признавая, что русская община спасаетъ интересы народа въ настоящую минуту и даетъ ему средство бороться съ несчастными обстоятельствами, его окружающими, но за общиннымъ владѣніемъ они не признавали никакого всесвѣтнаго экономическаго принципа, который могъ бы быть годенъ для всякаго хозяйства. Временное значеніе артели и общины западники подтверждали примѣромъ точно такихъ же установленій, являвшихся у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и думали, что съ развитіемъ свободы и благосостоянія русскій народъ и самъ покинетъ эту

форму труда и общежитія. Убѣжденія эти принадлежали и современной имъ политико-экономической наукѣ, которая, вмѣстѣ съ ними, признавала общинный порядокъ производства цѣнностей и равномѣрнаго распредѣленія земли и орудій труда не болѣе какъ мѣропріятіемъ противъ голода со стороны нищенствующаго, младенчествующаго народнаго быта, и не позволяла питать никакихъ надеждъ на пріобрѣтеніе имъ въ будущемъ какого-либо политическаго или экономическаго значенія. Въ такомъ видѣ представлялся западникамъ «русскій соціализмъ». Совсѣмъ въ другой формѣ явился передъ ними новый «европейскій соціализмъ». Начать съ того, что онъ открывалъ блестящія перспективы во всѣ стороны и развертывалъ передъ глазами лучезарную, фантастически-освѣщенную даль, которой и границъ не было видно. Какъ уже было сказано, европейскія соціальныя теоріи изучались тогда очень прилежно, но изъ самыхъ теорій этихъ получались только, болѣе или менѣе хорошо связанныя и размѣщенныя, коллекціи неожиданныхъ, изумляющихъ и подавляющихъ афоризмовъ. Европейскій соціализмъ того времени не стоялъ еще на практической и научной почвѣ, а только разработывалъ покамѣстъ нѣчто въ родѣ «видѣній» изъ будущаго строя общественной жизни, которую онъ самъ рисовалъ по своему произволу. Существенной частію его содержанія была ожесточенная критика всѣхъ экономическихъ уставовъ и дѣйствующихъ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, которая служила ему способомъ очистить самому себѣ мѣсто въ умахъ: она и давала ему сильно-намѣченный, боевой характеръ. И въ какихъ энергическихъ словахъ выразился этотъ характеръ! Уже не говоря о пресловутомъ восклицаніи Прудона—la propriété c'est le vol, —о не менѣе знаменитомъ изреченіи портного Вейтлинга—«намъ предоставленъ только одинъ видъ свободнаго труда—грабежъ»,—сколько было еще другихъ, тоже ослѣпляющихъ и оглушающихъ тезисовъ тогдашняго молодого соціализма, надъ которыми приходилось работать его неофитамъ: «Торговля и сословіе купцовъ, ею созданное, не что иное, какъ паразиты въ экономической жизни народовъ»;—«результаты *коллективнаго* труда рабочихъ достаются даромъ патрону, который всегда оплачиваетъ только единичный трудъ»;—«правильная ассоціація распредѣляетъ работу по силамъ каждаго, а вознагражденіе по нуждамъ его»;—«способности рабочаго не даютъ ему права на большую долю вознагражденія, будучи сами даромъ случая»;—«искусство и талантъ суть уродливости нравственнаго міра, схожія съ уродливостями физическими, и никакой оцѣнки и оплаты не заслужи-

ваютъ»;—«рабочій имѣетъ такое же право на произведенную имъ цѣнность, какъ и заказчикъ ея»;—«цивилизація Европы есть прямое порожденіе праздныхъ ея сословій» — и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я привелъ здѣсь только тезисы и положенія новаго соціализма, какія попали подъ перо, но ихъ было множество, и всѣ они раздражали воображеніе гораздо болѣе, чѣмъ цѣлыя системы этого же направленія, въ родѣ системъ Сенъ-Симона или Фурье, такъ какъ у перваго іерархическій характеръ ученія, а у второго искусственная гармонія темпераментовъ и психическихъ серій — возбуждали многими своими сторонами недоумѣніе и юморъ. При афоризмахъ же и тезисахъ «воюющаго» соціализма—наоборотъ — никто и не предъявлялъ требованій на очевидность и убѣдительность доказательствъ. Сила этихъ громоносныхъ положеній заключалась не въ ихъ логической неотразимости, не во внутренней ихъ правдѣ, а въ томъ, что они возвѣщали какой-то новый порядокъ дѣлъ и какъ будто бросали полосы свѣта въ темную даль будущаго, открывая тамъ неизвѣстныя, счастливыя области труда и наслажденія, о которыхъ всякій судилъ по впечатлѣнію, полученному въ короткое мгновеніе той или другой изъ подобныхъ вспышекъ. Эти *прозрѣнія* въ будущее, однакожъ, дѣйствовали чрезвычайно различно на людей самаго круга. Грановскій, напримѣръ, нисколько не обольщался ими.

Признавая европейскій соціализмъ явленіемъ, которое уже не можетъ быть оставлено безъ вниманія ни историкомъ, ни вообще мыслящимъ человѣкомъ, онъ смотрѣлъ на него, какъ на болѣзнь вѣка, тѣмъ болѣе опасную, что она не ждетъ и не ищетъ помощи ни откуда. «Соціализмъ,—говорилъ онъ,—чрезвычайно вреденъ тѣмъ, что пріучаетъ отыскивать разрѣшеніе задачъ общественной жизни не на политической аренѣ, которую презираетъ, а въ сторонѣ отъ нея, чѣмъ и себя, и ее подрываетъ». Иначе отнеслись къ нему Г. и Бѣлинскій.

Воинственные манифесты соціализма, возвѣщавшіе истребительный походъ его на европейскую цивилизацію, не приводили ихъ въ ужасъ. Конечно, ни у того, ни у другого, не было и помина объ усвоеніи всѣхъ его предписаній или о превращеніи всѣхъ его претензій въ догматы собственной своей «вѣры» (это было бы и нелѣпо въ ихъ обстановкѣ). Многіе изъ нивеллирующихъ декретовъ соціализма даже казались и имъ юношескими вспышками, но они смотрѣли гораздо бодрѣе, хладнокровнѣе, и спокойнѣе, чѣмъ Грановскій, на участь современной образованности, если бы она и должна была потерпѣть нѣкоторый ущербъ. А въ томъ, что образованности этой предстоитъ не

малое испытаніе — уже никто не сомнѣвался: тогда во всей Европѣ думали, что съ соціализмомъ надвинется на нее свирѣпый ураганъ, долженствующій потрясти всѣ такъ долго и такъ трудно нажитыя ею вѣрованія, убѣжденія, привычки, мысли и историческія основы. Разница въ способахъ относиться къ этимъ предчувствіямъ переворота именно и образовала ту *рознь* въ московскомъ кружкѣ, о которой теперь говоримъ. Г. былъ заодно съ Бѣлинскимъ, и они оба смотрѣли прямо и открыто въ лицо всѣмъ симптомамъ разложенія, грозившимъ, по ихъ мнѣнію, Европѣ со стороны соціализма, не призывая, но и не ужасаясь развалинъ, которыя онъ долженъ произвести. Они думали, что изъ пепла старой цивилизаціи Европы возникнетъ фениксъ— новый порядокъ вещей, какъ вѣнецъ и послѣднее слово ея тысячелѣтняго развитія.

Всѣ предчувствія переворота, напротивъ, тревожили Грановскаго въ высшей степени, и самый переворотъ, какъ онъ представлялся его уму, не вызывалъ у него ни малѣйшей симпатіи, никакихъ радужныхъ надеждъ или ожиданій. Разногласіе между друзьями было, какъ видимъ, совершенно невиннаго характера, не имѣя въ основаніи своемъ ничего, кромѣ предположеній и гаданій, но оно сопровождалось еще ироніями и диспутами, обнаруживавшими взгляды сторонъ и на другіе предметы нравственнаго характера. Разъ затянувшись, споръ уже поддерживался множествомъ горючихъ элементовъ, прибывавшихъ къ нему со стороны, изъ ученыхъ и другихъ явленій тогдашней жизни.

Однимъ изъ такихъ горючихъ матеріаловъ должно считать, между прочимъ, хорошо извѣстную книгу Фейербаха, которая находилась тогда во всѣхъ рукахъ. Можно сказать, что нигдѣ книга Фейербаха не произвела такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ въ нашемъ «западномъ» кругѣ, нигдѣ такъ быстро не упраздняла остатки всѣхъ прежнихъ, предшествовавшихъ ей, созерцаній. Г., разумѣется, явился горячимъ истолкователемъ ея положеній и заключеній, связывая, между прочимъ, открытый ею переворотъ въ области метафизическихъ идей съ политическимъ переворотомъ, который возвѣщали соціалисты, въ чемъ Г. опять сходился съ Бѣлинскимъ [1]). Но Грановскій съ горечью

---

[1]) Кстати замѣтить еще фактъ. Для Бѣлинскаго собственно былъ сдѣланъ въ Петербургѣ, однимъ изъ пріятелей, переводъ нѣсколькихъ главъ и важнѣйшихъ мѣстъ изъ книги Фейербаха—и онъ могъ, такъ-сказать, осязательно познакомиться съ процессомъ критики, опрокидывавшей его старые мистическіе и философскіе

въ душѣ, уже тронутой сомнѣніями, отбивался отъ того послѣдняго слова, которое требовали у него друзья по поводу всѣхъ подобныхъ явленій и не говорилъ его, силясь сохранить подъ собой историческую, конкретную основу существованія, подмываемую со всѣхъ сторонъ. Онъ начиналъ расходиться съ собственнымъ кругомъ, съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ, по собственнымъ словамъ его, заложены были цѣликомъ его сердце и вся нравственная часть его существованія. Охлажденіе и разногласіе между друзьями уже существовало втайнѣ прежде, чѣмъ вышло наружу. Уже въ Соколовѣ, Грановскій сказалъ разъ при мнѣ, шутя отпрашиваясь у общества въ Москву для свиданія съ другими пріятелями, тамъ оставшимися и преимущественно съ домомъ Елагиныхъ: «Мнѣ это нужно, чтобы не совсѣмъ загрубѣть между вами—вотъ вы вѣдь успѣли уже лишить меня безсмертія души». Слова эти, несмотря на шуточный ихъ характеръ, поразили меня тогда же, какъ разоблаченіе. Черезъ годъ, именно въ 1846 г., рѣшеніе Грановскаго было принято окончательно. Г. разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ», что Грановскій однажды положительно объявилъ ему, послѣ какого-то горячаго пренія между ними, что онъ, Грановскій, не можетъ дальше идти съ прежними своими товарищами въ томъ направленіи, какое все болѣе и болѣе усвоется ими, и изъ котораго онъ не видитъ никакого разумнаго выхода; что онъ принужденъ, съ болью въ душѣ, выдѣлиться изъ дорогого ему круга, по многимъ религіознымъ, нравственнымъ и историческимъ вопросамъ, и заявить это твердо и искренно. Г. былъ пораженъ: онъ терялъ друга—и какого друга! — своей молодости, да и видѣлъ еще, съ какой глубокой печалью на лицѣ и какимъ голосомъ Грановскій представилъ свой ультиматумъ! Изумленный и растерянный, Г. обратился тогда же за разъясненіемъ дѣла, а если можно то и за посредничествомъ, къ Е. Ѳ. Коршу, но онъ встрѣтилъ у него уклончивый отвѣтъ, который показывалъ, что не всѣ члены круга расположены смотрѣть на заявленіе Грановскаго, какъ на минутную или капризную вспышку. Евг. Коршъ не одобрялъ крутой постановки вопроса, какую сдѣлалъ Грановскій, но изъ объясненій его можно было догадаться, что самъ Коршъ признавалъ однако основательность поводовъ, которые понудили Грановскаго къ его заявленію. Разрывъ пріобрѣталъ значеніе несомнѣннаго

идолы. Нужно ли прибавлять, что Бѣлинскій былъ пораженъ и оглушенъ до того, что оставался совершенно нѣмъ передъ нею и утерялъ способность предъявлять какіе-либо вопросы отъ себя, чѣмъ всегда такъ отличался.

факта и требовалъ, подобно перелому кости въ организмѣ, наложенія на первыхъ порахъ перевязки и предоставленія затѣмъ живительному дѣйствію времени — произвесть срастаніе члена. Такъ и было сдѣлано. Полнаго, совершеннаго исцѣленія однако же не послѣдовало между надломленными членами кружка. А, между тѣмъ, я былъ свидѣтелемъ, что до конца жизни ни Грановскій, ни Г., ни Бѣлинскій, не могли говорить другъ о другѣ безъ умиленія и глубокаго сердечнаго чувства.

XXVIII.

Что же дѣлалъ Бѣлинскій за все это время? Въ концѣ лѣта этого года (1845) Бѣлинскій жилъ на дачѣ, на Парголовской дорогѣ, противъ сосноваго лѣска, окружавшаго озеро Парголовское. Мы туда и ушли съ Бѣлинскимъ, когда, по прибытіи въ Петербургъ, я пріѣхалъ навѣстить его и переговорить о всемъ, что видѣлъ за лѣто. Я ему передалъ подробности впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ пребыванія въ Соколовѣ. Онъ выслушалъ внимательно мое сочувственное описаніе тамошнихъ дѣлъ и словъ, и промолвилъ: «Да, московскій человѣкъ—превосходный человѣкъ, но кромѣ этого онъ, кажется, ничѣмъ болѣе не сдѣлается».

Бѣлинскій оставался теперь почти одинъ со знаменемъ и девизомъ непримиримой вражды. Онъ считалъ своей обязанностью еще выше держать это знамя на показъ съ тѣхъ поръ, какъ ряды его защитниковъ стали разстроиваться. Не безъ огорченія смотрѣлъ Бѣлинскій на сближеніе враждебныхъ партій въ Москвѣ, —сближеніе, которое сдѣлалось возможнымъ, какъ онъ думалъ, только потому, что одна партія не вполнѣ договаривала свою мысль и не вполнѣ обнаруживала свои конечныя цѣли, а другая — западническая, непомѣрно обрадовалась сочувственному слову и съ закрытыми глазами предалась обычному своему наслажденію — кидаться на шею врагамъ и поскорѣе сажать ихъ за одинъ столъ съ собою. Причины разладицы увеличивались все болѣе и болѣе между друзьями: въ борьбѣ съ славянофилами, Бѣлинскому приходилось задѣвать и всѣхъ ихъ союзниковъ, старыхъ и новыхъ. Недоразумѣнія копились поэтому въ лагерѣ западниковъ почти при всякомъ обмѣнѣ мыслей между старыми друзьями. Сберегласъ въ цѣлости только одна черта въ ихъ обычныхъ сношеніяхъ. Друзья не скупились на взаимныя обличенія и жестокіе упреки, когда стояли лицомъ другъ къ другу, и обращались тот-

часъ же въ прежнихъ друзей и вѣрныхъ товарищей, когда замолкали или расходились по домамъ. Беречь свои симпатіи, нажитыя въ теченіи долгаго времени, становилось тогда для всѣхъ необходимостью, нисколько не мѣшавшей каждому настаивать на своихъ убѣжденіяхъ и ихъ проводить въ свѣтъ.

Бѣлинскій приступилъ тотчасъ же, съ обычной своей страстностью и искренностью, къ опредѣленію и уясненію пунктовъ разногласія, образовавшихся между московскими и петербургскими западниками. Прежде всего, онъ отнесся скептически и насмѣшливо къ серьёзнымъ минамъ, съ которыми ученые въ Москвѣ разбираютъ вопросы русской жизни, перенося ихъ на почву науки, философіи, философствующей исторіи и проч. По его мнѣнію, вопросы эти не нуждаются въ такой пышной обстановкѣ и могутъ разрѣшиться очень простыми, не хитрыми и не мудреными мѣрами и принципами, доступными каждому, самому простому пониманію. Такъ же точно и по отношенію литературы къ образованнымъ классамъ общества Бѣлинскій думалъ, что послѣдніе нуждаются скорѣе въ правильномъ устройствѣ ихъ образа мыслей, чѣмъ въ знаніи послѣднихъ результатовъ европейской науки. Первое наглядное приложеніе этой системы отрицанія дальнихъ разъясненій и глубокомысленныхъ упражненій въ сферѣ идей, Бѣлинскій сдѣлалъ тотчасъ же на письмахъ Г. объ изученіи природы, которыя стали появляться тогда же въ «Отечественныхъ Запискахъ». Онъ признавалъ, что какъ положенія, такъ и цѣли этихъ чрезвычайно умныхъ статей въ высшей степени важны, но не признавалъ возможности извлечь изъ откровеній естествознанія моральныхъ и воспитательныхъ указаній, нужныхъ особенно для русскихъ читателей, большинство которыхъ еще не обзавелось органомъ для пониманія первыхъ нравственныхъ началъ: «И какимъ отвлеченнымъ, почти тарабарскимъ языкомъ написаны эти статьи, — говорилъ Бѣлинскій,—точно Г. составилъ ихъ для своего удовольствія. Если я могъ понять въ нихъ что-нибудь, такъ это потому, что имѣю за собой десятокъ несчастныхъ лѣтъ колобродства по нѣмецкой философіи,—но не всякій обязанъ обладать такимъ преимуществомъ!»

Несомнѣнно, что въ такихъ и имъ подобныхъ заявленіяхъ Бѣлинскаго сквозило желаніе имѣть дѣло съ общественной литературой, занимающейся насущными вопросами дня, съ популярнымъ изложеніемъ научныхъ и моральныхъ истинъ (онъ вздыхалъ по литературѣ этого рода и въ одномъ изъ тогдашнихъ своихъ годичныхъ обозрѣній словесности), но все-таки основанія

его приговора казались очень жесткими. Они лишали интеллигентныхъ людей эпохи послѣдняго убѣжища отъ пустоты жизни, какое они еще находили въ наукѣ и въ отвлеченной постановкѣ вопросовъ. Они отнимали единственную арену, на которой дозволялось проявленіе мысли. Способствовать уничтоженію этой арены или умаленію ея значенія въ публикѣ, значило просто, по мнѣнію противниковъ Бѣлинскаго, играть за-одно и въ руку съ обскурантами. Въ Москвѣ смотрѣли на эту оппозицію Бѣлинскаго эрудиціи и чистому мышленію, какъ на громадную ошибку увлекающагося критика и, вдобавокъ, какъ на плохой разсчетъ. Нельзя вызвать,—говорили тамъ, популярную пропаганду науки, закрывая или подрывая настоящіе источники самой науки, принуждая или отстраняя ея дѣятелей и замѣщая нынѣшнія условія умственной жизни одними упреками, страстными призывами и пожеланіями лучшаго, тщета которыхъ должна быть ясна самому вспыльчивому критику еще болѣе, чѣмъ кому-либо иному. Такъ расходились московскіе западники все далѣе и далѣе отъ центра западничества, образованнаго Бѣлинскимъ въ Петербургѣ.

Помню любопытную сцену, приходящуюся къ этому же времени: я былъ случайнымъ свидѣтелемъ ея. П. Н. Кудрявцевъ, проѣзжая въ Берлинъ, куда посылался для окончанія своего профессорскаго образованія, посѣтилъ, разумѣется, въ Петербургѣ Бѣлинскаго, этого пріятеля молодыхъ своихъ годовъ, который въ авторѣ «Флейты» находилъ когда-то идеалъ природнаго эстетическаго вкуса и пониманія. Но встрѣча ихъ теперь оказалась въ высшей степени сдержанной, холодной и напряженной — и, конечно, по ней трудно было бы догадаться о родственныхъ связяхъ, нѣкогда существовавшихъ между этими людьми. Кудрявцевъ являлся точнымъ представителемъ московскаго взгляда на теперешнюю дѣятельность петербургскаго критика, и весь ходъ разговора, завязавшагося между старыми друзьями, ясно показывалъ, что тутъ лежитъ, въ скрытой формѣ, довольно сильно назрѣвшій раздоръ. Какъ теперь смотрю на высокую фигуру П. Н. Кудрявцева, въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами: онъ опрокинулся на кресло въ пріемной-столовой Бѣлинскаго и останавливалъ порывы своего собесѣдника отрывочными, холодными фразами, которыя, будучи сказаны обычнымъ глухимъ голосомъ его и при каменномъ выраженіи на его лицѣ, падали, какъ судейскіе приговоры. Бѣлинскій выбралъ опять статьи Г. для того, чтобы черезъ нихъ переслать упреки московскимъ людямъ за ихъ абстрактныя отношенія и къ жизни, и къ

наукѣ. Кудрявцевъ отвѣчалъ коротко: «Безъ абстракцій нельзя обойтись при многихъ научныхъ вопросахъ — за это надо сердиться на логическую необходимость, а не на людей». Напрасно Бѣлинскій старался развить мысль о необходимости предпочтенія тѣхъ научныхъ положеній, которыя наиболѣе приложимы къ современному быту, и о необходимости трактованія этихъ положеній наиболѣе понятнымъ для читателей образомъ,—Кудрявцевъ отвѣчалъ: «Что за іерархія такая въ наукахъ? Отвлеченныя науки такъ же необходимы, какъ и политическія, и другъ другу помогаютъ. Почему не заниматься тѣми, съ которыми болѣе знакомъ, и въ формѣ, которая болѣе сподручна?» Въ такомъ тонѣ шла бесѣда нѣкоторое время. Весь пылъ Бѣлинскаго, однако, не могъ долго выдержать этого рѣшительнаго отвода всѣхъ его положеній,—отвода, повидимому, очень спокойнаго, но въ сущности—весьма гнѣвнаго и непріязненнаго. Бесѣда падала сама собой, и старые друзья хладнокровно разстались, обмѣниваясь самыми пошлыми вопросами на прощаніи, точно посторонніе. Устами Кудрявцева говорила извѣстная часть московскаго университета.

И тотъ же самый П. Н. Кудрявцевъ черезъ годъ, когда я посѣтилъ его уже въ Берлинѣ, при мнѣ очень сурово и рѣшительно остановилъ нѣкоего г. С—ва, ученика и поклонника Шеллинга, но только очень низкой пробы, когда тотъ вздумалъ, очертя голову, ругать Бѣлинскаго огуломъ. Надо знать, что С—въ предлогомъ для своихъ ругательствъ взялъ неблагопріятный отзывъ о Шеллингѣ гдѣ-то высказанный Бѣлинскимъ (кажется, въ статьѣ о «Тарантасѣ» графа Соллогуба), а самъ Кудрявцевъ въ то время состоялъ подъ неотразимымъ вліяніемъ Шеллинговой «Философіи Откровенія» и говорилъ о ней съ упоеніемъ, что не помѣшало ему, какъ сказано, круто отнять слово у своего единомышленника. Но такъ почти всегда дѣйствовали противники Бѣлинскаго, да и онъ самъ, принадлежавшіе къ особому, теперь уже вымершему, роду противниковъ.

Не болѣе злобы и ожесточенія сохранилъ и Г., знавшій отзывъ критика о его статьяхъ и упоминавшій объ этихъ отзывахъ потомъ не разъ. «Чудакъ этотъ,—говорилъ онъ,—изволитъ находить, что трудно выказать болѣе ума и дѣльнаго взгляда на предметъ въ болѣе темныхъ выраженіяхъ, но онъ забываетъ, что иначе никакого ума и взгляда на русскомъ языкѣ и показать нельзя». Впрочемъ, Г. скоро былъ съ избыткомъ вознагражденъ за строгіе приговоры критика. Вслѣдъ за письмами объ изученіи природы, появились въ «Отечествен. Запискахъ» первыя главы извѣстнаго романа Г., и авторъ имѣлъ тотчасъ же

удовольствіе видѣть, какъ внезапно перемѣнились всѣ отношенія Бѣлинскаго къ его авторской дѣятельности. Бѣлинскій пришелъ отъ начальныхъ главъ романа въ положительный восторгъ, который возрасталъ по мѣрѣ развитія повѣсти. Критикъ нашъ, конечно, не просмотрѣлъ романтическаго колорита, который положенъ былъ на главныя дѣйствующія лица романа, но отношенія самого автора повѣсти къ своимъ лицамъ, горькая правда, съ которой онъ излагаетъ ихъ порывы и мечтанія, не исключающая, впрочемъ, и глубокаго сочувствія къ нимъ, а наконецъ — картина поучительной житейской драмы, возникающая изъ фальшивыхъ общественныхъ ихъ положеній,—все это поразило критика, почти какъ неожиданность. Онъ многаго ожидалъ отъ лучезарнаго ума Г., но такого мастерства «сочиненія» не ожидалъ. «Вотъ гдѣ его сила,—говорилъ онъ,—вотъ гдѣ онъ на-просторѣ, и вотъ какая арена ему открылась для богатырскихъ литературныхъ упражненій, къ которымъ онъ склоненъ». Г. былъ тронутъ этимъ неожиданнымъ успѣхомъ своего романа, переломившимъ сухое настроеніе критика. «Виссаріонъ Григорьевичъ,—замѣчалъ онъ потомъ шутя, но очень довольный приговоромъ,—гораздо болѣе любитъ наши сказочки, чѣмъ наши трактаты, да онъ и правъ. Въ трактатахъ мы безпрестанно переодѣваемся отъ надзора и раскланиваемся любезно съ каждымъ буточникомъ, а въ сказкѣ ходимъ гордо, и никого знать не хотимъ, потому что въ карманѣ плакатный билетъ имѣемъ: чинить ей пропуски, давать ночлеги и кормежные». Г. подтвердилъ свое воззрѣніе на «сказку», да оправдалъ и пророчество Бѣлинскаго, напечатавъ въ 1847 г. («Современникъ», 1847 года) такъ-называемыя «Записки» и т. д. (о душевныхъ болѣзняхъ вообще, и проч.). Это была тоже сказка, но—сказка, захватывавшая глубокіе психологическіе и соціальные вопросы.

Была, однако-жъ, и еще причина для этихъ симпатическихъ изліяній Бѣлинскаго, кромѣ той, которая порождалась самымъ литературнымъ достоинствомъ произведенія Г.: Бѣлинскій склонялся все болѣе къ признанію важнаго значенія, такъ-называемой, беллетристики, разнообразной, умной, цѣпкой беллетристики, какая существуетъ во всѣхъ странахъ Европы, образуя въ нихъ такой же существенный элементъ общественнаго развитія, какъ и художественныя произведенія, и часто служа пособіемъ для ихъ пониманія. Со стороны Бѣлинскаго этотъ вводъ новаго дѣятеля въ область искусства и это снабженіе его патентомъ на право гражданства въ ней не было измѣной старымъ положеніямъ критика 1840—1845 гг., а только дополненіемъ ихъ.

«Великія, образцовыя произведенія искусства и науки,—говорилъ онъ,—были и останутся единственными пояснителями всѣхъ вопросовъ жизни, знанія и нравственности, но до появленія такихъ произведеній, заставляющихъ иногда ждать себя по-долгу, беллетристика — дѣло необходимое. Въ эти долгіе промежутки она предназначена занимать, питать и поддерживать умы, которые безъ нея обречены были бы на праздность или на повтореніе старыхъ образцовъ и преданій». Желать возникновенія беллетристики, не придавая ей значенія послѣдняго судьи всѣхъ современныхъ задачъ—значило для него только желать обмѣна идей и сбора необходимаго матеріала для разрѣшенія этихъ задачъ уже путемъ науки и творчества, когда наступитъ ихъ время. Зачатки такой беллетристики Бѣлинскій усмотрѣлъ именно въ вышеупомянутомъ романѣ Г., что̀ однажды и высказалъ публично въ разборѣ его, не придавая ему художническаго значенія, но ставя его высоко, какъ произведеніе умнаго, наблюдательнаго и развитаго человѣка.

Какую скромную роль ни отводилъ еще Бѣлинскій беллетристикѣ вообще въ литературѣ, но ходатайство за нея и предъявленіе ею правъ на вниманіе—показались еще многимъ ересью. Ново и дико было то, что критикъ признавалъ учителями общества уже не одни геніальные или очень крупные таланты, какъ прежде, а и всю безымянную массу литераторовъ и дѣятелей, разработывающихъ вопросы жизни и времени, по мѣрѣ силъ своихъ и пониманія. Первая, усмотрѣвшая новое направленіе Бѣлинскаго, была, конечно, очень чуткая къ видоизмѣненіямъ его мысли—славянофильская партія. Она объявляла все ученіе о беллетристикѣ прославленіемъ публичной «болтовни», приниженіемъ серьёзныхъ тружениковъ въ пользу «горлановъ». Мнѣ самому приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ — и не безвѣстныхъ — лицъ этой партіи замѣчаніе, что поставленіе беллетристики на одну доску съ поэтическимъ трудомъ похоже на оскорбленіе «святого духа».

Московскимъ умѣреннымъ западникамъ новая пропаганда Бѣлинскаго не показалась ни очень новой, ни такой страшной для дѣла образованія: они знали участіе беллетристики въ созданіи общаго умственнаго строя современной Европы. Притомъ же, внутри круга жило убѣжденіе, что нападки враговъ Бѣлинскаго порождены просто недоразумѣніемъ, у многихъ даже и сознательнымъ, ибо преслѣдователемъ художественности, чистаго творчества и серьёзнаго труда нельзя было его и представить себѣ. И они были правы, какъ доказалъ восторгъ Бѣлинскаго

при появленіи въ томъ же 1845 году, еще въ рукописи, «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго, которыхъ онъ считалъ, на первыхъ порахъ, замѣчательнымъ художническимъ произведеніемъ.

XXIX.

Въ одно изъ моихъ посѣщеній Бѣлинскаго, передъ обѣдомъ, когда онъ отдыхалъ отъ утреннихъ писательскихъ работъ, я со двора дома увидѣлъ его у окна гостиной, съ большой тетрадью въ рукахъ и со всѣми признаками волненія на лицѣ. Онъ тоже замѣтилъ меня и прокричалъ: «Идите скорѣе, сообщу новость»... «Вотъ отъ этой самой рукописи,—продолжалъ онъ, поздоровавшись со мною,—которую вы видите, не могу оторваться второй день. Это—романъ начинающаго таланта: каковъ этотъ господинъ съ виду и каковъ объемъ его мысли — еще не знаю, а романъ открываетъ такія тайны жизни и характеровъ на Руси, которыя до него и не снились никому. Подумайте, это первая попытка у насъ соціальнаго романа и сдѣланная притомъ такъ, какъ дѣлаютъ обыкновенно художники, т.-е. не подозрѣвая и сами, что́ у нихъ выходитъ. Дѣло тутъ простое: нашлись добродушные чудаки, которые полагаютъ, что любить весь міръ есть необычайная пріятность и обязанность для каждаго человѣка. Они ничего и понять не могутъ, когда колесо жизни со всѣми ея порядками, наѣхавъ на нихъ, дробитъ имъ молча члены и кости. Вотъ и все,—а какая драма, какіе типы! Да я и забылъ вамъ сказать, что художника зовутъ «Достоевскій», а образцы его мотивовъ представлю сейчасъ». И Бѣлинскій принялся съ необычайнымъ паѳосомъ читать мѣста, наиболѣе поразившія его, сообщая имъ еще бо́льшую окраску своей интонаціей и нервной передачей. Такъ встрѣтилъ онъ первое произведеніе нашего романиста [1]).

И этимъ еще не кончилось. Бѣлинскій хотѣлъ сдѣлать для молодого автора то, что́ онъ дѣлалъ уже для многихъ другихъ, какъ, напримѣръ, для Кольцова и Некрасова, т.-е. высвободить его талантъ отъ резонёрскихъ наклонностей и сообщить ему

---

[1]) Во время вторичнаго моего отсутствія изъ Россіи, въ 1846 году, почти такое же настроеніе охватило Бѣлинскаго, какъ разсказывали мнѣ, и съ рукописью „Обыкновенная исторія“ И. А. Гончарова — другимъ художественнымъ романомъ. Онъ съ перваго же раза предсказалъ обоимъ авторамъ большую литературную будущность, что́ было не трудно, но онъ еще предсказалъ, что потребуется имъ много усилій и много времени, прежде чѣмъ они наживутъ себѣ творческія идеи, достойныя ихъ таланта.

сильные, такъ-сказать, нервы и мускулы, которые помогли бы овладѣвать предметами прямо, съ-разу, не надрываясь въ попыткахъ, но тутъ критикъ встрѣтилъ уже рѣшительный отпоръ. Въ домѣ же Бѣлинскаго прочитанъ былъ новымъ писателемъ и второй его разсказъ: «Двойникъ»; это—сенсаціонное изображеніе лица, существованіе котораго проходитъ между двумя мірами —реальнымъ и фантастическимъ, не оставляя ему возможности окончательно пристроиться ни къ одному изъ нихъ. Бѣлинскому нравился и этотъ разсказъ по силѣ и полнотѣ разработки оригинально-странной тэмы, но мнѣ, присутствовавшему тоже на этомъ чтеніи, показалось, что критикъ имѣетъ еще заднюю мысль, которую не считаетъ нужнымъ высказать тотчасъ же. Онъ безпрестанно обращалъ вниманіе Достоевскаго на необходимость *набить руку*, что называется, въ литературномъ дѣлѣ, пріобрѣсти способность легкой передачи своихъ мыслей, освободиться отъ затрудненій изложенія. Бѣлинскій, видимо, не могъ освоиться съ тогдашней, еще расплывчатой манерой разсказчика, возвращавшагося поминутно на старыя свои фразы, повторявшаго и измѣнявшаго ихъ до безконечности, и относилъ эту манеру къ неопытности молодого писателя, еще не успѣвшаго одолѣть препятствій со стороны языка и формы. Но Бѣлинскій ошибся: онъ встрѣтилъ не новичка, а совсѣмъ уже сформировавшагося автора, обладающаго потому и закоренѣлыми привычками работы, несмотря на то, что онъ являлся, повидимому, съ первымъ своимъ произведеніемъ. Достоевскій выслушивалъ наставленія критика благосклонно и равнодушно. Внезапный успѣхъ, полученный его повѣстью, съ-разу оплодотворилъ въ немъ тѣ сѣмена и зародыши высокаго уваженія къ самому себѣ и высокаго понятія о себѣ, какія жили въ его душѣ. Успѣхъ этотъ болѣе чѣмъ освободилъ его отъ сомнѣній и колебаній, которыми сопровождаются обыкновенно первые шаги авторовъ: онъ еще принялъ его за вѣщій сонъ, пророчившій вѣнцы и капитоліи, а когда рѣшено было напечатать «Бѣдные люди» въ альманахѣ Некрасова «Петербургскій Сборникъ» (1846), авторъ совершенно спокойно, и какъ условіе, слѣдующее ему по праву, потребовалъ, чтобъ его романъ былъ отличенъ отъ всѣхъ другихъ статей книги особеннымъ типографскимъ знакомъ, напримѣръ—каймой. Романъ и былъ дѣйствительно обведенъ почетной каймой въ альманахѣ.

Впослѣдствіи изъ Достоевскаго вышелъ, какъ извѣстно, изумительный искатель рѣдкихъ, поражающихъ феноменовъ человѣческаго мышленія и сознанія, который одинаково прославился вѣрностію, цѣнностію, интересомъ своихъ психическихъ

открытій — и количествомъ обманныхъ образовъ и выводовъ, полученныхъ путемъ того же самаго тончайшаго хирургически-остраго, такъ сказать, психическаго анализа, какой помогъ ему создать и всѣ наиболѣе яркіе его типы. Съ Бѣлинскимъ онъ вскорѣ разошелся—жизнь развела ихъ въ разныя стороны, хотя довольно долгое время взгляды и созерцаніе ихъ были одинаковы.

Я не успѣлъ еще сказать, что двѣ зимы 1844 и 45 гг.—Петербургъ видѣлъ въ стѣнахъ своихъ и постояннаго своего антагониста Н. Кетчера. Н. Кетчеръ провелъ въ Петербургѣ эти зимы по служебнымъ дѣламъ своимъ и страшно скучалъ по родному своему городу, въ который и возвратился окончательно лѣтомъ 1845 г., гдѣ, какъ мы видѣли, я и засталъ его на дачѣ въ Соколовѣ. Въ Петербургѣ онъ занимался переводомъ съ нѣмецкаго какой-то терапевтической или фармацевтической книги, долженствовавшей служить руководствомъ для учебныхъ заведеній вѣдомства медицинскаго департамента, но поверхъ этой книги всегда лежали на письменномъ его столѣ томики Шекспира въ оригиналѣ и въ нѣмецкомъ текстѣ, и онъ свободно переходилъ отъ перевода учебной книги къ переложенію поэтическихъ созданій британскаго драматурга. Въ промежуткѣ между этими занятіями онъ посѣщалъ театръ и общество петербургскихъ актеровъ, которыхъ довольно своеобразно воспитывалъ, ругая почти все, что̀ имъ нравилось и на что̀ они возлагали большія надежды. Онъ иногда и собиралъ ихъ въ своей квартирѣ, на Владимірской. Тутъ я встрѣтилъ однажды и В. А. Каратыгина, бывшаго въ апогеѣ своей славы. Знаменитый трагикъ эпохи показался мнѣ нѣсколько нелѣпымъ со своимъ громаднымъ ростомъ, густымъ и глухимъ басомъ, величавымъ видомъ и тупо-сдержаннымъ и значительнымъ словомъ. По бѣшенству жестовъ, изысканности позъ и утрировкѣ выраженій онъ частенько бывалъ нелѣпъ и на сценѣ, но тутъ онъ выкупалъ эти недостатки инстинктивной отгадкой главной черты изображаемаго характера, проведеніемъ ея черезъ всю роль и передачей ея въ возможной яркости и рельефности, чѣмъ и достигалъ подъ-часъ замѣчательныхъ эффектовъ.

Пребываніе Кетчера ознаменовалось постоянными нескончаемыми толками о различіи и противоположныхъ качествахъ обѣихъ нашихъ столицъ. Бѣлинскій, огорченный *сдѣлками* партій въ Москвѣ, гремѣлъ противъ города, имѣющаго гнетворное вліяніе на самыхъ здравомыслящихъ людей, а Кетчеръ исполнялъ теперь роль адвоката Москвы, что̀ было согласно съ обычаемъ, принятымъ въ кругѣ—всегда стоять за отсутствующихъ. Мы видѣли,

что лѣтомъ, возвратясь на свое родное пепелище, въ Москву, онъ оказался, наоборотъ, горячимъ защитникомъ петербургскихъ взглядовъ. Впрочемъ, въ спорахъ между друзьями не было ничего новаго, за исключеніемъ одной черты: тутъ препирались уже не представители двухъ враждебныхъ партій, а представители одной и той же дружеской партіи, что подтверждало ея распаденіе. Обѣ столицы, Москва и Петербургъ, опять употреблены были въ дѣло, какъ прежде въ борьбѣ съ чистыми славянофилами,—для обозначенія духа и содержанія новыхъ отдѣловъ раздвоившейся партіи западничества. Москва и Петербургъ присуждены были, какъ и прежде, взимать на себя увлеченіе, страсти, гнѣвныя вспышки современниковъ и служить имъ орудіями борьбы. Петербургское «западничество» выражалось устами Бѣлинскаго: «Между питерцемъ и москвичемъ,—говорилъ Бѣлинскій, подразумѣвая уже однихъ западниковъ (я сохраняю здѣсь смыслъ рѣчей его, но не самую форму ихъ),—никакой общности взглядовъ долго существовать не можетъ: первый—*сухой* человѣкъ по натурѣ, а второй—*елейный* во всѣхъ своихъ словахъ и мысляхъ. У нихъ различныя роли, они только мѣшаютъ и гадятъ другъ другу, когда сойдутся». Этотъ афоризмъ я передалъ почти буквально, потому что часто слышалъ его отъ Бѣлинскаго. Затѣмъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, если позволительно мечтать о появленіи у насъ большой литературной и общественной партіи когда-либо, то ее слѣдуетъ ожидать только изъ Петербурга, потому что единственно въ Петербургѣ люди знаютъ истинную цѣну вещей, словъ и поступковъ, а затѣмъ еще и потому, что единственно въ Петербургѣ люди ничѣмъ не обольщаются, и принимаютъ, безъ благодарности и умиленія, всякіе подарки и милости, какъ нѣчто имъ слѣдующее; а наконецъ, и потому, что способны, безъ сердечныхъ болей, отдѣлываться отъ застарѣлыхъ мыслей и отъ хорошихъ людей, если они ни къ чему не ведутъ или мѣшаютъ достиженію разъ поставленной цѣли. Какъ далеко ушелъ Бѣлинскій отъ своихъ, еще не очень давнихъ томленій по Москвѣ и нѣжныхъ воспоминаній о ней! Кетчеръ, отъ имени московскихъ западниковъ, выражалъ совсѣмъ другое мнѣніе. По его толкованію, вся работа петербургскаго человѣка заключается въ томъ, чтобъ *прослыть* умнымъ человѣкомъ, причемъ всяческія воззрѣнія, убѣжденія, тенденціи считаются у него различными видами дурачествъ, мѣшающими устройству карьеры, а затѣмъ уже, прослывъ умнымъ человѣкомъ, петербуржецъ спитъ и видитъ, какъ бы продать себя подороже со всѣмъ своимъ багажомъ.

Въ статейкѣ «Петербургъ и Москва», написанной Бѣлин-

скимъ, въ 1846, для альманаха Некрасова и отражающей хорошо его споры съ другомъ, критикъ сознается, что Москва больше и лучше читаетъ, больше и лучше думаетъ, но онъ прибавляетъ еще въ разговорахъ своихъ къ этому замѣчанію, что въ Петербургѣ люди лучше держатъ себя и порядочнѣе себя ведутъ, точно приготовляясь къ чему-то серьёзному: на этомъ основаніи истому и распущенному москвичу становится даже и жутко жить на берегахъ Невы. Кетчеръ имѣлъ отвѣтъ и на это положеніе. Онъ, приблизительно, выражалъ такую мысль: излишества, безобразіе и всякія чудовищности москвича еще почтеннѣе приличія и сдержанности питерца. Тамъ всѣ уродливости на-голо и ничѣмъ другимъ, какъ уродливостями, не слывутъ, а здѣсь въ цѣлый годъ не узнаешь, какой человѣкъ у тебя передъ глазами, герой ли добродѣтели или отъявленный негодяй.—Замѣчательно, что въ такихъ противоположныхъ терминахъ пренія между друзьями могли держаться цѣлые мѣсяцы сряду, но это оттого, что въ споръ заплеталось множество личныхъ вопросовъ и множество соображеній, порождаемыхъ явленіями и событіями каждаго дня въ двухъ столицахъ. Притомъ же споръ этотъ былъ тогда повсемѣстный, общій, и происходилъ, такъ или иначе, въ каждомъ домѣ, гдѣ только собирались люди, не чуждые литературѣ и вопросамъ культуры.

Какими бы странными, пустыми и праздными ни казались всѣ споры подобнаго рода современнымъ людямъ, но нельзя сказать, чтобы они лишены были вовсе дѣльныхъ основаній и поводовъ для возникновенія своего въ эпоху, когда процвѣтали: западная партія, напримѣръ, въ Москвѣ и Петербургѣ усматривала въ лицахъ, по сочувствію ихъ къ тому или другому городу, оттѣнки мнѣній, распознать которые другимъ путемъ было очень трудно, видѣла сразу по одному расположенію человѣка къ тому или другому центру западническаго направленія настоящее знамя человѣка и его истинные взгляды на общее дѣло просвѣщенія, угадывала, наконецъ, цвѣта и краски, въ какія должны отливаться всѣ его убѣжденія. Бѣлинскій даже по степени симпатическихъ отношеній къ одной изъ столицъ наклоненъ былъ узнавать своихъ единомышленниковъ или своихъ тайныхъ недоброжелателей. Все это, однако же, продолжалось недолго, какъ сейчасъ увидимъ, потому что характеръ самыхъ предметовъ сравненія начался, съ переходомъ однихъ дѣятелей и представителей направленія на другую почву, съ исчезновеніемъ иныхъ вовсе изъ среды партій,—мѣняться часто: мѣрило для расцѣнки и опредѣленія величинъ, противопоставленныхъ другъ другу—оказывалось безпрестанно невѣрнымъ, неприложимымъ.

Гораздо долѣе этого спора держались толки и пренія по поводу извѣстной *фикціи*, условнаго представленія, по которому сѣдалищемъ славянофильства признавалась Москва, а западническихъ тенденцій Петербургъ. Препирательства, вызванныя этой *фикціей*, возобновлялись нѣсколько разъ и впослѣдствіи, но и они кажутся теперь занятіемъ, придуманнымъ для себя людьми, страдавшими обиліемъ праздныхъ силъ. Глазу современнаго человѣка чрезвычайно трудно найти во всѣхъ этихъ спорахъ исторически-вѣрный фактъ, такъ какъ онъ видитъ теперь одни обломки явленій, не распознаётъ связи ихъ съ психической жизнію эпохи и развлеченъ тѣмъ, что всѣ эти остатки недавняго нашего прошлаго стоятъ передъ нимъ уже въ новомъ, совершенно переработанномъ, почти неузнаваемомъ видѣ, какой сообщило имъ послѣдующее развитіе нашей мысли и печати, принявшееся за ихъ возстановленіе въ свою очередь.

Но толки и горячія бесѣды не составляли для Бѣлинскаго никогда настоящаго дѣла, а только были приготовленіемъ къ нему. Статьямъ его весьма часто предшествовалъ долгій обмѣнъ мыслей съ окружающими людьми или предпосылалось изложеніе идей, его занимавшихъ, въ дружескихъ разговорахъ, чѣмъ онъ одинаково разъяснялъ самому себѣ свои темы и будущій порядокъ ихъ развитія. Такъ случилось и теперь.

Бѣлинскій воспользовался появленіемъ романа гр. Соллогуба «Тарантасъ», чтобы поговорить серьёзно, подробно и уже печатно со своими московскими друзьями. Извѣстно, что западники чрезвычайно откровенно относились другъ къ другу въ своемъ интимномъ кружкѣ, но чуть ли Бѣлинскій не первый перенесъ эту откровенность и въ печать. Правда, примѣръ подала славянская партія въ «Москвитянинѣ», какъ мы видѣли. Она принялась тамъ за чистку домашняго бѣлья и за сведеніе счетовъ между собой, но тотчасъ же и отказалась отъ этой попытки, находя, вѣроятно, что малочисленность ея семьи требуетъ крайней осторожности и снисходительности въ обращеніи членовъ между собой. Только на условіи взаимной поддержки партія и могла сохранить свою цѣлость и сберечь весь свой персоналъ, нужный для борьбы. Потребность держаться сплоченной, по возможности, передъ врагами приводила ее затѣмъ уже постоянно не только къ публичному, непрестанному выставленію на показъ лучшей стороны своихъ дѣятелей, причемъ тщательно покрывались молчаніемъ всѣ частныя разногласія съ ними, но и къ отысканію блестящихъ сторонъ дѣятельности у такихъ людей своего круга, которые ихъ вовсе не имѣли. Всѣ соображенія и разсчеты но-

добнаго рода никогда не помѣщались въ головѣ Бѣлинскаго и никогда не могли остановить его. Онъ и теперь отдался вполнѣ своему намѣренію, безъ всякаго колебанія. Статью Бѣлинскаго о «Тарантасѣ» гр. Соллогуба можно назвать образцомъ мастерской полемики, говорящей гораздо болѣе того, что въ ней сказано формально. Она произвела сильное впечатлѣніе на людей, умѣвшихъ различать за слышимой рѣчью другой, потаенный голосъ, а кто тогда не умѣлъ этого? Бѣлинскій чрезвычайно искусно воспользовался двойнымъ характеромъ разбираемаго произведенія, изображавшаго очень вѣрно, иногда даже съ истиннымъ юморомъ, скудную умственную и житейскую арену, по которой двигались представители, какъ нашей первобытной, такъ и поправленной, щеголеватой Руси, но въ то же время дополнявшаго еще свои картины фантазіями на счетъ будущаго блестящаго развитія той самой печальной среды, которую рисовало. Выходило такъ, что грубость и безплодіе почвы именно и даютъ право надѣяться на полученіе съ нея обильной жатвы и ослѣпительныхъ результатовъ. Бѣлинскій отдавалъ полную справедливость реальной живописи предметовъ и образовъ, какую находилъ въ романѣ, и относился съ презрѣніемъ къ фантастическимъ пророчествамъ и поясненіямъ его, которые, говорилъ онъ, ничего не доказываютъ, кромѣ бѣдности сужденія и созерцанія автора, если только не полагать у него *ироническихъ* намѣреній. Бѣлинскій называлъ всѣ эти дѣтскія *прозрѣнія въ будущее* Россіи донъ-кихотствомъ, но прибавлялъ, что это донъ-кихотство невинное и еще очень низкой, второстепенной пробы, а есть другое, болѣе опасное и лучше обдуманное,—и затѣмъ критикъ восходилъ къ описанію этого донъ-кихотства высшаго сорта и порядка, начало котораго Бѣлинскій усмотрѣлъ за границей въ сферѣ науки, исторіи и философіи, стало быть—въ сферѣ высоко-развитыхъ людей [1]) и предостерегалъ отъ появленія его у насъ. Это донъ-кихотство высшаго полета, по мнѣнію Бѣлинскаго, вѣруетъ въ возможность примиренія началъ, діаметрально противоположныхъ другъ другу, убѣжденій и взглядовъ, взаимно исключающихъ другъ друга, и занято отысканіемъ какого-нибудь уголка въ области мысли, гдѣ бы могъ спокойно совершиться устраиваемый имъ насильственный бракъ, противо-естественный союзъ различныхъ направленій. Какъ ни пышно съ вида это псевдо-

---

[1]) Онъ имѣлъ въ виду преимущественно новую систему Шеллинга (Философія откровенія), а послѣ нея ученія Бюше (Buchez)—о католическомъ соціализмѣ, и другія.

научное донъ-кихотство, располагающее однако же огромными средствами эрудиціи, діалектики и философской находчивости, оно все-таки, говорилъ Бѣлинскій, сродни пошловатому донъ-кихотству Соллогубовскаго романа. Обоимъ имъ обще стремленіе искать спасенія отъ жизненной правды, бьющей въ глаза, въ области лжи и фантазіи. Всѣ намѣренія и цѣли полемической статьи этой были достаточно ясны и прозрачны для всѣхъ, посвященныхъ въ дѣла литературы, но Бѣлинскому хотѣлось досказать и послѣднее свое слово. Онъ вмѣнилъ въ заслугу автору и то обстоятельство, что онъ далъ генерическое имя и отчество вздорному герою-мечтателю своего романа, назвавъ его «Иваномъ Васильевичемъ».—«Мы теперь будемъ знать, говорилъ Бѣлинскій, какъ называются у насъ всѣ фантазёры этого рода», —а извѣстно, что и И. В. Кирѣевскій, авторъ замѣчательныхъ статей «Москвитянина»—носилъ тоже имя и отчество.

Какъ отразилась эта статья на московскихъ друзьяхъ Бѣлинскаго,—видно изъ рѣчей и мнѣній на дачѣ въ Соколовѣ, о которыхъ было уже говорено прежде.

XXX.

Между тѣмъ приближалось время очень важнаго переворота въ жизни Бѣлинскаго.

Скорѣе чѣмъ можно было ожидать, оказалось, что Бѣлинскій ошибался, когда, благодаря ослабѣвшей энергіи нашихъ партій, пророчилъ близкое воцареніе равнодушныхъ отношеній къ существеннымъ вопросамъ русской жизни, или когда опасался, что партіи окончательно сойдутся на какомъ-либо фантастическомъ представленіи изъ области исторіи, права и народнаго быта, которое не будетъ имѣть ни малѣйшей связи съ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Ничего подобнаго не случилось, да и не могло случиться. Какіе бы шаги ни дѣлали умѣренные отдѣлы нашихъ партій на встрѣчу другъ другу — сойтись они все-таки никакъ не могли, какъ показало, и очень скоро—послѣдующее время. Между ними лежала пропасть—образовавшаяся изъ различнаго пониманія роли русскаго народа въ исторіи и различнаго сужденія о всѣхъ другихъ факторахъ и элементахъ той же исторіи. «Славяне», какъ извѣстно, давали самое ничтожное участіе въ развитіи государства пришлымъ иноплеменнымъ элементамъ, за исключеніемъ византійскаго, и во многихъ случаяхъ смотрѣли на нихъ, какъ на несчастіе, помѣшавшее народу выразить вполнѣ

свою духовную сущность. «Европейцы», наоборотъ, приписывали вмѣшательству постороннихъ національностей большое участіе въ образованіи московскаго государства, въ опредѣленіи всего хода его исторіи, и даже думали, что этнографическіе элементы, внесенные этими чуждыми національностями — и устроили то, что называется теперь народной русской физіономіей. Разногласіе сводилось окончательно на вопросъ о культурныхъ способностяхъ русскаго народа, и вопросъ оказался настолько силенъ, что положилъ непереходимую грань между партіями.

«Славянская» партія не хотѣла, да и не могла удовольствоваться уступками своихъ враговъ,—пониманіемъ народа, напримѣръ, какъ одного изъ многочисленныхъ агентовъ, слагавшихъ нашу исторію,—а еще менѣе могла удовольствоваться признаніемъ за народомъ нѣкоторыхъ симпатическихъ, нравственно-привлекательныхъ сторонъ характера, на что́ охотно соглашались ея возражатели. Она требовала для русскаго народа кое-чего бо́льшаго. Она требовала именно утвержденія за нимъ громадной политической, творческой и моральной репутаціи, великой организаторской силы, обнаружившейся въ созданіи московскаго государства и въ открытіи такихъ общественныхъ, семейныхъ и религіозныхъ идеаловъ существованія, какимъ ничего равносильнаго не могутъ противопоставить наши позднѣйшіе и новые порядки жизни. На этомъ основаніи и не заботясь объ историческихъ фактахъ, противорѣчившихъ ея догмату, или толкуя ихъ ловко въ свою пользу, она принялась по частямъ за лѣпку колоссальнаго образа русскаго народа, съ цѣлью создать изъ него типъ, достойный поклоненія. Съ первыхъ же признаковъ этой работы по сооруженію, въ лицѣ народа, апоѳеозы нравственнымъ основамъ и идеаламъ старины, и еще не дожидаясь ея конца, московскіе западники, цѣлымъ составомъ, усвоили себѣ задачу — неустанно объявлять русскій народъ славянофиловъ *лже*-народомъ, произведеніемъ ученой наглости, изобрѣтающей историческіе черты и матеріалы, ей нужные. Особенно укоряли они своихъ ученыхъ противниковъ въ наклонности принимать подъ свою защиту, по необходимости, даже и очень позорные бытовые и историческіе факты исторіи, если ихъ нельзя уже пропустить молчаніемъ или нельзя цѣликомъ отвергнуть, какъ выдумку враговъ русской земли.

Полемика эта длилась долго и особенно разгорѣлась уже въ 50-хъ годахъ, въ эпоху замѣчательныхъ славянофильскихъ сборниковъ (1852—1855 г.: Московскій Сборникъ, Симбирскій Сборникъ, Бесѣда). Душой этой полемики, послѣ того, какъ уже не стало и

Бѣлинскаго, былъ тотъ же самый Грановскій, заподозрѣнный нѣкогда петербургскими друзьями въ послабленіи врагамъ, хотя онъ самъ рѣдко выходилъ на арену. Правда, что это всегда былъ врагъ великодушный. Извѣстно, что въ разгарѣ спора много было сказано дѣльныхъ положеній съ обѣихъ сторонъ и много обнаружилось талантовъ, успѣвшихъ пріобрѣсти себѣ впослѣдствіи почетныя имена. Ни одинъ изъ нихъ не прошелъ незамѣченнымъ Грановскимъ спервоначала. Человѣкъ этотъ обладалъ въ высшей степени живучей совѣстливостію, понуждавшей его указывать на достоинство и заслугу вездѣ, гдѣ онъ ни встрѣчалъ ихъ, не стѣсняясь никакими посторонними, кружковыми или тактическими соображеніями. Не рѣдко приходилось намъ всѣмъ слышать отъ него такую оцѣнку его личныхъ враговъ и враговъ его направленія, какую могли бы принять самые благорасположенные къ нимъ біографы на свои страницы. Между прочимъ, онъ очень высоко цѣнилъ молодого Валуева, автора извѣстной статьи о «Мѣстничествѣ» въ одномъ изъ славянофильскихъ сборниковъ, такъ рано умершаго для отечества, и говорилъ о немъ не иначе, какъ съ умиленіемъ.

Освобожденный отъ страха видѣть заключеніе спора, такъ много стоившаго ему, какимъ-нибудь простымъ компромиссомъ между партіями, Бѣлинскій уже спокойнѣе и объективнѣе отнесся къ самому вопросу о долѣ, какую должны имѣть и имѣютъ народные элементы въ культурномъ развитіи страны. Теперь (1846), когда оказалось, что дѣло обличенія заносчивой пропаганды и излишествъ національной партіи можетъ разсчитывать на старыхъ сподвижниковъ—спокойный отвѣтъ на вопросъ значительно облегчался. Нельзя уже было не видѣть, что ученіе о народности, какъ поводъ къ измѣненію нынѣшнихъ условій ея существованія, имѣетъ весьма серьёзную сторону; только опираясь на это ученіе, открывалась возможность говорить объ ошибкахъ русскаго общества, повредившихъ чести и достоинству государства. Примѣръ былъ на лицо. «Славянская» партія, несмотря на всѣ возраженія и опроверженія, пріобрѣтала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вліянія и подчиняла себѣ умы, даже и не очень покорные по природѣ, и подчиняла одной своей проповѣдью о неузнанной, несправедливо оцѣненной и безчестно-приниженной русской народности.

И дѣйствительно, какъ бы сомнительна ни казалась идеализація народа, производимая «славянами», какими бы шаткими ни объявлялись основы, на которыхъ они строили свои народные идеалы—работа «славянъ» была все-таки чуть ли не единственнымъ

дѣломъ эпохи, въ которомъ общество наше принимало наибольшее участіе, и которое побѣдило даже холодность и подозрительность оффиціальныхъ круговъ. Работа эта одинаково обольщала всѣхъ, позволяя праздновать открытіе въ нѣдрахъ русскаго міра и посреди общей моральной скудости—богатаго нравственнаго капитала, достающагося почти за-даромъ. Всѣ чувствовали себя счастливѣе. Ничего подобнаго «западники» предложить не могли, у нихъ не было никакой цѣльной и обработанной политической теоремы, они занимались изслѣдованіями текущихъ вопросовъ, критикой и разборомъ современныхъ явленій, и не отваживались на составленіе чего-либо похожаго на идеалъ гражданскаго существованія, при тѣхъ матеріалахъ, какіе имъ давала и русская, и европейская жизнь. Добросовѣстность «западниковъ» оставляла ихъ съ пустыми руками,—и понятно, что положительный образъ народной политической мудрости, найденный славянофилами, начиналъ поэтому играть въ обществѣ нашемъ весьма видную роль.

Вольное обращеніе съ исторіей, на которое имъ постоянно указывали, нисколько не останавливало роста этого идеала и его развитія; напротивъ, свобода толкованія фактовъ способствовала еще его процвѣтанію, позволяя вводить въ его физіономію черты и подробности, наиболѣе привлекательныя для народнаго тщеславія и наиболѣе дѣйствующія на массы. Ошибки, невѣрности, нарушенія свидѣтельствъ приходились тутъ еще на здоровье, такъ сказать, идеалу и на укрѣпленіе партіи, его воспитавшей. Между тѣмъ—сознательно или безсознательно—все-равно—партія достигала съ помощью своего спорнаго идеала несомнѣнно весьма важныхъ цѣлей. Тутъ случилось то, что не разъ уже случалось на свѣтѣ: рискованныя и самовольныя положенія принесли гораздо болѣе пользы обществу и людямъ, чѣмъ осторожные, обдуманные и потому робкіе шаги безпристрастнаго изслѣдованія. Партія успѣла ввести въ кругозоръ русской интеллигенціи новый предметъ, новаго дѣятельнаго члена и агента для мысли—именно народъ, и послѣ ея проповѣди ни наукѣ вообще, ни наукѣ управленія въ частности уже нельзя было обойтись безъ того, чтобы не имѣть его въ виду при разныхъ политико-соціальныхъ рѣшеніяхъ и не считаться съ нимъ. Это была великая заслуга партіи, чѣмъ бы она ни была куплена. Впослѣдствіи, и уже за границей, Г. очень хорошо понималъ значеніе возведенной постройки славянофиловъ и не даромъ говорилъ: «Наша европейская западническая партія тогда только получитъ мѣсто и значеніе общественной силы, когда овладѣетъ темами и вопросами, пущенными въ обращеніе славянофилами».

Но если это-то было невозможно покамѣсть, то по крайней мѣрѣ уже наступало время понимать важность подобныхъ темъ. Не далѣе какъ въ 1847 г., самъ Бѣлинскій уже говорилъ о нелѣпости противопоставлять національность общечеловѣческому развитію, какъ будто эти явленія непремѣнно должны исключать другъ друга, между тѣмъ какъ, въ сущности, они постоянно совпадаютъ. Общечеловѣческое развитіе не можетъ выражаться иначе, какъ чрезъ посредство той или другой народности, оба термина даже и немыслимы одинъ безъ другого. Мысль свою онъ подробно развилъ въ статьѣ: «Обозрѣніе литературы 1846 года». Въ ней особенно любопытно одно мѣсто. Къ этому мѣсту Бѣлинскій подходитъ предварительнымъ и очень обстоятельнымъ изложеніемъ мнѣнія, что какъ отдѣльное лицо, не наложившее печати собственнаго своего духа и своего содержанія на полученныя имъ идеи и представленія—никогда не будетъ вліятельнымъ лицомъ, такъ и народъ, не сообщившій особеннаго, своеобразнаго штемпеля и выраженія нравственнымъ основамъ человѣческаго существованія, всегда останется мертвой массой, пригодной для производства надъ нею всякихъ экспериментовъ. Пространное развитіе этого положенія Бѣлинскій заключаетъ словами, почти буквально повторяющими точно такія же слова Грановскаго, сказанныя въ Соколовѣ по поводу сочувствія, какое вынуждаютъ къ себѣ почасту основныя убѣжденія «славянъ», хотя собственно критикъ нашъ этихъ словъ Грановскаго самъ не слыхалъ. Вотъ это мѣсто: «Что *личность* въ отношеніи къ идеѣ человѣка, то—*народность* въ отношеніи къ идеѣ человѣчества. Безъ національностей человѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ, словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. *Въ отношеніи къ этому вопросу, я скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, нежели оставаться на сторонѣ гуманическихъ космополитиковъ*, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, а вторые и истину-то говорятъ какъ такое-то изданіе такой-то логики. Но, къ счастію, я надѣюсь остаться на своемъ мѣстѣ, не переходя ни къ кому.....» Молодая редакція новаго «Современника» 1847 г., для котораго статья писалась и гдѣ она была помѣщена, думала однакоже иначе объ этомъ предметѣ. Такъ какъ борьба съ славянофильской партіей, да интересъ болѣе или менѣе художественной литературы обличенія, составляли пока всю программу новаго журнала, то понятно, что движеніе его критика на встрѣчу съ обычными врагами петербургской журналистики затемняло одну и важную часть самой программы журнала. Впослѣдствіи я слышалъ, что редакція много роптала

на статью съ такой странной, небывалой тенденціей въ петербургско-западнической печати, и которой она должна была открыть свой новый органъ гласности.

Такимъ образомъ разрѣшалась долгая полемика Бѣлинскаго съ лютѣйшими своими врагами.

Основаніе «Современника», 1847 г., положило предѣлъ участію Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», которымъ онъ такъ усердно послужилъ въ теченіи шести лѣтъ, что создалъ почетное имя и положеніе журналу и потерялъ свое здоровье. Съ половины 1845 г. мысль покинуть «От. Записки» не оставляла Бѣлинскаго, въ чемъ его особенно поддерживалъ Н. А. Некрасовъ съ практической точки зрѣнія. Дѣйствительно, матеріальное положеніе Бѣлинскаго, годъ отъ году, становилось все хуже и никакого выхода не представляло ни съ какой стороны. Силы его слабѣли, семья требовала увеличенныхъ средствъ существованія, а въ случаѣ катастрофы, которую онъ уже предвидѣлъ, оставалась безъ куска хлѣба. Можетъ быть, никто изъ нашихъ писателей не находился въ положеніи болѣе схожемъ съ положеніемъ тогдашняго работника и пролетарія въ Европѣ. Подобно имъ, онъ никого лично не могъ обвинять въ устройствѣ гнетущихъ обстоятельствъ своей жизни—всѣ исполняли, по отношенію къ нему, добросовѣстно свои обязательства, никакихъ притѣсненій онъ не испытывалъ, никакихъ чрезмѣрныхъ требованій не предъявлялось, и никто не дѣлалъ попытокъ увернуться отъ условій, принятыхъ по взаимному соглашенію—все обстояло, такимъ образомъ, чинно, благопристойно, *респектабельно*, по англійскому выраженію, вокругъ него. Но трудъ его все-таки пріобрѣталъ свою цѣнность только тогда, когда уходилъ изъ его рукъ, приносилъ всю пользу, какой отъ него ожидать можно было, изданію, а не тому, кто его произвелъ. Не было и возможности поправить дѣло, не измѣняя обычныхъ экономическихъ условій, утвержденныхъ разъ навсегда. Съ каждымъ днемъ Бѣлинскій все болѣе и болѣе убѣждался, что чѣмъ сильнѣе станетъ онъ напрягать свою дѣятельность и чѣмъ блестящѣе будутъ оказываться ея результаты, въ литературномъ и общественномъ смыслѣ, тѣмъ хуже будетъ становиться его положеніе, въ виду неизбѣжнаго истощенія творческаго матеріала и уничтоженія самой способности къ труду, вслѣдствіе его удвоенной энергіи. Будущность представлялась ему, такимъ образомъ, въ очень мрачныхъ краскахъ, и съ половины 1845 г. мы слышали горькія жалобы его на свою судьбу, жалобы, въ которыхъ онъ не щадилъ и самого себя: «Да что же и дѣлать судьбѣ этой,—

говорилъ онъ въ заключеніе,—съ глупымъ человѣкомъ, которому ничего въ прокъ не пошло, что она ему ни давала» [1]).

И дѣйствительно, съ концомъ 1845 г. Бѣлинскій покидаетъ на время журнальную работу и разстается съ «Отечественными Записками». Событіе это произвело нѣкотораго рода переполохъ въ маленькомъ литературномъ мірѣ того времени. Съ удаленіемъ Бѣлинскаго пророчили паденіе журнала, но журналъ устоялъ, какъ всякое предпріятіе, уже добывшее себѣ прочныя основы и открывшее притомъ готовую арену для литературной дѣятельности ново-приходящимъ талантамъ. Таковъ былъ молодой Майковъ, принявшій въ свои руки наслѣдство Бѣлинскаго—критическій отдѣлъ журнала: отдѣлъ этотъ обрѣталъ въ немъ новую и свѣжую силу, вмѣсто атрофіи и разслабленія, которыми ему грозили.

В. Н. Майковъ отложилъ въ сторону весь эстетическій, нравственный и полемическій багажъ Бѣлинскаго, и за норму оцѣнки произведеній искусства принялъ количество и важность бытовыхъ и общественныхъ вопросовъ, ими поднимаемыхъ, и способы, съ какими авторы—указываютъ и разрѣшаютъ ихъ. Преждевременная смерть помѣшала ему развить вполнѣ свое созерцаніе [2]).

Съ разрывомъ старыхъ связей не все еще кончилось для Бѣлинскаго; надо было отыскать средства существованія. Бѣлинскій предвидѣлъ это и обратился, еще до разрыва, за совѣтомъ и помощью къ друзьямъ, излагая имъ свой планъ—издать уже прямо отъ своего имени большой альманахъ изъ совокупныхъ ихъ трудовъ, если они согласятся войти въ его виды и намѣренія. Отвѣтъ не замедлилъ явиться. Со всѣхъ сторонъ знаменитые и не-знаменитые писатели наши поспѣшили препроводить къ

[1]) Привожу анекдотъ изъ этихъ проявленій самоосужденія и самообличенія, къ которымъ онъ былъ склоненъ, но въ которыхъ былъ также всегда и искренекъ. Одинъ изъ журнальныхъ редакторовъ того времени, напечатавъ въ своемъ изданіи переводный романъ и заплативъ за него условленную сумму переводчику, почелъ себя въ правѣ выпустить переводъ отдѣльной книжкой и въ свою пользу. Но онъ напалъ на энергичнаго человѣка, который, послѣ безплодныхъ протестацій, рѣшился повести дѣло серьёзно, и пожалуй дойти до судебныхъ инстанцій, какія тогда существовали. Редакторъ принужденъ былъ уступить и возвратить переводчику его собственность. Выслушавъ разсказъ, Бѣлинскій молча принялся шарить по углахъ комнаты, добылъ тамъ свою палку и, подавая ее разсказчику, прибавилъ: «Учите меня, авось и я пойму, какъ должно беречь свое добро". Но выучиться этому онъ не могъ, не переставъ быть Бѣлинскимъ...

[2]) Вмѣстѣ съ В. Н. Майковымъ былъ еще и другой замѣчательный молодой человѣкъ, В. А. Милютинъ, тоже рано погибшій. Они оба могутъ считаться послѣдними отпрысками замѣчательнаго десятилѣтія и составляютъ уже переходъ къ литературному періоду 1850—60 г.

нему все, что имѣли у себя на-готовѣ, и уже къ началу 1846 г., въ рукахъ Бѣлинскаго образовалась значительная масса рукописнаго и частію очень цѣннаго матеріала, какъ показало позднѣйшее его опубликованіе. Не могла скрыться отъ глазъ самого Бѣлинскаго и вниманія его ближайшихъ совѣтниковъ во всемъ этомъ дѣлѣ, Н. А. Некрасова и И. И. Панаева, важность собраннаго матеріала. Послѣдніе уже давно искали самостоятельной издательской дѣятельности и пробовали ее не разъ—выпускомъ альманаховъ и сборниковъ, но тутъ представлялся случай къ основанію уже большого предпріятія—новаго періодическаго изданія. Матеріалъ Бѣлинскаго могъ бы служить ему, на первыхъ порахъ, готовой поддержкой. Тогда и возникла мысль о пріобрѣтеніи стараго, Пушкинскаго «Современника», скромно, почти безвѣстно существовавшаго подъ руководствомъ П. А. Плетнева,—мысль, которая и приведена была въ исполненіе Некрасовымъ и Панаевымъ. Они купили вмѣстѣ съ тѣмъ и весь «матеріалъ» Бѣлинскаго (Панаевъ былъ главнымъ вкладчикомъ при всѣхъ этихъ операціяхъ), что и помогло Бѣлинскому расплатиться съ долгами и впервые почувствовать себя свободнымъ человѣкомъ. При этомъ новые редакторы «Современника» 1847 г. открывали ему еще и перспективу въ будущемъ, которая особенно должна была цѣниться Бѣлинскимъ. Они включали его въ число неоффиціальныхъ соиздателей журнала (оффиціальнымъ выставлялся, въ видѣ поруки передъ цензурой, проф. А. В. Никитенко) и предоставляли ему, кромѣ платы за статьи, еще и долю въ выгодахъ изданія, какія окажутся. Безъ популярнаго имени Бѣлинскаго дѣйствительно трудно было обойтись предпріятію, но къ этому примѣшивалась еще и надежда, раздѣляемая и Бѣлинскимъ, что всѣ лучшіе дѣятели Москвы послѣдуютъ за нимъ въ новое изданіе и разорвутъ связи съ «Отечественными Записками». Надеждѣ этой, однакоже, не суждено было исполниться. Московскіе литераторы, да и нѣкоторые изъ литераторовъ въ Петербургѣ, желая полнаго успѣха «Современнику», находили, что два либеральныхъ органа въ Россіи лучше одного, что раздвоеніе направленія на два представителя еще болѣе гарантируетъ участь и свободу журнальныхъ тружениковъ, и что, наконецъ, по коммерческому характеру всякаго журнальнаго предпріятія,—врядъ ли и новое будетъ въ состояніи идти по какой-либо иной дорогѣ, въ своихъ разсчетахъ съ людьми, какъ не по той же самой, по которой шло и старое. Все это происходило въ то время, когда я, уже съ февраля 1846 г., находился за границей.

XXXI.

Въ одно прекрасное утро, по осени 1847 года, въ прошеч-номъ салонѣ парижской моей квартиры, въ улицѣ Caumartin, 41, явился господинъ, хорошо выбритый, по русскому обычаю, съ волосами, зачесанными на затылокъ, и въ долгополомъ сюр-тукѣ, который странно мѣшалъ его порывистымъ движеніямъ. Это былъ Г., носившій еще на всей своей внѣшности рѣзкій отпечатокъ московскаго жителя, но скоро преобразившійся, бла-годаря парижскимъ портнымъ и другимъ артистамъ, въ полнаго джентльмена западной расы—съ подстриженной головой, щегол-ской бородкой, очень быстро принявшей всѣ необходимыя очер-танія, и пиджакомъ, ловко и свободно державшимся на пле-чахъ. Я обрадовался ему несказанно и выслушалъ юмористиче-скую повѣсть объ усиліяхъ и домогательствахъ, какія потребова-лись ему для выѣзда, и потомъ о долгомъ вояжѣ его, еще на *почтовыхъ*, черезъ всю Германію. Онъ прибылъ въ Парижъ со всѣмъ семействомъ, остановился на Place Vendôme и разспра-шивалъ меня, какъ парижскаго старожила (я уже прожилъ цѣлый годъ въ столицѣ Франціи) объ условіяхъ, образѣ жизни и привычкахъ новой своей резиденціи, къ которымъ, тоже по-русскому обычаю, и примѣнился весьма скоро. И не онъ одинъ подчинился этого рода превращенію и измѣне-нію своей оболочки, а съ нею и самаго образа жизни, но и семья его—и притомъ съ свободой и развязностію, которыя могли бы считаться изумительными, если бы не были всеобщимъ, всѣмъ извѣстнымъ свойствомъ нашей природы. Жена Г., послѣ первой недѣли своего пребыванія въ Парижѣ, представляла уже изъ себя совсѣмъ другой типъ, чѣмъ тотъ, который олицетворяла со-бою въ Москвѣ. Впрочемъ, внутренняя переработка, измѣнившая ея нравственную физіономію, началась еще тамъ, — какъ буду говорить—и только завершилась въ Парижѣ. Изъ тихой, задум-чивой, романтической дамы дружескаго кружка, стремившейся къ идеальному воспитанію своей души и не дѣлавшей никакихъ запросовъ и никакихъ уступокъ внѣшнему міру, она вдругъ превратилась въ блестящую туристку, совершенно достойную занимать почетное мѣсто въ большомъ, всесвѣтномъ городѣ, куда прибыла, хотя никакой претензіи на такое мѣсто и не заявляла. Новыя формы и условія существованія вскорѣ вы-тѣснили у нея и послѣднюю память о Москвѣ. — Быстрота всѣхъ подобныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ метаморфозъ, испы-

тываемыхъ русскими людьми, зависѣла, кромѣ ихъ предрасположенія къ ней, еще и отъ многихъ другихъ причинъ.

Парижъ, напримѣръ, знаменитаго буржуазнаго короля Лудовика-Филиппа обаятельно дѣйствовалъ различными сторонами своей политической жизни на русскихъ, пробиравшихся туда всегда болѣе или менѣе секретнымъ, воровскимъ образомъ, такъ какъ въ нашихъ паспортахъ заграничныхъ того времени поименованіе Франціи оффиціально воспрещалось. Впечатлѣніе, производимое Парижомъ на пришельцевъ съ сѣвера, походило на то, которое является вслѣдъ за неожиданной находкой: они припадали къ городу со страстію и увлеченіемъ путника, вышедшаго изъ голой степи къ давно ожидаемому источнику. Первое, что бросалось въ глаза при этой встрѣчѣ съ столицей Франціи, было, конечно, ея соціальное движеніе. Вездѣ по протяженію Европы уже существовали партіи, подвергавшія разбору условія и порядки европейской жизни, вездѣ уже слагались общества, разсуждавшія о способахъ остановить, измѣнить и направить теченіе современной жизни въ другую сторону, но только въ Парижѣ критическое движеніе это вошло, такъ-сказать, въ колею обычныхъ дневныхъ явленій и притомъ освѣщалось чрезвычайно эффектно лучами французскаго народнаго духа, который умѣетъ располагать въ живописныя группы людей, ученія и идеи, и дѣлать изъ нихъ картины и зрѣлища для публики, прежде чѣмъ они сдѣлаются руководителями и преобразователями общества. Не было возможности удержаться отъ участія къ этому движенію, которое слагалось изъ мѣткихъ, остроумныхъ статей журнальнаго міра, изъ пропаганды на театрѣ, изъ періодическихъ лекцій и конференцій профессоровъ и не-профессоровъ. Такъ, три воскресенья сряду, я слышалъ въ залѣ одного пассажа самого О. Конта, излагавшаго основныя черты своей теоріи передъ толпой, которая и не предчувствовала, чѣмъ сдѣлается эта теорія впослѣдствіи. Движеніе дополнялось еще массой соціальныхъ книгъ, начавшихъ извѣстную войну противъ оффиціальной политической экономіи, и фамильными собраніями честныхъ, начитанныхъ и развитыхъ работниковъ, уже принявшихъ къ свѣдѣнію новыя положенія соціализма и обработывавшихъ ихъ, по-своему, какъ впослѣдствіи депутатъ Корбонъ, часовщикъ по ремеслу, котораго мнѣ тоже удалось видѣть въ его мастерской, служившей ему и редакціей для его журнала «l'Atelier». Все это были огоньки, которые предшествовали знаменитой революціи 48-го года, никѣмъ, впрочемъ, еще тогда не предчувствуемой, и которая, сказать между прочимъ, своимъ внезапнымъ приходомъ ихъ всѣхъ и потушила. Когда я

прибылъ въ Парижъ по веснѣ 1846, я уже засталъ тамъ цѣлую русскую колонію, съ главными и выдающимися ея членами, Б. и С—вымъ, занятую непрерывнымъ исканіемъ и обсужденіемъ бытовыхъ, историческихъ, философскихъ и всякихъ вопросовъ, какіе постоянно возбуждала общественная жизнь Парижа при либеральномъ королѣ Лудовикѣ-Филиппѣ.

Однако иначе нельзя было назвать понимѣсть того образа занятій европейскими вопросами, который существовалъ тогда между русскими, какъ—забавой.

Дѣло шло тутъ преимущественно объ удовлетвореніи любопытства, раздражаемаго безустанно явленіями каждаго текущаго дня, объ исполненіи обязанности стоять на-сторожѣ относительно всего, что происходитъ важнаго и ничтожнаго въ городѣ, о добычѣ живого матеріала для разбора его, для упражненія критическихъ своихъ способностей, а затѣмъ и болѣе всего для развитія безконечной, пестрой, золотошвейной ткани разговоровъ, споровъ, выводовъ, положеній и контръ-положеній. Никакой отвѣтственности передъ собственной совѣстію, никакого обязательнаго начала для устройства собственной жизни и поведенія при этомъ еще не представлялось никому. Необходимости подобнаго распорядка съ собой не предвидѣлось и въ будущемъ. О русской политической эмиграціи не было еще и помина: она явилась только тогда, когда прокатился громъ революціи 1848 г. и заставилъ многихъ обратиться къ своему прошлому, подвести ему итоги и поставить себя самого въ ясное, опредѣленное положеніе, какъ къ грозному явленію, неожиданно разразившемуся надъ Европой, такъ и къ правительствамъ, которыя были имъ испуганы. Правда, отъ времени до времени падали въ среду нашихъ людей, потѣшавшихся Парижемъ, напоминовенія о требованіяхъ другого строя жизни, чѣмъ тотъ, которымъ они наслаждались. Такъ случилось съ извѣстнымъ Г—виньимъ, котораго оффиціально вызывали въ Россію за пустѣйшую книжонку,—напечатанную имъ по-французски въ Парижѣ, безъ *дозволенія*. Это былъ опытъ политической экономіи, представлявшей менѣе, чѣмъ учебникъ, простую выписку изъ школьныхъ тетрадокъ, да и то не совсѣмъ толковую, но во всякомъ случаѣ уже совершенно невинную. Я, кажется, и не встрѣчалъ на вѣку моемъ писателя, менѣе заслуживавшаго вниманія, какъ этотъ Г—винъ, въ одно время игравшій на биржѣ и въ *оппозицію*, пробиравшійся въ жокей-клубъ, въ міръ лоретокъ, и въ демократическія консиліабулы—наглый и ребячески-трусливый, но онъ остался въ Парижѣ, несмотря на вызовъ, и сдѣлался прежде всѣхъ русскимъ

«политическимъ» эмигрантомъ и притомъ изъ особеннаго начала, изъ страха: ему мерещились всевозможные ужасы, которые, по отношенію къ нему, просто были немыслимы [1]). Послѣ *напоминовеній* въ родѣ того, какое получилъ Г—винъ, кругъ дилетантствующихъ политиковъ и соціалистовъ нашихъ нѣкоторое время обсуждалъ этотъ фактъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, и потомъ снова отдавался увлекающему потоку своихъ занятій и страстнаго, но безотвѣтнаго вмѣшательства въ интимныя дѣла французской національности.

Не должно думать, чтобъ эта азартная игра со всѣмъ содержаніемъ Парижа велась только людьми, литературно и политически развитыми: въ ней примѣшивались часто и такія особы, которыя имѣли совсѣмъ иныя цѣли въ жизни,—не культурныя. Такъ, по дорогѣ въ Европу я получилъ рекомендательное письмо къ извѣстному Марксу отъ нашего степного помѣщика, также извѣстнаго въ своемъ кругу за отличнаго пѣвца цыганскихъ пѣсенъ, ловкаго игрока и опытнаго охотника. Онъ находился, какъ оказалось, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ учителемъ Лассаля и будущимъ главой интернаціональнаго общества; онъ увѣрилъ Маркса, что, предавшись душой и тѣломъ его лучезарной проповѣди и дѣлу водворенія экономическаго порядка въ Европѣ, онъ ѣдетъ обратно въ Россію, съ намѣреніемъ продать все свое имѣніе и бросить себя, и весь свой капиталъ въ жерло предстоящей революціи. Далѣе этого увлеченіе идти не могло,—но я убѣжденъ, что, когда лихой помѣщикъ давалъ всѣ эти обѣщанія, онъ былъ въ ту минуту искрененъ. Возвратившись же на родину, сперва въ свои имѣнія, а затѣмъ въ Москву, онъ забылъ и думать о горячихъ словахъ, прозвенѣвшихъ нѣкогда такъ эффектно передъ изумленнымъ Марксомъ, и умеръ не такъ давно престарѣлымъ, но все еще пылкимъ холостякомъ въ Москвѣ. Не мудрено, однако же, что послѣ подобныхъ продѣлокъ, какъ у самого Маркса, такъ и у многихъ другихъ сложилось и долгое время длилось убѣжденіе, что на всякаго русскаго, къ нимъ приходящаго, прежде всего должно смотрѣть, какъ на подосланнаго шпіона, или какъ на безсовѣстнаго обманщика. А дѣло между тѣмъ гораздо проще объясняется, хотя отъ этого и не становится невиннѣе.

---

[1]) Всего забавнѣе, что онъ и самъ считалъ себя важнымъ преступникомъ, боялся выдачи своей персоны дипломатическимъ путемъ, и побѣжалъ объясняться съ министромъ Дюфаелемъ, который, выслушавъ его опасенія, засмѣялся и замѣтилъ: „Какой вздоръ. Живите спокойно, дѣлайте что хотите, да ужъ если вамъ нуженъ непремѣнно совѣтъ, то вотъ мой—*не очень втягивайтесь въ польскія дѣла*“ (разсказъ Г—вина).

Я воспользовался однажды письмомъ моего пылкаго помѣщика, который, отдавая мнѣ его, находился еще въ энтузіастическомъ настроеніи, — и былъ принятъ Марксомъ въ Брюсселѣ очень дружелюбно. Маркс находился подъ вліяніемъ своихъ воспоминаній объ образцѣ широкой русской натуры, на которую такъ случайно натянулся, и говорилъ о ней съ участіемъ, усматривая въ этомъ новомъ для него явленіи, какъ мнѣ показалось, признаки неподдѣльной мощи русскаго народнаго элемента вообще. Самъ Марксъ представлялъ изъ себя типъ человѣка, сложеннаго изъ энергіи, воли и несокрушимаго убѣжденія—типъ, крайне замѣчательный и по внѣшности. Съ густой, черной шапкой волосъ на головѣ, съ волосистыми руками, въ пальто, застегнутомъ на-исвось — онъ имѣлъ однажды видъ человѣка, имѣющаго право и власть требовать уваженія, какимъ бы ни являлся передъ вами и что бы ни дѣлалъ. Всѣ его движенія были угловаты, но смѣлы и самонадѣянны, всѣ пріемы шли наперекоръ съ принятыми обрядами въ людскихъ сношеніяхъ, но были горды и какъ-то презрительны, а рѣзкій голосъ, звучавшій какъ металлъ, шелъ удивительно къ радикальнымъ приговорамъ надъ лицами и предметами, которые произносилъ. Марксъ уже и не говорилъ иначе, какъ такими безаппеляціонными приговорами, надъ которыми, впрочемъ, еще царствовала одна, до боли рѣзкая нота, покрывавшая все, что онъ говорилъ. Нота выражала твердое убѣжденіе въ своемъ призваніи управлять умами, законодательствовать надъ ними и вести ихъ за собой. Предо мной стояла олицетворенная фигура демократическаго диктатора, какъ она могла рисоваться воображенію въ часы фантазіи. Контрастъ съ недавно покинутыми мною типами на Руси былъ наирѣзительный.

Съ перваго же свиданія Марксъ пригласилъ меня на совѣщаніе, которое должно было состояться у него на другой день вечеромъ съ портнымъ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. Я не замедлилъ явиться по приглашенію.

Портной-агитаторъ Вейтлингъ оказался бѣлокурымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, въ сюртучкѣ щеголеватаго покроя, съ бородкой, кокетливо подстриженной, и скорѣе походилъ на путешествующаго *комми*, чѣмъ на суроваго и озлобленнаго труженика, какого я предполагалъ въ немъ встрѣтить. Отрекомендовавшись на-скоро другъ другу и притомъ съ оттѣнкомъ изы-

сканной учтивости со стороны Вейтлинга, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по-англійски важный и серьёзный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: «Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣста и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность, и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ»? Я очень хорошо помню самую форму рѣзкаго вопроса, потому что съ него начались горячія пренія въ кружкѣ, продолжавшіяся, впрочемъ, какъ сейчасъ окажется, очень недолго. Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Съ какимъ-то серьёзнымъ, озабоченнымъ выраженіемъ на лицѣ, онъ сталъ объяснять, что цѣлію его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ, сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины. Онъ говорилъ долго, но, къ удивленію моему и въ противоположность съ рѣчью Энгельса, сбивчиво, не совсѣмъ литературно, возвращаясь на свои слова, часто поправляя ихъ и съ трудомъ приходя къ выводамъ, которые у него или запаздывали или появлялись ранѣе положеній. Онъ имѣлъ теперь совсѣмъ другихъ слушателей, чѣмъ тѣ, которые обыкновенно окружали его станокъ, или читали его газету и печатные памфлеты на современные экономическіе порядки, и утерялъ при этомъ свободу мысли и языка. Вейтлингъ, вѣроятно, говорилъ бы и еще долѣе, если бы Марксъ, съ гнѣвно-стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего все-

раженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ, о которомъ говорилось сейчасъ,—замѣчалъ далѣе Марксъ,—ведетъ только къ конечной гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой—допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. «Вотъ,—прибавилъ онъ, вдругъ указывая на меня рѣзкимъ жестомъ,—между нами есть одинъ русскій. Въ его странѣ, Вейтлингъ, ваша роль могла бы быть у мѣста: тамъ, дѣйствительно, только и могутъ удачно составляться и работать союзы между нелѣпыми пророками и нелѣпыми послѣдователями». Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, продолжалъ развивать свою мысль Марксъ, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга, и онъ обрѣлъ живую, свободную рѣчь. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и праздднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, проговаривая:—«Никогда еще невѣжество никому не помогло»! Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ, въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.

Сношенія мои съ Марксомъ не прекратились и послѣ выѣзда моего изъ Брюсселя. Я встрѣтилъ его еще, вмѣстѣ съ

Энгельсомъ, въ 1848 году, въ Парижѣ, куда они оба пріѣхали тотчасъ послѣ февральской революціи, намѣреваясь изучать движеніе французскаго соціализма, очутившагося теперь на-просторѣ. Они скоро оставили свое намѣреніе, потому что надъ соціализмомъ этимъ господствовали всецѣло чисто-мѣстные, политическіе вопросы, и у него была уже программа, отъ которой онъ не хотѣлъ развлекаться — программа добиваться съ оружіемъ въ рукахъ господствующаго положенія въ государствѣ для работника. Но и до этой эпохи были минуты заочной бесѣды съ Марксомъ, весьма любопытныя для меня: одна такая выпала на мою долю въ 1846 году, когда по поводу извѣстной книги Прудона: «Système des contradictions économiques», Марксъ написалъ мнѣ по-французски пространное письмо, гдѣ излагалъ свой взглядъ на теорію Прудона. Письмо это крайне замѣчательно: оно опередило время, въ которое было писано, двумя своими чертами — критикой положеній Прудона, предугадавшей цѣликомъ всѣ возраженія, какія были предъявлены на нихъ впослѣдствіи, а потомъ новостью взгляда на значеніе *экономической исторіи* народовъ. Марксъ одинъ изъ первыхъ сказалъ, что государственныя формы, а также и вся общественная жизнь народовъ съ ихъ моралью, философіей, искусствомъ и наукой — суть только прямые результаты экономическихъ отношеній между людьми, и съ перемѣной этихъ отношеній сами мѣняются или даже и вовсе упраздняются. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобы узнать и опредѣлить законы, которые вызываютъ перемѣны въ экономическихъ отношеніяхъ людей, имѣющія такія громадныя послѣдствія. Въ антиноміяхъ же Прудона, въ его противопоставленіи однихъ экономическихъ явленій другимъ, произвольно сведеннымъ другъ съ другомъ и, *по свидѣтельству исторіи*, нисколько не вытекавшимъ одно изъ другого, Марксъ усматривалъ только тенденцію автора облегчить совѣсть буржуазіи, возводя непріятные ей факты современныхъ экономическихъ порядковъ въ безобидныя абстракціи à la Гегель и въ законы, будто бы, присущія самой природѣ вещей. На этомъ основаніи онъ и обзываетъ Прудона *теологомъ* соціализма и мелкимъ *буржуа* съ головы до ногъ. Окончаніе этого письма передаю въ дословномъ переводѣ, такъ какъ оно можетъ служить хорошимъ комментаріемъ къ сценѣ, разсказанной выше, и даетъ ключъ для пониманія ея:

«Въ одномъ только я схожусь съ господиномъ Прудономъ (NB. Марксъ вездѣ пишетъ: «monsieur Pr.»), именно — въ его отвращеніи къ плаксивому соціализму (sensiblerie

sociale). Ранѣе его я уже нажилъ себѣ множество враговъ моими насмѣшками надъ чувствительнымъ, утопическимъ, *баранымъ* соціализмомъ (socialisme moutonier). Но г. Прудонъ странно ошибается, замѣняя одинъ видъ сантиментализма другимъ, именно сантиментализмомъ мелкаго буржуа и своими декламаціями о святости домашняго очага, супружеской любви и другихъ тому подобныхъ вещахъ,—той сантиментальностью, которая, вдобавокъ, еще и глубже была выражена у Фурье, чѣмъ во всѣхъ самодовольныхъ пошлостяхъ нашего добраго г. Прудона. Да онъ и самъ хорошо чувствуетъ свою неспособность трактовать объ этихъ предметахъ, потому что по поводу ихъ отдается невыразимому бѣшенству, возгласамъ, всѣмъ гнѣвамъ честной души — iгае hominis probi: онъ пѣнится, клянетъ, доноситъ, кричитъ о поворѣ и чумѣ, бьетъ себя въ грудь и призываетъ Бога и людей въ свидѣтели того, что непричастенъ гнусностямъ соціалистовъ. Онъ занимается не критикой ихъ сантиментализма, а—какъ настоящій святой или папа—отлученіемъ несчастныхъ грѣшниковъ, причемъ воспѣваетъ хвалу маленькой буржуазіи и ея пошленькимъ патріархальнымъ доблестямъ, ея любовнымъ упражненіямъ. И это не съ-проста. Самъ г. Прудонъ съ головы до ногъ есть философъ и экономистъ маленькой буржуазіи. Что такое маленькій буржуа? Въ развитомъ обществѣ онъ, вслѣдствіе своего положенія, неизбѣжно дѣлается съ одной стороны экономистомъ, а съ другой—соціалистомъ: онъ въ одно время и ослѣпленъ великолѣпіями знатной буржуазіи, и сочувствуетъ страданіямъ народа. Онъ мѣщанинъ и вмѣстѣ—народъ. Въ глубинѣ своей совѣсти онъ похваляетъ себя за безпристрастіе, за то, что нашелъ тайну равновѣсія, которое, будто бы, не походитъ на «juste milieu», золотую середину. Такой буржуа вѣруетъ въ противорѣчія, потому что онъ самъ есть не что иное, какъ соціальное противорѣчіе въ дѣйствіи. Онъ представляетъ на практикѣ то, что говоритъ теорія, и г. Прудонъ достоинъ чести быть научнымъ представителемъ маленькой французской буржуазіи. Это его положительная заслуга, потому что мелкая буржуазія войдетъ непремѣнно значительной составной частью въ будущіе соціальные перевороты. Мнѣ очень хотѣлось, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, послать вамъ и мою книгу «О политической экономіи», но до сихъ поръ я не могъ еще отыскать кого-нибудь, кто бы взялся напечатать мой трудъ и мою критику нѣмецкихъ философовъ и соціалистовъ, о чемъ я говорилъ вамъ въ Брюсселѣ. Вы не повѣрите, какія затрудненія встрѣчаетъ такая публикація въ Германіи со стороны полиціи,

во-первыхъ, и со стороны самихъ книгопродавцевъ—во-вторыхъ, которые являются корыстными представителями тенденцій, мною преслѣдуемыхъ. А что касается до собственной нашей партіи, то она, прежде всего, крайне бѣдна, а затѣмъ добрая часть ея еще крайне озлоблена на меня за мое сопротивленіе ея декламаціямъ и утопіямъ».

Книга «О политической экономіи», упоминаемая Марксомъ въ письмѣ, есть, какъ полагаю, послѣдній его трудъ: «Капиталъ», увидѣвшій свѣтъ только недавно. Признаюсь, я не повѣрилъ тогда, какъ и многіе со мной, разоблачающему письму Маркса, будучи увлеченъ, вмѣстѣ съ большинствомъ публики, пафосомъ и діалектическими качествами Прудоновскаго творенія. Съ возвращеніемъ моимъ въ Россію, въ октябрѣ 1848 года, прекратились и мои сношенія съ Марксомъ и уже не возобновлялись болѣе. Время надеждъ, гаданій и всяческихъ *аспирацій* тогда уже прошло, а практическая дѣятельность, выбранная затѣмъ Марксомъ, такъ далеко убѣгала отъ русской жизни вообще, что, оставаясь на почвѣ послѣдней, нельзя было слѣдить за первой иначе, какъ издали, посредственно и неполно, путемъ газетъ и журналовъ.

Разсказанный здѣсь мой эпизодъ съ Марксомъ, можетъ быть, не покажется лишнимъ въ картинѣ Парижа, если прибавить, что точно такія же сцены и по тѣмъ же вопросамъ происходили во всѣхъ большихъ городахъ Европы и, конечно, чаще всего именно въ Парижѣ: мѣнялись люди, мѣнялась драматическая обстановка, согласно другому развитію и образованію характеровъ: сущность преній и столкновеній въ демократическихъ кружкахъ оставалась та же. Вездѣ искали *цѣльныхъ* доктринъ соціализма, научныхъ изъясненій и оправданій для *чувства* недовольства, изъ котораго соціализмъ вышелъ, плановъ для общины, гдѣ трудъ и наслажденіе шли бы рука объ руку. Потребность упразднить массу нелѣпыхъ, незрѣлыхъ, безплодныхъ опытовъ, предпринимаемыхъ для осуществленія этого идеала непосвященными, мало подготовленными и фантастическими умами—чувствовалась повсюду. Этимъ и объясняются совокупныя усилія лучшихъ дѣятелей соціализма—найти такой типъ рабочей общины, который бы далъ возможность доказать несомнѣнно, что каждая нравственная и матеріальная потребность человѣка обрѣтутъ въ ней удобное и комфортабельное помѣщеніе для себя. Движеніе умовъ, какъ въ области теорій, такъ и въ пробахъ почвы для практическаго разрѣшенія экономическихъ трудностей было всеобщее до тѣхъ поръ, пока оно не уперлось въ «національныя

мастерскія», гдѣ и было подавлено для того, чтобы возродиться уже на другихъ началахъ...

Съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Парижѣ, Г., переѣхавшій на постоянную квартиру, въ Avenue Marigny, откуда онъ писалъ въ «Современникъ» 1847 г.,—Г., говорю, по складу своего ума и наклонности къ энергическому вчинанію при всякой данной задачѣ, очутился какъ-бы въ своемъ родномъ элементѣ. Онъ бросился тотчасъ же въ это сверкающее море отважныхъ предположеній, безпощадной полемики, всевозможныхъ страстей и вышелъ оттуда новымъ и крайне нервнымъ человѣкомъ. Мысль, чувство, воображеніе пріобрѣли у него болѣзненную раздражительность, которая сказывалась, прежде всего, въ негодованіи на господствующій политическій режимъ, который занимался обезсиливаніемъ однихъ ученій другими. Затѣмъ, не менѣе гнѣва и злобы возбуждала въ немъ и ясность реформаторскихъ проектовъ, фальшиво обѣщающихъ положить конецъ всѣмъ преніямъ и уже торжествующихъ побѣду, прежде самаго сраженія. То и другое явленіе одинаково казались ему признаками несостоятельности общества, и въ одну изъ минутъ задушевнаго анализа ощущеній, полученныхъ имъ при первомъ знакомствѣ съ европейскимъ соціализмомъ, онъ написалъ одну изъ тѣхъ своихъ статей, которая можетъ назваться самымъ пессимистскимъ совершеніемъ западнаго развитія, какое только высказывалось по-русски; но зато она и была имъ писана уже *съ другого берега*—онъ видѣлъ теперь во-очію то, что до сихъ поръ было ему извѣстно издалека. Несмотря на эту исповѣдь, Г. подчинился почти безусловно тому самому движенію, которое считалъ безысходнымъ. Долгое обращеніе съ предметомъ изслѣдованія втянуло его въ его интересы, въ его задачи и намѣренія, что часто бываетъ со страстными натурами, встрѣчающими на пути слѣпыя, но непоколебимыя вѣрованія. Не было человѣка, который бы безпощаднѣе отзывался о несостоятельности европейскаго строя жизни и который бы вмѣстѣ съ тѣмъ столь рѣшительно пристроивался къ нему, повѣряя имъ свою дѣятельность, матеріальныя и умственныя привычки. Письма Г. изъ Avenue Marigny уже носили на себѣ ясный, хотя еще и осторожно наложенный штемпель гуманныхъ идей, съ намеками на вопросы новаго рода, такъ что они должны считаться первыми пробами приложенія въ русской литературѣ соціологическаго способа понимать и обсуждать явленія. Начиная съ разбора драмы Феликса Піа и до подробностей парижскаго быта — все въ нихъ отражало настроеніе, почерпнутое изъ другихъ источниковъ, а не изъ тѣхъ, которыми пи-

тались наши философскія, замаскированно-либеральныя и филантропическія тенденціи. Друзья Г. въ Москвѣ и Петербургѣ любовались этимъ оригинальнымъ, всегда блестящимъ, но вмѣстѣ и новымъ поворотомъ его таланта, и не предчувствовали, что тутъ начинается дѣло, которое далеко уведетъ отъ нихъ автора писемъ въ сторону, да и самъ авторъ еще и не помышлялъ о томъ, гдѣ очутится, по логическому развитію принциповъ и ихъ послѣдствій.

Впрочемъ, московскіе друзья Г., любуясь сатирической мѣткостью писемъ, восхищаясь остроуміемъ ихъ замѣтокъ и обличеній, часто останавливаясь по-долгу на проблескахъ глубокой мысли въ опредѣленіи текущихъ явленій тогдашняго французскаго общества, — друзья, все-таки не вполнѣ вѣрили въ объективную правду писемъ, и считали ихъ отчасти произведеніемъ обычнаго фрондёрства, свойственнаго всѣмъ путешественникамъ, которымъ стыдно съ перваго же раза повориться чужой странѣ и не сдѣлать оговорокъ, вступая въ близкія съ ней связи. Отголосокъ этого мнѣнія сказался всего сильнѣе у В. П. Боткина, что́ и заставляетъ меня сдѣлать выписку изъ московскаго его письма ко мнѣ, отъ 12 октября 1847 г.:

«Кстати, прочелъ въ 10 № «Современника» три письма Г. изъ Avenue Marigny и прочелъ ихъ съ самымъ живымъ удовольствіемъ. Первое письмо хуже прочихъ: въ немъ даже замѣтно нѣкоторое усиліе сострить; разумѣется, не вездѣ, но кое-гдѣ острота не вяжется сама собою къ перу, къ фразѣ. Что касается до его взгляда на театры и городъ, то при всемъ его превосходствѣ, при всемъ блескѣ и глубокомысліи, по-моему мнѣнію, это все-таки *первое, наглядное* впечатлѣніе. Je ne cherche pas chicane à sa manière de voir—и вполнѣ признавая за нимъ право смотрѣть на вещи подъ своимъ угломъ, я все-таки остаюсь при своемъ прежнемъ мнѣніи и не стану подражать славянской нетерпимости Г., который меня разбранилъ за то, что я осмѣлился быть не одного съ нимъ мнѣнія. Во-вторыхъ, я прочелъ его письма съ наслажденіемъ: это такъ увлекательно, такъ игриво, это—арабескъ, въ которомъ шутка свивается съ глубокой мыслью, сердечный порывъ съ летучей остротой; что́ мнѣ за дѣло, что я о многомъ думаю совершенно иначе; всякій имѣетъ право смотрѣть на вещи по-своему, и Г. смотритъ на нихъ такъ живо, такъ увлекательно, что я вовсе теряю желаніе спорить: наслажденіе пересиливаетъ всякое другое чувство. Но, по моему мнѣнію, главный недостатокъ ихъ въ неопредѣленности точки зрѣнія; да, мнѣ кажется,

Г. не далъ себѣ яснаго отчета ни въ значеніи стараго дворянства, которымъ онъ такъ воскищался, ни въ значеніи bourgeoisie, которую онъ такъ презираетъ. Что же за этимъ у него остается? Работникъ. А земледѣлецъ? Неужели Г. думаетъ, что уменьшеніе избирательнаго ценза измѣнитъ положеніе буржуазіи. Я не думаю. Я не поклонникъ буржуазіи, и меня не менѣе всякаго другого возмущаетъ и грубость ея нравовъ, и ея сильный провинцизмъ, но въ настоящемъ случаѣ для меня важенъ фактъ. Я скептикъ; видя въ спорящихъ сторонахъ въ каждой столько же дѣльнаго, сколько и пустого, я не въ состояніи пристать ни къ одной, хотя въ качествѣ угнетеннаго—классъ рабочій, безъ сомнѣнія, имѣетъ всѣ мои симпатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не могу не прибавить: дай Богъ, чтобъ у насъ была буржуазія! Cet air de matador, съ которымъ Г. все рѣшаетъ во Франціи—очень милъ, увлекателенъ, я его, мочи нѣтъ, какъ люблю въ немъ, именно потому, что знаю мягкое, голубиное сердце этого матадора, но вѣдь рѣшеніе Г. ровно ничего не уясняетъ: оно только скользитъ по вещамъ. Всѣ эти вопросы до такой степени сложны, что невозможно поднять ни одинъ, не поднявши вмѣстѣ съ нимъ нѣсколькихъ»...

Итакъ, даже оставляя въ сторонѣ личные счеты В. П. Боткина съ Г., который высказывалъ ему часто горькую правду по поводу его безхарактерной поблажки всѣмъ внѣшнимъ признакамъ парижской жизни—приведенный отрывокъ все-таки выражалъ мнѣніе и другихъ друзей Г., хорошо понимающихъ причины и поводы демократическихъ возгласовъ о буржуазіи въ ея отечествѣ, но считавшихъ такіе возгласы непригодными для русскаго общества, которое еще лишено образовательныхъ элементовъ, принесенныхъ нѣкогда этой самой буржуазіей въ исторію. Притомъ же, друзья и не знали, куда еще заведетъ Г. его огульное осужденіе Европы, и боялись, что авторитетное слово его отразится въ извращенномъ видѣ на умахъ и представленіяхъ русскихъ читателей. Того же самаго боялись они и отъ исповѣди Бѣлинскаго, когда онъ попалъ за-границу и обнаружилъ воззрѣнія на западную культуру, близко подходившія къ воззрѣніямъ Г., о чемъ еще будемъ говорить. Можетъ быть, въ числѣ причинъ, побудившихъ Г. написать позднѣе вышеупомянутую свою статью, было и желаніе разъяснить друзьямъ свои истинныя отношенія къ европейскому міру, и мѣсто, которое онъ намѣренъ въ немъ занять. Извѣстно, что въ статьѣ противополагалось безвыходному положенію европейскаго общества появленіе народа, одно присутствіе котораго въ Европѣ тревожитъ

умы, который извѣстенъ только съ мрачныхъ сторонъ своихъ, но который несетъ съ собой народную культуру, качества мысли и сердца, имѣющія, повидимому, большую будущность въ этой нотѣ, впервые раздавшейся у Г. въ упомянутой статьѣ. Г. потомъ часто возвращался и пробовалъ брать эту ноту на множество ладовъ, но она не у всѣхъ друзей вызвала сочувствіе, а нѣкоторые долго находили ее напряженной и фальшивой, несмотря ни на какія варьяціи и смягченія, которыми сопровождалъ ея по-часту авторъ...

Между тѣмъ, жизнь Г. шла по-прежнему очень шумно и весело, несмотря на внезапныя остановки его посреди развѣяній и развлеченій Парижа и наступавшія за ними заботливыя ощупыванія почвы подъ своими ногами; но перерывы эти были не долги, кругъ знакомыхъ его все болѣе и болѣе увеличивался, бесѣды разростались, говоръ усиливался [1]). Ни онъ, да и никто изъ русскихъ друзей его вовсе и не думали о томъ, что можетъ наступить минута, когда жить амфибіей посреди двухъ міровъ—западнаго и русскаго—не станетъ возможности, и придется выбирать между порядками, одинаково сильно и ревниво, хотя и на различныхъ основаніяхъ, предъявляющими права на обладаніе всѣмъ человѣкомъ. Минута была не за горами (всего одинъ годъ раздѣлялъ ее отъ людей), но когда она пришла,—наступили горькіе разсчеты, болѣзненныя пожертвованія, вынужденныя, противоестественныя отреченія, испортившія окончательно жизнь Г., да и многихъ другихъ еще вмѣстѣ съ нимъ.

П. Анненковъ.

---

[1]) Увлеченіе потокомъ развернувшейся передъ нимъ жизни отражалось и на планахъ писательской его дѣятельности. Онъ началъ повѣсть изъ французской революціи 89 года съ русскимъ дѣятелемъ посреди ея, и не усомнился послать разсказъ въ „Современникъ“. Позднѣе Панаевъ говорилъ мнѣ въ Петербургѣ: Г. съ ума сошелъ, посылаетъ намъ картины французской революціи, точно она у насъ дѣло признанное и позабытое. Повѣсть, разумѣется, не попала въ печать, а явилась за границей, въ особомъ сборникѣ.

РУССКІЙ РАСКОЛЪ

И

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Историческіе очерки изъ новѣйшаго времени.

Слишкомъ двѣсти лѣтъ длится у насъ борьба съ отпадшими отъ православной церкви, и, несмотря на всевозможныя мѣры, начиная съ гоненій средневѣкового характера и кончая чуть не вѣротерпимостью, все-таки не имѣетъ успѣха. Это поистинѣ колоссальное явленіе духовно-нравственнаго движенія русскаго народа, какъ то теперь дознано духовными и свѣтскими писателями, составляетъ весьма сложный результатъ разнородныхъ причинъ и слѣдствій, вытекшихъ насколько изъ прошлой исторіи церкви, настолько же, если не въ бо́льшей мѣрѣ, изъ исторіи развитія государственной и народной жизни послѣднихъ двухъ столѣтій. Недовольные «новшествами», церковными и государственными, носители старины русской, подъ знаменіемъ вѣры и древне-церковныхъ обрядовъ, откололись отъ православія и открыли брань съ церковью и государствомъ — «брань съ антихристомъ». Почти съ самаго момента появленія раскола рѣзко обнаружились у однихъ — крѣпкій, сплоченный союзъ поклонниковъ старины, у другихъ — «нещадныя градскія казни церковныхъ мятежниковъ». Мы не будемъ останавливаться на темной картинѣ гоненій XVII-го и первой половины прошлаго столѣтія; пройдемъ также мимо свѣтлой полосы отношенія государства къ расколу, начиная съ Петра III-го и за все время цар-

ствованія Екатерины II-й; но за то послѣдовательно, шагъ за шагомъ, прослѣдимъ рядъ мѣръ, принимавшихся противъ раскола въ текущемъ столѣтіи, и, указывая на послѣдствія ихъ, постараемся, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, говорить одними фактами объ ихъ цѣлесообразности или недостаткахъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать, что знакомство съ историческимъ развитіемъ законодательства, а также административной и церковной дѣятельности противъ раскола, можетъ служить не малымъ, если не главнымъ подспорьемъ къ разрѣшенію постановленныхъ въ настоящую минуту вопросовъ, касательно такого сложнаго и до настоящаго времени почти загадочнаго для насъ явленія, какъ расколъ.

I.

Еще въ началѣ царствованія Екатерины II-й, подъ напоромъ либеральныхъ стремленій императрицы, проявленныхъ ею въ отношеніи раскола ради государственныхъ интересовъ, были изданы облегчительные законы, дозволявшіе возвращеніе изъ-за границы бѣжавшимъ, уничтожившіе слѣдственныя коммиссіи и не воспрещавшіе записываться въ купцы и въ двойной окладъ, которымъ обложены были раскольники со временъ Петра I. Но эти законы не затрогивали существа старообрядческой жизни и даже во многомъ не остановили прежнихъ порядковъ въ отношеніи управленія раскольниками. Синодъ и сенатъ еще не усвоили новаго и оставались вѣрными старому направленію; низшія власти, свѣтскія и духовныя, не переставали тѣснить раскольническія общества. Внѣшнія заботы отвлекли тогдашнее правительство отъ внутреннихъ интересовъ; но безпрестанные факты самосожженія и возмутительныхъ расправъ снова обратили вниманіе лучшихъ людей и императрицы на жизнь старообрядчества. Дальнѣйшія облегченія шли помимо сената и синода, частными высочайшими повелѣніями, которымъ всячески старались давать ограничительное толкованіе. Уничтоженъ былъ двойной окладъ, оставлено было право на отправленіе общественныхъ должностей, наконецъ, сила и вліяніе такихъ лицъ, какъ Румянцевъ-Задунайскій и Потемкинъ-Таврическій положили въ основаніе новое, серьезное право — право на общественное богослуженіе. Въ послѣдующее царствованіе приходилось развить это право съ тѣмъ, чтобы отдѣлить соединяющихся людей старой вѣры отъ тѣхъ, съ которыми не оставалось никакого способа соглашенія, и въ пользу которыхъ дальнѣйшія уступки со

стороны церкви признавались невозможными. Но, кромѣ этого, съ воцареніемъ императора Павла I на очереди стояло множество другихъ, и притомъ самыхъ серьёзныхъ неразрѣшенныхъ вопросовъ. Во-первыхъ, право общественнаго богослуженія, т.-е. право имѣть своихъ священниковъ, свои церкви и открыто производить въ нихъ богослуженіе все-таки не было установлено общимъ закономъ для старообрядцевъ всей имперіи. Было дано черезъ митрополита Гавріила высочайшее разрѣшеніе только для старообрядцевъ бѣлорусскаго, малороссійскаго и екатеринославскаго намѣстничествъ, и для новороссійскаго края по настоянію князя Потемкина; но для всей имперіи это былъ законъ сепаратный, не общій. Во-вторыхъ, и—что̀ самое главное—неизвѣстно было, какимъ старообрядцамъ дозволено это право: всѣмъ-ли, пріемлющимъ священство, или только тѣмъ, кои ставятъ необходимымъ и единственнымъ условіемъ богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ и сохраненія двоеперстнаго знаменія? По крайней мѣрѣ, до времени Павла I только эти двѣ уступки и сдѣланы были синодомъ. Наконецъ, въ-третьихъ, оставался неразрѣшеннымъ, также не менѣе важный, вопросъ о томъ, признается ли за сдѣланными двумя уступками церковь старообрядцевъ православною, или только остается терпимою, пожалуй, присоединенною, но, во всякомъ случаѣ, не единою православною церковью? Всѣ эти вопросы въ болѣе или менѣе опредѣлительной формѣ были разрѣшены въ царствованіе Павла I.

Изъ первоначальныхъ указовъ синода этого царствованія видно, что синодъ не допускалъ права общественнаго богослуженія и совершенія таинствъ старообрядческими священниками внѣ района, дозволеннаго старообрядцамъ общественнаго богослуженія. Въ селѣ Павловѣ, новгородской губерніи, обнаруженъ былъ бракъ крестьянина Махнева съ крестьянкою того же села, Саверьяновой, совершенный мимо проѣзжавшимъ раскольническимъ попомъ. Синодъ рѣшилъ, чтобы навели справку—православные-ли они?—затѣмъ, если они состояли въ старообрядчествѣ, то подвергнуть увѣщанію, а о вѣнчавшемъ «сей бракъ раскольническомъ попѣ,—пишетъ синодъ,—поелику истребленіе скопищъ бѣглыхъ людей и бродягъ, и какимъ образомъ ихъ ловить, относится къ должности капитанъ-исправника, сообщить въ губериское правленіе о сыскѣ его, а когда сысканъ и доставленъ будетъ въ консисторію, поступить съ нимъ, яко лжеучителѣ раскольническомъ по силѣ законовъ» (7-го сентября 1797 года). Ясно, что синодъ здѣсь держится вполнѣ старыхъ порядковъ. Онъ не входитъ въ обсужденіе, какого толка эти старообрядцы,

кто этотъ попъ;—бракъ не законенъ, попъ бродяга, потому что дѣло было въ новгородской губерніи, а потому головою выдаетъ его капитанъ-исправнику и канцеляріи.

Не знаемъ, по поводу ли этого случая или какого другого обстоятельства, но только преосвященный новгородскій митрополитъ Гавріилъ не раздѣлялъ взгляда синода, и въ томъ же году подалъ представленіе для доклада императору о дозволеніи старообрядцамъ его епархіи имѣть свои церкви. Это уже другой разъ приходилось почтенному архипастырю отстаивать права старовѣрующихъ, и на этотъ разъ представленіе его имѣло полный успѣхъ. Императоръ собственноручно написалъ: «Жительствующимъ въ новгородской епархіи старообрядцамъ позволить имѣть у себя церковь и собственныхъ священниковъ, рукоположенныхъ отъ епархіальнаго архіерея для отправленія службы божіей по старопечатнымъ книгамъ, сходственно съ представленіемъ епископа, которому собственному усмотрѣнію предоставить и исправленіе тѣхъ священниковъ въ случаѣ какихъ-либо учиненныхъ ими преступленій, духовной эпитиміи подлежащихъ». Но кромѣ этого, императоръ Павелъ добавилъ: «На семъ основаніи синодъ можетъ равномѣрное дозволеніе давать и по другимъ епархіямъ, когда изъ оныхъ вступать будутъ впредь подобныя о старообрядцахъ представленія или прошенія».

Съ этого времени начинаются непрестанныя ходатайства о дозволеніи построекъ старообрядческихъ церквей. Прежде всѣхъ обратились съ просьбою въ синодъ купцы и мѣщане г. Новоторжка во главѣ съ тамошнимъ купцомъ Морозовымъ. «Будучи руководствуемы предками,—писали они,—и священниками, самовольно отъ мѣстъ своихъ отлучившимися, издавна привыкли молиться Богу по старопечатнымъ книгамъ, изданнымъ при святѣйшихъ россійскихъ патріархахъ до лѣтъ Іосифа и Никона, патріарховъ московскихъ, и ихъ обрядамъ; но такъ какъ познали мы изъ священнаго писанія и святыхъ отецъ преданій, что христіане безъ соединенія церкви и святыхъ таинъ, чрезъ архіерея и правильно произведеннаго священника преподаваемыхъ, быть и сноситься не могутъ, то мы просимъ дать намъ въ г. Торжкѣ церковь и священника съ дозволеніемъ ему отправлять въ ней службу и всѣ требы въ домахъ по старопечатнымъ книгамъ и обрядамъ нашимъ и таковымъ снисхожденіемъ присоединить насъ къ православной церкви». Синодъ удовлетворилъ просьбу просителей, хотя велѣлъ въ то же время тверской консисторіи отобрать отъ Морозова подписку, чтобы этимъ снисхожденіемъ пользовались единственно родившіеся и воспитанные въ старообряд-

чествѣ, и чтобы вновь въ свое общество они никого не принимали.

Но не всегда мѣстные архіереи высказывали свое слово за присоединеніе; иные шли противъ этого. Такъ, иркутскій преосвященный Веніаминъ, на просьбу старообрядцевъ верхнеудинскаго округа, далъ заключеніе, что подобнаго разрѣшенія дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ въ старообрядчествѣ «введены многія крайнія, а нѣкоторыя и еретическое значеніе имѣющія церемоніи, о каковыхъ въ печатныхъ книгахъ до патріаршества Никона вовсе не упоминается»; и кромѣ того, — добавляетъ епископъ, «что они, гдѣ должно упоминать о высочайшемъ имени его императорскаго величества и ихъ императорскихъ высочествъ, не хотятъ называть его величество ни благочестивымъ, ни самодержавнымъ, а точію державнѣйшимъ; о святѣйшемъ же синодѣ и вовсе не упоминаютъ, и когда имъ, епископомъ, повѣренныя стороны были спрошены, для чего бы имъ не хотѣлось, хотя-бы сему вѣрному въ церкви учрежденію сообразоваться, отвѣтствовали, что таковыхъ словъ нѣтъ въ старопечатныхъ книгахъ». Несмотря на такое представленіе, синодъ разрѣшилъ постройку церкви и общественное богослуженіе и тѣмъ какъ-бы высказалъ мнѣніе, что упомянутыя уклоненія не могутъ служить препятствіемъ къ соединенію. Вслѣдъ за этимъ, въ томъ же 1798 году, разрѣшено было с.-петербургскимъ старообрядцамъ устроить церковь въ домѣ купца Милова, затѣмъ то же разрѣшено было въ Твери; въ слободѣ Радулѣ, черниговскаго уѣзда, дозволено было освятить старую старообрядческую церковь; наконецъ, особымъ высочайшимъ указомъ 1800 года дозволено было московскимъ старообрядцамъ устроивать церквей столько, «сколько для нихъ потребно будетъ».

Чѣмъ же отразилась подобная небывалая до этого времени свобода на самомъ старообрядчествѣ? Первое, какъ указываютъ акты того времени, это—то, что явилось значительное число присоединившихся къ православію. Въ одномъ постановленіи синода приводится ссылка на письмо преосвященнаго Павла, епископа тверского, къ митрополиту Гавріилу, въ которомъ онъ пишетъ, «что въ новгородской епархіи тысячи обратились изъ раскола, даже самые схимники оставили по крайней мѣрѣ то чужденіе и дикость, какую имѣли сперва къ священству, ненавидя его, и стали тише и кротче». Второе—то, что духовное начальство стало строже смотрѣть за всѣми, кто не ходилъ къ исповѣди, началó требовать взысканія за это штрафа, и притомъ будь это присоединенные старообрядцы или православные. Въ постановленіи

1800 года 3-го марта, синодъ прямо высказалъ, что такъ какъ въ настоящее время нѣтъ уже раскольниковъ, нѣтъ для нихъ двойного оклада, пользуются они такимъ же, какъ православные общественнымъ богослуженіемъ, то «таковая ихъ отъ платежа за небытіе у исповѣди штрафа свобода не только даетъ имъ предъ правовѣрными выгоду, но служитъ нѣкоторымъ и изъ правовѣрныхъ слабымъ въ вѣрѣ и нерадящимъ о должностяхъ христіанскихъ поводомъ къ удаленію отъ православной церкви». Затѣмъ въ другомъ указѣ синодъ наистрожайше велѣлъ подтвердить всѣмъ священнослужителямъ, «чтобы бывшихъ и небывшихъ у исповѣди и у святого причастія прихожанъ въ духовныхъ росписяхъ писали по самой сущей справедливости безъ всякихъ продѣлокъ, не требуя у нихъ за требы излишняго». Кромѣ того, дарованное право общественнаго богослуженія произвело переполохъ и въ самомъ старообрядчествѣ. Не имѣя этого права, совершая богослуженіе тайно, старообрядчество, какъ извѣстно, распалось на нѣсколько толковъ и согласій, отдѣляя отъ себя секты крайнія и даже въ полномъ смыслѣ еретическія. Теперь открытъ былъ путь къ соединенію; но это самое заставило оставшихся въ отпаденіи сплотиться еще крѣпче въ своихъ согласіяхъ и еще болѣе позаботиться объ упорядоченіи своего ученія. Разумѣется, нашлось не мало удовольствовавшихся дарованными «снисхожденіями», въ особенности когда они по настояніямъ митрополита Гавріила получили распространительное толкованіе; но не мало также осталось и такихъ, которые видѣли въ этомъ послѣдній шагъ къ поглощенію ихъ ученія православіемъ. Это заставило многихъ еще крѣпче стоять за свои обряды и вѣрованія и еще энергичнѣе отвергать всѣ дѣлаемыя церковью предложенія. Если порѣдѣли ряды согласій, пріемлющихъ священство, то число безпоповцевъ увеличилось, а еще болѣе увеличилась секта крайнихъ воззрѣній. До этого времени эти послѣднія терялись въ массѣ старообрядства; теперь, стоя особнякомъ, они стали виднѣе и замѣтнѣе. Дѣйствительно, въ этотъ періодъ, кромѣ уже ранѣе обнаруженныхъ хлыстовской секты, секты скопцовъ, обозначилась еще секта духоборцевъ. Правительство отнеслось къ этой сектѣ крайне строго въ особенности за то, что духоборцы не признавали Богомъ установленной власти на землѣ. Въ именномъ указѣ, данномъ 28 августа 1799 г. правительствующему сенату, было сказано: «По случаю открывшейся нынѣ въ новороссійской губерніи духоборческой ереси, издавна въ Россіи умы и сердца развращающей и противу всей при началѣ царствованія нашего, слѣдуя человѣколюбію, употребили

мы напротчайшія мѣры, надѣясь, что та гнусная секта восчувствуетъ наше отечественное въ ней снисхожденіе и на путь истиннаго разсудка, чести и вѣры обратится, видя не существованію еще оной, сколь участники ея суть нашей пощады не достойны, повелѣваемъ сенату: согласно съ представленіемъ новороссійскаго гражданскаго губернатора Селецкаго всѣхъ изобличенныхъ въ ереси духоборческой, числомъ 31 человѣкъ, отослать въ Екатеринбургъ вѣчно къ разработкѣ рудниковъ, содержа ихъ всѣхъ скованными и употребляя въ напятчайшія работы, дабы сіи духоборцы, отвергающіе внѣшнюю власть на землѣ, предѣломъ Божіимъ постановленную, восчувствовали чрезъ сіе, какъ слѣдуетъ, то, что суть на землѣ власти, Богомъ опредѣленныя на твердую защиту добрыхъ, злодѣямъ же подобнымъ на страхъ и назиданіе». Впрочемъ, въ послѣдующихъ указахъ правительство оказывается гораздо снисходительнѣе, какъ то видно изъ дѣла по обнаруженію духоборцевъ въ новгородской губерніи, въ селеніи Чудновѣ и въ самой Москвѣ. Наконецъ, еще однимъ послѣдствіемъ предоставленнаго права на общественное богослуженіе былъ переходъ значительнаго числа православныхъ священниковъ въ старообрядчество, что обусловливалось большимъ сиросомъ ихъ для вновь учреждаемыхъ старообрядческихъ церквей, а также и тѣмъ, что старообрядчество содержало своихъ поповъ гораздо обезпеченнѣе, чѣмъ то подушное содержаніе, какимъ пользовался православный причтъ.

Но положеніе старообрядчества было бы все-таки неопредѣленнымъ, если бы не было издано основныхъ правилъ, указывающихъ, какую существенную разницу допускаетъ церковь въ богослуженіи, или что признаетъ она несущественнымъ для объединенія. Правила эти были изданы въ царствованіе Павла I. Московское старообрядчество, какъ представитель старорусской обрядности всей Россіи, преся о построеніи для себя церквей, вмѣстѣ съ тѣмъ выставило на разсмотрѣніе московскаго митрополита Платона пункты, по которымъ возможно было бы для нихъ открыть у себя богослуженіе, подъ высшимъ управленіемъ православной іерархіи. Московское старообрядчество посмотрѣло на дѣло прямо: оно не хотѣло терпимости, не хотѣло права; не хотѣло дозволенія и снисхожденія, а хотѣло самобытной жизни своей церкви, покоющейся на старыхъ обычаяхъ и старой обрядности. Съ того и начинаютъ московскіе старообрядцы: они просятъ, чтобы съ нихъ были сняты клятвы московскихъ соборовъ, которыми ихъ отторгли отъ православной церкви, назвали еретиками, церковными мятежниками и передали свѣтской власти для преданія

«градскимъ казнямъ». На этотъ пунктъ вопроса старообрядцевъ митрополитъ Платонъ даетъ разрѣшеніе, говоря: «Ибо хотя церковь на нихъ оныя возложила праведно, что они и сами признаютъ, почитая ими себя связанныхъ и отъ оныхъ просятъ разрѣшенія; но какъ нынѣ они сближаются, или паче соединяются съ церковью, и истину ея, и таинство, и священство ея признаютъ дѣйствительными; то и потребно ей разрѣшеніе и не должна болѣе тѣми клятвами ихъ совѣсть быть отягощаема, подъ каковыми отторгающіеся еще отъ церкви имѣютъ и впредь состоять праведно». Такимъ образомъ, разрѣшеніемъ этимъ отмѣнено постановленіе московскихъ соборовъ и признано, что сохраненіе двоеперстнаго знамени и другихъ обрядовъ старой церкви, за что гнались русскіе люди въ теченіи болѣе ста лѣтъ, не препятствуетъ не только сближенію, но и соединенію съ православною церковью, т.-е. что это—та же православная церковь, только стараго обряда.

На просьбу московскихъ старообрядцевъ имѣть у себя священниковъ или тѣхъ, коихъ сами захотятъ, или избранныхъ архіереемъ, или изъ бывшихъ старообрядческихъ, но во всякомъ случаѣ поставленныхъ съ согласія общества и черезъ хиротонію по старопечатнымъ книгамъ, митрополитъ Платонъ изъявилъ согласіе, за исключеніемъ поставленія бывшихъ старообрядческихъ поповъ: «а прежнихъ ихъ поповъ,—пишетъ Платонъ—яко бѣглецовъ и предателей церкви, совѣсти и сана своего, въ таковой церкви не опредѣлять». Этимъ разрѣшеніемъ еще болѣе подтвердилось общее положеніе, что церковь единовѣрческая одна и та же церковь, ибо священство въ ней получаетъ рукоположеніе изъ одного и того же источника, и во власти епископа соединяются права «вязать и рѣшить» и въ пастве стараго, и въ пастве новаго обряда. Но въ отказѣ посвящать бывшихъ старообрядческихъ поповъ является противорѣчіе, такъ какъ они были священниками той же православной церкви. Объяснять это запрещеніе тѣмъ, что церковь не отпускаетъ имъ прежняго грѣха — побѣгъ изъ православія, не основательно—потому, что самое дѣяніе, для котораго они убѣгали, церковь не признаетъ теперь преступнымъ. Между тѣмъ это запрещеніе остановило многихъ отъ присоединенія къ единовѣрію, чему способствовали, разумѣется, лишенные права священства бѣглые священники.

Въ третьемъ пунктѣ московское старообрядчество просило благословить богослуженіе, таинства и требы христіанскія по прежде печатанными книгамъ при всероссійскихъ патріархахъ Іовѣ, Ермогенѣ, Филаретѣ, Іосифѣ и Іоасафѣ, и чтобы освященіе церквей

и антиминсовъ производилось по этимъ книгамъ. И это было разрѣшено. «Хотя въ книгахъ, ими упомянутыхъ, пишетъ Платонъ, и находятся нѣкоторыя погрѣшности, но не въ существенныхъ вѣры догматахъ, а въ словахъ и обрядахъ, а пріобрѣтеніе мира церковнаго есть важнѣе его».

Далѣе старообрядцы просили, чтобы ихъ и ихъ священниковъ не требовали къ соборнымъ моленіямъ, такъ какъ они будутъ совершать ихъ въ старообрядческихъ церквахъ; также просили не допускать на ихъ общія моленія «знаменующихся тремя персты, брады брѣющихъ и прочіе, имѣющихъ несогласіе съ древними обычаями», и о томъ, чтобы старообрядцамъ, «хотя и незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, не возбранять присоединяться къ церкви старообрядческой». На это митрополитъ Платонъ сдѣлалъ слѣдующую оговорку: «Но что надлежитъ до недопущенія ими въ церковь нѣкоторыхъ ими объясненныхъ особъ, на сіе согласиться предосудительно; а предоставить сіе благоразсужденію опредѣленныхъ къ нимъ священниковъ и поставленіямъ епископа. А чтобы не возбранять присоединяться къ церкви ими просимой и другимъ незаписаннымъ, но издавна удалившимся отъ сообщества грекороссійской церкви, сіе не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованіи епископа, что они никогда дотолѣ въ церковь православную не ходили и таинства ея не принимали, и то нашедши его таковымъ, при принятіи въ церковь, прочесть надъ нимъ разрѣшительную молитву. А въ церкви нашей православной доселѣ бывшихъ никакъ до такого присоединенія не допускать».

Приняты были также пункты о томъ, чтобы по духовнымъ дѣламъ старообрядческое духовенство и сами старообрядцы были въ вѣдѣніи только епископа. Не было возраженія противъ того, чтобы не повторялись священнодѣйствія, совершонныя прежними старообрядческими попами, чтобы налагаемыя епископами на старообрядческое духовенство эпитиміи исполнялись ими въ ихъ церквахъ, чтобы при смѣшанныхъ бракахъ бракосочетаніе совершалось въ одной изъ церквей по желанію брачущихся. На просьбу, чтобы старообрядческіе священники были на исповѣди только у священниковъ старообрядцевъ, и чтобы епископы дозволяли имъ молиться двое-перстно, предоставлено первое — совѣсти священника, а второе — совѣсти и благоразумію епископа, посвящающаго въ санъ старообрядческаго священника. Пріобщаться св. таинъ православному отъ старообрядческаго священника допущено только на смертномъ одрѣ, когда не случится найти православнаго свя-

щенника; наоборотъ, старообрядцамъ пріобщаться отъ православнаго священника не возбранялось. Наконецъ, въ одномъ пунктѣ, старообрядцы, считая для себя обязательнымъ вести трое-частныя книги (записи брачныя, рожденія и смерти, исповѣдныя росписи), вмѣстѣ съ тѣмъ просили, чтобы не исповѣдующихъ не привлекали къ гражданской отвѣтственности, а налагали бы на нихъ духовныя наказанія—эпитимія. На все это митрополитъ изъявилъ полное согласіе и добавилъ, что слѣдовало бы и православныхъ отъ штрафа освободить, такъ какъ за духовное прегрѣшеніе слѣдуетъ только духовное наказаніе.

Въ послѣднемъ пунктѣ своего ходатайства московское старообрядчество заявило, что «распри, раздоры и хулы ни съ единыя стороны да не слышатся за содержаніе разныхъ обрядовъ и разныхъ книгъ, употребляемыхъ для богослуженія; ибо такая обоюдная разность, какъ не принадлежитъ до сущности вѣры, то и да пребудутъ старообрядцы и сынове грекороссійскія церкви въ мирѣ, любви и соединеніи, яко чада единыя, соборныя, апостольскія церкви». На это Платонъ отвѣтилъ: «Требованіе благое и достойное, чтобъ оное было отъ всѣхъ сохраняемо въ точности»; въ концѣ же сдѣлалъ заключеніе, чтобы слово старообрядецъ было замѣнено словомъ «соединенецъ» или «единовѣрецъ», церковь ихъ чтобы называлась «единовѣрческою», а остальныхъ отторженныхъ называть «раскольниками». Митрополитъ Платонъ находилъ необходимымъ это распоряженіе огласить, «дабы всѣмъ вѣдомо было, по какой винѣ церковь нынѣ таковое творитъ снисхожденіе и дабы развратные не претолковывали, яви бы святая церковь свое прегрѣшеніе, а ихъ истину познала, какъ то нѣкоторые дерзаютъ и мыслить, и говорить».

Пункты эти и заключеніе митрополита 27 октября 1800 г. были утверждены императоромъ Павломъ, и на основаніи этихъ правилъ покоится единовѣрческая церковь по настоящее время. Правилами этими удовлетворились пока обѣ стороны, хотя первенство осталось за церковью новаго обряда, и она въ отношеніи къ единовѣрческой поставлена какъ правило къ допускаемому исключенію.

II.

Императоръ Александръ I засталъ въ средѣ людей стараго обряда и отпавшихъ отъ православной церкви согласій страшный переполохъ и смятеніе. Въ пунктахъ митрополита Платона одни видѣли только уступки со стороны церкви и го-

сударства, и потому, признавая свое ученіе правымъ, стали требовательнѣе, стали сильнѣе его пропагандировать и находили множество поклонниковъ; другіе объяснили эти уступки стремленіемъ церкви новаго обряда поглотить все старообрядчество и, не довѣряя новому закону, указывали на него, какъ на ловушку; третьи придали закону имп. Павла значеніе полной свободы отправленія богослуженія, и потому всѣ пріемлющія и непріемлющія священство согласія начали строить себѣ церкви, скиты, молитвенные дома; наконецъ четвертые, адепты крайнихъ сектъ, воспользовавшись замѣшательствомъ вѣрующихъ, открыли широкое поле своей пропагандѣ и успѣвали находить значительное число прозелитовъ.

Собственно устройство единовѣрческой церкви была одна изъ самыхъ плодотворныхъ идей, какія когда-либо приходили на мысль нашимъ законодателямъ въ отношеніи старообрядчества. Намѣтивъ путь къ единенію, наша церковь при нѣкоторой снисходительности къ обрядовой сторонѣ богослуженія имѣла бы возможность соединить подъ единовѣріе всѣ согласія, пріемлющія священство, и даже нѣкоторыя изъ безпоповщинскихъ сектъ. Ей стоило только правиламъ, намѣченнымъ въ высочайшемъ повелѣніи 27 октября 1800 года, дать болѣе широкое, распространительное толкованіе, а не останавливаться на мертвой буквѣ. Пусть бы старообрядчество входило въ единовѣріе и съ бо́льшими уклоненіями отъ православія грекороссійскаго; пусть первоначально и не было бы желаемаго единства; но за то со временемъ, при развитіи единовѣрія, при свободной духовной жизни этой церкви, оно могло бы поглотить всѣ секты поповцевъ, объединить ихъ въ одно согласіе, и затѣмъ подъ общимъ главенствомъ нашихъ іерарховъ, все отколотое вновь сплотилось бы съ господствующею церковью, въ которой не было бы раскола, а явились бы только два теченія—теченіе самобытной старой церкви и новой—грекороссійской. Но синодъ поступилъ иначе. Онъ съ самаго начала сталъ строго придерживаться буквы утвержденныхъ пунктовъ и при малѣйшемъ несогласіи съ ними говорилъ «non possumus». Такъ, инокъ и настоятель высоковскаго старообрядческаго скита Герасимъ съ братіею просилъ синодъ дать имъ троицкую кривоозерскую пустынь, съ тѣмъ, чтобы избирать имъ настоятеля самимъ и чтобы священники рукоположены были архіереемъ изъ ихъ старообрядческой братіи. «Оставляя свое заблужденіе,—пишетъ братія,—мы желаемъ принимать священниковъ отъ эпархіальнаго архіерея и быть подъ его смотрѣніемъ, такъ какъ святѣйшій синодъ и архипастыри, по бывшемъ отъ лѣтъ патріарха Никона отдѣленіи, на-послѣдяхъ признали отправленіе богослу-

женія по прежде печатаннымъ книгамъ за святое и спасительное». Синодъ отвергъ это ходатайство, указывая, что заключенія ихъ «не означаютъ истиннаго въ нихъ раскаянія о бывшемъ заблужденіи, но паче подтверждаютъ прежнее ихъ ожесточеніе». Между тѣмъ, уклоненіе просителей отъ пунктовъ митрополита Платона было самое незначительное, и, слѣдуя здравой терпимости, весьма возможно было бы для монашествующей братіи обойти правило назначенія священства, а о мотивахъ, высказанныхъ старообрядцами, не слѣдовало даже и упоминать, относя это къ словопреніямъ, а тѣмъ болѣе относиться въ такой формѣ упрека. Мало того, народъ, уважая болѣе старый обрядъ, отчасти, быть можетъ, и тайно придерживавшійся его, нерѣдко просилъ синодъ объ обращеніи православныхъ церквей въ старообрядческія. Синодъ, основываясь на правилахъ митрополита Платона, относящихся къ издавна удалявшимся отъ грекороссійской церкви, отклонилъ подобныя ходатайства, а этимъ самымъ поддерживалъ и распространялъ только тайное старообрядчество. Изъ указовъ того времени мы видимъ, что только въ двухъ мѣстахъ разрѣшено было открыть единовѣрческія церкви — въ Екатеринбургѣ и на Демидовскихъ заводахъ; а затѣмъ разрѣшеній, да и самыхъ ходатайствъ въ синодъ не поступало. Ясно, что нетерпимость синода остановила дальнѣйшее присоединеніе къ единовѣрчеству.

Но синодъ былъ при этомъ виноватъ только вполовину, такъ какъ правительство, во имя свободомыслія, само взяло въ руки заботу объ охраненіи церкви и о возвращеніи отпадшихъ. Синоду оставалось отойти отъ этого дѣла, стоять постороннимъ зрителемъ, обратиться къ духовнымъ дѣламъ своей паствы и полностью вручить въ распоряженіе свѣтской власти заботу объ обращеніи отступниковъ. Дѣйствительно, синодъ временъ Александра I почти не касается дѣлъ раскола и не входитъ въ существо этого церковно-государственнаго вопроса. Оставшись строгимъ къ единенію церкви черезъ единовѣріе, отстранивъ отъ себя даже увѣщеваніе заблудшихъ, онъ занимается въ это время или вопросами частнаго права, правами супруговъ старообрядческаго и грекороссійскаго исповѣданія, участью прижитыхъ дѣтей, или вопросами церковно-административнаго управленія, исполненія распоряженій и судебныхъ рѣшеній свѣтской власти по отношенію духовныхъ взысканій съ виновныхъ. Въ царствованіе Александра I синодъ утратилъ прежнее церковно-правительственное значеніе, и его мѣсто замѣняли или оберъ-прокуроръ синода князь Голицынъ, предлагавшій ему только высочайшія повелѣнія къ исполненію, или министръ народнаго

просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Шишковъ, или министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Указы этого времени относятся только къ разрѣшенію нѣкоторыхъ, впрочемъ немаловажныхъ вопросовъ, касающихся частной жизни старообрядчества и православія. Такъ, синодъ разрѣшилъ и установилъ правила относительно изданія старопечатныхъ богослужебныхъ книгъ. Указомъ 2-го іюня 1801 года синодъ дозволилъ печатаніе этихъ книгъ въ типографіи клинцовскаго посада и села Махновки мглинскаго уѣзда; затѣмъ установилъ, чтобы эти типографіи принадлежали обществу, а не частному лицу (19 апр. 1803 г.); наконецъ, издалъ правила, чтобы печатаніе старыхъ церковно-служебныхъ книгъ было сосредоточено исключительно въ Москвѣ при тамошней единовѣрческой церкви. Въ типографіи назначено было два надзирателя изъ духовныхъ особъ и нѣсколько попечителей изъ прихожанъ-единовѣрцевъ. По представленіи преосвященному оригинала старопечатной книги, его свѣряли черезъ надзирателей съ книгами, находящимися въ библіотекахъ синодальной типографіи; затѣмъ каждый листъ набора долженъ былъ быть свѣренъ снова надзирателями, а по отпечатаніи книги, къ ней прикладывался такъ-называемый выходной листъ, въ которомъ послѣ словъ: «напечатана сія книга въ царствующемъ великомъ городѣ Москвѣ», велѣно было добавлять: «въ типографіи единовѣрческой церкви въ лѣто отъ сотворенія міра (такое-то), отъ рождества же по плоти Бога Слова (такое-то), индикта мѣсяца, съ книги, напечатанной въ такомъ-то городѣ, при такомъ-то патріархѣ». Для будущихъ изданій велѣно было оставлять одинъ экземпляръ за скрѣпою надзирателей, шнуромъ и печатью въ типографіи, а три экземпляра отсылать преосвященному, синоду и въ патріаршескую библіотеку.

Другой болѣе важный вопросъ, разрѣшенный синодальною практикою того времени, былъ вопросъ о смѣшанныхъ православныхъ съ старообрядцами бракахъ. Чтобы уяснить взглядъ синода на этотъ важный вопросъ гражданскаго права, не утративший силу и въ настоящее время, мы прослѣдимъ нѣсколько частныхъ его рѣшеній.

Купецъ Леонъ Шутовъ принесъ въ поле связанные образа протопопу и объявилъ, что онъ ходить въ церковь не будетъ и въ исправленіи требъ не нуждается, такъ какъ «содержитъ законъ Моисеевъ». Жена Шутова въ свою очередь подала прошеніе, что мужъ принуждаетъ ее съ девятилѣтнимъ сыномъ перейти въ духоборческую секту, а потому проситъ о расторженіи брака. Синодъ не расторгнулъ, основываясь на посланіи апостола

Павла къ коринѳянамъ гл. 7 ст. 12, а дозволилъ ей только жить въ особомъ домѣ, и преподалъ ей наставленіе молиться Богу и помнить ученіе Спасителя, изложенное у того же апостола, что «святится мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ» (18 ноября 1803 г.).

Крестьянка Марія Трихонова, рожденная православною, на десятилѣтнемъ возрастѣ вмѣстѣ съ отцомъ перешла въ старообрядчество; на пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ она была выдана замужъ за старообрядца Михайлова, и бракъ ихъ совершилъ на Рогожскомъ кладбищѣ, какъ заявляетъ просительница, неизвѣстный человѣкъ—былъ ли то попъ или просто мужикъ, не знаетъ, а потому проситъ присоединить ее къ православію, а бракъ расторгнуть. Здѣсь синодъ нашелъ просьбу просительницы правильною, и по силѣ соборныхъ правилъ не призналъ это сопряженіе даже бракомъ.

Въ отмѣну своего прежняго рѣшенія въ дальнѣйшей практикѣ синодъ началъ расторгать браки, если одна сторона перешла въ расколъ, основываясь на посланіи Павла, гдѣ сказано: «аще невѣрный отлучается, да разлучатся, не порабощится бо братъ или сестра въ таковыхъ». Замѣчательно однако то, что синодъ не расторгалъ брака, когда мужъ переходилъ въ скопчество, лишь бы было на это обоюдное согласіе брачущихся (см. 9 сентяб. 22 декабря 1807 г. 18 февраля 1808). Взамѣнъ того, всякое сопряженіе подъ именованіемъ раскольническихъ браковъ, при которомъ одинъ изъ брачущихся былъ православнымъ и совратился, синодъ признавалъ незаконнымъ, и виновныхъ, какъ прелюбодѣевъ, отсылалъ къ гражданскому суду (10 декабр. 1809 г.).

Относительно совершенія браковъ между лютеранами и духоборцами синодъ отказался дать свое заключеніе на запросъ государственной юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, говоря, «что духоборческая секта находится внѣ всякаго установленнаго исповѣданія христіанской религіи, что она есть не что иное, какъ только невѣжественное уклоненіе отъ правовѣрія и правилъ, утвержденныхъ св. православною нашею церковью, что блуждающіе въ семъ расколѣ не принадлежатъ къ сословію истинныхъ чадъ ея, и потому синодъ, не входя ни въ какое сужденіе насчетъ совершенія брака духоборца съ невѣстою, содержащею лютеранское исповѣданіе, не можетъ дать разрѣшеніе на сей случай». Но за то синодъ далъ чрезвычайно важное рѣшеніе относительно брачущихся старообрядцевъ, добровольно пожелавшихъ обвѣнчаться въ православной церкви. Рѣшеніемъ 22 января 1815 года синодъ прямо высказалъ: «Какъ видно,

Долгушинъ и Васильева, поморскаго толка, не желая жить любовно, согласились, чтобы бракосочетаніе ихъ совершилось въ церкви черезъ православнаго іерея, то чрезъ сіе не только сдѣлались участниками церковныхъ молитвъ, при семъ таинствѣ совершаемыхъ, но и сближаются къ истиннымъ христіанамъ», т.-е. этимъ самымъ синодъ показалъ, что наша церковь и для раскола не отказываетъ въ пріятіи нѣкоторыхъ таинствъ, какъ, напримѣръ, брака, безъ полнаго присоединенія къ ней.

Что касается погребенія и крещенія старообрядцевъ, то въ этомъ случаѣ синодъ выказалъ полное свое невмѣшательство. Епископъ калужскій доносилъ синоду, что тѣла умершихъ безпоповщинской секты хоронятъ сами крестьяне, притомъ ночью, скрытно и въ неустановленныхъ мѣстахъ. Земскіе суды, пишетъ епископъ, производятъ объ этихъ дѣлахъ слѣдствія, привлекая къ отвѣтственности крестьянъ и духовенство, производя тѣмъ большія имъ отягощенія и волокиты. Епископъ указывалъ, что такъ какъ раскольники этой секты въ Христа вѣруютъ, евангельское ученіе пріемлютъ только съ извращеннымъ толкованіемъ, и бываютъ терпимы между живыми, то могутъ быть терпимы и между мертвыми, а потому полагалъ предавать ихъ землѣ православными священниками по примѣру иновѣрцевъ. Синодъ отвергъ это предложеніе, говоря, что если это дѣлать противъ воли раскольниковъ, то можетъ быть принято ими за притѣсненіе, и на духовенство можетъ послѣдовать нареканіе. По другому случаю, гдѣ архангельская консисторія возбудила дѣло и настойчиво преслѣдовала виновныхъ за то, что одинъ изъ старообрядцевъ похоронилъ умершую, а другой окрестилъ младенца, синодъ постановленіемъ 1-го февраля 1818 г. разъяснилъ, что «духовенство не должно дѣлать никакихъ притязаній къ раскольникамъ, которыя насильствовали бы ихъ совѣсть по образу ихъ мыслей, а затѣмъ гражданское правительство, независимо отъ требованій духовнаго начальства, можетъ свободно дѣйствовать по точной силѣ узаконеній».

Такимъ образомъ, въ царствованіе Александра I синодъ совершенно отклонилъ отъ себя дѣла по расколу, и всю заботу о прекращеніи или уменьшеніи его предоставилъ свѣтскому правительству. Посмотримъ же теперь, какія мѣры принимало оно въ этомъ дѣлѣ?

«Общее правило, принятое мною на заблужденіе сего рода—пишетъ императоръ Александръ I тамбовскому губернатору по поводу распространившейся тамъ секты духоборцевъ,—состоитъ въ томъ, чтобъ, не дѣлая насилія совѣсти и не входя въ розысканіе внутренняго исповѣданія вѣры, не допускать однакоже никакихъ

внѣшнихъ оказательствъ отступленія отъ церкви и строго воспрещать всякіе въ семъ соблазны не въ видѣ ереси, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка». Вотъ программа, которую объявилъ Александръ I въ началѣ своего царствованія. Если она не вполнѣ совпадаетъ съ свободою совѣсти, какъ понимается она въ послѣднее время, то все-таки она стоитъ неизмѣримо выше существовавшихъ до того взглядовъ. Здѣсь нѣтъ наказуемости и гражданскаго преслѣдованія за одно состояніе въ расколѣ, нѣтъ насилованія совѣсти или принудительнаго увѣщеванія объ обращеніи, нѣтъ розыска признаковъ отступничества. Это былъ уже большой шагъ впередъ въ исторіи развитія у насъ вѣротерпимости. Законодательство наше, по крайней мѣрѣ въ этотъ періодъ, отрѣшилось отъ старыхъ отжившихъ формъ охраненія чистоты христіанскаго ученія, оно предоставило въ то время совѣсти каждаго доискиваться христіанской истины и отклонило отъ себя въ этомъ дѣлѣ всякое механическое, принудительное человѣческое участіе. Къ сожалѣнію, мысль, высказанная Александромъ I, была настолько высока и настолько не вязалась со всѣмъ строемъ тогдашняго общества и формой государственности, что ей пришлось остаться одинокимъ свѣточемъ, блеснувшимъ среди мрака и утонувшимъ въ немъ, не произведя никакого видимаго результата. Тѣ прекрасныя слова о «свободѣ» отношеній человѣка къ Богу были высказаны среди закрѣпощенныхъ милліоновъ, которые нуждались въ свободѣ на землѣ, а имъ предлагалась свобода созерцанія, свобода возноситься мыслью къ небу. Вотъ почему народныя массы и воспользовались этою предоставленною имъ въ то время свободою для того, чтобы удариться въ мистицизмъ. Церковь, какъ мы видѣли, отступилась отъ духовно-нравственнаго направленія народа и оставила это на попеченіи свѣтской власти. Установленное сближеніе съ нею старообрядчества черезъ единовѣріе прекратилось. Началось духовное броженіе въ народѣ, стали расти и распространяться, вмѣсто прежняго старообрядчества, ереси самаго противонравственнаго направленія. Любой проходимецъ, бѣглый солдатъ, бродяга, увлекалъ темныя массы, основывалъ братства, согласія, коверкая и уродуя нравственную жизнь забитыхъ дѣтей природы. Скопецъ Селивановъ возвращается изъ Сибири и темною массою возводится въ божество. Скопецъ камергеръ Елянскій подаетъ Александру I-му въ 1804 г. проектъ скопческо-теократическаго правленія въ Россіи съ его «божественною канцелярію», состоящею изъ скопцовъ. Все бросилось въ мистицизмъ и забыло о землѣ и о живущемъ на ней закрѣпощенномъ народѣ.

Вторая часть программы Александра I-го, запрещающая «внѣшнія оказательства» отступленія отъ церкви съ воспрещеніемъ соблазновъ не въ видѣ ересей, но какъ нарушеніе общаго благочинія и порядка—всецѣло предала еретиковъ и раскольниковъ, неприсоединившихся къ единовѣрію, въ руки полицейскихъ чиновниковъ, съ ихъ волокитами и взяточничествомъ. Это совершенно парализовало и уничтожало благія намѣренія императора. Полицейскій надзоръ и придирка еще болѣе разжигали мистическія увлеченія и безъ того забитаго народа. Необразованное, тупое чиновничество, разумѣется, не могло понять значенія словъ Александра и изъ своекорыстныхъ видовъ повсюду искало «оказательствъ», прицѣпляя ихъ къ любому явленію обыденной жизни раскольниковъ. Въ этомъ случаѣ либеральная съ виду программа открыла широкій просторъ для негласнаго кормленія чиновниковъ.

Наибольшее противорѣчіе между гуманными взглядами государя и далеко не гуманными распоряженіями управителей замѣтно было въ дѣлахъ, относящихся къ духоборческой и молоканской сектамъ. Александръ I былъ крайне снисходителенъ къ послѣдователямъ этого уклоненія. Въ его царствованіе сектанты получили особенное развитіе и осѣдлость въ Тамбовской, Воронежской и Слободско-Украинской губерніяхъ. Ревизовавшіе въ этомъ году эти губерніи сенаторъ Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій засвидѣтельствовали передъ государемъ, что они были удивлены нравственностью этихъ людей и ихъ трудолюбіемъ. Александръ I тотчасъ же вернулъ всѣхъ изъ ссылки, предоставилъ имъ право жить въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, и велѣлъ доставить ему самыя точныя справки объ ихъ хозяйствѣ, величинѣ надѣловъ и нуждахъ. «И разумомъ, и опытомъ давно уже дознано, — пишетъ государь слободско-украинскому губернатору, — что умственныя заблужденія простого народа, преніями и нарядными увѣщеваніями въ мысляхъ его углубляясь, единымъ забвеніемъ, добрымъ примѣромъ и терпимостью мало-по-малу изглаживаются и исчезаютъ. Вотъ правило, коего мѣстному начальству должно держаться, и на немъ основано было повелѣніе, данное о увѣщеваніи сихъ духоборцевъ при возвращеніи ихъ во-свояси. Сіи увѣщанія никакъ не должны имѣть вида допросовъ, состязаній и открытаго образу ихъ мыслей насилія; но должны сами собой, непримѣтно, изливаться къ нимъ изъ добрыхъ нравовъ духовенства, изъ жизни ихъ, изъ поступковъ и, наконецъ, изъ непринужденныхъ, къ случаю и съ видомъ ненамѣренности направленныхъ на ихъ положенія разговоровъ, а чтобъ все сіе имѣло

болѣе дѣйствія и чтобъ они лучше почувствовали обязанности ихъ къ правительству, прежде всего нужно было бы дать имъ самимъ примѣтить, что оно объ нихъ печется, и послѣ претерпѣннаго ихъ разоренія войти въ ихъ состояніе». Несмотря, однако, на такой гуманный совѣтъ мелитопольскіе сектанты не совсѣмъ довольны были своимъ положеніемъ и не мало терпѣли отъ мѣстной власти. Въ томъ же году они подали прошеніе о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и о водвореніи ихъ сколь возможно подалѣе. Государь удовлетворилъ и эту просьбу, назначивъ имъ для поселенія обширныя поля маріупольскаго уѣзда по рѣкѣ Молочной (отсюда названіе молокане). Имъ назначено было по 15 десятинъ душевого надѣла, на пять лѣтъ они освобождены были отъ государственныхъ податей, на подъемъ имъ было выдано по 100 руб. на дворъ, уплата за землю разсрочена была на 25 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы каждое семейство платило не болѣе 5 руб. въ годъ. Но этого мало. Наученный опытомъ, что, несмотря на указы, притѣсненія раскольниковъ считались дѣломъ обыденнымъ, Александръ I снова и снова повторяетъ въ указахъ губернаторамъ о человѣчномъ съ ними обращеніи. Такъ, онъ пишетъ тамбовскому губернатору, отъ 21-го февраля 1803 г., «что доколѣ не обнаружено будетъ въ духоборцахъ явнаго неповиновенія установленной власти, дотолѣ не можно по единому смыслу ихъ ереси судить и обвинять въ семъ преступленіи». Дозволяя подобно слободско-украинскимъ и тамбовскимъ молоканамъ переселяться на Молочную рѣку, Александръ I снова повторяетъ, «о наблюденіи во всѣхъ случаяхъ, чтобы до перехода ихъ не было имъ дѣлано никакихъ принужденій, обидъ и утѣсненій». То же самое еще разъ указываетъ онъ въ распоряженіи о переселеніи духоборцевъ изъ Азовской крѣпости. Но всѣ эти указы и наставленія не имѣли никакого значенія и оставались безъ всякаго исполненія. Въ 1816 году тѣ же молокане, о которыхъ такъ заботился Александръ I, подали ему прошеніе, взывая о защитѣ ихъ противъ притѣсненій мѣстной власти. Жалоба ихъ была настолько основательна, что, несмотря на донесеніе губернатора о развратномъ будто бы ихъ поведеніи, государь отвѣтилъ: «Отдаленіе сихъ людей отъ православной греко-россійской церкви есть, конечно, съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ богослуженіи и духѣ христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка въ просвѣщеніи, ибо ревность божію имѣютъ, но не по разуму. Но православному ли государству приличествуетъ, — спрашиваетъ Александръ I,—заблуд-

шихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и тому подобное? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушено быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатью Господнею чрезъ убѣжденіе поученіемъ, кротостью, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». Во время путешествія черезъ мелитопольскій уѣздъ на просьбу духоборцевъ государь велѣлъ черезъ Аракчеева сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣхъ безъ исключенія прежде сосланныхъ изъ этой секты возвратить на Молочныя воды, а такъ какъ въ числѣ ихъ было двое рядовыхъ 23-го егерскаго полка, сосланныхъ по наказаніи кнутомъ въ Нерчинскъ, то государю любопытно было знать, за какой поступокъ они были осуждены; все это казалось ему страннымъ, такъ какъ онъ зналъ и слышалъ много о безупречной нравственности самой секты. Сдѣлали справку. Оказалось, что эти двое несчастныхъ по приговору генералъ-аудиторіата, высочайше же утвержденному 10 сентября 1811 года, т.-е. спустя 10 лѣтъ послѣ закона о ненаказуемости за одну принадлежность къ сектѣ, были осуждены именно: «за отстаніе преданій, греко-россійской церковью уставленныхъ и за непризнаніе надъ собою верховной власти». Если неисполненіе законовъ было возможно въ высшихъ учрежденіяхъ, то что́ послѣ этого можно было ожидать въ глуши, въ мѣстахъ, гдѣ не было никакого контроля?

Мы уже упомянули, что синодъ устранилъ себя отъ раскольническихъ дѣлъ и предоставилъ ихъ во владѣніе свѣтской власти. На ходатайство иргизскихъ жителей о посвященіи ихъ священниковъ епископами синодъ отвѣчалъ отказомъ, говоря: «ибо оныя со всѣми жителями своими не что иное суть, какъ раскольническія скопища, блуждающія внѣ православной нашей церкви и въ отчужденіи отъ ея правленія». Но иначе посмотрѣло на дѣло свѣтское правительство. «Для успокоенія старообрядцевъ,—говоритъ указъ 12-го мая 1803 года,—дозволяется имъ имѣть священниковъ изъ Иргиза, наблюдая, чтобы таковое снисхожденіе не могло быть обращено во зло, чтобы священники сіи вызываемы были по мѣрѣ надобности и съ вѣдома духовныхъ и гражданскихъ правительствъ, и чтобы во всемъ были подчинены, на основаніи общихъ правилъ, мѣстному преосвященному». Тутъ вышло явное противорѣчіе: свѣтская власть возводила въ санъ священства тѣхъ, которыхъ синодъ признавалъ начальниками скопищъ. На практикѣ это привело къ тому, что бѣглые попы, растриги,

указывали на посвященіе свое въ Иргизѣ и тѣмъ ограждали себя отъ преслѣдованія. Наконецъ, когда синодъ настойчиво сталъ требовать преслѣдованія поповъ, то въ отвѣтъ на это, по поводу запроса малороссійскаго генералъ-губернатора, сенатъ указомъ 5-го іюня 1805 года прямо высказалъ: «какъ изъятіе изъ волостей священниковъ могло бы болѣе ожесточить раскольниковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ-сказать, сквозь пальцы и не подавая однако же имъ явнаго вида покровительства».

Точно также въ отношеніи общественнаго богослуженія раскольниковъ, первоначальные указы императора носили характеръ полной терпимости. Старообрядчество пріемлющее и непріемлющее священство начало строить себѣ монастыри, церкви, скиты, часовни. Самъ государь, будучи въ Москвѣ и осмотрѣвъ выстроенный московскимъ купцомъ Ильею Ковылинымъ богадѣльный домъ на преображенскомъ кладбищѣ, указомъ 15-го мая 1809 года утвердилъ это заведеніе за обществомъ старообрядцевъ и призналъ, «что оно заслуживаетъ быть подъ общимъ покровительствомъ законовъ и мѣстнаго начальства». Указомъ этимъ Александръ I какъ-бы освятилъ общественное богослуженіе старообрядцевъ подъ видомъ учрежденія благотворительныхъ заведеній. Въ 1808 г. государь жертвуетъ въ пользу старообрядческаго Корсунскаго монастыря по 500 фуръ соли изъ Кинбурнскихъ соленыхъ озеръ ежегодно, а самыя озера отдалъ монастырю на содержаніе безъ платежа въ казну. Въ 1811-мъ году онъ разрѣшилъ отправлять богослуженіе и освятить церковь по старому обряду въ Климовскомъ старообрядческомъ монастырѣ. Слѣдуя государю, впослѣдствіи начали давать разрѣшеніе на постройку церквей и монастырей губернаторы. Синодъ возсталъ противъ этого, такъ какъ къ нему со всѣхъ концовъ Россіи начали поступать заявленія объ увеличеніи числа совращенныхъ. Дѣйствительно, расколъ окрѣпъ въ это время матеріально, пріобрѣлъ вліяніе на всю администрацію и пользовался во всѣхъ отношеніяхъ большими удобствами жизни и бо́льшею свободою, чѣмъ весь остальной закрѣпощенный людъ. Расколъ началъ считаться уже не сотнями тысячъ, а милліонами. Члены синода настоятельно потребовали отъ оберъ-прокурора, князя Голицына, чтобы онъ доложилъ объ этомъ государю и уяснилъ, на какихъ основаніяхъ церковь полагаетъ возможнымъ единеніе и за какими предѣлами нельзя допускать общественное богослуженіе. Государь, дѣйствительно, увидалъ, что расколъ и ереси растутъ, а присоединяющихся къ единовѣрію почти

не стало. Нужно было отстать отъ прежней программы, слушать не мистика Голицына, а охранителя Шишкова. Дойти до полной вѣротерпимости было нельзя: Россія крѣпостная не могла пользоваться свободою въ своихъ духовныхъ отправленіяхъ. Государь понялъ это, и остановилъ дальнѣйшее развитіе вѣротерпимости. По поводу построенія съ дозволенія губернатора въ Вольскѣ старообрядческой церкви онъ издаетъ въ ноябрѣ 1817 года указъ, гдѣ строго воспрещается разрѣшеніе подобныхъ вопросовъ кому бы то ни было изъ свѣтской власти. Въ декабрѣ того же года онъ дѣлаетъ замѣчаніе двумъ губернаторамъ за дозволеніе устройства близъ Саратова старообрядческой обители и построенія раскольническихъ часовенъ въ Чугуевкѣ и Боровскѣ. Синодъ, видя, что государь удовлетворилъ его настояніе, началъ самъ возбуждать дѣла о недозволенныхъ постройкахъ церквей. Дѣлъ возникло множество. Чтобы прекратить это, въ 1822 году былъ изданъ указъ, по которому запрещено было входить въ разсмотрѣніе и разслѣдованіе о тѣхъ церквахъ, скитахъ и часовняхъ, которые уже были построены, но затѣмъ къ постройкамъ новыхъ не дозволено было допускать ни по какому случаю. Мало того. Всѣ льготы, данныя сектантамъ въ началѣ царствованія, были отняты, и даже къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣнена была прежняя строгость. Страннымъ исключеніемъ изъ этого только составляютъ скопцы. Въ отношеніи этой, болѣе вредной секты мы видимъ снисхожденіе, видимъ защиту какой-то скрытой силы. Вотъ что говорятъ документы.

Въ 1807 и 1808 годахъ по поводу распространенія скопчества въ Орловской губерніи были изданы законы, по которымъ повелѣно было всѣхъ оскопленныхъ сдавать въ солдаты, зачитывая имъ рекрутскую очередь. Но секта эта получала годъ отъ году все бо́льшее и бо́льшее распространеніе. Возбуждены были дѣла въ Рязанской, Симбирской и другихъ губерніяхъ. Губернаторы всѣ единогласно доносили, что вредъ этой секты требуетъ болѣе строгихъ мѣръ, чѣмъ отдача въ солдаты, особенно въ отношеніи оскопителей. Не имѣемъ данныхъ, чтобы сказать почему, но замѣчательно, что въ отвѣтъ на всѣ эти заявленія былъ изданъ 14 марта 1814 года такой указъ: «объявить тѣмъ сконцамъ, которые будутъ скрывать, гдѣ они оскоплены, что съ ними поступятъ, какъ съ ослушниками, а тѣхъ, которые чистосердечно признаются, отнюдь не преслѣдовать». Что же изъ этого вышло? Вышло то, что всѣ скопцы чистосердечно признавались, что они сами себя оскопляли и потому оставались безъ преслѣдованія. Эта ужасная секта росла съ

неимовѣрною быстротою. О такихъ небывалыхъ льготахъ узнали заграничные скопцы, вышедшіе во время гоненій въ турецкія провинціи, и массами стали возвращаться въ Россію. Возвращались по преимуществу оскопители и распространители секты. Не было возможности оставить въ силѣ законъ 14-го марта, но, не желая докладывать государю, хотѣли обойти законъ постановленіемъ комитета министровъ. И, дѣйствительно, 11-го мая 1815 г. комитетъ сдѣлалъ распоряженіе «чтобы изъ-за границы скопцовъ не впускать, а кои оскопили себя въ границахъ, съ таковыми поступать по силѣ указа сената отъ 8-го октября 1808 г., т.-е. отдавать въ солдаты». Редакція указа такова, что постановленіе о примѣненіи закона 8-го октября какъ будто относится только къ выходцамъ, а не ко всѣмъ скопцамъ; можно было и наоборотъ объяснить ее, какъ отмѣну высочайшаго повелѣнія 14-го марта. Какъ и слѣдовало ожидать, явились недоразумѣнія, запросы.

Между тѣмъ, скопчество пріютилось въ самомъ Петербургѣ и въ обширныхъ размѣрахъ, что обнаружилось слѣдствіемъ по поводу смерти отъ оскопленія крестьянина Петрова. На этотъ разъ комитетъ министровъ вошелъ съ представленіемъ къ государю и далъ заключеніе, что отдача въ солдаты не останавливаетъ распространеніе ереси и что слѣдуетъ способныхъ отсылать въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ въ иркутскую губернію. Несмотря, однако, на всѣ доводы комитета, Александръ I держался прежнихъ воззрѣній и велѣлъ Аракчееву передать, что эту мѣру возможно принять только въ отношеніи оскопителей и зачинщиковъ. На другой годъ, когда губернаторы сдѣлали запросъ комитету министровъ,—слѣдуетъ ли ссылать въ войска Сибири и Грузіи самооскопителей, комитетъ далъ весьма уклончивый отвѣтъ: въ этихъ случаяхъ должно каждый разъ входить съ особымъ представленіемъ въ сенатъ; но государь собственною рукою сдѣлалъ на этомъ постановленіи такую резолюцію: «сила наказанія, опредѣленная 4-го августа 1816 года на зачинщиковъ и на тѣхъ, кои производятъ оскопленіе, должна быть распространена и на тѣхъ людей, кои сами себя оскопили». Не прошло двухъ лѣтъ, какъ выходитъ новый законъ, впрочемъ, не опубликованный, не гласный (1-го января 1819 г.), по которому упомянутое наказаніе велѣно относить только до тѣхъ скопцовъ, которые оскопили себя послѣ закона 4-го августа 1816 года, что, разумѣется, равносильно было полной отмѣнѣ этого закона, такъ какъ всѣ скопцы оказывались самооскопленными чуть не съ малолѣтства; медицинское же освидѣтельство-

ваніе при средствахъ того времени не могло дать точныхъ указаній о времени ихъ оскопленія.

Какъ извѣстно, конецъ царствованія императора Александра I ничего не имѣетъ общаго съ его началомъ. Молодой монархъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ сохранившихся еще въ его памяти наставленій Лагарпа, долженъ былъ на все смотрѣть благодушно и былъ въ полной увѣренности съ своими молодыми друзьями, что добрыя слова и желанія властителя непосредственно перейдутъ въ добрыя дѣла сложнаго государственнаго механизма, уже испорченнаго и заржавѣвшаго во всѣхъ частяхъ. Узнать народъ и сообразно съ его нуждами и требованіями разобрать государственное устройство съ его надстройками — объ этомъ никто тогда не думалъ. Все дѣйствовало на-угадъ, ощупью, безъ всякой системы, не справляясь съ прошлымъ и не предвидя послѣдствій въ будущемъ. Въ этомъ хаосѣ и неустойчивости одинаково возможно было появленіе законовъ, напоминающихъ чуть не постановленія конвента о правахъ человѣка, и такихъ законовъ, которые являлись какъ-бы сколкомъ съ учрежденій XIV-го или XV-го вѣковъ. Все дѣло заключалось только въ томъ, кого случай приближалъ къ государю — Чарторижскаго, Новосильцева, Сперанскаго, первыхъ убѣжденій, или Аракчеева, Шишкова и проч. Точно такъ же и въ отношеніи раскола мы видимъ — нынче законъ полной свободы, завтра — стѣсненія, противорѣчія. Только съ двадцатыхъ годовъ начинаются болѣе послѣдовательныя распоряженія, и то потому только, что они шли къ ограниченію и къ стѣсненію правъ старообрядчества.

Дѣйствительно, съ двадцатыхъ годовъ начинается весьма строгій надзоръ за сектантами и старообрядцами. Духоборцы и молокане тотчасъ же выселяются въ таврическую губернію, причемъ распространители ученія подверглись уголовному суду. Секганты-субботники выселились на Кавказъ въ пограничныя мѣста, а распространителей отвели въ уголовный судъ. Даже скопцовъ начали поголовно всѣхъ отдавать на службу въ войска Сибири и Грузіи, а неспособныхъ ссылать на жительство въ иркутскую губернію. Было обращено также вниманіе на согласія, непріемлющія священства, въ особенности на ѳедосѣевцевъ. Указомъ 11-го апрѣля 1820 года вмѣнено было полиціи въ обязанность слѣдить, чтобы въ домахъ кладбищенскихъ раскольническихъ обществъ люди жили съ паспортами, чтобы они имѣли опредѣленный родъ жизни, а съ остальными поступать какъ съ бродягами. «Женщины безъ дѣла и письменныхъ видовъ,—говорится въ указѣ,—

а тѣмъ болѣе молодыя должны быть тотчасъ высылаемы». Въ особенности государь негодовалъ на Преображенское кладбище: «Къ немалому моему удивленію,—пишетъ Александръ I князю Голицыну, московскому генералъ-губернатору, и князю Лобанову-Ростовскому, министру юстиціи,—дошло до свѣдѣнія моего, что упомянутое общество, удаляясь отъ правилъ тишины, въ непремѣнную обязанность онаго поставленныхъ, возродило въ 1816 г. при выборѣ новыхъ попечителей разные раздоры; что, кромѣ сего, въ богадельномъ домѣ разсѣеваются вредныя правила, какъ-то: неповиновеніе властямъ и закону, развращеніе браковъ и т. п. Дозволивъ учрежденіе богадельнаго дома, какъ установленіе, цѣлью благотвореніе имѣющее, не можно было предполагать, чтобы изъ сего возродиться могли пренія по ереси, въ кои присутственнымъ мѣстамъ должно будетъ вмѣшиваться». Дѣло въ томъ, что на Преображенскомъ кладбищѣ явились раздоры и разногласія, новые толки, новыя ученія. Споръ этотъ доведенъ былъ до правительственныхъ установленій, гдѣ указывали, что нѣкто Гнусинъ, проживающій въ богадельномъ домѣ безъ паспорта, проповѣдуетъ возмутительное ученіе и нарушаетъ тѣмъ покой и благочиніе послѣдователей и основателей богадельнаго дома. Завязалось дѣло, и дѣло — хлѣбное, перешедшее послѣ въ сенатъ. Узнавъ объ этомъ, государь дѣло велѣлъ прекратить, Гнусина сыскать и предать суду, а затѣмъ строго запретилъ правительственнымъ властямъ вмѣшиваться въ церковные раздоры старообрядчества. Богадельный домъ Александръ I не закрылъ, но издалъ въ 1823 г. особыя правила надзора за нимъ, гдѣ, между прочимъ, было указано: «1) метрическихъ книгъ не заводить, «дабы сіе не принято было за утвержденіе раскольническаго общества», а вѣдать ихъ полиціи; 2) совратителей изъ православія предавать суду, и 3) такъ какъ, вмѣсто богадельнаго, этотъ домъ сдѣлался «гнѣздомъ раскола и убѣжищемъ бѣглыхъ и опасныхъ людей», то повелѣно, чтобы подкидышей держать только до 14-ти лѣтъ, престарѣлыхъ—начиная съ 50-ти лѣтъ, молелень и келій не устраивать, и чтобы за всѣмъ этимъ строго наблюдала полиція. Но строгость этихъ правилъ не уменьшила значенія Преображенскаго кладбища, сохранившагося до настоящаго времени.

Впрочемъ, относительно сектъ, пріемлющихъ священство, былъ изданъ 26-го марта 1822 года весьма льготный законъ, гдѣ, между прочимъ, сказано было, что ежели бѣглый попъ не совершитъ преступленія, то его оставлять на мѣстѣ у раскольниковъ, какъ такого человѣка, коимъ не дорожатъ, а

на требованіе духовенства о высылкѣ ихъ отвѣчать: «они находятся на своихъ мѣстахъ». Гдѣ у раскольниковъ нѣтъ молитвенныхъ домовъ или церквей, — говорить тотъ же указъ, — тамъ бѣглыхъ священниковъ не держать ни подъ какимъ видомъ, а гдѣ они есть, «приказать для порядка вести метрики и представлять о томъ вѣдомости ежегодно гражданскому начальству». Въ это же самое время были преподаны православному духовенству правила, чтобы священники кротостью, поведеніемъ и твердымъ познаніемъ закона Божьяго должны противостать распространенію раскола. Говорилось, чтобы посланы были миссіонеры для увѣщеванія совратившихся, и указывалось, что образованіе дѣтей въ училищахъ есть средство, которымъ съ наибольшимъ успѣхомъ можно дѣйствовать къ отвращенію и постепенному прекращенію всякаго рода вѣрозаблужденій.

Что касается гражданскихъ правъ раскольниковъ, то въ царствованіе Александра I были изданы 27-го мая 1820 года правила объ избраніи ихъ въ должности по купеческимъ и мѣщанскимъ сословіямъ. Правилами этими устанавливалось, чтобы раскольники выбирались въ должности при ограниченномъ числѣ православныхъ и то только изъ сектъ, пріемлющихъ священство. Безпоповцевъ дозволялось допускать къ выборамъ, съ разрѣшенія, впрочемъ, министра внутреннихъ дѣлъ, только тѣхъ сектъ, кои молятся за царя и пріемлютъ бракъ; остальныя секты — молокане, духоборцы, субботники, хлысты, скопцы — къ выборамъ вовсе не допускались. Наконецъ, въ самомъ концѣ своего царствованія, 14-го марта 1825 года, въ виду осложненія вопроса о расколѣ, какъ по внутреннему содержанію вновь открывающихся ученій, такъ и по распространительности его, государь учредилъ секретный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кіевскаго митрополита Евгенія, изъ членовъ—министра внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Николая судьбы раскола измѣняются. Послѣ суровыхъ гоненій, въ силу новыхъ вѣяній и личныхъ воззрѣній государей, при Павлѣ I и Александрѣ I-мъ, расколъ мало-по-малу получилъ право гражданства и свободнаго существованія въ имперіи. Внутреннія силы самихъ сектантовъ дали возможность имъ воспользоваться терпимостью этого промежутка и настолько окрѣпнуть, что въ 1825 году они уже представляли изъ себя могущественную и значительную числомъ оппозицію, съ которой справиться одними гоненіями прежнихъ лѣтъ нельзя было, а требовалась особая система, настолько же стойкая и твердая, какъ они сами. Мы уже видѣли,

что еще въ царствованіе Александра церковь отступилась отъ раскола и всецѣло передала его въ руки свѣтской власти. Слѣдовательно, борьба съ расколомъ завѣщана была императору Николаю I на чисто-политическомъ полѣ; но ему также завѣщана была неровность и непослѣдовательность мѣръ законодательства, что́ или возбуждало въ расколѣ неудовольствіе, или порождало въ немъ неоправдываемыя надежды. Кромѣ того, допущенная его предшественниками нѣкоторая вѣротерпимость въ отношеніи раскола не была вполнѣ разграничена соотвѣтственно приносимому вреду сектантскихъ ученій, и потому нерѣдко пользовались послабленіями секты, явно противонравственныя, а секты высокаго христіанскаго ученія и сами-по-себѣ вовсе безвредныя оставались подъ произволомъ мѣстной власти. Въ періодъ царствованія императора Николая I расколъ вступаетъ въ сферу иныхъ отношеній. Ему приходится теперь бороться съ цѣльною системою болѣе стойкаго государственнаго управленія, напрягать всѣ свои внутреннія силы къ самосохраненію, и не однимъ пассивнымъ противодѣйствіемъ — самосозерцаніемъ или мистицизмомъ, но работою надъ самимъ собою, надъ своимъ общежитіемъ и негласнымъ самоуправленіемъ.

III.

Съ 30-хъ годовъ расколъ подвергся въ первый разъ послѣдовательному преслѣдованію. Это преслѣдованіе не имѣло характера прежнихъ гоненій; напротивъ, внѣшняя сторона отношенія правительственной власти къ расколу какъ-будто сохранила тотъ же самый отпечатокъ терпимости, какой обнаруженъ былъ въ царствованіе Петра III и Екатерины II, Павла I и Александра I; за то теперь преслѣдованія касались внутренней жизни раскола, били по его живымъ силамъ. Преслѣдованіе ересеначальниковъ, уничтоженіе мѣстъ общественнаго богослуженія, послѣдовательное непризнаваніе въ жизни старообрядчества чего-либо отдѣльнаго, общественнаго, лишеніе въ пользованіи гражданскими правами, вытекающими изъ таинствъ брака, крещенія, какъ, напримѣръ, непризнаніе законнорожденности,—вотъ тѣ принудительныя средства, къ которымъ прибѣгало правительство, начиная съ 30-хъ годовъ. Съ общей точки зрѣнія законодательства и взглядовъ высшихъ инстанцій видна была какъ-бы терпимость, но терпимость безъ права общественнаго богослуженія, безъ «внѣшняго оказательства» принадлежности къ расколу; видно было от-

сутствіе преслѣдованія, но съ наложеніемъ строгаго запрета распространенія ученія, совершенія обрядовъ служителями старообрядчества и наказаній совратителямъ и совращеннымъ. Если наверху говорилось, что правительство не преслѣдуетъ собственно за мнѣнія о вѣрѣ, то внизу — полиція, суды уголовные закрывали церкви, скиты, молельни, забирали и сажали въ тюрьму собравшихся на молитву въ частные дома, повсюду искали и находили совратителей и совращенныхъ. Въ итогѣ — нескончаемыя дѣла, бездна колодниковъ, постоянныя ссылки. Положеніе старообрядчества ухудшалось еще тѣмъ, что въ 30-хъ годахъ административныя силы государства достигли высшаго предѣла, связаны онѣ были однимъ узломъ военной субординаціи, а при случаѣ поддерживаемы и войскомъ. Старообрядчеству нѣкуда было скрыться отъ надзора тайной полиціи; оно прикрѣплено было къ мѣсту, на которомъ покой и безопасность каждаго изъ нихъ зависѣли отъ усмотрѣнія начальства, въ большинствѣ случаевъ покупаемаго весьма и весьма дорогою цѣною.

Разумѣется, подобная система, какъ система управленія всего государства, развивается не съ-разу. Надобно было присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни, и уже послѣ, крупными мѣрами, подавить «церковное мятежничество», въ которомъ замѣтными чертами стали проглядывать недовольства политическаго характера. Какъ послѣдователь самой сильной централизаціи, императоръ Николай I рѣшился всѣ дѣла по расколу сосредоточить въ одномъ мѣстѣ, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Когда комитетъ министровъ увидалъ, что поступающихъ на его разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ по расколу годъ отъ году становится болѣе, то сдѣлалъ постановленіе (16-го февраля 1826 г.), чтобы дѣла этого рода оканчивались разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ губернаторовъ. Государь не согласился на это и собственноручно надписалъ: «оставить по-прежнему». Съ этою же цѣлью онъ велѣлъ внести въ проектъ учрежденія III-го отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, какъ въ установленіе государственной полиціи, также и дѣла по расколу. 3-го іюля того же 1826 года, вышло высочайшее повелѣніе объ упраздненіи особаго отдѣленія министерства внутреннихъ дѣлъ и объ учрежденіи, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, третьяго отдѣленія, предметомъ занятій котораго между прочимъ (пунктъ 2-й) было положено «собираніе свѣдѣній о числѣ существующихъ въ государствѣ разныхъ сектъ и расколовъ».

Когда такимъ образомъ сосредоточены были дѣла и свѣдѣнія о раскольникахъ во всей имперіи въ III-мъ отдѣленіи, въ коми-

тетѣ министровъ и въ особомъ секретномъ комитетѣ, то прежде всего обнаружилось, что уклоненіе отъ вѣры и обрядовъ православной церкви разбивалось на множество согласій, толковъ, сектъ, изъ коихъ нѣкоторыя были чисто еретическаго характера и даже сопряженныя съ изувѣрствомъ. Затѣмъ обнаружилось, что развитіе единовѣрческихъ церквей было чрезвычайно слабо, и мысль о соединеніи поклонниковъ стараго обряда черезъ единовѣріе почти не осуществлялась, что, напротивъ, согласія, пріемлющія священство и отвергающія его, т.-е. собственно старообрядчество поддерживалось и крѣпло взаимнымъ общеніемъ и самопомощью послѣдователей, значительными общественными капиталами и правомъ общественнаго богослуженія, т.-е. тѣмъ, что имѣло у себя монастыри, скиты, церкви, молельни, богоугодныя, благотворительныя заведенія и проч. Наконецъ, дознано также было, что, кромѣ старообрядчества, на почвѣ русской народности возникло множество сектъ, у которыхъ за внѣшнимъ культомъ богослуженія лежала цѣлая программа анти-государственныхъ началъ, связывающихъ послѣдователей ея въ крѣпкія и стойкія общины, отвергавшія внѣшнюю власть и тѣмъ болѣе ея централизацію.

Понятно, что первыя дѣйствія правительства были направлены противъ послѣднихъ сектъ. Скопцовъ велѣно было ссылать на службу въ сибирскій корпусъ или оставлять тамъ на поселеніи; ссылать велѣно всѣхъ безъ исключенія: малолѣтнихъ отдавать въ флейтщики и барабанщики, отъ взрослыхъ не принимать никакихъ отговорокъ, что они были оскоплены въ малолѣтствѣ, во снѣ, неизвѣстными людьми, или что сдѣлались такими отъ ушиба, болѣзни и проч. (30 янв. 1826 г.). Духоборцевъ изъ казаковъ приказано было ссылать на кавказскую линію, а изъ помѣщичьихъ крестьянъ отдавать въ рекруты съ зачетомъ или ссылать на поселеніе въ Сибирь. Молоканамъ не велѣно было выдавать плакатныхъ паспортовъ для заработковъ, и даже воспрещено было отлучаться изъ своихъ селеній безъ вѣдома полиціи (10 апрѣля 1826 г.). Противъ субботниковъ было издано высочайшее повелѣніе, чтобы малолѣтнихъ и женщинъ, производящихъ по жидовской ереси обряды, сдавать или въ военно-сиротскія заведенія или на казенныя фабрики вѣдомства министерства финансовъ. Совращенныхъ велѣно было сдавать въ солдаты, а совратителей и подговорщиковъ приказано преслѣдовать по всей строгости законовъ (3 іюня 1826 г.). Зачетныхъ рекрутскихъ квитанцій не велѣно было принимать ни за кого изъ поименованныхъ сектъ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ изъ

ересеначальниковъ въ началѣ царствованія приказано было посылать на увѣщеванія въ монастыри; такъ, напримѣръ, купецъ Семенъ Швецовъ былъ посланъ въ Спасо-Евфимьевскій монастырь, поручикъ Богдановъ—въ Валаамскій.

Что касается старообрядцевъ пріемлющихъ и непріемлющихъ священство, то противъ нихъ не съ разу были приняты крупныя мѣры. Напротивъ, въ одномъ изъ первыхъ указовъ мы находимъ такое постановленіе: «Имѣя въ виду, что какъ въ Пермской, такъ и въ другихъ губерніяхъ находится старообрядцевъ весьма значительное число и всѣ они совершаютъ браки, крещеніе рождающихся младенцевъ и погребеніе умершихъ по своимъ обрядамъ, то мѣстныя начальства не должны входить ни въ какія изслѣдованія о таковыхъ старообрядцахъ; ибо отъ сего могутъ произойти большія безпокойства, а надлежитъ только наблюдать, дабы они никого изъ православныхъ не совращали въ свой расколъ». Но, оставляя терпимымъ совершеніе обрядовъ, правительство направило свои запрещенія на условія, при которыхъ совершаются они. Прежде всего оно издаетъ нѣсколько послѣдовательныхъ указовъ о недозволеніи старообрядцамъ вновь строить и чинить старые молитвенные дома и церкви: «Раскольники,—говоритъ, напримѣръ, указъ 5 іюля 1827 г.,—по извѣстному ихъ упорству и ожесточенію въ своихъ заблужденіяхъ, легко могутъ подъ предлогомъ поправокъ или передѣлокъ въ молельняхъ своихъ устраивать оныя вновь». Оно не дозволяетъ старообрядцамъ принимать бѣглыхъ поповъ. Въ указѣ московскому генералъ-губернатору князю Голицыну, на представленіе его, что въ Москвѣ на старообрядческихъ кладбищахъ находится множество бѣглыхъ поповъ, государь отвѣтилъ: «чтобъ нынѣ находящихся оставлять въ покоѣ, но новыхъ не дозволять отнюдь принимать». Казалось бы, что въ силу этого закона убѣжавшіе въ расколъ священники не должны быть преслѣдуемы; но синодъ просилъ оберъ-прокурора князя Мещерскаго доложить государю, «что слѣдуетъ признавать самый побѣгъ священника отъ своего мѣста и должности къ раскольникамъ за преступленіе тяжкое, требующее неопустительнаго правосудія». Ссылаясь на соборныя постановленія, на духовный регламентъ, на невѣрность убѣжавшихъ поповъ церкви и государю, синодъ добавляетъ: «сіе клятвопреступленіе бѣглыхъ священниковъ увеличивается еще тѣмъ, что, присоединяясь къ раскольникамъ, они даютъ имъ противоположную присягу, въ которой ученіе и обряды православной церкви называютъ еретическимъ злочестіемъ, и даже нѣкоторые гражданскіе обычаи, принятые правительствомъ, проклинаютъ».

Представленіе это было уважено, и священство, состоящее въ старообрядчествѣ, должно было совершать богослуженіе тайно, дабы не попасться въ руки полиціи.

Обративъ вниманіе на мѣста, гдѣ совершалось богослуженіе старообрядцевъ, и на лицъ, которыя совершали ихъ, правительство обратило большое вниманіе на благотворительныя ихъ заведенія, въ которыхъ, какъ извѣстно было, старовѣры совершали свои обряды, укрывали своихъ учителей, и которыя вообще служили источникомъ старообрядческихъ ученій. Такихъ богаделенъ было множество. Первое мѣсто изъ нихъ занимали московскія Преображенское и Рогожское кладбища, затѣмъ богадельня рижскихъ старообрядцевъ, богадельня купца Папушина въ Судиславлѣ, Ситминская богадельня въ Вятской губерніи и мн. др. Значеніе этихъ мѣстъ для старообрядцевъ было громадное. Оттуда истекали правила ихъ согласій, обрядовая сторона культа, снабженіе молитвенными книгами, наконецъ, матеріальная помощь. Въ этихъ мѣстахъ старообрядчество находило свое единеніе, свою силу. Правительство сознавало это, но не сразу коснулось ихъ преобразованія, а начало съ одной изъ незначительныхъ богаделенъ—съ богадельни купца Папушина. Высочайшимъ повелѣніемъ 23 января 1830 года было указано, чтобы въ этой богадельнѣ были оставлены по письменнымъ видамъ только лица не моложе 50 лѣтъ; мальчиковъ же велѣно было отобрать и отдать въ ближайшіе батальоны кантонистовъ. «Устроеннымъ въ сей богадельнѣ молельнямъ,—говоритъ далѣе указъ,—на основаніи правилъ благочинія публичными не быть, а оставить ихъ только для употребленія живущихъ въ богадельномъ домѣ». «Крещальню уничтожить и перекрещиваніе въ ономъ воспретить». Наконецъ, пріемъ новыхъ лицъ въ богадельню былъ вовсе воспрещенъ, и сама богадельня оставлена была только по жизнь Папушина, послѣ чего должна была поступать въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія. Этимъ было положено начало одному изъ самыхъ тяжелыхъ постановленій для раскола. Закрытіе или присоединеніе къ приказамъ призрѣнія богаделенъ уничтожало самый источникъ старообрядчества. Оно долго боролось противъ этой мѣры; приведеніе ея въ исполненіе долго не двигалось впередъ даже и въ то крутое время, а Преображенское и Рогожское кладбища, несмотря на всѣ усилія правительства, успѣли отстоять свою самостоятельность.

Впрочемъ, въ тѣ же первые годы царствованія Николая I было принято не мало мѣръ предупредительныхъ. Такъ, государь нѣсколько разъ повелѣвалъ синоду обратить особенное вниманіе на

образованіе и нравственность священнослужителей, въ особенности въ мѣстахъ, гдѣ наиболѣе былъ развитъ расколъ. Особенною заботою государя пользовалось учрежденіе миссіонерствъ. Такія миссіи были посланы въ пензенскую губернію, гдѣ развились въ то время секты молоканская и іудействующихъ, въ пермскую губернію, гдѣ почти все населеніе состояло въ расколѣ, и въ другія мѣста. Насколько государь озабоченъ былъ этимъ дѣломъ, можно видѣть изъ того, что при учрежденіи ордена св. Анны 14 апрѣля 1829 г., онъ нашелъ необходимымъ ввести въ статутъ постановленіе, что «къ ордену сопричисляются духовные, обратившіе къ церкви значительное число раскольниковъ и особливо такихъ сектъ, кои признаются упорнѣйшими и вреднѣйшими, какъ-то: іудействующіе, молокане, духоборцы, перекрещеванцы и пр.».

Несмотря однако на всѣ эти мѣры, расколъ росъ и укрѣплялся, а секты съ самыми непонятными уклоненіями не только отъ православія, но и вовсе отъ христіанства, являлись все новыя и новыя. Остановить это духовно-нравственное броженіе народа правительство не могло даже такими сильными и послѣдовательными мѣрами, какія принимало. Ясно, что здѣсь играли роль другіе факторы, лежащіе глубоко въ строѣ народной жизни. И дѣйствительно, крѣпостное право въ то время приняло самый острый характеръ. Продавали людей на базарахъ, мѣняли ихъ на борзыхъ щенковъ и проч. Государственные, удѣльные, горнозаводскіе крестьяне терпѣли не менѣе. Окружные начальники засѣкали крестьянъ до смерти, горнозаводскіе управители бросали непослушныхъ въ доменныя печи, шпицрутены служили защитою и охраною интересовъ откупщиковъ, постоянные наборы на двадцатипятилѣтнюю службу, гдѣ царило въ то время правило: «десять забей, одного выучи»—все это глубоко отражалось на народной жизни и само собою возбуждало въ народномъ самосознаніи самыя причудливыя фантазіи. Если добавить къ этому, что у народа не было такого духовенства, которое могло-бы успокоить совѣсть угнетенныхъ, влить въ нихъ надежду и теплую вѣру въ лучшее будущее, что, вмѣсто духовныхъ наставниковъ, народъ часто видѣлъ въ духовенствѣ невѣжество, корыстолюбіе, развратъ, пьянство и полную рабскую подчиненность епархіальному начальству, помѣщику и даже полиціи,—то весьма понятно станетъ, почему онъ слушалъ всякаго учителя и всякое ученіе, лишь бы чѣмъ-нибудь восполнить стремленія своей набожѣвшей души. Проповѣдуетъ какую-то чушь простая баба Акулина—является секта Акулиновщина; несетъ небылицы отставной сол-

дать 12-го года о Наполеонѣ—составляется секта наполеоновщина. Или вотъ еще примѣръ: ревизовавшій государственныя имущества въ Тверской губерніи чиновникъ обнаружилъ въ Никольскомъ сельскомъ обществѣ секту, отличающуюся тѣмъ, что женщины послѣ рожденія перваго сына перестаютъ беременить. Дѣло это обратило на себя вниманіе высшаго правительства. Затребованы были отъ губернатора свѣдѣнія, снаряжена особая коммиссія. Оказалось, что не только совратившіяся, но всѣ почти окрестные православные жители заражены были расколомъ, основанномъ на ложномъ толкованіи 38 главы книги Бытія, и что главною цѣлью его было избѣжаніе рекрутской повинности. Положимъ, секта эта существовала не долго; но мы привели ее, какъ доказательство, что въ отпаденіи играли значительную роль гнетъ народа и его безпомощность. Въ саратовской губерніи, несмотря на строгія мѣры противъ тамбовскихъ молоканъ, секта эта распространилась въ значительномъ размѣрѣ; но такъ какъ ученіе этой секты не могло быть передано саратовскимъ крестьянамъ во всей чистотѣ, ибо учителей жестоко наказывали, то они его обставили нелѣпостями въ родѣ того, что при молитвословіяхъ ѣздили верхомъ на кочергахъ, били въ сковороды, бѣгали какъ сумасшедшіе и проч. (Донесеніе саратовскаго губернатора. Указъ синода 15-го мая 1835 г.) И здѣсь видно, что для народа нужна была какая-либо вѣра, какой-либо обрядъ, лишь-бы чѣмъ-нибудь наполнить свою истерзанную душу и чѣмъ-нибудь занять свой отуманенный умъ.

Но правительство оставалось при своей системѣ: бо́льшее сопротивленіе раскола побуждало его принимать все бо́льшія и бо́льшія строгости. Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го ноября 1830 года повелѣно было, въ сектахъ духоборцевъ, иконоборцевъ, молоканъ, іудействующихъ, тѣхъ, «кои привлекали другихъ къ своей ереси или изобличены были въ соблазнахъ, буйствѣ и дерзостяхъ противъ церкви и духовенства православной вѣры», ссылать на службу въ кавказскій корпусъ, а неспособныхъ и женщинъ селить въ Закавказьѣ. Давъ такое широкое примѣненіе отвѣтственности, доходящее почти до признанія виновности за одно состояніе въ расколѣ означенныхъ сектъ, законъ оградилъ преслѣдованіе только тѣмъ, что всѣ дѣла этого рода должны были восходить черезъ комитетъ министровъ до высочайшаго свѣдѣнія. Между тѣмъ на практикѣ, сколько намъ извѣстно, правила 20-го ноября получили значеніе прямого гоненія: болѣе зажиточные сектанты брались подъ караулъ и подвергались преслѣдованію, какъ ересеначальники; самыя безвинныя и незначи-

тельныя собранія для моленія приводили хозяина дома къ отвѣтственности за соблазнъ. Только значительные выкупы спасали иногда невинныхъ отъ «бѣлой ленты» и отъ многолѣтняго сидѣнія въ тюрьмѣ. Молокане и духоборцы тамбовской, воронежской и другихъ губерній начали обращаться съ просьбою о переселеніи ихъ въ новороссійскій край къ своимъ единовѣрцамъ. Въ этомъ имъ отказали, а дозволили заселять только отдаленныя мѣста закавказскаго края. И, несмотря на дальній и опасный путь, несмотря на всѣ неудобства переселеній въ то время, цѣлыя села—и зажиточныя села—поднимались со всѣмъ своимъ скарбомъ, дѣтьми, и уходили по военно-грузинской дорогѣ въ невѣдомыя земли, лишь бы избавиться притѣсненій мѣстнаго начальства. Впрочемъ, правительство помогало этимъ несчастнымъ за время пути, продовольствіе имъ отпускалось казенное; по прибытіи, въ малолѣсныхъ мѣстахъ выдавалось на обзаведеніе по 100 руб., въ лѣсныхъ по 50 руб. Селить ихъ велѣно было не въ одномъ, а въ разныхъ мѣстахъ; причемъ приписываться къ городамъ дозволено было только впослѣдствіи по особому ходатайству барона Розена (отца игуменьи Митрофаніи), который весьма сочувственно отнесся къ этимъ эпигонамъ Закавказья и не разъ ходатайствовалъ за нихъ передъ высшимъ правительствомъ объ облегченіи ихъ участи и о дозволеніи отлучаться для заработковъ, что до того времени было воспрещено.

Богатыя земли, свобода въ отправленіи богослуженія, относительная свобода въ жизни, начали привлекать въ Закавказье множество ссылаемыхъ. И по слухамъ, и по свидѣтельству возвращавшихся оттуда, они узнавали, что ихъ единовѣрцы богатѣли и зажили тамъ на славу. Слухъ этотъ разнесся между молоканами и между православными. Православные тоже бросились на переселенія; но они не обладали тою общностью интересовъ, какая поддерживалась у сектантовъ ихъ ученіемъ, и имъ трудно было справиться съ новыми условіями хозяйства, притомъ они были гораздо бѣднѣе поселенцевъ-сектантовъ. Видя матеріальное преимущество и безупречную нравственность сектантовъ, православные поселенцы почти всѣ переходили въ ихъ согласія. А это послужило поводомъ къ тому, что съ 1838 года были прекращены добровольныя переселенія сектантовъ и остались только въ видѣ ссылки по приговорамъ судовъ уголовныхъ. Правительство убѣдилось тогда, что обособленіе сектантовъ не только не уменьшаетъ распространеніе сектъ, а, напротивъ того, увеличиваетъ его, такъ какъ новообращенцы къ числу другихъ побудительныхъ причинъ отпаденія ставили также и возможность пере-

селенія на свободныя земли, гдѣ они знали, что у ихъ одновѣрцовъ царствовало довольство.

Что касается до сектъ, остававшихся въ Россіи, то противъ нихъ правительство принимало самыя строгія мѣры. Мелитопольскихъ молоканъ, напримѣръ, къ которымъ такъ снисходителенъ былъ Александръ I, не дозволено было отпускать во внутреннія губерніи. Даже неурожай 1833 года не сдѣлалъ исключенія изъ этого правила, и на просьбу молоканъ повелѣно было пріискать имъ работу въ Крыму. Когда дошло до государя свѣдѣніе о сильномъ распространеніи молоканъ въ тамбовской и сосѣднихъ губерніяхъ, онъ приказалъ принять слѣдующія двѣ мѣры: 1) составить списокъ ересеначальниковъ и вліятельныхъ лицъ этой секты и сослать ихъ въ Закавказье, и 2) новообращенныхъ, если они не объявятъ своихъ совратителей, подвергнуть наказанію не болѣе 10-ти человѣкъ, наравнѣ съ совратителями. Въ этомъ же указѣ (14 марта 1835 года) было сдѣлано предположеніе, чтобы вообще приравнять отвѣтственность совращенныхъ съ совратителями; объ этомъ даже затребованы были мнѣнія губернаторовъ. Не знаемъ, благодаря какому случаю, но этотъ законъ остался предположеніемъ и не пополнилъ такимъ образомъ и безъ того строгое наше законодательство о расколѣ.

Молоканская и духоборческія секты особенно легко пріобрѣтали любовь народа. Простота ученія, общность, артельность, самопомощь, столь близкія складу русскаго человѣка, привлекали послѣдователей въ эти секты даже при условіяхъ крайне неблагопріятныхъ, какъ, напримѣръ, среди каторжныхъ и сосланныхъ. Кромѣ того, ученія эти распространялись по преимуществу среди помѣщичьихъ крестьянъ; одно время они даже назывались «мужиковскою» сектою. Сами помѣщики не имѣли интереса преслѣдовать сектантовъ; они видѣли въ нихъ самыхъ трудолюбивыхъ, хорошей нравственности и сравнительно болѣе богатыхъ работниковъ, а потому собственная выгода заставляла ихъ если не покровительствовать, то, по крайней мѣрѣ, оставаться совершенно безразличными къ появленію ихъ въ имѣніяхъ. Съ другой стороны, правительство, охраняя и защищая въ полной силѣ владѣльческія права помѣщиковъ, не могло довести преслѣдованія помѣщичьихъ крестьянъ до того предѣла, до котораго доходило оно въ средѣ совращенныхъ изъ крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ. Все, что можно было сдѣлать, выразилось въ указѣ 13 февраля 1837 года, въ которомъ обращено было вниманіе, чтобы полиція всячески останавливала и предот-

вращала богослуженіе сектантовъ. «Всякое оказательство молоканской секты должно быть не только запрещено, но по возможности предотвращено надзоромъ», говоритъ первый пунктъ правилъ. Для этой цѣли запрещены были молоканскія собранія въ сборныхъ избахъ и частныхъ домахъ; сборныя избы велѣно ломать, проповѣдниковъ отсылать къ духовному начальству для заточенія въ монастырь, и во всякомъ случаѣ удалять отъ общества. Этимъ-же указомъ воспрещено было молоканамъ записываться въ купеческое сословіе, хотя бы и получившимъ свободу отъ помѣщиковъ, воспрещены были также выѣздъ съ мѣстожительства, имѣть у себя и самимъ служить у православныхъ. Такъ какъ самою тяжкою для молоканъ повинностью была рекрутская, какъ противорѣчащая духу ихъ ученія, то указомъ 9-го апрѣля 1838 года было воспрещено имъ нанимать за себя рекрута не только изъ православныхъ, но и изъ татаръ. Впослѣдствіи тѣ же правила и мѣры приняло правительство и противъ другихъ, вредныхъ сектъ, какъ-то субботниковъ, духоборцевъ, хлыстовъ, скопцовъ и др.

Въ отношеніи старообрядчества правительству приходилось бороться еще сильнѣе и еще настойчивѣе. Благодаря прежнимъ дозволеніямъ и терпимости, благодаря тому, что еще во времена гоненій старообрядчество сплотилось въ одну общую солидную массу, успѣло запастись значительными капиталами, въ царствованіе Николая I оно явилось силою, и силою значительною какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ. Богатѣйшія фирмы и вся почти торговля была въ рукахъ старообрядцевъ. Ихъ монастыри, скиты, молельни, благотворительные дома имѣли крѣпкую организацію и поддерживаемы были значительными средствами. Въ Москвѣ, въ Ригѣ, на Волгѣ, по Иргизу, въ Стародубѣ, въ Перми и прочихъ мѣстахъ были устроены общественныя молельни, при которыхъ были богадельни, школы; здѣсь жили учителя и начетчики, здѣсь былъ центръ старообрядческой образованности, отсюда разсылались посланія, поддерживая и укрѣпляя старый обрядъ повсемѣстно въ имперіи. Съ этою-то крѣпкою организаціею и пришлось продолжать упорную войну правительству того времени.

Мы видѣли, какія мѣры приняло первоначально правительство. 14 мая 1830 года было сообщено министру народнаго просвѣщенія, что въ Ригѣ существуетъ школа, управляемая шильскимъ мѣщаниномъ-раскольникомъ, а такъ какъ по закону, говоритъ сообщеніе, «запрещено выбирать изъ раскольниковъ въ общественныя должности, а потому еще менѣе можно допустить

раскольнику быть наставнику юношества», то предполагалось школу эту закрыть, а если оставить, то на основаніи правилъ объ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ. Представленіе это было уважено, и этимъ было положено новое, весьма существенное ограниченіе для старообрядчества. Школа для старовѣровъ составляла неотъемлемую принадлежность охраняемаго ими стараго богослуженія. Укрѣплять въ догматахъ вѣры и охранять отъ новшествъ обрядовое богослуженіе имъ тѣмъ болѣе было необходимо, что изъ этихъ школъ выходили для нихъ священники, а для безпоповцевъ—проповѣдники ихъ ученія. Наполнять комплектъ своего духовенства изъ бѣглыхъ поповъ для нихъ было крайне опасно, да и не желательно. Строгость въ отношеніи распоповъ, малая подготовленность и невысокая нравственность ихъ уже давно озабочивали старообрядчество мыслью организовать свое собственное духовенство. Въ школѣ они видѣли источникъ его, въ заграничной іерархіи старообрядства они искали правомочія для нихъ. Но, независимо отъ этого, старообрядцы, и въ особенности безпоповцы, хорошо видѣли, что при отсутствіи у нихъ церковной іерархіи, при полной безконтрольной свободѣ толкованія священнаго писанія, школа могла быть единственнымъ средствомъ противъ лжеучителей и лжетолкователей. Еще при Денисовѣ старообрядчество сознавало для себя пользу и необходимость школы. Школы были устроены повсюду—въ богадельняхъ, въ скитахъ, въ молельняхъ. Только знаніемъ хотѣли руководители раскола остановить суровый аскетизмъ и тѣ грубыя уклоненія, которыя съ такою силою распространялись въ массѣ темнаго народа. Имъ хорошо было видно, что, охраняя старый обрядъ и ставя подъ этотъ лозунгъ всевозможные толки, проявляющіеся на безформенной почвѣ отпадшихъ, они тѣмъ болѣе будутъ отходить отъ правилъ старой церкви, чѣмъ менѣе развита будетъ въ ихъ средѣ грамотность. Въ этомъ отношеніи преслѣдованіе и уничтоженіе раскольническихъ школъ прямо и непосредственно вело къ увеличенію раскола и раскола въ формѣ «особенно вредныхъ сектъ». Но правительство не сознавало этого въ то время. Напротивъ, оно видимо убѣждено было въ противномъ, что ученіе и его обособленность у раскольниковъ даетъ имъ силу и преимущество противъ темной массы православнаго народа, и потому оно находитъ нужнымъ закрывать одну за другою школы, не видя того, что этимъ самымъ расколъ еще болѣе удаляется отъ истины, познаваемой только свѣтомъ знанія.

Указомъ 14 марта 1835 года повелѣно было закрыть одну изъ лучшихъ школъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ. «Дѣтей,

въ семъ училищѣ обучающихся,—говорилъ указъ,—роздать родителямъ или родственникамъ на воспитаніе; а тѣхъ изъ нихъ, которыхъ нельзя надлежащимъ образомъ пристроить по бѣдности родителей или родственниковъ или по неимѣнію оныхъ, взять въ военные кантонисты». Суровость этого закона была сознаваема самимъ государемъ; по крайней мѣрѣ подъ указомъ его рукою было написано: «исполнить сіе съ должною осмотрительностью и безъ всякаго вида насилія». Однако, отнимая у раскольниковъ право общественнаго образованія, правительство хотѣло замѣнить его своимъ поднадзорнымъ со стороны православнаго духовенства. Ревизовавшій еще въ 1828 году олонецкую губернію, сенаторъ Барановъ, для ослабленія раскола, признавалъ необходимымъ учредить тамъ духовныя училища съ тѣмъ, чтобы старообрядческія дѣти, «воспитываясь въ оныхъ, приносили съ собою священныя чувства православнаго христіанскаго ученія въ свои семейства». Это послужило основаніемъ правилъ 17 октября 1836 г. о духовныхъ училищахъ, которымъ дано было повсемѣстное примѣненіе въ имперіи, и въ которыхъ между прочимъ сказано, что обученіемъ должно заниматься духовенство, начиная его съ дѣтей православныхъ, «дабы за ними привлечь и раскольническихъ», и, кромѣ того, «если раскольники не иначе пожелаютъ отдать дѣтей своихъ въ ученіе, какъ по книгамъ старопечатнымъ, изданнымъ въ единовѣрческой типографіи, то принимать ихъ съ симъ условіемъ и обучать по симъ книгамъ». Такимъ образомъ, первоначальное учрежденіе народныхъ духовныхъ школъ является мѣрою противъ раскола. Въ указѣ 13 февраля 1837 г. такая же мѣра предлагается монастырямъ мужскимъ и женскимъ, и указывается, что она можетъ служить не только къ уменьшенію раскола, но и къ предохраненію отъ него.

Что касается самыхъ мѣстъ богослуженія, то правительство продолжаетъ принимать въ этомъ направленіи самыя энергическія мѣры. Мы знаемъ, что еще со временъ императора Александра I существовало правило, что губернаторы могли разрѣшать раскольникамъ учрежденіе разнаго рода благотворительныхъ обществъ. Правиломъ этимъ хотѣли воспользоваться старообрядцы, въ особенности послѣ запрещенія имъ строить и поправлять церкви, монастыри, молитвенные дома. Усиленныя ходатайства, а также «посильныя благодарности», на которыя рука старообрядцевъ никогда не оскудѣвала, весьма часто приводили къ удовлетворенію ихъ просьбъ о постройкѣ богаделенъ и другихъ благотворительныхъ заведеній, типомъ для которыхъ служили имъ московскія кладбища. Указомъ 2 апрѣля 1831 года пове-

лѣно, чтобы генералъ-губернаторы и военные губернаторы «сами собою не утверждали правилъ для какихъ бы то ни было обществъ, или для управленія какими-либо заведеніями безъ предварительнаго о томъ сношенія съ министерствами». Вмѣсто существовавшихъ до того правилъ о благотворительныхъ заведеніяхъ раскольниковъ, были изданы новыя, причемъ пояснено было, что всѣ эти заведенія должны носить на себѣ характеръ исключительно одного благотворенія и ничуть не быть мѣстомъ общественнаго и притомъ публичнаго богослуженія. Всѣ они подчинены были приказамъ общественнаго призрѣнія, должны были призрѣвать старыхъ и увѣчныхъ только изъ старообрядцевъ; сиротскія отдѣленія въ нихъ закрыты, выборные попечители и экономъ, и притомъ утвержденные губернаторами, обязаны были представлять ежемѣсячныя вѣдомости о прибывающихъ и убывающихъ изъ богаделенъ; наконецъ, полиціи вмѣнено было въ обязанность строго слѣдить за лицами, живущими въ этихъ богадельняхъ и за тѣмъ, чтобы тамъ не было внѣшняго оказательства раскола. Приведеніе этихъ мѣръ въ богадельныхъ домахъ, не имѣвшихъ большого авторитета у раскольниковъ, производилось безъ особыхъ препятствій, но въ домахъ Петербурга и Москвы это исполнялось съ большою осторожностью. Въ 1840 году купецъ Апаровъ завѣщалъ въ пользу старообрядческаго общества домъ, находящійся между Чернышевымъ и Семеновскимъ мостами, гдѣ находилась молельня и богадельня федосѣевскаго согласія. Секретный комитетъ постановилъ ограничить своевольство федосѣевцевъ: домъ отдать наслѣдникамъ, а часовню съ богадельнею закрыть. На этомъ журналѣ собственноручно государь написалъ слѣдующее: «исполнить; но по особой важности сего предмета нужна крайняя осторожность при исполненіи, тѣмъ болѣе, что домъ въ 3-й адмиралтейской части, среди самаго многолюднаго стеченія народа; прежде приступленія къ закритію моленной Бенкендорфу условиться съ военнымъ губернаторомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ о мѣрахъ исполненія и предупрежденія всякихъ притомъ безпорядковъ».

Точно также въ отношеніи московскихъ кладбищъ, правительство дѣйствовало весьма осторожно. Не сразу, но мало-по-малу стремилось оно подвести ихъ подъ общія правила. Указомъ 28 мая 1834 г. было постановлено, чтобы подкидышей въ сиротскихъ отдѣленіяхъ московскихъ кладбищъ оставлять только до 3-хъ-лѣтняго возраста, остальныхъ свыше этого возраста велѣно было «отправить или въ воспитательный домъ, или въ кантонисты». Мѣру эту, говорилось въ указѣ, «при-

водить въ исполненіе съ такою поспѣшностью, какая по обстоятельствамъ необходима окажется, не допуская, впрочемъ, медленности ненужной», причемъ приказано было объявить настоятелямъ кладбищъ, «что они по правиламъ должны были подкидышей свыше четырнадцати лѣтъ пристроить; но такъ какъ они сего не исполнили, то правительство приняло само печись объ участи сихъ сиротъ». Уже одни эти оговорки указываютъ, что было не совсѣмъ безопасно въ отношеніи внутренняго спокойствія затронуть такія учрежденія, какъ Рогожское и Преображенское кладбища, содержимыя самыми богатыми московскими купцами, имѣвшими вѣсъ и значеніе на всю Россію. Впрочемъ, мѣра эта была приведена въ исполненіе безъ особаго замѣшательства, такъ какъ всѣхъ сиротъ разобрали старообрядцы и дальнѣйшій затѣмъ пріемъ подкидышей прекратился. Но это было только начало. Послѣдующими указами правительство подчинило ихъ общимъ постановленіямъ. Попечители московскаго рогожскаго кладбища, купцы Мотылевъ и Маловъ, жаловались генералъ-губернатору, что ихъ кладбище хотя и именуется рогожскимъ богадельнымъ домомъ, но правила этихъ домовъ не могутъ быть отнесены къ ихъ кладбищу, такъ какъ тамъ исполняются у нихъ духовныя требы. Просьба эта доведена была до свѣдѣнія государя, но не имѣла никакого успѣха. «Заведеніе, въ которомъ дозволено призрѣвать только страждущихъ,—говорится въ указѣ 16-го мая 1836 г.,—свойственнѣе именовать богадельнымъ домомъ, а не кладбищемъ, такъ какъ уже и есть въ Москвѣ у раскольниковъ безпоповщинской секты Преображенскій богадельный домъ; впрочемъ, нисколько не запрещается раскольникамъ бѣглопоповщинской секты называть Рогожскимъ кладбищемъ то мѣсто, гдѣ они отправляютъ богослуженіе по ихъ обрядамъ и заблужденіямъ. Поэтому,—говорится далѣе въ указѣ,—просьба попечителей оказывается неосновательною и служитъ только подтвержденіемъ, что раскольники употребляютъ всѣ способы выставлять себя отдѣльнымъ обществомъ, а установленіе порядка считаютъ притѣсненіемъ».

Таковъ былъ взглядъ правительства даже въ отношеніи сектъ, пріемлющихъ священство. Противъ Преображенскаго кладбища были приняты мѣры еще круче. Нужно замѣтить, что это кладбище владѣло большими недвижимыми имуществами, домами, землями и лѣсами. Указомъ 9-го апрѣля 1838 года, основываясь на томъ, что кладбищу дозволено было имѣть только капиталы, вклады и приношенія, повелѣно было всѣ эти недвижимости продать; причемъ указано, чтобы преображен-

скій богадельный домъ во всемъ слѣдовалъ установленнымъ для всѣхъ домовъ этого рода правиламъ. На домогательство старообрядцевъ о дозволеніи имъ вести метрическія книги полученъ былъ тоже отказъ съ указаніемъ, что книги эти должны вестись въ полиціи, а не въ богадельныхъ учрежденіяхъ, что «это могло бы давать расколу видъ законности и тѣмъ служить къ его укрѣпленію». Даже въ отношеніи браковъ на просьбу Рогожскаго кладбища было приведено слѣдующее заключеніе: «хотя браки раскольниковъ, совершаемые внѣ церкви, не признаются законными, однакожъ остаются терпимыми въ отношеніи гражданскомъ, и для дѣлъ градскаго общества нужно свѣдѣніе не только о рождающихся и умирающихъ, но и о ихъ женахъ для причисленія ихъ къ семействамъ; почему, дабы удовлетворить сей надобности, не дѣлая вида законности раскольническимъ бракамъ, не представляется другого средства, какъ дозволить полиціи раскольническихъ женъ поповщинской секты вносить въ обывательскія книги тѣмъ же порядкомъ, какъ записываются рождающіеся, не упоминая о бракахъ, и въ случаѣ надобности, на основаніи сихъ книгъ, выдавать раскольникамъ свидѣтельства объ ихъ женахъ». Эта вынужденная терпимость касалась только поповцевъ; для сектъ же безпоповскихъ брачныя сопряженія, не освященныя церковью, признавались просто блудомъ, а дѣти ихъ считались незаконнорожденными.

Слѣдуя общему правилу, что старообрядчество не составляетъ отдѣльнаго общества, не имѣетъ и не должно имѣть какого-либо внѣшняго, признаваемаго государствомъ, признака отдѣльнаго существованія, были сдѣланы распоряженія объ отобраніи отъ обществъ печатей, о воспрещеніи имъ выдавать свидѣтельства въ исполненіи христіанскихъ обязанностей и о неутвержденіи духовныхъ завѣщаній, составленныхъ въ пользу старообрядческихъ заведеній. Такъ, не утверждено было духовное завѣщаніе, по которому дворянинъ Петръ Лещиковъ отказалъ землю, отведенную подъ охтенское кладбище, тамошней старообрядческой молельнѣ; былъ отданъ наслѣдникамъ покойнаго почетнаго гражданина Долгова домъ, завѣщанный имъ выговскимъ старообрядческимъ больницамъ, а указомъ 11-го марта 1836 г., по поводу завѣщанія въ пользу Рогожскаго кладбища имущества своего мѣщаниномъ Вощаниннымъ, высказано было общее положеніе, что законы государственные не признаютъ существованія и правъ монастырей и церквей или часовенъ раскольническихъ наравнѣ съ православными церквами и монастырями, что поэтому и духовныя завѣщанія въ пользу ихъ не могутъ быть утверждаемы судомъ

гражданскимъ, «дабы сихъ правъ неприм'ѣтно, подъ видомъ обычая, не восхитили себ'ѣ раскольническія заведенія въ увеличенію и распространенію раскола».

Обративъ вниманіе на м'ѣста общественнаго богослуженія, сд'ѣлавъ точную перепись раскольническимъ монастырямъ, церквамъ и молитвеннымъ домамъ, правительство строго наблюдало, чтобы новые не строились, а старые не поправлялись. Оно воспрещало также обращать крестьянскія избы въ молитвенные дома и устроивать въ нихъ престолы, приказало снять кресты съ раскольническихъ часовенъ, а когда была выстроена въ Иргизскомъ монастыр'ѣ новая колокольня, то только въ виду предотвращенія кровавыхъ сценъ, уже бывшихъ въ этомъ монастыр'ѣ, колокольню оставили, но губернатору былъ сд'ѣланъ выговоръ за недосмотръ. Между т'ѣмъ низшее духовенство и полиція выказывали свое рвеніе въ д'ѣлѣ сокращенія и прекращенія м'ѣстъ старообрядческаго богослуженія. Во многихъ м'ѣстахъ по этому поводу происходили столкновенія, даже употреблялась военная сила съ печальными результатами для ослушниковъ—плетьми и каторгою. Бол'ѣе р'ѣшительные губернаторы высказывали мн'ѣніе, что необходимо назначить одинъ срокъ, посл'ѣ котораго закрыть всѣ молельни, церкви и монастыри; но правительство отклонило такое предложеніе, заявляя, что это имѣло бы характеръ гоненій. Однако въ постановленіи 5-го мая 1839 года мы находимъ правила объ уничтоженіи часовенъ или молелень самаго р'ѣшительнаго направленія. Противозаконно выстроенныя или возобновленныя старообрядческія часовни велѣно было запечатывать и доносить объ этомъ министру внутреннихъ д'ѣлъ, которому, между прочимъ, преподается такое правило (пунктъ 4): «во всякомъ случаѣ между запечатаніемъ часовни и совершеннымъ ея уничтоженіемъ должно пройти значительное время, дабы посл'ѣ нѣкоторой привычки видѣть его въ бездѣйствіи менѣе сильно было бы впечатл'ѣніе уничтоженія». Этимъ правиломъ министерство воспользовалось вполнѣ: не только молельни вновь выстроенныя, поправленныя, но и т'ѣ, которыя почему-либо находили нужнымъ закрыть, сперва запечатывали, а потомъ уничтожали. Въ особенности обращено было вниманіе на м'ѣста, почитаемыя старообрядцами. Мы видѣли, какъ поступлено было съ московскими кладбищами; такія же м'ѣры были приняты относительно Иргиза; то же самое мы встр'ѣчаемъ относительно выгорѣцкаго общежительства — этой колыбели безпоповщинскаго согласія. Въ указѣ 18 февраля 1837 года говорится, чтобы колокола съ тамошнихъ часовенъ были сняты, молельни на кладбищѣ были уничтожены,

и затѣмъ велѣно было наблюдать, чтобы списанныя иконы и книги не распространялись внѣ круга жительства раскольниковъ. Единственное исключеніе того времени было сдѣлано для некрасовцевъ, которымъ дозволено было выстроить церковь въ г. Измаилѣ и то въ видахъ политическихъ, чтобы привлечь выселеніе ихъ изъ Турціи.

Въ отношеніи старообрядческаго духовенства, правительство слѣдуетъ той же постепенности, какъ и въ отношеніи мѣстъ богослуженія. Постановивъ 31 января 1832 года правило, чтобы оставить въ покоѣ бѣглыхъ поповъ, находящихся до этого времени при мѣстахъ старообрядческаго богослуженія, оно дѣлаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ распоряженіе, чтобы вновь бѣглыхъ поповъ отсылать въ епархіи, чтобы всѣхъ священнослужителей, пріѣзжающихъ на Рогожское кладбище, высылать изъ Москвы и не дозволять имъ переходить съ мѣста на мѣсто, назначивъ надъ ними тайный полицейскій надзоръ. Лишеннымъ священства попамъ воспрещено было «пребываніе, и тѣмъ менѣе приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ въ той губерніи, гдѣ они были священниками или находились у раскольниковъ, и въ выполненіи сего велѣно было брать съ нихъ подписки подъ опасеніемъ за нарушеніе онаго быть отосланными въ закавказскія провинціи».

Однако все это нисколько не останавливало побѣговъ изъ епархій, гдѣ, при недостаточности средствъ и суровомъ деспотизмѣ консисторій и владыкъ, тяжело жилось нашему духовенству. Большинство священниковъ убѣгало на Иргизъ, гдѣ въ соборной церкви Яновицкаго толка по чиноположенію, содержащемуся въ большомъ Іосифовскомъ требникѣ, производилась надъ попами «исправа»: новопріемлемый надѣвалъ на себя епитрахиль, поручи и фелонь, и послѣ исповѣди у монастырскаго священника громогласно читалъ на амвонѣ, предъ собраніемъ братства, обратясь къ западу лицомъ, отрицаніе. Потомъ помазывали его мѵромъ съ присовокупленіемъ извѣстныхъ словъ, произносимыхъ православными священниками при совершеніи надъ младенцами таинства крещенія. По окончаніи этого обряда, настоятель и братія шли къ нему подъ благословеніе и затѣмъ онъ допускался къ исполненію требъ. Почти тотъ же чинъ совершался при пріемѣ новообращаемыхъ послѣдователей, безъ чего его не допускали въ общей молитвѣ (указъ 17 января, 1836 г.). Когда узналъ объ этомъ государь, то, въ избѣжаніе дальнѣйшихъ «исправъ», сколь постыдныхъ для поповъ, столь же прискорбныхъ для православной церкви, приказалъ отобрать отъ настоятелей монасты-

рей подписки, чтобы впредь этого не было, а въ случаѣ нарушенія, то и настоятели, и совершавшіе чинноположеніе попы, и вновь обращенные будутъ судиться, какъ распространители ереси.

Предъ нами прошелъ цѣлый рядъ репрессивныхъ мѣръ, которыми руководствовалось правительство для уменьшенія раскола. Нельзя сказать, чтобы онѣ не были приведены въ систему и являлись случайными отвѣтами на встрѣчающіеся и обнаруженные факты жизни раскола. Напротивъ, изолированіе или высылка послѣдователей болѣе вредныхъ сектъ, съ полнымъ лишеніемъ ихъ политическихъ и даже гражданскихъ правъ, уничтоженіе и постепенное сокращеніе мѣстъ общественнаго богослуженія съ ихъ учрежденіями для сектъ менѣе вредныхъ, дѣлаемыя затрудненія для пріисканія поповъ сектами, пріемлющими священство, примѣненіе строгихъ уголовныхъ законовъ для совратителей и распространителей раскола вообще, распространительное толкованіе «внѣшняго оказательства», наконецъ, противодѣйствіе малѣйшему стремленію сектантовъ въ обособленности въ государствѣ—все это мѣры, направленныя въ одну цѣль, и составляютъ собою часть цѣлой и довольно крѣпкой системы. Тѣмъ не менѣе расколъ все росъ и росъ, питаясь недовольствомъ, вытекавшимъ изъ подспудной народной массы, придавленной своею неволею. Несмотря на учрежденіе и особое наблюденіе со стороны жандармскихъ офицеровъ, особо установленныхъ по губерніямъ секретныхъ комитетовъ съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ, расколъ все-таки жилъ, множился, отправлялъ богослуженіе и не поддавался требованіямъ правительства. Здѣсь замѣчателенъ тотъ фактъ, что сектанты менѣе вредныхъ согласій стали переходить въ болѣе вредныя, гдѣ богослуженіе и обрядовая сторона были проще, а, слѣдовательно, ихъ легче было укрыть отъ полицейскаго и жандармскаго наблюденія. Согласія, пріемлющія священство, нѣсколько разъ пытались просить о присоединеніи ихъ къ единовѣрію, съ оставленіемъ только права самимъ выбирать священниковъ безъ особаго архіерейскаго рукоположенія, хотя и оставляя ихъ подъ наблюденіемъ епископа; но имъ отказывали въ этомъ, и они переходили въ согласія безпоповщинскія. Безпоповщина разбилась на множество толковъ, изъ которыхъ, какъ мы видѣли ранѣе, иныя доходили до крайняго отрицанія не только правилъ церкви, но и государственнаго общенія. Скопцы, хлысты находили себѣ массу послѣдователей изъ того же раскола.

Нельзя также сказать, чтобы сами раскольники не домогались у правительства дозволенія устроить у себя какую-либо организацію. Сколько разъ они подавали просьбы, чтобъ разрѣ-

шили имъ выдавать свидѣтельства о рожденіи, смерти и бракѣ; просили, чтобы имъ дозволили причислиться къ извѣстнымъ часовнямъ или церквамъ;—но на все это получали или отказъ, или устрашеніе. Вотъ, напримѣръ, что мы читаемъ въ указѣ синода 10-го марта 1839 года на просьбу екатеринбургскихъ старообрядцевъ о дозволеніи выбиранія себѣ священниковъ изъ епархій: «раскольники при этомъ новомъ положеніи не пріемлютъ наименованія единовѣрцевъ. Изъ сего ясно видно ихъ намѣреніе держаться по прежнему въ видѣ общества отдѣльнаго отъ церкви, слѣдовательно—по прежнему враждовать противъ церкви и по возможности отторгать отъ нея православныхъ. Если въ семъ успѣвали они силою богатства и общественныхъ связей донынѣ, когда непризнаніе ихъ священниковъ правительствомъ болѣе или менѣе затрудняетъ ихъ и уничтожаетъ; то безъ сомнѣнія должно опасаться умноженія совращеній, когда ихъ священство получитъ видъ законности передъ гражданскою властью. Шесть екатеринбургскихъ расколоводителей,—продолжаетъ синодъ,—просятъ себѣ права выбирать священниковъ изъ всѣхъ россійскихъ епархій. Право весьма обширное и безпримѣрное. Удивительна отважность, съ которою назначаютъ себѣ права шесть расколоводителей!» Разумѣется, просьба эта не была удовлетворена, и съ просителей взята подписка, «чтобы они впредь не осмѣливались утруждать начальство подобными ухищренными просьбами».

Закрытіе значительнаго числа молелень и часовень отразилось на жизни раскола еще тѣмъ, что поповцы начали группироваться около тѣхъ мѣстъ, гдѣ были каменныя старообрядческія церкви, и гдѣ поэтому ихъ духовенство было болѣе обезпечено отъ притѣсненій. Такъ, мы видимъ, что множество старообрядцевъ переселилось въ Измаилъ, гдѣ некрасовцамъ предоставлены были большія льготы. Группировались также старообрядцы около ржевскаго молитвеннаго дома, около черниговскихъ храмовъ, Изгиря и пр. Впрочемъ, уступая необходимости, чтобы не возбудить явнаго сопротивленія при уничтоженіи старыхъ молитвенныхъ домовъ, само правительство должно было дѣлать уступки и разрѣшать старообрядцамъ ходить для совершенія службы изъ смоленской и тверской губерній во Ржевъ, изъ калужской въ черниговскую и пр. (указы 1840 ноябр. 21, 1841 г. декабр. 19).

Не малую роль въ жизни раскола играла подкупность мелкаго чиновничества и даже чиновъ высшихъ. Какъ ни страннымъ покажется, но убѣдительные факты говорятъ за то, что въ то крутое время, въ особенности во вторую половину царство-

ванія, наибольшимъ послабленіемъ и даже снисхожденіемъ пользовались секты самаго вреднаго направленія, скопцы и хлысты. Ловкіе, умные, обладавшіе значительными капиталами, исполнявшіе для видимости обряды православной церкви и даже дѣлавшіе ей значительные вклады, они успѣвали завязывать самыя сильныя связи и находить самое могущественное покровительство. По указу 27-го марта 1843 года, приказано было не преслѣдовать скопца Солодовникова, и въ виду обширныхъ коммерческихъ его дѣлъ по заграничной торговлѣ, ограничиться однимъ полицейскимъ надзоромъ съ лишеніемъ занимаемыхъ имъ должностей. Затѣмъ въ указѣ 8-го апрѣля 1848 года читаемъ, что такъ какъ Солодовниковъ оскопленъ въ малолѣтствѣ противъ собственной воли, то прекратить надъ нимъ полицейскій надзоръ и не подвергать дѣйствію существующихъ относительно скопцовъ постановленій. Упомянемъ здѣсь еще о дѣлѣ скопчихи Дурдиной, чтобы указать насколько сильно было вліяніе скопческой секты. Въ коммиссіи медицинскаго изслѣдованія найдено было, что Дурдина оскоплена, ибо «сосцы обѣихъ грудей у нея были отрѣзаны или истреблены»; с.-петербургская уголовная палата оставила обвиняемую въ подозрѣніи, основываясь на одномъ ея показаніи, что сосцы она потеряла отъ болѣзни. Дѣло поступило въ физикатъ, который призналъ заключеніе врача правильнымъ, что сосцы были отрѣзаны острымъ орудіемъ. По разсмотрѣніи этого дѣла комитетомъ министровъ, постановленіемъ 27 авг. 1846 г., онъ опредѣлилъ: сослать Дурдину въ закавказскій край на водвореніе. Начались ходатайства, просьбы, подарки, раздача денегъ. Велѣно было снова разсмотрѣть дѣло; но здѣсь была уже задѣта честь физиката, членовъ комитета министровъ. Комитетъ снова осудилъ подсудимую, но все-таки, «въ видѣ снисхожденія,—дозволить ей слѣдовать за Кавказъ въ своемъ экипажѣ». Покрывали хлыстовъ и скопцовъ чиновники мелкіе и мѣстное духовенство. Вотъ еще примѣръ: хлыстовка Ульяна Васильева, изъ костромской губерніи, почитаемая тамошними хлыстами «богородицею», была заключена 1838 г., по высочайшему повелѣнію, въ Флоровской монастырь въ Кіевѣ. Вслѣдствіе представленія епархіальнаго начальства о ея раскаяніи, она снова была водворена на прежнее мѣстожительство. Прошло два года. По дознанію ревизующаго костромскую губернію, сенатора Лобанова-Ростовскаго, оказалось, что Васильева все-таки оставалась богородицею хлыстовъ, и хотя жила постоянно въ Костромѣ, но ѣздила въ Москву, руководила тамъ богомоленіемъ и участвовала во всѣхъ хлыстовскихъ радѣніяхъ.

Мы не станемъ приводить множества другихъ фактовъ; но достовѣрно, что скопцы и хлысты умѣли пользоваться гораздо бо́льшимъ снисхожденіемъ, чѣмъ другія секты. Въ то время какъ обоготворяемые пророки и пророчицы фальшиво удостовѣрялись въ твердости православной вѣры, мы видимъ, что противъ такихъ сектъ, какъ молоканская, принимаются самыя строгія мѣры; о сектахъ Даниловскаго и Спасова согласія выгорѣцкихъ общежительствъ олонецкій губернаторъ хлопочетъ, чтобы ихъ признали особенно вредными, а тамбовскій архіепископъ преосвященный Георгій до того ожесточился противъ безпоповщины, что совѣтовалъ, вмѣсто словъ: «сводный бракъ»—употреблять выраженіе «сводная случка», «сводный союзъ блуда», или «сводная связь». Бывали и въ это время проблески болѣе спокойнаго отношенія къ дѣлу раскола, но они терялись въ общей системѣ и являлись какъ-бы нечаяннымъ исключеніемъ. Такъ, увидя несомнѣнное вліяніе выгорѣцкихъ общежительствъ и поморскаго толка на бѣдное населеніе олонецкой губерніи, правительство дѣлаетъ распоряженіе объ облегченіи способовъ отбыванія повинностей и взноса податей, озабочивается улучшеніемъ въ олонецкой и архангельской губерніяхъ путей сообщенія; наконецъ, постановляетъ, чтобы въ Корелію назначались священники, знающіе мѣстный языкъ (ук. 11 января 1836). Мало того, въ концѣ тридцатыхъ годовъ началось иногда высказываться убѣжденіе, что «мѣры, предпринимаемыя и невыдерживаемыя, нерѣдко бываютъ вреднѣе, нежели когда бы оныхъ совсѣмъ не было предпринято» (13 фев. 1837 г.). Но, повторяемъ, подобные взгляды и мѣры были только исключеніемъ и не имѣли никакого примѣнительнаго къ дѣлу значенія.

Е. Р.

ДЕРЕВЕНСКІЕ МІРОѢДЫ

ОЧЕРКИ.

Мы—въ одной изъ сѣверныхъ губерній, гдѣ природа не особенно щедра къ человѣку: земля холодная, тяжелая, *не-родимая*, зимы студеныя, лѣта короткія, хорошихъ луговъ, заливныхъ, мало, а единственное былое мѣстное богатство—лѣса дремучіе—давнымъ-давно прожито, израсходовано, безъ всякой прибыли, безъ малѣйшаго остатка про черный день, на крайнюю нужду; гдѣ земля не родитъ безъ сильнаго удобренія и двойной обработки, а скота въ долгую зиму прокормить нечѣмъ, и гдѣ поэтому двѣ коровушки на крестьянскій дворъ считаются уже роскошью, признакомъ большого довольства и благосостоянія; гдѣ мужикъ, безъ сторонняго отъ земли заработка, не въ силахъ заплатить даже своей подати, а не только прокормиться и одѣться съ семьей; гдѣ рядомъ съ крестьянской нуждой пристроилось, нашло рабочія руки и развилось фабричное производство, не обогатившее крестьянина, но подорвавшее окончательно его вѣру въ землю-кормилицу, создавшее взамѣнъ этой вѣры культъ рубля; гдѣ мужикъ ни сытъ, ни голоденъ, лаптей давно уже не носитъ, въ праздникъ надѣваетъ синій кафтанъ и пуховую шляпу, въ домѣ норовитъ завести хоть какой-нибудь самоваришко, но говядину ѣстъ два раза въ годъ, соль расходуетъ какъ драгоцѣнность, а въ запасѣ имѣетъ развѣ только одну сѣрую капусту-кисленицу.

Вѣчная и единственная забота всего населенія такого края о томъ: какъ бы прокормиться, какъ бы уплатить подати, или хоть старую недоимку, гдѣ бы перехватить на безвыходную нужду и хоть бы какъ-никакъ свести къ году концы съ кон-

цами: и это не всѣмъ удается, большинство запуталось въ неоплатныхъ долгахъ, махнуло съ отчаяніемъ рукой на будущее, не хочетъ думать даже о завтрашнемъ днѣ: поѣсть бы только, а главное — выпить сегодня; тѣ, которые имѣютъ возможность мечтать о сбереженіяхъ, о залежномъ рублѣ, объ улучшеніяхъ въ домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ, тѣ исключительные счастливцы, тѣ богачи,—тѣмъ хорошо живется на свѣтѣ: за то они всѣ и на перечетѣ не то въ деревнѣ, а въ цѣлой волости. Понятно, что среди такого населенія неизбѣжно должны были явиться и тѣ счастливцы, которые занимаютъ въ деревнѣ особенное положеніе, служатъ экономическимъ центромъ цѣлаго сельскаго общества, а иногда и цѣлой волости, которымъ кланяются и выражаютъ въ глаза почтеніе и благодарность, хоть за глаза нерѣдко бранятъ и проклинаютъ, которыхъ народъ называетъ и благодѣтелями, и кровопійцами,—на которыхъ смотритъ, какъ на неизбѣжное, необходимое и почти законное зло, какъ на результатъ, но не какъ на причину своей бѣдности, которыхъ считаютъ скорѣе полезными, чѣмъ вредными для себя людьми. Это богатые деревенскіе обыватели, ссужающіе крестьянъ въ кредитъ—все равно деньгами, или продуктами,—это мѣстные банкиры, ростовщики, которыхъ мы привыкли называть міроѣдами, хотя въ народѣ такое выраженіе не употребительно, и даже мало извѣстно.

Міроѣды бываютъ разные. Есть такіе, которые искренно, непритворно, считаютъ себя благодѣтелями своихъ односельцевъ, которые смотрятъ на свое дѣло почти какъ на христіанскій подвигъ любви къ ближнему; есть и такіе, которые принимаются за ростовщичество сознательно, какъ за самый выгодный промыселъ, дающій наибольшій процентъ на капиталъ: эти ведутъ свое дѣло откровенно, на чистоту, безъ всякаго лицепріятія, и какъ купецъ опредѣляетъ цѣну своего товара по количеству требованія на него, такъ и они, смотря по нуждѣ заемщика, увеличиваютъ свой процентъ, т.-е. чѣмъ больше нуждаешься, тѣмъ больше долженъ заплатить и процентовъ. У такихъ ссуда дѣлается почти всегда на-вѣрнякa, безъ всякаго риска, со всевозможными въ деревенскомъ быту обезпеченіями. Но есть и притворщики, которые хотятъ обмануть и себя, и заемщиковъ въ значеніи своихъ операцій: эти послѣдніе или ждутъ, чтобы ихъ много просили и кланялись объ одолженіи, и соглашаются на выгодный для себя оборотъ, какъ на тяжелую жертву; или сами предлагаютъ свою помощь и ссужаютъ деньгами по чувству состраданія къ нуждѣ ближняго, но въ томъ и другомъ случаѣ

умѣютъ оградить себя отъ всякаго риска и нажить на своемъ благодѣяніи 200 на 100. Затѣмъ, личный характеръ и общественное положеніе разнообразятъ типы деревенскихъ міроѣдовъ: ими бываютъ, вѣдь, не только крестьяне, но и лица другихъ сословій, живущіе среди сельскаго населенія.

Вотъ нѣсколько такихъ типовъ.

I.

ДѢДУШКА НИКОЛАЙ ИВАНЫЧЪ.

Непригляднa и скучна деревня Пустополье. Длиннымъ порядкомъ сѣрыхъ избъ подъ соломенными крышами протянулась она версты на двѣ по берегу рѣчонки, которая въ лѣтнюю пору почти совсѣмъ пересыхаетъ, такъ что и водой изъ нея не пользуются, а берутъ изъ колодцевъ, вырытыхъ середи деревни. Ни деревца, ни кустика кругомъ, одно голое, чистое, сѣрое поле, только въ огородахъ, которые тянутся отъ улицы вплоть до рѣчки, торчатъ кое-гдѣ рябины, да ветлы — и тѣ на-перечетъ, и всѣ какія-то корявыя, невзрачныя, да сзади деревни, растопыривъ крылья, стоятъ двѣ вѣтряныя мельницы. Въ послѣднее время, впрочемъ, по распоряженію начальства, передъ каждою избою посажено по три березки, которыя посохли тотчасъ же послѣ посадки, но тщательно охраняются на своемъ мѣстѣ, въ видѣ голыхъ, сухихъ мётелъ. Для чего заботливое начальство приказало посадить это украшеніе, въ деревнѣ не знаютъ, но полагаютъ, что для пожарнаго случая, а потому, какъ строгіе исполнители всякаго приказа, мужички тщательно берегутъ даже посохшія березки, разсуждая, вѣроятно, что въ такомъ видѣ для пожарнаго случая онѣ еще удобнѣе. Кромѣ этого новаго украшенія, противъ каждаго почти дома торчатъ скворечники, приноровленные изъ полуразбитыхъ глиняныхъ кувшиновъ, укрѣпленныхъ на-верху длинныхъ жердей. Эти скворечники — единственный признакъ присутствія эстетическихъ потребностей и любви къ природѣ въ обитателяхъ Пустополья. На улицѣ, весною и осенью, а часто и лѣтомъ, послѣ сильныхъ дождей стояла непролазная грязь, которая нисколько не стѣсняла мѣстныхъ обывателей.

Всѣ избы въ деревнѣ, какъ двѣ капли воды, похожи одна на другую: всѣ въ три окна, изъ которыхъ среднее побольше, всѣ подъ соломенными крышами, у всѣхъ съ одной стороны крылечки, съ другой—ворота во дворъ. Если и есть между ними какая разница, такъ развѣ въ томъ, что одна изба поновѣе, или повыше другой, у одной нижніе два вѣнца подгнили, и изба испрокинула на бокъ, а у другой введены два вѣнца новые; у одной крыша на дворѣ завалилась, а у сосѣдней прикрыта свѣжей соломой. На дворахъ и въ избахъ у всѣхъ одно и то же: середи двора, ближе къ воротамъ, — телѣга, у задней стѣны, за отгородкой у колоды, лошадь и корова, или лошадь и корова съ тёлкой; въ углу пара овецъ; въ избѣ столъ подъ образами и лавки по стѣнамъ, одёжа и малыя ребята на полатяхъ, старуха на печкѣ; въ свѣтломъ углу люлька съ ребенкомъ; въ темномъ на полу, на соломѣ, сосунъ-телёнокъ.

Общій колоритъ деревни сѣрый, унылый, неприглядный. Среди однообразныхъ деревенскихъ избъ бросается въ глаза только одна: построена она по тому же образцу, какъ и всѣ остальныя, но изъ очень толстаго лѣса, изъ такого толстаго, что сосѣдняя съ нею избенка кажется сложенною изъ жердей; срублена эта изба аккуратно и прочно, крыта тёсомъ, заборикъ вокругъ двора крѣпкій, прямой и ровный, сложенъ и пригнанъ такъ, что не найдешь ни одной щелки между бревнами: видно, что хозяинъ заботился, чтобы ни вѣтромъ не продувало, ни снѣгомъ не заносило скотинку на дворѣ. Ворота во дворѣ крѣпкія, тяжелыя, на здоровыхъ желѣзныхъ петляхъ, а не на деревянномъ шкапѣ, какъ въ другихъ дворахъ, затворяются плотно, запираются дубовымъ засовомъ съ желѣзнымъ висячимъ замкомъ. У воротъ на цѣпи злая собака. Дворъ большой, просторный, съ теплыми омшанниками для овецъ и мелкой скотины, съ кормовой избой, на студеную пору, для коровъ и лошадей: видно, что хозяинъ бережетъ свою жилую избу, не хочетъ гноить ее и не пускаетъ въ нее зимою скотину, погрѣться и поѣсть мѣшанины, какъ дѣлаютъ сосѣди. На дворѣ больше десятка головъ разнаго скота, и весь онъ сытый, гладкій и холеный; въ колодахъ кормъ у него не переводится, подъ ногами мягкая соломенная постилка; стлать хозяева не лѣнятся, да и есть, значитъ, что́ постлать, не тащатъ старую солому съ крыши, а стоятъ омёты ея около овина. Противъ дома на огородѣ, такъ что изъ оконъ видно, стоитъ большой двухъ-этажный амбаръ-кладовая, такой же прочный, изъ такого же толстаго здороваго лѣса, какъ и изба, съ обитыми желѣзомъ двойными дверями, съ внушительными внутренними и висячими

замкамъ. Сзади дома—гумно съ овиномъ, на которомъ такъ же, какъ и на всѣхъ остальныхъ постройкахъ, видна заботливая хозяйская рука: они и больше, и исправнѣе, и сподручнѣе устроены, чѣмъ всѣ остальные въ деревнѣ, дровъ въ него требуется меньше, а хлѣбъ сушится лучше и скорѣе, и «опасность въ немъ совсѣмъ не та противъ воли Божіей: на-счетъ пожарнаго случая,—соглашаются сосѣди,—потому все въ порядкѣ произведено»: зимникъ глубокій въ мѣру, устье съ затворомъ, кругомъ справно, ни откуда вѣтеръ не заберется: съ которой стороны ни дуй, а онъ курится себѣ ровненько, ровно и не знаетъ... Около овина въ порядкѣ сложены омёты ржаной соломы, а яровая прибрана въ сарай, стоящій тутъ же, неподалеку на гумнѣ; ладонь передъ овиномъ круглый годъ отъ помолотухи до замолота покрыта толстымъ слоемъ соломы: оттого никогда не прорастаетъ травой, не требуетъ лишней работы на подчистку и не бываетъ пыльна. Въ избѣ и на дворѣ съ перваго взгляда видѣнъ во всемъ образцовый порядокъ: все на своемъ мѣстѣ, все прибрано, все, что нужно, подъ рукой, ничто не мѣшаетъ и на дорогѣ не валяется, хотя все сдѣлано и ведется совсѣмъ по-мужицки, по стародавнему образцу, безъ всякихъ отличій противъ крестьянскихъ привычекъ и обычаевъ. Этотъ, видающійся въ глаза, домъ въ деревнѣ Пустополье и все хозяйство принадлежатъ дѣдушкѣ Николаю Иванычу Курощупову, заурядному мужичку той же деревни.

Прозвище свое Николай Иванычъ получилъ отъ своихъ односельчанъ еще въ молодости, именно за наклонность къ скопидомству, за бережливость, за вниманіе и заботливость о всѣхъ мелочахъ въ хозяйствѣ. Въ настоящее время это—восьмидесятилѣтній, согнутый въ дугу, старикъ, сѣдой какъ лунь, но съ гладкимъ, почти безъ морщинъ, худощавымъ благообразнымъ лицомъ; взглядъ его мирный, тихій, но твердый, пытливый и пристальный, обличающій натуру сосредоточенную и характеръ упорный; говоритъ тихо, сдержанно и мѣрно; всегда, повидимому, ровенъ и невозмутимъ; въ движеніяхъ степененъ, но ходитъ и дѣлаетъ все быстро; одѣтъ всегда, и зиму, и лѣто, въ нагольный полушубокъ, который на немъ какъ-будто не старѣется и смотритъ всегда новымъ, недавно сшитымъ; только въ самые жаркіе дни, и то у себя дома, можно увидѣть Николая Иваныча въ одной рубахѣ, но, выходя куда-нибудь со двора, онъ всегда надѣваетъ свой неизмѣнный полушубокъ. При встрѣчѣ съ людьми, кто бы это ни былъ, всегда и всѣмъ кланяется очень низко, снимая шапку и опуская ее почти до земли: не только гордости или

чванства своимъ богатствомъ не было замѣтно въ Николаѣ Ивановичѣ, но, напротивъ, какъ-будто хотѣлъ показать себя хуже и ниже всѣхъ; держалъ себя такъ не изъ фарисейства и притворства, а по какой-то безсознательной деликатности. Онъ зналъ себѣ цѣну и въ извѣстныхъ случаяхъ любилъ даже похвалиться собой, поставить себя въ примѣръ; позволялъ себѣ при случаѣ упрекнуть сосѣда за бездомство, за безхозяйственность, дать совѣтъ и сдѣлать внушеніе. Съ молоду Николай Иванычъ былъ такой неустанный работникъ, такой труженикъ, на котораго удивлялись даже мужики: сомнѣвались—спалъ ли онъ когда-нибудь, а безъ дѣла его видали только въ праздничные дни; но и въ праздники онъ что-нибудь копошился около дома, не выходилъ только никогда на полевую работу. Теперь, на девятомъ десяткѣ жизни, по его собственному мнѣнію, онъ уже ничего не дѣлалъ, отдыхалъ, предоставивъ всю работу сыновьямъ и только досматривалъ за домомъ; но этотъ досмотръ стоилъ всякой другой работы. Старикъ былъ цѣлый день на ногахъ: онъ косилъ всюду, видѣлъ всякую работу, осматривалъ каждый закоулокъ своего хозяйства и зналъ каждую минуту, что́ у него дѣлается. Въ теченіи дня онъ сбѣгаетъ и на поле, и на лугъ, если идетъ сѣнокосъ, и самъ кстати отнесетъ завтракъ, или полдникъ рабочимъ, и обѣжитъ пустошку собственнаго лѣса, которую купилъ и бережетъ какъ зеницу ока, и притащитъ дровъ къ печкѣ, и въ горшки у стряпухи заглянетъ, и оглядитъ не одинъ разъ всѣ запоры у своихъ кладовыхъ и чулановъ, и поставитъ на мѣсто вещь, которую молодежь по разсѣянности забыла убрать, и поправитъ кормъ у скота, а если мало его, такъ и прибавитъ, и при этомъ успѣваетъ вести счеты и разсчеты съ должниками и покупателями. Николай Иванычъ велъ торговлю всякимъ нужнымъ въ крестьянствѣ товаромъ, и это дѣло оставилъ спеціально за собою, не довѣряя его даже сыновьямъ.

У Николая Иваныча большая семья: два старшихъ сына были отдѣлены, а два, уже женатихъ и дѣтныхъ, жили еще при немъ; старуха жена умерла, и главной хозяйкой въ домѣ оставалась дочь—дѣвица, почти такая же старуха. Не совсѣмъ по мысли было невѣсткамъ подчиняться золовкѣ, та крѣпко держала въ рукахъ бразды правленія, тѣмъ болѣе, что пользовалась особенною любовью и довѣріемъ отца. Старикъ позволялъ ей даже принимать участіе въ своихъ торговыхъ оборотахъ, довѣрялъ ключи отъ амбара и чулановъ, и вѣрилъ въ ея разсчетливость, бережливость и скопидомство. Разбирая не рѣдкія стычки между

дочерью и невѣстками, а иногда и сыновьями, Николай Иванычъ всегда былъ на сторонѣ первой.

— Я знаю: мнѣ на ея рукахъ умереть, а не на вашихъ,— откровенно говаривалъ онъ,—она мнѣ глаза закроетъ, а не вы. Ей некуда отъ меня уйти, а вы только и ждете того, какъ бы отдѣлиться.

Сыновья, молча, выслушивали такія слова отца, внутренно соглашаясь съ ними, но сами проситься въ отдѣлъ не смѣли: они знали, что у старика есть на этотъ предметъ опредѣленный твердый взглядъ и особенныя соображенія, противъ которыхъ возражать и спорить было опасно и невыгодно. Они имѣли передъ глазами примѣръ старшихъ братьевъ: самаго старшаго сына, Николай Иванычъ отдѣлилъ по доброй своей волѣ, когда счелъ это нужнымъ и своевременнымъ, и наградилъ его сравнительно щедрой рукой: выстроилъ ему хорошую избу съ дворомъ, сараемъ, амбаромъ, далъ хорошую лошадь, съ телѣгой и сбруей, новотельную молочную корову, пару овецъ, хлѣба на сѣмяна и на ѣмена на круглый годъ, и даже благословилъ двумя четвертными бумажками на разживу; невѣстка увезла въ новую избу цѣлые вороба одежи и бѣлья, не нуждалась на первыхъ порахъ даже ни въ какой домашней утвари: всѣмъ снабдилъ ее заботливый свекоръ. Зато совсѣмъ иначе поступилъ онъ со вторымъ сыномъ, который настойчиво и съ грубостями просился въ отдѣлъ: Николай Иванычъ уступилъ, но не выдѣлилъ, а, какъ говорили на деревнѣ, выпихнулъ сына на всю его волю. Изба, которую онъ купилъ ему, была и меньше, и гораздо хуже, чѣмъ у старшаго брата, лошаденку, коровенку далъ изъ плохенькихъ, чуть не изъ заморышей; въ такомъ же родѣ была и вся остальная родительская награда изъ вещей, а въ деньгахъ и вовсе отказалъ: у самого нѣтъ, да и кончено; а что есть, такъ на свою нужду требуется; самъ теперь хозяинъ, мужикъ полный, промышляй самъ про себя, на то тебѣ руки даденъ, не на пустое мѣсто и высаженъ: всякое мужицкое заведеніе есть у тебя. А денегъ, сказалъ, нѣтъ, такъ негдѣ и взять!..

Сколько было денегъ у Николая Иваныча, никто не зналъ, не знала даже и его любимая дочь; да врядъ ли безошибочно могъ бы сказать и онъ самъ, если бы захотѣлъ признаться. Чужихъ догадокъ, толковъ и соображеній о денежномъ капиталѣ Николая Иваныча было не мало: охотниковъ считать въ чужомъ карманѣ и въ деревнѣ такъ же много, какъ въ городѣ. Досужіе счетчики соображали, что у Николая Иваныча большія тысячи лежатъ, и спрятаны онѣ гдѣ-нибудь либо

въ амбарѣ, либо на мельницѣ, либо въ дому въ голбцѣ, въ землю зарыты. Находились не разъ и охотники поискать этихъ денегъ,—но все какъ-то неудачно: очень ужъ сторожекъ оказывался дѣдушка; въ какое время ни подбирались, какъ ни ухищрялись, не заставали его въ расплохъ, или крѣпко уснувшимъ: только тявкнетъ собака на дворѣ, или около амбара, смотришь—и голова его сѣдая изъ оконца на улицу высунулась и огонь въ избѣ вздуваютъ, и самъ старикъ, съ которымъ-нибудь сыномъ, вооруженнымъ топоромъ, или дубиною, въ сопровожденіи злющей собаки выходитъ изъ калитки на улицу. Прямо, что кощей безсмертный, душу дьяволу продалъ, сна не имѣетъ: все добро свое сторожитъ!..—говорили про него. Николай Иванычъ сталъ особенно остороженъ и подозрителенъ въ послѣднее время, когда, по его мнѣнію, народъ сталъ сильно портиться, и послѣ того, какъ удалось-таки какимъ-то лихимъ людямъ обокрасть его мельницу: запоровъ отбить не могли, такъ взломали крышу въ амбарѣ и черезъ нее пролѣзли внутрь. Правда, поживились немного: вытащили два мѣшка ржи, да мѣшокъ ячменя и то не его, а чужіе, мірскіе, привезенные къ нему для помола, да захватили его собственный желѣзный ломъ, которымъ поднимались жернова для вовки.

Случай этотъ былъ особенно памятенъ и непріятенъ для Николая Иваныча, потому что міръ, по мнѣнію старика, обидѣлъ его. Владѣльцы пропавшаго хлѣба стали просить, чтобы дѣдушка Николай вознаградилъ ихъ за пропажу, чтобы раздѣлилъ бѣду хоть пополамъ, но старикъ уперся, отказывался; потерпѣвшіе обратились къ мірскому суду: сельская сходка постановила, что такъ какъ хлѣбъ былъ на мельницѣ Николая Иваныча, слѣдовательно онъ его долженъ былъ и беречь, а не уберегъ, такъ его и отвѣтъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и къ отвѣтѣ.

— Ты, дѣдушка, за помолъ бралъ, не даромъ, вѣдь, мололъ?..—спрашивалъ его міръ, желая доказать основательность своего разсужденія.

— Знамо, бралъ... Кто же станетъ чужой хлѣбъ даромъ молоть...

— Ну, а коли денежки за помолъ получалъ, значитъ, ты, хошь, мукой отдай и денежки за помолъ получи, либо зерномъ вороти, сколь принялъ... тогда безъ всякаго: сколь получилъ, отдай въ поворотъ... И шабашъ дѣло... Вотъ!..

— Да кабы я замоталъ, али что... А то, вѣдь вы видѣли; скрадено... со взломомъ... крышу содрали... Причемъ тутъ я?.. Мнѣ и безъ того убытки: теперь вонъ крышу чини, опять же

ломъ былъ мой собственный, трехъ рублей бы не взялъ... здоровый ломъ... тоже унесли... Да я же еще и плати! Что вы, господа міряне? Не по божески, не по совѣсти судите: въ одну обиду мнѣ...

— Какъ не по совѣсти?... Нѣтъ, ты это напрасно, Николай Иванычъ... Мы черезъ самую, то-есть, совѣсть судимъ... Вотъ какъ передъ истиннымъ... потому мужику своего жалко... Ему гдѣ взять? ему взять негдѣ... а онъ къ тебѣ на мельницу привезъ, сдалъ, съ твоей мельницы пропало, ну, значитъ, твой и отвѣтъ... А ты ищи вора, найдешь: стребовай съ него, все твое будетъ, а мужиковъ ублаготвори... потому твоя бѣда, а они ни въ чемъ непричинны въ этомъ... Опять же они въ нуждѣ, можетъ кой послѣдній мѣшокъ хлѣбца-то привезли къ тебѣ, а у тебя, слава Богу, не какъ у нихъ: есть изъ чего отдать...

«Оттого-то вы меня и нанимаете, что у меня есть изъ чего отдать» — подумалъ про себя Николай Иванычъ, и хотя не убѣдился доводами міра, но спорить не сталъ и подчинился приговору. Но съ тѣхъ поръ далъ себѣ слово не принимать на свою мельницу чужого помола ни за какія деньги. При этомъ онъ сообразилъ, что для него будетъ даже гораздо выгоднѣе — покупать зерно и перемалывать его на собственной мельницѣ, для перепродажи потомъ мукою.

— Не одинъ разъ послѣ пожалѣете, что обидѣли меня... — проговорилъ Николай Иванычъ, возвращая пропавшій хлѣбъ. — Не вы одни, а всѣмъ міромъ, вотъ, придете, просить будете, чтобы взялъ смолоть, хоть пудикъ... Да нѣтъ, ужъ, спасибо... больше во мнѣ и не ходите: чужбины ни съ чѣмъ брать не стану... только про себя и буду молоть... Вы думаете мнѣ корысть, что-ли, большая была, что я чужбину-то мололъ?.. Не думайте: я на своей мукѣ больше выручу... Я благодѣянье вамъ же, міру, дѣлалъ, что мололъ вашъ хлѣбъ. У меня мельница не простоитъ безъ дѣла, а на своей-то мукѣ я не двугривенну съ мѣшка-то возьму за помолъ, особливо въ нужное время, или въ половодье... Небось, пожалѣете... А я за воровъ не плательщикъ...

Николай Иванычъ не ошибся: дѣйствительно, не разъ пожалѣли мужики, что понизили его въ этотъ разъ. Въ Пустополи, кромѣ его, была еще одна вѣтряная мельница, но содержалась не въ порядкѣ, молола плохо, да и хозяинъ ея былъ человѣкъ не совсѣмъ добросовѣстный. Крестьянинъ отдаетъ хлѣбъ на мельницу безъ вѣса, и почти безъ мѣры, полагаясь только на свой глазъ, а еще больше на совѣсть мельника: насыплетъ полный мѣшокъ зерна и смотритъ, чтобы онъ такой же полный воротился къ

нему и съ мукою. Не очень тутo набить мѣшокъ, поплотнѣе завязать, чѣмъ былъ съ зерномъ,—мужикъ смекаетъ, что мельникъ нечистъ на руку, но только развѣ почешетъ въ затылкѣ, наматаетъ это себѣ на усъ, а спорить и доказывать не станетъ, потому-что безполезно, да ничѣмъ и уличить нельзя. Водяныя мельницы отъ деревни далеко: ѣхать туда—потеряешь цѣлыя сутки съ лошадью: большой разсчетъ, особливо въ рабочее время; вѣтряныя въ сосѣднихъ деревняхъ тоже своимъ, деревенскимъ хлѣбомъ завалены, да и все-таки закладывай лошадь, да поѣзжай. А дома у себя то ли дѣло: взвалилъ мѣшокъ на плечи, добѣжалъ, свалилъ; смели, дѣдушка, когда время позволитъ. И ужъ покоенъ: первое, что Николай Иванычъ, какъ ни скупъ, а чужимъ фунтомъ не попользуется, смелетъ мелко и нужду твою не забудетъ, коли попросишь: поторопится... Особливо дорога была услуга Николая Иваныча при первомъ замолотѣ новаго урожая: у крестьянъ Пустополья своего хлѣба никогда не хватало на круглый годъ, самый запасный хозяинъ начиналъ покупать муку съ ранней весны, а большинство съ великаго говѣнья, иные даже со святокъ. Слѣдовательно, приходилось много изводить денегъ, много должать и голодать: перваго снопа собственной ржи ждетъ мужикъ точно ни-вѣсть какой благодати, и нерѣдко сегодня сожнетъ полсотни сноповъ, а завтра охлыщетъ еще хорошенько не обстоявшіеся, сыроватые, посушитъ зерна на солнышкѣ, или на печкѣ—и скорѣе на мельницу, если только есть хоть маленькая килинка, что крылья ворочаетъ. Вотъ ужъ тутъ и низкіе поклоны, и просьбы, и ласковыя рѣчи мельнику: —Родимый, кормилецъ, да нельзя ли, да поскорѣе... Да мою-то засыпь первo: право, ну, вѣришь Богу, пылинки въ дому нѣтъ: хошь ложись, да помирай, даромъ вотъ отъ Создателя свѣженькаго дождались батюшки хлѣбца... Сдѣлай божескую милость, ужъ ты мнѣ-то уважь: дай своего-то новенькаго отвѣдать поскорѣе!.. Ну что, покупалъ-покупалъ, займовалъ-займовалъ... одно слово, хоть въ петлю!.. Сдѣлай же милость—уважь, прошу я тебя...

И, бывало, дѣдушка Николай Иванычъ, уважалъ, какъ и сколько могъ: смелетъ кому нудинь, кому два, смотря по нуждѣ, по вѣтру и по собственному досугу. А со времени покражи на мельницѣ, на всѣ просьбы и мольбы въ подобныхъ случаяхъ, у Николая Иваныча былъ одинъ неизмѣнный отвѣтъ:

— Не принимаю я ноньѣ чужбины... Не мелю на сторону... Подьте къ Якову (на другую мельницу).—Ко мнѣ и ходить не почто: сказывалъ вѣдь ужъ я: не принимаю...

— Да что къ Якову, Николай Иванычъ... Дождешься ли у Якова: самъ знаешь...

— Не мое дѣло... Я занялся: не приваю...

— Оважи божескую милость... Будь отецъ родной... Право, ну....

— Вотъ, мужой, коли хошь, на промѣнъ дамъ и то буде рожь сухая...

— Своего-то бы хотѣлось отвѣдать: новинки-то...

— Ну, вамъ знаешь... Твое дѣло... Подь къ Якову: можетъ онъ и...

— Нѣтъ ужь, что Яковъ... Были у него тоже... Ну, давай хоть на промѣнъ, только...

— Что?..—спрашиваетъ Николай Иванычъ, хмурясь и отрывисто.

Мужикъ хотѣлъ сказать: «только не больно нажимай, не обижай», но удерживается, зная, что Николай Иванычъ за такую оговорку разсердится и, пожалуй, вовсе откажетъ и въ промѣнѣ, ибо вполнѣ убѣжденъ, что дѣлаетъ мужику одолженіе, выручаетъ его изъ большого затрудненія. Поэтому мужикъ говоритъ совсѣмъ не то, что думалъ:

— Невеньваго-то хотѣлось больно отвѣдать...

— У меня мука хорошая, домашняя, не нашъ кулевая...— замѣчаетъ въ утѣшеніе ему Николай Иванычъ.—Сколько у тебя тутъ?..

— Да не вѣду: прикинуть нужно...

— Знамо, прикинуть: неужто такъ?.. Покажь-ка... Э, братъ, вѣялъ-то безъ вѣтру, видно, либо нарочно песочку прикратилъ, для тяги...

— Нѣтъ, дѣдушка, Николай Иванычъ, для себя старался: думалъ, вѣдь, смелешь... Самъ бы ѣсть сталъ... А это отъ ладони, знать: ладонь больно пыльна...

— А мякини-то сколь... смотри-ка... Да и съ костерей!.. Эка, братцы, рожь-то у васъ какая... мелкая, тощая!.. легчая!..

— Отъ земли, Николай Иванычъ: земля наша не родитъ... Бѣда!..

— Да развѣ не одна у васъ земля-то... Смотри-ка у меня... А рядомъ полоса-то...

— Твое дѣло другое, дѣдушка Николай: у тебя удобство не то: сколь скотинки-то держишь, и сколь мы?.. Твою полосу выберешь ино всѣхъ, потому — сдобилъ ты ее... Вотъ что... Какъ можно твою полосу съ нашей сравнить... Дай-ка мнѣ твою-то полосу—и у меня не окей хлѣбъ будетъ...

— Да, дай тебѣ!.. Видали, братъ, мы довольно!.. Я вѣкъ-отъ, почитай, на всѣхъ полосахъ пересидѣлъ: всѣ черезъ мои руки прошли, двигали-двигали меня вѣкъ-отъ по полю... нѣчего сказать, довольно!.. Только полосу-то въ порядокъ произведешь, только на дѣло поставишь... ну, и родитъ, слава Богу, а попадетъ къ вамъ въ руки—ту же полосу и не узнаешь...

— Такъ-то и есть, Николай Иванычъ: я и говорю, что все отъ сдобы,—у тебя удобства много, скотники держишь довольно: ублаготворишь ты полоску-то... Вотъ она и показываетъ сама себя... и хлѣбецъ почнетъ родиться на ней... Наша земля безъ навозцу не родитъ: самъ знаешь, Николай Иванычъ... Извѣстно, что кабы у насъ съ-эстоль скота, что у тебя...

— Э, полно ты!.. Все бы одно и было, что теперь: развѣ бы не измотали скота-то? — измотали бы!.. Извѣстно, скотъ по хлѣбу, и хлѣбъ по скоту, а все по заботѣ, да по бережи... А ваша забота-то извѣстная... особливо въ нонѣшнее время!.. Вы только ненавиствуете, да завистничаете на людей, а настоящей заботы въ васъ нѣтъ... И признательности нынѣче нѣтъ въ людяхъ: что ни дѣлай, а добраго слова не жди... Ну, противъ твоего четверика больше двухъ башмановъ муки не дамъ... Вотъ, хочешь—получай, хочешь—нѣтъ, потому—сорна очень...

— Ужъ больно мало, Николай Иванычъ... Чтой-то!..

— Нѣтъ, не мало, а въ самый разъ, еще слишкомъ... Посчитай-ка: подсѣять теперь твой четверикъ, безъ пяти фунтовъ пудъ больше не потянетъ—это разъ; а мука-то теперь на двадцать копѣекъ дороже гуляетъ противъ ранѣ-то въ нудѣ—вотъ тебѣ другой; да распашь въ помолѣ... да не ходи, не ѣзди, не хлопочи... Смекни-ка все-то: много ли мнѣ на барыши, на хлопоты останется?.. Вамъ, вѣдь, все не въ честь, не въ милость, что для васъ ни дѣлай... Я, вѣдь, знаю довольно... Не хочешь, такъ и не надо: не навалливаю...

— Ну, да давай, давай... Прибавь хоть фунтиковъ пятокъ на двѣ-то мѣрки.

— То-то: прибавь... Поди-ка, выпроси у другого... На вотъ, бери, Богъ съ тобой...

— Ну, вотъ покорнѣйше благодаримъ, дѣдушка Николай Иванычъ.

И мужикъ уходитъ вполнѣ довольный и благодарный за ничтожную надбавку.

«Ужъ скупъ, нѣчего сказать, скупъ, скаредень, старый хрѣнъ», думаетъ онъ про-себя, «а все лучше другихъ: поди-ка у другого выпроси... Другой не то, что прибавитъ на пущу-бѣдность, а

норовитъ послѣднюю шкуру съ тебя содрать... Нѣтъ, этотъ еще Бога помнитъ!...»

Николай Иванычъ слылъ за великаго скупца; про скряжничество его ходили по деревнѣ назидательные разсказы. Говорили, что своимъ домашнимъ онъ отпускаетъ соли по щепоти въ сутки на каждаго, а хлѣба даетъ съ вѣсу; что внучатамъ съ базара, вмѣсто гостинца, приноситъ тотъ же кусокъ чернаго хлѣба, что съ собой изъ дому на закуску бралъ, только приманиваетъ ребятишекъ тѣмъ, что будто это лиса съ базара имъ прислала, а баранковъ даетъ только для забавы: подержи въ рукахъ, посмотри, пожалуй, лизни, а укусить не моги, и побалуешь—назадъ отдай; что на улицѣ и около чужихъ дворовъ онъ въ сору роется и всякую завалящую дрянь, всякое перо, что изъ хвоста у птицы вывалится, подбираетъ и прячетъ, а своихъ курицъ, которыя плохо несутся, собственноручно прутомъ стегаетъ, чтобы не загуливались, не лѣнились, свое дѣло знали; что въ церкви, Богу, на цѣлый годъ одну толстую свѣчку ставитъ, самъ зажигаетъ, самъ и гаситъ ее, потому—сходнѣе, дешевле обходится, нечѣмъ каждый праздникъ по трёшнику на новую свѣчку изводить, и т. п.

Деревенскій людъ объяснялъ зажиточность и сравнительное благосостояніе Курощупова ни чѣмъ инымъ, какъ его скупостью, жадностью и счастьемъ; въ дѣйствительности же Николай Иванычъ былъ не столько скупъ, сколько бережливъ и разсчетливъ; а счастье его состояло въ томъ, что онъ былъ способенъ работать безъ устали и велъ жизнь съ молоду крайне трезвую и умѣренную: ни водки, ни чаю не пилъ онъ во всю свою жизнь, и только въ глубокой уже старости, когда началъ чувствовать одышку, пилъ изрѣдка горячую мяту съ медомъ. Правда, послѣ отца ему досталось все крестьянское хозяйство въ надлежащемъ порядкѣ, но чтобы начать откладывать и копить деньги, Николай Иванычъ, какъ и всякій крестьянинъ, долженъ былъ подвергать себя всевозможнымъ лишеніямъ и имѣть при этомъ сильный характеръ, выдержку и изворотливость. Крестьянину особенно трудно скопить первые десятки рублей свободныхъ денегъ, которыя онъ можетъ спрятать. Если это разъ сдѣлано, онъ уже не остановится, и начинаетъ прикапливать и откладывать или просто для того, чтобы были залежныя деньжонки про черный день, или чтобы при случаѣ пустить ихъ въ оборотъ на какое-нибудь выгодное дѣло. Въ первомъ случаѣ у него одна забота: какъ бы не узнали люди, что у него водятся деньжонки; онъ тщательно скрываетъ это ото всѣхъ, даже отъ близкихъ родныхъ,

Во второмъ — онъ долго присматривается, долго и медленно соображаетъ, недовѣрчиво и осторожно разсчитывая, какое дѣло сподручнѣе, выгоднѣе, представляетъ меньше риска, даетъ вѣрнѣе и больше барышей: приняться ли торговать, устроить ли какое промышленное заведеніе, купить ли лѣсу, или земляницы, или пустить деньги въ ростъ, по рукамъ. Но всѣ эти разсчеты и соображенія оканчиваются обыкновенно тѣмъ, что мужикъ не-чаго ничего не выдумаетъ, а идетъ по протоптанной дорожкѣ, слѣдуетъ чьему-либо примѣру: разбогатѣлъ сосѣдъ отъ торговли свотомъ — и онъ примется за мясничество, выгодно идетъ у сосѣдняго мужика мельница, или маслобойка, или поташный заводъ, — и онъ будетъ стремиться устроить такое же заведеніе, начали покупать земли или лѣсъ — и онъ за другими, а ужъ на-счетъ того, какъ выгодно давать деньги въ ростъ, научатъ прежде всего всѣ сосѣди, лишь бы узнать имъ, что деньги водятся, и что скрывать ихъ счастливецъ не желаетъ: со всѣхъ сторонъ явятся просьбы ссудить: «что угодно бери послѣ, только теперь одолжи, не оставь, потому — нужда очень донимаетъ!»

Николай Иванычъ принялся за дѣло нѣсколько своеобразно: прежде всего, какъ хлѣбопашецъ, онъ заботился объ увеличеніи удобренія и скотоводства, а для этого нанималъ, гдѣ могъ, луга на сѣнокосъ, впослѣдствіи же пріобрѣлъ лужку и въ собственность; скупалъ по осени изнуренныхъ, замученныхъ лошадей, дешево по нуждѣ сбываемыхъ коровъ, за зиму ихъ откармливалъ, а весной продавалъ дорогою цѣною. Затѣмъ онъ сообразилъ, что очень выгодно имѣть въ запасѣ всякую мелочь, которая требуется въ мужицкомъ хозяйствѣ, для того, чтобы продавать ее въ тѣхъ случаяхъ, когда мужику нельзя ѣхать за нею на базаръ или по недосугу, или просто потому, что наличныхъ денегъ нѣтъ; но торговля эта, во всякомъ случаѣ, не бойкая, мелкая и грошовая, а потому, чтобы сдѣлать ее болѣе выгодной, нужно покупать товаръ какъ можно дешевле. И вотъ Николай Иванычъ отправлялся обыкновенно на каждый базаръ въ сосѣднее село, ходилъ, высматривалъ, и только подъ самый уже конецъ базара, когда всѣ почти покупатели расходились, а продавцы начинали запрягать лошадей и увязывать свои возы съ остатками непроданнаго товара, Николай Иванычъ приступалъ къ скупкѣ этихъ остатковъ. Тутъ онъ торговалъ и покупалъ все, что только отдавали дешево изъ-за того, чтобы не возиться съ товаромъ взадъ да впередъ: покупалъ десятокъ плетюхъ, двѣ кадки, пять паръ ведеръ, дюжину вѣяльныхъ лопатъ, скатъ колесъ, вязанку лаптей и поршней на время пашни и жнитва,

и пр., скупалъ онъ и хлѣбъ по ранней осени, когда мужики возятъ и даже носятъ его на базаръ узлами по двѣ, по три мѣры, чтобы продать *для нужды* хоть бы за что-нибудь; запасы соли, дегтю, веревокъ также никогда не переводились въ амбарахъ Николая Иваныча, и ихъ онъ закупалъ большимъ количествомъ, гуртомъ, по возможно дешевой цѣнѣ, съ непремѣнной уступочкой отъ продавца. Покупая, дѣдушка торговался изъ-за каждой копѣйки такъ терпѣливо и такъ настойчиво, что рѣдкій продавецъ не дѣлалъ ему уступки; напротивъ, продавая самъ свой товаръ, Николай Иванычъ былъ неуступчивъ, и твердъ, какъ кремень, въ разъ назначенной цѣнѣ.

— Ну-ка-сь, дѣдушка Николай, чтой-то, — тараторила иной разъ баба, торгуя у него какую-нибудь плетюху: — самъ-то, поди, трёшникъ далъ, а съ меня семь копѣекъ хошь взять...

— Такъ ты поди покупай у кого дешевле, — отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ Николай Иванычъ, видимо недовольный: — я тебя не звалъ, не навязывалъ,—сама пришла... Нѣчего тебѣ съ меня взыскивать, за что самъ купилъ... Не по мысли, дорого, такъ не вороши: на базарѣ и вирямъ дешевле—ступай на базаръ... у меня лежитъ, мѣста не пролежитъ...

— Да, слышь, останная плетюха разсыпалась,—не въ чемъ мякину таскать... Гдѣ тутъ базара ждать...

— Ну, такъ...

— А ты побойся Бога: уступи хоть сколь-нибудь... Ну, куда эко мѣсто: семь копѣекъ...

— Ну, а коли тебѣ не нужно, такъ ступай съ Богомъ... Выходи, сарай запру... Мнѣ, вѣдь, языкомъ-то бить нѣкогда: не одно это дѣло-то у меня... Выходи, говорятъ, коли не надобно...

— Да гдѣ не надобно... Негдѣ взять-то, опричь тебя... Такъ ты ужъ коли подожди денегъ-то... Не случилось теперь...

— То-то, подожди!.. Я вотъ купилъ въ свое время: она и дешево мнѣ пришлась... А ты прибѣжала безо времени, да еще и безъ денегъ, а торгуешься, въ цѣнѣ обижаешься...

— Да вотъ, поди ты,—говорила я и моему-то:—что бы во время-то купить на базарѣ, парочку: за десять бы копѣекъ какихъ бы пару взять можно... такъ вотъ: то да се, одна нужда другую погоняетъ... За что ни схватись—все нужно, все надобно... Такъ и не купили...

— Беззаботные, больше ничего... Когда же отдашь-то?.. За вами еще за деготь, да за соль есть...

— Все, все отдадимъ, все вмѣстѣ: вотъ, Богъ дастъ, деньги получимъ... Небось, помнимъ все, не забудемъ, отдадимъ...

— То-то, помните ли... Васъ, вѣдь, много, а я одинъ: пожалуй, и забуду...

Но дѣдушка Николай обладалъ необыкновенной памятью, даже и подъ старость. Онъ не зналъ вовсе грамоты, и должниковъ своихъ на всякой случай, для повѣрки и доказательства, отмѣчалъ на стѣнахъ амбара, и на сусѣкахъ мѣломъ и краскомъ (красный карандашъ) ему одному понятными и извѣстными знаками; но ему рѣдко приходилось справляться въ этой бухгалтеріи: онъ помнилъ все, кто и что забралъ и сколько кто ему долженъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ спора съ должниками онъ подводилъ ихъ къ стѣнѣ, на которой значились его кабалистическія отмѣтки и указывалъ на нихъ.

— Вотъ смотри самъ, — говорилъ Николай Иванычъ, водя пальцомъ по стѣнѣ: вотъ ты, вотъ башманъ соли Ольгунька твоя брала, вотъ за дегтемъ самъ прибѣгалъ: пять фунтовъ отпущено; вотъ четыре салмы возжи брали: снопы еще возили въ тѣ поры; вотъ ведро — вотъ смотри... Какъ же, братецъ, ты споришь, Иванъ Савастьяновъ: развѣ я сдѣлаю это, чтобы что лишняго взять?.. Мнѣ чужого не надо, я своимъ доволенъ... Вотъ ужъ она не обманетъ стѣна-то: писано, вотъ смотри самъ...

Мужикъ смотритъ на стѣну и большею частію убѣждается.

— Стало быть, запамятовали какъ, изъ головы вонъ, — говоритъ онъ, почесывая въ волосахъ.

— А ты, впередъ, смотри: этого чтобы не было... чтобы споръ, али здоръ какой... Это мнѣ въ большую обиду... Я не согласенъ насчитывать, али лишнее что брать съ васъ: пускай лучше мое пропадетъ... и пропадаетъ!.. чѣмъ ваше, мірское... Я отъ Бога доволенъ...

— Да знамо!.. такъ, стало быть, что запамятовалъ, Николай Иванычъ... Вотъ два-то рублика получи, да сотри что, а то потерпи: за мной будетъ...

— То-то вотъ за тобой!.. А когда же отдашь-то?..

— Да ужъ отдамъ, вотъ... Погоди... Что дѣлать-то? дай вотъ съ деньжонками сбиться: отдадимъ... Намъ сбѣжать некуда: завсегда у васъ на глазахъ... Потерпи маненько, отдамъ... Вишь вотъ принесъ, — сколь сбился... А ужъ пудикъ мучки отвѣсь, да сольцы хоть полъ-башманчика... Сдѣлай милость...

Николай Иванычъ, хотя и выражалъ неудовольствіе на худой, неаккуратный платежъ, хотя и ворчалъ о неисправности и непризнательности заемщиковъ, но все-таки отвѣшивалъ и отмѣривалъ, отпускалъ просимое. А мужикъ, то посматривая на вѣсы, на муку, то запуская руку въ сусѣки съ рожью и вполь-

уха прислушиваясь къ ворчанью старика, въ то же время со вздохомъ говорилъ свое:

— Что ты будешь дѣлать!.. Никакъ не вывертишься!.. Такое наше дѣло!.. Бьешься, бьешься, никакъ, братецъ мой, сила не беретъ... чтобы не позаймоваться... И радъ бы радостью, пошелъ бы, кажись, съ поклонами, всѣ отдалъ, чтобы чисто было за тобой... Ну, нѣтъ, никоимъ манеромъ не осилишь!.. Все недохватка, все недохватка наша!.. Что ты прикажешь дѣлать?..

— Да-а... А на Петровъ день много ли водки-то браль?.. Чай, ведеръ пять?..

— Куда... Чтой-то ты, Николай Иванычъ... Передъ Богомъ, всего два ведерка взялъ, да еще полведра посылали... на проводы... не хватило...

— Ну-ка, два ведра съ половиной!.. Сколь это денегъ-то?.. вѣдь пятнадцать рублей... Ну-ка, пятнадцать рублей на водку прожрали въ три дня!.. Съ экой-то охапкой дѣтей, что у тебя!..

— Да, вѣдь, какъ же быть-то, Николай Иванычъ?.. Никакъ невозможно, по нашему мѣсту: тоже престолъ, гости, сродственники... Какъ не угостить?.. Ты ихъ не уважишь, и они тебя не почтутъ... Самъ знаешь: никакъ нельзя... Иной разъ, правда, что не больно радъ и не изъ-чего бы, а никакъ невозможно...

— Вотъ еще, невозможно... А что я хуже тебя, что ли, бѣднѣе, да у меня и пол-съ-эстолька не вышло водки-то?.. Отчего же такъ?..

— Ну, Николай Иванычъ, ты особь статья... Тебѣ подошло... Тебя Богъ благословилъ... крѣпостью!.. Мы слабы...

Такъ говорилъ мужикъ, а самъ въ это время думалъ другое.

«Не даромъ къ тебѣ и гости-то не ѣздятъ», думалъ онъ. «Не даромъ и дочка-то въ дѣвкахъ осталась: кому лестно взять у экого, что и погоститься не къ чему пріѣхать!.. Пустыхъ-то щей у каждаго дома есть... Экихъ жидоморовъ-то, что ты, на всю, вѣдь, деревню одинъ!.. Да тебѣ хорошо подошлось... съ деньгами-то!.. У тебя денегъ-то куча, такъ тебѣ никого не надо: безо всѣхъ проживешь... А мы на знати живемъ: намъ безъ этого нельзя... Поговорилъ бы я съ тобой, сказалъ бы тебѣ въ отвѣтъ довольно много, противъ этого, кабы не нужда моя... Вишь ты, позавистовалъ: два ведра много... А какъ же у Евграшки-то шесть вышло?.. Не запаснѣй меня живетъ!.. Это какъ?.. Пятнадцать цѣлковыхъ!.. Сами знаемъ, что деньги большія!.. Да коли никакъ безъ этого невозможно обойтиться... Мы не жидоморы какіе, слава Богу... У насъ кубышки нѣтъ!.. Намъ дрожать не надъ чѣмъ, не какъ тебѣ!..»

Николай Иванычъ считалъ торговлю дѣломъ не только вы-

годнымъ, но и честнымъ, полезнымъ, справедливымъ, даже отчасти благодѣтельнымъ, особенно когда она велась не на чистыя деньги, а въ кредитъ, гдѣ продавецъ рискуетъ своимъ добромъ, выручая человѣка изъ нужды. Не любилъ онъ только одного товара и считалъ торговлю имъ вредною и постыдною, не любилъ онъ торговли виномъ. Нѣсколько разъ сыновья подговаривались, что очень бы выгодно кабачокъ содержать: скоро люди по этой части разживаются, особливо, если съ умомъ взяться... Николай Иванычъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ...

— Не то, покамъ живъ — не будетъ этого, — говорилъ онъ обыкновенно, а и умру завѣщанье вамъ отъ меня, дѣтямъ, коли почтеніе у васъ есть, хотите отца послушать: никогда не могите этого затѣвать... Это не дѣло, не торговля, а одно распутство... На разоренье, на погибель людскую эта водка выдумана... Нѣтъ вамъ отъ меня на это благословенья: такъ и знайте... И помни мое слово: кто изъ васъ за это дѣло примется, не будетъ тому ни счастья, ни прибыли!..

Дѣдушка Николай въ этомъ случаѣ оказался почти пророкомъ. Второй сынъ его, котораго онъ выдѣлилъ противъ своей воли и наградилъ меньше старшаго, отчасти на зло отцу, отчасти по личному вкусу, избралъ именно этотъ промыселъ: началъ корчемствовать водкой; но не поправилъ этимъ своихъ дѣлъ, а только самъ спился, да еще чуть не попалъ въ острогъ и совсѣмъ разорился: «остатки замотался», какъ говорили про него мужики.

Процентщикомъ Николай Иванычъ сдѣлался случайно, такъ сказать безъ умысла, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія — увеличивать свой капиталъ отдачею денегъ въ ростъ. Первую ссуду онъ выдалъ своему дальнему родственнику, неудачнику-мужичонкѣ, у котораго была большая семья, ребятишки малъ-мала меньше, который не былъ ни пьяница, ни лѣнтяй, работалъ, усердствовалъ, но которому все не удавалось: то лошадь, то корова падетъ, то жена цѣлое лѣто валяется больная, то овинъ сгоритъ, то недобрые люди ночнымъ временемъ послѣдніе колеса со двора укатятъ. Точно въ заколдованномъ кругу какомъ жилъ этотъ несчастный труженикъ: работаетъ, мучится, бьется изъ послѣднихъ силъ, и вотъ какъ-будто дѣло на ладъ пошло, и хлѣбъ, слава Богу, хорошъ на корню стоитъ, и въ домѣ съ голода не пухнутъ, и съ податями порасплатился; «на путь находитъ, справляться сталъ нашъ Тимоша!» начинаютъ уже поговаривать про него мужики, и точно сглазятъ: налетитъ вдругъ не вѣдомо съ чего и откуда нежданная, негаданная бѣда, и опять Тимоша, какъ ракъ на мели, опять, куда ни оглянешься,

кругомъ бѣда, горе, недостатки, нужда, хоть помирай, или живой въ землю закапывайся. Придетъ вдругъ время такое, что дома ни куска хлѣба, ни щепотки соли, ворова стоитъ безъ корма, работать не на чемъ—лошади нѣтъ, староста изъ-за недоимки прохода не даетъ, а высшее начальство въ лѣности, въ пьянствѣ упрекаетъ, а за неисправность обѣщаетъ послѣднюю шкуру спустить...

«Да спускай хоть три!..» думаетъ про себя, молча насупившись, въ такія минуты Тимоша: «не дорога моя шкура: бери, не жалко!.. не много изъ нея корысти и мнѣ-то!..»

Думаетъ такъ, а въ то же время и соображаетъ: какъ бы какъ, гдѣ бы деньжонокъ достать, чтобы хоть маленько перевернуться, своихъ накормить, чужимъ глотку заткнуть... Вотъ въ одну изъ подобныхъ отчаянныхъ минутъ онъ и надумалъ обратиться за помощью къ дѣдушкѣ Николаю Иванычу, о которомъ уже въ ту пору носилась молва, какъ о человѣкѣ денежномъ.

— Дѣдушка Николай, выведи ты меня изъ сумлѣнія...—говорилъ съ поклономъ Тимоша.

— Изъ какого сумлѣнія?..

— Изъ мово... Пропадаю, братъ: вѣрно слово, пропадаю... Хоть въ петлю, такъ въ пору.

— Да что такое?

— Да что? знамо, нужда: никакъ не вывернешься... Вотъ теперь пашня подходитъ, а лошади нѣтъ... Чѣмъ пахать-то буду?.. Бѣда моя приходитъ вовсе...

— Такъ что же мнѣ-то?.. Что же я-то тебѣ при томъ?.. Знамо, жалко, да что подѣлаешь?..

— А дай рубликовъ двадцать-пять на лошадь... Хоть бы какую-нибудь...

— Что ты, братъ! у меня своя семья, я самъ про себя промышляю... Про другихъ у меня денегъ нѣтъ... Да и вовсе нѣтъ у меня этихъ денегъ, чтобы людямъ раздавать...

— Эка!.. Такъ, вѣдь, я не вовсе: я отдамъ... Богъ дастъ поправлюсь, и отдамъ... съ ростомъ отдамъ... какъ самъ положишь... И когда поработать что кликнешь, али что... завсегда твой слуга, только вѣсть подай...

— Нѣту, нѣтъ... Какія у меня такія деньги... Что выдумалъ!..

— Николай Иванычъ... А, Николай Иванычъ, поглядь сюда... Вотъ Богъ, вотъ, мотри... Вотъ я на колѣнки всталъ, вотъ плачу... Вотъ каково сладко мнѣ!.. Помоги, дѣдушка, не оставь... Право слово, пропадаю... А отдать, я отдамъ...

— Да, отдашь!.. дожидайся... Только тебя и видѣлъ съ деньгами-то... Да и не съ чего тебѣ отдать-то...

— А вотъ какъ отдамъ... Смотрай сюда, снимай Бога со стѣнки, давай въ руки: черезъ дѣтей побожусь, что отдамъ, по рублику, по два, долго ли, коротко ли, а выплачу, съ ростомъ, что̀ положишь, все выплачу... А то слушай... дѣдушка!.. не дашь теперича ты, нечего мнѣ и домой ходить: стегать меня ужъ двою стегали, да я этого не боюсь, наплевать!.. не въ томъ!.. А взяться мнѣ не съ чего, и домашніе безо всею сидятъ... и на чемъ я промыслю безъ лошади?.. Одно слово: не ублаготворишь ты меня теперь, и домой не пойду...

— А куда же?..

— Куда?.. а въ омутъ головой, либо въ петлю!.. Нѣтъ ужъ!.. черезъ силу стало!.. А дашь, право слово, справлюсь и тебѣ заплачу... Да вотъ, вось, рожь поспѣетъ, первымъ долгомъ: бери прямо съ гумна зерномъ, хоть два мѣшка, хоть три, а то и четыре—заверстывай, а тутъ опослѣ опять какъ: деньгами, али чѣмъ... Дай только передышку, чтобы не вдругъ... чтобы справиться... А я вотъ передъ Богомъ... вотъ на колѣнкахъ... и плачу... Смотрай: слезьми плачу... Вотъ до чего!..

Тронулся Николай Иванычъ, и какъ ни трудно ему было разстаться съ деньгами, а далъ двадцать-пять рублей.

Тимоша заревѣлъ отъ радости, благодарилъ, кланялся въ ноги, самъ, безъ требованія, полѣзъ въ уголъ къ иконѣ, крестился и цѣловалъ ее, свидѣтельствуясь ею, что отдастъ деньги. И дѣйствительно, не обманулъ: года четыре онъ расплачивался съ этимъ долгомъ то хлѣбомъ, то работой, то деньгами, но расплатился вполнѣ, и еще самъ по доброй волѣ предложилъ Николаю Иванычу мѣшокъ овса въ знакъ благодарности, послѣ того, какъ дѣдушка объявилъ, что они въ полномъ разсчетѣ, что онъ получилъ съ Тимоши сполна весь долгъ и со всѣми процентами. Проценты эти Николай Иванычъ, какъ ему казалось, разсчитывалъ съ Тимоши по-божески и скорѣе съ обидою для себя, чѣмъ для него, хотя разсчетъ этотъ основывался на томъ, сколько бы онъ могъ получить съ ссуженныхъ денегъ, еслибы пустилъ ихъ въ торговлю. Во всякомъ случаѣ сдѣлка эта была не безвыгодна для Николая Иваныча, но и онъ самъ, и Тимоша, считали ее не иначе, какъ благодѣяніемъ со стороны старика. Добросовѣстность Тимоши, чувство нравственнаго удовлетворенія, которое получилъ Николай Иванычъ, а равно и мысль, что, дѣлая людямъ благодѣяніе, выручая ихъ изъ нужды и бѣды, онъ въ то же время не обижаетъ и себя, сдѣлали его доступнымъ къ просьбамъ и другихъ объ одолженіи. Охотниковъ на такія просьбы явилось много, такъ какъ нужды у всѣхъ сосѣдей было по горло.

Но не всѣ были такъ добросовѣстны и исправны, какъ Тимоша: многіе затягивали уплату долга, оказались и такіе должники, на которыхъ Николаю Иванычу приходилось рукой махнуть. Замѣчательно, что никто изъ должниковъ, даже вовсе безнадежные, никогда не отказывались отъ своихъ долговъ, хотя Николай Иванычъ, давая деньги взаймы, никогда не бралъ ни росписокъ, ни закладовъ, слѣдовательно ничѣмъ не былъ обезпеченъ и не могъ прибѣгнуть къ принудительному взысканію. Да ему никогда и въ голову не приходило, что онъ могъ бы требовать уплаты долга черезъ судъ, или съ посредствомъ иныхъ предержащихъ властей: онъ продолжалъ смотрѣть на себя по отношенію къ своимъ должникамъ, какъ на человѣка, оказывающаго благодѣяніе, а неисправные, или вовсе уклоняющіеся отъ платежа были въ его глазахъ только людьми непризнательными, неблагодарными, или вовсе безсовѣстными. Николай Иванычъ охотнѣе давалъ взаймы тѣмъ, которые, прося деньги, больше и униженнѣе кланялись; онъ подробно разспрашивалъ про нужду, ради которой дѣлался заемъ и условливался, какъ, когда и чѣмъ: деньгами, или хлѣбомъ, думаетъ расплатиться заемщикъ; при этомъ онъ не упускалъ случая поворчать на безхозяйственность, или беззаботность и лѣность просителей. Затѣмъ онъ давалъ деньги и отмѣчалъ одному ему понятными знаками выданную ссуду. До срока онъ никогда не напоминалъ о займѣ, но послѣ срока, если должникъ не являлся съ извиненіемъ и съ просьбой обождать уплаты, Николай Иванычъ самъ начиналъ ходить къ нему — сначала какъ-бы мимоходомъ и случайно, съ безмолвнымъ напоминаніемъ въ пристальномъ взглядѣ, потомъ уже съ прямымъ категорическимъ вопросомъ, а наконецъ съ упрекомъ и неудовольствіемъ. Если должникъ извинялся и оправдывался неимѣніемъ средствъ и невозможностью расплатиться, дѣдушка уличалъ его, указывалъ, когда онъ получалъ деньги, когда возилъ хлѣбъ или иной продуктъ на продажу,—когда сколько и съ кѣмъ пропилъ, оказывалось, что Николай Иванычъ отлично зналъ всю подноготную хозяйства и жизни каждаго изъ своихъ должниковъ. Если же старикъ замѣчалъ, что неисправный плательщикъ начинаетъ отъ него бѣгать, уклоняется отъ объясненій, и вмѣсто извиненій и обѣщаній отвѣчаетъ коротенькъ и грубымъ отказомъ, такого онъ считалъ безнадежнымъ, переставалъ съ нимъ говорить, при встрѣчѣ даже отворачивался и лично ему никогда уже не напоминалъ о долгѣ, но за то попрекалъ имъ и указывалъ на него каждому вновь обращающемуся заемщику.

— Вотъ какъ вамъ нынѣче вѣрить-то,— говаривалъ онъ въ

этихъ случаяхъ:—вотъ тотъ и этотъ вовсе и платить отказались, а за такими-то столько лѣтъ жду и отдадутъ ли когда—Богъ ихъ душу знаетъ... Вотъ и добро-то дѣлать нынче не знаешь какъ... Жалуетесь, что много росту сталъ брать противъ прежняго, а какъ же мнѣ быть-то, коли вонъ есть какіе лодыри? поневолѣ и росту прибавилъ: вините не меня, а ихъ!.. Не пропадать же моему доброму изъ-за нихъ, несовѣстныхъ!.. Я изъ добра даю, мнѣ въ томъ корысть небольшая, одно безпокойство только... У меня въ товарѣ, въ оборотѣ, эти деньги больше бы приполону дали...—И Николай Иванычъ былъ вполнѣ убѣжденъ, что поступаетъ по совѣсти и по справедливости, заставляя новыхъ заемщиковъ расплачиваться за недобросовѣстность и неисправность прежнихъ. И крестьяне съ своей стороны внутренно соглашались, что дѣдушка долженъ же какъ-нибудь наверстывать свои потери и убытки, находили только, что онъ, особливо въ послѣднее время, сталъ возвышать рость не столько ради вознагражденія своихъ убытковъ, сколько изъ скупости и изъ жадности.

— А все сказать надо,—заключали они:—хоть и скупъ, и жаденъ, и проценту много беретъ, а все спасибо, что ссужаетъ: хошь есть къ кому обратиться въ нуждѣ; безъ него и того бы хуже было...

Но послѣ освобожденія крестьянъ и особенно со введеніемъ мировыхъ судей, по мѣрѣ того, какъ письменный документъ и росписка начали получать все бо́льшій и бо́льшій смыслъ и значеніе въ крестьянской жизни, когда крестьяне начали говорить: «есть у тебя моя рука: гдѣ я тебѣ росписался?.. Покажи... а нѣтъ,—такъ съ чего ты ко мнѣ лѣзешь?.. Подписка, братецъ, нонѣ требуется, а либо свидѣтель, а такъ-то кто тебѣ повѣритъ!..»—и съ тѣхъ поръ Николай Иванычъ началъ все рѣже давать денегъ взаймы, а наконецъ сталъ и вовсе отказывать.

— Нѣтъ, нынче идите къ грамотнымъ...—отвѣчалъ онъ на просьбы о деньгахъ. Я не письменный человѣкъ, а нынче все росписка требуется, на всякое дѣло... Нынче самъ себѣ не вѣритъ человѣкъ, и совѣсти своей не чувствуетъ, коли въ бумагѣ не написано, да подписки не далъ... Нѣтъ, идите вонъ къ дьякону: онъ дастъ денегъ, сколь хошь, только въ правленіе къ писарю сводитъ... А мнѣ по судамъ ходить не приходится... Вотъ хлѣбца, пожалуй, дамъ и въ долгъ—получай... Ну, и обманешь, такъ на двухъ пудахъ не разоришь... А денегъ?.. Нѣтъ у меня нонѣ денегъ... Да и вправду нѣтъ: всѣ въ товаръ извелъ...

Мужики съ тѣхъ поръ больше бранятъ и хуже отзываются о Николаѣ Иванычѣ.

Алексѣй Потѣхинъ.

ИТАЛЬЯНСКАЯ НОВЕЛЛА

и

ДЕКАМЕРОНЪ

Историко-литературные очерки.

Окончаніе.

IX *).

Тою же жизнью, тѣмъ же духомъ вполнѣ средневѣковымъ вѣетъ и отъ новеллъ десятаго дня «Декамерона». Но здѣсь мы встрѣчаемся съ мотивами разсказа, которыхъ намъ не приходилось еще указывать у Боккаччіо: темой разсказчикомъ даются здѣсь примѣры щедрости и великодушія «въ дѣлахъ любви и другихъ» (si ragiona di chi liberalmente, ovverro magnificancente alcuna cosa operasse intorno a'fatti d'amore a d'attra cosa). Очевидно, что такая тэма поведетъ за собою разсказы въ иномъ нѣсколько духѣ, чѣмъ описанія разныхъ отвѣтовъ, насмѣшекъ и продѣлокъ, и что сообразно съ этой темой перевѣсъ здѣсь долженъ быть на сторонѣ не хитраго «мѣщанскаго» ума, а рыцарскаго благородства; выше ловкости и остроумія здѣсь станетъ идеалъ безкорыстія, принципъ рыцарской чести; отъ этого представителями высокихъ чувствъ и добродѣтелей здѣсь явятся короли, рыцари, волшебники и идеальныя отвлеченныя личности баснословныхъ

*) См. выше: мартъ, 197 стр.

сказаній. Но, несмотря на то, что повѣсти эти защищаютъ, казалось бы, идеалы, противоположные идеаламъ флорентійской повѣсти, онѣ, все-таки, не измѣняютъ основному характеру новеллы: напротивъ, онѣ представляютъ намъ новыя доказательства того, какъ близко, благодаря своему происхожденію, стояла новелла къ жизни народа и какъ вѣрно отражала она въ себѣ всѣ теченія его мысли. Мы видѣли, какъ геніальный разсказчикъ писалъ съ натуры, одѣвая яркими красками дѣйствительности тотъ матеріалъ, который жилъ въ памяти и фантазіи его эпохи. Мы видѣли, какъ, задаваясь цѣлью воспроизводить все новое, т.-е. не только комическое, но все выдающееся, необычайное, доходившее даже до трагизма, новелла пользовалась тѣми мотивами народнаго творчества, которые защищаютъ земные интересы противъ религіозно-аскетическаго ученія. Но это «новое», какъ главный предметъ новеллы, обусловившій въ ней и цѣли, и характеръ разсказа,—это «новое» могло касаться не однихъ ея комически-грязныхъ сторонъ, а затрогивать тѣ высокіе интересы и стремленія, носителемъ которыхъ является въ эту эпоху *рыцарство*. Въ Италіи, гдѣ рано поднялся практически-буржуазный духъ общества, идеи, воплощенныя въ рыцарствѣ, не имѣли того значенія, какъ на сѣверѣ; но тѣмъ не менѣе и тутъ, не только литература искусственная, исходившая изъ придворно-рыцарскихъ круговъ Сициліи и Неаполя, но и литература народная не могли остаться чужды рыцарскаго образа мыслей, общаго всему Западу. Замѣтимъ, впрочемъ, что терминъ «рыцарскій» здѣсь вполнѣ условный: еще въ тѣ смутныя, воинственныя времена, когда рыцарство не составляетъ сословія, преслѣдующаго опредѣленныя задачи въ жизни, когда литературная мысль только-что пробуждается въ неустановившемся обществѣ Европы,—уже тогда въ народѣ зарождаются тѣ т.-н. рыцарскіе идеалы, которые его нравственное чувство выставляютъ оплотомъ противъ грубаго произвола собственныхъ страстей. Впослѣдствіи эти идеалы безкорыстія, великодушія, самопожертвованія, нравственнаго совершенствованія воплощены поэзіею въ возвышенныхъ образахъ героевъ, «рыцарей безъ страха и упрека»; но прежде всего они находятъ себѣ мѣсто въ томъ общемъ всей Европѣ хаотически-богатомъ повѣствовательномъ матеріалѣ, изъ котораго впослѣдствіи выростаетъ произведеніе національной литературы. Проникая и въ chanson de Gestes, и въ придворно-рыцарскую поэму, въ романъ, и въ народную сказку германскихъ, славянскихъ племенъ, и въ фабліо сѣвернаго трувера, и въ бойкій анекдотъ новеллиста, матеріалъ этотъ составляетъ основу всего «Декамерона», не исключая

и 10-го дня новеллъ. Его рыцарственные сюжеты исходятъ изъ одного источника съ новеллами, хотя бы на тэму женскихъ обмановъ; а потому, хотя по общей мысли, по болѣе идеалистическому настроенію, они противоположны предыдущимъ разсказамъ, но точно такъ же, какъ и тѣ, представляютъ собою продуктъ средневѣковой народной мысли, освѣщаютъ нѣкоторую сторону умственной жизни эпохи: къ тому же, вводя новый элементъ повѣствованія, они открываютъ новыя черты повѣсти, какія намъ не случалось еще указывать у Боккаччіо: здѣсь новеллистъ во имя идеала сходитъ съ той реальной почвы, на которой до сихъ поръ держался, и разсказъ не въ силахъ воплотить его идеала въ такомъ же яркомъ и полномъ образѣ, какъ воплотились въ немъ проявленія буржуазнаго городского духа.

Первая новелла этого дня, хотя отчасти мотивирована, какъ полагаютъ, изъ длиннаго скучнаго романа «Бузоне да Губбіо» (Busone da Gubbio 1300—1350), описывающаго приключенія сицилійскихъ рыцарей, тѣмъ не менѣе носитъ такой же анекдотическій характеръ, какъ и тѣ разсказы предыдущихъ дней, гдѣ вся сила — въ остроуміи отдѣльнаго замѣчанія, въ находчивости сравненія и т. п. Тутъ разсказывается, какъ одинъ итальянскій дворянинъ Руджіери Фидоковани, ища подвиговъ и славы, пріѣзжаетъ служить ко двору испанскаго короля Альфонса. Видя ко всѣмъ большую щедрость короля, рыцарь находитъ, что его недостаточно отличаютъ отъ другихъ и не награждаютъ по заслугамъ, а потому собирается вернуться на родину. На прощанье король даритъ ему мула для дороги и затѣмъ посылаетъ вмѣстѣ съ нимъ одного изъ своихъ приближенныхъ, чтобы тотъ незамѣтно наблюдалъ, что будетъ Руджіери говорить про короля и его подарокъ. Но рыцарь всю дорогу отзывался о королѣ съ большою похвалою. Только разъ, когда мулъ, не останавливавшійся, гдѣ останавливались другіе, остановился посреди рѣки, рыцарь вникнулъ на него, говоря, что онъ похожъ на своего прежняго господина, короля Альфонса; тогда спутникъ Руджіери тотчасъ же передалъ ему приказаніе короля вернуться назадъ. Король потребовалъ у него объясненія этого оскорбительнаго для него сравненія, и рыцарь отвѣчалъ, что мулъ останавливался, гдѣ не слѣдуетъ, такъ и король былъ щедръ гдѣ не подобало: мало награждалъ того, кто заслуживалъ большаго. Но въ этомъ, по мнѣнію короля, надо винить не его, а злую судьбу самого Руджіери: и въ доказательство несправедливости къ нему фортуны, онъ велитъ принести два одинаковыхъ ящичка, а рыцарю — выбрать который-нибудь изъ нихъ: въ одномъ хранятся разныя драгоцѣнности испанской короны, въ другомъ

насыпана земля. Когда выборъ Рудіери оказался неудачнымъ, король объявилъ, что онъ желаетъ исправить ошибку рока, вознаградить достойнаго по заслугамъ, и потому за его рыцарскую службу даритъ ему ящикъ съ драгоцѣнностями.

Этотъ пріемъ испытанія судьбы выборомъ ящиковъ—мотивъ въ разныхъ видахъ и варіантахъ, очень распространенъ въ европейскихъ литературахъ: имъ воспользовался и Шекспиръ въ «Венеціанскомъ купцѣ», а первый его прототипъ ученые находятъ и въ аскетической, повсемѣстно разошедшейся, древней повѣсти «Варлаама и Іосафата», и въ средневѣковомъ сборникѣ поучительныхъ разсказовъ о «Римскихъ Дѣяніяхъ», Gesta Romanorum. Если такія заимствованія или совпаденія подтверждаютъ народное происхожденіе «Декамерона», то не менѣе ясно сказывается оно и въ слѣдующей новеллѣ вполнѣ мѣстнаго типа: мы раньше уже видѣли, что многія лица, памятныя народу какими-нибудь особенностями жизни и характера увѣковѣчены какъ въ «Декамеронѣ», такъ и въ «Божеств. комедіи». Въ этомъ днѣ мы встрѣчаемся съ личностью, также извѣстною по Данту. Гино-ди-Такко, искупающій въ Чистилищѣ свирѣпость нрава (Purg. VI, 13), прославился въ эпоху феодальной неурядицы въ Италіи жестокостью и разбоями. Впрочемъ, нѣкоторые историки и комментаторы Данта рисуютъ его разбойникомъ-рыцаремъ, грабившимъ не ради наживы, а для того, чтобъ имѣть средства дѣлать добро и помогать бѣднымъ. Рыцарскимъ характеромъ отмѣченъ онъ и у Боккаччіо. Изгнанный изъ Сіены—разсказывается во II-ой новеллѣ—онъ возмутился противъ папскаго двора, задерживалъ и грабилъ проѣзжавшихъ вблизи его владѣній. Случилось, что одинъ изъ самыхъ богатыхъ прелатовъ, настоятель клюнійскаго аббатства, заболѣлъ при папскомъ дворѣ и ѣхалъ лечиться въ Сіену. Гино-ди-Такко забралъ его въ плѣнъ со всей его блестящей свитой и, узнавъ, что онъ страдаетъ желудкомъ и ѣдетъ лечиться, заперъ его одного въ комнату и посадилъ на строжайшую діэту; когда, въ очень короткое время, прелатъ совсѣмъ выздоровѣлъ и ему дозволили быть со свитой, онъ узналъ, что только его одного держали въ такомъ заключеніи, между тѣмъ, какъ приближенные его пользовались всѣми удобствами жизни. Гино-ди-Такко, угостивши прелата богатымъ обѣдомъ, выпустилъ его изъ плѣна: онъ не только его вылечилъ, но и предложилъ ему взять назадъ все добро, захваченное шайкой. Великодушіе, данное темой разсказа, заключается не въ одномъ этомъ поступкѣ благороднаго разбойника: и прелатъ съумѣлъ, достойнымъ образомъ, отблагодарить своего врача; онъ оставилъ ему лошадей и все, что у него

было съ собою, а возвратившись въ Римъ, разсказалъ папѣ, кому обязанъ своимъ выздоровленіемъ, и выхлопоталъ феодалу прощеніе.

Общій тонъ разсказа въ обѣихъ новеллахъ мало чѣмъ отличается отъ обыкновенной манеры Боккаччіо: тутъ та же живость въ веденіи дѣла, та же точность и опредѣленность описанія, та же тщательность и подробность въ мотивированіи дѣйствія: да и по самому содержанію обѣ новеллы, хотя на тэму рыцарскихъ чувствъ,—такіе же анекдоты, какъ разсказы предыдущихъ дней: въ одной *новое*, остроумное, въ оригинальномъ сравненіи и въ необыкновенной развязкѣ событія, а въ другой — «новое», не столько въ приключеніи, сколько въ щедрости и благодарности прелата, —качества поразительныя потому, что духовенство, по понятію времени, было съ ними вовсе незнакомо. Но хотя въ обоихъ сюжетахъ такъ чувствуется *время*, ихъ создавшее, мы не встрѣчаемъ тутъ того міровоззрѣнія, тѣхъ чувствъ и помышленій, въ которыя намъ трудно вжиться и вдуматься. Другое дѣло, остальныя новеллы этого дня. Тамъ мы сталкиваемся съ нравственными идеалами времени, и намъ снова приходится убѣждаться, какъ значительно смѣняется съ вѣками *нравственная* точка зрѣнія, и какъ мало *рыцарская* добродѣтель соотвѣтствуетъ нравственнымъ потребностямъ позднѣйшихъ временъ. Мы видимъ тутъ, напр., въ IV-ой новеллѣ, что великодушіе, благородство сказываются поступками, которые въ наше время не возбуждаютъ никакого восторга и умиленія: у Боккаччіо слушатели не находятъ словъ и сравненій, чтобъ возвеличить заслуги благороднаго героя, а мы въ нихъ видимъ проявленіе самаго простого элементарнаго чувства честности.

Эта четвертая новелла 10-го дня повѣствуетъ о томъ, какъ въ Болоньѣ одинъ прекрасный, благородный кавалеръ Джентель Каризенди влюбился въ жену Никколучіо Каччьянимико и, не добившись отъ нея отвѣта на свою страсть, уѣхалъ изъ города. Она въ его отсутствіе заболѣла, умерла и была погребена въ фамильномъ склепѣ. Когда это печальное извѣстіе дошло до ея обожателя, то онъ вернулся въ Болонью, чтобы еще разъ взглянуть на нее и поцѣловать ее хотя бы мертвую; пробравшись тихонько въ склепъ, онъ нашелъ въ мнимомъ трупѣ признаки жизни, взялъ его къ себѣ въ домъ, гдѣ мать его разными средствами привела за-живо похороненную въ чувство. Когда та, очнувшись, хотѣла тотчасъ же вернуться къ мужу, рыцарь упросилъ ее, чтобы она въ благодарность за спасеніе исполнила бы одно его желаніе, а именно: пожила бы нѣкоторое время съ его матерью

въ его домѣ; онъ ручался, что она не увидитъ у него ничего оскорбительнаго для своей чести, потому что онъ желаетъ торжественнымъ образомъ возвратить ее мужу. Она согласилась, и рыцарь на время уѣхалъ изъ Болоньи. Тутъ у ней родился сынъ. Черезъ нѣкоторое время рыцарь вернулся домой и приготовилъ большой пиръ, на который созвалъ лучшихъ гражданъ города, въ томъ числѣ и мужа спасенной имъ дамы. На пиру онъ произноситъ рѣчь:—Въ Персіи,—говоритъ онъ,—существуетъ обычай, по которому гостепріимный хозяинъ, угощая друзей своихъ, показываетъ имъ то, что́ для него выше и дороже всего на свѣтѣ, будь то хорошій другъ, жена или дитя, въ знакъ того, что онъ радъ бы раскрыть передъ друзьями свое сердце точно такъ же, какъ онъ имъ теперь показываетъ предметъ своей привязанности. Этотъ обычай рыцарь желаетъ ввести и у себя, показавши гостямъ женщину, которая ему дороже всего на свѣтѣ. Но прежде онъ проситъ ихъ разрѣшить ему слѣдующій вопросъ: у хозяина заболѣлъ слуга и былъ имъ безъ помощи выкинутъ на улицу; другой поднялъ его, ходилъ за нимъ, вылечилъ его, и оставилъ служить у себя. Имѣетъ ли первый хозяинъ право требовать, чтобъ слуга былъ ему возвращенъ? Обсуждая вопросъ, гости поручили отвѣтить Никколучіо Каччьянилико, который и рѣшилъ, что хозяинъ на покинутаго имъ слугу не можетъ имѣть никакого права. Тогда рыцарь показалъ имъ красавицу, жену Никколучіо, которую никто не узналъ, такъ какъ считали ее умершею, и объяснилъ, что это тотъ слуга, котораго выкинули на улицу, какъ ненужную вещь, онъ возвратилъ ее къ жизни, слѣдовательно, она должна, по ихъ рѣшенію, принадлежать ему. Затѣмъ онъ подробно разсказалъ, какимъ образомъ онъ ее спасъ, какъ горячо ее любитъ, и объявилъ, что не желаетъ воспользоваться своимъ правомъ и возвращаетъ ее и ребенка, своего крестника, мужу. Въ заключеніе, слезы радости, благодарности, а со стороны разсказчика—умиленіе передъ великодушіемъ героя.

Навряд ли въ наше время подобное великодушное самоотверженіе—если даже допустить возможность такого приключенія—заслужитъ названія высокой добродѣтели: можно ли въ поступкѣ рыцаря, поборовшаго свою страсть къ женщинѣ, притомъ же его не любившей, видѣть что̀ иное, какъ самое естественное уваженіе человѣка къ женѣ другого? Но иначе смотрѣлъ на вещи вѣкъ рыцарства: если женщина приравнивалась къ слугѣ, къ рабу, къ вещи, брошенной однимъ и поднятой другимъ, то понятно, что и то чувство, въ силу котораго человѣкъ

отказывается отъ удовлетворенія страсти, является высокимъ, изъ ряду вонъ выдающимся великодушіемъ. А уваженіе къ женщинѣ, какъ къ человѣку, признаніе за нею человѣческаго достоинства не существуетъ въ вѣкъ рыцарскаго поклоненія и служенія дамамъ: высокое, отчасти символическое обожаніе женской добродѣтели выростаетъ на той же почвѣ, какъ и шаткость семейныхъ основъ, неурядица семейнаго быта, такъ ярко сказавшаяся въ цинизмѣ средневѣковой повѣсти. То грубое отношеніе къ женщинѣ въ первобытномъ обществѣ, которое указываетъ на низкій уровень его нравственнаго развитія, не можетъ не поражать насъ во всѣхъ почти разсказахъ этого дня, защищающихъ рыцарскіе идеалы. Возьмемъ слѣдующую, *5-ю новеллу*, гдѣ разсказчикъ предлагаетъ образцы щедрости и великодушія, еще болѣе поразительные, чѣмъ предыдущіе.

Въ мадонну Діанору влюбленъ богатый баронъ Ансальдо; сколько ни старается онъ заслужить любовь своей дамы, сколько ни надоѣдаетъ ей посланіями и увѣщаніями, она не подкупается ничѣмъ. Наконецъ, на его новую попытку она велитъ отвѣтить ему, что повѣритъ его любви и согласится на всѣ его желанія только тогда, когда въ январѣ мѣсяцѣ онъ дастъ ей садъ такой же зеленый и цвѣтущій, какъ въ маѣ. Услыхавъ такое требованіе, миссеръ Ансальдо, хотя и считалъ его невыполнимымъ, приложилъ, тѣмъ не менѣе, всѣ старанія и розыскалъ волшебника, который взялся за огромныя деньги исполнить невозможное. И вотъ, въ половинѣ января въ Удино, среди льдовъ и снѣговъ, расцвѣтаетъ прекрасный садъ, и м. Ансальдо, нарвавши въ немъ плодовъ и цвѣтовъ, посылаетъ ихъ мадоннѣ Діанорѣ, приглашая ее придти полюбоваться на исполненіе ея желанія. Совѣстно и обидно было ей вспомнить объ обѣщаніи, которое теперь приходилось выполнить; со слезами разсказала она обо всемъ мужу; тотъ сперва замѣтилъ ей, что честная женщина не выслушиваетъ никакихъ подобныхъ посланій и не идетъ ни на какія условія; но затѣмъ рѣшилъ, что она обязана исполнить обѣщаніе, и онъ дозволяетъ ей то, на что́ бы не согласился ни одинъ мужъ, — имѣя отчасти въ виду, что м. Ансальдо, при помощи своего волшебника, можетъ жестоко отмстить имъ. Она должна идти къ месс. Ансальдо и, какъ бы то ни было, отдѣлаться отъ своего обѣщанія. Какъ ни плакала мадонна, а надо было повиноваться. И вотъ утромъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, является она къ м. Ансальдо; онъ очень почтительно принимаетъ ее — и крайне удивленъ, когда она объясняетъ ему, что не любовь и не вѣрность данному слову приводятъ ее къ

нему, а приказаніе мужа, который сжалился надъ постоянствомъ и любовью ея обожателя. За такое самопожертвованіе месс. Ансальдо не желаетъ платить безчестьемъ и проситъ ее вернуться къ мужу и передать ему его уваженіе. Они дѣлаются друзьями, а волшебникъ, видя, что рыцари превосходятъ одинъ другого великодушіемъ, отказывается отъ платы, назначенной за садъ.

Оба эти сюжета, о заживо похороненной женѣ и о волшебномъ садѣ, обработаны были у Боккачіо раньше, въ «Filocoro», гдѣ они также приводятся какъ примѣры рыцарскаго благородства; отъ этого и въ формѣ разсказа у нихъ много общаго: въ обѣихъ новеллахъ дѣйствія меньше, чѣмъ въ предыдущихъ дняхъ разсказовъ; въ обѣихъ много мѣста отдается рѣчамъ, описанію чувствъ и т. п.; даже въ новеллѣ о волшебномъ садѣ у автора какъ-будто и не хватило средствъ естественнымъ путемъ развязать узелъ интриги: ему пришлось прибѣгнуть къ анти-художественному элементу волшебства, котораго мы еще не встрѣчали въ «Декамеронѣ».

Но, несмотря на то, что оба сюжета по происхожденію могли бы относиться къ искусственной рыцарской литературѣ, общее направленіе и содержаніе ихъ мало расходится съ духомъ тѣхъ отдѣловъ сборника, которые посвящены женской злобѣ и всяческимъ продѣлкамъ и обманамъ; и тутъ, въ новеллѣ на тэму рыцарскихъ чувствъ, мы встрѣчаемся, какъ и тамъ, съ грубою любовью человѣка, который ищетъ отвѣта на свое чувство путемъ подарковъ, подкупа и лести; и тутъ чувствуется та же среда, на которой процвѣтаетъ грубая грязно-комическая «beffa»: собственно нравственное содержаніе этихъ новеллъ совершенно одного уровня съ 7-мъ днемъ разсказовъ; тутъ, при данной постановкѣ сюжета, также какъ и тамъ, могла бы разыграться наглая продѣлка жены. Существенное различіе ихъ въ одной развязкѣ: тамъ торжествуетъ грубый инстинктъ, въ связи съ болѣе или менѣе остроумною ложью,— здѣсь на первый планъ выдвигаются *чувства*, отвлеченныя понятія добродѣтели. Но отъ этого тамъ болѣе жизненной правды, болѣе реализма: цѣль автора — вѣрная передача осязательнаго факта, съ его настоящими причинами и побужденіями, лежащими въ характерѣ дѣйствующихъ лицъ,—потому и разсказъ его идетъ живо и бойко, не задерживаясь никакими отступленіями: мотивы дѣйствія, выхваченные изъ жизни, не сложны, легко понятны, не требуютъ длинныхъ поясненій; даже, если главный предметъ разсказа — чувство, какъ въ повѣстяхъ о любовныхъ

приключеніяхъ, то оно, какъ скрытая пружина дѣйствія, остается позади тѣхъ реальныхъ событій, которыя составляютъ главный предметъ описанія. Здѣсь же, въ темѣ рыцарской добродѣтели, совершенно наоборотъ: цѣль не въ фактѣ, ради его самого, а въ тѣхъ побужденіяхъ, которыми онъ вызывается; поэтому дѣйствіе вяло, интрига даже не развязывается сама собою; да и не интрига интересуетъ вовсе разсказчика: тутъ требуется восхвалить, превознесть извѣстный образъ мыслей; нарисовать прежде всего извѣстный идеалъ. Отъ этого разсказъ удаляется отъ искренняго воспроизведенія жизни, онъ теряетъ свою художественную безпристрастность: новеллистъ задался тенденціей, цѣлями, лежащими за предѣлами его разсказа. Раньше, въ трагическихъ разсказахъ о несчастной любви, мы также видѣли на первомъ планѣ чувство; но тамъ сильная искренняя страсть, выражавшаяся ударами ножа, пріемами яда, зависѣла отъ характера молодого существа, не щадившаго для нея жизни; понятно, что то чувство не требовало объяснительной рѣчи, въ родѣ разсказа о персидскомъ обычаѣ гостепріимства. А здѣсь, въ 10-мъ днѣ, перенѣсь не на сторонѣ страсти, доводящей героя рядомъ строго послѣдовательныхъ проявленій до трагическаго конца; здѣсь коллизія чувствъ разрѣшается въ область душевнаго міра: страсть побѣждается добродѣтелью, надъ желаніемъ беретъ верхъ разсудительное великодушіе. А эти похвальныя чувства не вытекаютъ изъ сильныхъ движеній сердца, ихъ главнымъ двигателемъ является болѣе или менѣе холодное сознаніе *рыцарской* чести, весь тотъ кодексъ нравственныхъ понятій, который выработался извѣстными историческими условіями и называется рыцарскимъ идеализмомъ. Стимулы эти, преимущественно отвлеченно-разсудочнаго свойства, не способны глубоко затронуть симпатіи читателя, а потому, чтобы дать понять всю ихъ возвышенность, разсказчику надо выдвинуть ихъ напередъ, ввести подробно ихъ анализирующія рѣчи и краснорѣчивыя отступленія, которыя, какъ ни стилизованы, составятъ все-таки длинноты и не искупятъ скудости дѣйствія.

Яркое доказательство тому находимъ мы въ *6-й новеллѣ* этого дня, самое краткое резюме которой уже указываетъ на бѣдность интриги и на изобиліе краснорѣчія. Король Карлъ I, будучи уже очень не молодъ, посѣщаетъ въ Кастелламаре знатнаго флорентинца-гиббелина, Нери-дельи-Уберти, у котораго принятъ съ большимъ почетомъ; видитъ у него двухъ хорошенькихъ дочерей его, влюбляется и хочетъ отнять ихъ у отца. Только убѣдительныя рѣчи его совѣтника, графа

Гвидо Монфордскаго, заставляютъ его отказаться отъ этого желанія и выдать ихъ замужъ, наградивши богатымъ приданымъ. Правда, и въ этой новеллѣ сказывается — напримѣръ, въ описаніи пріема у богатаго рыцаря — великій мастеръ, не жалѣющій кисти въ тонкости и подробности воспроизведенія, но очевидно, что цѣль и интересъ разсказа въ торжествѣ того разсудительнаго благоразумія, которое говоритъ устами совѣтника и побуждаетъ короля къ великодушному самоотверженію. Понятно, что такая цѣль не способна породить сильнаго, драматическаго дѣйствія: побѣда холоднаго разсудка, дѣйствующаго подъ вліяніемъ убѣдительной рѣчи, не выливается въ цѣльномъ, живомъ образѣ: она вызываетъ только краснорѣчіе защитительныхъ и оправдательныхъ рѣчей, которыя и поставятъ ее на пьедесталъ высокаго геройства. На этотъ же пьедесталъ воздвигается и то естественное уваженіе человѣка къ женѣ другого, которое мы видѣли въ 4-й новеллѣ этого дня. Оно и не могло быть иначе. Въ тѣ времена, когда общество знаетъ такъ мало препятствій въ удовлетвореніи страстей, всякая побѣда надъ ними цѣнится очень высоко. Ихъ произволу и разуму въ народныхъ массахъ то время могло противопоставить, кромѣ религіозно-церковнаго ученія, еще тотъ кодексъ рыцарской нравственности, который проникаетъ собою бытъ и литературу среднихъ вѣковъ. Рыцарственность, вмѣстѣ съ религіею, служитъ охраною всѣхъ чистыхъ и высокихъ движеній человѣческой души и живетъ въ сознаніи народа, какъ выраженіе его нравственныхъ идеаловъ. Но если эти идеалы возвышенны и грандіозны, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, туманны и неясны и не находятъ себѣ настоящаго легальнаго примѣненія въ жизни. Въ борьбѣ съ грубостью вѣка они сказываются утонченностью чувства, отвлеченностью и безцѣльностью стремленій, а потому такъ же легко мирятся съ самыми необузданными проявленіями физическаго темперамента, какъ легко уживался съ распущенностью нравовъ и съ цинизмомъ литературы суровый аскетизмъ христіанскаго востока.

Оттого обѣ новеллы, взятыя авторомъ изъ «Filocopo», хотя преслѣдуютъ рыцарскія цѣли, но на почвѣ той грубой чувственности, на которой возникаютъ и фривольные разсказы предыдущихъ дней. Вообще непримѣнимость къ жизни рыцарскаго идеализма сказывается въ этомъ днѣ такимъ противорѣчивымъ явленіемъ, какъ полное игнорированіе человѣческаго достоинства женщины — съ одной стороны, а съ другой — высокое обожаніе ея красоты и добродѣтели. Отъ этого и два противоположныхъ рода любви, которые рисуются въ литературѣ среднихъ вѣковъ. Или она,

какъ въ области городскихъ сюжетовъ «Декамерона», не поднимается выше грубо-животной страсти и сказывается комическою стороною обмана и насилія, или она, какъ въ рыцарской лирикѣ того же времени, принимаетъ видъ загадочнаго чувства, при которомъ герои проявляютъ самую неестественную утонченность въ чувствованіяхъ и поступкахъ, страдаютъ болѣзненною сантиментальностью. Это не значитъ, конечно, чтобы тогда не знали вовсе искренне-здоровой страсти, одинаково удаленной отъ обѣихъ крайностей. Когда Боккаччіо въ трагически-любовныхъ новеллахъ стоялъ на почвѣ реальнаго разсказа, онъ воспроизводилъ тотъ міръ души, который не исключалъ и великодушія, и самопожертвованія, и героизма, но такъ же далеко стоялъ отъ цинизма грязныхъ продѣлокъ, какъ и отъ сантиментальной извращенности головнаго увлеченія. Мы видѣли, въ какихъ поэтическихъ образахъ запечатлѣна молодая страсть, такъ разрушительно дѣйствующая на юные организмы въ борьбѣ съ разными препятствіями; мы видѣли, какъ близко тамъ любовь соприкасалась съ смертью, какъ одинъ, не задумываясь, жертвовалъ жизнью для другого... Въ отдѣлѣ рыцарскихъ сюжетовъ мы тоже видимъ любовь, отъ которой заболѣваетъ и чуть не умираетъ дѣвушка; но это чувство навѣяно тѣмъ отвлеченнымъ идеализмомъ, который накладываетъ свою печать на всѣ проявленія нравственной жизни тѣхъ вѣковъ.

Вотъ что въ новеллѣ 7-й этого дня разсказывается про любовь Лизы, дочери бѣднаго аптекаря, къ королю Сициліи Петру Арагонскому. Король велъ въ Палермо блестящій образъ жизни съ своими баронами. Случилось, что на одномъ турнирѣ видѣла его Лиза, дочь флорентинскаго аптекаря, и такъ влюбилась въ своего короля, что ни о чемъ иномъ и не могла думать, какъ о своей высокой любви, magnifico et alto amore, и о своемъ низкомъ происхожденіи, не подававшемъ ей никакихъ надеждъ на счастіе любви. Она впала въ меланхолію, скрывала ото всѣхъ свои мысли, и кончилось тѣмъ, что заболѣла и стала таять, какъ снѣгъ на солнцѣ; ничто не помогало ей, и въ отчаяніи она желала умереть, но желала еще, чтобъ король узналъ о ея любви къ нему. Она придумала пригласить къ себѣ Минуччіо д'Ареццо, пѣвца и музыканта (cantatore e sonatore), любимаго королемъ, чтобъ насладиться его искусствомъ. Отецъ, ни въ чемъ ей не отказывавшій, исполнилъ и это ея желаніе. Музыка растрогала ее, вызвала обильныя слезы; оставшись съ пѣвцомъ на-единѣ, она довѣрила ему тайну своей любви и своей болѣзни, прося помочь ей въ исполненіи единственнаго и послѣдняго ея жела-

нія. Пѣвецъ обѣщалъ свое содѣйствіе и тотчасъ же обратился къ одному поэту, dicitore in rima, который долженъ былъ написать канцону и воспѣть въ ней положеніе и чувства больной дѣвушки. Канцона была написана и пропѣта съ успѣхомъ въ присутствіи короля, который, какъ и ожидалось, весьма заинтересовался ея содержаніемъ. Пѣвецъ наединѣ объяснилъ ему о положеніи и о желаніи бѣдной дѣвушки, своею красотою извѣстной и при дворѣ; король сжалился и обѣщалъ навѣстить ее; объ этомъ тотчасъ же сообщено было больной, которая тутъ же почувствовала облегченіе. Король въ тотъ же вечеръ пришелъ къ аптекарю, полюбопытствовалъ видѣть его садъ, а тамъ разспросилъ его и про красавицу дочь. Услыхавъ о ея болѣзни, онъ выразилъ желаніе ее видѣть, вошелъ къ ней въ комнату и, взявши ея за руку, сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, совѣтовалъ ей скорѣе оправиться. Дѣвушка застыдилась, но почувствовала такую радость, какъ будто попала въ рай и обѣщала собраться съ силами и выздоровѣть. Утѣшивши ее своимъ разговоромъ, король уѣхалъ и не могъ не пожалѣть, что такая красавица—дочь аптекаря. А дѣвушка, осчастливленная посѣщеніемъ предмета своей высокой привязанности, стала быстро оправляться и хорошѣла больше, чѣмъ когда-либо. Король между тѣмъ обсудилъ это дѣло съ королевой и рѣшилъ, что дѣвушку за ея высокія чувства надо вознаградить какъ слѣдуетъ; и вотъ королевская чета торжественно съ большою свитою является къ аптекарю, и король объявляетъ Лизѣ, что хочетъ удостоить ее большой чести, въ награду за ея любовь къ нему: съ разрѣшенія королевы онъ цѣлуетъ ее и представляетъ ей жениха, котораго для нея выбралъ, не богатаго, но благороднаго юношу и проситъ позволенія навсегда считаться ея рыцаремъ. Изъ любви къ нему дѣвушка рада исполнить всякое его желаніе; отецъ и мать въ восторгѣ, женихъ также, а король иначе и не выѣзжаетъ на турниры, какъ подъ знаменемъ своей дамы.

Что за чувство даетъ содержаніе новеллѣ, лишенной всякаго драматическаго дѣйствія, но исполненной закругленныхъ красивыхъ фразъ? Безнадежная любовь, отъ которой такъ страдаетъ дѣвушка, что сперва рѣшается умереть, потомъ удовлетворяется нѣсколькими ласковыми словами; но любовь ли это, если отчаяніе переходитъ въ готовность исполнить волю обожаемаго, т.-е. выдти замужъ за рекомендованнаго имъ жениха? Теперь подобное чувство назвали бы увлеченіемъ молодой, горячей головы, живущей воображеніемъ и мечтами, головною, легко испаряющеюся страстью. Но для того вѣка это было особое высокое чувство—

magnifico e alto amore, на которое смотрѣли очень серьёзно: оно заслуживало похвалы и награды, оно составляло отличіе высшаго общества — король не могъ не пожалѣть, что такою возвышенностью помысловъ надѣлена дѣвушка невысокаго происхожденія. — Слѣд., тутъ опять спеціально-рыцарская точка зрѣнія, особая нравственная мѣрка. Новелла эта — отголосокъ придворно-рыцарской сферы — переноситъ насъ въ ту искусственную среду, гдѣ женщина является въ сіяніи божества; гдѣ процвѣтаетъ любовная лирика провансальскихъ поэтовъ, съ ихъ постояннымъ обращеніемъ къ Амуру и описаніемъ утрированныхъ чувствъ; гдѣ король подъ знаменемъ своей дамы, которую онъ цѣлуетъ съ разрѣшенія королевы, носитъ девизомъ: Mon Dieu et ma dame! Эта среда выработала тотъ кодексъ рыцарской нравственности, по которому разсудочное великодушіе, или великодушное благоразуміе ставилось на степень высокаго геройства: неудивительно, если и болѣзненное чувство платоническаго обожанія — головное увлеченіе только-что проснувшейся молодости — возводится на степень высоко-идеальнаго стремленія; оно должно вполнѣ соотвѣтствовать тому настроенію, которое возводитъ въ идеалъ все, что только идетъ въ разрѣзъ съ грубостью и эгоизмомъ неразвитаго человѣчества.

Поэтому въ рыцарскомъ идеализмѣ большую роль играла и *щедрость*. Эта добродѣтель не была, какъ у насъ, одною противоположностью скупости, это та особенная *liberalita*, которая свидѣтельствуетъ о величіи души, чуждается всякаго мелочного чувства, проявляется всякимъ великодушнымъ поступкомъ; эта liberalita должна была нравиться рыцарству какъ противодѣйствіе грубо-эгоистическимъ стремленіямъ; и съ нею мы встрѣчались уже въ Новеллино, гдѣ столько примѣровъ королевской и рыцарской расточительности; въ «Декамеронѣ» она выражается въ обычаяхъ гостепріимства, которые прославляются въ двухъ новеллахъ, въ *9-ой* о мессирѣ Торелло и Саладинѣ, и въ *3-ей* о Натанѣ и Митриданесѣ. Кромѣ одинаковой идеи добродѣтели, оба эти разсказа имѣютъ еще то общее, что оба переносятъ насъ на Востокъ: одинъ разыгрывается на половину въ Александріи, при дворѣ Саладина въ эпоху крестовыхъ походовъ; другой — въ баснословной странѣ въ глубинѣ Азіи. Раньше, отмѣчая въ «Декамеронѣ» тэму «путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ», мы имѣли случай замѣтить, какую важную роль далекій Востокъ игралъ въ народной фантазіи. Очевидно, что вліяніе Востока, такъ сильно сказавшееся въ первобытной повѣствовательной поэзіи Европы, должно было усилиться съ тѣмъ

стремительнымъ передвиженіемъ цѣлыхъ массъ, которое вызвано было крестовыми походами. Вѣроятно и та цивилизація, съ которою европейскіе народы столкнулись въ Азіи, была не безъ вліянія на образованіе рыцарскихъ идеаловъ: собственно говоря и въ Азіи существовало рыцарство; не даромъ же личность Саладина такъ импонировала своимъ воинственно-благороднымъ характеромъ, что́ создалось цѣлое сказаніе о посвященіи его въ христіанскіе рыцари (въ Новеллино—фабліо о Гугонѣ Табарійскомъ); и въ средѣ образованныхъ султанскихъ дворовъ рыцарскіе идеалы могли находить себѣ воплощеніе: тутъ могла процвѣтать и утонченность вѣжливости и высоко-цѣнимая courtoisie, и та безграничная щедрость—гостепріимство мы привыкли считать качествомъ преимущественно восточныхъ народовъ, — щедрость, принимавшая грандіозные размѣры, благодаря роскоши подарковъ, тѣхъ баснословныхъ богатствъ, камней, тканей и т. п., которые фантазія разсказчиковъ могла найти только на Востокѣ. Понятно, что перенесеніе рыцарскихъ идеаловъ съ Запада на Востокъ не только не уменьшало, но еще болѣе усиливало ихъ характеръ отвлеченности, неопредѣленности и непримѣнимости. Такими именно чертами отмѣченъ и духъ гостепріимства, составляющій основную идею въ новеллѣ *о Мессирѣ Торелло и Саладинѣ*. Вотъ въ чемъ ея содержаніе:

Саладину вздумалось посмотрѣть на приготовленія христіанъ къ походу противъ него (3-й крест. походъ 1189 года). Переодѣвшись купцомъ, съ небольшою свитою, выѣзжаетъ онъ изъ Египта и, путешествуя по европейскимъ землямъ, попадаетъ въ Ломбардію; тутъ, недоѣзжая Павіи, встрѣчаетъ онъ однажды благороднаго мессира Торелло, который съ своими прислужниками, съ соколами и собаками направляется въ одно изъ прекрасныхъ помѣстій на Тессинскомъ озерѣ. Завидя иностранцевъ, мессиръ Торелло вздумалъ принять ихъ у себя. Для рыцарскаго гостепріимства существуетъ и особый терминъ,—*onorare* значитъ особенно радушно принимать гостей, оказывая имъ вниманіе и всякія почести, исполняя всѣ ихъ желанія и награждая ихъ подарками. — На вопросъ Саладина о томъ, попадутъ ли они до ночи въ Павію, рыцарь поспѣшилъ отвѣтить отрицательно; а на вопросъ о ночлегѣ, предложилъ имъ въ провожатые одного изъ своихъ прислужниковъ, который можетъ указать имъ дорогу. Отозвавши слугу въ сторону, онъ сдѣлалъ ему свои распоряженія, а самъ поѣхалъ въ помѣстье и приготовилъ все для самаго роскошнаго пріема иностранцевъ; слуга же, проплутавши съ гостями по окрестности, вскорѣ явился съ ними къ мессиру То-

релло. Саладинъ не могъ не понять всей утонченности этой любезности: пригласи ихъ самъ мессиръ Торелло къ себѣ, они имѣли бы право отказаться, а теперь онъ хитростью заставляетъ ихъ принять его угощеніе. На тонко-вѣжливое извиненіе Саладина, мессиръ Торелло отвѣчаетъ не менѣе утонченнымъ изъявленіемъ рыцарской courtoisie, и, видя съ первыхъ словъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, не только угощаетъ ихъ ужиномъ и оказываетъ имъ всякія почести, но посылаетъ въ Павію сказать женѣ, чтобъ и тамъ приготовленъ былъ гостямъ такой же пріемъ. На утро онъ показываетъ имъ свою соколиную охоту, самъ ѣдетъ съ ними въ Павію, гдѣ принимаетъ ихъ еще роскошнѣе; знакомитъ ихъ съ женою, которая оказывается не менѣе любезна, чѣмъ онъ; окружаетъ ихъ такимъ вниманіемъ, что совершенно ихъ очаровываетъ; а на прощаньѣ онъ и жена дѣлаютъ имъ роскошные подарки. Саладинъ, назвавшійся сирійскимъ купцомъ, ѣдущимъ въ Парижъ, выражая свою благодарность хозяину, желалъ только имѣть когда-нибудь возможность отплатить и ему подобнымъ же пріемомъ. Собравши въ Европѣ нужныя ему свѣдѣнія, онъ вернулся въ Александрію и приготовился къ войнѣ, а мессиръ Торелло, не взирая на просьбы и слезы жены, сталъ собираться въ крестовый походъ. Уѣзжая, онъ просилъ жену объ одномъ: если отъ него не будетъ извѣстій, не выходить замужъ раньше, чѣмъ исполнится одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ и одинъ день со дня его отъѣзда. Жена обѣщалась и дала ему кольцо, глядя на которое онъ долженъ былъ вспоминать о ней. На войнѣ мессиръ Торелло попалъ въ плѣнъ и отведенъ былъ въ Александрію; тутъ на досугѣ онъ сталъ заниматься приученіемъ птицъ, слухъ о чемъ скоро дошелъ до Саладина, и тотъ сдѣлалъ его своимъ сокольничимъ. Изъ плѣна ему удалось послать письмо на родину съ генуэзцами, которые пріѣзжали выкупать своихъ плѣнныхъ, и дать женѣ знать, что, будучи живъ и здоровъ, онъ надѣется къ ней вернуться. Между тѣмъ однажды на охотѣ Саладинъ, вглядываясь въ своего сокольничаго, по улыбкѣ и одному движенію рта вспомнилъ о своемъ гостепріимномъ хозяинѣ въ Павіи, узналъ его и, убѣдившись изъ разспросовъ, что не ошибся, велѣлъ показать ему платье, полученное отъ него въ подарокъ и открылъ плѣннику, что онъ былъ у него въ гостяхъ. Съ этихъ поръ положеніе мессира Торелло совершенно измѣнилось: султанъ велѣлъ одѣть его по-царски, оказывать ему такое же уваженіе и почетъ, какъ его собственной особѣ; вообще всячески старался отплатить ему за его гостепріимство. Мессиръ Торелло при дворѣ Саладина зажилъ такъ

пышно, что и не думалъ о родинѣ; а память о женѣ мало его безпокоила, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что, получивши его письмо, она будетъ знать, гдѣ онъ, и замужъ не выйдетъ. Случилось однако иначе: въ христіанскомъ войскѣ умеръ одинъ рыцарь также по имени Торелло, и всѣ думали, что это былъ хорошо всѣмъ извѣстный мессиръ Торелло, уроженецъ Павіи; слухъ о его смерти быстро распространился, и нашлись даже очевидцы, которые увѣрили его жену, что видѣли его мертвымъ. Когда первое горе мнимой вдовы улеглось, къ ней стали приставать родные, уговаривая ее выдти замужъ; сколько ни отказывалась она, наконецъ, вынуждена была дать слово одному жениху съ условіемъ только выждать время до срока, назначеннаго ей мессиромъ Торелло. Между тѣмъ мужъ ея встрѣтился въ Александріи съ однимъ изъ спутниковъ тѣхъ генуэзцевъ, которымъ онъ поручилъ письмо на родину, и узналъ отъ него, что никто изъ генуэзцевъ до Италіи не доѣхалъ, потому что судно ихъ было разбито бурею. Разсчитавши, что скоро кончается срокъ, назначенный имъ женѣ, Торелло впалъ въ такое отчаяніе, что заболѣлъ, легъ въ постель и рѣшился умереть.

Саладинъ, какъ только узналъ о причинѣ его горя, обѣщалъ приложить всѣ старанія, чтобъ къ данному сроку рыцарь поспѣлъ въ Павію. Онъ поручилъ устроить это одному опытному волшебнику; тотъ прежде всего усыпилъ его волшебнымъ питьемъ, а Саладинъ велѣлъ соннаго рыцаря перенесть на роскошное ложе, одѣть его богатымъ платьемъ и обложить оружіемъ и разными подарками для него и для жены; въ ту же ночь мессиръ Торелло силою волшебства былъ въ одно мгновеніе перенесенъ изъ Египта въ Италію, и очутился, какъ онъ самъ того желалъ, въ монастырѣ, гдѣ его дядя былъ аббатомъ. Это было въ день свадьбы его жены, послѣдній день срока, даннаго ей мужемъ. Въ качествѣ иностранца отправляется мессиръ Торелло на свадебный пиръ; въ иноземной одеждѣ, съ длинною бородою, наблюдаетъ онъ за поведеніемъ жены, остается очень доволенъ, видя что она сильно горюетъ; онъ посылаетъ ей въ чашѣ вина кольцо, данное ею на память при его отъѣздѣ, она узнаетъ кольцо, пристально вглядывается въ мнимаго иностранца и — бросается въ его объятія.

Вся эта новелла, и особенно послѣднія сцены возвращенія на родину, — испугъ монаховъ, нашедшихъ въ церкви рано утромъ богатое ложе съ спящимъ на немъ чужестранцемъ, и свиданіе съ женою, — написаны со всею живостью и увлекательностью Боккачіева разсказа. И не удивительно: хотя главная мысль повѣсти

—рыцарская добродѣтель гостепріимства, но она тѣсно связывается здѣсь съ элементами приключеній, разныхъ случайностей, поэтому принимаетъ тотъ *реалистическій* характеръ, который мы видѣли въ первыхъ дняхъ «Декамерона». Тутъ такъ же, какъ и тамъ,—особенно во второй, болѣе живой половинѣ разсказа,—насъ увлекаетъ интересъ чисто сказочный—приключеніе плѣннаго рыцаря при дворѣ того знаменитаго султана, котораго народная фантазія любила украшать своими вымыслами. Отъ этого тутъ тѣ же достоинства реалистически-художественнаго разсказа: та же рельефность, ясность очертаній, та же мелочность наблюденія, то же умѣнье двумя-тремя чертами обрисовать ситуацію и тотъ же тонъ спокойно-оживленнаго разсказа, возсоздающаго предметы и лица во всей ихъ жизненной полнотѣ. Но все-таки рыцарская основа сюжета не могла остаться безъ вліянія на ходъ повѣсти: въ первой половинѣ, гдѣ преобладаетъ *добродѣтель*, чувствуется сравнительная бѣдность дѣйствія, а въ концѣ—неумѣнье справиться съ интригою; какъ и въ новеллѣ о мадоннѣ Діанорѣ развязка приводится вмѣшательствомъ волшебства.

Присутствіе чудеснаго весьма распространено въ повѣствовательной, современной Боккаччіо, литературѣ: оно встрѣчается и въ рыцарскихъ поэмахъ, и въ фабліо, и въ народныхъ сказкахъ и указываетъ на молодость литературной мысли, на бѣдность литературнаго таланта у разсказчиковъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ удобнѣе вывести героя изъ затруднительнаго положенія, какъ не помощью чуднаго явленія, неожиданнымъ участіемъ сверхъестественнаго? Этими средствами эффекта съ успѣхомъ пользуются даже многіе послѣдователи Боккаччіо; но самъ геніальный разсказчикъ прибѣгаетъ къ нимъ только въ 2-хъ новеллахъ всего сборника. Обыкновенно его новелла представляетъ собою строго мотивированное, послѣдовательное дѣйствіе, гдѣ одинъ фактъ вытекаетъ изъ другого, или изъ внутреннихъ побужденій, изъ общаго характера лица, отъ этого новелла его—тонко-веденная, законченная драма вполнѣ реальнаго характера.

Но разъ, какъ и въ этомъ 10-мъ днѣ, онъ задается воспроизведеніемъ высокихъ идеаловъ, повѣсть его не ограничивается однимъ художественнымъ возсозданіемъ естественныхъ побужденій нашей природы; разсказчика интересуетъ не опредѣленный жизненный фактъ, а тѣ отвлеченные идеалы, которые лежатъ въ основѣ рыцарскаго міровоззрѣнія. Особенно цѣльно выражается эта отвлеченность идеальной добродѣтели въ *3-й новеллѣ о Натанѣ* и *Митридапесѣ*. Тутъ мы видимъ самое неумѣренное пользованіе убѣдительностью краснорѣчія: не даромъ же эта повѣсть въ рѣдкой

христоматіи не приводится образцомъ Боккачіева слога, и не даромъ достоинства подобныхъ разсказовъ утвердили за нимъ славу краснорѣчивѣйшаго писателя, у котораго совѣтовали учиться проповѣдникамъ.—Если въ новеллѣ «Мессиръ Торелло» современный читатель не можетъ не подивиться безцѣльности и безполезности рыцарскаго гостепріимства, которое такъ было оцѣнено Саладиномъ, то еще болѣе неограниченную расточительность видимъ мы въ повѣсти о Натанѣ: тутъ гостепріимство поставлено на высоту недосягаемаго идеала; отъ того мѣсто дѣйствія—крайне неопредѣленно, а дѣйствующія лица страдаютъ безцвѣтностью, какъ воплощенія необычайно высокихъ качествъ души. И если въ новеллѣ о мессиръ Торелло мы могли видѣть, какъ близко сходились идеалы Востока и Запада (Саладинъ рисуется рыцаремъ; въ немъ такъ много общаго съ европейцемъ, что мессиръ Торелло тотчасъ же признаетъ въ немъ равнаго себѣ: та же вѣжливость, деликатность обхожденія, та же утонченность внѣшней манеры), то эту же близость можно указать и въ новеллѣ о Натанѣ. Здѣсь олицетвореніе рыцарской щедрости прямо относится въ ту туманно-баснословную страну, гдѣ сходятся пути Востока и Запада.

Въ Каттайо—такъ называлась въ тѣ времена сѣверная часть Китая—жилъ человѣкъ по имени Натанъ. Онъ былъ знатнаго происхожденія, имѣлъ несмѣтное богатство и жилъ на той дорогѣ, по которой больше всего сообщенія между Востокомъ и Западомъ. Желая на дѣлѣ выказать величіе и щедрость своей души, онъ выстроилъ себѣ одинъ изъ богатѣйшихъ и роскошнѣйшихъ дворцовъ въ мірѣ, въ которомъ все было приспособлено къ тому, чтобъ съ большимъ вниманіемъ и почетомъ принимать благородныхъ гостей (gentili uomini ricevere et onorare). Онъ не замедлилъ вскорѣ такъ прославиться своею щедростью и великолѣпіемъ, что сталъ извѣстенъ не только на востокѣ, но и на западѣ. Молва о немъ дошла до одного молодого человѣка, по имени Митриданесъ; тотъ, зная, что онъ не бѣднѣе Натана, и завидуя его славѣ и добродѣтели, рѣшилъ, во что бы то ни стало, превзойти или затмить его: онъ построилъ себѣ дворецъ, подобный Натанову, и завелъ въ немъ такое же широкое гостепріимство, отчего вскорѣ и сталъ извѣстенъ. Но вотъ однажды женщина попросила милостыню у однихъ дверей дворца, получила, подошла къ другимъ, тамъ получила, затѣмъ къ третьимъ—и такъ возвращалась и получала до 12 разъ; когда она подошла въ 13-й, Митриданесъ, видѣвшій это со двора, замѣтилъ ей: «добрая женщина! ты просишь-таки довольно усердно!» — «О, щедрость Натана, воскликнула на это старуха, изумительна!

У 32-хъ воротъ его дворца подавали мнѣ, а онъ не показалъ и виду, что призналъ меня; здѣсь же я попросила только въ 13-й разъ, какъ меня узнали и выбранили!» Съ этимъ она ушла и не возвращалась. Митриданесъ, слыша ея сравненіе, совсѣмъ разстроился, и, не умѣя даже въ мелочахъ сравниться съ Натаномъ, отчаялся когда-либо превзойти его: слава этого старика, думалъ онъ, только тогда не будетъ вредить его извѣстности, когда его не будетъ въ живыхъ; — онъ рѣшился убить его, тотчасъ же пустился въ путь и на третій день прибылъ къ мѣсту жительства Натана. Подъѣзжая совершенно одинъ ко дворцу, онъ встрѣтилъ самого хозяина, который въ простомъ скромномъ одѣяніи шелъ пѣшкомъ; Митриданесъ, не зная его, обратился къ нему съ просьбой показать, гдѣ живетъ Натанъ, а когда тотъ взялся проводить его, объяснилъ старику, что желаетъ остаться по возможности неизвѣстнымъ Натану. Поэтому, когда они подошли къ дворцу, Натанъ шепнулъ своимъ слугамъ, чтобъ они и виду не подавали, кто тутъ хозяинъ, и не говорили бы о томъ Митриданесу. Затѣмъ онъ помѣстилъ гостя въ отличной комнатѣ, приставилъ къ нему слугъ и самъ долго бесѣдовалъ съ нимъ: про себя онъ сказалъ, что принадлежитъ къ числу незначительныхъ слугъ въ домѣ и вовсе не можетъ согласиться съ тѣми похвалами, которыми молва осыпаетъ старика. Бесѣда его очень понравилась юношѣ, и онъ нѣсколько дней прожилъ во дворцѣ, пользуясь всѣми удобствами жизни и интереснымъ обществомъ хозяина; а тотъ такъ съумѣлъ расположить его къ себѣ, что онъ наконецъ открылъ ему цѣль своего посѣщенія. Натанъ взволновался, но тотчасъ же оправился и твердо, не измѣнившись даже въ лицѣ, обѣщалъ юношѣ свое содѣйствіе; онъ похвалилъ его за это благородное намѣреніе: если бы на свѣтѣ было больше такой зависти (точнѣе — соревнованія), свѣтъ былъ бы лучше! Затѣмъ онъ указалъ ему лѣсокъ, въ которомъ удобно будетъ совершить убійство, такъ какъ Натанъ пойдетъ туда на слѣдующее утро. Митриданесъ, во всемъ слѣдуя его совѣтамъ, на другой день явился въ лѣсокъ, издали завидѣлъ Натана, и прежде чѣмъ покончить съ нимъ, вдругъ вздумалъ послушать хотя бы одинъ разъ рѣчей знаменитаго старика. Онъ кинулся на него и каково же было его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ того самаго собесѣдника, который такъ ласково обходился съ нимъ и такъ хорошо его принималъ! Гнѣвъ обратился въ стыдъ: онъ палъ къ ногамъ своей жертвы и со слезами просилъ прощенія; тутъ только онъ увидѣлъ всю щедрость старика, даровавшаго даже жизнь свою гостю! и тутъ только открылись глаза

его, ослѣпленные завистью! онъ сознаетъ свое заблужденіе и проситъ наказать его какъ того заслуживаетъ. Натанъ поднялъ юношу, поцѣловалъ его и сказалъ, что намѣреніе его не требуетъ оправданія, потому что онъ хотѣлъ убить его не изъ вражды и ненависти, а изъ желанія славы.—«Будь увѣренъ, говорилъ онъ, что никто тебя не любитъ больше меня, потому что я вижу величіе твоей души, стремящейся не копить добро, какъ мелкіе люди,—i miseri, говоритъ Боккачіо, такъ сказать, «миверныя» души—но тратить накопленное: не стыдись, что ради славы хотѣлъ убить меня, и не думай, что я тому удивляюсь. Императоры и короли убиваютъ не одного человѣка, какъ ты, и разоряютъ цѣлыя страны и жгутъ города для того только, чтобъ увеличить свое владѣніе, а слѣдовательно и свою славу».

Митриданесъ, хоть и не желалъ нисколько защищать свой злодѣйскій умыселъ, не могъ однако не подивиться, какъ благородно съумѣлъ оправдать его Натанъ, и, продолжая бесѣду, выразилъ удивленіе, какъ могъ самъ Натанъ способствовать выполненію его плана: на это Натанъ возразилъ, что у него есть правило не выпускать изъ дому гостя, не сдѣлавши для него все ему желательное и пріятное. «Ты пришелъ съ цѣлью взять мою жизнь; чтобъ ты не былъ единственнымъ вышедшимъ отсюда неудовлетвореннымъ, я рѣшилъ тебѣ отдать ее. Потому еще разъ говорю тебѣ: возьми ее; не знаю, какъ могу ее лучше употребить: я столько лѣтъ прожилъ на свѣтѣ, что мнѣ еще не много остается прожить, и оттого предпочитаю теперь добровольно отдать жизнь, чѣмъ ждать, пока природа ее у меня отниметъ. Чѣмъ дольше я буду жить, тѣмъ меньше цѣны будетъ имѣть моя жизнь: потому прошу тебя, возьми ее, пока мнѣ есть еще что давать. Найдется ли еще другой, кто пожелаетъ взять ее?» Митриданесу было стыдно, и онъ сказалъ, что онъ не только не желаетъ сокращать его жизни, но проситъ Бога продлить ее и дополнить ее лѣтами его собственной молодой жизни. На это Натанъ быстро возразилъ: —Ты желаешь продлить мою жизнь, желаешь, чтобъ я принялъ отъ тебя то, чего никто не принималъ отъ другого?—Да, отвѣчалъ Митриданесъ.—Въ такомъ случаѣ, сказалъ Натанъ, ты молодъ, останься у меня, живи подъ моимъ именемъ и продолжишь мою жизнь, а я отправлюсь къ тебѣ и буду называться Митриданесомъ.—Еслибъ я умѣлъ такъ жить и дѣйствовать, какъ ты, я бы принялъ твое предложеніе; но я знаю, что мои дѣла будутъ только уменьшать славу Натана, потому и не намѣренъ отнимать у другого то, чего самъ не умѣлъ для себя достигнуть (т.-е. славы).—Послѣ этихъ и подобныхъ имъ разсужденій На-

танъ съ Митриданесомъ возвратились во дворецъ, гдѣ юноша нѣсколько дней пользовался почетнымъ гостепріимствомъ; Натанъ своимъ умомъ и познаніями укрѣпилъ въ душѣ юноши высокіе и великіе помыслы и отпустилъ его съ убѣжденіемъ, что ему не превзойти щедрости знаменитаго старика.

Мнѣ кажется, и въ сокращенномъ изложеніи новеллы должна просвѣчивать діалектика всѣхъ разсужденій, утрированная тонкость чувствъ и мыслей, которыя тутъ замѣняютъ живость дѣйствія и интересъ интриги. И это искусственное описаніе невозможной ситуаціи принадлежитъ тому же перу, изъ-подъ котораго такъ цѣльно и полно вылилась исповѣдь с. Чьянеллето, насмѣшка надъ глупымъ Каландрино, проповѣдь остроумнаго балагура, фрате Чиполла! Но тутъ нельзя искать того яркаго колорита, той правды и искренности, которыя производятъ художественное обаяніе реалистическихъ новеллъ «Декамерона». Здѣсь авторъ въ живомъ и цѣльномъ образѣ не увѣковѣчиваетъ частицы современной ему дѣйствительности; безхитростнымъ анекдотомъ чисто мѣстнаго происхожденія онъ не переноситъ насъ въ далекую чуждую намъ жизнь итальянца; здѣсь передъ нами не бойкій разсказчикъ, необузданно-дерзкая насмѣшка котораго не останавливается ни передъ какими святыми и нравственными интересами человѣчества; здѣсь перо въ рукахъ поэта-рыцаря по духу и воспитанію. Здѣсь онъ не довольствуется тѣмъ, что даетъ ему непосредственное его знаніе жизни. Въ поискахъ за идеальными сторонами существованія его мысль уходитъ въ ту безграничную сферу фантастичности, которую нравственныя потребности его времени противопоставляютъ эгоизму и грубости дѣйствительной жизни. Отпоромъ корыстолюбію и преобладанію личныхъ интересовъ мало развитой общественности, мысль вѣка возводитъ *щедрость* на высоту особенно важной добродѣтели; но не есть ли этотъ идеалъ, воплощенный въ личности Натана, не болѣе какъ одна несбыточная мечта,—мечта народа, ищущаго въ вымыслѣ величія, широты и простора, которымъ нѣтъ мѣста въ общественной жизни? Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ объяснить какъ не заоблачной идеальностью ту безумную и безполезную щедрость, которая, мало того, что по тридцати разъ подаетъ милостыню и ставитъ цѣлью жизни тратить добро, но даже жертвуетъ самою жизнью ради того только, чтобъ, по долгу гостепріимства, исполнить всякое желаніе гостя? Какая высокая цѣль и какая польза человѣчеству отъ такого самопожертвованія?—Правда, комментаторы этой новеллы всегда поясняютъ, что Натанъ разсуждаетъ какъ язычникъ, и Боккачіо будто бы умѣлъ тутъ стать на точку

зрѣнія не-христіанской добродѣтели. Не вѣрнѣе ли предположить, что, развивая извѣстный идеалъ безо всякаго отношенія его къ дѣйствительности, авторъ развилъ его отвлеченными разсужденіями до такихъ крайнихъ предѣловъ, что перешелъ даже за границы христіанскаго міровоззрѣнія.—Эта крайность и безцѣльность рыцарской добродѣтели не могла, конечно, и въ поэзіи сказаться опредѣленными ясно-очерченными образами; оттого тѣ поэмы, въ которыхъ воплощались возвышенныя проявленія рыцарскаго духа, не пережили своей эпохи; а ихъ безпочвенный идеализмъ сказался и въ новеллахъ бо́льшею растянутостью формы, длиннотами въ видѣ выспренныхъ разсужденій, діалектическихъ разглагольствованій о самыхъ утонченныхъ ощущеніяхъ. Что поэтъ тутъ былъ человѣкомъ вполнѣ своего вѣка, выразителемъ современныхъ стремленій и направленій мысли, видно не только изъ тщательности и изящества въ отдѣлкѣ этихъ повѣстей, но и изъ огромной ихъ популярности. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна *8-ая* новелла! въ ней мы найдемъ такое же, какъ и въ Натанѣ, изобиліе риторики и діалектики, вызываемое высокими и тонкими чувствами, а также и яркое доказательство того, какъ легко это невозможное величіе души мирилось съ грубостью неудержимой страсти и съ безцеремоннымъ отношеніемъ къ семьѣ.—Эта новелла—одна изъ наиболѣе знаменитыхъ въ «Декамеронѣ»: она передѣлывалась, переводилась на многіе языки, пользовалась, очевидно, необыкновенной симпатіей и читателей, и критиковъ, высоко превозносившихъ ея стилистическія достоинства. Она имѣетъ предметомъ любовь и самопожертвованіе двухъ друзей, и точно такъ же, какъ и повѣсть о Натанѣ, переноситъ все дѣйствіе въ далекій, нехристіанскій міръ, потому что и въ ней идеалы добродѣтели—дружбы—доведены до такой крайности, что переходятъ мѣру христіанскихъ обязанностей. Поэтому Боккачіо одѣлъ героевъ новеллы въ классическій костюмъ и заставилъ ихъ разсуждать и дѣйствовать сообразно не съ христіанской, всегда примѣнимой моралью, а сообразно съ строго-логичнымъ, но вполнѣ отвлеченнымъ идеализмомъ.

Дѣйствіе происходитъ въ античномъ мірѣ, въ правленіе Августа, бывшаго еще тріумвиромъ. Одинъ знатный римлянинъ посылаетъ сына своего, Тито Квинціо Фульво, дополнить въ Аѳинахъ философское образованіе, и помѣщаетъ его тамъ въ домѣ стариннаго своего пріятеля, у котораго есть также взрослый сынъ Джизиппо. Между молодыми людьми, преданными наукѣ, завязывается горячая дружба. Проходитъ года три, умираетъ отецъ Джизиппо; и оба друга оплакиваютъ его съ одинаковою

горестью; вскорѣ послѣ этого Джизиппо, по совѣту друзей, собирается жениться на 15-ти-лѣтней красавицѣ Софроніи. Незадолго до свадьбы знакомитъ онъ съ нею своего друга, и тотъ влюбляется въ нее со всѣмъ пыломъ страсти. Долго борется онъ съ собою, но чѣмъ больше уговариваетъ онъ себя, тѣмъ больше въ немъ разгорается любовь, такъ что, наконецъ, онъ заболѣваетъ съ горя. Его состояніе не можетъ укрыться отъ друга, и на разспросы его Тито откровенно признается въ страсти, которую онъ изъ любви къ другу рѣшился преодолѣть, во что бы то ни стало; но другъ не допускаетъ подобной жертвы: онъ такъ его любитъ, что жизнь его дороже ему невѣсты, потому онъ ее и уступаетъ Тито.—Борьба съ самимъ собою, тонкое взвѣшиваніе противорѣчивыхъ чувствъ и борьба великодушія между друзьями ведется такими же послѣдовательными логическими доводами, съ тѣми же пріемами періодическихъ рѣчей, какъ и въ повѣсти Натана.—Споръ возвышенныхъ душъ рѣшается тѣмъ, что одинъ, Джизиппо, сыграетъ свадьбу, а затѣмъ тайнымъ образомъ будетъ замѣненъ другимъ. Ни невѣстѣ, ни ея роднымъ о томъ ничего не должно быть извѣстно, потому что они могутъ не только не согласиться на подмѣнъ, но оскорбиться и отказать жениху. Обманъ удается какъ нельзя лучше. Затѣмъ вскорѣ въ Римѣ умираетъ отецъ Тито, и Тито долженъ возвратиться на родину; конечно, обманъ долженъ обнаружиться, такъ какъ фиктивная жена Джизиппо должна сопровождать своего настоящаго мужа римлянина. Узнавъ, чья она жена, она тотчасъ разсказываетъ это своимъ родственникамъ, которые оскорблены обманомъ не менѣе ея; аѳиняне страшно возмущены и грозятъ Тито преслѣдованіемъ и наказаніемъ. Джизиппо извинялся-было тѣмъ, что считалъ друга своего болѣе себя достойнымъ Софроніи, но Тито, соединяя мужество римлянина съ умомъ аѳинянина, рѣшилъ торжественно оправдать его—для того собралъ въ храмѣ друзей и родныхъ Софроніи и произнесъ передъ ними длинную рѣчь. Въ ней онъ сперва ссылается на волю боговъ, допустившихъ подмѣнъ, затѣмъ оправдывается большою къ нему дружбою и любовью Джизиппо: замѣна одного пріятеля другимъ тѣмъ болѣе извинительна, что они занимаютъ совершенно одинаковое положеніе въ обществѣ, и тутъ Тито напоминаетъ слушателямъ о своемъ богатствѣ, о знатности, древности своего рода въ Римѣ, и намекаетъ на то, что римляне народъ свободный, а аѳиняне —покоренный; слѣдовательно, онъ, какъ женихъ Софроніи, ничѣмъ не ниже Джизиппо. Правда, можно возразить, что не самая замѣна оскорбительна, а тотъ образъ дѣйствія, къ которому при-

бѣгли друзья, обманувши и Софронію, и родныхъ ея. Но какихъ путей не избираетъ судьба? «Вы негодуете на Джизиппо за то, что онъ выдалъ ее за меня, но какое бы наказаніе вы придумали для него, еслибъ онъ отдалъ ее за какого-нибудь негодяя? а онъ могъ и это сдѣлать». Словомъ, силою цицероновскаго краснорѣчія, убѣдительностью пространныхъ, изворотливыхъ софизмовъ Тито увѣрилъ аѳинянъ въ справедливости и законности своего поступка, и вполнѣ примиренный съ родными и друзьями Софроніи, увезъ ее въ Римъ. — Джизиппо, оставшись одинъ въ Аѳинахъ, былъ черезъ нѣкоторое время силою политическихъ обстоятельствъ изгнанъ изъ города и лишился при этомъ всего состоянія. Кое-какъ, нищимъ, добрался онъ до Рима; направился прямо къ дому Тито и сталъ на дорогѣ такъ, чтобъ могъ попасть ему на глаза. Но Тито прошелъ мимо и не узналъ его, а Джизиппо показалось, что онъ просто не хотѣлъ узнать друга, гнушаясь его положеніемъ. Не зная, гдѣ ночью приклонить голову и вспоминая, какъ много онъ сдѣлалъ для своего друга, онъ нашелъ въ глухой части города какую-то пещеру, легъ въ ней и горько плакалъ, пока не заснулъ. Въ эту же пещеру ночью пришло двое воровъ, которые заспорили о чемъ-то, одинъ убилъ другого и скрылся, а Джизиппо, желая покончить съ жизнію, остался при трупѣ и объявилъ себя убійцею. Его привели къ претору и осудили на крестную смерть; но случилось, что Тито вошелъ въ преторію, тотчасъ же узналъ осужденнаго и рѣшился спасти его: онъ взялъ убійство на себя, выставляя на видъ то обстоятельство, что обвиненный — иностранецъ и былъ найденъ при трупѣ безъ всякаго оружія. Преторъ сталъ допрашивать Джизиппо, но тотъ, видя великодушіе Тито, настаивалъ на своей винѣ. Преторъ въ крайнемъ изумленіи хотѣлъ-было оправдать обоихъ, какъ явился настоящій убійца и, тронутый невинностью двухъ великодушныхъ обвиняемыхъ, сознался въ преступленіи. Октавіанъ Августъ, услыша про то, призвалъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ себѣ и, разобравши въ чемъ дѣло, рѣшилъ освободить не только ни въ чемъ неповинныхъ друзей, но ради ихъ дружбы помиловалъ и виноватаго.

Итакъ, главная цѣль автора — превознесеніе высокаго чувства дружбы, всѣ достоинства которой разсказчикъ подробно анализируетъ въ заключеніе своего повѣствованія; но, несмотря на это, новелла не страдаетъ такою отвлеченностью, какъ повѣсть о Натанѣ, потому что историческій костюмъ тутъ пришелся какъ нельзя болѣе кстати: дѣйствующимъ лицамъ эпохи Августа очень къ лицу краснорѣчіе софизмовъ и разсудительность возвышен-

ныхъ чувствъ. Хотя критика особенно восхваляетъ въ этой новеллѣ умѣнье Боккачіо соблюдать историческую вѣрность, мѣстный колоритъ разсказа, но неудивительно, что писатель, открывавшій поколѣніе гуманистовъ, хорошо былъ знакомъ съ пріемами классической рѣчи и съумѣлъ лицъ, одѣтыхъ въ античный костюмъ, заставить говорить по правиламъ риторики. Тутъ его увлекало подражаніе античнымъ образцамъ краснорѣчія, преимущественно латинской литературы, и повѣсть его проникнута идеализмомъ уже не рыцарскимъ, а гуманистическимъ, основаннымъ на изученіи произведеній отжившихъ, вполнѣ оторванныхъ отъ реальной почвы. Понятно поэтому, что достоинствъ Боккачіева повѣствованія здѣсь слѣдуетъ искать не въ томъ обаяніи художественной правды, которымъ такъ привлекательны его новеллы —анекдоты, а въ томъ преобладаніи риторическаго таланта, которое такъ высоко цѣнилось начинавшимся въ Италіи вѣкомъ возрожденія. Боккачіо во всѣхъ новеллахъ этого дня, а особенно въ повѣсти о Тито и Джизиппо, является строго логическимъ проповѣдникомъ, неуклонно стремящимся доказать, защитить свою идею. Уже по самому содержанію «Натана» можно видѣть, что дѣйствующія лица не могутъ вести тутъ того оживленнаго натуральнаго діалога, какой разсказчикъ съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ воспроизводитъ въ новеллахъ другого отдѣла. Здѣсь разговоръ ведется по пунктамъ: одинъ доводъ защищается однимъ, опровергается другимъ; здѣсь идутъ обсужденія извѣстнаго вопроса, съ доказательствами за и противъ него, со всѣми діалектическими ухищреніями разсудочной работы: это, конечно, не вноситъ ни теплоты, ни естественности въ разсказъ; за то всякая мысль раскрывается съ возможною полнотой. Правда, манеру эту можно указать въ «Декамеронѣ» почти всюду, гдѣ рѣчь не идетъ о будничныхъ предметахъ; бо́льшею частію чувства выражаются у Боккачіо закругленными благозвучными періодами. Но это вліяніе гуманизма сказывается только во внѣшней формѣ рѣчи, въ ея монотонной періодичности и тутъ, гдѣ краснорѣчіе выдвигается въ защиту извѣстнаго идеала, эти пріемы риторики не только примѣняются въ самыхъ неограниченныхъ размѣрахъ, но занимаютъ первое мѣсто въ повѣсти. Недаромъ Боккачіо считается образцовымъ ораторомъ и критики рекомендуютъ сравненіе этой новеллы съ сочиненіемъ Цицерона о дружбѣ. Въ самомъ дѣлѣ, гибкость его мысли и изложенія замѣчательна: онъ съ неподражаемымъ мастерствомъ умѣетъ обставить свою главную мысль доводами и доказательствами, выводами и заключеніями, которые развиваются въ цѣлыя цѣпи развѣтвленныхъ предложеній,

а затѣмъ выразить эту мысль въ цѣльной, законченной рѣчи, лучшимъ образцомъ которой служитъ оправдательная рѣчь Тито. Разумѣется, краснорѣчіе идеальной тенденціи не замѣняетъ реализма дѣйствія, и повѣсть, такъ высоко цѣнимая современниками, не можетъ теперь не казаться длинною и скучною. Притомъ же и идеализмъ ея глубоко не затрогиваетъ, не проникаетъ собою дѣйствительной жизни. Мы видѣли въ повѣсти о Натанѣ, что рыцарскіе идеалы возникали въ мірѣ фантазіи, отвѣчали порывамъ человѣческой мысли, убѣгавшей въ область невыполнимой мечты отъ грустной дѣйствительности. Тотъ же обезпочвенный идеализмъ, вмѣстѣ съ вліяніемъ пробуждающагося гуманизма, съ его риторической выправкой ума, встрѣчаемъ мы и въ новеллѣ о Тито. Наполняя разсказъ разсужденіями о нравственныхъ вопросахъ, разсказчикъ за тенденціоннымъ резонированіемъ какъ будто не видитъ, что онъ стоитъ на той грубой почвѣ всякихъ «женскихъ» продѣлокъ, какъ и въ новеллахъ исключительно комическаго направленія. Основа интриги, великодушная хитрость друга, не есть ли въ сущности самая грубая «beffa», наглая продѣлка надъ женщиной, которою друзья распорядились какъ вещью? Въ самомъ дѣлѣ, откинемъ подкладку самопожертвованія, высокой дружбы, всѣ тѣ софистическія измышленія въ родѣ обвиненія фортуны, которыми оправдывается ораторъ,—и передъ нами голый фактъ лжи и обмана, полнаго неуваженія къ женщинѣ, къ семьѣ. Подъ идеалами благородства и величія души скрывается такая же грубость необузданной страсти, какъ и въ флорентійской повѣсти, а слѣдовательно, и такое же, какъ и тамъ, отсутствіе крѣпкаго семейнаго начала, полное игнорированіе человѣческаго достоинства женщины. Если утонченная сантиментальность рыцарства, его платоническое обожаніе не внушали къ женщинѣ уваженія и легко мирились съ грубымъ взглядомъ на нее средневѣковыхъ повѣствователей, то понятно, что и писатель-гуманистъ, который такъ тонко анализируетъ душевную борьбу своихъ героевъ, такое значеніе придаетъ всѣмъ высокимъ чувствамъ, въ свое время стоитъ вполнѣ на общемъ уровнѣ развитія, когда въ основу знаменитой новеллы кладетъ мысль, что во имя высоко-идеальной дружбы женщиною какъ вещью хозяинъ распоряжается по произволу.

Эту зависимость геніальнаго поэта отъ создавшей его эпохи еще яснѣе можно видѣть въ послѣдней новеллѣ «Декамерона», въ 10-мъ разсказѣ 10-го дня. Это — повѣсть о «кроткой Гризельдѣ», быстро распространившаяся въ европейскихъ литературахъ и почерпнутая авторомъ изъ обще-европейскаго повѣство-

вательнаго матеріала. Что вѣкъ гуманизма не оскорбился содержаніемъ разсказа, въ которомъ унижалась женщина во имя деспотической власти мужа, видно изъ того, что «пѣвецъ Лауры» Петрарка, этотъ всемірный литературный авторитетъ своего времени, перевелъ повѣсть на латинскій языкъ, чтобы доставить ей большую извѣстность. Правда, онъ высоко цѣнилъ художественную форму, живой и увлекательный разсказъ, достоинства слога и изложенія, точно такъ же, какъ онъ высоко ставилъ въ этомъ отношеніи описаніе чумы, которымъ открывается «Декамеронъ»; но, во всякомъ случаѣ, повѣсть, благодаря однимъ внѣшнимъ достоинствамъ, не достигла бы такой популярности, еслибы не соотвѣтствовала господствующему воззрѣнію на семью и женщину.

Давно тому назадъ, изъ маркизовъ Салуццкихъ старшимъ въ родѣ былъ одинъ молодой человѣкъ, по имени Гвальтьери. Онъ не имѣлъ ни жены, ни дѣтей и проводилъ все время на охотѣ, нисколько не заботясь о продолженіи своего рода. Вассалы его, между тѣмъ, очень о томъ безпокоились и упрашивали его жениться, но онъ не хотѣлъ, говоря, что очень трудно найти жену съ характеромъ, ему подходящимъ, а безъ этого нѣтъ счастья въ семьѣ. Наконецъ, чтобъ никого не винить въ случаѣ неудачнаго выбора, онъ объявилъ, что выберетъ себѣ жену по вкусу, съ тѣмъ только, чтобъ ее почитали какъ подобаетъ маркизѣ, кто бы она ни была. Вассалы на все согласились, лишь бы только онъ женился. Гвальтьери нравилась одна молодая дѣвушка, изъ сосѣднихъ крестьянокъ, и, чтобъ не искать дальше, онъ рѣшилъ жениться на ней; поговоривши съ ея отцомъ, онъ просилъ вассаловъ быть чрезъ нѣсколько дней готовыми къ свадьбѣ, такъ какъ онъ нашелъ себѣ невѣсту по сердцу. Затѣмъ онъ заказалъ роскошный пиръ, созвалъ множество гостей, приготовилъ большое приданое и въ назначенный для свадьбы день, въ сопровожденіи всѣхъ гостей, направился къ невѣстѣ. Подъѣхавши въ деревнѣ къ дому избранной дѣвушки, всѣ увидали, что она ходила за водой и спѣшила идти смотрѣть на свадебный поѣздъ. Гвальтьери одинъ вошелъ въ домъ, и въ присутствіи отца спросилъ дѣвушку, будетъ ли она, если выйдетъ за него замужъ, стараться во всемъ угождать ему, во всемъ слушаться его, не обижаться, что́ бы онъ ни говорилъ и ни дѣлалъ, и т. п.; на все дѣвушка отвѣчала согласіемъ. Тогда Гвальтьери вывелъ ее къ своимъ провожатымъ, велѣлъ тутъ же раздѣть и затѣмъ во все новое одѣть ее съ ногъ до головы, на непричесанные волосы надѣть его корону, и объявилъ удивленной публикѣ, что она его невѣста. Отпраздновавши такую богатую свадьбу, какъ-

будто женился на дочери французскаго короля, Гвальтьери зажилъ очень счастливо; Гризельда измѣнилась вмѣстѣ съ своимъ положеніемъ: она стала такъ привѣтлива, любезна и умна, какъ будто родилась дочерью самаго высокопоставленнаго лица; по отношенію къ мужу она была какъ нельзя болѣе услужлива и послушна, а къ вассаламъ такъ милостива и добра, что они не могли нахвалиться выборомъ своего господина, которымъ сперва были такъ поражены. У Гризельды родилась дочь. Гвальтьери былъ очень радъ, только вздумалъ теперь испытать терпѣніе жены. Онъ сталъ прикидываться сердитымъ и говорилъ, что подданные его очень негодуютъ на его бракъ и на то, что у ней родилась дочь. Гризельда, не мѣняясь ни въ лицѣ, ни въ обращеніи съ нимъ, отвѣчала, что будетъ довольна, какъ бы онъ ни поступилъ съ нею, потому что помнитъ, что не заслужила такой чести, которою онъ ее удостоилъ. Черезъ нѣкоторое время къ ней вошелъ слуга отъ мужа и объявилъ, что ему приказано отнять у ней ребенка и — дальше онъ не могъ ничего сказать. Видя его опечаленное лицо и вспоминая слова мужа, Гризельда догадалась, что дочку ея хотятъ убить, вынула ее изъ колыбели, поцѣловала, благословила ее и отдала слугѣ, сказавши только, несмотря на все горе, которое испытывала: «возьми, дѣлай, что велѣлъ тебѣ мой и твой господинъ, только не оставляй ее на растерзаніе звѣрямъ и птицамъ — если онъ этого не приказывалъ!» Мужъ не могъ надивиться такому послушанію, отослалъ ребенка къ родственницѣ въ Болонью, велѣлъ хорошенько воспитать ее, никому не говоря, кто она и откуда. У Гризельды родился сынъ. Мужъ опять ссылается на ропотъ подданныхъ, недовольныхъ теперь будто тѣмъ, что надъ ними будетъ властвовать внукъ крестьянина, — опять отнимаетъ ребенка и отсылаетъ въ Болонью. Жена переноситъ это испытаніе такъ же твердо, какъ и первое. Гвальтьери, зная, какъ горячо любитъ она дѣтей, не можетъ надивиться ея терпѣнію, тѣмъ болѣе, что всѣ негодуютъ на него, думая, что онъ убилъ дѣтей, а она одна защищаетъ его, говоря, что онъ имѣетъ полное право распоряжаться съ дѣтьми по произволу. Прошло много лѣтъ съ рожденія дѣтей: Гвальтьери подумалъ, наконецъ, что настало время сдѣлать окончательное испытаніе. Онъ объявляетъ всѣмъ, что сожалѣетъ о своемъ бракѣ съ простой крестьянкой: тогда онъ поступилъ опрометчиво, теперь онъ раскаивается, проситъ у папы развода и позволенія жениться на другой. Когда Гризельда услыхала, что ей придется вернуться въ домъ отца и опять пасти овецъ, а другая женщина замѣ-

нить ее при нѣжно-любимомъ мужѣ,— она сильно опечалилась, но рѣшила выдержать и это горе такъ же мужественно, какъ разлуку съ дѣтьми. Потому, когда Гвальтьери показалъ ей поддѣльную бумагу о разводѣ и сказалъ, что онъ хочетъ выбрать жену равную себѣ, а она можетъ взять приданое, которое принесла, и вернуться къ отцу, Гризельда сдержала слезы и отвѣчала, что всегда помнила свое происхожденіе, знала, что мужъ далъ ей положеніе въ обществѣ,—онъ же воленъ и отнять его. Она уходитъ изъ дому мужа безо всякой одежды, такъ какъ въ приданое она ничего не принесла съ собой, и только выпрашиваетъ у Гвальтьери, какъ мать его дѣтей, одну рубашку, чтобъ дойти до дому отца. Но и этого испытанія было мало. Когда Гризельда вернулась къ своей прежней жизни, Гвальтьери велѣлъ ей придти къ нему и приготовить въ домѣ все нужное для свадьбы; она должна была позвать гостей и, какъ хозяйка, принять невѣсту. Горько было бѣдной женщинѣ, но она тщательно все исполнила и любезно принимала гостей въ своемъ крестьянскомъ нарядѣ,—Гвальтьери не дозволилъ ей и на этотъ разъ надѣть его платье. А между тѣмъ привезли изъ Болоньи дѣтей Гризельды; дѣвочкѣ-красавицѣ было лѣтъ 12, а мальчику лѣтъ 7. Гвальтьери дочь свою выдавалъ за знатную, ожидаемую имъ невѣсту и она торжественно была введена въ его домъ. Гризельда ласково приняла ее, всѣ любовались красотой невѣсты, а Гризельда хвалила ее больше всѣхъ. Тутъ только вполнѣ убѣдился Гвальтьери въ покорности жены и нашелъ, что настало время вознаградить ее за всѣ испытанія. Подозвавши ее, онъ спросилъ, какъ ей нравится его невѣста. Она отвѣчала, что очень нравится, и просила его не подвергать ее тѣмъ оскорбленіямъ, которыя испытывала первая жена, потому что эта еще очень молода и воспитана иначе, чѣмъ та, которая съ молоду привыкла ко всякимъ лишеніямъ. Гвальтьери, видя, что обманъ его хорошо сыгранъ, посадилъ ее рядомъ съ собою, объяснилъ ей, какъ онъ доволенъ ея поведеніемъ, примѣрнымъ для всѣхъ женъ, и представилъ ей дѣтей, которыхъ она считала погибшими. Съ этой поры они зажили въ полномъ счастіи и довольствѣ.

Къ чему же, спрашивается, надо автору описывать это возмутительное систематическое терзаніе женскаго сердца? эти страданія, вызываемыя однимъ капризомъ и въ сущности ничѣмъ не вознаграждаемыя? Разсказчикъ самъ называетъ образъ дѣйствія Гвальтьери matta bestialita — безумнымъ звѣрствомъ; но онъ имѣетъ тутъ цѣлью создать идеалъ примѣрной жены, идеалъ всепрощающей кротости, и при этомъ невольно сказывается, что

мужъ — властелинъ надъ женою, какъ надъ безотвѣтной рабой. И здѣсь, слѣдовательно, изъ-за высокаго идеала добродѣтели глядитъ грубый реализмъ тогдашней жизни. Обработывая сюжетъ, уже жившій въ народной фантазіи, Боккачіо и образъ женщины рисовалъ вполнѣ соотвѣтствовавшій современному міровоззрѣнію; а образованная Европа, умиляясь передъ идеаломъ и наслаждаясь латинскимъ пересказомъ изящной повѣсти, какъ-бы не видала той унизительной роли, какую въ ней играла жена и мать семьи; гуманисты, въ лицѣ самого Петрарки, соглашались съ тѣмъ взглядомъ на женщину, который выработался въ эпоху мало-развитой общественности. Неудивительно, если и Боккачіо, посвящая женщинамъ свой сборникъ фривольныхъ разсказовъ, стоялъ вполнѣ на точкѣ зрѣнія того народа, изъ первобытнаго творчества котораго онъ черпалъ эти разсказы. Какъ близокъ «Декамеронъ» къ этому источнику, мы уже видѣли на 7-мъ днѣ, на темѣ женской злобы и хитрости; въ повѣсти о Гризельдѣ Боккачіо имѣлъ дѣло съ сюжетомъ также издавна близкимъ народу. Критики «Декамерона», указывая на спутанность свидѣтельствъ о происхожденіи этой новеллы, предполагаютъ, что въ основѣ ея лежитъ истинное событіе, сохраненное народными преданіями; въ французскихъ фабліо существуетъ точно такой же разсказъ о «Griselidis», но его первый источникъ неизвѣстенъ; затѣмъ наша извѣстная сказка — «Дочь пастуха» (Аѳанасьева, «Русск. народн. сказки», III, 206) описываетъ — въ сокращенной формѣ, но во всѣхъ перипетіяхъ сходную съ Гризельдой — судьбу крестьянки замужемъ за царемъ. Наконецъ, Петрарка писалъ Боккачіо, по прочтеніи этой новеллы, что онъ раньше слыхалъ о Гризельдѣ и ея судьбѣ; очевидно, что это — сюжетъ давно знакомый народному уму: если тема невинно угнетаемой женщины — падчерицы, оклеветанной жены — породила множество сюжетовъ въ народной литературѣ, начиная съ легендъ о Женевьевѣ и кончая волшебной сказкой о Сандрильонѣ, то нельзя ли къ этому циклу сказаній о женской кротости и терпѣливости, — сказаній, ведущихъ свое начало изъ древнихъ источниковъ космогоническаго миѳа, отнести происхожденіе и этого сюжета Боккачіевой новеллы? Иначе трудно объяснить его огромную распространенность: трудно предположить, чтобъ онъ сталъ извѣстенъ во всей Европѣ, благодаря Боккачіевой обработкѣ; новелла должна была вызывать давно жившее въ памяти народа представленіе кроткой, безропотной жены, настолько же близкой ему, насколько извѣстенъ въ народныхъ сказкахъ идеалъ злой жены, жены упрямой спорщицы. Не удивительно потому, что

новелла быстро пріобрѣла популярность: уже въ XIV-мъ вѣкѣ во Франціи насчитываютъ до 20 редакцій этого разсказа; затѣмъ она появилась и на французской сценѣ, и въ 1548 году была напечатана, подъ заглавіемъ: «Mystère de Griselidis». Въ Англіи Чоусеръ перевелъ ее въ своихъ «Кентерберійскихъ сказкахъ», въ разсказѣ Клерка, оксфордскаго студента. Въ Италіи она 6 разъ передѣлывалась на драмы.

Такимъ образомъ, въ послѣднемъ днѣ разсказовъ, Боккачіо хотя и проводитъ идеалы, чуждые дѣйствительнаго быта, но остается вѣренъ первоначальнымъ основамъ того повѣствованія, которое породило итальянскую новеллу. Несмотря на искусственный идеализмъ, онъ и тутъ долженъ пользоваться тѣмъ отдѣломъ обще-европейскаго средневѣковаго матеріала, который опредѣляется самымъ терминомъ «nuovo», «novella», и ему онъ придаетъ образцовую художественную форму. Въ непередаваемой гармоніи внутренняго содержанія и внѣшней формы заключается неумирающее значеніе всякаго истинно-высокаго произведенія искусства, заключается и значеніе сборника фривольныхъ сказокъ, «Декамерона», одѣвающаго разнообразныя проявленія современной ему мысли формою изящнаго разсказа.

X.

Мы видѣли, въ чемъ заключается характерное содержаніе многихъ новеллъ «Декамерона»,—посмотримъ теперь, какія художественныя особенности повѣсти оно вызвало. Для это вернемся нѣсколько назадъ и окинемъ общимъ взглядомъ тѣ десять отдѣловъ, на которые распадается «Декамеронъ». — Геніальный художникъ создаетъ новую форму для литературнаго матеріала, издревле созданнаго первобытнымъ творчествомъ народа и разсѣяннаго по всей средневѣковой Европѣ: его новелла представляетъ собою художественное завершеніе тѣхъ произведеній народнаго ума, которыя имѣютъ разныя названія: сказки, странствующаго разсказа, повѣсти, анекдота, загадки. Этотъ отдѣлъ повѣствованія имѣетъ предметомъ реальный конкретный фактъ дѣйствительности, вымысла или преданія: онъ не задается никакими идеальными цѣлями, вѣрнѣе—не имѣетъ никакого отношенія ни къ религіознымъ, ни къ героически-воинственнымъ настроеніямъ народа. Отъ этого роль подобнаго повѣствованія въ общемъ вліяніи словеснаго искусства на народный умъ — совершенно второстепенная: повѣсть-сказка не уноситъ мысли отъ

земли, не возвышаетъ помысловъ и желаній въ душѣ человѣка, не двигаетъ его къ совершенію подвига, къ достиженію высокаго идеала; она довольствуется тѣмъ, что забавляетъ, тѣшитъ фантазію художественными представленіями; она вызываетъ извѣстную работу мысли, представляя уму загадку, остроумное словцо (въ анекдотѣ), мѣткое замѣчаніе или (въ болѣе развитомъ повѣствованіи-сказкѣ, разсказѣ) загадочное, выдающееся, не совсѣмъ обыкновенное приключеніе, или (въ анекдотическомъ разсказѣ) догадливость, находчивость на дѣлѣ, остроумную продѣлку, ловкій обманъ. Если подобныя задачи литературнаго произведенія можно назвать «комическими», то цѣль новеллы и есть *комизмъ*,—но, разумѣется, въ самомъ обширномъ значеніи слова. Комизмъ ведетъ за собою и реальность въ изображеніи предметовъ. Вотъ почему новелла, сообразно съ цѣлями первобытнаго повѣствованія, выростаетъ и совершенствуется на почвѣ реализма, подъ часъ столь же грубо-циническаго реализма, какъ циниченъ примитивный комизмъ, какъ грубы и нравственныя понятія молодого общества.

Итакъ, *реализмомъ* должна быть отмѣчена та повѣсть-сказка, повѣсть-анекдотъ, которая, возсоздавая конкретную сторону жизни, *внѣшнія* проявленія жизненныхъ отношеній, разсказываетъ все, что *ново*, изумительно и необычайно. Такой реалистическій характеръ лежитъ уже въ самомъ терминѣ «Novella», какъ онъ употребляется въ первомъ сборникѣ итальянскихъ новеллъ. Реализмомъ отмѣчена художественная повѣсть, созданная геніальнымъ разсказчикомъ, реализмомъ проникнуто все содержаніе, всѣ основные элементы разсказа въ «Декамеронѣ».

Мы видѣли, что тэма, преобладающая въ флорентійской повѣсти, носитъ характеръ вполнѣ буржуазный, *городской*. Главный ея предметъ—тонкость, остроуміе, въ чемъ бы оно ни проявлялось: въ ловкости ли обмана, мошенничества, преступленія, какъ во *2-омъ* днѣ разсказовъ—о счастливо-окончившихся приключеніяхъ; какъ въ *3-емъ*—о побѣжденныхъ препятствіяхъ въ достиженіи цѣли; какъ въ *7-мъ*, *8-мъ* и отчасти *9-омъ*—объ обманахъ и насмѣшкахъ въ области семейныхъ и любовныхъ отношеній; или въ изобрѣтательности насмѣшливыхъ шутокъ, шалостей, проказъ и болѣе или менѣе невинныхъ продѣлокъ, какъ мы видѣли образцы въ *1-омъ*, *2-омъ*, *8-омъ* и *9-омъ* днѣ «Декамерона»; наконецъ, въ силѣ и мѣткости отдѣльныхъ замѣчаній, отвѣтовъ, тѣхъ «bons mots», которымъ исключительно посвященъ весь *6-ой день* и большая часть новеллъ *1-го дня*. Обильный матеріалъ этотъ давался новеллисту фантазіею его народа: если

въ «Декамеронѣ», особенно въ отдѣлѣ этихъ сюжетовъ, обыкновенно указываютъ на заимствованія изъ фабліо, изъ этихъ или иныхъ сборниковъ повѣствованія, то гораздо удобнѣе тутъ предположить прямое пользованіе не этими источниками, — флорентинецъ могъ быть вовсе незнакомъ съ вольными произведеніями французскихъ разсказчиковъ, съ тѣми остро-анекдотическими мотивами, которыми богата память народа и которые одинаково сказались, какъ въ сѣверной германской сказкѣ, какъ у автора фабліо, такъ и у итальянскаго новеллиста. Это содержаніе, вытекавшее изъ самыхъ основныхъ потребностей народной мысли, затрогивало и тѣ близкіе народу вопросы, которые соприкасаются съ его ежедневнымъ существованіемъ, поддерживаются всѣмъ вольнымъ бытомъ небольшой городской общины. Мы видѣли, въ чемъ состоялъ *реализмъ* въ обработкѣ этого матеріала: мы видѣли, какъ для будничной темы ловкаго мошенничества или смѣшной продѣлки, авторъ могъ брать черты окружавшей его дѣйствительности; какъ для повѣсти, ведущей свое происхожденіе изъ далекой старины, характеры и типы онъ списывалъ прямо съ природы. Мы видѣли, какая полнота, яркость и рельефность картины, какія художественныя достоинства новеллы зависѣли отъ этой непосредственной близости ея къ жизни народа. Эта близость обусловливала и ея темныя стороны—ея цинизмъ, отражавшій всю грубость общественныхъ нравовъ. Такимъ образомъ, если новелла требовала, съ одной стороны, извѣстнаго художественнаго матеріала, который былъ у всей Европы, а съ другой стороны—той среды, гдѣ бы этотъ матеріалъ служилъ выраженіемъ господствующаго въ обществѣ настроенія, то понятно, почему новелла родилась въ Италіи, у народа, носившаго еще въ себѣ черты *римскаго* характера; у латинской расы, не создавшей цѣльной, величественной эпопеи; среди городскихъ общинъ, не знавшихъ надъ собою феодальной власти, рыцарскихъ правъ; въ той торговой республикѣ, которая рано прославилась своимъ дипломатическимъ, тонко-насмѣшливымъ умомъ.

Такое же участіе въ «Декамеронѣ» народной жизни, видимъ мы и въ другихъ элементахъ его содержанія. Всѣ разсказчики всѣхъ временъ и народовъ знаютъ благодарную тему *любовныхъ исторій;* ей Боккачіо посвящаетъ два дня разсказовъ. И въ нихъ онъ вполнѣ остается вѣренъ своимъ первымъ источникамъ: сюжеты его трагическихъ новеллъ хранятся въ народныхъ преданіяхъ, въ мѣстныхъ сказаніяхъ; онъ вѣренъ и духу своего времени: какъ исторію женской невѣрности, грязной продѣлки, онъ могъ возсоздавать вполнѣ реально, сообразуя комическія

цѣли съ грубостью существующихъ нравовъ; такъ точно, рисуя сильные аффекты, неумѣренныя проявленія страсти, онъ видѣлъ и въ дѣйствительности ту молодость физическихъ силъ, страстность темперамента, которую исторія указываетъ намъ не только въ XIV-мъ, но и въ позднѣйшихъ столѣтіяхъ. Оттого любовь въ «Декамеронѣ», т.-е. въ тѣхъ новеллахъ его, гдѣ она заслуживаетъ названіе сердечнаго чувства, любовь рисуется крайне цѣльной, несложной страстью, всѣ затрудненія которой рѣшаются смертью, или устраняются оборотомъ фортуны. Являясь здоровымъ психическимъ процессомъ, не допуская никакихъ внутреннихъ осложненій, любовь эта не можетъ, какъ въ нашихъ романахъ, наполнять собою содержаніе разсказа, не можетъ сама по себѣ придать интересъ и разнообразіе интригѣ, особенно когда завершается благополучнымъ исходомъ. Потому разсказчику нужно было въ любовную исторію вводить чисто внѣшнія, постороннія чувству, *приключенія;* а тутъ ему опять помогала народная фантазія, давая ему сказочные вымыслы.

Ихъ мы находимъ во второмъ и пятомъ днѣ разсказовъ. Эти приключенія—игра случая, нечаянность судьбы, похожденія на морѣ и на сушѣ, у разбойниковъ и корсаровъ, у сарацинъ и при дворѣ восточныхъ султановъ. Тутъ въ новеллѣ дѣйствуютъ излюбленныя народной сказкой мотивы, описывающіе судьбы угнетенной невинности, оклеветанной жены царедворца, впавшаго въ немилость. Тутъ дѣйствуютъ и мотивы поздне-греческой беллетристики, претворенные и усвоенные средневѣковыми народами. Составляя или всю основу новеллы, какъ въ разсказахъ о счастливо-окончившихся приключеніяхъ, или вводя въ любовную исторію, какъ второстепенный ея мотивъ, ради разнообразія и интереса, и этотъ элементъ разсказа имѣетъ несомнѣнно реальное происхожденіе, зиждется на народномъ опытѣ, сохраняющемъ память о разныхъ перипетіяхъ, какъ дальняго пути, такъ и войны съ далекими племенами. Такъ какъ эта область народныхъ вымысловъ близко соприкасалась съ любовной повѣстью, то тутъ новеллисту не приходилось вовсе затрогивать нравственной стороны человѣческихъ отношеній, вдаваться въ анализъ ихъ душевной жизни; точно также и въ области городскихъ сюжетовъ, гдѣ «beffa», насмѣшка составляетъ основу разсказа, новеллистъ какъ-будто игнорируетъ законы нравственности, радуясь торжеству остроумія; онъ списываетъ съ дѣйствительности, не задаваясь никакими идеалами. Но и въ «Декамеронѣ» она чувствуетъ потребность выставить, наконецъ, какой-нибудь идеалъ, провести мораль, хотя бы и не ту церковно-аскетическую мораль

среднихъ вѣковъ, краснорѣчивымъ протестомъ противъ которой являлась бойко-насмѣшливая новелла. И вотъ въ послѣднемъ отдѣлѣ сборника, въ разсказахъ на тэму щедрости и великодушія, Боккачіо выше чувственной страсти, выше произвола, выше остроумія прославляетъ тѣ высокія чувства, которыя стоятъ во главѣ рыцарскаго кодекса морали. На содержаніи всѣхъ новеллъ 10-го дня мы имѣли возможность убѣдиться, какъ отвлеченны и прозрачны были тѣ высокіе идеалы, изъ-за которыхъ глядѣла современная жизнь. Мы видѣли, что *эти* нравственныя чувства не могли вылиться въ такой же ясной и цѣльной формѣ, какъ болѣе реальные сюжеты: автору потребовалась риторика, краснорѣчіе, потому что какъ только въ идеальной новеллѣ выступалъ реальный фактъ, такъ онъ расходился, если не съ идеализмомъ автора, то съ общечеловѣческою нравственностью; вспомнимъ самопожертвованіе Натана во имя гостепріимства, обманъ Софроніи во имя высокой дружбы; разсказчику голый фактъ вѣроломства приходилось защищать помощью искусственно-риторическихъ построеній, потому что идеалы его возникали въ фантастической сферѣ рыцарскихъ и гуманистическихъ мечтаній. Не проникая въ жизнь, не находя въ ней законнаго себѣ примѣненія, идеалы эти и въ поэзіи не выразились никакимъ вполнѣ художественнымъ произведеніемъ. Поэтому новелла, воплощая ихъ, покидаетъ реальную почву, и теряетъ тѣ художественныя достоинства, которыя обусловливаютъ значеніе «Декамерона» въ европейской литературѣ. Тамъ, гдѣ авторъ довольствуется художественнымъ, разумѣется, не чуждымъ идеализаціи—воспроизведеніемъ жизни, тамъ его главный предметъ, его первая забота *внѣшнія событія*, конкретные факты, которые онъ и возсоздаетъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Но разъ онъ вдается, какъ въ 10-мъ днѣ разсказовъ, во внутреннюю исторію человѣка, касается его душевной жизни, онъ хотя и оказывается часто великимъ знатокомъ нашей природы, но въ цѣломъ фальшивитъ: онъ вноситъ разсудочную дѣятельность въ дѣло чувства и страсти и потому является не непосредственнымъ художникомъ, а риторически-краснорѣчивымъ проповѣдникомъ устарѣвшаго идеализма.

Итакъ, содержаніе Боккачіевой повѣсти сводится, собственно говоря, къ очень немногимъ тэмамъ. Это, во-первыхъ, *городскіе* сюжеты съ преобладаніемъ ловкости и всяческаго остроумія; затѣмъ *любовныя* исторіи съ изобиліемъ внѣшнихъ приключеній; *сказочныя* похожденія на морѣ и на сушѣ, и, наконецъ, воплощенія *рыцарской* доблести. Рисуя въ этихъ немногочисленныхъ тэмахъ всякія житейскія отношенія, Боккачіо выводитъ въ «Де-

камеронѣ» множество самыхъ разнообразныхъ сословій, положеній, типовъ, характеровъ, яркіе образы которыхъ проникнуты неподдѣльною правдивостью. Въ этомъ воспроизведеніи жизни новеллистъ держался яснаго и иногда черезъ-чуръ широкаго взгляда на вещи. Не омраченный никакими предубѣжденіями, предвзятыми цѣлями, насмѣшливый разсказчикъ видѣлъ и темныя, грустныя стороны окружавшей его дѣйствительности; а обличеніе этихъ сторонъ выходило тѣмъ ярче и сильнѣе, чѣмъ меньше въ немъ было преднамѣренной сатиры; въ изображеніи жизни онъ руководствовался непосредственнымъ знакомствомъ съ нею, тѣми наблюденіями, которыя въ душѣ поэта принимаютъ форму опредѣленныхъ художественныхъ образовъ. Раздѣляя всѣ настроенія своего времени, онъ искренно выражалъ ихъ, нигдѣ не подводя ихъ насильственно подъ какія-либо чуждыя имъ соображенія и желанія. Разсказывалъ ли онъ за быль древнее, еще быть можетъ миѳическое, равеннское преданіе о наказаніи гордой женщины за ея недоступность въ любви, онъ не имѣлъ въ виду никакого закона нравственнаго или семейнаго; его интересовалъ краснорѣчивый фактъ самъ по себѣ, какъ мысль жестокаго наказанія за жестокость причиненныхъ любовью страданій; а тотъ Дантовскій образъ, которымъ воображеніе эпохи одѣло эту мысль, явился у разсказчика непроизвольно, какъ воплощеніе извѣстнаго настроенія въ обществѣ, но не какъ иллюстрація какого-либо правила или закона. Разсказывалъ ли онъ продѣлки чувственнаго духовенства, обличеніе лежало внѣ его прямыхъ цѣлей: интрига существовала для разсказчика только изъ-за своей комической стороны. Правда, въ послѣднемъ отдѣлѣ «Декамерона» Боккачіо выставляетъ извѣстные нравственные идеалы, но они оказались блѣдны и слабы въ сравненіи съ идеалами, ставившими успѣхъ, торжество ума выше религіозно-нравственныхъ интересовъ.

Это отсутствіе тѣсно ограниченнаго идеала, широта взгляда, дѣлаютъ Боккачіо однимъ изъ первыхъ людей новаго времени, снявшихъ оковы средневѣкового міросозерцанія съ вольной мысли человѣчества. Какъ родоначальникъ въ наукѣ того движенія мысли, которое подготовило реформацію, Боккачіо въ «Декамеронѣ» даетъ намъ самую вѣрную картину своей эпохи, со всею искренностью воспроизводя все, что́ жило въ фантазіи народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта широта взгляда, непосредственность и непроизвольность наблюденія, не только придаютъ «Декамерону» цѣнность *историческаго* памятника, но обусловили и его *художественное* значеніе. Воссозданіе прошлой жизни, какъ бы далека эта жизнь ни была—проникнута ли она чуждымъ намъ духомъ эллинскаго

міра или средневѣковой общины, — только тогда будетъ полно для насъ живого интереса, когда подъ историческимъ костюмомъ авторъ укажетъ намъ природу, общую всему человѣчеству. А въ тѣхъ новеллахъ «Декамерона» — и ихъ можно насчитать не мало, — гдѣ насъ не отталкиваетъ ни ихъ цинизмъ, ни плоскость устарѣлаго остроумія, разсказъ Боккачіо всегда интересенъ, всегда дѣйствуетъ всѣмъ обаяніемъ истинной поэзіи. Намъ становятся близки и понятны, дороги, какъ живые, хорошо знакомые люди, герои его повѣстей; для насъ дышатъ полной жизнью и веселый монахъ-краснобай, и напыщенный ученостью и талантами, хвастливый и любопытный д-ръ Симоне, и всему вѣрящій, безконечно-глупый Каландрино. Давно исчезла та жизнь, сошла съ исторической сцены та эпоха, которая производила этихъ людей, и мы стали въ нихъ цѣнить не столько ихъ вѣрность своей эпохѣ, сколько вѣрность нашей обще-человѣческой природѣ. Въ «Декамеронѣ» мы имѣемъ наглядный примѣръ того, какъ создаются въ поэзіи живыя лица, какъ выборомъ немногихъ чертъ дѣйствительности выясняется типичная ситуація, рельефно выдѣляются очертанія предметовъ, — какъ не старѣютъ пріемы поэтическаго творчества. Поэтому «Декамеронъ», хотя и воспроизводитъ жизнь давно пережитую, отдѣленную отъ насъ цѣлыми вѣками, никогда не утеряетъ своей цѣнности какъ картина, списанная съ природы рукою великаго мастера. Конечно, тѣ темы, которыми довольствовался XIV вѣкъ, немыслимы для повѣствователя нашихъ дней; но что бы ни бралъ онъ предметомъ художественнаго разсказа, всегда «Декамеронъ» будетъ для него высокимъ образцомъ, потому что повѣствованіе только тогда поэтически дѣйствуетъ на человѣка, глубоко затрогиваетъ мысль и чувство, когда одѣто той художественной формой, которая у Боккачіо доведена до совершенства. Его повѣсть содержитъ въ себѣ, если вглядимся ближе въ ея построеніе, непреложные законы всякаго повѣствованія. Въ чемъ сказались эти законы, не трудно уяснить себѣ, разъ мы знаемъ содержаніе новеллы. Мы видѣли, что было цѣлью, твердо преслѣдуемою авторомъ во всемъ сборникѣ: — обращаясь къ одной фантазіи своей публики, разсказчикъ представлялъ ей только то, что было *ново* во всемъ широкомъ значеніи этого слова у итальянцевъ; все, что было оригинально, необычайно, интересно по остроумію или рѣдкости. Мы видѣли, что это *новое* лежало во *внѣшнихъ* обстоятельствахъ жизни, что новеллистъ рѣдко заглядывалъ въ тотъ глубокій міръ душевной и умственной жизни, который въ наше время поглощаетъ все вниманіе поэта. Затѣмъ это *новое* заключалось или въ событіи,

или въ отдѣльныхъ словахъ, отвѣтахъ и т. п.; въ первомъ случаѣ новелла приближалась къ сказкѣ, во второмъ—къ анекдоту; но и въ новеллѣ-сказкѣ преобладалъ анекдотическій характеръ: описываемое событіе вызывалось преимущественно остроумными замыслами обмана и насмѣшки; если въ новеллѣ-сказкѣ не дѣйствовала сердечная страсть, то въ ней огромную роль играла «beffa», — огромную сравнительно съ сказочнымъ мотивомъ тѣхъ случайностей, которыя не зависятъ отъ мысли и воли человѣка. А такое преобладаніе анекдотическаго содержанія, эти опредѣленные, тѣсно ограниченные сюжеты обусловили и законченность внѣшней формы.

Ту же *цѣльность и ясность плана* наблюдаемъ мы и въ новеллахъ на любовныя темы: мы видѣли, что въ нихъ разсказчика интересовало не столько самое чувство, сколько тѣ внѣшнія событія, которыми оно обставлялось; въ романическую исторію разсказчикъ не вносилъ ничего личнаго, субъективнаго, не задавался никакими вопросами соціальнаго или психологическаго свойства: его интересовало любовное приключеніе только необыкновенною, *новою* своею стороною. Бралъ ли онъ сюжетомъ несчастную любовь, трагизмъ которой заключается въ неравенствѣ общественныхъ положеній, онъ нисколько не касался «гражданскаго» мотива, соціальныхъ или нравственныхъ результатовъ разсказа: онъ цѣнилъ тотъ драматическій конфликтъ страстей, тѣ внѣшнія обстоятельства сюжета, которыя впослѣдствіи изъ новеллы о Гвискардо и Гисмондѣ (1-ая нов. 4-го дня) сдѣлали удобную фабулу многочисленныхъ трагедій. Если наши повѣствователи дѣлаютъ въ романѣ или повѣсти сердечное чувство основой фабулы, то мы знаемъ, что любовь нужна тутъ, чтобъ дать наиболѣе полную и вѣрную картину душевной жизни какъ у отдѣльныхъ единицъ, такъ и у цѣлаго общества. Нашъ вѣкъ критики, самонаблюденія и экспериментальнаго метода, и въ литературѣ ищетъ точнаго воспроизведенія душевныхъ процессовъ, если не разрѣшенія, то художественнаго объясненія вопросовъ, возникающихъ въ сложныхъ движеніяхъ чувства и мысли. Въ вѣкъ Боккачіо страсть не имѣла такого сложнаго характера, не видоизмѣнялась до неузнаваемости по индивидуальностямъ; любовь являлась цѣльнымъ, здоровымъ чувствомъ, не знавшимъ разнообразныхъ запутанныхъ комбинацій. Въ томъ романическомъ приключеніи, гдѣ страсть властвуетъ безраздѣльно, заглушая всѣ желанія и помышленія, вызывая трагическій исходъ своимъ неудержимымъ пыломъ, тамъ, естественно, не можетъ быть внутренней исторіи чувства: умираетъ ли герой отъ наплыва силь-

наго горя, отъ отчаянной, безнадежной любви, кончаетъ ли героиня самоубійствомъ при бездыханномъ трупѣ своего милаго,— всюду мы видимъ одно и то же простое, ничѣмъ не осложненное молодое чувство. Не зная внутренняго разнообразія, любовная исторія тогда только могла быть предметомъ новеллы, когда ознаменовывалась *новымъ* событіемъ, когда въ основѣ ея лежалъ опредѣленный фактъ, подъ-часъ невозможный и невѣроятный.

И это фактически-анекдотическое зерно, лежащее въ основѣ каждой новеллы, образовало тотъ крѣпкій остовъ, который писатель облекалъ плотью и кровью, создавая цѣльный живой организмъ художественнаго разсказа. Отыскать этотъ крѣпкій остовъ, опредѣляющій рѣзко-очерченную физіономію новеллы, не трудно: онъ дается самымъ заглавіемъ. Итальянская повѣсть не озаглавлялась, какъ наша, однимъ именемъ или двумя-тремя словами; обыкновенно въ заглавіи приводилось все содержаніе, напримѣръ (Nov. VIII 2-го дня): «Графъ Антверпенскій, будучи оклеветанъ, уходитъ въ изгнаніе и оставляетъ двухъ сыновей въ разныхъ мѣстахъ Англіи; возвратившись инкогнито изъ Ирландіи, находитъ ихъ благоденствующими; отправляется оруженосцемъ въ войско французскаго короля и, когда доказана его невинность, возвращается въ прежнее положеніе». Или (Nov. VII 4-го дня): «Симона любитъ Пасквино; находятся вмѣстѣ въ саду; Пасквино беретъ въ ротъ листъ шалфея и умираетъ; Симона взята подъ судъ и, желая показать судьѣ, отчего умеръ Пасквино, беретъ въ ротъ такой же листъ и такъ же умираетъ». Понятно, что сюжетъ, который своими общими очертаніями можетъ быть переданъ въ немногихъ словахъ заглавія, непремѣнно поведетъ за собою стройность размѣровъ въ новеллѣ. А это достоинство внѣшняго построенія можно найти даже въ томъ отдѣлѣ «Декамерона», гдѣ изобилуетъ краснорѣчіе: въ 10-мъ днѣ, въ длинной исторіи *о щедрости Натана* и то чувствуется, несмотря на массу діалектическихъ разсужденій и описаній чувствъ, опредѣленная фактическая подкладка: зерно пространнаго разсказа—въ попыткѣ молодого человѣка убить старика и въ самопожертвованіи послѣдняго.

Этотъ крѣпкій остовъ вызывалъ, въ свою очередь, и *эпически объективный* тонъ повѣствованія. Если разсказывая «исторію» художникъ не заботился ни о постановкѣ характеровъ, ни объ этюдѣ надъ замѣчательнымъ типомъ, ни о характеристикѣ нравовъ; если онъ старался заинтересовать публику точнымъ описаніемъ выдающагося случая внѣшней жизни, во всей ясности возстановить этотъ случай въ фантазіи читателя,—онъ могъ раз-

сказъ свой вести медленно, не торопясь. Надо ли ему приготовить слушателей къ поразительно-находчивому отвѣту, или привести къ благополучному исходу приключенія юноши, обойденнаго хитрой красавицей, онъ можетъ спокойно, по-долгу вырисовывать всякую мелочь, способствующую ясности и полнотѣ картины: онъ знаетъ, что планъ его намѣченъ въ самомъ сюжетѣ, канва дается ему фактически-анекдотическими рамками темы; и сколько бы онъ ни развивалъ содержанія этихъ рамокъ, разсказъ его всегда будетъ отличаться не только ясностью, но и сжатостью. Конечно, эпическій тонъ давался и отношеніемъ разсказчика къ своему сюжету: мы видѣли, что онъ мало интересовался результатами своихъ новеллъ; оставаясь вполнѣ индифферентнымъ къ нравственному значенію разсказа, новеллистъ не касался никакой злобы дня, никакой личной мысли; его обличеніе не подчинилось никакому предвзятому убѣжденію; смѣясь надъ духовенствомъ, онъ воспроизводилъ, что было *ново*, слѣдовательно—комично. Поэтому онъ вносилъ въ разсказъ только то, что́ способствовало или рельефности описываемой ситуаціи, или силѣ и успѣху сказаннаго слова, сыгранной шутки. Беретъ ли онъ сюжетомъ отвѣтъ хлѣбника Чисти слугѣ, посланному съ большой бутылью, чтобъ острота имѣла смыслъ и силу для слушателей, ему прежде всего необходимо характеризовать главнаго героя, хлѣбника; и вотъ, онъ тщательно описываетъ всѣ мельчайшія обстоятельства, вызывающія знакомство дворянина съ хлѣбникомъ, пространно разсказываетъ и то, что вызываетъ отвѣтъ, главную цѣль повѣсти; но, несмотря на детальность, разсказъ его быстро движется впередъ, потому что все въ немъ сводится къ общей характеристикѣ героя, въ которой находчивый отвѣтъ является какъ-бы главною и рѣшительною чертою. Хочетъ ли разсказчикъ въ новеллѣ о Гвидо Кавальканти напомнить слушателямъ древнюю истину, что дураки и невѣжды—тѣ же мертвецы,—онъ долго остановится на описаніи веселой жизни извѣстнаго кружка, подробно обрисуетъ ситуацію, встрѣчу, вызвавшую умную дерзость; а между тѣмъ, анекдотъ, разсказанный такъ обстоятельно, живетъ въ памяти читателя, какъ анекдотъ, т.-е. какъ нѣчто мѣтко и кратко сказанное; разсказъ представляется намъ сжатымъ потому только, что всѣ подробности и детали въ немъ клонятся къ полнотѣ картины, слѣдовательно и къ силѣ остроумнаго отвѣта.

Такимъ образомъ, анекдотическая цѣль разсказа вызывала и то качество новеллы, которое мы назовемъ *драматическою* живостью изложенія. Благодаря тому, что главный предметъ ея—

фактъ, дѣйствіе, совершающееся въ опредѣленный срокъ, каждая новелла представляетъ собою законченную драму, въ которой можно указать экспозицію, узелъ и развязку. Авторъ оттѣняетъ ту или другую черту въ характерѣ героя для того только, чтобъ выяснить дѣйствіе, подвинуть разсказъ впередъ; отсюда и правильность отношеній между характеристиками дѣйствующихъ лицъ и веденіемъ самаго дѣйствія. Въ нашихъ современныхъ романахъ, повѣстяхъ и разсказахъ въ большинствѣ случаевъ дѣйствующее лицо описывается въ ущербъ живости дѣйствія; а новеллистъ не интересовался своимъ дѣйствующимъ лицомъ, какъ типичнымъ явленіемъ, не изучалъ его какъ продуктъ извѣстныхъ жизненныхъ условій; оно ему было нужно, чтобъ воскресить въ фантазіи публики то *новое*, что служитъ предметомъ повѣсти. Отъ этого характеристика героевъ производится уже самымъ постепеннымъ веденіемъ дѣйствія, авторъ всегда тщательно мотивируетъ всѣ движенія и поступки лица: разсказываетъ ли онъ, какъ Каландрино ѣздилъ солить свинью и былъ обманутъ товарищами, или какъ онъ искалъ волшебный камень Эліотропію,— новеллистъ для ясности картины не упуститъ ни одной причины, ни одного побужденія, заставившаго его героя сдѣлать то или другое, и этими мелкими поступками онъ пластично выдѣлитъ данную личность. Надо ли ему показать, какъ насмѣшники провели глупца, онъ рядомъ послѣдовательныхъ фактовъ выставитъ на видъ всю глупость человѣка, и эти мелкіе факты, характеризуя личность, точнѣе мотивируютъ событія, а потому не задерживаютъ, но яснѣе выдѣляютъ общій ходъ дѣйствія.

Въ этомъ тщательномъ и подробномъ мотивированіи не заключается ли и реализмъ той повѣсти, которая впервые показала, какъ поэзіей создаются живыя лица, какъ описывается дѣйствіе, фактъ, хотя мелкій, незначительный, но зависящій отъ личныхъ, прирожденныхъ или выработанныхъ жизнью характеровъ? Поэтому-то «Декамеронъ», какъ ни далека намъ жизнь, его создавшая, всюду даетъ намъ чувствовать живое воспроизведеніе дѣйствительности: въ немъ насъ не отталкиваетъ фантастичность, вмѣшательство волшебства или божества; въ немъ люди зависятъ отъ своихъ инстинктовъ и желаній; въ немъ слышится земная жизнь съ ея страстями, въ ея *реальныхъ*, темныхъ и свѣтлыхъ проявленіяхъ.

Этотъ *художественный реализмъ*, простота, цѣльность и законченность построенія производятъ неумирающую красоту итальянской новеллы, заслужившей ея творцу славу геніальнаго разсказчика. Неудивительно, если красота эта не дѣйствуетъ на

читателя нашихъ дней съ тѣмъ обаяніемъ, которое доставило «Декамерону» такую популярность въ Европѣ XIV-го и послѣдующихъ вѣковъ: наше поэтическое чувство должно сильнѣе возбуждаться произведеніями современныхъ намъ повѣствователей-романистовъ, потому что въ нихъ мы всегда находимъ, болѣе или менѣе вѣрное, отраженіе тѣхъ настроеній и вопросовъ, которые интересуютъ и мучатъ наше время. Даже если мы постараемся, при чтеніи «Декамерона», забыть на время наши антипатіи къ идеаламъ буржуазнаго духа, такъ высоко ставившаго ловкость и успѣхъ, и къ тѣмъ искусственнымъ идеаламъ, которые, въ вѣкъ грубой силы, человѣчество выдвигало въ защиту нравственныхъ интересовъ, если мы остановимся на одной художественной сторонѣ новеллы, то и тутъ надо нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобъ прочувствовать то наслажденіе, которое поэтическій разсказъ долженъ былъ производить въ свое время. Въ нашъ вѣкъ чрезмѣрныхъ усилій и желаній, чрезмѣрной работы мысли, повѣсть не можетъ сохранять полной гармоніи эпическаго тона, точно такъ же, какъ рѣдкій писатель умѣетъ отрѣшиться отъ субъективной, болѣе или менѣе лихорадочной мысли своего времени; намъ трудно наслаждаться изящною формою повѣствованія, помимо его содержанія; намъ необходимо большое усиліе надъ собой, чтобъ вдуматься въ жизнь, создавшую новеллу, чтобъ оцѣнить ту художественность въ изображеніи будничныхъ явленій, которая такъ сближаетъ съ нами эту далекую, давнопрошедшую жизнь. Измѣнились и осложнились съ того времени всѣ условія умственной жизни, измѣнились въ корнѣ и наши требованія отъ поэзіи; но и теперь понятны тѣ типы, которые геніальный разсказчикъ увѣковѣчилъ въ изящномъ разсказѣ. Мы видѣли у Боккаччіо типъ ученаго дурака, болонскаго доктора Симоне, напыщеннаго своими знаніями и талантами; въ разсказѣ о томъ, какъ его дурачатъ насмѣшливые художники, такъ много чертъ мѣстной жизни, что онъ не понятенъ безъ комментарія; но и тутъ мы не можемъ не чувствовать всей жизненности и правдивости комическаго типа. Невольно чувствуется, что какъ бы далеко впередъ ни ушло человѣчество, какъ бы широко ни распространилось образованіе, глупецъ во всѣ времена выкажетъ одни и тѣ же свойства характера; если эти свойства станутъ со временемъ сложнѣе и запутаннѣе, насколько сложнѣе современная мысль, то и подъ ними проницательный глазъ художника увидитъ ту же основу глупости и самодовольства, какъ и въ докторѣ Симоне, и выведетъ этотъ типъ уже не въ наглой «beffa»

грубаго свойства, но въ очеркѣ иной жизни, иныхъ, болѣе тонкихъ и сложныхъ отношеній. Сдѣлать въ незамысловатомъ разсказѣ такой жизненный типъ—человѣкомъ живымъ, т.-е. одѣть его чертами, непосредственно взятыми изъ дѣйствительности, показать, слѣдовательно, какъ въ человѣкѣ, продуктѣ извѣстной среды и эпохи, проявляется его вѣчная, неизмѣняемая природа —составляетъ высшую заслугу Боккачіо. Умѣнье это—тайна художественнаго творчества, законы котораго такъ же неизмѣнны и непреложны, какъ непоколебимы тѣ основы обще-человѣческой природы, которыя оно воплощаетъ.—Въ наше время, когда критически-научные пріемы мысли играютъ такую большую роль даже въ художественной литературѣ, когда всякій, сколько-нибудь выдающійся, разсказчикъ долженъ быть психологомъ—въ наше время особенно полезно возвращеніе къ тѣмъ классическимъ произведеніямъ литературы, которыя многовѣковая работа исторіи признала образцовыми въ повѣствованіи. Въ виду новыхъ требованій отъ поэзіи, соотвѣтствующихъ запросамъ современной мысли,—въ виду, напр., такого явленія, какъ успѣхъ и популярность у французской, наиболѣе художественно развитой, публики романа, который наполненъ одними, не столько даже психологическими, сколько медико-физіологическими описаніями; въ виду этого пренебреженія къ законамъ творческой фантазіи, пренебреженія, оправдываемаго эстетическими теоріями—полезно мыслію обратиться къ прошлому, воплотившему жизнь въ образахъ, своей глубиной и правдивостью близкихъ самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Поэтому и Боккачіева новелла можетъ быть особенно интересна для нашихъ разсказчиковъ и ихъ критиковъ.

Правда, нашъ романъ по своей формѣ имѣетъ мало общаго съ итальянской новеллой: онъ выросъ и преобразовался изъ средневѣковой эпопеи, изъ тѣхъ длинныхъ разсказовъ о похожденіяхъ и приключеніяхъ рыцарей, обличительный примѣръ которыхъ мы имѣемъ въ Сервантесовомъ Донъ-Кихотѣ; по самому происхожденію своему романъ представляетъ собою болѣе высокій родъ повѣствованія, имѣетъ болѣе возвышенныя цѣли и болѣе широкое русло разсказа, чѣмъ выросшая изъ сказки-анекдота новелла. Но на ряду съ романомъ у насъ есть еще *повѣсть*.

Повѣсть отличается отъ романа не одними только размѣрами: рисуя широкій потокъ жизни, романъ воспроизводитъ наиболѣе крупныя ея явленія, столкновенія цѣлаго круга лицъ и характеровъ, между тѣмъ какъ повѣсть не въ такой полнотѣ затрогиваетъ общественныя и семейныя отношенія; предметъ повѣсти—не совокупность наиболѣе характеризующихъ общество

явленій, а одно рѣзко выдающееся явленіе. Потому повѣсть разработываетъ одинъ мотивъ, разсказываетъ если не одно событіе, то одинъ рядъ событій, рисуетъ тѣ отношенія, которыя проливаютъ свѣтъ на одну какую-нибудь интересную автору сторону общественной или психической жизни. Къ тому же, какъ и старинная итальянская, наша современная повѣсть имѣетъ предметомъ что-нибудь *новое*, выдѣляющееся изъ общаго теченія жизни, т.-е. то, что́ разсказываемую исторію заставляетъ развиться отъ другихъ, подобныхъ ей случайностей жизни. Въ повѣсти читатель прежде всего въ правѣ спросить себя: почему же именно эту, а не другую какую исторію разсказываетъ авторъ? Слѣдовательно, въ событіи, служащемъ фабулою, должно лежать что нибудь особенное, исключительное, какъ и у новеллы—одинъ какой-нибудь мотивъ, отмѣченный характеромъ *новаго*, своеобразнаго. Понятно, что описывая особенность, болѣе или менѣе необыкновенную исторію, повѣсть заставляетъ ее точно такъ же способствовать нашему пониманію человѣка и его природы, какъ проявленія болѣзни способствуютъ изученію его тѣлесной организаціи. Это не значитъ, что предметомъ повѣсти могутъ служить одни только уродливыя, болѣзненныя проявленія общественнаго организма; въ ней они могутъ занимать столько же мѣста, сколько и во всякомъ произведеніи искусства и съ тѣмъ же необходимымъ условіемъ, чтобъ въ изображеніи уродливаго соблюдались законы художественнаго творчества. Благодаря подобному предмету и подобнымъ цѣлямъ повѣсти Боккачіева новелла должна служить ей образцомъ.

Пусть мотивъ нашей повѣсти будетъ заимствованъ изъ иныхъ формъ жизни,—чѣмъ у Боккачіо, изъ области умственныхъ, душевныхъ интересовъ; но разъ въ основу ея положено одно ясно-очерченное и опредѣленное событіе, одинъ законченный мотивъ, одѣтый тѣми подробностями, которыя придаютъ ему ясность и полноту жизненнаго явленія,—мотивъ этотъ поведетъ за собою и рѣзкій силуэтъ повѣсти, ту цѣльность и стройность построенія, которая у Боккачіо исторію комическаго обмана дѣлала изящнѣйшимъ произведеніемъ литературы. Кладя въ основу повѣсти не тотъ анекдотъ, на которомъ построена новелла, а фактъ, настолько же соотвѣтствующій нашимъ насущнымъ интересамъ, насколько «beffa» была близка итальянскому уму,—писатель-художникъ можетъ не только придать правильность внѣшней формѣ, но и развить характеръ личности, освѣтить темную область душевныхъ осложненій и настроеній, точно такъ же какъ новеллистъ, разсказывавшій остроту находчиваго отвѣта, могъ созда-

вать неумирающіе типы и характеры людей. При этомъ не слѣдуетъ только упускать изъ виду, что въ повѣсти зерно, изъ котораго она развивается—ея основной мотивъ—должно заключать въ себѣ ясно-очерченное *дѣйствіе*, т.-е. событіе, протекающее въ извѣстный срокъ времени, а не готовое, опредѣлившееся положеніе; потому что поэтъ, если хочетъ воскресить въ представленіи читателя живыя лица и ихъ отношенія, долженъ прежде всего *разсказывать*, а не *описывать*,—этому учитъ насъ не одна только теорія эстетиковъ, но сама исторія литературы и въ данномъ случаѣ исторія итальянской новеллы.

Мы, въ этомъ отношеніи, много грѣшимъ: если современный романъ, стремясь представить полную картину общественныхъ движеній и настроеній, часто непомѣрно растягивается и, превращаясь въ хронику, теряетъ стройную форму художественнаго произведенія, то и повѣсть зачастую является какъ-бы эскизомъ романа, или очеркомъ типичной личности, описаніемъ характернаго явленія. Но не въ правѣ-ли мы и теперь требовать отъ автора, чтобы онъ въ художественной повѣсти, если воспроизводитъ интересъ минуты, вопросъ дня—сохранилъ бы цѣльность и законченность формы, т.-е. нашелъ бы для своей мысли краснорѣчивое, выясняющее ее *дѣйствіе?* а постепенное веденіе этого дѣйствія, правильное мотивированіе его дастъ ему возможность изобразить и душевное состояніе и внутреннія отношенія интересующихъ его лицъ.

Этотъ законъ, положенный въ основу новеллы ея геніальнымъ творцомъ, находимъ мы въ разныхъ примѣненіяхъ во всѣхъ видахъ художественнаго повѣствованія: ему подчиняются эпическія произведенія лучшихъ писателей всѣхъ временъ, когда эти писатели не уходятъ за предѣлы поэтическаго творчества; ему всегда будетъ подчиняться и наша повѣсть, какъ бы ни повышались требованія отъ литературы и какое бы *новое* содержаніе ни вносила въ него возрастающая мысль человѣчества.

А. А.

НОВЫЙ ПОМѢЩИКЪ

Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Іокая.

Съ венгерскаго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

IX *).

Между тѣмъ, пока происходило ночное похищеніе, Элиза спала сномъ праведниковъ. Солнечный лучъ, пробившись сквозь занавѣску, разбудилъ ее. Часъ былъ очень ранній, въ замкѣ царствовала тишина; обыкновенно обитатели его не слишкомъ рано вставали. Но вотъ, наконецъ, маленькіе столовые часики тихо пробили девять часовъ, а въ сосѣдней комнатѣ не слышно было ни малѣйшаго шума.

Долго-таки почиваютъ миссъ съ Эрминіей.

Надо взглянуть, проснулись ли онѣ?

Элиза имѣла обыкновеніе мстить своей англичанкѣ тѣмъ, что будила ее громкимъ пѣніемъ.

— Добраго утра! I wisch you a good morning, miss!—шумно раскрывъ двери, проговорила Элиза.

За то какъ же она удивилась, увидавъ пустую комнату. Кровати были не помяты,—видно, что на нихъ и не ложились. Элиза не могла понять, куда дѣлась гувернантка и сестра Эрминія. Она оглянулась кругомъ. На письменномъ столѣ лежало

*) См. выше: мартъ, 251.

запечатанное письмо. Она взяла его въ руки. Письмо адрессовано ей:

«Не осуждай меня за сегодняшній поступокъ. Я безъ *него* жить не могу. Отецъ выгналъ его нынѣче, не подозрѣвая, что этимъ и меня обрекаетъ на скитаніе по бѣлому свѣту. Не смѣю писать отцу: онъ не прочтетъ моего письма и проклянетъ меня. Но тебя онъ любитъ, ты такъ добра, — кромѣ тебя нѣкому за меня вступиться. Не знаю, право, о чемъ мнѣ просить тебя. Я такъ разстроена. Ты сама отгадаешь, чего мнѣ надо. Будь посредницей между нами и отцомъ. Твое доброе сердце укажетъ тебѣ, что сдѣлать. Да благословитъ тебя Богъ! Сто разъ, тысячу разъ цѣлую тебя.—Эрминія».

«P. S. Миссъ и нашъ управляющій ничего не знаютъ: если возможно, оправдай ихъ передъ отцомъ. Оплакивай меня».

Послѣ припадка отчаянія и искренняго горя, Элиза заперлась въ своей спальнѣ и рѣшила написать обо всемъ отцу.

Ей слѣдовало остерегаться разсужденій, которыя можно бы было счесть за упрекъ. Отецъ считалъ Эрминію представительницей своего рода, эту скромную и умную дѣвушку, которая рѣдко говорила, которой не приходилось объяснять, что слѣдуетъ дѣлать и чего не слѣдуетъ. Ее всѣ гувернантки расхваливали, она была любимицей покойной матери, и за нее-то приходится заступаться легкомысленной, вѣтренной Сандрильонѣ, которую вѣчно держали на уздечкѣ. Она теперь должна вымаливать прощеніе своей образцовой сестрѣ.

— «Ты знаешь, какъ наша мама любила Эрминію. Не отталкивай ее отъ себя!»

Это былъ самый важный аргументъ письма.

— Кто тамъ?

Это была миссъ Натали.

Элиза указала ей на стулъ. Она чувствовала, что теперь ея очередь повелѣвать.

— Миссъ, прочтите это письмо,—сказала она.

У миссъ выступили на лицѣ красныя пятна, признакъ гнѣва и испуга, всѣ черты ея лица перекосились. Письмо выпало изъ ея дрожащихъ рукъ.

— Это ужасно, это жестоко!

— Теперь прочитайте другое письмо,—сказала Элиза, передавая ей свое письмо къ отцу.

— Пожалуйста, Элиза, сперва выслушайте меня.

— Ничего не хочу слушать, миссъ.

— Вы должны все узнать.

— Да вы хотите, кажется, разсказывать любовныя приключенія, а до сихъ поръ сами же не давали мнѣ прочесть ни одного романа?

Миссъ Натали вынуждена была прочесть сначала письмо Элизы къ отцу. Ей показалось, что Элиза старается помирить отца съ похитителемъ, а она бы желала, чтобъ этого человѣка преслѣдовали, убили, уничтожили.

— Мнѣ кажется, что тутъ виноватъ одинъ проклятый обольститель, а вы его же защищаете.

— Я его защищаю потому, что теперь онъ уже сталъ мужемъ Эрминіи. Притомъ, сестра пишетъ, что вы и управляющій ни въ чемъ не виноваты. Изъ этого я заключаю, что вы были ея соучастниками. Мнѣ поручено васъ оправдывать, а я даже не знаю, въ чемъ вы оба провинились? Что-жъ я могу сказать въ ваше оправданіе? Одно знаю, что чѣмъ скорѣе отецъ простить виновныхъ, тѣмъ легче ему будетъ простить и ихъ соучастниковъ.

— Это-то такъ, — процѣдила миссъ, съ покорнымъ видомъ передавая Элизѣ письмо.

Элиза дернула за сонетку, чтобъ позвать горничную, и, запечатавъ письмо къ отцу, передала его служанкѣ.

— Пусть берейторъ скорѣе осѣдлаетъ лошадь и свезетъ это письмо къ доктору Гришаку, — онъ передастъ его отцу. А ты, Луиза, пожалуйста, перенеси постель и вещи миссъ въ дамскую комнату. Что она прикажетъ, то и дѣлай... Идите съ Богомъ, миссъ Натали.

Нечего дѣлать—надобно было повиноваться.

Но миссъ, собравъ все свое имущество, велѣла горничной перенести его не въ дамскую комнату, а прямо въ квартиру управляющаго.

Можно себѣ представить, какъ обрадовался Максенпутшъ, увидѣвъ въ окошко, что миссъ со всѣмъ своимъ добромъ направляется къ его дверямъ.

Докторъ Гришакъ преспокойно пилъ чай. Еще рано было—часовъ одиннадцать; онъ сидѣлъ въ халатѣ и въ туфляхъ. Помощники его успѣли понабѣгаться: вся ихъ должность состоитъ въ бѣготнѣ, а шефъ ихъ занимается только пріемомъ; на его дверяхъ крупными буквами написано «Пріемъ отъ 11 до 1 часа пополудни».

Докторъ собирался выпить вторую чашку кофе. Слуга на

серебряномъ подносѣ принесъ визитныя карточки двухъ кліентовъ, которые желали съ нимъ посовѣтоваться.

— Такъ рано!—высокомѣрно проговорилъ докторъ Гришакъ, вынимая изъ кармана свой хронометръ. Всего 10 час. 57 минутъ. Скажи, чтобъ обождали. Давай сюда карточки,—кто это?

Слуга подалъ.

— Это интересно! Сейчасъ же проси ихъ сюда. Скажи, что я еще въ халатѣ, однако готовъ ихъ принять.

Докторъ, въ ожиданіи посѣтителей, улыбался; ему даже вторая чашка кофе показалась ароматнѣе первой.

Послышался легкій стукъ въ дверь.

— Войдите.

— А, здравствуйте, г. Максеншутцъ. Садитесь, пожалуйста. Гдѣ же миссъ? Куда она дѣлась? Ея карточку мнѣ тоже подали.

— Она осталась въ пріемной, услыхавъ, что вы въ халатѣ.

— А, вотъ оно что! Понятно, она строго держится приличій, — это ея ремесло: знать, что́ прилично и что́ неприлично. Впрочемъ, я полагаю, все равно, здѣсь она или нѣтъ. Мы можемъ и безъ нея рѣшиться на что-нибудь.

— Какъ вы изволили сказать? — съ удивленіемъ спросилъ Максеншутцъ.

— Да вѣдь я все уже знаю! — развалившись и положивъ ноги на кушетку,—сказалъ адвокатъ. — Мнѣ извѣстно все ваше дѣло. Другъ мой, Штрафъ, еще вчера мнѣ все разсказалъ.

— Какой Штрафъ? — спросилъ Максеншутцъ, вытаращивъ глаза.

— Ахъ, да! вы его не знаете подъ этимъ именемъ. Ну, тотъ самый молодой человѣкъ, который жилъ у Аккерманидта въ качествѣ учителя музыки.

— Онъ вашъ другъ?

— Пожалуйста, примите въ свѣдѣніе, что я всегда говорю: «мой другъ», когда мнѣ не приходитъ въ голову никакое другое прозвище.

— Гдѣ же теперь находится этотъ плутъ? — вдругъ проговорилъ Максеншутцъ; у него даже глаза кровью налились. Ему пришло на мысль, что еще можно его поймать, отнять у него барышню, отвезти домой,—и тогда все дѣло будетъ поправлено.

— Я думаю, что онъ уже въ Вѣнѣ. Впрочемъ, ни къ чему не повело бы его преслѣдовать,—онъ вчера еще обвѣнчался съ барышней. Это я знаю навѣрное...

— Этотъ негодяй былъ у меня,—продолжалъ докторъ, сверг-

тывая папироску изъ турецкаго табаку.—Онъ хотѣлъ, чтобъ я взялся вести его процессъ съ Анкершмидтомъ.

— Какой процессъ? Можетъ быть, за нанесенное оскорбленіе?

— Вотъ еще!—смѣясь, отвѣтилъ докторъ, зажигая папироску у газоваго рожка.—Много онъ объ этомъ думаетъ! Нѣтъ, просто о жениномъ приданомъ.

— Проклятый!—проговорилъ Максеншутшъ, утираясь носовымъ платкомъ.

— Предлагалъ мнѣ 20,000 гульденовъ, если я возьмусь вести дѣло и выхлопочу ему деньги.

— Какъ? 20,000 гульденовъ?

— Это немного. Каждой дѣвицѣ отъ матери досталось по 250,000 гульденовъ. Есть изъ чего хлопотать.

— Вотъ, проклятый!—простоналъ Максеншутшъ.

— Да!.. Однако я не взялся за его дѣло.

— Не взялись?

— А вы какъ думали?—съ достоинствомъ взглянувъ на него, проговорилъ Гришакъ.—Я адвокатъ г. Анкершмидта,—съ моей стороны было бы подлостью взяться за такой процессъ.

Максеншутшъ какъ-будто этому удивился.

— Я ему отвѣчалъ, что мнѣ его 20,000 гульденовъ не надо, пусть обратится къ другому юристу. Онъ сказалъ, что въ Вѣнѣ поищетъ такого адвоката... Однако, поговоримъ о васъ. Ловкій негодяй,—и вамъ каши наварилъ.

— Развѣ вы все знаете?

— Какъ же мнѣ не знать! Онъ мнѣ все разсказалъ, всѣ подробности. Чтобъ барышню похитить, онъ миссъ съ ума свелъ. Подъ конецъ онъ уговорилъ и васъ въ качествѣ свидѣтеля пригласить миссъ къ себѣ на квартиру, подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нельзя войти въ замокъ. Все это для того было устроено, чтобъ воспользоваться отсутствіемъ миссъ и увезти Эрминію черезъ ту дверь, отъ которой ключъ ему вручили.

— Проклятый!—безпрестанно ворчалъ Максеншутшъ и началъ платкомъ вытирать даже затылокъ.

— Бѣдовый малый!—посмѣивался докторъ Гришакъ.—И вѣдь въ вашей каретѣ, на господскихъ лошадяхъ увезъ барышню. Вотъ такъ геніальная выдумка!

Но Максеншутшу шутка далеко не казалась забавной.

— Ваше счастье еще, что Анкершмидтъ надолго отлучился, даже мнѣ не сказалъ, куда ѣдетъ. Вонъ у меня лежитъ письмо отъ мадемуазель Элизы, въ которомъ она ему, вѣроятно, сооб-

щаетъ о случившемся, а я не знаю, куда его и переслать. Большое для васъ счастье, что нѣтъ его дома.

— Такъ вы думаете, докторъ, что послѣ кавалеръ на насъ не будетъ гнѣваться?

— Я думаю, что это счастливое обстоятельство,—однако не могу сказать положительно.

— Въ такомъ случаѣ, почему же это счастье для насъ, что нѣтъ его дома?

— Потому, что будь онъ теперь дома, онъ бы по-просту застрѣлилъ васъ, вмѣстѣ съ миссъ. А пока онъ вернется, вы оба можете ускользнуть.

Голосъ, которымъ онъ проговорилъ «ускользнуть», и его движеніе руки при этомъ ясно показали Максеншутшу, что ему слѣдуетъ сдѣлать.

— Таково ваше мнѣніе, г. докторъ?

— Нѣтъ сомнѣнія, что лучше этого ничего не присовѣтуешь. Насколько я знаю Анкершмидта, я увѣренъ, что онъ способенъ выместить свой гнѣвъ на первомъ человѣкѣ, который ему подъ руку попадется. Онъ готовъ стрѣлять, рубить.

— Такъ неужели изъ-за этого негодяя долженъ я мѣста лишиться?—плаксиво проговорилъ г. Максеншутшъ.

— Вы можете начать искъ, требовать вознагражденія за убытки.

— Какая мнѣ будетъ польза?

— О процессахъ, какъ и о лекарствахъ, не спрашиваютъ, принесутъ ли они пользу. Пацієнтъ долженъ имѣть довѣріе.

— Такъ вы не думаете, г. докторъ, чтобъ съ кавалеромъ можно было поладить безъ тяжбы?

— Ни вы, ни миссъ не должны на это разсчитывать,—навѣрное могу вамъ сказать.

— Миссъ придетъ въ отчаяніе.

— Впрочемъ, любезный Максеншутшъ, я придумалъ для васъ одинъ планъ, но сперва надо его хорошенько обдумать. Теперь оставьте меня одного и возвратитесь часа черезъ два. Тогда мы потолкуемъ, какъ вамъ помочь.

— Тысячу разъ благодарю васъ, г. д-ръ, я въ долгу не останусь.

Докторъ позвонилъ, велѣлъ лакею подать себѣ фракъ и попросить миссъ войти.

— Присядьте пожалуйста, миссъ,—говорилъ д-ръ Гришакъ, подводя къ дивану дѣву, на которой надѣтъ былъ вуаль кофей-

наго цвѣта, такъ какъ зеленый увезла Эрминія. Ни за что въ свѣтѣ не согласилась бы она поднять свой вуаль.

— Мнѣ извѣстна судьба ваша, миссъ—продолжалъ д-ръ Гришакъ, стоя выпрямившись противъ нея.—По отношенію къ вамъ происшествіе это крайне плачевно; кромѣ того, что вамъ придется оставить домъ Анкершмидта, ваше доброе имя пострадаетъ, а что всего хуже, вы можете потерять 5,000 гульденовъ, обѣщанныхъ вамъ кавалеромъ... Пожалуйста, не перебивайте меня. Я юристъ и сентиментальными вопросами не занимаюсь. Одно могу вамъ сказать, что въ вашемъ положеніи ничего не остается дѣлать, какъ начать процессъ съ Максеннутшемъ, требуя вознагражденія за убытки, потому что онъ вамъ причинилъ убытокъ.

— Не будете ли вы такъ добры, г-нъ докторъ, не возьметесь ли вести мой процессъ.

— Для васъ, миссъ, охотно соглашаюсь.

— Я на васъ полагаюсь вполнѣ,—съ важностью проговорила миссъ, вставая.—Къ чему излишнія разсужденія, я подчиняюсь вашему приговору. Что вы мнѣ прикажете дѣлать, то и буду дѣлать; что вы мнѣ дадите подписать—подпишу. Если вы мнѣ спасете 5,000 гульд., о которыхъ идетъ рѣчь, я вамъ дамъ 500 гульденовъ вознагражденія.

Вотъ это было дѣльно сказано.

— Условіе подходящее, миссъ, положитесь на меня, я обѣщаю вамъ выхлопотать 5,000 гульд. Напишите свой адресъ на визитной карточкѣ и вернитесь домой; черезъ полтора часа я пришлю вамъ бумагу, вы подпишете ее, а въ два часа надѣюсь опять имѣть счастіе васъ видѣть у себя.

Миссъ простилась и ушла.

Д-ръ Гришакъ сейчасъ же велѣлъ своему помощнику написать бумагу, въ которой означена была сумма, обѣщанная адвокату за хлопоты; ее-то и должна была подписать миссъ.

Черезъ два часа явился Максеннутшъ.

— Мнѣ васъ очень жаль,—сказалъ ему докторъ:—то, чего можно было опасаться, случилось. Миссъ начинаетъ процессъ съ вами о 5,000 гул., потерянныхъ ею по вашей винѣ. Вотъ данная мнѣ довѣренность.

Максеннутшъ все это время точно усиливался смотрѣть ртомъ, а слушать глазами,—понятно, его усилія не увѣнчались успѣхомъ.

Докторъ продолжалъ:

— По-моему, вамъ остается всего одно средство, чтобъ выкрѣзть изъ тины,—только единственное средство!

Максеннутту все равно было—хоть бы полу-средство нашлось.

— Благодаря ему, вы не только не потеряете 5,000 гул., а еще выиграете эту сумму.

Максеншутту такое предложеніе показалось даже волшебнымъ.

Докторъ взялъ его за воротникъ и наклонился къ нему такъ, что ихъ носы чуть не столкнулись:

— Только и есть одно средство,—женитесь на миссъ.

Хорошо, что докторъ держалъ Максеншутта за воротникъ, а не то при этихъ словахъ онъ упалъ бы навзничь.

— Да ну же, другъ мой,—улыбаясь и нѣсколько посторонясь, сказалъ Гришакъ.—Разсудите хорошенько, потерять 5,000 гульд. или выиграть 5,000? Тутъ разница въ цѣлыхъ 10,000 гульд. У миссъ есть государственные билеты, недавно я ей передалъ купоны. Тутъ наберется тоже тысячъ пять.

Максеншутту предложеніе показалось уже менѣе несноснымъ. Если хорошенько вдуматься,—по лѣтамъ миссъ ему супруга подходящая.

— Скорѣе обсудите вопросъ и поскорѣе рѣшайтесь,—миссъ торопитъ.

— Однако, я вѣдь даже не знаю, согласна ли она?

— Это уже предоставьте мнѣ.

— Хорошо, вотъ вамъ моя рука, пусть уже я буду жертвой!—проговорилъ несчастный.

— Не угодно ли вамъ сейчасъ же сѣсть за письменный столъ, вамъ слѣдуетъ подписать довѣренность. Вотъ на этой бумагѣ; прошу покорно перечеркнуть штемпель. Мнѣ думается, 500 гульд. вознагражденія немного будетъ.

Максеншуттъ почесалъ за ухомъ. Значитъ, приданаго остается всего 4,500. Впрочемъ, это лучше, нежели уплатить пять тысячъ.

— Вотъ такъ, теперь заходите ко мнѣ часовъ въ шесть; до той поры я все устрою.

Максеншуттъ ушелъ словно въ чаду. Въ два часа явилась миссъ Натали.

Докторъ встрѣтилъ ее съ кислой миной.

— Дѣла ваши плохи... Я говорилъ съ Максеншуттомъ, онъ сдѣлалъ мѣткое возраженіе, сказавъ, что вы уже тѣмъ потеряли право на 5,000 гульд., что помогли Штрафу похитить свою воспитанницу, и потому ему не приходится отвѣчать за потерю. О, это хитрый господинъ; ему бы быть адвокатомъ. Мнѣ пришлось сознаться, что онъ правъ. Впрочемъ, я вижу еще одинъ способъ, посредствомъ котораго вы можете добиться своихъ денегъ и притомъ возстановить свою репутацію. Выслушайте

меня внимательно и, пожалуйста, не падайте въ обморокъ. Дѣло очень серьёзное. Вамъ остается одно средство: выйдите замужъ за Максеннутша.

— Ахъ!.. но онъ согласится ли?—воскликнула миссъ.

— Положитесь на меня; Максеннутшъ—честная душа, характера сговорчиваго, и если я ему присовѣтую, онъ самъ согласится, что человѣку съ его правилами болѣе ничего не остается дѣлать.

Провожая миссъ Натали, Гришакъ выразилъ надежду въ шесть часовъ опять имѣть удовольствіе ее видѣть. Она обѣщалась придти.

Въ этотъ же вечеръ счастливая пара была уже обвѣнчана, и докторъ Гришакъ торжествовалъ. Кромѣ маленькаго развлеченія, которая доставила ему женитьба Максеннутша на миссъ, ему еще придется получить съ жениха 500 гул., да съ невѣсты 500, все изъ тѣхъ же спасенныхъ 5,000 гульденовъ. Эту тысячу гульденовъ онъ могъ себѣ выплатить въ самый день ихъ свадьбы, потому что онъ былъ душеприказчикомъ покойной г-жи Аннершмидтъ. Этимъ капиталомъ самъ Аннершмидтъ не распоряжался.

Одно только остается страннымъ въ поведеніи Гришака, а именно то, что, заработавъ шутя въ какіе-нибудь два часа 1,000 гульд., онъ отказался отъ 20,000 гульд., которыя предлагалъ ему Штрафъ, если онъ возьмется вести процессъ съ Аннершмидтомъ.

Но докторъ Гришакъ былъ хорошо знакомъ съ завѣщаніемъ покойной г-жи Аннершмидтъ. Въ немъ, между прочимъ, говорилось, что если одна изъ дочерей выйдетъ замужъ противъ согласія отца, то теряетъ право на наслѣдство.

Вотъ, вѣрно, почему адвокатъ ссылался на свою неподкупную честность.

По словамъ людей свѣдущихъ, крѣпость Куфштейнъ, въ Тиролѣ, можетъ считаться образцовой крѣпостью—такъ-сказать академіей.

Венгерскія крѣпости Арадъ, Комornъ, Іозефштадтъ (въ Богеміи) и хваленое «новое зданіе» (uj épület) въ Пештѣ—просто гимназіи, или даже элементарныя школы въ сравненіи съ Куфштейномъ. Окончившіе курсъ въ этихъ крѣпостяхъ, пусть лучше и въ разговоръ не суются. Они просто полуграмотные.

Аладаръ Гароновѣльди уже пятый годъ проводитъ въ «академіи». Его нумеръ, длиною въ четыре шага, шириною въ три,

и весьма мало комфортабеленъ: въ немъ стоитъ стулъ, столъ, да кровать. Зато на двери нельзя пожаловаться: ихъ цѣлыхъ три, одна за другой. Можно составить себѣ понятіе о толщинѣ стѣны изъ того, что среднюю дверь можно распахнуть, не отворяя внутренней и внѣшней.

Однажды, въ послѣобѣденную пору, въ непоказанное время зашумѣли ключи у дверей Аладара, и къ нему вошелъ человѣкъ, совсѣмъ ему незнакомый.

Это былъ кавалеръ Анкершмидтъ. Анкершмидтъ ожидалъ увидать блѣдное, изнуренное лицо, на которое тюрьма наложила свою печать. Какъ же былъ онъ удивленъ, увидавъ юношу съ веселымъ выраженіемъ лица, на которомъ не видно было и тѣни горя. На лбу ни одной морщины, глаза блестятъ, сѣдыхъ волосъ тоже не видать.

Узникъ двинулся на встрѣчу къ посѣтителю.

Анкершмидтъ сдѣлалъ знакъ сторожу, чтобъ онъ оставилъ ихъ наединѣ, и тотъ спрятался между дверями.

— Вы Аладаръ Гароновѣльди? спросилъ Анкершмидтъ строго, —по военному. Кавалеръ былъ въ мундирѣ.

— Да, это—мое имя.

— Съ какого времени вы здѣсь находитесь?

— Не знаю, у меня нѣтъ календаря.

— Нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь жалобъ на сторожей?

— Никакихъ, я ими доволенъ.

— Позволяютъ ли вамъ выходить изъ нумера?

— Разъ въ недѣлю на полчаса.

— Находите ли вы это достаточнымъ?

— Я даже и этимъ разрѣшеніемъ не пользуюсь.

— Почему?

— Мнѣ и здѣсь хорошо.

— Однако это вредитъ вашему здоровью.

— Я никогда не хвораю.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь желанія?

— Никакого, ровно никакого.

— Не скучаете ли вы?

— Нѣтъ. Вѣдь я одинъ, некому мнѣ надоѣдать.

— Чѣмъ же вы занимаетесь цѣлый день?

— Самимъ собою.

— Вамъ не даютъ книгъ?

— Не знаю, положено ли давать, я не просилъ.

— Не желаете ли вы повидаться съ родными?

— Напротивъ, мнѣ бы очень жаль было, еслибъ они изда-

лека сюда пріѣхали для того, чтобъ обмѣняться со мной нѣсколькими пустыми фразами на иностранномъ языкѣ въ присутствіи постороннихъ лицъ. Не стóитъ труда ѣздить.

— Не любили ли вы кого-нибудь?—При этомъ вопросѣ узникъ разсмѣялся.

— Какъ не любить! У каждаго человѣка есть привязанности къ женщинѣ, собакѣ и т. д.

— Вы все это относите къ одной категоріи?

— Да вотъ видите: прощаясь съ дядей, человѣкомъ оригинальнымъ, я просилъ его, чтобъ каждый разъ, когда онъ будетъ мнѣ писать, невѣста прибавляла бы слово: «adieu». Въ первомъ письмѣ увидалъ я это слово, написанное страннымъ почеркомъ. Въ post scriptum дядя мнѣ пояснилъ, что такъ какъ невѣста моя по нѣкоторымъ причинамъ отказалась отъ подписи, то онъ сунулъ моей собакѣ перо въ переднюю лапу и заставилъ нацарапать: adieu. Изъ этого я заключилъ, что невѣста моя не очень обо мнѣ сокрушается; бѣдняжка, умно дѣлаетъ. Собака же, напротивъ, осталась мнѣ вѣрна и въ каждомъ письмѣ царапаетъ, при помощи дяди, свою кличку: «Цицка».

Аладаръ засмѣялся и разсмѣшилъ Анкершмидта.

Но Анкершмидтъ тотчасъ принялъ серьёзный видъ; ему не слѣдовало выдавать себя.

— Молодой человѣкъ, я къ вамъ пришелъ, впрочемъ, не съ цѣлью шутить, а чтобъ узнать, какъ съ вами обращаются и какъ вы себя ведете. Одно могу вамъ сказать: вы человѣкъ опасный.

— Почему же, на что́ можете вы на меня пожаловаться?

— На то именно, что не имѣю причины на васъ жаловаться. Въ книгѣ записаны желанія, жалобы каждаго узника; про васъ ни слова не сказано. Вы никогда ничего не просили, никогда ни на кого не жаловались. Вы вѣжливы, сдержаны. Это опасныя черты характера. Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы никогда не освободилъ васъ.

Съ тѣмъ Анкершмидтъ и удалился, оставивъ узника одного. Аладаръ пожалъ плечами и началъ насвистывать венгерскую народную пѣсню. Это было его любимое занятіе. Къ счастію его, инструментъ для насвистыванія онъ всюду могъ возить съ собою.

Скоро однако объяснился результатъ посѣщенія невзнакомаго гостя. Аладаръ былъ освобожденъ, и въ этотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Куфштейна; комендантъ могъ только показать ему почеркъ, которымъ было писано прошеніе о его освобожденіи. Почеркъ былъ женскій, но вовсе незнакомый Аладару.

Анкершмидтъ, вполнѣ довольный и счастливый, уѣхалъ также обратно въ Пештъ.

Гришакъ замѣтно надулся, услыхавъ объ освобожденіи Аладара. Прощай, прелестная вдовушка! Тотъ, конечно, явится, чтобъ овладѣть либо невѣстой, либо контрактомъ. Онъ непремѣнно съ этого начнетъ. И всѣмъ этимъ удовольствіемъ обязанъ онъ Анкершмидту, у котораго страсть соваться не въ свое дѣло.

«Однако погоди, подумалъ докторъ Гришакъ, если ты мнѣ сдѣлалъ сюрпризъ, такъ и я тебя озадачу».

— Вы не получили письма, отправленнаго мною въ Вѣну?

— Я ничего не получалъ. Я вернулся не черезъ Вѣну, а черезъ Вейсенбургъ. Ну, что у насъ новенькаго?

— Ничего хорошаго. Вотъ письмо m-lle Элизы. Изъ него вы все узнаете.

— Отъ Элизы?

Анкершмидтъ разорвалъ конвертъ и, все болѣе и болѣе волнуясь, дочиталъ письмо до конца. У него руки такъ и опустились, когда онъ во второй разъ прочелъ письмо.

— Эрминія бѣжала! — пробормоталъ онъ едва слышно.

Гришакъ ожидалъ, что ветеранъ вскочитъ съ мѣста и начнетъ ломать стулья, будетъ ругаться, проклинать, велитъ послать за лошадьми и отправится въ погоню за бѣглецами, чтобъ застрѣлить ихъ. Но кавалеръ, опустивъ голову, съ грустью только повторялъ: — Эрминія бѣжала!!

Къ такому элегическому настроенію адвокатъ не былъ подготовленъ и не зналъ что ему сказать, но наконецъ проговорилъ:

— Нѣтъ сомнѣнія, что у васъ за спиной давнымъ-давно командовали люди, которымъ вы слѣпо довѣряли: управляющій и гувернантка.

— Какъ? Максенпутцъ и Натали? Дѣйствительно, Элиза ихъ защищаетъ.

— Что они сговорились — это безспорно, — и Максенпутцъ женился на миссъ Натали.

— Женился? Неужели? вступилъ въ законный бракъ? — недовѣрчиво воскликнулъ Анкершмидтъ.

Гришакъ разсказалъ ему всѣ подробности свадьбы управляющаго, и мимоходомъ сообщилъ имя его зятя.

— Штрафъ! прекрасное имя!

— Это его фамилія.

— И моя дочь! — да ну, все-равно, продолжайте.

Гришакъ убѣдился, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, котораго никакой пулей не проймешь. Онъ неуязвимъ. Но у него

есть въ запасѣ одна ядовитая стрѣла, эта навѣрное попадетъ въ цѣль.

— Вы, я вижу, готовы помириться съ похитителемъ вашей дочери?—замѣтилъ адвокатъ.

— Въ моемъ положеніи обыкновенно прощаютъ, а не мирятся.

— Значитъ, вы даруете Штрафу амнистію.

— Какому Штрафу! Я его подъ этимъ именемъ не знаю, говорите: Богумилу. Чортъ возьми, да зачѣмъ у этого человѣка столько разныхъ именъ!

— На это существуютъ основательныя причины.

— Развѣ его когда-нибудь преслѣдовали?

— Напротивъ.

— Что значитъ «напротивъ?» Я не понимаю.

— Онъ скорѣе по обязанности носитъ разныя имена.

— Зачѣмъ? Развѣ это какая-нибудь важная особа?

— О, да, очень важная. На-дняхъ этотъ Богумилъ ознакомилъ меня съ своимъ положеніемъ.

— Что же онъ сообщилъ вамъ?—приставалъ Анкершмидтъ къ своему адвокату.

Д-ръ Гришакъ медлилъ отвѣчать.

— Одно могу сказать,—началъ Гришакъ:—онъ занимаетъ служебную должность.

— Какую должность?

Гришакъ наклонился и сказалъ кавалеру шопотомъ на ухо:

— Штрафъ, какъ мнѣ извѣстно, служитъ въ тайной австрійской полиціи.

При этихъ словахъ Анкершмидтъ такъ припрыгнулъ на креслѣ, точно въ него попалъ осколокъ лопнувшей бомбы. Онъ не зналъ какимъ словомъ выразить, что почувствовалъ, и у него вырвалось:

— Полное пораженіе! Богъ милостивъ, прибавилъ онъ: — довольно! болѣе ничего слышать не хочу!—вотъ все, что могъ проговорить Анкершмидтъ.

Ага! значитъ ударъ мѣтко попалъ.

Старикъ такъ былъ взволнованъ, что не примѣтилъ, какъ надѣлъ шляпу въ комнатѣ адвоката.

Потомъ, онъ глухо проговорилъ:

— Не разсказывайте никому объ этомъ дѣлѣ. Будетъ того, что оно намъ обоимъ извѣстно. Чортъ возьми, довольно того, что я про это знаю! Куда мнѣ дѣться отъ своихъ собственныхъ глазъ? Чортъ васъ побери съ этимъ извѣстіемъ! Очень, очень вамъ благодаренъ!

Кавалеръ ушелъ, захлопнувъ за собой дверь. Черезъ двѣ минуты опять вернулся.

— Докторъ! Я полагаю, мнѣ слѣдуетъ перемѣнить фамилію? Какъ это дѣлается? Устройте это. Не хочу болѣе называться Анкершмидтомъ!

Гришакъ отвѣчалъ, что все будетъ сдѣлано, только теперь ему слѣдуетъ скорѣе вернуться домой.

Мысль о перемѣнѣ фамиліи продолжала вертѣться въ головѣ у Анкершмидта, и когда ему въ конторѣ одинъ изъ писарей услужливо подалъ пальто, онъ спросилъ молодого человѣка:

— Какъ бы вы перевели по-венгерски фамилію Анкершмидтъ?

— «Вошмочко-ковачи».

По-венгерски, якорь: «вошмочко», а кузнецъ: «ковачъ».

Анкершмидтъ, окинувъ его грустнымъ взглядомъ съ головы до ногъ и взявъ изъ его рукъ трость, пробормоталъ по-нѣмецки:

— Осёлъ ты, братецъ! И въ этомъ опять я виноватъ.

Злоба Анкершмидта усиливалась по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому.

Дорогой онъ началъ допрашивать, кто изъ кучеровъ возилъ убѣжавшихъ на господскихъ лошадяхъ, — его стбитъ повѣсить, онъ его сейчасъ же застрѣлитъ.

Прислуга ждала кавалера въ величайшемъ страхѣ. Элиза спустилась на встрѣчу отцу, и молча бросилась ему на шею.

— Не говори, ни слова не говори! Никогда не упоминай о нихъ. Видишь, я старикъ, я былъ во многихъ битвахъ, однако я никогда не приходилъ въ бѣшенство, а теперь я знаю, какъ бѣсятся. Ни слова о нихъ!

Они между тѣмъ поднялись по лѣстницѣ. Прислуга, въ щель увидавъ конецъ сцены и замѣтивъ, что кавалеръ спокойно поднимается по лѣстницѣ подъ руку съ дочерью, пріободрилась, отперла настежь двери, самый храбрый выступилъ впередъ, за нимъ слѣдовала экономка, горничная, сзади стояла мужская прислуга. Начали подходить къ рукѣ, увѣряя, что ни въ чемъ не виноваты.

Анкершмидтъ, строго на нихъ посмотрѣвъ, громовымъ голосомъ закричалъ:

— Чортъ возьми! Бездѣльники этакіе! Будьте вы прокляты! И чтобы впредь этого не было!

Потомъ, взявъ дочь за руку, старикъ ушелъ въ свою комнату. Элиза помогла ему переодѣться. Онъ разсказывалъ ей, гдѣ былъ, что устроилъ, какъ освободилъ узника въ Куфштейнѣ.

— Теперь, милая дочь моя, я рѣшаю не брать больше въ домъ сторожа, чтобъ за тобой слѣдить, но скажу тебѣ, что ты должна сама остерегаться. Одна изъ моихъ дочерей вышла за шпіона, съ меня будетъ этого горя; пусть же не говорятъ, что другая освободила изъ заточенія богатаго молодого человѣка, чтобъ выдти за него замужъ. Ты меня понимаешь, не такъ ли?

Элиза взяла руку отца, и пожала ее по-мужски.

— Еще одно слово,—сказалъ Анкершмидтъ. Прошлое очень огорчаетъ меня, я сержусь даже на свою фамилію, и тебя буду называть вмѣсто Элизы—Эржика. Теперь займись хозяйствомъ, ты становишься хозяйкой.

Дѣвушка удалилась.

— Эржика!—позвалъ ее Анкершмидтъ.

Дѣвушка просунула голову въ дверь.

— Хорошо,—шутливо сказалъ Анкершмидтъ. Я хотѣлъ знать, помнишь ли ты свое новое имя.

Егоръ, камердинеръ, который всегда брилъ барина, поспѣшилъ къ нему съ теплой водой, однако скоро вернулся обратно въ кухню и разсказалъ прислугѣ, что баринъ спросилъ его по-венгерски: чего тебѣ надо, *Дьюрко?*

— Я пришелъ брить васъ.

— Ты меня больше брить не будешь,—отвѣчалъ баринъ. Баринъ хочетъ отпустить бороду!.. Человѣкъ начинаетъ ненавидѣть все свое прошлое, такихъ людей въ «нашей сторонѣ» очень много.

X.

Коринна скоро узнала отъ доктора Гришака, что ея женихъ освобожденъ.

Это былъ тяжелый ударъ!

Жаль, что не удалось отстранить этого удара. Теперь надо позаботиться уменьшить опасность, елико возможно.

Коринна полагала, что Аладаръ уже дома, у своего стараго дяди. Если Анкершмидтъ вернулся въ Пештъ, то Аладаръ навѣрное уже въ деревнѣ.

Коринна рѣшилась написать Аладару анонимное письмо, предостерегая его противъ самой себя, какъ женщины, которая его не стоитъ.

Положивъ письмо въ конвертъ, она ломанымъ почеркомъ написала адресъ и поручила для вѣрности отправить его «заказнымъ».

На бѣду, только-что передъ тѣмъ въ австрійскихъ почтамтахъ снова появилось прежнее правило: при отправкѣ заказного письма отправитель долженъ написать свою фамилію направо отъ печати. Если кто этого не исполнялъ,—угрюмый почтовый чиновникъ бросалъ обратно письмо подателю, бранился и посылалъ его домой написать что пропущено.

Городъ, видите, долженъ знать, кто отправляетъ письма черезъ его собственный почтамтъ. Но городу и въ голову не приходитъ, что хитрые люди могутъ, вмѣсто своего имени, написать: «Корнелій Непотъ», или «Лея Кохеба».

— А имя зачѣмъ не выставлено?—сердито замѣтилъ пріемщикъ посланному Коринны.

— Фамилія выставлена,—отвѣчаетъ невинный.

— А другая-то фамилія?

— Да вѣдь письмо одному лицу адресовано.

— Оселъ! Нужна фамилія того, кто отправляетъ. Пошелъ, назадъ неси обратно, пусть напишутъ—или, вотъ перо, самъ напиши.

Посланный взялъ перо въ кулакъ и нацарапалъ огромными буквами имя своей госпожи на «анонимномъ» письмѣ, не пропустивъ ни одной буквы.

Ну, теперь Коринна можетъ быть покойна: анонимное письмо попадетъ въ надежныя руки, и даже получатель, прежде чѣмъ прочтетъ письмо, узнаетъ отъ кого оно?

Въ этотъ же самый день бѣдный управляющій старика Гароновѣльди, Компошъ, узналъ наконецъ отъ арестовавшаго его Брейхейзеля, что слѣдствіе окончено благополучно, и онъ можетъ вернуться домой. Если онъ желаетъ жаловаться,—можетъ: его слова занесутъ въ протоколъ.

Но Компошъ поблагодарилъ; онъ, молъ, въ протоколѣ не нуждается, лучше по-добру, по-здорову, отправиться домой.

На обратномъ пути онъ на минутку пріостановился у почтамта своего города, чтобъ спросить, нѣтъ ли писемъ въ деревню. Одно было, всего одно.

Старый Гароновѣльди сидѣлъ у камина и читалъ Тацита, когда Компошъ вернулся изъ-подъ ареста.

Добрякъ съ шумомъ вошелъ въ комнату, какъ и подобаетъ мученику-патріоту, четыре недѣли бывшему подъ слѣдствіемъ; за все это время онъ спалъ скверно и ѣлъ Богъ знаетъ что. Пошли разсказы.

— Ахъ, я было совсѣмъ позабылъ! вѣдь я съ почты принесъ письмо отъ г-жи Пойтой,—проговорилъ Компошъ.

— Да какъ вы знаете, что письмо отъ нея?

— А снаружи имя на адресѣ написано, — теперь такое правило.

— Хорошо правило! Покажите-ка?

Посмотрѣвъ на письмо, старый баринъ покачалъ головой.

— Оно адресовано Аладару.

— Позвольте взглянуть. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ему. Это, должно быть, ошибка, Аладаръ вертится у нея въ головѣ, такъ вотъ рука-то и написала его имя. Безъ сомнѣнія, письмо вамъ назначалось, иначе она бы не адресовала его сюда, въ деревню, а прямо—въ Куфштейнъ.

— Быть можетъ, она его сюда адресовала для того, чтобъ я дальше переслалъ.

— Этого я не думаю. Ясно, что оно писано къ вамъ, даже сказано: «съ полнѣйшимъ уваженіемъ», г-ну Аладару она бы просто написала: «съ любовью». Не правда ли? И притомъ крупными буквами прибавлено: «спѣшное», и поставлено три восклицательныхъ знака. Вѣдь г. Аладару никто не можетъ писать: «спѣшное»; ради этого въ крѣпости не поторопятся ему передать. Просто она писала къ вамъ.

Послѣдній доводъ дѣйствительно убѣдилъ Гароновёльди. Но чѣмъ дальше читалъ онъ письмо, тѣмъ болѣе дивился. То взглянетъ на конвертъ, то еще разъ письмо прочтетъ,—все-таки не могъ онъ толку добиться.

— «Чего же она хочетъ», раздумывалъ старикъ, «чтобъ онъ отъ женитьбы отказался! Да это ему легко сдѣлать уже потому, что еще десять лѣтъ ждать приходится... Анонимное письмо, а снаружи вся фамилія выставлена».

Можетъ быть, кто-нибудь хотѣлъ надъ нимъ подшутить? Все-таки не поймешь, въ чемъ-же тутъ острота заключается.

Придя къ такому заключенію, онъ швырнулъ письмо въ корзину съ дровами. Вздоръ какой-то!

— Ну, теперь, другъ мой Компошъ, продолжайте свой разсказъ. Что-же сказалъ полицейскій Брейхейзель? Развѣ мнѣ не вернуть шкатулки? Хоть-бы портретъ-то мнѣ отдали; вмѣсто его онъ можетъ велѣть себѣ врѣзать зеркало и бриться передъ нимъ.

— Я тоже объ этомъ просилъ, а онъ говоритъ: нельзя, это «доказательство» отослано въ Вѣну.

— Ужъ не на лондонскую-ли выставку!

Во время этой бесѣды лягавая собака Аладара лежала на медвѣжьей шкурѣ у ногъ старика Гароновёльди; скрестивъ перед-

нія лапы, она положила на нихъ свою голову и какъ будто слушала съ англійской флегмой.

Какой-то экипажъ въѣхалъ во дворъ. Собака проворно вытянула шею.

— Кто-нибудь изъ знакомыхъ пріѣхалъ: Цицка не лаетъ,— пояснилъ Компошъ старому Гароновёльди.

Однако Цицка вспрыгнула, встряхнула ошейникъ, подняла одно ухо и начала внезапно визжать.

Черезъ минуту собака громко залаяла и вспрыгнула на стараго Гароновёльди, толкая его въ бокъ передними лапами. Потомъ кинулась на Компоша, вспрыгнула до самой шеи и лизнула въ щеку. Затѣмъ побѣжала къ двери и начала скрести одной лапой, оборачивая голову къ хозяину, словно она старалась изобразить улыбку.

Между тѣмъ въ сѣняхъ раздались шаги, и Цицка почти завыла. Гость вошелъ. Это былъ—Аладаръ Гароновёльди.

Въ подобныхъ случаяхъ на сценѣ, актеры сперва пятятся, потомъ спрашиваютъ другъ друга:—«Ты ли это? Неужели это ты? Не обманываетъ ли меня зрѣніе?..» и т. д. Не будучи актерами, дядя и племянникъ, увидавъ другъ друга, крѣпко, крѣпко обнялись. Ни слова не промолвивъ, они стояли, обнявшись, со слезами на глазахъ долго, долго. Компошъ почти совсѣмъ потерялъ разсудокъ и убѣжалъ возвѣстить дворнѣ такое радостное событіе.

Вернувшись опять въ домъ, Компошъ нашелъ, что дядя съ племянникомъ сидятъ рядомъ и преспокойно бесѣдуютъ.

— Я вѣдь зналъ, что г-нъ Аладаръ нынче вернется! съ тріумфомъ проговорилъ управляющій.—Я это даже хотѣлъ сказать. Я это чувствовалъ.

— Цицка ранѣе васъ высказала предчувствіе, любезный Компошъ, сказалъ шутливо старый Гароновёльди, пока Аладаръ съ чувствомъ пожималъ руку преданному человѣку.

— Видите, г-нъ Гароновёльди не вѣритъ, что я раньше Цицки предчувствовалъ ваше возвращеніе!—озабоченно проговорилъ Компошъ, съ завистью взглянувъ на собаку, которая спокойно положила свою красивую, умную голову на колѣни Аладару.—А между тѣмъ, все-таки я первый предчувствовалъ, что вы скоро вернетесь: развѣ не я привезъ домой письмо г-ну Аладару?

Теперь только вспомнилъ старикъ про письмо, брошенное въ корзину.

— И то правда! Тебѣ пишетъ изъ Пешта какая-то неиз-

вѣстная особа, желающая тебѣ добра. Поищите-ка письмо, Компошъ: оно тамъ валяется.

— Кто могъ мнѣ написать?

— Увидишь. Ясно, что это лицо знало о твоемъ освобожденіи, прежде нежели ты сюда явился.

Аладаръ прочелъ письмо и только погладилъ собаку по головѣ.

— Цицка такихъ писемъ не писала.

— Что ты на это скажешь,—спросилъ старикъ,—понимаешь ли ты, что это значитъ?

— Прекрасно понимаю. Моя милая невѣста струсила.—Что, свадебный контрактъ здѣсь у васъ, дядя?—спросилъ Аладаръ.

— Конечно.

— Пошлемъ-ка его обратно, пусть она не тревожится.

— Хорошо, отлично, вотъ это люблю! Въ одинъ день два помилованія: одна амнистія освобождаетъ тебя отъ 20-ти-лѣтняго заточенія, а другая—отъ пожизненнаго рабства.

Первый день весь посвященъ былъ радости. На другое утро Аладаръ озадачилъ дядю тѣмъ, что выразилъ желаніе сдѣлать визитъ кавалеру Анкершмидту.

— Можешь къ нему сходить, это человѣкъ порядочный.

— Онъ посѣтилъ меня въ Куфштейнѣ, я долженъ ему отдать визитъ.

— Да, надо тебѣ у него побывать...

Аладаръ совсѣмъ очаровалъ Анкершмидта своею искренностью и независимымъ образомъ мыслей.

— Молодой человѣкъ, не попадите опять въ бѣду. Жаль васъ будетъ,—сказалъ съ участіемъ кавалеръ.

— О, нѣтъ,—смѣясь, возразилъ Аладаръ. Если я вамъ говорю, что не намѣренъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, такъ это вовсе не значитъ, что я хочу странствовать по лѣсамъ. Я хотѣлъ сказать, что буду искать труда, которымъ могъ бы существовать.

— Какъ?

— Понятно. Мое недвижимое имущество конфисковали, капитала у меня никогда не было, а жить у дяди и выдавать себя за эмигранта—не въ моемъ вкусѣ.

— Однако, вѣдь дядя вашъ богатъ и очень васъ любитъ, это я знаю навѣрное.

— Потому-то я и не могу у него остаться. И притомъ насъ не такъ воспитывали, чтобъ, ничего не имѣя, мы не

знали, куда бы голову преклонить. Мы съумѣемъ и въ бѣдности прожить. У меня есть дипломъ инженера, теперь кстати думаютъ о судоходствѣ рѣки Тиссы: найдутъ и для меня маленькое мѣстечко. Тутъ мнѣ никогда долго не придется сидѣть на одномъ мѣстѣ: въ этой службѣ разъѣзды неизбѣжны.

Анкершмидтъ, слушая такія разсужденія, отъ удовольствія почесалъ свой сѣдой затылокъ; онъ сталъ побаиваться, что не только дочь его Эржика, бывшая Элиза, да и самъ онъ, пожалуй, влюбится въ молодого человѣка.

— Однако, скажите-ка, — спросилъ кавалеръ съ особенной усмѣшкой,—можетъ ли понравиться вашей невѣстѣ такая должность, которая постоянно будетъ удалять васъ изъ дому?

— У меня нѣтъ невѣсты. Впрочемъ,—я вижу, вы все знаете— это дѣло прошлое,—равнодушно отвѣтилъ Аладаръ.

— Но, можетъ быть, вы не совсѣмъ разошлись съ нею?

— Я объ этомъ, простите, не люблю говорить.

— А я люблю. Подумайте, вѣдь и я гожусь въ женихи, я вдовецъ. Мнѣ интересно знать, гдѣ открывается ваканція, свободно ли сердце той или другой дамы?

Аладаръ улыбнулся на эту шутку.

— Дай Богъ, чтобъ ни одинъ изъ насъ не женился на моей невѣстѣ.

— Какое же вы имѣете основаніе такъ говорить?.. Чѣмъ она васъ обидѣла?

— Человѣкъ, который хоть сколько-нибудь собой дорожитъ, въ этомъ не признается.

— Ее передъ вами оклеветали?

— О, нѣтъ, никто.

— Объяснялись вы съ ней?

— Мы еще не видали другъ друга.

— Значитъ, это произошло на письмѣ?

— Да.

— Ну, мой юный другъ, это еще недостаточная причина для того, чтобъ разойтись. Письма часто ведутъ къ недоразумѣніямъ. Изъ-за письма нельзя разстроивать всю будущность. Я вамъ совѣтовъ не даю, не имѣя права мѣшаться въ ваши дѣла, а просто обращаюсь къ вашей справедливости. Вы, венгерцы, славитесь привязанностью къ своимъ правамъ. Вамъ извѣстно, что даже завѣдомо написавшему фальшивый вексель предлагаютъ вопросъ: «Ты ли это написалъ?» — прежде нежели произнести надъ нимъ приговоръ. Тѣмъ болѣе, полагаю я, что въ старой Венгріи никто не осудитъ своей невѣсты, не выслушавъ ее.

— Вы правы, пожалуй: дѣйствительно, мнѣ слѣдуетъ побывать у нея.

Они скоро пожали другъ другу руку, но ни одинъ изъ нихъ не сказалъ: до свиданія!

Аладаръ, уходя, подумалъ: «Вотъ, непріятный-то человѣкъ! ему извѣстны всѣ мои тайны. Я больше сюда не приду».

Анвершмидтъ думалъ себѣ: «Ему здѣсь вѣрно не понравилось, должно быть другой разъ не явится».

На другой день Аладаръ отправился уже въ Пешть и передъ обѣдомъ, выждавъ часъ, въ который принято дѣлать визиты, явился къ Коринѣ.

Послѣ театральной сцены изумленія со стороны Коринны, жалобъ ея на нервы и сердцебіеніе, разговоръ перешелъ на самые банальные предметы.

Коринна все ожидала, что Аладаръ сейчасъ упомянетъ о старомъ контрактѣ и готовилась въ этомъ случаѣ упасть въ обморокъ и тѣмъ положить конецъ разсужденіямъ о замужествѣ.

Однако Аладаръ даже и не упомянулъ объ этомъ. Спросилъ ее, ѣздитъ ли она въ театръ? Какія появились новыя оперы, нравятся ли онѣ публикѣ? Какія новыя имена заучилъ ея любимецъ попугай? ѣздитъ ли она верхомъ, у нея ли еще лошадь со звѣздой? И дѣлалъ ей тому подобные пустые вопросы.

Когда Коринна черезъ-чуръ уже начала жаловаться на сердцебіеніе, Аладаръ всталъ, посовѣтовалъ своей невѣстѣ не пренебрегать разстройствомъ нервъ и поскорѣе отправиться на воды,— и затѣмъ они очень мило простились.

Аладаръ окончательно убѣдился въ томъ, въ чемъ ему было нужно убѣдиться: надо теперь уничтожить и контрактъ in optima forma.

Ему извѣстно было, что Гришакъ—адвокатъ Коринны. Онъ прямо къ нему и отправился.

Адвокатъ встрѣтилъ его съ самою изысканной любезностью, какъ вообще принимаютъ людей, которыхъ побаиваются и не жалуютъ.

— Я долго васъ не буду задерживать,—сказалъ Аладаръ.— У меня есть условіе съ вашей кліенткой, госпожой Пойтой.

— Знаю-съ. Мнѣ знакомо условіе.

— Тѣмъ лучше, мнѣ нѣтъ надобности пояснять дѣло. Въ настоящее время я не могу предложить блестящаго положенія женщинѣ, на которой бы женился.

«А»!—подумалъ докторъ Гришакъ: «онъ хлопочетъ о договорѣ», и спросилъ:

— Изволили вы переговорить съ г-жой Пойтой.

— Я видѣлся съ нею и замѣтилъ, что и она не желаетъ сохранить прежнихъ отношеній.

— А вы?

— Я ничуть ее за это не виню. Къ брачнымъ договорамъ я отношусь крайне снисходительно. Я нахожу, что она въ правѣ отказаться отъ супружества.

— Ну, а что касается договора?

— Затѣмъ-то именно я и пришелъ къ вамъ. Съ слабонервной дамой нельзя толковать о дѣлѣ. Мы контракты уничтожимъ.

— Какія же вы предлагаете условія?

— Очень простое условіе. Пусть вдова Пойтой вернетъ мнѣ мою бумагу, а я отдамъ ей ея документъ.

— И вы не желаете воспользоваться ни однимъ изъ тѣхъ правъ, которыя вамъ предоставляются по контракту.

— Да, вѣдь, я насильно не заставлю женщину выдти за меня за-мужъ.

— Но... касательно имущества?

— А! вы говорите объ имуществѣ безъ невѣсты? Нѣтъ, милостивый государь, это противно моимъ правиламъ.

Докторъ Гришакъ всталъ со стула и, кланяясь Аладару, проговорилъ:—Вы, дѣйствительно, благородный человѣкъ!..

— Такимъ образомъ,—продолжалъ адвокатъ,—мы легко можемъ сговориться; контрактъ у меня, при васъ ли копія?

— Да, она со мной.

— Потрудитесь написать, что вы отказываетесь отъ всякихъ притязаній...

— Писать я ничего не намѣренъ, а если позволите, здѣсь же сожгу документъ въ каминѣ. Вы то же сдѣлайте съ даннымъ мною условіемъ, пусть оба превратятся въ пепелъ.

— Но... почему же не хотите вы надписать на документѣ?

— Потому, что я не желаю давать г-жѣ Пойтой никакого доказательства въ томъ, что я хоть одну секунду думалъ о ней послѣ нашей послѣдней встрѣчи. Если вы не соглашаетесь, я передамъ дѣло моему адвокату, и тогда вы вдвоемъ порѣшите этотъ вопросъ.

Д-ръ Гришакъ не желалъ упускать случая, и уговоривъ Аладара присѣсть, согласился на все.

Завладѣвъ контрактомъ, Гришакъ припряталъ его въ надежное

мѣстечко и съ веселой улыбкой подошелъ къ Аладару и прошепталъ:

— Вы нынѣче выказали большое великодушіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ, по закону, противникъ безапелляціонно долженъ былъ попасть въ ваши руки. За это вы будете вознаграждены. Припомните, что̀ говоритъ вамъ докторъ Гришакъ, тотъ самый, которому вашъ дядя предложилъ разъ вмѣсто стула скамейку, на которой садятся доить коровъ; этотъ самый докторъ говоритъ вамъ, что вы скорѣе, чѣмъ ожидаете, сдѣлаетесь богаты по-прежнему. И вы не пожалѣете, что великодушно отказались отъ чужого добра.

При этихъ словахъ, Аладаръ принужденно улыбнулся: его вниманіе сосредоточилось въ это время на томъ обстоятельствѣ, что дядя его въ самомъ дѣлѣ предложилъ доктору сѣсть на скамью коровницы.

— Да, да, милостивый государь, вашъ дядя еще хотѣлъ заставить меня лечить больныхъ овецъ, коль скоро я докторъ... Но я за это не сержусь на него, нисколько не сержусь.

Въ доказательство, что онъ вовсе не сердится, Гришакъ проводилъ Аладара до самой лѣстницы. А тотъ все смѣялся надъ скамейкой, которую дядя предложилъ доктору. Про то же, что докторъ сказалъ ему въ концѣ визита, онъ давнымъ-давно забылъ.

XI.

— Папá, мнѣ очень трудно одной,—сказала однажды дочь Аниершмидта своему хмурому отцу.

— Такъ чего же ты желаешь?

— Мнѣ бы надо кого-нибудь, кто бы могъ мнѣ помочь хозяйничать, съ кѣмъ бы можно было и побесѣдовать.

— Это вѣрно; тебѣ надо какую-нибудь компаньонку; да гдѣ ее отыскать-то?

— Я сама поищу.

Дня черезъ два Эржина опять заговорила о томъ же.

— Папá, вѣдь я нашла то, что̀ мнѣ нужно. Одна знакомая мнѣ пріятельница въ Вѣнѣ рекомендуетъ мнѣ отличную женщину.

— Почему-жъ ее въ Вѣнѣ не удерживаютъ?

— Это—несчастная женщина. Мужъ ея—негодяй; онъ завелъ процессъ съ тестемъ, изъ-за приданаго, и проигралъ. Теперь онъ мучитъ жену, даже бьетъ ее...

— Ну, ты ужъ готова расплакаться! Вѣдь не тебя бьютъ.

— Да вѣдь это такая гадость.

— Однако, если ты намѣрена оплакивать всѣхъ женщинъ, которыхъ бьютъ, совѣтую тебѣ вставать пораньше, а то дня не хватитъ на слезы.

— И это еще не все; онъ, наконецъ, выгналъ ее; бѣдная женщина не знала куда идти. Стыдилась показаться знакомымъ. Не смѣла вернуться къ отцу. Ей пришлось искать мѣста. Вотъ моя вѣнская пріятельница и рекомендуетъ мнѣ ее въ компаньонки. Она радёхонька будетъ попасть въ нашъ домъ.

— Такъ, но каковъ у нея самой характеръ?

— О, самый кроткій, она олицетворенное терпѣніе.

— Ты уже готова за это поручиться. Почемъ ты знаешь, такова ли она?

— Я предполагаю, что она должна быть кротка, если безропотно перенесла столько обидъ.

— Да это совсѣмъ иной вопросъ, ты этого не понимаешь. И фурія можетъ сносить побои отъ мужа.

— О, это не фурія, она не зла. Что-жъ, ты позволишь взять ее къ намъ?

— Пожалуй, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Вотъ ты сама увидишь, если она даже будетъ у насъ какъ сыръ въ маслѣ кататься, и то убѣжитъ къ мужу.

— Значитъ, я могу написать Гришаку, чтобъ онъ ей выслалъ денегъ на дорогу?

— Можешь, напиши.

Черезъ нѣсколько дней Эржика получила письмо изъ Пешта. Прочитавъ его въ своей комнатѣ, она долго не рѣшалась идти къ отцу, чтобъ онъ не примѣтилъ, какъ у нея заплаканы глаза. Наконецъ, рѣшилась.

— Знаешь папа, та бѣдная женщина...

— Ну, что съ ней случилось?

— Она уже доѣхала до Пешта.

— Слава Богу! Я за ней пошлю экипажъ.

— Вѣдь ты за ней карету пошлешь?

— Зачѣмъ же непремѣнно карету?

— Позволь карету!

— Ну, пусть по-твоему.

Аккершмидтъ весь слѣдующій день охотился. Настала пора для бекасовъ. Егерь предсказалъ, что въ этомъ году будетъ ихъ много — потому, что сырая погода.

Поздно вечеромъ вернулся старикъ домой, удачно поохотившись. Штукъ пять дичи украшали его ягдташъ.

Эржикѣ пришлось выслушать разсказъ о каждомъ убитомъ бекасѣ. Дѣвушка, какъ знатокъ, внимательно выслушивала разсказы, не спуская глазъ съ отца.

— Я и шестого могъ бы застрѣлить,—онъ, каналья, уже былъ подстрѣленъ, я хотѣлъ его поднять, а онъ юркнулъ въ кусты. Я такъ и не нашелъ его, а долго розыскивалъ, пока луна не спряталась. Завтра я его отыщу.

— Ты и завтра уйдешь?

— На зарѣ. Ты еще будешь спать.

— Къ обѣду-то ты вернешься?

— У меня обѣдъ въ сумкѣ.

— Какъ, ты опять такъ поздно придешь?

— Даже еще позднѣе, когда луна скроется.

— Не отлучайся завтра на долго.

— Но, милочка моя, въ это время всего удобнѣе охотиться за бекасами.

— Положимъ что такъ, но вѣдь та бѣдная женщина...

— Что опять съ ней? Но, чортъ возьми, я эту бѣдную женщину могу завтра увидать—и черезъ мѣсяцъ, а бекасы пролетятъ, и все кончено.

— А все-таки вернись въ семь часовъ.

— Клянусь св. Губертомъ, я ранѣе половины 9-го не вернусь.

— Уступи полчасика.

— Но я теперь обѣщался самому св. Губерту.

— А, можетъ, онъ и не слыхалъ твоего обѣщанія.

— Ну, хорошо: буду къ восьми часамъ дома. Если нѣсколько опоздаю, не упрекай меня. Чортъ возьми, сколько мнѣ однако терпѣть приходится ради этой бѣдной женщины, которой я еще ни разу не видалъ.

Чтобъ угодить дочери, кавалеръ рѣшился на другой день часомъ раньше отправиться на охоту. Однако св. Губертъ тѣмъ не менѣе отмстилъ ему.

До обѣда ему попалось всего два бекаса, и то одного онъ такъ прострѣлилъ, что не стоило домой нести. Послѣ обѣда часамъ къ шести началась адская гроза. Аккершмидтъ спасся отъ нея, благодаря телѣгѣ, попавшейся ему на дорогѣ.

Когда кавалеръ въѣхалъ во дворъ, разразился ливень.

Эржика съ озабоченнымъ лицомъ побѣжала отцу на встрѣчу.

— Господи Боже мой! Вѣдь она въ дорогѣ; что только съ ней будетъ въ эту грозу!

— Она, кто она?

— Да моя бѣдная женщина.

— Она все тревожится о бѣдной женщинѣ, которая ѣдетъ себѣ въ каретѣ! Чортъ знаетъ, что это такое!

Гроза долго не утихала. Кавалеръ, взглянувъ какъ-то въ окно, вдругъ увидалъ въѣзжавшую на дворъ карету.

Онъ растянулся на кровати, и рѣшилъ ничѣмъ больше не возмущаться. Вѣдь свѣтъ не передѣлаешь!

Вскорѣ однако онъ услыхалъ, что кто-то тихонько пріотворилъ дверь. Вѣрно, Эржика; дѣйствительно, это она.

Боязливо просунула она головку въ полуоткрытую дверь и глазами искала отца.

— Ты все сердишься? — спросила она дѣтски-слезливымъ голоскомъ.

— Сержусь,—ворчливо отвѣтилъ кавалеръ.

— Ну, полно же сердиться,—нѣжно проговорила дѣвочка, подошла къ отцу и старалась схватить его за руку.

— Убирайся, пожалуйста!—какъ будто сердито сказалъ ей Анкершмидтъ, отдергивая руку. Дѣвочка прижалась къ его груди и горько заплакала. Отецъ испуганно вскочилъ:

— Что съ тобой? Чего ты такъ плачешь?

Эржика обняла отца. Поцѣловала его. Но слезы не легко остановить; нельзя такъ скоро успокоиться.

— Ну, что же ты хотѣла сказать?

— Она уже здѣсь. Пріѣхала.

— Бѣдная-то женщина? Ну, слава Богу, что она здѣсь, по крайней мѣрѣ не придется ее дожидаться. Теперь ей ничего больше не надо?

— О, нѣтъ!—вздохнувъ, сказала дѣвушка.—Она очень больна!

— Надо ее въ постель уложить, заварить ей чаю; она вѣрно дорогой простудилась.

— Сдѣлай лучше, что я тебя попрошу. Исполни мою просьбу.

— Ну, хорошо, о чемъ же ты меня попросишь?

— Она желала бы тебя видѣть, прежде нежели ее въ постель уложатъ.

— Развѣ ей любопытно на меня посмотрѣть? Значитъ, у нея любопытство сильнѣе головной боли. Это добрый знакъ.

Анкершмидтъ всталъ съ дивана. Эржика схватила его руку обѣими руками и повела его на свою половину.

Въ первой комнатѣ стояла кровать Эрминіи съ бѣлыми занавѣсками, не помятыми съ той поры, какъ она бѣжала. Къ этой постели подвела Анкершмидта его младшая дочь.

Она приподняла бѣлую занавѣску, и кавалеръ увидалъ на подушкѣ какую-то больную, въ безпамятствѣ, съ впалыми глазами, желтую какъ воскъ, съ пересохшими губами — бѣдную женщину, и не тотчасъ узналъ свою родную дочь, несчастную Эрминію.

Анкершмидтъ мгновенно бросился въ другую комнату.

— Запрягай опять лошадей и скачи въ городъ за докторомъ!—раздался съ балкона голосъ кавалера.

— Какъ же скакать на замореннихъ лошадяхъ?—отвѣчалъ ему со двора голосъ.

— Да, на замореннихъ!

— Въ проливной дождь?

— Да, въ проливной дождь!

Съ этого дня въ домѣ Анкершмидта ночи кажутся очень длинными. Въ домѣ больная,—и она не спитъ.

Отецъ съ младшей дочерью поперемѣнно, а иногда оба вмѣстѣ сидятъ у изголовья страдалицы.

Больная все бредитъ, будто она невѣста. Она шопотомъ разговариваетъ съ возлюбленнымъ, котораго любитъ, обожаетъ. Говоритъ, какое должно быть у нея подвѣнечное платье, какой вѣнокъ изъ мирть и бѣлыхъ розъ. И все-то она про него говоритъ. Какъ онъ рыцарски любезенъ, какъ счастливъ или несчастливъ! То представляется онъ ей героемъ, то кажется ей, что его преслѣдуютъ. Всюду онъ съ нею, раздѣляетъ ея чувства, живетъ съ ней одной жизнію. Куда бы онъ ни пошелъ, она его видитъ.

И каждую ночь Эрминія все объ одномъ и томъ же бредитъ.

А проснувшись, она сокрушается о своемъ снѣ, жалуется на него сестрѣ. Опять она видѣла, будто любитъ его!

Во снѣ она любитъ того, кого на яву ненавидитъ. Душа ея за нимъ слѣдуетъ, ищетъ его, въ немъ только для нея все счастіе заключено, а когда проснется—содрогается; боится подумать о немъ.

— Буди меня чаще,—проситъ она сестру,—не давай мнѣ крѣпко засыпать. Когда увидишь, что начинаю волноваться, позови меня, я очнусь. Если я начну бредить, разбуди меня, не давай мнѣ бредить. О, это ужасно, что вѣчно приходится видѣть сны!

Докторъ сказалъ, что у нея сильная нервная болѣзнь. Ей только можетъ помочь благопріятный нравственный переворотъ.

Самое лучшее было бы развести ее съ мужемъ. Анкершмидтъ

тоже объ этомъ думалъ и рѣшилъ посовѣтоваться насчетъ процесса о разводѣ съ Гришакомъ.

Въ прекрасный весенній день, послѣ обѣда, Эрминія настолько хорошо себя чувствовала, что ей позволено было сойти въ садъ и погулять подъ руку съ Эржикой.

— Это солнце, эта зелень, могли бы меня вылечить,—сказала она, наклонясь къ сестриному плечу, еслибъ не мучила меня одна мысль, что мужъ можетъ потребовать меня назадъ, и тогда трава кажется мнѣ желтой, и я забываю на солнцѣ.

— Посмотри, фіалки уже распускаются,—сказала Эржика, желая развлечь сестру; наклонившись, она сорвала нѣсколько скромныхъ весеннихъ цвѣточковъ и подала Эрминіи:—Какъ они чудно пахнутъ!

Эрминія отбросила ихъ съ отвращеніемъ.

— У нихъ такой же запахъ, какъ у сигаръ, которыя онъ куритъ!.. Лучше-бъ мнѣ не выздоравливать! Теперь, потому что я больна, мнѣ никто не дѣлаетъ упрековъ, а еслибъ я выздоровѣла, отецъ припомнилъ бы мнѣ все.

— Онъ давно тебя простилъ! Смотри, вотъ онъ идетъ къ намъ, какъ онъ тебѣ улыбается.

Анкершмидтъ на поворотѣ дорожки шелъ къ нимъ на встрѣчу.

— О, нѣтъ!

На этотъ разъ дѣйствительно Эрминія была права. Анкершмидтъ былъ озабоченъ.

— Папа́, иди сюда!—крикнула Эржика веселымъ, звонкимъ голосомъ.—Я спорю съ Эрминіей, она увѣряетъ, что ты сердишься, а я говорю, что ты улыбаешься.

— Вотъ какъ! Конечно, я улыбался,—сказалъ Анкершмидтъ, подходя къ нимъ; и дѣйствительно, онъ старался казаться веселымъ.

— Онъ только теперь началъ улыбаться,—тихо проговорила Эрминія на ухо Элизѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ вернулась, она еще ни разу не осмѣлилась прямо взглянуть отцу въ глаза.

Анкершмидтъ, услыхавъ шопотъ, поспѣшилъ ее успокоить.

— Да, точно, я былъ немного не въ духѣ: меня извѣщаютъ, что, по случаю одного процесса, мнѣ надо съѣздить въ Пештъ. Мнѣ досадно, потому что не хочется оставить васъ однѣхъ.

— Видишь ли, что я была права,—прошептала Эрминія.

— Не горюй, дочь моя. Пока я въЕштѣ буду, я попрошу доктора здѣсь пожить.

Эрминія опять шопотомъ сказала сестрѣ:

— Попроси убѣдительно папу не посылать сюда доктора. Мнѣ нравится быть больной.

— Почему это? — спросилъ Анкершмидтъ, разслышавъ послѣднія слова.—Зачѣмъ ты такъ говоришь?

— Потому что, пока я больна, всѣ ко мнѣ добры.

— О, мое милое дитя,—возразилъ Анкершмидтъ, притягивая къ себѣ Эрминію и обнимая ее:—Отцовскій гнѣвъ—бальзамъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ты уже испытала.

Эрминія съ грустью взглянула отцу въ глаза и обѣими руками схватила его руку.

— Правда, правда,— прошептала она и, опустивъ голову, прибавила:—поздно приходится узнавать все это.

— Однако, дѣти мои, мнѣ пора ѣхать,—дѣло спѣшное.

— Ахъ, папá,—проговорила Эржика,—куда ты все отлучаешься,—мы тебя не пустимъ. Ночью плоха дорога.

— Это почему? почта ѣдетъ же всю ночь. Мнѣ не первый разъ придется ночью путешествовать.

— Зачѣмъ ты такъ торопишься?

— Зачѣмъ, да зачѣмъ! Гдѣ тебѣ это понять, даже еслибы я и сказалъ причину. По-латыни говорится: «periculum in mora»! Да вотъ и карета готова. Ухаживай за Эрминіей.

— Но гдѣ же дорожныя вещи?

— Мнѣ ничего не надо, все у меня есть, — коротко отвѣтилъ Анкершмидтъ, поцѣловалъ дочерей и сѣлъ въ карету, запряженную четверикомъ; экипажъ быстро удалился.

Эрминія стояла у парадной лѣстницы и не двинулась съ мѣста, пока не исчезло послѣднее облако пыли отъ удалявшагося экипажа.

Анкершмидтъ, прямо съ дороги, весь въ пыли, спѣшилъ къ доктору Гришаку.

— Получили вы мое письмо?—спросилъ адвокатъ.

— Оно-то и вызвало меня въ городъ.

— Поняли вы, что въ немъ высказано.

— Вполнѣ. Онъ намѣренъ начать процессъ, требовать, чтобъ жена къ нему вернулась.

— По гражданскому австрійскому своду законовъ...

— Я не спрашиваю, что тамъ говорится. Чего хочетъ этотъ человѣкъ?

— Признаюсь откровенно, изъ всего я одно вывожу заключеніе, а именно—что Шграфъ хочетъ выманить деньги у васъ.

— Очень радъ.

— Штрафъ—негодяй, это неоспоримо. Вы—человѣкъ честный. Штрафъ одинаково убѣжденъ и въ томъ, и въ другомъ; на этомъ и основывается весь его разсчетъ. У васъ нѣтъ въ рукахъ никакого доказательства, которое могло бы послужить мотивомъ для развода. Помимо же такихъ доказательствъ, какъ вамъ извѣстно, по закону жена не имѣетъ права жить отдѣльно отъ мужа. Чтобъ разводъ состоялся, обѣ стороны должны высказать судьѣ взаимную ненависть. До тѣхъ поръ, пока Штрафъ будетъ утверждать, что онъ любитъ жену, съ нимъ ничего не подѣлаешь.

— Слѣдовательно, мы должны купить у него признаніе въ ненависти къ женѣ.

— Дѣйствительно, обыкновенно такъ дѣлается.

— Отлично. Сколько онъ требуетъ?

— Покуда мнѣ это неизвѣстно. Но я думаю, что намъ придется пожертвовать 10,000 гульденовъ, чтобы съ нимъ поладить.

— Очень хорошо. Сейчасъ же примитесь за это дѣло. Когда процессъ о разводѣ окончится въ нашу пользу, въ видѣ вознагражденія за хлопоты вы получите отъ меня тоже 10,000 гул. Теперь дайте мнѣ перо и бумагу. Я напишу ордеръ своему вѣнскому банкиру, а вамъ дамъ обязательство. Диктуйте, что слѣдуетъ мнѣ писать?

XII.

Д-ръ Гришакъ съ первымъ поѣздомъ отправился въ Вѣну, чтобъ передать предложеніе, которое и для него представляло большую выгоду.

Въ квартирѣ Штрафа онъ засталъ другого стараго знакомаго—Максеппутша, супруга англичанки Натали.

Едва вошелъ Гришакъ въ переднюю, какъ уже успѣлъ отгадать положеніе дѣлъ. На всей мебели виднѣлись казенныя печати, доказывающія настойчивость кредиторовъ. За дверью Гришакъ слышалъ оживленный споръ между двумя собесѣдниками. Оба вмѣстѣ кричатъ,—видно, дѣло идетъ не о бездѣлицѣ. Открывъ дверь, онъ увидѣлъ, что оба знакомые стояли такъ близко другъ къ другу, какъ-будто каждый хотѣлъ заставить противника даже носомъ слушать, что онъ толкуетъ.

— Ахъ, господа, о чемъ это вы спорите съ такимъ ожесточеніемъ? — шутливо спросилъ Гришакъ, а противники, увидавъ его, отошли другъ отъ друга.—Не могу ли я помочь разрѣшить споръ?

Пока взволнованный Максеншутцъ искалъ, въ какихъ словахъ выразить свое огорченіе, Штрафъ, пожавъ плечами, запустилъ руки въ карманы и шутливо отвѣчалъ:

— Мы съ почтеннымъ другомъ моимъ разсуждали о вексельномъ правѣ. Онъ понять не хочетъ, то хотя онъ раньше всѣхъ описалъ мебель, но если другой кредиторъ явится и докажетъ, что мебель принадлежитъ моей женѣ, и предъявитъ вексель за ея подписью, то онъ и возьметъ мебель. Вѣдь это безспорно?

— Чортъ возьми!—прорычалъ Максеншутцъ,—вѣдь это не шутки. Г-нъ докторъ, не угодно ли вамъ взглянуть: вотъ векселя, доказывающіе, что я этому человѣку далъ 10,000 гульд.

— Всего-то 5,000,—онъ заставилъ написать вдвое.

— Я молчу, векселя за себя говорятъ. Десять штукъ по 1,000 гульд. Что мнѣ до этой дрянной мебели!

— Да и я то же говорю.

— Однако, значитъ, я разоренный человѣкъ?

— А я-то развѣ не разоренъ?

— Для меня непонятно веселое настроеніе этого господина! горячился Максеншутцъ:—Онъ вытянулъ у меня деньги, не можетъ заплатить,—и еще смѣется.

— Позвольте, позвольте, — сказалъ Гришакъ, — дайте мнѣ высказаться. Быть можетъ, еще не все потеряно. Сколько долженъ г. Штрафъ г-ну Максеншутцу?

— Повѣрьте мнѣ, докторъ, всего—5,000, отвѣчалъ Штрафъ.

— Хоть бы и эту сумму, на что могли вы ее разстратить?

— Да на процессъ съ тестемъ.

— Не могли же вы на него потратить всѣ деньги?

— Ахъ, бросимъ это! Вы сами знаете, что если человѣкъ на улицѣ поклонится адвокату, такъ вѣдь и за это ему заплатить придется.

— Ну, возразилъ Гришакъ, мы немного и въ карточки поигрываемъ, не такъ ли?

— Случалось. Кто же не играетъ-то? Хотѣлъ бы я посмотрѣть на такого молодца. Пожалуй, еще попрекать станутъ, что я сигары курю?

— Курили бы сигары, да не на мои деньги,—злобно проворчалъ Максеншутцъ.

Его пуще всего сердило, что должникъ по-сю пору куритъ сигары «Cabannos».

— Прошу васъ нѣсколько успокоиться, господа, — унималъ ихъ Гришакъ.—Дайте мнѣ высказаться, можно дружески порѣ-

шить дѣло. Г-нъ Максеншутцъ, я полагаю, удовольствовался бы 5,000 гульденовъ, съ прибавленіемъ законныхъ процентовъ.

— Что вы называете законными процентами?

— Ну, положимъ 10%.

— Положимъ. Что-жъ дальше?

— Это вполнѣ зависитъ отъ моего почтеннаго друга, г-на Штрафа. Анкершмидтъ поручилъ мнѣ начать процессъ о разводѣ.

— Ни къ чему это не поведетъ. Я хочу, чтобъ жена вернулась ко мнѣ.

— Онъ хочетъ, чтобъ она къ нему вернулась,—проворчалъ Максеншутцъ, съ ожесточеніемъ качая головой.—У васъ даже стула нѣтъ, посадить ее не на что!

— Когда придетъ, и стулъ найдется.

— Не придетъ она, сударь,— лукаво замѣтилъ Гришакъ, а предлагаютъ вамъ кругленькую сумму, если вы не будете препятствовать благопріятному рѣшенію процесса...

— Слушайте, да слушайте же! — вмѣшался въ разговоръ Максеншутцъ.

Штрафъ, повернувшись, черезъ плечо спросилъ:

— Какую сумму предлагаетъ онъ?

— Да-съ, это можно назвать суммой, — проговорилъ Гришакъ, разстегнувъ сюртукъ. — Ассигнація при мнѣ, извольте прочесть: 10,000 гульденовъ.

— Да слушайте же,—ворчалъ Максеншутцъ,—10,000 гульденовъ!!—Берите ихъ, берите скорѣе, соглашайтесь.

— По-вашему, я долженъ согласиться, да всѣ 10,000 вамъ и отдать, не такъ ли? Поцѣлуйте меня a conto за такую нелѣпую фантазію.

— Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ отдайте лишь мои 5,000 и проценты,— я удовольствуюсь. Чего же еще отъ меня требовать?

— Эхъ, не портите мнѣ моего дѣла,—сказалъ Штрафъ,— отталкивая своего кредитора. Потомъ, принявъ величественную позу, онъ сталъ противъ доктора и, съ трудомъ дыша сквозь сжатыя губы, проговорилъ:

— Г-нъ докторъ, я ожидалъ этого предложенія. Я зналъ, что это такъ и будетъ. Но дѣло-то еще не созрѣло. Не таковъ я человѣкъ, чтобъ на кукушку сокола промѣнять. Я убѣжденъ, что ежели мнѣ нынѣче 10,000 предлагаютъ, такъ черезъ мѣсяцъ 20,000 предложатъ. Деньги-то наростутъ, потому-то я и не спѣшу ихъ брать.

— Но!—разомъ вскричали Гришакъ и Максеншутцъ.

— Теперь переговоры кончены. Нечего со мной болѣе раз-

суждать. Я азартный игрокъ. Выигранную ставку опять кладу на карту. Ставлю 10,000 гульденовъ. Давайте вдвое или ничего. Хочу 20,000 гульденовъ, или пусть жена возвращается. Не спорьте со мной, всѣ ваши увѣщанія даромъ пропадутъ: «Faites vos jeux, Messieurs!»

— Позвольте сказать...—заговорилъ-было Максеннутшъ.

— Ни слова болѣе, контора запирается.

— Вы несноснѣйшій человѣкъ.

— Знаю, на это-то я и разсчитываю.

Максеннутшъ съ отчаянія вылетѣлъ изъ комнаты, однако на лѣстницѣ пріостановился, чтобъ узнать отъ Гришака, почему этотъ сумасшедшій надѣется, что Анкершмидтъ принесетъ для него новую жертву.

Штрафъ удержалъ доктора на пару словъ.

— Послушайте, докторъ, поняли ли мы другъ друга? Вы человѣкъ умный, и я тоже. У насъ въ рукахъ такой случай, который упускать было бы безумiемъ. Вѣроятно, Анкершмидтъ обязался дать вамъ хорошій гонораръ, въ случаѣ выигрыша процесса. Если мои новыя условія будутъ приняты, я, въ свою очередь, обѣщаю вамъ 10% вознагражденія съ означенной суммы. Это достаточно за вашъ несложный трудъ.

Гришакъ видѣлъ, что имѣетъ дѣло съ практичнымъ человѣкомъ, знакомымъ съ его ремесломъ, и на предложеніе его отвѣчалъ улыбкой, а уходя, пожалъ руку Штрафу, сказавъ: «ну, мы какъ-нибудь поладимъ».

На лѣстницѣ Максеннутшъ поймалъ доктора и всячески старался отъ него вывѣдать, можно ли добиться, чтобъ удвоили предложенную сумму? Гришакъ, лукаво прищурясь, замѣтилъ, что все улажено будетъ.

— Ахъ, лишь бы мнѣ получить свои 5,000 гульденовъ, любезный докторъ, я бы, повѣрьте, предложилъ вамъ всѣ проценты.

— 500 гульденовъ? Что-жъ! и то деньги.

Гришакъ записалъ и это предложеніе, и въ тотъ же день обратно поѣхалъ въ Пештъ.

Анкершмидтъ все время ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Именитый адвокатъ разсказалъ старику, что у Штрафа, повидимому, деньги есть, Максеннутшъ даетъ ему взаймы, сколько тотъ хочетъ. Потому-то онъ очень ломается и менѣе чѣмъ на 20,000 не хочетъ соглашаться.

Анкершмидтъ даже не поморщился. Спросилъ бумаги и написалъ второй векселъ на 10,000.

— Сдѣлайте милость, отдайте ему, сколько онъ проситъ.

Гришакъ въ тотъ же день съ вечернимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Вѣну.

— Ну, сударь мой,—проговорилъ онъ, входя къ Штрафу,—могу сказать, что дѣло было не легкое. Старикъ озлился, ругался, бранилъ меня.

Штрафъ въ высшей степени равнодушно выслушивалъ его разсказъ, облокотясь на спинку стула.

Докторъ продолжалъ:

— Признаюсь, мнѣ стоило не мало труда угомонить его,—и при этомъ онъ усѣлся на одинъ изъ опечатанныхъ стульевъ.

— Неужели?

— Подъ конецъ онъ таки-уступилъ.

— Вотъ какъ!

— Я сказалъ ему, что отъ этого вопроса зависитъ счастье его дочери, разсказалъ ему, какой вы несносный человѣкъ, какъ вы мстительны, словомъ—я васъ представилъ въ отличномъ свѣтѣ.

— Спасибо.

— Право! И вообразите, такимъ образомъ добился того, что старикъ еще 10,000 обѣщалъ. У меня вексель.

— Хорошо.

— Ну, что-жъ вы на это скажете?

— Да ничего.

— Ничего?—спросилъ Гришакъ, опершись на колѣни, чтобъ получше разсмотрѣть этого господина.—Вы ничего не хотите сказать на то, что я выигралъ въ азартной игрѣ и вмѣсто 10,000 приношу удвоенную сумму?

Тутъ Штрафъ подошелъ къ Гришаку, преспокойно положилъ руки на его плеча и проговорилъ:

— Я вамъ скажу, докторъ, что гдѣ есть 20,000 гул., тамъ найдутся и 30,000.

— Это что такое!—вскрикнулъ отчаянно Гришакъ, и вспрянулъ со стула, точно его толкнула невидимая пружина.

— Тамъ найдутся и 30,000!—хладнокровно повторилъ авантюристъ.

— Съ ума вы сошли, что ли?

— Съ чего вы это взяли,—напротивъ, я въ полномъ разумѣ. Какъ вы думаете, докторъ? Когда дѣла хорошо идутъ, кому въ голову придетъ запереть лавочку?

— Однако,—внѣ себя отъ гнѣва вскричалъ Гришакъ,—я, право, не знаю, какъ назвать ваши дѣйствія.

— Какъ?—спросилъ цинически авантюристъ.—Это, видите

ли, называется: Архимедовъ винтъ—безконечный. Не сердитесь, милѣйшій докторъ, я знаю съ кѣмъ дѣло имѣю и бью навѣрняка. Вамъ тоже не придется на меня пожаловаться. Нынче я бы вамъ выдалъ 2,000 гул., а черезъ нѣсколько дней дамъ 3,000.

— Ну, вы—молодецъ! Я бы не осмѣлился до такой степени натягивать струну. Однако, попробую еще разъ уговорить Анкершмидта,—авось уступитъ. Если же онъ скажетъ, что болѣе ни гроша не прибавитъ, тогда уже извольте гнаться за нимъ въ Америку, если онъ туда дочь увезетъ, или въ наихудшемъ случаѣ возьмите къ себѣ обратно жену, но уже меня не вините.

— До свиданія, милый докторъ,—проговорилъ Штрафъ, пожимая руку Гришака, и даже не проводилъ его въ прихожую.

Онъ сознавалъ, что теперь на его улицѣ праздникъ, и дѣйствительно былъ правъ: старикъ дѣйствительно опять согласился.

— Я это напередъ зналъ, говорилъ Анкершмидтъ своему адвокату. Вотъ вамъ еще вексель, отдайте его. Вѣроятно, когда вы скажете ему, что я согласенъ дать 30,000, то онъ сейчасъ же запроситъ 40,000; такъ я изъ предосторожности дамъ вамъ четвертый вексель на 10,000. Можете вполнѣ удовлетворить его.

Гришакъ замѣтилъ, что старикъ практиченъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сантименталенъ—practico-sentimentalis.

Онъ спряталъ оба векселя и потомъ съ пунктуальностію методиста, у котораго каждое слово равняется клятвѣ, — началъ утверждать, что теперь навѣрное исходъ дѣла будетъ благопріятный.

— Такъ сдѣлайте одолженіе, поспѣшите.

Гришакъ опять пустился въ путь, уговоривъ на этотъ разъ старика вернуться домой и обѣщая телеграммой передать ему изъ Вѣны радостное извѣстіе.

На этотъ разъ Гришакъ придумалъ зацастись свидѣтелемъ, и вспомнилъ Максенпутша. Не разсказавъ ему благопріятной новости, онъ, напротивъ, сталъ ему совѣтовать удовольствоваться однимъ капиталомъ; хорошо еще если и эти деньги получитъ; но зато онъ съ своей стороны берется склонить Штрафа къ уплатѣ денегъ.

Штрафъ, увидавъ сіяющее лицо вошедшаго Гришака, не могъ удержаться отъ улыбки.

— Что скажете, добрѣйшій докторъ?

— Прежде спрошу васъ, сколько намѣрены вы уступить изъ 30,000 гул.?

— Тридцать!!.. — воскликнулъ Максенпутшъ, услыхавъ слова доктора. Больше онъ ничего не въ состояніи былъ выговорить.

— Ни единаго гроша!—рѣшительно проговорилъ неколебимый господинъ.

— Полноте шутить.

— Я требую 30,000 сполна.

— Если я вамъ сейчасъ дамъ 29,999 гул. и 50 крейцеровъ, неужели вы не возьмете, потому что 50 крейцеровъ не хватаетъ.

— Не возьму.

Максенпутшъ съ отчаяніемъ закричалъ:

— Не дурите же однако! Вотъ вамъ 50 крейцеровъ, я готовъ ихъ прибавить.

Это проявленіе великодушія разсмѣшило Гришака и Штрафа. Казалось, они сейчасъ сговорятся.

— Ну-съ, милостивый государь,—вдоволь насмѣявшись, заговорилъ Гришакъ съ привѣтливой улыбкой.—Если вы не рѣшаетесь взять 30,000, то я скажу вамъ, что вы не 30,000, а 40,000 получите.

При этомъ онъ выложилъ изъ бумажника на столъ четыре векселя.

Максенпутшъ, увидавъ такое зрѣлище, остолбенѣлъ.

Но зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ адвокатъ, видя, что Штрафъ довольствуется 30,000, показалъ ему четвертый вексель, которой довѣритель поручилъ ему выдать въ крайнемъ случаѣ?

Штрафъ обѣщалъ ему заплатить проценты съ 30,000, а въ такомъ случаѣ удобнѣе получить ихъ съ 40,000.

— Ну, теперь все конечно, не такъ ли?—спросилъ Гришакъ Штрафа.

— Извольте мной распоряжаться—отвѣчалъ тотъ,—къ вашимъ услугамъ.

— Итакъ, прежде всего составимъ документъ. Въ немъ вы должны высказать непреодолимое отвращеніе къ своей женѣ, отказаться отъ сожитія съ нею и выразить свое согласіе на разводъ.

— Изложите все это, докторъ, какъ слѣдуетъ, и я подпишусь.

Гришакъ усѣлся и написалъ немедленно бумагу.

— Хорошо ли такъ? Какъ вамъ кажется?

— Даже читать не хочу; если вы довольны, такъ и я доволенъ.

— Не можете ли вы припомнить какіе-нибудь поступки, которые бы по закону можно было приписать ненависти и тѣмъ оправдать ваше отвращеніе къ женѣ.

— О, очень охотно!—потрудитесь написать.—Я прежде всего сознаюсь, что имѣлъ обыкновеніе ее бить.

— Чѣмъ? — позвольте спросить.

— Иногда обматывалъ вокругъ руки цѣпь отъ стѣнныхъ часовъ и билъ ее оловянными гирями.

— Да, это важно.

— Потомъ, съ утра запиралъ ее и до вечера не кормилъ.

— И это не дурно.

— Затѣмъ насильно отнималъ у нея обручальное кольцо и надѣвалъ при ней на руку горничной.

— А! ну, этого будетъ достаточно.

— Хотите, я еще продиктую что-нибудь похуже.

— И этого довольно.

Сперва Гришакъ подписалъ документъ въ качествѣ свидѣтеля, потомъ передалъ перо Максенцутшу, чтобъ онъ подписался, — и это было сдѣлано.

Наконецъ, онъ уступилъ свой стулъ Штрафу.

Штрафъ лѣниво усѣлся, придвинулся къ столу, пробѣжалъ глазами документъ, потомъ одобрительно покачалъ головой. Взявъ перо, онъ попробовалъ, посмотрѣлъ, нѣтъ ли на немъ волоска, обмокнулъ въ чернила, попробовалъ на бумагѣ, потомъ принялся писать. Сперва сдѣлалъ размахъ, чтобъ написать первую букву. Вдругъ остановился, наклонилъ голову, задумался, потомъ бросилъ перо и всталъ.

— Не хочу подписывать!

— Что́ вы сказали?—съ двухъ сторонъ крикнули ему.

— Теперь менѣе чѣмъ за 60,000 не подпишу.

Съ этими словами Штрафъ разорвалъ документъ на клочки и бросилъ на полъ.

Между тѣмъ, Анкершмидтъ дома въ такомъ былъ веселомъ настроеніи, что съ нимъ, какъ говоримъ мы, венгерцы, можно бы было птицъ наловить.

Онъ себя чувствовалъ, какъ человѣкъ, которому удалось отлично уладить свои дѣла и свалить гору съ плечъ. Оскорбленная гордость, униженная честь, отцовская любовь, страданіе и стыдъ, — все это ступевалось передъ радостной мыслію объ успѣшной развязкѣ. За 40,000 гул. онъ откупился!

Для того, кто понималъ, какъ онъ, важность достигнутой цѣли, это не крупная цифра.

Его веселость всѣхъ оживила.

Всего удивительнѣе было впечатлѣніе произведенное на больную. Въ нѣсколько дней Эрминія такъ оправилась, что была неузнаваема. Скоро она догадалась, въ чемъ дѣло. Сестры скоро

узнали секретъ отца, и съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ и онъ, поджидали телеграмму отъ Гришака. Отецъ ежедневно два раза ѣздилъ навстрѣчу посланнаго за ожидаемой телеграммой.

Но съ Анкершмидтомъ случилось то же, что́ бываетъ съ нетерпѣливымъ охотникомъ, который выходитъ изъ засады, а въ его отсутствіи дичь-то и показывается. Какъ-то на улицѣ разъѣхался онъ съ нарочнымъ, и тотъ привезъ телеграмму, въ его отсутствіе.

Эрминія должна была росписаться и приняла депешу.

Сердце забилось у нея, кровь кинулась въ голову, когда взяла она въ руки пакетъ. Вотъ клочокъ бумаги, который долженъ ей вернуть спокойствіе. Она еще можетъ надѣяться на счастіе.

Тайна и безъ того перестала быть тайной,—Эрминія вскрыла депешу.

«Штрафъ не уступаетъ. Дѣлаетъ новыя требованія. Невыносимый человѣкъ! Не знаю какъ съ нимъ быть.

Д-ръ Гришакъ».

Эржика сидѣла напротивъ сестры у круглаго столика и видѣла, какъ она въ одну минуту побѣднѣла, словно невидимая рука вдругъ стерла всю краску съ ея лица.

Она быстро вырвала у сестры депешу, но едва успѣла удержать сестру, которая безъ чувствъ упала-было съ кресла.

Эржика, услыхавъ отцовскіе шаги, бросилась къ нему на встрѣчу.

— Что случилось?—спросилъ отецъ дрожащимъ голосомъ.

Эржика подала ему распечатанную депешу:

— Она ее прочла.

Анкершмидтъ взглянулъ, снялъ депешу въ рукѣ и проговорилъ съ отчаяніемъ:—Вотъ что́ ее убило!

Послѣдняя сцена между Штрафомъ, Гришакомъ и Максенпутшемъ окончилась чуть не дракой. Вслѣдствіе того, Штрафъ придумалъ дня два не возвращаться въ свою квартиру. На третій день вечеромъ освѣдомился онъ у привратника, сколько разъ докторъ Гришакъ и Максенпутшъ объ немъ спрашивали?

Докторъ Гришакъ восемь разъ заходилъ, а Максенпутшъ каждые полчаса являлся, даже ночью.

Этого можно было ожидать.

Штрафъ порѣшилъ еще одну ночь не ночевать дома. Онъ уже и то двѣ ночи провелъ на лавкѣ въ трактирѣ, потому что денегъ у него не было, не на что было нанять нумеръ въ гостинницѣ.

Въ его кассѣ было всего-то четверть гульдена. Это были обычныя деньги въ ту пору. Гульденовую бумажку рвали на четыре и даже на 8 частей, такъ какъ мелкихъ денегъ не существовало. Лоскутка въ 15 крейцеровъ еле хватало на ужинъ; только и можно спросить пару сосисекъ да кружку пива.

Штрафъ, идя по улицѣ, смѣялся надъ всей исторіей и разсуждалъ самъ съ собой:

«У меня только и есть четверть гульдена; что будетъ лучше: съѣсть ли двѣ сосиски, по крейцеру каждая, и стаканъ пива выпить да взять плохую сигару, или просто сосиски и два стакана пива, безъ сигары. А вѣдь стоило мнѣ протянуть ружу, и было бы у меня 40,000 гульденовъ.

«Но, если мнѣ придется 4,000 отдать Гришаку, 5,500 Максенпутшу, 1,500 разнымъ кредиторамъ, — мнѣ и 30,000 не останется. И это хорошая сумма. Но, подождемъ, дадимъ травкѣ подрости. Архимедовъ винтъ — отличное изобрѣтеніе!

«Вопросъ вотъ въ чемъ заключается: нынче только поужинать копѣечными сосисками и 60,000 получить, или, 40,000 взять и послѣ отлично поужинать?»...

Трудно было разрѣшить этотъ вопросъ. Но судьба ему помогла въ лицѣ Максенпутша.

— Наконецъ-то я васъ поймалъ — кричалъ кто-то полу-радостно, полу-сердито, схвативъ его сзади за воротникъ. Штрафъ обернулся и увидѣлъ своего друга.

— Однако, — сказалъ Штрафъ, — что это за насиліе? Вы мнѣ не опекунъ, не можете меня вести, куда я не захочу идти.

— Ну, ну, ну, не горячитесь! Сейчасъ узнаете, кто я вамъ такой.

— Мой кредиторъ — вотъ и все. Велика заслуга! Я такого рода дикихъ звѣрей не боюсь. Жалуйтесь на меня.

— Успокойтесь пожалуйста. Я не кредиторъ вашъ. Посмотрите, вотъ письмо, въ которомъ я посылаю Антверпиндту всѣ десять векселей. Онъ мнѣ уплатитъ. Я ему присовѣтовалъ, что съ ними сдѣлать. Онъ ихъ не сразу долженъ предъявить, а по одному. Вы никогда не уплатите, дадите себя посадить въ долговое отдѣленіе. Кредиторъ имѣетъ право на годъ посадить васъ на свой счетъ. Черезъ годъ предъявитъ второй векселъ, опять васъ посадятъ, и такъ будетъ повторяться все та же исторія. На

десять лѣтъ вы обезпечены, у васъ будетъ и квартира и харчи, если не надоѣстъ вамъ сидѣть. Значитъ, я для васъ кто-нибудь!

Штрафъ считалъ своего друга способнымъ исполнить угрозу, не даромъ у него глаза такъ и сверкаютъ. А тотъ продолжалъ:

— Тогда Анверсмидту не къ чему будетъ вести съ вами переговоры. Онъ можетъ быть покоенъ: въ долговое отдѣленіе жёны не обязаны сопровождать мужей. Что-жъ, пріятель мой, пойдете вы со мной въ Гришаку?

— А вотъ увижу.

— Спѣшите «увидѣть», а то знаете ли, вѣдь я мужъ миссъ Натали, и она меня убьетъ, если я приду домой безъ денегъ, или если васъ не отыщу.

Доводъ точно былъ убѣдительнаго свойства.

— Ну, такъ, во имя чорта, идемъ.

Вскорѣ Орестъ и Пиладъ входили въ гостинницу «Золотой Тѣлецъ» въ Леопольдовскомъ предмѣстьѣ.

Къ удовольствію Максеннутша портьé объявилъ, что Гришакъ дома и только-что получилъ телеграмму.

Максеннутшъ проводилъ Штрафа по лѣстницѣ до самой двери и успокоился, лишь когда тотъ вошелъ въ комнату. Затѣмъ самъ онъ спустился внизъ, сѣлъ въ извозчичью карету и рѣшился дожидаться возвращенія своего друга.

Гришакъ вечеромъ, стоя у окна, смотрѣлъ на уличные фонари.

— Здравствуйте, докторъ! — поздоровался гость.

Гришакъ, взглянувъ черезъ плечо, отвѣчалъ:

— Вашъ покорный слуга.

— «Хмъ! Онъ нынче важничаетъ», подумалъ Штрафъ.

Онъ самоувѣренно бросился на диванъ и заговорилъ:

— Ну-съ, докторъ? Что подѣливаетъ Архимедовъ винтъ? Сѣно или солома? 40 или 60?

При этомъ докторъ неожиданно повернулся на каблукахъ и, уставивъ на него глаза, проговорилъ:

— Можете идти въ Силезію овесъ косить. Вамъ болѣе не надо ни Архимедова винта, ни 40,000 гул., ни 40,000 крейцеровъ. Нынче ночью умерла ваша жена.

Съ этими словами онъ кинулъ ему телеграмму, въ которой сказано было: «Эрминія скончалась въ 2 часа полуночи».

Штрафу прежде всего на умъ пришло: не хитритъ ли онъ? Пожалуй, онъ заказалъ эту телеграмму, чтобъ испугать его?

Поэтому онъ спросилъ съ улыбкой:

— Не шутка ли это, докторъ?

— Убирайтесь вонъ отсюда. Вы—дуракъ, оселъ, болванъ! Изъ-за вашего дерзкаго сумасбродства потерялъ я 14,500 гул., которые уже почти были въ моемъ карманѣ. Вы,—негодяй!

Штрафу случалось иногда выслушивать подобные комплименты, но не въ такомъ количествѣ, какъ этотъ разъ.

Наконецъ, бѣшенство у доктора выразилось не только въ словахъ, но и въ дѣйствіяхъ. Когда истощился запасъ ругательствъ, то, чтобъ ихъ снова не повторять, онъ схватилъ за воротъ пріятеля и съ такой силой вышвырнулъ его за дверь, что тотъ едва устоялъ на ногахъ.

Штрафъ, послѣ такого недружелюбнаго поступка, поправивъ шляпу, которая спустилась ему на самые глаза, сунулъ обѣ руки въ карманы жилета и пробормоталъ:

— Приходится, видно, съѣсть копѣечныя сосиски!

Посвистывая, онъ спустился съ лѣстницы. Увидавъ его, Максенпутшъ выпрыгнулъ изъ кареты и поспѣшилъ къ нему на встрѣчу.

— Ну, что-жъ, порѣшили?

Штрафъ, увидавъ его лицо, на которомъ выражалось и отчаяніе, и надежда, не удержался и громко захохоталъ; взявъ за плечи озадаченнаго пріятеля, онъ такъ прямо въ лицо ему глядя и хохоталъ...

XII.

Эржика, по смерти бѣдной сестры, унаслѣдовала послѣ нея не одинъ ея капиталъ, но и всю любовь отца. Послѣ похоронъ, Анвершмидтъ удержалъ у себя Гришака; онъ хотѣлъ посовѣтоваться съ нимъ о томъ, какъ передать Элизѣ право сохранить свою фамилію и послѣ замужества, присоединивъ къ фамиліи мужа фамилію отца.

Два дня толковали они объ этомъ проектѣ. На второй день послѣ обѣда, когда пили кофе, вдругъ вошелъ въ комнату управляющій старика-сосѣда Гароновѣльди, Компошъ.

— Какъ поживаете, любезный другъ, что скажете?—спросилъ Анвершмидтъ.

— Благодарю покорно,—отвѣчалъ Компошъ, раскланиваясь, и поспѣшно вынулъ письмо изъ кармана.

— Мы сейчасъ получили спѣшное письмо отъ г-на Алдара. Молодой баринъ пишетъ, чтобъ мы и вамъ сообщили содержаніе этого письма. Дѣло-то касается васъ еще болѣе, чѣмъ насъ.

— Что̀ это можетъ быть?—спросилъ Гришакъ съ любопытствомъ, надѣвая пенсне́.

— Если позволите, я прочту письмо,—сказалъ Компошъ:

«Любезный дядя! Вода въ Тиссѣ быстро прибываетъ. Судя по извѣстіямъ изъ Токая, мы должны ожидать большого наводненія. Вода, поднявшись еще на два фута, сломаетъ плотины около Фюзеша, у самыхъ шлюзъ. Удержатся ли шлюзы до этой поры?—но уже и теперь сваи качаются. Для нашей страны это будетъ ужасное бѣдствіе, потому что на противоположномъ берегу устроены крѣпкія плотины; значитъ, туда вода не можетъ прорваться, и затопитъ такія мѣстности, которыя никогда еще не наводняла. Если вода снесетъ плотину, такъ разольется у васъ вплоть до моста. Если на футъ выше поднимется, затопитъ овчарню, а на 2 фута—такъ попадетъ и въ комнаты. Потому слѣдуетъ принять предосторожности. Къ счастію, мостъ крѣпокъ, а у дома каменный фундаментъ. Если окружить усадьбу валомъ въ 3 фута вышиною, онъ пріостановитъ наводненіе. Слѣдуетъ поскорѣе этимъ заняться, потому что на нашу плотину нельзя положиться. Пожалуйста поспѣшите обо всемъ увѣдомить сосѣда; его замокъ стоитъ на $7^1/_2$ футовъ ниже вашего, любезный дядя, ему слѣдуетъ болѣе опасаться» и т. д.

Гришакъ замѣтилъ, что это вещь невозможная.

Поднялся споръ съ Компошомъ.

— Но вѣдь опасность еще не настолько близка,—замѣтилъ Анкершмидтъ; ему также казалось отчасти неправдоподобнымъ, чтобъ эти чудные луга черезъ нѣсколько дней могли уподобиться морской поверхности.

Компошъ пожалъ плечами.

— Впрочемъ,—утѣшалъ докторъ Гришакъ Анкершмидта,—такому строенію, какъ вашъ замокъ, врядъ ли можетъ повредить наводненіе. Вѣдь это не то, что дома, выстроенные изъ кирпича съ примѣсью грязи. Такіе, понятно, сейчасъ-же обрушатся. Вашъ замокъ строилъ вѣнскій архитекторъ, его не такъ-то легко расшатать.

Тутъ Компошъ уже вспылилъ и сталъ объяснять адвокату: онъ видѣлъ, какъ знаменитый-то вѣнскій архитекторъ этотъ замокъ строилъ, видѣлъ, какіе тутъ кирпичи, и какъ между столбами сыпали мусоръ; никто не позаботился поглубже вырыть фундаментъ, хотя почва-то песчаная,—признаюсь,—заключилъ Компошъ, во время наводненія, еслибъ мнѣ даже подарили замокъ, я въ немъ-бы и часу не остался.

Анкершмидтъ все-же поблагодарилъ Компоша за извѣщеніе,

сказавъ, что онъ намѣренъ лично убѣдиться, насколько велика угрожающая опасность, и нынче-же поѣдетъ взглянуть на Тиссу.

И Гришакъ тоже заторопился, припомнивъ, что ему необходимо завтра быть въ Пештѣ. Анкершмидтъ не особенно его удерживалъ. Проектъ насчетъ передачи фамиліи Эржики еще можно отложить. Гришакъ уѣхалъ, а вскорѣ и Анкершмидтъ отправился къ рѣкѣ. На четверкѣ хорошихъ лошадей въ пять часовъ могъ онъ легко доѣхать до Тиссы.

Свернувъ съ большой дороги, экипажъ направился къ плотинѣ; сотни людей взадъ и впередъ ходили, возили тачки, дѣлали вязанки изъ ивоваго хворосту. Когда Анкершмидтъ доѣхалъ до плотины, какой-то господинъ въ венгерскомъ плащѣ остановилъ его экипажъ и вѣжливо спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Мнѣ хочется взглянуть на работу.

— Позвольте узнать, откуда вы изволили пріѣхать? Съ этого или съ того берега рѣки?

— Съ этого.

— Хорошо-съ. Не угодно ли вамъ будетъ сказать мнѣ вашу фамилію.

— Очень охотно. Я Анкершмидтъ.

— А! Сосѣдъ г-на Гароновёльди! Вамъ слѣдуетъ выдти изъ экипажа, а карета здѣсь останется: ее нельзя везти на плотину.

— Чье это распоряженіе?

— Г-на Гароновёльди, — онъ здѣшній инженеръ.

Войдя на новую плотину, Анкершмидтъ убѣдился, что Тисса дѣйствительно разгулялась.

Бурное теченіе съ быстротою молніи неслось по направленію къ плотинѣ.

Изъ воды выглядывали лишь верхушки серебристыхъ тополей, которые находились за плотиной; это доказывало, какъ поднялась вода въ нѣсколько дней.

На поверхности бушующей рѣки не замѣтно было ни одной лодки; обыкновенно на ней виднѣлась пропасть мельницъ, которыя возвышались надъ синеватой поверхностью словно дикія утки. Вдоль берега прежде тянули баржи, а по теченію, бывало, плыли плоты; издали, иной разъ, покажется легкій дымокъ отъ парохода; тамъ и сямъ рыбачьи лодки съ сѣтями; вездѣ колья торчатъ изъ воды. Мельницы сорвало, изломало, всѣ лодки на берегъ выбросило. Съ одного берега на другой протянуть

былъ канатъ, сотни воронъ на немъ усѣлись, словно его натянули для нихъ. По временамъ, что-то черное мелькаетъ между волнами, трудно разобрать что́ это такое. Стараются угадать: что это за вещь: кусокъ ли дерева, мебель какая-нибудь или трупъ?

Скрипъ тачекъ и удары молотка заглушаютъ звуки человѣческихъ голосовъ. Теперь не до разговора, того и гляди, вода хлынетъ на послѣдній сухой край плотины.

— Вотъ и самъ инженеръ идетъ,—сказалъ провожатый, указывая на приближавшуюся фигуру, въ которой Анкершмидтъ врядъ ли узналъ-бы Аладара Гароновѣльди, еслибъ ему не сказали, что это онъ.

— Здравствуйте,—привѣтствовалъ инженеръ Анкершмидта. Вы не повѣрили моему письму, не такъ-ли? И пріѣхали своими собственными глазами взглянуть на разрушеніе? Итакъ, оглянитесь на всѣ стороны. Вотъ, нынѣче вода поднялась всего на 5 дюймовъ. Вѣрно на томъ берегу гдѣ-нибудь прорвало плотину, потому что вчера около Токая она поднялась на цѣлый футъ.

— Развѣ это намъ поможетъ, если она прорветъ плотину на той сторонѣ?—спросилъ кавалеръ.

— Понятно. Тогда она можетъ разлиться въ ту сторону; за то, тамошніе жители спасутся, если Тисса насъ затопитъ. Изволили вы замѣтить, что мои сторожа остановили вашъ экипажъ, и только узнавъ, кто вы, позволили вамъ взойти на плотину?

— Значитъ, здѣсь теперь военные порядки?

— Мы принуждены ихъ держаться. Намъ приходится бороться не съ однѣми стихіями, а съ людьми также. На этомъ и на томъ берегу находятся дома, имущество, годовой доходъ—все стоитъ на картѣ. У насъ только и есть одна защита—длинный шанецъ. Если теченіе прорветъ въ одномъ мѣстѣ шанецъ, жители того берега могутъ служить благодарственный молебенъ, они спасены будутъ, за то на пострадавшемъ берегу убытку будетъ на нѣсколько милліоновъ. Ну, а отчаянію плохой совѣтчикъ!

— Вѣдь вы не предполагаете, чтобъ могли придти съ того берега къ намъ и испортить нашу плотину?

— И то можетъ случиться; потому-то изъ предосторожности разставлены часовые, какъ въ военное время. Но вамъ, конечно, извѣстно, что самые опасные враги не тѣ, которыхъ можно прогнать съ помощію оружія. Можетъ къ намъ явиться богатый господинъ и посулить крупную сумму денегъ, если тамъ и самъ скроютъ отъ инженера недостатки.

— Однако почему бы не укрѣпить шлюзы, вмѣсто того, чтобъ строить позади ихъ новую плотину? — спросилъ Аладара Анкершмидтъ.

— Это у меня многіе спрашивали, даже оффиціально. А вонъ лежатъ сваи, выкинутыя на берегъ,—онѣ служатъ отвѣтомъ на вашъ вопросъ.

Сказавъ это, Аладаръ повелъ Анкершмидта къ 5 или 6 сваямъ, около которыхъ стояли сторожа.

— Не угодно ли взглянуть? Наводненіе вырвало эти сваи изъ шлюзъ. У каждой не хватаетъ надлежащей длины! Возьмемъ локоть и смѣримъ, съ краю до краю въ нихъ 3 локтя и 4 фута, значитъ сваи шлюзъ на 5 футъ менѣе вбиты были въ землю, чѣмъ указано на планѣ. Слѣдовательно, подрядчикъ съэкономничалъ! Вотъ и послѣдствіе этой бережливости: вода снизу подмываетъ плотину. Значитъ, всякое укрѣпленіе сверху ни къ чему не поведетъ. Сваи не могутъ противодѣйствовать напору воды, потому-то и принужденъ я въ томъ же направленіи выстроить новую плотину для огражденія этой экономической постройки, а не то именно въ томъ мѣстѣ и промокнемъ, которое считали наиболѣе огражденнымъ.

Анкершмидтъ выразилъ желаніе остаться съ молодымъ инженеромъ.

— Но я долженъ предупредить васъ, что у меня ничего нѣтъ, кромѣ прутьевъ; изъ нихъ мы сплетемъ шалашъ, въ немъ и переночуемъ.

— Отличное помѣщеніе!

Ветеранъ съ живостью молодого человѣка послѣдовалъ за инженеромъ, и, пробираясь между хворостомъ, они дошли до плетня, гдѣ оба усѣлись на связкѣ прутьевъ, положенныхъ на крестъ.

Насталъ вечеръ, стая дикихъ гусей перелетѣла съ поля въ тростникъ, изъ дальняго села долеталъ меланхолическій звукъ колокола. Съ поля слышались сигналы, на каждой милѣ рожокъ изъ букового дерева давалъ знать, что окончѣнъ дневной трудъ на плотинѣ. Кто съ утра до вечера трудился — тотъ можетъ теперь отдохнуть; начинается ночная работа. Свѣжія руки берутъ заступы и кирки и продолжаютъ работать надъ плотиной, сперва при лунномъ свѣтѣ, потомъ зажигаются фонари.

Собесѣдники условились поочереди дежурить ночью. Аладаръ болѣе утомился, и первый долженъ лечь отдохнуть. Когда мѣсяцъ скроется, Анкершмидтъ его разбудитъ, и самъ станетъ дежурить до утра.

Аладаръ, укутавшись въ свой плащъ, легъ на голую землю,

прислонившись головой къ связкѣ хворосту, и едва успѣлъ пожелать доброй ночи своему товарищу, какъ сейчасъ же заснулъ.

Анкершмидтъ усѣлся поодаль на хворостѣ и подбавлялъ дрова.

Около полуночи мѣсяцъ началъ прятаться. Серебряный серпъ словно колыхался въ волнахъ рѣки, и блѣдные лучи отражались въ водѣ, протягиваясь вплоть до берега.

Въ моментъ, когда луна стала заходить, проснулся юноша.

— Вы, кажется, почувствовали, что луна скрылась? — съ удивленіемъ спросилъ Анкершмидтъ.

— Плохой тотъ труженикъ, — возразилъ Аладаръ, — кто во снѣ не чувствуетъ, что настала минута, въ которую слѣдуетъ ему проснуться.

Между тѣмъ, вдоль плотины зажгли сотни факеловъ, и работа шла такъ же, какъ и днемъ. Телѣжки скрипѣли, возгласы рабочихъ при вбиваніи свай нарушали ночную тишину.

— Мнѣ чудится,—замѣтилъ Аладаръ,—какъ-будто вдалекѣ раздается колокольный звонъ.

— У васъ въ ушахъ звенитъ. Помилуйте, есть ли возможность услыхать звукъ отдаленнаго колокола, посреди этого скрипа телѣгъ и стука молотовъ!

Аладаръ не могъ успокоиться; отойдя на нѣсколько шаговъ отъ костра, который ему глаза рѣзалъ, онъ сталъ внимательно разсматривать поверхность Тиссы.

— Мнѣ кажется, какъ будто человѣкъ приближается.

— У васъ отличное зрѣніе. Я, кромѣ воды, ничего не вижу.

— Вонъ тамъ вдали, по теченію, гдѣ выглядываютъ верхушки плакучихъ ивъ. Сейчасъ поровняется онъ съ деревьями.

— Вѣрно это какой-нибудь кусокъ дерева.

— Я вижу слѣды веселъ въ водѣ, это долженъ быть челнокъ. Вѣрно сторожа заснули, потому и не стрѣляютъ въ него.

Черезъ нѣсколько минутъ и Анкершмидту показалось, что приближается челнокъ. Оба они взяли ружья и пошли на плотину навстрѣчу челноку.

Тисса быстро текла, челнокъ двигался словно съ помощью паровъ. Скоро можно было различить, что въ немъ сидитъ человѣкъ и гребетъ двумя веслами. Челнокъ былъ вырубленъ изъ одного куска дерева.

— Эй, кто тамъ? куда плывешь?—крикнулъ Аладаръ и прицѣлился изъ ружья.

Изъ лодки голосъ отвѣчалъ:

— Не заботьтесь о томъ, кто я, а хлопочите о спасеніи

своей жизни, пока еще есть время. Тамъ выше, около Добои канальи прорвали плотину.

— Прорвали!—съ отчаяніемъ вскричалъ Аладаръ.

— Я самъ видѣлъ, какъ прорвали, видѣлъ кто, знаю имя этого человѣка!

— Кто же это?

— Не скажу. Если я назову его, такъ его пошлютъ послѣ на галеры, а потомъ онъ вернется оттуда и хвастаться станетъ, что тамъ побывалъ. А вотъ какъ я одинъ знаю, кто онъ такой, такъ ему не остаться въ живыхъ. Будьте здоровы!

— Стой!—крикнулъ ему Аладаръ.—Выйди на берегъ, или я тебя застрѣлю.

— Извольте стрѣлять,—отвѣчалъ плывущій и легъ въ челнокъ.

Теченіе съ быстротой молніи увлекло его дальше. Стрѣлять было бы напрасно.

Аладаръ, схвативъ руку Анкершмидта, сталъ вновь прислушиваться.

— Знаете, теперь я отчетливо различаю звукъ колокола. Бьютъ въ набатъ. Вѣрно этотъ человѣкъ правду сказалъ. Намъ нельзя терять ни одной секунды. У Добои канальи прорвали плотину, вашъ замокъ можетъ затопить быстрѣе, нежели вы доскачете туда на хорошей лошади.

— А вы?

— Я здѣсь останусь, пока есть работа, хотя тутъ уже никто помочь не можетъ. Вода прибываетъ. Работники разбѣгутся, услыхавъ страшную вѣсть, да и они въ правѣ бѣжать. У каждаго семья, хозяйство. Спѣшите. Некогда совѣщаться.

— А вы-то послѣ спасетесь?

— Здѣсь лодокъ довольно, сяду въ одну изъ нихъ и буду грести по направленію къ колокольнѣ. Господь съ вами!

Пожавъ руку кавалеру и повѣсивъ ружье черезъ плечо, Аладаръ быстро пошелъ въ ту сторону, гдѣ исчезъ таинственный пловецъ.

Когда Анкершмидтъ разбудилъ кучера, посреди работниковъ на плотинѣ не замѣтно было волненія. Молоты стучали, вдоль берега горѣли факелы.

Анкершмидтъ велѣлъ погонять лошадей. Онъ только и думалъ о дочери, которой грозитъ опасность.

Луга, находящіеся между большой дорогой и плотиной были болотисты. Колеса такъ и врѣзывались въ землю.

Показалась утренняя звѣзда, а Анкершмидтъ еле добрался до

большой дороги. Тутъ лошади понеслись по шоссе, усыпанному мелкимъ булыжникомъ.

На зарѣ, доѣхавъ до ручья, кучеръ пріостановилъ лошадей, далъ имъ напиться, а Анкершмидтъ взошелъ на мостикъ, чтобъ оглядѣть мѣстность.

Вездѣ виднѣлась зелень.

На лугахъ красовались желтые и лиловые цвѣточки, засѣянныя поля напоминали шахматную доску; паслись стада, виднѣлись бѣлые и черные ягнята, коровы, буйволы.

При лучахъ восходящаго солнца на травѣ блестѣли капельки росы, точно бриллианты.

Что за благодатная страна! Кто бы могъ помириться съ мыслью, что черезъ день, даже черезъ нѣсколько часовъ все это пропадетъ. Вся эта счастливая мѣстность покроется грязью и будетъ изображать картину разрушенія.

Съ четверть часа летѣлъ экипажъ Анкершмидта, и опять на дорогѣ попался мостъ, перекинутый черезъ ручей. Кучеръ обернулся и сказалъ:

— Ручеекъ-то назадъ течетъ.

Анкершмидтъ выглянулъ изъ кареты, и ему показалось, что вода, дѣйствительно, мутная и течетъ въ противоположную сторону.

Онъ сталъ внимательно наблюдать и замѣтилъ, что канавы по дорогѣ полны воды,—должно быть, она недавно тутъ очутилась, на днѣ канавъ виднѣлись цвѣты, изъ воды торчала трава и точно удивлялась своей новой обстановкѣ.

Еще черезъ полчаса вода переполнила канавы и разлилась по дорогѣ, тамъ и сямъ сверкая между колосьями.

Наконецъ, залило и дорогу, вода покрыла весь дернъ.

— Скорѣе, скорѣе! надо торопиться! погонялъ Анкершмидтъ кучера и все выглядывалъ изъ кареты. Неслись стаи дикихъ утокъ, точно онѣ спѣшили завладѣть мѣстностью.

Въ одномъ мѣстѣ по дорогѣ попалось имъ чуть не озеро.

— Прямо въ воду!—кричалъ Анкершмидтъ. Шаговъ черезъ 200 они опять попали на сушу, и благополучно поѣхали дальше.

Теперь показались холмики, до нихъ вода не достигала, по обѣ стороны дороги виднѣнъ былъ лѣсокъ, слышалось пѣніе соловья, тополи цвѣли, слышенъ былъ запахъ акаціи. Человѣческіе нервы не могли предчувствовать того, что происходитъ за лѣсомъ.

Когда выбрались изъ чащи, ихъ взорамъ представилась иная картина.

Тамъ и сямъ отражались въ водѣ солнечные лучи точно въ разбитомъ стеклѣ. Правая сторона дороги походила на морской берегъ, о который разбивались крупныя волны. За лѣсомъ оказался проломъ въ плотинѣ длиною въ 30 локтей, и въ него съ шумомъ врывалась вода.

За проломомъ по всей дорогѣ виднѣлись телѣги, тутъ были дѣти, женщины, ломавшія себѣ руки съ отчаянія. Мужчины громко кричали; толпилось много праздная народу.

Доѣхавъ до пролома, Анкершмидтъ понялъ, почему ему никто не попадался по дорогѣ: народъ не могъ пробраться черезъ проломъ.

Обломки нѣсколькихъ телѣгъ, выброшенные въ канаву, доказывали, что были смѣльчаки, которые попробовали пробраться черезъ воду, но не могли съ ней справиться. Она безпощадно влекла за собой тѣхъ, кто съ ней пробовалъ бороться, и все больше и больше размывала плотину.

— Нельзя ли переправиться?—спросилъ Анкершмидтъ.

— Радуйтесь, что вы на той сторонѣ,—проворчалъ кто-то. Во время опасности люди становятся грубы.—Благодарите Бога, что вы внѣ опасности.

— Не знаете ли, что въ Бальфалу дѣлается? — спросилъ Анкершмидтъ о своемъ помѣстьѣ.

— Мы живемъ по близости и съ ранняго утра слышали, что тамъ бьютъ въ набатъ. Вода такъ неожиданно нахлынула, что нельзя туда попасть.

— Но я, во что бы то ни стало, долженъ туда попасть!

— Въ каретѣ трудно. Вы поѣзжайте обратно, пока есть возможность, и возвращайтесь съ какой-нибудь станціи по Тиссѣ въ лодкѣ, да скажите, что здѣсь мы въ большой опасности, того и гляди потонемъ.

Анкершмидтъ видѣлъ, что слѣдуетъ послушаться добраго совѣта. Черезъ проломъ быстро текла вода и все болѣе затопляла тотъ берегъ. Нельзя было времени терять. Онъ обѣщалъ несчастнымъ людямъ вскорѣ вернуться въ лодкѣ, велѣлъ кучеру поворотить лошадей и быстро ѣхать къ плотинѣ, на Тиссѣ; тамъ вѣрно позднѣе будетъ наводненіе.

Значитъ, надо ѣхать обратно по той же дорогѣ. Теперь уже цвѣтущая трава совсѣмъ была покрыта водою. Карету и лошадей такъ и поднимала прибывающая мутная вода, гдѣ пол-дня тому назадъ цвѣли желтые и лиловые цвѣты, виднѣлись изъ воды лишь кончики колосьевъ, а въ водѣ отражалось небо, со всѣхъ сторонъ.

На лугу уже не паслись бѣлые да черные ягнята: все это бѣжало по дорогѣ. Жители ближайшихъ селеній бросались во всѣ стороны, куда глаза глядятъ.

По безпорядочному бѣгству можно было заключить, что никто не знаетъ, съ какой именно стороны грозитъ опасность и куда отъ нея бѣжать. Слышно было, какъ въ сосѣднихъ селеніяхъ бьютъ въ набатъ. Съ верху раздавался зловѣщій крикъ водяныхъ птицъ, а на землѣ массы людей вопили, прося помощи.

Бѣлый домикъ на лугу, какой-нибудь трактирчикъ, совсѣмъ окруженъ былъ водой. На крышѣ сидѣло нѣсколько женщинъ и махали бѣлыми платками, а кругомъ ниоткуда не видно было помощи.

Анкершмидтъ былъ въ величайшей тревогѣ, и не разъ вспоминалъ слова Компоша, что новый замокъ плохо выстроенъ, и случись наводненіе—обитателямъ его трудно будетъ спастись.

На плотинѣ уже никого не было, кромѣ Аладара, его помощниковъ, да гребцовъ въ припасенныхъ лодкахъ.

Аладаръ очень былъ занятъ, едва даже замѣтилъ вернувшагося Анкершмидта; онъ веревками прикрѣплялъ къ плотинѣ сваи, которыя водой оторвало отъ плюзъ.

— Извините, я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ; я хочу только сберечь вотъ эти «доказательства», которыхъ съ собой взять не могу; сейчасъ отдамъ приказаніе людямъ, чтобы они знали, куда ѣхать на помощь къ несчастнымъ, которымъ грозитъ страшная опасность.

Вскорѣ лодки съ гребцами и паромы, по указанію Аладара, поплыли; борясь съ прибывающей водой, онѣ неслись по ея зеленоватой поверхности и направлялись къ колокольнѣ.

Анкершмидтъ въ возненіи ходилъ взадъ и впередъ по плотинѣ, крутя усы, словно они были во всемъ виноваты.

Вскорѣ вернулся къ нему Аладаръ.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ! Самое лучшее—отправить вашу карету въ Солнокъ по плотинѣ: она туда доѣдетъ, а здѣсь намъ некуда ее дѣвать.

— Но я желаю попасть домой. Что-то тамъ творится?

— Мы вмѣстѣ отправимся. Я вѣдь тоже спѣшу къ моему бѣдному дядѣ. Недѣли на три я по неволѣ свободенъ отъ должности, а покуда мы можемъ спасать утопающихъ жителей.

— Однако, вы отпустили всѣ паромы?

— Да. Они отправились въ ближайшія мѣстности, куда можно добраться прямо на паромѣ, а если мы хотимъ домой попасть, намъ надо принять нѣкоторыя предосторожности?

— Предосторожности?

— Я говорю вотъ объ этомъ челнокѣ. Мы вдвоемъ въ него сядемъ, тутъ только для двоихъ мѣста и хватитъ; когда попадемъ на сушу, можемъ взять челнокъ на плечи и нести, пока опять не встрѣтится по дорогѣ вода.

Анкершмидтъ, глядя на него, покачалъ головой, но долженъ былъ повиноваться.

Маленькая лодочка съ двумя пассажирами скользила по водѣ какъ птица, то въ прямомъ направленіи, то поворачивая вправо и влѣво. Анкершмидтъ удивлялся, какъ молодой инженеръ хорошо знаетъ дорогу, и убѣдился, что дѣйствительно скорѣе можно было проѣхать въ челнокѣ, нежели въ каретѣ.

— Вода прибываетъ быстрѣе, чѣмъ я ожидалъ. Мы ѣдемъ противъ теченія,—сильно напирая на весло, сказалъ Аладаръ.

— Вы, быть можетъ, устали? Я васъ замѣню.

— Нѣтъ, я только хотѣлъ сказать, что чѣмъ мы больше отдаляемся отъ Тиссы, тѣмъ глубже становится потокъ. Онъ издали течетъ къ намъ на встрѣчу, чѣмъ мы дальше ѣдемъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ мѣсту сильнаго наводненія.

Анкершмидтъ съ грустью глянулъ въ воду, по которой скользилъ челнокъ. Сквозь нее виднѣлись чудесные колосья, даже васильки видны были, пунцовый макъ, и среди этихъ васильковъ и маку плавали тысячи рыбокъ изъ Тиссы. Колокольчики словно плавали въ водѣ. На деревьяхъ, вполовину затопленныхъ водою, сидѣли не вороны, а горностаи да крысы, которые доплыли туда по водѣ. Со всѣхъ сторонъ изъ воды торчали ихъ головы; они плыли, розыскивая безопасное мѣстечко.

Вдругъ одна землеройка поплыла за челнокомъ Аладара и, поровнявшись съ весломъ, высоко подняла надъ водой крошечный носикъ, ея круглыя уши были загнуты назадъ, своимъ длиннымъ и широкимъ хвостомъ она правила какъ рулемъ, а блестящими и умными глазками взглядывала на Аладара, точно умоляла о помощи.

— Землеройка надѣется, что мы ее спасемъ, — улыбаясь, сказалъ Аладаръ, пересталъ грести и протянулъ весло звѣрку.

Тотъ сейчасъ же взобрался на него, потомъ на бортъ челнока и, усталый, растянулся на днѣ лодочки. Не двигаясь, тяжело дыша, онъ не спускалъ съ Аладара своихъ умныхъ глазёнокъ.

— Этотъ маленькій бездѣльникъ принялъ нашу лодку за пассажирскій пароходъ, — сказалъ Аладаръ, и, вынувъ носовой платокъ, прикрылъ имъ звѣрка, чтобъ его согрѣть.

Высунувъ потомъ голову изъ-подъ платка звѣрокъ кругомъ оглянулся и началъ разглаживать крошечными лапками свои уши и щеки, зубками расчесалъ мѣхъ на спинѣ, который отъ воды склеился, потомъ поднялъ хвостъ и ноготками расчесалъ и его, и опять началъ приглаживаться, сѣвъ на заднія лапки.

— Пріятель мой не стѣсняется—сказалъ Аладаръ, прицѣпивъ весло на другую сторону, чтобъ не испугать звѣрка.

— А какъ вы думаете, скоро ли мы домой доберемся?—спросилъ старикъ, вспомнивъ про свою заботу.

— Теперь скоро полдень, мы приближаемся къ тополевому лѣсу. Если черезъ четыре часа доѣдемъ до него, намъ останется всего три часа, потому что за проломомъ мы поѣдемъ уже по теченію.

— Что-то теперь сталось съ тѣми людьми, которые тамъ, на дорогѣ, ожидали помощи?

— Вѣрно они по сію пору дожидаются насъ, потому что въ этой мѣстности нѣтъ паромовъ. Мы поѣдемъ къ нимъ.

— Но вѣдь съ этимъ челнокомъ намъ не спасти сотни людей.

— Конечно, не съ помощію челнока, но, быть можетъ, намъ придетъ счастливая мысль; это случается во время опасности.

Онъ продолжалъ грести съ веселымъ лицомъ, точно ѣхалъ на прогулку, шутя относясь ко всему.

Черезъ полчаса они доѣхали до тополеваго лѣсу, изъ котораго вернулся обратно Анкершмидтъ. Лѣсъ этотъ стоялъ какъ островъ посреди воды, на опушкѣ вода уже омывала стволы деревьевъ.

Когда они проѣхали мимо лѣса, до ихъ слуха долетѣлъ неясный шумъ, словно звуки человѣческихъ голосовъ, шумящихъ на базарѣ; но только это были грустные возгласы. Вода все прибывала, печальная была картина. Плотину почти залило, крупныя волны ударялись о нее и грозили снести ее совсѣмъ.

Сухого пространства оставалось немного, нельзя было податься ни впередъ ни назадъ. Сотни телѣгъ скучились на одномъ мѣстѣ. Женщины были въ отчаяніи, дѣти плакали, мужчины къ сваямъ прикрѣпляли бѣлые платки и кричали, прося помощи. Вода быстро прибывала; если въ ночь ихъ не спасутъ, къ утру все исчезнетъ—и люди, и телѣги, и плотина!

Имъ нуженъ паромъ, а къ нимъ на помощь подъѣзжаетъ челнокъ.

Аладаръ, приблизившись къ несчастнымъ, крикнулъ изо всѣхъ силъ:

— Эй! Есть ли между вами разумный человѣкъ, пусть онъ выступитъ впередъ, я съ нимъ переговорю.

Всѣ притихли, и сѣдой старикъ, снявъ шапку, подошелъ къ краю воды.

— Нечего охать, надо стараться помочь бѣдѣ!—крикнулъ Аладаръ, ближе подъѣхавъ.—Въ лѣсу надо искать убѣжища.

— Оно такъ-то такъ!—отвѣтилъ старикъ, почесывая затылокъ,—да мы плавать не умѣемъ, а еслибъ и умѣли, нельзя же намъ бросить женщинъ.

— Кто же вамъ велитъ ихъ бросать? И ихъ надо перетащить. Конечно, я не могу тысячу человѣкъ перевезти въ челнокѣ, это продолжится цѣлыхъ три дня, а вода не ждетъ. Но, если я десять разъ взадъ и впередъ съѣзжу, то могу перевезти десять здоровыхъ парней, они срубятъ нѣсколько крупныхъ деревьевъ, сдѣлаютъ паромъ и на немъ перевезутъ въ лѣсъ всю ватагу. Оттуда вода народа не утащитъ, успѣютъ подать ему помощь.

Человѣкъ пятьдесятъ разомъ высказали готовность ѣхать рубить лѣсъ.

Пяти минутъ достаточно было, чтобъ съѣздить взадъ и впередъ.

Вскорѣ въ лѣсу начали раздаваться удары топора; когда въ челнокѣ перевезли десятаго парня, можно было сдѣлать даже два парома. Аладаръ сдѣлалъ руль и весла и научилъ, какъ спустить паромъ въ воду. Взявъ съ собой двухъ молодцовъ, онъ привязалъ челнокъ къ парому и велѣлъ направляться къ плотинѣ.

Никогда еще съ такой радостью не встрѣчали появленіе парома. Столько людей въ немъ видѣло своего спасителя. У всѣхъ выступили слезы на глазахъ.

— Ну, братцы! — крикнулъ Аладаръ, — теперь надо держаться порядка, тогда никакой бѣды не случится. Сперва перевеземъ женщинъ и дѣтей, онѣ всѣхъ больше трусятъ и другихъ смущаютъ. Потомъ перевеземъ стариковъ. Болѣе 30-ти человѣкъ за-разъ перевозить нельзя. Когда всѣ люди будутъ внѣ опасности, переправимъ скотину, ее слѣдуетъ лишь привязать къ парому, она переплыветъ, если есть ей за что держаться. Можно и телѣги перевезти, только сперва ихъ надо разобрать на части. Ничто не пропадетъ. Рулевой долженъ наблюдать, чтобъ лѣвый уголъ парома былъ противъ теченія.

— Нельзя ли намъ узнать ваше доброе имя, — спросилъ послѣ старикъ Аладара,—чтобъ мы могли разсказать, кто насъ спасъ и чтобъ внуки наши знали это имя.

Аладаръ и Анкершмидтъ уже сидѣли въ челнокѣ. Повернувшись, Аладаръ сказалъ въ отвѣтъ ложное имя.

— Вы черезъ-чуръ скромничаете,—упрекалъ послѣ кавалеръ юношу,—даже не хотите сказать своего настоящаго имени добрымъ людямъ, которые изъ чувства благодарности желали узнать, какъ васъ зовутъ.

— Мнѣ не трудно бы было исполнить ихъ желаніе, но вѣдь у этихъ добрыхъ людей языкъ безъ костей, и мое имя узнали бы не одни внуки, а также и окружное начальство.

— А! Такъ вы не хотите, чтобъ начальство узнало о вашемъ подвигѣ, боитесь, что дадутъ вамъ награду, расхвалятъ въ газетахъ? Теперь я понимаю въ чемъ дѣло.

— Не совсѣмъ такъ. Я о томъ подумалъ, что когда вода убудетъ и замѣтятъ, что въ казенномъ лѣсу много срубленныхъ деревьевъ, такъ меня притянутъ къ суду за «порубку» лѣса и такой прочтутъ параграфъ, что мнѣ и рта разинуть не удастся, чтобъ оправдать себя. А я, побывавши въ крѣпости, не желаю попасть въ тюрьму низшаго разряда.

На это Анкершмидтъ только улыбнулся, а Аладаръ продолжалъ:

— Поспѣшимте, однако, домой, мы здѣсь цѣлыхъ два часа потратили, надо наверстать потерянное время.

— Что, не видать еще колокольни?

— Нѣтъ, но мнѣ дорога хорошо знакома—и ночью доберусь, въ особенности при лунномъ-то свѣтѣ.

Дѣйствительно, челнокъ быстрѣе двигался, чѣмъ въ полдень, но вода уже не была прозрачна, не виднѣлись колосья да макъ, а просто грязный и мутный потокъ несся прямо изъ Тиссы. На поверхности плавалъ тростникъ и луговое сѣно.

Вода спугнула обитателей какого-то звѣринца и они длинной вереницей проплыли мимо челнока. Аладаръ пересталъ грести. Красивый олень и умная козуля не испугались, увидавъ людей. Посреди оленей, пыхтя, плылъ голодный волкъ.

— Если эти животныя въ тополевый лѣсъ попадутъ, наши люди вкусно поужинаютъ, за то недѣли черезъ двѣ начнется процессъ по поводу запрещенной охоты.

Солнце уже почти сѣло, когда Аладаръ замѣтилъ, что на горизонтѣ виднѣется колокольня.

Аладаръ посовѣтовалъ Анкершмидту не смотрѣть напрасно вдаль, потому что лишь часа черезъ три можетъ онъ увидать свой замокъ.

Лучше всего будетъ, если онъ ляжетъ въ челнокѣ и попробуетъ заснуть; ему не мѣшаетъ отдохнуть послѣ безсонной ночи.

Анкершмидтъ согласился лечь, но увѣрялъ, что спать ему не хочется, однако, какъ легъ, такъ и заснулъ.

Благодаря этому сну, ему не пришлось увидѣть свой развалившійся замокъ, который выглядывалъ изъ воды словно привидѣніе.

Аладаръ еще издали, насколько ему позволяло зрѣніе, примѣтилъ, что на замкѣ Анкершмидта крыша погнулась. Съ каждымъ ударомъ весла яснѣе могъ онъ видѣть руину. Можно было отличить ввалившіяся окна, растрескавшіяся стѣны; развалившіеся флигеля и оторванные карнизы все яснѣе обрисовывались. Аладаръ радовался, что Анкершмидтъ ничего этого не видитъ.

Время къ ночи приближалось, кругомъ царствовала тишина, которая такъ грустно вліяетъ на душу бодрствующаго человѣка; чувствуешь себя покинутымъ.

Разрушающая стихія объяла всю равнину. На горизонтѣ двѣ луны казалось приближались другъ къ другу, одна на небѣ, другая въ водѣ.

При этомъ грустномъ освѣщеніи развалины замка Анкершмидта пододвигались, какъ кошмаръ, съ каждымъ ударомъ весла отчетливѣе виднѣлись слѣды разрушенія. Искривившіяся окна, изогнутая крыша, перекосившіяся балки, проломъ въ брандмауерѣ, одиноко торчащая труба и нѣсколько оголенныхъ зданій все яснѣе и яснѣе обрисовывались въ сумеркахъ. Замѣтно было, какъ вода пробивалась сквозь окна нижняго этажа, когда челнокъ проѣхалъ мимо фасада замка, въ срединѣ котораго былъ проломъ,—сквозь это отверстіе виднѣлъ былъ старинный и вполнѣ уцѣлѣвшій домъ Гароновѣльди.

Аладаръ вдвое сильнѣе началъ грести и не спускалъ глазъ съ спящаго спутника. Онъ не хотѣлъ его будить, молча хотѣлъ проѣхать мимо развалинъ. Пусть его спитъ, пока они не доѣдутъ до дядинаго дома,—тамъ узнаемъ, что случилось съ жителями замка.

Аладаръ усиленно работалъ веслами, спѣша проѣхать мимо замка, и это ему почти удалось, какъ вдругъ на той улицѣ, въ концѣ которой стоялъ замокъ, показалась лодка.

При лунномъ свѣтѣ Аладаръ увидалъ Компоша, и тотъ его узналъ. Не успѣлъ Аладаръ сдѣлать ему знака, чтобъ онъ молчалъ, какъ Компошъ уже громко разразился:

— Ого!

Анкершмидтъ быстро поднялся и прежде всего увидалъ свой развалившійся замокъ.

Нѣсколько минутъ какъ окаменѣлый, съ неподвижными глазами и блѣднымъ лицомъ, смотрѣлъ онъ на грустную картину, и потомъ вдругъ вскричалъ:—Дочь моя!

Еслибъ его Аладаръ не схватилъ за руку онъ бы упалъ въ воду.

— Дочь моя!—съ отчаяніемъ повторилъ старикъ.

— Она у насъ, въ безопасности!—кричалъ Компошъ, стараясь съ помощію багра приблизиться къ челноку.

Анкершмидтъ и плакалъ, и смѣялся вмѣстѣ, пока Компошъ разсказывалъ подробности спасенія.

Наконецъ, обѣ лодки доѣхали до дома Гароновѣльди, стоявшаго какъ островъ посреди воды.

Черезъ мостикъ, устроенный изъ остатковъ свиного хлѣва, пошатываясь и постукивая, они пробрались во дворъ.

XIV.

Лодки встрѣчены были безъ всякой торжественности. Даже никто другъ другу на шею не кинулся. Главнымъ препятствіемъ для подобныхъ изліяній служила работа; всѣ были заняты, трудились до самой полуночи.

Огромное пространство въ 20 моргеновъ, на которомъ находился дворъ, паркъ и огороды, походило на островъ посреди моря и было биткомъ набито волами, лошадьми и овцами, которыхъ сюда перегнали съ пастбищъ, чтобъ спасти отъ воды. Пастухи наблюдали за скотомъ, а другая прислуга хворостомъ укрѣпляла ограду. Такимъ образомъ, никто не примѣтилъ, что лодка подъѣхала, кромѣ слуги, которому Компошъ велѣлъ связать цѣпью обѣ лодки и запереть на замокъ, а ключъ положилъ въ карманъ.

— Наконецъ-то мы доѣхали! Теперь позвольте васъ, кавалеръ, проводить къ барышнѣ. Я вижу огонь въ ея комнатѣ. Ну, а г-нъ Аладаръ самъ найдетъ дорогу къ дядюшкѣ,—сказалъ Компошъ.

Старый Гароновѣльди еще не ложился и радостно встрѣтилъ племянника:

— Слава Богу! Какъ ты сюда добрался?

— Въ челнокѣ. Я Анкершмидта съ собой привезъ.

— И прекрасно сдѣлалъ. Дочь его себѣ всѣ глаза выплакала, горюя объ отцѣ. Ты вѣрно усталъ?

— Право, не знаю, чувствую лишь ужасную жажду. Съ ранняго утра ничего не пилъ, хотя все время былъ на водѣ.

— Тебѣ, должно быть, и ѣсть хочется? Ужинъ готовъ.

— Зачѣмъ же вы такъ долго ждали?

— Мы поджидали Компоша. Онъ въ лодкѣ объѣзжалъ село, чтобъ посмотрѣть, не нуждается ли кто въ помощи... Однако сперва переодѣнься, въ домѣ у насъ барышня. Вотъ ключъ отъ твоей комнаты.

— Въ одну секунду буду готовъ.

Аладаръ, шаря въ своемъ шкапу, раздумывалъ, какъ странно все дѣлается на свѣтѣ: человѣка чуть не выгнали изъ дому, а онъ послѣ этого садитъ въ свой челнокъ своего же противника и съ утра до вечера гребетъ, чтобъ благополучно довезти его до дому, а потомъ, самъ, голодный, томимый жаждой, желалъ бы лечь на солому — не тутъ-то было: изволь одѣваться и идти освѣдомиться о здоровьѣ дочки своего противника.

Аладаръ вовсе не желалъ зла незнакомой барышнѣ, но не прочь бы былъ услыхать, что она не придетъ ужинать потому, что у нея мигрень, или оттого, что уже спать легла.

Ожиданіе его не сбылось. Вскорѣ раздался голосъ дяди. Онъ пришелъ его поторопить. Кушанье подали, и гости приглашены.

Случилось именно такъ, что въ дверяхъ дядя и племянникъ столкнулись съ кавалеромъ и его дочерью.

Тутъ было не до китайскихъ церемоній. На-скоро поздоровались, нельзя же стоять въ дверяхъ.

За столомъ, разговоръ начался-было съ выраженія благодарности за спасеніе, но благодаря Компошу разговоръ скоро перешелъ на другіе предметы. Вино подѣйствовало на управляющаго, и старикъ сдѣлался болтливъ болѣе обыкновеннаго.

— Объ одномъ сожалѣю, что во время опасности г-на Аладара не было дома!

— Почему это?—спросилъ юноша.

— Вы бы могли сами барышню спасти. Это бы такъ слѣдовало. Я и въ романахъ читалъ, что это всегда такъ случается, а то знаете ли мы, старики...

Аладаръ, замѣтивъ, что Компошъ болтаетъ вздоръ, прервалъ его разсказомъ о спасеніи землеройки, которую онъ послѣ спряталъ въ карманъ пальто, къ ужасу Компоша, ненавидящаго землероекъ, этихъ вредныхъ животныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Эржика же восхищалась принесеннымъ звѣркомъ и даже просила подарить его ей.

— Только вы ему закажите крѣпкую клѣтку, барышня, — важно замѣтилъ Компошъ: — онъ вѣдь грызетъ даже дубовое дерево.

— Кто же держитъ гостей въ клѣткѣ? У меня онъ будетъ расхаживать на волѣ.

Анкершмидтъ вмѣшался въ разговоръ.

— Подумай, другъ мой, вѣдь мы теперь однако сами гости, нашъ за́мокъ стоитъ подъ водой.

— Э, полноте, — остановилъ его старикъ Гароновёльди, — мои гости у меня должны быть какъ дома. Я желаю, чтобъ вы здѣсь жили, какъ въ своемъ домѣ, пока вашъ за́мокъ будутъ исправлять. У меня помѣщеніе большое, а я одинёхонекъ.

Всѣ замолчали.

Въ такія минуты обыкновенно всѣ, молча, объ одномъ и томъ же думаютъ.

Первый заговорилъ Анкершмидтъ.

— Искренно благодарю васъ за дружеское предложеніе и рѣшительно не имѣю никакого основанія отъ него отказаться. Эржика и безъ того зоветъ васъ дядей.

— Вамъ вѣдь хорошо извѣстно, что мы старые знакомые. M-lle Эржика мнѣ давно оказала услугу. Вѣдь и она меня спасла, еще не зная, сто́ю ли я этого.

— Какъ это случилось? — спросилъ Аладаръ, глядя на Эржику.

— Это та́къ, шутка, — краснѣя, проговорила дѣвочка.

— По отношенію ко мнѣ это вещь важная, — сказалъ Гароновёльди.

— Какъ? — воскликнулъ кавалеръ, рукой закрывая стаканъ, чтобъ Компошъ ему не подливалъ вина: — вы еще не забыли этихъ пустяковъ.

— Конечно, нѣтъ, у меня при себѣ письмо, которое, помните, я не хотѣлъ прочесть, за что́ почтенный сосѣдъ мнѣ чуть голову не отрубилъ. Я съ той поры ношу письмецо въ своемъ бумажникѣ.

Чтобъ доказать, что говоритъ сущую правду, онъ вынулъ старый кожаный бумажникъ, и изъ четвертаго отдѣленьица, гдѣ хранились самыя старинныя драгоцѣнности, напримѣръ: два банковыхъ билета съ венгерской надписью: «anno domini», добраго стараго времени, измятый портретъ и шелковый лоскутокъ отъ какого-то знамени — тутъ же лежало и письмецо, которое дѣвочка написала, еще будучи ребенкомъ, предостерегая его противъ измѣны. Онъ передалъ письмо Аладару, такъ какъ другимъ оно было знакомо.

Никто не могъ предположить, что Аладаръ по почерку узнаетъ руку, написавшую прошеніе, благодаря которому его освободили. Никто не могъ знать, что онъ видѣлъ это прошеніе.

Взглянувъ на письмо, Аладаръ почувствовалъ, какъ кровь прилила ему къ сердцу. Онъ не читалъ его, или если и читалъ, такъ не думалъ о немъ. Онъ припоминалъ дѣтски правдивое прошеніе объ освобожденіи узника, который всѣми былъ забытъ и для всѣхъ потерянъ.

Вотъ та рука, то сердце, которые дѣйствовали и чувствовали, и которыхъ не могъ онъ отыскать.

— Ты, кажется, не намѣренъ мнѣ возвратить письма? — спросилъ старикъ Гароновѣльди племянника.

— Я думаю о томъ, какъ почеркъ этотъ схожъ съ почеркомъ другого лица.

Въ эту минуту Аладаръ невольно примѣтилъ, съ какимъ удивленіемъ Анкершмидтъ переглянулся съ дочерью, и какъ дѣвушка, растерявшись, опустила глаза, между тѣмъ какъ Анкершмидтъ всячески старался казаться спокойнымъ.

Старикъ приписалъ волненіе Анкершмидта усталости. Онъ поднялся съ мѣста, всѣ этимъ воспользовались, чтобъ распрощаться и каждый пошелъ въ свою комнату.

Старикъ Гароновѣльди удивился, когда, вставъ рано и пробираясь на цыпочкахъ по корридору, чтобъ, никого не разбудя, выдти изъ дому посмотрѣть на наводненіе, вдругъ увидалъ Аладара совсѣмъ одѣтаго. Онъ вышелъ изъ своей комнаты.

— Какъ, ты уже проснулся?

— Да, я хочу пораньше уѣхать.

— Уѣхать? Куда? Зачѣмъ?

— Въ челнокѣ поѣду, посмотрю, нельзя ли кому-нибудь помочь?

— Къ чему же такъ спѣшить?

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату, я вамъ все разскажу.

Старикъ пошелъ къ нему.

— Ну, говори же, что тебя гонитъ отсюда?

— Милый дядя, вчера, когда вы мнѣ показали письмо, я увидалъ, что оно написано тѣмъ же почеркомъ, какъ и прошеніе, по которому меня освободили.

Стараго Гароновѣльди тоже поразило это открытіе.

— Значитъ, она писала и прошеніе?

— Да, я знаю болѣе чѣмъ бы желалъ.

— И хочешь бѣжать отсюда!

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Первый разъ въ жизни встрѣчаю я женщину, у которой есть сердце. Будь она старуха, я бы этому обрадовался, сталъ бы ее звать матерью, прося называть меня своимъ сыномъ, но прелестный, умный, добрый ребенокъ и я — къ чему поведетъ эта встрѣча?

— Я въ этомъ бѣды не вижу. Если ты ее любишь, бери ее. Тебѣ ее отдадутъ.

— Добрый дядя, я вѣдь бѣдный человѣкъ, съ трудомъ хлѣбъ добываю, а они богаты. Если я здѣсь останусь, имъ придется по милости наводненія со мной встрѣчаться, говорить, желаютъ ли они этого или нѣтъ. Они по неволѣ должны жить со мной подъ одной кровлей. Кругомъ море, куда имъ дѣваться? Если я воспользуюсь ихъ грустнымъ положеніемъ, меня можно будетъ сравнить съ индійцами съ Карибскихъ острововъ, которые ѣдятъ тѣхъ, кто у нихъ ищетъ прибѣжища.

— Твоя правда, уходи.

Старикъ еще разъ пожалъ руку племяннику и повторилъ: уходи! Взялъ его подъ руку, и они вмѣстѣ пошли во дворъ.

По словамъ прислуги въ ночь вѣтеръ испортилъ укрѣпленія. Аладаръ сейчасъ распорядился, чтобъ въ ящики изъ-подъ муки наложили камней, объ такую ограду волны будутъ разбиваться. Когда эту работу кончили, насталъ время завтрака. Аладару опять пришлось встрѣтиться съ Анкершмидтами.

Аладаръ не могъ уйти, не простившись, потому и сказалъ Анкершмидту, что хочетъ въ лодкѣ ѣхать въ Добои на Тиссу, откуда началось наводненіе.

— Чѣмъ вы тамъ можете помочь?—спросилъ Анкершмидтъ, чтобъ его удержать.

— Ничѣмъ, но могу изучать грустныя послѣдствія наводненія.

— А я надѣялся, что мы нынче прокатимся по отдаленнымъ лугамъ.

Это было удерживаніе in optima forma, отказаться было невозможно.

— Я не спѣшу, я охотно поѣду съ вами, погода хорошая.

Никогда бы молодые люди не узнали другъ друга такъ скоро, еслибъ не наводненіе.

На возвратномъ пути съ прогулки, Аладаръ нашелъ уже, что вода становится прозрачнѣе. Что за пустяки и всѣ убытки

въ сравненіи съ тѣмъ, что́ се́рдце иногда можетъ выиграть. Когда всѣ вернулись къ обѣду, Компошъ порадовалъ ихъ извѣстіемъ, что вода спустилась на 2 дюйма.

Аладара это вовсе не порадовало,—напротивъ, онъ еще поссорился съ Компошомъ за то, что тотъ радуется явленію, которое доказываетъ только, что вода опять гдѣ-нибудь прорвала плотину и наводнила другія мѣстности.

Черезъ три дня послѣ того Аладаръ, наконецъ, вспомнилъ, что пора ѣхать; нельзя же ему оставаться послѣ того, что́ онъ толковалъ о своемъ отъѣздѣ. Вечеромъ онъ объявилъ дядѣ, что завтра намѣренъ уѣхать и взять съ собой гребца.

Старикъ, подмѣчавшій хорошо все, что́ совершалось около него, съ улыбкой отвѣчалъ племяннику:—Пожалуй, а я велю тебѣ испечь пирогъ на дорогу.

Утромъ Аладаръ рано всталъ, сложилъ свои чертежи, инструменты, и усердно вытрясалъ пальто. Старикъ вышелъ изъ своей комнаты и шутливо спросилъ:

— Что-жъ, собираешься въ дорогу? Пирогъ-то готовъ.

— Благодарю, дядя. Я хочу проститься съ Анкершмидтами.

— Хорошо сдѣлаешь, послѣ и мнѣ удѣли минутку.

Вѣроятно, Аладаръ ошибся, и прежде чѣмъ попасть къ Анкершмидту, вошелъ въ комнату къ его дочери; въ свѣтѣ это не принято,—впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что Эржика уже кончила свой туалетъ.

По лицу дѣвушки видно было, что и она какъ будто его дожидалась.

— Вы уже ѣдете?—спросила она, протягивая ему руку.

— Я слишкомъ долго здѣсь прожилъ.

— Но, вѣдь, вы, кажется, здѣсь у себя дома.

— О, нѣтъ, вѣдь это дядинъ домъ, а онъ меня почти-что выгоняетъ, онъ лѣнтяевъ не любитъ.

— Теперь этотъ домъ однако принадлежитъ не одному дядѣ, а отчасти и намъ. Такъ или нѣтъ?

— Ваша правда.

— Въ такомъ случаѣ я васъ кое о чемъ попрошу, только пожалуйста не сочтите меня черезъ-чуръ бойкой.

— Что́ прикажете?

— Я хотѣла попросить васъ остаться еще на день.

Аладара не было надобности особенно упрашивать.

— Ваша просьба будетъ исполнена,—я остаюсь.

— А!—вскрикнула дѣвушка, радуясь такому началу, и глаза

ея заблистали.—Теперь я сожалѣю, что не попросила васъ пробыть здѣсь всю недѣлю.

— Хорошо,—отвѣтилъ Аладаръ.—Я останусь и недѣлю.

— Еслибъ я знала, что вы склонны къ уступкамъ, я бы попросила васъ остаться на мѣсяцъ.

Аладаръ не могъ больше скрывать волненія, и въ голосѣ его проглянула нѣжность:

— Я здѣсь останусь на мѣсяцъ, на два, на цѣлый годъ!

Дѣвушка вдругъ, со слезами на глазахъ, обѣими руками схватила его руку и сказала:

— Оставайтесь навсегда...

— Навсегда!—сказалъ Аладаръ, прижимая къ груди милаго ребенка.

Аладаръ могъ только расцѣловать ручки милаго ребенка.

— Пойдемте, пойдемте, — сказала Эржика, взявъ его подъ руку, и повела его къ отцу.

— Посмотри, папá,—сказала она, входя въ комнату отца:— я ему сдѣлала предложеніе, онъ принялъ.

Старикъ, подавая руку Аладару, притянулъ его къ себѣ и поцѣловалъ въ обѣ щеки, нѣжно прошепталъ: «мой милый!»

Аладаръ молчалъ. Онъ былъ не изъ тѣхъ, которые вслухъ высказываютъ свои мысли. Онъ думалъ о томъ, что для него только-что началась новая жизнь, и вотъ въ новой жизни, на первыхъ же шагахъ, онъ встрѣчаетъ счастье! Въ ту эпоху грустна была общественная жизнь, и въ такое-то время его ждетъ счастье возлѣ любимой женщины, въ маленькомъ волшебномъ мірѣ, въ которомъ онъ забудетъ, на какой мы живемъ несчастной планетѣ.

Много есть въ жизни хорошаго, о чемъ еще и не говорилось въ книгахъ.

Между тѣмъ, старику Гароновёльди надоѣло, наконецъ, что племянникъ такъ долго прощается съ Анкершмидтами. Старикъ рѣшился самъ пойти къ гостямъ.

Войдя въ комнату Анкершмидта, онъ только улыбнулся, увидавъ, что Аладаръ сидитъ возлѣ Эржики.

Но, какъ-будто ничего не замѣчая, онъ обратился къ Аладару:

— Твоя лодка готова...

— Теперь я никуда не поѣду,—отвѣчалъ Аладаръ, подводя къ дядѣ свою сконфуженную невѣсту.

— Мы его здѣсь удерживаемъ,—сказала Эржика, прижимаясь къ жениху.

— Ну, а я лодку-то приготовилъ, — добродушно подшучивалъ старый Гароновѣльди.

Анкершмидтъ разсмѣялся.

— Да вѣдь я зналъ, что этимъ кончится, — продолжалъ дядя. — Вотъ когда можно сказать, что свадьбу не только небо устроило, но и вода также. Теперь у нашего героя поубавится тщеславія при мысли, что онъ только и могъ найти себѣ невѣсту на островѣ, гдѣ не случилось соперниковъ.

Влюбленные, несмотря на сыпавшіяся на нихъ насмѣшки, чувствовали себя вполнѣ счастливыми, и стояли рядомъ, обнявшись.

Эту сцену прервалъ приходъ Компоша; никого не найдя въ другихъ комнатахъ и узнавъ, что всѣ собрались у Анкершмидта, онъ съ шумомъ влетѣлъ, объявляя, что съ утра вода опустилась на цѣлый футъ.

— Мнѣ до этого теперь дѣла нѣтъ, — сказалъ Аладаръ, выступая впередъ, — пусть ее хоть совсѣмъ исчезнетъ.

Компошъ посмотрѣлъ на всѣхъ и съ-разу понялъ, въ чемъ дѣло.

— Ага, такъ вотъ почему г-нъ Аладаръ разсердился, когда я вчера сказалъ, что вода убыла. Ну, это...

Такъ Компошъ и не досказалъ своей мысли.

Впрочемъ, извѣстіе, сообщенное имъ, побудило всѣхъ тотчасъ же выдти изъ дому и взглянуть, какъ убываетъ вода...

Прошло нѣсколько недѣль. Наводненіе давно уже прекратилось. Сперва образовалось болото, потомъ появились маленькіе озера среди полей; эти озера просохли только на третье лѣто.

Всюду виднѣлось грустное опустошеніе.

Долго съ трудомъ можно было переѣзжать изъ одной деревни въ другую, до того плоха была дорога. Вода сорвала всѣ мосты.

— А не случись наводненія, никогда бы мы не встрѣтились, — сказалъ какъ-то Анкершмидтъ.

Теперь онъ только объ одномъ заботился — о счастіи своей дочери.

Въ одно изъ ближайшихъ воскресеній въ церкви послѣдовало обычное оглашеніе о предстоящемъ бракѣ. Старики радовались, словно сами помолодѣли.

[Тутъ собственно и кончается романъ Іокая; но авторъ, въ заключеніе, помѣстилъ еще два эпизода, съ цѣлью досказать вкратцѣ судьбу второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, и эпилогъ, выясняющій политическое и общественное значеніе романа.]

ЭПИЛОГЪ.

Медвѣдь—большой философъ. Въ ясные дни онъ также наслаждается жизнью, а когда ненастье придетъ, онъ не бѣжитъ въ чужую сторону, какъ, напримѣръ, аисты, не грабитъ по лѣсамъ, какъ волки, и не прислуживаетъ, какъ собаки, а прячется въ свою берлогу, уляжется тамъ, да и ждетъ себѣ спокойно: кому скорѣе надоѣстъ пассивное сопротивленіе — ему или зимѣ?

Всегда зима оказывается нетерпѣливѣе и убѣгаетъ; но никто еще не видывалъ, чтобъ медвѣдь замерзнулъ въ берлогѣ.

Иногда долго длится стужа. Медвѣдь и этимъ нисколько не смущается. Онъ знаетъ, что придетъ время — и зима кончится. Если вѣтеръ слишкомъ сильно дуетъ въ берлогу, онъ не читаетъ ему никакихъ увѣщаній, а просто повернется спиною къ отверстію; такъ что если и мерзнетъ у него что-нибудь, такъ одна лишь спина.

Зимой бываетъ день, который у венгерцевъ называется днемъ «Освященія свѣчей», а именно 2-е февраля. Почему знаетъ медвѣдь, когда по календарю наступаетъ этотъ день — пока остается тайной для натуралистовъ. Дѣло въ томъ, что въ этотъ самый день медвѣдь выходитъ изъ берлоги и озирается кругомъ.

Смотритъ, какова погода! Если увидитъ, что день ясный, снѣгъ таетъ, небо голубое, да еще примѣтитъ, что глупыя синицы начинаютъ пѣть весенній гимнъ, принимая за зелень древесныя почки (изъ прутиковъ, намазанныхъ клеемъ, устраиваютъ имъ ловушки, въ которыя онѣ и попадаются); если дуетъ теплый вѣтеръ, медвѣдь возвращается въ берлогу, ложится на бокъ, уткнетъ въ лапы морду и спитъ еще 40 дней. Значитъ, зима просто кокетничаетъ, все равно, что консервативное министерство, когда выставляетъ либеральную программу.

Если же медвѣдь увидитъ 2-го февраля, что погода холодная, вѣтрено, снѣгъ падаетъ, стволы деревьевъ скрипятъ, и вороны каркаютъ, покачиваясь на вѣткахъ, словно говорятъ: «не дождаться намъ марта, зимѣ конца не будетъ!» — когда съ сосенъ падаютъ ледяныя сосульки и волкъ воетъ въ лѣсу,—тогда медвѣдь отряхивается, протираетъ глаза и не возвращается въ берлогу, а весело идетъ прогуляться по лѣсу.

Медвѣдь понимаетъ, что это въ послѣдній разъ проявляется вся жестокость зимы. Пусть ее злится: чѣмъ она больше сердится, тѣмъ скорѣе растаетъ.

Медвѣдь не ошибается.

Гдѣ набрался онъ идей совершательной философіи? — этого мы сказать не съумѣемъ. Но знаемъ давнымъ-давно, что это метеорологическое наблюденіе сдѣлано было именно въ Венгріи. Это вѣрно.

Старый Гароновѣльди и послѣ свадьбы племянника все еще не снималъ съ себя зарока, и не переступалъ черезъ порогъ своего жилища.

Впрочемъ, если онъ прежде жилъ отшельникомъ, такъ теперь и подавно можетъ продолжать сидѣть дома: онъ не одинъ. Правда, Аладару рѣдко приходилось быть его компаньономъ, — онъ занятъ былъ своей службой. За то Эржика была неразлучно съ нимъ, да и Анкершмидтъ больше сидѣлъ у Гароновѣльди, чѣмъ дома.

Австрійскій ветеранъ такъ освоился за это время съ нашей политикой, какъ-будто бы десять лѣтъ прожилъ въ Венгріи.

Онъ вообще въ политикѣ принадлежалъ къ партіи, такъ-называемыхъ, «сангвиниковъ». Онъ былъ изъ близорукихъ, изъ тѣхъ, которые принимаютъ муху за слона и вѣрятъ всему, что говорится въ газетахъ.

Гароновѣльди надъ нимъ подсмѣивался:

— Все это солнечные лучи «второго февраля».

Анкершмидтъ радостно хватался за всякое явленіе, предсказывающее перемѣну, какъ онъ говорилъ, въ «*нашей* судьбѣ».

Такъ всегда бываетъ у насъ, въ Венгріи: иностранцы-колонисты, новые помѣщики, черезъ десять лѣтъ толкуютъ непремѣнно о «*нашей* участи». Это у насъ очень обыкновенное явленіе.

Такіе иностранцы даже превращаются иногда въ самыхъ ревностныхъ венгерскихъ патріотовъ, а дѣти ихъ и подавно.

Анкершмидтъ, бывшій австрійскій генералъ, не только принялъ къ сердцу венгерскіе интересы, но еще примкнулъ къ крайней лѣвой партіи.

Но Адамъ Гароновѣльди все не трогался изъ своей берлоги.

Ему казалось, что зима все еще длится, не время медвѣдю просыпаться.

Между тѣмъ, настало время бурь, снѣга, мороза; всѣ умы были отуманены. Застыла всякая надежда, завяли рано распустившіеся листики, слышалось лишь карканье воронъ: «не стóитъ надѣяться, не стóитъ мечтать!»

Однажды Анкершмидтъ пришелъ къ старику Гароновѣльди

очень не въ духѣ и передалъ газету, сообщавшую новое, грустное извѣстіе:

«Сдвинутъ каждый камень, на которомъ основывались надежды патріотовъ. Одинъ лишь остался нетронутымъ въ тяжелое время переворотовъ и разгрома — то была «свобода вѣроисповѣданія». Теперь страшные новаторы и на него ступаютъ ногой, хотятъ и его опрокинуть. Время имъ благопріятствуетъ,— очень темно, очень холодно...»

При этомъ извѣстіи Гароновѣльди оживился.

— А! ну, вотъ, значитъ, пора медвѣдю выдти изъ берлоги!— воскликнулъ старикъ. — Приготовьте карету, я завтра поѣду въ Мишкольцъ, въ протестантскую консисторію.

Это было въ концѣ 1865 года. Медвѣдь былъ правъ: усиленная буря и завываніе вѣтра говорили только объ агоніи реакціи.

Въ концѣ 1867 года начались выборы въ новую палату.

Самымъ яростнымъ агитаторомъ во всемъ околотвѣ явился старикъ Анкершмидтъ.

Эржика цѣлые дни вышивала да пришивала кокарды цвѣта 1848-го года, которыя ея старикъ-отецъ раздавалъ всѣмъ, кто попадался ему на улицѣ. Онъ готовъ былъ съѣсть каждаго, кто осмѣливался сомнѣваться въ томъ, чтобы стараго Гароновѣльди выбрали въ члены палаты. Кандидата же враждебной партіи онъ такъ пугнулъ, что тотъ даже оффиціально извинился въ томъ, что осмѣлился тягаться съ Гароновѣльди. И кончилось тѣмъ, что Анкершмидтъ достигъ своей цѣли: старикъ Гароновѣльди выбранъ былъ единогласно.

Вотъ странныя дѣла, — и все-таки о нихъ никакъ нельзя сказать: «Помилуйте, да это давнымъ-давно было; а пожалуй — это все и выдумано...» — Нѣтъ, это и не выдумано, и было вовсе не такъ давно!

М. П—ой.

ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ

ВЪ

РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

IV *).

Отъ путаницы, какую представляютъ мысли Погодина о польскомъ вопросѣ, пріятно перейти къ точкѣ зрѣнія, которая отличается большой послѣдовательностью и—иногда большой прямотой. Какъ бы ни мало соглашались мы съ точкой зрѣнія славянофильской (разумѣемъ настоящихъ славянофиловъ, а не эпигоновъ), мы готовы признать эти ея качества, и еще одно—искреннюю любовь къ народу.

Такъ какъ мы не имѣемъ въ виду подробной, библіографической исторіи польскаго вопроса въ нашей литературѣ, то остановимся только на двухъ-трехъ статьяхъ, гдѣ взглядъ этой школы выразился съ достаточной полнотой, не подъ одними случайными впечатлѣніями минуты, а какъ цѣльная, давно признаваемая теорія. Отголоски этого взгляда можно было встрѣтить и въ другихъ, между прочимъ низменныхъ слояхъ нашей литературы,—но послѣднихъ мы желали бы вовсе не касаться: повторяя клочки славянофильской теоріи, они не повторяли ни ея логической связи, ни примѣровъ ея искренности, и прибавляли только злобность и лицемѣріе.

Прежде всего мы остановимся на статьѣ Юрія Самарина

*) См. выше: февраль, стр. 703.

напечатанной въ сентябрѣ 1863 года, когда были еще сильны непосредственныя впечатлѣнія событій,—но остающейся на высотѣ обширнаго историческаго вопроса [1]).

Польскій вопросъ, по словамъ Самарина, едва ли не самый запутанный и сложный изъ всѣхъ вопросовъ, когда-либо занимавшихъ Европу. Эта запутанность происходитъ отъ того, что въ немъ смѣшались *три* вопроса, тѣсно связанныхъ между собой, но по существу различныхъ: во-первыхъ, польская *народность;* во-вторыхъ, польская *государственность*, и наконецъ «*полонизмъ*, какъ просвѣтительное начало, какъ представительство и вооруженная пропаганда латинства въ средѣ славянскаго міра». Эти три понятія постоянно смѣшиваются, говоритъ Самаринъ; вся политика поляковъ заключается въ ихъ отождествленіи, наша должна состоять въ ихъ разъединеніи.

Польская *народность* есть фактъ: у поляковъ есть свой языкъ, литература, историческая физіономія, бытовыя преданія. «Признаніе этого простого и неопровержимаго факта естественно ведетъ къ признанію права на такое устройство, которое бы не нарушало свободы народной жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, составляющихъ *необходимое условіе всякой живой народности*. Мы разумѣемъ подъ этимъ: свободу вѣроисповѣданія, оффиціальное употребленіе народнаго языка въ дѣлахъ внутренняго управленія и своеобразность гражданскаго быта». Но по этому самому основанію поляки не могутъ требовать подчиненія себѣ другой народности, имѣющей тѣ же самыя права: ихъ притязанія не могутъ идти далѣе фактическихъ предѣловъ ихъ народности.

Иначе стоитъ вопросъ о польской *государственности*. Политическая самостоятельность не составляетъ неизбѣжной принадлежности всякой народности; напротивъ, народность въ одну эпоху можетъ быть отдѣльнымъ государствомъ, въ другую можетъ потерять независимость, вовсе не уничтожаясь сама. Съ другой стороны, государство, хотя и бываетъ преимущественнымъ выраженіемъ и дѣломъ одной народности, но можетъ не ограничиваться только ея предѣлами и, напротивъ, захватывать другія народности или части ихъ по внѣшнимъ обстоятельствамъ—по условіямъ защиты, торговыхъ путей и т. п. Такимъ образомъ, и польскій государственный вопросъ надо ставить самостоятельно, не сливая его съ вопросомъ народности.

Польское государство было нѣкогда обширно и могущественно;

---

[1]) См. „Современный объемъ польскаго вопроса", въ № 38 „Дня" 1863. „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина", М. 1877, т. I, стр. 325—350.

это могущество, эти обширныя земли потеряны. Въ какихъ же границахъ требуется возстановленіе польскаго государства? Поляки не скрываютъ, что при этомъ желаемомъ возстановленіи они не думаютъ довольствоваться предѣлами польской народности, что въ этихъ предѣлахъ прочное государство немыслимо между сильными сосѣдями, и указываютъ на такъ-называемыя «историческія границы» старой Польши (обыкновенно—на границы 1772 г., наканунѣ перваго раздѣла). Такимъ образомъ, въ Польшѣ долженъ быть отчисленъ весь западный русскій край, часть Малороссіи съ Кіевомъ и т. д. Россія отодвигается въ предѣлы не только временъ Екатерины, но—по инымъ—даже въ предѣлы временъ Іоанна Грознаго.

Самаринъ отвѣчаетъ на эти притязанія простымъ аргументомъ, что время упраздняетъ старыя историческія условія, что на мѣстѣ старыхъ предѣловъ Польши выросла новая сила, которая сама считаетъ свои историческія права. Тѣ обширныя земли, которыя нѣкогда входили въ составъ Польши, принадлежали инымъ народностямъ, а эти народности и въ свое время сопротивлялись польскому владычеству, а теперь возстали бы противъ него еще сильнѣе—такъ что, еслибъ и образовалось снова государство по идеалу польскаго патріотизма, ему грозило бы опять паденіе по причинѣ внутренняго раздора, котораго польское правительство не было прежде и въ будущемъ, вѣроятно, не будетъ въ состояніи примирить. Такимъ образомъ, для польскаго государства пришлось бы принести *въ жертву* нѣсколько народностей (малорусскую, бѣлорусскую, литовскую). Польскіе писатели обыкновенно отвергаютъ это послѣднее, утверждая, что Польша не умѣетъ угнетать, напротивъ, уважаетъ чужое право и поплатилась за свой широкій идеалъ свободы. Самаринъ не согласенъ съ этимъ. Онъ приводитъ свидѣтельство безпристрастнѣйшихъ польскихъ историковъ, которые признаютъ, что двѣ причины сгубили старую Польшу: польскій гоноръ не мирился съ мыслью о равноправности бѣлоруссовъ и малоруссовъ съ поляками, и іезуитизмъ не допускалъ рядомъ съ собою православной церкви. Самаринъ находитъ, что та же самая нетерпимость отличала поляковъ и до послѣдняго времени; онъ приводитъ примѣры. Весь вопросъ о польской государственности онъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Итакъ, обезпеченіе законныхъ правъ польской народности, по убѣжденію поляковъ, требуетъ непремѣннаго возстановленія Польши, какъ государства, а государство, по ихъ же словамъ, немыслимо внѣ извѣстныхъ условій, для достиженія которыхъ нѣсколько живыхъ народностей должны быть принесены въ жертву

польской; иными словами: въ отплату за расчлененіе Польши (démembrement) Европа призывается теперь къ расчлененію Россіи. Спрашивается: ради чего и во имя чего?»

Этотъ вопросъ приводитъ Самарина къ третьей сторонѣ польскаго дѣла, къ *полонизму*. Самаринъ признаетъ всѣ права польской народности; нашелъ невозможнымъ и неисполнимымъ требованіе государственности, какъ она понималась польскими патріотами (до событій 1860-хъ годовъ, по поводу которыхъ онъ писалъ); наконецъ въ «полонизмѣ» онъ видитъ всю сущность польскаго вопроса, изъ которой проистекаетъ великая трудность его рѣшенія,—трудность, которую онъ считаетъ несравненно большею, чѣмъ она представлялась другимъ русскимъ писателямъ. «Полонизмъ», по изображенію Самарина, есть квинтъ-эссенція польскаго взгляда на вещи, польская національная идея (современная), вѣрно выведенная изъ польской исторіи и—прямо намъ враждебная, такъ какъ она прямо противоположна *нашей* національной идеѣ. Для читателя, знакомаго съ теоріями славянофильской школы, должно быть впередъ ясно, что полонизмъ приводится главнымъ образомъ или исключительно къ католицизму или къ «латинству».

Самаринъ такъ передаетъ ту идею, какую имѣютъ польскіе патріоты о высокомъ значеніи своего отечества въ человѣческой и славянской исторіи.

«Польша,—говорятъ намъ,—это не то, что какая-нибудь другая вѣтвь общеславянской семьи, великорусская или болгарская, а гораздо болѣе. Это—соль славянства, поддерживающая въ немъ жизнь и охраняющая его отъ тлѣнія; это—образовательная закваска, брошенная въ богатую, но неподвижную стихію. Это—передовая дружина славянства, влекущая за собою цѣлое племя къ просвѣщенію и свободѣ. Она жила и живетъ не для одной себя; не властолюбіе и не страсть къ завоеваніямъ, а историческое ея призваніе неудержимо выноситъ ее далеко за предѣлы ея національности; когда ей подчиняются другія племена, это не насиліе, а естественный фактъ постепеннаго озаренія низменностей тѣмъ самымъ свѣтомъ, какимъ нѣсколько раньше охвачены были вершины; это побѣда свѣта надъ мракомъ. Кто-жъ положитъ предѣлъ распространенію свѣта и кто рѣшится закрѣпить правомъ мертвое царство тьмы?

«Остудивъ этотъ лиризмъ, высоко поэтическій у Мицкевича и доходящій до комизма у дюжинныхъ писателей, мы получимъ слѣдующее опредѣленіе Польши, данное однимъ изъ современ-

ныхъ [1]) ея публицистовъ, Мирославскимъ, и довольно вѣрно выражающее, съ его точки зрѣнія, историческое ея призваніе въ отношеніи къ славянскимъ племенамъ, ограничивающимъ ее съ юго-востока, и къ римско-германскому міру, ограничивающему ее съ сѣверо-запада: la Pologne est une modification du Slavisme par l'éducation latine en concurrence au Slavisme grec et oriental des tribus danubiennes, de la Moscovie et de la Ruthénie. По нашему, это значитъ: Польша—это острый клинъ, вогнанный латинствомъ въ самую сердцевину славянскаго міра съ цѣлью расколоть его въ щепы».

«Глубокая несовмѣстность и непримиримость латинства съ славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ,—говоритъ Самаринъ,—хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее». Эти слова Самарина составляютъ и теорію всей школы и сущность его взгляда на польскій вопросъ. Вездѣ,—говоритъ онъ,—гдѣ славянство тѣсно примыкало къ латинству, славянская природа чахла и гибла. Чехія, предчувствуя это, возстала противъ латинства въ эпоху гусситства, и вѣроятно этому могущественному протесту обязана сохраненіемъ своей народности. Но ни одно славянское племя не отдавалось латинству такъ безвавѣтно, какъ Польша, и за это она поплатилась своимъ паденіемъ. Самаринъ указываетъ у самихъ польскихъ историковъ признаніе, что исторія Польши представляетъ борьбу славянской народной стихіи съ латинскимъ просвѣтительнымъ началомъ и попытку примирить ихъ,—но что когда латинство брало перевѣсъ, то Польша падала. Первое введеніе латинства уже нарушило славянскій бытъ Польши: явилась аристократія, города отдѣлились отъ земли, община отошла на задній планъ. Потомъ мало-помалу мѣстные элементы оправились, и это новое проявленіе славянской стихіи какъ разъ совпало съ охлажденіемъ къ латинству, распространеніемъ въ Польшѣ протестантства и въ то же время съ внѣшнимъ усиленіемъ государства. Но затѣмъ католицизмъ усиливается вновь при дѣятельныхъ усиліяхъ іезуитовъ: Польша снова бросилась въ крайнее латинство, началось преслѣдованіе иновѣрцевъ и результатомъ было ея окончательное паденіе. Лучшее, что извлекли польскіе панегиристы изъ своей исторіи, было сознаніе, что Польша *отбивалась* отъ латинства и иногда его одолѣвала. «Послѣ такой исповѣди, что скажетъ кающійся?—продолжаетъ Самаринъ. Конечно, вы ждете отъ него отреченія отъ латинства и твердаго обѣта повернуться къ нему

[1]) 1863.

спиною? Ничуть не бывало. Онъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть повтореніемъ старой присяги Мечислава; онъ вторично отдаетъ латинству свою, на минуту какъ-бы просвѣтлѣвшую душу и, во имя вольной кабалы своей, обращаетъ взоръ на Западъ, прося состраданія и помощи. Онъ говоритъ Европѣ: «Заступись за меня и, вѣрный тебѣ слуга, я стану на стражѣ, чтобъ оградить тебя отъ дикой силы, порожденной сочетаніемъ восточной схизмы съ монгольскимъ деспотизмомъ; развяжи мнѣ руки и врагъ нашъ исчезнетъ какъ призракъ; Востокъ Европы будетъ твой, и я самъ потяну къ тебѣ моихъ скованныхъ братьевъ». Въ этомъ обмѣнѣ услугъ, въ этой подразумѣваемой исторической сдѣлкѣ, которой основанія положены въ X вѣкѣ,—разгадка сочувствія поляковъ къ западной Европѣ и обратнаго сочувствія Европы къ полякамъ. Называйте его безсознательнымъ, неразумнымъ, противнымъ политическимъ интересамъ первостепенныхъ державъ, положимъ; но тѣмъ оно для насъ знаменательнѣе, какъ проявленіе глубокаго инстинкта. Вѣдь историческій токъ не весь умѣщается въ трактатахъ и дипломатическихъ нотахъ».

Самаринъ удивляется, что многіе у насъ все еще не понимаютъ значенія полонизма, какъ вооруженной пропаганды латинства; онъ считаетъ крайне узкимъ тотъ взглядъ, который равнодушенъ къ вѣроисповѣданію поляковъ и успокоивается тѣмъ, что не нынче-завтра папа совсѣмъ потеряетъ свое значеніе. Онъ объясняетъ, что латинство не есть только догматическая и іерархическая особенность католицизма, но вся совокупность нравственныхъ и бытовыхъ понятій, порожденныхъ католицизмомъ. Полякъ можетъ не хуже француза смѣяться надъ папой, и тѣмъ не менѣе оставаться рабомъ латинства. Самаринъ указываетъ на «извѣстный польскій катихизисъ, давно находящійся въ обращеніи (?), хотя и недавно оглашенный», и источникъ этого извращенія понятій цѣлаго общества видитъ въ латинствѣ, — это прямое слѣдствіе латинскаго представленія объ отношеніяхъ правящей церкви къ подвластнымъ ей душамъ.

Историческая задача латинства, по словамъ Самарина, состояла именно въ томъ, чтобы отвлечь отъ церковнаго организма идею единства, понятаго какъ *власть*, облечь эту идею въ видимый символъ (папство) и черезъ это превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое положеніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы. Вслѣдствіе того, латинство одинаково было враждебно, съ одной стороны, славянской общинности, съ другой—началу «соборнаго согласія», на которомъ построена православная церковь. Западный протестантизмъ былъ возстаніемъ подав-

ленной латинствомъ свободы личности, но протестъ остался въ кругу тѣхъ же понятій; протестантизмъ не пришелъ къ идеѣ соборнаго согласія, а обращается къ изолированной личности и подчиняетъ всѣ формы общежитія началу договорному, то-есть сдѣлкѣ, основанной на личномъ интересѣ. Отого, несмотря на противоположность воззрѣній и привычекъ, протестантская Европа вращается въ томъ же ложномъ кругѣ идей какъ и латинская, и также какъ она враждебно относится къ восточно-православному началу.

Самаринъ предвидитъ и встрѣчаетъ возраженіе: «какъ убѣдиться, что изъ множества свободныхъ стремленій можетъ выработаться органическое и прочное единство (т.-е. то, что онъ видитъ въ принципѣ православномъ?) Почему намъ знать, что православное начало дѣйствительно хранитъ въ полнотѣ живого явленія двѣ отвлеченныя крайности, распавшіяся въ западномъ мірѣ на противоположные полюсы? Можетъ быть, это единство, эта полнота, есть только начальное безразличіе, по существу своему неустойчивое? Можетъ быть, и славянская общинность ничто иное, какъ признакъ первобытной неразвитости? Гдѣ ручательство, что въ указанныхъ началахъ лежитъ дѣйствительно зародышъ своеобразной будущности?»

Самаринъ отвѣчаетъ на это словами Фауста: Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen, и указаніемъ на извѣстныя брошюры Хомякова [1]) и статью Гильфердинга о значеніи Польши въ славянскомъ мірѣ, и прибавляетъ, что историческіе факты, какъ участіе поляковъ въ подавленіи гусситства, въ іезуитскихъ гоненіяхъ, въ походахъ Наполеона, въ турецкихъ рѣзняхъ, достаточно объясняетъ, чего славянство можетъ ожидать отъ возстановленія Польши на тѣхъ началахъ, которымъ она служила до сихъ поръ.

Сдѣлавшись «отравленнымъ мечомъ и орудіемъ гибели» для другихъ, Польша внесла ту же отраву и въ свою плоть и кровь. На этомъ пути Польша дошла до самоубійства, до предѣла, дальше котораго не можетъ пойти ни отдѣльный человѣкъ, ни народъ; но она не смогла совсѣмъ превратиться въ племя неславянское. Европа чувствуетъ это, и потому, хотя одобряетъ «ихъ службу противъ славяно-православнаго міра», но не понимаетъ и не уважаетъ ихъ. «Дѣло въ томъ,—замѣчаетъ Самаринъ,—что въ складѣ не только русской, но и польской жизни, насколько она сохранила отпечатокъ славянства, Европа встрѣчаетъ

[1]) Изданныя потомъ Самаринымъ во II томѣ „Сочиненій" Хомякова, въ Прагѣ (сочиненія богословскія).

какую-то темную, загадочную сторону, какія-то для нея необъяснимыя требованія и одинаково необъяснимую неспособность удовлетвориться тѣми началами и формами общежитія, въ которыхъ улеглась латинская природа».

Дѣло въ томъ, что въ польской жизни дѣйствительно есть эти порывы славянской природы: польскія мечтанія о всепримиряющей любви, какъ основѣ общежитія, ихъ ревнивое обереганіе личной свободы, доходящее до отрицанія всякаго политическаго центра и авторитета, ихъ осмѣянное непостоянство, даже необузданные порывы своеволія, все это, по мнѣнію Самарина, именно показываетъ, что ихъ славянская природа не можетъ ужиться подъ гнетомъ латинства. Эту народную стихію Самаринъ видитъ въ мистицизмѣ новѣйшихъ польскихъ поэтовъ, въ ихъ скорбныхъ воспоминаніяхъ о чемъ-то далекомъ и утраченномъ, въ неясныхъ откровеніяхъ, изрѣдка озаряющихъ личное сознаніе.—Европа можетъ смотрѣть на эти явленія равнодушно или презрительно,—они ей чужды: но мы, русскіе, по мнѣнію Самарина, не совсѣмъ правы передъ поляками въ этомъ отношеніи. «Мы слишкомъ легкомысленно подписали приговоръ западной науки и политической мудрости объ ихъ несостоятельности и не умѣли ни оцѣнить, ни даже опознать славянской струи, вопреки всему пробѣгающей въ ихъ политической исторіи и въ ихъ литературѣ. Мы, нерѣдко относившіеся слишкомъ снисходительно къ ихъ историческимъ преступленіямъ и ошибкамъ, не умѣли въ ихъ собственныхъ глазахъ оправдать именно то, что мы одни могли понять и уяснить другимъ—эти невольные проблески сочувственной намъ народной стихіи».

Самаринъ намѣревался впослѣдствіи возвратиться къ этой сторонѣ польской національности, дѣйствительно почти забытой въ нашихъ (да и польскихъ) разсужденіяхъ о вопросѣ и дѣйствительно очень важной; но, кажется, Самарину не удалось исполнить этого намѣренія.

Общій выводъ его таковъ:

«Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокій трагическій интересъ польской исторіи, и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это—не международная, а внутренняя, домашняя ея тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истязаніямъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ латинства отъ первороднаго грѣха своей

славянской крови, ей не переродиться [1]); будущность ея, если только для нея есть будущность—въ славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ латинства»...

А теперь, въ настоящемъ положеніи вещей, всѣ политико-соціальныя притязанія Польши основаны на двухъ противорѣчіяхъ: «Во имя своей народности, она требуетъ для себя политическаго господства надъ другими равноправными съ нею народностями и оправдываетъ это притязаніе обѣтомъ—служить орудіемъ просвѣтительному началу, которое сгубило и губитъ ея внутреннюю жизнь».

Таковъ взглядъ Самарина. Это—наиболѣе цѣльное, логическое и наглядное изложеніе теоріи, которая вообще высказывалась писателями славянофильской школы и ихъ болѣе или менѣе близкими послѣдователями. Тотъ же взглядъ проводился вообще въ газетѣ «День», въ статьяхъ Гильфердинга, на которыя ссылается и Самаринъ, и проч.; но первенство въ развитіи теоріи должно быть, безспорно, отдано Самарину, какъ писателю перваго поколѣнія славянофильской школы, которое установило основныя черты всей ея системы. Рядомъ съ излагаемой нами статьей, въ сочиненіяхъ Самарина помѣщена замѣтка его, относимая издателемъ къ 1849 году, по поводу книги Мицкевича «L'église officielle et le messianisme», 1845 (замѣтка написана на оберткѣ этой книги). Общая мысль, вынесенная имъ изъ чтенія книги Мицкевича, совершенно совпадаетъ съ изложенной выше теоріей.

Намъ остается передать мнѣніе Самарина о возможныхъ средствахъ къ разрѣшенію польскаго вопроса. Онъ думаетъ, что только такое «разрѣшеніе» можетъ считаться окончательнымъ и полнымъ, которое заключалось бы въ устраненіи самыхъ поводовъ къ періодическимъ потрясеніямъ Польши и которое удовлетворило-бы самихъ поляковъ: безъ этого послѣдняго условія полное разрѣшеніе вопроса немыслимо.

Въ то время, когда Самаринъ писалъ свою статью, польское возстаніе еще не было усмирено. Тогда много писалось на тему рѣшенія польскаго вопроса. Упомянутое обстоятельство, случившееся съ журналомъ «Время», показываетъ, что въ литературѣ не могли высказаться мнѣнія общества съ какой-нибудь полнотой. Случай съ «Временемъ» ясно и категорически устранилъ такую возможность,—что, впрочемъ, ранѣе и безъ того подразумѣвалось.

---

[1]) Т.-е. не потерять своей первоначальной славянской природы.

Такимъ образомъ, такъ-называемое общественное мнѣніе выразилось только отчасти; но должно сказать, что и въ томъ, что было сказано газетой «День» и «Моск. Вѣдомостями» съ «Рус. Вѣстникомъ» (на которые дальше ссылается Самаринъ), находились мнѣнія, до извѣстной степени раздѣляемыя людьми, которымъ была очень мало сочувственна славянофильская исключительность и еще менѣе — полонофагія.

Самаринъ останавливается сначала на предположеніи, выставленномъ «Моск. Вѣдомостями» и «Рус. Вѣстникомъ» — о полномъ сліяніи Россіи и Польши въ формѣ *общаго* государственнаго *представительства*, основаннаго на коренныхъ началахъ *русскаго* политическаго быта безъ принудительной власти и только въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія. Самаринъ совершенно отвергаетъ это предположеніе, какъ средство къ окончательному разрѣшенію польскаго дѣла; оно свидѣтельствуетъ, по словамъ его, объ узкости взгляда и непониманіи всей глубины вопроса. И съ его точки зрѣнія это отрицаніе было послѣдовательно: изъ предыдущаго мы видѣли, что по его взгляду отношенія Польши и Россіи не умѣщаются въ одной области политики и состоятъ въ глубокомъ принципіальномъ различіи двухъ обществъ. Польша потому и враждуетъ противъ Россіи, что ихъ идеалы политическіе и религіозные совершенно различны. Упомянутое представительство на русскихъ началахъ (т.-е. «безъ принудительной власти и въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія») для насъ было бы удовлетвореніемъ, а полякамъ могло бы показаться горькой насмѣшкой; такое соединеніе Россіи съ Польшей было бы не сліяніемъ, а поглощеніемъ Польши Россіею: оно не удовлетворило и не примирило бы поляковъ, а только открыло бы новую почву для борьбы. Эта борьба была бы совершенно безполезна для разрѣшенія польскаго вопроса, а для насъ, по мнѣнію Самарина, даже далеко не безопасна,— «при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживаютъ самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ».

Съ другой стороны, Самаринъ не раздѣляетъ и мнѣнія газеты «День», которая, не опредѣляя прямо рѣшенія вопроса, указывала путь къ нему, именно: опросъ самóй Польши, всей польской націи въ полномъ ея составѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ нея самой узнать ея потребности и желанія; но предварительно «День» считалъ необходимымъ усмирить мятежъ и ввести въ гражданскій бытъ Польши новый, прежде заброшенный ея элементъ, крестьянство. Самаринъ сомнѣвается и въ этомъ пути къ умиротво-

ренію. «Опросъ», т.-е. suffrage universel, привелъ бы къ положительному результату лишь тогда, когда Польша была бы сама съ собою согласна, т.-е. не носила бы въ себѣ внутренняго раздѣленія. Но тогда не было бы и польскаго вопроса въ томъ объемѣ, въ какомъ онъ теперь представляется. Надломленная въ самой себѣ, Польша могла бы дать только одинъ отрицательный отвѣтъ — о своемъ нежеланіи жить вмѣстѣ съ Россіей, но все-таки изъ своихъ вѣковыхъ опытовъ не извлекла бы никакой положительной основы для своего будущаго.

Изъ всего, сказаннаго выше о взглядѣ Самарина на латинство, становится ясна послѣдовательность его заключенія, что такое разрѣшеніе польскаго вопроса, которое удовлетворило бы самихъ поляковъ, немыслимо безъ коренного, духовнаго ихъ *возрожденія*. То-есть, нужно, чтобы Польша отреклась отъ латинства и стала *сама собою*, т.-е. однимъ изъ славянскихъ племенъ; но, съ другой стороны, нужно, чтобъ и Россія стала *сама собою*, именно «историческимъ представительствомъ православно-славянской стихіи». Торжество Россіи надъ Польшей должно быть не военное, не дипломатическое, а свободно признанное торжество одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ... Самаринъ ждетъ «обычныхъ восклицаній»:—«Да это мечта! Это невозможно, немыслимо! Какъ ожидать перерожденія цѣлаго племени!» Онъ отвѣчаетъ, что и не думалъ отыскивать *скораго* и *легкаго* разрѣшенія польскаго вопроса. Напротивъ, онъ и хотѣлъ объяснить, что нельзя убаюкивать себя надеждой на такое скорое разрѣшеніе труднаго дѣла какими бы то ни было мѣрами административными или политическими; но замѣчаетъ однако, что самъ далеко не считаетъ невозможнымъ духовное примиреніе Польши съ Россіей и лично даже имѣетъ въ это полную вѣру. Цѣль его разсужденія была та, чтобы выдѣлить политическій вопросъ о Польшѣ и поставить его въ его настоящіе предѣлы.

Если, такимъ образомъ, нельзя мечтать о скоромъ достиженіи полнаго рѣшенія, то настоятеленъ болѣе тѣсный вопросъ политическій. «Споръ славянства съ латинствомъ» сталъ вооруженнымъ возстаніемъ, сдѣлался политическимъ вопросомъ обще-европейскимъ. Рѣшеніе *этой* стороны вопроса неотложно, но оно можетъ быть только тѣсное, ограниченное, и надо знать впередъ, что оно не удовлетворитъ поляковъ; основаніемъ рѣшенія должны быть исключительно интересы Россіи.—Мѣры, которыя предлагалъ Самаринъ, въ значительной степени и были потомъ проведены въ дѣйствительности. Прежде всего, по его мнѣнію, необходимо было совершенное подавленіе возстанія,—не подчиняясь

при этомъ соображеніямъ о будущемъ устройствѣ края; затѣмъ или въ то же время, необходимо локализировать политическій вопросъ о Польшѣ въ предѣлахъ царства, именно—прекратить вліяніе полонизма въ западномъ краѣ и на Украйнѣ и обезпечить преобладаніе стихіи русской и православной, и для этого прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, передать мѣстную власть отъ поляковъ въ болѣе надежныя руки, улучшить положеніе православнаго духовенства и учредить школы. Когда это будетъ сдѣлано и народная сила станетъ на ноги и пріобрѣтетъ достаточныя средства для саморазвитія, польскій политическій вопросъ будетъ въ рукахъ Россіи.

Дальнѣйшая судьба вопроса будетъ, конечно, зависѣть отъ многихъ обстоятельствъ и, по мнѣнію Самарина, для Россіи будутъ возможны два пути къ будущему разрѣшенію политическаго вопроса о Польшѣ. Во-первыхъ, нераздѣльное соединеніе Польши съ Россіей, учрежденіемъ въ Польшѣ сильной русской власти, которая убѣдила бы поляковъ въ невозможности возстанія; во-вторыхъ, добровольное и полное отреченіе Россіи отъ Польши. Никакія среднія мѣры между этими, напр., политическая раздѣльность съ одной династіей или похожая на это административная автономія «осуждены опытомъ» и не должны быть повторяемы. Соединеніе можетъ осуществиться въ рѣзкой формѣ военной диктатуры, или въ другой формѣ болѣе мягкой, допускающей извѣстное участіе населенія въ мѣстномъ управленіи.

Другой путь, отреченіе Россіи отъ Польши, Самаринъ считаетъ ни невозможнымъ, ни безусловно противнымъ интересу Россіи. Но онъ считаетъ необходимыми для этого три условія: во-первыхъ, чтобъ отреченіе было совершенно добровольное, слѣдовательно въ такую минуту, когда политическое могущество Россіи будетъ несомнѣнно; во-вторыхъ, чтобы Россія, принимая такую мѣру для умиротворенія Европы, неразрывно связала свое отреченіе отъ царства польскаго съ единовременнымъ разрѣшеніемъ въ томъ же духѣ вопросовъ объ Италіи [1]) и о подвластныхъ Турціи племенахъ славянскихъ [2]); въ-третьихъ, отказываясь отъ царства, Россія должна стать къ его будущему положенію отрицательно—оградивъ свои собственные интересы, но не принимая на себя никакихъ обязательствъ относительно самостоятельности Польши и безопасности ея отъ покушеній сосѣдей.

Но эти вопросы еще далеки отъ насъ.

---

[1]) Въ 1863, еще не объединенной.

[2]) Теперь надо было бы сказать: подвластныхъ Турціи или отошедшихъ отъ нея къ Австріи.

Какъ видимъ, пониманіе польскаго вопроса у Самарина сводится къ цѣлой обширной теоріи, въ которой польскій вопросъ есть только одно частное примѣненіе. Теорія состоитъ въ извѣстной славянофильской идеѣ объ исконной противоположности греко-славянскаго и романо-германскаго міра, и о полной несовмѣстимости славянства съ латинствомъ.

Со времени польскаго возстанія тема «латинства» перешла за предѣлы славянофильской школы, была повторяема по-своему писателями совсѣмъ иного калибра, которые скоро успѣли ее опошлить до такой степени, что о ней становится мудрено говорить. Явились публицисты того особаго рода, которые дѣлаютъ спокойное разсужденіе о предметѣ невозможнымъ и споръ съ ними нимало не желательнымъ, напримѣръ, обличители «латинства», которые сами не уступили бы іезуитамъ и не прочь были бы отъ инквизиціи, или публицисты сантиментальные, съ односторонностями другого рода. Все это ставило вопросъ о «латинствѣ» и «полонизмѣ» въ такое положеніе, что та часть литературы, которая отнеслась бы критически къ упомянутымъ взглядамъ, предпочитала совсѣмъ не касаться предмета, обставленнаго притомъ литературными условіями, совершенно неблагопріятными.

Въ такомъ сосѣдствѣ находился взглядъ Самарина на польскій вопросъ. Его, конечно, невозможно смѣшивать съ этимъ сосѣдствомъ; теорія Самарина, при всей исключительности, есть широко продуманное и искреннее убѣжденіе; при антипатіи къ одной сторонѣ польской національной жизни, у него есть серьёзное вниманіе и сочувствіе къ другой ея сторонѣ,—той, которую онъ считаетъ славянской, намъ однородной и близкой; есть безпристрастіе, очень далекое отъ обычной похвальбы русскою силой (какъ молодечество Погодина, увѣренно собиравшагося съ 60-ю милліонами побѣдить четыре) и отъ противнаго надмыванія надъ слабѣйшимъ.

Главнаго основанія теоріи Самарина о польскомъ вопросѣ мы разбирать не будемъ. — Это основаніе, какъ мы видѣли, заключается въ противоположеніи католицизма и православія, какъ оно было объясняемо Хомяковымъ и самимъ Самаринымъ, комментировавшимъ Хомякова въ предисловіи къ изданію его «богословскихъ сочиненій». Польша и Россія противоположны, какъ противоположны представляемыя ими начала, римско-латинское и православно-славянское. Исторически они были въ постоянномъ столкновеніи. Кто изъ нихъ правъ, рѣшается тѣмъ, на чьей сторонѣ правъ принципъ. Самаринъ отсылаетъ читателя къ брошюрамъ Хомякова, гдѣ вопросъ возведенъ къ христіанской догма-

тикѣ, въ первымъ вѣкамъ христіанства, когда на соборахъ опредѣлялось философско-догматически существо св. Троицы. Къ этому положенію догматическому присоединяется другое извлекаемое изъ исторіи (или ей приписываемое), что наиболѣе исключительно свойственная славянству религія есть восточное православіе. Мы имѣли случай ранѣе говорить объ этихъ общихъ основаніяхъ цѣлой славянофильской теоріи, и теперь ограничимся только нѣкоторыми замѣчаніями.

Подобнаго рода теоріи, въ нравственно-историческихъ предметахъ, бываютъ похожи на поэзію. Онѣ могутъ быть очень хороши въ книгѣ, онѣ могутъ поразить воображеніе и чувство, но могутъ быть угловаты и невозможны въ жизни. Самъ Самаринъ признавалъ у Мицкевича «высокую поэзію» тѣхъ самыхъ идей, которыя у писателей дюжинныхъ казались ему (не безъ основанія) комическими и которыя онъ приводилъ только въ образчикъ, до чего можетъ доходить національное заблужденіе. Нѣсколько похожимъ образомъ могутъ представляться и славянофильскія теоріи. Онѣ хороши на извѣстной поэтической или теоретической высотѣ отвлеченности, — пріятно было бы вѣрить въ нихъ, потому что онѣ берутся все объяснить, — какъ поэтическая картина завлекаетъ вѣрить въ ея истинность; — но онѣ заманчивы только потому, что витаютъ въ областяхъ, далекихъ отъ непосредственной дѣйствительности, которая иногда готовитъ имъ самыя рѣшительныя опроверженія. Не случайно происходили въ исторіи самой школы такіе факты, что тридцать лѣтъ тому назадъ, люди, носившіеся съ самыми возвышенными національными идеалами, сочтены были за людей неблагонамѣренныхъ и подозрительныхъ, а два года тому назадъ, получили подтвержденіе этихъ подозрѣній. Дѣйствительность о себѣ напоминала, и дѣйствительность той самой жизни, которая возводилась ими же въ «перлъ созданія».

Возведенная до тѣхъ источниковъ, которые указаны были Хомяковымъ, славянофильская теорія становилась дѣломъ вѣры. Самаринъ подтверждаетъ это, приводя слова Гёте: Wenn ihr's nicht fühlt, ihr werdet's nicht erjagen. Но на это же могутъ сослаться именно тѣ, кого мы хотѣли бы убѣдить: если они не *чувствуютъ*, то что же съ ними дѣлать?

Историческая жизнь чрезвычайно сложна, и теоріи исключительныя, какъ славянофильская, требуютъ множества оговорокъ, которыя, будучи сдѣланы добросовѣстно и многосторонне, неизбѣжно должны будутъ ограничить и самую теорію. Укажемъ, напримѣръ, что въ нашей собственной средѣ есть много людей,

которые съ полнымъ правомъ могутъ назваться просвѣщенными и которые не принимаютъ тѣхъ первыхъ основныхъ посылокъ, на какихъ утверждается теорія, т.-е. посылокъ, требующихъ особеннаго «чувства», и взамѣнъ того считаютъ нужными доказательства. Далѣе, что касается фактовъ исторіи, очевидно, что для утвержденія теоріи, столь категорической, какъ славянофильская, нужна гораздо болѣе обширная и глубокая разработка исторіи и этнологіи, чѣмъ та, какая достигнута въ настоящее время.

Обращаемся къ самому предмету. Для избѣжанія недоразумѣній скажемъ впередъ, что нѣкоторыя изъ положеній теоріи, выставленной Самаринымъ, намъ сочувственны въ значительной степени, хотя мы объясняемъ ихъ иначе и не принимаемъ ихъ въ приданной имъ исключительности. Напримѣръ, «латинство». Оно намъ крайне антипатично многими, и существенными своими сторонами, но мы думаемъ, однако, что, опредѣляя его историческое вліяніе и современное значеніе, обязательно строго соразмѣрить его съ параллельными фактами. «Латинство» намъ не сочувственно какъ деспотическая теократія, которая не хочетъ знать исторіи и въ понятіи о самой себѣ стоитъ упрямо на теоріяхъ Ѳомы Аквината (на-дняхъ мы читали о чествованіи его памяти въ Римѣ съ признаніемъ неподвижной истины его предписаній); какъ система, которая торжественно, въ знаменитомъ недавнемъ «Силлабусѣ» возстаетъ съ церковными угрозами и проклятіями огуломъ противъ современной науки (вѣроятно, очень смущая благочестивыхъ изъ католическихъ ученыхъ, или побуждая ихъ не обращать вниманія на «старичка, живущаго за Альпами»); какъ учрежденіе, которое, прикрываясь преемствомъ отъ великаго имени Христа, гонялось за свѣтской властью и у себя дома практиковало ее прежде въ крупно-инквизиторскомъ, позднѣе въ мелкомъ полицейскомъ стилѣ, и само сильно помогало превращать религію или въ суевѣрное невѣжество, или въ открытое лицемѣріе.

Та «глубокая несовмѣстность и непримиримость», которую Самаринъ указываетъ между латинствомъ и славянствомъ, этимъ вовсе не ограничивалась и именно обнаружилась у западныхъ народовъ еще въ глубинѣ среднихъ вѣковъ, и отдѣльными фактами и цѣлыми обширными сектами, которыхъ голосъ былъ подавляемъ иногда только истребленіемъ цѣлыхъ населеній. Затѣмъ, въ исторической связи съ этими сектами (съ Вальденсами, съ ученіемъ Виклефа) борьба противъ латинства высказалась гуситствомъ и, опять въ исторической связи съ нимъ, реформаціей, которая оторвала отъ церковнаго и свѣтскаго начальства

Рима цѣлую половину Европы. Правда, что славянофильская теорія даетъ протестантизму тѣсный объемъ борьбы въ томъ же ложномъ кругу романо-германской церковной идеи; но гусситство, которое она выдѣляетъ, все-таки есть явленіе лишь на половину славянское, а на половину западно-европейское, и какъ прежде католицизмъ, такъ потомъ протестантство сильно подѣйствовали на цѣлое европейское образованіе, вліяніе котораго и у насъ есть фактъ прочный и неистребимый,—и не только внѣ церковной области, но и въ кругѣ спеціальныхъ идей, — какъ церковно-историческая критика.

Историческій принципъ, какъ раса, религія и т. п. не есть отвлеченная алгебраическая формула, всегда невозмѣнная; напротивъ, онъ всегда находится во взаимодѣйствіи со множествомъ разнообразныхъ условій, его видоизмѣняющихъ. Принципъ восточный и принципъ западный проявлялись въ историческихъ формахъ, которыя не могли не закрывать такъ или иначе основной идеи. Факты, живые люди съ ихъ понятіями, вынесенными изъ другихъ областей жизни, могутъ дѣлать принципъ неузнаваемымъ. Разсматривая его какъ алгебраическую формулу, можно всегда устранить эти невыгодныя историческія проявленія, какъ временный недостатокъ, какъ частную ошибку, исключеніе; но, съ другой стороны, временные недостатки бываютъ и очень продолжительны, исключенія слишкомъ часты, такъ что то и другое можетъ представиться принадлежностью самаго принципа. Такъ обыкновенно и создаются взгляды двухъ сторонъ другъ на друга, тѣ взгляды, которые именно и дѣйствуютъ на людскія понятія и отношенія въ дѣйствительной жизни. Одно начало упрекаютъ за «видимый символъ единства» и отсутствіе «соборнаго согласія»; другое—другая сторона упрекаетъ за гражданскую власть надъ церковью, за «цезаро-папизмъ». Одно упрекаютъ за эксплуатацію народной жизни и деспотическое подавленіе личности; другое—за господство внѣшняго формальнаго обряда, за такое же подавленіе личности, за невѣжество, за апатическое бездѣйствіе церкви; въ нашей исторіи не умѣютъ понять «соборнаго согласія» при громадномъ развитіи раскола. Если протестантизмъ есть произволъ личности, то въ восточномъ, какъ и въ западномъ принципѣ,—на дѣлѣ личность остается равно порабощенной и, за отсутствіемъ свободнаго развитія и выраженія религіозной идеи, осужденной на индифферентизмъ.

По славянофильской теоріи католицизмъ спеціально несовмѣстенъ съ славянской природой; но длинная исторія протестовъ противъ него, идущихъ уже ясно съ XI—XII вѣка, показы-

ваетъ, что онъ несовмѣстенъ и съ природой романо-германской. Борьба шла неровно; останавливалась на отдѣльныхъ завоеваніяхъ въ пользу личности и самопомощи, но въ послѣднія десятилѣтія мы опять видимъ продолженіе этой борьбы и въ германскомъ, и въ романскомъ мірѣ, и дѣло идетъ именно о томъ основномъ началѣ, которое Самаринъ и Хомяковъ считали главной язвой латинства, о «символѣ единства». Если бы случилось, что это движеніе въ средѣ самого католицизма («старо-католицизмъ»—въ Германіи, противо-клерикальное движеніе—во Франціи) перешло въ Польшу,—что́ было бы очень разумно,—то, вѣроятно, уменьшился бы размѣръ «полонизма» и стало бы гораздо легче наше соглашеніе съ поляками.

Самаринъ конечно не удовлетворился бы подобной средней мѣрой. Полное разрѣшеніе польскаго вопроса онъ считалъ немыслимымъ безъ коренного, духовнаго *возрожденія* поляковъ, другими словами,—безъ обращенія ихъ въ православіе. Это было бы прекрасно безъ сомнѣнія, но намъ кажется, что можно было бы помириться и на мѣньшихъ условіяхъ, напримѣръ, хотя на тѣхъ, какія выставляются у «старо-католиковъ» и во Франціи. Религія есть слишкомъ крѣпкое преданіе и слишкомъ чувствительный нервъ народной жизни. «Возрожденіе» чрезвычайно поэтому трудно; слѣд., съ одной стороны требовалось бы нѣсколько терпимости, хотя бы для нѣсколько сносной жизни вмѣстѣ, пока возрожденіе еще не совершилось, а съ другой, если мы настоятельно требуемъ «возрожденія», надо желать, чтобы наша собственная жизнь заявила дѣйствительное, а не кажущееся превосходство своего начала. Но, напримѣръ, даже въ настоящую минуту приходится столько слышать и читать (конечно, въ очень смягченныхъ выраженіяхъ) жалобъ на недостатки нашего народно-церковнаго быта, что, кажется, намъ предстоитъ еще немало домашней, внутренней работы, чтобы мы могли, съ нѣкоторой убѣдительностью и авторитетомъ, заявить требованіе «возрожденія». Преданія, съ которыми пришлось бы бороться при этомъ, очень сильны и—вовсе не лишены основаній. Какъ бы ни ложенъ былъ, по нашему мнѣнію, принципъ католицизма, при немъ существовали и примѣры искренняго христіанскаго благочестія и любви къ ближнему, и примѣры самоотверженнаго патріотизма, какъ онъ понимался всею массой польскаго общества.

Переходимъ къ нѣкоторымъ частнымъ замѣчаніямъ Самарина. Указывая губительность латинства для славянской стихіи, Самаринъ приводитъ слѣдующіе признаки его будущаго вреднаго вліянія въ историческомъ развитіи Польши:—«образованіе нена-

родной, строго-замкнутой и притянутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества и т. д. Вы убѣдитесь,—замѣчаетъ Самаринъ,—что все это совершалось не случайно». Но, положа руку на сердце,—развѣ, за исключеніемъ перваго обстоятельства, котораго у насъ нѣтъ [1]), не повторяются въ нашей собственной исторіи тѣ же самыя явленія, съ мѣстными видоизмѣненіями или даже безъ видоизмѣненій, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи, не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низменныхъ слояхъ общества? Къ сожалѣнію, намъ слишкомъ знакомы жалобы на эти самые недостатки нашей общественной и народной жизни, и приходится заключать, что господство восточнаго начала не обезпечиваетъ отъ тѣхъ же самыхъ или однородныхъ безпорядковъ общественнаго устройства.

Указывая связь протестантства и латинства по одинаковой ложности ихъ, хотя и противоположныхъ, идей, Самаринъ объясняетъ этимъ то явленіе, что протестантская Европа, при всей враждебности къ латинству, сознаетъ внутренно свое тѣсное родство съ нимъ, и потому именно, проклиная папу, сочувствуетъ Польшѣ, несущей противъ Россіи римское знамя. Намъ кажется, нѣтъ основанія приписывать эти сочувствія столь исключительной причинѣ и надо принять еще другія соображенія. Онѣ дѣйствительно есть и заключаются въ той общей «нелюбви къ намъ», о которой у насъ нерѣдко печалятся чувствительные публицисты. Происхожденіе этой «нелюбви» имѣетъ дѣйствительно свою связь съ европейскимъ «латинствомъ», но не исключительную. Въ средніе вѣка для католической Европы Россія была предметомъ вражды, какъ страна «схизмы»; для упрямыхъ католиковъ это соображеніе остается, конечно, и теперь, но вообще, причины «нелюбви» явились другія—различіе племени (то же, какое, напримѣръ, никогда не внушало французамъ особой симпатіи къ нѣмцамъ), видимая отсталость Россіи въ образованіи и въ обще-

[1]) Да и то, нашу іерархію нельзя въ извѣстномъ смыслѣ также не назвать замкнутой, когда духовенство стало наслѣдственнымъ сословіемъ, а въ послѣднее время раздаются постоянныя жалобы на его мало удовлетворительное отношеніе къ народной жизни.

ственныхъ обычаяхъ, сопровождающихъ образованіе, особенность русскаго политическаго устройства, вслѣдствіе которой Россія много разъ оказывалась на сторонѣ европейскихъ реакцій. Нѣтъ сомнѣнія, что эти политическія соображенія, совсѣмъ независимыя отъ церковно-догматическихъ, и играютъ теперь главную роль въ томъ отношеніи западной Европы къ Россіи, которое заставляетъ протестантскую Европу поощрять Польшу противъ насъ; цѣль—ослабить Россію въ политическомъ ея вліяніи на европейскія дѣла, а не вредить «схизмѣ», къ которой Европа теперь довольно равнодушна. Вражда къ «схизмѣ» есть спеціальность ультрамонтанъ, имѣющихъ, конечно, свой голосъ въ направленіи европейскихъ дѣлъ, но, повторяемъ, столь не исключительный и не сильный, что чисто политическіе интересы взяли верхъ надъ нимъ въ самомъ гнѣздѣ ультрамонтанства, подлѣ самого «апостольскаго сѣдалища». Что дѣйствительно сочувствія къ Польшѣ всего болѣе основываются на политическихъ, а не вѣроисповѣдныхъ соображеніяхъ, въ этомъ не трудно убѣдиться изъ европейской печати: Польша считается угнетенной народностью, бывшимъ государствомъ, которое могло бы ожидать болѣе либеральнаго отношенія къ ней со стороны побѣдителя. Австрія и Пруссія, конечно, участвовали въ дѣлежѣ, но онѣ теперь считаютъ себя правыми, потому что своимъ польскимъ подданнымъ дали конституціонныя учрежденія и потому, что ихъ владычество сопровождается большею высотой ихъ нѣмецкой образованности надъ польской, — чего они не видятъ въ русскихъ отношеніяхъ. Что касается до отношеній вѣроисповѣдныхъ, то, конечно, папа и ультрамонтаны не имѣютъ другого основанія для своихъ сочувствій къ Польшѣ, но извѣстно, что, напримѣръ, французское правительство, въ періодъ особеннаго покровительства польской эмиграціи, вовсе не поощряло ни польскаго «мессіанизма», ни другой польской мистико-политической пропаганды въ клерикальномъ духѣ.

Самаринъ, какъ выше упомянуто, возстаетъ противъ мысли о привлеченіи Польши къ Россіи путемъ представительства «на русскихъ началахъ», т.-е. безъ принудительной власти подобнаго учрежденія и только въ смыслѣ «организаціи общественнаго мнѣнія». Самарину казалось, что это было бы принято поляками, какъ «новое посягательство на ихъ національность». Мы этого не думаемъ. Представительство и въ той, не западно-европейской, а русской формѣ, о какой говорилось въ 1863, могло бы стать въ высокой степени полезнымъ государственнымъ дѣломъ, хотя бы только какъ «организація общественнаго мнѣнія». По-

ляки съ такимъ же основаніемъ должны были бы принять за «посягательство на ихъ національность» участіе въ нѣмецкомъ, австрійскомъ и прусскомъ парламентѣ; рѣшающаго вліянія они тамъ никакъ не имѣютъ, но, тѣмъ не менѣе, считаютъ это участіе важнымъ правомъ. Намъ кажется, что такимъ же или подобнымъ образомъ они взглянули бы на участіе и въ другомъ представительствѣ,—послѣ того, какъ усмиреніе возстанія заставило бы ихъ отказаться отъ политическихъ плановъ, абсолютно неисполнимыхъ. Оставляя въ сторонѣ всякія соображенія о «принудительной власти», представительство имѣло бы великую важность именно какъ организація общественнаго мнѣнія, и ее съ радостью приняли бы всѣ, кому дороги интересы своего общества и народа, и мы думаемъ—не только русскіе, но и поляки. Что мы читаемъ безпрестанно въ послѣднія нѣсколько лѣтъ? Всѣ серьёзныя мнѣнія, какія высказываются теперь по поводу нашихъ внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть сведены къ одному — къ желанію организаціи общественнаго мнѣнія. Достаточно извѣстно, что у насъ такая организація совсѣмъ отсутствовала и отсутствуетъ, вслѣдствіе чего и стали возможны такія страшно болѣзненныя явленія, какія совершались въ нашей жизни въ послѣдніе годы. Польша точно также не имѣетъ этой организаціи, или, вѣрнѣе, имѣетъ ея еще меньше, чѣмъ русское общество,—потому что, напримѣръ, положеніе польской печати (въ царствѣ) еще болѣе стѣсненное, чѣмъ у насъ. Возможность выяснять свое положеніе есть для общества великое дѣло; это—начало исцѣленія, и одно пріобрѣтеніе этой возможности должно дѣйствовать ободряющимъ и успокоивающимъ образомъ. Такъ это могло бы быть въ нашихъ собственныхъ дѣлахъ, и въ нашихъ отношеніяхъ съ поляками, и политическихъ, и общественныхъ. Въ этихъ политическихъ отношеніяхъ было много неправильнаго, и въ болѣе или менѣе свободномъ и открытомъ обсужденіи ихъ, безъ сомнѣнія, выяснилось бы многое, и это помогло бы найти мѣры, которыя способны были бы удовлетворить желаніямъ польскаго общества безъ ущерба русскому интересу, и тѣмъ внести примирительный элементъ, которому пора бы войти въ силу. Съ другой стороны, подобное выясненіе status quo могло бы благопріятно подѣйствовать и на наши общественныя отношенія съ поляками. Странно сказать, но наступаетъ уже второе столѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ польскія земли вошли въ составъ русскаго государства, и однако же два общества остаются крайне чужды одно другому; государственное единство не сгладило нисколько исторической вражды, именно потому, намъ кажется, что невоз-

можность общественной самодѣятельности на обѣихъ сторонахъ не давало свободно высказываться ни тому, ни другому обществу и, слѣдовательно, не давало возможности обнаружиться тѣмъ точкамъ соприкосновенія, какія несомнѣнно между двумя обществами существуютъ. Намъ кажется глубоко справедливымъ замѣчаніе Самарина, что въ польской политической исторіи и въ литературѣ, «вопреки всему», пробѣгаетъ славянская струя, и что мы не вполнѣ правы передъ поляками, что не умѣли до сихъ поръ ни оцѣнить, ни даже замѣтить ея. Постаравшись открыть и оцѣнить эту славянскую струю, мы тѣмъ самымъ открыли бы точку соприкосновенія, начатки общаго нравственно-національнаго интереса, для развитія которыхъ, конечно, потребовались бы иныя условія общенія, чѣмъ тѣ, какія до сихъ поръ существовали для обѣихъ сторонъ. Почва для сближенія можетъ быть дана только учрежденіями, которыя, хотя бы въ скромномъ размѣрѣ, открыли путь для общественной самодѣятельности: общій реальный интересъ несомнѣнно оказалъ бы самое дѣйствительное вліяніе на это сближеніе, — которое, на нашъ взглядъ, можетъ стать вскорѣ и весьма серьёзной государственной необходимостью.

Можно согласиться съ Самаринымъ, что польскій вопросъ не умѣщается въ области политики; можно желать польскаго *возрожденія*, — но какъ въ природѣ бываютъ средніе періоды въ процессахъ ея развитія, такъ они могутъ быть желательны и въ жизни обществъ; отсутствіе, устраненіе ихъ и бываетъ обыкновенно причиной политическихъ потрясеній и переворотовъ. Исторія, можетъ быть, приведетъ это возрожденіе, но современному обществу плохое утѣшеніе, что нѣкогда достигнутъ будетъ искомый результатъ; будущія поколѣнія, быть можетъ, лучше нашего устроятъ свою судьбу, но желательно, чтобы и нынѣшнія пріобрѣли возможность идти хотя медленно къ лучшему будущему и получили на свою долю то нравственное удовлетвореніе, которымъ скрашивается жизнь личная и жизнь общественная.

Возводя польскій вопросъ до принциповъ и высоко цѣня защищаемый имъ самимъ принципъ, Самаринъ очень хорошо знаетъ, чего требуетъ его достоинство: «нужно, — говоритъ онъ, — торжество не военное и не дипломатическое, а торжество, свободно *признанное* одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ». Мысль прекрасная, но, къ сожалѣнію, Самаринъ оставляетъ невыясненнымъ вопросъ, который невольно представляется: какъ можетъ, и что́ нужно для того, чтобы могло осуществиться это *свободное* признаніе? Съ нашей точки зрѣнія, нужны двѣ вещи:

во-первыхъ, чтобы *одно* просвѣтительное начало проявилось въ такомъ величіи, въ такой умственной и нравственной силѣ и широтѣ, которыя способны были бы вызвать это *свободное* признаніе; а во-вторыхъ, чтобы и *другому* началу была дана возможность высказаться во всей своей *теоретической* силѣ. Для такого торжества, о которомъ говоритъ Самаринъ, совершенно необходимо, чтобы могло совершиться правильное состязаніе, открытое общеніе, прямой споръ, искренняя бесѣда; только такое свободное обсужденіе вопроса могло бы быть достойно высоты принципа, какъ выставляетъ его Самаринъ.

Осмотрѣвшись въ нашей литературѣ, — которая, внѣ оффиціальныхъ дѣйствій, была единственнымъ выраженіемъ мнѣній русскаго общества, — нельзя сказать, чтобы ея разсужденія были достойны этой высоты. Могло быть въ русскомъ обществѣ понятное раздраженіе; но, мимо его, нѣсколько искреннее (хотя наивное) слово было заглушаемо мѣропріятіемъ, а оставались свободны слова озлобленія, которыя едва ли отвѣчали національному достоинству: какъ будто сомнѣвались, что Россія достаточно сильна, и забывали, что болѣе сильный долженъ быть и болѣе великодушнымъ; наконецъ, лучшее, что было сказано, было то, что говорилось объ устройствѣ польскаго крестьянства, а затѣмъ, вопросъ какъ въ разбираемомъ разсужденіи Самарина, оставался въ идеалистической отвлеченности, односторонность которой въ свое время такъ и осталась безъ отвѣта...

Указывая единственную возможность окончательнаго рѣшенія польскаго вопроса въ *возрожденіи*, Самаринъ дѣлаетъ многозначительную оговорку, что, съ другой стороны, нужно, чтобы и Россія рѣшилась и съумѣла сдѣлаться *вполнѣ собою*, то-есть «историческимъ представительствомъ православно-славянской стихіи». Другими словами, для самой Россіи нужно также возрожденіе, въ томъ смыслѣ, какъ понимается значеніе Россіи въ славянофильской теоріи, и едва ли логически не надо ожидать сначала *этого* возрожденія, чтобы требовать возрожденія Польши. Для «свободно признаннаго торжества» нужно, чтобы повторяющійся и признающій видѣлъ предъ собой убѣдительное и увлекающее проявленіе высокой идеи, дающее исходъ странно запутанному національному вопросу. Но когда придетъ это русское возрожденіе, что для него нужно и дѣлается ли то, что нужно? Прошло почти двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ высказано это ожиданіе, и сама школа, безъ сомнѣнія, признаетъ, что даже теоретически вопросъ о томъ, что нужно, не выясненъ и не усвоенъ хотя бы извѣстнымъ кругомъ общества, а что сдѣлано, слѣдо-

вательно, и того менѣе. Напротивъ, дѣйствительность еще слишкомъ далека отъ этого идеала, способнаго убѣдить и увлечь...

Въ разсужденіи Самарина остался невыясненнымъ одинъ пунктъ. Онъ говоритъ только о русской Польшѣ, не упоминая о прусской и австрійской,—но по ходу его мысли и по извѣстнымъ положеніямъ славянофильской теоріи надо принять, что желаемое имъ возрожденіе должно распространяться на цѣлое племя. Такимъ образомъ, *полное* разрѣшеніе польскаго вопроса (состоящее въ торжествѣ нашего «просвѣтительнаго начала», т.-е. вѣрнѣе говоря, въ принятіи поляками православія) становится въ зависимость отъ еще болѣе обширной борьбы, и такъ какъ по славянофильской теоріи православіе вообще есть спеціально-славянское исповѣданіе (исторически предполагается, что у всѣхъ славянскихъ племенъ христіанское ученіе впервые явилось изъ византійскаго источника), и только съ православіемъ соединена возможность истинно-славянскаго просвѣщенія, государственнаго и народнаго устройства, то очевидно, что *полное* рѣшеніе польскаго вопроса связано съ громадной борьбой, Kulturkampf'омъ славянства съ романо-германствомъ.

Таковы широкія ожиданія и надежды теоретиковъ славянофильской школы. Все это было бы прекрасно, еслибъ было возможно. Къ сожалѣнію, не только наше настоящее, но и настоящее всего славянскаго племени, очень ослабляютъ надежду на «свободно признанное торжество»; прошлая тысячелѣтняя исторія славянства также не подтверждаетъ подобнаго ожиданія, и говоритъ напротивъ, что славянство гибло отъ неумѣнья примирять «внутреннія раздоры». До сихъ поръ славянство все только отступало передъ романо-германствомъ,—и пока мы будемъ собираться съ силами, пока Россія, единственный прочный пунктъ въ этой борьбѣ, будетъ стараться (*если* будетъ) стать *вполнѣ собою*, въ западномъ славянскомъ мірѣ идетъ постоянное отступленіе передъ романо-германствомъ, и въ частности Польша, въ своей прусской части, видимо таетъ передъ напливомъ германской стихіи, или просто вымираетъ, какъ вымерли нѣкогда балтійскіе и по-эльбскіе славяне. Въ виду *этого* процесса, надо думать, требовалось бы съ нашей стороны еще нѣчто иное, кромѣ мирнаго ожиданія торжества нашего просвѣтительнаго начала, и особливо—нѣчто болѣе спѣшное. Именно, эти чисто реальныя соображенія должны бы, по нашему мнѣнію, внушить больше національной и религіозной терпимости,—которой слишкомъ мало во всѣхъ нашихъ

отношеніяхъ съ поляками, и которая могла бы болѣе искренно соединить ихъ съ нами хотя бы на общемъ славянскомъ вопросѣ. Къ такому же желанію можно приходить и съ другой стороны. Не скажемъ, чтобы наше время въ самой западной Европѣ достигло мирнаго устройства религіозныхъ противорѣчій,—недавній нѣмецкій Kulturkampf, современная клерикальная борьба во Франціи и т. д. указываютъ, что этого еще нѣтъ; но во всякомъ случаѣ, въ понятіяхъ просвѣщеннѣйшихъ людей общества и затѣмъ въ государственныхъ учрежденіяхъ выработалось стремленіе къ примиренію, которое во многихъ случаяхъ осуществляется и на дѣлѣ. — Неужели не можетъ быть теперь, до окончанія борьбы «просвѣтительныхъ началъ», открытъ путь такого предварительнаго примиренія, которое соединило бы насъ для общихъ цѣлей, какія на дѣлѣ есть, и непосредственно облегчило бы жизнь настоящихъ поколѣній. Говорятъ обыкновенно (какъ говорится при всѣхъ репрессивныхъ отношеніяхъ), что сами поляки не идутъ къ намъ на встрѣчу, чуждаются примиренія; но въ подобныхъ отношеніяхъ первый шагъ на встрѣчу долженъ дѣлаться сильнѣйшимъ.

Мы остановимся еще на нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ изложенной теоріи, и перейдемъ потомъ къ другому взгляду на польскій вопросъ.

А. Пыпинъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

НА ЗАКАТѢ.

Теплую пѣснь, призывая народъ,
Колоколъ сельскаго храма поетъ;
Нивы полны аромата,
Тухнетъ румянецъ заката...
Но не стремятся ко храму рѣкой
Во́лны народа дорогой большой, —
Тяжко налившійся колосъ
Глу́шитъ взывающій голосъ.
Нынѣ крестьянамъ нелегкіе дни,
Господу молятся въ полѣ они —
Время страды́ началося,
Время жнитва́ и покоса.
«Страдные дни нищихъ духомъ пройдутъ;
Золото нивы — серпы соберутъ;
Станутъ копенъ вереницы,
Съ пѣснью кончающей жницы!
Но для тебя не минѣтъ никогда
Бѣшеной мысли и сердца страда́ —
Нѣтъ для тебя исцѣленья
Острымъ недугамъ сомнѣнья!
Доброе сѣмя Творецъ тебѣ далъ,
Что-жъ ты посѣялъ и что ты пожалъ?!!..»
Слышу, поетъ мнѣ упрямо
Колоколъ сельскаго храма...

Да, глубоко въ нѣдрахъ духа ношу
Божіе сѣмя я нынѣ...
Гдѣ его сѣять?!.. Я сердцемъ дрожу,
Скованный мыслью, блуждая, брожу
Въ снѣжной, безлюдной пустынѣ;—
Но сокровенно то сѣмя растетъ,
Теплою мыслью согрѣто...
Если въ грядущемъ оно расцвѣтетъ,
Цвѣтъ пусть къ единому Богу идетъ
Прямо изъ сердца поэта.

II.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

О милой родинѣ жестокою тоской
Она томилась и страдала,
И возвращенія изъ стороны чужой
Домой, какъ узникъ, ожидала...
А тамъ, на сѣверѣ, отъ холода и сна
Проснулися лѣса и нивы,
Сверкали рѣкъ безбрежные разливы,
И пахла ландышемъ цвѣтущая весна.
Всходили озими, надъ зеркаломъ пруда
Носились ласточки, гоняясь другъ за другомъ,
И пахла сыростью, чернѣя, борозда,
Уже взрываемая плугомъ;
Кропили лѣсъ, поля, душистую сирень
Росы благоуханной слёзы,
И листьевъ молодой березы
И хвои запахомъ былъ полонъ теплый день.
Лѣсовъ задумчивый, согрѣтый нѣгой ликъ
Дремалъ подъ синевой эѳирной,
Но пробуждалъ его задорный птичій крикъ
И благодушный щебетъ мирный...
Тамъ пѣсня русская звенѣла далеко
И за-сердце брала тоскою,
Иль русской удалью, плѣнявшей широтою,
Захватывала духъ тепло и глубоко.

Та пѣснь звала ее, томимую тоской—
Печалью тихой, но жестокой—
Та пѣснь звала ее изъ стороны чужой
Въ объятье родины далекой.

III.

НАДЪ БЕЗДНОЙ.

Въ путь къ свѣту, правдѣ, — въ міръ отрады
Душой стремясь надъ бездной тьмы,
Какъ Петръ въ волнахъ Тиверіады,
Въ волнахъ житейскихъ тонемъ мы.

Мы видимъ, жизненною скверной
Насъ поглощаетъ каждый часъ,
Но кто намъ кликнетъ: «Маловѣрный!»
И кто теперь поддержитъ насъ?

Изъ тьмы лишь тотъ воспрянетъ снова,
Чья жизнь грустна, чья мысль чиста,
И кто въ груди услышитъ слово
Толпой распятаго Христа!

Н. Б.

НАШИ
252
ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Изъ общественной жизни города Петербурга.

Кто интересуется дѣлами вообще нашихъ городскихъ думъ, и въ частности петербургской, тотъ не могъ не запомнить того возбужденія, какое вызвано было, по осени минувшаго года, ходомъ дѣла о пользованіи водами столицы для содержанія живорыбныхъ садковъ и торговли рыбою. О немъ говорили всѣ и на всѣ лады, въ обществахъ и въ частныхъ кружкахъ; о немъ говорила печать: чуть не каждый нумеръ каждой газеты возвращался къ этому дѣлу, то въ серьёзной, то въ иронической формѣ.

Вопросъ рыбный, или садковладѣльческій, какъ ни второстепененъ онъ среди другихъ интересовъ нашей столицы, заставилъ однако всплыть наружу и доказать съ рѣзкою очевидностію, насколько шатко и непрочно стоитъ въ нашемъ „муниципалитетѣ“ рѣшеніе всякаго дѣла. Несмотря на особыя убѣжденія городского головы, дѣло общей выгоды, въ первомъ засѣданіи, проигрывается, узкіе интересы нѣсколькихъ торгашей одерживаютъ при баллотировкѣ побѣду. Съ рѣдкимъ единодушіемъ ежедневная печать возстала противъ этого безобразія,—и слѣдующее засѣданіе дало другіе результаты. Собраніе оказалось полнѣе, голоса сторонниковъ рыбной монополіи раздавались тише, исходъ оказался противоположный.

Произошелъ благопріятный поворотъ. Нельзя однако не видѣть, что такая перемѣна носитъ характеръ случайный. Очевидно, единодуш-

ное давленіе печати повліяло случайно на гласныхъ думы, пристыдивъ часть тѣхъ, кто поддерживалъ эксплуататоровъ, и заинтересовавъ часть другихъ, являющихся на думскія собранія преимущественно ради great attraction,—ради спектакля. Но вѣдь есть тысячи дѣлъ, въ которыхъ со стороны печати можетъ не оказаться дружнаго натиска, и наша дума останется сама съ собой.

Какъ будетъ дума справляться въ такомъ случаѣ,—это видно хотя бы изъ послѣднихъ выборовъ городского головы. Никогда, разумѣется, ни для какого дѣла, дума не соберется въ такомъ количествѣ, какой оказался при баллотировкѣ новаго головы; ни для какого дѣла дума не увидитъ въ стѣнахъ своихъ такого числа крупныхъ именъ, какое явилось, когда нужно было положить свой шаръ именно за того, кто былъ послѣ избранъ. И за всѣмъ тѣмъ избраніе, помнится, рѣшилось большинствомъ только шести голосовъ...

Сличите эти выборы съ новѣйшимъ „рыбнымъ дѣломъ“, и вы увидите, что радоваться благопріятному обороту послѣдняго особенно нечего. Всякій фазисъ всякаго дѣла можетъ въ нашей думѣ представить такія случайности, которыя трудно предвидѣть и еще труднѣе предотвратить.—Вновь избранный городской голова имѣлъ за себя многолѣтнюю земскую дѣятельность и во всякомъ случаѣ пользовался доброю извѣстностію. И что же? Противъ него былъ представитель одной весьма и весьма извѣстной торговой фирмы. До окончательныхъ выборовъ, при избраніи кандидатовъ записками, тотъ, кто былъ впослѣдствіи избранъ, получилъ до 60-ти голосовъ, т.-е. подавляющее большинство противъ всѣхъ другихъ. Окончательное избраніе казалось обезпеченнымъ. Это однако ничего не значило. Встрѣтившись наканунѣ выборовъ съ представителемъ, или главою даже той партіи, которую одна газета называла „черною сотней“, мы высказывались за несомнѣнность избранія перваго кандидата.

—„Нѣтъ-съ, не выберутъ-съ“,—возражалъ намъ этотъ почтенный „лидеръ“ тономъ полнѣйшей увѣренности.—„Записки, знаете, ничего не значатъ-съ; пишутъ открыто, ходитъ эта наша интеллигенція, уворотъ; неужто, говоритъ, не напишете за него; онъ человѣкъ такой-сякой, извѣстный. Трудно, знаете, въ эвтакомъ случаѣ выдержать свой характеръ; ну, человѣкъ и напишетъ, кого требуютъ, а вовсе его даже и не хочетъ,—а такъ, чтобы отдѣлаться. А вотъ-съ, какъ будутъ шарики класть—тогда и увидите. Это вѣрно-съ, никакъ-съ не выберутъ“.

И дѣйствительно, предсказаніе чуть не сбылось. Не сдѣлай противная сторона самыхъ крайнихъ, такъ-сказать экстраординарныхъ, усилій,—первый кандидатъ былъ бы забаллотированъ. Но вѣдь такія чрезвычайныя усилія невозможны постоянно, каждый день. А за то

не только возможны, но и естественны такія явленія, какъ первоначальное рѣшеніе по рыбному дѣлу—и tutti quanti.

Но не представится ли подобный ходъ дѣла нормальнымъ и неизбѣжнымъ, если подумать, что во всякомъ обществѣ вѣдь есть разнородные интересы, во всякомъ дѣлѣ есть мнѣнія за и противъ, всякая партія хлопочетъ о торжествѣ своего дѣла? Чѣмъ шире кругъ дѣятельности, чѣмъ многосоставнѣе общество, тѣмъ явственнѣе будетъ дѣленіе на группы и естественнѣе борьба. Борьбы слѣдуетъ даже желать: она возбуждаетъ энергію, гонитъ апатію; изъ столкновенія мнѣній рождается истина,—говоритъ извѣстное французское изреченіе.

Конечно, всѣ эти афоризмы имѣютъ свое значеніе, но значеніе относительное. Борьба должна происходить на одной и той же почвѣ, и вестись тѣмъ же оружіемъ. Противъ слова и убѣжденія должно противостоять также словомъ и убѣжденіемъ, но не слѣдуетъ бороться воздѣйствіемъ на инстинкты. Борьба честности съ безсовѣстностью, борьба между знаніемъ и невѣжествомъ, не могутъ быть признаваемы „столкновеніемъ мнѣній".

Между тѣмъ, во многихъ отношеніяхъ таковы условія борьбы въ нашихъ городскихъ думахъ вообще и въ каждой въ частности: чѣмъ меньше сила умственная и нравственная, тѣмъ больше идутъ въ ходъ хитрость и темныя средства, начиная съ прокатыванія на „вороныхъ" послѣ того, какъ записки были бѣленькія, и кончая опусканіемъ нѣсколькихъ шаровъ за разъ въ пользу благопріятеля, или подлѣзаніемъ подъ столы съ тою же цѣлью. Это дико, это безобразно, однако это бывало. Борьбѣ правильной, честной, хотя бы горячей, страстной и увлеченной, борьбѣ полезной—мало можетъ быть мѣста въ нашихъ думахъ,—не исключаемъ отсюда и петербургскую.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о бо́льшей или меньшей высотѣ нравственной, о честности болѣе широкой, нежели та, которая только изъ кармановъ не крадетъ,—самый уровень умственнаго развитія, образованія, подготовки между представителями нашихъ столичныхъ интересовъ, какую въ средней сложности составляетъ величину?

Чтобы заправлять первымъ городомъ въ государствѣ, чтобы возвышать его благоустройство на пользу громаднаго населенія и въ поученіе и примѣръ тысячѣ другихъ градовъ и весей россійскихъ, чтобы распространять въ массахъ просвѣщеніе на благо грядущимъ поколѣніямъ, чтобы давать народу мировыхъ судей свѣдущихъ, правоправящихъ свою важную миссію, чтобы служить наконецъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія въ важныя минуты народной жизни,—для всѣхъ этихъ дѣлъ, что́ требуется отъ городского представителя? Какими условіями обставлено избраніе въ сонмъ *252* представи-

телей Петербурга—перваго города въ имперіи и далеко не послѣдняго въ ряду европейскихъ столицъ? Они—эти представители—имѣютъ власть рѣшать множество вопросовъ, которыми ваша жизнь, въ числѣ 800,000 другихъ жизней, можетъ быть облегчена, обставлена удобствами, ограждена отъ міріадъ ежедневныхъ непріятностей и даже опасностей,—или, напротивъ, можетъ быть стиснута какъ желѣзнымъ кольцомъ всяческими обременительными распоряженіями, неравномѣрными налогами, даже сокращена вслѣдствіе малыхъ заботъ о ея сохраненіи.

Какой цензъ нравственный?—Не убей, не укради; конечно, такъ это нигдѣ не сказано: для городского представительства человѣкъ долженъ быть только не осужденъ судомъ за эти и подобныя дѣянія, не быть злостнымъ банкротомъ, разстригой, или исключеннымъ позорно изъ своего сословія. Какъ видно, требуются не Катоны и не Аристиды, которыхъ, конечно, было немного и въ собственномъ ихъ отечествѣ, но все же нельзя назвать нашъ нравственный цензъ особенно высокимъ.

Цензъ умственный или образовательный? Нужно ли кончить курсъ въ высшемъ или въ среднемъ учебномъ заведеніи, классическомъ или реальномъ, или довольно пройти прогимназію?—Это очень важно; только при извѣстной степени образованія возможна истинно полезная дѣятельность общественная. Да, важно, но—не нужно; не нужно даже и народнаго училища, можно быть просто безграмотнымъ. Нигдѣ, ни единаго слова въ городовомъ положеніи о томъ, что лицо, участвующее въ выборахъ,—слѣдовательно и могущее быть избраннымъ въ думу—должно имѣть извѣстную степень образованія или хотя грамотности.

Но—скажете вы—значитъ, тѣмъ лучше; столица—центръ государственной, ученой, учебной, литературной, административной и всякой другой интеллигентной дѣятельности. Чѣмъ шире вообще доступъ къ дѣламъ общественнымъ, тѣмъ свободнѣе путь и для нихъ. Тѣмъ лучше.

Казалось бы такъ. Но есть еще цензъ—матеріальный, денежный, имущественный. Въ немъ-то вся и сила. Нужно быть владѣльцемъ или совладѣльцемъ недвижимой собственности, хотя бы на долю приходился рубль, и даже того меньше, платежа въ пользу города; нужно быть купцомъ которой-нибудь гильдіи, нужно быть приказчикомъ или торговцемъ хотя съ лотка или изъ корзины. Всѣмъ таковымъ, начиная съ тѣхъ нѣкоторыхъ, что платятъ съ своей недвижимости тысячи рублей, и кончая тѣми, что платятъ рубль и меньше,—всѣмъ имъ настежь отверты двери къ избирательной урнѣ, а затѣмъ, при желаніи и умѣньи, по гранитной лѣстницѣ и въ думскія палаты. Дѣла нѣтъ, что многіе изъ нихъ не умѣютъ пера взять въ

руки и бухгалтерію свою ведутъ на биржѣ или мѣломъ на стѣнѣ,—всѣ они такъ или иначе имѣютъ по праву доступъ къ карману городского правленія. Если же вы, обыватель, этого ценза не имѣете, то всѣ ваши доблести гражданскія, нравственныя, умственныя приравниваются нулю. Затѣмъ, проходя мимо здороваго парня, десятки лѣтъ занятаго великимъ дѣломъ продажи „американскаго звѣря" въ банкѣ,—склоните только смиренно голову и намотайте, что въ глазахъ городского самоуправленія вы—ничто передъ нимъ.

Но такъ-ли это? Не для краснаго ли словца все это говорится?—Въ такомъ случаѣ, посмотримъ, что скажутъ намъ точныя цифры и документы.

I.

Чтобы правильнѣе было представленіе о томъ, что такое въ дѣйствительности наша дума, т.-е. первенствующій органъ столичнаго самоуправленія, припомнимъ вкратцѣ ея права и обязанности.

Дума состоитъ изъ 252-хъ гласныхъ. Она—полный хозяинъ:

во-первыхъ, въ наружной красотѣ, порядочности, чистотѣ города: улицы, площади, мостовыя, сады, каналы, водопроводы, освѣщеніе, стоки,—всѣ эти важные факторы правильной и цивилизованной жизни въ ея рукахъ, ей принадлежитъ и инициатива, и исполненіе;

во-вторыхъ, большая доля благосостоянія населенія также въ ея власти: забота о народномъ продовольствіи, слѣдовательно объ обильномъ снабженіи его хорошими, свѣжими и дешевыми продуктами; правильная, честная торговля, полезная не для однихъ торговцевъ; забота объ охраненіи здоровья народнаго и прямой, великій результатъ ея—уменьшеніе смертности,—устраненіемъ всего того, что можетъ вредить здоровью и жизни; предупрежденіе разныхъ бѣдствій, эпидемій, пожаровъ, наводненій, падежей,—и помощь пострадавшимъ отъ нихъ;

въ-третьихъ, городу принадлежатъ дѣла и высшаго порядка: ему предоставлено участіе въ попеченіи о народномъ образованіи, онъ можетъ устроивать библіотеки, музеи, театры и другія подобныя святилища наукъ и искусствъ.

Наконецъ, дума имѣетъ право заявлять правительству и о всѣхъ другихъ, какъ сказано въ законѣ, „пользахъ и нуждахъ" города.

Это одна сторона правъ и обязанностей. Другая—не менѣе важна. Дума вполнѣ самостоятельна въ данныхъ ей предѣлахъ. Администрація не можетъ ни отмѣнить, ни измѣнить ея рѣшеній. Она уступаетъ только власти сената, и то послѣ самаго подробнаго пересмотра

дѣла, по выслушаніи всѣхъ ея доводовъ. Ея должностныя лица избираются по ея произволенію, и только два высшіе представителя—городской голова и его товарищъ—утверждаются правительствомъ. Органы городского самоуправленія подвергаются отвѣтственности не иначе, какъ по рѣшенію самой думы и по суду. Дума имѣетъ право издавать мѣстные законы, такъ-называемыя обязательныя постановленія, и все населеніе должно повиноваться имъ, какъ закону, подъ страхомъ отвѣтственности. Дума можетъ облагать жителей извѣстными налогами и сборами,—и всѣ 800,000, прямо или косвенно, ихъ платятъ безапелляціонно.

Изъ этого краткаго очерка видно, какъ широко дѣйствія думы могутъ захватывать интересы всякаго изъ насъ. Дума можетъ быть его благодѣтельницей; она можетъ быть его бичомъ. Она можетъ удешевить ему жизнь, устранить множество весьма тягостныхъ неудобствъ и лишеній, дать ему комфортъ и безопасность, даже прибавить цѣлые годы къ средней его жизни. Она можетъ поднять уровень нравственности въ массахъ, можетъ дать множество высокихъ наслажденій изъ области изящнаго и научнаго, а своими музеями, чтеніями, театрами отвлечь десятки и сотни тысячъ народа отъ тѣхъ вертеповъ, которые именуются трактирами, портерными, кабаками... И наоборотъ, она можетъ сдѣлать такъ, что людямъ отъ дороговизны придется обѣдать черезъ день, мерзнуть и разболѣваться не только въ подвалахъ, но и въ бельэтажахъ, ломать себѣ на каждомъ шагу шею, задыхаться отъ всякой мерзости не только во дворахъ, но и на площадяхъ, отравляться не только всякими питьями и снѣдями, но и водою; она можетъ сдѣлать такъ, что торговля будетъ равнозначна мошенничеству, а домовладѣльцы будутъ только эксплуататорами сотенъ тысячъ ихъ крѣпостныхъ, называемыхъ жильцами; вмѣсто уничтоженія нищенства, она можетъ расплодить и укоренить его; вмѣсто церквей, музеевъ и библіотекъ, она можетъ погнать народъ въ полпивныя, въ кабаки и прочія клоаки подъ знаменемъ распивочно и на выносъ...

Все это она можетъ сдѣлать. Но лучше желать, чтобы дѣлалось первое, а не послѣднее.

Все зависитъ отъ того, какія цѣли имѣютъ, какъ задачу свою понимаютъ, какими средствами, нравственными и умственными, обладаютъ тѣ 252 лица изъ 800 тысячъ,—предполагаемая квинтъ-эссенція населенія—которые, именуясь гласными думы, составляютъ верховный ареопагъ городскихъ интересовъ.

Но главнѣе, и прежде того, все зависитъ отъ вопроса: кто и какъ выбираетъ этихъ 252-хъ? Если избиратель можетъ понять и понимаетъ, что онъ дѣлаетъ, кого и для чего онъ предлагаетъ и бал-

лотируетъ, если онъ проникнутъ важностію дѣла, для котораго назначаетъ дѣятелей,—то дума въ лицѣ своихъ гласныхъ представитъ корпорацію, достойную своей задачи. Потребности, выгоды и удобства восьмисотъ тысячъ будутъ обезпечены въ наивозможной мѣрѣ. Если, напротивъ, избиратель никакихъ этихъ заботъ высшаго порядка не имѣетъ, если онъ не можетъ подняться выше своего верстака или выручки, и вся его задача состоитъ въ томъ, чтобы самому попасть или провести благопріятеля въ гласные, ради только личныхъ интересовъ своихъ или своего цеха,—то въ результатѣ будетъ нѣчто подобное тому, что мы видимъ во многихъ думахъ.

Взглянемъ же сначала на тѣхъ избирателей, которые дали въ 1877 г. нынѣшній составъ городской думы; имъ придется вновь избирать его въ 1881 г., такъ-какъ срокъ службы городскихъ представителей четырехъ-лѣтній.

По городовому положенію 1870 года, всякій городской обыватель имѣетъ право голоса при избраніи гласныхъ, если онъ русскій подданный, не моложе 25-ти лѣтъ, и если владѣетъ въ городѣ недвижимою собственностію, или ведетъ торговлю, или имѣетъ ремесленное заведеніе и платитъ исправно, не менѣе двухъ лѣтъ, городскіе сборы. Имущество можетъ быть самое ничтожное, торговля и промыслы даже мелочные и разносные. Приказчики имѣютъ также права избирателей. Нѣсколько владѣльцевъ одного и того же имущества считаются, каждый, избирателемъ, хотя бы на долю каждаго причиталось платить въ городской доходъ даже меньше рубля. Мелкіе торговцы и промышленники платятъ также ничтожные сборы.

Правила эти вполнѣ примѣнены въ Петербургу, также какъ они примѣняются ко всѣмъ самомалѣйшимъ городамъ, гдѣ каждый житель знаетъ почти лично всѣхъ своихъ согражданъ. Никакихъ измѣненій въ виду также и разницы въ составѣ населеній не сдѣлано. Въ городѣ Кадыѣ, напримѣръ, 800 жителей, въ Петербургѣ въ тысячу разъ больше; но все различіе состоитъ лишь въ томъ, что въ одномъ избиратели могутъ быть раздѣлены для выбора гласныхъ всего на два разряда, а въ другомъ они дѣлятся на три.

Въ основаніе дѣленія на разряды принята исключительно сумма платимыхъ городу сборовъ. Такимъ образомъ, по нашей столицѣ общая сумма платежей исчислялась къ выборамъ 1877 года кругло въ 1.878,000 руб., и каждый изъ трехъ разрядовъ составили обыватели, платящіе, въ общей сложности, 626 тысячъ. Платящіе наиболѣе вошли въ первый, платящіе наименѣе—въ третій разрядъ. Передъ избирательнымъ ящикомъ они всѣ равны, такъ что, наприм., графъ А. С. Апраксинъ, стоящій первымъ въ первомъ разрядѣ и вносящій

въ городской доходъ 14,053 руб. ежегодно, имѣетъ такой же одинъ голосъ въ своемъ разрядѣ, какъ и г-жа Карамольди, послѣдняя въ третьемъ разрядѣ, вносящая копѣекъ 40, или и менѣе того. Однако этимъ параллель и ограничивается. Громадное различіе заключается, какъ легко видѣть, въ числѣ лицъ образующихъ разрядъ: чѣмъ больше цифра сбора, платимаго однимъ лицемъ, тѣмъ меньше нужно такихъ лицъ для составленія валовой разрядной суммы, опредѣленной, какъ сказано, въ 626 тысячъ. Если бы всѣ были богачи въ родѣ гр. Апраксина, то ихъ на разрядъ пришлось бы всего 45, и, избирая свою долю, т.-е. 84-хъ гласныхъ (треть 252-хъ), каждый, очевидно, имѣлъ-бы право избрать почти двухъ представителей въ думу. Но гр. Апраксинъ—единственный домовладѣлецъ и плательщикъ. Слѣдующій по порядку—здѣшняя портовая таможня—вноситъ въ городъ всего 11,673 р., а затѣмъ Александро-невская лавра лишь 8,957 р. Изъ частныхъ лицъ идутъ затѣмъ П. И. Лихачевъ, почетный гражданинъ и 1-й гильдіи купецъ, который платитъ около $8^1/_2$ тыс. и П. Д. Яковлевъ, также почетн. гражд. и 1-ой гильд. купецъ, вносящій 8,288 руб. Затѣмъ, цифра платежей постепенно понижается, и первый разрядъ оканчивается наименьшею суммою въ 1,274 руб., уплачиваемою вдовою почетн. гражд. Якунчикова.

Всѣхъ избирателей перваго разряда, т.-е. городскихъ зажиточныхъ людей, числится 240. Здѣсь значатся наиболѣе крупныя купеческія фамиліи: Воронинъ, Елисѣевъ, Яковлевъ, Громовъ, Дурдинъ, Тупиковъ, Кенигъ, Коровинъ, Лопатинъ, Ломачъ, Вердъ, Глазуновъ, Палкинъ, Кохунъ, Штанге, Санъ-Галли и проч. Изъ именъ аристократическихъ видны, кромѣ гр. Апраксина, графъ Стенбокъ-Ферморъ (владѣлецъ яковлевскихъ желѣзныхъ заводовъ), графъ Шереметевъ (адъютантъ Государя Цесаревича), бар. Фредериксъ (командиръ конной гвардіи), князь Вяземскій (владѣлецъ извѣстныхъ домовъ на Сѣнной) Демидовъ, князь Санъ-Донато, князь Вѣлосельскій-Вѣлозерскій, графиня Игнатьева, графиня Шувалова, княгиня Волконская и др. Печать представляется В. А. Полетикою (издатель „Молвы"), А. А. Краевскимъ (издатель „Голоса" и „Отечественныхъ Записокъ"). Первый со своихъ домовъ платитъ городу около $2^1/_2$ тыс., послѣдній около 1,300 руб. въ годъ.

Въ средней сложности правоспособность, такъ сказать, каждаго избирателя выражается суммою 2,600 руб., и каждымъ 20-ти избирателямъ принадлежитъ избраніе 7-ми думскихъ гласныхъ.

Если подраздѣлить избирателей на двѣ группы, отнеся къ первой тѣхъ, кто причисляется по обычаю къ интеллигенціи, а именно такъ-называемыхъ привилегированныхъ—дворянъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, лицъ, имѣющихъ ученыя степени и званія и т. п.,—а

къ другой купцовъ, промышленниковъ и пр., то тотчасъ окажется, что изъ 240—102 принадлежатъ къ первымъ, 88 къ послѣднимъ, и 50: разныя юридическія лица, учрежденія, общества и пр.

Второй разрядъ включаетъ обывателей съ платежомъ отъ 1,278 р. до 382 р. Не вдаваясь въ подробности, скажемъ, что въ немъ списокъ лицъ почти вчетверо больше, именно 937, и значеніе каждаго избирателя почти въ четыре раза меньше. Если по первому разряду каждый третій человѣкъ можетъ быть избранъ въ гласные (84 изъ 240), то во второмъ разрядѣ только одиннадцатый. Подраздѣливъ и ихъ на категоріи, мы увидимъ, что—469, или половина, приходится на долю привилегированныхъ, 386 прочихъ, и 82 разныхъ обществъ и учрежденій.

Наконецъ, третій разрядъ: онъ обнимаетъ всѣхъ остальныхъ обывателей, платящихъ отъ 382 руб. до десятковъ копѣекъ. Этотъ разрядъ, выдающійся надъ прочими своей многочисленностію—въ немъ 19,345 избирателей—требуетъ къ себѣ, по многимъ соображеніямъ, особаго вниманія. Какъ увидимъ ниже, онъ даетъ наибольшій процентъ гласныхъ въ счетъ 252-хъ. Многосоставность побудила уже и думу разбить его на нѣсколько отдѣловъ, изъ которыхъ каждый для своихъ выборовъ собирается особо.

Средняя сумма платежа въ этомъ разрядѣ весьма сильно понижается: если она была 2,600 руб. въ первомъ и 668 р. во второмъ, то здѣсь не достигаетъ даже 33 р. Избиратель такъ-сказать мельче, притомъ вовсе не въ правильной прогрессіи съ тѣми двумя разрядами; его оцѣнка въ 20 разъ ниже избирателя второразряднаго, и въ 80 почти разъ противъ перваго разряда. Только двѣсти-тридцатый человѣкъ можетъ разсчитывать быть гласнымъ.

Въ предѣлахъ самого разряда колебаніе ценза весьма большое, чего нѣтъ въ первыхъ двухъ; взносъ перваго плательщика (382 р.) въ 950 разъ больше взноса послѣдняго (копѣйки). Если есть нѣкоторое равновѣсіе въ первомъ разрядѣ и особенно во второмъ, то въ третьемъ разрядѣ уже нѣтъ и тѣни правомѣрности. Плательщикъ 380 р., т.-е. владѣлецъ имущества, стоющаго не меньше 50 тыс. руб., поставленъ совершенно въ тѣ же условія, какъ и торговецъ съ лотка. Два равные почти плательщика, одинъ, напр., по налогу въ 385 р., а другой въ 380 р., отстоятъ однако на громадное разстояніе: первый, будучи во второмъ разрядѣ, имѣетъ примѣрно $^1/_{11}$ права при выборѣ, а послѣдній, по 3-му разряду, только $^1/_{330}$.

Защитники существующаго положенія скажутъ, разумѣется, что это неизбѣжно при постепенномъ пониженіи платежныхъ окладовъ, что гдѣ-нибудь должна быть грань между разрядами, что кажущуюся неравномѣрность можно только перенести, но не уничтожить и проч.

Статься можетъ, что болѣе внимательный взглядъ укажетъ и другое обстоятельство.

Что̀ представляетъ собою составъ избирателей 3-го разряда? Это очень пестрый конгломератъ. Въ немъ:

Во-первыхъ, всѣ остальные владѣльцы недвижимой собственности; ихъ всего 6614 чел. По суммѣ сбора они распредѣляются такъ:

отъ 382 до 66	руб.	платятъ	2681	лицо
„ 65 „ 16	„	„	2454	„
„ 15 „ 2	„	„	1405	„
„ 1 руб. до коп.		„	177	„

Изъ общей цифры принадлежатъ приблизительно:

до 2200, т.-е. менѣе 35% къ привилегированнымъ,
„ 4250, болѣе 63% — къ прочимъ,
„ 169 разныхъ учрежденій.

Во-вторыхъ, въ размѣрѣ 66 руб. платятъ купцы первой гильдіи. Ихъ 307 и изъ нихъ:

29 привилегированныхъ,
278 или болѣе 90% прочихъ, и
60 компаній и обществъ.

Въ число 278-ми входитъ 58 евреевъ, т.-е. болѣе 19% всѣхъ первостатейныхъ купцовъ.

Въ-третьихъ, купцы 2-ой гильдіи; они вносятъ по 16 руб.; всего 3087 чел. Большинство принадлежитъ къ непривилегированнымъ, именно 2960, или болѣе 95%.

Въ-четвертыхъ, длинный рядъ плательщиковъ по 2 руб., какъ-то: содержателей типографій, фотографій, аптекъ и т. п., лицъ, взявшихъ свидѣтельства на разные промыслы, торговлю, извозъ и проч., гдѣ интеллигентные классы представлены рѣдкими единицами. Содержателей типографій и другихъ названныхъ заведеній всего 30. Затѣмъ, по мѣщанскимъ свидѣтельствамъ 3427, и по ремесленнымъ 1152. Всего—4579. Сюда же принадлежатъ приказчики перваго разряда: ихъ значится въ спискѣ 2304.

Всего, слѣдовательно, промышленниковъ и торговцевъ, платящихъ 2 рубля, не малая цифра—6913. Изъ нихъ до 280, или 4% дворянъ, чиновниковъ, ихъ женъ и пр., и 6633, т.-е. 96 процентовъ, простого званія.

Въ-пятыхъ, есть еще люди, записанные также въ мѣщанской и ремесленной управахъ, но платящіе только по одному рублю. Ихъ всего 2324 чел., изъ которыхъ только 36 привилегированныхъ.

Въ-шестыхъ, наконецъ, есть изъ тѣхъ же записанныхъ платящіе меньше рубля: такихъ 93.

Вотъ общая картина той части городского общества, которая составляетъ третій разрядъ избирателей.

Взявъ эти цифры по главнымъ группамъ, увидимъ, что изъ 19,345 третьеразрядныхъ избирателей: 6614 только составляютъ владѣльцы недвижимости, во всѣхъ его размѣрахъ, не исключая и микроскопическихъ, и 12,731 суть люди торговаго сословія, по преимуществу мелкіе, платящіе городу ничтожныя деньги.

Итого: 34 процента домовладѣльцевъ и 66% торговцевъ, т.-е. люда подвижного.

Но размѣръ платежей еще своеобразнѣе: представители торговли и промысловъ, въ числѣ двухъ третей всѣхъ избирателей, выплачиваютъ городу, всѣ вмѣстѣ, не болѣе 86 тысячъ; владѣльцы же недвижимости, остальная треть, вносятъ 540 тыс. руб. Такимъ образомъ, средняя имущественная величина торговца выражается цифрою менѣе 7 руб., а домовладѣльца почти въ 82 руб.

Кромѣ того, недвижимость не легко переходитъ изъ рукъ въ руки, и домовладѣлецъ неизбѣжно, такъ или иначе, болѣе привязанъ къ мѣсту, а затѣмъ и къ городскимъ интересамъ, хотя бы понимаемымъ по-своему. Отъ торговца же, особенно мелкаго, и въ этомъ отношеніи требуется гораздо меньше. На будущее время онъ ничѣмъ не связанъ съ городомъ, и завтра же, быть можетъ, со всѣмъ легковѣснымъ скарбомъ своимъ переберется туда, гдѣ выгоднѣе. Въ прошломъ отъ него также не много требовалось: прожить въ столицѣ не менѣе двухъ лѣтъ, имѣя при этомъ право отлучаться, на сколько хочетъ.

За всѣмъ симъ, и домовладѣлецъ, и торговецъ имѣютъ при выборахъ ту же силу.

Но если со стороны имущественной правоспособности допущено такое рѣзкое неравновѣсіе въ пользу подвижного торговаго класса, то оно еще болѣе бьетъ въ глаза со стороны ценза образовательнаго. Разумѣется, принятое нами подраздѣленіе на привилегированныхъ и непривилегированныхъ не можетъ удовлетворить требованіямъ строгой критики для всякаго отдѣльнаго случая. Само по себѣ званіе дворянина или чиновника не есть дипломъ на образованность; иной, не только коллежскій регистраторъ, но и коллежскій совѣтникъ будетъ краснѣть въ этомъ отношеніи передъ инымъ мѣщаниномъ, кончившимъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи. Но въ данныхъ условіяхъ предложенная оцѣнка едва ли ошибочна. Наша общественность еще до сихъ поръ держится на той почвѣ, гдѣ человѣкъ купеческаго, тѣмъ болѣе мѣщанскаго сословія, разъ онъ получилъ доступъ къ образованію, мѣняетъ тотчасъ же свое состояніе или званіе; мѣщанинъ и купецъ стремятся въ

службу, со службой въ чины,—и затѣмъ они уже значатся въ спискахъ или по этимъ послѣднимъ, или по крайней мѣрѣ по тѣмъ званіямъ или степенямъ, которыя дало имъ учебное заведеніе. Одинъ инженеръ-техникъ, другой классный художникъ, третій кандидатъ правъ, четвертый такой или иной совѣтникъ, пятый лекарь или фармацевтъ. Всѣ эти званія отнесены въ нашемъ исчисленіи къ категоріи привилегированныхъ; туда же причислены ихъ жены, дочери и пр.; на долю другой категоріи осталась поэтому та масса, которая не тронута ни образованіемъ, ни воспитаніемъ, хотя, безъ сомнѣнія, никто ей не откажетъ въ смышлености. Такимъ образомъ, гораздо вѣрнѣе признать, что въ высшій разрядъ попало не мало людей необразованныхъ,—нежели наоборотъ.

Что же оказывается изъ приведенныхъ выше цифръ?

Если исключить разныя учрежденія, общества и пр., то въ первомъ разрядѣ будетъ 102 образованныхъ противъ 88 прочихъ; во второмъ, соотвѣтственно, 469 противъ 386; въ третьемъ: домовладѣльцевъ 2200 привилегированныхъ противъ 4250, и торговцевъ 320 противъ 9700.

Въ томъ числѣ не мало совсѣмъ чужихъ людей, финляндцевъ, евреевъ и т. п. Финляндцевъ, напр., до 340, евреевъ болѣе 210 [1]).

Такимъ образомъ, видимъ, что въ третьемъ разрядѣ, на долю его 84-хъ гласныхъ, не полные 10 только, пропорціонально, принадлежатъ образованнымъ избирателямъ; остальныхъ же 74-хъ выбираютъ исключительно сибирки и чуйки, лавочники, кабатчики и т. п.

Возьмемъ, наконецъ, общую сложность всѣхъ трехъ разрядовъ. Быть можетъ, она перетянетъ ту чашку вѣсовъ, на которую налегъ третій разрядъ?

Не имѣя возможности судить о томъ, кому изъ числа избирателей довѣрили разныя общества и учрежденія свое право голоса, будетъ наиболѣе справедливо раздѣлить ихъ по-ровну между привилегированными и непривилегированными. Тогда окажется: въ первомъ разрядѣ—44-хъ гласныхъ выбираетъ интеллигенція, и 40—прочіе, во-второмъ, 46 первые и 38 послѣдніе; въ обоихъ въ пользу образованія оказывается лишь большинство 12-ти гласныхъ.

Въ третьемъ—перевѣсъ является на сторонѣ необразованности, въ видѣ 74-хъ противъ 10-ти!

Въ итогѣ — 64 безъ 12-ти, т.-е. 52 гласныхъ, составляютъ ту пудовую гирю, которая фатально тянетъ выборы внизъ...

---

[1]) Кстати: интересно бы сравнить, насколько русскій торговецъ, прожившъ два года въ Гельсингфорсѣ или Выборгѣ съ платежомъ рубля, былъ бы допущенъ къ городскимъ выборамъ?.. Тамъ не раньше пяти лѣтъ позволятъ русскому купить за свои деньги клочокъ земли, и то съ разрѣшенія власти.

Быть можетъ, возразятъ на это, что невѣрно предположеніе, будто бы представительство на выборахъ будетъ со стороны разныхъ обществъ поручено людямъ обѣихъ категорій по-ровну; что, вѣроятно, напротивъ, большинство такихъ повѣренныхъ будетъ взято изъ класса образованнаго. Допустимъ и это, хотя, думаемъ, многія торговыя фирмы представляются соучастниками ихъ, не всегда имѣющими право на дипломъ.

Тогда на сторонѣ интеллигенціи будетъ въ первомъ разрядѣ 53, и во второмъ 49, всего 102 гласныхъ противъ 31+35, т.-е. противъ 66-ти. Перевѣсъ на 36. Но, сравненный съ *недовѣсомъ* въ 64 по третьему разряду, онъ все-таки приводитъ къ тому же существенному заключенію, хотя менѣе рельефному, что необразованность въ конечномъ результатѣ имѣетъ все-таки верхъ не малымъ большинствомъ — 28-ми гласныхъ.

Не здѣсь ли первая причина рѣшеній въ родѣ садовладѣльческихъ и тому подобныхъ? Не здѣсь ли корень той скудной дѣятельности, которая въ общемъ характеризуетъ нынѣшнюю думу за шесть лѣтъ ея существованія, со введенія городового положенія, которое привѣтствовали какъ наступленіе чуть не золотого вѣка? Не здѣсь ли объясненіе и того полнаго заброса, въ которомъ пребываютъ интересы остального, не избирающаго, но громаднаго большинства 780 тысячъ жителей, не входящихъ прямо ни въ какое соотношеніе съ городскимъ самоуправленіемъ? 780 тысячъ вручаютъ свою участь остальнымъ 20-ти тысячамъ, изъ коихъ 16 тысячъ—люди безъ всякаго образованія.

Обратимся теперь къ дѣятельности этихъ двадцати тысячъ избирателей, т.-е. къ самымъ выборамъ гласныхъ.

Предварительныя дѣйствія городской управы при выборахъ 1877 г. заключались въ составленіи списка избирателей, который для публичной провѣрки выставленъ былъ на двѣ недѣли въ залахъ думы. Около 300 лицъ разсматривали списокъ, и, по заявленію управы, не сдѣлали никакихъ возраженій. Нельзя сказать, чтобы 300 лицъ изъ 800,000 указывали на большой интересъ къ дѣлу. Нельзя, впрочемъ, и винить эти если не 800, то 780 тысячъ: они не избиратели. Если человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ въ дѣлѣ, то для чего же онъ пойдетъ разсматривать документы, до этого дѣла относящіеся? И какъ будутъ приняты тѣ заявленія, которыя онъ нашелъ бы возможнымъ сдѣлать? И допустятъ ли еще его до такихъ разсмотрѣній и заявленій? Другое дѣло — сами избиратели; они могли бы поинтересоваться своими собратами по имуществу, по торговлѣ, по вершенію городскихъ дѣлъ; могли бы и должны бы

взглянуть, нѣтъ ли въ спискѣ безнравнаго и не упущенъ ли имѣющій право. Съ этой точки зрѣнія 300 любопытствовавшихъ, составляя лишь одну семидесятую долю всѣхъ самихъ избирателей, не говорятъ объ избыткѣ вниманія.

Послѣ такого, въ нѣкоторомъ смыслѣ безмолвнаго одобренія списковъ, они были напечатаны. Гласные, бывшіе на-лицо отъ прежнихъ выборовъ, выдѣлены въ текстѣ жирнымъ шрифтомъ отмѣтокъ о томъ, какъ-бы для руководства избирателей. Алфавитъ къ списку составленъ и напечатанъ только для гласныхъ. Всѣмъ избирателямъ разосланъ не былъ. Между тѣмъ, это очень немаловажно. Всякій, кому приходится имѣть дѣло со спискомъ въ 20,500 фамилій, разбросанныхъ въ совершенно особомъ порядкѣ по разнымъ страницамъ, разрядамъ, отдѣламъ и пр., согласится съ тѣмъ, что найти данное лицо — сущая египетская работа. Нужно имѣть громадный запасъ времени и терпѣнія, чтобы перечитывать одну за другой всѣ эти фамиліи, пока не наткнешься, наконецъ, на искомое лицо. Поэтому едва ли было бы мотовствомъ со стороны городской управы, если бы она, печатая списки, не скупилась на лишнюю тысячу рублей для напечатанія также и алфавита для всѣхъ избирателей.

Избиратели собираются по два раза: сперва для предложенія кандидатовъ въ гласные, а потомъ уже для окончательныхъ выборовъ изъ числа предложенныхъ.

Каждый изъ трехъ разрядовъ выбираетъ самъ по себѣ, независимо отъ прочихъ. Поэтому второй, напримѣръ, разрядъ не предложилъ еще своихъ кандидатовъ, а первый уже произвелъ и окончательные выборы. Такъ какъ предлагать и выбирать можно гласныхъ и не изъ своего разряда, то этимъ устраняется избраніе одного и того же лица нѣсколько разъ въ разныхъ отдѣлахъ. Можетъ быть, это и хорошо для ускоренія хода выборовъ; но такой пріемъ лишаетъ возможности видѣть, какой кандидатъ пользуется довѣріемъ всѣхъ разрядовъ, а затѣмъ въ выборѣ другихъ, менѣе извѣстныхъ или и менѣе достойныхъ кандидатовъ остается судьею одна только наименѣе устойчивая масса избирателей третьяго разряда. Къ тому же, эти послѣдніе, по многочисленности своей, какъ выше упомянуто, подраздѣляются еще на нѣсколько отдѣловъ. Въ 1877 году такихъ было пять. Въ сложности, по всѣмъ тремъ разрядамъ, на обѣ операціи употреблено 14 дней, съ 10-го февраля по 21 марта, съ неравномѣрными промежутками: выборамъ было посвящено великопостное время.

Отъ перваго разряда явилось на первое собраніе 87 избирателей, т.-е. едва третья часть. Ими предложено 280 кандидатовъ, изъ

которыхъ семеро не пожелали баллотироваться. На окончательные выборы, черезъ пять дней послѣ того, прибыло значительно болѣе, именно — 204 избирателя. Абсолютнымъ большинствомъ выбрано только 55, остальные 29 — до 84-хъ — потребовали вторичной баллотировки.

Второй разрядъ, затѣмъ, явился сперва въ числѣ только 180 лицъ и предложилъ 622 кандидата. Отказались изъ нихъ 30. На выборы пришли 251 избиратель, т.-е. немного болѣе половины. Выбаллотировали непосредственно лишь 19; остальные выбраны уже дополнительно. Что значатъ эти дополнительные выборы—скажемъ сейчасъ.

По третьему разряду, во всѣ пять пріемовъ, прибыло 1,049 избирателей (изъ 19,000) и предложили 1,623 челов. — въ счетъ 84-хъ. Отказались 395. При выборахъ было на-лицо всего 1,816 человѣкъ; избрано прямо 47 гласныхъ, и по дополнительной баллотировкѣ 37.

Что же выходитъ въ общей сложности?

На предложеніе кандидатовъ, вмѣсто $20^1/_2$ тысячъ избирателей, является только 1,316, т.-е. какіе-нибудь 6 процентовъ. Эти шесть процентовъ выставляютъ, за вычетомъ отказавшихся — легко сказать! — 2,093 кандидатовъ, для выбора изъ нихъ 252-хъ. На окончательные выборы прибываетъ больше: отчасти, вѣроятно, просьбы, вліянія, убѣжденія желающихъ засѣдать въ ареопагѣ, воздѣйствуютъ на многихъ,—и они у ящиковъ, кладутъ свой шаръ, куда слѣдуетъ. Многіе заручаются довѣренностями, чтобы избирать и быть избранными съ возможно бо̀льшею несомнѣнностью. Въ одномъ третьемъ разрядѣ по довѣренностямъ клали шары четвертая часть всѣхъ прибывшихъ избирателей. Всего у ящиковъ оказалось, такимъ образомъ, 2,541—вдвое болѣе чѣмъ для предложенія кандидатовъ. Однако и это удвоенное число составляло лишь 12 процентовъ. Выходитъ, что двѣ съ половиной тысячи изъ 800 тысячъ ставятъ избранниковъ, являясь, по какой-то странной случайности, или по какому-то недоразумѣнію, олицетвореніемъ всего города. И эти избранные малымъ меньшинствомъ гласные считаются представителями „городскими“. Одинъ говоритъ и дѣйствуетъ за 3,000 горожанъ, не имѣвъ отъ этихъ трехъ тысячъ ни малѣйшаго уполномочія.

Въ концѣ-концовъ, изъ 2,093 кандидатовъ выбираютъ 252-хъ. Остальные 1,841 забаллотированы. Они являютъ собою какой-то громадный балластъ, съ которымъ корабль столичнаго самоуправленія прибылъ такъ или иначе къ гавани, и который затѣмъ выкидывается за бортъ. Самое дѣло выборовъ кажется очень просто: взяли шары, положили, — и все кончено. Между тѣмъ, вглядитесь въ цифры. Изъ 252-хъ абсолютное большинство получили, иначе — собрали за себя болѣе половины избирательныхъ голосовъ, только 121,

меньшая часть состава думы. Бо́льшая же ихъ часть явилась на свѣтъ съ продолжительными потугами. Избиратели такъ мало подготовились къ своей задачѣ, такъ мало думали о томъ, кто суть лучшіе люди хотя бы въ своемъ ограниченномъ кружкѣ, на которыхъ слѣдуетъ остановиться, голоса ихъ такъ разбились между случайно намѣченными 2,000 кандидатовъ, что естественно нужны были длинныя дополнительныя баллотировки для того, чтобы въ каждомъ разрядѣ добрать недостающее, притомъ не малое, число представителей. Второй разрядъ, напримѣръ, наиболѣе еще интеллигентный, могъ выбрать съ-разу даже не четвертую часть своей доли, и на остальныя три четверти долженъ былъ перебаллотировываться. Или ужъ такъ хороши всѣ его 600 кандидатовъ...

Но посмотримъ еще поближе. Въ этомъ второмъ разрядѣ с каждомъ изъ 600 кандидатовъ каждый изъ 521-го наличныхъ избирателей долженъ сказать свое мнѣніе, положивъ шаръ на-право или на-лѣво. Въ третьемъ разрядѣ эти цифры возрастаютъ въ значительной мѣрѣ, и каждый изъ 1,816 выборщиковъ долженъ подобнымъ образомъ высказаться о каждомъ изъ 1,228 претендентовъ. Представьте себѣ всю эту длинную процедуру. Каждый избиратель долженъ пройти каждый изъ этого множества ящиковъ. Было бы еще сносно, если бы довелось разомъ исполнить этотъ пелеринажъ,—и изъ думы вонъ. Но именно, какъ-бы ради того, чтобы всякій избиратель съ чистою совѣстью могъ сказать, что потрудился на пользу общую до поту лица, до изнеможенія, дума какъ-разъ являетъ въ этомъ дѣлѣ крайнюю бережливость. Не желая потратить лишнюю тысячу рублей, она не заготовляетъ баллотировальныхъ ящиковъ въ достаточномъ числѣ. Этимъ избиратели не только подвергаются нѣкоторымъ образомъ пыткѣ изнеможенія, но и прямо отгоняются отъ дѣла. Прочтите, что́ писала городская управа въ своемъ представленіи думѣ въ декабрѣ 1876 года [1]) по поводу затрудненій отъ недостатка баллотировальныхъ ящиковъ при прежнихъ выборахъ:

„.... Приходилось во всѣ семь дней баллотировки (3-го разряда) ящики перемѣнять по 6 разъ; эти перемѣны, послѣ каждой изъ которыхъ нужно снимать ящики, считать шары, ставить ящики обратно и вставлять на нихъ карточки съ именами слѣдующихъ кандидатовъ, утомляли избирателей, которые, чтобы пробаллотировать всѣхъ кандидатовъ, должны были оставаться въ собраніи съ утра до ночи; а какъ большинство избирателей начинало уходить изъ собранія уже послѣ второй перемѣны (nota bene!), то отъ этого происходила баллотировка не одинаковымъ числомъ избирателей,

[1]) „Извѣстія Городской Думы", 1876 г. № 24, стр. 2572.

невыгодно отражавшаяся для многихъ предложенныхъ кандидатовъ и прямо противорѣчащая ст. 222 уст. выборн.".

Управа просила шестьсотъ ящиковъ,—дума дала половину.

Примѣните то, что писала управа, къ послѣднимъ выборамъ. Уже во второмъ разрядѣ требовалось ящики перемѣнить два раза, а съ дополнительной перебаллотировкой не менѣе трехъ разъ. Въ третьемъ же разрядѣ, при 1,200 слишкомъ кандидатахъ, перемѣну приходилось дѣлать такъ же почти, какъ и прежде, не меньше 4—5 разъ, потому что хотя ящиковъ поставили вдвое больше, но и число кандидатовъ было больше, а самая баллотировка разбита, вмѣсто семи дней, только на пять; естественно, утомленіе должно было быть никакъ не меньше, какъ и при выборахъ 1872 года. Довольно представить себѣ указанныя управой манипуляціи; а многое еще ею не указано: полученіе листовъ на шары, самое полученіе шаровъ, толкотня, шумъ, безпорядокъ; затѣмъ разбираніе сотенъ надписей на ящикахъ, послѣдовательное прохожденіе къ нимъ каждаго изъ избирателей, скучнѣйшая и монотоннѣйшая операція счета голосовъ о якобы, по большей части, никому неизвѣстныхъ, кромѣ своей кучки,—и все это повторяется разъ 6 съ убійственнымъ однообразіемъ. Представьте себѣ всю эту „канитель", и вы не усомнитесь въ словахъ управы о томъ, что большинство уходило уже послѣ второй перемѣны, что затѣмъ кандидаты слѣдующихъ смѣнъ баллотировались ничтожнымъ числомъ, что поэтому они проигрывали, несмотря, можетъ быть, на свои достоинства, что выборы такого рода были незаконны, — и все это, говоримъ мы, имѣло мѣсто вполнѣ и при выборахъ, давшихъ намъ нынѣшній составъ гласныхъ.

Но еще два слова. Въ городовомъ положеніи особо установленъ порядокъ дополнительныхъ баллотировокъ, когда абсолютнымъ большинствомъ не выбрано все требуемое число гласныхъ. Въ этомъ случаѣ изъ невыбранныхъ кандидатовъ отбираются въ особый списокъ тѣ, которые хотя и не получили избирательнаго числа голосовъ, однако получали ихъ противъ другихъ собратовъ по неудачѣ наиболѣе. Такихъ „обнадеживаемыхъ" берется вдвойнѣ противъ цифры недобранныхъ гласныхъ. Затѣмъ баллотируются только они, но уже особеннымъ, самымъ снисходительнымъ способомъ. Для нихъ уже не требуется соединеніе голосовъ болѣе половины наличныхъ выборщиковъ; считаются выбранными тѣ, кто получилъ вообще побольше голосовъ, хотя бы само по себѣ число это было ничтожно. Пріемъ этотъ особенно характеренъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, по утвержденію управы, большинство избирателей ушло, и при ящикахъ осталось малое меньшинство. По распредѣленіи его голосовъ одни кандидаты

могли получить всего-на-все по 2, но 3 шара, а другіе по одному. Первые оказывались бы избранными въ гласные...

Взглянемъ теперь и на составъ гласныхъ, въ томъ видѣ, какъ онъ окончательно сложился описаннымъ путемъ въ послѣдній разъ. Онъ управляетъ городомъ въ настоящее время и будетъ управлять до 1881 года. Отъ выборовъ до выборовъ онъ измѣняется почти исключительно по той естественной и неизбѣжной причинѣ, заявленіе о которой сопровождается въ думѣ, по обычаю, сочувственными словами предсѣдателя, вставаніемъ въ знакъ уваженія съ мѣстъ и некрологами.

Сравнительно съ первымъ четырехлѣтіемъ новаго порядка городскихъ дѣлъ обновленіе состава думы произошло меньше чѣмъ на половину; точнѣе—58% прежняго состава избраны опять въ нынѣшнюю думу. На 146 старыхъ приходится 106 новыхъ гласныхъ [1]).

Подраздѣленіе на тѣ двѣ крупныя рубрики, которыя принимались въ основаніе при разсмотрѣніи избирательнаго списка, представляетъ нѣкоторый перевѣсъ класса привилегированнаго надъ непривилегированнымъ: 138 перваго и 119 послѣдняго. Если сличить эти цифры съ распредѣленіемъ гласныхъ прежняго выбора, показанныхъ по списку, то окажется поступательное движеніе въ пользу привилегированныхъ.

Нелишне будетъ показать и общественное положеніе гласныхъ съ нѣсколько бо́льшею подробностію, и даже нѣкоторою несерьезностію, сличая чины, званія, сословія. Впрочемъ, nomina sunt odiosa, и мы ихъ оставимъ въ сторонѣ. Наши 252 составляютъ такую іерархическую лѣстницу:

12 лицъ титулованныхъ; 19 военныхъ генераловъ и офицеровъ, служащихъ и отставныхъ; 44 тайныхъ (6), дѣйствительныхъ статскихъ (23) и статскихъ совѣтниковъ (15); 37 лицъ прочихъ, не высокихъ чиновъ гражданскихъ, считая и нѣкоторыя степени и званія; 21 архитекторовъ (15) и инженеровъ разнаго наименованія; 24 коммерціи совѣтниковъ и почетныхъ гражданъ; 21 купцовъ первой гильдіи; 53 купцовъ второй гильдіи; 21 мѣщанъ (15), ремесленниковъ (4), и крестьянъ (2).

Изъ этого перечня можно видѣть, что служилое сословіе играетъ видную роль въ составѣ нашей думы. Всякій, впрочемъ, пробѣгая

---

[1]) Быть можетъ, въ этихъ и подобныхъ цифрахъ окажутся погрѣшности въ отдѣльныхъ единицахъ: не имѣя алфавита избирателей, было очень трудно ориентироваться въ 20 тысячахъ именъ. Но, повторяемъ, неточность можетъ касаться только единицъ и на сущность дѣла вліять никакъ не можетъ.

отчетам о засѣданіяхъ ея, легко убѣдится, что небольшой кружокъ говорящихъ гласныхъ, „ораторовъ", принадлежитъ почти исключительно къ этому классу. Но большинство думскихъ членовъ, и особенно одна его часть, вѣроятно памятуетъ, что слова — серебро, а молчаніе золото, и потому „словъ не тратя по пустому" дѣлаетъ дѣло, какое находитъ нужнымъ для себя дѣлать, не ораторствуя, въ молчаніи. Она, эта часть, и числомъ постоитъ за себя. Купцовъ разнаго наименованія, съ почетными гражданами, какъ видно, 98, да мѣщанъ съ ремесленниками и крестьянами 21; итого 119—добрая половина думы.

Кромѣ этой корпораціи, особенно выдается группа представителей одной спеціальности: архитекторовъ и инженеровъ засѣдаетъ въ думѣ—21 человѣкъ: на одиннадцать гласныхъ — двѣнадцатый изъ нихъ. Странный избытокъ именно въ пользу этихъ техниковъ, какъ будто все дѣло думы состоитъ въ томъ, чтобы строить, строить и строить. Это богатство особенно бросается въ глаза, когда поприсмотрѣться къ представителямъ другихъ отраслей знанія. Юристовъ, напримѣръ, видимъ одного-двухъ; представителей учебной части едва ли больше; гласныхъ изъ врачебнаго сословія,—кажется, нѣтъ ни одного; духовныхъ—ни одного. Между тѣмъ, дума вѣдаетъ и мировыхъ судей; можетъ и должна принимать широкое участіе въ народномъ образованіи; а вопросы народнаго здоровья составляютъ существеннѣйшую ея задачу. И при этомъ 15 архитекторовъ... Это значитъ, разумѣется, что у архитекторовъ есть дома, которые они себѣ построили, а у судей, учителей, докторовъ—ихъ нѣтъ. Положимъ, такъ; но не заключается ли въ этомъ характеристика всей системы?..

Приведенный перечень пріобрѣтаетъ еще нѣкоторую своеобразную окраску отъ сличенія перемѣнъ по группамъ: много ли вошло новыхъ и много ли осталось прежнихъ гласныхъ? Какъ и слѣдовало ожидать, разныя группы представляютъ разныя явленія: въ однихъ больше движенія, перемѣнъ, въ другихъ преобладаетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ консерватизмъ.

Титулованный классъ выражаетъ нѣкоторое безразличіе: шестеро остались отъ прежнихъ выборовъ и шестеро же вошли вновь. То же и съ военными генералами.

Гражданскіе чины первыхъ пяти классовъ въ немалой цифрѣ 44-хъ, занявъ думскія мѣста въ 1873 году, въ большомъ числѣ сохранили довѣріе избирателей: 32 изъ нихъ остались сидѣть на скамьяхъ городского самоуправленія, и только 8 дѣйств. статскихъ совѣтниковъ и 4 статскихъ совѣтника вступили вновь.

Неменьшую такъ-сказать стойкость проявили купцы второй гиль-

діи, и особенно мѣщане. Первые въ счетѣ своихъ 53-хъ считаютъ 36 прежнихъ, оправдавшихъ довѣріе, а изъ 15 мѣщанъ избиратели „убѣдительно упросили“ 12 по-прежнему представлять городскіе интересы и только троихъ выбрали вновь. Болѣе крупное купечество, очевидно, нѣсколько меньше держится за курульскія кресла: изъ 45-ти лицъ только 29 были гласными и по прежнимъ выборамъ.

Совсѣмъ другое дѣло — мелкочиновная, особенно гражданская братія. Очевидно, тутъ происходила сильная выборная агитація;— мало ли есть въ думскихъ комитетахъ и комиссіяхъ разныхъ мѣстечекъ, на которыхъ можно приносить пользу! Или, быть можетъ, на выборныхъ собраніяхъ избиратели ужъ такъ поустали, что клали шары зря, инымъ секретарямъ и регистраторамъ не за что иное, какъ за доблесть ихъ гражданскую, а другимъ за то, что не по гнушались взять промысловыя свидѣтельства и заплатить два рубля, чтобы попасть въ думу. Какъ бы то ни было, но къ 15-ти оставшимся прежнимъ чиновникамъ прибыло 22 новыхъ. Удержатся ли какъ тѣ, такъ и другіе при будущихъ выборахъ,—того ни кому не дано знать; быть можетъ, они падутъ предъ новыми ревнителями пользы общественной...

Но пальма первенства въ этой ревности принадлежитъ безспорно архитекторамъ и инженерамъ. Ихъ, какъ сказано, 21 въ числѣ гласныхъ,—и изъ этихъ 21-го только пятеро отъ прежнихъ выборовъ: остальные 16 всѣ новые, со свѣжими силами. Это отрадно; городъ украсится отличными общественными сооруженіями, прекраснѣйшими мостовыми, чудесной канализаціей, подешевѣютъ квартиры. Но три года прошли уже, и всѣмъ имъ до слѣдующихъ выборовъ остается служить лишь одинъ годъ.

Что́ представляетъ составъ гласныхъ со стороны тѣхъ трехъ разрядовъ, къ которымъ они принадлежатъ по избирательнымъ спискамъ, т.-е. со стороны ихъ имущественной представительности?

Въ этомъ отношеніи цифра 84, или третья часть всего комплекта гласныхъ, на каждый разрядъ, вовсе исчезаетъ подъ вліяніемъ той статьи городового положенія, которая даетъ возможность выбирать представителя и не изъ своихъ одноразрядниковъ. Люди богатые довольно усердно уклоняются отъ службы въ званіи гласныхъ. Свои ли дѣла́ въ избыткѣ, или равнодушіе къ дѣлу общественному,—но большинство перворазрядныхъ выборныхъ не вступило въ думу. На ихъ долю выпадаетъ всего 32 гласныхъ, вмѣсто 84-хъ. И второй разрядъ далъ лишь около 70. Затѣмъ, неизбѣжно третій разрядъ несетъ на себѣ недоборъ своихъ болѣе богатыхъ собратовъ, и онъ выставилъ поэтому 60 процентовъ всего думскаго состава, т.-е. около 150-ти гласныхъ.

Такимъ образомъ *32—70—150*,—вотъ прогрессія, въ которой по мѣрѣ уменьшенія личнаго достатка каждаго обывателя увеличивается ихъ число въ думѣ, а съ нимъ и сила вліянія на дѣла города. Здѣсь уже не то, что въ избирательныхъ собраніяхъ: тамъ, чѣмъ состоятельнѣе избиратель, чѣмъ выше разрядъ его, тѣмъ голосъ его сильнѣе; здѣсь, напротивъ, въ думской залѣ уже всѣ равны. Поэтому избиратели третьяго разряда вершатъ дѣла, и притомъ вершатъ подавляющимъ большинствомъ.

Въ этомъ, разумѣется, особенной бѣды не было бы ни для кого, кромѣ развѣ самаго принципа имущественнаго ценза, лежащаго во главѣ угла. Въ третьемъ разрядѣ есть довольно владѣльцевъ недвижимости, людей если не богатыхъ, то обезпеченныхъ. Они же принадлежатъ въ большемъ числѣ и къ привилегированнымъ классамъ; имъ и книги въ руки.

Такъ, но не совсѣмъ такъ. Одно названіе домовладѣльца не есть еще аттестатъ на достаточность, на обезпеченность и затѣмъ на независимость и самостоятельность. Немало есть домовъ въ разныхъ Колтовскихъ, Гавани и прочихъ мѣстахъ, столь и не столь отдаленныхъ, гдѣ едва ли есть большая разница между обиталищемъ владѣльца и діогеновой бочкой. Но и сами владѣльцы такъ же далеки тамъ отъ современнаго человѣка, какъ и отъ этого циническаго философа. Иной и руку не прочь протянуть. Весь вопросъ поэтому въ мѣрѣ обезпеченности.

Но что̀ считать состояніемъ или доходомъ обезпечивающимъ, т.-е. дающимъ возможность дѣйствовать по крайнему разумѣнію и убѣжденію, „безъ зрѣнія на лица“ и тѣмъ болѣе безъ внимательнаго уха ко всѣческимъ искушеніямъ? Этотъ вопросъ на столько сложенъ, что даетъ чуть ли не столько же рѣшеній, сколько отдѣльныхъ субъектовъ ему подлежатъ, и мы, разумѣется, не задаемся цѣлію его разрѣшать. Приблизительно же можно предположить, что тысячи 4—5 есть для Петербурга необходимая норма расходовъ образованнаго человѣка съ умѣренными привычками, съ семействомъ средней величины. Помнится, одна изъ коммиссій разсчитала, что при самыхъ скромныхъ требованіяхъ молодого холостого человѣка, жизнь его здѣсь обойдется не менѣе 1,200—1,500 р. Но „средняго“ гласнаго должно представлять себѣ не иначе какъ семейнымъ: указанный закономъ возрастъ (не менѣе 25 лѣтъ) говоритъ въ пользу этого соображенія. Поэтому первая изъ нашихъ цифръ окажется вовсе непреувеличенною.

Принявъ такую норму необходимаго годового дохода, увидимъ, что недвижимое имущество нашихъ третьеразрядныхъ гласныхъ даетъ ее лишь въ немногихъ случаяхъ. Высшій размѣръ ихъ плате-

жей—382 р.; при томъ что оцѣночный сборъ въ пользу города составляетъ 8% чистаго дохода,—этотъ платежъ соотвѣтствуетъ годовому доходу въ 4,700, много 5,000 р. При 300 р. налога онъ не превыситъ $3^1/_2$—4 тысячъ. Въ этихъ слѣдовательно предѣлахъ третьяго разряда только и есть достаточная обезпеченность отъ недвижимости, и такихъ гласныхъ по избирательному списку мы насчитали 17. Остальные 133 гласные, или по крайней мѣрѣ привилегированные изъ нихъ, въ числѣ до 60, нуждаются въ посторонникъ источникахъ дохода даже и для той скромной жизни, которую выше мы приняли въ основаніе расчета. Прочіе, торговое сословіе, никакому въ этомъ отношеніи учету подлежать не могутъ.

На это мы ждемъ немедленнаго возраженія въ томъ смыслѣ, что, кромѣ домовъ, дающихъ небольшой сравнительно доходъ, эти господа имѣютъ другія средства, которыми и пополняютъ свой бюджетъ. Безъ сомнѣнія, скажемъ и мы; но въ такомъ случаѣ, краеугольный принципъ—владѣніе недвижимостію, допущеніе или недопущеніе къ выборамъ и въ гласные только на основаніи этого владѣнія (не говоримъ о торговцахъ)—теряетъ почву. Являются посторонніе элементы, въ родѣ обладанія капиталовъ, дающихъ проценты, въ родѣ, службы оплачиваемой жалованьемъ, въ родѣ личнаго труда, сопряженнаго съ заработкомъ и т. п. Но есть множество людей, которые совмѣщаютъ въ себѣ эти послѣдніе элементы,—однако же доступа къ городскимъ дѣламъ они не имѣютъ. Владѣніе небольшою недвижимостію является поэтому только „pro forma", нѣкоторою натяжкой, сдѣлкой съ канцелярскою совѣстью и въ сущности имѣетъ немного больше значенія какъ заручка промысловымъ свидѣтельствомъ за два рубля, для того только чтобы попасть въ гласные.

Повторяемъ, весьма многіе гласные третьяго разряда, и, слѣдовательно, многіе, даже половина всего думскаго состава, не обезпечены въ средствахъ жизни тѣмъ имуществомъ, которое даетъ имъ доступъ въ думу. Это не отнимаетъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ личныхъ ихъ достоинствъ, болѣе или менѣе высокихъ. Доказательство на лицо, между прочимъ, въ томъ, что почти весь нынѣшній составъ городской управы, начиная съ головы и его товарища, принадлежитъ къ третьему разряду. Тѣмъ не менѣе многіе изъ гласныхъ этого разряда, не имѣя довольно отъ своихъ недвижимостей и заботясь объ увеличеніи средствъ, видятъ и въ думской дѣятельности источникъ для ихъ пріобрѣтенія. Было бы несправедливо, разумѣется, утверждать, что всѣ они поэтому будутъ неустойчивы въ нравственныхъ правилахъ, будутъ по произволенію наклонять думскіе вѣсы туда, куда имъ выгоднѣе. Но въ отношеніи къ нѣкоторымъ, а быть можетъ и многимъ, отвергать эту возможность было бы также едвали справед-

ливо. — Что́ же будетъ еще, если къ малому имуществу, съ одной стороны, присоединится и малая образованность съ другой. Эти малыя величины составляютъ такіе факторы, которые, говоря языкомъ математики, въ произведеніи даютъ величину еще меньшую, и во всякомъ случаѣ вовсе не то, чего ожидалъ законодатель. Въ числѣ третьеразрядныхъ гласныхъ почти половина вноситъ городу меньше 100 рублей. Изъ нихъ 37 чел. владѣютъ скромною собственностію отъ 15 до 3-хъ тысячъ руб., и 37 платятъ городу 16 рублей и меньше. Кто такіе эти послѣдніе? Они составляютъ болѣе 14 процентовъ всего числа гласныхъ, и перемѣщеніе ихъ въ ту или другую сторону должно имѣть безспорное вліяніе на рѣшенія, особенно при обычной малолюдности думскихъ засѣданій. Они, а именно: 10 купцовъ второй гильдіи, со взносомъ 16 руб., 6 домовладѣльцевъ, платящіе отъ 15 до 4-хъ руб., 10 лицъ, преимущественно мѣщанъ, вносящихъ по 2 рубля, и 2 ремесленника съ рублевымъ платежомъ. Если вы возьмете на себя трудъ сосчитать, что́ влагаютъ эти граждане въ городскую казну, то окажется, что они, всѣ 37 лицъ вмѣстѣ, выплачиваютъ не болѣе *365* рублей! Если же припомнить и ихъ интеллигентный цензъ, то окажется, что необразованность въ нашей думѣ, за свои 365 руб. въ годъ, почти всегда можетъ повернуть всякое дѣло въ любую сторону. Кромѣ этой меньшей братіи есть и изъ прочихъ гласныхъ не мало такихъ,—кто же этого не знаетъ?—которые вполнѣ солидарны съ ней во взглядахъ и стремленіяхъ, и сходны, какъ двѣ капли воды, по образованію.

Что же въ итогѣ? Гласныхъ, вполнѣ обезпеченныхъ и потому самостоятельныхъ, въ думѣ немного. Многіе изъ нихъ принадлежатъ къ купечеству. Изъ остальныхъ—часть составляютъ люди, получающіе свои средства лишь въ нѣкоторой мѣрѣ отъ имущества, которое было для нихъ ступенью въ думу; они пополняютъ ихъ изъ другихъ независимыхъ отъ того источниковъ. Наконецъ, всѣ прочіе, не малочисленные, вовсе необезпечены, и, засѣдая въ думѣ, добываютъ себѣ средства службой, торговлей, промысломъ, изо дня въ день. Добрая доля думскихъ дѣятелей не имѣетъ вовсе образованія.

Есть и еще одна сторона, не видная изъ цифръ, но тѣмъ не менѣе очевидная. Думскіе члены, такъ или иначе образованные, чуть дѣло послежнѣе, поинтереснѣе въ томъ или другомъ смыслѣ, сейчасъ начинаютъ дѣлиться, играть въ партіи, и напоминать собою лебедя, щуку и рака. Противная сторона, купечесно-мѣщанская, составляетъ съ ними рѣзкій контрастъ: она слита въ одну глыбу, стоитъ какъ одинъ человѣкъ, строго дисциплинирована и, не мудрствуя лукаво, безъ рѣчей и преній, безмолвно, но неуклонно повинуется приказанію своего на́большаго: клади направо — и кладетъ,

прокатывай на вороныхъ—и проваливаетъ. Здѣсь не подставляются ножки, не разбрасываются цѣны, здѣсь знаютъ „свое дѣло“,—и неученая стойкость и выдержка берутъ верхъ надъ безалаберной полуобразованностію. Къ тому же, изъ этой послѣдней, какъ сказано, не малая доля „себѣ на умѣ“,—является поддержать сторону противную, не заботясь о взглядахъ и убѣжденіяхъ, или и вовсе ихъ не имѣя.

Не ясно ли, почему наши общественныя дѣла идутъ такъ, какъ они идутъ?..

Въ виду такого положенія дѣлъ, сохранить которое во всей неприкосновенности едва ли можетъ быть желательно,—не лишне вглянуть еще на то, какія побужденія руководили при насажденіи тѣхъ безъ сомнѣнія хорошихъ сѣмянъ, изъ которыхъ выросло однако такое мало-плодовитое дерево? Отвѣты найдутся въ тѣхъ мотивахъ и соображеніяхъ, которыми сопровождалось составленіе городового положенія, и которыя дѣйствительно могли быть превосходны.

Извѣстно, что до введенія земскихъ учрежденій наши сословія были рѣзко обособлены и замкнуты. И въ петербургскую городскую думу, носившую названіе общей, гласные выбирались изъ пяти сословій: дворянскаго потомственнаго, дворянскаго личнаго, къ которому были присоединены и почетные граждане, купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго. Каждое было отдѣльно: „жидове самарянамъ“ не соприкасались. Дворяне потомственные даже не вносились въ городскую обывательскую книгу, которая, по выраженію одного извѣстнаго въ свое время господина, предназначалась для „средняго рода людей“.

Но съ введеніемъ земскаго положенія условія измѣнились рѣзко: въ основу положено было исключительно имущественное представительство, и „средняго рода“ человѣку предоставлено смѣшать рядомъ съ мундиромъ. Впрочемъ, сословность сохранилась еще въ томъ, что гласные избирались по прежнему по сословіямъ.

Городовое положеніе сдѣлало еще шагъ впередъ въ этомъ направленіи: члены думы берутся изъ избирателей, для оцѣнки которыхъ поставленъ единственный критерій—размѣръ платимыхъ городу сборовъ. Составители положенія задавались, вѣроятно, такими вопросами: въ чемъ главнѣйшій предметъ дѣятельности городскихъ думъ?—и отвѣчали: въ городовомъ благоустройствѣ.—Что нужно для поддержанія и развитія этой дѣятельности?—Матеріальныя средства.—Изъ чего они составляются?—Преимущественно изъ недвижимостей, платимыхъ жителями съ ихъ недвижимости, съ торговъ и промысловъ.—Слѣдовательно,—владѣльцы недвижимости и содержатели

торговыхъ и промышленныхъ заведеній явились во главѣ избирательныхъ собраній. Они признаны „непосредственно связанными съ интересами и благосостояніемъ избраннаго ими для жительства или для постоянной торговли мѣста".

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, первѣйшихъ, оказались еще,—какъ мы видѣли — чуть не десятки тысячъ мелочныхъ промышленниковъ и торгашей. Какъ они явились? — Въ силу того же принципа: платежъ съ торговли и промысловъ. Но въ отношеніи къ нимъ позволяемъ себѣ выписать мотивы составителей in extenso:

„Что касается остальныхъ затѣмъ торговцевъ и промышленниковъ, которые по условіямъ ихъ промысла составляютъ населеніе болѣе или менѣе подвижное, то, въ устраненіе возможности предоставленія права голоса на выборахъ такимъ лицамъ, кои или только-что успѣли взять установленные торговые документы въ городѣ, или давно оставили оный, и кои, въ томъ и другомъ случаѣ, не могутъ считаться достаточно связанными съ интересами и дѣятельностію даннаго городского населенія,—признано наиболѣе осторожнымъ помѣстить въ положеніи ограниченіе, въ силу коего лица подобнаго рода могутъ быть равноправными въ составѣ избирательныхъ собраній при условіи пребыванія ими въ городѣ и уплаты въ пользу онаго повинностей не менѣе двухъ лѣтъ предъ выборами. Ограниченіе сіе представляется тѣмъ болѣе необходимымъ, что, при отсутствіи онаго, пришлось бы допустить до завѣдыванія общественными дѣлами такихъ изъ торговцевъ, которые, сохраняя права своего состоянія (напримѣръ, торгующіе по кустарнымъ свидѣтельствамъ крестьяне), выражаютъ связь свою съ городомъ тѣмъ лишь, что разъ или два въ годъ прибудутъ туда для пріобрѣтенія нужныхъ, на предметъ производства торговли въ уѣздѣ, документовъ. Со введеніемъ же этихъ лицъ въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній могло бы быть одно изъ двухъ: или они подавали бы свой голосъ на выборахъ въ гласные въ пользу тѣхъ изъ жителей города, которыхъ мало или вовсе не знаютъ, или же, получивъ, до извѣстной степени, способы вліять на направленіе выборовъ, стали бы дѣйствовать корпоративно, въ собственныхъ своихъ видахъ, посредствомъ выбора гласныхъ изъ среды себя. Въ первомъ случаѣ, участіе означенныхъ лицъ не только не принесло бы пользы, но, напротивъ, имѣло бы ту важную невыгоду, что избранными въ званіи гласныхъ могли бы оказаться такіе обыватели, которые мѣстными населеніемъ никогда бы не были удостоены избранія; въ послѣдствіи—вліяніе сказанныхъ лицъ направлялось бы прямо къ умаленію интересовъ постояннаго населенія, къ ослабленію той нравственной и экономической связи, которая должна лежать въ основѣ всякой правильно организованной общинной единицы. Но

подобныя неблагопріятныя послѣдствія могли бы получить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно широкіе размѣры, и именно тамъ, гдѣ торговля сосредоточивается по преимуществу въ значительныхъ селахъ, гдѣ составъ собственно городского купечества невеликъ, и гдѣ, слѣдовательно, преобладаніе оставалось бы не за сими послѣдними въ сравненіи съ сторонними торговцами" [1]).

Ограничимся пока этой выпиской. Прежде всего нельзя не видѣть, что составители, писавшіе 10 лѣтъ назадъ городовое положеніе, хотя отрѣшились въ принципѣ отъ прежнихъ сословныхъ воззрѣній, на дѣлѣ однако проговаривались въ старинномъ смыслѣ, и въ концѣ-концовъ сводили къ тому, что въ городѣ есть только купечество да мѣщанство, и объ интересахъ, о представительствѣ ихъ интересовъ только и заботились. Положимъ, въ примѣненіи къ какому-нибудь Зашиверску—это и такъ; но вѣдь городовому положенію назначалось дѣйствовать по всей Руси. Въ ней, кромѣ столицъ да Одессы, есть города съ пятидесяти и со стотысячнымъ населеніемъ, есть города университетскіе, есть крупные административные центры; вездѣ въ этихъ городахъ не одно же купечество да приписные изъ уѣзда торговцы.

Однако не только въ нихъ, но и въ Петербургѣ и въ Москвѣ городовое положеніе примѣнено одинаково, т.-е. безъ измѣненій въ смыслѣ избирательныхъ правъ. Къ удивленію, вѣроятно петербургскій городской голова и другіе эксперты не нашли въ себѣ никакихъ доводовъ довольно убѣдительныхъ для того, чтобы провести различіе между первою столицею и послѣднимъ городишкомъ—тою же деревнею. Вышла та аномалія, что въ Петербургѣ также не увидѣли никого больше, кромѣ городского купечества и приходящихъ изъ уѣзда торговцевъ...

По странной, даже злой въ нѣкоторомъ родѣ насмѣшкѣ судьбы, тѣ вредныя случайности, которыя авторы положенія съ такой почтенной заботливостью отстраняли вообще отъ городовъ, даже маленькихъ, обрушились всею своею тяжестью на первѣйшіе изъ нихъ.

Надо—говорили они—чтобы къ городскому управленію привлечены были люди, непосредственно связанные съ интересами и благосостояніемъ избраннаго ими мѣста жительства.—А на дѣлѣ вышло, что къ избирательнымъ урнамъ Петербурга является именно *большинство* людей, не имѣющихъ съ этими интересами и съ этимъ благосостояніемъ никакой связи. Они, правда, не приходятъ изъ уѣзда; но разные концы столицы, не стоятъ ли, по знакомству людей между собою, дальше нежели иныя губерніи?

---

[1]) Городовое положеніе съ разъясненіями и дополненіями. 1872 г., стр. 22—23.

Къ этому дѣлу—говорили дальше—имѣется въ виду привлечь людей наиболѣе платящихъ въ пользу города,—а въ числѣ столичныхъ избирателей является *поголовно* такихъ, что платятъ рубль, много два въ годъ.

Необходимо, чтобы до завѣдыванія общественными дѣлами не были допущены люди, которые связаны съ городомъ только явкою въ полгода разъ за выправкой торговыхъ документовъ. Не поэтому ли въ здѣшнихъ избирателяхъ нѣтъ цѣлая *треть*?

Если ихъ ввести въ составъ городскихъ избирательныхъ собраній, то они подадутъ голоса въ пользу тѣхъ, кого мало или вовсе не знаютъ. И наши гласные именно ничего не знаютъ, выставляютъ двѣ тысячи кандидатовъ, которыхъ баллотируютъ ощупью, и не могутъ выбрать и половины гласныхъ безъ громадныхъ перебаллотировокъ. Или же они станутъ дѣйствовать корпоративно, въ собственныхъ видахъ...—Точно, точно какъ дня наши воды: именно все это у насъ и продѣлывается.

Лица, писавшія приведенные мотивы, сняли нѣкоторую необычайную фотографію будущаго, фотографію съ того, что существуетъ десять лѣтъ спустя. Только получился какой-то своеобразный негативъ: что они уничтожали, запушовывали, то именно и вышло наиболѣе рельефно.

Нельзя не признать, что во всемъ вышеприведенномъ изложеніи проводитъ взглядъ, отрѣшенный отъ дѣйствительной жизни, и что эта послѣдняя въ теченіи ряда лѣтъ съ безпощадной жестокостью доказала всю его несостоятельность. Имущественное—исключительно имущественное—представительство положено въ основу. Но въ развитіи принципа оказалась въ представительствѣ только малая часть дѣйствительнаго имущества, какая-то случайная выдержка изъ всего того, что составляетъ въ городѣ имущество и что, по принципу, имѣетъ право участія въ этомъ представительствѣ. Попали въ счетъ дома; но громадное „содержимое“ этихъ домовъ, цѣнимое безъ сомнѣнія въ многіе милліоны, всѣ громадные капиталы, которые, обращаясь въ столицѣ, не могутъ не оставлять на ней слѣда болѣе или менѣе глубокаго, всѣ многочисленные милліоны, проживающіе въ ней восьмисотъ-тысячнымъ населеніемъ,—отъ нихъ тоже остается городу все-что, болѣе или менѣе существенное,—все это усмотрѣно при разработкѣ положенія на основѣ „недвижительно-имущественной“. Между тѣмъ, попали какіе-то выдѣльцы такихъ имуществъ, которымъ вся цѣна грошъ, попали въ подавляющей массѣ разные лавочники, разносчики и торговки, ведущіе коммерцію изъ-за хлѣба на квасъ.

Но даже если держаться намѣченной дорожки—прямыхъ плате-

жей въ думу, то надо было идти по ней дальше, а не останавливаться на полпути. Если торговецъ-промышленникъ съ платежемъ рубля-двухъ считается представителемъ имущества,—то почему, напримѣръ, не считается таковымъ плательщикъ адреснаго сбора, который, какъ извѣстно, доходитъ даже свыше 7-ми рублей съ лица, и даетъ городу 300 или 400 тысячъ рублей, тогда какъ сборъ съ промысловыхъ свидѣтельствъ даетъ всего тысячъ 12—15. Идя послѣдовательно, отчего не считаются представителями плательщики и прописочнаго сбора, вносящіе каждый разъ, при перемѣнѣ вида, при переѣздѣ на квартиру, 15 даже 40 копѣекъ, что въ теченіи года составитъ, разумѣется, не меньше того рубля, за который теперь тысячи торгашей считаются думскими избирателями и тому подобное. Мы уже не касаемся тѣхъ косвенныхъ платежей въ пользу города, къ которымъ вынуждено большинство жителей домовладѣльцами, поднимающими плату за каждую квартиру на столько, сколько прибавлено налога на весь многоэтажный домъ, торговцами, поднимающими цѣну на товаръ и потому, что на него большой спросъ, и потому, что спросу нѣтъ, и потому, что холодно, и потому, что тепло, и т. д.

Но возвратимся къ нашимъ „мотивамъ“. Приведенная выписка говоритъ о связи интересовъ, о нравственной и экономической связи въ сферѣ общинной единицы, о благосостояніи города, которое опять связано съ интересами обывателей, и о другихъ лицахъ того же порядка. Дѣло идетъ уже не о томъ только, чтобы заплатить въ городскую кассу рубль, но чтобы и хорошо употребить его на предметы, стоящіе повыше трактирной выручки и сапожнаго верстака. Это требуетъ само по себѣ знанія, опытности, способностей; онѣ нужны для тысячи городовъ русскихъ, и тѣмъ болѣе необходимы для столицы. Однако въ этомъ отношеніи никакихъ руководительныхъ указаній, никакихъ опредѣленныхъ требованій. Образованіе, умственный цензъ, въ городовомъ положеніи не упоминаются. Быть можетъ, никакія такія указанія и требованія составители положенія и не находили нужными. По ихъ разсчету, быть можетъ, умъ, знаніе, опытность, наука сами должны были войти въ лицѣ народныхъ избранниковъ, этого цвѣта городского населенія...

Да, казалось бы; но выше мы видѣли, какъ дѣлятся наши гласные, и къ этому возвращаться не будемъ. Просвѣщеніе и таланты не всегда идутъ рука объ руку съ домами, приносящими доходъ, и, разумѣется, они не торгуютъ съ лотка, а брать промысловыя свидѣтельства, не бывъ промышленникомъ (бываетъ и такъ!), не претитъ только тому, чьи мысли и заботы направлены не на общественное

благосостояніе, а на полученіе тепленькаго мѣстечка или какого-нибудь подрядика, хотя бы на очистку нечистотъ.

Будемъ, однако, справедливы. Если составители городового положенія и не ввели ни одной статьи, трактующей объ этомъ предметѣ, то еще не слѣдуетъ, чтобы они признавали образованіе пустяками и вздоромъ въ городскихъ дѣлахъ. Напротивъ, возблагодарить ихъ хотя за добрые помыслы; за дѣйствія благодарить не приходится, такъ какъ благія мысли ихъ не облеклись въ плоть и не вылились въ форму положительнаго закона. Да и самыя сужденія-то о пользѣ просвѣщенія пріютились совсѣмъ не тамъ, гдѣ мы ихъ ищемъ. Въ данномъ случаѣ, просвѣщеніе разсматривалось не какъ источникъ права на голосъ, а какъ нѣкоторый полезный суррогатъ, который можно получить при новыхъ налогахъ въ будущемъ.

Дѣло въ томъ, что 135-я статья городового положенія предоставляетъ думамъ ходатайствовать о введеніи, въ пользу городовъ, сбора съ квартиръ или съ жилыхъ помѣщеній. Мотивированіе этой статьи отличается особенною полнотою и обстоятельностію, но мы не будемъ входить во всѣ его изгибы:—теперь рѣчь идетъ не о квартирномъ налогѣ. Отмѣтимъ только одно изъ разсужденій, именно то, что наниматели квартиръ, пользуясь тѣми же удобствами жизни и тѣми же условіями общественнаго благосостоянія, какъ и всѣ мѣстные жители, не несутъ однако никакихъ налоговъ, а потому-де находятся въ положеніи гораздо болѣе выгодномъ, чѣмъ домовладѣльцы, торговцы и промышленники. Нельзя, въ самомъ дѣлѣ, не пожалѣть бѣдныхъ домовладѣльцевъ и купцовъ, которыхъ всемѣрно притѣсняютъ наниматели и покупатели...

Но собственно въ отношеніи къ нашему дѣлу интересны слѣдующія строки:

„Установленіе у насъ квартирнаго налога имѣло бы существенное значеніе и въ другомъ отношеніи, а именно въ отношеніи обновленія состава городскаго общественнаго управленія новыми элементами.

„Нынѣшнее общественное устройство городовъ признается неудовлетворительнымъ оттого главнымъ образомъ, что въ составѣ общественнаго представительства не принимаютъ участія лица принадлежащія къ образованнымъ классамъ населенія, и потому безъ прочнаго обезпеченія этого участія едва-ли возможно было бы считать преобразованіе городского управленія вполнѣ совершившимся, какъ то сознаютъ и многіе изъ самихъ городскихъ обществъ.

„Казалось бы возможнымъ даже сказать; что уровень городского общественнаго устройства можетъ быть поднятъ подъ тѣмъ, и *едва ли не единственнымъ* во многихъ городахъ условіемъ, чтобы допущенъ былъ налогъ на наемныя жилыя помѣщенія, съ предоставленіемъ

квартирантамъ общихъ правъ по завѣдыванію городскими общественными дѣлами, и что обстоятельствомъ симъ, *быть можетъ, обусловливается весь успѣхъ примѣненія настоящаго положенія*".

Примѣненіе неожиданное, и настолько необычайное, что мы склонны видѣть въ немъ не иное что, какъ lapsus calami редактора. Введеніемъ образованныхъ людей обусловливается весь успѣхъ реформы,—и, между тѣмъ, въ самомъ положеніи ни единой статьи, ни единаго, можно сказать, намека на то, что̀ составители имѣли въ корнѣ своихъ соображеній. Правда, этимъ соображеніямъ придана форма полусомнѣнія: „едва ли не", „быть можетъ",—но мы знаемъ изъ давнишнихъ правилъ грамматики, что такіе обороты нерѣдко употребляются не для ослабленія, а для усиленія смысла. Правда и то, что вставлена оговорка о „многихъ городахъ", гдѣ условія успѣха примѣнимы: какъ-бы, слѣдовательно, рѣчь не о всѣхъ идетъ. Но вѣдь въ такихъ случаяхъ вообще отличаются осторожностью въ выраженіи категорическихъ мнѣній. А съ другой стороны, не безспорно-ли, казалось бы, нашему Петербургу быть въ числѣ этихъ „многихъ"; однако то-ли говорили выше цѣлые ряды цифръ?

Если же приведенные отзывы о необходимости ввести образованныхъ людей въ думы не сорвались только съ пера, а содержатъ серьёзную мысль, дѣйствительное желаніе,—то чѣмъ же онѣ выражены. Онѣ выражены, какъ сказано, статьей 135-й, которая *предоставляетъ думамъ* ходатайствовать законодательнымъ порядкомъ о введеніи сбора съ квартиръ или жилыхъ помѣщеній. И только. О правахъ на голосъ, пріобрѣтаемыхъ затѣмъ квартирантами,—ни малѣйшаго упоминанія. Не упоминается и въ другихъ мѣстахъ положенія. Лишь въ мнѣніи государственнаго совѣта, которымъ это положеніе облекалось силою закона, „предоставлено" министру внутреннихъ дѣлъ войти съ представленіемъ о правахъ плательщиковъ квартирнаго сбора на участіе въ общественныхъ дѣлахъ,—но не ранѣе, однако, того, какъ онъ будетъ въ городѣ уже установленъ.

Выходитъ, слѣдовательно, во-первыхъ, надо чтобы дума признала нужнымъ установить квартирный налогъ; во-вторыхъ, чтобы министръ такое признавъ нужнымъ внести проектъ закона о предоставленіи этимъ новымъ плательщикамъ права, принадлежащаго уже разночинцамъ.

Что же касается установленія по-квартирнаго налога по иниціативѣ самой думы,—то вопросъ этотъ безъ сравненія еще сложнѣе. Сколько припомнимъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ шла рѣчь о введеніи этого налога въ размѣрѣ 4-хъ процентовъ съ наемной платы, съ тѣмъ чтобы имъ замѣнить сборы адресный, больничный и прописочный, и дѣло доходило до государственнаго совѣта. Однако послѣд-

ній его не утвердилъ, между прочимъ потому, что не находилъ справедливымъ упразднить сборъ на больницы, т.-е. освободить отъ всякаго участія въ составленіи средствъ на нихъ тотъ именно классъ, который ими непосредственно пользуется. Что было послѣ того,—мы не знаемъ.

Но главное: какъ ни много даетъ квартирный налогъ, особенно при такомъ крупномъ обложеніи (4%, т.-е. со скромной квартирки въ 500 р. придется заплатить 20 руб.),—еще остается открытымъ вопросъ: пожелаютъ ли сами гласные думы принять его? Въ виду возможнаго затѣмъ допущенія новыхъ плательщиковъ къ выборамъ, — кто охотно наложитъ на себя руку? Многимъ не можетъ быть особенно желательно помогать ввести новыхъ людей, людей не только постороннихъ, но подъ-часъ и враждебныхъ. Гласный квартирантъ,—это будетъ, изъ четырехъ разъ три, сильнѣйшая оппозиція и домовладѣльцу и купцу. Это два полюса; интересы ихъ прямо противоположны.

Все это, разумѣется, одни гаданія. Однако, въ теченіи семи почти лѣтъ, дума не нашла нужнымъ воспользоваться тѣмъ правомъ, которое предоставило ей городовое положеніе. Она нуждается въ деньгахъ, проектировала даже налогъ на личный трудъ,—а своимъ законнымъ достояніемъ не пользуется.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду высказываться ни за, ни противъ того или другого налога,—это не составляетъ цѣли настоящей статьи. Но привели послѣднія свѣдѣнія только для того, чтобы показать, что вопросу объ освѣженіи здѣшней думы новыми образованными силами,—что предусматривали съ упованіемъ составители городового положенія,—находится въ нѣкоемъ cercle vicieux, и едва ли разрѣшится удовлетворительно въ указанномъ направленіи. Дай Богъ намъ ошибиться, но... гласнымъ своя рубашка ближе къ тѣлу.

Такая пословица есть и у нѣмцевъ, но у нихъ она не совсѣмъ та: Jedem ist sein Haut näher als sein Hemd, т.-е. а кожа еще ближе рубашки. Это, на нашъ взглядъ, и сильнѣе, и вѣрнѣе. Своя кожа ближе; она даетъ возможность лучше сознать, лучше чувствовать, нежели рубашка, хотя бы и своя собственная. Поэтому, должно быть, въ нашемъ же остзейскомъ краѣ лучше почувствовали своей кожей, нежели мы своей рубашкой, что къ городскому дѣлу непремѣнно нужно, такъ или иначе, пріурочить образованность и науку. Остзейскіе горожане (замѣтьте: сами, и гораздо скорѣе, чѣмъ наши петербургскіе) не только это поняли, но и нашли пути какъ устроиться. Добрая воля скоро справилась съ недомолвками положенія: остзейцы обложили какимъ-то пустячнымъ налогомъ своихъ „*литераторовъ*“,—и дѣло было сдѣлано. Эти просвѣщенные люди, хотя не домовла-

дѣльцы, и не купцы, не разночинцы, оказались плательщиками прямого налога, а затѣмъ и прямыми участниками въ выборахъ и въ городскомъ самоуправленіи *).

Резюмируемъ же, въ двухъ словахъ, все сказанное, и этимъ закончимъ нашъ очеркъ.

Дѣла петербургской думы, а съ ней и городского благоустройства, идутъ едва ли соотвѣтственно тѣмъ желаніямъ и ожиданіямъ, какія высказывались при введеніи новаго положенія.

Дѣятельность ея представляетъ неустойчивость, односторонность, медленность, иногда и полный застой.

Въ столицѣ нашей считается не меньше 800 тысячъ жителей; а участвовать въ выборѣ городскихъ дѣятелей имѣютъ право только 20 тысячъ, т.-е. $2^1/_2$ процента.

Говорятъ: это—представители имущества. Но половина ихъ—мелкіе промышленики и торговцы; репрезентуются они рублемъ-двумя платежа. Это ли имущество? И будто остальная громада 780 тысячъ совсѣмъ неимущіе?

Поглядѣть съ другой стороны на эти первенствующіе 20 тысячъ, и оказывается: *больше трехъ четвертей*—люди темные, безъ образованія.

И они-то выбираютъ заправителей всего городского дѣла. Какъ выбираютъ? Полная небрежность, невниманіе: является къ выборамъ какая-нибудь десятая часть, т.-е. 2—3 человѣка съ тысячи населенія. Эти единицы представляютъ собой весь городъ, т.-е. остальные $97^1/_2$ процентовъ жителей,—точно эти въ самомъ дѣлѣ давали имъ на то право и полномочіе.

И эта случайная тысяча людей никого и ничего не знаетъ и наобумъ ставитъ цѣлыя двѣ тысячи кандидатовъ, изъ которыхъ выбираютъ на удачу 252-хъ гласныхъ.

Кладутся для этого милліоны шаровъ, избиратели сами себя бичуютъ, изнемогая отъ шарокатанія, или просто бѣгутъ, за-долго до конца, къ себѣ въ лавку, въ трактиръ, къ своему дѣлу. Большинство гласныхъ является избраннымъ по волѣ даже не горсти, а какой-то щепотки избирателей.

---

*) Городовому положенію остзейскаго края у насъ была посвящена спеціальная статья (мартъ, 1877, стр. 387), какъ разъ наканунѣ окончательнаго его утвержденія. Было два проекта, одинъ—мѣстный, составленный въ интересахъ кружковъ, а другой—правительственный, обнимавшій общіе интересы всѣхъ горожанъ. Въ остзейскомъ краѣ былъ утвержденъ именно послѣдній, который тамъ и дѣйствуетъ съ того времени. Впрочемъ, вопросъ о „литератахъ“ не иначе рѣшался и въ мѣстномъ проектѣ.—*Ред.*

Тѣмъ не менѣе дума составилась. Не мало въ ней гласныхъ прежнихъ, пустившихъ корни. Но за то многіе—люди малодостаточные; у нихъ недвижимость — только ярлыкъ для входа въ думу; а живутъ они такими же, независимыми отъ этого ярлыка, доходами, какъ и масса людей изъ недопущенныхъ 780 тысячъ.

Почти половина гласныхъ принадлежитъ къ торговому, больше второстепенному и мелкому, люду. Эти граждане—дипломовъ за отличныя успѣхи въ наукахъ не имѣютъ, но держатся другъ за друга крѣпко, и потому представляютъ силу. Сила эта, когда захочетъ и когда ей нужно, даетъ себя знать, и побороть ее можно только напряженіемъ необычайнымъ.

Городовое положеніе основано на благихъ намѣреніяхъ, но многія изъ формъ, въ которыя оно вылилось, дали на практикѣ обратное тому что̀ ожидалось.

Предполагалось устранить элементы чуждые, также какъ и вредное ихъ вліяніе; а на дѣлѣ думу наводнили и укоренились въ ней именно *такіе* элементы,—неравнодушные только „къ своимъ“ интересамъ, и вліяніе ихъ оказалось подавляющимъ.

Оффиціально признавалось, что полезно и нужно, даже необходимо, открыть къ городскому управленію двери образованности и наукѣ; а на самомъ дѣлѣ оно уперлось въ глухую стѣну эгоизма домохозяевъ и торгашей,—и эта стѣна сама едва ли падетъ; на нее нѣтъ и трубъ іерихонскихъ...

Мудрено ли послѣ этого, если городскія дѣла у насъ идутъ плохо.

К. Орд.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Апрѣль, 1880.

I.

— *М. Ковалевскій.* Англійская конституція и ея историкъ. Москва, 1880.

Заглавіе брошюры г. Ковалевскаго вызываетъ нѣкоторое недоразумѣніе: объ англійской конституціи писали многіе историки—кого именно изъ нихъ имѣетъ въ виду г. Ковалевскій? Оказывается, что изъ прежнихъ изслѣдователей англійской конституціонной исторіи или, по крайней мѣрѣ, средневѣкового ея періода, ни одинъ не заслуживаетъ названія историка, что оно принадлежитъ по праву только Оксфордскому профессору Стебсу, обширному труду котораго (доведенному до воцаренія Тюдоровъ, т.-е. до конца XV-го вѣка) посвящена брошюра г. Ковалевскаго. Чтобы доказать это положеніе, авторъ выставляетъ на видъ, съ одной стороны, недостатки Галлама и Гнейста, съ другой—достоинства Стебса. Сочиненіе Галлама богато оригинальными и глубокими мыслями, но о постепенномъ образованіи англійскихъ государственныхъ учрежденій онъ говоритъ лишь мимоходомъ; источники, которыми онъ пользовался, были сравнительно скудны, подготовительныя работы—малочисленны, общее состояніе исторической критики—неудовлетворительно, основное воззрѣніе Галлама, считавшаго національный духъ главнымъ двигателемъ развитія—ошибочно. Къ Гнейсту г. Ковалевскій относится гораздо строже, чѣмъ къ Галламу; онъ обвиняетъ нѣмецкаго публициста въ недостаточномъ знакомствѣ съ источниками, въ готовности набирать факты, откуда ни попало, въ безцеремонномъ обращеніи съ ними, когда это нужно для мотивированія его апріорныхъ построеній. Судебные протоколы, помѣстныя описи, сборники жалованныхъ грамотъ, договорныя грамоты, народныя сатиры, историческія баллады—все это совершенно игнорируется Гнейстомъ. Связь между экономическимъ развитіемъ и поли-

тическимъ ростомъ англійской націи остается для него скрытой; англійская конституція — этотъ результатъ вѣковой борьбы аристократическихъ притязаній съ демократическими—является у него продуктомъ естественнаго, почти ничѣмъ непрерываемаго роста изъ тѣхъ сѣмянъ, которыя посѣяны были на англійской почвѣ германскимъ племенемъ англо-саксовъ. Въ королѣ и его чиновничествѣ Гнейстъ видитъ воплощеніе абсолютной справедливости; защитниковъ меньшинства противъ большинства онъ выставляетъ неукоснительными блюстителями равноправности и всесословности. Онъ утверждаетъ вопреки несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, что мировые судьи въ Англіи съ древнѣйшихъ временъ не выбирались народомъ, а назначались правительствомъ, и именно этимъ объясняетъ достоинства англійскаго мирового института. Въ противоположность Гнейсту, Стебсъ отличается прежде всего громадною начитанностью въ средневѣковыхъ памятникахъ письменности и права; изданіемъ многихъ изъ нихъ онъ началъ свою ученую дѣятельность. Съ знаніемъ источниковъ онъ соединяетъ критическое отношеніе къ нимъ. Его мнѣнія вполнѣ опредѣленны, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ объективны. Читая его, можно подумать, что разнорѣчіе по обсуждаемымъ имъ вопросамъ просто немыслимо — такъ ясно говорятъ сами за себя сгруппированные и освѣщенные имъ факты. Патріотъ въ душѣ, Стебсъ не преувеличиваетъ однако вліянія національнаго германскаго духа на развитіе англійскихъ учрежденій; протестантскій священникъ, онъ вполнѣ признаетъ заслуги католицизма. Одного только недостаетъ ему—художественнаго изложенія; его сочиненіе растянуто и читается не безъ труда.

Переходя отъ этой общей характеристики Стебса къ указанію главныхъ вкладовъ, внесенныхъ его книгой въ историческую науку, г. Ковалевскій приходитъ къ результатамъ, не вполнѣ соотвѣтствующимъ восторженному тону вступленія. Оказывается, что порядокъ, въ которомъ Стебсъ излагаетъ собранный имъ матеріалъ, положительно не можетъ быть одобренъ; что общественная исторія средневѣковой Англіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она представлена Стебсомъ, едва ли въ состояніи объяснить многое въ политическомъ развитіи страны; что два важнѣйшіе фактора экономическаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнаго переворота, пережитаго Англіею въ XV-мъ вѣкѣ (замѣна прежнихъ формъ владѣнія арендованіемъ земель и земледѣльческаго хозяйства — луговымъ или пастбищнымъ), совершенно упущены изъ виду; что отдѣлъ, посвященный городамъ, вышелъ неопредѣленнымъ и блѣднымъ; что о дворянствѣ и рыцарствѣ Стебсъ не даетъ обстоятельныхъ свѣдѣній; что исторія крестьянскаго сословія и въ особенности уничтоженія крѣпостной зависимости

изложена недостаточно подробно; что движеніе Уотта Тейлора (Wat Tyler) представлено не въ надлежащемъ свѣтѣ. Лучшую часть труда Стебса составляетъ исторія англійскаго парламента, хотя большинство фактовъ, приводимыхъ въ этомъ отдѣлѣ сочиненія, не представляетъ интереса новизны; удачно также изложенъ ходъ развитія англійскаго самоуправленія, и хорошо объяснено происхожденіе въ Англіи феодализма. Исторія парламента проникнута у Стебса одною мыслью—что англійская свобода есть продуктъ вѣковой, многотрудной борьбы всѣхъ классовъ англійскаго общества противъ непрестанныхъ и вполнѣ естественныхъ стремленій королей къ единоличному правленію. Это господство основной идеи—замѣчаетъ г. Ковалевскій—даетъ цѣльность изложенію, но сопряжено съ стремленіемъ подгонять историческіе факты подъ сложившуюся напередъ теорію. Такъ, напримѣръ, войну Алой и Бѣлой Розы Стебсъ старается объяснить тѣмъ, что Ланкастерская династія была представительницей конституціонализма, династія Іорковъ—представительницей абсолютистскихъ тенденцій, между тѣмъ какъ по мнѣнію г. Ковалевскаго гораздо правильнѣе предположить, что Ланкастеры были защитниками аристократическихъ интересовъ, а Іорки—первыми провозвѣстниками демократической политики Тюдоровъ [1]).

Если въ оцѣнкѣ сочиненія Стебса, сдѣланной г. Ковалевскимъ, не трудно подмѣтить внутреннее противорѣчіе, то едва ли можно согласиться вполнѣ и съ отзывомъ его о Гнейстѣ. Нѣкоторыя положенія Стебса, причисляемыя г. Ковалевскимъ къ лучшимъ сторонамъ его книги, составляютъ, въ сущности, повтореніе взглядовъ, высказанныхъ Гнейстомъ или даже раньше его другими историками. Таково, напримѣръ, мнѣніе Стебса объ англо-саксонскомъ *витенагемотѣ*, въ которомъ онъ видитъ не представительное, не народное собраніе, а собраніе лицъ, близкихъ къ королю, служащихъ при его дворѣ или при его войскѣ. Значеніе витенагемота понималось именно въ этомъ смыслѣ уже Гизо (Histore des origines du gouvernement représentatif en Europe, лекціи четвертая и пятая). „Въ то время“,—говоритъ онъ,—„о представительствѣ не существовало еще и понятія... Въ витенагемотѣ послѣдняго періода англо-саксонской монархіи нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ позже сложилась палата общинъ; мы не видимъ въ немъ депутатовъ ни отъ городовъ,

---

[1]) Весьма любопытно то обстоятельство, что Ричардъ III-й, при имени котораго въ воображеніи большинства возстаетъ только колоссальная шекспировская фигура коронованнаго злодѣя, пытался устранить цѣлый рядъ золъ, отъ которыхъ страдали низшіе классы народа, напр. огораживаніе общинныхъ полей и обращеніе ихъ подъ пастбища. Ненавидимый аристократіей, онъ пользовался популярностью въ средѣ народа.

ни отъ графствъ. Онъ состоитъ только изъ крупныхъ собственниковъ, изъ лицъ, имѣющихъ власть въ государствѣ" [1]). Къ этому взгляду на витенагемотъ примыкаетъ и гнейстовская школа [2]), не менѣе рѣшительно, чѣмъ Стебсъ или г. Ковалевскій, отвергающая фикцію Монтескьё о происхожденіи англійской свободы изъ первобытныхъ лѣсовъ Германіи. Какъ и новѣйшіе изслѣдователи, она признаетъ, что первыя основанія феодализма были положены въ Англіи еще до норманскаго завоеванія. Самъ г. Ковалевскій допускаетъ, что по вопросу объ образованіи англійскаго парламента изъ феодальной куріи или совѣта короля Стебсъ усвоилъ себѣ мысль Гнейста, подкрѣпивъ ее только новыми доказательствами. Не явствуетъ ли изъ всего этого, что можно признавать заслуги Стебса, не отрицая и не умаляя заслугъ Гнейста? Правда, большимъ безпристрастіемъ Гнейстъ не отличается; онъ принадлежитъ къ той школѣ нѣмецкихъ ученыхъ, которые, вступивъ въ жизнь въ эпоху полнѣйшаго политическаго безсилія и разъединенія Германіи, сдѣлались именно потому приверженцами силы и единства и внесли свои симпатіи, свои надежды въ изученіе прошедшаго, въ оцѣнку общественнаго склада и государственныхъ учрежденій. Отсюда односторонность, иногда ошибочность выводовъ, къ которымъ приходитъ Гнейстъ; но отъ односторонности не свободенъ вѣдь и Стебсъ, увлекающійся только въ другую сторону, чѣмъ нѣмецкій ученый. Политической дѣятельности Гнейста за послѣднее время мы сочувствуемъ столь же мало, какъ и многимъ его идеаламъ; но справедливо ли приводить ее какъ аргументъ противъ прежнихъ научныхъ трудовъ его, справедливо ли забывать изъза нея о почетной роли, которую игралъ Гнейстъ въ эпоху многолѣтней борьбы между министерствомъ Бисмарка и прусской палатой депутатовъ?

Въ началѣ разбираемой нами брошюры, г. Ковалевскій излагаетъ личное мнѣніе свое о нѣкоторыхъ сторонахъ англійской конституціонной исторіи. Говоря объ участіи англійской аристократіи въ призывѣ средняго сословія къ политической жизни, авторъ объясняетъ его не прозорливостью и не тактомъ аристократіи, а просто ея интересами. „Представимъ себѣ",—говоритъ онъ,—„такой порядокъ вещей, при которомъ собственникъ земли извлекаетъ весь доходъ съ нея въ

---

[1]) Г-нъ Ковалевскій, какъ и Гизо, различаетъ позднѣйшій витенагемотъ отъ болѣе ранняго и находитъ, что вполнѣ устраненнымъ отъ участія въ этомъ собраніи народъ является къ концу англо-саксонскаго періода.

[2]) Для общаго знакомства съ взглядами Гнейста на главнѣйшіе вопросы англійской конституціонной исторіи хорошимъ источникомъ можетъ служить статья профессора Ноордена: „Zur Literatur und Geschichte des englischen Selfgovernments", напечатанная въ XIII-мъ томѣ зибелевской „Historische Zeitschrift".

формѣ ежегодно выплачиваемой натуральной или денежной ренты, при которомъ, въ силу владѣнія землею на зависимыхъ отношеніяхъ, бо́льшая часть населенія государства связана постоянными обязательствами по отношенію къ небольшому числу собственниковъ — и мы необходимо должны будемъ допустить, что все способное затронуть интересы второстепенныхъ вассаловъ отражалось рано или поздно въ томъ же направленіи и на интересахъ ихъ сюзереновъ. Отсюда ясно, что гарантировать этихъ подвассаловъ отъ чиновничьяго благоусмотрѣнія, дать имъ право изъявлять или не изъявлять согласіе на обложеніе правительственными платежами и контролировать употребленіе дарованныхъ ими суммъ было столько же въ интересахъ средняго сословія, сколько и въ интересахъ высшей аристократіи, въ экономической зависимости отъ которой жило среднее сословіе". Соображенія эти не отличаются большой убѣдительной силой. Оградить своихъ подвассаловъ отъ злоупотребленій, насколько это было необходимо для исправнаго отбыванія ими феодальныхъ платежей и повинностей, аристократія могла съ помощью вліянія и власти, ей самой принадлежащихъ; съ этой точки зрѣнія ей не было никакой надобности заботиться о расширеніи правъ подвассаловъ—расширеніи, которое легко могло обратиться въ ущербъ ея собственнымъ правамъ. Экономическая зависимость значительной части средняго сословія отъ аристократіи долго существовала и на континентѣ—однако, континентальная аристократія не хлопотала о предоставленіи своимъ подвассаламъ тѣхъ или другихъ политическихъ правъ. Мнѣніе гнейстовской школы, объясняющей заступничество англійской аристократіи за массу свободнаго населенія нивеллирующею политикой первыхъ норманскихъ королей, и вмѣстѣ съ тѣмъ выставляющей на видъ существенную разницу въ мѣрѣ заботливости возставшихъ бароновъ о своихъ и о чужихъ правахъ, кажется намъ болѣе близкимъ къ истинѣ, чѣмъ взглядъ г. Ковалевскаго. Чѣмъ сильнѣе была королевская власть въ Англіи, тѣмъ больше аристократы нуждались въ посторонней поддержкѣ; обращеніе ихъ къ городамъ и графствамъ имѣло скорѣе политическую, чѣмъ экономическую подкладку.

Недостаточно доказаннымъ кажется намъ, далѣе, мнѣніе г. Ковалевскаго объ одной изъ причинъ, помѣшавшихъ въ Англіи переходу отъ сословной монархіи [1]) къ абсолютной. Англійскіе города гораздо менѣе континентальныхъ принимали участіе въ движеніи противъ феодальнаго строя, ознаменовавшемъ въ западной Европѣ

[1]) Такъ какъ учрежденія, ограничивавшія въ средніе вѣка монархическую власть, не могутъ быть названы представительными, то для отличія ограниченной такимъ образомъ монархіи отъ позднѣйшей, неограниченной, г. Ковалевскій называетъ ее *сословною*.

вторую половину XIV-го вѣка (Жакри и Э. Марсель во Франціи, Артевельды во Фландріи, Уоттъ Тейлоръ, въ Англіи). Объясняется это тѣмъ, что они съ одной стороны были болѣе зависимы отъ аристократіи, съ другой—сохраняли въ своей средѣ бо́льшую гражданскую равноправность. Въ концѣ XIV-го вѣка городское землевладѣніе въ большинствѣ англійскихъ бурговъ было землевладѣніемъ зависимымъ, ничѣмъ въ сущности не отличавшимся отъ обычнаго держанія дворянскихъ земель свободными землевладѣльцами,—а стремленіе гильдій захватить въ свои руки всю политическую власть надъ городомъ не выходило еще изъ области болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ. „При такихъ условіяхъ", говоритъ г. Ковалевскій, „неудивительно, если, несмотря на однообразное подавленіе въ Англіи и Франціи эмансипаціонныхъ движеній совокупными усиліями королевской власти и феодальной аристократіи, несмотря на возстановленіе силою оружія средневѣкового сословнаго строя, послѣдствія, къ которымъ ведетъ эта побѣда въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ, являются вполнѣ различными. Во Франціи города и послѣ подавленія возстанія остаются сильными противовѣсами феодализму, въ которыхъ король ищетъ опоры противъ политическихъ притязаній дворянства; въ Англіи города неизмѣнно стоятъ на сторонѣ феодальной аристократіи. Во Франціи дворянство остается замкнутымъ классомъ, въ Англіи ряды его постоянно пополняются выдающимися членами средняго сословія". Не отвергая фактовъ, приводимыхъ г. Ковалевскимъ, мы сомнѣваемся только въ выводѣ, который онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Еслибы возстанія XIV-го вѣка были подавлены одною аристократіей, безъ содѣйствія королевской власти, или наоборотъ, то различіе въ судьбѣ городовъ, сообразно съ мѣрой участія ихъ въ возстаніи, было бы понятно; но побѣда была достигнута союзомъ двухъ силъ, неодинаково относившихся къ побѣжденнымъ. Отсюда возможность такого результата, что французскіе города, больше участвовавшіе въ возстаніи и, слѣдовательно, больше подавленные его неудачей, остаются, по выраженію самого г. Ковалевскаго, сильными противовѣсами феодализму, т.-е. тѣмъ же, чѣмъ были и до возстанія. Въ группировкѣ общественныхъ силъ возстанія XIV-го вѣка, по крайней мѣрѣ во Франціи и въ Англіи, ничего не измѣнили, и мотивировать ими различіе въ судьбѣ того и другого государства едва ли возможно. Всѣ характеристическія черты въ отношеніяхъ средняго сословія къ аристократіи, указываемыя г. Ковалевскимъ, могутъ быть наблюдаемы одинаково и до—и послѣ второй половины XIV-го вѣка. Союзъ англійскихъ городовъ съ дворянствомъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, большое значеніе; но роль городовъ во время возстанія Уотта Тейлора можетъ быть приводима только въ доказательство существова-

нія этого союза, а не въ разъясненіе его происхожденія. Замѣтимъ, въ заключеніе, что участіе англійскаго городского населенія въ возстаніи Уотта Тейлора, какъ видно изъ другого мѣста брошюры г. Ковалевскаго, далеко не было ничтожнымъ. Г-нъ Ковалевскій обѣщаетъ посвятить одно изъ ближайшихъ своихъ изслѣдованій именно возстанію Уотта Тейлора; неизданные судебные протоколы, по словамъ автора, позволяютъ ему представить это возстаніе въ совершенно новомъ свѣтѣ. Отъ такого изслѣдованія можно ожидать много любопытнаго, въ особенности если г. Ковалевскій внесетъ въ него свой любимый — и вполнѣ правильный — историко-сравнительный методъ. Вторая половина XIV-го вѣка принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ эпохъ европейской исторіи.

II.

— *Николай Куплеваскій.* Административная юстиція въ западной Европѣ. I. Административная юстиція во Франціи. Харьковъ, 1879.

Сочиненіе г. Куплеваскаго, если оно будетъ доведено до конца, пополнитъ весьма чувствительный пробѣлъ въ нашей литературѣ и облегчитъ предварительное обсужденіе вопроса объ административной юстиціи — вопроса, который уже поставленъ въ нашихъ правительственныхъ сферахъ и по всей вѣроятности скоро получитъ движеніе въ законодательномъ порядкѣ. Два года тому назадъ административное отдѣленіе с.-петербургскаго юридическаго общества выслушало весьма обстоятельный и интересный докладъ г. Коркунова объ административныхъ искахъ и жалобахъ; но въ печати (Журн. Гражд. и Угол. Права 1878 г., № 5—6) появилось лишь короткое извлеченіе изъ этого доклада. Пренія, возбужденныя имъ, далеко не исчерпали предмета, именно вслѣдствіе недостаточной разработки его у насъ въ журналистикѣ и даже въ наукѣ государственнаго и административнаго права. Г-нъ Куплеваскій останавливается съ одинаковымъ вниманіемъ на всѣхъ сторонахъ избранной имъ темы—на исторіи административнаго суда во Франціи, на современномъ его положеніи, на проектахъ преобразованія его, на различныхъ взглядахъ, возбуждаемыхъ имъ въ средѣ французскихъ практиковъ и ученыхъ. Характеристическая черта французской административной юстиціи—это различіе между исками, предъявляемыми въ администрацію по поводу нарушенія ею принадлежащаго частному лицу *права*, и жалобами, приносимыми на нарушеніе администраціей частнаго *интереса*. Такъ-называемый *спорный путь* (voie contentieuse) установленъ только для первыхъ; послѣднія идутъ чисто административнымъ путемъ (voie

gratieuse), т.-е. разсматриваются начальствомъ должностного лица, на которое приносится жалоба. До послѣдняго времени, впрочемъ, разрѣшеніе *споровъ* между частными лицами и администраціей [1]) принадлежало, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, учрежденіямъ, имѣвшимъ чисто-административный характеръ, такъ что администрація, въ сущности, была—да и теперь отчасти остается—судьей въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Первую степень административнаго суда составляютъ совѣты префектуры, члены которыхъ назначались и назначаются правительствомъ; предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежитъ префекту; составъ совѣтовъ, вообще говоря, не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ ихъ назначенію, несмотря на законъ 1865 г., требующій отъ совѣтниковъ юридическаго образованія и десятилѣтней административной или судебной практики; содержаніе, получаемое ими, незначительно, зависимость отъ префекта — полная, такъ что люди способные избѣгаютъ этого мѣста или остаются на немъ недолго. Высшая инстанція административнаго суда—судебное отдѣленіе государственнаго совѣта (section du contentieux). До 1872 г. (за исключеніемъ коротkаго промежутка времени между 1849 и 1851 г.) члены государственнаго совѣта по этому отдѣленію, какъ и по всѣмъ другимъ, назначались и увольнялись по усмотрѣнію правительства и постановляли не рѣшенія, а только мнѣнія, принятіе или непринятіе которыхъ зависѣло отъ верховной власти; теперь судебное отдѣленіе и особое общее собраніе по дѣламъ судебнымъ (assemblée générale délibérant au contentieux) окончательно рѣшаютъ подвѣдомственныя имъ дѣла, и составъ ихъ представляетъ больше гарантій независимаго и безпристрастнаго рѣшенія [2]). Реформа административно-судебной дѣятельности государственнаго совѣта не удовлетворила, однако, защитниковъ коренного преобразованія въ устройствѣ французской административной юстиціи. Въ 1872 г. Родо, одинъ изъ главныхъ противниковъ административной централизаціи, внесъ въ

---

[1]) Мы говоримъ здѣсь объ администраціи, какъ о *власти*, а не какъ о представительницѣ фиска, т.-е. казны. Различіе это проведено французскимъ правомъ не вполнѣ послѣдовательно; нѣкоторые роды дѣлъ, по которымъ администрація является представительницей фиска—напр. дѣла по кредитнымъ требованіямъ къ государству — изъяты изъ вѣдѣнія обыкновенныхъ судовъ и предоставлены административной юстиціи.

[2]) Г-нъ Кулеваскій говоритъ, что ординарные совѣтники (conseillers d'état en service ordinaire) избираются національнымъ собраніемъ на 9 лѣтъ, причемъ черезъ каждые три года одна треть ихъ возобновляется. Это едва ли такъ; первоначально члены государственнаго совѣта дѣйствительно были избраны національнымъ собраніемъ, но теперь они, если не ошибаемся, назначаются правительствомъ. Припомнимъ, какой шумъ возбудило въ прошедшемъ году одновременное назначеніе нѣсколькихъ республиканцевъ членами государственнаго совѣта.

національное собраніе проектъ закона о передачѣ всѣхъ судебно-административныхъ дѣлъ въ вѣдѣніе обыкновенныхъ судовъ, и въ томъ же смыслѣ былъ составленъ докладъ коммиссіею, разсматривавшею этотъ проектъ. Обсудить его національное собраніе, исключительно занятое борьбою партій, не успѣло, хотя имѣло для того цѣлыхъ три года; вопросъ, поставленный Родо, и до сихъ поръ остается вопросомъ. Изъ числа французскихъ юристовъ, одни разрѣшаютъ его согласно съ Родо, другіе защищаютъ существующій порядокъ, третьи признаютъ необходимость особаго административнаго суда, но предлагаютъ сдѣлать его совершенно независимымъ отъ администраціи, наравнѣ съ обыкновенными судами. Не ограничиваясь изложеніемъ этихъ трехъ главныхъ мнѣній, г. Куплеваскій обращается къ нѣмецкой литературѣ, въ которой вопросъ объ административной юстиціи разработанъ гораздо полнѣе, чѣмъ во французской. Между нѣмецкими защитниками особыхъ, независимыхъ административныхъ судовъ, существуетъ разногласіе относительно компетенціи этихъ судовъ; одни стоятъ за ограниченіе ея дѣлами спорными, въ французскомъ смыслѣ этого слова, т.-е. спорами о *правѣ*, другіе предлагаютъ распространить ее на нѣкоторыя дѣла чисто-административнаго свойства, т.-е. предоставить административному суду, въ извѣстныхъ случаяхъ, обсужденіе не только *законности*, но и необходимости, справедливости и цѣлесообразности административныхъ мѣръ. Главнымъ представителемъ послѣдняго мнѣнія является Гнейстъ.

Подробный обзоръ различныхъ взглядовъ, прекрасно сгруппированныхъ г. Куплеваскимъ, потребовалъ бы слишкомъ много мѣста; отсылая читателей, интересующихся ими, къ самой книгѣ г. Куплеваскаго, мы укажемъ только заключеніе, къ которому приходитъ авторъ. Само собою разумѣется, что онъ высказывается противъ зависимости административнаго суда отъ администраціи, противъ предоставленія администраціи разрѣшать направленные противъ нея споры. По вопросу о необходимости особаго административнаго суда, г. Куплеваскій склоняется къ утвердительному отвѣту, хотя и не такъ рѣшительно, какъ г. Коркуновъ; онъ находитъ возможнымъ учредить для дѣлъ судебно-административныхъ особыя отдѣленія въ составѣ обыкновенныхъ судовъ, параллельно отдѣленіямъ гражданскимъ и уголовнымъ, и придаетъ большое значеніе практической подготовкѣ будущихъ членовъ административныхъ отдѣленій, съ помощью цѣлесообразно устроеннаго стажа. По вопросу о предоставленіи особому, независимому административному суду функцій не только судебныхъ, но и чисто-административныхъ, г. Куплеваскій готовъ принять мнѣніе Гнейста, лишь бы только былъ установленъ различный порядокъ производства для дѣлъ того и другого рода. При обсужденіи въ

с.-петербургскомъ юридическомъ обществѣ реферата г. Коркунова, за соединеніе въ одномъ учрежденіи *исковъ* и *жалобъ* по дѣламъ административнымъ стоялъ, въ противоположность референту, проф. Градовскій,—но такимъ учрежденіемъ, въ глазахъ г. Градовскаго, долженъ быть первый департаментъ правительствующаго сената, между тѣмъ какъ по мнѣнію Гнейста, раздѣляемому г. Куплеваскимъ, въ составъ административнаго суда должны входить, по крайней мѣрѣ въ двухъ первыхъ инстанціяхъ, представители мѣстнаго самоуправленія, а третья инстанція, рѣшающая вопросы только въ принципѣ, должна состоять изъ несмѣняемыхъ судей. Г-нъ Куплеваскій говоритъ, впрочемъ, не спеціально о Россіи; онъ старается показать, какимъ требованіямъ должно удовлетворять лучшее, съ теоретической точки зрѣнія, устройство административнаго суда. Если къ обзору административной юстиціи въ западной Европѣ онъ присоединитъ свой взглядъ на возможное, практически, преобразованіе ея въ Россіи, ему придется, можетъ быть, дополнить или измѣнить кое въ чемъ заключенія свои по вопросу, разрѣшаемому имъ теперь въ наиболѣе общей его формѣ.

Нѣкоторые отдѣлы административной юстиціи принадлежатъ во Франціи къ вѣдомству органовъ мѣстнаго самоуправленія. Г-нъ Куплеваскій представляетъ, по этому поводу, довольно полную картину функцій генеральныхъ и муниципальныхъ совѣтовъ. Съ главнымъ предметомъ его сочиненія она не имѣетъ неразрывной связи, но сама по себѣ очень богата интересомъ. Она напоминаетъ намъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ русское мѣстное самоуправленіе построено на болѣе прочной почвѣ, чѣмъ французское. Кругъ дѣйствій генеральныхъ (департаментскихъ) совѣтовъ значительно расширенъ законами 1866 и 1871 г., но они до сихъ поръ не имѣютъ своихъ исполнительныхъ органовъ, въ родѣ нашихъ губернскихъ или уѣздныхъ земскихъ управъ. Исполнителемъ постановленій генеральнаго совѣта, равно какъ и избираемой имъ постоянной департаментской коммиссіи, является префектъ, т.-е. должностное лицо, не имѣющее никакихъ прочныхъ связей съ департаментомъ и безусловно подчиненное центральной власти. Префектъ подготовляетъ дѣла, подлежащія разсмотрѣнію генеральнаго совѣта, заключаетъ контракты, ведетъ иски и отвѣчаетъ по нимъ отъ имени департамента, назначаетъ и увольняетъ должностныхъ лицъ, содержимыхъ на счетъ департамента. Предложеніе Родо о возложеніи всѣхъ этихъ обязанностей на избранное департаментомъ лицо—департаментскаго мэра—не было принято національнымъ собраніемъ [1]). Генеральные совѣты не могутъ принимать никакихъ мѣръ,

[1]) Однимъ изъ главныхъ препятствій къ болѣе широкой организаціи департаментскаго самоуправленія послужило въ 1871 г., безъ сомнѣнія, вліяніе Тьера, до конца жизни остававшагося рьянымъ приверженцемъ административной централизаціи.

обязательныхъ для населенія; заботы о народномъ продовольствіи, о предупрежденіи эпидемій и эпизоотій и т. п. принадлежатъ исключительно органамъ правительственной власти. То же самое слѣдуетъ сказать и о муниципальныхъ (общинныхъ) совѣтахъ, какъ городскихъ, такъ и деревенскихъ. Мэры назначаются и увольняются въ болѣе населенныхъ общинахъ президентомъ республики, въ менѣе населенныхъ—префектомъ. Не только отчуждать недвижимыя имѣнія, совершать договоры найма на срокъ свыше 18 лѣтъ, заключать займы, установлять экстраординарные налоги (превышающіе извѣстный maximum), но и искать или отвѣчать на судѣ община можетъ лишь съ разрѣшенія администраціи (или въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ—генеральнаго совѣта). Г-нъ Куплеваскій едва ли правъ, говоря, что опека правительства въ имущественныхъ дѣлахъ общины сведена во Франціи почти къ ея необходимымъ предѣламъ. Если нашимъ городамъ предоставлено право искать и отвѣчать на судѣ по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго съ чьей-либо стороны предварительнаго дозволенія, то трудно согласиться съ тѣмъ, что для французскихъ городовъ необходимо ограниченіе этого права. Злоупотребленія при отчужденіи недвижимыхъ имѣній или заключеніи договоровъ найма могли бы быть предотвращены правомъ жалобы отдѣльныхъ гражданъ на распоряженія общественнаго управленія.

Констатируя тотъ фактъ, что наши законы о мѣстномъ самоуправленіи имѣютъ нѣкоторыя преимущества передъ французскими, мы конечно далеки отъ мысли, чтобы наше самоуправленіе въ силу этого одного должно было быть поставлено выше французскаго; мы хотимъ сказать только, что дальнѣйшіе развитіе самоуправленія не встрѣтитъ у насъ тѣхъ преградъ, которыя до сихъ поръ задерживаютъ его во Франціи. Во Франціи до сихъ поръ многіе убѣждены, что „ея административной централизаціи завидуетъ вся Европа“; у насъ никогда не было и не могло быть подобнаго предразсудка.

III.

—*И. И. Янжулъ.* Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ. Опытъ критики государственныхъ расходовъ. Москва, 1880.

Книга г. Янжула знакомитъ насъ съ весьма интереснымъ и мало извѣстнымъ явленіемъ—съ одной изъ тѣхъ англійскихъ лигъ или ассоціацій, которыя такъ сильно способствуютъ осуществленію необходимыхъ реформъ и вообще побѣдѣ движенія надъ рутиной. Прототипомъ подобныхъ ассоціацій служитъ знаменитая лига противъ хлѣбныхъ законовъ, прославившая Кобдена и Брайта, принудившая

Роберта Пиля наложить руку на одну изъ твердынь англійской аристократіи и англійскаго консерватизма. Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ поставила себѣ задачу еще болѣе обширную — коренное преобразованіе англійскихъ финансовъ. Ея девизъ—„бережливое управленіе страной, справедливое и простое устройство налоговъ, совершенная свобода торговли". Понятно, что такая цѣль не можетъ быть достигнута съ разу, что къ ней можно приближаться лишь постепенно, путемъ долгихъ и упорныхъ усилій. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ существовала только пять лѣтъ; ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ основана тридцать двѣ года тому назадъ, а трудъ ея все еще далеко не оконченъ. Г-нъ Янжулъ останавливается лишь на одной сторонѣ ея разнообразной дѣятельности — на критикѣ государственныхъ расходовъ, касающихся войска, флота, колоній и придворнаго управленія,—и говоритъ, притомъ, преимущественно о первыхъ десяти годахъ существованія ассоціаціи. Избраніе этого періода времени авторъ мотивируетъ тѣмъ, что онъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи расходовъ, и что отдаленность его отъ насъ допускаетъ безпристрастное къ нему отношеніе. Съ послѣднимъ изъ этихъ мотивовъ согласиться довольно трудно. Не только прошедшее, но и настоящее англійскихъ финансовъ не заключаетъ въ себѣ ничего, могущаго нарушить спокойствіе русскаго ученаго или его читателей, внести въ изложеніе элементъ страстный, несовмѣстный съ объективностью и сдержанностью научнаго труда. Между тѣмъ, въ дѣятельности ливерпульской ассоціаціи интересны не только стремленія, но и результаты, обнаруживающіеся по бо́льшей части не въ первое десятилѣтіе ея, а гораздо позже. Г-нъ Янжулъ не оставляетъ безъ вниманія эту сторону дѣла, выходя такимъ образомъ за начертанную имъ самимъ границу; но картина преобразованій, достигнутыхъ благодаря усиліямъ общества, была бы полнѣе, еслибъ исторія его требованій была продолжена дальше конца пятидесятыхъ годовъ и доведена приблизительно до нашего времени.

Во главѣ своего девиза ливерпульская ассоціація поставила, какъ мы видѣли, слова: „бережливое управленіе" (economical government). Она исходила при этомъ изъ того убѣжденія, что всякая серьёзная реформа въ финансовой системѣ должна начаться съ тщательнаго изслѣдованія, пересмотра и *сокращенія* государственныхъ расходовъ, а не съ изобрѣтенія новыхъ источниковъ дохода. Разрѣшеніе вопроса о способахъ и предѣлахъ сокращенія расходовъ должно быть предоставлено лучшимъ умамъ страны, а отнюдь не чиновникамъ, такъ какъ послѣдніе, даже при полной добросовѣстности, не могутъ отрѣшиться отъ условій существующей рутины и возвыситься до правильнаго пониманія народныхъ интересовъ. Сокращеніе расходовъ мо-

жетъ быть произведено двоякимъ путемъ: нѣкоторыя статьи расхода могутъ быть признаны вполнѣ излишними и вовсе исключены изъ бюджета, другія могутъ быть уменьшены посредствомъ пріисканія новыхъ, болѣе дешевыхъ способовъ удовлетворенія извѣстной государственной потребности. Во всякомъ случаѣ, существенное улучшеніе финансовъ предполагаетъ коренное измѣненіе всей административной системы; безъ соблюденія этого условія всѣ попытки сокращенія расходовъ въ наискорѣйшемъ времени сводятся къ нулю. Руководствуясь этими основными положеніями, ассоціація направила свою полемику противъ самыхъ больныхъ мѣстъ англійской администраціи, тѣсно связанныхъ съ недостатками финансовой системы. Въ военномъ вѣдомствѣ она выставила на видъ широкое развитіе синекуризма и плюрализма (т.-е. существованіе должностей безъ опредѣленныхъ обязанностей, но съ значительнымъ окладомъ жалованья, и соединеніе въ рукахъ одного лица нѣсколькихъ должностей, по существу своему несовмѣстимыхъ), преобладаніе протекціи надъ справедливой оцѣнкой трудовъ и заслугъ, продажность офицерскихъ чиновъ, ничѣмъ не оправдываемое разъединеніе отдѣльныхъ отраслей управленія (напр., артиллерійскаго отъ обще-армейскаго), неправильную систему снабженія войскъ одеждой [1]), увольненіе офицеровъ и должностныхъ лицъ съ единственной цѣлью очистить дорогу для новыхъ маменькиныхъ сынковъ, причемъ увольняемые щедро награждались невыслуженными еще ими пенсіями. Въ морскомъ вѣдомствѣ обнаружилась колоссальная небрежность при постройкѣ судовъ, сопряженная съ такимъ же колоссальнымъ невѣжествомъ и приводившая къ цѣлому ряду ухищреній или просто обмановъ, для прикрытія грубыхъ ошибокъ и легкомысленной растраты казенныхъ денегъ; обнаружилось также господство мертваго формализма, безконечной переписки, исключительно бумажнаго отношенія къ живому дѣлу. Изслѣдуя положеніе колоній, ассоціація наглядно доказала преимущество самоуправленія передъ опекой; такъ напримѣръ, въ Новомъ Южномъ Уэльсѣ представительное управленіе, введенное въ 1843 г., въ три года уменьшило расходы въ два съ половиною раза и довело ихъ до 1 ф. 8 шилл. на душу, между тѣмъ какъ въ другой сосѣдней колоніи (южной Австраліи), состоявшей подъ управленіемъ центральной власти, расходъ на душу доходилъ въ то же время до 10 фунтовъ стерл.! Въ придворномъ вѣдомствѣ синекуризмъ процвѣталъ не менѣе, чѣмъ въ военномъ.

[1]) Оно составляло доходную статью такъ-называемыхъ полковниковъ по обмундированію, получавшихъ отъ казны деньги на приготовленіе солдатской одежды и уполномоченныхъ, силою обычая, удерживать часть этихъ денегъ въ свою пользу, съ соотвѣтствующимъ, конечно, ухудшеніемъ поставляемыхъ ими предметовъ.

Благодаря полной свободѣ печати, критическій анализъ ассоціаціи не отступалъ передъ самыми щекотливыми задачами. Не ограничиваясь обобщеніями, она приводила факты, называла имена, вносила свѣтъ въ самые темные закоулки кабинетовъ и канцелярій. Ей приходилось имѣть дѣло съ такими синекуристами, какъ принцъ Альбертъ (мужъ королевы), который, помимо назначенныхъ ему парламентомъ 30,000 ф. стерл., получалъ содержаніе по пяти занимаемымъ имъ должностямъ или званіямъ: фельдмаршала арміи, полковника третьяго полка пѣшей гвардіи, констебля виндзорскаго замка, смотрителя виндзорскаго парка и завѣдующаго придворной фермой; какъ герцогъ Кембриджскій, за которымъ также числилось нѣсколько должностей; какъ герцогъ Веллингтонъ, состоявшій въ числѣ *полковниковъ по обмундированію*. Ей приходилось возставать противъ обычаевъ, въ сохраненіи которыхъ была заинтересована вся англійская аристократія—возставать противъ нихъ не безобиднымъ, сравнительно, путемъ общихъ разсужденій, а путемъ прямыхъ указаній, по неволѣ задѣвавшихъ массу личныхъ самолюбій. Говоря, напримѣръ, о преобразованіи гвардіи, ассоціація перечислила всѣ родственныя отношенія и связи каждаго офицера лейбъ-гвардейскаго полка, чтобы показать наглядно значеніе протекціи въ англійскомъ войскѣ. Въ какое гнѣздо ось она такимъ образомъ засунула руку, объ этомъ можно судить по слѣдующему факту: у одного командира лейбъ-гвардейскаго полка, лорда Комбермера, оказалось 199 аристократическихъ родственниковъ, и изъ нихъ служащихъ—164, на половину—въ военной службѣ. Безцеремонное обращеніе англійскихъ аристократовъ съ государственными финансами обрисовывается какъ нельзя лучше по вопросу о пенсіяхъ, также поставленному ливерпульскою ассоціаціей и разработанному съ свойственною ей основательностью и прямотою. Сыну фельдмаршала Раглана, доказавшаго въ Крыму только полное отсутствіе опытности, знанія и таланта, была назначена пенсія въ 2,000 ф. ст., съ переходомъ ея въ слѣдующее поколѣніе, вдовѣ его—пенсія въ 1000 ф., между тѣмъ какъ послѣ него осталось состояніе почти въ 100,000 фунтовъ. Наслѣдники герцога Графтона и графа Шомберга получаютъ значительныя пенсіи (первые—болѣе 10,000 ф., послѣдніе—4000 ф.; эта пенсія недавно уменьшена на половину) съ конца XVII-го, наслѣдники герцога Марльборо (4000 ф.)—съ начала XVIII-го вѣка; между тѣмъ фамилія Марльборо принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ между богатыми англійскими аристократическими родами. Основаніемъ къ назначенію пенсій Марльборо и Шомбергу послужили, по крайней мѣрѣ, блистательныя военныя заслуги (достаточно уже, впрочемъ, вознагражденныя другимъ путемъ); но Графтону пенсія назначена была только потому, что онъ былъ незаконнорожденнымъ сыномъ короля Карла II-го.

Къ числу результатовъ, достигнутыхъ если не исключительно, то преимущественно благодаря дѣятельности ливерпульской ассоціаціи, слѣдуетъ отнести: отмѣну (съ небольшими исключеніями) продажности офицерскихъ чиновъ; слiяніе различныхъ отраслей военнаго управленія, послѣдствіемъ чего было закрытіе нѣсколькихъ канцелярій; уничтоженіе многихъ синекуръ (въ томъ числѣ и полковниковъ по обмундированію); введеніе строгихъ повѣрочныхъ испытаній при опредѣленіи на службу и повышеніи въ должности; большую перемѣну къ лучшему въ положеніи флота, при умѣренной, сравнительно, цифрѣ расходовъ на его пополненіе и содержаніе [1]); распространеніе представительнаго управленія на значительную часть англійскихъ колоній (колоніальнымъ бюро долго завѣдывалъ одинъ изъ прежнихъ дѣятелей ассоціаціи, сэръ Уильямъ Мольсуортъ). „Какъ живительная сила солнца,—сказано въ одномъ изъ трактатовъ ассоціаціи,—вызываетъ изъ земли новыя растенія, способствуетъ образованію новыхъ организмовъ, точно такъ же свободныя государственныя учрежденія вызываютъ къ жизни свѣжія народныя силы, создаютъ новые интересы, и въ результатѣ усиливаютъ и ускоряютъ экономическое и духовное процвѣтаніе страны, къ прямой выгодѣ цѣлаго человѣчества". Эти слова блистательно оправдываются исторіею англійскихъ колоній, освобожденныхъ отъ опеки метрополіи. Южная Австралія, подъ управленіемъ центральной власти доходившая до банкротства, теперь не стоитъ Англіи ни одного шиллинга; въ Новомъ-Южномъ-Уэльсѣ доходы постоянно превышаютъ расходы; въ Викторіи приходится одна школа на 393 жителя, одинъ учащійся — на 5 человѣкъ, между тѣмъ какъ даже въ Германіи одна школа приходится на 688 жителей, одинъ учащійся—на семь человѣкъ (въ Англіи—одинъ на 14). Издержки придворнаго вѣдомства, несмотря на значительное увеличеніе королевскаго семейства (каждому члену котораго, достигшему извѣстнаго возраста, парламентъ ассигнуетъ особое содержаніе или дотацію), уменьшились, сравнительно съ пятидесятыми годами, слишкомъ на 200,000 фунт. стерл. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, г. Янжулъ имѣлъ полное право заключить свое изслѣдованіе слѣдующими словами: „Итакъ, лишь общественная самодѣятельность и частный законодательный починъ,

---

[1]) По вычисленію, недавно напечатанному въ „Times", морской бюджетъ шести государствъ, имѣющихъ наиболѣе сильный флотъ послѣ англійскаго (Франціи, Германіи, Австріи, Италіи, Россіи и Соединенныхъ-Штатовъ), составляетъ въ совокупности болѣе 20 милл. ф. стерл., т.-е. вдвое больше противъ англійскаго (10 милл.); между тѣмъ, Англія обладаетъ 40 броненосцами, вполнѣ удовлетворяющими современнымъ требованіямъ, а остальныя шесть государствъ, вмѣстѣ взятыя—только тридцатью восемью.

въ связи съ свободною печатью, привели Англію къ цвѣтущему положенію ея финансовъ, и тѣмъ самымъ указываютъ единственный вѣрный путь, по которому должна слѣдовать каждая страна, желающая достигнуть той же цѣли съ наименьшей потерей народныхъ средствъ и силъ".

IV.

— *Иванъ Кашкаровъ*, Нужды русскаго народа. С.-Петербургъ, 1880.

Книга г. Кашкарова составлена изъ статей, напечатанныхъ имъ за послѣднія десять лѣтъ въ разныхъ газетахъ. Въ хорошихъ намѣреніяхъ, честномъ отношеніи къ дѣлу и нѣкоторомъ запасѣ практическихъ свѣдѣній автору отказать нельзя; но мысли, лежащія въ основаніи его книги, не отличаются ни новизною, ни многосторонней обработкой. Онъ стоитъ за скорѣйшую организацію мелкаго земельнаго кредита, предлагая притомъ открыть его не частнымъ лицамъ, а только цѣлымъ сельскимъ обществамъ и товариществамъ, состоящимъ, по меньшей мѣрѣ, изъ десяти домохозяевъ; онъ доказываетъ необходимость поощренія и облегченія крестьянскихъ переселеній, въ виду крайней недостаточности крестьянскихъ надѣловъ; онъ выставляетъ на видъ слабыя стороны крестьянскаго самоуправленія и призываетъ интеллигенцію, отсутствующую изъ деревень, къ непосредственному служенію народнымъ нуждамъ. Все это нельзя признать излишнимъ, потому что вѣрную мысль не мѣшаетъ повторять какъ можно чаще, пока она не перейдетъ въ жизнь или, по крайней мѣрѣ, не станетъ общимъ достояніемъ; но данныя, приводимыя г. Кашкаровымъ, равно какъ и разсужденія его, очень мало могутъ способствовать достиженію желанной цѣли. Поясникъ нашу мысль примѣромъ. Авторъ совѣтуетъ интеллигенціи, вмѣсто того, чтобы составлять проекты, добиваться чести принять участіе въ крестьянскомъ самоуправленіи и тѣмъ начать дѣло изученія народныхъ нуждъ съ самаго начала. „Но чтобы такое участіе было дѣйствительно полезно", говоритъ онъ, „для этого слѣдуетъ отрѣшиться прежде всего отъ всякой дворянской и иной спѣси и не вступать въ народную жизнь купно, цѣлымъ сословіемъ землевладѣльцевъ, какъ это предлагаютъ люди, измыслившіе всесословныя волости или вотчинную полицію. Необходимо на первое время допустить въ крестьянское самоуправленіе только такихъ лицъ, которыя, безъ всякой задней цѣли, желали бы принести ему пользу и въ службѣ выборнаго старшины видѣли бы свое призваніе, нравственный долгъ и одну изъ самыхъ почетныхъ общественныхъ обязанностей. Для

этого нужно только, чтобы земство и правительственныя учрежденія убѣдились въ неотложной необходимости закона, на основаніи котораго крестьянамъ предоставлялось бы право выбирать въ старшины лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ земельный цензъ, проживщихъ на мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ и достигшихъ извѣстнаго возраста". Цитата, приведенная нами, доказываетъ съ полною ясностью, что г. Кашкаровъ далекъ отъ всякой мысли о подчиненіи крестьянства, въ болѣе или менѣе благовидной формѣ, вліянію и власти крупныхъ землевладѣльцевъ, что ему чуждо стремленіе къ дворянской опекѣ надъ меньшей братіей; но гарантіи, предлагаемыя имъ, свидѣтельствуютъ именно лишь о добрыхъ его намѣреніяхъ. Какимъ образомъ провести черту между лицами, видящими въ службѣ выборнаго старшины свое призваніе, нравственный долгъ и т. п., и лицами, видящими въ ней нѣчто совсѣмъ другое? Какъ опредѣлить, есть ли у кандидатовъ въ старшины *задняя мысль* (т.-е. задняя мысль), или они одушевлены только желаніемъ общей пользы? Условія, о которыхъ говоритъ г. Кашкаровъ — цензъ (какой именно?), возрастъ, мѣсто жительства—ничего въ этомъ отношеніи не предрѣшаютъ. Замѣтимъ, что г. Кашкаровъ предлагаетъ—на случай принятія его мысли—соединеніе нѣсколькихъ волостей въ одну и назначеніе волостному старшинѣ содержанія въ 800—1000 рублей. Безъ составленія „проекта" не обошелся, такимъ образомъ, и самъ авторъ, уговаривающій интеллигенцію отказаться отъ этого занятія; онъ забылъ только объяснить, какимъ образомъ одно расширеніе круга лицъ, изъ которыхъ могутъ быть выбираемы волостные старшины, произведетъ существенную перемѣну въ тѣхъ условіяхъ, благодаря которымъ въ настоящее время рѣдко бываетъ удаченъ выборъ крестьянскихъ властей. Вѣдь есть же и между крестьянами люди честные, опытные, толковые; почему же они только въ немногихъ случаяхъ попадаютъ въ волостные старшины или сельскіе старосты? Есть ли основаніе предполагать, что изъ числа землевладѣльцевъ были бы избираемы — *при тѣхъ же обстоятельствахъ* — именно лучшіе люди?

Большою неопредѣленностью отличается отношеніе автора къ капитальному вопросу о поземельной общинѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей книги (стр. 193) онъ защищаетъ ее противъ „грубыхъ недоразумѣній" ея противниковъ, оговариваясь впрочемъ, что его защита относится не къ русской общинѣ въ настоящемъ ея видѣ, а къ той христіанской, идеальной общинѣ, которая можетъ ее со временемъ замѣнить; въ другомъ мѣстѣ (стр. 214) онъ признаетъ безъ оговорки, что русская община составляетъ нашу національную черту, уничтоживъ которую мы рискуемъ остаться безъ почвы подъ ногами; въ третьемъ мѣстѣ (стр. 154) мы читаемъ, что община уже отслужила

свою службу русскому народу и неспособна долѣе, въ настоящемъ своемъ видѣ, приносить ему пользу и счастье. Авторъ согласенъ на то, чтобы община существовала у насъ возможно долгое время, такъ какъ при недостаткѣ образованія эта форма общежитія имѣетъ много хорошихъ сторонъ у патріархальныхъ народовъ (слѣдовательно, русскому народу суждено еще долго оставаться патріархальнымъ?); но искусственно поддерживать общину, по мнѣнію г. Кашкарова, и безтактно, и жестоко. Въ какой степени искусственная поддержка (т.-е. недопущеніе произвольнаго перехода отдѣльныхъ владѣльцевъ отъ общиннаго владѣнія къ личной собственности, и всѣ связанныя съ этимъ постановленія положеній 19 февраля 1861 г.) необходима для самаго существованія общины; какимъ образомъ можетъ быть созданъ новый типъ общины, если перестанетъ существовать старый; какимъ образомъ учрежденіе, отслужившее свою службу, можетъ быть признаваемо нашей національной чертою—на всѣ эти вопросы г. Кашкаровъ не даетъ никакого отвѣта. Мы видимъ только разныя впечатлѣнія, производимыя на него общиною, но не находимъ цѣльнаго на нее взгляда. То же самое можно сказать и о многихъ другихъ предметахъ, затронутыхъ въ книгѣ г. Кашкарова.

V.

— *Ежегодникъ министерства финансовъ.* Выпускъ X-ый. С.-Петербургъ, 1879.

Десятый выпускъ этого полезнаго изданія составленъ по образцу предъидущихъ. Особенно подробно разработанъ, въ виду интереса, представляемаго въ настоящее время податнымъ вопросомъ, отдѣлъ, касающійся подушной подати. Къ таблицѣ, показывающей (за 1877 г.) цифру оклада, цифру дѣйствительнаго поступленія, цифру оставшейся къ 1878 г. недоимки и процентное отношеніе ея къ окладу, присоединены: а) вѣдомость объ окладахъ подушной съ сельскихъ сословій подати и окладного сбора съ мѣщанъ, по уѣздамъ и по сословіямъ плательщиковъ, съ указаніемъ числа послѣднихъ; б) перечень окладовъ подушной подати (въ порядкѣ возрастанія ихъ) по городамъ и уѣздамъ; в) четыре графическія таблицы, съ указаніемъ высшаго, средняго и низшаго окладовъ подушной подати по губерніямъ, и г) шесть картъ европейской Россіи — пять для нагляднаго знакомства съ среднимъ подушнымъ окладомъ по губерніямъ, и шестая, показывающая распредѣленіе по губерніямъ недоимокъ подушнаго оклада [1]).

[1]) Изъ сравненія этой карты съ первою таблицей, напечатанной въ текстѣ книги, оказывается, что въ таблицѣ цифры, относящіяся къ губерніи Смоленской, отнесены по ошибкѣ къ губерніи Ставропольской, и наоборотъ.

Подушнаго оклада должно было поступить въ 1877 г. всего 59.755,632 руб., дѣйствительно поступило вмѣстѣ съ недоимкой 58.974,013 рублей (т.-е. менѣе противъ оклада на 781.619 руб.), осталось въ недоимкѣ 12,053,883 руб. (т.-е.. съ небольшимъ пятая часть годового оклада). Изъ 59 губерній и областей, въ 27 дѣйствительное поступленіе превысило окладъ (т.е. недоимка уменьшилась), въ 32 не дошло до цифры оклада. Замѣчательно, что къ числу первыхъ принадлежатъ такія бѣдныя губерніи, какъ Олонецкая, Вологодская, Новгородская, къ числу вторыхъ такія, сравнительно, достаточныя губерніи, какъ Харьковская, Тамбовская, Симбирская. Всего значительнѣе недоимка въ Казанской губерніи: вмѣсто 1.768,126 р. внесено только 1.051,884 руб., т.-е. менѣе противъ оклада на 716,242 руб. Всей недоимки на Казанской губерніи числилось къ 1878 г. — 753,712 руб., слѣдовательно, она за одинъ 1877-ой годъ увеличилась въ двадцать разъ. Довольно великъ недоборъ также по Московской губерніи (болѣе 130,000 руб.). Всего больше превышаетъ цифру оклада дѣйствительное поступленіе въ губерніяхъ Херсонской (на 107,527 руб.), Бессарабской (на 99,272 руб.) и Ковенской (на 96,737 руб.). Исправнымъ платежемъ подати отличался въ 1877 г. въ особенности западъ Россіи; изъ всѣхъ 9 сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерній не внесла всего оклада одна лишь Витебская (и то не доплатила только 400 руб.), изъ прибалтійскихъ губерній—одна Курляндская (и то не доплатила только 330 руб.). Много замѣчательнаго представляетъ общая цифра недоимокъ (т.-е. не за одинъ только 1877-й, а за всѣ прежніе годы) и процентное отношеніе ихъ къ окладу. Всего меньше это отношеніе въ губерніяхъ Олонецкой (0,4), Полтавской (0,6), Курской (0,9), Ярославской (1), Вологодской (1,6), Калужской (2,1), Тульской (2,3), Костромской (2,4), Астраханской (2,5), Кубанской обл. (2,5), Гродненской губ. (2,8); всего больше —въ области Войска Донского (175), губ. Оренбургской (80), Тобольской съ Акмолинской областью (74), Новгородской (67), обл. Забайкальской (65), губ. Енисейской (64), Смоленской (61), обл. Якутской (59), губ. Могилевской (58), Казанской (43).

Чѣмъ объяснить громадную разницу въ цифрѣ недоимокъ между такими губерніями, какъ Новгородская, съ одной стороны (506,508 руб.), Олонецкая (799 р.) и Вологодская (12,395 р.) — съ другой? Средняя цифра окладовъ въ этихъ трехъ губерніяхъ почти одинакова (въ Вологодской 1 р. 95 коп., въ Новгородской 1 р. 85 к., въ Олонецкой 1 р. 76 к.); условія жизни въ Олонецкой губерніи и бо́льшей части Вологодской конечно не лучше чѣмъ въ Новгородской. Какъ объяснить, далѣе, громадность недоимки, накопившейся на области Войска Донского? Какъ объяснить, что въ Могилевской губерніи

процентное отношеніе недоимки къ окладу — 58, а въ Витебской, еще болѣе бѣдной — 32 (средній окладъ въ первой—1 руб. 77 коп., во второй—1 р. 78 к.). Подобная неравномѣрность въ поступленіи подушной подати составляетъ весьма сильный аргументъ противъ этого налога, отмѣна котораго, къ сожалѣнію, все еще составляетъ только предметъ надеждъ и ожиданій.—К. К.

VI.

— *Peter the Great.* By Eugene *Schuyler.* I—II. (Петръ Великій, Евг. Скайлера, въ Scribner's Monthly Illustrated Magazine for the people, conducted by J. G. Holland. New-York, 1880, № 4—5).

Можно положительно сказать, что никогда въ прежнее время въ европейской (надо прибавить: и американской) литературѣ не появлялось сочиненій о Россіи, писанныхъ съ такимъ знаніемъ русской жизни и исторіи, какія становятся очень не рѣдки теперь. Достаточно назвать Альфреда Рамбо и Мэкензи Уоллеса, чтобы подтвердить это. Тотъ и особенно другой знаютъ Россію не по простымъ впечатлѣніямъ туриста, не по свѣдѣніямъ, случайно набраннымъ въ извѣстномъ кругѣ общества, какъ это бывало; напротивъ, они были наблюдателями компетентными, потому что имъ знакомъ и русскій языкъ, и литература, и исторія. Имя г. Евгенія Скайлера извѣстно у насъ меньше, но и онъ справедливо можетъ занять мѣсто въ ряду писателей, близко знакомыхъ съ русскою жизнью. Г-нъ Скайлеръ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, на дипломатической службѣ Соединенныхъ-Штатовъ, получилъ въ эпоху послѣдней войны назначеніе въ Константинополѣ, а въ настоящее время—въ Англіи. Живя въ Россіи, онъ хорошо познакомился съ русскимъ языкомъ и литературой, о которой давалъ тогда ежегодные отчеты въ англійскомъ „Athenaeum". Во время войны, уже находясь въ Константинополѣ, г. Скайлеръ принялъ дѣятельное и памятное участіе въ раскрытіи филиппопольскихъ убійствъ, которое ускорило развязку событій.—Главнымъ трудомъ его въ литературѣ была любопытная и поучительная книга о Туркестанѣ, обзоръ которой въ свое время сдѣланъ былъ въ „Вѣстникѣ Европы", и которая была у насъ вообще очень замѣчена.

Теперь г. Скайлеръ предпринялъ новый трудъ, именно исторію Петра Великаго, первыя главы которой появились теперь въ „Магазинѣ" Скрибнера. Начавъ съ послѣднихъ годовъ царя Алексѣя Михайловича, авторъ въ появившихся теперь главахъ доводитъ разсказъ до перваго стрѣлецкаго бунта. Авторъ хорошо изучилъ нашу литературу и важнѣйшіе иностранные источники о Петрѣ Великомъ

и обставляетъ біографію Петра историческими обзорами и эпизодами, которые для иностраннаго читателя даютъ достаточно полное и очень наглядное представленіе объ историческомъ ходѣ русской жизни. Таковы главы объ отношеніяхъ народа и правительства, о жизни стараго царскаго двора, о церковномъ расколѣ, о мѣстничествѣ, о военномъ дѣлѣ въ московскомъ царствѣ. Въ предварительной замѣткѣ авторъ заявляетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ его взгляды нѣсколько отличаются отъ вообще распространенныхъ. Въ изданіи популярномъ онъ не счелъ нужнымъ вдаваться въ подробныя разъясненія или въ опроверженіе обычныхъ мнѣній, но готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, которые были бы обращены къ нему лично. Впослѣдствіи, мы постараемся возвратиться къ труду г. Скайлера и его взглядамъ на эпоху.

Наконецъ, разсказъ г. Скайлера сопровождается множествомъ иллюстрацій. Это—портреты историческихъ лицъ, изображенія старинныхъ зданій и историческихъ предметовъ, бытовыхъ сценъ и т. д. Въ основаніе этихъ иллюстрацій положены извѣстные старинные портреты, гравюры изъ старыхъ сочиненій, современныхъ фотографій старыхъ зданій и предметовъ, наконецъ, историческія картины современной нашей живописи. Рисунки подобраны очень кстати и исполнены съ замѣчательнымъ совершенствомъ и, что бываетъ рѣже, съ большой точностью относительно оригиналовъ, напримѣръ, славянскія надписи въ очень мелкихъ копіяхъ знамени, образа и т. п.

Въ своемъ предисловіи г. Скайлеръ говоритъ, что, не желая отягощать изданіе цитатами и указаніями на свои историческіе источники, онъ предоставилъ себѣ сдѣлать это въ другое время. Надо заключить, что онъ думаетъ впослѣдствіи издать свою работу въ цѣломъ, книгой. Если продолженіе будетъ соотвѣтствовать началу, то мы думаемъ, что подобный популярный и оживленный разсказъ могъ бы быть очень нелишнимъ и въ русской литературѣ,—несмотря на то, что у насъ было писано не мало о петровскомъ времени,—особенно если къ нему присоединить тѣ же иллюстраціи. Будемъ съ интересомъ ждать дальнѣйшихъ главъ разсказа Скайлера.

Еще два слова о внѣшности американскаго журнала, гдѣ печатается трудъ г. Скайлера. Внѣшность эта вполнѣ безупречна, и изданіе таково, что съ нимъ едва ли могутъ равняться не только наши, но даже и европейскія такъ-называемыя „роскошныя“ изданія. Успѣхъ его въ Америкѣ также безпримѣренъ, и если вѣрить сдѣланному намъ сообщенію, то число подписчиковъ журнала доходитъ до 280,000.—А. А.

ПЕРГАМСКІЯ РАСКОПКИ

Письмо въ редакцію.

...Отведите мнѣ двѣ-три странички вашего журнала для того, чтобъ я могъ подѣлиться съ его читателями тѣмъ глубокимъ впечатлѣніемъ, которое произвели на меня, во время моего недавняго проѣзда черезъ Берлинъ, пріобрѣтенные прусскимъ правительствомъ мраморные го-рельефы лучшей эпохи аттическаго ваянія (III-го столѣтія до Р. Х.) — открытые въ Пергамѣ (не въ древней Троѣ)—а въ столицѣ небольшого мало-азійскаго царства, сперва покореннаго, какъ и весь греческій міръ, Римомъ—а потомъ разореннаго наплывомъ варваровъ. Существованіе этихъ го-рельефовъ, воздвигнутыхъ кѣмъ-то изъ царствовавшей династіи Атталовъ и считавшихся у древнихъ однимъ изъ чудесъ вселенной, было, конечно, не безъизвѣстно ученымъ—германскимъ ученымъ въ особенности; о нихъ говорится въ сохранившемся сочиненіи одного довольно, впрочемъ, темнаго писателя II-го столѣтія; — но честь открытія этихъ великолѣпныхъ останковъ принадлежитъ германскому консулу въ Смирнѣ Гуманну,—а заслуга, скорѣе—счастіе пріобрѣтенія ихъ, выпала на долю прусскаго правительства, при энергическомъ содѣйствіи кронъ-принца. Все дѣло было ведено очень ловко и тайно; во-время были высланы инженеры и ученые профессора,—во-время куплент участокъ земли, близъ деревушки Бергама, подъ которой скрывались всѣ эти сокровища; самый фирманъ султана на владѣніе открытыми мраморами, а не одними снимками съ нихъ (какъ то сдѣлало греческое правительство), былъ очень удачно и то же во-время полученъ, и въ концѣ-концовъ Пруссія—за какія-нибудь ничтожнѣйшія 130,000 марокъ — закрѣпила за собою такое завоеваніе, которое, конечно, принесетъ ей больше славы, чѣмъ завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи и, пожалуй, окажется прочнѣе.

Эти го-рельефы составляли собственно фронтонъ или фризъ громаднаго алтаря, посвященнаго Зевесу и Палладѣ (фигуры въ полтора раза превосходятъ человѣческій ростъ)—стоявшаго передъ дворцомъ или храмомъ Аттала. Они найдены на довольно незначительной глубинѣ—и хотя разбиты на части (всѣхъ отдѣльныхъ кусковъ собрано болѣе 9000—правда, иные куски аршина полтора въ квадратѣ и болѣе),—но главныя фигуры и даже группы сохранены, и мраморъ не

подвергся тѣмъ разрушительнымъ вліяніямъ открытаго воздуха и прочимъ насиліямъ, отъ котораго такъ пострадали останки Парѳенона. Всѣ эти обломки были тщательно перенумерованы, уложены на двухъ корабляхъ — и привезены изъ Малой Азіи въ Тріестъ (два другихъ корабля еще въ дорогѣ съ остатками четырехъ колоссальныхъ статуй и архитектурныхъ частей)—потомъ отправлены по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Теперь они занимаютъ нѣсколько залъ въ Музеумѣ, на полу которыхъ они разложены—и понемногу складываются въ прежнемъ своемъ порядкѣ, подъ наблюденіямъ комиссіи профессоровъ и съ помощью цѣлой артели искусныхъ итальянскихъ формовщиковъ. Къ счастью, главныя группы сравнительно меньше пострадали—и публика, которой позволяется разъ въ недѣлю осматривать ихъ съ высоты небольшихъ подмостковъ, окружающихъ лежащіе мраморы, можетъ уже теперь составить себѣ понятіе о томъ, какое поразительное зрѣлище представятъ эти го-рельефы, когда сложенные и воздвигнутые вертикально, въ особенно для нихъ устроенномъ зданіи, они предстанутъ передъ удивленными взорами нынѣшнихъ поколѣній во всей своей двухтысячелѣтней, скажемъ болѣе—въ своей безсмертной красотѣ.

Эти го-рельефы (многіе изъ тѣлъ такъ выпуклы, что совсѣмъ выдѣляются изъ задней стѣны, которая едва съ одной стороны прикасается ихъ членовъ),—эти го-рельефы изображаютъ битву боговъ съ титанами или гигантами, сыновьями Гэи (Земли). Не можемъ здѣсь же, кстати, не замѣтить, что какое счастье для народа обладать такими поэтическими, исполненными глубокаго смысла религіозными легендами, какими обладали греки, эти аристократы человѣческой породы. Побѣда несомнѣнная, окончательная — на сторонѣ боговъ, на сторонѣ свѣта, красоты и разума; но темныя, дикія земныя силы еще сопротивляются—и бой не конченъ. По серединѣ всего фронтона Зевсъ (Юпитеръ) поражаетъ громоноснымъ оружіемъ, въ видѣ опрокинутаго скипетра, гиганта, который падаетъ стремглавъ, спиною къ зрителю, въ бездну; съ другой стороны—вздымается еще гигантъ, съ яростью на лицѣ—очевидно, главный борецъ,—и, напрягая свои послѣднія силы, являетъ такіе контуры мускуловъ и торса, отъ которыхъ Микель-Анджело пришелъ бы въ восторгъ. Надъ Зевсомъ богиня Побѣды паритъ, расширяя свои орлиныя крылья, и высоко вздымаетъ пальму тріумфа; богъ солнца, Аполлонъ, въ длинномъ легкомъ хитонѣ, сквозь который ясно выступаютъ его божественные, юношескіе члены, мчится на своей колесницѣ, везомый двумя конями, такими же безсмертными, какъ онъ самъ; Эосъ (Аврора) предшествуетъ ему, сидя бокомъ на другомъ конѣ, въ перехваченной на груди струистой одеждѣ, и, обернувшись къ своему богу, зоветъ его впередъ взмахомъ обнажен-

ной руки; конь подъ ней такъ же—и какъ-бы сознательно—оборачиваетъ назадъ голову; подъ колёсами Аполлона умираетъ раздавленный гигантъ,— и словами нельзя передать того трогательнаго и умиленнаго выраженія, которымъ набѣгающая смерть просвѣтляетъ его тяжелыя черты; уже одна его свѣшенная, ослабѣвшая, тоже умирающая рука—есть чудо искусства, любоваться которымъ стоило бы того, чтобы нарочно съѣздить въ Берлинъ. Далѣе, Паллада (Минерва), одной рукой схвативъ крылатаго гиганта за волосы и волоча его по землѣ, бросаетъ длинное копье другою, круто поднятой и закинутой назадъ рукою, между тѣмъ какъ ея змѣя, змѣя Паллады, обвившись вокругъ побѣжденнаго гиганта, впивается въ него зубами. Кстати замѣтить, что почти у всѣхъ гигантовъ ноги заканчиваются змѣиными тѣлами,— не хвостами, а тѣлами, головы которыхъ также принимаютъ участіе въ битвѣ; Зевсовы орлы ихъ терзаютъ,— уцѣлѣла одна змѣиная широкая, раскрытая пасть, захваченная орлиной лапой. Тамъ Цибелла (Деметеръ), мать боговъ, мчится на львѣ, передняя часть котораго, къ сожалѣнію, пропала (много обломковъ мрамора было сожжено варварами на известь); человѣческая нога судорожно упирается въ брюхо льву — и своей поразительной реальной правдой служитъ противоположностью другой, идеально-прекрасной ногѣ, несомнѣнно принадлежавшей богу, побѣдоносно наступившему на мертваго гиганта. Вакхъ-Діонисосъ, Діана-Артемида, Гефестъ-Вулканъ—также въ числѣ бойцовъ-побѣдителей; есть другіе еще, пока безъименные боги, нимфы, сатиры,— всѣхъ фигуръ около сорока и всѣ свыше человѣческаго роста! Поразительна фигура Гэи (Земли), матери гигантовъ; вызванная гибелью своихъ сыновъ, она до половины корпуса, до пояса, поднимается изъ почвы... Нижняя часть ея лица отбита (головы Зевеса и Паллады—увы!—также исчезли), но какой величавой и безконечной скорбью вѣетъ отъ ея чела, глазъ, бровей, ото всей ея колоссальной головы—это надо видѣть... на это даже намекнуть нельзя. Всѣ эти — то лучезарныя, то грозныя, живыя, мертвыя, торжествующія, гибнущія фигуры, эти извивы чешуйчатыхъ змѣиныхъ колецъ, эти распростертыя крылья, эти орлы, эти кони, оружія, щиты, эти летучія одежды, эти пальмы и эти тѣла, красивѣйшія человѣческія тѣла во всѣхъ положеніяхъ, смѣлыхъ до невѣроятности, стройныхъ до музыки,— всѣ эти разнообразнѣйшія выраженія лицъ, беззавѣтныя движенія членовъ, это торжество злобы, и отчаяніе, и веселость божественная, и божественная жестокость— все это небо и вся эта земля—да это міръ, цѣлый міръ, передъ откровеніемъ котораго невольный холодъ восторга и страстнаго благоговѣнія пробѣгаетъ по всѣмъ жиламъ. И вотъ еще что:

при видѣ всѣхъ этихъ неудержимо свободныхъ чудесъ, куда дѣваются всѣ принятыя нами понятія о греческой скульптурѣ, объ ея строгости, невозмутимости, объ ея сдержанности въ границахъ своего спеціальнаго искусства, словомъ, объ ея классицизмѣ, — всѣ эти понятія, которыя, какъ несомнѣнная истина, были передаваемы намъ нашими наставниками, теоретиками, эстетиками, всей нашей школой и наукой? — Правда, намъ по поводу, напримѣръ, Лаокоона, или умирающаго Гладіатора, наконецъ, фарнезскаго Быка говорили о томъ, что и въ древнемъ искусствѣ проявлялось нѣчто напоминающее то, что гораздо позже называлось романтизмомъ и реализмомъ; упоминали о родосской школѣ ваянія, даже о пергамской школѣ; но тутъ же замѣчали, что всѣ эти произведенія уже носятъ нѣкоторый оттѣнокъ упадка, доходящаго, напримѣръ, въ фарнезскомъ Быкѣ до рококо; толковали о границахъ живописи и ваянія и о нарушеніи этихъ границъ; но какая же можетъ быть рѣчь объ упадкѣ передъ лицомъ этой „Битвы боговъ съ гигантами“, которая и по времени своего происхожденія относится къ лучшей эпохѣ греческой скульптуры—къ первому столѣтію послѣ Фидіаса? Да и какъ подвести эту „Битву“ подъ какую-либо рубрику? Конечно, „реализмъ“, —ужъ если взять это слово—реализмъ нѣкоторыхъ подробностей изумителенъ, тамъ попадаются обуви, складки тканей, переливы кудрей, даже вихры шерсти надъ копытами коней, оттѣнка которыхъ не перещеголяютъ самые новѣйшіе итальянскіе скульпторы, а ужъ на что они теперь въ этихъ дѣлахъ мастера! Конечно, „романтизмъ“, въ смыслѣ свободы—тѣлодвиженія, позъ, самаго сюжета, въ устахъ иного французскаго педанта получилъ бы названіе всклокоченнаго—„échevelé“; но всѣ эти реальныя детали до того исчезаютъ въ общемъ цѣлостномъ впечатлѣніи, — вся эта бурная свобода романтизма до того проникнута высшимъ порядкомъ и яснымъ строемъ высоко-художественной, идеальной мысли, что нашему брату-эпигону только остается преклонить голову и учиться,—учиться снова, перестроивъ все, что онъ до сихъ поръ считалъ основной истиной своихъ соображеній и выводовъ. Повторяю,—эта „Битва боговъ“, дѣйствительно, откровеніе, и когда—не раньше однако года или двухъ—воздвигнется, наконецъ, передъ нами этотъ „алтарь“, всѣ художники, всѣ истинные любители красоты должны будутъ ходить къ нему на поклоненіе.

Я только вскользь упомянулъ о тѣхъ тысячахъ небольшихъ обломковъ, которые тутъ же лежали на полу залъ, и которые постепенно поступаютъ, по мѣрѣ возможности, на свои мѣста. Ходя вокругъ нихъ, безпрестанно поражаешься—то какимъ-нибудь прелест-

нымъ плечомъ, то частью руки или ноги, то клочкомъ волнистой туники, то просто архитектурнымъ украшеніемъ... Между прочимъ, тамъ есть небольшая, вполнѣ сохранившаяся женская голова изъ желтоватаго мрамора, которая и по размѣрамъ не подходитъ ни къ одной богинѣ... Я забылъ сказать, что по бокамъ этого огромнаго алтаря существовали барельефы, меньшей величины и болѣе плоскіе... Эта прелестная голова до того кажется, по выраженію, намъ современною, что, право, невольно думаешь, что она и Гейне читала, и знаетъ Шумана...

Однако, довольно. Позволю себѣ прибавить одно слово: выходя изъ Музеума, я подумалъ: „Какъ я счастливъ, что я не умеръ, не доживъ до послѣднихъ впечатлѣній, что я видѣлъ все это!"—Смѣю полагать, что и другіе подумаютъ то же самое, проведя часъ-другой въ созерцаніи пергамскихъ мраморовъ „Битвы боговъ съ гигантами".

Ив. Тургеневъ.

С.-Петербургъ.—18-го марта 1880 г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1880.

Третье отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи.—Отзывы въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ.—Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ.—Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній.—Вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Улучшеніе состава присяжныхъ засѣдателей.—Новая газета «Берегъ» о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.—Къ свѣденію редакціи «Голоса».

Подчиненіе Третьяго отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, а вслѣдъ затѣмъ и корпуса жандармовъ, Главному Начальнику верховной распорядительной коммиссіи поставило на очередь вопросъ о будущности перваго изъ этихъ учрежденій. Петербургская журналистика отнеслась къ этому вопросу съ замѣчательнымъ единодушіемъ. Основная, общая всѣмъ мысль заключается въ томъ, что если Третьему отдѣленію и суждено возвратиться къ самостоятельной дѣятельности, то не въ прежней формѣ и не въ прежнихъ границахъ. Противъ необходимости спеціальной государственной полиціи никто не возражаетъ, лишь бы только она была введена въ административный организмъ, какъ одна изъ обыкновенныхъ составныхъ частей его, равноправныхъ со всѣми остальными, и соединена въ одномъ вѣдомствѣ съ общей полиціей; но административно-судебная, въ существѣ же своемъ карательная власть, единогласно признается несовмѣстной съ правомѣрнымъ государственнымъ строемъ, и притомъ не достигающей своей цѣли. Наше мнѣніе по этому предмету давно уже извѣстно читателямъ. „Для отнятія или ограниченія права“, сказано было въ нашемъ журналѣ еще девять лѣтъ тому назадъ [1]), „необходимъ приговоръ *уголовнаго суда*, основанный на *уголовномъ законѣ*. Только законъ, какъ нѣчто постоянное, твердое и для

[1]) „Итоги судебной реформы“: „Вѣстникъ Европы“, 1871 г., № 5, стр. 357.

всѣхъ доступное, можетъ указать тѣ нарушенія гражданскаго или государственнаго долга, которыя должны имѣть послѣдствіемъ отнятіе или ограниченіе права; только уголовный судъ, предоставляющій обвиняемому всѣ средства къ защитѣ и оправданію, соединяющій въ себѣ всѣ условія для безпристрастнаго и спокойнаго отношенія къ дѣлу, можетъ рѣшить, существуетъ ли въ данномъ случаѣ нарушеніе и долженъ ли отвѣчать за него его виновникъ. Одинаково несправедливо, одинаково опасно и вредно подвергать кого-нибудь наказанію за проступокъ, не запрещенный уголовнымъ закономъ—и опредѣлять наказаніе безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Говоря о наказаніи, мы разумѣемъ, конечно, не тѣ только карательныя мѣры, которыя установлены уголовнымъ закономъ, а всякое вообще отнятіе или ограниченіе права, принадлежащаго человѣку физически и нравственно правоспособному. Понятно, напримѣръ, что ограниченіемъ свободы слѣдуетъ считать не только ссылку на поселеніе или на житье, предусмотрѣнную уложеніемъ о наказаніяхъ, но и всякую высылку изъ мѣста жительства, всякое стѣсненіе въ правѣ свободнаго его избранія... Называйте подобныя мѣры какъ хотите — мѣрами для предупрежденія и пресѣченія преступленій, мѣрами для охраненія общественной безопасности, мѣрами, принимаемыми во имя общественнаго блага (salut public), — сущность ихъ отъ этого не измѣняется; исходя отъ администраціи, онѣ все-таки остаются ничѣмъ другимъ, какъ нарушеніемъ коренныхъ условій правильнаго общественнаго устройства". Разбирая, далѣе, обычные аргументы въ пользу такъ-называемой *административной расправы*, нашъ журналъ останавливался, между прочимъ, на томъ изъ нихъ, который, противопоставляя злоумышленникамъ добрыхъ гражданъ, признаетъ безвредными, безразличными для послѣднихъ мѣры, исключительно направленныя противъ первыхъ. „Во время первой французской революціи этотъ аргументъ былъ высказанъ въ знаменитой фразѣ: que les méchants tremblent, que les bons citoyens se rassurent! Къ сожалѣнію, различіе между bons и méchants установляется на практикѣ не такъ легко, какъ въ теоріи. Стóитъ только объявить извѣстную категорію лицъ подозрительными (suspects) — и черезъ нѣсколько времени никто не будетъ знать, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается эта категорія. Несдержанное ни точнымъ опредѣленіемъ закона, ни правильными обрядами судопроизводства, усердіе, даже самое благонамѣренное, скоро теряетъ чувство мѣры и осторожности. Понятіе о политическомъ преступленіи—или, лучше сказать, о политической неблагонадежности—дѣлается все болѣе и болѣе эластичнымъ, къ признакамъ такой неблагонадежности присоединяются черты, не имѣющія съ нею

ничего общаго... Нельзя привыкнуть къ мысли о томъ, что воръ или мошенникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія, свободно пользуется всѣми законными средствами защиты и часто приговаривается судомъ лишь къ кратковременному содержанію подъ стражей,—а человѣкъ, подозрѣваемый въ политической неблагонадежности, высылается безъ суда, безъ истребованія объясненій, иногда даже безъ предваренія объ ожидающей его участи, въ одну изъ тѣхъ губерній, которыя служатъ мѣстомъ ссылки для осужденныхъ за подлогъ, крупное воровство или мошенничество. Такая высылка—не простое ограниченіе свободы; она часто можетъ быть равносильна отнятію у высылаемаго лица и у его семейства всѣхъ средствъ къ существованію въ настоящемъ, всѣхъ надеждъ на будущее". Сознавая, что мысль о немедленномъ и совершенномъ уничтоженіи административной расправы была бы, при данныхъ обстоятельствахъ, непрактичною мечтою, „Вѣстникъ Европы" предлагалъ—какъ это и теперь дѣлаютъ нѣкоторыя газеты—учрежденіе, въ видѣ переходной мѣры, особаго административнаго суда". „Еслибы право принимать чрезвычайныя политическія мѣры было оставлено только за центральными органами правительства, и притомъ только въ отношеніи къ политическимъ проступкамъ [1]); еслибы принятіе подобныхъ мѣръ зависѣло въ каждомъ данномъ случаѣ не отъ одного лица, а *отъ коллегіальнаго учрежденія, пользующагося независимостью*, обязаннаго руководствоваться заранѣе опредѣленными правилами и выслушивать всѣ объясненія и оправданія лица, призываемаго къ отвѣтственности; еслибы высылаемыя лица были водворяемы въ такихъ городахъ, гдѣ они могли бы продолжать свои прежнія занятія; еслибы, наконецъ, былъ опредѣленъ срокъ высылки или порядокъ, въ которомъ можетъ совершаться возвращеніе высланнаго лица,—то сумма личной безопасности, оставаясь весьма ограниченною, все-таки увеличилась бы довольно замѣтно, и на этой переходной точкѣ все же немного легче было бы ожидать желаннаго, окончательнаго шага къ безусловному господству закона". Учрежденіе, отчасти похожее на такой судъ, существуетъ въ Германіи на основаніи закона, изданнаго въ 1878 г. противъ соціаль-демократической партіи.

Въ томъ же самомъ 1871 году, у насъ затронутъ былъ и другой вопросъ о цѣлесообразности карательныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ администраціей. И тогда уже мы видѣли не мало основаній, заставлявшихъ сомнѣваться въ возможности достигнуть этимъ путемъ

---

[1]) Въ цитируемой нами статьѣ говорилось, между прочимъ, о вредѣ, происходящемъ отъ предоставленія чрезвычайной власти второстепеннымъ органамъ администраціи и отъ примѣненія ея къ дѣламъ, чуждымъ всякаго политическаго характера.

какихъ бы то ни было прочныхъ результатовъ. Послѣ 1871 г. примѣненіе административной расправы получило размѣры еще гораздо болѣе широкіе,—и не предупредило ни тайныхъ обществъ, такъ быстро растущихъ въ ширь и глубь со времени нечаевскаго процесса, ни цѣлаго ряда политическихъ убійствъ и покушеній на убійство, слѣдующихъ одно за другимъ, начиная съ 1878 г. Годъ тому назадъ чрезвычайная власть, которою облечено Третье отдѣленіе, была распространена на временныхъ генералъ-губернаторовъ, съ новымъ расширеніемъ ея предѣловъ — и эта мѣра точно также не привела къ желанной цѣли. Не говорятъ ли всѣ эти факты съ неотразимой силой за необходимость измѣненія системы, лежавшей до сихъ поръ въ основаніи дѣятельности Третьяго отдѣленія? Не даютъ ли они право надѣяться, что переходъ этого учрежденія въ вѣдѣніе Главнаго Начальника верховной комиссіи означаетъ не только перемѣну лица, но и принципіальную перемѣну образа дѣйствій, если не въ настоящемъ, то въ очень близкомъ будущемъ? Область административной расправы должна съуживаться по мѣрѣ того, какъ будетъ расти *общественная поддержка*, о которой говоритъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ первомъ призывѣ своемъ къ русскому обществу.

Къ сожалѣнію, не всѣ представители общества съумѣли оцѣнить высокое значеніе этого призыва. Знаменательнымъ словамъ Главнаго Начальника верховной комиссіи: „На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни“, — „Московскія Вѣдомости“ (№ 51) противопоставили рѣшительное отрицаніе всякой мысли объ общественной поддержкѣ. „Гдѣ эти элементы въ интеллигентныхъ сферахъ нашего общества“, — восклицаетъ московская газета, „на которые могло бы опереться правительство великой державы? Не въ салонахъ ли петербургскихъ? Не въ фельетонахъ ли петербургскихъ газетъ? Не въ наукѣ ли нашей? Гдѣ эта наука, гдѣ ея плоды?.. Развѣ можно думать въ эту минуту о представительствѣ, какъ о полезной силѣ? Развѣ дозволительно думать о чемъ-либо подобномъ въ солидарности съ гнуснѣйшимъ заговоромъ, руководимымъ вражескою рукою? *Нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ.* Оно само обратится къ правительству на всякую добрую помощь и содѣйствіе, лишь бы только правительство должнымъ образомъ дисциплинировало своихъ дѣятелей, *сверху до низу*, и искало себѣ опоры въ патріотическомъ духѣ и русскомъ мнѣніи. Дисциплина въ правительственныхъ рядахъ и патріотизмъ въ образованныхъ слояхъ общества—вотъ что́ требуется, вотъ о чемъ надо позаботиться; начать же необходимо съ дисциплины“.—„Не въ

интеллигенціи петербургской—говорится въ другомъ мѣстѣ той же статьи,—а въ русскомъ народѣ слѣдуетъ искать опоры во всякомъ правительственномъ дѣлѣ".

Если бы въ словахъ „Московскихъ Вѣдомостей" выражалось—какъ это думаютъ нѣкоторые органы нашей печати—только личное мнѣніе г. Каткова и немногихъ его сотрудниковъ и благопріятелей, они могли бы быть оставлены безъ вниманія; но за московской газетой въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, стоитъ цѣлая общественная группа, съ которой нельзя не считаться. Это—та группа, которая давно уже провозглашаетъ необходимость „поставить точку" къ реформамъ, взять назадъ или извратить наиболѣе *опасныя* изъ нихъ, искать спасенія только въ силѣ, разсѣкать всѣ вопросы остріемъ полицейскихъ или карательныхъ мѣропріятій; это—та группа, которая сознательно или безсознательно смѣшиваетъ законное неудовольствіе съ анархическими страстями, желаніе преобразованій съ революціонной агитаціей; это—та группа, которая говоритъ устами петербургскаго корреспондента берлинской „Крестовой Газеты": „правительство слишкомъ слабо относится къ тѣмъ сферамъ, которыя потворствуютъ фанатикамъ нигилизма, а потому нельзя сказать, чтобы противъ нигилизма принимались серьёзныя мѣры". Вліяніе этой группы чувствуется слишкомъ сильно, чтобы ему можно было противопоставить только молчаливое пренебреженіе. Мы вполнѣ понимаемъ негодованіе, заставившее К. Д. Кавелина [1]) возвысить голосъ противъ яростныхъ криковъ „Московскихъ Вѣдомостей". Ученикъ и другъ Бѣлинскаго, переживши вмѣстѣ съ г. Катковымъ эпоху зарожденія новыхъ общественныхъ идеаловъ, такъ же бережно хранящій лучшія преданія этой эпохи, какъ беззавѣтно забываетъ о нихъ бывшій его союзникъ, К. Д. Кавелинъ не могъ отнестись равнодушно къ апоѳеозѣ направленія, плоды котораго ему слишкомъ хорошо знакомы еще со временъ его молодости. Ошибается К. Д. Кавелинъ только тогда, когда говоритъ: „Роль наша, людей сороковыхъ годовъ, уже сыграна и мы уже не можемъ принимать участія въ современной жизни въ качествѣ дѣятелей"; но самое появленіе въ печати подобной статьи доказываетъ, что ихъ роль не сыграна, что они вовсе не отказываются подать голосъ и тѣмъ принять полезное участіе въ современной жизни. Нѣтъ, роль поколѣнія, къ которому принадлежитъ К. Д. Кавелинъ, не можетъ считаться вполнѣ сыгранною, пока игнорируются или оспариваются истины, введенныя имъ же въ оборотъ русской жизни. На стражѣ этихъ истинъ люди сороковыхъ годовъ, оставшіеся вѣрными своему знамени, должны стоять—да и стоятъ на

[1]) См. „Молву", № 57.

самомъ дѣлѣ—вмѣстѣ съ своими преемниками, ближайшими и отдаленными. Это поняло общество, привѣтствовавшее въ прошломъ году величайшаго изъ живущихъ между нами современниковъ Грановскаго и Бѣлинскаго — И. С. Тургенева; это вспоминается и чувствуется каждый разъ, когда пріобрѣтенію, казавшемуся прочнымъ, угрожаетъ опасность, когда возобновляется борьба, которую давно можно было считать оконченною. Теорія, проповѣдуемая „Московскими Вѣдомостями" и поддерживаемая, насколько хватаетъ силъ, ихъ литературными и не литературными союзниками, отрицаетъ не то или другое крайнее мнѣніе, а всю совокупность условій, необходимыхъ для успѣшнаго продолженія преобразовательной работы.

Отсутствіе, будто бы, въ обществѣ элементовъ, съ помощью которыхъ могло бы быть достигнуто властью „возобновленіе правильнаго теченія государственной жизни, возвращеніе отечества на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія"—не что иное, какъ не совсѣмъ новый варіантъ на старую, избитую тэму. Мы слыхали ту же пѣсню передъ каждой новой, сколько-нибудь широкой реформой. Насъ увѣряли, что не найдется людей для проведенія въ жизнь положеній 19-го февраля,—и вслѣдъ за тѣмъ явились мировые посредники перваго призыва; насъ пугали отсутствіемъ или недостаткомъ силъ, способныхъ осуществить новые судебные уставы,—и первые же мѣсяцы дѣятельности новыхъ судовъ доказали всю тщету этого страха; намъ говорили, что земское самоуправленіе мыслимо только въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ,—а въ числѣ лучшихъ дѣятелей его оказались не только небогатые помѣщики, но и крестьяне. Теперь требованія жизни ставятся шире, чѣмъ пятнадцать, двадцать лѣтъ тому назадъ,—но за то и жизнь ушла далеко впередъ, приготовила фундаментъ для новыхъ капитальныхъ построекъ. Этотъ фундаментъ—всѣ реформы настоящаго царствованія; каждая изъ нихъ, какъ мы старались показать въ предъидущемъ обозрѣніи, не только устраняла ту или другую преграду къ развитію, но и создавала для него положительныя точки опоры. Искать этой опоры слѣдуетъ, конечно, не въ салонахъ и не въ фельетонахъ, хотя и въ нихъ можно уловить работу общественной мысли. Есть другія, болѣе широкія сферы жизни, забывать о которыхъ можетъ только крайнее ослѣпленіе или полнѣйшая недобросовѣстность. Фонарь, при свѣтѣ котораго „Московскія Вѣдомости" изслѣдуютъ составные элементы нашего общества, горитъ очень тускло или, лучше сказать, закрытъ на-глухо, если онѣ, остановясь на салонахъ и фельетонахъ, просмотрѣли земское и городское самоуправленіе. Всесословныя собранія, хотя бы и избранныя для спеціальной, сравнительно-узкой цѣли, хотя бы и не вполнѣ удовлетворительно составленныя, вслѣдствіе

несовершенствъ избирательнаго закона, не должны быть упускаемы изъ виду, когда идетъ рѣчь объ общественной поддержкѣ, первая форма которой, безъ сомнѣнія—свободное выраженіе мысли общества. Съ этой точки зрѣнія болѣе чѣмъ странно высокомѣрное отношеніе къ печати, достаточно выросшей и созрѣвшей, чтобы служить вѣрнымъ, хотя и—по необходимости—неполнымъ отраженіемъ различныхъ общественныхъ взглядовъ. Органу печати, сильному только своимъ вліяніемъ на извѣстную часть общества и сочувствіемъ, въ ней находимымъ, менѣе чѣмъ кому бы то ни было пристало сомнѣваться въ правѣ другихъ газетъ и журналовъ на вниманіе высшаго правительства, апеллирующаго къ общественному содѣйствію. Удивляться ли, впрочемъ, игнорированію печати со стороны тѣхъ, кто не хочетъ видѣть русской науки, не хочетъ вѣрить въ существованіе плодовъ ея? Какъ ни мало сдѣлала еще русская наука, сравнительно съ европейской—она стоитъ безконечно выше грубаго призыва къ диктатурѣ и способна по меньшей мѣрѣ обнаружить всю фальшь, гнѣздящуюся въ этомъ призывѣ. Она способна и на гораздо бо́льшее; она можетъ освѣтить настоящее яркимъ ретроспективнымъ свѣтомъ, раскрыть смыслъ уроковъ, заключающихся въ прошедшемъ русскаго народа, указать точки соприкосновенія между стариною и новизною. Неужели русская историческая наука стоитъ въ настоящее время на томъ же пунктѣ, на которомъ оставилъ ее Карамзинъ? Неужели труды Кавелина, Соловьева, Костомарова, Забѣлина, Сергѣевича, Ключевскаго не могутъ считаться зрѣлыми ея плодами, имѣющими глубокое практическое значеніе? Неужели наша экономическая наука не ушла впередъ съ тѣхъ поръ, какъ все ея богатство ограничивалось двумя-тремя учебниками, скопированными съ французскихъ моделей? Можно ли, наконецъ, отдѣлять русскую науку отъ европейской, отрицать ту силу, которую черпаетъ первая изъ постояннаго общенія съ послѣдней? Допустимъ, что русская наука не произвела ничего самостоятельнаго; она во всякомъ случаѣ богата опытомъ другихъ народовъ, цѣннымъ и для Россіи, съ тѣхъ поръ, какъ русская государственная и общественная жизнь неразрывно связана съ общеевропейскою.

По странному противорѣчію, публицисты, возстающіе противъ обращенія власти къ общественной поддержкѣ, признаютъ однако, что правительство нуждается въ нравственной опорѣ. Эту опору они видятъ то въ „патріотическомъ духѣ и русскомъ мнѣніи“, то въ русскомъ народѣ. Но если общество неспособно помочь правительству, если всѣ элементы русской интеллигенціи испорчены или безсильны, то что́ же слѣдуетъ понимать подъ именемъ *русскаго мнѣнія* (замѣтьте—не общественнаго, а какого-то другого)? Въ какой

формѣ оно можетъ быть высказано, если всѣ существующіе органы его никуда не годятся, а мысль объ учрежденіи новыхъ составляетъ, въ глазахъ этихъ публицистовъ, чуть не государственное преступленіе? Патріотическій духъ, въ глазахъ нашихъ *спасителей общества*, есть сила, которую еще надлежитъ создать, и притомъ не сейчасъ, а только тогда, когда въ правительственныхъ рядахъ будетъ установлена желанная дисциплина. Чѣмъ оказался бы патріотизмъ, *сдѣланный* при посредствѣ дисциплины,— это понять не трудно. Въ отвѣтѣ К. Д. Кавелину „Московскія Вѣдомости" (№ 66) называютъ русскій народъ великой, сверху до низу, исторически организованной силой. „Опираться на русскій народъ,—говорятъ онѣ,—не значитъ опираться только на его темныя массы, а на всю совокупность его организаціи, на всѣ его сословія, по скольку каждое изъ нихъ остается вѣрнымъ историческому духу своего народа и подчиняетъ свой интересъ государственной пользѣ. Но нельзя сказать, чтобъ интеллигенція, носящаяся надъ Россіей и имѣющая свое средоточіе въ Петербургѣ, была русскимъ народнымъ разумомъ, чтобы она была органомъ русскаго патріотическаго духа, чтобы она въ своихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ управлялась русскими историческими началами". Уступка, сдѣланная повидимому въ началѣ этой тирады, берется назадъ въ ея концѣ, и народъ остается тѣмъ, чѣмъ онъ всегда былъ въ устахъ московской газеты—не живымъ единеніемъ такъ-называемаго общества съ такъ-называемой массой, а безформенной стихіей, элементомъ противоположнымъ (и враждебнымъ) интеллигенціи. Отдѣленный отъ интеллигенціи, народъ не имѣетъ ни органовъ, ни способовъ для выраженія своей мысли; народная поддержка, независимая отъ общественной—пустая фраза, подъ которой можетъ скрываться и нѣчто гораздо худшее. Можно находить, что не всѣмъ частямъ народа одинаково легко отозваться на призывъ къ общественной поддержкѣ, что возможность высказываться, крайне недостаточная для всѣхъ, для однихъ ограничена еще болѣе, чѣмъ для другихъ; но логически вытекаетъ отсюда только необходимость лучшей организаціи общества, умноженія средствъ и формъ, съ помощью которыхъ можетъ быть услышанъ его голосъ, а отнюдь не необходимость зажимать ротъ тѣмъ, кто въ состояніи говорить, и внимательно относиться лишь къ тѣмъ, кто хранитъ глубокое молчаніе.

Приверженцы реакціи, во вкусѣ „Московскихъ Вѣдомостей", преслѣдуютъ двоякую цѣль: заградить дорогу впередъ—и вызвать или усилить поворотъ въ противоположную сторону. Главнымъ орудіемъ ихъ въ обоихъ случаяхъ служитъ широко-распространительное толкованіе понятія о противогосударственныхъ

и противообщественныхъ тенденціяхъ. По теоріи этихъ господъ, говорить о необходимости движенія—значитъ становиться на сторону агитаторовъ, присоединяться къ ихъ преступнымъ требованіямъ; возражать противъ необходимости новыхъ репрессивныхъ мѣръ—значитъ „потворствовать фанатикамъ нигилизма“. Фальшь, заключающаяся въ первомъ изъ этихъ аргументовъ, была уже выставлена на видъ К. Д. Кавелинымъ; полное разоблаченіе ея затруднено, къ сожалѣнію, невозможностью открытой полемики съ произведеніями тайной прессы, невозможностью даже всесторонняго знакомства съ ними. Замѣтимъ только, что одно и то же слово можетъ обнимать собою весьма различныя представленія, и что даже *тождествомъ* выраженія нельзя доказывать *общности* стремленій [1]). Положимъ, что возникаетъ вопросъ о войнѣ или мирѣ. Изъ числа высказывающихся за войну, одни могутъ видѣть въ ней исключительно источникъ личной для себя выгоды, въ формѣ почестей или наживы; другіе могутъ привѣтствовать ее, какъ причину слабости для государства, дезорганизація котораго составляетъ сокровенный предметъ ихъ усилій; третьи могутъ желать войны для пріостановленія ненавистныхъ имъ реформъ; четвертые, наоборотъ—для ускоренія и довершенія ихъ; пятые могутъ думать только о военной славѣ, шестые—только о достиженіи ближайшей цѣли, съ которою предпринимается война. Общимъ лозунгомъ для всѣхъ этихъ чувствъ и взглядовъ будетъ служить—война, война во что бы-то ни стало!—но справедливо ли было бы подводить ихъ подъ одну мѣрку, считать представителей ихъ солидарными между собою? Въ вопросѣ же, теперь занимающемъ насъ, внутреннее разногласіе при кажущемся внѣшнемъ сходствѣ еще болѣе глубоко. Какъ бы ни были разнообразны ожиданія, возлагаемыя на войну, она все-таки остается войною, т.-е. совокупностью наступательныхъ и оборонительныхъ дѣйствій, болѣе или менѣе предопредѣленныхъ взаимнымъ отношеніемъ воюющихъ державъ; усовершенствованіе же государственнаго строя можетъ быть настолько различно въ самомъ существѣ своемъ, насколько различны побужденія, заставляющія желать его. Оттѣнковъ здѣсь такъ много и разстояніе между ними такъ громадно, что огульное сужденіе о сторонникахъ преобразованія становится рѣшительно немыслимымъ. Недоразумѣніямъ—скорѣе, впрочемъ, намѣреннымъ, чѣмъ ненамѣреннымъ—способствуетъ до сихъ поръ всего больше неопредѣленная постановка искаженнаго

[1]) Новымъ примѣромъ подобной аргументаціи можетъ служить напоминаніе „Московскихъ Вѣдомостей“, что Нечаевъ, выходя изъ суда, кричалъ: „земская дума!“—„земскій соборъ!“ Итакъ, еслибы одному изъ осужденныхъ революціонеровъ вздумалось крикнуть теперь: „податная реформа“!—то нужно было бы наложить veto и на этотъ вопросъ?

„Московскими Вѣдомостями“ вопроса о представительствѣ, не идущая, вслѣдствіе внѣшнихъ препятствій, дальше самыхъ общихъ положеній. По справедливому замѣчанію К. Д. Кавелина, только съ устраненіемъ этихъ препятствій, т.-е. съ предоставленіемъ бо́льшаго простора печатному слову, общественная мысль получитъ желанную ясность, исчезнетъ послѣдній предлогъ къ прискорбному и вредному смѣшенію понятій.

Намъ говорятъ, что правительство не принимаетъ серьёзныхъ мѣръ противъ нигилизма, что оно слишкомъ слабо относится къ тѣмъ сферамъ, которыя потворствуютъ фанатикамъ этого ученія. Въ отдѣльности взятое, первое изъ этихъ положеній было бы совершенно непонятно; нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что чрезвычайная власть генералъ-губернаторовъ, военные суды, смертная казнь—не серьёзныя мѣры противъ нигилистовъ. И дѣйствительно, второе положеніе имѣетъ цѣлью показать, что рѣчь идетъ объ усиленной строгости не противъ нигилистовъ, а противъ другихъ сферъ. На чью голову призывается ударъ—это остается неразъясненнымъ. Быть можетъ, здѣсь имѣются въ виду слѣдователи или судьи, уничтожающіе доказательства вины государственныхъ преступниковъ, полицейскіе чиновники, способствующіе ихъ побѣгу, должностныя лица, выдающія имъ тайны своихъ вѣдомствъ? Едва ли; не говоря уже о томъ, что подобные случаи крайне рѣдки, они предусмотрѣны уголовнымъ закономъ и конечно не остаются безъ преслѣдованія; то же самое слѣдуетъ сказать о частныхъ лицахъ, укрывающихъ у себя государственныхъ преступниковъ, содѣйствующихъ уничтоженію слѣдовъ преступленія, открыто выражающихъ сочувствіе къ революціонной пропагандѣ. Возставая противъ „потворства нигилизму“, добровольцы реакціи мѣтятъ, очевидно, гораздо дальше; они заносятъ руку на цѣлыя общественныя группы, на цѣлыя отрасли общественной жизни, цѣлыя направленія общественной мысли. Журналъ или газета не оффиціальнаго и не оффиціознаго колорита, земское собраніе, непочтительно относящееся къ интересамъ крупнаго землевладѣнія, присяжные засѣдатели, оправдывающіе сознавшагося преступника, судъ, допускающій раскрытіе сословныхъ или административныхъ злоупотребленій,—вотъ враги, на которыхъ они хотятъ навлечь спасительную строгость власти. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ принятія первыхъ чрезвычайныхъ мѣръ противъ агитаторовъ прошло уже болѣе полутора года,—и въ продолженіе этого времени не было закрыто ни одно земское собраніе, не была ограничена свобода дѣйствій суда, не была экстренно усилена суровость отношенія администраціи къ печати! Это явный безпорядокъ, это соблазнъ, которому какъ можно скорѣе долженъ быть положенъ конецъ! Сильное правительство непремѣнно

должно запретить нѣсколько журналовъ, прекратить обсужденіе важнѣйшихъ вопросовъ, допустить выраженіе однихъ только чувствъ, безъ размышленій, и водворить наружное единогласіе съ помощью *дисциплины*. Такова основная мысль реакціонеровъ, не высказанная прямо, но безъ труда читаемая между строками. Отвѣтственность ихъ ничуть не уменьшается тѣмъ, что правительство не слѣдуетъ ихъ совѣтамъ. Въ смутное время слово тѣмъ легче можетъ перейти въ дѣло, чѣмъ проще и привычнѣе указываемая имъ дорога. Программа „Московскихъ Вѣдомостей“: *„нѣтъ надобности обращаться къ обществу за поддержкой и пособіемъ“*, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій была русской правительственной программой; понятно, какъ велика—въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ—опасность возвращенія къ ней. Къ счастію для Россіи, проповѣдь недовѣрія и усиленнаго гнета встрѣтила на этотъ разъ, повидимому, не совсѣмъ благопріятную для нея почву.

Въ одномъ изъ петербургскихъ періодическихъ изданій была недавно высказана мысль, что въ настоящую минуту можетъ и должна идти борьба только между защитниками и противниками самоуправленія и свободнаго выраженія мнѣній, что между тѣми и другими въ сущности нѣтъ средины, что всѣ частныя разногласія должны быть отложены въ сторону, всѣ личные счеты—забыты. Къ числу противниковъ свободной мысли эта газета относитъ, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“, одни оффиціозныя изданія. Признавая несвоевременность личныхъ счетовъ (едва ли, впрочемъ, они когда-либо и бываютъ своевременными), а также необходимость возможно бо́льшаго единодушія, мы не думаемъ однако, чтобы всѣ органы нашей печати могли быть сгруппированы только въ два лагеря, отграниченные одинъ отъ другого точною демаркаціонною линіею. Есть изданія, стоящія одной ногой въ одномъ, другою—въ другомъ лагерѣ. Въ ихъ неустойчивости и двойственности, точно такъ же какъ и въ незавидной цѣльности „Московскихъ Вѣдомостей“, отражается частица нашей общественной мысли—и съ этой точки зрѣнія мы считаемъ нужнымъ посвятить и имъ нѣсколько словъ. „Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es“, говоритъ французская пословица; для представителей упомянутой нами средины (или, лучше сказать, современнаго „ни то, ни се“) весьма характеристично почтительное отношеніе къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“. „Московскія Вѣдомости“ не стоятъ-молъ и не стоятъ противъ реформъ; либералы напрасно называютъ ихъ ультра-охранительнымъ органомъ; пора бросить подобныя клички, давно вывѣтрившіяся и безсодержательныя; программѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ (той самой, гдѣ онѣ открещиваются отъ общественной поддержки) нельзя отказать въ твердости и послѣдовательности, хотя

можно спорить съ нею *даже по существу* (какъ смѣло!); негодованіе, вызываемое ею, довольно безсмысленно и т. д.—вотъ образцы этого отношенія, достаточно подтверждающіе нашу мысль о неполномъ изолированіи „Московскихъ Вѣдомостей“ среди русской печати. „Пора усвоить себѣ“, говоритъ та же петербургская газета, дружащая съ московской, „единственно-разумный критерій для опредѣленія того, чего намъ желать, къ чему стремиться. *Польза дѣла* — вотъ этотъ критерій; постепенное, спокойное, но безостановочное шествіе по пути мирнаго развитія — вотъ самый надежный способъ достигнуть наибольшей пользы... Мы всегда были того мнѣнія, что въ полемикѣ между нашими либералами и консерваторами кроется великое недоразумѣніе, въ которомъ существенную роль играетъ—правду сказать — крайнее рутинерство и доктринерство гг. либераловъ. Еслибы та и другая сторона дала себѣ трудъ хорошенько уяснить пункты несогласія, то, можетъ быть, оно оказалось бы по существу *желаній и упованій* не Богъ знаетъ какое“. Въ доказательство этому приводится списокъ реформъ, допускаемыхъ „Московскими Вѣдомостями“, — съ увѣреніемъ, что подъ такой программой предстоящей организаторской дѣятельности смѣло могли бы подписаться либералы. Сокращеніе сроковъ военной службы, облегченіе крестьянскихъ переселеній, отмѣна соляного налога, преобразованіе податной системы, устраненіе многихъ несовершенствъ по слѣдственной части, улучшеніе сельскаго благоустройства, опредѣленіе правильныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися—вотъ пункты, включенные въ программу мнимыхъ реформистовъ. Никакихъ недоразумѣній не возбуждаютъ только первые три, не имѣющіе за то и никакой политической окраски; слѣдующіе два могутъ быть понимаемы весьма различно, и весь вопросъ—въ способѣ ихъ пониманія; подъ фирмой „улучшенія сельскаго благоустройства“ легко могутъ скрываться старые проекты вотчинной полиціи и т. п., а подъ видомъ „опредѣленія отношеній нанимателей къ нанимающимся“—старая попытка подчиненія послѣднихъ первыми. Между такой программой и желаніями тѣхъ, кого называютъ рутинерами и доктринерами—только за то, что они не умѣютъ, по пословицѣ, молотить на двухъ гумнахъ,—очевидно, весьма мало общаго. Нѣтъ! какъ ни молоды наши партіи, соединить ихъ въ одно цѣлое не удастся никакому политическому эклектизму. Нужно быть очень наивнымъ, чтобы предлагать имъ въ критерій—да еще единственно разумный—*пользу дѣла*, т.-е. самое неопредѣленное изъ всѣхъ относительныхъ понятій. Выставлять его своимъ девизомъ могутъ прямо противоположныя предпріятія; мотивировать *пользой дѣла* можно все что угодно, даже при полной искренности намѣренія. Въ глазахъ одного дѣйствительно полезной можетъ быть только дисциплина, въ глазахъ

другого — только общественная поддержка. Инстинктивно чувствуя недостаточность своего „единственно разумнаго критерія", газета спѣшитъ разъяснить, въ чемъ заключается, по ея мнѣнію, „самый надежный способъ достигнуть наибольшей пользы", но разъясненіе это мало помогаетъ дѣлу. *Постепенное, спокойное, но безостановочное шествіе на пути жирнаго развитія* исключаетъ мысль о реакціи и о насильственномъ переворотѣ, но ничуть не разрѣшаетъ вопроса о предѣлахъ, средствахъ, цѣляхъ и послѣдовательности развитія. Въ виду примирительной формулы, до такой степени лишенной внутренняго содержанія, другой сторонѣ остается только коснѣть въ своемъ „рутинерствѣ и доктринерствѣ" (извѣстно, что наши quasi-консерваторы совершенно свободны отъ этихъ недостатковъ!); дорога, указанная ей для сближенія съ противниками, оказывается, при ближайшемъ разсмотрѣніи, рѣшительно никуда не ведущей. Въ другой статьѣ той же газеты идетъ рѣчь о бездушномъ либерализмѣ, *питающемъ смуту своею безшабашностью, своею неопредѣленностью*. Обвиненіе это направлено, правда, не противъ всего русскаго либерализма, а противъ одного только его оттѣнка, отличающагося „оторванностью отъ народа, отъ условій народнаго быта"; но нѣсколькими столбцами ниже мы читаемъ слѣдующее: „если можно въ чемъ обвинять русскихъ либераловъ, то именно въ отсутствіи національныхъ принциповъ, въ пренебреженіи къ народнымъ традиціямъ, въ рабскомъ копированіи иностранныхъ образцовъ и лѣни собственной мысли". Отличительная черта „бездушнаго либерализма, питающаго смуту", приписывается здѣсь русскимъ либераламъ уже безъ всякой оговорки. Въ концѣ-концовъ, такимъ образомъ, заключеніе петербургской газеты подходитъ весьма близко къ обычной московской тэмѣ: „либерализмъ—одинъ изъ источниковъ смуты, одна изъ опоръ крамолы". Спѣшимъ прибавить, что газета не выводитъ изъ этого тезиса никакихъ уголовно-полицейскихъ требованій, не предлагаетъ никакихъ „серьёзныхъ мѣръ противъ сферъ, потворствующихъ нигилизму", признаетъ даже пользу обращенія къ обществу, несмотря на распространеніе въ немъ либеральныхъ мнѣній; но при условіяхъ, переживаемыхъ нами, согласіе въ принципѣ сближаетъ больше, чѣмъ отдаляетъ разногласіе въ его приложеніи. Стоитъ только допустить общее положеніе, благопріятное рутинному образу дѣйствій—охотники сдѣлать изъ него логическій выводъ всегда найдутся.

Если „Московскія Вѣдомости" и не стоятъ совершенно одиноко въ нашей печати, то направленіе, представляемое ими, во всякомъ случаѣ имѣетъ противъ себя значительное большинство ея органовъ. Въ средѣ этого большинства нѣтъ радикальнаго разногласія на счетъ того, что̀ составляетъ настоятельную потребность настоящей минуты.

Есть основаніе предполагать, что въ томъ же смыслѣ высказалось бы, при первой возможности, большинство органовъ земскаго самоуправленія. Весьма знаменательно, съ этой точки зрѣнія, постановленіе харьковскаго губернскаго земскаго собранія, состоявшееся еще въ декабрѣ 1878 г., но лишь недавно появившееся въ газетахъ. „Земскія собранія разрознены", говорится въ запискѣ гласнаго Е. С. Гордѣенко, представленной земскимъ собраніемъ правительству въ видѣ отвѣта на первое обращеніе его къ общественной поддержкѣ: „между ними нѣтъ никакой связи... Они собираются во имя земскихъ повинностей, для нихъ обязательныхъ, и въ правѣ разсуждать о предметахъ мѣстнаго хозяйства. О дѣлахъ, чуждыхъ хозяйству, и даже сельско-хозяйственныхъ, но выходящихъ за предѣлы губерніи, они не имѣютъ права говорить; о дѣлахъ же политическихъ мы боимся разсуждать. Изъ такихъ разрозненныхъ и разсыпчатыхъ, подобно песку, элементовъ нельзя сплотить той силы, которая могла бы быть опорою государства и противостоять врагамъ его. Въ рукахъ земства могло бы быть орудіе, способное оказать содѣйствіе правительству — это *общественное мнѣніе;* но его у насъ нѣтъ, такъ какъ мы не имѣемъ органа для его выраженія; оно остается нѣмымъ, находится подъ контролемъ и не можетъ выражаться свободно, правильно, а иногда даже высказывается, по необходимости, совершенно превратно... Земство желало бы соединить всѣ свои силы не только для своихъ экономическихъ нуждъ, но и для всѣхъ нуждъ и пользъ государства, чтобъ и въ настоящее трудное время, которое мы переживаемъ, оно могло быть дѣйствительною опорою правительства". Событія послѣдняго года послужили новымъ подтвержденіемъ этихъ словъ; въ связи съ голосами, со всѣхъ сторонъ раздающимися теперь, они по всей вѣроятности не пройдутъ безслѣдно.

II.

Чтобы судить о томъ, на что́ способно въ будущемъ наше самоуправленіе, необходимо имѣть въ виду результаты, достигнутые и достигаемые имъ не совсѣмъ при благопріятныхъ условіяхъ, въ узкой, со всѣхъ сторонъ ограниченной сферѣ дѣйствій. Весьма поучителенъ, въ этомъ отношеніи, напечатанный недавно отчетъ коммиссіи, образованной с.-петербургскою городскою думой для завѣдыванія начальными городскими училищами. Усилія города получить въ свое вѣдѣніе городскія начальныя училища начались въ 1864-мъ году, но увѣнчались успѣхомъ лишь *тринадцать* лѣтъ спустя. Цѣль города заключалась не только въ томъ, чтобы управленіе училищами пере-

мало изъ однѣхъ рукъ въ другія, но и въ томъ, чтобы увеличилось число и улучшилось положеніе училищъ. Для достиженія этой цѣли, городъ уже тогда выражалъ готовность увеличить внатеро сумму, расходуемую имъ на начальное обученіе. Въ 1867 г. только-что предпринятое дѣло было пріостановлено отзывомъ министра внутреннихъ дѣлъ, который, „въ виду сдѣланныхъ въ послѣднее время со стороны городской думы заявленій о недостаточности городской кассы для удовлетворенія издержекъ, уже лежащихъ на обязанности ея", затруднился дать ходъ предположеніямъ думы и нашелъ, что „за этимъ ничего не остается, какъ осуществленіе настоящаго похвальнаго желанія городского общества отложить до болѣе удобнаго случая". Въ концѣ 1868 г. погребенный такимъ образомъ вопросъ возникъ вновь, по иниціативѣ управляющаго с.-петербургскимъ учебнымъ округомъ, причемъ со стороны послѣдняго было заявлено о необходимости оставить за округомъ, и послѣ передачи училищъ въ вѣдѣніе города, части той суммы, которая отпускалась городомъ на содержаніе училищъ (изъ 14,571 руб.—4,480 руб.). Основаніемъ къ этому приводилось помѣщеніе нѣкоторыхъ (четырехъ) училищъ въ казенныхъ зданіяхъ. Городская дума согласилась оставить требуемую сумму за округомъ только на два года, такъ какъ уже тогда имѣлась въ виду необходимость перемѣщенія училищъ, помѣщавшихся въ казенныхъ домахъ, въ другія, болѣе удобныя квартиры. Послѣ этого обмѣна мнѣній дальнѣйшій ходъ дѣла опять пріостановился; только дума, черезъ посредство особой комиссіи, продолжала работать надъ планомъ реорганизаціи народныхъ училищъ, окончательно изготовленнымъ ею къ 1871 г. Въ ожиданіи благополучнаго и скораго конца, городъ мечталъ уже объ открытіи, къ юбилею Петра Великаго (въ маѣ 1872 г.), четырехъ новыхъ училищъ. Этимъ мечтамъ не суждено было осуществиться. Министерство народнаго просвѣщенія, предполагая войти съ представленіемъ объ измѣненіи состава училищныхъ совѣтовъ и вообще управленія начальными училищами, нашло „неблаговременнымъ" приступить къ учрежденію въ столицѣ училищнаго совѣта и къ разсмотрѣнію проектированныхъ думою мѣръ по завѣдыванію начальными городскими училищами. Новое положеніе о начальныхъ училищахъ было утверждено 25 мая 1874 г.; но затѣмъ понадобилось еще два съ половиною года для разрѣшенія вопроса объ особыхъ училищныхъ совѣтахъ въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ, хотя, судя по сказанному выше, онъ былъ предрѣшенъ въ принципѣ уже въ 1872 году. Давно желанная минута наступила только въ 1877 году; въ іюнѣ этого года открытъ с.-петербургскій городской училищный совѣтъ, а въ іюлѣ состоялась пере-

дача начальныхъ училищъ изъ вѣдѣнія учебнаго округа въ вѣдѣніе города.

Каково же было, въ этотъ моментъ, положеніе училищъ, завѣдываніе которыми, вопреки желаніямъ и просьбамъ города, такъ долго удерживала за собою учебная администрація? Представлялось ли оно на столько блистательнымъ, что училища могли только потерять—или по крайней мѣрѣ ничего не могли выиграть—отъ перехода въ другія руки? Всѣхъ училищъ, сданныхъ городу, было шестнадцать: четырнадцать мужскихъ и два женскихъ. Только четыре изъ нихъ помѣщались въ удобныхъ, сухихъ и теплыхъ квартирахъ; помѣщеніе остальныхъ страдало болѣе или менѣе важными недостатками. Такъ, напримѣръ, въ Покровскомъ училищѣ за отсутствіемъ вентиляціи и вслѣдствіе близости ретирадnаго мѣста воздухъ былъ весьма испорченъ; помѣщеніе учителя было такъ невелико, что, несмотря на свое ограниченное жалованье, онъ вынужденъ былъ жить въ вольнонаемной квартирѣ. Въ Успенскомъ училищѣ все помѣщеніе было сыро до такой степени, что стѣны, шкафъ и книги покрылись плѣсенью. Въ Спасскомъ училищѣ запахъ отъ отхожихъ мѣстъ проникалъ въ классъ и дѣлалъ воздухъ нестерпимымъ. Помѣщеніе Благовѣщенскаго женскаго училища отличалось сыростью, такъ какъ было расположено надъ двумя прачешными; подъ классомъ проходили трубы изъ ретирадnаго мѣста. Учителя во всѣхъ мужскихъ училищахъ получали жалованья по 171 руб. 59 коп. въ годъ! Объ учебныхъ пособіяхъ мы читаемъ въ отчетѣ, между прочимъ, слѣдующее: въ Покровскомъ училищѣ большая часть книгъ состояла изъ устарѣлыхъ учебниковъ или сочиненій безполезныхъ для училища, напр.: „Военная библіотека“, „Записки Желябужскаго“ (другія училища имѣли счастье обладать „Портфелемъ для хозяекъ“, „Русскимъ барабанщикомъ“, „Опытомъ о женщинахъ“, „Федрой“ Расина); въ Сергіевскомъ училищѣ половину библіотеки составляли устарѣлыя брошюры; въ Исаакіевскомъ училищѣ картины были попорчены мышами; въ Спасскомъ—образцы мѣховъ съѣдены молью; въ Самсоньевскомъ училищѣ не было ни ящиковъ подвижныхъ буквъ, ни счетовъ. Классные столы почти вездѣ были старой конструкціи, въ иныхъ училищахъ чрезвычайно ветхіе, отчасти развалившіеся. На содержаніе всѣхъ шестнадцати училищъ расходовалось около 12,750 руб. (сверхъ того, четыре изъ нихъ, какъ мы уже видѣли, помѣщались въ казенныхъ зданіяхъ). Сколько дѣтей обучалось въ городскихъ начальныхъ училищахъ до передачи ихъ въ вѣдѣніе города—этого въ отчетѣ коммиссіи, къ сожалѣнію, не показано; но, судя по тому, что въ первомъ учебномъ году послѣ передачи (1877—78) ихъ было въ 23 училищахъ 899, можно сказать утвердительно, что до передачи ихъ было въ 16-ти

училищахъ не многимъ развѣ болѣе шестисотъ, на городъ въ 800,000 жителей.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени перехода училищъ въ вѣдѣніе города—и положеніе ихъ успѣло уже значительно измѣниться къ лучшему. По словамъ безпристрастнаго свидѣтеля—инспектора народныхъ училищъ—для десяти училищъ квартиры были наняты вновь, помѣщенія прочихъ, за исключеніемъ четырехъ, реставрированы (а нѣкоторыя вмѣстѣ съ тѣмъ и расширены); „классныя комнаты въ новыхъ и передѣланныхъ помѣщеніяхъ просторны, свѣтлы, чисто содержатся и весело выглядятъ". Казанское (бывшее Благовѣщенское) училище", говоритъ инспекторъ, „преобразилось вполнѣ; хотя оно и осталось въ прежнемъ помѣщеніи, но я не узналъ этого помѣщенія; изъ темнаго, тѣснаго и грязнаго оно сдѣлалось свѣтлымъ, просторнымъ и чистымъ". Уже къ 1 января 1878 г. было открыто семь новыхъ училищъ (2 мужскихъ и 5 женскихъ); въ учебномъ 1878—1879 г. всѣхъ училищъ было сорокъ, къ началу учебнаго 1879—80 г.—*пятьдесятъ одно* (32 мужскихъ и 19 женскихъ). Въ два года, такимъ образомъ, число училищъ вообще утроилось, число женскихъ училищъ увеличилось почти вдесятеро. Учащихся къ 20-му августа 1879 г. было 1890: 1,275 мальчиковъ и 615 дѣвочекъ. Жалованье учителя или учительницы во всѣхъ училищахъ составляетъ 600 рублей, изъ которыхъ вычитается 50 рублей, если учитель или учительница не обучаетъ пѣнію, и еще 100 рублей—если учительница въ женскомъ училищѣ не обучаетъ рукодѣлію. Новая классная мебель, удовлетворяющая требованіямъ школьной гигіены, уже въ продолженіе перваго учебнаго года была заведена во всѣхъ новыхъ училищахъ и въ нѣсколькихъ старыхъ. На книги, учебныя пособія и другія классныя принадлежности (кромѣ мебели) въ тотъ же періодъ времени израсходовано болѣе 4,000 рублей. Общій расходъ на обзаведеніе и содержаніе училищъ уже въ продолженіе перваго учебнаго года превысилъ 40,000 рублей; до какой суммы онъ простирается въ настоящее время—это изъ имѣющихся у насъ данныхъ не видно, но такъ какъ на содержаніе каждаго училища ассигнуется 1750 руб., то уже одна эта статья расхода, при 51 училищѣ, составляетъ почти 90,000 рублей. Обзаведеніе каждаго вновь открываемаго училища обходится городу въ 500 рублей; содержаніе эксперта при городскомъ управленіи по учебной части [1]), запасныхъ учительницъ и канцеля-

[1]) Этотъ мудреный титулъ данъ педагогу, приглашенному городомъ для наблюденія за преподаваніемъ въ начальныхъ училищахъ, по требованію губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Г-нъ градоначальникъ находитъ, что дума вовсе не имѣетъ право назначать такого наблюдателя; присутствіе не согласилось съ этимъ мнѣніемъ и ограничилось перемѣной названія.

ріи при коммиссіи, завѣдующей училищами, составляетъ болѣе 6,000 рублей въ годъ, такъ что расходъ города на училища въ текущемъ году долженъ быть весьма близокъ къ 100,000 руб. [1]). Сравнительно съ населеніемъ Петербурга, число учащихся въ начальныхъ городскихъ училищахъ все еще крайне недостаточно [2]); но если развитіе школьнаго дѣла будетъ идти впередъ такъ же быстро, какъ въ первые два года, то мысль объ обязательномъ обученіи въ столицѣ скоро перестанетъ быть мечтою. Мысль эта завѣщана городу первымъ предсѣдателемъ городской училищной коммиссіи, слишкомъ рано умершимъ Ѳ. Ѳ. Эвальдомъ, однимъ изъ самыхъ достойныхъ дѣятелей нашего молодого самоуправленія—какихъ не много!

Пассивъ тринадцатилѣтнихъ счетовъ между городомъ и учебной администраціей можетъ быть сведенъ къ слѣдующимъ главнымъ даннымъ: дѣло народнаго образованія потеряло болѣе полу-милліона рублей; нѣсколько тысячъ дѣтей не получили начальнаго образованія и вступили въ жизнь вовсе неразвитыми умственно и нравственно; другія тысячи вынуждены были учиться въ холодныхъ, сырыхъ, тѣсныхъ классахъ, на вредной для здоровья мебели, съ самымъ скуднымъ запасомъ учебныхъ пособій, у учителей, отъ которыхъ нельзя было требовать ни достаточной подготовки, ни усердія къ дѣлу. Если сопоставить эти данныя съ результатомъ двухлѣтней дѣятельности города, то въ пользу самоуправленія получится новый, существенно важный доводъ, вполнѣ однородный съ тѣми, которые даетъ исторія нашего земства, но болѣе поразительный, вслѣдствіе обилія средствъ, которыми располагаетъ столица сравнительно съ провинціей.

III.

Развитіе образованія въ Россіи требуетъ совокупныхъ, дружныхъ усилій самоуправленія и администраціи. Мы видѣли, что́ можетъ сдѣлать первое, когда ему, наконецъ, удается приложить руку къ одной изъ величайшихъ работъ нашего времени; обнародо-

[1]) Съ обучающихся въ начальныхъ училищахъ городъ взимаетъ по 2 руб. въ годъ; въ сравненіи съ стоимостью содержанія училищъ это сумма совершенно ничтожная. При 2,000 учащихся, часть которыхъ, по бѣдности, освобождается отъ платы, она не можетъ составить и четырехъ тысячъ рублей въ годъ.

[2]) Нормальнымъ отношеніемъ числа учащихся къ населенію считается 1 : 7. По этой нормѣ число учащихся въ Петербургскихъ школахъ должно было бы составлять около ста тысячъ; но если принять во вниманіе число дѣтей, получающихъ домашнее воспитаніе, и въ особенности число приплыхъ, временныхъ и слѣдовательно безсемейныхъ жителей Петербурга, то страшная цифра должна будетъ значительно уменьшиться.

ванный недавно „Историческій очеркъ военно-учебныхъ заведеній, съ 1700 по 1880 годъ“ [1]) знакомитъ насъ съ дѣятельностью спеціальнаго административнаго вѣдомства, широко понимающаго свою роль въ той же общей, для всѣхъ одинаково важной, работѣ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ наши кадетскіе корпуса стояли совершенно особнякомъ отъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній; они удовлетворяли, болѣе или менѣе, своему спеціальному назначенію, доставляли арміи болѣе или менѣе годныхъ къ военной службѣ офицеровъ, но не оказывали никакого вліянія на поднятіе у насъ общаго уровня развитія и знаній. Реформа, предпринятая въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, имѣла въ виду вдвинуть военно-учебныя заведенія въ общую систему народнаго образованія, приготовлять въ нихъ сначала просто развитыхъ людей, а потомъ уже спеціалистовъ. Съ этою цѣлью рѣшено было отдѣлить спеціальные классы отъ общихъ, превративъ первые въ особыя *военныя училища*, а послѣдніе—въ общеобразовательныя учебныя заведенія военнаго вѣдомства, подъ названіемъ *военныхъ гимназій*. Устройство военныхъ гимназій предположено было согласовать съ современными требованіями педагогики, какъ по части воспитательной, такъ и по части учебной, допустивъ къ занятію воспитательскихъ должностей безразлично военныхъ и гражданскихъ чиновъ, имѣющихъ надлежащее образованіе. Осуществленіе реформы началось въ 1863 году; въ настоящее время она вполнѣ закончена, и до извѣстной степени можно уже судить о ея результатахъ.

---

[1]) Мы касаемся здѣсь только послѣдняго отдѣла этой книги, изображающаго настоящее положеніе военно-учебныхъ заведеній; другіе отдѣлы ея также не лишены интереса, хотя оффиціальная исторія кадетскихъ корпусовъ (внѣшняя организація и регламентація ихъ, назначеніе и увольненіе начальниковъ и т. п.) изложена авторомъ (г. Лалаевымъ) гораздо обстоятельнѣе, чѣмъ домашняя, внутренняя, закулисная ихъ жизнь. Отмѣтимъ одну любопытную подробность: въ „пунктахъ для перемѣны кадетскаго корпуса“, утвержденныхъ Екатериною II въ 1765 г., запрещено было подвергать кадетъ тѣлеснымъ наказаніямъ; но уже при императорѣ Александрѣ I они стали опять дѣломъ совершенно обыкновеннымъ и продолжали господствовать (хотя объ этомъ г. Лалаевъ и не упоминаетъ) и въ слѣдующее царствованіе. Замѣчательно также другое распоряженіе Екатерины (1772 г.): она приказала опредѣлять въ кадетскій корпусъ, черезъ каждые три года, отъ 14 до 16 мѣщанскихъ сыновей, для приготовленія ихъ въ воспитатели и учители при томъ же корпусѣ. Помимо этой главной цѣли, отъ совмѣстнаго обученія воспитанниковъ-мѣщанъ съ кадетами-дворянами ожидалась и та польза, что послѣдніе, „привыкнувъ заблаговременно не пренебрегать тѣми, кои законами общества опредѣлены къ нижнему противу нихъ состоянію, научатся исподволь судить о людяхъ по прямымъ достоинствамъ, а не по дѣламъ, нимало отъ нихъ независящимъ“. Была ли осуществлена эта мѣра и къ какимъ она привела результатамъ — мы изъ книги г. Лалаева, къ сожалѣнію, не узнаемъ.

Военныя гимназіи—заведенія главнымъ образомъ военныя только по вѣдомству и по связи, существующей между ними и военными училищами. Курсъ ученія, для нихъ установленный, соотвѣтствуетъ основнымъ требованіямъ общаго реальнаго образованія. Отъ прусскихъ реальныхъ училищъ перваго разряда военныя гимназіи отличаются существенно только тѣмъ, что въ послѣднихъ не проходится латинскій языкъ; между военными гимназіями и нашими гражданскими реальными училищами нѣтъ и этой разницы. Курсъ какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ, семилѣтній; на отечественный языкъ и словесность, иностранные языки (французскій и нѣмецкій), математику, исторію и географію въ военныхъ гимназіяхъ приходится бо́льшее число уроковъ, чѣмъ въ реальныхъ училищахъ, на естественную исторію, физику и начала химіи—одинаковое число уроковъ; въ реальныхъ училищахъ удѣляется больше времени только на начертательныя искусства. При несомнѣнной потребности нашего общества въ реальномъ образованіи, военныя гимназіи имѣютъ для него, такимъ образомъ, весьма важное значеніе. Неудивительно, что число ихъ постоянно растетъ и достигло уже восемнадцати, съ 7,617 учениками (въ томъ числѣ двѣ тысячи экстерновъ), между тѣмъ какъ по штату ихъ полагается менѣе семи тысячъ. Прежде въ число воспитанниковъ военныхъ гимназій принимались только лица привилегированныхъ сословій; теперь изъ числа восемнадцати гимназій шесть открыты для лицъ всѣхъ сословій (съ тѣмъ ограниченіемъ, что они могутъ поступать лишь въ экстерны). Объ успѣшности занятій въ военныхъ гимназіяхъ и другихъ, равныхъ имъ военно-учебныхъ заведеніяхъ могутъ дать понятіе слѣдующія среднія цифры, выведенныя за десятилѣтіе съ 1869 по 1879 г.: изъ числа 5,360 учащихся выбывало ежегодно по окончаніи курса 502, до окончанія курса—495, т.-е. производительная убыль почти равнялась непроизводительной; какъ та, такъ и другая составляла около 9% общаго числа учащихся. Этотъ результатъ и самъ по себѣ можетъ быть признанъ весьма благопріятнымъ [1]); но для правильной оцѣнки его необходимо прибавить, что изъ числа 495 учениковъ, выбывавшихъ до окончанія курса, 122, т.-е. почти четвертая часть, были переводимы въ военныя прогимназіи, сохраняя такимъ образомъ возможность окончить курсъ ученья, хотя и менѣе полный. Поводомъ къ переводу въ прогимназіи служилъ какъ неуспѣхъ въ наукахъ (112 случаевъ), такъ и дурное поведеніе (10 случаевъ); ученики послѣдней категоріи

[1]) Въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія отношеніе числа окончившихъ курсъ къ числу учащихся колебалось, въ продолженіе семи лѣтъ, между 2,1 и 2,8%. Окончило курсъ въ теченіе шести лѣтъ (1872—77) 6,511 человѣкъ, выбыло до окончанія курса—51,406.

опредѣлялись въ вольскую прогимназію, предназначенную спеціально для нравственнаго исправленія наиболѣе испорченныхъ воспитанниковъ военныхъ гимназій и прогимназій. Цѣль эта достигается не только усиленіемъ надзора, но и организаціей ремесленныхъ и земледѣльческихъ работъ, а также добавочныхъ внѣ-классныхъ занятій искусствами. Значительное число учениковъ, подлежавшихъ исключенію изъ заведеній, предохраняется такимъ образомъ отъ окончательной гибели; военное вѣдомство предоставляетъ ихъ на произволъ судьбы только тогда, когда ничего больше не можетъ для нихъ сдѣлать. Какъ ни важно указанное нами назначеніе военныхъ прогимназій, польза, приносимая ими, этимъ, конечно, не исчерпывается. Онѣ увеличиваютъ собою число учебныхъ заведеній, въ которыхъ можно пріобрѣсти законченный кругъ элементарныхъ свѣдѣній, и, сверхъ того, облегчаютъ поступленіе въ юнкерскія училища, о которыхъ мы сейчасъ упомянемъ [1]).

Способствуя распространенію общаго образованія, военно-учебныя заведенія достигаютъ и своей спеціальной цѣли. Къ военнымъ гимназіямъ примыкаютъ военныя училища (числомъ шесть, если присоединить къ нимъ спеціальные классы корпусовъ пажескаго и финляндскаго), къ военнымъ прогимназіямъ — юнкерскія училища, организованныя въ 1864 г. (числомъ шестнадцать); какъ тѣ, такъ и другія снабжаютъ войско офицерами, въ различной степени подготовленными, но во всякомъ случаѣ прошедшими и общій, и спеціальный курсъ ученья. Въ 1867 г. отношеніе офицеровъ, получившихъ образованіе, ко всему наличному комплекту офицеровъ, равнялось 44%; въ настоящее время оно составляетъ уже 70%. Изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній наименьшею замкнутостью отличаются именно спеціально военныя: не только въ юнкерскія, но и въ военныя училища допускаются лица всѣхъ сословій. Компетентные судьи признаютъ, что боевая способность нашей арміи, со времени реформы военно-учебныхъ заведеній, ничуть не уменьшилась; чтобы убѣдиться въ этомъ, стóитъ только припомнить образъ дѣйствій нашихъ офицеровъ во время войны 1877—78 гг.

Чрезвычайно характеристична для военно-учебнаго вѣдомства исторія устроеннаго имъ, въ 1864 г., педагогическаго музея. Первоначальнымъ назначеніемъ его, вмѣстѣ съ центральной педагогической библіотекой, было снабженіе военно-учебныхъ заведеній учебными

[1]) Всѣхъ военныхъ прогимназій въ настоящее время восемь, съ 1798-ю учениками (одна изъ нихъ, ярославская, предназначена къ обращенію въ военную гимназію). Среднее за десять лѣтъ число учащихся въ прогимназіяхъ простиралось до 2,480 человѣкъ; изъ нихъ выбывало ежегодно по окончаніи курса—427 (около 18%), до окончанія курса—267 (около 11%).

пособіями; но эта скромная роль скоро усложнилась другою, гораздо болѣе обширною. Уже въ 1866 г. была устроена музеемъ первая публичная выставка учебныхъ пособій. Въ 1870 г. при музеѣ была учреждена особая коммиссія, на обязанность которой было, между прочимъ, возложено слѣдить за всѣми учебными и воспитательными пособіями, появляющимися въ Россіи и за границей, *содѣйствуя мѣстному ихъ у насъ производству и возможному удешевленію*, и устроивать правильное и возможно-полное пользованіе коллекціями музея, посредствомъ объяснительныхъ лекцій (преимущественно по методикѣ и дидактикѣ начальнаго обученія). По поводу участія музея въ московской политехнической выставкѣ (1872 г.), коммиссіею былъ изданъ полный систематическій обзоръ имѣющихся въ музеѣ пособій по обученію и воспитанію, съ критическою ихъ оцѣнкой. Въ 1871 г. музей и библіотека вошли въ составъ общаго музея прикладныхъ знаній, и къ задачамъ коммиссіи присоединилось распространеніе полезныхъ свѣдѣній въ массѣ населенія. Съ этою цѣлью она стала устроивать не только публичныя лекціи по нѣкоторымъ научнымъ предметамъ, но и популярныя чтенія для солдатъ и *для народа*. Лучшія изъ чтеній, произнесенныхъ въ аудиторіяхъ музея, печатаются въ видѣ дешевыхъ брошюръ, которыхъ разошлось уже *около милліона экземпляровъ*. Помимо всего этого коммиссія музея разработала, съ помощію спеціалистовъ, нѣсколько вопросовъ школьной гигіены, одинаково важныхъ, безъ сомнѣнія, для всѣхъ учебныхъ заведеній, напр. вопросовъ объ образцовой классной комнатѣ, о вліяніи школы на зрѣніе воспитанниковъ, о явленіяхъ утомленія при умственныхъ занятіяхъ, и т. п. И въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, военно-учебное вѣдомство, работая для себя, работало вмѣстѣ съ тѣмъ на пользу общаго народнаго образованія. Если припомнить, въ заключеніе, что военному министерству Россія обязана открытіемъ высшихъ женскихъ врачебныхъ курсовъ, то можно ли отрицать, что централизація учебнаго дѣла, какъ бы она ни была логична въ теоріи, не всегда желательна на практикѣ? Основательно ли требовать, во имя отвлеченнаго принципа, уничтоженія такого порядка вещей, при которомъ, какъ сказано было недавно въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній, „недостатокъ одного вѣдомства можетъ восполниться и получить поправки въ другомъ?“ Конечно, устройство народныхъ чтеній не принадлежитъ къ числу задачъ военнаго вѣдомства и ближе касается министерства *народнаго* просвѣщенія; но едва ли найдется прямолинейный формалистъ, способный воскликнуть: „лучше полное отсутствіе народныхъ чтеній, чѣмъ организація ихъ неподлежащей властью!“

IV.

Въ послѣднее время ходило не мало слуховъ и предположеній въ области законодательства и судебной администраціи, и изъ нихъ нѣкоторыя успѣли уже обратиться и въ факты. Остановимся на тѣхъ изъ нихъ, которыя заслуживаютъ больше вниманія.

Наши гражданскіе законы отличаются, какъ извѣстно, крайне казуистическимъ характеромъ. Изданные бо́льшею частью по поводу отдѣльныхъ случаевъ, они содержатъ въ себѣ мало общихъ положеній, подъ которыя легко могли бы быть подведены разнообразныя явленія жизни. Опредѣляя, напримѣръ, порядокъ усыновленія дворянами, купцами, мѣщанами, крестьянами, нижними чинами, иностранцами, первая часть X-го тома умалчиваетъ объ усыновленіи почетными гражданами, вслѣдствіе чего оно допускалось до сихъ поръ лишь по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ. На дняхъ обнародованъ законъ, пополняющій этотъ пробѣлъ—распространеніемъ на почетныхъ гражданъ, съ незначительными измѣненіями, правилъ объ усыновленіи, существующихъ для лицъ купеческаго сословія. Вопросъ о томъ или другомъ порядкѣ усыновленія не имѣетъ, самъ по себѣ, большого значенія, и мы не остановились бы на немъ, еслибы съ нимъ не былъ тѣсно связанъ другой, существенно важный вопросъ: о правѣ усыновлять своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей. Усыновленіе купцами допускается по закону въ томъ лишь случаѣ, если окажется, что воспитанникъ, объ усыновленіи котораго подана просьба, не есть незаконнорожденный сынъ просителя. Правило это распространено новымъ закономъ и на почетныхъ гражданъ. Мы не думаемъ, чтобы это доказывало неизмѣнность взгляда, котораго до сихъ поръ держалось наше законодательство по отношенію къ незаконнорожденнымъ. Если вновь изданный законъ не отмѣнилъ для почетныхъ гражданъ ограниченія, установленнаго для купцовъ, то это можетъ быть объяснено частнымъ характеромъ новаго закона. При общемъ пересмотрѣ узаконеній объ усыновленіи и о незаконнорожденныхъ, который, вѣроятно, не заставитъ долго ждать себя, ограниченіе, упомянутое нами, едва ли останется въ силѣ, тѣмъ болѣе, что и теперь уже оно не существуетъ для мѣщанъ и крестьянъ.

Доказательство тому, что улучшеніе участи незаконнорожденныхъ не можетъ быть признано *несвоевременнымъ*, мы видимъ прежде всего въ замѣчательномъ узаконеніи, изданномъ года полтора тому назадъ въ великомъ княжествѣ финляндскомъ. Намъ приходилось еще недавно ссылаться на финляндскіе законы, по вопросу о наслѣдованіи женщинъ; такое же любопытное указаніе они могутъ дать

намъ и въ настоящемъ случаѣ. Съ 1878 г. незаконнорожденныя дѣти въ Финляндіи получили право наслѣдства послѣ матери, даже при существованіи у нея законныхъ дѣтей (но въ половинномъ, сравнительно съ ними, размѣрѣ). Еще важнѣе то, что на отца незаконнорожденнаго ребенка возложена, наравнѣ съ матерью, обязанность содержать и воспитывать его, пока онъ не будетъ въ состояніи самъ поддерживать свое существованіе. Это послѣднее постановленіе предполагаетъ право незаконнорожденнаго (или лицъ, охраняющихъ его интересы) доказывать рожденіе свое отъ извѣстнаго отца (recherche de la paternité, запрещаемая французскимъ закономъ, но дозволяемая нѣкоторыми другими западно-европейскими законодательствами), или по меньшей мѣрѣ право отца признавать незаконнорожденныхъ дѣтей своими. Какъ бы то ни было, по финляндскому закону, утвержденному Государемъ Императоромъ, незаконнорожденныя дѣти не могутъ болѣе почитаться безправными. Что могло бы помѣшать русскому законодательству вступить на ту же дорогу? Обычаи или взгляды народа? Усыновленіе отцомъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, включеніе ихъ въ семью посредствомъ послѣдующаго брака отца съ ихъ матерью, предоставленіе имъ права наслѣдованія послѣ отца, въ особенности при отсутствіи законныхъ дѣтей—все это, какъ видно изъ трудовъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ и изъ книги С. В. Пахмана („Обычное гражданское право въ Россіи"),—явленія вполнѣ нормальныя и повседневныя въ жизни русскаго народа. Политическія соображенія?—Чѣмъ меньше неполноправныхъ, приниженныхъ, обдѣленныхъ судьбою, тѣмъ больше обезпечено спокойствіе государства. Святость брака?—Не говоря уже о томъ, что незаконнорожденные дѣти—не участники въ винѣ своихъ родителей, никто не предлагаетъ безусловно, во всѣхъ отношеніяхъ уравнять ихъ съ законнорожденными. Общественная нравственность?—Она будетъ ограждена гораздо больше, когда нарушеніе ея будетъ возлагать на нарушителя извѣстныя обязанности, когда виновнымъ будетъ предоставлена возможность уничтожить, хотя отчасти, вредныя послѣдствія своего увлеченія [1]).

[1]) Вопросъ о незаконнорожденныхъ, до сихъ поръ мало разработанный въ нашей литературѣ, возбужденъ въ ней недавно сочиненіемъ г. Загоровскаго: „Незаконнорожденные по саксонскому и французскому гражданскому кодексамъ, въ связи съ принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса о незаконнорожденныхъ вообще" (Кіевъ, 1879), и рефератомъ профессора Кистяковскаго, читаннымъ въ сентябрѣ и октябрѣ прошедшаго года въ кіевскомъ юридическомъ обществѣ (начало его напечатано въ № 1 Журн. Гражд. и Угол. Права за 1880 г.). Изъ реферата г. Кистяковскаго мы узнаемъ, что запрещенное у насъ узаконеніе незаконнорожденныхъ посредствомъ послѣдующаго брака родителей (legitimatio per subsequens matrimonium) допускается даже турецкимъ законодательствомъ.

Если безправіе незаконнорожденныхъ не должно и не можетъ болѣе быть возводимо въ принципъ, то однимъ изъ лучшихъ средствъ для противодѣйствія ему представляется именно свободное усыновленіе отцами незаконнорожденныхъ дѣтей своихъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда усыновленіе вообще разрѣшено закономъ [1]). Принятіе отцомъ на воспитаніе незаконнорожденнаго своего ребенка свидѣтельствуетъ о готовности его загладить, насколько это возможно, свою вину; понятно, что изъ того же источника проистекаетъ желаніе обезпечить будущность ребенка, упрочить положеніе его въ обществѣ. Такая готовность, такое желаніе заслуживаютъ поощренія, а не стѣсненія. Предупредить усыновленіе собственнаго незаконнорожденнаго ребенка—запретительный законъ, притомъ, часто не въ силахъ. Въ метрическомъ свидѣтельствѣ о незаконномъ рожденіи означается мать незаконнорожденнаго, но, конечно, не означается его отецъ. Опредѣлить, кто именно отецъ незаконнорожденнаго, можно только путемъ изслѣдованія, крайне щекотливаго и тѣмъ болѣе затруднительнаго, чѣмъ больше времени прошло послѣ рожденія ребенка; достовѣрность результата, добытаго изслѣдованіемъ, въ большинствѣ случаевъ — весьма гадательнаго свойства. Отецъ, желающій усыновить своего ребенка, не всегда разборчивъ въ выборѣ средствъ къ достиженію своей цѣли; то же самое слѣдуетъ сказать и о лицахъ, интересы которыхъ несовмѣстны съ успѣхомъ ходатайства объ усыновленіи. Съ обѣихъ сторонъ можно ожидать попытокъ нарушить правильный ходъ изслѣдованія, затмить или исказить истину, обмануть присутственное мѣсто, отъ котораго зависитъ усыновленіе. Положимъ, что лицо, объ усыновленіи котораго подана просьба—дѣйствительно незаконнорожденное дитя просителя, и что родственники послѣдняго направляютъ всѣ свои усилія только къ обнаруженію этого тщательно скрываемаго факта; безнравственность такихъ усилій, порожденныхъ исключительно корыстью или тщеславіемъ, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, равно какъ и опасность, которою часто угрожаетъ раскрытіе семейной тайны. Задача законодательства—предупреждать, а не вызывать столкновенія частныхъ интересовъ, одинаково вредныя и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлаго общества.

Другая новость, заимствуемая нами изъ газетъ, касается образованія при министерствѣ юстиціи особой коммиссіи для обсужденія мѣръ къ болѣе правильному составленію списковъ присяжныхъ засѣдателей. Поводомъ къ этому послужилъ тотъ несомнѣнный фактъ,

---

[1]) Дѣйствующій законъ допускаетъ усыновленіе дворянами и купцами лишь въ случаѣ бездѣтности ихъ (т.-е. нежѣнія законныхъ дѣтей).

что въ списки присяжныхъ засѣдателей, особенно въ провинціи, вносится чрезвычайно мало лицъ изъ образованнаго класса общества, вслѣдствіе чего иногда даже бываетъ трудно составить присутствіе присяжныхъ, соотвѣтствующее требованію закона, т.-е. заключающее въ себѣ по меньшей мѣрѣ одного грамотнаго. Весьма часто присяжные не имѣютъ никакой свободы въ выборѣ своего старшины, такъ какъ *должны* предоставить это званіе единственному грамотному изъ ихъ среды. Между тѣмъ, грамотность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, печальный minimum знаній для старшины присяжныхъ. Его задача заключается не только въ томъ, чтобы написать, съ грѣхомъ пополамъ: „нѣтъ, не виновенъ“ или, „да, виновенъ“, и затѣмъ толково прочесть въ публичномъ засѣданіи вопросы суда и данные на нихъ отвѣты [1]), но и въ томъ, чтобы руководить совѣщаніями присяжныхъ, напоминать имъ объ ихъ правахъ и обязанностяхъ, повторять разъясненія, данныя предсѣдательствующимъ на судѣ. Для правильнаго исполненія этой задачи нужна извѣстная степень умственнаго развитія, которой грамотность, сама по себѣ, еще не доказываетъ. Съ другой стороны, если изъ числа присяжныхъ только одинъ принадлежитъ къ образованному классу общества, онъ можетъ пріобрѣсти слишкомъ подавляющее вліяніе на всѣхъ остальныхъ. Вполнѣ удовлетворительнымъ можно считать только такой составъ присяжныхъ, въ которомъ по крайней мѣрѣ два или три лица не уступаютъ, по степени развитія, судьямъ, обвинителю и защитнику. Неграмотные или полуграмотные присяжные могутъ быть и очень часто бываютъ отличными судьями факта; но въ предварительной работѣ, предшествующей рѣшенію—въ согласеніи противорѣчій, въ взаимной повѣркѣ впечатлѣній, въ критической оцѣнкѣ личныхъ взглядовъ, высказанныхъ сторонами, въ устраненіи всего того, что напрасно внесено ими въ дѣло—участіе лицъ, болѣе образованныхъ, во многихъ случаяхъ должно быть признано чрезвычайно важнымъ [2]). Разъясненія предсѣдательствующаго

---

[1]) Уголовный кассаціонный департаментъ правительствующаго сената признаетъ, и совершенно правильно, что лицо малограмотное не можетъ быть старшиною присяжныхъ, такъ какъ подъ именемъ грамотнаго законъ разумѣетъ лицо, могущее не только читать и писать, но и понимать написанное. Вопреки этому общему положенію, однако, сенатъ неоднократно оставлялъ въ силѣ рѣшенія такого состава присяжныхъ, старшина котораго затруднялся прочесть публично вопросы суда, а иногда и собственные свои отвѣты. Такое отступленіе отъ смысла закона и отъ начала, установленнаго самимъ сенатомъ, можетъ быть объяснено только убѣжденіемъ сената, что избраніе малограмотнаго или полуграмотнаго старшины иногда представляется неизбѣжнымъ.

[2]) Польза такого участія въ особенности чувствуется тогда, когда самый предметъ дѣла (напр. въ дѣлахъ о подлогѣ, злостномъ банкротствѣ, утонченномъ мо-

на судѣ не могутъ замѣнить этого условія уже потому, что предсѣдательствующій не присутствуетъ при совѣщаніи присяжныхъ и лишенъ, въ большинствѣ случаевъ, возможности знать, что̀ именно ихъ затрудняетъ или вводитъ въ заблужденіе.

Общіе и очередные списки присяжныхъ засѣдателей составляются для каждаго уѣзда коммиссіею, избираемою уѣзднымъ земскимъ собраніемъ (а въ столицахъ—соединеннымъ засѣданіемъ думы и уѣзднаго земскаго собранія). Этотъ порядокъ, самъ по себѣ, не требуетъ измѣненій; необходимо только установить правила, въ силу которыхъ обязанность, одинаково важная для всего общества, не могла бы быть возлагаема почти исключительно на однихъ неграмотныхъ или малограмотныхъ его членовъ. Достигнуть этого предполагается обязательнымъ включеніемъ въ списки, въ извѣстномъ процентномъ отношеніи къ общему числу присяжныхъ по данной мѣстности, лицъ, получившихъ высшее, среднее и затѣмъ хоть какое-нибудь образованіе. Наказаніе за уклоненіе отъ исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя и за содѣйствіе такому уклоненію предполагается усилить, продолжительность сессіи — уменьшить до одной недѣли. Неполнота списковъ, замѣчаемая въ настоящее время, зависитъ, между прочимъ, отъ неточнаго соблюденія закона, въ которомъ перечислены различныя категоріи лицъ, подлежащихъ призыву къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей. Принадлежность къ нѣкоторымъ изъ этихъ категорій опредѣляется безъ всякаго затрудненія, и лица, входящія въ ихъ составъ (напр., несущія государственную и гражданскую службу, или владѣющія въ уѣздѣ землею) включаются въ списки, развѣ если коммиссія намѣренно потворствуетъ освобожденію ихъ отъ лежащей на нихъ по закону обязанности; но лица другихъ, не столь ярко разграниченныхъ категорій (напр. получающія извѣстный доходъ—въ столицахъ не менѣе пятисотъ, въ другихъ мѣстахъ не менѣе двухъ-сотъ рублей въ годъ—отъ своего занятія, ремесла или промысла), могутъ не попасть и, дѣйствительно, сплошь да рядомъ не попадаютъ въ списки исключительно вслѣдствіе небрежности коммиссіи. Чтобы предупредить такую небрежность, сто́итъ только регулировать дѣятельность коммиссій, теперь не подчиненныхъ, de facto, никакому контролю.

Но какъ бы опредѣленна ни была инструкція, данная коммиссіямъ, какъ бы удовлетворительны ни были составленные на основаніи ея списки, все это не приведетъ къ желанной цѣли, если не будетъ устранена другая причина, вредно вліяющая на составъ при-

---

шеничествѣ) или часть судебнаго производства (напр. экспертиза по вопросу о вмѣняемости) трудно доступны для пониманія большинства присяжныхъ.

сутствія присяжныхъ засѣдателей. Эта причина—широкое право отвода присяжныхъ, предоставленное сторонамъ, и установившійся на практикѣ способъ пользованія этимъ правомъ. Послѣдствіемъ отвода слишкомъ часто бываетъ удаленіе изъ числа присяжныхъ, дѣйствительно призываемыхъ къ отправленію правосудія, всѣхъ или почти всѣхъ лицъ, сколько-нибудь образованныхъ. Въ большинствѣ случаевъ такія лица отводятся обвинителемъ, потому что они менѣе подчиняются его авторитету, болѣе склонны къ оправдательнымъ или мягкимъ приговорамъ; иногда они отводятся и защитой—напримѣръ, въ дѣлахъ о побояхъ, о злоупотребленіяхъ отцовскою или супружескою властью, къ которымъ купцы, мѣщане и крестьяне относятся, вообще говоря, снисходительнѣе, чѣмъ лица другихъ сословій. Какъ бы добросовѣстно и внимательно ни дѣйствовали коммиссіи, во многихъ уѣздахъ число присяжныхъ изъ образованнаго класса общества по необходимости будетъ крайне незначительно. Предположимъ, что они составляютъ, въ данную сессію, пятую часть общаго числа комплектныхъ присяжныхъ (6 изъ 30); все-таки они могутъ всѣ до одного быть отведены обвиненіемъ или защитой [1]). Если немногіе изъ нихъ и останутся не отведенными, они легко могутъ не войти въ составъ присутствія (т.-е. жребій можетъ не пасть ни на одного изъ нихъ). Намъ кажется, что интересы правосудія были бы вполнѣ ограждены, еслибы каждой сторонѣ предоставлено было отводить, безъ объясненія причинъ, не болѣе двухъ или трехъ присяжныхъ засѣдателей. Право немотивированнаго отвода имѣетъ цѣлью устранить изъ состава суда тѣхъ присяжныхъ, которые, несмотря на отсутствіе законныхъ поводовъ къ отводу, не представляютъ достаточно гарантій спокойнаго, безпристрастнаго отношенія къ дѣлу. За самыми рѣдкими исключеніями, такихъ лицъ не можетъ быть много,—а при поголовномъ или сильно распространенномъ пристрастіи въ пользу или противъ подсудимаго не поможетъ и самое широкое право отвода. Ограничить фактическое пользованіе правомъ отвода безъ измѣненія закона, опредѣляющаго его размѣры, едва ли возможно. Министерство юстиціи могло бы, конечно, предписать прокурорамъ отводить присяжныхъ съ надлежащею осторожностью и безъ предвзятой мысли, но въ концѣ-концовъ исполненіе этого предписанія все-таки пришлось бы предоставить усмотрѣнію обвинителей, а защитникамъ никто не могъ бы и предписать чего-либо подобнаго. Контроль общественнаго мнѣнія за тенденціознымъ отводомъ немыслимъ въ виду того, что имена

[1]) Прокуроръ или частный обвинитель имѣетъ право отвести не болѣе шести присяжныхъ, а подсудимому предоставляется отвести ихъ столько, чтобы изъ числа тридцати осталось не менѣе восемнадцати неотведенныхъ лицъ. Отводъ въ обоихъ случаяхъ производится безъ объясненія причинъ.

отводимыхъ присяжныхъ просто вычеркиваются изъ списка, безъ означенія и объявленія, кѣмъ они вычеркнуты; да и можно ли, притомъ, серьёзно говорить о контролѣ общественнаго мнѣнія надъ дѣятельностью провинціальныхъ судовъ?

Одна изъ нашихъ газетъ выразила желаніе, чтобы предположенія, на которыхъ остановится коммиссія, были оглашены путемъ печати. Въ виду важности предмета и необходимости освѣтить его со всѣхъ сторонъ данными, почерпнутыми изъ опыта, желаніе это представляется какъ нельзя болѣе законнымъ. Успѣшное разрѣшеніе задачи, возложенной на коммиссію, уменьшитъ, быть можетъ, число и настойчивость нападеній, слишкомъ часто грозящихъ опасностью нашему суду присяжныхъ.

V.

Въ половинѣ марта появилась въ Петербургѣ новая газета—„Берегъ". Въ первыхъ же ея нумерахъ мы прочли, между прочимъ, статью, подъ заглавіемъ: „Новыя силы", посвященную размышленіямъ по поводу современнаго состоянія реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Если редакція хотѣла на первыхъ же порахъ обратить на себя вниманіе выборомъ предмета, наиболѣе интереснаго для публики,—то она въ этомъ отношеніи нисколько не ошиблась. Кому дороги интересы нарастающихъ поколѣній, тотъ, конечно, не пройдетъ мимо такого предмета. По мнѣнію „Берега", „реальныя училища, если можно такъ выразиться, своего рода—materia grata: или хвали, или строго соблюдай фигуру умолчанія". Реальныя училища въ томъ видѣ, какъ они существуютъ теперь, основаны нынѣшнимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, и потому вышеприведенныя слова газеты мы поняли сначала какъ заявленіе о томъ, что будто о нихъ нельзя говорить иначе, какъ съ цѣлью похвалы. Но въ то же время за упомянутымъ заявленіемъ слѣдуетъ цѣлая статья, которую никакъ нельзя признать ни особою „хвалою", ни „фигурою умолчанія". Оказывается, однако, что для хулителей опасность представляется не со стороны администраціи, а со стороны „либераловъ", будто бы особенно покровительствующихъ реальнымъ училищамъ; но вѣдь эти „либералы" не участвовали нисколько ни въ составленіи устава реальныхъ училищъ, ни въ ихъ устройствѣ. Сама газета тутъ же указываетъ на такой фундаментальный ихъ недостатокъ: реальныя училища открыты, а никто не подумалъ предварительно приготовить для нихъ учителей; въ такомъ же положеніи были и классическія гимназіи, гдѣ

было открыто преподаваніе греческаго языка, а учителей не было; но для восполненія такого недостатка выписали чеховъ, а въ реальныя училища, по словамъ газеты, назначили учителями бухгалтеріи—студентовъ юридическаго факультета. Но надобно думать, что такія назначенія дѣлали не либералы. По мнѣнію газеты, въ реальныхъ училищахъ даже преподаваніе математики поставлено ниже, чѣмъ въ классическихъ, „иначе, говоритъ она, не имѣло бы объясненія запрещеніе — принимать въ университетъ даже и тѣхъ реалистовъ, которые въ состояніи обнаружить знаніе въ древнихъ языкахъ въ полномъ размѣрѣ программы гимназій". Но и въ этомъ дѣлѣ въ чемъ же виноваты либералы? Только на этотъ разъ газета ошибается: при сравненіи программъ по математикѣ и времени, затрачиваемомъ на ихъ преподаваніе, реальныя училища нисколько не ниже гимназій, а въ такомъ случаѣ „запрещеніе принимать въ университетъ даже и тѣхъ реалистовъ, которые въ состояніи обнаружить знаніе въ древнихъ языкахъ въ полномъ размѣрѣ программы гимназій", — должно остаться для редакціи „Берега" безъ „объясненія".

Продолжая далѣе развивать свою мысль и желая доказать всю негодность реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, авторъ статьи приходитъ къ такому заключенію: „реальныя училища — депо для неудачниковъ, оставившихъ гимназію". Но какъ могутъ быть виновны реальныя училища въ томъ, что гимназіи обилуютъ „неудачниками"— этого авторъ статьи не объясняетъ, и даже говоритъ ниже, что предпочтеніе къ реальнымъ училищамъ со стороны родителей „есть своего рода нелѣпый, но *понятный* протестъ противъ классической системы". Допустивъ „понятность" этого „протеста", статья въ то же время смѣется надъ родителями, которые отдаютъ своихъ дѣтей, „въ упрекъ классической системѣ", въ реальныя училища. Но давно ли мы живемъ въ такомъ изобиліи, что родители могутъ выбирать между реальнымъ училищемъ и гимназіей; ежегодно печатаемыя извѣстія о массѣ непринятыхъ, по недостатку мѣста, въ учебныя заведенія, хотя и выдержавшихъ экзаменъ, кажется, должны были бы внушить редакціи „Берега" мысль, что родителямъ не до выбора. Мы еще недавно представили примѣръ, что въ одномъ мѣстѣ родители отдали сына въ училище малолѣтнихъ преступниковъ, такъ какъ никуда не могли опредѣлить его. Вѣдь не скажетъ же редакція „Берега", что это было сдѣлано „въ упрекъ классической системѣ". Относительно же „неудачниковъ" изъ классическихъ гимназій, спросимъ автора статьи: а еслибы они не поступили въ реальныя училища, то развѣ они тѣмъ

самымъ перестали бы представлять изъ себя „подходящій народъ, къ которому пишутся воззванія?“

Каково же общее заключеніе статьи? „Общее заключеніе, какое можетъ быть сдѣлано относительно реальныхъ училищъ (министерства народнаго просвѣщенія) вытекаетъ само собою: не только тѣ изъ реалистовъ, которые не оканчиваютъ курса, *но и тѣ, которые доходятъ до конца*, ни на что неспособны: у нихъ нѣтъ ни достаточнаго общаго образованія, ни хоть какой-нибудь подготовки къ практической дѣятельности. Въ головѣ реалиста какой-то сумбуръ, и, какъ даетъ понять отчетъ по одному изъ учебныхъ округовъ, пораженіе способности къ отвлеченному мышленію, неумѣнье сообразить и построить простѣйшую задачу, напримѣръ, технической химіи“.

Чтобы не быть заподозрѣннымъ въ преувеличеніи, авторъ благоразумно ссылается на показаніе оффиціальнаго лица, котораго попеченіямъ ввѣрены реальныя училища его округа.

Что же тутъ дѣлать, по мнѣнію автора: „Одно изъ двухъ,—говоритъ онъ,—или реальныя училища—общеобразовательныя заведенія, тогда для окончившихъ ученіе въ нихъ *должны быть допущены и всѣ послѣдствія общаго образованія*. Или же это школы *нѣкотораго* (курсивъ въ статьѣ) образованія и технической подготовки, но тогда онѣ должны быть приспособлены къ этой цѣли“. Въ теоріи нельзя съ этимъ не согласиться, да и на практикѣ такъ устроены реальныя училища въ Германіи: тамъ они также общеобразовательныя заведенія и вмѣстѣ профессіональныя. Это впрочемъ очень хорошо извѣстно и автору статьи въ „Берегѣ“: „Однихъ, — говоритъ онъ, — нѣмецкая реальная школа готовитъ прямо къ практикѣ, другихъ же подготавливаетъ въ высшую спеціальную школу, назначенную для образованія практиковъ такой или иной технической дѣятельности“; дополнимъ эти слова напоминовеніемъ автору, что въ Германіи изъ реальныхъ училищъ допускается пріемъ не въ одни высшія спеціальныя школы, а также и въ нѣкоторые изъ факультетовъ. Но не въ этомъ дѣло; авторъ далѣе спрашиваетъ: „Что будетъ теперь (у насъ), послѣ введенія ограниченій для поступленія въ разныя спеціальныя заведенія Петербурга, до сихъ поръ безгранично допускавшія приписку (?) реалистовъ,—сказать трудно“. Впрочемъ, ниже, у автора разъясняется то, что затруднило его въ эту минуту. „Не одинъ, напримѣръ, изъ елисаветградскихъ поссессоровъ затруднялся вопросомъ: что же дѣлать со своимъ сыномъ, пріѣхавшимъ домой послѣ окончательнаго экзамена (въ реальномъ училищѣ)? Куда дѣвать его? Отпустить въ Петербургъ? — Но сынъ одного сосѣда чрезъ годъ возвратился изъ Петербурга, пора-

женный непривычнымъ климатомъ холоднаго сѣвера; сынъ другого сосѣда водворенъ на мѣсто жительства, съ воспрещеніемъ выѣзда; сынъ третьяго сосѣда водворенъ на мѣсто жительство совсѣмъ новое, и т. д. А теперь и доступъ въ учебныя заведенія затрудненъ. Между тѣмъ изъ Елисаветграда идутъ желѣзныя дороги въ три близкихъ университетскихъ города (Кіевъ, Харьковъ, Одесса); но реалистовъ въ университетъ не принимаютъ". Очевидно, что теперь „елисаветградскій поссессоръ" затруднится еще болѣе.

Авторъ, какъ мы видѣли, не знаетъ, „что̀ будетъ теперь" — но, тѣмъ не менѣе, въ заключеніи статьи, высказываетъ предположеніе, „что и безъ того уже чрезмѣрная масса, ничѣмъ незанятаго мыслящаго пролетаріата можетъ возрастать больше и больше, благодаря, между прочимъ, и реальнымъ училищамъ", т.-е., конечно, не зданіямъ ихъ, а тѣмъ условіямъ, въ которыя они поставлены уставомъ 1872 года, разсмотрѣннымъ въ статьѣ выше. Мы уже видѣли, какую альтернативу предлагаетъ авторъ на случай новаго разъясненія этого вопроса въ „скоромъ будущемъ": „Или реальныя училища — общеобразовательныя заведенія, тогда для окончившихъ ученіе въ нихъ должны быть допущены всѣ послѣдствія общаго образованія; или же это школы *нѣкотораго* (?) образованія и технической подготовки, но тогда онѣ должны быть приспособлены для этой цѣли; но въ нынѣшнемъ положеніи,—заключаетъ онъ,—дѣло оставаться не можетъ, если только нежелательно размноженіе класса людей, для которыхъ съ каждымъ годомъ труднѣе и труднѣе найти нормальное общественное положеніе; и нельзя ждать отъ такихъ людей спокойнаго отношенія къ обстановкѣ, окружающей ихъ жизнь, для которой они — лишніе". Во всемъ этомъ намъ показалось мало удовлетворительнымъ одно выраженіе, а именно, что для реальныхъ училищъ нужно, если не общее образованіе, то „нѣкоторое". Что̀ это значитъ? — не было ли бы проще сказать: то, которое авторъ выше самъ хвалитъ въ реальныхъ училищахъ Германіи?

Не имѣя, по особымъ причинамъ, никакой возможности полемизировать съ авторомъ „Новыхъ силъ",—мы строго ограничились резюмированіемъ его основныхъ идей въ предѣлахъ его же статьи. Мы, можетъ быть, не согласились бы съ нимъ относительно того, что̀ онъ говоритъ о двойственной, будто бы, цѣли реальныхъ училищъ; но — далѣе развивать нашего разсужденія мы не можемъ, такъ какъ намъ пришлось бы брать аргументы, конечно, не заключающіеся въ статьѣ. Точно также мы съ нимъ не согласились бы и въ его взглядѣ на какой-то „антагонизмъ двухъ міросозерцаній, двухъ абстрактно-политическихъ направленій", который, будто бы, выражаютъ собою классицизмъ и реализмъ; о какомъ тутъ „антаго-

низмѣ", да еще „абстрактно-политическихъ направленій", можетъ идти рѣчь, когда, по указанію самого „Берега", какъ мы видѣли выше, реальныя училища министерства народнаго просвѣщенія такъ устроены и такъ обставлены, что даже въ головѣ окончившаго курсъ въ реальномъ училищѣ является „какой-то сумбуръ", а отчетъ одного попечителя свидѣтельствуетъ при этомъ даже о „пораженіи способностей къ отвлеченному мышленію", а слѣдовательно — о неспособности вообще къ абстрактному мышленію, и въ частности — къ „абстрактно-политическому", на которое указываетъ выше авторъ статьи. Быть можетъ, „Берегъ" не правъ, давая такой аттестатъ реальнымъ училищамъ министерства народнаго просвѣщенія, устроившаго ихъ и руководившаго ими въ теченіи 8-ми лѣтъ,— но возраженіе на это, конечно, читатели ожидаютъ не отъ насъ, а отъ болѣе компетентныхъ лицъ и отвѣтственныхъ за такое или другое нынѣшнее положеніе реальныхъ училищъ. Точно также намъ не дано рѣшать вопроса, насколько справедливо или ложно приведенное нами выше весьма категорическое утвержденіе редакціи „Берега", а именно, что „въ нынѣшнемъ положеніи дѣло (реальныхъ училищъ) оставаться не можетъ, если только не желательно размноженіе класса людей, для которыхъ съ каждымъ часомъ труднѣе и труднѣе найти нормальное общественное положеніе; и нельзя ждать отъ такихъ людей спокойнаго отношенія къ обстановкѣ окружающей ихъ жизни, для которой они — лишніе". Не имѣя права ни утверждать такого положенія, ни отрицать,—мы такъ и оставляемъ его закрытымъ вопросомъ.

Но не всѣ разсуждаютъ такъ спокойно, какъ мы, и, напримѣръ, редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", на слѣдующій же день послѣ выхода въ свѣтъ упомянутой статьи „Берега", выступила на защиту реальныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ предупредила болѣе компетентныхъ людей въ вопросахъ подобнаго рода. Но, къ сожалѣнію, мы не нашли въ этой защитѣ ничего поучительнаго для читателя, такъ какъ она написана безъ соблюденія спокойствія духа, и даже, какъ говорится, „съ пѣною у рта", и притомъ писана какъ будто этою же самою пѣною, не имѣющею, конечно, ничего общаго съ классической пѣной, изъ которой родилась Афродита-Венера.

Наша хроника была уже заключена, когда въ „Голосѣ", № 79, появилось оффиціальное „опроверженіе", напечатанное газетою по требованію министерства народнаго просвѣщенія. Въ заключеніи этого „опроверженія" газетѣ „Голосъ" мы встрѣтили упоминовеніе и на-

шего журнала: министерство народнаго просвѣщенія, покончивъ съ главнымъ предметомъ, поставляетъ на видъ редакціи „Голоса", что прочія „нареканія" противъ нашихъ гимназій и прогимназій, упоминаемыя въ „Голосѣ", были неоднократно опровергаемы министерствомъ въ различныхъ газетахъ и журналахъ,—между послѣдними указанъ и „Вѣстникъ Европы". Желая оказать содѣйствіе редакціи „Голоса" въ пріисканіи указанныхъ ей опроверженій, полученныхъ нами отъ министерства народнаго просвѣщенія за 14-ть лѣтъ существованія журнала, приводимъ списокъ ихъ, прося притомъ обратить вниманіе и на данныя съ нашей стороны „Объясненія", безъ которыхъ намъ не случалось оставлять ни одного опроверженія или разъясненія:

1) „Объясненіе мин. нар. просв."—янв., 1872 г.—а въ февралѣ нашъ отвѣтъ на то (стр. 864 и слѣд.).

2) „Разъясненіе мин. нар. просв.—май, 1876 г.—а въ іюнѣ наше объясненіе (стр. 829—832).

3) „Опроверженіе мин. нар. просв."—авг., 1877 г.—а въ сентябрѣ наше объясненіе (стр. 376—382).

4) „Разъясненіе мин. нар. просв."—май, 1879 г.—а въ іюнѣ наше объясненіе (стр. 803 и слѣд.).

5) „Разъясненіе мин. нар. просв."—ноябрь, 1879 г.—а въ декабрьской книгѣ наше послѣднее объясненіе (стр. 885 и слѣд.).

По поводу послѣдняго нашего объясненія „Московскія Вѣдомости", полемизируя съ какимъ-то петербургскимъ корреспондентомъ „Journal des Débats", сообщили, съ своей стороны, цѣлую исторію, и отъ нихъ только мы узнали, что это послѣднее наше объясненіе явилось въ свѣтъ даже съ одобренія стороны, давшей самое „разъясненіе". Не ручаемся за достовѣрность изложеннаго „Москов. Вѣдомостями", и только сообщаемъ все это къ свѣдѣнію редакціи „Голоса", на случай если она приступитъ къ ознакомленію съ указанными ей опроверженіями министерства народнаго просвѣщенія въ другихъ изданіяхъ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 марта, 1880.

Сессія рейхстага передъ пасхальными вакаціями.

Нѣсколько дней тому назадъ, снова начались парламентскія вакаціи; первое собраніе рейхстага было 12 февраля, а 18 марта уже начались пасхальныя вакаціи,—и только 6 апрѣля рейхстагъ соберется снова. Короткая сессія, сверхъ всякаго ожиданія, оказалась спокойной, и можно надѣяться, что такой характеръ сессіи сохранится и послѣ Пасхи, хотя, конечно, самыя важныя дѣла еще не рѣшены. Сюда относится, во-первыхъ, предложеніе *противъ* усиленія арміи и измѣненій въ ея организаціи, во-вторыхъ, продолженіе закона противъ соціалистовъ. Оба предмета были, однако, уже обсуждаемы въ короткій промежутокъ послѣдней сессіи, и потомъ переданы въ коммиссіи, изъ совѣщаній которыхъ пока явствуетъ, что сущность желаній правительства будетъ удовлетворена.

Чтобы дать отчетъ о минувшихъ совѣщаніяхъ, необходимо немедленно заняться именно этими двумя предметами. Проектъ о военныхъ силахъ былъ представленъ вскорѣ послѣ созванія рейхстага. Какъ извѣстно, и теперь еще дѣйствуетъ имперскій военный законъ, назначающій для мирнаго контингента германскихъ имперскихъ войскъ 1% населенія и семилѣтній срокъ, т.-е. до конца 1881 г. Въ то время думали, что такой срокъ выбранъ удачно, такъ какъ онъ приблизительно совпадаетъ съ септеннатомъ маршала Макъ-Магона, и опасались, что по истеченіи этого французскаго септенната произойдутъ событія, которыя потребуютъ отъ Германіи бо́льшаго напряженія ея военныхъ силъ. Однако, человѣческая предусмотрительность опирается на весьма шаткую почву: въ это время во Франціи произошли никѣмъ непредвидѣнныя перемѣны. Одно только осталось неизмѣннымъ, а именно то, что французы при всякомъ правительствѣ проявляютъ одинаковую заботливость и любовь къ своей арміи, и, что какъ республиканское, такъ и монархическое, какъ умѣренное, такъ и радикальное, правительства одинаково тщательно заботятся о ней.

Законопроектъ, представленный теперь рейхстагу, содержитъ три главныхъ пункта: во-первыхъ, онъ требуетъ установленія новаго семилѣтія для мирнаго контингента войскъ, до истеченія марта 1888 г.; во-вторыхъ, усиленія мирнаго контингента на одинъ процентъ изъ прироста населенія за это время, и учрежденія соотвѣтственныхъ

кадровъ; въ-третьихъ, введенія военныхъ упражненій въ мирное время для резервовъ перваго класса. Увеличеніе настоящаго контингента войска достигнетъ 25—26,000 человѣкъ, но еще гораздо значительнѣе будетъ усиленіе кадровъ, благодаря этому увеличенію. А именно прибавятся новые кадры изъ 11 полковъ инфантеріи и 40 батарей, а военное образованіе резервистовъ увеличитъ число способныхъ къ войнѣ солдатъ на 15,000 человѣкъ. Разсматривать отдѣльныя числа и различные, относящіеся сюда, исключительно парламентскіе пункты, значило бы входить въ чисто военные вопросы; я ограничусь обзоромъ положенія, въ которомъ находились рейхстагъ и вся вообще Германія въ тотъ моментъ, когда былъ внесенъ проектъ о военныхъ силахъ, сперва отвергнутый. У насъ всѣ убѣждены въ томъ, что значительно увеличилась въ послѣдніе годы французская и русская военная сила, и что вообще съ 1870—71 гг. дѣла сложились крайне неблагопріятно для Германіи. Сами французы отнюдь не скрываютъ этого. Въ появившейся недавно книжкѣ Фарси: „le Rhin français", требующей завоеванія Германіи до Рейна и признающей возвращеніе Эльзаса и Лотарингіи только вопросомъ времени, авторъ въ заключеніе говоритъ даже о паденіи Германіи, замѣчая: „Чрезвычайная изолированность, которую тщетно стараются прикрыть театральными эффектами, *очевидная отсталость въ военномъ дѣлѣ* суть также признаки ослабленія могущества". Именно это послѣднее убѣжденіе, что Германія отстала въ военномъ дѣлѣ отъ другихъ державъ, должно было, разумѣется, произвести глубокое впечатлѣніе не только на армію, но и на всю публику, способную понимать политическія дѣла; потому-что, хотя французскія воззрѣнія на этотъ счетъ не могутъ ни увеличить, ни уменьшить дѣйствительныхъ силъ германской арміи, однако, таковъ ужъ характеръ французовъ, что ихъ политика по отношенію къ Германіи значительно мѣняется, смотря по тому, считаютъ ли они Германію опасною соперницею, или нѣтъ. Очевидно также, что многіе французы, или какая-нибудь вліятельная французская партія, стремятся убѣдить своихъ соотечественниковъ, что германская армія теперь уже не превосходитъ французскую. Стóитъ только вспомнить, съ какимъ торжествомъ вся французская пресса разсказывала о томъ, какъ на императорскихъ маневрахъ въ Страсбургѣ часть одного отряда потеряла сапоги въ глинистой почвѣ. Правда, солдаты сдѣлали все, что̀ можно было сдѣлать въ этомъ затруднительномъ положеніи: они оставили сапоги въ глинѣ и продолжали маршировать, такъ что наружный видъ движенія ни мало не пострадалъ; но все-таки французы были внѣ себя отъ радости при мысли, что съ ихъ штиблетами не можетъ произойти ничего подобнаго.

Я указываю на эти явленія, какъ на интересные симптомы, и могъ бы привести кучу такихъ примѣровъ. Но сущность тутъ заключается въ томъ впечатлѣніи, какое выносишь изъ этихъ вещей, а опредѣлить это впечатлѣніе съ точностію—дѣло трудное. Для этого нужно имѣть большую объективность и пользоваться извѣстнымъ авторитетомъ и очень большимъ довѣріемъ. Однако, всякій, кто хоть сколько-нибудь сохранилъ безпристрастіе, долженъ признать тотъ фактъ, что настроеніе нѣмецкаго народа сравнительно съ 1874 г. гораздо болѣе клонится въ пользу необходимости увеличенія военныхъ силъ и возстаетъ противъ тѣхъ, которые думаютъ, что, благодаря септеннату, погибнутъ всѣ парламентскія права, а вслѣдствіе усиленія армія потерпитъ ущербъ мирное преуспѣяніе народа. Въ 1874 г., партія національ-либераловъ очень неохотно соглашалась даже на одинъ только септеннатъ, явившійся, какъ извѣстно, плодомъ компромисса, такъ какъ первоначально правительство хотѣло установить однопроцентный мирный контингентъ войскъ навсегда. Но тогда страна съ такою рѣшительностью высказалась противъ либераловъ, что они очень хорошо увидѣли неизбѣжность своего полнѣйшаго пораженія, въ случаѣ распущенія парламента и воззванія правительства къ народу,—и уступили. Для полноты представленія слѣдуетъ также вспомнить, какое сильное сопротивленіе въ парламентѣ и въ народѣ вызвали въ 60-мъ году первыя попытки правительства добиться только умѣреннаго усиленія и увеличенія арміи. Меня самого до извѣстной степени удивляетъ это явленіе. Если принять во вниманіе хотя то обстоятельство, что не только либеральная, но и прогрессивная печать чрезвычайно распространена въ странѣ, гораздо больше, чѣмъ консервативная, и что она много разъ теперь, какъ и прежде, неутомимо возставала противъ милитаризма; если, далѣе, принять во вниманіе и то, что всеобщая воинская повинность должна возбуждать въ народѣ живѣйшее желаніе мира, такъ какъ война неумолимо требуетъ отъ каждаго величайшихъ жертвъ; если, наконецъ, подумать о томъ, какъ далеко простирается эта новая реформа, предписывая военныя упражненія для резервовъ, которые до сихъ поръ почти не призывались къ службѣ, такъ какъ цифра ежегоднаго набора и безъ нихъ достигала надлежащей полноты,—то нельзя не изумляться спокойствію, съ которымъ большинство народа несетъ великія жертвы, требуемыя отъ него. Разумѣется, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, можно отыскать и причины этого явленія. Во-первыхъ, не исчезло еще воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда чужеземцы воевали и господствовали въ нѣмецкой землѣ, а именно о временахъ страшнаго наполеоновскаго гнета; во-вторыхъ, завоеваніе Эльзаса и Лотарингіи произвело на германскій народъ

необыкновенно глубокое и неизгладимое впечатлѣніе, и именно потому что оно совпадаетъ съ объединеніемъ Германіи, впервые послѣ долгаго промежутка времени. Дѣйствіе такихъ впечатлѣній на чувства людей весьма трудно поддается объясненію. Очень часто случается, что ни по газетнымъ мнѣніямъ, ни по парламентскимъ рѣчамъ нельзя судить объ истинномъ настроеніи народа; чѣмъ сильнѣе развитъ парламентаризмъ, чѣмъ свободнѣе пресса, тѣмъ болѣе ихъ дѣйствія распространяются въ ширину, но не въ глубину; и очень понятно, что часто національное мнѣніе имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ можно заключить по многочисленнымъ заявленіямъ, выражаемымъ въ печати и даже въ собраніяхъ обычнымъ путемъ парламентскихъ разсужденій. Это, конечно, не уменьшаетъ достоинства подобныхъ свободныхъ учрежденій, но скорѣе только указываетъ, что въ самомъ ихъ распространеніи лежитъ естественный и неизбѣжный противовѣсъ ихъ единовластію. Всякій, кто слѣдилъ за развитіемъ Германіи за послѣднія 30 лѣтъ, припомнитъ, какого шума могли надѣлать до появленія политическихъ вольностей одно какое-нибудь слово или статья; тогда какъ теперь отъ этого придетъ въ волненіе только самый ничтожный кружокъ людей. Не въ одномъ либерализмѣ лежитъ причина того, что, напримѣръ, въ законахъ о печати чрезвычайно ограничено право полицейскихъ конфискацій—а именно полиція можетъ пользоваться этимъ правомъ, собственно говоря, только въ случаѣ прямого возбужденія къ мятежу,—или того, что теперь безъ всякаго затрудненія соглашаются допускать перепечатку революціонныхъ документовъ, если только газета не выражаетъ прямо своего къ нимъ сочувствія, тогда какъ всякій знаетъ, какъ боязливо относились къ этому прежде; причина этого просто-на-просто та, что въ прежнія времена вліяніе подобныхъ вещей было гораздо сильнѣе, чѣмъ нынѣ. Позвольте мнѣ для ясности привести примѣръ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Берлинѣ было бы очень опаснымъ дѣломъ напечатать переписку Феликса Піа съ Гарибальди, въ которой въ ясныхъ выраженіяхъ хвалилось цареубійство. Теперь эта переписка печатается во всѣхъ берлинскихъ и вѣроятно во многихъ провинціальныхъ газетахъ, и никто не думаетъ привлечь къ отвѣтственности какой-нибудь изъ этихъ листковъ. Разумѣется, для этого необходимы успѣхи въ политической зрѣлости народа. Вскорѣ послѣ революціи 1848 г. эти или подобныя заявленія произвели бы совсѣмъ не то дѣйствіе на юношеское и возбужденное чувство народа, чѣмъ теперь, когда политика уже давно находится въ періодѣ спокойнаго развитія. Наконецъ тутъ замѣшивается еще одно обстоятельство, которое, очевидно, имѣетъ сильное вліяніе на настроеніе народа. Какъ ни часто раздаются жалобы на настоящія дурныя времена, но всякій знаетъ,

что эти времена все же гораздо лучше прежнихъ, и что ихъ недостатки только потому возбуждаютъ такія сильныя жалобы, что предшествовавшій періодъ былъ періодомъ необычайно быстраго развитія.

Вообще говоря, до сихъ поръ въ теченіе настоящаго септенната, царило спокойствіе въ странѣ и увѣренность въ сохраненіи мира—увѣренность, которую не могли поколебать и нѣкоторые угрожающіе симптомы. Печальныя предсказанія насчетъ того, что военный септеннатъ или какой-нибудь другой болѣе продолжительный срокъ военнаго бюджета погубитъ всѣ парламентскія права, ничѣмъ не доказаны, а чѣмъ мрачнѣе эти пророчества, тѣмъ, понятно, полнѣе будетъ ихъ неудача, если они не сбудутся.

Какъ я уже говорилъ, военный законо-проектъ обсуждался въ общемъ собраніи рейхстага 1 и 2 марта. Собственно говоря, нельзя сказать, чтобы при этихъ дебатахъ было высказано что-нибудь новое. Самъ графъ Мольтке, слова котораго всегда производятъ сильное впечатлѣніе, какъ въ собраніи такъ и во всей странѣ, не прибавилъ ничего новаго къ своимъ предъидущимъ рѣчамъ; онъ даже говорилъ при каждомъ удобномъ случаѣ, и можно думать—вполнѣ серьёзно, что война, по его мнѣнію, есть зло, но что онъ считаетъ нелѣпыми надежды на уничтоженіе этого зла, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Одинъ пунктъ, довольно обстоятельно обсуждавшійся даже въ книгахъ по этому предмету, былъ едва затронутъ въ дебатахъ. Какъ извѣстно, противники милитаризма всегда напоминаютъ о чрезвычайной непроизводительности арміи, а противъ этого факта, который повидимому очевиденъ, приводятъ, собственно говоря, только одно возраженіе, а именно, что армія есть своего рода страховая премія для безопасности государства, и потому съ лихвой возвращаетъ издержки. Хотя я не принадлежу къ числу гегеліанцевъ, признающихъ, что все существующее разумно; но все же, по моему мнѣнію, самый фактъ продолжительнаго существованія такихъ отяготительныхъ учрежденій, какъ постоянная армія, даетъ основаніе думать, что въ самихъ этихъ учрежденіяхъ лежитъ ихъ оправданіе, и притомъ не имѣющее ничего общаго съ такою отвлеченною идеей, какъ, напримѣръ, идея о страховой преміи. Можетъ быть, читатели не посѣтуютъ на меня, если я приведу вульгарный примѣръ, для того, чтобы перейти къ другой точкѣ зрѣнія, съ которой я разсматриваю постоянную армію [1]).

---

[1]) Мы назовемъ этотъ примѣръ, приведенный ниже почтеннымъ корреспондентомъ, болѣе остроумнымъ, чѣмъ вульгарнымъ,—но въ сущности этотъ примѣръ служитъ только новымъ доказательствомъ, какъ воинственно настроены умы въ Германіи, и какъ заботливо стараются тамъ объяснить, и тѣмъ самимъ оправдать подобное настроеніе умовъ.—*Ред.*

Одно время врачи внезапно пришли къ убѣжденію, что бульонъ вовсе не питателенъ, но обладаетъ какими-то другими возбуждающими свойствами, которыя заставляютъ людей считать его питательнымъ. Это положеніе усердно развивалось врачами, и я полагаю, стоитъ теперь на твердой научной почвѣ. Однако люди продолжаютъ варить и пить бульонъ, и каждый считаетъ его здоровѣе какого-нибудь жидкаго постнаго супа. Это можетъ происходить только оттого, что теорія просмотрѣла и упустила изъ виду какую-нибудь недоступную для нея сторону вопроса; то же самое можно сказать о войнѣ и постоянной арміи. Если бы человѣкъ былъ дѣйствительно существомъ, лишеннымъ воинственныхъ наклонностей; если бы прекрасное мирное настроеніе было дѣйствительно пріятно сердцу человѣческому, т.-е. не сердцу отдѣльной личности, но цѣлой націи, какъ въ этомъ увѣряютъ проповѣдники мира, тогда что́ бы мѣшало двумъ враждебнымъ войскамъ отбросить смертоносное оружіе и кинуться другъ другу въ объятія? Что́ сдѣлали для распространенія своихъ идей такія миролюбивыя общины, какъ квакеры, или меннониты? Онѣ постоянно ограничивались только ничтожнымъ кружко́мъ приверженцевъ, и, очевидно, останутся такими и на будущее время. Правда, что постоянныя арміи чрезвычайно обременительны для націй; но если сравнить время, когда такихъ постоянныхъ армій не существовало, и время, когда онѣ существовали, то должно будетъ признать, что всеобщее благосостояніе развивалось въ замѣчательной прогрессіи, именно въ эти послѣднія времена, и что положеніе людей во всѣхъ отношеніяхъ улучшилось сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не было постоянныхъ армій. На-дняхъ, одна изъ здѣшнихъ газетъ напечатала письмо одного высокопоставленнаго сановника, написанное около 100 л. тому назадъ; въ этомъ письмѣ онъ говорилъ, что если европейскія державы будутъ непрерывно и неосмотрительно увеличивать постоянныя арміи на счетъ націи, то это отзовется на ихъ финансахъ и повлечетъ за собой дефицитъ. По поводу этого пророчества весьма справедливо замѣчали, что оно однако-же не исполнилось въ истекшія 100 лѣтъ, и вѣроятно не исполнится также и въ ближайшія 100 лѣтъ. Мнѣ кажется, что при всѣхъ этихъ общихъ разсужденіяхъ упущенъ изъ виду одинъ весьма существенный пунктъ, и, конечно, такое упущеніе со стороны приверженцевъ современнаго реалистическаго направленія весьма замѣчательно и поразительно. Наука, въ особенности естествознаніе, установила великую истину, какъ мнѣ кажется не допускающую никакого возраженія, что природа во всѣхъ своихъ проявленіяхъ дѣйствуетъ съ избыткомъ: тысячи или мильоны цвѣтовъ погибаютъ, прежде чѣмъ одинъ превратится въ плодъ. Эта расточительность про-

является во всѣхъ царствахъ природы. Конечно, какое-нибудь строго религіозное ученіе, выдѣляющее людей изъ общей совокупности явленій природы, можетъ дѣлать для нихъ радикальное исключеніе и утверждать, что законы природы отнюдь не примѣняются къ человѣчеству; но замѣчательно, что эту теорію прилагаютъ на практикѣ не религіозные люди, а скорѣе либералы, принимающіе означенное реалистическое воззрѣніе, какъ въ церковныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Люди, по мнѣнію которыхъ высшая міровая цѣль состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ работалъ въ мірѣ, мечтаютъ о какомъ-то Эльдорадо, осуществленіе котораго разочаровало бы самихъ его участниковъ. И какъ невѣрна вся эта мысль вообще, предоставляющая все на долю однихъ матеріальныхъ силъ и для разнообразія рекомендующая имъ мирныя наслажденія въ родѣ литературы, искусства, музыки и т. д.! Если бы дѣйствительно прогрессъ человѣчества основывался только на трудѣ, то каждое правительство должно бы было стараться радикально передѣлать современныя общества; такъ какъ съ точки зрѣнія труда производится большая и непроизводительная трата силъ.

Есть много людей, которые должны упорно работать, пользуясь только ничтожнымъ отдыхомъ, но у большинства людей, работа сравнительно съ временемъ ихъ жизни, такъ мала, что они могли бы производить гораздо больше, и эта возможность должна быть принята во вниманіе, если только теорія утилитаристовъ справедлива. Этого однако на самомъ дѣлѣ не существуетъ; напротивъ, въ дѣйствительности и здѣсь въ естественныхъ законахъ господствуетъ до извѣстной степени система расточительности. Какъ земледѣлецъ не можетъ работать круглый годъ, но въ извѣстное время года работаетъ, напрягая всѣ силы, тогда какъ въ другое время отдыхаетъ, — такъ и для каждаго производства должна быть граница. Фабрики не могутъ до безконечности производить шерсть и булавки, но должны сообразоваться съ потребностью, и если потребности въ нихъ не оказывается, то имъ приходится такъ или иначе прекращать производство. Безграничнаго производства не существуетъ, и вѣчные законы, управляющіе человѣчествомъ, остаются неизмѣнными. Такъ, напримѣръ, теперь опять начинаютъ жаловаться на усиливающуюся эмиграцію, приписывая ее неблагопріятнымъ условіямъ жизни. Между тѣмъ очевидно, что если населеніе постоянно возрастаетъ, а земля остается въ одномъ и томъ же количествѣ, то, наконецъ, долженъ получиться избытокъ населенія; колонизація происходила уже тысячи лѣтъ тому назадъ. Сравнительно еще недавно, римская имперія распространяла свои владѣнія черезъ Альпы на сѣверъ, и римскія колоніи заселяли большую часть современныхъ Франціи и Германіи. Если

избытокъ населенія не сдѣлался особенно чувствителенъ въ Европѣ, такъ это просто благодаря необычайному распространенію человѣка по землѣ, и главнымъ образомъ благодаря постепенному заселенію Америки. Въ Россіи также есть еще обширныя области, которыя требуютъ культуры и могутъ вмѣстить огромную массу людей, но и тамъ наступитъ, наконецъ, предѣлъ для этого, если только не вѣрить вмѣстѣ съ однимъ изъ новѣйшихъ французскихъ соціалистовъ въ возможность безграничнаго усовершенствованія производительности на землѣ, такъ что, наконецъ, добьются того, что морская вода будетъ служить вкуснымъ и питательнымъ напиткомъ для чрезмѣрно размножившагося человѣчества.

Какъ я уже говорилъ выше, дебаты о военномъ законо-проектѣ не произвели никакого особеннаго волненія; проектъ былъ переданъ коммиссіямъ, которыя окончили свою работу еще до вакацій, оставивъ проектъ безъ измѣненія въ его существенныхъ чертахъ. Разумѣется, оппозиція опять представила требованіе объ установленіи двухлѣтняго срока службы, благодаря которому было бы даже возможно содержать гораздо болѣе сильную армію съ меньшими издержками. Ни одна сторона, конечно, не представила новыхъ аргументовъ. Правительство, или, лучше сказать, военные представители правительства, каждый разъ, когда заявлялось требованіе о двухлѣтнемъ срокѣ, доказывали, что отъ этого нарушится порядокъ въ арміи; такъ какъ при значительномъ увеличеніи арміи въ военное время въ нее попадетъ только незначительное число людей, прослужившихъ всѣ два года, тогда какъ большинство окажется такихъ, которые только недавно начали служить, или служили уже слишкомъ давно, такъ что не могутъ въ короткое время снова привыкнуть къ военнымъ порядкамъ. Впрочемъ, ни для кого не тайна, что императоръ ни въ какомъ случаѣ не согласится на двухлѣтній срокъ службы, и гораздо охотнѣе отброситъ всякую мысль о преобразованіяхъ въ организаціи арміи. Это, понятно, не мѣшаетъ оппозиціи возвращаться къ своимъ прежнимъ аргументамъ, и, конечно, она имѣетъ на это полное право. Такъ, напримѣръ, недавно депутатъ Рихтеръ указалъ на одинъ недостатокъ, который, можетъ быть, признаетъ и другая сторона. Именно, онъ объяснилъ, что такъ-называемыя ремесленныя комиссіи при арміи суть весьма вредное учрежденіе. Молодые, способные служить люди попадаютъ не на службу, а въ такъ-называемыя рабочія комиссіи, въ качествѣ сапожниковъ и портныхъ, и должны здѣсь исполнять грубую работу за ничтожное вознагражденіе, вмѣсто того, чтобы учиться службѣ. Въ обыденной жизни мастера сильно жалуются на то, какое непригодное образованіе получаютъ эти молодые люди на службѣ, и какими неспособными къ своему дѣлу

возвращаются они со службы; такъ что съ ихъ стороны было сдѣлано предложеніе предоставить эти портняжныя и сапожныя работы старикамъ, а молодыхъ привлекать къ дѣйствительной службѣ. Я уже говорилъ, что такія заявленія слѣдовало бы принять во вниманіе, и надо надѣяться, что впослѣдствіи все это дѣло подвергнется болѣе спокойному и обстоятельному обсужденію.—Съ другой стороны, въ теченіе прошлаго и настоящаго септенната появился рядъ сочиненій, указывающихъ на другой пунктъ, на который прежде почти не обращали вниманія, а именно—вліяніе военной службы на здоровье молодого народонаселенія. Обыкновенно при каждомъ заболѣваніи, при каждомъ несчастномъ случаѣ въ войскѣ начинаютъ, какъ говорится, звонить во всѣ колокола и бить тревогу; а между тѣмъ научное изслѣдованіе доказало, что военная служба у насъ дѣйствуетъ чрезвычайно благотворно на физическое здоровье молодыхъ людей. Именно профессоръ Іегеръ рядомъ ежегодныхъ статистическихъ изслѣдованій доказалъ, что смертность между нѣмецкими солдатами въ продолженіе трехлѣтней службы уменьшается на 58%, а въ теченіе третьяго года службы на 33%. Этотъ и другіе авторитеты разбирали также не разъ высказанную мысль, что время военной службы можно сократить, перенеся часть военнаго образованія, а именно гимнастику, въ школы,—мысль вообще очень популярную въ Германіи; они доказали, что какъ ни важны гимнастическія упражненія въ школѣ для первоначальнаго тѣлеснаго развитія, онѣ однако не могутъ замѣнить собственно военныхъ упражненій, которыя гораздо раціональнѣе и требуютъ бо́льшаго напряженія всѣхъ силъ. Конечно, бо́льшая часть рекрутъ берется изъ земледѣльческаго сословія, такъ что для нихъ не имѣетъ особеннаго значенія тѣлесное воспитаніе въ военной службѣ, хотя и здѣсь, при однообразіи ихъ обычной работы, вѣроятно очень полезно военное воспитаніе, упражняющее все тѣло; но весьма значительная часть германской арміи набирается изъ городского населенія, т.-е. изъ такихъ людей, которые въ теченіе всей своей жизни почти не пользуются свѣжимъ воздухомъ и по бо́льшей части ведутъ сидячую жизнь. Для этихъ людей, конечно, очень полезно провести два, три года на утомительной военной службѣ. Сидячій образъ жизни, занятіе ремесломъ, вообще обращаются въ привычку для людей, такъ что они перестаютъ заботиться о всесторонемъ тѣлесномъ воспитаніи, находя его для себя неудобнымъ; а военная служба доставляетъ именно это всестороннее воспитаніе, въ особенности при современномъ способѣ веденія войны, когда полагаются не на сомкнутость массъ, но на личную дѣятельность каждаго, и достиженіе этого является цѣлью всего военнаго воспитанія.

Въ принятіи законо-проекта послѣ вакацій не можетъ быть ни-

какого сомнѣнія, если бы даже центръ оказался противъ; а это, разумѣется, еще неизвѣстно навѣрное, хотя культурная борьба, какъ кажется, постепенно близится къ концу. Огромное большинство національ-либераловъ рѣшилось стоять за сущность военнаго проекта; къ нимъ присоединяется небольшая группа бывшихъ національ-либераловъ, отдѣлившихся въ прошломъ году отъ своей партіи и образующихъ теперь такъ-называемую „либеральную группу", и консерваторы обѣихъ фракцій. Князь Бисмаркъ, хотя и присутствовалъ въ Берлинѣ, однако по своему обыкновенію не былъ въ рейхстагѣ при обсужденіи проекта,—и говорятъ, замѣтилъ, что въ его отсутствіе все идетъ гораздо лучше.

Подобно тому, какъ при обсужденіи военнаго проекта, канцлеръ почти не присутствовалъ также и при рѣшеніи извѣстнаго дѣла о гибели „Великаго Курфюрста". Эта катастрофа въ Каналѣ послужила предметомъ продолжительнаго слѣдствія, тянувшагося болѣе полутора года и окончившагося только недавно. Нѣкоторые офицеры были подвергнуты небольшому взысканію; приговоры военнаго суда падали по нѣсколько разъ на одно и то же лицо, такъ какъ нѣкоторые не получили утвержденія отъ императора; въ заключеніе, однако, виновника катастрофы не оказалось,—мало того, личность, которой общее мнѣніе приписывало главную вину, получила повышеніе. Первоначально самъ министръ Стошъ объявилъ, что рейхстагу будутъ сдѣланы сообщенія о результатахъ слѣдствія, — впослѣдствіи однако онъ мало-по-малу взялъ это обѣщаніе назадъ, ссылаясь на то, что не имѣетъ никакого права доводить до всеобщаго свѣдѣнія военные приговоры и слѣдствія. Такимъ образомъ ограничились только печатаніемъ въ полуоффиціальной газетѣ морского управленія полуоффиціальныхъ, но очевидно искаженныхъ, отчетовъ о катастрофѣ по даннымъ, собраннымъ слѣдствіемъ. Эти отчеты были напечатаны незадолго до созванія рейхстага и, такимъ образомъ должны были служить для него единственнымъ матеріаломъ при обсужденіи дѣла. Понятно, что это не особенно понравилось рейхстагу, такъ что изъ среды его былъ сдѣланъ Стошу запросъ по этому дѣлу, возбудившій продолжительный и оживленный споръ, но не приведшій ни къ какимъ результатамъ. Большинство рейхстага подверглось тяжкимъ упрекамъ, а одинъ журналъ, близко стоящій къ Бисмарку, укорялъ даже его друзей въ рейхстагѣ въ томъ, что они не исполнили своей обязанности, что они не стояли на высотѣ своей задачи, такъ какъ не изслѣдовали дѣло обстоятельнѣе. Конечно, въ оправданіе большинства можно принять во вниманіе, что, во-первыхъ, не всякій легко рѣшится подвергать возможные недостатки правительства публичному обсужденію, если только подумаетъ о неблагопріятномъ впечатлѣніи,

какое это можетъ произвести за границей; а во-вторыхъ, многіе оправдываютъ свое молчаніе тѣмъ, что еще неизвѣстно, найдется ли лучшій преемникъ для теперешняго морского министра, въ энергической дѣятельности котораго по крайней мѣрѣ никто не сомнѣвался. Стоитъ и князь Бисмаркъ уже съ давнихъ поръ не расположены другъ къ другу, и еще недавно одно побочное обстоятельство, о которомъ сейчасъ разскажу, доставило новое доказательство этой непріязни.

Какъ вамъ извѣстно, въ нѣмецкой орѳографіи издавна царствуетъ весьма шаткая система, вообще соотвѣтствующая нѣмецкому характеру. Прочно установленной орѳографіи не существовало никогда; даже въ отдѣльныхъ областяхъ, гдѣ, конечно, школы введутъ хоть нѣкоторое однообразіе, она еще подвержена колебаніямъ; вообще, орѳографія претерпѣваетъ постоянное преобразованіе. Загляните въ оригинальныя изданія классиковъ конца прошлаго столѣтія, Гёте или Шиллера — вы будете поражены огромнымъ отличіемъ тогдашней орѳографіи отъ современной. Я не намѣренъ пускаться здѣсь въ область словесности и обсуждать, будетъ ли цѣлесообразно принять за основу орѳографіи правило, на основаніи котораго каждое слово должно писать такъ, какъ оно произносится, или слѣдуетъ твердо держаться историческаго принципа, т.-е. каждое слово писать такъ, чтобы какъ можно яснѣе былъ видѣнъ его корень и развитіе. Оба эти принципа въ сущности играютъ извѣстную роль во всякой орѳографіи, такъ какъ и произношеніе столь же скоротечно и измѣнчиво, какъ всѣ вещи на свѣтѣ. Такимъ образомъ придется измѣнить и правописаніе, если только принять за правило, что оно должно быть подобно произношенію. Несмотря на то, уже съ давнихъ поръ постоянно предпринимались попытки установить одну общую нѣмецкую орѳографію; ученые изобрѣтали системы; книгопродавцы, типографы и издатели соединялись въ пользу извѣстной системы; школьныя управленія въ отдѣльныхъ государствахъ тоже старались исправить орѳографію, и даже министръ Фалькъ въ теченіе многихъ лѣтъ занимался этимъ предметомъ. Въ февралѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года міръ былъ пораженъ извѣстіемъ, что теперешній министръ Путткамеръ принялся за наслѣдіе Фалька, и быстро рѣшился сдѣлать то, на что не рѣшался послѣдній, а именно создалъ систему орѳографіи, и предписалъ принудительное введеніе ея въ школахъ, уже съ перваго апрѣля нынѣшняго года. Объ этой системѣ можно много сказать. Многое въ ней всѣми признано справедливымъ, противъ многаго были сдѣланы возраженія; но вообще ее хвалили за то, что существующая система сохраняется насколько возможно, и измѣненія не велики. Но мало-по-малу стали раздаваться громкія жалобы, и главнымъ образомъ со стороны книгопродавцевъ, жалующихся на жертву,

которую отъ нихъ требуютъ; такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ учебники съ прежней орѳографіей не будутъ допускаться, то большая часть ихъ потеряетъ всякую цѣну; а извѣстно, что книгопродавцы, торгующіе учебниками, затрачиваютъ на свои предпріятія весьма значительные капиталы, потому что только очень большой сбытъ подобныхъ книгъ приноситъ выгоду. Однако, эти жалобы не возбудили никакого особеннаго вниманія, когда въ одинъ прекрасный день оффиціальный листокъ морского вѣдомства, т.-е. министра Стоша, „Marine-Verordnungsblatt“ вышелъ въ свѣтъ съ новой орѳографіей. Непосредственно за тѣмъ распространилось извѣстіе, что князь Бисмаркъ запретилъ примѣненіе новой орѳографіи въ имперіи и даже назначилъ усиленныя дисциплинарныя взысканія для непослушныхъ чиновниковъ. Дѣло было въ высшей степени комично, и вся эта „Orthographiekrieg“, какъ обыкновенно называютъ здѣсь эту распрю, явилась въ какомъ-то юмористическомъ свѣтѣ, хотя въ основаніи своемъ она весьма серьёзна. Прусскій министръ, какъ, напримѣръ, Путткаммеръ, пользуется въ своемъ вѣдомствѣ извѣстнымъ и даже очень значительнымъ авторитетомъ, и можетъ въ немъ во множествѣ случаевъ распоряжаться, не нуждаясь ни въ чьемъ позволеніи. Напротивъ, въ качествѣ прусскаго министра, онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права распоряжаться въ имперскихъ дѣлахъ, и во всякомъ случаѣ Бисмаркъ имѣлъ полное право отмѣнить распоряженіе, касательно дѣятельности государственныхъ чиновниковъ, сдѣланное безъ всякаго согласія съ его стороны. Удивительно и непонятно при этомъ то обстоятельство, что Путткаммеръ, очевидно, не подумалъ о возможности непреодолимаго препятствія для своихъ распоряженій и не удостовѣрился въ томъ заранѣе. Онъ уже много разъ позволялъ себѣ такіе опрометчивые поступки, и не мало получилъ за это выговоровъ. Нужно сознаться, что подобнаго рода публичное порицаніе министра, который, несмотря на то, остается на службѣ, не много можетъ содѣйствовать возвышенію какъ его личнаго, такъ и вообще правительственнаго авторитета. Въ этомъ отношеніи было бы безъ сомнѣнія гораздо лучше—строже соблюдать конституціонную систему въ Германіи. Къ сожалѣнію, такъ-называемые консервативные кружки все еще чувствуютъ къ этому непреодолимый страхъ, и совершенно не думаютъ о томъ, какъ глубоко измѣнились отношенія, и какъ мудро поступаютъ правительства, если они принимаютъ въ разсчетъ измѣнившіяся воззрѣнія.

Англійская система относительно министерства состоитъ, какъ извѣстно, въ слѣдующемъ: монархъ поручаетъ какому-нибудь лицу образованіе министерства, и предоставляетъ ему самому избирать себѣ товарищей, причемъ, разумѣется, не лишаетъ себя права протестовать

противъ избранія того или другого непріятнаго для него лица. Это право монарха несеспоримо, и не разъ примѣнялось къ дѣлу, тогда какъ, разумѣется, глава министерства въ свою очередь пользуется правомъ отказа отъ возложеннаго на него порученія, если монархъ не согласится допустить избраннаго имъ министра. Этотъ обычай служитъ основой всякаго конституціоннаго министерства, тогда какъ въ Пруссіи существуетъ мнѣніе, что черезъ это чрезвычайно уменьшаются прерогативы короны, и что король пользуется историческимъ правомъ—назначать и удалять министровъ по своему желанію,—правомъ, которое конституція не можетъ ни ослабить, ни уничтожить; какъ извѣстно, въ нашей конституціи сказано, въ § 45: „король назначаетъ и удаляетъ министровъ". Это узаконеніе очевидно не имѣетъ никакого отношенія къ вышеупомянутому конституціонному принципу; тутъ говорится только, что никто, кромѣ короля, не можетъ назначать и удалять министровъ, но совсѣмъ не указывается, на какомъ же основаніи происходитъ это назначеніе или удаленіе. Гораздо важнѣе узаконеніе, по которому министры должны быть выслушиваемы въ парламентѣ. Въ Англіи, министры имѣютъ право присутствовать въ парламентѣ только въ томъ случаѣ, когда они также избраны. Это чрезвычайно увеличиваетъ затрудненія правительства; министерство во всякомъ случаѣ не можетъ существовать безъ сношеній съ парламентомъ, а если министръ не избранъ въ депутаты, то въ Англіи онъ не имѣетъ никакой возможности защищать свою политику передъ парламентомъ. На это, разумѣется, можно возразить, что во всякомъ случаѣ министръ можетъ получить полномочіе. Мы въ Пруссіи были свидѣтелями такого случая, что въ палатѣ депутатовъ засѣдали только 7 консерваторовъ, которые одни могли считаться друзьями правительства; даже въ этомъ случаѣ нѣкоторые изъ нихъ могли бы выдти въ отставку, и было бы возможно доставить министрамъ полномочія; но они не получили бы въ самой палатѣ ни одного дружественнаго голоса, и дѣло вышло бы еще затруднительнѣе. Между тѣмъ обстоятельства теперь сложились такимъ образомъ, что ни одинъ либералъ не думаетъ въ настоящую минуту объ измѣненіи конституціи въ либеральномъ духѣ. Они довольны уже и тѣмъ, если все останется in statu quo, откладываютъ свои надежды до того времени, когда снова станутъ во главѣ правленія. Разумѣется, дѣло гораздо болѣе подвинулось бы впередъ, чѣмъ до сихъ поръ, если бы само правительство вводило улучшенія, безъ которыхъ съ теченіемъ времени нельзя будетъ обойтись. Основное правило, согласно которому никакое парламентское большинство не можетъ заставить короля дать отставку министру, выразилось во всей своей строгости въ теченіе двухъ великихъ реакціонныхъ періодовъ, кото-

рые прусскому народу пришлось пережить въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ 50-хъ годахъ Отто фонъ-Мантейфель и его товарищи при каждой парламентской бурѣ объявляли, что они подадутъ въ отставку только по приказанію короля; въ 60-хъ годахъ то же самое объявляли при каждомъ удобномъ случаѣ Бисмаркъ и его товарищи,—и консерваторы видѣли въ этомъ доказательство чрезвычайно монархическаго образа мыслей. А между тѣмъ прослѣдите спокойно ходъ исторіи, и вы увидите, что этотъ принципъ приносилъ не мало вреда. Прежде всего, онъ отнюдь не упрочивалъ положеніе правительства. Министерства мѣнялись очень часто; огромное зло при этомъ заключается въ томъ, что разъ министръ лишился своего выдающагося положенія, онъ почти или совершенно перестаетъ участвовать въ политической и парламентской жизни. Отъ того происходятъ дѣйствительно огромныя затраты силъ, на которыя такъ много жаловались, и которыя, конечно, въ высшей степени вредны для нормальнаго развитія политической жизни. Конечно, нельзя не сознаться, что безусловная необходимость уступать голосу парламента существенно измѣнила бы характеръ прусской королевской власти и прусской конституціи. Центръ тяжести былъ бы при этомъ перенесенъ въ парламентъ, подобно тому какъ въ Англіи онъ находится въ нижней палатѣ; но вѣдь если принципы высятся, какъ твердая и неприступная скала, то на практикѣ дѣло происходитъ иначе, и есть всегда извѣстныя лазейки. Даже въ Англіи, монархъ имѣетъ возможность отклонить рѣшеніе парламента, продержать министра болѣе долгое время, вопреки парламенту, и, наконецъ, аппелировать къ народу посредствомъ новыхъ выборовъ.

Это и нѣкоторыя другія средства можно бы было очень удобно примѣнить и въ Пруссіи, и такимъ образомъ провести принципъ безъ всякаго вреда, такъ какъ огромное большинство народа, навѣрно, признаетъ, что для Пруссіи было чрезвычайно полезно, что Бисмаркъ въ первой половинѣ 60-хъ годовъ не подчинялся парламенту, потому что иначе онъ не могъ бы такъ возвысить авторитетъ Пруссіи въ глазахъ міра. Ему самому не нравится современная система, но только по другимъ причинамъ, а именно — ему не нравится коллегіальное устройство прусскаго министерства, гдѣ каждый министръ пользуется извѣстною самостоятельностью, и большинство можетъ даже преслѣдовать меньшинство. Проще всего было бы въ этомъ случаѣ меньшинству или отдѣльному лицу, которое не можетъ подчиниться общему рѣшенію, выдти въ отставку; но здѣсь проявляется слабая сторона системы, такъ какъ король можетъ приказать этому меньшинству или этому лицу оставаться на своемъ посту, и они не могутъ удалиться, не нарушивши, по существующимъ понятіямъ,

вѣрноподданническихъ чувствъ къ своему королю. Хотя въ германской имперіи не существуетъ такой коллегіальности, и канцлеръ стоитъ во главѣ всей администраціи, такъ что начальники отдѣльныхъ департаментовъ подчинены ему и могутъ дѣйствовать только съ позволенія канцлера,—однако очень естественно, что эти отдѣльные начальники внутри своихъ вѣдомствъ пользуются значительной самостоятельностью. Такимъ образомъ случилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что между Стошемъ и княземъ Бисмаркомъ возникли сильныя пререканія. По настоящему, одинъ изъ нихъ долженъ былъ бы удалиться, но императоръ рѣшилъ, что оба должны остаться и терпѣть другъ друга. Первое и было исполнено, но второе не осуществилось, и такимъ образомъ они остались съ тѣхъ поръ заклятыми врагами. Что подобнаго рода отношенія вовсе не приносятъ пользы странѣ,—это уже не въ первый разъ приходится доказывать. Въ Англіи необходимая прочность для каждаго правительства обусловливается, какъ извѣстно, тѣмъ, что второстепенныя мѣста въ каждомъ департаментѣ достаются спеціалистамъ, которые ни мало не затрогиваются перемѣнами въ министерствѣ, но остаются на своихъ мѣстахъ. Собственно говоря, и у насъ существуетъ нѣчто подобное, а именно, такъ-называемые, „тайные совѣтники", которые не мѣняются, или мѣняются — только очень рѣдко, и служатъ министрамъ часто совершенно противоположныхъ направленій, дѣлающимся постепенно ихъ начальниками.

Бисмаркъ очень ловко воспользовался случаемъ подставить ножку своему старинному врагу; дѣйствительно, Стошъ неблагоразумно поступилъ, вводя эту орѳографію; онъ не подумалъ освѣдомиться о возрѣніяхъ Бисмарка на этотъ счетъ, и теперь ему остается только отказаться отъ своего намѣренія, — униженіе, конечно, весьма чувствительное для гордаго и суроваго человѣка; однако Стошъ рѣшился не отступать. Впрочемъ, пренія въ обѣихъ палатахъ — дѣйствительно, и въ палатѣ депутатовъ, и въ рейхстагѣ, велись пренія объ орѳографіи — отличались весьма юмористическимъ характеромъ, тѣмъ, такъ-сказать, ученымъ юморомъ, который трудно понять иностранцамъ. Однако—что весьма замѣчательно и удивительно—пренія не привели ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Нѣкоторые либеральные депутаты вознамѣрились внести предложеніе, чтобы канцлеръ пригласилъ другія союзныя правительства ввести общую нѣмецкую орѳографію; но это предложеніе не попало на обсужденіе до вакацій и, по общему мнѣнію, должно теперь кануть въ Лету, такъ какъ послѣ вакацій ожидается только очень непродолжительная сессія, въ теченіи которой успѣютъ обсудить только военный законопроектъ и вопросъ о продленіи закона о соціалистахъ.

Замѣчательно, что правительство отказалось отъ другихъ своихъ плановъ. Оно намѣревалось ввести значительное число новыхъ налоговъ, но встрѣтило такъ мало сочувствія съ обѣихъ сторонъ палаты, что совершенно отказалось отъ осуществленія своихъ намѣреній; да, вѣроятно, и финансы въ такомъ положеніи, что установленіе новыхъ налоговъ не является безусловно необходимымъ. Далѣе, очень много шума возбудило предложеніе правительства о двухлѣтнемъ бюджетѣ и созваніи рейхстага черезъ каждые два года, такъ какъ въ этомъ увидѣли нарушеніе конституціоннаго принципа и ограниченіе конституціонныхъ правъ народа. Причиною этихъ измѣненій — какъ вы, можетъ быть, припомните — выставлялось то, что ежегодное созваніе рейхстага и ландтага, наряду съ созваніемъ ландтага въ отдѣльныхъ государствахъ, ложится тяжелымъ бременемъ на націю. Когда Бисмаркъ увидѣлъ, что ему не удастся возбудить никакого сочувствія въ рейхстагѣ, то онъ не замедлилъ придти къ рѣшенію, и—сначала, разумѣется, частнымъ образомъ—заявилъ, что если рейхстагъ доволенъ настоящимъ способомъ совѣщаній, то онъ, Бисмаркъ, ничего противъ этого не имѣетъ, и вообще не придаетъ дѣлу важнаго принципіальнаго значенія. Тѣ, которые серьёзно опасались, что установленіе двухлѣтнихъ бюджетныхъ періодовъ уменьшитъ конституціонныя права народа, могутъ радоваться такому исходу дѣла; но нельзя умолчать о томъ, что чрезмѣрная парламентская дѣятельность породила въ народѣ чрезвычайную апатію. Можетъ быть, ни въ одной странѣ не относятся къ парламентскимъ совѣщаніямъ съ такимъ безусловнымъ равнодушіемъ, какъ въ Германіи, т.-е. въ Пруссіи, и нельзя согласиться съ либералами, будто это равнодушіе зависитъ только отъ того, что парламентъ не пользуется дѣйствительнымъ значеніемъ: причиною его служитъ скорѣе то, что народъ не въ состояніи интересоваться парламентаризмомъ десять лѣтъ къ-ряду, по девяти мѣсяцевъ въ годъ. Въ Англіи интересуются парламентскими совѣщаніями, далеко не имѣющими такого интереса, какъ тѣ, которыя часто происходятъ въ Пруссіи. Масштабъ тутъ совершенно другой. Безъ всякаго сомнѣнія, для публики законодательные вопросы вообще имѣютъ только самый ничтожный интересъ; гораздо любопытнѣе пренія, на манеръ тѣхъ, какія происходятъ въ французскомъ національномъ собраніи, гдѣ разыгравшіяся страсти и жаркіе личные перекоры подаютъ поводъ къ сценамъ, которыя, конечно, занимаютъ публику. Въ нѣмецкихъ собраніяхъ есть нѣсколько такихъ ораторовъ, какъ, напримѣръ, Евгеній Рихтеръ, изъ партіи прогрессистовъ, или ультрамонтаны — Шорлемеръ-Альстъ и Людвигъ; такимъ образомъ, въ занимательныхъ сценахъ нѣтъ недостатка, и для публики они всегда

имѣютъ живой интересъ; но, очевидно, для политическаго развитія онѣ приносятъ очень ничтожную пользу.

Расколъ партій, о которомъ я уже пространно говорилъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, зашелъ, между тѣмъ, очень далеко. Чтобы начать съ партіи національ-либераловъ, слѣдуетъ отмѣтить великое событіе: Ласкеръ, наконецъ, рѣшился разстаться съ этой партіей. Его дальнѣйшее пребываніе въ этой партіи сдѣлалось фактически невозможнымъ, такъ какъ правое ея крыло, во главѣ котораго стоитъ Беннигсенъ, до такой теперь степени усилилось, что ничтожное число членовъ, такъ-называемаго, лѣваго крыла, считающаго своимъ главою Ласкера, не можетъ больше бороться. Конечно, остальные члены этого лѣваго крыла, между которыми въ особенности слѣдуетъ упомянуть о Форкенбекѣ, Риккертѣ и баварскомъ баронѣ Штауффенбергѣ, не объявили о своемъ отдѣленіи отъ партіи, хотя ихъ связь съ остальными членами національ-либеральной партіи остается весьма шаткой. Съ другой стороны, весьма возможно, что Ласкеръ постарается присоединиться къ партіи прогрессистовъ, куда за нимъ могутъ послѣдовать члены лѣваго крыла. Напротивъ, правое крыло можетъ надѣяться, что члены національ-либеральной партіи, отдѣлившіеся отъ нея въ послѣднее время, въ виду ея крайняго либерализма, и образовавшіе самостоятельную, такъ-называемую либеральную группу, снова присоединятся къ національ-либераламъ, когда узнаютъ, что Ласкеръ потерялъ вліяніе на нее. Это измѣненіе въ положеніи національ-либеральной партіи уже проявилось при обсужденіи военнаго закона, о чемъ я уже говорилъ выше; какія отсюда произойдутъ дальнѣйшія слѣдствія,—этого въ настоящую минуту еще невозможно предвидѣть. Многіе думаютъ, что Бисмаркъ воспользуется поддержкой центра и консервативной партіи, чтобы провести реакціонныя мѣры, наперекоръ партіи національ-либераловъ, которой онъ пользовался, пока ему было нужно. Я уже достаточно часто заявлялъ, чтобы не повторять еще разъ, что не вѣрю въ эти реакціонерныя намѣренія Бисмарка. Притомъ ясно, что если эти намѣренія дѣйствительно существуютъ, то Бисмаркъ очень плохо пользуется временемъ, когда клерикально-консервативная коалиція имѣетъ или можетъ имѣть большинство голосовъ въ рейхстагѣ. Какъ ни мало Бисмаркъ наклоненъ къ либерализму, онъ не можетъ не понимать, что прусское государство, по своей внутренней сущности, стремится къ прогрессу, и современный канцлеръ такъ хорошо знаетъ исторію Пруссіи, что долженъ помнить, какъ каждый періодъ регресса въ Пруссіи сопровождался регрессомъ въ силѣ и могуществѣ государства.

Чрезвычайно интересный документъ въ этомъ отношеніи пред-

ставляетъ одна, только-что появившаяся книга, на которую я хочу обратить вниманіе всѣхъ тѣхъ моихъ читателей, которыхъ интересуетъ, такъ-сказать, анатомія историческаго развитія. Упоминая объ этой книгѣ, я радуюсь, что могу, послѣ долгаго промежутка времени, опять сообщить читателямъ о двухъ, дѣйствительно интересныхъ и важныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Одно изъ нихъ и есть вышеупомянутая книга — „Geschichte des preussischen Staatswesens vom Tode Friedrichs des Grossen bis zu den Freiheitskriegen", Мартина Филиппсона [1]), нѣмецкаго ученаго, который теперь находится въ Брюссели, но въ теченіи многихъ лѣтъ занимался историческими изслѣдованіями здѣсь, въ Берлинѣ, причемъ ему много помогла чрезвычайная предупредительность г. Зибеля, охотно предлагающаго архивы для историческихъ изслѣдованій. Кто знаетъ нѣмецкую исторію, тому извѣстно, какъ мало изслѣдованъ періодъ отъ смерти Фридриха-Великаго до катастрофы 1806 года. Прусскіе историки упорно обходили этотъ весьма мало утѣшительный періодъ; они занимались или эпохой Фридриха II, или посвящали свое вниманіе самой катастрофѣ и послѣдовавшему затѣмъ возрожденію, путемъ законодательства Штейна-Гарденберга. Двадцати-лѣтній періодъ отъ смерти Фридриха II до іенской катастрофы пробѣгали, относительно говоря, только мелькомъ, какъ періодъ упадка, изнеможенія, разврата и безнравственности. Конечно, есть монографіи, въ которыхъ разсматривается тотъ или другой предметъ,—не осталась неизвѣстною и реакція Фридриха-Вильгельма II съ извѣстною эрой Вёллнера и декретомъ о цензурѣ,—даже знаменитый Вёллнеровскій эдиктъ о религіи послужилъ предметомъ многихъ изслѣдованій,— Филиппсонъ говоритъ, что этотъ эдиктъ въ свое время вызвалъ не менѣе 95-ти литературныхъ изслѣдованій и разборовъ;—но чрезвычайно часто упускалось изъ виду при изслѣдованіи этого періода, что въ жизни народовъ не бываетъ абсолютнаго застоя, и всегда развиваются новыя стремленія, иногда медленнѣе, иногда быстрѣе, иногда ясно, иногда неясно. Филиппсонъ съ самаго начала становится на точку зрѣнія истиннаго историка; онъ считаетъ своею обязанностью ничего не прикрашивать и не скрывать, но изображать развитіе отечества по своему убѣжденію и знаніямъ. „Если,— говоритъ онъ,—исторія должна быть наукой—а таково мнѣніе и желаніе всѣхъ тѣхъ, которые занимаются ею для нея самой, не унижая ее до служенія политическимъ, религіознымъ и соціальнымъ цѣлямъ — то ея единственною и исключительною заботой должна быть истина, прямое и откровенное изложеніе результатовъ, добы-

[1]) Leipzig, Verlag von Veit u. C°, 1880.

тыхъ безпристрастными изслѣдованіями. Писатель не долженъ и не можетъ отрѣшаться отъ своей личной точки зрѣнія, своихъ взглядовъ и мнѣній. Онъ можетъ оплакивать то или другое событіе, или радоваться ему, защищать или нападать на то или другое политическое или соціальное направленіе, но онъ всегда долженъ стараться стать на точку зрѣнія тѣхъ лицъ и вникнуть въ тѣ положенія, которыя намѣренъ изобразить. Только такимъ путемъ достигнетъ онъ справедливаго отношенія къ прошлому и безпристрастнаго воззрѣнія на историческія событія. Это новый методъ; что же выйдетъ изъ исторіи, если каждая нація, каждая партія станутъ ее изображать сообразно съ своими взглядами и интересами".

Филипсонъ, человѣкъ, безъ сомнѣнія, свободно мыслящій, придалъ своему труду огромное значеніе, благодаря этой объективности. Онъ не старается умепьшить или ослабить недостатки того времени, но онъ указываетъ на то, на что до сихъ поръ почти не обращалось вниманія, а именно, что въ этотъ печальный періодъ по смерти Фридриха II, началось движеніе въ пользу ограниченія абсолютной королевской власти, установившейся по уничтоженіи сословнаго самоуправленія въ концѣ XVII столѣтія,—движеніе, которое сначала явилось только въ средѣ чиновничества; но скоро развилось требованіе конституціи въ самыхъ отдаленныхъ слояхъ общества, и онъ положительно высказываетъ мнѣніе, что исторія конституціонной жизни въ Германіи начинается съ восшествія на престолъ Фридриха-Вильгельма II. Королевская власть пытается положить конецъ этимъ стремленіямъ; однако, благодаря слабости ея представителя, они дѣлаютъ замѣчательные успѣхи, между тѣмъ какъ непосредственное, дѣятельное вмѣшательство монарха во всѣ области необыкновенно расширившейся государственной жизни оказывается невозможнымъ, общество изыскиваетъ гарантіи противъ произвола перемѣнныхъ министровъ и любимцевъ деспотизма. Эти тенденціи проявляются, конечно, такъ слабо и въ такой оригинальной формѣ, что надо, такъ сказать, разсматривать вещи подъ микроскопомъ и пытливымъ окомъ историка-изслѣдователя, чтобы нѣсколько выяснить ихъ.

Фридрихъ-Великій безусловно покровительствовалъ просвѣщенію,—тому просвѣщенію, какое впервые внесли въ Европу французы и какое легло въ основу всѣхъ новѣйшихъ учрежденій, но оно, несмотря на свои безспорныя преимущества и благодѣянія, все же не вполнѣ соотвѣтствуетъ потребностямъ человѣческаго сердца и слишкомъ непріязненно относится къ религіи. Поэтому это просвѣщеніе постоянно вызывало реакцію, которую нельзя объяснить однимъ слѣпымъ пристрастіемъ къ реакціи, такъ какъ она дѣйствительно обусловливается самими слабыми сторонами этого просвѣщенія. Въ исторіи человѣ-

чества какихъ-нибудь сто лѣтъ съ небольшимъ не составляютъ очень значительнаго періода времени, и еще не наступило время, когда просвѣщеніе стало въ правильныя отношенія со всѣми остальными элементами государства и общества. Подобно тому, какъ во времена Фридриха-Великаго слово „просвѣщеніе" было лозунгомъ, такъ теперь такимъ лозунгомъ служитъ слово „образованіе". Какъ тогда думали въ просвѣщеніи найти лекарство противъ всѣхъ золъ, такъ теперь такого лекарства ищутъ въ образованіи. Наши либералы думаютъ, что слѣдуетъ открывать все больше и больше школъ, что преподаваніе въ этихъ школахъ должно дѣлаться все пространнѣе и обнимать все бо́льшее и бо́льшее число предметовъ; это — такъ, но одного школьнаго образованія мало для достиженія той высокой цѣли, какую они преслѣдуютъ. Такъ, напримѣръ, либералы гордятся, и по праву, своимъ превосходнымъ школьнымъ управленіемъ въ Берлинѣ. И дѣйствительно, трудно найти городъ въ Европѣ, гдѣ бы для народныхъ школъ было сдѣлано такъ много, какъ въ Берлинѣ. Дѣло это ведется уже довольно давно и можно было бы уже ожидать отъ него осязательныхъ результатовъ. Но если мы вникнемъ въ общественное состояніе, то увидимъ, что это образованіе отнюдь не вызвало улучшенія въ нравахъ, а въ политическомъ отношеніи юношество, воспитанное въ школахъ прогрессивной партіи, примкнуло не къ прогрессивной партіи, которой оно обязано своимъ образованіемъ, а къ соціальной демократіи. Почти банально напоминать о томъ, что, кромѣ образованія, необходимыми элементами для процвѣтанія государства и обезпеченія общества являются еще законность и дисциплина, одинаково обязательныя, конечно, какъ для правительства, такъ и для общества.

Чѣмъ безграничнѣе господствовало просвѣщеніе при Фридрихѣ Великомъ, тѣмъ естественнѣе и неизбѣжнѣе явилась послѣ него реакція. Не то, *что* она наступила, но то, *какъ* она происходила, было несчастіемъ для прусскаго государства. Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ слабый монархъ; Вёльнеръ—не только ничтожный, но и дурной человѣкъ; онъ руководствовался одними личными соображеніями и пользовался во вредъ государству своимъ вліяніемъ на короля. Новое правительство выступило на поприще при благопріятныхъ условіяхъ. Фридрихъ Великій въ послѣдніе годы своей жизни сталъ еще мизантропичнѣе и тираничнѣе, чѣмъ былъ вначалѣ; онъ даже и въ мирное время необычайно отягчалъ свой народъ, и по его преемникѣ давно уже и страстно вздыхали. Новый король хорошо понималъ, что́ ему слѣдуетъ дѣлать, чтобы вызвать болѣе благопріятное настроеніе въ народѣ и привлечь къ себѣ сердца своихъ подданныхъ. Къ сожалѣнію, вліяніе Вёльнера мало-по-малу совлекло его съ

истиннаго пути. Личныя антипатіи и интересы Вёльнера устранили также мало-по-малу отъ управленія послѣднихъ совѣтчиковъ и сотрудниковъ Фридриха-Великаго, людей необыкновенно опытныхъ, даровитыхъ и предусмотрительныхъ. Одно болѣе строгое давленіе въ религіозномъ отношеніи само по себѣ не принесло бы еще такъ много вреда, и Филипсонъ признаетъ даже нѣкоторыя справедливыя стороны въ религіозномъ эдиктѣ, отъ 9-го іюля 1788, и только указываетъ на тѣ пункты, въ которыхъ онъ заходилъ слишкомъ далеко. Достаточно извѣстно и подкрѣпляется тутъ лишь новыми и интересными доказательствами, что король встрѣтилъ оппозицію противъ этого эдикта какъ разъ въ самомъ духовенствѣ, въ томъ самомъ, какое мы привыкли нынѣ обозначать подъ именемъ „партіи придворнаго проповѣдника". Худшимъ пунктомъ въ этомъ эдиктѣ былъ тотъ, которымъ воспрещались всякія диссидентскія ученія, и такимъ образомъ ограничивалось свободное толкованіе Библіи, всегда допускавшееся въ Пруссіи.

Я зашелъ бы слишкомъ далеко, если бы сталъ приводить дальнѣйшія цитаты изъ этого сочиненія, такъ какъ онѣ необходимо должны были бы быть довольно пространными, чтобы дать о немъ истинное понятіе. Многія отношенія, повредившія къ порчѣ государственнаго строя, не зависѣли отъ правительственной системы; они заключались въ матеріальномъ развитіи той эпохи, частію отъ продолжительности мира—съ 1763 г.—и улучшенія имущественнаго быта дворянъ,—благодаря вздорожанію земли и ея продуктовъ, которое повело, при тогдашнемъ ничтожномъ образованіи, къ роскошной жизни. Насчетъ конечнаго результата сомнѣнія невозможны. Нельзя отрицать, говоритъ авторъ въ концѣ этого перваго тома, что управленіе Фридриха-Вильгельма II. въ значительной степени содѣйствовало эксплуатаціи государства въ пользу одного сословія. Фридрихъ II принуждалъ по крайней мѣрѣ дворянство служить государству, но при его болѣе слабомъ преемникѣ дворянство отдѣлалось отъ его принужденія. Пустота, алчность, матеріальныя наслажденія, грубое высокомѣріе царствовали въ средѣ дворянъ; въ войскѣ—себялюбіе, необразованность, эгоизмъ, отсутствіе самопожертвованія и привязанности къ королю и отечеству, въ чиновномъ мірѣ—честолюбіе, себялюбіе, алость, отсутствіе пониманія дѣла и энергіи въ исполненіи своихъ обязанностей; всѣ классы стремились къ наслажденію, и это характеризовало прусскій государственный строй въ концѣ XVIII столѣтія.

Почти одновременно съ этой книгой появилась другая, четвертый томъ „Leben des Feldmarschals Grafen Neidgardt von Gneisenau", извѣстнаго вѣрнаго друга и совѣтчика Блюхера. Когда извѣстный историкъ Пертцъ окончилъ свою знаменитую біографію Штейна,

то также принялся за жизнеописаніе Гнейзенау. Семейство послѣдняго доставило ему обширные матеріалы, а равно для него были открыты и государственные архивы; въ шестидесятыхъ годахъ появились три объемистыхъ тома, въ которыхъ біографія была доведена до конца 1813 г. Въ то время Пертцъ, уже не молодой человѣкъ, заболѣлъ и не могъ продолжать своего труда. Но онъ все еще не терялъ надежды снова взяться за свой трудъ, и такимъ образомъ, сочиненіе оставалось недоконченнымъ цѣлое десятилѣтіе. Когда Пертцъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, издатель его книги и фамилія Гнейзенау поручили продолженіе ея доктору Гансу Дельбрюку, замѣчательному молодому ученому, историку по своей спеціальности, бывшему воспитателемъ принца Вольдемара, умершаго въ прошломъ году. Дельбрюкъ выпустилъ теперь четвертый томъ біографіи и первый своего труда, а пятый выйдетъ въ концѣ текущаго года. Если Гнейзенау пришлось бо̀льшую часть своей жизни страдать отъ бѣдствій, которымъ подвергалось прусское государство, за то наградою ему послужилъ счастливый походъ 1813 г. Но и тутъ оказались свои темныя стороны. При ближайшемъ изученіи исторіи выясняется, какъ не совершенны всѣ людскія начинанія, и часто даже величайшій и чистѣйшій идеализмъ разбивается о людскіе недостатки и слабости. Самъ авторъ въ этомъ откровенно сознался. Результатъ похода 1814 г. былъ такъ блестящъ, какъ только можно ожидать, но ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что великія жертвы, которыя были принесены, прежде нежели пруссаки и русскіе прошли отъ Рейна до Парижа, были бы ненужны, если бы войска немедленно выступили противъ Наполеона; своими проволочками они дали послѣднему возможность собраться съ силами и дать цѣлый рядъ сраженій, которыя чуть-было не скомпрометтировали весь результатъ. Послѣ вступленія въ Парижъ, Блюхеръ ушелъ со своего поста и съ нимъ вмѣстѣ Гнейзенау; они сочли свою задачу оконченной, и надо считать простымъ случаемъ, что понадобился походъ 1815 г. Мирные переговоры не могли удовлетворить человѣка съ такимъ широкимъ взглядомъ, какъ Гнейзенау. Онъ оставался простымъ зрителемъ этихъ переговоровъ, но высказываясь противъ нихъ, — онъ въ равной степени недоволенъ и внутреннимъ развитіемъ Пруссіи. По этому пункту книга Дельбрюка можетъ идти въ „pendant“ къ вышеназванной книгѣ Филипсона. Гнейзенау тоже принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которые уже въ 1814 г. считали конституцію крайне нужной. Но онъ не считалъ возможнымъ провести таковую для Германіи и полагалъ, что Пруссія должна сначала ввести конституцію у себя, и что затѣмъ она привлечетъ въ свою сторону всѣ голоса всей Германіи, даже католическаго юга.

„Если будетъ въ непродолжительномъ времени составлена конституція для вновь организовавшейся и расширившейся монархіи и дарована королемъ народу, то она послужитъ наилучшей связью для соединенія новыхъ земель съ старинымъ государствомъ,—писалъ онъ тогда въ одномъ письмѣ къ Гарденбергу;—другія нѣмецкія государства будутъ проводить параллели между своимъ положеніемъ и нашимъ, и желаніе соединиться съ нами пробудится въ нихъ, а, слѣдовательно, расчистится путь для новыхъ пріобрѣтеній и не столько силою оружія, сколько либеральностью принциповъ".

Гнейзенау, конечно, не былъ либераломъ въ современномъ значеніи этого слова. Кромѣ того, онъ былъ солдатъ до мозга костей, но тѣмъ не менѣе правильно понималъ потребности государства. Какъ иначе пошло бы развитіе прусскаго королевства, если бы уже въ 1815 г. послѣдовали совѣтамъ его и другихъ его единомышленниковъ!!

Послѣднія событія во внѣшней политикѣ такъ всесторонне обсуждались въ газетахъ, что я врядъ ли могу прибавить что-нибудь новое. Послѣ поздравительнаго письма императора Вильгельма, скрѣпленнаго подписью Бисмарка, со днемъ рожденія императора Александра, нѣсколько натянутыя отношенія слегка улучшились. Если и теперь дѣлаются еще кое-какія разоблаченія, согласно новой модѣ, то они носятъ ретроспективный характеръ и уподобляются грохоту удаляющейся бури. Какое вліяніе будетъ имѣть невыдача Гартманна французскимъ правительствомъ — объ этомъ мнѣнія раздѣляются. Князь Бисмаркъ, котораго можно считать компетентнымъ судьей, высказалъ на одномъ обѣдѣ, что эта мѣра французскаго правительства врядъ ли испортитъ хорошія отношенія Франціи съ Россіей. При чрезвычайно разнорѣчивыхъ извѣстіяхъ объ этомъ пунктѣ, трудно высказать какое-либо сужденіе о возможныхъ послѣдствіяхъ этого эпизода.

Незадолго до праздниковъ происходила помолвка старшаго сына германскаго кронпринца, принца Вильгельма, со старшею дочерью недавно умершаго герцога Аугустенбургскаго, бывшаго претендента на Шлезвигъ и Голштинію. Эта помолвка до нѣкоторой степени всѣхъ удивила, частью вслѣдствіе молодости принца, которому всего 21 годъ, и онъ даже моложе своей невѣсты,—частью потому, что всѣмъ казалось, что будущій императоръ германской имперіи могъ бы сдѣлать болѣе блистательный выборъ. Въ придворныхъ кружкахъ и въ высшемъ обществѣ разсказываютъ, что помолвка эта—дѣло рукъ кронпринцессы Викторіи, которая всегда была очень расположена къ аугустенбургскому дому и весьма ревностно поддерживала прита-

занія принца Фридриха Аугустенбургскаго. Поэтому слѣдуетъ смотрѣть на эту помолвку, какъ на родъ нѣкотораго поздняго вознагражденія за жертву, вынужденную Пруссіей въ былое время у принца.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

15/27 марта, 1879.

LVI.

Мадамъ Сурди.

Каждую субботу, Фердинандъ Сурди заходилъ сдѣлать новый запасъ красокъ и кистей въ лавочкѣ „дяди“ Морана, расположенной въ темномъ и сыромъ нижнемъ этажѣ дома, дремавшаго на узкой площади городка Меркёра, подъ сѣнью стариннаго монастыря, преобразованнаго въ свѣтскій коллежъ. Фердинандъ—уроженецъ, какъ говорили, Лилля; онъ былъ уже цѣлый годъ гувернеромъ въ коллежѣ, занимался живописью со страстью, запираясь въ своей мастерской, и посвящалъ все свободное время этюдамъ, которыхъ никому не показывалъ.

Чаще всего онъ встрѣчалъ въ лавкѣ мадмуазель Адель, дочь дяди Морана; она сама рисовала акварелью, и объ этомъ много толковали въ Меркёрѣ.

— Позвольте три трубки бѣлой краски, одну—желтой охры, двѣ —зелени Веронеза...

Адель, бывшая au courant маленькой торговли отца, отпускала молодому человѣку краски, и всякій разъ спрашивала:

— А еще что прикажете?

— Пока ничего больше.

Фердинандъ опускалъ въ карманъ маленькій свертокъ, расплачивался съ неловкостью бѣдняка, который всегда боится быть приставленнымъ, затѣмъ уходилъ. Такъ прошелъ годъ безъ всякихъ происшествій.

Покупателей у дяди Морана было человѣкъ двѣнадцать. Меркёръ, насчитывавшій 8,000 душъ жителей, пріобрѣлъ громкую славу своими кожевенными заводами; но искусства тамъ прозябали. Было тутъ четверо или пятеро мальчишекъ, пачкавшихъ полотно подъ наблюде-

нѣмъ учителя-поляка, блѣднаго и сухого человѣка, съ профилемъ захирѣвшей птицы; затѣмъ, барышни Левекъ, дочери нотаріуса, принялись-было за масляныя краски, но это возбудило всеобщій скандалъ. Одинъ только и былъ настоящій покупатель, знаменитый Ренкёнъ, уроженецъ города, пользовавшійся обширною извѣстностью въ Парижѣ, какъ живописецъ, получавшій медали и заказы, и даже удостоившійся ордена. Когда онъ пріѣзжалъ погостить лѣтомъ въ Меркёръ, въ маленькой лавкѣ на площади коллежа наступалъ переполохъ. Моранъ нарочно выписывалъ краски изъ Парижа, изъ кожи лѣзъ, чтобы угодить Ренкёну, и принималъ его подобострастно, почтительно разспрашивая про его новые тріумфы. Живописецъ, добродушный толстякъ, въ концѣ-концовъ соглашался обѣдать у Морана, и разсматривалъ акварели маленькой Адели; онъ находилъ ихъ немного блѣдноватыми, но свѣжими какъ роза.

— Лучше рисовать, нежели вышивать по канвѣ, — говаривалъ онъ, теребя ее за ухо.—И право же, рисунки твои недурны; немного сухи, но типичны. Работай, работай и не стѣснайся, дѣлай такъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Конечно, дядя Моранъ существовалъ не на счетъ своей торговли. Живопись была его старою страстью; художественная жилка никогда не исчезала въ немъ—и теперь проявлялась въ его дочери. Ему принадлежалъ домъ, гдѣ онъ жилъ,—наслѣдства, слѣдовавшія одно за другимъ, обогатили его: онъ получалъ, какъ говорили, отъ шести до восьми тысячъ франковъ дохода. Но тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ держать свою лавку въ маленькомъ салонѣ нижняго этажа, окно котораго служило витриной; маленькую выставку украшали трубки съ красками, палочки съ тушью, кисти; время отъ времени появлялись акварели Адели и маленькія картины религіознаго содержанія живописца-поляка. Дни проходили за днями, но покупатели не являлись. Тѣмъ не менѣе дядя Моранъ жилъ счастливо, вдыхая запахъ красокъ, и когда мадамъ Моранъ, старая больная женщина, почти не встававшая съ постели, совѣтовала ему развязаться съ „магазиномъ“, онъ приходилъ въ бѣшенство, какъ человѣкъ смутно сознающій, что исполняетъ нѣкую миссію. Буржуа въ глубинѣ души, человѣкъ строгой набожности, онъ былъ прикованъ къ своей торговлѣ инстинктомъ неудавшагося художника. Гдѣ городу покупать краски! Сказать правду, никто ихъ не покупаетъ, но все же охотники могутъ явиться. И онъ не рѣшался бросить свое дѣло.

Въ этой-то средѣ выросла мадмуазель Адель. Ей шелъ 22-ой годъ. Маленькаго роста, почти слишкомъ полная, съ пріятнымъ круглымъ лицомъ и проницательными глазами, но чрезвычайно блѣдная и желтая, она не считалась красивой. Она производила впечатлѣніе

маленькой старухи, лицо ея уже казалось увядшимъ, какъ у классной дамы, состарѣвшейся въ глухомъ раздраженіи старой дѣвы. Однако Адель не хотѣла выходить замужъ. Она уже отказала нѣсколькимъ женихамъ. Ее называли гордой, безъ сомнѣнія, она ожидала принца; ходили разныя непристойныя исторіи о фамильярностяхъ, которыя позволялъ себѣ съ нею старый волокита Ренкенъ. Адель, замкнутая въ себѣ самой, обыкновенно молчаливая и задумчивая, казалось, не замѣчала этихъ клеветъ. Она жила, не вѣдая страстей, свыкшись съ тусклой сыростью площади коллежа, и съ малолѣтства имѣя передъ глазами одну и ту же, покрытую мохомъ, мостовую, одинъ и тотъ же темный перекрестокъ, на которомъ не видать было души человѣческой; только два раза въ день городскіе мальчики толкались у дверей коллежа; это служило для нея единственнымъ развлеченіемъ. Но она никогда не скучала, она какъ будто неуклонно преслѣдовала давно задуманный планъ существованія. Въ ней было много силы характера и много честолюбія, въ соединеніи съ неутомимымъ терпѣніемъ; и это вводило людей въ заблужденіе насчетъ ея истиннаго характера. Мало-по-малу на нее стали смотрѣть какъ на старую дѣву. Казалось, она навсегда предалась своимъ акварелямъ. Однако, когда пріѣзжалъ знаменитый Ренкенъ и разсказывалъ про Парижъ, она слушала его, нѣмая, блѣдная, и острые черные глаза ея блестѣли.

— Отчего ты не пошлешь своихъ акварелей на выставку?—сказалъ ей однажды живописецъ, который всегда говорилъ ей „ты“, въ качествѣ стараго друга. Я похлопочу, чтобы ихъ приняли.

Но она пожала плечами и сказала съ непритворной скромностью, къ которой однако примѣшивалась горечь:

— О! женская живопись! стоитъ ли объ этомъ толковать.

Появленіе Фердинанда Сурди было важнымъ дѣломъ для дяди Морана. Прибавлялся новый покупатель, и покупатель серьёзный, такъ какъ никто въ Меркёрѣ не истреблялъ столько красокъ. Въ теченіе перваго мѣсяца Моранъ очень интересовался молодымъ человѣкомъ, удивленный артистическою страстью въ одномъ изъ тѣхъ гувернеровъ, которыхъ онъ презиралъ за неопрятность и лѣность, наглядѣвшись на нихъ въ продолженіи 50-ти лѣтъ. Но этотъ гувернеръ, какъ ему разсказывали, принадлежалъ къ знатной разорившейся фамиліи, и по смерти своихъ родителей вынужденъ былъ взять первое попавшееся мѣсто, чтобы не умереть съ голода. Онъ продолжалъ заниматься живописью, мечталъ о свободѣ, о Парижѣ, о славѣ. Прошелъ годъ,—Фердинандъ, казалось, смирился, прикованный къ Меркёру нуждою. Дядя Моранъ въ концѣ-концовъ привыкъ къ нему, и пересталъ имъ интересоваться.

Однако, какъ-то разъ, вечеромъ, его удивилъ вопросъ дочери. Она рисовала, при свѣтѣ лампы, стараясь съ математической точностью воспроизвести фотографію съ какой-то картины Рафаэля, какъ вдругъ, послѣ долгого молчанія, сказала, не поднимая головы:

— Папа̀, отчего ты не попросишь у Фердинанда какую-нибудь изъ его картинъ?.. Ее можно бы было поставить за витрину.

— Ба! это правда—воскликнулъ Моранъ—это идея... Мнѣ никогда не приходило въ голову посмотрѣть, что̀ онъ тамъ рисуетъ. Развѣ онъ показывалъ тебѣ что-нибудь?

— Нѣтъ,—отвѣчала она.—Я такъ сказала... По крайней мѣрѣ мы увидимъ, какого рода его живопись.

Собственно Фердинандъ заинтересовалъ Адель. Ее поразила красота молодого блондина, носившаго коротко остриженные волосы, но длинную бороду, золотистую, мягкую и тонкую бороду, сквозь которую просвѣчивала его розовая кожа. Его голубые глаза выражали кротость, а маленькія, тонкія руки и нѣжное лицо указывали на мягкую, чувственную натуру. У него не могло быть твердой воли. Дѣйствительно, случалось, что онъ по три недѣли не являлся въ лавку; живопись была заброшена, и ходили слухи, что молодой человѣкъ проводитъ время достойнымъ сожалѣнія образомъ въ грязномъ трактирѣ. Одно время поговаривали даже объ исключеніи его изъ службы, такъ какъ онъ двѣ ночи провелъ внѣ училища и однажды вечеромъ явился мертвецки-пьянымъ; но трезвый онъ оказывался такъ милъ, что его оставляли, несмотря на его заблужденія. Дядя Моранъ, конечно, избѣгалъ говорить съ дочерью объ этихъ вещахъ; рѣшительно всѣ гувернеры другъ друга стоютъ, — совершенно безнравственные люди, и онъ высокомѣрно пріосанивался, какъ подобало скандализованному буржуа, встрѣчаясь съ молодымъ человѣкомъ, хотя въ душѣ сохранялъ глухое пристрастіе къ художнику. Адель тѣмъ не менѣе знала о безпутствахъ молодого человѣка, благодаря болтовнѣ служанки. Она также молчала, но думала объ этомъ, и сердилась на молодого человѣка до такой степени, что въ теченіе трехъ недѣль избѣгала отпускать ему товаръ, даже уходила изъ лавки, лишь только замѣчала, что онъ направляется въ нее. Но она очень много думала о немъ, и разнаго рода смутныя идеи зашевелились въ ней. Онъ становился интересенъ. Когда онъ проходилъ, она слѣдила за нимъ глазами; потомъ размышляла о немъ съ утра до вечера, наклонясь надъ своими акварелями.

— Ну, что же,— спросила она въ воскресенье у отца,— принесъ онъ тебѣ картину?

Наканунѣ она съумѣла устроить такъ, что отецъ находился въ лавкѣ, когда пришелъ Фердинандъ.

— Да,—сказалъ Моранъ,—но онъ заставилъ-таки себя просить!.. Не знаю, скромность ли это или ломанье. Онъ извинялся, говорилъ, что его картины не стоитъ показывать... Завтра картина будетъ у насъ.

На другой день Адель, вернувшись домой съ прогулки къ развалинамъ замка, куда она ходила снять эскизъ, остановилась въ онѣмѣніи передъ полотномъ безъ рамки, поставленнымъ на мольбертѣ, посреди лавки. Это была картина Фердинанда Сурди. Она изображала дно широкаго рва, съ огромнымъ откосомъ, зеленая линія котораго перерѣзывала голубое небо; тутъ рѣзвилась толпа учениковъ коллежа, между тѣмъ какъ гувернеръ читалъ, растянувшись на травѣ; очевидно, картина была срисована съ натуры. Но Адель была совершенно поражена нѣкоторыми переходами тоновъ и смѣлостью рисунка, на которую бы она сама никогда не рѣшилась. Въ своихъ собственныхъ работахъ она выказывала необыкновенное искусство, такъ что совершенно усвоила себѣ сложные пріемы Ренкена и многихъ другихъ любимыхъ ею художниковъ. Но тутъ было что-то новое, незнакомое для нея, чувствовалась личность художника, и это ее поражало.

— Ну, что же? — спросилъ Моранъ, стоявшій сзади ея, и ожидавшій ея рѣшенія. — Что ты объ этомъ думаешь?

Она молчала. Наконецъ, все еще колеблясь и не рѣшаясь, пробормотала:

— Странно... Очень хорошо...

Она возвращалась къ полотну нѣсколько разъ, съ серьёзнымъ лицомъ. На другой день, когда она все еще разсматривала картину, вошелъ въ лавку Ренкенъ, находившійся въ то время въ Меркерѣ, и слегка вскрикнулъ:

— Ба! это что такое?

Онъ смотрѣлъ на картину—ошеломленный. Потомъ, придвинувъ стулъ и сѣвши передъ картиной, оглядѣлъ ее въ деталяхъ, и мало-по-малу пришелъ въ восторгъ.

— Да это очень любопытно!.. Тонъ замѣчательной тонкости и правды!.. Посмотрите, какъ выдѣляются эти бѣлыя рубашки на зеленой травѣ... И какъ оригинально! какъ правдиво!.. Вѣдь это не ты рисовала?

Адель слушала, краснѣя, какъ-будто бы онъ дѣлалъ комплиментъ ей самой. Она поспѣшно отвѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ; это тотъ молодой человѣкъ: вы его знаете,—онъ служитъ въ коллежѣ.

— Право, работа похожа на твою, — продолжалъ художникъ.— Это ты, если бы только прибавить тебѣ силу... А! такъ это тотъ мо-

лодой человѣкъ! ну, у него есть талантъ, и большой талантъ. Такая картина имѣла бы большой успѣхъ на выставкѣ.

Вечеромъ Ренкенъ обѣдалъ у Морановъ; онъ всегда оказывалъ имъ эту честь, пріѣзжая въ Меркёръ. Онъ говорилъ о живописи весь вечеръ, нѣсколько разъ возвращаясь къ Фердинанду Сурди, котораго обѣщалъ увидѣть и ободрить. Адель молча слушала его разсказы о Парижѣ, о жизни, которую онъ тамъ ведетъ, о тріумфахъ, которые достаются ему на долю, и на блѣдномъ лбу разсудительной молодой дѣвушки ложилась глубокая морщина, какъ-будто подъ ней засѣла и навсегда утвердилась какая-то мысль. Картина Фердинанда была вставлена въ рамку и выставлена въ витринѣ; барышни Левекъ видѣли ее, но нашли незаконченной, а встревоженный полякъ разсказывалъ въ городѣ, что это живопись новой школы, отрицающей Рафаэля. Несмотря на то, картина имѣла успѣхъ; ее нашли прекрасной; семейства горожанъ приходили одно за другимъ, посмотрѣть на ученическъ, которые тутъ были нарисованы. Положеніе Фердинанда въ коллежѣ не улучшилось отъ этого; преподаватели были скандализованы славою этого гувернера, настолько безнравственнаго, чтобы срисовывать дѣтей, за которыми ему поручено было глядѣть. Однако за нимъ оставили мѣсто, взявъ обѣщаніе вести себя серьёзнѣе на будущее время. Ренкенъ, явившійся къ нему съ поздравленіемъ, нашелъ его обезкураженнымъ, почти въ слезахъ; онъ поговаривалъ о томъ, что надо бросить живопись.

— Полно!—сказалъ живописецъ съ своей обычной добродушной грубостью. — У васъ достаточно таланта, чтобы насмѣяться надъ всѣми этими болванами... Не безпокойтесь, будетъ и на вашей улицѣ праздникъ: вы съумѣете выбиться изъ нищеты, какъ и ваши собратья. Я самъ былъ на побѣгушкахъ у каменьщиковъ... А пока работайте,—въ этомъ все дѣло.

Съ этихъ поръ для Фердинанда началась новая жизнь. Мало-помалу онъ сблизился съ Моранами. Адель начала копію съ его картины „Прогулка“. Она оставила свои акварели, и принялась за масляныя краски. Ренкенъ совершенно справедливо замѣтилъ: у ней была вся тонкость рисунка молодого живописца, безъ его силы; но крайней мѣрѣ, она уже вполнѣ овладѣла пріемами и даже превосходила Фердинанда въ искусствѣ и ловкости, легко побѣждая всякую трудность. Копія, медленно и тщательно сдѣланная, сблизила ихъ еще больше. Адель, такъ-сказать, раскусила Фердинанда, быстро овладѣла его методомъ, такъ что онъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ такое буквальное повтореніе своей картины, воспроизведенной со всею женскою граціей. Это былъ онъ, обезличенный, но исполненный прелести. Въ Меркёрѣ копія Адели имѣла гораздо бо́льшій

успѣхъ, чѣмъ оригиналъ Фердинанда. Но за то пошли чудовищныя исторіи на ихъ счетъ.

Въ дѣйствительности, Фердинандъ не думалъ ни о чемъ подобномъ. Адель вовсе не прельщала его. Онъ пребывалъ холоденъ къ маленькой буржуазкѣ; желтоватый жиръ ея лица былъ ему даже непріятенъ. Онъ обходился съ ней просто, какъ художникъ, какъ товарищъ. Они говорили только о живописи. Онъ воспламенялся, вслухъ мечталъ о Парижѣ, возмущался противъ нищеты, которая привязывала его къ Меркёру. Ахъ! еслибъ у него были средства къ жизни, онъ бросилъ бы коллежъ! Успѣхъ казался ему несомнѣннымъ. Несчастный вопросъ о деньгахъ, о насущномъ хлѣбѣ, приводилъ его въ бѣшенство. А она серьёзно слушала его, видимо, обсуждая вопросъ со всѣхъ сторонъ, взвѣшивая шансы успѣха. Потомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ объясненій, совѣтовала ему не терять надежды.

Въ одно прекрасное утро дядю Морана нашли въ лавкѣ мертвымъ. Онъ разбиралъ ящикъ съ кистями и красками, какъ вдругъ былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ. Прошло двѣ недѣли; Фердинандъ избѣгалъ тревожить огорченныхъ дочь и мать. Когда онъ опять явился, все оказалось по старому. Адель рисовала, въ траурномъ платьѣ; мадамъ Моранъ спала въ своей комнатѣ. Прежняя жизнь, разговоры объ искусствѣ, мечты о тріумфѣ въ Парижѣ—пошли своимъ чередомъ. Только молодые люди сблизились еще больше. Но никогда нѣжная фамильярность, никогда слово любви не смущало ихъ чисто интеллектуальной дружбы.

Однажды вечеромъ, Адель, казавшаяся еще серьёзнѣе, чѣмъ обыкновенно, объяснилась на чистоту, пристально посмотрѣвъ на Фердинанда своими свѣтлыми глазами. Безъ сомнѣнія, она достаточно изучила его; пора было придти къ какому-нибудь рѣшенію.

— Послушайте,—сказала она.—Давно уже я хочу поговорить съ вами объ одномъ планѣ... Теперь, я одинока. Моя мать не идетъ въ счетъ. И вы извините меня, если я буду говорить съ вами напрямикъ...

Онъ слушалъ ее въ недоумѣніи. Тогда, безъ всякаго смущенія, съ замѣчательною ясностью, она объяснила ему положеніе дѣлъ, упомянула о его безконечныхъ жалобахъ. Ему недоставало только денегъ. Имѣй онъ необходимыя на первое время средства, чтобы работать свободно и жить въ Парижѣ — и черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сталъ бы знаменитъ.

— Итакъ,—заключила она,—позвольте мнѣ явиться къ вамъ на помощь. Отецъ оставилъ мнѣ 5,000 франковъ дохода, и я могу располагать ими, какъ мнѣ вздумается, такъ какъ судьба моей матери также обезпечена. Я для нея не нужна.

Но Фердинандъ возсталъ противъ этого. Никогда онъ не приметъ подобной жертвы, никогда не рѣшится ее обобрать. Она твердо посмотрѣла на него, видя что онъ не понялъ.

— Мы поѣдемъ въ Парижъ,—возразила она съ разстановкой,— будущность въ нашихъ рукахъ...

Потомъ, видя его недоумѣніе, улыбнулась и пожала ему руку, сказавши съ сердечной простотой:

— Хотите на мнѣ жениться, Фердинандъ?.. Все же я буду обязана вамъ, а не вы мнѣ, такъ какъ вы знаете, что я честолюбива; да, я всегда мечтала о славѣ, а вы доставили мнѣ славу.

Онъ несвязно бормоталъ что-то, не рѣшаясь еще сдаться на это столь внезапное предложеніе, тогда какъ Адель спокойно излагала свой планъ, давно и зрѣло обдуманный. Потомъ она съ материнскою нѣжностью потребовала отъ него только одной клятвы: вести себя хорошо. Геній не совмѣстенъ съ безпорядочной жизнью. При этомъ дала ему понять, что знаетъ про его распущенность, что это ее не останавливаетъ, но, разумѣется, онъ долженъ исправиться. Фердинандъ очень хорошо понялъ, какого рода сдѣлку предлагаетъ ему Адель: она доставляла ему деньги, онъ обязывался принести ей славу. Онъ не любилъ ее, а въ эту минуту даже испытывалъ къ ней настоящее отвращеніе. Тѣмъ не менѣе, онъ бросился къ ея ногамъ, и благодарилъ ее, не найдя ничего сказать, кромѣ фразы, фальшиво прозвучавшей въ ея ушахъ:

— Вы будете моимъ ангеломъ-хранителемъ.

При всей своей холодности, она внезапно отдалась порыву страсти; бросилась къ нему на шею и осыпала поцѣлуями его лицо; вѣдь она любила его, прельщенная красотою молодого блондина. Уснувшая страсть пробудилась. Въ этой сдѣлкѣ принимало участіе и долго подавляемое чувство.

Спустя три недѣли, Фердинандъ Сурди былъ женатъ. Онъ уступилъ не столько разсчетамъ, сколько необходимости и цѣлому ряду фактовъ, изъ которыхъ не могъ выпутаться. Запасъ красокъ и кистей былъ проданъ мелкому сосѣднему торговцу бумагой. Мадамъ Моранъ, привыкшая къ одиночеству, пребывала совершенно равнодушной ко всему происходившему. И вотъ, молодая чета отправилась въ Парижъ, увозя съ собою *Прогулку*, покидая Меркёръ, ошеломленный такой внезапной развязкой. Дѣвицы Левекъ говорили, что мадамъ Сурди какъ разъ во-время поѣхала родить въ Парижъ.

II.

Мадамъ Сурди въ Парижѣ занялась устройствомъ квартиры въ улицѣ d'Assas; большое окно мастерской выходило на деревья Люксамбургскаго сада. Такъ какъ средства молодой четы были невелики, то Адели пришлось сдѣлать чудеса, чтобы устроить комфортабельную обстановку безъ большихъ издержекъ. Она старалась привязать къ себѣ Фердинанда, заставить его полюбить мастерскую. И дѣйствительно, первое время жизнь вдвоемъ, въ громадномъ Парижѣ, была по истинѣ восхитительна.

Зима приходила къ концу. Первые мартовскіе дни были теплы и безоблачны. Ренкенъ прибѣжалъ, лишь только узналъ о пріѣздѣ живописца съ женою. Ихъ свадьба не удивила его, хотя обыкновенно онъ возставалъ противъ брачныхъ союзовъ между художниками; по его мнѣнію, это всегда имѣло дурной исходъ, одинъ непремѣнно долженъ былъ заѣсть другого. Фердинандъ заѣстъ Адель, вотъ и все; и тѣмъ лучше для него, потому что малый нуждается въ деньгахъ. Вѣдь все равно, жениться ли на непривлекательной дѣвушкѣ, или терпѣть голодъ и холодъ, и обѣдать въ ресторанахъ за полтора франка.

Войдя въ мастерскую, Ренкенъ увидѣлъ „Прогулку", въ богатой рамкѣ, стоящую на мольбертѣ, посреди комнаты.

— А, a!—сказалъ онъ весело,—вы привезли съ собой нашъ chef d'oeuvre.

Онъ сѣлъ, и снова принялся расхваливать изящество тоновъ и оригинальность картины. Потомъ внезапно сказалъ:

— Надѣюсь, что вы пошлете ее на выставку. Я ручаюсь за успѣхъ... Вы пріѣхали какъ разъ во-время.

— И я совѣтую ему это—кротко сказала Адель.—Но онъ не рѣшается. Ему хотѣлось бы начать чѣмъ-нибудь болѣе великимъ и совершеннымъ.

Тогда Ренкенъ пришелъ въ азартъ. Юныя произведенія священны; можетъ быть, къ Фердинанду никогда больше не вернется такое вдохновеніе, такая наивная смѣлость рисунка. Нужно быть набитымъ дуракомъ, чтобы не понимать этого. Адель улыбалась его азарту; конечно, ея мужъ пойдетъ дальше, она надѣялась, что другія картины будутъ еще лучше; но ей пріятно было видѣть, что Ренкенъ старается уничтожить странное безпокойство, овладѣвшее Фердинандомъ въ послѣднюю минуту. Было рѣшено, что съ завтрашняго дня „Прогулку" пошлютъ на выставку; до ея открытія оставалось три дня. Что

касается до принятія картины, то оно обезпечено: Ренкенъ былъ членомъ комитета и пользовался тамъ значительнымъ вліяніемъ.

На выставкѣ „Прогулка“ имѣла огромный успѣхъ. Въ теченіе трехъ недѣль публика толпилась передъ картиной. Фердинандъ, какъ это часто бываетъ въ Парижѣ, сталъ сразу знаменитъ.

Для вящшаго успѣха, и критика разошлась во взглядахъ. Грубыхъ нападокъ не было, только нѣкоторые придирались къ деталямъ, за то другіе съ увлеченіемъ защищали художника. Въ концѣ-концовъ „Прогулка“ была объявлена образцовымъ произведеніемъ, и администрація тотчасъ же предложила за нее 6,000 франковъ. Картина отличалась оригинальностью на столько, чтобы плѣнить пресыщенный вкусъ большинства; въ то же время темпераментъ художника не доходилъ до излишества, способнаго раздражать людей; въ результатѣ, новизны и силы было какъ разъ столько, сколько требовалось для публики. Кричали даже о появленіи новой силы; такъ понравилось это равновѣсіе въ картинѣ.

Въ то время, какъ мужъ производилъ такой фуроръ въ публикѣ и въ печати, Адель, также отправившая на выставку свои меркёрскіе опыты, очень изящныя акварели, не возбуждала вниманія ни въ публикѣ, ни въ журналахъ. Но она не завидовала, въ ней даже нисколько не страдало тщеславіе художника. Всю свою гордость она сосредоточила на своемъ миломъ Фердинандѣ. У этой молчаливой дѣвушки, которая до 22-хъ лѣтъ прозябала въ сыромъ провинціальномъ болотѣ, у этой холодной и желтой буржуазки страсть вспыхнула съ необыкновенною силой. Она любила Фердинанда за его золотистую бороду, за его розовую кожу, за прелесть и грацію всей его фигуры; она ревновала, страдала, если онъ выходилъ изъ дому на самое короткое время, безпрестанно слѣдила за нимъ, опасаясь, чтобы какая-нибудь другая женщина не похитила его у нея. Она очень хорошо видѣла въ зеркалѣ свои недостатки: толстую талію, блѣдное лицо. Но она, а Фердинандъ олицетворялъ красоту въ ихъ союзѣ; и тутъ преимущество было на его сторонѣ. Ея сердце млѣло при мысли, что она всѣмъ обязана Фердинанду. Ея голова работала, она поклонялась Фердинанду, какъ художнику, и чувствовала къ нему безконечную благодарность; она участвовала въ его талантѣ, въ его побѣдахъ, въ его славѣ, которая и ее озаряла своими лучами. Всѣ ея мечты осуществились не на ней самой, но на существѣ, которое она любила, какъ ученица, какъ мать и какъ жена. Наконецъ, она гордилась Фердинандомъ, какъ своимъ созданіемъ.

Въ эти первые два мѣсяца, счастіе озаряло и украшало мастерскую улицы d'Assas. Хотя Адель и сознавала, что всѣмъ обязана Фердинанду, но это сознаніе не унижало ея: она довольствовалась мыслью,

что все это создалось ея руками. Она привѣтствовала нѣжною улыбкой расцвѣтъ счастія, къ которому стремилась—и которое лелѣяла. Она говорила себѣ—и эта мысль не имѣла ничего низкаго—что только благодаря ея деньгамъ стало возможнымъ осуществленіе этого счастья. Такимъ образомъ, она примирялась съ своимъ положеніемъ, сознавая его необходимость. Ея удаленіе и обожаніе были добровольною данью личности, готовой стушеваться въ пользу созданія, которое она считаетъ своимъ, которымъ она живетъ. Деревья Люксамбурскаго сада зеленѣли, пѣніе птицъ доносилось въ мастерскую вмѣстѣ съ теплымъ весеннимъ вѣтеркомъ. Каждое утро получались новые журналы съ хвалебными отзывами; публика раскупала портретъ Фердинанда, его картина воспроизводилась всѣми способами и во всѣхъ форматахъ. И новобрачные упивались этой шумной славой, чувствуя съ дѣтскою радостью, что огромный и шумный Парижъ занимается ими, въ то время какъ они завтракаютъ за своимъ маленькимъ столикомъ, въ пріятной тишинѣ своего убѣжища.

Однако, Фердинандъ не принимался за работу. Лихорадочное возбужденіе, въ которомъ онъ жилъ, не давало, говорилъ онъ, ему работать. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ каждый день собирался приступить къ большой картинѣ, которую задумалъ уже давно: картина называлась *Озеро* и изображала аллею Булонскаго лѣса, въ ту минуту, когда цѣпь экипажей медленно катится, озаряемая золотистымъ свѣтомъ заката. Онъ уже набросалъ нѣсколько эскизовъ; но вдохновеніе, посѣщавшее его во дни нищеты и бѣдности, не возвращалось. Благосостояніе, казалось, усыпляло его; притомъ онъ наслаждался своимъ внезапнымъ торжествомъ, какъ будто опасаясь испортить его новыми трудами. Теперь онъ все время проводилъ внѣ дома. Часто исчезалъ поутру, и возвращался только вечеромъ; два или три раза пришелъ домой очень поздно. У него были безконечные предлоги для отлучекъ: то посѣщеніе мастерской, то визитъ къ какому-нибудь современному художнику, собираніе матеріаловъ для будущихъ работъ, а въ особенности дружескіе обѣды. Онъ встрѣтилъ здѣсь многихъ изъ своихъ лильскихъ товарищей, былъ уже членомъ многихъ артистическихъ обществъ. Благодаря всему этому, онъ закружился въ вихрѣ удовольствій, послѣ которыхъ возвращался домой въ лихорадочномъ возбужденіи, болтая громче обыкновеннаго и сверкая глазами.

Адель не позволила себѣ еще ни одной жалобы. Она очень страдала отъ этой разсѣянной жизни, отнимавшей у нея мужа и оставлявшей ее одну въ теченіе долгихъ часовъ. Но она упрекала себя за свою ревность и опасенія: у Фердинанда есть свои дѣла; художникъ—не буржуа, который можетъ жить спокойно въ своемъ уголку; ему нужно знать свѣтъ; онъ обязанъ жертвовать собою ради успѣха.

И она испытывала почти угрызенія совѣсти за свое внутреннее волненіе, когда Фердинандъ, разыгрывая передъ ней роль человѣка, замученнаго свѣтскими обязанностями, клялся, что все это ему надоѣло до-нельзя, и что онъ готовъ бы былъ всѣмъ пожертвовать, лишь бы только никогда не разставаться съ своей женой. Однажды она даже сама выпроводила его за дверь, когда онъ притворно отказывался идти на веселый завтракъ, гдѣ долженъ былъ познакомиться съ однимъ очень богатымъ любителемъ. Потомъ, оставшись одна, Адель плакала. Какъ она ни крѣпилась, ей постоянно представлялся Фердинандъ въ кругу другихъ женщинъ, она чувствовала, что онъ ее обманываетъ, и такъ разстроивалась отъ этой мысли, что должна была ложиться въ постель.

Часто приходилъ за Фердинандомъ Ренкенъ. Тогда она пробовала шутить:

— Вы будете благоразумны, не правда ли? Вы знаете, что я довѣряю вамъ его.

— Полно, не бойся!—отвѣчалъ, смѣясь, живописецъ.—Если его вздумаютъ похитить, я буду при немъ... Я принесу тебѣ его шапку и трость.

Она довѣряла Ренкену. Если и онъ уводилъ Фердинанда, значитъ это было нужно. Она привыкла къ этой жизни. Но все-таки съ сожалѣніемъ вспоминала о первыхъ недѣляхъ ихъ парижской жизни, до выставки, которая вызвала весь этотъ шумъ, когда они такъ счастливо проводили время вдвоемъ, въ уединеніи своей мастерской. Теперь она должна была работать одна, и съ жаромъ принялась за свои акварели, чтобы убить время. Какъ только Фердинандъ заворачивалъ за уголъ, кивнувъ ей головой въ послѣдній разъ на прощанье, она отходила отъ окошка и принималась за работу. А онъ рыскалъ по городу, заходилъ Богъ знаетъ куда, засиживался Богъ знаетъ гдѣ, возвращался домой съ красными глазами, еле держась на ногахъ отъ усталости. Она же терпѣливо, упрямо, проводила цѣлые дни за своимъ маленькимъ столикомъ, снимая безъ устали копіи съ этюдовъ, привезенныхъ изъ Меркёра, небольшихъ умильныхъ пейзажей, и дѣлала замѣчательные успѣхи. Это замѣняетъ мнѣ работы по канвѣ,—говорила она съ принужденной улыбкой.

Однажды вечеромъ она дожидалась Фердинанда, снимая чернымъ карандашомъ копію съ гравюры,—какъ вдругъ глухой шумъ отъ паденія чьего-то тѣла, раздавшійся у самыхъ дверей мастерской, заставилъ ее вздрогнуть. Она окликнула, рѣшилась отпереть дверь, и очутилась лицомъ къ лицу съ своимъ мужемъ, который старался подняться на ноги, смѣясь густымъ смѣхомъ. Онъ былъ—пьянъ.

Адель, блѣдная какъ полотно, помогла ему встать и добраться до спальни. Онъ извинялся, бормоча безсвязныя слова. Она, не говоря ни слова, помогла ему раздѣться. Потомъ, когда онъ улегся въ постель и захрапѣлъ, она не легла спать сама, и просидѣла всю ночь въ креслѣ, съ открытыми глазами, погруженная въ задумчивость. Морщина легла на ея блѣдномъ лбу. На утро она ни слова не сказала ему о постыдной вчерашней сценѣ. Онъ былъ очень смущенъ, ходилъ совсѣмъ осовѣлый, съ воспаленными глазами и горечью во рту. Молчаніе жены удвоивало его смущеніе; такъ что онъ два дня не выходилъ изъ дому, смиренно принявшись за работу съ усердіемъ школьника, старающагося загладить свою шалость. Онъ набросалъ общій контуръ своей картины, совѣтуясь съ Аделью, стараясь дать ей замѣтить, какъ онъ ее уважаетъ. Сначала она была молчалива и очень холодна, воплощая собой живой упрекъ, хотя и воздерживаясь отъ всякихъ намековъ. Потомъ, видя раскаяніе Фердинанда, она опять стала простой и доброй; все было молча прощено и забыто. Но на третій день явился Ренкенъ и увелъ своего молодого друга въ Café Anglais на обѣдъ съ какимъ-то знаменитымъ критикомъ; Адель должна была дожидаться мужа до 4 часовъ утра, когда онъ явился съ подбитымъ лѣвымъ глазомъ: вѣроятно, его хватили бутылкой въ какомъ-нибудь вертепѣ. Она уложила его и перевязала рану. Ренкенъ разстался съ Фердинандомъ на бульварѣ, въ 11 часовъ.

Съ тѣхъ поръ это сдѣлалось правиломъ: уходилъ ли Фердинандъ на обѣдъ, отправлялся ли онъ на вечеръ, отлучался ли подъ какимъ-нибудь предлогомъ, вечеромъ—всякій разъ онъ возвращался въ ужасномъ видѣ. Онъ приходилъ домой мертвецки-пьяный, украшенный синяками, принося въ своей растрепанной одеждѣ постыдный запахъ алкоголя и мускуса.

Онъ утопалъ въ чудовищномъ развратѣ, благодаря позорной слабости характера. И Адель продолжала молчать, продолжала заботиться о немъ съ суровостью статуи, не разспрашивая его, не давая ему оплеухъ за позорное поведеніе. Она подавала ему чай, держала передъ нимъ лоханку, приводила все въ порядокъ, не желая будить никого, скрывая свое положеніе, какъ позоръ, обнаружить который ей не позволяла стыдливость. Притомъ, зачѣмъ бы стала она его разспрашивать? Каждый разъ, она легко представляла себѣ всю драму, пьянство съ друзьями, затѣмъ безпутныя ночныя прогулки по Парижу, грязные кутежи. Иногда она находила въ его карманахъ неизвѣстные адресы, всякаго рода доказательства его поведенія, которыя она торопилась сжечь, не желая знать объ этихъ вещахъ. Когда онъ возвращался исцарапанный и грязный, она обмывала его въ высокомѣрномъ молчаніи, которое онъ не осмѣливался нарушить. Потомъ,

на другое утро, послѣ этихъ ночей разврата, когда онъ проснулся и видѣлъ ее передъ собою въ нѣмомъ молчаніи, имъ обоимъ казалось, что они пережили какой-то кошмаръ, и жизнь принимала свое обычное теченіе.

Одинъ только разъ, Фердинандъ, проснувшись, въ порывѣ невольной нѣжности, бросился къ ней на шею, рыдая, и съ трудомъ выговорилъ:

— Прости меня, прости!

Но она оттолкнула его, недовольная, притворяясь удивленной:

— Какъ! простить тебя?.. Ты ничего не сдѣлалъ дурного. Я ни въ чемъ тебя не упрекаю.

И это упорное желаніе казаться незнающею, это превосходство женщины, владѣющей собою до полнаго господства надъ страстями, совершенно уничтожало Фердинанда.

На самомъ дѣлѣ, Адель терзалась отъ гнѣва и отвращенія. Поведеніе Фердинанда возмущало ея привычки порядочности, привитыя строгимъ воспитаніемъ. Ею овладѣвало глубокое отвращеніе, когда Фердинандъ возвращался, зараженный развратомъ, когда ей приходилось прикасаться къ нему своими руками и проводить остатокъ ночи въ атмосферѣ его дыханія. Она презирала его. Но къ этому презрѣнію примѣшивалась ненависть къ друзьямъ, къ женщинамъ, которыя доводили его до такого униженія. Она съ радостью услышала бы предсмертное хрипѣніе тѣхъ женщинъ на тротуарѣ; она представляла ихъ себѣ чудовищами, не понимая, отчего полиція не очиститъ отъ нихъ улицы ружейными выстрѣлами. Ея любовь къ Фердинанду не уменьшилась; если человѣкъ внушалъ иногда отвращеніе, то она поклонялась художнику; и это поклоненіе было до такой степени безкорыстно, что она, какъ истая буржуазка, пропитанная легендами о безпорядочности жизни, свойственной геніальнымъ людямъ, спрашивала себя, не должна ли она принимать развратъ Фердинанда за тотъ роковой навѣмъ, на которомъ произрастаютъ великія произведенія. Если ея женская деликатность, ея материнская любовь оскорблялись измѣнами Фердинанда, то, можетъ быть, еще горьче упрекала она его за то, что онъ не сдержалъ обязательства трудиться, нарушилъ контрактъ, заключенный между ними, согласно которому она должна была доставить матеріальное благосостояніе, а онъ—славу; такое нарушеніе даннаго слова возмущало ее, и она старалась спасти, по крайней мѣрѣ, талантъ, если ужъ человѣкъ долженъ былъ погибнуть. Для этого ей нужна была сила. Она должна была быть главою въ домѣ.

Не прошло и году, какъ Фердинандъ почувствовалъ себя въ положеніи ребенка. Адель совершенно управляла его волей. Она была

мужчиной въ этой жизненной битвѣ. При каждомъ новомъ проступкѣ, когда она ухаживала за нимъ съ суровымъ состраданіемъ, онъ все болѣе и болѣе смирялся, угадывая ея презрѣніе и покорно склоняя голову. Они не обманывали другъ друга: она являлась разумомъ, честностью, силой, тогда какъ онъ погрязъ во всевозможныхъ слабостяхъ и порокахъ; и всего болѣе терзала и уничтожала его эта холодность судьи, который все знаетъ и простираетъ свое презрѣніе до прощенія, не считая даже нужнымъ увѣщевать виновнаго, какъ-будто бы каждое слово о такомъ постыдномъ предметѣ унизило бы самого судью. Она молчала, чтобы самой оставаться на высотѣ, чтобы не спуститься и не замарать себя въ этой грязи. Если бы она сердилась, если бы она попрекала его грязью его ночныхъ любовныхъ похожденій, какъ женщина, волнуемая ревностью, онъ, конечно, страдалъ бы не такъ сильно, онъ не чувствовалъ бы себя раздавленнымъ ея ледянымъ величіемъ. Унижаясь, она возвысила бы его. Какимъ маленькимъ, какимъ ничтожнымъ онъ чувствовалъ себя, просыпаясь, полуживой отъ позора, съ увѣренностью, что она все знаетъ —и не удостоиваетъ проронить ни одной жалобы.

Однако, картина подвигалась впередъ; онъ понялъ, что талантъ остался его единственной силой. Когда онъ работалъ, Адель снова превращалась въ нѣжную жену; тутъ она, въ свою очередь, умиялась, почтительно слѣдила за его работой, стоя за его спиной, и высказывала тѣмъ больше покорности, чѣмъ лучше была работа. Онъ былъ ея господиномъ, онъ опять становился мужемъ, занимавшимъ должное мѣсто въ дому. Но теперь его часто одолѣвала непреодолимая лѣнь. Когда онъ возвращался домой, разбитый и истощенный жизнью, которую велъ, его руки отказывались работать, имъ овладѣвало полнѣйшее безсиліе; онъ чувствовалъ какую-то тяжесть въ головѣ, его способности не повиновались ему. Тогда онъ цѣлый день топтался передъ картиной, хватался за кисть и тотчасъ же съ отчаяніемъ и яростью выпускалъ ее изъ рукъ или засыпалъ тяжелымъ сномъ на диванѣ, и просыпался только вечеромъ съ жестокою головною болью. Въ эти дни Адель молча смотрѣла на него. Она ходила на цыпочкахъ, стараясь не раздражать его нервовъ, не потревожить вдохновенія, которое, безъ сомнѣнія, должно явиться; вѣдь она вѣрила въ вдохновеніе, въ невидимый огонь, слетающій черезъ открытое окошко на чело художника. Потомъ и ее утомлялъ этотъ упадокъ силъ, она начинала безпокоиться при мысли, пока еще смутной, что Фердинандъ могъ кончить полнымъ банкротствомъ, какъ безчестный компаньонъ.

Наступилъ февраль, приближалось время выставки, а „Озеро“ не приходило къ концу. Черная работа была кончена; все полотно

было уже зарисовано. Но только нѣкоторыя отдѣльныя части далеко подвинулись впередъ, остальное было неясно и несовершенно. Нельзя было послать картину въ такомъ состояніи, въ видѣ предварительнаго наброска. Ей недоставало необходимой законченности, а Фердинандъ не подвигался впередъ, онъ терялся въ деталяхъ, замарывалъ поутру то, чтó нарисовалъ наканунѣ, вертѣлся какъ бѣлка въ колесѣ, безплодно тратилъ силы, въ напрасныхъ усиліяхъ создать что-нибудь. Однажды Адель отлучилась зачѣмъ-то изъ дому; возвращаясь домой въ сумеркахъ, она услышала въ потемнѣвшей мастерской рыданія. И увидала мужа, неподвижно сидѣвшаго на стулѣ передъ картиной.

— Ты плачешь? — сказала она, сильно взволнованнная.—Что съ тобой?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—пробормоталъ онъ.

Онъ сидѣлъ такъ уже цѣлый часъ, безсмысленно устремивъ взоры на картину, гдѣ уже ничего не могъ разобрать. Все сливалось передъ его мутнымъ взглядомъ. Его работа казалась ему безсмысленнымъ и жалкимъ хаосомъ; онъ чувствовалъ себя парализованнымъ, слабымъ какъ ребенокъ, совершенно неспособнымъ привести въ порядокъ эту безпорядочную путаницу красокъ. Потомъ, когда мракъ мало-по-малу опуталъ полотно, когда все, включая и жизненныя черты картины, погружалось въ темноту, какъ-бы уничтожилось, онъ почувствовалъ смертельную тоску. Тутъ онъ разразился рыданіями.

— Но ты плачешь, я чувствую это, — повторила молодая женщина, прикоснувшись руками къ его лицу, орошенному горячими слезами.—Развѣ ты страдаешь?

На этотъ разъ онъ не могъ отвѣчать. Его опять душили рыданія. Тогда, забывъ свою затаенную злобу, уступая чувству состраданія къ этому жалкому, безсильному человѣку, она матерински поцѣловала его въ темнотѣ.

Вотъ оно,—окончательное банкротство!

III.

На другой день Фердинандъ долженъ былъ послѣ завтрака отлучиться изъ дому. Вернувшись черезъ два часа, и остановившись, какъ обыкновенно, въ задумчивости передъ картиною, онъ слегка вскрикнулъ:

— Ба! кто-то дотрогивался до моей картины?

Налѣво, очевидно, работали надъ уголкомъ неба и группою де-

ревьевъ. Адель, наклонившись надъ столомъ съ акварелями, не сразу отвѣчала.

— Кто это сдѣлалъ,—повторилъ онъ скорѣе удивленный, чѣмъ разсерженный.—Развѣ приходилъ Ренкенъ?

— Нѣтъ,—сказала Адель, не поднимая головы и дѣлая видъ, что усердно занимается. Это я забавлялась... Но, наконецъ, вѣдь это не важно.

Фердинандъ принужденно засмѣялся.

— Итакъ, ты хочешь мнѣ помочь?.. Тонъ очень удаченъ; только въ одномъ мѣстѣ нужно смягчить свѣтъ.

— Гдѣ же?—спросила она, вставая... А! да, эта вѣтка...

Она взяла кисть и сдѣлала поправку. Онъ смотрѣлъ на нее. Послѣ нѣкотораго молчанія, онъ опять принялся давать ей совѣты, какъ ученицѣ, между тѣмъ какъ она продолжала рисовать небо. И безъ всякаго дальнѣйшаго объясненія, было рѣшено, что она докончитъ фоны. Время не терпѣло; нужно было торопиться. И вотъ, онъ лгалъ, притворялся больнымъ, а она дѣлала видъ, что вѣритъ ему.

— Такъ какъ я боленъ,—повторялъ онъ каждую минуту,—то твоя помощь много облегчитъ меня... Фоны не имѣютъ важности.

И такимъ образомъ, онъ валялся на диванѣ, тогда какъ она стояла передъ мольбертомъ. Время отъ времени онъ вставалъ съ дивана, подходилъ, зѣвая, обсуждалъ въ двухъ-трехъ словахъ картину, иногда заставлялъ ее кое-что передѣлать. Онъ былъ очень строгій профессоръ. Со второго дня, онъ рѣшилъ, что Адель сперва подвинетъ впередъ фоны, прежде чѣмъ онъ приметъ за передній планъ: это, по его словамъ, должно было облегчить ему трудъ, такъ какъ онъ чувствовалъ себя все хуже и хуже; тогда будетъ яснѣе видно, что надо сдѣлать. И вотъ, цѣлую недѣлю онъ провелъ въ абсолютной праздности, дремалъ на диванѣ, между тѣмъ какъ жена молчаливо стояла передъ картиной цѣлые дни. Потомъ онъ расшевелился, и самъ принялся за передній планъ. Но Адель не отходила отъ картины, и когда онъ начиналъ терять терпѣніе, успокоивала его, оканчивала мелкія детали, на которыя онъ ей указывалъ. Часто она посылала его подышать свѣжимъ воздухомъ въ Люксамбургскомъ саду: ему не слѣдовало такъ волноваться, говорила она очень ласково. Оставшись одна, она торопилась, работая съ женскимъ упорствомъ, и, не стѣсняясь, отдѣлывала и передній планъ. Онъ же былъ такъ вялъ, что не замѣчалъ работы, сдѣланной въ его отсутствіе; или по крайней мѣрѣ не говорилъ объ этомъ; казалось—онъ думалъ, что картина подвигалась сама собою. Въ двѣ недѣли *Озеро* было кончено. Но Адель была недовольна. Она чувствовала, что чего-то недостаетъ. Когда успокоенный Фердинандъ объявлялъ, что картина очень хороша, она холодно качала головой.

— Чего же ты хочешь? — говорилъ онъ съ гнѣвомъ. Мы не можемъ-же уморить себя надъ картиной.

Она хотѣла, чтобы Фердинандъ положилъ на картину печать своей личности. И съ удивительнымъ терпѣніемъ и силой воли возбуждала въ немъ энергію. Въ теченіе цѣлой недѣли она подстрекала и воспламеняла его. Онъ не выходилъ болѣе изъ дому, она согрѣвала его своими ласками, опьяняла похвалами. Потомъ, когда нервы его были возбуждены, она всовывала ему въ руки кисть, и по цѣлымъ часамъ удерживала его передъ картиной, разговаривая, споря, приводя его въ волненіе, которое поддерживало его силы. Такимъ образомъ, онъ передѣлалъ за́-ново картину, исправилъ работу Адели, придавъ ей силу и оригинальность. Казалось, онъ немного сдѣлалъ, но результатъ вышелъ громадный. Картина ожила.

Радость молодой женщины была велика. Будущность снова улыбалась имъ. Она будетъ помогать мужу, такъ какъ продолжительные труды утомляютъ его. Ихъ союзъ отъ этого станетъ еще крѣпче; это ее восхищало. Но она заставила его въ шутку поклясться, что онъ никогда не проговорится объ ея участіи въ его работѣ; это только стѣснило бы ее. Онъ согласился, удивляясь. Онъ не завидовалъ Адели; онъ всюду разсказывалъ, что она рисуетъ гораздо лучше, чѣмъ онъ,—что́ и было справедливо.

Когда Ренкенъ пришелъ посмотрѣть *Озеро*, онъ долго не говорилъ ни слова. Потомъ, совершенно серьёзно, поздравилъ своего молодого друга.

— Это, конечно, выше *Прогулки*,—сказалъ онъ.—Фоны замѣчательно легки и изящны, а передній планъ поражаетъ силой... да, да, очень хорошо, очень оригинально.

Онъ былъ дѣйствительно изумленъ, но не говорилъ объ истинной причинѣ своего изумленія. Этотъ дьяволъ Фердинандъ сбивалъ его съ толку: онъ никогда не считалъ его такимъ искуснымъ, и притомъ въ картинѣ было что-то опять новое, неожиданное для него. Однако, въ тайнѣ онъ предпочиталъ *Прогулку*,—конечно, та была слабѣе, грубѣе, но личность художника была въ ней замѣтнѣе. Въ *Озерѣ* талантъ художника окрѣпъ и развился, и все-таки картина нравилась ему менѣе, потому что въ ней было меньше оригинальности и замѣчалась склонность къ банальнымъ эффектамъ.

Это не помѣшало ему, уходя, повторить:

— Удивительно, мой милый... Вы будете имѣть сумасшедшій успѣхъ.

Онъ предсказалъ справедливо. *Озеро* имѣло еще больше успѣха, чѣмъ *Прогулка*. Особенно восторгались женщины. Картина дышала изяществомъ; вереница экипажей, колеса которыхъ блестѣли на

солнцѣ, маленькія разодѣтыя фигурки, свѣтлыми пятнами выдѣлявшіяся на зелени лѣса, восхищали посѣтителей, смотрѣвшихъ на живопись, какъ на ювелирную работу. Но и болѣе строгіе судьи, требующіе отъ произведенія искусства логики и силы, и тѣ были восхищены искусствомъ исполненія, вѣрнымъ пониманіемъ эффектовъ, мастерской техникой. Всѣ критики единодушно признали, что Фердинандъ де-Сурди пошелъ впередъ. Только одинъ грубый человѣкъ, возбуждавшій всеобщую ненависть за спокойствіе, съ какимъ говорилъ правду, осмѣлился замѣтить, что если художникъ будетъ писать въ томъ же вычурномъ и изнѣженномъ родѣ, то отъ его оригинальности не останется и слѣда черезъ какихъ-нибудь пять лѣтъ.

Обитатели улицы d'Assas были очень счастливы. Успѣхъ былъ взятъ уже не съ боя, а освященъ окончательно. Кромѣ того, деньги стали плыть въ руки; со всѣхъ сторонъ получались заказы; кое-какіе эскизы, имѣвшіеся у художника въ мастерской, были раскуплены нарасхватъ и по дорогой цѣнѣ.

Адель не потеряла голову отъ успѣха. Она не была скупа, но воспитана въ школѣ провинціальной экономіи, и знала цѣну деньгамъ. Поэтому она заботилась о томъ, чтобы Фердинандъ исполнялъ сдѣланные ему заказы. Она записывала сроки, отпускала товаръ, помѣщала деньги. Но главныя ея заботы сосредоточивались на мужѣ, котораго она держала въ ежовыхъ рукавицахъ. Она строго распредѣлила его жизнь, отвела извѣстное число часовъ для работы, остальные для развлеченія. При этомъ никогда не сердилась; она оставалась все той же молчаливой, достойной женщиной, но онъ далъ ей уже такую власть надъ собой, что дрожалъ передъ ней. Конечно, она оказала ему тогда громадную услугу, потому что безъ ея поддержки онъ окончательно опустился бы и не далъ тѣхъ произведеній, какія доставлялъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Она была его силой, руководителемъ и поддержкой. Конечно, страхъ, испытываемый передъ ней, не мѣшалъ ему снова и снова пускаться въ разврать; онъ пропадалъ время отъ времени изъ дому, и возвращался больной и измученный послѣ двухъ или трехъ сутокъ кутежа. Но каждый разъ онъ давалъ ей этимъ новое орудіе противъ себя; она обращалась съ нимъ еще холоднѣе, подавляла его своимъ презрѣніемъ и тогда въ продолженіи цѣлой недѣли онъ не отходилъ отъ мольберта. Она слишкомъ страдала, какъ женщина, когда онъ ей измѣнялъ, чтобы желать повторенія шалости, послѣ которыхъ онъ возвращался къ ней раскаяннымъ и покорнымъ грѣшникомъ. Совсѣмъ тѣмъ, когда она видѣла приближеніе кризиса по его блѣдному лицу, лихорадочнымъ глазамъ и рукамъ, то съ яростнымъ нетерпѣніемъ ждала, чтобы улица превратила его въ мягкую и послушную глину, которую она мяла какъ

хотѣла своими сильными, но не красивыми руками. Она знала, что не привлекательна съ своимъ безцвѣтнымъ лицомъ, толщиной и широкими костями, и безсознательно вымѣщала это на красивомъ мужчинѣ, возвращавшемся къ ней, когда красотки превратятъ его въ тряпку. Впрочемъ, Фердинандъ быстро старился; у него появились ревматизмы, онъ страдалъ нервами; въ сорокъ лѣтъ распутная жизнь превратила его въ старика. Годы должны были укротить его.

Послѣ „Озера“ стало рѣшеннымъ дѣломъ, чтобъ мужъ и жена работали вмѣстѣ. Они, правда, еще скрывали это, и, заперевъ тщательно двери, принимались за одну и ту же картину и трудились сообща. Фердинандъ, представитель мужественнаго таланта, оставался вдохновителемъ, творцомъ; онъ выбиралъ сюжеты и набрасывалъ ихъ на полотно. Потомъ уступалъ мѣсто Адели, представительницѣ женственнаго таланта,—затѣмъ оттѣнялъ все нѣсколькими штрихами. Такимъ образомъ, въ первое время онъ вносилъ въ картину много своего; онъ ставилъ себѣ за честь, чтобы жена помогала ему только въ деталяхъ, въ эпизодахъ; но слабость его все росла, и день ото дня онъ становился лѣнивѣе и предоставлялъ Адели все больше и больше простора. Такимъ образомъ, надъ каждой новой картиной она, силою вещей, работала все больше и больше, хотя вовсе не имѣла опредѣленнаго намѣренія замѣнить своей работой работу мужа. Она хотѣла только, чтобы имя Сурди, принадлежавшее теперь ей, не утратило своей славы; она хотѣла поддержать эту славу, о которой еще дурнушкой, дѣвчонкой, сидѣвшей взаперти, неустанно мечтала. Кромѣ того, она хотѣла сдержать слово относительно покупателей и доставлять картины въ срокъ, какъ честный торговецъ, у котораго слово свято. И вотъ, такимъ образомъ она вынуждена была второпяхъ оканчивать картины, затыкать всѣ прорѣхи, оставленныя Фердинандомъ, доканчивать картины, когда видѣла, что онъ окончательно неспособенъ держать кисть въ своихъ дрожащихъ рукахъ. При этомъ она никогда не принимала торжествующаго вида,— она продолжала вести себя какъ послушная ученица, работающая подъ его указкой. Она все еще уважала въ немъ художника, она все еще искренно поклонялась ему, инстинктивно сознавая, что, несмотря на свое паденіе, онъ все же вносилъ мужественный элементъ въ ихъ картины. Безъ него она не съумѣла бы писать такія грандіозныя вещи.

Ренкéнъ, отъ котораго чета такъ же таилась, какъ и отъ другихъ живописцевъ, съ удивленіемъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ мужественный талантъ смѣнялся талантомъ женственнымъ, — и никакъ не понималъ, въ чемъ дѣло. Онъ находилъ, что Фердинандъ не то, чтобы попалъ на ложный путь, потому что все-таки работалъ и ни-

салъ новыя картины, но только развитіе его таланта приняло такое направленіе, какого сперва нельзя было ожидать. Его первая картина „Прогулка" была отмѣчена живой оригинальностью, и эта оригинальность мало-по-малу стиралась въ послѣдующихъ произведеніяхъ, и картины его становились все банальнѣе и банальнѣе. Между тѣмъ ихъ писала та же кисть,— по крайней мѣрѣ, Ренкенъ побожился бы въ томъ, — до такой степени Адель искусно усвоила себѣ пріемы мужа. Она владѣла способностью усвоивать себѣ въ совершенствѣ чужую манеру, чужую кисть. Съ другой стороны, картины Фердинанда пріобрѣтали какую-то неопредѣленную чопорность и буржуазную правильность, которая была противна старому мастеру. Онъ привѣтствовалъ въ своемъ молодомъ другѣ свободное дарованіе, и сердился на чопорность и жеманство, замѣчавшіяся въ его послѣднихъ произведеніяхъ. Разъ вечеромъ, въ кружкѣ художниковъ, онъ вышелъ изъ себя и закричалъ:

— Подлецъ де-Сурди становится ханжой... Видѣли ли вы его послѣднюю картину? У него нѣтъ, должно быть, больше крови въ жилахъ; совсѣмъ изнотался парень. Да! вотъ она вѣчная исторія, какъ бабы губятъ мужчинъ. И знаете ли, что̀ меня особенно бѣситъ? Это то, что̀ онъ рисуетъ все такъ же хорошо. Ей-Богу! Чего вы смѣетесь? Я воображалъ, что если онъ собьется съ пути, то кончитъ тѣмъ, что станетъ настоящей мазилкой. И вотъ же нѣтъ; онъ точно придумалъ машину, которая работаетъ за него, неизмѣнно правильно, но банально... Это окончательное паденіе. Человѣкъ ужъ не въ состояніи писать дурно.

Всѣ привыкли къ парадоксальнымъ выходкамъ Ренкена и забавлялись ими. Но онъ зналъ, что̀ хотѣлъ сказать, и такъ какъ онъ любилъ Фердинанда, то ему, въ самомъ дѣлѣ, было грустно за него.

На другой день онъ пошелъ въ улицу д'Ассà. Но увидя, что ключъ торчитъ въ дверяхъ, рѣшился войти, не постучавшись, и остановился въ остолбенѣніи... Фердинанда не было дома. Передъ мольбертомъ Адель оканчивала картину, про которую уже впередъ кричали газеты. Она была такъ поглощена работой, что не слышала, какъ отворилась дверь, тѣмъ болѣе, что и не подозрѣвала, что служанка, вернувшись домой, забыла запереть дверь. Ренкенъ, не двигаясь съ мѣста, съ минуту глядѣлъ не нее. Она рисовала привычной рукой, показывавшей большую практику. Она вполнѣ усвоила себѣ тѣ механическіе пріемы, про которые онъ вчера говорилъ. Вдругъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло,— и это его такъ сразило, нескромность его поступка стала для него такъ очевидна, что онъ попытался уйти незамѣченнымъ и снова войти, но уже постучавшись въ дверь. Но тутъ Адель неожиданно оглянулась.

— Боже мой! да это вы!— закричала она.— Какъ вы здѣсь очутились, какъ вы вошли?

И вся вспыхнула. Ренкенъ, тоже смущенный, отвѣчалъ, что только-что вошелъ. Затѣмъ сообразилъ, что если онъ станетъ церемониться, то положеніе будетъ еще затруднительнѣе.

— Эге! дѣло, видно, къ спѣху,—проговорилъ онъ самымъ добродушнымъ тономъ.—Ты помогаешь Фердинанду.

Лицо ея уже приняло свою обычную восковую блѣдность. Она спокойно отвѣчала.

— Да, эту картину слѣдовало отпустить еще въ понедѣльникъ, а такъ какъ Фердинандъ опять боленъ... впрочемъ, я такъ, только кое-что затушевываю, неважное.

Но она понимала, что такого человѣка, какъ Ренкенъ, не проведешь. И стояла, не шевелясь, держа въ рукахъ кисть и палитру. Тутъ онъ самъ ей сказалъ:

— Не стѣснялся моимъ присутствіемъ. Работай, пожалуйста.

Она пристально глядѣла на него въ теченіи нѣсколькихъ секундъ. Затѣмъ рѣшилась. Теперь ему все извѣстно, къ чему притворяться долѣе? А такъ какъ она самымъ положительнымъ образомъ обѣщала отпустить картину къ вечеру, то и принялась за работу съ чисто мужеской энергіей. Онъ усѣлся и слѣдилъ за ея работой, когда вошелъ Фердинандъ. Сначала онъ былъ пораженъ, увидя, что Ренкенъ сидитъ позади Адели и смотритъ, какъ она рисуетъ. Но онъ чувствовалъ себя очень утомленнымъ, совсѣмъ неспособнымъ къ сильнымъ ощущеніямъ. Онъ опустился на диванъ, рядомъ съ старымъ живописцемъ, съ чувствомъ человѣка, ничего въ мірѣ не желающаго, кромѣ того, чтобы ему дали уснуть. Всѣ молчали — и ему не хотѣлось входить въ объясненія. Ну-да, такъ оно и есть, и это ему все равно! Черезъ минуту онъ наклонился къ Ренкену, въ то время какъ Адель, приподнявшись на цыпочкахъ, отдѣлывала небо смѣлыми ударами кисти, и сказалъ ему съ истинной гордостью:

— Знаете ли, mon cher, вѣдь она искуснѣе меня... О! она такая мастерица! У нея такой стиль!

Когда Ренкенъ спускался съ лѣстницы въ волненіи, онъ громко проговорилъ:

— Совсѣмъ погибъ малый! Она не дастъ ему пасть очень низко, но и помѣшаетъ подняться очень высоко. Конченъ балъ!

IV.

Прошли годы. Сурди купили въ Меркёрѣ маленькій домикъ съ садомъ, выходившимъ на городской бульваръ. Сначала они пріѣзжали туда на лѣтніе мѣсяцы, спасаясь отъ парижской духоты и жары. Но потомъ стали заживаться подолгу и все болѣе и болѣе отвыкали отъ Парижа. Такъ какъ домъ былъ очень малъ, то они выстроили въ саду просторную мастерскую, и вскорѣ пристроили къ ней цѣлый флигель. Теперь они ѣздили въ Парижъ гостить зимою, мѣсяца на два. Они жили въ Меркёрѣ, а въ Парижѣ у нихъ былъ только небольшой pied-à-terre, въ улицѣ Клиши, въ принадлежавшемъ имъ домѣ.

Переселеніе въ провинцію совершилось мало-по-малу; когда въ присутствіи Адели этому удивлялись, она ссылалась на слабое здоровье Фердинанда. По ея словамъ, она думала только о томъ, чтобы мужу было покойно, и онъ пользовался свѣжимъ воздухомъ. Но, по правдѣ сказать, она исполняла давнишнее желаніе, осуществляла свою послѣднюю мечту. Еще дѣвчонкой, мечтая о славѣ, она мысленно доживала свой вѣкъ, въ лучахъ славы, въ Меркёрѣ, окруженная почтительнымъ поклоненіемъ его обывателей. Тамъ она родилась, тамъ ея глодалъ червякъ честолюбія, и самолюбію ея гораздо больше льстили удивленные взгляды кумушекъ Меркёра, когда она проходила мимо нихъ подъ руку съ мужемъ, нежели комплименты, расточаемые въ салонахъ Парижа. Въ глубинѣ души она осталась буржуазкой и провинціалкой, и ее сильнѣе всего интересовало то, что думаетъ и говоритъ о ней ея родной городишко.

Въ настоящую минуту имя Фердинанда де-Сурди не могло уже расти. Живописецъ, доживъ до пятидесяти лѣтъ, получилъ всѣ награды, всѣ установленныя медали, кресты и титулы. Онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ командоромъ Почетнаго Легіона, академикомъ. Только состояніе его могло еще расти, хотя уже газеты исчерпали весь лексиконъ похвалъ.

Уже лѣтъ десять какъ составилась для него обычная хвалебная формула: его называли плодовитымъ мастеромъ, чародѣемъ, околдовывавшимъ всѣ души. Но это его больше не трогало; онъ сталъ равнодушенъ и говорилъ о славѣ, какъ о старомъ фракѣ, къ которому привыкъ. Когда обыватели Меркёра видѣли, какъ онъ проходилъ мимо нихъ, сгорбленный, съ безжизненными глазами, ни на что не глядѣвшими,—то къ почтенію, съ какимъ они провожали его взглядами, примѣшивалось сильное удивленіе: имъ трудно было представить себѣ, что этотъ вялый и тихій господинъ производилъ столько шума въ столицѣ.

Впрочемъ, всѣмъ было извѣстно, что m-me Сурди помогаетъ мужу. Она слыла за бой-бабу, даромъ, что была мала ростомъ и толста. И даже обыватели не мало дивились тому, что такая грузная женщина можетъ по цѣлымъ днямъ простаивать передъ картинами, не чувствуя усталости. Дѣло привычки, толковали буржуа. Сотрудничество жены нисколько не роняло Фердинанда въ глазахъ свѣта; напротивъ того, Адель, съ свойственнымъ ей тактомъ поняла, что не должна открыто затмевать мужа; онъ продолжалъ подписываться подъ картинами, какъ конституціонный король, который царствуетъ, но не управляетъ. Безъ сомнѣнія, картины m-me де-Сурди никого бы не восхитили, тогда какъ произведенія Фердинанда де-Сурди сохраняли прежнее обаяніе для критики и публики. Поэтому она продолжала восхищаться Фердинандомъ, и удивительно то, что это восхищеніе было искреннее. Хотя, мало-по-малу, онъ пересталъ даже притрогиваться къ кисти, она все еще смотрѣла на него какъ на истиннаго творца картинъ, которыя теперь она рисовала почти цѣликомъ. Всѣмъ посѣтителямъ она говорила: „Фердинандъ сдѣлалъ это, Фердинандъ занятъ вотъ этимъ", хотя бы даже Фердинандъ и не притрогивался къ картинѣ. Всякое критическое замѣчаніе сердило ее, такъ какъ она не допускала, чтобы можно было критиковать таланть ея мужа. Это наивное ослѣпленіе, это ничѣмъ несокрушимое поклоненіе Фердинанду, какъ художнику, помогало послѣднему переносить глухое недовольство своимъ безсиліемъ. Онъ не страдалъ отъ своего паденія, онъ тоже твердилъ: „моя картина, мои произведенія", нимало не помышляя о томъ, какъ пишутся картины, подъ которыми онъ подписывается. И все это дѣлалось такъ просто, что ему даже и въ голову не приходило завидовать женщинѣ, которая отняла у него его личность; онъ безпрестанно хвалилъ ее. Онъ вѣчно повторялъ то, что̀ сказалъ разъ вечеромъ Ренкену:

— Божусь вамъ, она талантливѣе меня... Мнѣ чертовски трудно справиться съ рисункомъ, а она рисуетъ какъ ни въ чемъ не бывало... съ легкостью поразительной... О! вы понятія не имѣете о ея мастерствѣ! Нѣтъ, рѣшительно это прирожденная способность; она бываетъ просто въ крови у человѣка.

Слушающіе скромно улыбались, считая эти слова за комплименты влюбленнаго мужа. Но если кто-нибудь неосторожно высказывалъ, что, при всемъ своемъ уваженіи къ m-me Сурди, онъ не вѣритъ въ ея художественный талантъ, Фердинандъ выходилъ изъ себя, принимался пространно толковать о темпераментахъ и манерахъ въ живописи и кончалъ споръ неизмѣннымъ крикомъ:

— Говорятъ же вамъ, что она искуснѣе меня! Ей-богу, удивительно, что мнѣ никто не вѣритъ.

Мужъ и жена жили очень дружно. Съ теченіемъ времени годы и упадокъ силъ очень укротили Фердинанда. Онъ не могъ больше пить вина, потому что желудокъ его разстроивался отъ малѣйшей невоздержности. Только женщины все еще порою совращали его съ пути истиннаго. Но когда чета перебралась въ Меркёръ, то, за неимѣніемъ удобныхъ случаевъ къ измѣнѣ, онъ почти не измѣнялъ женѣ. Адель могла только опасаться ухаживаній за служанками, которыхъ она нанимала. Хотя она и старалась выбирать самыхъ дурныхъ, но это не мѣшало Фердинанду ласкать ихъ, если онѣ то позволяли. Женѣ оставалось только прогонять служанку, когда она замѣчала, что дѣло неладно. Фердинандъ съ недѣлю послѣ того ходилъ, повѣся носъ. И такимъ образомъ поддерживалось пламя ихъ любви даже въ старости. Адель по прежнему обожала мужа и про себя ревновала его, а онъ, когда она грозно молчала послѣ каждаго новаго пассажа съ служанкой, старался всячески задобрить ее. Онъ очень одряхлѣлъ; лицо его пожелтѣло и прорѣзалось глубокими морщинами. Но борода все еще сохраняла золотистый оттѣнокъ; она съ годами не сѣдѣла, но желтѣла, какъ спѣлый овесъ, и своей формой придавала ему сходство съ фламандскими вельможами, съ которыхъ писалъ портреты Вандейкъ.

Наступилъ день, когда Фердинанду вдругъ стала противна живопись. Онъ испытывалъ какъ-бы физическое отвращеніе къ запаху красокъ; руки его дрожали, голова кружилась. Вѣроятно, это было естественное послѣдствіе его артистическаго безсилія, перешедшаго въ острое состояніе. Оно должно было разрѣшиться безсиліемъ физическимъ. Адель была очень добра съ нимъ; утѣшала его, божилась, что это временное нездоровье, которое должно пройти, и принудила его къ безусловному покою. Такъ какъ его смущала мысль, что онъ больше рѣшительно не работаетъ надъ картинами, она нашла исходъ. Она придумала, что онъ будетъ дѣлать эскизы картинъ черными карандашомъ, а она уже станетъ переносить ихъ на полотно и писать по его указаніямъ. Съ тѣхъ поръ такъ и дѣлалось; онъ больше не притрогивался кистью къ картинамъ, которыя подписывалъ своимъ именемъ.

Адель выполняла всю матеріальную часть работы; онъ только придумывалъ сюжеты и дѣлалъ этюды карандашомъ, зачастую весьма плохіе и неправильные, которые она исправляла, не говоря ему ни слова. Давно уже они работали для чужихъ краевъ. Послѣ великаго успѣха, одержаннаго во Франціи, явились заказы главнымъ образомъ изъ Россіи и Америки; а такъ какъ аматёры этихъ отдаленныхъ странъ были неприхотливы, такъ какъ все дѣло ограничивалось только укупоркой и отсылкой ящиковъ, то Сурди мало-по-малу исключительно предались этой удобной коммерціи. Къ тому же, во

Франціи картины шли гораздо тише. Когда, время отъ времени, Фердинандъ посылалъ картину на выставки, критика встрѣчала ее прежними похвалами. Онъ былъ талантъ признанный, котораго больше не оспоривали, и могъ мало-по-малу спуститься до посредственныхъ и банальныхъ произведеній, не нарушая привычекъ публики и критики. Но только покупатели мало-по-малу отставали отъ его произведеній. Его продолжали чествовать какъ современнаго мастера, но картинъ его не покупали. Чужіе края забирали все, что онъ писалъ.

Но въ этомъ году однако одна картина Фердинанда де-Сурди опять произвела большой фуроръ на выставкѣ. Она служила какъ-бы въ *pendant* къ его первой картинѣ „Прогулка“: въ пустой залѣ съ оштукатуренными стѣнами учились школьники, они слѣдили за тѣмъ, какъ мухи летаютъ, исподтишка шалили, а гувернеръ, углубленный въ чтеніе романа, повидимому забылъ весь міръ. Картина называлась *Классъ*. Ее находили прелестной, и критики сравнивали оба произведенія, которыя отдѣлялъ тридцатилѣтній промежутокъ времени, и толковали даже о пройденномъ пути, о неопытности, выказанной въ *Прогулкѣ* и мастерской техникѣ, доказанной „Классомъ“. Однако большинство художниковъ протестовало, и Ренкенъ громче всѣхъ. Онъ былъ очень старъ, но все еще бодръ для семидесяти-пяти-лѣтняго старика и по прежнему страстный поклонникъ правды.

— Полноте,—кричалъ онъ.—Я люблю Фердинанда какъ сына, но, право же, нелѣпо отдавать предпочтеніе его теперешнимъ произведеніямъ передъ юношескими! Въ нихъ нѣтъ больше ни огня, ни силы, ни оригинальности. О! они лучше нарисованы, техника законченнѣе. —согласенъ! но надо быть свѣчнымъ торговцемъ, чтобы предпочитать эту банальную технику, приправленную какою-то странной смѣсью всѣхъ на свѣтѣ стилей... Нѣтъ, не мой Фердинандъ пишетъ эти вещи...

Но не договаривалъ. Самъ-то онъ зналъ въ чемъ дѣло, и въ его горечи сказывалась глубокая непріязнь, которую онъ всегда чувствовалъ къ женщинамъ, къ этимъ зловреднымъ существамъ, какъ онъ называлъ ихъ порою. И только сердито повторялъ: — Нѣтъ, это не онъ пишетъ... нѣтъ, это не онъ пишетъ...

Онъ слѣдилъ за медленнымъ вторженіемъ Адели въ область своего мужа съ любопытствомъ наблюдателя и аналитика. При каждой новой картинѣ онъ замѣчалъ малѣйшія измѣненія, узнавая работу мужа и жены, замѣчая, что первая уменьшалась сравнительно со второй въ правильной и постоянной прогрессіи. Эта исторія казалась ему до такой степени интересной, что онъ забывалъ свой гнѣвъ, наслаждаясь игрой страстей, какъ человѣкъ, страстно любящій зрѣлище жизни. Онъ замѣчалъ самые легкіе оттѣнки поглощенія одного

человѣка другимъ, и теперь понималъ, что психологическая и физіологическая драма совершилась. Развязка была передъ его глазами, въ картинѣ „Классъ". Онъ видѣлъ, что Адель проглотила Фердинанда! конченъ балъ!

И вотъ, какъ то бывало ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ, Ренкенъ рѣшился съѣздить на нѣсколько дней въ Мервёръ. Притомъ, со дня выставки, онъ испытывалъ сильнѣйшее желаніе видѣть мужа и жену. Тутъ ему представлялся случай убѣдиться на дѣлѣ въ справедливости своихъ предположеній.

Когда онъ пришелъ къ Сурди, былъ жаркій полдень и садъ дремалъ въ тѣни деревъ. Все, начиная отъ дома и кончая грядами въ цвѣтникѣ, отличалось чистотою, буржуазною правильностью, указывавшею на порядокъ и тишину. Городской шумъ не достигалъ до этого уединеннаго уголка, пчелы жужжали въ розовыхъ кустарникахъ. Служанка сказала посѣтителю, что барыня въ мастерской.

Отворивъ дверь, Ренкенъ увидѣлъ Адель, рисовавшую стоя, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ онъ засталъ ее въ первый разъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Но теперь она уже не смутилась. Она слегка вскрикнула, и хотѣла положить палитру. Но Ренкенъ закричалъ:

— Я уйду, если тебѣ мѣшаю... Что за чортъ! смотрите на меня, какъ на друга. Работай, работай.

Она не стала спорить, какъ женщина, знающая цѣну времени.

— Ну, если вы позволите... Вы знаете, работы—всегда гибель.

Несмотря на свои лѣта, несмотря на постоянно увеличивавшуюся тучность, Адель всегда работала быстро, съ необыкновенною вѣрностью руки и плодовитостью. Ренкенъ съ минуту смотрѣлъ на нее, потомъ спросилъ:

— А Фердинандъ? его нѣтъ дома?

— Да нѣтъ же, онъ здѣсь: вотъ онъ, отвѣчала Адель, указывая кончикомъ кисти на уголъ мастерской.

Дѣйствительно, Фердинандъ лежалъ тутъ же на диванѣ и спалъ. Голосъ Ренкена разбудилъ его; но онъ не узналъ живописца, съ трудомъ собираясь съ мыслями.

— Ахъ, это вы... Какой пріятный сюрпризъ,—сказалъ онъ наконецъ.

И слабо пожалъ его руку, съ усиліемъ приподнимаясь на своемъ ложѣ. Наканунѣ жена поймала его въ обычной шалости, такъ что теперь онъ былъ очень смиренъ, съ смущеннымъ лицомъ, не зная, какъ заслужить ея помилованіе. Ренкенъ не ожидалъ найти его такимъ истощеннымъ и раздавленнымъ. На этотъ разъ паденіе было полное, и онъ почувствовалъ сильную жалость къ бѣдному человѣку.

Желая видѣть, не удастся ли ему возбудить въ немъ хоть немного прежняго огня, Ренкенъ разсказалъ ему объ успѣхѣ „Класса“ на послѣдней выставкѣ.

— А, мой милый, вы все еще волнуете толпу... О васъ говорятъ не меньше, чѣмъ въ началѣ.

Фердинандъ тупо посмотрѣлъ на него. Потомъ, чтобы сказать что-нибудь, промолвилъ:

— Да, знаю, Адель читала мнѣ журналы. Моя картина очень удачна, не правда ли? О! я работаю, я много работаю. Но, увѣряю васъ, она сильнѣе меня, она чертовски сильна въ живописи.

И онъ подмигнулъ глазомъ, указывая съ слабой улыбкой на жену. Та подошла, пожимая плечами, съ видомъ доброй женщины, и говоря:

— Не слушайте его. Вѣдь вы знаете его конёкъ. Повѣрить ему, такъ я, пожалуй, окажусь великимъ художникомъ. Я помогаю ему и притомъ очень плохо. Впрочемъ, пусть его забавляется.

Ренкенъ молча слѣдилъ за этой комедіей, которую они разыгрывали другъ передъ другомъ, безъ сомнѣнія искренно. Онъ вполнѣ сознавалъ, что Фердинандъ—чистый нуль въ этой мастерской. Онъ пересталъ даже рисовать эскизы карандашомъ, не чувствуя больше потребности отстаивать свою личность, хотя бы посредствомъ грубой лжи; онъ довольствовался ролью мужа. Сюжетъ изобрѣтала, набрасывала эскизъ и писала Адель, не спрашивая даже совѣтовъ у мужа; она до такой степени вошла въ роль художника, что продолжала ее, и никто бы не могъ указать того момента, когда совершился окончательный переломъ. Теперь она работала одна—и въ этой женской индивидуальности сказывался лишь слабый отпечатокъ прежней мужской индивидуальности.

Фердинандъ зѣвалъ.

— Вы останетесь обѣдать, не правда ли?—сказалъ онъ.—О! я до смерти усталъ... Понимаете вы это, Ренкенъ? я ничего не дѣлаю, а устаю до смерти.

— Онъ ничего не дѣлаетъ, только работаетъ цѣлый день,—сказала Адель.—Онъ никогда не хочетъ меня послушать—и хорошенько отдохнуть.

— Это правда,—возразилъ Фердинандъ,—отдыхъ дѣлаетъ меня больнымъ, мнѣ необходимо работать.

Онъ всталъ, потомъ сѣлъ за маленькій столикъ, на которомъ нѣкогда его жена рисовала акварели. И принялся разсматривать листокъ бумаги, на которомъ были набросаны первые тоны акварели. Это былъ обыкновенный пансіонскій рисунокъ: ручеекъ, на немъ мельница, возлѣ группа тополей и старая ива. Ренкенъ, наклонившійся

за его спиной, разсмѣялся надъ дѣтской неумѣлостью рисунка и красокъ, надъ этой почти комической пачкотней.

— Какъ.. пошло,—чуть не сказалъ онъ.

Но замолчалъ, замѣтивъ упорный взглядъ Адели. Твердою рукой, безъ мушгабеля, она набрасывала эскизъ дерева.

— Не правда ли, красиво?—снисходительно сказалъ Фердинандъ, продолжая разсматривать листокъ съ видомъ благоразумнаго мальчика.—О! вы знаете, я дѣлаю только этюды.

Ренкёнъ былъ пораженъ. Теперь... Фердинандъ рисовалъ акварели.

Эмиль Золя.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Нѣсколько вопросовъ

по поводу разсужденій о нашемъ „третьемъ сословіи“.

Въ прошедшемъ году, въ „Отечественныхъ Запискахъ“ помѣщена была статья о нарождающемся у насъ третьемъ сословіи, въ смыслѣ „tiers-état“,—подъ заглавіемъ: „Новые всходы“. Въ ней не было ничего особенно новаго, но тѣмъ не менѣе она заслуживаетъ вниманія, такъ-какъ въ ней затрогивались своеобразно многіе весьма спорные пункты относительно предмета, который остается далеко еще не разъясненнымъ для массы читающей публики.

Авторъ начинаетъ статью заявленіемъ, что собирается писать о вопросѣ довольно „щекотливомъ“, потому-что о людяхъ, выдѣляющихся у насъ въ „третье сословіе“, онъ не можетъ сказать ничего хорошаго, а это составляетъ, по его мнѣнію, литературное преступленіе, чуть ли даже не измѣну. Страхъ быть обвиненнымъ въ такой измѣнѣ увеличиваетъ, по словамъ автора, ряды защитниковъ народа, которыхъ въ послѣднее время развелось множество. Въ этихъ рядахъ авторъ различаетъ: а) писателей, основательно знающихъ крестьянство и сознающихъ причинную связь его нравственности съ бѣдностію; б) людей, притворяющихся, что любятъ народъ, какъ плоть отъ плоти своей, и в) развратниковъ изъ дворянъ, лакеевъ, молодого купечества, укутывающихъ деревнѣ ножки, дѣлающихъ ей глазки и дающихъ ей отвратительные любовные щипки“.

Переходя къ исторіи образованія третьяго сословія въ Европѣ, авторъ видитъ его зародышъ въ городахъ, въ которые крестьянство укрывалось отъ феодализма.

Въ Россіи же, напротивъ, третье сословіе начинаетъ образовываться прямо съ деревни.

Это отличіе въ происхожденіи у насъ третьяго сословія авторъ объясняетъ тѣмъ, что въ Россіи крестьянство преобладаетъ надъ прочими сословіями, численность которыхъ авторъ опредѣляетъ 8-ю милліонами. Поэтому въ Россіи крестьянство держится земли.

Несмотря на это, земельная крестьянская община у насъ находится, по мнѣнію автора, въ бѣдственномъ положеніи. „Возрастающее малоземелье, уменьшеніе плодородія земли, податныя тягости, скудость, или отсутствіе промысловъ и заработковъ тяжело дѣйствуютъ на общину, такъ что крестьянство цѣлыми деревнями уходитъ изъ нея далеко на заработки, оставляя дома только женъ и дѣтей. Такимъ образомъ, пустѣютъ цѣлыя деревни, а изъ нѣкоторыхъ мѣстностей крестьянство совсѣмъ бѣжитъ неизвѣстно куда".

Къ вліяніямъ, разрушительно дѣйствующимъ на земельную общину, авторъ причисляетъ усилія *вожаковъ мѣщанской партіи*. Понимая, что „народное землевладѣніе *есть главный стратегическій пунктъ, главный ключъ крестьянской позиціи*, вожаки мѣщанства поэтому и направляютъ противъ него все свое искусство, всѣ свои силы. Отсюда вышелъ проектъ всесословной волости, имѣвшій въ виду создать суррогатъ патримоніальной власти и суда, отсюда проектъ крестьянскихъ майоратовъ, отсюда нападки на общину, старанія отрѣзать земледѣльца отъ земли, во имя раціональной агрономіи, *процвѣтанія* промышленности, національнаго прогресса и славы". Видя крушеніе своихъ проектовъ, люди, заинтересованные въ водвореніи буржуазіи, не останавливаются на этомъ: они твердятъ крестьянамъ, что виновата во всемъ община, круговая порука, передѣлъ полей, мірскіе порядки, потворствующіе лѣнтямъ и пьяницамъ; они устроиваютъ для достаточныхъ крестьянъ ссудо-сберегательныя товарищества и хлопочатъ о мелкомъ земельномъ кредитѣ, для участковаго землевладѣнія; они устроиваютъ въ городахъ техническія и разныя другія училища, въ которыя опять-таки попадаютъ дѣти достаточныхъ людей, тогда какъ масса остается безъ школъ; они помогаютъ богатымъ крестьянамъ улучшать скотъ выставками, преміями, племенными производителями".

„Подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ условій жизни,—продолжаетъ авторъ,—изъ крестьянства выдѣляется особый классъ людей, *молодая буржуазія*, которая стремится покупать земли на сторонѣ, въ одиночку, стремится къ другимъ занятіямъ, торговлѣ, ростовщичеству,

составленію рабочихъ артелей, съ собою во главѣ, полученію разныхъ подрядовъ и тому подобнымъ мелкимъ аферамъ".

По вычисленіямъ автора, число частныхъ землевладѣльцевъ въ 41 губерніи увеличилось болѣе чѣмъ втрое, а именно до 210,000, главный контингентъ которыхъ состоитъ изъ мелкихъ собственниковъ, имѣющихъ среднимъ числомъ по 19 десятинъ на лицо. Это-то и есть наша молодая сельская буржуазія, непосредственно примыкающая и соединяющаяся съ мелкимъ дворянствомъ.

Въ деревнѣ къ возрастающей буржуазіи авторъ причисляетъ разнообразные виды прежнихъ кулаковъ, купцовъ, кабатчиковъ, подрядчиковъ, закладчиковъ: „Почти въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ есть одинъ, или нѣсколько такихъ эксплуататоровъ. Крестьянство смотритъ на нихъ какъ на людей умныхъ и отдаетъ имъ даже дѣтей въ науку".

Въ городахъ представителями третьяго сословія являются, по мнѣнію автора, приказчики, конторщики, мелочные торговцы, разносчики, разнообразные подрядчики (штукатуры, плотники, каменьщики), кондукторы, старшіе дворники, городовые, биржевые артельщики, содержатели перевозовъ, съѣстныхъ и питейныхъ дворовъ, хозяева различныхъ мастерскихъ, фабричныхъ мастеровъ и т. д. „Все это настоящая молодая буржуазія со всѣми характерными ея признаками. Кодексъ ея морали здѣсь также не широкъ: вся дѣятельность основана на эксплуатаціи труда, и жизненная задача заключается въ пріобрѣтеніи капитала или капитальца и туноумнаго времяпрепровожденія. Стремленія къ образованію и умственной жизни вообще ни какого". „Надъ учеными они искренно смѣются, какъ надъ бѣлыми дворянами. Если они отдаютъ дѣтей въ школы, то только для того, чтобы выучить ихъ считать по счетамъ и читать накладныя. Помѣщики имъ покровительствуютъ и встрѣчаютъ ихъ съ радостію, земскіе люди выдаютъ имъ громадныя страховыя преміи, народные учителя пишутъ имъ клаузы, духовенство дѣлаетъ визиты". „Я знаю,—продолжаетъ авторъ,—что многіе радуются на этихъ людей, видятъ въ нихъ умъ, энергію и предпріимчивость, считаютъ ихъ элементами наиболѣе прогрессивными изъ народа, видятъ въ нихъ прямой, естественный шагъ отечественной цивилизаціи, неровности которой сгладятся со временемъ. О, я давно знаю,—продолжаетъ авторъ, —что у насъ создалась высшая буржуазія изъ людей образованныхъ, купечества и дворянства, либо не выдержавшаго кризиса 1861 г. и опустившагося, либо охваченнаго духомъ времени; знаю, что буржуазія эта образовала уже кадры третьяго сословія, и что ей недостаетъ только именно такихъ элементовъ изъ народа, безъ которыхъ она ничего подѣлать не можетъ и которые ей потому и нравятся.

Я знаю, что многіе потомки древнихъ родовъ занялись уже винокуреніемъ и кабаками, желѣзнодорожными концессіями, засѣли въ правленіяхъ акціонерныхъ банковъ и поютъ теперь новыя пѣсни".

Изобразивъ необычайный ростъ и вредныя свойства молодой буржуазіи, авторъ останавливается на средствахъ, чтобы помочь злу или совсѣмъ подавить его.

„Для нихъ не сочинишь, конечно, особаго уголовнаго кодекса, и не придумаешь особой педагогики. Не дѣйствовать ли на нихъ презрѣніемъ? Но кто будетъ презирать ихъ, и не презираютъ ли они уже раньше тѣхъ, кто могъ бы ихъ презирать?"

Порядокъ, по мнѣнію автора, могъ бы быть возстановленъ посредствомъ прочнаго водворенія и преобладанія земельной общины. Такъ по крайней мѣрѣ я заключаю изъ слѣдующихъ словъ статьи:

„Должны быть немедленно приняты мѣры къ огражденію деревни отъ хищничества, къ огражденію нашей общины, какъ *формы общежитія, помогающей нравственному несовершенству человѣческой природы. Община разъ навсегда должна быть обезпечена*, но и этого мало: община, при настоящихъ экономическихъ ея условіяхъ, существовать не можетъ, а потому нужны мѣры къ *расширенію крестьянскаго землевладѣнія*. Средства эти не новы, конечно, но дѣло въ томъ, что это единственное въ своемъ родѣ *средство*" (стр. 151 и 152).

Въ настоящую же минуту мы видимъ повсюду нашествіе: въ селеніяхъ—кулаковъ, ростовщиковъ, кабатчиковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ и друг.; въ городахъ—приказчиковъ, конторщиковъ, мелочныхъ торговцевъ, подрядчиковъ, артельщиковъ, старшихъ дворниковъ, кондукторовъ и т. д. Всѣ эти господа безпощадно эксплуатируютъ крестьянство и, при участіи вожаковъ мелкой буржуазіи, вынуждаютъ его бросать деревни и землю.

Мѣры, которыя могли бы быть приняты противъ такого зла: образованіе, просвѣщеніе, смягченіе нравовъ, авторъ признаетъ недостаточными. „Ожидать умственнаго развитія эксплуатирующихъ и улучшенія общественнаго мнѣнія не возможно,—говоритъ авторъ,—ни съ точки зрѣнія справедливости, ни съ точки зрѣнія нравственной и политической, на которую должно становиться государство".

Но самою настоятельною и дѣйствительною мѣрою представляется, по мнѣнію автора, совершенное упраздненіе историческаго появленія и развитія буржуазіи, и прямой переходъ общества на слѣдующую ступень его развитія.

Предметы, которыхъ касается авторъ, дѣйствительно весьма важны, хотя едва ли ихъ можно назвать „щекотливыми". Давно уже говорится о вредномъ вліяніи кулаковъ на деревни и города, и всѣ въ

этомъ отношеніи согласны съ авторомъ. Не менѣе говорено и говорится похвальнаго деревнѣ, крестьянству, и все это не выходитъ изъ предѣловъ разсужденій, *чистой теоріи*. Дальнѣйшее, болѣе полное, обстоятельное и всестороннее обсужденіе этихъ предметовъ въ области теоріи не можетъ и не должно казаться щекотливымъ, вреднымъ и потому опаснымъ. Не выяснятся ли отъ того эти предметы еще болѣе? Не измѣнятся ли положенія, не устранятся ли совсѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ, уступая мѣсто другимъ, какъ болѣе доказаннымъ, выработаннымъ, не войдутъ ли они тогда прочнѣе въ сознаніе публики, а потомъ массы? Вспомнимъ судьбу у насъ славянофильскихъ ученій. Послѣ того, какъ они перестали скрываться подъ заманчивыми покровами запрета и тайны, послѣ открытаго, всесторонняго обсужденія ихъ въ печати, вспомнимъ съ благодарностію о томъ, что̀ отъ нихъ осталось прочнаго, и забудемъ о томъ, что вовсе отпало.

На этомъ основаніи я прошу позволенія изложить возникающіе въ умѣ практическаго человѣка недоумѣнія и вопросы, по мѣрѣ его знакомства съ положеніями автора приводимой статьи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ покажутся простодушными, но за то другіе, быть можетъ, вызовутъ замѣчанія людей, болѣе компетентныхъ и способныхъ. Изъ столкновенія мнѣній возникаетъ истина. А ее одну только и нужно.

Дѣйствительно ли все наше крестьянство такъ *держится земли* и *любитъ ее*, какъ полагаетъ авторъ?

Не оставляетъ ли землю большинство нашихъ крестьянъ съ радостію, когда представится къ тому возможность?

Возможно ли крестьянамъ нашей средней полосы упорно держаться земли, даже если ее у нихъ достаточно, когда они могутъ заниматься ею только нѣсколько мѣсяцевъ въ году, требующихъ усиленной работы (страдная пора), и когда остальные мѣсяцы они должны заниматься чѣмъ-нибудь другимъ?

Не существуютъ ли у насъ цѣлые уѣзды и даже губерніи, въ которыхъ недостатка земли нѣтъ, гдѣ крестьяне, способные къ труду, вовсе не живутъ и не любятъ жить, а приходятъ только на побывку, а женщины, старики и дѣти остаются въ деревнѣ, при землѣ, потому, что жить тамъ удобнѣе и дешевле?

Дѣйствительно ли крестьянская земельная община представляетъ *стратегическій пунктъ*, *главный ключъ крестьянской позиціи*, и дѣйствительно ли крестьянство, будучи выбито изъ общины, не сможетъ удержаться на землѣ?

Дѣйствительно ли всѣ вожаки мѣщанства найдутъ выгоду въ отрѣшеніи крестьянъ отъ земли?

Не составляетъ ли это отрѣшеніе желанія только немногихъ землевладѣльцевъ, и притомъ тамъ, гдѣ имъ трудно находить рабочихъ для своихъ полей?

Какую пользу могутъ принести вожакамъ мѣщанства, даже и землевладѣльцамъ, нуждающимся въ рабочихъ, ссудосберегательныя товарищества, кредитъ для мелкихъ землевладѣльцевъ, ремесленныя училища, улучшеніе породъ скота, хотя бы для однихъ достаточныхъ крестьянъ? Не привились ли бы оттого постепенно и скорѣе всѣ эти улучшенія и къ бѣднымъ крестьянамъ, для массы которыхъ введеніе ихъ повсемѣстно и одновременно вдругъ представляется немыслимымъ?

Неужели полезнѣе было бы для большинства общинниковъ, если бы этихъ улучшеній совсѣмъ не вводить до тѣхъ поръ, пока найдено будетъ возможнымъ ввести ихъ повсемѣстно и одновременно?

Отъ чего служитъ гарантіею община: отъ удаленія крестьянъ отъ земли, или для удержанія при ней насильно?

Вездѣ ли обремененіе податьми происходитъ въ общинѣ отъ несоразмѣрности ихъ съ доходами земли?

Причинная связь бѣдности и нравственности въ общинахъ должна быть обсуждена внимательно, для того чтобы опредѣлить: производитъ ли бѣдность дурную нравственность, или наоборотъ?

Не существуетъ ли между крестьянствомъ еще другой причины, обусловливающей и бѣдность, и дурную нравственность?

Должно ли оплакивать увеличеніе у насъ числа мелкихъ землевладѣльцевъ? Не представляютъ ли они крестьянамъ средства для заработковъ, недостающихъ въ ихъ общинѣ? Если поставить общину въ такое положеніе, чтобы члены ея, даже неумѣлые, неспособные къ земледѣльческимъ работамъ, или не любящіе и не желающіе ихъ, не нуждались въ заработкахъ, то что дѣлать съ этими членами?

Если мелкихъ земельныхъ собственниковъ, которыхъ авторъ насчитываетъ до 210,000, поставить въ такія неблагопріятныя условія, что они принуждены будутъ бросить свою землю,—не будетъ ли это, разъ собственники эти существуютъ въ такомъ числѣ, сопряжено съ сильнымъ экономическимъ потрясеніемъ?

Вообще, возможно ли, полезно ли, справедливо ли совершать такую насильственную операцію въ пользу земельной общины, возможность процвѣтанія которой практически еще не доказана?

Вполнѣ сочувствуя автору въ указаніяхъ его на глубокій развратъ и вредъ, производимый хищническими инстинктами грубыхъ, невѣжественныхъ эксплуататоровъ, выдѣлившихся изъ сельской общины, я спрошу: неужели законодательство и государство ничего не могутъ предпринять и сдѣлать противъ этого зла, кромѣ упраздненія исто-

рической ступени, чрезъ которую до сихъ поръ проходили всѣ общества, и средствъ, какія онъ предлагаетъ къ этому, кромѣ одного насилія?

Неужели законодательству и государству не поставлены уже существенныя для него и важнѣйшія задачи, состоящія въ урегулированіи отношеній между капиталомъ и трудомъ—задачи, надъ рѣшеніемъ которыхъ размышляютъ и трудятся теперь лучшіе умы нашего времени?

Въ чемъ именно ошибаются тѣ, которые видятъ въ тѣхъ, кого авторъ считаетъ представителями буржуазіи, энергію, предпріимчивость, и вообще представителей въ народѣ прогрессивнаго элемента, естественный ходъ цивилизаціи? Можно ли, должно ли упразднять въ народѣ прогрессивный элементъ и какими средствами?

Если всѣ эти эксплуататоры, вмѣсто того, чтобы заслуживать вездѣ презрѣніе, встрѣчаютъ радостный пріемъ, услуги и почетъ, даже между людьми, образовательный уровень которыхъ выше крестьянскаго и ихъ уровня, то не существуетъ ли между ними, земельною общиною и прочими сословіями какой-нибудь особой причинной связи? Если рубль, эта капиталистическая луна, какъ выражается авторъ, выплываетъ на первый планъ деревенскаго ландшафта, если на него обращаются всѣ взоры, помыслы и душевныя силы, если онъ становится мѣриломъ способностей личности, то не стоитъ ли милліонъ такихъ же лунъ на первомъ планѣ городского вида и не обращаются ли къ нему всѣ помыслы, не становится ли онъ цѣлію жизни въ городѣ и мѣриломъ способностей каждой личности?

Какая этому причина, кого винить, чѣмъ помочь, или предупредить въ будущемъ?

Не будетъ ли эксплуатація возникать, измѣняясь въ формахъ и свойствахъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться неравенство между людьми въ той или другой средѣ, въ той или другой формѣ, и не присуще ли неравенство всему человѣчеству?

Если указываемыя авторомъ мѣры, какъ школа, образованіе, по его мнѣнію, не гарантируютъ человѣка отъ хищныхъ инстинктовъ, то осуществимы ли и достаточны ли другія, предлагаемыя авторомъ и еще никѣмъ и нигдѣ не испытанныя средства?

Если же принять предлагаемыя авторомъ единственныя, по его мнѣнію, дѣйствительныя средства, состоящія въ огражденіи и обезпеченіи навсегда земельной общины и расширеніи крестьянскаго землевладѣнія,—то возникаетъ еще слѣдующій рядъ вопросовъ:

Предположимъ, что крестьянское землевладѣніе получило полное, желаемое авторомъ распространеніе, что крестьянамъ перешли земли всѣхъ 210,000 собственниковъ, что единственнымъ хозяиномъ въ Россіи

земли остались одни крестьянскія общины, что, кромѣ того, крестьяне получатъ всѣмъ имъ доступныя школы съ лучшими народными учителями, можно ли и должно ли тогда запретить выходъ изъ общины тѣмъ неумѣлымъ, слабымъ и получившимъ другіе вкусы, потребности и наклонности, кромѣ земледѣлія? Должно ли насильно втискивать такихъ въ общину?

Если такъ, то изъ какихъ источниковъ должны образовываться другіе дѣятели, необходимые для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей общины и общества?

Что касается до обязанности, возлагаемой авторомъ на государство, — миновать для общественнаго развитія ступень образованія третьяго сословія, то и тутъ являются слѣдующіе вопросы:

На какую именно ступень должно вести общество, вмѣсто ступени, соотвѣтствующей развитію третьяго класса?

Должна ли эта ступень представлять усовершенствованную земледѣльческую, или другую общину? Если другую, то какъ къ ней перейти безъ насилій, не принося при этомъ въ жертву значительной части общества, хотя бы 210,000 землевладѣльцевъ? Какими средствами уничтожить неравенство между людьми, не прибѣгая къ прокустову ложу?

Можно ли съ достовѣрностію утверждать, что въ историческомъ развитіи общества не будетъ возникать, въ той или другой формѣ, четвертое, пятое и т. д. сословіе?

Въ заключеніе, да позволено мнѣ будетъ предложить еще послѣдніе вопросы, которые поставятъ, можетъ быть, сущность дѣла въ иномъ видѣ, чѣмъ ставилъ его авторъ статьи:

Можно ли исчисленныхъ авторомъ представителей буржуазіи считать дѣйствительными факторами той исторической ступени, на которую вступаетъ или вступило уже наше общество?

Не представляютъ ли кулаки, кабатчики, подрядчики и другіе только отдѣльныя, временныя явленія, въ слояхъ нашей общины, только признаки временной болѣзни, появленіе которой объясняется патологическимъ состояніемъ всего общества со всѣми его разнообразными факторами, оставленными авторомъ въ сторонѣ?

Не имѣетъ ли каждый слой нашего народа такихъ же вредныхъ осадковъ, или наслоеній, образующихся при патологическомъ состояніи общества въ извѣстный періодъ его развитія, и не имѣющихъ прочной будущности?

Не представляются ли подобными осадками или наслоеніями на сельской общинѣ люди въ родѣ Волкова, о процессѣ котораго разсказываетъ авторъ?

Не представляются ли такими же болѣзненными наростами въ другомъ слоѣ общества Юханцевы, Ландсберги и другіе?

Не является ли дѣйствительнымъ представителемъ и у насъ третьяго сословія возрастающая группа людей интеллигентныхъ, потребности которыхъ составляютъ осуществленіе *правды* и *порядка*?

Не представляются ли временными болѣзненными наростами въ этой послѣдней группѣ люди, не получившіе окончательнаго умственнаго и нравственнаго развитія, достаточнаго и прочнаго образованія, и поставленные черезъ это въ невозможность принять правильное участіе въ общей работѣ для достиженія мирнымъ путемъ правды и порядка, т.-е. болѣе высокой степени общественнаго развитія? Группа, на которой обнаруживаются эти болѣзненные наросты, въ огромномъ большинствѣ своихъ здоровыхъ членовъ, не сознаетъ ли уже размѣръ причиняемаго ей и обществу этимъ наростомъ вреда, и не готова ли она стать на высоту своего положенія и призванія и найти въ себѣ умѣнье, силы и средства для излеченія этой болѣзни, чтобы двинуться потомъ по пути мирнаго прогресса?

Вотъ, цѣлый рядъ вопросовъ, которые требуютъ, по нашему мнѣнію, всесторонняго и самаго безпристрастнаго изученія и оцѣнки со стороны каждаго, кто хотѣлъ бы намъ дать дѣйствительную картину „новыхъ всходовъ", разобраться въ нарождающемся постепенно новомъ порядкѣ вещей и идей, не разсѣкая Гордіева узла и не задаваясь тщетною мыслью отыскать панацею въ чемъ-нибудь одномъ для излеченія многообразныхъ общественныхъ недуговъ.

А. К.

Отъ Редакціи. — Настоящее письмо, съ которымъ обратился къ намъ г. А. К., есть собственно программа тѣхъ частныхъ вопросовъ, которые, по его мнѣнію, требуютъ предварительно обстоятельнаго и всесторонняго изученія, прежде чѣмъ было бы можно рѣшать вопросъ, общій, и вмѣстѣ теоретическій—о пользѣ или вредѣ такъ-называемаго „средняго сословія" и о желательности его или нежелательности въ исторической судьбѣ обществъ. Но въ то время, когда мы печатали письмо г. А. К., въ новой газетѣ „Берегъ" (№ 4) появилась передовая статья, поставившая этотъ же вопросъ о „третьемъ сословіи" въ Россіи и тутъ же рѣшившая, что его въ Россіи нѣтъ, что оно однако необходимо, такъ какъ безъ него не существуетъ переходныхъ „ступеней отъ одного класса къ другому", какія мы видимъ въ Западной Европѣ, и какихъ мы, дѣйствительно, не видимъ въ восточныхъ государствахъ; что, наконецъ, средство къ основанію у насъ „третьяго сословія" весьма простое—но „крайне трудное" — а именно произвести въ среднее сословіе „11 милліоновъ нашихъ раскольниковъ" какъ-бы въ награду за то, что они, „несмотря на суровую разносторонность мѣръ—умѣли завоевать себѣ экономическое благосостояніе и въ то же время воспитать и поддержать въ себѣ духовную самодѣятельность", и вообще за то, что они „во многомъ напоминаютъ тѣ

черты, которыми отличается буржуазія; начать хотя бы съ того, что экономическая подкладка этого быта создана неутомимымъ трудомъ и желѣзной энергіей личной инициативы, боровшейся съ цѣлымъ рядомъ искусственно поставленныхъ помѣхъ;.. далѣе, интеллектуальные интересы очень оживлены среди раскольниковъ;... семейный бытъ раскольниковъ и подавно крѣпокъ;... далѣе, продолжительная необходимость—укрываться и защищаться общими силами,—развила въ раскольникахъ до высокой степени чувство корпоративности, такъ-сказать, инстинктъ общаго интереса, общаго дѣла..." Однимъ словомъ, наши раскольники пріобрѣли всѣ свойства, какія обыкновенно развиваются въ преслѣдуемыхъ, и, по словамъ газеты, „этотъ готовый (для образованія средняго сословія) матеріалъ, въ высшей степени упругій и прочный, нуждается лишь въ одномъ:—въ государственно-юридическомъ признаніи его существованія—возможности занять свое нормальное существованіе". Но между послѣднимъ положеніемъ газеты, противъ котораго никто не споритъ, и ея мыслью пожаловать раскольниковъ въ „среднее сословіе"—цѣлая бездна. Самая возможность такого предложенія служитъ только доказательствомъ того, что у насъ съ одной стороны живы преданія старины, а съ другой—понятія о среднемъ сословіи очень шатки и неопредѣленны. Было время, когда у насъ, замѣтивъ малочисленность городовъ, жаловали сёла въ города, какъ жалуютъ изъ титулярныхъ въ коллежскіе ассессоры, хотя, по правдѣ сказать, многія изъ этихъ пожалованныхъ селъ и до сихъ поръ еще не стали городами, — и вотъ теперь пускается въ ходъ подобная же мысль о пожаловании цѣлаго класса людей въ „среднее сословіе". Въ западной Европѣ „среднее сословіе" явилось результатомъ болѣе широкого развитія политической жизни, и дѣйствительно, среднее сословіе и слагается только тамъ, гдѣ оно пріобрѣтало себѣ политическія права. Объ искусственномъ созданіи средняго сословія никто, нигдѣ и никогда не думалъ, — да и думать объ этомъ было бы невозможно и напрасно. Среднее сословіе свободно и естественно выдѣляется изъ всей массы народа путемъ развитія промысловъ, искусствъ, наукъ, и окончательно формируется подъ вліяніемъ вышеуказаннаго условія, или остается въ зачаточномъ состояніи тамъ, гдѣ оно не встрѣчаетъ такого условія. Мы привели нѣсколько фантастическій проектъ „Верега", какъ доказательство того, что вопросъ о „среднемъ сословіи" не перестаетъ интересовать наше общественное мнѣніе, а также и того, что этотъ вопросъ у насъ разработанъ весьма мало, а потому легко поддается всяческимъ, внезапнымъ и скоропостижнымъ рѣшеніямъ [1]).

---

[1]) Кстати здѣсь сдѣлать ссылку на 504 и 505 страницы этой же книги нашего журнала, гдѣ приводится письмо В. П. Боткина къ П. В. Анненкову, писанное въ 1847 г. и касающееся того же предмета, которое занимаетъ и автора настоящаго письма къ намъ. Объ этомъ вопросѣ, какъ видно, спорили не мало и „люди сороковыхъ годовъ".

ИЗВѢСТІЯ

Отчетъ секретаря Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, за 1879 годъ.

I. Личный составъ.—Къ 1-му января 1879 года числилось въ обществѣ 585 членовъ. Въ теченіи 1879 г. избрано вновь 103. Исключено изъ списка: умершихъ членовъ общества десять; сложившихъ съ себя званіе членовъ общества 3. А всего, за исключеніемъ 13-ти лицъ и поступленіемъ вновь 103, къ 1-му января числилось въ спискѣ 675 лицъ, т.-е. болѣе противъ прошлаго года на 90.

Для замѣщенія 4-хъ открывающихся вакансій на 1880 г., комитетъ избралъ слѣдующихъ лицъ: Н. В. Гербеля, Д. В. Григоровича, А. А. Потѣхина, М. Е. Салтыкова, М. И. Семевскаго, К. М. Станюковича, И. Р. Тарханова и И. С. Тургенева.

Общихъ собраній въ 1879 г. было четыре: одно годовое (2-го февраля) и три обыкновенныхъ (8-го апрѣля, 7-го октября и 30-го декабря). 30-го декабря, вслѣдъ за обыкновеннымъ общимъ собраніемъ было открыто чрезвычайное, для обсужденія замѣчаній министра народнаго просвѣщенія на проектъ устава ссудо-сберегательной кассы при обществѣ и записки, составленной Е. П. Карновичемъ, о мѣрахъ для пріисканія занятій переводчикамъ.

Комитетъ имѣлъ 25 засѣданій.

II. Занятія членовъ общества.—На общихъ собраніяхъ присутствовало: 2-го февраля 28 членовъ; 8-го апрѣля 25; 7-го октября 19; 30-го декабря 25 членовъ. Редакціи „Отечественныхъ Записокъ", „Вѣстника Европы", „Недѣли", „Голоса", „Молвы" и „Русскихъ Вѣдомостей" печатали извлеченія изъ журналовъ комитета и общихъ собраній и годовыхъ отчетовъ секретаря и казначея. Редакціи „Голоса", „Новаго Времени" и „Молвы", кромѣ того, помѣщали въ своихъ изданіяхъ приглашенія членовъ общества въ общія собранія и объявленія о публичныхъ чтеніяхъ въ пользу общества. Редакція „Донской Газеты" (нынѣ прекратившейся) напечатала уставъ общества. Редакція газеты „Сибирь" выразила готовность содѣйствовать цѣлямъ общества. Редакція „Критическаго Обозрѣнія" изъявила согласіе печатать годовые отчеты вполнѣ или въ извлеченіи. Типографія М. М. Стасюлевича безплатно напечатала отчетъ общества за 1878—79 годъ. Кромѣ того, многіе члены общества, вмѣстѣ съ нѣкоторыми постороннимъ лицами, способствовали успѣху данныхъ въ пользу общества публичныхъ чтеній и спектаклей, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

Въ общемъ собраніи 30-го декабря членами ревизіонной комиссіи для обревизованія отчетовъ и дѣятельности комитета избраны по большинству голосовъ: Н. С. Тихонравовъ, А. А. Потѣхинъ, О. Ѳ. Миллеръ, К. М. Станюковичъ, В. А. Полетика, Г. К. Градовскій и М. Е. Салтыковъ.

III. Занятія комитета: А. Денежныя пособія.

1) Пенсіи.—По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, пенсіи производились 12-ти лицамъ по 300 руб. (въ томъ числѣ Дружининская), тремъ по 240 руб., одному 210, одному 200, двумъ по 180, тремъ по 150 и пяти по 120 руб. въ годъ. Всего въ теченіи 1879 года пенсіонеровъ общества было 27, а сумма получаемыхъ ими пенсій составляла 6,140 руб. въ годъ. Но въ теченіи года одна изъ пенсіонерокъ, именно г-жа Дубенская, получавшая Дружининскую пенсію, умерла, вслѣдствіе чего пенсія за послѣднюю треть, уже отправленная къ ней, была возвращена. Затѣмъ одному лицу, получавшему пенсію въ размѣрѣ 180 руб., она увеличена на будущее время до 300 руб.

2) На воспитаніе и ученіе.—По назначенію прежнихъ лѣтъ было выдано шести лицамъ или семействамъ пособій на сумму 738 руб. Въ отчетномъ году возобновлены, продолжены и вновь назначены слѣдующія пособія. За обученіе въ школѣ кройки и шитья дочери писателя, которую, по ея неподготовленности, комитету не удалось помѣстить въ гимназію г-жи Спѣшневой, 150 р.; на воспитаніе дѣтей престарѣлаго и больного писателя 240 р., за обученіе дочери писательницы въ гимназіи 30 р. и за право слушанія ею же лекцій на высшихъ женскихъ курсахъ 25 р.; на воспитаніе дѣтей умершаго писателя продолжено пособіе по 15 р. въ мѣсяцъ; на воспитаніе дѣтей умершаго профессора единовременно 80 р.; на воспитаніе дѣтей писателя 56 р.; на обученіе и воспитаніе сына умершаго писателя 92 р.; на воспитаніе дочери умершаго писателя продолжено на годъ пособіе въ 120 р.; на воспитаніе пріемыша умершаго писателя продолжено такое же пособіе въ 120 р. на одинъ годъ; на воспитаніе сына переводчицы и учительницы 60 р.; на мелкіе расходы по воспитанію сына умершаго писателя 18 р. 45 к.; на воспитаніе сына писательницы 100 р., на воспитаніе дѣтей умершаго писателя получаемое ими пособіе въ 120 р. въ годъ увеличено до 180; на воспитаніе дочери умершаго писателя 50 р. въ годъ на 3½ года. Стипендіатами общества въ петербургскомъ университетѣ назначены студенты перваго курса: Дьяконовъ, Антушевичъ, Сергіевскій и Высоцкій; стипендія имени В. Ѳ. Корша предоставлена студенту 2-го курса Машуркѣ.

3) Продолжительныя и смѣшанныя пособія.—Вдовѣ писателя назначено по 20 р. въ мѣсяцъ на одинъ годъ; больному писателю назначено 100 р. единовременно и затѣмъ по 50 р. въ мѣсяцъ въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ; вдовѣ писателя продолжено на одинъ годъ пособіе по 15 р. въ мѣсяцъ; больному писателю по 20 р. въ мѣсяцъ на полгода; женѣ писателя 100 р. единовременно и по 10 р. въ мѣсяцъ въ теченіи года.

4) Единовременныя пособія—выданы въ теченіи года 54 раза, всего на сумму 3550 р., въ томъ числѣ: 200 р. одинъ разъ; по 150 р. три раза; по 100 р. тринадцать разъ; по 75 р. три раза; по 60 р. два раза; по 50 р. девятнадцать разъ; 40 р. одинъ разъ; 30 р. одинъ разъ; по 25 р. восемь разъ; 15 р. одинъ разъ; по 10 р. два раза. Въ числѣ этихъ пособій нѣкоторыя имѣли спеціальное назначеніе. Такъ, одно изъ пособій въ 50 р. распадается на двѣ части: поло-

вина была выдана просителю, а другая половина внесена въ университетъ за право слушанія лекцій. Въ составъ одного пособія въ 100 р. и одного въ 150 входятъ по 50 р., ассигнованныхъ на похороны. 15 р. выдано на похороны дочери писателя. По поводу этого послѣдняго назначенія и двухъ другихъ еще болѣе мелкихъ выдачъ (по 10 р.) комитетъ считаетъ нужнымъ объяснить, что они только повидимому противорѣчатъ постоянному стремленію комитета оказывать нуждающимся литераторамъ и ученымъ дѣйствительную помощь, насколько это дозволяется средствами общества. Подобныя мелкія выдачи, при всемъ желаніи комитета избѣжать ихъ, обусловливаются иногда точными указаніями самихъ просителей. Такъ именно было въ дѣлѣ назначенія пособія въ 15 р. и одного изъ пособій въ 10 р. При томъ же лицо, получившее пособіе въ 15 р. на похороны дочери, пользовалось и пользуется другими видами помощи со стороны нашего общества. Что касается другого пособія въ 10 р., то хотя лицо, получившее его, просило больше, но комитетъ назначилъ ему 10 р. собственно на проѣздъ въ недалекую провинцію, откуда оно пріѣхало, по его словамъ, для представленія просьбы. Такимъ образомъ, ходатайство его надо, собственно говоря, считать отклоненнымъ. Въ безсрочную ссуду, равносильную, по правиламъ о ссудахъ, безвозвратному пособію, выдано всего 1610 р.; въ томъ числѣ одинъ разъ 300 р., два раза по 200 р., одинъ разъ 150 р., пять разъ по 100 р., два раза по 60 р., два раза по 50 р., одинъ разъ 25 р. и одинъ разъ 15 р. Всего же назначено въ единовременное пособіе и въ безсрочную ссуду 66-ти лицамъ и семействамъ 5,160 р., причемъ двумъ лицамъ назначены упомянутые виды пособія по два раза и одному три раза.

5) Ссуды (срочныя).—Всего въ ссуду выдано въ теченіи 1879 г. девяти лицамъ 2,348 р., въ томъ числѣ: одному лицу 600 р., тремъ по 300 р., двумъ по 200 р., двумъ по 150 р. и одному 148 р.

Б. Недвижимыя пособія.—Комитетъ неоднократно сносился съ редакціями и издателями по просьбамъ сотрудниковъ о посредничествѣ для полученія гонорара. Сношенія эти имѣли слѣдующіе результаты: пять просителей были совершенно удовлетворены; относительно одного комитетъ получилъ обѣщаніе постепенной уплаты гонорара; въ одномъ случаѣ исходъ посредничества былъ рѣшительно неблагопріятный; въ трехъ случаяхъ исходъ остался въ отчетномъ году комитету неизвѣстнымъ. По ходатайству комитета въ истекшемъ году помѣщены въ гимназію г-жи Спѣшневой на безплатныя вакансіи три дочери писателей и освобождена отъ платы ученица гимназіи княгини Оболенской, дочь переводчицы. Сверхъ того комитетъ ходатайствовалъ о помѣщеніи въ гимназію княгини Оболенской на одну изъ предоставленныхъ ею комитету безплатныхъ вакансій дочери умершаго писателя, но воспользовалась ли мать дѣвочки этимъ ходатайствомъ—комитету неизвѣстно. Дочь умершаго писателя помѣщена, по ходатайству комитета, въ Ивановское дѣвичье училище человѣколюбиваго общества за уменьшенную плату, въ размѣрѣ получаемаго ею отъ нашего общества пособія. Комитетъ хлопоталъ о помѣщеніи малолѣтняго сына умершаго писателя въ пріютъ, но до сихъ поръ дѣло это еще не выяснилось. Въ такомъ же неопре-

дѣленномъ положеніи находится дѣло вдовы писателя, которой, независимо отъ выданнаго ей денежнаго пособія, комитетъ старался оказать помощь ходатайствомъ о пособіи изъ другихъ источниковъ и помѣщеніи ея сына въ учебное заведеніе. Хлопоты комитета о поступленіи вдовы писателя на женскіе медицинскіе курсы на нѣкоторыхъ льготныхъ условіяхъ оказались безуспѣшными. Независимо отъ назначенія денежнаго пособія въ 60 р. на воспитаніе сына переводчицы и помѣщеніе дочери ея на безплатную вакансію въ гимназію княгини Оболенской, комитетъ, за смертью самой переводчицы, входилъ въ сношенія съ частными лицами, принимающими участіе въ судьбѣ ея сиротъ, о способахъ ихъ обезпеченія. Но въ настоящее время дальнѣйшая помощь со стороны комитета оказывается излишнею, такъ какъ дѣвочка взята на воспитаніе однимъ изъ членовъ комитета, а воспитаніе мальчика обезпечено частною подпиской. Однимъ изъ членовъ комитета были разсмотрѣны присланныя въ комитетъ двѣ рукописи, одна изъ которыхъ, будучи признана для печати удобною, передана въ редакцію періодическаго изданія. Одному писателю, кромѣ денежнаго пособія, была оказана медицинская помощь и безплатное леченіе въ водолечебницѣ д-ра Афанасьева. Въ пріютѣ г. Мартьянова помѣщены два писателя. Третій, ходатайствовавшій о помѣщеніи его въ тотъ пріютъ, впослѣдствіи, по измѣнившимся обстоятельствамъ, отказался поселиться тамъ, равно какъ и четвертый, которому комитетъ самъ предложилъ одну изъ комнатъ въ домѣ г. Мартьянова.

Отклонено комитетомъ въ 1879 г. 64 просьбы 54-хъ лицъ, въ томъ числѣ: 47 просьбъ о пособіи, 8 о ссудѣ, 4 о безсрочной ссудѣ, 2 о пріисканіи занятій, одна о помѣщеніи въ учебное заведеніе, одна объ отсрочкѣ ссуды и одна о пенсіи.

Подводя итоги своей дѣятельности за истекшій годъ, комитетъ считаетъ долгомъ выразить глубокую благодарность лицамъ, оказавшимъ ему многостороннее содѣйствіе. Принявъ въ руководство замѣчанія прошлогодней ревизіонной коммиссіи, комитетъ постоянно заботился объ увеличеніи средствъ общества, привлеченіи новыхъ членовъ и бо́льшемъ ознакомленіи публики съ дѣятельностью общества. Усилія комитета не встрѣтили равнодушія въ средѣ лицъ, интересующихся положеніемъ нуждающихся литераторовъ и ученыхъ. Возрастающее сочувствіе къ цѣлямъ нашего общества составляетъ самый выдающійся фактъ въ жизни литературнаго фонда за истекшій годъ. Оно выразилось въ очень разнообразныхъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще небывалыхъ до сихъ поръ формахъ и размѣрахъ.

Въ отчетномъ году избрано вновь 103 члена. Чтобы оцѣнить эту цифру вспомнимъ, что въ теченіи 1872 г. было избрано 41, въ 1873—45, въ 1874—67, въ 1875—81, въ 1876—54, въ 1877—24, въ 1878—43 новыхъ члена. Такимъ образомъ, приростъ личнаго состава общества въ истекшемъ году далеко превышаетъ цифры новыхъ членовъ за предыдущіе годы.

Изъ денежныхъ пожертвованій, обращаютъ на себя вниманіе: 1) пожертвованіе въ 1,000 р., завѣщанныхъ пенсіонеркою общества Дубенскою, получавшею такъ-называемую Дружининскую пенсію; деньги

эти комитетъ постановилъ присоединить къ неприкосновенному капиталу общества подъ именемъ капитала отца завѣщательницы, профессора московскаго университета Д. Н. Дубенскаго; 2) пожертвованіе въ 6,152 р. 7 к., завѣщанныхъ инженеръ-генералъ-майоромъ Н. П. Мартыновымъ; комитетъ постановилъ зачислить изъ этихъ денегъ 52 р. 7 к. въ расходный капиталъ, а остальные 6,100 р. обратить въ неприкосновенный капиталъ, подъ именемъ капитала Н. П. Мартынова.

Изъ неденежныхъ пожертвованій на первомъ планѣ стоитъ предложеніе П. К. Мартьянова, который предоставилъ въ распоряженіе комитета часть своего дома на Малой Охтѣ съ тѣмъ, чтобы помѣщеніе это безплатно отводилось нуждающимся литераторамъ и ученымъ или ихъ семьямъ. Сверхъ помѣщенія, г. Мартьяновъ даетъ отъ себя отопленіе и прислугу.

Княгиня Оболенская предоставила въ распоряженіе комитета три безплатныя вакансіи въ своей гимназіи.

С. С. Поляковъ предоставилъ двѣ стипендіи въ учрежденныхъ имъ желѣзнодорожномъ и горнозаводскомъ училищахъ.

Т. П. Пассекъ пожертвовала 10 экземпляровъ своихъ воспоминаній „Изъ дальнихъ лѣтъ".

С. И. Черепановъ пожертвовалъ 50 экземпляровъ своей брошюры „Отрывки изъ воспоминаній сибирскаго казака".

Екатеринославское общество любителей музыки, пѣнія и драматическаго искусства устроило въ пользу нашего общества вечеръ, давшій чистой выручки 72 р. 90 к.—Н. В. Альбертини устроилъ въ Ревелѣ 20-го мая въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ, давшій 150 р. — Г. К. Градовскій доставилъ 68 р. 57 к., вырученные со спектакля, даннаго въ пользу общества 29-го іюля въ Любани.—П. И. Вейнбергъ устроилъ въ пользу общества литературно-музыкальный вечеръ въ Мерекюлѣ 31-го іюля, отъ котораго очистилось 248 р. 50 к.—Всѣмъ участвовавшимъ въ этихъ вечерахъ и способствовавшихъ ихъ успѣху, комитетъ выразилъ глубокую благодарность.

Самимъ комитетомъ были устроены два литературные вечера (9-го и 16-го марта), давшіе 4,856 р. 47 к.; спектакль въ Павловскѣ (24-го іюля), отъ котораго очистилось 1,062 р. 50 к.; литературное утро (28-го декабря), давшее 1,104 р. 30 к. Комитетъ выразилъ глубокую благодарность: П. И. Вейнбергу, Д. В. Григоровичу, Ѳ. М. Достоевскому, А. И. Пальму, А. Н. Плещееву, Я. П. Полонскому, А. А. Потѣхину, М. Г. Савиной, М. Е. Салтыкову и И. С. Тургеневу, принимавшимъ участіе въ чтеніяхъ; М. В. Ватсонъ, Ж. А. Полонской и А. В. Топорову, содѣйствовавшимъ устройству литературнаго утра; артистамъ: Г. Н. Ѳедотовой, Е. А. Семеновой, Е. А. Яблочкиной, Ѳ. П. Гореву, Н. А. Журину, А. И. Трофимову и Ѳ. Ѳ. Тихомирову, отказавшимся отъ платы за участіе въ спектаклѣ.

Заботясь о расширеніи средствъ общества, комитетъ не упускалъ изъ виду своей прямой задачи—улучшенія положенія нуждающихся литераторовъ и ученыхъ.

До сихъ поръ всѣ поступающія въ комитетъ просьбы о пріисканіи работы, преимущественно переводной, отклонялись, такъ какъ, за исключеніемъ весьма немногихъ частныхъ случаевъ, комитетъ не

имѣлъ возможности удовлетворить просителей. Въ виду этого, комитетъ поручилъ одному изъ своихъ членовъ, Е. П. Карновичу, составить записку о мѣрахъ для пріисканія занятій переводчикамъ и переводчицамъ. Записка эта была прочитана въ общемъ собраніи 30-го декабря и принята единогласно.

Отчетъ казначея общества за 1879 годъ.

I. Состояніе кассы къ началу года.

	Руб.	К.
Къ 1-му января 1879 г. въ кассѣ общества состояло. .	74,669	69

Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
a) Процентными бумагами.	73,025	—
b) Наличными и на текущемъ счету. .	1,644	69
	74,669	69

Въ означенной суммѣ состояло капиталовъ:

a) Расходнаго.	36,968	40
b) Неприкосновеннаго (въ томъ числѣ имени: А. А. Краевскаго — 2,250 р., В. П. Гаевскаго, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева — по 1,000 р. и Н. В. Василевскаго — 300 рублей).	24,981	99
c) Капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго.	10,553	25
d) Капитала стипендіи В. Ѳ. Корша. .	2,166	5
	74,669	69

Къ 1-му января 1879 года изъ вышеозначенной суммы 73,025 р., представляющей собою капиталы общества различныхъ наименованій въ процентныхъ бумагахъ, было заложено бумагъ на номинальную сумму 5,200 рублей, за которыя общество состояло должнымъ 3,780 рублей.

II. Приходъ.

Въ теченіи 1879 года на приходъ записано. . . . . 36,774 62 [1])

Въ томъ числѣ:

А) Дѣйствительный приходъ.

	Руб.	К.
1) Пожалованія особъ Высочайшей фамиліи . . .	1,900	—
2) Отъ министерства народнаго просвѣщенія. . .	1,000	—
3) Единовременныя пожертвованія частныхъ лицъ.	9,824	91
4) Годовые членскіе взносы.	5,567	—

[1]) По ежемѣсячнымъ вѣдомостямъ: 37,774 р. 62 к., такъ какъ перечисленный изъ расходнаго въ неприкосновенный капиталъ Д. Н. Дубенскаго записанъ въ вѣдомостяхъ на приходъ и выписанъ въ расходъ.

5) Пожизненные членскіе взносы		600 —
6) Отъ литературныхъ чтеній, спектаклей и проч.		7,490 34
7) Доходы съ капиталовъ:		
a) Общества	3,521 р. 12 к.	
b) Стипендіи Е. П. Ковалевскаго.	556 „ 50 „	
c) „ В. Ѳ. Корша. . .	122 „ 50 „	
		4,200 12
8) Возврата пособій безсрочныхъ ссудъ и пенсій		200 —
9) Проценты по срочнымъ ссудамъ.		114 —
10) Возвращены % при выкупѣ заложен. бумагъ.		28 25
B. По оборотамъ кассы.		
11) Возвратъ срочныхъ ссудъ.		1,750 —
12) Куплено % бумагъ для расх. кап. общества.		1,700 —
13) „ „ „ „ неприкосновен. кап.		1,800 —
14) „ „ „ „ капитала Е. П. Ковалевскаго		600 —
Всего записано на приходъ . . .		36,774 62

III. Расходъ.

Руб. К.

Въ теченіи 1879 года въ расходъ выписано. . . . . 26,864 25 [1])

Въ томъ числѣ:

А. Дѣйствительнаго расхода.

	Руб. К.
1) Единовременныя пособія	3,012 50
2) Безсрочныя ссуды.	2,265 —
3) Пособія на воспитаніе.	2,906 45
4) Тоже изъ капитала Е. П. Ковалевскаго. . .	450 —
5) „ „ „ В. Ѳ. Корша.	140 —
6) Продолжительныя пособія	920 —
7) Пенсіи	6,140 —
8) Пересылка суммъ (въ томъ числѣ 2 р. 56 к. изъ суммъ Ковалевскаго).	39 49
9) За храненіе капитала (въ томъ числѣ 2 р. 95 к. изъ суммъ Ковалевскаго и 2 р. 15 к. изъ капитала Корша) и за гербовыя марки .	18 40
10) Проценты по залогу бумагъ.	24 15
B. По оборотамъ.	
1) Срочныя ссуды.	2,348 —
2) Выкуплены заложенныя % бумаги общества на номинальную сумму 5,200 рублей. . . за	3,780 42
3) Заплачено за купленныя для общества % бумаги на номинальную сумму 3,500 рублей. .	3,250 88
4) Заплачено за купленныя для капитала Е. П. Ковалевскаго % бумаги на номинальную сумму 600 рублей.	568 96
А всего выписано въ расходъ.	25,868 41

[1]) По приходорасходной книгѣ—25,868 р. 41 к.

IV. Состояніе кассы къ 1-му января 1880 года.

	Руб.	К.
Къ 1-му января 1880 года записано на приходъ. . .	111,444	31
» » » » » выписано въ расходъ. . .	25,868	41
Затѣмъ состоитъ къ 1-му января на лицо	85,575	90

Въ томъ числѣ:

	Руб.	К.
a) Процентными бумагами.	83,325	—
b) Наличными и на текущемъ счету. .	2,250	99

Въ означенной суммѣ состоитъ: расходнаго капитала общества—39,969 р. 11 к.; неприкосновеннаго капитала (въ томъ числѣ имени: Н. П. Мартынова—6,100 р., А. А. Краевскаго—2,250 р., В. П. Гаевскаго, Д. Н. Дубенскаго, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева — по 1,000 р., и Н. М. Василевскаго — 300 р.) — 32,775 р. 11 к., капитала Е. П. Ковалевскаго — 10,685 р. 28 к. и капитала В. Ѳ. Корша—2,146 р. 40 к.

Къ 1-му января 1880 года общество ничего не состоитъ должнымъ по заложеннымъ процентнымъ бумагамъ.

Къ 1-му января 1880 года общество имѣетъ въ долгу за разными лицами по срочнымъ ссудамъ—1,508 р.

Въ томъ же годовомъ общемъ собраніи, взамѣнъ выбывшихъ на основаніи § 20 устава, въ члены комитета избраны по большинству голосовъ: М. Е. Салтыковъ, А. А. Потѣхинъ, Д. В. Григоровичъ и И. С. Тургеневъ.

Избраны на 1880 годъ: предсѣдателемъ *В. П. Гаевскій* (Литейная, 48), помощникомъ предсѣдателя *А. А. Краевскій* (Литейная, 38); секретаремъ *Н. К. Михайловскій* (Бассейная, 33); казначеемъ Ѳ. Ѳ. Воропоновъ (Большая Московская, 9).

ОПЕЧАТКА.

Въ мартовской книгѣ, на стр. 17, строка 1 сверху, напечатано: *лопата*, вмѣсто: *лапотной*.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1880.

Книга третья.—Мартъ.

стр.

Замѣчательное десятилѣтіе.—1838—1848 гг.—Изъ литературныхъ воспоминаній.—XVI-XXIV.—П. В. АННЕНКОВА 5

Современная глушь.—Мученикъ захолустья.—В. Н. НАЗАРЬЕВА . . . 58

Послѣдній романъ въ жизни Лассаля.—Очеркъ.—В. К. 117

Изъ дневника познанскаго учителя.—Разсказъ Литвоса.—Н. 179

Итальянская новелла и Декамеронъ.—Историко-литературные очерки.—VI-VIII.—А. А. 197

Новый помѣщикъ.—Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Іокая.—Съ венгерскаго.—VI-VIII.—М. П—ой. 251

Записки Степняка.—III.—Обличитель.—IV.—Полоумный.—А. И. ЭРТЕЛЬ 286

Хроника.—Литературное Обозрѣніе.—I. Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи 1855—1880 гг. Сост. п. р. г.-л. Богдановича. Т. I-IV.—М. Б.—II. Заботы патріота, В. Вѣлчка.—А. А.—III. Нравственная философія утилитаризма, А. Мальцева.—La morale anglaise contemporaine, par. M. Guyau.—IV. Ученіе Оригена о св. Троицѣ, В. Болотова.—V. Обзоръ литературы по вопросу о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, А. Субботина.—VI. Шекспиръ, критическое изслѣдованіе его мысли и творчества, Эд. Даудена.—VI. La philosophie expérimentale en Italie, par A. Espinas.—К. К.—Еще два слова о руководствѣ г. Орлова.—А. А. 315

Наша золотопромышленность и ея условія.—П. Р—въ. 354

Внутреннее Обозрѣніе.—Учрежденіе верховной распорядительной комиссіи.—Слово къ жителямъ столицы ея Главнаго Начальника.—По поводу событія пятаго февраля.—Февраль 1855—февраль 1880.—Основныя положенія тюремнаго преобразованія и новаго уголовнаго кодекса.—Предполагаемыя измѣненія въ пенсіонномъ уставѣ.—Преобразованія въ лицеѣ и училищѣ правовѣдѣнія.—Что нужно прежде: мѣры или люди? . . 392

Парижскія Письма.—Вознагражденіе литературнаго труда во Франціи.—LV.—ЭМ. ЗОЛА. 420

Некрологъ.—И. И. Срезневскій.—А. Н. ПЫПИНА 447

Библіографическій Листокъ.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. С. Соловьева. Т. XXIX.—Макіавелли, какъ политическій мыслитель. А. С. Алексѣева.—Исторія корабля, въ двухъ томахъ. Н. Боголюбова.—Князь Серебряный, Н. Трескина.

Книга четвертая.—Апрѣль.

стр.

Замѣчательное десятилѣтіе. — 1838 — 1848 гг. — Изъ литературныхъ воспоминаній.—XXV-XXXI.—П. В. АННЕНКОВА 457

Русскій расколъ и законодательство.—Историческіе очерки изъ новѣйшихъ временъ.—I-III.—Е. Р. 507

Деревенскіе мірозды.—Очерки.—I. Дѣдушка Николай Иванычъ. — АЛЕКСѢЯ ПОТѢХИНА 553

Итальянская новелла и Декамеронъ. — Историко-литературные очерки.—IX-X.—А. А 575

Новый помѣщикъ.—Романъ, въ двухъ частяхъ, Мавра Іокая.—Съ венгерскаго.—Вторая и послѣдняя часть.—М. П—ой 620

Польскій вопросъ въ русской литературѣ.—IV.—А. Н. ПЫПИНА 686

Стихотворенія.—I. На закатѣ.—II. Тоска по родинѣ.—III. Надъ бездной.—Н. Б. 710

Хроника.—Наши 252 представителя.—Изъ общественной жизни города Петербурга.—К. ОРД. 713

Литературное Обозрѣніе.—I. М. Ковалевскій, Англійская конституція и ея историкъ.—II. Н. Куплевасскій, Административная юстиція въ западн. Европѣ: Франція.—III. И. Янжулъ, Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ.—IV. И. Кашкаровъ, Нужды русскаго народа.—V. Ежегодникъ министерства финансовъ, в. X. — К. К. Peter the Great, by Eug. Schuyler, I-II.—А. А. 746

Пергамскія раскопки.—Письмо въ редакцію.—ИВ. С. ТУРГЕНЕВА 767

Внутреннее Обозрѣніе.—Третье отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи.—Отзывы въ печати на обращеніе правительства къ общественной поддержкѣ.—Начальныя городскія училища въ С.-Петербургѣ.—Настоящее положеніе нашихъ военно-учебныхъ заведеній.—Вопросъ объ усыновленіи незаконнорожденныхъ дѣтей.—Улучшеніе состава присяжныхъ засѣдателей.—Новая газета „Берегъ“ о реальныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.—Къ свѣдѣнію редакціи „Голоса“. 772

Корреспонденція изъ Берлина.—Сессія рейхстага предъ пасхальными вакаціями.—К 806

Парижскія Письма.—LVI.—Мадамъ Сурди.—ЭМ. ЗОЛА 828

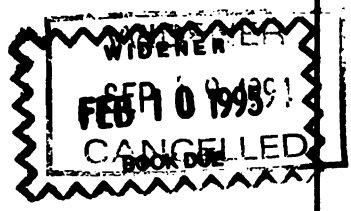
Письмо въ Редакцію.—Нѣсколько вопросовъ, по поводу разсужденій о нашемъ „третьемъ сословіи“.—А. К. 857

Извѣстія. — Отчетъ секретаря общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, и Отчетъ казначея общества за 1879 г. 867

Библіографическій Листокъ. — Всеобщая исторія литературы, В. Ѳ. Корша. Вып. I.—Князь Серебряный, гр. А. К. Толстого. 4-е изд.—Экономическое значеніе машинъ, Ѳ. Е. Орлова.—Полное собр. сонетовъ Шекспира, въ перев. Н. Гербеля.— Польскія сказки, изложенныя по Войницкому и Балинскому.

JUL 22 1982

3 2044 024 073 439

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413